

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

MG 1.2

1861

Harvard College Library

GIFT OF

Archibald Cary Coolidge, Ph.D.

(Class of 1887)

ASST. PROFESSOR OF HISTORY

Received 8 Dec. 1900.

BYZANTINA CHRONIKA

ΤΟΜΟΣ ΤΕΤΑΡΤΟΣ

ВИЗАНТИЙСКІЙ ВРЕМЕННОИЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ

ПОДЪ РЕДАКЦИЮ

В. Г. Васильевскаго

Ординарнаго Академика.

И

В. Э. Рогова

Пр.-Док. Сиб. Университета.

ТОМЪ IV.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1897.

КОМИССИОНЕРЪ:

С.-Петербургъ.

К. Л. Риккеръ, Невскій пр. 14.

Leipzig.

К. Л. Ricker, Königsstr. 20.

MB 1.2

123/4

Received 8 Dec. 1900.

Dr. A. C. Coolidge.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Декабрь 1897 г.

Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

Ἐκδίδεται τύποις ἐγκρίσει τῆς Ἀυτοκρατορικῆς Ἀκαδημίας τῶν Ἐπιστημῶν.
Ἐν Πετροπόλει, μηνὶ Δεκεμβρίῳ ἔτους 1897-ου.

Ὁ ἰσόβιος γραμματεὺς, ἀκαδημεικὸς *Ν. Δουμπρόβιν*.

**ΟΓΛΑВΛΕΝΙΕ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.
ΠΕΡΙΕΧΟΜΕΝΟΝ ΤΟΥ ΤΕΤΑΡΤΟΥ ΤΟΜΟΥ.**

ΟΤΔΎΛΉ Ι.

ΜΕΡΟΣ Α'.

ΙΣΟΛΎΔΟΒΑΝΙΑ И ΜΑΤΕΡΙΑΛΥ.

Μελέται καὶ ὕλαι.

	Стр.
Χριστιανικῆς мозαикῆς Κίπρῳ. Σὺ 2 таблицами. Я. И. Смирнова. Χριστιανικὰ ψηφιδωτὰ ἐν τῇ νήσῳ Κύπρῳ (μετὰ 2 εἰκόνων) ὑπὸ 'Ι. 'Ι. Σμυρνῶφ	1
Κὺ Anecdota Graeco-Byzantina Βασιλῆβα. Н. Г. Политиса. Διορθωτικὰ πινᾶ εἰς τὰ Anecdota Graeco-Byzantina τοῦ Vassiliev ὑπὸ Ν. Г. Πολίτου	94
Ο Προδρομαὺ Θεοδωρῆ и Иларіонῆ Г. Н. Хаджидакиса. Περὶ τῶν Προδρόμων Θεοδώρου καὶ 'Ιларіωνος ὑπὸ Г. Ν. Χαδζιδάκι. Часть Равеннского диптиха въ собраніи графа Г. С. Строганова. Σὺ 2 таблицами. Д. Айналова.	100
Τεμάχιον διπτύχου ἐκ 'Ραβέννης, εὑρισκόμενον ἐν τῇ συλλογῇ τοῦ κόμητος Г. Σ. Στρόγανωφ ὑπὸ Δ. Αἰνάλωφ	128
Αнонимная греческая статья о преимуществах Константино- польскаго патриаршаго престола и древне-славянскій пере- водъ ея сὺ двумя важными дополненіями. А. Павлова.	
'Ανώνυμον ἑλληνικὸν κείμενον περὶ τῶν προνομίων τοῦ ἐν Κ/πόλει πα- τριαρχικοῦ θρόνου, ἐκδιδόμενον μετὰ τῆς παλαιοσλαβικῆς αὐτοῦ μεταφράσεως ὑπὸ Α. Παύλωφ	143
Греческая запись о церковномъ судѣ надъ убійцами, прибѣгаю- щими подъ защиту церкви. А. Павлова.	
*Εν ἑλληνικὸν κείμενον ἐκκλησιαστικῆς ἀποφάσεως περὶ τῶν πρὸς τὴν ἐκκλησίαν προσερχομένων φονέων ὑπὸ Α. Παύλωφ	155
Синодальная грамота 1213 года о бракѣ греческаго императора сὺ дочерью армянскаго князя. А. Павлова.	

	Стр.
Συνοδικὸν γράμμα τοῦ 1213-ου ἔτους περὶ γάμου τινὸς μεταξὺ Ἑλλη- νος αὐτοκράτορος καὶ τῆς θυγατρὸς Ἀρμενίου ἡγεμόνος ὑπὸ Ἀ. Παύλωφ.....	160
Парижская рукопись хроники Симеона Логовета. С. Шестакова. Ὁ Παρισινὸς κἀδιξ τοῦ χρονικοῦ Συμεῶνος τοῦ Λογοθέτου ὑπὸ Σ. Σε- στακῶφ.....	167
Гдѣ находилась вичинская епархія константинопольскаго патри- архата? Ю. Кулаковскаго.	
Περὶ τῶν ὀρίων τῆς ἐκκλησιαστικῆς ἐπαρχίας Βιτζίνης τῆς ὑποκειμένης ποτὲ τῷ πατριαρχείῳ Κ/πόλεως ὑπὸ Ἰ. Κουλακόφσκη.....	315
Описание нѣкоторыхъ греческихъ Житій святыхъ. Хр. Ло- парева.	
Περὶ τινων βίων ἀγίων ἑλληνοιστὶ γεγραμμένων ὑπὸ Χρ. Λόπαρεβ....	337
О Тайной Исторіи Прокопія (окончаніе) Б. Панченко.	
Περὶ τῶν Ἀνεκδότων τοῦ Προκοπίου ὑπὸ Μ. Πάντζεγχο (τέλος).....	402
Югославянская передѣлка Зонары. П. Лаврова.	
Νοτιοσλαβικὴ παράφρασις τῶν παραλιπομένων τοῦ Ζωναρᾶ ὑπὸ Π. Λα- βρῶφ.....	452
Измѣненіе въ направленіи четвертаго крестоваго похода. П. Ми- трофанова.	
Περὶ τῆς μεταβολῆς τοῦ ἀρχικοῦ σχεδίου τῆς τετάρτης σταυροφορίας ὑπὸ Μ. Μητροφάνωφ.....	461
Замѣтки по древностямъ Константинополя. IV—VI. Гавр. Ла- скина.	
Σημειώσεις περὶ τινων ἀρχαιοτήτων τῆς Κ/πόλεως ὑπὸ Γ. Λάσκιν ...	524

ΟΤΔѢΛЪ II.

ΜΕΡΟΣ Β'.

1. 2. ΚΡΙΤΙΚΑ И ΒΙΒΛΙΟΓΡΑΦΙΑ.

Α'. Β'. Βιβλίων ἐπικρίσεις καὶ βιβλιογραφία.

Айналовъ, Д. В., Мозаики IV и V вѣковъ. Рец. А. Щукарева ...	218
Алмазовъ, А., Къ исторіи молитвъ на разные случаи.....	255
— Тайная исповѣдь въ православной восточной церкви. I—III.	256, 674 692
Андреевъ, Иванъ, Константинопольскіе патриархи отъ времени Халкидонскаго собора до Фотія. Рец. Н. Красносельцева ..	192
— Св. Германъ, патриархъ Константинопольскій.....	688

	Стр.
Арсеній, Епископъ, Николая Гидрунтскаго три записи	244
— Георгія Схоларія, патріарха Константинопольскаго, разговоръ	245
Беглери, Г. П., Храмъ святыхъ апостоловъ и другіе памятники Константинополя по описанію Константина Родія	187, 266, 272
Благоразумовъ, Владиміръ, іеромонахъ, Св. Аванасій Александрійскій	259
Бѣляевъ, Д. Ѳ., Придворный и церковный уставы о положеніи Евдома	255
Галустъ Търъ-Миртъчянъ (Міабанъ). Изъ источниковъ Агаангела. Рец. Н. Марра	667
Герцбергъ, Г. Ф., Исторія Византіи. Переводъ П. В. Безобразова	250, 691
Голубцовъ, А., О древнѣйшихъ изображеніяхъ Божіей Матери	264
— Происхожденіе, назначеніе и устройство римскихъ катакомбъ	686
Грибовскій, В. М., Народъ и власть въ византійскомъ государствѣ. Рец. Э. Гримма	248, 266, 628, 692
Дмитріевскій, А. А., Описаніе литургическихъ рукописей. I. Толкѣя. Рец. Н. Красносельцева	587
— Толкѣя. Addenda et corrigenda. Рец. Н. Красносельцева	263, 587
Добруски, В., Материалы по археологіята на България	744
Додю, Гастонъ, Исторія монархическихъ учреждений въ латиноіерусалимскомъ королевствѣ (1099—1291 г.). Переводъ	251, 691
Златарски, В. Н., Писмата на византійския императоръ Романа Лакапена до болгарския царь Симеона	735
— Студии по българската история	749
Извѣстія Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ. I. Рец. Е. Рѣдина	227
Истрина, Василія, командированнаго за границу приватъ-доцента Московскаго университета, отчетъ за вторую половину 1894 года	261
— Александрія русскихъ хронографовъ. Рец. А. Веселовскаго	533
— Сказаніе объ Индѣйскомъ царствѣ. Рец. А. Веселовскаго	533
Каптеревъ, Н., Господство грековъ въ іерусалимскомъ патріархатѣ	689
Карановъ, Е., Памятници отъ Кратово	745
Карбеловъ, П., Алавердское пергаментное четвероевангеліе XI вѣка	687
Колоколыцовъ, В., Румынская церковь	685
Коршъ, Ѳ. Е., Мысли о происхожденіи ново-греческаго языка	253
Красносельцевъ, Н. Ѳ., Преніе Панагіота съ Азимитомъ по новымъ греческимъ спискамъ	254
— Къ изученію «Типика Великой Церкви»	254
Куглеръ, Бернгардъ, Исторія крестовыхъ походовъ. Переводъ	259, 691

	Стр.
Кулаковскій, Юліанъ, Древности южной Россіи	260
— Гдѣ былъ построенъ императоромъ Юстиніаномъ храмъ для Авазговъ	686
Ижичевъ, В., Новонайдени охридски старина	745
Латышевъ, В. В., Сборникъ греческихъ надписей христіанскихъ временъ изъ Южной Россіи. Ред. Ю. Кулаковского	232
Лебедевъ, А. П., Эпоха гоненій на христіанъ и утверженіе хри- стіанства при Константинѣ Великомъ	248, 691
Леонидъ, Архимандритъ, Хожденіе архимандрит Агреевеня объ- телі Пресвящяя Богородица около 1370 года	243
Лопаревъ, Х., Опытъ толкованія нѣкоторыхъ мѣстъ въ памятни- кахъ древне-русской письменности	684
Лопухинъ, А., Св. Іоаннъ Златоустъ, какъ проповѣдникъ чело- вѣколюбія и милостыни	262
Лѣтопись Историко-Филологическаго Общества при Император- скомъ Новороссійскомъ Университетѣ	252
Милетичъ, Д-ръ Л., Нови влахо-български грамоти отъ Брашовъ. — Семиградскитѣ българии	747 747
Митякинъ, А., Рождество Христово по изображенію его въ искус- ствѣ	262
Мочульскій, В., Апокрифическое сказаніе о созданіи міра	255
Мурносъ, Г., Путешествіе антиохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка	257, 263, 265, 690, 692
Натроевъ, А., Новый вариантъ грузинской библии	688
Неновъ, Юрданъ, Автобиографія	738
Памятники древне-русской церковно-учительной литературы. Вы- пускъ III	683
Паладимитріу, С. Д., Стефанъ Сахликисъ и его стихотвореніе «Αφήγησις παράξενος». Ред. А. Никитскаго	253, 653
Паладопуло-Керамевсъ, А., Святѣйшаго патріарха Фотія XLV не- изданныхъ писемъ	246, 691
— Сборникъ источниковъ по исторіи Трапезунтской имперіи. I.	682
Петровскій, С., священникъ, Очерки изъ исторіи христіанскаго законоучительства	264
Покровскій, Н. В., Сійскій иконописный подлинникъ. II	256
Преображенскій, Василій, священникъ, Преподобный Теодоръ Сту- дить и его время (759—826 г.)	257, 266
Пушъ, Эме, Св. Іоаннъ Златоустъ и нравы его времени. Пере- водъ	258, 266, 690
Рѣдинъ, Е., Профессоръ Никодимъ Павловичъ Кондаковъ	257
Сборникъ за народни умотворенія, наука и книжнина. Книга XIII	735
Сладкопѣвцовъ, Петръ, Древнія палестинскія обители и просла- вившіе ихъ святые подвижники. IV	257

	Стр
Соколовъ, И. , О народныхъ школахъ въ Византии съ половины IX до половины XV вѣка (842—1453 г.).....	263
Соколовъ, П. , Церковноимущественное право въ греко-римской имперіи	249, 266
Соловьевъ, М. , Проповѣди Никифора Θεотоки	685
Сласскій, Ал. , Аполлинарій Лаодикійскій.....	272
Спространовъ, Е. , По възражданье то на градъ Охридъ.	738
Тихановъ, П. , Терновскій календарь 1275 года по списку Франца Миклошича.	258
Тихонравовъ, Н. С. , и Долговъ, С. , Хожденіе священно-инока Варсонофія ко святому граду Іерусалиму въ 1456 и 1461—1462 годахъ	242
Франко, Д-ръ Ив. , Притчата за еднорога и нейниятъ български вариантъ	746
Халатъянцъ, Г. , Армянскій эпосъ въ исторіи Арменіи Моисея Хоренскаго.	700
Цвѣтковъ П. , 1) Пѣсни Богоматери. 2) Пѣснь св. Романа Сладкопѣвца	265
Церетем, Григорій , Сокращенія въ греческихъ рукописяхъ . . .	246, 277
Шахматовъ, А. , Исходная точка лѣтосчисления «Повѣсти временныхъ лѣтъ».	261
Шиммановъ, Д-ръ Ив. Д. , Пѣсенъта за мъртвия братъ въ поезията на балканскитѣ народи	746
Щепкинъ, В. , Фигура пастыря-старца на иконѣ Рождества Христова.	686
— Два лицевыхъ сборника Историческаго Музея.	687
Θεοδωριτα, епископа Киррскаго , Отвѣты на вопросы. Изд. А. Пападопуло-Карамевса. Рец. Е. Курцъ	615
* * * Пжтуванье по долинитѣ на Струма, Места а Бръгаиница .	745
Aegyptische Urkunden aus den königlichen Museen zu Berlin. Arabische Urkunden. I, 1.	700
Allard, Paul , Le christianisme et l'empire romain de Néron à Théodose	707, 711
Ambrosoli, Solone , Vocabolarietto pei Numismatici.....	722
Anonymus, S. Macarii monasterii Pelecetes hegumeni acta graeca. — Vita Sanctae Olympiadis et narratio Sergiae de ejusdem translatione	707
Arnim, J. de , Dionis Prusaensis, quem vocant Chrysostomum, quae exstant omnia. vol. II.....	273
Aršak Ter-Mikelian , Die armenische Kirche in ihren Beziehungen zur byzantinischen	272
Asmus, J. K. , Ein Bindeglied zwischen der pseudojustinischen Cohortatio ad graecos und Julians Polemik gegen die Galiläer....	706

	Cp.
Avril, A. d' , La lettre d'Anastase le bibliothécaire	278
— La Serbie chrétienne	279
— Bulgarie chrétienne	720
Barczay, Oskar , cm. Vari.	700
Bardenhewer, O. , Ungedruckte Excerpte aus einer Schrift des Patriarchen Eulogius v. Alexandrien (580—607)	274
— Der Name Maria. Geschichte der Deutung desselben	277
Battifol, Pierre , Anciennes littératures chrétiennes. La littérature grecque	717
Bessarione , Pubblicazione periodica di studi orientali	282, 722
Bidez, J. , et L. Parmentier , Notes sur quelques manuscrits de Patmos	278
— La tradition manuscrite de la vie de Saint Théodose par Théodore, d'après le Patmiacus 273	697, 713
— De la place de Nicéphore Callistos Xanthopulos dans la tradition manuscrit d'Evagrius	715
Bloch, E. , L'Histoire d'Alep de Kamal-ad-Dîn	719
Bojarski , Historia Focysza	752
Bonwetsch, N. , Die apokryphen Fragen des Bartholomaeus	707
Boor, C. de , Die Chronik des Logotheten	693
— Ein angebliches byzantinisches Mysterienspiel	699
Botti, G. , Fouilles à la colonne Théodosienne	721
Brandileone, F. , et V. Puntoni , Prochiron Legum publicato secondo il codice Vaticano greco 845	282
Brightman, F. E. , Liturgies eastern and western	283
Brooks, E. W. , On the lists of the patriarchs of Constantinople from 638 to 715	267, 284
Brückner, Max , Zur Beurteilung des Geschichtschreibers Prokopius von Cäsarea	273
Budge, E. A. Wallis , The life and exploits of Alexander the Great. Ρεϋ. A. Βεσελοβσκαρο	533
Bursy, Bernhardus , De Aristotelis Πολιτείας 'Αθηναίων partis alterius fonte et auctoritate	701
Bury, J. B. , Note on Zosimus V, 46	283
— Johannes Malalas, the text of the codex Baroccianus	692
— Zu einer Stelle der Chronik des Theophanes	698
— Inedita Nicephori Blemmydae	698, 726
— Iveron and our Lady of the Gate	725
Büttner-Wobst, Th. , Die Verehrung der heiligen Glykeria	269
Caro, G. , Zur Chronologie der drei letzten Bücher des Pachymeres	270
Carraroli, Dario , La leggenda di Alessandro Magno. Ρεϋ. A. Βεσελοβσκαρο	533
Carrière, A. , La légende d'Abgar dans l'histoire d'Arménie de Moïse de Khoren	700
Casanova, P. , Numismatique des Danichmendites	713

	Cp.
Castellani, Giorgio , Un traité inédit en grec de Cyriaque d'Ancona	278
— Documenti Veneziani inediti relativi a Francesco e Mario Fillelfo	281
— Il prestito dei codici manoscritti della biblioteca di S. Marco in Venezia	722
Castonnet-Des-Fosses, H. , L'Abyssinie et les Italiens	721
Chabot, J. B. , Le livre de la chasteté, composé par Jesdanah, évêque de Baçrah	281
Chalathiantz, Gregor , Fragmente iranischer Sagen bei Grigor Magistros	701
Christensen, H. , Die Vorlagen des byzantinischen Alexandergedichtes. Pen. A. Βεσελοβερκαρο	533
Chronica minora saec. IV, V, VI, VII ed. Theodor Mommsen. III, 3.	273
Clugnet, Léon , Dictionnaire grec-français des noms liturgiques en usage dans l'église grecque	278, 717
Comparetti, D. , La Guerra Gotica di Procopio di Cesarea	281
Contzen, P. Benedict, O. S. B. , Die Regel des heiligen Antonius ...	274
Conybeare, F. C. , Philo about the contemplative life	277
— Talmudic elements in the «Acts of Abercius»	283
— On the sources of the text of S. Athanasius	284
— Ananias of Shirak	699, 726
Couret, Le Comte , La prise de Jérusalem par les Perses en 624 ...	718
Crampe, R. , Noch einmal Philopatris	271
Cumont, Franz , L'astrologue Palchos	712
— Les Actes de S. Dasius	718
Delehaye, Hipp. , Une épigramme de l'Anthologie Grecque	278
— La vie d'Athanase patriarche de Constantinople	718
Derenbourg, H. , Souvenirs historiques et récits de chasse par un émir Syrien du XII-e siècle	279
— Les croisades d'après le dictionnaire géographique de Jákoût.	279
Didon, Fr. , Constantinople, le Mont Athos, la Grèce	712
Diehl, Ch. , L'Afrique Byzantine	278, 721
— L'origine du régime des thèmes dans l'empire byzantin	280
— Mosaïques byzantines de Saint Luc	711, 721
Diekamp, Franz , Das Zeitalter des Erzbischofs Andreas von Cäsarea.	705
Dieterich, A. , Die Grabschrift des Aberkios	277, 710
Dionis Cassii historiarum Romanarum quae supersunt. Ed. U. P. Boissvain. I.	702
Dodu, Gaston , Histoire des institutions monarchiques dans le royaume latin de Jérusalem 1099—1291	272
— De Fulconis Hierosolymitani regno	272
Dom Bassi , Due altri codici inesplorati dell' opuscolo di Pediasimo περι τῶν δώδεκα ἄθλων τοῦ Ἡρακλέους	281
Dräseke, J. , Prokopios' von Gaza «Widerlegung des Proklos»	268
— Michael Psellos im «Timarion»	698

	Cp.
Dräseke, J. , Dionisische Bedenken	705
Duchesne, L. , Les missions chrétiennes au sud de l'empire romain . .	279
— Les premiers temps de l'état pontifical	279, 713
Ehrhard, A. , Die Legendensammlung des Symeon Metaphrastes und ihr ursprünglicher Bestand	275, 710
Eisenhofer, Ludwig , Procopius von Gaza	704
Elter, A. , Johannes Kotrones, der Verfasser des Hermippus und an- derer Dialoge?	272
— De Gnomologiorum graecorum historia atque origine	702
Ermoni, V., C. M. , De Leontio byzantino et de ejus doctrina christo- logica	699
Eusebii Caesariensis de martyribus Palaestinae longioris libelli frag- menta	706
Ferradou, André , Des biens des monastères à Byzance.	720
Ferrini, C. , Notizie su alcuni manoscritti importanti per la storia del diritto greco-romano	271, 283
— I commentarii di Gaio e l'indice greco delle Istituzioni . . .	698, 723
Festa, N. , Indice de' codici greci di Luca e di Pistoia	722
Fournier, A. , Sur une formule magique de guérison	278
Franchi de Cavalieri, Pio , La passio SS. Perpetuae et Felicitatis. . . .	277
Freymond, E. , Altfranzösisches Kunstepos und Romane	703
Führer, Joseph , Eine wichtige Grabstätte der Katakombe von S. Gio- vanni bei Syrakus	276
Funk, Konstantin der Grosse und das Christentum	275
G., P. L. de, S. J. , Un monument de la foi du second siècle. L'épi- taphe d'Abercius	718
Gaster, M. , An old hebrew romance of Alexander. Рец. А. Веселовскаго.	533
Germer-Durand, Épigraphe Palestinienne	279
Gheyn, J. van den, S. J. , Le siège épiscopal de Diaulia en Phocide. 269,	280
Goetz, Leopold Carl , Geschichte der Slavenapostel Konstantinus und Methodius.	705
Graeven, Hans , Antike Vorlagen byzantinischer Elfenbeinreliefs. . . .	709
Graus, Joh. , Ein byzantinisches Marienbild zu Rein.	708
Grisar, H. , Una imitazione dell' Apostoleion di Constantinopoli a Roma nel VI secolo	723
— L'omoforio o pallio Sacro di Grottaferrata	723
Grosspietsch, Aug. , De τετραπλῶν vocabulorum genere quodam.	272
Groutars, Mgr. De , Les Italo-Grecs. Leur langue et leur origine. . .	716
Gudeman, Alfred , Conjectural restoration of the so-called Carmen Gothicum	724
Hagenmeyer, H. , Der Brief des Kaisers Alexios I. Komnenos an den Grafen Robert I. von Flandern	267
Hahn, August , Bibliothek der Symbole und Glaubensregeln der alten Kirche.	704

	Стр.
Halmel, Anton, Die Entstehung der Kirchengeschichte des Eusebius von Cäsarea	274
Harnack, Adolf, Geschichte der altchristlichen Litteratur bis Eusebius. II	704
Hauler, Edmund, Eine lateinische Palimpsestübersetzung der Didascalia apostolorum	274
Haurý, J., Zur Beurteilung des Geschichtschreibers Procopios von Cäsarea	701
Hatzidakis, G. H., Ein verkanntes Sprichwort	697
Heiberg, J. L., Bibliotheksnotizen	703
Heldreich, Th. de, Χλωρίς ὀμηρικῆ	733
Henkel, Friedrich, Der Lorscher Ring	276
Hesseling, D. C., Les cinq livres de la loi	711
Hirsch, F., Byzantinisches Reich	708
Holl, Karl, Die Sacra Parallela des Johannes Damascenus	273
Hopkins, James Frederick, The Art of the Byzantine Empire	284
Hubert, H., Observations sur la chronologie de Théophane	698, 721
Jabalahaе III catholici nestoriani vita. Ed. R. Hilgenfeld	700
Jackson, Henry, Notes on Clement of Alexandria	284
Jeep, Ludwig, Beiträge zur Quellenkunde des Orients im Altertum.	702
Jorga, N., Notes et extraits pour servir à l'histoire des croisades au XV siècle	712, 719
— Philippe de Mézières	719
Kalbfleisch, K., Ueber Galens Einleitung in die Logik	702
Kampers, Franz, Mittelalterliche Sagen vom Paradiese und vom Holze des Kreuzes Christi	701
Kauffmann, D., Die Chronik des Achimaaз über die Kaiser Basilius I und Leon VI.	270
— Ein neues Denkmal der gothischen Litteratur	704
Köhler, Wilhelm, Die katholischen Kirchen des Morgenlandes	709
Kraitschek, Der Sturz des Kaisers Maurikios	707
Kraus, Franz Xaver, Geschichte der christlichen Kunst	277, 710
Krauss, Samuel, Marinus a Jewish philosopher of antiquity	723
Kretschmer, Paul, Der Esel Nikos	699
Krumbacher, K., Ein Dithyrambus auf den Chronisten Theophanes ..	706
Kurtz, E., Zu der itazistischen Spielerei	271
Kurtz, Joh. Heinr., Abriss der Kirchengeschichte	277
Kuun, Comes Géza, Relationum Hungarorum cum oriente gentibusque orientalis originis historia antiquissima	708
Lambros, Spyr. P., Catalogue of the greek manuscripts on mount Athos. Рец. А. Кирпичникова	184
— Zu Symeon Magister	698
— Φύλακες, ein missverstandener paläographischer Terminus ...	699
Laurent, J., Skylitzès et Nicéphore Phocas	696, 713

	Cp.
Legrand, Emile, L'église des Saints Apôtres de Constantinople. Poème par Constantin le Rhodien	187, 272
Lingg, Hermann, Byzantinische Novellen	703
Lübke, Hermann, Ueber die rhodischen Liebeslieder in ihren Beziehungen zur neugriechischen Volksdichtung	703
Lundström, Vilh., Studien zu spätgriechischen und byzantinischen Chronisten	702
— De codicibus graecis olim Escorialensibus, qui nunc Upsaliae adseruantur	708
Macler, F., Les apocalypses apocryphes de Daniel	716
Magne, Lucien, Mistra	712, 720
Mann, M. Fr., Physiologus	703
Martini, E., Catalogo di manoscritti greci esistenti nelle biblioteche italiane	699
Marucelli, Orazio, Le recenti scoperte nel duomodi Parenzo	722
Mas Latrie, L. de, Documents concernant divers pays de l'Orient Latin 1382—1413	719
Mayr, A., Zur Geschichte der älteren christlichen Kirche von Malta	276
Menzies, Allan, Ante-Nicene Christian Library	724
Mercati, Giovanni, Gli aneddoti d'un codice Bolognese	270
— Un palimpsesto Ambrosiano dei salmi esapli	282, 283
— Il Palimpsesto Ambrosiano dei Basilici	723
Metcalf, William, The Great Palace of Constantinople by the late Dr. A. G. Paspates	284
Meyer, Gust., Albanesische Studien. V.	274
Minasi, G., Le chiese di Calabria dal quinto al duodecimo Secolo	282
Mitteilungen des deutschen Exkursionenklubs in Konstantinopel	700
Molinier, Emile, Histoire générale des arts appliqués à l'industrie. Реч. Е. Рѣдина	208
Mordtmann, A., Die deutsche Gesandtschaft in Konstantinopel 1573 bis 1587	277
Müller, Max, Letters from Constantinople	284
Nau, F., Les auteurs des chroniques attribuées à Denys de Tellmahré et à Josué le Stylite	712
— Étude sur les parties inédites de la chronique ecclésiastique attribuée à Denys de Tellmahré	716
— Note sur l'époque à laquelle écrivait l'historien Zacharie de Mitylène	716
Nicephori Blemmydae curriculum vitae et carmina. Ed. Aug. Heisenberg	273, 699
Nissen, Waldemar, Die Regelung des Klosterwesens im Rhomäerreich bis zum Ende des neunten Jahrhunderts	708
Nostitz-Rieneck, Rob. von, S. J., Die Briefe Papst Leos I im Codex Monacensis 14540	704

	Cp.
Nostitz-Rieneck, Rob. von, S. J., Die päpstlichen Urkunden für Thesalonike	707
Oberhummer, E., Athos, Athyras, Angustaion etc.	708
Orsi, Paolo, Di una necropoli dei bassi tempi riconosciuta nella contrada «Groticelli» in Siracusa	282
Ostermann, Alfred, Karl der Grosse und das byzantinische Reich ...	699
Parker, Edward Harper, The origin of the Turks	284
Parmentier cm. Bidez	278, 697, 713, 715
Partsch, Joseph, Die Berbern in der Dichtung des Corippus	708
Patzig, E., Ueber einige Quellen des Zonaras. II	696
Pernot, Hubert, Grammaire grecque moderne	716
Peter, Hermann, Die geschichtliche Litteratur über die römische Kaiserzeit bis Theodosios I und ihre Quellen	701
Pfellschiffer, Georg, Der Ostgotenkönig Theodorich der Grosse und die Katholische Kirche	276
Plotěny, Vojtěch, O apoštolátu sv. Ondřeje v Evropě a jeho smrti ..	753
Polivka, G., Zur Geschichte des Physiologus in den slavischen Litteraturen	273
Praechter, K., Ein Chronikfragment aus Cod. Bern. 450	270
— Unbeachtete Philonfragmente	273
— Zu Nikephoros' Χρονολογικὸν σύντομον	692
— Eine unbeachtete Quelle in den Anfangskapiteln des Zonaras	698
Procopio di Cesarea, La guerra gotica. Ed. Dominico Comparetti ...	277
Puntoni, V., Indice dei codici greci della biblioteca Estense di Modena	281
Ramsay, W. M., The cities and bishoprics of Phrygia	724
Rangabé, Cléon, Harald Fürst der Waräger. Uebers. von Aug. Wagner	703
Rauschen, Gerhard, Jahrbücher der christlichen Kirche unter dem Kaiser Theodosius dem Grossen	707
R(einach), T(héodore), Commentaire archéologique sur le poème de Constantin le Rhodien	187, 272
— Un poème méconnu du patriarche Gennadius	271, 280
Reitzenstein, R., Geschichte der griechischen Etymologika	702
Rey, E., Résumé chronologique de l'histoire des princes d'Antioche .	719
Robinson, Forbes, Coptic apocryphal gospels	283
Rohde, E., Φιλόπατρις	697
Romstorfer, Carl A., Die moldauisch-byzantinische Baukunst	277
Roncière, Ch. de la, Charlemagne et la civilisation maritime au IX siècle	715
Rüger, Anton, Praepositionen bei Johannes Antiochenus. I	273
Rühl, Franz, Chronologie des Mittelalters und der Neuzeit	708
Ryssel, V., Die syrische Uebersetzung der Sextussentenzen	701
Sauer, A., Des Macarius Magnes Homiliae in Genesisim	704
Sava Chilandarec, Rukopisy a starotisky Chilendarské	296
Seeck, O., Die Entstehung des Indiktionencyklus	275

	Стр.
Seeck, O. , Untersuchungen zur Geschichte des Nicänischen Konzils.	275
— Das deutsche Gefolgswesen auf römischem Boden	708
— Sesterz und Follis	709
Semenov, A. , Eine Inschrift mit dem Namen Kaiser Justinians von der Halbinsel Taman	697
Schlosser, Jul. , Die höfische Kunst des Abendlandes in byzantinischer Beleuchtung	276
— Die ältesten Medaillen u. die Antike	708
Schröder, Otto , Pindarica	703
Schürer, Emil , Der Kalender u. die Aera von Gaza	275
Srkulj, Stjepan , Die Entstehung der ältesten sogenannten Nestorchronik	701
Stählin , Beiträge zur Kenntniss der Handschriften des Clemens Alexandrinus	277
Stanojević, S. , Die Biographie Stefan Lazarević's von Konstantin dem Philosophen	275
Stapper, R. , Die Summulae logicales des Petrus Hispanus und ihr Verhältniss zu Michael Psellos	701
Stiegler, Maria Albert , Dispensation u. Dispensationswesen in ihrer geschichtlichen Entwicklung bis zum 9. Jahrhundert	709
Strzygowski, Josef , Zur Datierung des Goldfundes von Nagy-Szend-Miklós	699
Stuhlfauth, Georg , Die altchristliche Elfenbeinplastik	276
Tachella, Dr. E. , Les anciens pauliciens et les modernes bulgares catholiques de la Philippopolitaine	280
Thumb, A. , Beiträge zur neugriechischen Dialektkunde. I	274
Tikkanen, J. J. , Die Psalterillustration im Mittelalter	700
Vári, R. , и Barczay, Oskar, Böles Leo taktikája	700
Vári, R. , Jelentés Constantinus Porphyrogennitus de administrando imperio czimii munkájának kéziratáról	700
— Böles Leó császárnak «A hadi taktikáról czóló munkája»	700
— Sancti Gregorii Nazianzeni codicis Mediceo-Laurentiani collatio	700
— Jelentés Leo Sapiens taktikus munkájának kéziratáról	700
— Urbicius takticostrategikus munkájának firenzei kódexe	700
Vaux, Carra de , Les souvenirs du concile de Florence	720
Veith, P. Ildephons, O. S. B. , Die Martyrologien der Griechen	707
Verzeichniss der griechischen Handschriften der königlichen Bibliothek zu Berlin. I. II	703
Violet, Bruno , Die palästinischen Märtyrer des Eusebius von Cäsarea	274
Vollert, Wilhelm , Die Lehre Gregors von Nyssa vom Guten u. Bösen	706
Wartenberg, G. , Leon Diakonos u die Chronisten	696

	Cp.
Wartenberg, G., Das Geschichtswerk des Leon Diakonos.....	270
— Das mittelgriechische Heldenlied von Basileios Digenis Akritas	703
Weinberger, Wilh., Studien zu Tryphiodor u. Kolluth	273, 700
— Adnotationes ad graecos Italiae codices spectantes	703
Wendland, Die Therapeuten und die philonische Schrift vom beschau- lichen Leben	277
Wheeler, Benj. J. de, The question of languagestandart in modern Greek	724
Wirth, A., Chronographische Späne	272
— Aegyptische Urkunden aus den Königlichen Museen zu Berlin	272
— Marci Diaconi Vita Porphyrii episcopi Gazensis	272
Wunsch, R., Zur Escorialhandschrift. Y—IV—22	271
Xénopeol, A. D., Histoire des Romains de la Dacie Trajane	720
Zückler, Otto, Askese und Mönchtum	277, 703, 710
Ἄγγελίδης, Δ, Περὶ τῆς ἐκκλησιαστικῆς δικαιοδοσίας Ναυπάκτου....	287
Ἀλεξοῦδης, Ἄνθιμος, μητροπολίτης Ἀμασειᾶς, Σύντομος ἱστορικὴ περιγραφή τῆς Ἀπολλωνίας	287
Ἀμπελάς, Τιμ., Οἱ θυμηλικοὶ ἐν τῷ ἀγιολογίῳ	296
Βλάχος, Ἄγγελος, Λεξικὸν Ἑλληνογαλλικόν. Рец. С. Пападимитρίου.	651
Γάγαρης, Γεώργιος Κ., Δωδώνη	295
Γεδεών, Μανουὴλ Ἴω., Προϊκόννησος. Рец. И. Соколова	238, 272
Δημητρακόπουλος, Ν. Π., Ἄγῶνες καὶ ἀθλητικὰ γυμνάσματα παρὰ τοῖς Βυζαντινοῖς	287
Ἐταιρεία ὁ Ἑλληνισμός, Ἐθνικὰ ἔθματα τῆς Ἑλλάδος 1453— 1821	734
Εὐαγγελίδης, Τρύφων, Γεννάδιος Σχολάριος	294, 699
— Κύριος, κυρία ἱστορία δύο λέξεων	732
Ἰάκωβος Βατοπαιδινός, ἀρχιμανδρίτης, Ἡ ἐν Μόσχᾳ συνοδικὴ βι- βλιοθήκη τῶν χειρογράφων	292
Κονδυλάκης, Ἰωάννης, Οἱ ἀγῶνες τοῦ Ἐρωτοκρίτου	287
Λαμπάκης, Γεώργιος, Χριστιανικὴ ἀγιογραφία τῶν ἐννέα πρώτων αἰώνων	700
Λάμπρος, Κωνσταντῖνος Π., Περὶ σικυῶν καὶ σικυάσεως παρὰ τοῖς ἀρχαίοις	290
Λάμπρος, Σπυρ. Π., Ἡ ὀνοματολογία τῆς Ἀττικῆς καὶ ἡ εἰς τὴν χώραν ἐποίκησις τῶν Ἀλβανῶν	289
— Ἡ Ὑπέρεια ἐν Φεραίς	293
— Ἐθνικαὶ ὕβρεις	293
Λαυριώτης, Ἀλέξανδρος Ε., Συλλογὴ τῶν διαφόρων ἐκκλησιαστικῶν ἀκολουθιῶν	727
— Ἀκολουθία τῆς καμίνου	727

	Стр.
Λαυριώτης, Ἀλέξανδρος Ε., Ἱστορικὰ ἐκ τοῦ ὑπ' ἀριθμὸν 185 τεύχους τῆς ἱερᾶς μονῆς Μ. Λαύρας	727
— Ἀναγραφὴ τεύχους τῆς ἐν Ἐσθ βιβλιοθήκης τῆς ἱερᾶς μονῆς Μεγίστης Λαύρας ὑπ' ἀριθ. 171	729
— Βιογραφικαὶ σημειώσεις περὶ τοῦ ἁγίου Βασιλείου ἀρχιεπισκόπου Θεσσαλονίκης τοῦ ἐξ Ἀθηνῶν	730
Λεβίδης, Ἀναστάσιος Μ., Ἀρχαῖον πολύτιμον χειρόγραφον Εὐαγγελίου.	288
Μαρκόπολις, Μιχ. Ἰακ., Ναξιακαὶ προλήψεις	292
— Ἡ Δυτικὴ ἐκκλησία τῆς πόλεως Κύνου	293
Μελισσηνός, Χριστόδουλος, ἀρχιμανδρίτης, Τὸ ὄνομα τῆς πόλεως Σάραντα Ἐκκλησιῶν	288
Μονολακάκης, Ἐμμ., Καρπαθιακά	733
Μυστακίδης, Ν. Γ., Πραγματεία περὶ Δροβιανῆς	289
— Περὶ τοῦ ἐν Θεσπρωτίᾳ Τσαμαντᾶ	289
Παναγιωτίδης, Ἀριστείδης Ν., Ἡ κηδεία Εὐδοκίας τῆς Αὐγούστης .	289
Παναγιωτίδης, Δ. Ἀ., Ἡ Φωτικὴ	731
Παπαγεωργίου, Π. Ν., Περὶ χειρογράφου εὐαγγελίου Θεσσαλονίκης .	698
Παπαδόπουλος-Κεραμεύς, Ἀ., Ἀθωνικὰ κονδακαρίων ἀντίγραφα .	697
— Νικήτας ἐπίσκοπος Χαλκηδόνος	732
Παπαιωάννου, Χρῖστος, Ὁ γνήσιος Γενναδίου τοῦ Σχολαρίου λόγος «περὶ τῆς μόνης ὁδοῦ πρὸς τὴν σωτηρίαν τῶν ἀνθρώπων»	728
Παπακωνσταντίνου, Μιχαήλ, Αἱ Τράλλεις	290
Παρανίκας, Ματθαῖος, Αἱ σχολαὶ τῶν Ἀγράφων κατὰ τὴν ιζ'—ιη' ἑκατονταετηρίδα	731
— Ἡ ἐν Θεσσαλίᾳ Τρίκχη κατὰ τὸν ιζ' αἰῶνα	731
Πετρίδης, Ἀθανάσιος, Τοῦ βασιλέως Πύρρου τὸ ἐν Ἠπείρῳ στρατόπεδον καὶ ἡ ἐν Ἰλλυρία πόλις Φανωτὴ	289
Σπηλιοτόπουλος, Ἀντ. Θ., Ὀλυμπικοὶ ἀγῶνες	292
Τζουμπαλίδης, Μαργαρίτης Ἐ., Σημείωμα περὶ τῆς ἱερᾶς μητροπόλεως Σισανίου	730
Τίπαλδος-Κοζάκης, Γ., Ἐν δρᾶμα	292
Τραυλαντώνης, Ἀ., Ἡ Παρηγορίτσα	293
Τσιγαρᾶς, Νικόλαος, Ἠπειρωτικὰ δύο πατριαρχικὰ σιγίλλια	732
Φαρασόπουλος, Συμεὼν Σ., Τὰ Σύλατα	295
Φλέγγελ, Κ., Ἐκδρομὴ εἰς τὴν ἐν Σάμῳ μονὴν τοῦ Τιμίου Σταυροῦ .	288
Φορόπουλος, Ἰωακείμ, Ἀκριβὴς καθορισμὸς τοῦ χρόνου τῆς ἐν τῷ οἰκουμενικῷ θρόνῳ τοποτηρητείας τοῦ πατριάρχου Ἀλεξανδρείας Μελετίου τοῦ Πηγᾶ	727
— Ἡ πατριαρχία Θεολήπτου β'	728
— Ἡ πατριαρχία Θεολήπτου β'	728
Φωτίου πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως ἐγκώμιον εἰς τὴν ἁγίαν πρωτομάρτυρα Θέκλαν ἐκδ. ὑπὸ Σ. Ἀριστάρχου	726
Χριστοβασίλης, Χ., Τ' αὐτιά τοῦ μεγάλου Ἀλεξάνδρου παράδοσις τῶν Κουρενοχωριῶν τῆς Ἠπείρου	294

	Стр.
Ἐπτοχοεὺς, Παναγιώτης, Ὁ δῆμος Τρικάλων, ἥτοι ἡ ἀρχαία Πε- λὴνη.....	296
* * Ἡ Κοινότης τοῦ Ἁγίου Ὁρους.....	288
* * Ὀλυμπιακοὶ ἀγῶνες. Α'.....	290
* * Πανηγυρικὸν τεῦχος τῆς «Ἐστίας». Ὀλυμπιακοὶ ἀγῶνες ἐν Ἀθή- ναις.....	291

3. НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШИЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Γ. Νέα βιβλία σταλέντα πρὸς τὴν διεύθυνσιν.300, 756

ОТДѢЛЪ III.

МЕРΟΣ Γ'.

ΜΕΛΕΙΑ ΖΑΜΨΤΚΙ И ИЗВЪСТΙΑ.

Μικραὶ ἀνακοινώσεις.

Дополненіе къ т. III, вып. 3—4.	
Παράρτημα τοῦ Γ' τόμου, τεύχ. γ' καὶ δ'.....	303
Русскій Археологическій Институтъ въ Константинополѣ. Г. П. Беглери.	
Ἡ ἐν Κ/πόλει Ῥωσικὴ Ἀρχαιολογικὴ Σχολὴ ὑπὸ Γ. Π. Βεγλερῆ.....	303
Эллинскій филологическій силлогъ въ Константинополѣ. А. Цу- карева.	
Ὁ ἐν Κ/πόλει Ἑλληνικὸς Φιλολογικὸς Σύλλογος ὑπὸ Ἀ. Στσοῦκαρωφ.	306
Сообщенія въ Имп. Русскомъ Археологическомъ Обществѣ.	
Ἀνακοινώσεις ἐν τῷ Ῥωσικῷ Αὐτοκρ. Ἀρχαιολογικῷ Συλλόγῳ.....	307
Сообщенія въ Императорскомъ Обществѣ любителей древней письменности.	
Ἀνακοινώσεις ἐν τῷ Αὐτοκρ. Συλλόγῳ τῶν φίλων ἀρχαίων γραπτῶν καμένων.....	307
Диспуты на степень магистра.	
Συζητήσεις περὶ θέσεως γραφείσης ἐπὶ τῇ λήψει τοῦ βαθμοῦ μαγί- στρου.....	310
Древній водопроводъ въ Кизикѣ. А. Ш.	
Παλαιὸν ὑδραγωγεῖον ἐν Κυζίκῳ ὑπὸ Ἀ. Σ.....	310
Открытие участка Ильгинъ-Конія малоазіатскихъ желѣзныхъ дорогъ. А. Ш.	
Ἐγκρίνια τοῦ μικρασιατικοῦ σιδηροδρόμου Ἰλγκίν-Ἰκονίου ὑπὸ Ἀ. Σ.	311
Раскопки въ Ефесѣ. А. Ш.	

	Стр.
Ανασκαφαὶ ἐν Ἐφέσῳ ὑπὸ Ἄ. Σ.	311
«Ксенофанъ». Α. Π.	
Ξενοφάνης ὑπὸ Ἄ. Σ.	311
Древнiй подземный ходъ въ Константинополѣ. Α. Π.	
Ἀρχαία ὑπόγειος ὁδὸς ἐν Κ/πόλει ὑπὸ Ἄ. Σ.	311
Πατριархική Ἐнциκλικα. Α. Π.	
Πατριαρχική ἐγκύκλιος ἐπιστολὴ ὑπὸ Ἄ. Σ.	312
† И. И. Малышевскiй (Ἰωάννης Μαλυσσέβσκης)	312
† Павелъ Казлигасъ. Α. Васильева.	
† Παῦλος Καλλιγᾶς ὑπὸ Ἄ. Βασίλειφ.	313
† Никифоръ Калогерасъ. Α. Васильева.	
† Νικηφόρος Καλογεράς ὑπὸ Ἄ. Βασίλειφ.	314
Одиннадцатый интернациональный конгрессъ Ориенталистовъ въ Парижѣ. Α. Васильева.	
Τὸ ἐν Παρισίοις ἐνδέκατον διεθνὲς συνέδριον τῶν ἀσιανολόγων ὑπὸ Ἄ. Βασίλειφ.	759
Недавно открытая палестинская мозаика. Α. Васильева.	
Ψηφιδωτὸν εὑρεθὲν νεωστὶ ἐν Παλαιστίνῃ ὑπὸ Ἄ. Βασίλειφ.	763
Къ стр. 320. Ю. К.	
Προσθήκη εἰς τὴν σελίδα 320 ὑπὸ Ἰ. Κ.	763
† Дмитрий Матовъ (Δημήτριος Μάτωφ)	764
† Германъ Афтонидъ (Γερμανὸς Ἀφθονίδης)	767
† Евстаθiй Вулизмасъ (Εὐστάθιος Βουλισμάς)	767

Приложение.

Отчетъ о дѣятельности Русскаго Археологическаго Института
въ Константинополѣ въ 1896 году. Θ. Успенскаго.

BYZANTINA CHRONIKA

ΤΟΜΟΣ ΤΕΤΑΡΤΟΣ

ΤΕΥΧΟΣ Α' καὶ Β'.

ВИЗАНТИЙСКІЙ ВРЕМЕННОКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ

ПОДЪ РЕДАКЦИЮ

В. Г. Васильевскаго и **В. Э. Рогоя**
Ординарнаго Академика. Пр.-Дон. Сиб. Университета.

ТОМЪ IV.

ВЫП. 1 и 2.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ, 1897.

КОМИССИОНЕРЪ:

С.-Петербургъ.
К. Л. Риккеръ, Невскій пр. 14.

Leipzig.
K. L. Ricker, Königsstr. 20.

СОДЕРЖАНИЕ ПЕРВАГО И ВТОРАГО ВЫПУСКОВЪ.

ОТДѢЛЪ I

ИЗСЛѢДОВАНІЯ И МАТЕРІАЛЫ

	Стр.
Христіанскія мозаики Кипра. Съ 2 табл. Я. И. Смирнова.	1
Къ Anecdota Graeco-Vizantina Васильева. Н. Г. Политиса	94
О Продромахъ. Г. Н. Хаджидакиса.	100
Часть Равеннскаго диптиха въ собраніи графа Г. С. Строганова. Съ 2 табл. Д. Айналова.	128
Анонимная греческая статья о преимуществахъ Константинопольскаго патриар- шаго престола. А. Павлова.	143
Греческая запись о церковномъ судѣ надъ убійцами, прибѣгающими подъ за- щиту церкви. А. Павлова.	155
Синодальная грамота 1213 года о бракѣ греческаго императора съ дочерью ар- мянскаго князя. А. Павлова.	160
Парижская рукопись хроники Симеона Логовета. С. Шестакова.	167

ОТДѢЛЪ II

КРИТИКА.

Сруг. P. Lambros, Catalogue of the greek manuscripts on mount Athos. Рец. А. Киричичинова.	184
Г. П. Беглери, Храмъ св. апостоловъ и другіе памятники Константинополя по описанію Константина Родія. Рец. М. Паранина.	187
E. Legrand, Description de l'eglise des Saints Apôtres de Constantinople par Con- stantin le Rhodien. Рец. М. Паранина.	187
Ив. Андреевъ, Константинопольскіе патриархи. I. Рец. Н. Красносельцева.	192
E. Molinier, Histoire générale des arts appliqués à l'industrie. Рец. Е. Рѣдина.	208
Д. В. Айналовъ, Мозаики IV и V вѣковъ. Рец. А. Шуварева.	218
Извѣстія Русскаго Археологическаго Института въ Константино- полѣ. I. Рец. Е. Рѣдина.	227
В. В. Латышевъ, Сборникъ греческихъ надписей христіанскихъ временъ изъ Южной Россіи. Рец. Ю. Мулаковскаго	282
М. I. Гедеевъ, Прокопнисъ. Рец. И. Соколова.	288

БИБЛОГРАФІЯ.

Россія. И. Соколова.	242
Германія. В. Меліоранскаго.	267
Франція. А. Васильева.	278
Италія. А. Васильева.	281
Англія. А. Васильева и П. Сырку	283
Греція и Турція. А. Пападопуло-Керамевса.	287
Славянскія земли. П. Лаврова.	296
Новыя книги, поступившія въ Редакцію.	300

ОТДѢЛЪ III

Мелкія замѣтки и извѣстія.

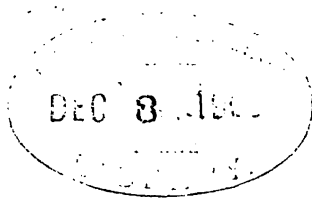
«Византійскій Временникъ» 1
ками отъ 10 до 12 листовъ, всѣ

Подписка принимается у книгопродав

№ 14, въ

Подписная цѣна за годовое изданіе съ пересылкою 9 рублей для Россіи
и 12¹/₂ германскихъ марокъ или 16 франковъ за границую.

Редакція журнала помѣщается у В. Э. Регеля, на Васильевскомъ Островѣ, по
10 линіи, домъ № 15, въ С.-Петербургѣ.

A. V. Bookidge

ОТДѢЛЪ I.

Христіанскія мозаики Кипра.

Il popolo universalmente è molto divoto e massime alla gloriosa Vergine, che con grandissima devotione riveriscono la imagine sua.

Fra. Stefano Lusignan di Cipro. 1578.

I.

Сказаніе о кипрской мозаикѣ. Иконы «Кипрской Божіей Матери» въ Россіи.

Среди многочисленныхъ литературныхъ извѣстій о христіанскихъ мозаикахъ Востока, изъ былого множества которыхъ сохранились лишь весьма немногія, и при этомъ по большей части позднѣйшихъ времянь ¹⁾, давно уже отмѣчено было краткое упоминаніе объ одномъ мозаичномъ изображеніи Божіей Матери на Кипрѣ ²⁾. Мы теперь снова заводимъ о немъ рѣчь потому, что намъ представляется случай издать двѣ христіанскихъ мозаики Кипра; при этомъ мы не могли, конечно, оставить безъ вниманія и упомянутого свидѣтельства, сколь бы кратко оно ни было.

1) Собраніе, но неполное, извѣстій этихъ и каталогъ сохранившихся мозаикъ см. въ статьѣ Frothingham'a въ American Journal of Archaeology, IV, 1888, стр. 128 сл.

2) Bayet, Recherches pour servir à l'histoire de la peinture et de la sculpture chrétiennes en Orient avant la querelle des iconoclastes, Paris, 1879, стр. 77, прим.: il est aussi question dans cette lettre d'une mosaïque qui se trouvait à Chypre et qui représentait la Vierge, mais rien n'indique, même approximativement, à quelle époque elle avait été exécutée.

Извѣстіе это находится въ соборномъ посланіи трехъ восточныхъ патриарховъ и 185 епископовъ, собравшихся въ 836 году въ церкви Воскресенія въ Іерусалимѣ для защиты св. иконъ противъ иконоборческой реакціи императора Θεοφιλα. Посланіе долгое время извѣстно было лишь по позднѣйшей передѣлкѣ его, въ которой, между прочимъ, опущено и упоминаніе о кипрской мозаикѣ; но въ 1874 году Саккеліонъ издалъ по патмосской рукописи IX вѣка полную копию оригинала, имѣвшаго въ началѣ изображеніе Божіей Матери съ Христомъ на рукахъ¹⁾. Соборъ 836 года въ исторіяхъ соборовъ, напр. у Hefele, обыкновенно не упоминается. Издатель плохой передѣлки посланія этого Combesis сомнѣвался даже въ существованіи собора, и полагалъ, что посланіе издано однимъ патриархомъ съ одобренія другихъ (см. Σακκελίων, стр. 5—6); но мы не видимъ причины сомнѣваться въ существованіи собора, упоминанія о которомъ см. у Саккеліона на стр. 3—5. Правда, упоминаемый въ посланіи Христофоръ, патриархъ Александрійскій, разбитый параличемъ (Eutychius Alex. ed. Poccocke, II, стр. 411), на соборѣ, конечно, быть не могъ, но онъ, быть можетъ, прислалъ своего представителя.

Былъ соборъ или нѣтъ, все равно посланіе 836 года написано было около этого времени однимъ или нѣсколькими авторами, вѣроятно, въ Іерусалимѣ. Разбирать его съ литературной или богословской точки зрѣнія—дѣло не наше; для насъ интересенъ помѣщенный въ немъ (стр. 26—33 изд. Саккеліона) сборникъ исторій, преимущественно чудесныхъ, о различныхъ иконахъ. Изъ 15 перенумерованныхъ тамъ рассказовъ особенно интересны тѣ, которые въ другихъ литературныхъ памятникахъ, вызванныхъ иконоборствомъ, не упоминаются. Таковы, насколько мы можемъ судить, рассказы о кипрской мозаикѣ (№ 7), о мозаикѣ на стѣнѣ Виѳлеемской базилики (№ 8), три рассказа объ александрійскихъ иконахъ Божіей Матери (№№ 9 и 10) и Христа (№ 11) и рассказъ объ изображеніи ап. Андрея на о. Лимнѣ (№ 15). Такъ какъ всѣ остальные собранные авторомъ посланія раз-

1) Старыя изданія указаны Саккеліономъ на стр. 4.; передѣлка посланія перепечатана у Migne, Patr. gr., т. 95, стр. 845—886. Въ новомъ изданіи исторіи византийской литературы Krumbacher'a (1896) Eghard указалъ (стр. 166) лишь на эту передѣлку. Изданіе Саккеліона носитъ заглавіе: Ἐκ τῶν ἀνεκδότων τῆς Πατριαρχῆς Βιβλιοθήκης. Ἐπιστολὴ συνοδικῆ τῶν ἁγιωτάτων πατριαρχῶν τῆς ἑώρας λήξεως, Χριστοφόρου Ἀλεξανδρείας, Ἰωβ Ἀντιοχείας καὶ Βασιλείου Ἱεροσολύμων πρὸς Θεόφιλον αὐτοκράτορα Κωνσταντινουπόλεως περὶ τῶν ἁγίων καὶ σεπτῶν εἰκόνων, νῦν πρῶτον ἐκδιδόντος Ἰωάννου Σακκελίωνος. Ἀθήνησι. ΑΩΞΔ. in 8°, pp. 48.

сказы излагаются также въ иныхъ болѣе пространныхъ, отчасти болѣе древнихъ, отчасти позднихъ специальныхъ сказаніяхъ о нихъ, то можно думать, что этотъ краткій перечень составленъ по известнымъ составителю болѣе пространнымъ рассказамъ о различныхъ прославившихся чудесами иконахъ.

Одинъ лишь рассказъ (№ 8), не содержащій въ себѣ ничего чудеснаго, хотя и не совсѣмъ вѣрно передающій историческіе факты¹⁾, и касающійся Виелеема, по всей вѣроятности, мѣстнаго іерусалимскаго происхожденія и составляетъ прибавку самого автора посланія къ собраннымъ имъ отовсюду сказаніямъ. Три рядомъ стоящихъ александрійскихъ сказанія составляли и ранѣе, вѣроятно, одно цѣлое. По аналогіи съ тѣми сказаніями, исчисляемыми въ посланіи, которыя известны по болѣе древнимъ, тѣмъ посланіе, подробнымъ изложеніемъ, можно думать, что и о кипрской мозаикѣ составитель посланія 836 года имѣлъ рассказъ болѣе подробный, который былъ имъ сокращенъ и при этомъ довольно нескладно. Вотъ этотъ рассказъ (Саккеліонъ, стр. 29): ἐν τῇ τῶν Κυπρίων χώρᾳ, ἐν μιᾷ τῶν αὐτῆς πολιχνίων, τὰ τοιαῦτα ἐνεργούμενα ἄχρι τῆς δεῦρο. Καὶ γὰρ ἐν τῇ αὐτῇ Κύπρῳ, τῷ πρωτοίῳ μέρει, εὐκτήριος οἶκος τῆς ἁγίας Θεοτόκου ἐνίδρυται, εἰχὼν ἐκ ψηφίδων. Ταύτην εἰς τὸ γόνατον, ἐνθα ὁ Σωτὴρ ἐνκόλιος (al. ἐν κόλιποις) ἐγκάθηται, Ἄραψ τις τοξεύσας, εὐθέως ἐξῆλθε διαρρέον αἷμα, ποταμὴν ἕως ποδῶν χρουίζων. καὶ ἐστὶ μέχρι τῆς σήμερον. Ранѣе рѣчь была о чудесахъ, совершаемыхъ Лиддской иконой, поэтому въ началѣ рассказа имѣется въ виду, повидимому, иная чудотворная икона или какая-либо другая святыня въ одномъ изъ кипрскихъ городковъ, очевидно, мало известномъ (иначе было бы приведено его имя), а не мозаика, находящаяся «на томъ же самомъ» островѣ. Слѣдовательно въ источникѣ рассказа рѣчь шла, вѣроятно, о двухъ различныхъ святыняхъ, одною изъ которыхъ было мозаичное изображеніе Божіей Матери, держащей на колѣняхъ Младенца Христа, который, судя по выраженію ἐνκόλιος, сидѣлъ на лонѣ Божіей Матери прямо противъ

1) О разногласіи въ опредѣленіи числа пострадавшихъ отъ персидскаго нашествія 614 г. этого рассказа съ хроникой Теофана (стр. 301 ed. de Boor.) см. Саккеліона стр. 30, прим. 1. Относивъ мозаику, о которой идетъ рѣчь, ко временамъ св. Елены, затруднялся и Bayet (Recherches, стр. 77); намъ это кажется совершенно невозможнымъ въ виду опредѣленнаго свидѣтельства Евтихія Александрійскаго о полной реставраціи базилики въ Виелеемѣ при Юстиніанѣ (Contextio gemmarum sive annales. ed. Roscoe, Oxoniae, 1659, II, стр. 160 сл.); ср. M. de Vogué, Les églises de la Terre Sainte, стр. 59—62.

груди Ея, а не бокомъ, на рукѣ или колѣнѣ, какъ привыкли мы видѣть Ею на обычныхъ изображеніяхъ Мадоннъ. Изъ неточнаго опредѣленія мѣстонахожденія церкви: *ἐν τῷ προσυτικῷ μέρει* мы заключаемъ, что она находилась внѣ города: или при какой-либо деревнѣ, или же просто на полѣ, иначе, вѣроятно, было бы названо имя города или, по крайней мѣрѣ, указано на это, какъ это мы видимъ въ началѣ разсказа о другой святынѣ. Что касается чуда, то авторъ посланія могъ бы собрать подобныхъ разсказовъ гораздо больше, если бы онъ пользовался бѣльшей литературой, чѣмъ 10—12 сокращенныхъ имъ сказаній; онъ могъ бы привести, напр., подобный же разсказъ объ изображеніи св. Феодора на стѣнѣ церкви близъ Дамаска, въ которой поселились, — какъ то и теперь можно часто видѣть въ тѣхъ мѣстахъ, — сарацины, разсказъ, приводимый Іоанномъ Дамаскинскимъ (въ прил. къ III-ему слову о св. иконахъ, *Migne, Patr. gr.*, 94, стр. 1394). О томъ же самомъ Кипрѣ, кромѣ общаго свидѣтельства Леонтія, епископа Неаполя Кипрскаго¹⁾, VII вѣка, онъ могъ бы привести два разсказа Константина, епископа Константи Кипрской, на VII-мъ вселенскомъ соборѣ (*Labbe VII*, стр. 269), объ изображеніяхъ Божіей Матери въ Константи и ап. Петра въ Кити. Исторію весьма близкую къ № 15 нашелъ бы онъ въ третьемъ разсказѣ Константина о мозаичномъ изображеніи Христа въ сирійскомъ городѣ Габалахъ. Очевидно, составитель посланія вовсе не задавался цѣлью собрать свидѣтельства въ возможной полнотѣ, а удовольствовался лишь нѣсколькими попавшимися ему подъ руку сказаніями. Насколько механически онъ пользовался ими, видно изъ того, что онъ о Лиддской иконѣ Божіей Матери, находившейся всего на разстояніи дневнаго пути отъ Іерусалима, внесъ въ сборникъ свой два разнорѣчивыхъ разсказа, не догадавшись, что рѣчь идетъ объ одной и той же иконѣ.

Однако несмотря на то, что сборники свидѣтельствъ Іоанна Дамаскина гораздо полнѣе, и посланіе 836 года служило позднѣе источникомъ для писавшихъ или проповѣдовавшихъ о почитаніи иконъ.

Къ упомянутымъ Саккеліономъ (стр. 4—5) ссылкамъ на посланіе это въ какомъ-то пергаменномъ сборникѣ свидѣтельствъ о св. иконахъ, находившемся, повидимому, въ патриаршей библіотекѣ въ Іерусалимѣ, и въ сказаніи объ Убрусѣ въ Эдессѣ, которое приписывалось Константину Багрянородному (см. о немъ *Tixeront, Les origines de l'église*

1) См. о немъ *Krumpholtz* 2-е изд., стр. 190 сл.

d'Edesse et la légende d'Abgar, Paris, 1888, стр. 26), можно прибавить еще нижеслѣдующія указанія на пользованіе посланіемъ 836 года. Въ одной рукописи XIV вѣка Национальной библіотеки въ Парижѣ (Fonds grecs. 635 fol. 70. Catalogus codicum hagiographicorum Bibliothecae Nationalis Parisiensis edd. Hagiographi Bollandiani et Henricus Omont, Bruxelles et Paris, 1896) о посланіи 836 года упоминается въ заглавіи разсказа о какой-то иконѣ Христа¹⁾. Въ другой рукописи, XII вѣка, той же библіотеки (Cod. Coisl. 296 fol. 191 v=Fonds grecs. 1250, № 15 того же каталога), судя по заглавію статьи, можно, кажется, предполагать пересказъ всѣхъ исторій посланія, въ томъ числѣ и кипрскаго сказанія²⁾. Затѣмъ постоянно ссылаются на посланіе 836 года сказанія о Лиддской (или Римской) иконѣ Божіей Матери, о которыхъ рѣчь будетъ ниже.

Далѣе ссылки на посланіе 836 года оказываются въ трехъ статьяхъ неизвѣстныхъ, къ сожалѣнію, намъ авторовъ въ одномъ рукописномъ сборникѣ XVI-го вѣка, въ Ватиканской библіотекѣ.

Въ этомъ сборникѣ (Cod. Vatic. Gr. 1147 chart.) на него указываютъ два различныхъ автора двухъ весьма сходныхъ по содержанію сказаній о Лиддской и (копіи съ нея) Римской иконахъ Божіей Матери³⁾ и авторъ, — повидимому, тотъ же самый, который написалъ второе сказаніе, — слѣдующей за ними проповѣди о четырехъ чудотворныхъ иконахъ: о кипрской мозаикѣ (№ 8 посланія) и трехъ иконахъ въ Александріи (№№ 10, 11 и 12); стоявшее же въ посланіи между ними повѣствованіе (№ 9) о вилеемской мозаикѣ и о персахъ онъ выпустилъ, вѣроятно, потому, что оно не заключало въ себѣ ничего чудеснаго.

Такъ какъ главное мѣсто въ словѣ этомъ (fol. 129—132) занимаетъ пересказъ кипрскаго сказанія, то мы полагаемъ излишнимъ привести здѣсь цѣликомъ первую часть проповѣди.

1) Какая это икона, изъ заглавія не видно: Τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Γερμανοῦ τοῦ ἁγιωτάτου πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως, συγγραφεὶς ὑπὸ τῶν τριῶν πατριαρχῶν Ἀλεξανδρείας, Ἀντιοχείας καὶ Ἱεροσολύμων περὶ τῆς εἰκόνης τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ.

2) Διήγησις μερικῆ ἀδροισθεῖσα ἐκ διαφόρων ἱστοριῶν τὸ δὲ πλεόν ἐκ τῆς (πρὸς) Θεοφιλον τὸν βασιλέα ἀποσταλείσης πολυστοίχου ἐπιστολῆς περὶ τοῦ δεῖν τιμᾶν τε καὶ προσκυνεῖν τὰς τῶν ἁγίων σεπτὰς καὶ ἑρὰς εἰκόνας.

3) fol. 89 et 89 v. въ 4-ой статьѣ сборника носящей заглавіе: ὑπόμνημα εἰς τὴν ἐπωνυμίαν τῆς ἀχράντου καὶ προσκυνητῆς εἰκόνης τῆς παναμώμου δεσποίνης ἡμῶν Θεοτόκου καὶ ἀεὶ Παρθένου Μαρίας, τῆς Ῥωμαίας (fol. 80—106 v.) и fol. 111 et 111 v. въ 5-ой статьѣ: ἕτερον ἑτέρου ὑπόμνημα εἰς τὴν αὐτὴν ἐπωνυμίαν τῆς ἀχράντου καὶ προσκυνητῆς εἰκόνης τῆς παναμώμου δεσποίνης ἡμῶν Θεοτόκου καὶ ἀεὶ Παρθένου Μαρίας τῆς Ῥωμαίας (fol. 107—128 v.).

Λόγος διηγηματικὸς περὶ τοξευθείσης εἰκόνος τῆς ὑπεραγίας
 Δεσποίνης ἡμῶν Θεοτόκου καὶ αἰεὶ Παρθένου Μαρίας ἐν τῇ
 Κύπρῳ καὶ περὶ ἐτέρων τινῶν ὑποθέσεων. πάτερ εὐλόγησεν.

Δεσποτικῶν θαυμάτων ἀνάμνησις πρόκειται σήμερον, πνευματικοὶ μου
 ἀδελφοί, καὶ χρῆ τοὺς εὐγνώμονας τῶν ἀκροατῶν ἀξίαν τοῦ μεγέθους τῶν
 λεγομένων παρασκευάσασθαι τὴν ἀκοήν· εἰ γὰρ βασιλέως θνητοῦ θεοπείσ-
 ματα καὶ νομοθετήματα προτιθέμενα πολλάκις εἰς μέσον ἀναγκαιῶς ἐφέλ-
 κεται πάντας νουνεχῆ παρασχεῖν τὴν ἀκρόασιν πρὸς τὴν τούτων φυλακὴν
 καὶ συντήρησιν, πολλῶ μᾶλλον τῶν τοῦ ἐπουρανοῦ βασιλέως ἐξαισιῶν θαυμα-
 τουργημάτων προτιθεμένων εἰς θεωρίαν καὶ ἀκοήν, ἀναγκαιότερον πάντως
 προθύμως πρὸς τὴν ἀκρόασιν συνδρομεῖν καὶ τῆς τούτων κατατρυφήναι
 τερπνότητος. διὸ παρακαλῶ ἀνοίξατε τὰ ὦτα τῆς καρδίας ὑμῶν ἕκαστος
 καὶ τὰ συνοδικῶς ὑπὸ τριῶν πατριαρχῶν φιλοπονηθέντα καὶ ἐκ παλαιῶν
 ἱστοριῶν ἐμπόνως συλλεγόντα περὶ τῶν ἁγίων εἰκόνων τοῦ δὲ Χριστοῦ καὶ
 Θεοῦ ἡμῶν καὶ τῆς Τούτου Μητρὸς οἶα καὶ ὅσα γεγόνασιν καὶ ποῦ καὶ
 πότε, καὶ ἐν ἧ δύο θερμῶς ὑπακούσαντες οἰκαδε πορευσόμεθα καλῶς ἐν-
 τρυφήσαντες· οὐ ταῦτα δὲ [fol. 129 v.] μόνον ἐξέθεντο οἱ μακάριοι ἐκεῖ-
 νοὶ ἅγιοι πατέρες, ἀλλὰ καὶ πρῶτην ῥηθέντα καὶ ἄλλα πολλά. Νῆσός ἐστι
 μεγίστη εἰς ὑπερβολὴν, πλουσία σφόδρα, δεκατέσσαρας ἐπισκόπους ἔχουσα
 καὶ τὸν τούτων ἀρχιεπίσκοπον, ὄνομα δὲ αὐτῇ Κύπρος, τελοῦσα Ῥωμαίους
 καὶ Ἀγαρηνοὺς. Ἐν τῷ νοτίῳ δὲ μέρει τῆς τοιαύτης νήσου εἰς ἐν τῶν πα-
 ρακειμένων ἐπισκοπεῖων οἶκος εὐκτήριος ὑπάρχει ἐκ παλαιοῦ τῆς Θεομή-
 τορος καὶ Μητρὸς τοῦ Κυρίου. Ἐν αὐτῷ οὖν τῷ οἴκῳ εἰκὼν ἰδρύεται τῆς
 ὑπεραγίας Θεοτόκου τῆς Μητρὸς τοῦ Κυρίου καὶ Θεοῦ καὶ Σωτῆρος ἡμῶν
 Ἰησοῦ Χριστοῦ ἐκ μουσειουργικῆς τέχνης, ἐντεχνος μὲν καὶ καλὴ, σύγ-
 χρισιν, οἶμαι, μὴ ἔχουσα, λεπταῖς δὲ ψηφίσι τοιαύταις κατεσκευάστο ὡς
 εἰπεῖν μικροῦ δεῖν ψύλλης τὸ μέγεθος, καθαρὰ δὲ καὶ εὐήλικος, ἐνκόλπιον
 κατέχουσα τὸν Χριστὸν καὶ Θεὸν ἡμῶν, ὡς ἡθὸς ἐστι ποιεῖν τοῖς τεχνί-
 ταις. Αὐτὴ ἡ ἁγία καὶ σεβασμία εἰκὼν οὐ διέλειπεν αἰεὶ θαύματα παρά-
 δοξα καὶ ἐξαισία ἐπιτελεῖν, διὸ καὶ οἱ λαοὶ χρονηδὸν ἐκεῖσε αἰεὶ πορευόμε-
 νοὶ ἀπήλαιον τῶν εὐεργεσιῶν αὐτῆς. Ταῦτα ἐξαισία καὶ παράδοξα θαύ-
 ματα βλέπων ὁ διάβολος, ὁ αἰείποτε τῇ τῶν ἀνθρώπων σωτηρίᾳ φθονῶν,
 ἤσπασε διὰ ὁμόφρονος αὐτῷ ἰσμαηλίτου ἀφανῆ ποιῆσαι, ἀλλ' ἤττηται ὁ
 δεῖλαιος, ὅσον γὰρ ἐσπούδασε τὰ τοιαῦτα [fol. 130.] θαύματα οὐδὲν ἀπο-
 τελῆσαι, τοσοῦτον αὐτὸν κατελεύκαινε καὶ ἐπλήθυνε. Παρώξυνε γὰρ ποτὲ
 τινὰ τῶν Ἀγαρηνῶν τείναι τὸ τόξον αὐτοῦ μεθ' ὅσης δυνάμεως εἶχε καὶ

βέλος έναπέριψε πρὸς τὴν θαυματόβρυτον καὶ ἁγίαν ἐκείνην εἰκόνα. Καὶ τὸ ἄγιον βρέφος ἀγκαλοφορούμενον [пропущенъ глаголѣ?], ἀλλὰ τῇ μητρὶ τὸ ξίφος διεπέρασε. Καὶ γέγονε πρᾶγμα ἐξαισίον καὶ τοῖς ἀμύητοις τῶν θείων καὶ μυστικῶν τερατουργιῶν μικροῦ δεῖν ἄπιστον, ἀλλ' ὅστις εἰς νοῦν λάβοι τὴν τοῦ ὄνου ἀνικμον σιαγόνα καὶ τὴν ἀκρότομον πέτραν, ὕδατα ζωηρὰ βλύζουσαν, οὐδὲ τούτῳ τῷ θαύματι ἀπιστήσει. Ἡ γὰρ νομιζομένη ἄψυχος εἰκὼν εὐθὺς κρουνηδὸν αἷμα ζῶν καὶ ἀδόλωτον κατέρρασε μεχρὶ τῶν ποδῶν αὐτῆς. ὦ, Χριστέ μου, τῆς τότε σου ἀνοχῆς. πῶς [cod. πῶν) οὐκ ἔφριξεν ὁ δύστηνος ἐκεῖνος βλέπων τὰ ἐκεῖσε γινόμενα σημεῖα, ἢ πῶς οὐκ ἐνεπρήσθη ὑπὸ τοῦ θείου καὶ ζωηροῦ ἐκείνου ἁγίου αἵματος; Τοῦ δὲ αἵματος ὑπὸ τῶν πιστῶν τότε συναγομένου τίς δύναται ἐξαριθμησαί τὰ ἐκεῖσε γεγονότα φοβερά καὶ παράδοξα θαύματα; τοσαῦτα γὰρ σημεῖα καὶ γεγονόσι καὶ ἕως νῦν γίνονται διὰ τοῦ τιμίου αἵματος ἐκείνου, ὡς λήθην λαβεῖν τοὺς πολλοὺς τῶν προγεγονότων ἐν τῇ σεβασμίᾳ καὶ ἁγίᾳ εἰκόνι ἐξαισίων θαυμάτων. μεμένηκε δὲ [fol. 130 v.] ἡ τοιαύτη βαφή τοῦ θείου ἐκείνου παραδοξοποιῦ αἵματος ἐπάνω τῶν ψηφίδων ἀπὸ τῆς ὀπῆς τοῦ ξίφους μέχρι τῶν ποδῶν τῆς εἰκόνης δεικνύουσα πᾶσι μέχρι τῆς σήμερον, ὡσπερ κογχύλη(ν?) αἵματος εἰς ἔριον καθαρὸν. Καὶ οὕτως ἐκεῖθεν πᾶν νόσημα ἀπελαύνεται διὰ τῆς ἐν αὐτῷ ἐνεργείας, ὡς αὐτοῦ τοῦ Χριστοῦ καὶ Θεοῦ ἡμῶν ἐκεῖσε αἰεὶ σαρκικῶς διάγοντος. Τίς οὖν μὴ θαυμάσει καὶ φρίξει καὶ ἐπλαγείη, ἀδελφοί μου ἀγαπητοί, εἰς τὰ τοῦ Κυρίου καὶ Θεοῦ καὶ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ θεῖα τερατουργήματα καὶ εἰς τὴν Τούτου ἀσύγκριτον καὶ ἀπειρον ἀνοχὴν; Τὴν γὰρ Μητέρα σὺν τῷ Υἱῷ ὁ Ἄραψ ἐκεῖνος μανιωδῶς κατατοξάσας, ὡς εἴρηται, καὶ τοῦ αἵματος κρουνηδὸν καταρράσαντος οὐκ ἠμίνατο ἢ θεῖα δίκη, ὡς τοιαῦτα δρᾶσαι[?] κατατολμήσαντος; τὸν δὲ φιλῶς πῶς τὴν Μητέρα καταμωκίζοντα καθὼς παρακατιῶν [cod. παρακατικατιῶν] ὁ λόγος δηλώσειεν. ἠμίνατο ἄμυναν δεινὴν ὁμοῦ καὶ ὀλέθριον. Ἐν Ἀλεξανδρείᾳ γὰρ τῇ μεγαλοπόλει etc.

Далѣ слѣдуетъ изложение гораздо менѣе развитое, чѣмъ выше приведенное, трехъ рассказовъ посланія 836 года о чудесахъ, происшедшихъ отъ иконъ въ Александρίи (рассказы подъ №№ 10, 11 и 12), гдѣ наказаны были оскорбители иконъ, чтò и имѣетъ въ виду переходъ отъ рассказа о кипрской мозаикѣ къ александрійскимъ.

Предоставляя судить объ издаваемомъ отрывкѣ специалистамъ, мы позволимъ себѣ замѣтить здѣсь лишь слѣдующее.

Все начало рѣчи до словъ «Παρακαλῶ etc.» оказывается тождественнымъ съ началомъ изданнаго Combefis'омъ (Graecolat. Patrum Bibliothecae Novum Iustarium. I, стр. 612) рассказа неизвѣстнаго

автора объ иконѣ Христа въ Халкопратіи, именуемой Ἀντιφωνητής, о которой въ Ватиканскомъ сборникѣ помѣщенъ передъ первою статьею о Лидской иконѣ подобный же рассказъ, но другого автора¹⁾.

Разница между этими двумя введеніями состоитъ лишь въ двухъ-трехъ словахъ, а потому взаимная зависимость ихъ авторовъ сомнѣнію подлежатъ не можетъ, но рѣшить, кто у кого списалъ начало, мы не беремся; свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ нашего разсказа о Кипрѣ, ясно выдаютъ свое книжное происхождение.

Указаніе на число епископій острова взято, вѣроятно, изъ какого-либо каталога епископскихъ троновъ, которые, какъ извѣстно (см. Krumbacher Gesch. d. byz. Liter. 2, стр. 415—417), представляли не всегда современное состояніе ихъ; что касается епископій Кипра, то во времена латинскаго тамъ владычества число ихъ было сведено на четыре, какъ о томъ придется упоминать ниже, но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы проповѣдь написана была ранѣе этого времени, такъ какъ показаніе объ уплатѣ Кипромъ дани и ромеямъ и сарацинамъ, несомнѣнно, указываетъ на книжное происхождение свѣдѣній автора о Кипрѣ, находясь въ явной зависимости отъ сообщаемыхъ Теофаномъ (стр. 363 ed. de Boog) условій мира 685 года между Юстиніаномъ II и Авимелехомъ, по которымъ подати съ Кипра, Арменіи и Иверіи поступали и ромейскому царю и арабскому калифу. Это случайное положеніе острова попало, можетъ быть, въ какое-либо землеописаніе и оттуда, а можетъ быть и посредственно изъ хроникъ, заимствовано было авторомъ слова.

Далѣе, на первый взглядъ кажется новымъ рассказъ проповѣдника о чудесахъ, творимыхъ мозаикою ранѣе чуда истеченія крови, но здѣсь, повидимому, онъ отнесъ замѣтку посланія объ иной какой-то святынѣ Кипра къ мозаичному изображенію Божіей Матери, что при неясности выраженій посланія сдѣлать было очень легко.

Равнымъ образомъ развилъ онъ и послѣднюю фразу: καὶ ἔστι καὶ μέχρι τῆς σήμερον — прилагая ее къ крови, хотя она столь же хорошо

1) fol. 61—79 v. Διήγησις θαύματος τῆς ἁγίας εἰκόνης τοῦ Κυρίου καὶ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ τοῦ δεσπότου καὶ ἀληθινοῦ Θεοῦ ἡμῶν τοῦ ὀνομασθέντος Ἀντιφωνητοῦ. За заглавіемъ помѣщено слѣдующее пятистишіе (для насъ не совсемъ ясное):

Μητροπολίτης τοῦ Θεοῦ λόγου λάτρις
 Ἀρχὴν ἐπιθεῖς καὶ τέλος προσαρμόσω,
 Ἐν δ' οὐκ φασιν ὡ τυγχάνειν μύστης ἔφη
 Ἀρχὴν Σε δεῖξαι καὶ τέλος πάντων θέλων.
 Ἰλαθὶ καὶ σωσόν με τὴν κτίσιν κρίνων.

могла относиться въ полномъ, не сокращенномъ, оригиналѣ и къ самой мозаикѣ. Крови приписана чудотворная сила. Наконецъ, сообразно многимъ читаннымъ, а можетъ быть также и писаннымъ имъ самимъ исторіямъ, авторъ обвинилъ въ дерзости араба діавола. Посланіе о судьбѣ араба ничего не говорило, но проповѣднику, по аналогіи съ послѣдующими александрійскими разсказами, она представлялась не иначе какъ небеснымъ отмищеніемъ. Такимъ образомъ эта передача кипрскаго сказанія основана исключительно на посланіи 836 года и поэтому ничего болѣе точнаго о самой мозаикѣ намъ не даетъ и давать не можетъ: она является лишь недурнымъ примѣромъ ораторскаго искусства неизвѣстнаго намъ автора. Что онъ же написалъ и предыдущее повѣствованіе того же сборника о Лиддской и Римской иконахъ Божіей Матери, это намъ кажется несомнѣннымъ изъ словъ его, что три патріарха изложили не только это чудо, ἀλλὰ καὶ πρῶτον ζῆθέντα: едва ли сталъ бы онъ ссылаться такимъ образомъ на чужое произведеніе. Мы не беремъ на себя смѣлости судить о времени написанія приведенной переработки краткаго разсказа посланія 836 года, предоставляя это специалистамъ: для насъ она интересна лишь, какъ свидѣтельство о распространенности этого сказанія въ позднѣйшія времена. По какому поводу произнесена была рѣчь, въ рукописи не значится; но слѣдующая статья того же сборника, пересказывающая также упоминаемое посланіемъ 836 года чудо отъ образа Христа въ Виритѣ¹⁾, хотя и не въ столь тѣсной зависимости отъ него, какъ наша проповѣдь, показываетъ, что чудеса отъ свв. иконъ служили темой для поученій въ день воспоминанія объ окончательномъ утвержденіи иконопочитанія. Ниже мы укажемъ свидѣтельство, что какой-то неизвѣстный намъ ближайшимъ образомъ пересказъ кипрскаго чуда находился въ греческомъ синаксарѣ на недѣлю православія: на воскресеніе же православія написано и то слово о святыхъ иконахъ, къ которому мы теперь должны перейти, такъ какъ тамъ не только находится пересказъ кипрскаго сказанія, но пересказъ этотъ даетъ болѣе подробности о самой мозаикѣ, чѣмъ само посланіе 836 года и риторическій пересказъ его, выше изданный.

Слово это принадлежитъ извѣстному греческому писателю XVI-го

1) fol. 132 v. 141 v. Κυριακὴ τῶν νηστειῶν ἤτοι ὀρθοδοξίας. Διήγησις θαυμαστῆ περὶ γενομένου θαύματος ἐν Βηρυτῶν τῇ πόλει παρὰ τῆς ἁγίας εἰκόνης Χριστοῦ τοῦ ἀληθινοῦ Θεοῦ ἡμῶν, καὶ περὶ νηστειῶν καὶ ἐλεημοσύνης.

вѣка Дамаскину Θεσσαλονικίῳ¹⁾ и помѣщено 25-мъ въ его «Сокровищѣ» словъ, писанныхъ на *καθεμιλομένην*. Въ словѣ этомъ приводится подъ нумерами 15 рассказовъ о чудотворныхъ иконахъ, изъ которыхъ лишь три не упоминаются въ посланіи 836 года: Ἀντιφωνήτης (№ 6), Убрусъ во время молитвы Христа въ саду Геосиманскомъ (№ 9) и пространный рассказъ о нерукотворной копіи нерукотворнаго іерусалимскаго образа Христа; эта копія при Юстиніанѣ была подарена нѣкоей архонтиссой Маріей женскому монастырю Вознесенія въ Мелитинѣ и принесена монахинями, бѣжавшими отъ персовъ при Иракліи, въ Константинополь (№ 15). Исторіи эти рассказываются въ нѣсколько иномъ порядкѣ, чѣмъ въ посланіи, и не представляютъ такого сухого перечня, какъ тамъ, а введены въ общее изложеніе исторіи иконоборческой ереси. Изъ нихъ первыя семь вложены, согласно нѣкоторымъ сочиненнымъ позднѣе діалогамъ между Львомъ Исавромъ и Германомъ²⁾, въ уста этого ревнителя иконопочитанія, другія восемь приписываются ему же, а также въ діалогѣ сообщается сочиненный имъ затѣмъ «вселенскій учитель», о которомъ говорятъ столь многіе хронографы и исторіи иконоборства. Наконецъ исторія отправленія иконы Христа, — не Божіей Матери, какъ въ выше указанныхъ сказаніяхъ о Римской иконѣ, — въ Римъ введена въ самую исторію. Такъ какъ порядокъ исторій у Дамаскина почти такой же, какъ и въ посланіи³⁾, то проще всего было бы думать, что онъ заимствовалъ ихъ изъ самаго посланія, дополнивъ лишь тремя новыми известными ему изъ иныхъ источниковъ рассказами. Пропускъ рассказа о вилеемской мозаикѣ можно было бы объяснить отсутствіемъ въ немъ

1) См. о немъ Σαδά, Νεοελληνική Φιλολογία, стр. 152—153. Указанія на многочисленные изданія книги его «Βιβλίον ὀνομαζόμενον Ἐπιστολὴς, ἔπειρ συνεγράψατο ὁ ἐν μοναχοῦς Δαμασκηνός ὁ ὑποδιάκονος καὶ στουδίτης, ὁ Θεσσαλονικεύς» см. у E. Legrand Bibliographie hellénique, II (1885), стр. 12—15 и разсм. О нахожденіи въ книгѣ этой сказанія о кипрской мозаикѣ узналъ я отъ іеромонаха въ монастырѣ Καναχάρια на Кипрѣ, который показалъ мнѣ изданіе 1885 года Φοίνιξ. Βενετία, гдѣ сказаніе это стоитъ на 330 страницѣ.

2) Въ дошедшихъ сочиненіяхъ Германа примѣровъ столь длинныхъ исчисленій чудесъ и почитанія святыхъ иконъ не находится; авторъ житія Стефана Новаго въ бесѣдѣ Льва и Германа влагаетъ въ уста послѣднему лишь три примѣра (Migne, Patr. Gr. 100, стр. 1069); діалогъ Льва и Германа, изданный Combeffis'омъ (Manipulus, стр. 159—182), собранія примѣровъ не содержитъ вовсе.

3) Обозначая исторіи нумерами посланія, а добавочныя исторіи Дамаскина римскими цифрами, сравнительный порядокъ расположенія исторій въ посланіи 836 г. и у Дамаскина получимъ таковой:

Посланіе: 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. 11. 12. 13. 14. 15.

Дамаскинъ: 1. 2. 3. 6. 7. I. 12. 5. II. 9. 10. 11. 13. 15. III. 14.

чудесныхъ элементовъ. Но въ нѣкоторыхъ разсказахъ оказываются подробности, ненаходящіяся въ соборномъ посланіи, такъ наприимѣръ, разсказывается объ открытіи эдесскаго Убруса передъ нашествіемъ Хозроя, чего въ разсказѣ объ Убрусѣ въ посланіи нѣтъ, въ разсказѣ о Лидской иконѣ (въ храмѣ построенномъ Энеемъ) добавляется подробность объ одеждѣ ея: ἀποκάτω μὲν ἐφόρει γαλάζιον φόρεμα, ἀποπάνω δὲ πορφύρον; значительныя добавленія и при этомъ реальнаго характера оказываются, какъ увидимъ ниже, въ передачѣ кипрскаго сказанія, и т. д. Но если для такихъ исторій, какъ эдесскій Убрусъ, виритскій образъ, образъ Христа въ св. Софіи, которыя извѣстны во многихъ отчасти указанныхъ выше сказаніяхъ позднѣйшихъ временъ, Дамаскинъ могъ черпать подробности изъ нихъ, то для исторій извѣстныхъ лишь по посланію 836 года источники добавленій его должны лежать или въ позднѣйшихъ украшеніяхъ краткихъ сказаній домысломъ или же въ болѣе подробныхъ оригиналахъ ихъ, которые сокращалъ авторъ посланія 836 года. О характерѣ позднѣйшихъ украшеній краткихъ исторій посланія мы можемъ судить по выше приведенной проповѣди, гдѣ, какъ мы видѣли выше, прибавки носятъ спеціальнѣйшій характеръ, но ни одной черты реальнаго характера не прибавлено, напротивъ, опущено даже указаніе на то, что стрѣла попала въ колѣно Божіей Матери. Иного характера подробности, являющіяся въ разсказѣ этомъ у Дамаскина. Онъ передаетъ его слѣдующимъ образомъ: καὶ εἰς τὴν Κύπρον δὲ τὴν νῆσον πρὸς τὸ νότιον μέρος, ἦτον ποτὲ ναὸς τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου. ἔξω δὲ τοῦ ναοῦ ἀπάνωθεν τῆς πόρτας, ἦτον μίαν (sic) εἰκὼν τῆς αὐτῆς Παναγίας ζωγραφισμένη μὲν ψηφίδας εἶχε δὲ σχῆμα, ὅτι ἡ μὲν Παναγία ἐκάθετον εἰς θρόνον, καὶ ἐκράτει τὸν Χριστὸν ὡς βρέφος εἰς τὰ γόνατά της. δύο δὲ ἄγγελοι ἐστέκουνταν ἀπὸ τὰ δύο της μέρη μετὰ φόβου πολλοῦ. Μίαν γοῦν τῶν ἡμερῶν ἀπέρασεν ἀπ' ἐκεῖ ἕνας ἀράτης πηγενάμενος εἰς τὸ σπίτη του καὶ, ὡς εἶχε τὸν διάβολον μέσα του, μόνον τὸν ἐφάνη καλὸν καὶ ἐδόξευσεν [читай ἐτόξευσεν] τὴν Παναγίαν εἰς τὸ δεξιὸν γόνατον; καὶ παρευθὺς ὡς [или ὡ] τοῦ θαύματος, διὰ τὰ δείξῃ ἡ Παναγία τὴν ἐνέργειαν τῆς εἰκόνης της, αἶμα ἐχύθη περισσὸν ἀπὸ τὴν δομῆν, καὶ ἔσταξεν εἰς τὴν γῆν. ὁ δὲ ἀράτης ὡς ἶδε τὸ θαῦμα, τρέμοντας καὶ φεύγοντας τὰ ὑπάγῃ εἰς τὸ σπίτη του, ἐξεψύχησεν εἰς τὴν στρατάν¹⁾.

1) Βιβλίον ὀνομαζόμενον Θεσαυρός, ὅπερ συνεγράψατο ὁ ἐν μοναχοῖς Δαμασκηνός ὁ ὑποδιάκονος καὶ στρωδίτης, ὁ Θεσσαλονικεύς. Ἐνετίησιν. ΑΧΕΖ (1676), стр. 378—379. Плохое изданіе это мы исправили по изданію 1601 года.

Такимъ образомъ здѣсь оказываются слѣдующія подробности реального характера, которыхъ нѣтъ ни въ посланіи, ни въ выше-приведенномъ риторическомъ пересказѣ его. Мозаика находится снаружи церкви, надъ дверью ея; на ней изображена Божія Матерь съ Христомъ на лонѣ, сидящая на тронѣ съ двумя ангелами по сторонамъ. Эти подробности чисто реального характера въ сущности не были интересны для цѣли ни писавшаго посланіе 836, которымъ онѣ поэтому и могли быть легко пропущены, ни для Дамаскина, который не описываетъ другихъ иконъ кромѣ указаннаго выше дополненія къ разсказу посланія о Лиддской иконѣ. Должно ли поэтому считать ихъ позднѣйшими прибавками или же остатками болѣе подробнаго сказанія, сокращеннаго авторомъ посланія? Вопросъ, на который отвѣтить положительно мы не рѣшаемся. Какъ и гдѣ могъ узнать Дамаскинъ эти подробности, гадать объ этомъ бесполезно, но посланія 836 года онъ не упоминаетъ. Мы полагаемъ бы реальныя подробности эти скорѣе относить на счетъ болѣе подробнаго сказанія, если бы упоминаніе о дьяволѣ, о смерти араба не сближало этого пересказа съ вышеизданнымъ. Во всякомъ случаѣ, независимость отъ него пересказа Дамаскина очевидна: Дамаскинъ не упоминаетъ ни о предыдущихъ, ни о послѣдующихъ чудесахъ, творимыхъ мозаикой. Такимъ образомъ, въ передачѣ кипрскаго сказанія у Дамаскина вносимыя противъ посланія 836 года подробности отчасти представляются позднѣйшими прибавками, отчасти же могутъ, кажется, восходить къ болѣе подробнымъ, чѣмъ въ посланіи, пересказамъ сказанія этого. Другой примѣръ, гдѣ Дамаскинъ передалъ вѣрнѣе сказаніе, послужившее матеріаломъ для посланія 836 года, находится въ 14-мъ разсказѣ его (=15-му посланія), гдѣ передается чудесный разсказъ объ изображеніи апостола Андрея на стѣнѣ одной церкви. Авторъ посланія помѣщаетъ ее ἐν τῇ τῶν Κυκλάδων νήσῳ λεγομένῃ Λήμνῳ ἐν τῇ νοτικῇ μέρει τῆς χώρας, почему Саккеліонъ въ примѣчаніи (на стр. 33) и исправляетъ его, указывая, что о. Лимъ вовсе къ Кикладамъ не принадлежитъ. У Дамаскина же церковь апостола Андрея помѣщается также на Киклады, но «на южный берегъ острова Χειμωνός», какъ напечатано въ изданіи 1876 года (стр. 383). Не можетъ быть сомнѣнія, что это странное слово должно быть исправлено въ Κίμωνος: такъ назывался и называется маленькій островъ въ числѣ Кикладовъ; мало того находженіе на южномъ именно берегу этого острова развалинъ церкви апостола Андрея (см. Ross, Reisen auf den

griechischen Inseln, III, стр. 24) не можетъ оставлять никакого сомнѣнія, что въ этомъ, по крайней мѣрѣ, случаѣ писатель XVI вѣка какимъ-то образомъ вѣрнѣе передаетъ сказаніе, восходящее къ началу IX вѣка, чѣмъ авторъ соборнаго посланія 836 года.

Вотъ почему намъ кажется возможнымъ подобное же предположеніе и относительно передачи сказанія о кипрской мозаикѣ; мы поэтому не считаемъ реальныхъ подробностей о ней, сообщаемыхъ Дамаскинымъ, позднѣйшею выдумкой. Если же признать ихъ достоверность, то о кипрской мозаикѣ, прославленной чудомъ, можно сдѣлать болѣе точныхъ хронологическихъ заключеній, чѣмъ это было доступно для Вауетъ, пользовавшагося лишь однимъ посланіемъ 836 года.

Помѣщеніе надъ дверьми церкви во имя Богородицы мозаичнаго изображенія Ея вполне естественно и находитъ себѣ аналогіи: такъ въ церкви, построенной Юстиніаномъ въ синайскомъ монастырѣ св. Екатерины, надъ дверьми находилось мозаичное изображеніе Божіей Матери съ Младенцемъ на рукахъ, а по сторонамъ, можетъ быть, ниже, св. Екатерины и Моисея¹⁾; въ Равеннѣ, въ капеллѣ апостола Андрея, построенной Петромъ Хризологомъ, надъ дверью было мозаичное изображеніе самого устроителя (Е. К. Рѣдинъ, Мозаики равеннскихъ церквей, стр. 212). Что для древнѣйшихъ временъ приходится указывать лишь на литературныя свидѣтельства, это вполне понятно, такъ какъ сами мозаики, будучи выставлены наружу, погибли. Для позднѣйшихъ временъ извѣстно множество примѣровъ помѣщенія мозаикъ надъ дверьми церквей: такъ Христосъ изображенъ мозаикою надъ дверьми изъ притвора въ церковь въ св. Софіи Цареградской сидящимъ на тронѣ, погрудно въ Кахрію Джамии и въ церкви Луки въ Фокидѣ; Богородица представлена сидящею на тронѣ между двухъ ангеловъ въ соборѣ св. Марка, въ Венеціи, погрудно въ Никейѣ.

Что касается самой композиціи, описываемой въ сказаніи у Дамаскина, то и для нея имѣется множество аналогій изъ разныхъ временъ, часть которыхъ указана будетъ ниже, при разсмотрѣніи мозаики Канакаріи. Подобныя изображенія Божіей Матери, сидящей съ Христомъ-Младенцемъ на тронѣ между двухъ ангеловъ, встрѣчаются

1) Мозаики этой теперь не существуетъ, но она описана въ началѣ XVI вѣка въ книгѣ *Viaggio da Vinegia al Santo Sepolcro et al monte Sinai etc.*, гдѣ, въ отдѣлѣ, *come la chiesa di Santa Caterina è fatta*, читаемъ: *gran porta la quale si è dipinta e composta d'opra di musaica con la nostra Donna et il figliulo in braccio. E da uno lato di detta porta si gli sta la preciosa vergine santa Caterina, e dall'altro lato si gli sta Moise.*

преимущественно на стѣнахъ храмовъ, въ мозаикахъ и фрескахъ, такъ какъ торжественный характеръ этой композиціи умѣстенъ именно въ монументальныхъ церковныхъ росписяхъ, а не на иконахъ, которыя, соотвѣтствуя портретамъ, даютъ обыкновенно лишь погрудное изображение Божіей Матери; тѣ же изъ нихъ, гдѣ является эта сложная композиція, копируютъ стѣнописи: такъ для всѣхъ русскихъ иконъ «Печерской Божіей Матери» можно доказать зависимость ихъ отъ мозаики въ алтарѣ церкви Киевопечерскаго монастыря, давно уже погибшей, но ранѣе того почитавшейся чудотворною и даже, по Патерику Печерскому, нерукотворною.

Такія изображенія Божіей Матери соотвѣтствуютъ подобнымъ же изображеніямъ Христа, возникшимъ, повидимому, на подобіе изображеній царей земныхъ еще при Константинѣ Великомъ¹⁾: это можно предполагать по выраженіямъ Евсевія о царственномъ величій Христа (см. Bayet, Recherches, стр. 55) и по описанію среди даровъ, принесенныхъ Константиномъ Латеранской базиликѣ, серебряныхъ статуй Христа, сидящаго на тронѣ, и четырехъ, очевидно, стоявшихъ по сторонамъ его, ангеловъ²⁾. Но Божію Матерь въ такой торжественной обстановкѣ, т. е. какъ «Царицу Небесную», по всей вѣроятности, ранѣе Эфесскаго Собора 431 года, утвердившаго величаніе Ея Богородицею, не изображали. Этимъ, надо полагать, и объясняется то странное явленіе, что въ исполненныхъ нѣсколькими годами послѣ этого собора мозаикахъ церкви *Maгіа Maggiore* въ Римѣ, въ сценѣ поклоненія волхвовъ, художники изобразили сидящимъ на тронѣ, оберегаемомъ четырьмя ангелами, одного лишь Христа-Младенца, отступивъ такимъ образомъ отъ установившейся уже къ тому времени композиціи, въ которой Христосъ въ сценѣ этой³⁾ изображался обыкновенно сидящимъ на колѣняхъ у Богородицы. Это отступленіе мы можемъ объяснить себѣ лишь

1) См. напр. монету Константина В. у Cohen'a, *Description historique des monnaies romaines*², VII, стр. 284, гдѣ императоръ въ нимбѣ сидитъ на тронѣ, охраняемомъ двумя воинами, поднося въ верхъ правую руку съ обычнымъ жестомъ полководцевъ, консуловъ и императоровъ.

2) *Liber Pontificalis*, ed. Duchesne, I, стр. 172 (ср. 191)... *Salvatorem sedentem in throno in pedibus V.... ex argento purissimo.... et angelos IV ex argento.... in pedibus V.... cum gemmis alabandenis in oculos tenentes hastas.* Едва ли этотъ типъ изображеній Христа въ царственномъ величій вызванъ былъ непосредственно желаніемъ противопоставить православное ученіе о божественности Христа ереси Несторія, какъ то утверждалъ Martigny, *Dictionnaire*, стр. 41.

3) О древнихъ изображеніяхъ ея см. Duchesne et Bayet, *Mémoire sur une mission au Mont Athos*, Paris, 1876, стр. 249 сл. и Strzygowski, *Byzantinische Denkmäler*, I, стр. 72 сл.

тѣмъ, что здѣсь, согласно соборнымъ постановленіямъ, Христось, еще Младенецъ, долженъ былъ быть изображенъ уже Богомъ, что могло быть достигнуто лишь изображеніемъ Его въ царскомъ величіи; но помѣстить въ такую же обстановку смертную, хотя бы и Богородицу, художникамъ казалось еще невозможнымъ, а потому Ее и изображали сидящею отдѣльно, какъ изображалась она въ другой реалистической композиціи сцены поклоненія волхвовъ, гдѣ Христось лежитъ въ ясляхъ¹⁾.

Позднѣе, на примѣръ, въ мозаикахъ церкви Аполлинарія Новаго въ Равеннѣ Божія Матерь занимаетъ въ этой сценѣ свое мѣсто на тронѣ, и четыре ангела стоятъ около Нея, какъ «Царицы Небесъ»²⁾. Когда и гдѣ именно впервые изображали Божию Матерь въ той композиціи, которую описываетъ сказаніе о Кипрской мозаикѣ, точно мы сказать не можемъ; несомнѣнно лишь, что такого рода изображенія явились позднѣе 431 года, а потому и Кипрская мозаика не могла быть исполнена ранѣе второй трети V-го вѣка. Съ другой стороны, арабъ стрѣлять въ Божию Матерь могъ, очевидно, лишь во время одного изъ арабскихъ нашествій на островъ или владычества тамъ мусульманъ: ранѣе едва-ли проживавшіе на островѣ арабы позволяли себѣ поднимать руку на туземныя святыни. Нашествія арабовъ начались въ 632 году набѣгомъ Абу-Бекра на городъ Китій въ южной части острова, около котораго позднѣе, какъ увидимъ ниже, приуро-

1) Эта часть мозаикъ S. Maria Maggiore возбуждаетъ разнорѣчивыя толкованія: въ стоящихъ теперь по сторонамъ трона Христа двухъ женскихъ фигурахъ видятъ или олицетвореніе двухъ церквей: ex gentibus и ex circumcisione (Д. В. Айналовъ, Мозаики IV и V вѣковъ, стр. 87 сл.) или Марію и Анну (Schultze, Archäologie der christlichen Kunst, стр. 25). Намъ кажется болѣе вѣроятнымъ мнѣніе Marriott'a (Smith, Dictionary of christian antiquities, стр. 84), что здѣсь изображены были Марія (справа, тождественно инымъ Ея изображеніямъ, какъ-то указалъ Д. В. Айналовъ, стр. 87) и Иосифъ, такъ какъ послѣдній (лѣвая) фигура сильно реставрирована (Айналовъ, стр. 87), а на старыхъ рисункахъ (Виндзорскій изданъ Marriott'омъ, стр. 84; еще лучше рисунокъ Барберинской библіотеки № XLIX, 14 fol. 1), которымъ напрасно отказались вѣрить de Rossi (Mosaici Cristiani di Roma, вып. 24—25) и Айналовъ, она изображается, какъ мужская; оба рисунка изображаютъ лицо этой фигуры безбородымъ, что для Иосифа не подходитъ, такъ какъ въ прочихъ изображеніяхъ его на той же мозаикѣ онъ является всегдѣ бородатымъ. Разсмотрѣть хорошо фигуры этой снизу невозможно, теперь одежда ея пестрая, женская, такъ что, если это не результатъ реставраціи, то приходится принять объясненіе Шульце, тѣмъ болѣе, что одежды правой фигуры сходны съ одеждами Анны въ сценѣ Срѣтенія. Приводимая же Д. В. Айналовымъ въ подтвержденіе отстаиваемаго имъ мнѣнія «колонка бичеванія», на мой взглядъ, просто передняя ножка кресла, на которомъ сидитъ правая фигура.

2) Е. К. Рѣдинъ, Мозаики равеннскихъ церквей, рис. 20.

чивали мѣстонахожденіе чудотворной мозаики; это нашествіе ознаменовалось раззореніемъ Китія, памятникомъ его осталась мечеть, воздвигнутая надъ древнею финикійскою гробницею, какъ мавзоль дочери Абу-Бекра ¹⁾. Съ половины VII-го вѣка Кипръ постоянно подвергался нашествіямъ и опустошеніямъ арабовъ; на границѣ между VII и VIII вѣкомъ островъ былъ даже временно покинутъ жителями, и лишь въ 964 году, послѣ многочисленныхъ, но неудачныхъ или кратковременныхъ попытокъ овладѣть островомъ, византійцы снова утвердились на Кипрѣ (*Σακελλάριος*, стр. 397—401). Едва ли въ эти вѣка раззореній и нашествій, то арабскихъ, то ромейскихъ войскъ, можно предполагать сооруженіе на Кипрѣ церковей съ дорогими мозаичными росписями.

Такимъ образомъ, реальныя подробности болѣе пространной передачи сказанія Дамаскинумъ и общія историческія соображенія позволяютъ относить исполненіе мозаики, упоминаемой въ 836 году и, вѣроятно, еще ранѣе, ко времени приблизительно между первую третью V-го и половиною VII-го вѣка, и, слѣдовательно, представлять себѣ мозаику мы должны по соотвѣтственнымъ памятникамъ этихъ временъ, о которыхъ рѣчь будетъ ниже. Теперь мы должны обратиться къ Россіи, гдѣ оказываются не только пересказы сказанія, но даже изображенія прославившейся въ VII—VIII в. чудомъ мозаики; однако они намъ извѣстны лишь съ конца XVII-го вѣка.

Въ тщательно составленномъ изъ различныхъ восточныхъ и западныхъ источниковъ сборникѣ Іоанникія Галятовскаго «Небо Новое» (Львовъ, 1665) на листѣ 06 об. рассказывается со ссылкой на «синаксарь греческій на недѣлю Православія» чудо это (подъ № 36-мъ) такъ: «Въ Кипрскомъ островѣ была церковъ Пресвятой Богородицы ведле тоеи церкви на брамѣ былъ образъ Пресвятой Богородицы которая сидѣла на еронѣ и держала Христа яко дитяtko на колѣнахъ своихъ, а два ангели по obu двухъ сторонахъ стояли. Еднаго дня минаючи тую церковъ еденъ арапинъ устрелилъ Пресвятую Богородицу въ колѣно и заразы отъ раны пострѣленной вышла крѣвь и капала на землю, арапинъ видячи тое чудо злякъся и утѣкалъ до дому своего, але до дому не доѣхавши умеръ на дорожѣ». Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось найти пересказа чуда этого въ греческихъ синаксаряхъ: оно находилось тамъ, очевидно, не во внесенномъ туда посланіи 836 года,

1) См. *Σακελλάριος*, *Τὰ Κυπριακά*, 2-ое изд., I, стр. 396.

такъ какъ въ посланіи о положеніи мозаики надъ дверью и двухъ ангелахъ не упоминается, равно какъ и о смерти араба. Остаются двѣ возможности: или въ синаксарѣ стояло слово Дамаскина, или же, что болѣе вѣроятно, его источникъ, передававшій кипрское сказаніе подробно, чѣмъ авторъ посланія. Сокращенія же греческаго разсказа могли быть сдѣланы и Галятовскимъ; изъ нихъ для насъ особенно интересно опущеніе указанія на то, что изображеніе Божіей Матери было мозаичнымъ: весьма вѣроятно, что слово *ψηφίδες* было непонятнымъ и самому Галятовскому¹⁾ и тѣмъ болѣе его читателямъ.

Дѣйствительно, въ рукописномъ сборникѣ конца XVII-го или начала XVIII-го вѣка въ Историческомъ Музеѣ въ Москвѣ (№ по инвентарю 21061 (1890 г.) въ числѣ чудотворныхъ иконъ Божіей Матери 35-ою значится Кипрская, о которой со ссылкой на «Небо Новое» приводятся два разсказа, при чемъ являются два неизвѣстные ни греческому сказанію, ни Галятовскому обстоятельства: изображеніе оказывается, очевидно, по привычкѣ автора къ деревяннымъ иконамъ, писаннымъ на деревѣ, и кровь, истекшая отъ него, цѣлебною²⁾. Последнее обстоятельство стоитъ, какъ будто, въ зависимости отъ изданнаго выше слова, но, какимъ образомъ стало оно извѣстно русскому читателю, мы указать не можемъ.

Безъ указанія источника передаетъ разсказъ о чудѣ г-жа Снесорева (см. ниже въ прим. № 7, стр. 330), но, судя по отсутствію указанія на то, что чудотворное изображеніе Божіей Матери было

1) Галятовскому извѣстно было и посланіе трехъ патріарховъ «въ свитку до Теофіла цесаря грецкаго» (чудо ІС о Лиддскомъ образѣ), но, вѣроятно, лишь изъ цитаты въ какой-либо латинской книгѣ о «Римской» (она же и Лиддская, см. Gaggiucci, Storia dell'arte cristiana, I, стр. 410) иконъ Божіей Матери, но, во всякомъ случаѣ лишь въ краткой редакціи, безъ сказанія о Кипрскомъ образѣ, которое взято изъ греческаго. Къ сожалѣнію, мы не можемъ справиться, въ какой редакціи внесено посланіе къ Теофілу въ «Сборникъ» Московской печати 7108 (1600) гѣта на листахъ 171—173 и 204—242, что указано въ книгѣ «Слава Пресвятыя Владычицы Нашей Богородицы», Москва, 1858, стр. 13. Но судя потому, что Галятовскій, пользовавшійся сборникомъ, перевелъ кипрское сказаніе съ греческаго, а не выписалъ его изъ «Сборника», надо думать, что оно и тамъ помѣщено въ той же позднѣйшей редакціи, въ какой вносилось оно въ сочиненія Іоанна Дамаскина.

2) «Во островѣ Кипрскомъ написана на престолѣ сидитъ Пресвятая Богородица и Христа на рукахъ имѣя и два ангела по обою страну стояща. И единъ араплянинеъ устрѣлилъ въ колѣно Богородицыно образъ, и кровь пошла, о, велия чудеса, отъ суза древа точитъ цельбоносную кровь Владычице премилостивая дивно. Араплянинеъ же ужасеся и бѣжа въ домъ свои до него не дошедъ умре. Зри Новаго неба чуда 86. И приде въ церковь араплянинеъ и пострѣли Пресвятые Богородицы во колѣно и изыде кровь каплющи на землю. Араплянинеъ же видя чудо сие и ужасеся и бежа въ домъ свой и недошедъ умре на пути.»

мозаичное, и упоминанію о нахожденіи его надъ дверью храма Божіей Матери, и этотъ пересказъ, прямо или косвенно, зависитъ отъ «Неба Новаго», но страннымъ образомъ, несмотря на находящееся въ немъ описаніе изображенія Божіей Матери, онъ помѣщенъ составительницей при поясной иконѣ Кипрской Божіей Матери.

Изображенія «Кипрскія иконы Пресвятыя Богородицы» находятся на листахъ съ гравированными изображениями чудотворныхъ иконъ Божіей Матери въ составленныхъ по листамъ этимъ книгамъ¹⁾ и, наконецъ, на иконахъ.

1) Къ сожалѣнію, среди нихъ нѣтъ пока ни одной, гдѣ-бы изображенія даны были, по мѣрѣ возможности, по самимъ иконамъ, и исторія была бы провѣрена; поэтому пользоваться ими можно лишь весьма осмотрительно; достаточно указать, что съ одной стороны, напр., изъ непонятнаго имени «Ипсилійской» сдѣлали «Испанскую», а изъ неумѣло прочтеннаго имени «Путивльской» — непонятную «Вутиванскую». Намъ известны слѣдующіе сборники:

1. Вышеупомянутые и вѣроятно многіе подобныя рукописныя сборники.

2. Изображеніе иконъ Пресвятыя Богородицы въ православной церкви, прославляемыхъ съ краткими о нихъ сказаніями и съ присовокупленіемъ умиленныхъ моленій къ Божіей Матери. 2-ое изданіе испр. и дополн. Москва. Типографія Александра Семена. 1858, in 8°. стр. I—VI + 1—67 со 182 изображеніями.

[Упоминаемаго въ № 5 (см. ниже) стр. 12 изданія Манухина мы не видали].

3. Слава Пречистыя Владычицы нашея Богородицы и Присно Дѣвы Маріи. Москва. Тип. Александра Семена 1858, даетъ списокъ и изображенія лишь русскихъ иконъ (часть III), изъ греческихъ же лишь Живописный источникъ (стр. 115—132), ризу Богородицы (115—122), Киякскую или Милостивую (223—238).

4. Пановъ, Историческое, хронологическое и иконографическое описаніе 218 наименованій и изображеній Пресвятыя Богородицы. Спб. 1871 in 8°, стр. 1—88 (безъ рисунковъ).

5. Собраніе гравированныхъ изображеній иконъ Божіей Матери и сказанія о нихъ. Спб. 1878 in 4° (Изданіе Общ. Любителей Др. Пис. 1877, № II), даютъ лишь нѣсколько грубѣйшихъ рисунковъ перомъ (съ гравюръ) въ Сборникѣ XVIII-го вѣка и довольно бесполезный комментарий къ нимъ.

6. Наибогѣе полный, но слишкомъ спѣшно составленный списокъ около 340 иконъ Божіей Матери далъ Д. А. Ровинскій (Русскія народныя картинки. Кн. III стр. 674—705), какъ матеріалъ для желательнаго новаго полнаго собранія и разсмотрѣнія иконъ Божіей Матери.

7. Софія Снегосорова, Земная жизнь Пресвятой Богородицы и описаніе св. чудотворныхъ Ея иконъ. Спб. Изд. Тузова. 1892 in 8°, стр. 1—560 со множествомъ рисунковъ, но, конечно, не съ оригиналовъ, а съ изданія Семена и другихъ. Текстъ съ верѣдками путаницами и ошибками.

Аеонскія иконы изданы въ книгѣ «Вышній покровъ надъ Аеономъ». Изд. Русскаго Пантелеймоновскаго монастыря 1892, — вѣроятно переводъ упоминаемой Bayet, Recherches, стр. 135 греческой книги *Ἀνώτερα ἐπιστάσις ἐπὶ τοῦ Ἁἱῶ ἤτοι διηγήσεις περὶ τῶν ἀγίων εἰκόνων*. 1861.

Римскія иконы изданы у Pietro Bombelli, Raccolta delle Immagini Della Vma Vergine ornate della corona d'oro dal R-mo Capitolo di S. Pietro in Vaticano con una breve ed esatta notizia. Roma 1792, 4 тома съ 120 изображеніями чудотворныхъ иконъ Рима, среди которыхъ много византийскихъ и одна копія бѣлорусской — Жировицкой

Четыре иконы обозначаются одинаковымъ именемъ Кипрской ¹⁾ и поэтому постоянно смѣшиваются; не опровергая здѣсь всѣхъ ошибокъ и не излагая путаницы исчисленныхъ сборниковъ, можно, кажется, установить слѣдующее:

1) Икона Божіей Матери Кипрскія въ селѣ Стромыни является въ сборникахъ лишь въ 1850-хъ годахъ, и говорить о ней подробнѣе будемъ мы ниже.

2) Иконы (поясной) Божіей Матери Кипрскія въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ совершается праздникъ 9 іюля. Изданіе Семена говоритъ, что она «явилась въ 392 году на о. Кипрѣ и находится въ Явленскомъ монастырѣ на томъ же островѣ, списокъ съ нея есть въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ». Но намъ не удалось найти никакихъ упоминаній объ оригиналѣ этой иконы: названнаго монастыря (т. е. очевидно, *μονὴ τῆς Φαυερωμένης*) на Кипрѣ не упоминается въ извѣстной намъ литературѣ. Остается выбирать между *Παναγία Φαυερωμένη*, финикійской гробницей близъ Ларнаки, пользующейся съ давнихъ поръ религіознымъ почитаніемъ (см. о ней, напр., *Σακελλάριος*, I, стр. 32 и *Perrot et Chipiez, Histoire de l'art*, III, стр. 277), но тамъ нѣтъ ни монастыря, ни подходящей къ московской иконы, или

(*Madonna del Pascolo* въ IV томѣ), особая книга о ней 1732 указана Мартыновымъ *Acta SS.* октября т. XI, стр. 17.

Общее сочиненіе объ изображеніяхъ Божіей Матери — *Rohault de Fleury, La S. Vierge, études archéologiques et iconographiques*, Paris, 1878, хотя и даетъ множество изображеній ея, преимущественно, конечно, западныхъ, но составлено все же не съ достаточной полнотой и аккуратностью.

Указанія на обширную литературу о древнѣйшихъ изображеніяхъ Божіей Матери, преимущественно о фрескахъ римскихъ катакомбъ, см. въ новѣйшихъ руководствахъ *V. Schultze, Archäologie der altchristlichen Kunst. München, 1896, стр. 358* и *X. Kraus'a, Handbuch der Geschichte der christlichen Kunst, Freiburg i. B., 1896, I, стр. 186.*

1) Пятая Кипрская же икона Божіей Матери «Киккскія» пользовалась въ Россіи большою славою, какъ о томъ свидѣтельствуютъ: изображеніе ея, работы Симона Ушакова, во Флорищевской пустыни, на которое указалъ мнѣ Г. Д. Филимоновъ, и земли въ Россіи, и иные дары русскихъ Киккскому монастырю. Объ иконѣ этой, якобы написанной восковыми красками и принесенной на Кипръ изъ Константинополя въ XI вѣкѣ, см. Барскаго, *Странствование по св. мѣстамъ Востока*. Изд. Пр. Пал. Общ. I, стр. 400 сл.; II, стр. 297. *Περιγραφή τῆς ἱερᾶς, σεβασμίας καὶ βασιλικῆς μονῆς τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου... τοῦ Κίχκου ἐπιφωτισμένης κατὰ νῆσον Κύπρον*. Венеція. 1751 и сл. изданія; изданіе 1819 переведено въ № 3 (см. прим.) съ рис. Странныя имена иныхъ чудотворныхъ иконъ о. Кипра у Свессоровой (стр. 331—332), не находящіяся въ сборникахъ болѣе раннихъ, объясняются сравненіемъ съ указаніями Барскаго (II, стр. 247, 252, 302, 314). Объ иныхъ чудотворныхъ иконахъ и другихъ святыняхъ острова извѣстія разсѣяны въ обширной литературѣ о немъ и у паломниковъ въ св. землю.

пещерой τοῦ ἁγίου Φανέντου или τῶν ἁγίων Φανέντων, гдѣ однако также не было иконы Божіей Матери, или тамъ же глухо упомянутой церковью или монастыремъ подъ именемъ «ὁ Σταυρὸς ὁ Φανερούμενος».

3) «Въ день Сошествія Св. Духа празднество образу Богородицы Кипрской совершается въ Москвѣ въ церкви св. Николая Чудотворца, что въ Голутвинѣ, гдѣ сія св. икона находится», говорится въ изданіи Семена и дается рисунокъ погруднаго образа Божіей Матери. Къ сожалѣнію, намъ не удалось провѣрить показанія этого; но въ показаніи о Московскомъ образѣ московскому изданію можно, кажется, вѣрить, тѣмъ болѣе, что въ болѣе старыхъ сборникахъ этой иконы не значится, а слѣдовательно, внесена она въ книгу была москвичами.

4) 20-го апрѣля (иногда по смѣшенію съ московской и 9 июля) бываетъ праздникъ Кипрской иконы Божіей Матери. Богоматерь изображается на этой иконѣ сидящей на тронѣ съ Христомъ Младенцемъ на рукахъ и двумя стоящими по сторонамъ ангелами.

Мѣстонахожденія иконы этой подписи подъ изображеніями не указываютъ, какъ то дѣлается относительно иконъ русскихъ; сборники же, напримѣръ, оба рукописные, помѣщаютъ именно при такихъ рисункахъ вышеприведенныя передачи сказанія о Кипрской мозаикѣ, каковую, слѣдовательно, рисунки эти и изображаютъ или, по крайней мѣрѣ, желаютъ изобразить.

Такъ какъ сама Кипрская мозаика, по всей видимости, погибла, то намъ остается разсмотрѣть русскія изображенія ея, въ надеждѣ найти въ нихъ хотя бы и весьма отдаленныя копія прославленной чудомъ мозаики.

Къ сожалѣнію, мы не знаемъ ни источниковъ, ни времени возникновенія листовъ съ изображеніями чудотворныхъ иконъ Божіей Матери. Извѣстные намъ экземпляры восходятъ къ Петровскому времени; судя по присутствію среди изображаемыхъ, многихъ восточныхъ, отчасти и западныхъ, иконъ Божіей Матери, можно думать, что составители этихъ листовъ обладали какими-то греческими изображеніями или, по крайней мѣрѣ, описаніями чудотворныхъ иконъ; но этотъ вопросъ требуетъ спеціальнаго изслѣдованія, а намъ такового не извѣстно ¹⁾.

2) Объ этихъ листахъ см. Д. А. Ровинскаго, Русскія народныя картинки, III, стр. 472 сл.; къ перечисленнымъ имъ слѣдуетъ еще добавить листъ, гравированный Мартыномъ Нехорошевскимъ, обрывки котораго имѣются въ пачкѣ прорисей Историческаго Музея по инв. № 28149/93 г. Можно думать, что подобныя гравюры иконъ

На всѣхъ пяти видѣнныхъ мною экземплярахъ такихъ листовъ разнаго времени изображеніе иконъ столь сходно, что происхожденіе всѣхъ ихъ отъ одного оригинала не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Здѣсь помѣщено факсимиле гравюры на металлѣ, вырѣзанной изъ одного изъ подобныхъ листовъ и наклеенной на соответствующую страницу вышеупомянутаго сборника Историческаго Музея; этимъ факсимиле, равно какъ и указаніями на самый сборникъ и листы Историческаго музея обязанъ я любезности И. Е. Забѣлина и А. В. Орѣшникова. Листъ, которому принадлежало издаваемое изображеніе, кажется мнѣ древнѣйшимъ изъ всѣхъ мною видѣнныхъ ¹⁾ и относится, вѣроятно, къ началу XVIII вѣка.

Божіей Матери существовали у насъ и въ XVII в., такъ какъ извѣстны лицевые календари, составленные и гравированные на деревѣ въ Москвѣ во второй половинѣ XVII вѣка; одинъ изъ нихъ изданъ былъ въ довольно неточной перерисовкѣ Раренгош'омъ въ 1680 году (см. Acta SS. мая, томъ I, введеніе, ср. Мартынова въ Acta SS. октября, томъ XI, стр. 10 сл.), но въ этихъ календаряхъ иконъ Божіей Матери нѣтъ.

1) Я видѣлъ слѣдующія изображенія:

1. Листъ, къ которому относится издаваемое выше изображеніе, разрѣзанъ по отдѣльнымъ иконамъ и вклеенъ, но не весь, — въ сборникъ Историческаго Музея по инв. № 21061/90 г.; обрывки его же есть и въ пачкѣ прорисей и гравюръ по инв. № 28149/93 г. Судя по рисунку рамки и расположенію иконъ въ зависимости отъ листа этого находились гравюры Тенчегорскаго 1718 года (Д. А. Ровинскій, № 1214; въ Историческомъ музеѣ изображенія Кипрскаго Божіей Матери съ ангелами отъ листа этого не сохранилось ни въ сборникѣ, ни въ пачкѣ).

2. Рисунокъ перомъ въ сборникѣ Общества Люб. Др. Писемъ.

3. Листъ гравюры конца XVIII в., оттиснутый на сивей бумагѣ начала XIX в., въ Историческомъ музеѣ (инв. № 28096/93 г.), повидимому, тождественъ находившемуся въ собраніи Ровинскаго (Д. А. Ровинскаго, IV, стр. 673).

Прочіе листы даютъ подобныя же изображенія, хотя нѣкоторыя детали въ наиболѣе грубыхъ изъ нихъ и исчезаютъ. Божія Матерь сидитъ en face на массивномъ прямолинейномъ тронѣ, кажущемся поэтому сложеннымъ изъ камня; лицевая сторона его по сторонамъ ногъ Божіей Матери украшена орнаментами, повидимому, рельефными, въ видѣ виноградной грозди или цвѣточной почки; спинки тронъ не имѣеть; подножіе—въ видѣ полукруглыхъ ступеней. На лѣвой рукѣ Божіей Матери сидитъ Христосъ, благословляющій правою рукою и держащій свитокъ въ лѣвой. Голова Божіей Матери слегка повернута къ Младенцу и украшена короною поздней, фантастической формы. Ангелы, стоящіе позади трона по обѣ стороны Божіей Матери, одѣты въ длинныя одежды и держатъ въ рукахъ сферы и какія-то вѣтви, повидимому, стебли съ цвѣтами лиліи. Общій характеръ рисунка, конечно, новый и о возможной зависимости, хотя бы очень отдаленной, отъ предполагаемаго оригинала мы должны судить по композиціи и деталямъ. Первая не соотвѣтствуетъ помѣщенію мозаики надъ дверью: была ли она въ полукругломъ люнетѣ, или нѣтъ, во всякомъ случаѣ надо думать, что длина изображенія была болѣе высоты его; на нашихъ же рисункахъ и эта икона изъ трехъ фигуръ имѣеть такую же вытянутую вверхъ форму, какъ и всѣ прочія иконы, изображенныя на листахъ, а потому ангелы и оказались прикрытыми престоломъ. Равнымъ образомъ ни форма короны Божіей Матери, ни одежды ангеловъ, состоящія изъ короткихъ до колѣнъ кофть, въ родѣ носимыхъ греческими монахами, поверхъ длинной нижней одежды, ни форма и орнаментація престола не допускаютъ мысли о возможности передачи древняго оригинала V—VIII вѣковъ; даже допустивъ, что форма деталей этихъ измѣнилась съ теченіемъ времени, мы все же не можемъ предпо-

4. Изданный имъ же листъ (№ 1216, факсимиле въ атласѣ, томъ III), хотя и отнесенъ имъ къ тому же номеру, но, видимо, лишь копируетъ № 1216: рисунокъ гораздо грубѣе, фонъ иконъ не заштрихованъ, и рамка иного рисунка.

5. Листъ начала XIX в. (у Д. А. Ровинскаго № 1217) видѣлъ я въ собраніи матеріаловъ по христіанской иконографіи Севастьянова (Божія Матерь. Томъ I), въ христіанскомъ отдѣлѣ Румянцевскаго музея.

6. Рисунокъ въ изданіи Семена (стр. 8) является или плохой копіей одного изъ подобныхъ листовъ, или копіей очень плохого листа: Божія Матерь съ Христомъ на лѣвой рукѣ сидитъ на тронѣ съ прямою спинкою, по сторонамъ Ея двѣ юныхъ фигуры въ длинныхъ одеждахъ съ длинными волосами, но безъ крыльевъ держатъ въ рукахъ по шару

7. Точнѣе передаетъ листы рисунокъ у Снеессоровой (стр. 209): Божія Матерь сидитъ на тронѣ безъ спинки, по сторонамъ два ангела съ вѣтвями въ рукахъ, но въ текстѣ говорится о стромынской иконѣ, которой рисунокъ соотвѣтствуетъ не вполне.

лагать присутствія въ оригиналѣ короны у Божіей Матери и лилій у ангеловъ, такъ какъ и то и другое явилось лишь гораздо позднѣе и, повидимому, на западѣ ¹⁾). Такимъ образомъ сходство гравюръ съ предполагаемымъ погибшимъ оригиналомъ ограничивается лишь тѣмъ, что и тамъ, и тутъ Божія Матерь съ Христомъ Младенцемъ сидитъ на тронѣ между двумя ангелами, т. е. именно тѣмъ, что *иссортъ* и русскіе пересказы сказанія о прославленной чудомъ мозаикѣ. Поэтому, хотя источники сборниковъ чудотворныхъ иконъ Божіей Матери намъ и неизвѣстны, но относительно разсматриваемаго изображенія наиболѣе вѣроятнымъ кажется намъ предположеніе, что изображеніе это нарисовано было при составленіи (въ концѣ XVII-аго вѣка?) листовъ этихъ *ad hoc* согласно русской передачѣ сказанія, быть можетъ, въ зависимости отъ «Неба Новаго» Галятковского, а не по какимъ либо греческимъ рисункамъ самой ли Кипрской мозаики или иконъ, ее копировавшихъ. Греческія буквы около головъ Христа и Божіей Матери не только не противорѣчатъ предположенію этому, но, находясь на одинаковыхъ мѣстахъ на всѣхъ изображаемыхъ на листахъ иконахъ, тѣмъ самымъ свидѣтельствуютъ о единствѣ и одновременности рисунковъ иконъ общаго всѣмъ листамъ оригинала.

Больше надеждъ, нежели эти листы, возбуждала икона Кипрской Божіей Матери въ селѣ Стромыни, Богородскаго уѣзда, Московской губерніи. По описаніямъ архимандрита Сергія (Полный Мѣсяцесловъ Востока, II, замѣчанія стр. 199) и Снеессоревой (стр. 209) на ней по сторонамъ Божіей Матери, сидящей на тронѣ между двумя ангелами, значились еще «колѣноприклоненныя фигуры великомученика Потамія и Фотинію». Имя перваго упоминается и въ числѣ Кипрскихъ святыхъ ²⁾, а тѣло второй найдено было въ пещерѣ (см. ниже въ началѣ III-ей главы) въ с. в. части острова, недалеко отъ церкви Божіей Матери Канакаріи, въ которой находится издаваемая ниже мозаика, представлявшая также Божию Матерь сидящую на тронѣ

1) См. Smith', *Dictionnary of Christian Antiquities*, стр. 998. Если въ апокрифическомъ евангеліи псевдо-Маттея *angelus domini auferens unum ex ramis ejus (palmae) volavit ad coelum habens ramum in manu sua* (глава XXI. Tischendorf, *Evangelia aroscurpha*), тутъ надо, кажется, видѣть простое смѣшеніе изображеній ангела съ обычнымъ античнымъ типомъ Побѣды съ пальмовымъ листомъ въ рукахъ, такъ какъ изображеній ангеловъ съ вѣтвями для древнихъ временъ не извѣстно.

2) Fr. Stefano Lusignan di Cipro, *Chronografia et breve historia universale dell'isola di Cipro*, Bologna, 1572 г., 24 об. Греческій переводъ книги этой представляеть рк. XVIII в. въ бібліотекѣ мѣтоха св. Гроба въ Константинополѣ № 325 по каталогу 1894 года (раньше 310).

между двухъ ангеловъ. Кромѣ того, стромынская икона висѣла до 1841 г. надъ дверьми церкви, т. е. именно тамъ, гдѣ находилась и прославленная чудомъ мозаика. Поэтому при краткости описаній и отсутствіи рисунковъ съ этой иконы я посѣтилъ село Стромынь, гдѣ икона эта, находящаяся въ Успенской церкви, пользуется съ 1841 года, когда она прославилась чудеснымъ исцѣлѣніемъ нѣкоей дѣвицы Мавры, большимъ почтеніемъ всей округи и слыветъ за благословеніе преп. Сергія первому настоятелю Успенскаго Стромынскаго монастыря, основаннаго въ 1379 году ¹⁾. Икона поражаетъ сходствомъ композиціи съ изображеніями Кипрской иконы на вышеуказанныхъ листахъ: даже греческія буквы стоятъ именно тамъ, гдѣ находятся онѣ на листахъ, украшенія передней стороны трона такія же, какъ и тамъ, но здѣсь они вырисованы, конечно, тщательнѣе и формою своею напоминаютъ ананасъ. Отличіе составляютъ лишь двѣ маленькія фигурки, написанныя внизу на бордюрѣ по обѣ стороны иконы, и на верхней части того же бордюра читается шьразъ кипрскіа прѣла вѣцы.

Подобнаго рода маленькія фигурки на бордюрахъ иконъ пишутся очень часто (см., напр., въ новѣйшихъ изъ вышеуказанныхъ сборниковъ икону Абалацкую, она же и Тобольская) и изображаютъ заказчиковъ иконъ въ видѣ ихъ святыхъ. Таковы же и изображенія на Стромынской иконѣ стоящихъ, а не колѣнопреклоненныхъ «священномученика Антипы», а вовсе не Потамія, и «святой мученицы Фотиніи»; слѣдовательно фигуры эти случайны и въ тѣсной связи съ самою иконою не стоятъ. Такъ какъ икона большая (1 арш. 2 вершка шириной и 1 арш. 4 верш. высотой), то детали видны на ней лучше:

1) Объ иконѣ этой, кромѣ арх. Сергія, Панова и Снесоревой см. Слава Пресв. Влад. Нашея Богородицы, стр. 70—71; Московскія Эпархіальныя Вѣдомости 1870 г. № 40 стр. 3—4: С. В. Р-въ, Успенскій Стромынскій Монастырь; Душеполезныя Чтенія, годъ XIII (1872), Часть III (октябрь), VII, стр. 208—211: Н. Розановъ. Икона Божіей Матери Кипрскія... по консисторскимъ свѣдѣніямъ — отвѣтъ причта на запросъ митр. Филарета; чудо было 16 февр. 1841 г. въ недѣлю православія (странное совпаденіе съ указаніемъ Галятовскаго на нахожденіе сказанія о Кипрской иконѣ въ греческомъ синаксарѣ подъ этимъ же днемъ), почему и теперь празднуютъ въ это же воскресенье; другой праздникъ 9 іюля, хотя, какъ мы видѣли выше, вѣрнѣе было бы праздновать 20 апрѣля. До 1841 г. празднованій, повидному, не было вовсе. До 1829 года икона находилась въ сельской (не монастырской) церкви Николая Чудотворца, гдѣ упоминается въ описи 1788 года; въ писцовыхъ книгахъ 1642 года не значится. См. Архивъ истор. и практ. свѣдѣній, относящихся до Россіи, издав. Калачевымъ, III (1860—1861), СПб., 1862, статья XII; С. Смирновъ, Нѣчто о древнемъ стромынскомъ монастырѣ.

ангелы держать въ рукахъ стебли лилій съ листьями и цвѣтами. Корона Божіей Матери такой же новой формы, какъ и на гравюрахъ; отличіемъ иконы является лишь широкая полоса по краю одежды Божіей Матери, украшенная на подобіе жемчуговъ и камней. Раскраска произведена видимо совершенно случайно: плащъ Божіей Матери, придающій фигурѣ Ея столь же безобразно широкую форму, какъ и на гравюрахъ, желтый, нижняя одежда синяя, обувь красная; ангелы имѣютъ, поверхъ красной нижней одежды, зеленыя широкорубашныя рубашки или кофты, застегнутыя на груди, красныя плащи; престолъ бѣлый, ступени его зеленыя, украшенія на лицевой сторонѣ желтыя, т. е. золотыя, хотя ягоды въ нихъ красныя и бѣлыя; сферы въ рукахъ ангеловъ, у одного въ правой, у другаго въ лѣвой, голубыя. Фонъ золотой, рельефно украшенный наклонно пересѣкающимися линиями и кружками изъ точекъ внутри образуемыхъ ими ромбовъ; на нимбахъ ангеловъ рельефно написано у лѣваго агѣи, у праваго гѣни. Одежды написаны небрежно, лица выписаны тщательно. Судя по нимъ, икона мнѣ особенно древней не показалась, и едва ли она можетъ быть древнѣе начала XVIII вѣка, сходство же ея съ гравированными листьями столь велико, что взаимная зависимость между иконою и ними не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, и мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ, что икона написана по заказу рабовъ божіихъ Антипы и Фотинія по одному изъ подобныхъ листовъ, такъ какъ думать, чтобы общій всѣмъ листамъ оригиналъ копировалъ икону эту, мѣшаетъ отсутствіе на листахъ указанія на мѣстонахожденіе иконы, которымъ снабжены всѣ изображенія русскихъ иконъ, и положеніе буквъ, тождественное со всѣми иконами листовъ.

Такимъ образомъ оказалось, что всѣ извѣстныя мнѣ русскія изображенія Кипрской иконы Божіей Матери никакъ не могутъ считаться хотя бы и отдаленными копіями кипрской мозаики.

Остается еще находящаяся на нѣкоторыхъ листахъ дата «явленія», которая для чудотворной иконы можетъ обозначать, какъ извѣстно, или время явленія самой иконы, или же время перваго проявленія чудотворной силы. На нѣкоторыхъ мѣстахъ при разсмотрѣнномъ изображеніи Кипрской Божіей Матери указывается дата 9 іюля 5900 (т. е. 392) года, на другихъ же дата эта приписывается къ изображенію погрудной иконы Божіей Матери т. е. оригиналу иконы Московскаго Успенскаго собора (см. выше). Что дата эта къ нашей иконѣ прилагается лишь по ошибкѣ, объ этомъ свидѣтельствуетъ уже самое число

9 іюля вмѣсто 20 апрѣля. Но если бы даже она прилагалась и постоянно, то и тогда ее должно было бы признать невозможной, такъ какъ извѣстные намъ памятники не позволяютъ предполагать въ концѣ IV вѣка изображеній Божіей Матери сидящею въ божественномъ величіи на тронѣ между ангелами, какъ мы говорили уже выше.

Такимъ образомъ составители листовъ, очевидно, для интересующей насъ Кипрской иконы никакой даты не имѣли, равно какъ не знали они и мѣста ея нахождения. Откуда взяли они день празднованія 20 апрѣля, останется загадкой, пока не будутъ указаны источники этихъ листовъ.

Оказывается, однако, и другая дата, сопровождаемая при этомъ указаніемъ на мѣсто нахождения Кипрской иконы, и въ источникѣ, связь котораго съ источниками греческими болѣе вѣроятна, нежели гравированныхъ въ Россіи изображеній иконъ Божіей Матери, а именно въ Клиnceвскомъ иконописномъ подлинникѣ. Къ сожалѣнію, указаніе это извѣстно мнѣ лишь по цитатѣ Д. А. Ровинскаго (IV, стр. 686) и я лишенъ возможности провѣрить ее и получить какія либо свѣдѣнія о времени самого подлинника. «10-го Апрѣля 480 года на мѣстѣ, гдѣ погребенъ Лазарь», говоритъ Д. А. Ровинскій, не сообщая даже, къ какой именно Кипрской иконѣ отнесено подлинникомъ указаніе это. Впрочемъ, сомнѣваться въ томъ, что тутъ имѣется въ виду именно интересующая насъ икона, празднуемая 20 апрѣля, едва ли нужно и можно даже думать, что или въ подлинникѣ 10 должно быть исправлено, если только это не опечатка, въ 20, или же въ листахъ 20 въ 10, что для насъ въ сущности безразлично. Кромѣ того, опредѣленіе подлинникомъ мѣста нахождения Кипрской иконы падаетъ именно «въ южную часть острова», гдѣ помѣщаетъ чудотворную мозаику греческое сказаніе. При имп. Львѣ Мудромъ, на южномъ берегу острова, на мѣстѣ древняго города Китія, первымъ епископомъ котораго преданіе называетъ (называло ли оно ранѣе того времени, мнѣ неизвѣстно) Лазаря, найденъ былъ древній саркофагъ съ какою то не греческой надписью, которая переведена была: «Лазарь другъ Христовъ»; останки, найденные въ гробницѣ, положены были въ серебряную раку и унесены въ Константинополь, гдѣ императоръ соорудилъ церковь во имя св. Лазаря ¹⁾. Слѣдовательно подлинникъ по-

1) Zonar. IV, стр. 42 ed. Dindorf. Συναξαριστής авинскаго изданія относитъ это къ 890 году. Макарьевскія Четьи-Миней подъ 17 октября: «въ Кытнейскомъ градѣ». Σακελλάριος о. с., I, стр. 34.

мѣщаетъ чудотворную икону въ теперешнюю Ларнаку, которая стоитъ на мѣстѣ древняго Китія, и гдѣ находится большая церковь Лазаря надъ мраморнымъ саркофагомъ, о чемъ подробнѣе говорить надѣмся мы въ другомъ мѣстѣ. Но ни теперь, ни у прежнихъ паломниковъ ничего не говорится о существованіи въ Ларнакѣ какого либо чудотворнаго изображенія Божіей Матери. Но близъ Ларнаки находится деревня Кити, на которую перешло имя древняго города, вѣроятно, послѣ какого-либо конечнаго раззоренія и запустѣнія его, а въ деревнѣ этой въ церкви Божіей Матери сохранилась и по нынѣ древняя мозаика абсиды, которую мы и издаемъ ниже, и къ которой издревле приурочивали сказаніе о чудотворномъ мозаическомъ изображеніи Божіей Матери. Какъ мы увидимъ далѣе, отождествленіе это не вѣрно, такъ какъ ни мѣсто находженія мозаики, ни композиція ея не соотвѣтствуютъ подробностямъ, сообщаемымъ сказаніемъ о мозаикѣ, прославившейся чудомъ, но, очевидно, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что въ Клинецкомъ подлинникѣ имѣется въ виду именно современная деревня Кити, а не древній Китій, нынѣ Ларнака: ошибка вполнѣ извиняемая тождествомъ именъ и близостью разстоянія. Но если опредѣленіе мѣста и оказывается основательнымъ, то относительно даты мы, не зная источника подлинника и степени его авторитетности, должны быть очень осторожны и не можемъ пока принимать 480 годъ за годъ исполненія прославленной чудомъ мозаики надъ дверью небольшой церкви Божіей Матери въ южной части острова, хотя бы, какъ была о томъ рѣчь выше, мозаика эта и принадлежала, вѣроятно, времени между половиною V-го и VII-го вѣковъ. Дата, сообщаемая Клинецкимъ подлинникомъ, оказывается такимъ образомъ возможною, но не болѣе.

II.

Παναγία Ἀγγελόκτιστος.

Богомольцамъ, плывшимъ изъ Европы въ Святую Землю, отправлялись ли они изъ Константинополя, или изъ Венеціи, Кипръ являлся обычною станціей, именно южные порты его: Пафъ, Лимасаль и Ларнака. Многие, не ограничиваясь краткою остановкой судовъ, за-

пасавшихся здѣсь водою и дровами, оставались на островѣ дольше ради его многочисленныхъ святынь¹⁾.

Римская матрона, св. Павла, остановилась въ 382 году на Кипрѣ, чтобы посѣтить гостя своего по Риму знаменитаго Епифанія Кипрскаго, а позднѣйшіе паломники оставались, чтобы поклониться его могилѣ. Нашъ Даниилъ Паломникъ посвятилъ Кипру двѣ главы, но, къ сожалѣнію, «о кипрстѣмъ островѣ» говоритъ лишь очень кратко, давая подробности лишь «о горѣ идѣ же св. Елена крестъ поставила»²⁾: «Кипръ есть островъ великъ зѣло и множество въ немъ людїи и обилень есть всѣмъ добромъ. И суть въ немъ епископи 20, митрополя же една, а святыхъ въ немъ безъ числа лежить: и ту лежить св. Епифаніе, и апостолъ Варнава, и св. Зиновъ, и св. Трифолие епископъ, его же крестилъ апостолъ Павелъ»... «и ту недостойный азъ... походихъ островъ той весь добрѣ».

Можно думать, что не оставилъ онъ безъ поклоненія и чудотворной мозаики, но, къ сожалѣнію, не далъ столь же подробнаго описанія видѣннаго на Кипрѣ, какъ въ Святой Землѣ. Діаконъ Зосима, прожившій на Кипрѣ (въ 1419—1421 г.г.) полтора мѣсяца, о мозаикѣ также не упоминаетъ. Кромѣ Крестовой горы, лежащей въ разстояніи дневнаго пути отъ Ларнаки, въ самомъ селеніи богомольцы поклонялись гробницѣ Лазаря; близъ лежащая финикійская гробница, обращенная въ часовню Божіей Матери *Φανερωμένης*, также посѣщалась ими; наконецъ въ двухъ часахъ пути къ юго-западу отъ Ларнаки показывали имъ мозаику, къ которой относили выше разсмотрѣнное преданіе. Эта мозаика, издаваемая нынѣ, кажется, впервые, находится въ церкви, носящей странное, очевидно также связанное съ какою-либо легендою имя: *Παναγία Ἀγγελοκτιστος*. Теперь церковь эта стоитъ у садовъ деревни Кітіи или Чіти, какъ выговариваютъ кипріоты. Эта деревня лежитъ близъ мыса того же имени, отдѣленнаго отъ Ларнаки, стоящей на мѣстѣ древняго Кітія, большимъ соленымъ озеромъ, гдѣ добывалась соль и въ древности, и

1) Исчисленіе святынь Кипра см. у Леонтія Махеры (изд. Саеы, стр. 54 сл. и 67 сл.) и у повторяющихъ его Strambaldi (ed. Mas Latrie, стр. 12 сл.), Florio Rustron'a (ed. Mas Latrie, стр. 32 сл.), Stefano Lusignan (о. с. стр. 23 сл.). *Κυπριανός, Ἱστορία χρονολογική* etc., стр. 345—357. Изъ многочисленныхъ упоминаній паломниковъ особенно подробно описываетъ монастыри и святыни Кипра Барскій, который посѣтилъ 50 монастырей (изъ 70) и зарисовалъ 24; рисунки, однако, сохранились не всѣ.

2) Сводъ разсказовъ паломниковъ о горѣ этой см. въ статьѣ Oberhummer'a въ журналѣ *Ausland*, 1892, стр. 364, 380, 394 и 407.

въ средніе вѣка, когда озеро это называли иногда и озеромъ св. Лазаря (*Viaggio* (1494 года) di Pietro Casola, ed. G. Roggo, Milano, 1855, стр. 87: *el lagho de Santo Lazaro*), и на холмѣ западнаго берега котораго бѣлѣтся тюрбе дочери Абу-Бекра, раззорившаго въ 632 году Китій. Это ли, или какое-либо позднѣйшее раззореніе древняго Китія было причиною перенесенія имени древняго города на новое поселеніе, мы не знаемъ. Есть, правда, два упоминанія о немъ изъ конца VIII-го вѣка, но изъ нихъ не ясно, стоялъ ли тогда городъ этого имени еще на старомъ мѣстѣ: одно упоминаетъ о церкви Божіей Матери въ городѣ Китіѣ, другое говоритъ о 32-хъ китійцахъ, ходившихъ около 785 года на двухъ корабляхъ въ сирійскій городъ Габалы (см. рассказы Константина, архіепископа Кипрскаго, въ 4-мъ засѣданіи VII-го Вселенскаго собора. *Labbe*, VII, стр. 269); судя по послѣднему, кажется, можно думать скорѣе, что Китій стоялъ тогда еще у моря, т. е. на старомъ мѣстѣ, хотя, конечно, тамъ могла быть лишь пристань, какъ то было позднѣе, когда Ларнака называлась иностранцами обыкновенно *Scala di Saline*. Если тогда городъ Китій стоялъ еще на старомъ мѣстѣ, то онъ могъ быть уничтоженъ нашествіемъ Гарунъ-Аль-Рашида, въ 804 году, который, по свидѣтельству Теофана (ed. de Voog, стр. 482), раззорилъ на островѣ церкви и выселилъ жителей. Въ началѣ владычества на Кипрѣ лузиньяновъ, на южномъ берегу острова главнымъ портомъ былъ Лимасоль, какъ то видно, напримѣръ, изъ того, что, при насильственномъ сокращеніи числа греческихъ епископій острова съ 14 (изъ которыхъ, конечно, многія могли существовать тогда лишь по имени) на 4, латинскій епископъ южной части острова назывался согласно его мѣсту проживанія епископомъ Лимасоля, а не Китія¹). На мѣстѣ древняго города Китія основалась деревня Ларнака, получившая имя якобы отъ саркофага Лазаря или отъ многихъ саркофаговъ некрополя древняго Китія, которую упоминаетъ подъ этимъ именемъ уже Леонтій Махера (стр. 72 ed. Σαθά) по поводу находившагося тамъ монастыря св. Олфіана, одного изъ 300, бѣжавшихъ на островъ изъ Сиріи готѣевъ (см. о нихъ Махеру

1) *Strambaldi* (стр. 11 ed. *Maz Latrie*) говоритъ о переустройствѣ греческой церкви латинянами въ 1194—1195 годахъ. О постановленіяхъ 1222 и 1260 г.г. Σακελλάριος, I, стр. 427 сл., 451 сл.; *Maz Latrie* въ *Archives de l'Orient Latin*, II, стр. 208 сл. Теперь, однако, греческій епископъ южной части острова живетъ въ Ларнакѣ и называется Китійскимъ, а не въ Лимасолѣ, съ какого именно времени, мнѣ не извѣстно (Σακελλάριος, I, стр. 618).

стр. 68), и которая дала имя свое и теперешнему городу, стоящему на мѣстѣ древняго Китія.

Имя деревни Кити, вѣроятно, вслѣдствіе переселенія туда жителей разореннаго Китія, упоминается во времена лузиньяновъ по поводу находившагося тамъ замка, гдѣ жилали иногда короли, какъ то извѣстно, напримѣръ, о королѣ Петрѣ I, въ 1367 г.¹⁾ По документамъ 1464—1468 гг. король далъ въ Кити, принадлежавшемъ ему, земельные участки, нѣкоторымъ дворянамъ: а именно, Carion Lusignan, Gabriel Geutil, Honofrio Requesenz (Флоріо Бустронъ, стр. 422, 423 и 421); когда островъ приобрѣтенъ былъ Венеціей, Кити перешло къ роду Подокатаровъ, послѣдній изъ котораго отличился геройскою смертію при покореніи острова турками въ 1571 году²⁾. Тогда, какъ и теперь, Кити славилось садами. Эти сады лежатъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ самой деревни, близъ остатковъ королевскаго замка и церкви Богородицы Ангелозданной, сохранившейся до нашихъ дней древнюю мозаичную роспись алтарной конхи, которую и показывали паломникамъ, какъ мозаику, прославленную въ вышеперозмотрѣнномъ сказаніи. Къ сожалѣнію, я не могъ просмотрѣть рассказовъ всѣхъ паломниковъ, бывшихъ на Кипрѣ, все мно-

1) Письмо отъ 15 сентября 1367 года escript à nostre hostel don Quid приводятъ Guillaume de Machaut «La prise d'Alexandrie» ed. Mas Latrie, Genève, 1877, стр. 1877; объ этомъ же пребываніи короля въ Кити, Махера, стр. 109 сл.; Strambaldi, стр. 88: ritrovandosi il re nel casal Chiti alla cazza; Флоріо Бустронъ, стр. 265; Mas Latrie, L'île de Chypre et sa situation présente, Paris, 1879, стр. 19.

2) См. Mas Latrie, Histoire de Chypre, III, стр. 242. Ἀρχιμ. Κυπριανός, Ἱστορία χρονολογικὴ τῆς νήσου Κύπρου, Венеція, 1788, стр. 26: (Κίτιον) τῶρα λέγεται χωρίον Κίτι, ἦτον ἀπόκτημα, ἰταλικῶς φέουδον, τοῦ Κιανίωνα Λουσινιανοῦ, ἐκ τοῦ οὗοίου ὑπέστησαν αὐτὸν ὁ ὑστερος βασιλεὺς τῆς νήσου Γιάκουμος Λουσινιανὸς Μπαστάρδος. Ἐδόθη μετὰ τὴν ὀπотаγὴν τῆς νήσου εἰς τὴν ἀριστοκρατίαν τῶν Ἑνετῶν εἰς τὴν γενεάν Ποδοκατάρου. Darper, Discription des îles de l'Archipel, traduit de flamand, Amsterdam, 1601, стр. 38... la ville de Citium, à présent Chiti: il n'est presque resté de cette ville qu'une ancienne tour à demi-ruiné et quelques petites maisonnettes, qui forment un bourg, apelé Chiti, qui étoit du temps des Venitiens le lieu de plaisance de l'île, Hector Podocatharus, Chevalier de Cypre, en étoit le propriétaire, et avoit le soin d'y faire cultiver plusieurs beaux jardins, ... on voit encore près de la mer tout contre Limisso un des plus beaux jardins de Cypre, qui porte ce même nom. Thomaso Porcacchi da Castiglione, L'isole più famose del Mondo, 1620, стр. 147: fu seggio reale la città di Chiteon. et hora ridotta in casale si chiama Chiti, ch'era le delitie di quel regno, posseduto da Hettore Podocatharo cavalier Cipriotto, che di queste cose scrisse; il qualer haveva giardini bellissimi, et ripieni di preciosi frutti. Что касается башни, здѣсь упоминаемой, то я ее не замѣтилъ. Башня же «на мысу Кити», изображенная у Рей'я (Etude sur les monuments de l'architecture militaire des croisés en Syrie et dans l'île de Chypre, Paris, 1871, стр. 231) и относимая имъ къ XIV вѣку, обычная сторожевая башня, можетъ быть, венеціанскаго времени, и ничего общаго съ королевскимъ замкомъ, конечно, не имѣеть.

жество которыхъ исчислилъ въ вышеуказанной статьѣ Oberhummer: найденныя же мною упоминанія о мозаикѣ этой начинаются лишь съ прошлаго вѣка.

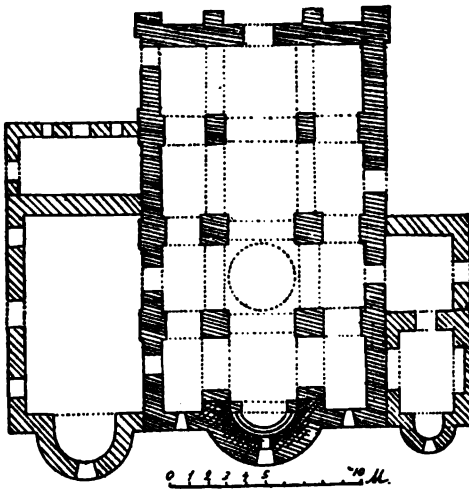
Нашъ знаменитый описатель святынь Востока Плака-Барскій посѣтилъ церковь эту по дорогѣ изъ Ларнаки въ Лимасоль или 2 іюня, или въ началѣ іюля 1727 года (ср. Странствованія, I, стр. 400 съ 407); но онъ говоритъ о ней не въ описаніи странствій своихъ по Кипру, а лишь кратко въ общемъ обзорѣ кипрскихъ святынь (II, стр. 332): «храмъ гѣпотень въ веси Китѣ иже бѣше прежде престоль архіерейскій, тамо и чудотворній образъ Богородицы, каменцами отъ мусіи насажденъ и отъ Арапа нѣкогда ударенъ, кровь источити повѣствуется». Отъ не менѣе внимательнаго паломника, флорентійца Марити, посѣтившаго островъ въ 1748 году, также не укрылась мозаика эта: «questo casale (di Citi) — говоритъ онъ (Viaggi per l'isola di Cipro e per la Soria e Palestina fatti di Giovanni Mariti, Lucca, 1769, I, стр. 181), — fu già feudo di un signore delle casa Lusignani; anche al giorno presente si vede qualche segno di essere stato una grossa terra. Fra le altre è la osservarsi una chiesa piuttosto grande, dedicata alla Madonna, conservandosi ivi una sua Immagine lavorata a Mosaico, la quale da i Greci è tenuta in venerazione». Въ 1845 году знаменитый археологъ Россъ видѣлъ церковь только снаружи, иначе онъ, конечно, не преминулъ бы упомянуть о мозаикѣ¹⁾. Киприотъ Сакелларій, объѣздившій островъ въ 50-хъ годахъ, лишь кратко упоминаетъ мозаику, видимо не зная преданія съ нею связаннаго, и другой образъ Божіей Матери, находящійся въ той же церкви: Βορείως δὲ τῆς κώμης ταύτης (Κίτι) κεῖται ὁ ναὸς τῆς Παναγίας τῆς Ἀγγελοκτίστου. ἡ δ' ἐν αὐτῷ εἰκὼν λέγεται ὅτι εἶνε ἐκ τῶν ἑβδομήκοντα, ἃς ὁ ἀπόστολος Λευκᾶς ἱστορήσεν. Ἐν τῷ ναῷ δ' εἶτι ὑπάρχει ψηφιδωτὸν, παριστῶν τὴν Θεομήτορα ἐν μέσῳ τῶν ἀγγέλων Μιχαὴλ καὶ Γαβριὴλ (I, стр. 47). Упоминаетъ ли еще кто-либо изъ описателей Кипра о мозаикѣ этой, мы не знаемъ, такъ какъ намъ недоступна вся обширная новѣйшая литература о Кипрѣ, особенно же греческая и англійская²⁾.

1) Ross, Reisen auf den griechischen Inseln, IV, стр. 91: An seinem (des Dorfes Kitia) nördlichen Ende liegt eine ansehnliche Kirche zum Theil von gothischer Bauart, also noch von fränkischer Zeit, der Panagia Angelo-Ktistos und unweit derselben die Ruinen eines Ritterschlosses.

2) См. библиографическій указатель Oberhummer'a въ Bursian's Jahresberichte, 1893, III, стр. 29—96. Упоминаемая тамъ статья Παπαδάκη. «Ἡ μονὴ τοῦ

Я посѣтилъ церкви 15 сентября 1895 года и снялъ съ мозаики издаваемые нынѣ фотографіи, которыя далеко не соотвѣтствуютъ достоинству самой мозаики, и изданіе которыхъ имѣетъ цѣлью лишь обратить вниманіе на мозаику и вызвать подобающее изслѣдованіе и изданіе ея.

Церковь по внѣшности своей не представляетъ ничего особеннаго: эта церковь византійскаго типа, каковыя на Кипрѣ не рѣдки¹⁾, и построеніе которыхъ едва ли можно относить къ какому-либо одному періоду; во всякомъ случаѣ всѣ онѣ не древнѣе, вѣроятно, X—XI в.

Приблизительный планъ церкви
Παναγία Ἀγγελόκτιστος.

Церковь увѣнчана одной главою, съ высокимъ барабаномъ о восьми узкихъ окнахъ. Никакихъ признаковъ готическаго стиля при посѣщеніи мнѣ въ глаза не бросилось, хотя весьма возможно, что нѣкоторыя арки и имѣютъ стрѣльчатую форму, но отсюда ничего заключать о времени построения церкви, какъ то сдѣлалъ Россъ, нельзя. Церковь, конечно, не древнѣе франкскаго владычества, но она могла быть построена

и послѣ него: стрѣльчатая арка примѣняется и въ современныхъ постройкахъ, какъ то замѣтилъ еще Mas Latrie (стр. 556). Къ этой купольной церкви позднѣе пристроены два придѣла: небольшой съ

Κητίου» въ иллюстрированномъ журналѣ «Ἐστὴρος» (1884, стр. 17), издававшемся въ Лейпцигѣ, описываетъ и изображаетъ на приложенномъ рисункѣ монастырь Кикка, хотя въ ней оба раза напечатано Κητίου вмѣсто Κύχκου, что объясняется сходствомъ этихъ словъ въ новогреческомъ письмѣ. Изслѣдователь равенскихъ мозаикъ Jean P. Richter былъ въ Ларнакѣ, но, къ сожалѣнію, о мозаикахъ въ Китіи, повидимому, не слышалъ. J. P. Richter, Die Mosaiken von Ravenna, стр. 79, пр. 5.

1) См. о нихъ краткія замѣчанія Mas Latrie въ Archives des Missions scientifiques I (1850), Paris, 1855, стр. 555 сл. Къ сожалѣнію, мнѣ осталась недоступной статья Schröder'a въ журналѣ Globus за 1878—79 годъ, который, судя по указанію Ohnefalsch-Richter'a (Repertorium für Kunstwissenschaft, IX (1886), стр. 206), обратилъ вниманіе и на византійскіе памятники, что въ литературѣ о Кипрѣ встрѣчается рѣдко.

сѣвера, гдѣ на стѣнахъ видны старыя фрески, которыя показались мнѣ не древнѣе XVI-го вѣка, и значительно бѣльшій, служащій нынѣ школою, къ южной стѣнѣ. Надъ дверью, ведущей отсюда въ церковь, находится плита съ надписью о поновленіи 1714 года; должно думать, что плита эта вставлена здѣсь еще до пристройки южнаго придѣла. Еще новѣе, чѣмъ школа, комната, нынѣ пустая, съ дверью и окнами, пристроенная въ углу между южной стѣною церкви и западной стѣною школы. Поздиѣе, чѣмъ сѣверный придѣлъ, пристроены двѣ стѣны къ западной его части: ранѣе входъ и въ церковь сѣверными дверьми, и въ сѣверный придѣлъ былъ прямо съ улицы. Внутри церкви куполъ поддерживается четырьмя столбами, которые нѣсколько толще опирающихся на нихъ подпружныхъ арокъ, откуда, кажется, можно предполагать, что куполъ относительно новѣе, чѣмъ столбы эти; другіе два столба поддерживаютъ своды западной части церкви, которая въ сущности ничего особеннаго, кромѣ величины и многочисленности, не представляетъ, но если вспомнить бывшее процвѣтаніе Кипра, то и это будетъ вполне понятно. Мы не можемъ точно опредѣлить времени построения этой церкви, но никакихъ основаній и даже возможности возводить ее ко временамъ ранѣе владычества лузиньяновъ мы не видимъ. И на планѣ церкви этой и еще болѣе при видѣ ея восточной части снаружи поражаютъ непомерно малые размѣры абсиды, которые совсѣмъ не соотвѣтствуютъ величинѣ церкви. Это объясняется тѣмъ, что нынѣ существующая церковь пристроена къ значительно древнѣйшей, чѣмъ она сама, абсидѣ. Новая церковь столь велика, абсида же столь мала, что при постройкѣ на мѣстѣ старой церкви новой старую абсиду, конечно, сломали бы и замѣнили новою, и если она осталась не только не разрушенной, но даже укрѣпленной, то причиною этому была, конечно, лишь древняя мозаика, сохранившаяся въ конхѣ ея. Какова была эта древняя церковь, судить безъ архитектурнаго изслѣдованія нельзя; снаружи около абсиды валяется обломокъ мраморной колонны, со спиральными канелюрами, но онъ могъ также хорошо быть откуда-либо притащеннымъ, какъ и принадлежать одной изъ внутреннихъ колоннадъ древней церкви, если та была, соотвѣтственно удлиненному плану существующей теперь, «*δρομικὴ*», т. е. базиликой. Старая абсида (около 3,50 м. въ діаметрѣ) при постройкѣ новой церкви была обведена снаружи новой стѣною, при чемъ новое окно сдѣлано было гораздо меньше стараго, и только благодаря окнамъ купола и проникавшимъ черезъ нихъ солнечнымъ лучамъ оказалось

возможнымъ фотографировать мозаику конхи. Арка конхи во время перестройки, вѣроятно, угрожала паденіемъ, почему ее подперли новымъ сводомъ, который сузилъ ширину абсиды и закрылъ мозаики, какъ бордюра, шедшаго по наружному краю конхи, такъ и украшавшія вертикальную плоскость стѣны надъ отверстіемъ триумфальной арки. Въ лѣвой части мозаика опала, въ срединѣ широкая трещина проходитъ черезъ сводъ конхи. Мозаика сильно запылена и закопчена, а потому разсмотрѣть цвѣта нѣкоторыхъ кубиковъ оказалось невозможнымъ. Страннымъ образомъ лица Божіей Матери и Христа покрыты слоемъ известки и грубо нарисованы по ней розовой краскою, хотя подъ слоемъ ея ясно вполне сохранившіеся кубики мозаики. Кромѣ видимыхъ на фотографіяхъ надписей ΜΙΧΑΝΑ и ΓΑΒΡΙΝΑ, надъ нимбомъ Богородицы на бѣлой полосѣ между золотымъ фономъ и нимбами и крыльями ангеловъ, примыкавшими къ застроенному нынѣ бордюру подъ копотью замѣтилъ и, почистивъ, прочелъ я надпись:

+ΝΑΓΙΑ ^{нимбъ} _{Б. М.} ΜΑΡΙΑ+, выложенную изъ темнокрасныхъ куби-

Мозаика церкви Παναγία Ἀγγελότιστος.

ковъ буквами въ 9 сантиметровъ высоту. По низу конхи идетъ орнаментальная полоса изъ розетокъ, крестовъ, образованныхъ пересѣкающимися кругами; фонъ ея въ лѣвой части розовый, въ правой же цвѣта кубиковъ разобрать нельзя. Въ срединѣ полоса эта пересѣкается подножіемъ, на которомъ стоитъ Божія Матерь; верхній край его изображенъ бѣлымъ, т. е. серебрянымъ, съ цвѣтными камнями; такъ какъ подобный же бордюръ виденъ и на задней стѣнкѣ подножія, то подножіе это надо представлять себѣ въ видѣ загородки, хотя бы и съ возвышенной серединой. Божія Матерь изображена стоя съ Христомъ-Младенцемъ, сидящимъ на лѣвой рукѣ ея. Нимбы ихъ окаймлены синей и бѣлой полосками, но цвѣта внутренней темной части нимбовъ разсмотрѣть я не могъ. Крестъ, кажущійся изображеннымъ внутри нимба Христа, изображенъ далеко не такъ ясно, какъ обыкновенно его изображаютъ, и мнѣ теперь кажется даже сомнительнымъ самое присутствіе его, такъ какъ надъ головою четырехугольное свѣтлое пятно не доходитъ до верхняго края нимба, а справа свѣтлая полоса имѣетъ видъ не праваго конца креста, а скорѣе полосы кубиковъ болѣе свѣтлаго, чѣмъ прочіе, цвѣта, выложенныхъ по дугѣ круга, что наводитъ на предположеніе, которое, къ сожалѣнію, не пришло мнѣ въ голову передъ самою мозаикой, что нимбъ Христа изображенъ въ видѣ диска, состоящаго изъ полосъ, переходящихъ отъ одного тона къ другому, примѣры чего находимъ мы на древнѣйшихъ христіанскихъ мозаикахъ Рима. Такое предположеніе подтверждаетъ нимбъ архангела Михаила, гдѣ совершенно ясно различается болѣе свѣтлая полоса по внѣшнему краю нимба. Правая рука Христа поднята и, вѣроятно, благословляла, но теперь разсмотрѣть этого нельзя, такъ какъ тутъ мозаика попорчена. Лѣвая рука лежитъ на колѣнѣ, кисть ея сжата, повидимому, въ кулакъ, но ни свитка, ни книги въ ней усмотрѣть я не могъ. Общаго цвѣта одежды Христа, равно какъ и Божіей Матери, опредѣлить оказалось невозможнымъ: одежда Христа свѣтлѣе, чѣмъ у Божіей Матери, но не бѣлая, судя по рѣзкой разницѣ съ одеждами ангеловъ. Божія Матерь, посадивъ Младенца на лѣвую руку, четыре пальца которой видны, правую придерживаетъ его за колѣно; сообразно этому тяжесть тѣла Ея покоится на лѣвой ногѣ, правая же слегка согнута въ колѣнѣ и отставлена въ сторону. Одежда изображена совершенно правильно: въ зависимости отъ позы передъ лѣвою ногой туника падаетъ вертикальными почти параллельными складками, передъ правую же обра-

зается рядъ наклонныхъ, расходящихся книзу складокъ, тогда какъ на колѣнѣ и бедрѣ одежда натянута. Поверхъ этого хитона съ узкими рукавами, конецъ одного изъ которыхъ видѣется на запястьѣ правой руки, накинута плащъ, прикрывающій, повидимому, и голову. Онъ спускается, тѣсно прилегая къ туловищу, съ правой, поднятой изъ-подъ него руки почти до колѣна, по другую сторону ея онъ образуетъ широкую пазуху передъ грудью; судя по направленію складокъ на груди, онъ застегнутъ на лѣвомъ плечѣ; длинный конецъ плаща, перекинутый черезъ лѣвую руку, свѣшивается съ нея почти до земли, отходя широкими складками своими далеко отъ туловища, что вполне вѣрно, такъ какъ лѣвая рука, на которой сидитъ Младенецъ, также отведена въ сторону, но острый конецъ плаща слишкомъ ненатурально отогнуть въ сторону, чтò бросается въ глаза особенно рѣзко потому, что также точно изображенъ и конецъ плаща архангела Михаила. Цвѣта одежды опредѣлить я не могъ, плащъ кажется свѣтлѣе нижней одежды, на головѣ надо лбомъ видна, повидимому, изъ-подъ плаща свѣтлая полоса головного убора. Плащъ обшитъ по краю бордюромъ, обозначеннымъ на натянутомъ краѣ его на правой рукѣ и на зигзагообразныхъ складкахъ, спадающихъ съ лѣвой. Одежда Божіей Матери и Христа исполнена оригинальнымъ способомъ: она вся устѣяна свѣтлыми, бѣлыми и розоватыми кубиками, насаженными на небольшихъ разстояніяхъ другъ отъ друга, чтò, мѣшая уловить общій цвѣтъ одежды, производитъ, особенно теперь, когда цвѣта темныхъ кубиковъ не видно, весьма непріятное впечатлѣніе; въ одеждѣ Христа такихъ свѣтлыхъ кубиковъ еще больше. Особенно же некрасивы эти свѣтлые кубики, которые рябятъ въ глазахъ, на широкихъ вертикальныхъ складкахъ передъ лѣвою ногой Божіей Матери. Но надо думать, что эти свѣтлые кубики не бросались такъ рѣзко въ глаза, когда ясно видны были цвѣта промежуточныхъ, болѣе темныхъ. По сторонамъ Божіей Матери два архангела. Большая часть Михаила разрушилась, и мѣсто опавшей мозаики нынѣ заштукатурено. Лицо, по счастью, сохранилось и поражаетъ красотой, къ сожалѣнію, оно пришлось внѣ фокуса на болѣе фотографіи; оно выложено изъ кубиковъ бѣловатыхъ, розоватыхъ, розовыхъ и красныхъ, а въ тѣняхъ, напр., подъ глазами и подъ бровями, а также на лбу справа немногихъ зеленоватыхъ, но не зеленыхъ. Широкая тѣневая полоса на правой щекѣ для обозначенія перехода отъ свѣта къ тѣни имѣетъ рядъ свѣтлыхъ, желтоватыхъ кубиковъ, вставленныхъ на нѣкоторыхъ

промежуткахъ одинъ отъ другого. Глаза голубые. Бѣлокурые волнистые волосы переданы на коричневомъ фонѣ бѣловатыми полосами, которыя, хотя и ясно выражаютъ характеръ волосъ, но не слишкомъ рѣзко бросаются въ глаза. Большой нимбъ, не золотой, теперь онъ кажется бѣловатымъ, свѣтлѣе къ наружному краю, окаймленному темнокрасною и бѣлою полосами, чѣмъ къ головѣ. Буквы подписи на золотомъ фонѣ бѣлыя. Сфера въ правой рукѣ архангела темная, зеленовато-синяя съ небольшимъ крестикомъ, на ней начертаннымъ¹⁾. Видимая часть лѣваго крыла выложена изъ синихъ и зеленыхъ кубиковъ; въ верхней части его перья представлены на подобіе чешуи, а въ нижней, подъ рукою, видно темное пятно съ желтымъ ободкомъ, на подобіе пятенъ павлиньяго хвоста. Правая рука, насколько она сохранилась, нарисована безжизненно, мускулатура не обозначена, хотя при изображенномъ поворотѣ особенно рѣзко мускулы и не выражаются. За то весьма реально переданъ въ нижней тѣневой части ея вставленными туда красными и зелеными кубиками рефлексъ отъ пестраго крыла. Лѣвой рукою, пальцы которой ясно видны, Михаилъ держитъ наклонно жезлъ, образуемый синеватыми контурами, изъ коихъ верхній свѣтлѣе нижняго, и золотою полоской между ними.

Отъ одеждъ сохранилось немного: бѣлый плащъ съ лѣвой руки спадаетъ такимъ же острымъ угломъ, какъ и у Божіей Матери; на краю его ясно виденъ знакъ въ видѣ буквы I; по бѣлой туникѣ, видимой изъ-подъ плаща, идетъ широкая золотая вертикальная полоса. Ступня ноги въ золотой сандалиі стоитъ на зеленомъ полѣ и изображена въ профиль. Поза архангела, судя по положенію этой ноги, вертикальнымъ складкамъ туники и положенію плаща, была спокойная: онъ стоялъ, повернувшись въ $\frac{3}{4}$ къ Божіей Матери, и держалъ въ правой рукѣ, протянутой передъ грудью, сферу, а въ лѣвой жезлъ.

Иного характера изображеніе Гавріила. Онъ представленъ въ быстромъ движеніи влѣво, по направленію къ Богородицѣ, хотя движеніе это и противорѣчитъ спокойной позѣ Михаила. Лице его рѣзко отличается отъ нѣжнаго лица Михаила, и вслѣдствіе темныхъ бровей, широкооткрытыхъ глазъ и морщины на лбу выглядит гораздо строже и даже нѣсколько грозно. Тѣнь вдоль носа слишкомъ рѣзко обозначена черною полосой. Волосы, перевязанныя надо лбомъ

1) Въ замѣткахъ моихъ значится еще крестикъ, стоящій на сферѣ, но страннымъ образомъ я не могу найти его на фотографіяхъ.

лентою, концевъ которой, «слуховъ», на фонѣ нимба, однако, не замѣтно, исполнены такъ же, какъ и у Михаила, но тутъ вмѣсто бѣловатыхъ полосъ космы обозначены полосами коричневыми и поэтому не столь рѣзки: очевидно, художникъ представлялъ себѣ волосы Гавріила болѣе темными. Въ тѣни на лѣвой щекѣ ясно виденъ тотъ же оригинальный приѣмъ передавать переходы свѣтотѣни чередующимися, здѣсь бѣловатыми и темносѣрыми кубиками; тоже самое видно и во многихъ мѣстахъ на одеждѣ. Складки ея переданы весьма живо и тщательно и достаточно вѣрно. Плащъ съ двумя темнокрасными знаками Н и Г покрываетъ лишь лѣвое плечо и лѣвую руку, какъ должно представлять себѣ и плащъ Михаила. На правомъ плечѣ и на нижнемъ краю хитона съ короткими, по локоть, рукавами видна вертикальная золотая полоса, выложенная изъ золотыхъ, желтоватыхъ и бѣловатыхъ кубиковъ. Въ лѣвой рукѣ Гавріиль держитъ жезлъ, переданный золотою и черною полосками, въ правой зеленоватую, теперь сильно почернѣвшую, сферу съ крестомъ или скорѣе буквою Х на ней. Вполнѣ сохранившіяся крылья являются здѣсь во всемъ ихъ оригинальномъ блескѣ: въ верхней части они чешучайтыя, что передаетъ, конечно, короткія перья, а ниже, вмѣсто обычныхъ отдѣльныхъ длинныхъ перьевъ, идутъ на сплошномъ полѣ крыла пестрыя глаза павлиняго хвоста, выложенныя синими, зелеными, красными, желтыми и иными кубиками. Всѣ три фигуры выдѣлены изъ золотого фона и сплошнаго зеленого поля, на которомъ онѣ стоятъ, рѣзкими контурами. Черными линиями помогаютъ иногда себѣ мастера и въ передачѣ переходовъ тѣни въ складкахъ и мускулахъ, такъ, напримѣръ, обозначенъ чрезмѣрно рѣзко мускулъ на шеѣ Гавріила.

Въ общемъ мозаика производитъ впечатлѣніе мастерской по живости, свѣжести работы; къ сожалѣнію, отъ меня много скрыто было пылью и копотью, но надо надѣяться, что мозаика эта будетъ промыта и дождется лучшей публикаціи, чѣмъ настоящая, которую мнѣ приходится дѣлать по неполнѣ удачнымъ фотографіямъ, а большую при этомъ по лопнувшему въ верхней части изображенія негативу.

Въ надписяхъ, выводить изъ формъ буквъ которыхъ какія-либо хронологическія заключенія мы не дерзаемъ, поражаетъ наименование Богородицы «святою Маріей», что теперь для насъ представляется совершенно необычнымъ и что уже во время раздѣленія церковей поставляемо было восточными богословами въ вину Западу, какъ умаленіе

достоинства Пр. Дѣвы, которую Эфесскій соборъ призналъ Богородицею. Ранѣе собора такъ именовали Ее лишь мѣстами, общепотребительнымъ же, если и не обязательнымъ, наименованіе это стало, конечно, лишь послѣ собора. Интересно, что даже у Кирилла Александрійскаго, ревностнаго защитника наименованія этого ¹⁾, находимъ мы однажды названіе большой эфесской церкви, въ которой засѣдалъ соборъ, церковью «τῆς ἁγίας Μαρίας», другой же «τῆς ἁγίας Μαρίας Θεοτόκου» (Migne, Patr. gr. 77, стр. 131 и 138), откуда, кажется, несомнѣнно, что церковь называлась церковью «Святой Маріи». Мы не въ силахъ прослѣдить по литературнымъ памятникамъ, когда и сколь быстро старое и простое имя «Святой Маріи» вытѣснено было богословскимъ опредѣленіемъ «Богородицы», но полагаемъ, что немедленно же послѣ 431 года стали повсюду употреблять единственно новое или, по крайней мѣрѣ, окончательно освященное соборнымъ постановленіемъ имя Θεοτόκος, разумѣется, едва ли возможно. Поэтому наименованіе Божіей Матери на Китійской мозаикѣ «Святою Маріей» свидѣтельствуемъ, что мозаика эта, изображающая Божію Матерь въ небесномъ величіи Богородицею, согласно соборнымъ постановленіямъ, но дающая Ей старое имя, исполнена была тогда, когда это старое имя не было еще вытѣснено новымъ титуломъ. Опредѣлить время это хронологической датой мы не можемъ. Какъ на аналогіи надписи кипрской мозаики, укажемъ лишь на два памятника, къ сожалѣнію, точно хронологически также не опредѣленные: въ росписи александрійской катакомбы, повидимому, вѣка VI ²⁾, въ изображеніи чуда въ Канѣ Галилейской, стоитъ надпись Η ΑΓΙΑ ΜΑΡΙΑ, представляющая сходство съ китійскою и по начертанію буквъ, которыя, однако, въ мозаичной надписи гораздо ѳже. На пластинкѣ изъ слоновой кости въ Museo Trivulzi въ Миланѣ, относимой вѣку къ VI-ому, въ сценѣ Благовѣщенія надъ головою Божіей Матери стоятъ двѣ монограммы, которыя совершенно ясно и несомнѣнно читаются — Η ΑΓΙΑ ΜΑΡΙΑ ³⁾. М. И. Ростовцевъ

1) О немъ по позднѣйшему, конечно, сказанію сама Богородица говорила, «много подвизася Моя ради чести и онъ Мя въ чловѣцѣхъ прославилъ и Богородицею нарече». (Изданія Общъ Люб. Др. Пис. 1877, II, къ стр. 4). Ср. Sedren. I, p. 575 сл. (ed Bonn.).

2) *Bulletino di archeologia cristiana*, 1865, стр. 58; Garrucci, 105. В. 5; о времени росписи см. Schultze, *Die Katakomben*, стр. 283—284.

3) Garrucci (453. 1.) прочелъ невѣрно: παναγία Μαρία; вѣрно прочелъ монограммы Westwood, *A descriptive catalogue of the fictile ivories in the South Kensington Museum*, London, 1876, стр. 366. Лучшій рисунокъ диптиха, чѣмъ данный у

указалъ мнѣ на находящійся въ Codex Epigraphicus Magini въ Ватиканской библиотекѣ (Cod. dat. 9071, p. 167) рисунокъ бронзовой гири, находившейся нѣкогда во Флоренціи, гдѣ, вокругъ обозначенія вѣса, буквами, выложенными серебромъ, значится † ΛΓΙΑ ΜΑΡΙΑ ΒΟΝΘΗΣΟΝ, а въ углахъ ΘΕΣΧΑΡΙΣ. Странная форма перечеркнутой наверху А не позволяетъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, судить о древности этой гири. На монетахъ Льва Мудраго (Garrucci, 482, 13. Saulcy, Essai de classification... des monnaies byzantines, табл. XIX. 7), надъ пояснымъ изображеніемъ Божіей Матери въ позѣ Оранты, стоитъ между двумя крестами надпись † ΜΑΡΙΑ †, но ниже прибавлено ΜΗΡ ΟΥ. Надпись ἡ ἁγία πάρθενος Μαρία въ миниатюрѣ Ватиканской рукописи Космы Индоплова вѣка VII (см. Н. П. Кондакова, Исторія Византийскаго искусства, стр. 86 сл. франц. изд. I, стр. 137 сл.) ближайшей аналогіи не представляетъ, какъ по иной формѣ, такъ и по нахожденію надписи при изображеніи Божіей Матери въ ряду иныхъ святыхъ, а не при такомъ изображеніи Ея, какъ Богородицы, каковы на китійской мозаикѣ и миланской пластинкѣ.

Въ надписяхъ юстиніановскаго времени къ старой формѣ «Святая Марія»¹⁾ прибавляется еще «Богородица» (С. I. Gr. 8640, 8643; ср. Papers of American School at Athen, II, № 280).

Орнаментъ горизонтальной полосы конхи при всей его простотѣ и обычности весьма напоминаетъ орнаментъ рамки, окружающей изображенія медиковъ въ вѣнской рукописи Диоскорида начала VI-го вѣка, хотя тамъ пересѣкающіяся круги крестообразно расположенныхъ отрѣзковъ и не представляютъ (см. рис. у Louandre'a, Les arts somptuaires).

Композиція мозаики поражаетъ несимметричностью: Божія Мать изображена, согласно центральному Ея положенію, строго en face, архангелы же, составляющіе Ея небесную стражу, вмѣсто того, чтобы стоять въ сходныхъ, спокойныхъ и торжественныхъ позахъ царскихъ тѣлохранителей, какъ они и изображаются обыкновенно въ этой роли, представлены различно: Михаилъ, какъ то видно по уцѣлѣвшимъ

Гарруччи, см. у Schlumberger'a, L'épopée Byzantine à la fin du X-me siècle, Paris, 1896, стр. 48. Но относить диптихъ къ X в. намъ кажется совершенно невозможнымъ, въ виду рѣзкаго различія стilia этого рельефа и всѣхъ остальныхъ, изданныхъ тамъ же и относящихся къ X—XI вв.

1) Надпись изъ Эзры (Трахонитида) ἡ ἁγία Μαρία etc. (Waddington № 2502) затмевается слѣдующими словами (ibid. Explications, стр. 570) и можетъ быть не чисто христіанская.

остаткамъ его фигуры, стоялъ совершенно спокойно, Гавріиль же изображенъ быстро идущимъ влѣво.

Правда въ памятникахъ древне-христіанскаго искусства нерѣдки фигуры, изображаемыя въ непомѣрно быстромъ или преувеличенномъ движеніи: почти всегда изображаются такъ волхвы съ дарами, перѣдко и другія фигуры (см. напр. у Gaggucci, 417.3, 437.2 и 5, 438.1, 439.3, 440.2, 447.1, 448.10, 452.1, 456 и т. д.), но тамъ эти отдѣльныя фигуры лишь оживляютъ композицію, не нарушая ея симметричности. Въ обычной композиціи Христа съ двумя получающими отъ Него «законъ» апостолами, симметричность также нарушается иногда болѣе сильнымъ движеніемъ правой фигуры, какъ и на нашей мозаикѣ (см. напр. Gaggucci, 180.6, 332.12, 334.2 и 3, 335, 341.1, 345.1, 406.3, 484.14), но тамъ такая несимметричность объясняется тѣмъ, что Христосъ подаетъ «законъ» именно правой фигурѣ ¹⁾. На мозаикѣ же Кипа нарушение симметріи ничѣмъ, повидимому, не вызывается и поражаетъ тѣмъ болѣе, что во всѣхъ остальныхъ извѣстныхъ намъ изображеніяхъ ангеловъ въ подобныхъ сценахъ такой рѣзкой разницы въ позахъ ихъ не замѣчается.

Архангелъ Михаилъ, насколько можно судить по сохранившейся мозаикѣ, представляетъ значительное сходство съ изображеніемъ его въ ватиканскомъ свиткѣ Иисуса Навина ²⁾: разница объясняется тѣмъ, что тамъ Михаилъ, какъ ἀρχιστρατήγος δυνάμεως Κυρίου (Иисусъ Навинъ V. 13), изображенъ воиномъ съ мечемъ, въ высокой обуви и болѣе короткомъ воинскомъ плащѣ. Но поза одинакова: ступни лѣвой ноги нарисованы въ профиль; лѣвая рука согнута въ локтѣ и держитъ наклонно на миниатюрѣ ножны меча, на мозаикѣ жезлъ; лѣвое крыло изображено наклонно, такъ что видно лишь верхнюю, округлую часть его, но на миниатюрѣ наклонъ его больше и потому вверху оно нimbомъ не пересѣкается, какъ на мозаикѣ. Очевидно, правую ногу и правое крыло, погибшія на мозаикѣ, должно представлять также согласно миниатюрѣ: ногу отставленной и повернутой такъ, что ступня нарисо-

1) Какъ еще одинъ примѣръ несимметричности композицій можно указать мозаичный портретъ Теодориха въ Равеннѣ, гдѣ изображенъ былъ въ срединѣ Теодорихъ, стоя съ копьемъ и щитомъ, слѣва олицетвореніе Рима, а справа въ быстромъ движеніи (прогретана) Равенна, стоя одной ногой на землѣ, другой на морѣ. См. Munz Amer. Journ. of Archaeol., I, стр. 124. Е. К. Рѣдинъ, Мозаики Равеннскихъ церквей, стр. 80.

2) См. рис. у Wickhoffa и Hartel'я, Wiener Genesis, табл. 6.; прежніе рисунки Gaggucci, 159, 1 и Н. П. Кондакова (Атласъ т. II, 1; франц. изд. I, стр. 99 = Schultze, Archäologie, рис. 109) довольно неточны.

вана была въ $\frac{3}{4}$ носкомъ наружу, а крыло далеко отведеннымъ влѣво отъ фигуры, гдѣ оно должно было заполнять значительное пространство между фигурою Михаила и вертикальною орнаментальною полосой по краю конхи.

Нимбъ на миниатюрѣ также бѣлый, каковы впрочемъ и всѣ прочіе нимбы свитка. Лице такое же юное, какъ и на мозаикѣ, гдѣ оно, вслѣдствіе небрежнаго исполненія миниатюры, смотритъ гораздо красивѣе, повернуто на обоихъ изображеніяхъ вправо, волосы изображены одинаково спадающими на шею, прикрывая ухо, и перевязанными лентою, концы которой (т. н. «слѣхи») не выются, какъ то бываетъ обыкновенно на позднѣйшихъ изображеніяхъ ангеловъ, на фонѣ нимба; волны волосъ переданы на миниатюрѣ параллельными изогнутыми штрихами, которымъ на мозаикѣ соответствуютъ свѣтлыя, также параллельныя полоски; надо лбомъ волосы взбиты пучкомъ и прикрываютъ поэтому ленту, а такъ какъ на миниатюрѣ лице повернуто вправо сильнѣе, чѣмъ на мозаикѣ, то и ленты тамъ видно гораздо больше.

Такое сходство въ позѣ и типѣ этихъ обоихъ изображеній архангела Михаила должно быть объясняемо, очевидно, зависимостью ихъ обоихъ отъ общаго установившагося уже тогда типа изображеній архангела, но опредѣлить время и мѣсто возникновенія типа этого мы не въ состояніи. Въ мозаикахъ S. Maria Maggiore въ Римѣ архангелъ въ той же сценѣ, что и въ миниатюрѣ, изображенъ просто воиномъ съ копьемъ безъ крыльевъ и отличенъ отъ смертныхъ только голубымъ, зеленымъ нимбомъ (Gattucci, 251, 1. Д. В. Айналовъ, Мозаики IV и V вв., стр. 127), но, въ виду явной зависимости этого рода мозаикъ отъ болѣе древнихъ миниатюръ лицевыхъ рукописей библіи (ср. Д. В. Айналовъ, стр. 108—109) изъ такого изображенія архангела никакъ нельзя выводить, чтобы въ началѣ V-го вѣка не было иныхъ изображеній его въ ангельскомъ видѣ. Подтвержденіе предположенія о зависимости сравниваемыхъ изображеній архангела Михаила отъ обычнаго типа изображеній его (и, конечно, и другихъ ангеловъ также) видимъ мы въ сходныхъ фигурахъ ангеловъ въ бѣлыхъ одеждахъ, какъ и Михаилъ китійской мозаики, и въ позѣ Михаила ватиканскаго свитка, на мозаикахъ триумфальной арки S. Maria Maggiore (Gattucci, 212, 1: второй ангелъ слѣва и 212.2: ангелъ сзади Божіей Матери), а также въ фигурѣ ангела передъ Іаковомъ въ вѣнскихъ отрывкахъ книги Бытія (Wickhoff und Hartel, Wiener

Genesis, табл. XXI), который весьма сходенъ позою съ Михаиломъ въ Кипти и также держитъ жезлъ, но какъ и прочіе ангелы этихъ миниатюръ не имѣетъ никакого нимба ¹⁾).

Особенно и съ весьма ранняго времени чтился архангелъ Михаилъ внутри Малой Азіи, на границахъ Фригіи и Писидіи ²⁾; для временъ Константина культъ его засвидѣтельствованъ для Александріи и Константинополя; архангелъ Михаилъ ³⁾, чтимый и изображаемый иногда вмѣстѣ съ Гаврииломъ, стоялъ, однако, обыкновенно на первомъ мѣстѣ.

Памятники, конечно, весьма немногочисленные, и литературныя извѣстія свидѣлствуютъ о значительномъ разнообразіи изображеній архангеловъ въ эти древнѣйшія времена. Такъ Іоаннъ Злотоустъ видѣлъ

1) Указанная миниатюра интересна еще непомѣрно быстрымъ движеніемъ вправо другого ангела, подобно вышеуказаннымъ примѣрамъ.

2) См. собраніе извѣстій у Robert'a Sinker'a въ Dictionary of Christian Antiquities Smith'a, стр. 1176 сл. и Bonnet, Narratio de miraculo a Michaele Archangelo Chonis patrato... Paris, 1890, стр. XXIV сл. XXXV; а также надпись въ Ath. Mitth. VII, 1882, стр. 144.

3) Интересный разсказъ о низверженіи бронзоваго идола, именовавшагося Михаиломъ, замѣнѣ его крестомъ и обращеніи храма Сатурна въ Александріи въ церковь Михаила, переданный Евтихіемъ Александрійскимъ въ разсказѣ о патриархѣ Александрѣ († 326 г.) (Eutychii Annales ed. Roscoe, 1659, I, стр. 495, ср. стр. 300), долженъ быть объясняемъ, вѣроятно, египетскимъ гностицизмомъ, гдѣ Михаилъ является очень часто геніемъ, то «змѣеобразнымъ» (см. Dieterich, Авраама, стр. 126) — то со львиною головою (Origen. c. Cels., IV, 30, ed. Spencer, 1677, стр. 245); на одномъ рѣзномъ камнѣ имя Михаила стоитъ при изображеніи Гермеса (см. Io. Masarii Avrahae sep Aristoristus 1657, табл. XXI, № 85), что объясняется, вѣроятно, связью Михаила съ планетой Меркуриемъ, а на одномъ свинцовомъ амулетѣ изображеніе Михаила находится при изображеніи Анубиса, отождествляемаго съ Гермесомъ. Константину приписывалась постройка церковей арх. Михаила въ Анаплѣ и Сосееніи (Graeber, Anecdota Patrisina, II, стр. 297); оба храма построены были послѣ видѣній: первый въ V вѣкѣ назывался Μιχαήλιον (Sozomen. Hist. eccl., II, 3), о второмъ Кедринъ (I, стр. 210 ed. Bonn.) передаетъ легенду подобную Александрійской: аргонавты поставили статую явившагося имъ челоуѣка съ орлиными крыльями, а Константинъ обратилъ это святилище въ храмъ арх. Михаила. Этотъ храмъ перестроенъ былъ Юстиніаномъ (Procop. de aedif. I, 8). Юстиніанъ же построилъ (отчасти на мѣстѣ старыхъ) храмы Михаила въ Константинополѣ I, 3. (стр. 185) противъ Анапла или Сосеенія I, 8 (стр. 198—199), на Босфорѣ въ т. н. 'Ιερὸν. I, 9. (стр. 201), въ Писеяхъ въ Виеніи V, 3 (стр. 316), приютъ арх. Михаила въ Пергѣ въ Памфилиі V, 9 (стр. 329) и храмъ въ Антиохіи II, 10 (стр. 241), вѣроятно, на мѣстѣ сожженнаго Персами (Procop. de bello Persico, II, 11). О почитаніи Михаила въ VI вѣкѣ см. эпиграммы Палат. Анеологіи, I, №№ 9, 32, 33, 34, 35, 36. Надписи С. I. Gr. 8911 (едва ли столь древняя, какъ думалъ Россъ), 8843, 8907, 8909 В. Горадо рѣже упоминаются церкви арх. Гавриила: въ Ликии, восстановленная въ 812 году (Petersen and Lusch an Reisen in Lykien, стр. 39); въ Константинополѣ двѣ: т. н. 'Αδδῆ, построенная Юстининомъ II (Кедринъ I, р. 686; ср. Кодинъ стр. 85 ed. Bonn) и въ Χάλλαξ или Χάλλαξ (Минья, 26 июля).

живописное изображеніе архангела, гнавшаго и попиравшаго толпы варваровъ, которое отцы VII Вселенскаго Собора и нѣкоторые современные археологи считали изображеніемъ ангела, истребившаго ассиріянь (4 цар. 19,35), хотя такое изображеніе архангела могло находиться и въ иной исторической сценѣ, согласно многочисленнымъ рассказамъ объ ангельской помощи въ битвахъ (Дѣянія VII Собора, ed. Labbe, VII, стр. 202); Агаѳія видѣлъ въ нартексѣ ц. Іоанна Божіево въ Эфесѣ изображеніе архангела Михаила, дающаго нѣкоему Теодору Проконсулу поясъ магистра (Anthol. Palatina, I, № 36); весьма часто два архангела изображались по сторонамъ Христа, Божіей Матери или креста, но позы ихъ при этомъ, на всѣхъ извѣстныхъ намъ изображеніяхъ, и спокойны, и симметричны¹⁾.

Интересную аналогію этому изображенію представляютъ рассказы гностическихъ книгъ о томъ, какъ Πίστις Σοφία, освобождаемая Христомъ изъ Хаоса, шла, имѣя около себя справа Гавріила, а слѣва Михаила (C. Schmidt, Gnostische Schriften in Koptischer Sprache aus

1) Житіе св. Прокопія (Acta SS. іюль, томъ II, стр. 560; фрагментъ болѣе древней редакціи въ Дѣяніяхъ VII Собора, ed. Labbe, VII, стр. 280; само житіе Болландисты относятъ къ акта zipsaga) рассказываетъ о серебряномъ крестѣ сирійской работы, гдѣ на верхнемъ концѣ (очевидно въ кругу) было изображено лице Эммануила, а на боковыхъ Михаила и Гавріила съ еврейскими якобы надписями при нихъ: можно сомнѣваться, конечно, что крестъ этотъ сдѣланъ былъ въ концѣ III-го вѣка въ Скиеополѣ Маркомъ, но нельзя отрицать существованіе этого или подобныхъ крестовъ во время написанія житія. Ср. крестъ имп. Юстина II (Gagucci, 430, 5), гдѣ Христосъ изображенъ однако въ болѣе позднемъ бородатомъ типѣ, а не юнымъ Эммануиломъ. Интересны были бы сбитыя изображенія на одной церкви VI в. въ центральной Сиріи, гдѣ посрединѣ помѣщена монограмма и имя ХРИСТОСЪ, а по бокамъ фигуры МИХАИЛА и ГАВРИЛА (M. de Vogüé, La Syrie Centrale, стр. 90). На мозаикѣ абсиды въ равеннской церкви св. Михаила въ Африкѣ изображенъ Христосъ Эммануилъ, справа и слѣва отъ него архангелъ Михаилъ и Гавріилъ (Е. К. Рѣдинъ, Мозаики равеннскихъ церквей, стр. 197 сл. рис. 55). Аналогію сирійскому рельефу представляетъ диптихъ въ Равеннѣ (Gagucci, 456, фот. Ricci 281), гдѣ по сторонамъ обычнаго изображенія вѣнка съ крестомъ внутри, несомато двумя ангелами (здѣсь, конечно, чисто орнаментальнаго значенія), какъ несутъ они часто и круглые портреты Христа, стоятъ два архангела въ придворныхъ костюмахъ; ср. мозаики Аполлинарія во Флотѣ, гдѣ архангелы стоятъ по сторонамъ триумфальной арки (Е. К. Рѣдинъ, стр. 183, рис. 51). Знаменитаго архангела св. Софіи Константинопольской мы считаемъ юстиніановскимъ не дерзаемъ. Интересно, что на нѣкоторыхъ позднѣйшихъ изображеніяхъ «собора (σύνεσις) архангеловъ Михаила и Гавріила» они являются также держащими погрудное изображеніе Эммануила въ кругѣ, см., напримѣръ, русскій лицевой календарь XVII в. (Acta SS. мая томъ I, введеніе) или аеонскую фреску у Didron'a, Hitsoire de Dieu, стр. 265, рис. 72. При изображеніяхъ Божіей Матери, ангелы обыкновенно именъ не имѣютъ, но надписи Китійской мозаики и нѣкоторыхъ позднѣйшихъ изображеній подобнаго содержанія показываютъ, что ихъ, когда являлись они въ числѣ двухъ, считали Михаиломъ и Гаврииломъ.

dem codex Vaticanus, Leipzig, 1862, стр. 410), и это представление, будучи изображено, дастъ композицію подобную Киптійской. Интересное и оригинальное изображеніе архангеловъ V или VI вѣка на дверяхъ церкви въ Аладжѣ на Таврѣ издано весьма неясно и лишь изъ описаній явствуетъ, что тамъ архангелы, вѣроятно, Михаилъ и Гавріилъ изображены стоящими на головахъ какихъ-то погрудныхъ изображеній; объясненія же этого изображенія, и какъ пораженія толпы враговъ (Bayet, Recherches, стр. 111), и какъ архангеловъ, стоящихъ на ихъ планетахъ (Lethaby) кажутся равно несостоятельными ¹⁾.

Наиболѣе же обыкновеннымъ изображеніемъ ангеловъ были, конечно, многочисленныя явленія ихъ ²⁾. Миниатюры ватиканскаго свитка и вѣнскихъ листовъ являются древнѣйшими и прекрасными примѣрами именно такого изображенія. Поза архангела, какъ нельзя лучше, подходит къ сюжету: онъ изображенъ какъ бы остановившимся на ходу и обращающимся съ рѣчью къ уstraшеннымъ явленіемъ Іисусу Навину и Іакову. Поэтому и изображеніе Михаила на киптійской мозаикѣ, представлявшее его въ той же самой позѣ, кажется намъ заимствованнымъ съ обычнаго уже и тогда типа архангела Михаила и, именно, съ наиболѣе частыхъ изображеній явленій его. При примѣненіи этого традиціоннаго изображенія къ иному сюжету художникъ органичился лишь необходимымъ измѣненіемъ его: въ правую руку архангела вложена была сфера согласно многочисленнымъ изображеніямъ съ нею архангеловъ, напр., на вышеуказанномъ равенскомъ диптихѣ, на великолѣпной створкѣ диптиха Британскаго музея (Gagucci, 457.2) и т. д.

Уяснить себѣ значеніе этихъ сферъ въ рукахъ архангеловъ мы не можемъ, такъ какъ обыкновенно сфера была атрибутомъ самихъ міродержателей, а не ихъ тѣлохранителей. Единственно возможное объясненіе появленія сферъ въ рукахъ архангеловъ мы видимъ пока въ подражаніи обычнымъ въ позднеантичномъ искусствѣ изображеніямъ

1) Описание и рис. см. у Headlam'a, Ecclesiastical sites in Isauria, London, 1892, стр. 10; сл. Lethaby тамъ же стр. 12, примѣчаніе.

2) Дамаскинъ въ своемъ «Θησαυρός» слово 18-ое исчислилъ 46 явленій архангела Михаила и ни одного явленія Гавріила, хотя значительная часть ихъ заимствована изъ ветхозавѣтной исторіи, но и число явленій арх. Михаила въ христіанское время могло бы быть, конечно, значительно умножено.

3) Двѣ женскія фигуры со сферами въ рукѣхъ объясняемыя какъ Римъ и Константинополь находятся на непонятномъ въ сущности одномъ Vetro d'oro Gagucci, 201, 4.

Рима и Константинополя, стоящихъ по сторонамъ консула, сферы въ рукахъ которыхъ были вполне понятны и умѣстны, но и тамъ, напр., на блюдѣ Фл. Ардабура Аспара (434 г.) сферу держать обыкновенно лишь одна фигура.

Эта фигура Михаила въ позѣ, заимствованной изъ изображеній его явленій, не представляла бы, въ сущности, ничего поразительнаго, если бы и Гавріилъ былъ изображенъ въ подобной же спокойной позѣ. Его фигура, представленная въ быстромъ движеніи налѣво, рѣзко нарушаетъ симметричность изображенія и еще болѣе, чѣмъ фигура Михаила, указываетъ на заимствованіе ея изъ композиціи со-всѣмъ иного характера.

Кромѣ указанныхъ выше изображеній обоихъ архангеловъ въ роли почетной стражи, гдѣ они никогда не изображались въ столь быстромъ движеніи, какъ Гавріилъ Китійской мозаики, извѣстенъ лишь одинъ типъ изображеній архангела Гавріила отдѣльно — въ роли вѣстника: онъ благовѣствуетъ Захаріи и Богородицѣ, а въ апокрифическихъ евангеліяхъ также и Іоакиму, и намъ кажется вполне возможнымъ, что фигура Гавріила на нашей мозаикѣ заимствована именно изъ изображеній Благовѣщенія. Правда, на большинствѣ древнѣйшихъ изъ этихъ изображеній архангелъ изображается не въ столь быстромъ движеніи, какъ на нашей мозаикѣ, и притомъ нерѣдко подходящимъ слѣва¹⁾, а не справа²⁾. Но можно указать примѣры, гдѣ благовѣствующій ангелъ подходит и справа и столь же преувеличенно быстро, какъ на нашей мозаикѣ: таковы изображенія ангела, являющагося Іосифу, на пластинкѣ изъ слоновой кости, принадлежавшей коллекціи Салтыкова (Garrucci, 447. 1), гдѣ Гавріилъ идетъ влѣво

1) Сирійское евангеліе 589 года (Garrucci, 180. 1); сирійская миниатюра Эчмиадзинскаго евангелія (Strzygowski, Byzant. Denkmäler I, табл. V); Миланскій окладъ слоновой кости (Garrucci, 454); диптихъ Тривульчи (Garrucci, 453. 1); ампулы въ Монцѣ (Garrucci, 453. 8); и обыкновенно на позднѣйшихъ изображеніяхъ Благовѣщенія, о которыхъ см. статью Millet въ Bull. de Congr. Hell. XVIII (1895), стр. 453 сл.; но и въ позднѣйшее время оказывается примѣръ изображенія Благовѣщенія, гдѣ Гавріилъ быстро подходит справа, см. эмалевый образокъ въ Шемокмеди (Schlumberger, L'érotée Byzantine, рис. на стр. 129. Н. П. Кондаковъ, Опись памятниковъ древностей въ нѣкоторыхъ храмахъ и монастыряхъ Грузіи, рис. 54).

2) Справа, но въ позѣ болѣе спокойной, чѣмъ на нашей мозаикѣ, Гавріилъ изображенъ въ римскихъ катакомбахъ, гдѣ однако архангелъ безъ крыльевъ. Ср. мозаику S. Maria Maggiore (Garrucci, 212. 1), саркофагъ вѣка VI-го въ Равеннѣ (Garrucci, 344. 3; — лучше Liell, Die Darstellungen... der... Maria 1887, рис. 9), Эчмиадзинскій диптихъ (Strzygowski, Byz. Denk. I, табл. I. 2), Уваровскій диптихъ (ibid. стр. 43), Парижскій диптихъ (Garrucci, 453. 2), кресло еп. Максимилиана (Gar-

почти столь же быстро, какъ и на мозаикѣ; еще быстрѣе идетъ влѣво ангелъ къ Іонѣ на равеннскомъ диптихѣ (Gagucci, 456), и, наконецъ, на золотомъ энколпѣ Оттоманскаго музея, найденномъ близъ Аданы, видимъ мы архангела Гавріила, быстро подходящаго къ Божіей Матери справа (Strzygowski, Byzant. Denkm. I, табл. VII. 2); но будучи очень малымъ, это послѣднее изображеніе не дозволяетъ детально сравнить его съ нашей мозаикой. Этихъ примѣровъ мы полагаемъ достаточно, чтобы предполагать существованіе изображеній Благовѣщенія, гдѣ архангелъ быстро подходилъ къ Божіей Матери справа, тѣмъ болѣе, что среди вышеуказанныхъ изображеній Благовѣщенія нѣкоторыя (Gagucci, 337. 4 и 478. 29—30) явно происходятъ отъ подобныхъ болѣе древнихъ композицій съ быстро идущимъ архангеломъ, движеніе котораго стало болѣе тихимъ, а потому поза его и не совсѣмъ естественной. Несмотря на быстрое движеніе Гавріила влѣво, на мозаикѣ, какъ и на большинствѣ иныхъ подобныхъ изображеній, видно, однако, и правое крыло, но оно не отведено влѣво такъ далеко, какъ на нѣкоторыхъ изъ указанныхъ композицій, а пересѣкается контуромъ своимъ съ нимбомъ и сферою архангела Михаила, очевидно, ради симметріи и по недостатку свободнаго мѣста слѣва. Обычный жестъ обращенія съ рѣчью пришлось измѣнить здѣсь и дать въ правую руку Гавріила сферу, жезлъ же могъ быть и въ композиціи Благовѣщенія.

Оба архангела одѣты въ бѣлыя одежды обычнаго на памятникахъ V—VI-го вѣковъ покроя. Первыми примѣрами примѣненія къ архангеламъ наряда дворцовой гвардіи, намъ извѣстными, являются вышеупомянутые равеннскіе диптихъ и мозаика Аполлинарія во Флотѣ, но, конечно, эти первые примѣры новаго наряда не могутъ считаться границею употребленія прежнихъ типовъ и на многихъ позднѣйшихъ памятникахъ ангелы продолжаютъ носить бѣлыя одежды. Въ началѣ VI-го вѣка Северъ, еп. Габалъ въ Сиріи, въ проповѣди доказывалъ, что ангеловъ слѣдуетъ изображать въ бѣлыхъ, а не пурпуровыхъ одеждахъ (Дѣянія VII собора, ed. Labbe, VII, стр. 372), изъ чего можно заключить о томъ, что тогда господствовалъ первый типъ. Въ миниатюрахъ Ватиканской рукописи Космы Индоплова ангелы носятъ цвѣтныя (см. Gagucci, I, стр. 294), но не придворныя одежды; однако, употребленіе красокъ въ миниатюрахъ было, конечно, гораздо произ-

гисси, 417. 1), пиксида въ Minden'ѣ (Gagucci, 437. 4), пластинка слоновой же кости (Gagucci, 447. 1), рѣзные камни (Gagucci, 478, 29 и 30).

вольнѣе, чѣмъ въ монументальномъ искусствѣ. Знаки на плащахъ весьма обычны на памятникахъ IV—VI вѣковъ; если на мозаикахъ Рима они оказываются иногда и гораздо позднѣе, то это отнюдь не можетъ доказывать, чтобы они могли быть изображаемы въ то же время и на Востокѣ, такъ какъ тамъ при непрерывномъ развитіи искусства нельзя предполагать такого рабскаго копированія древнихъ памятниковъ, какъ то видно въ позднихъ мозаикахъ Рима: на Востокѣ искусство стояло, конечно, всегда на уровнѣ современности, какова бы она ни была ¹⁾).

Это же слѣдуетъ помнить и при хронологической оцѣнкѣ того обстоятельства, что нимбъ архангела Михаила не золотой. Какое-то нимбъ Гавріила, я подъ слоємъ копоти не разобралъ, нимбъ же Михаила кажется теперь бѣловатымъ и, какъ то видно и на фотографіяхъ, къ краямъ опъ свѣтлѣе, чѣмъ въ срединѣ. Въ позднѣйшія времена, нимбы ангеловъ также, какъ и святыхъ и Христа, бывають обыкновенно золотыми. Однако на древнѣйшихъ памятникахъ, когда является нимбъ, то онъ не всегда бываетъ золотымъ даже у Христа. Такъ, въ церкви св. Констанцы въ Римѣ на мозаикахъ, относящихся, быть можетъ, еще къ IV-му вѣку (Müntz, Rev. archéol. I, 1878, I, стр. 253, de Rossi *Mosaici*, вып. 17—18; иначе Д. В. Айналовъ, *Мозаики IV и V вв.*, стр. 33), нимбъ Христа синевато-зеленый, состоящій изъ полосъ разныхъ оттѣнковъ (см. подробности у Д. В. Айналова, стр. 29), на мозаикахъ арки церкви S. Maria Maggiore то голубой, то золотой (Д. В. Айналовъ, стр. 85), въ мавзолеѣ Галлы Платидіи уже золотой, а между тѣмъ въ абсидѣ церкви Космы и Даміана (526—530 г.г.) серебряный. Ангелы въ церкви S. Maria Maggiore имѣють нимбъ голубого или бѣловатаго цвѣта, въ церкви Космы и Даміана голубые и, какъ и въ S. Maria Maggiore, прозрачные (Д. В. Айналовъ, стр. 77). Въ Равеннѣ, въ VI-мъ вѣкѣ, въ церкви Аполлинарія Новаго зеленовато-голубые; на мозаикѣ (640—642 г.г.) въ капеллѣ св. Венанція нимбы и Христа, и ангеловъ бѣлые, прозрачные на подобіе тумана. Въ равеннской церкви св. Виталія у ангеловъ стоящихъ въ сводѣ пресвитерія нимбы свѣтлозеленые, у парящихъ, поддерживая вѣнокъ — серебряные, такіе же и у стоящихъ по сторо-

1) О знакахъ этихъ, обыкновенно буквѣхъ см. Kraus, *Real-Encyclopädie der christlichen Alterthümer*, I, стр. 176; сл. Strzykowski, *Byzant. Denkm.* I, стр. 63, который предѣльной гранью ихъ полагаетъ 800 годъ, но не указываетъ ни одного восточнаго памятника позднѣе евангелія 586 года. Миниатюры могутъ копировать весьма отдаленные оригиналы, искусство же монументальное, какова мозаика, тамъ, гдѣ оно живетъ еще, рабски копировать древнихъ оригиналовъ не будетъ.

намъ Христа и у ангеловъ въ капеллѣ Петра Хризолога (Е. К. Рѣдинъ, Мозаики равенскихъ церквей, стр. 127, 146, 158, 172), а у Михаила и Гавріила въ церкви св. Аполлинарія во Флотѣ — голубые (Е. К. Рѣдинъ, стр. 184). Въ мозаикахъ Рима синіе нимбы являются часто и на позднѣйшихъ, подражательныхъ мозаикахъ ¹⁾.

Но, съ другой стороны, единственный ангелъ Россанскаго евангелія (Gebhardt und Nagel, Codex Rossanensis, стр. XL) имѣетъ золотой нимбъ; въ сирійскомъ евангеліи 586 года нимбы ангеловъ въ изображеніи Вознесенія золотые съ голубымъ ободкомъ, въ изображеніи Воскресенія золотые же, но съ краснымъ (Gagucci, III, стр. 62), и Благовѣщенія — зеленый (ib. 55), а у иныхъ (въ изображеніи Благовѣщенія Захаріи?) голубой (Н. П. Кондаковъ, Ист. виз. иск., стр. 75). Въ миниатюрахъ сирійскаго же евангелія Парижской Национальной бібліотеки нимбы ангеловъ, по свидѣтельству Н. П. Кондакова (стр. 84) синіе, въ описаніи же Е. К. Рѣдина (Археолог. Извѣстія и Замѣтки 1895, стр. 84) упомянуть лишь одинъ розовый нимбъ ²⁾. Къ сожалѣнію, именно для послѣдующихъ временъ оказывается недостатокъ восточныхъ монументальныхъ памятниковъ: въ мозаикахъ купола св. Софіи Солунской, относимыхъ теперь къ VII-му вѣку (Laurent въ Byzant. Zeitschrift, 1895, стр. 431 сл.), нимбы ангеловъ золотые и отдѣлены отъ такого же фона лишь голубою полоской. Знаменитый ангелъ въ св. Софіи (Salzenberg Altchristliche Baudenkmale von Constantinopel, табл. XXI) имѣетъ золотой нимбъ, но опредѣлить время его по рисунку этому невозможно. Изъ примѣровъ этихъ видно, что съ VI-го вѣка на Востокъ начинаютъ придавать ангеламъ золотые нимбы; сколь долго могли быть и примѣняемы еще прежніе голубые, опредѣлить нельзя, но, повидимому, мозаики капеллы св. Венанція, если онѣ исполнены восточными мастерами, являются послѣднимъ примѣромъ, гдѣ ангелы не имѣютъ еще золотыхъ нимбовъ.

1) Разрушенный ораторій папы Іоанна VII (705—707, Rossi, Mosaici, вып. 23); ц. Нерее и Ахиллея (795—816), Rossi, вып. 21—21; на мозаикахъ папы Паскалія (817—8): абсида Пракседы, копирующая церковь Космы и Даміана, и триумфальная арка Пракседы ж; (Rossi, вып. 11—12); церковь Maria in Domnica (Rossi, вып. 15—16), гдѣ у переднихъ четырехъ архангеловъ нимбы золотые, у прочей же толпы ангеловъ лишь синіе.

2) На вѣнскихъ листкахъ книги Бытія ангелы вовсе безъ нимбовъ; цвѣтъ ихъ въ остаткахъ Коттоновой бібліи у Гаруччи III, стр. 47) не указанъ. Strzykowski (Byzant. Denkmäler. I) не отмѣтилъ цвѣта нимбовъ у ангеловъ сирійскихъ миниатюръ Эчміадзинскаго евангелія, вѣроятно, потому, что они тамъ золотые, какъ то бываетъ обыкновенно на византийскихъ памятникахъ послѣдующихъ временъ.

Что же касается нимба Христа, то съ VI-го вѣка онъ обыкновенно помѣщается внутри креста, напр., въ церквахъ св. Виталія, Аполлинарія Новаго и т. д. (Е. К. Рѣдинъ, стр. 153, 93); однако въ церкви св. Космы и Даміана нимбъ — гладкій серебряный; известную лишь по старымъ рисункамъ мозаику церкви св. Агаты Великой въ Равеннѣ, построенной въ 396—425 гт., отказываются (Müntz, *American Journal of Archeology* I (1885), стр. 118, Е. К. Рѣдинъ, стр. 212) относить къ V вѣку вслѣдствіе того, что Христосъ и тамъ уже имѣетъ крестчатый нимбъ. Однако миниатюра евангелія 586 года указываетъ, что старая традиція держалась еще мѣстами и тогда; равнымъ образомъ безъ креста же нимбъ Христа и въ капеллѣ св. Венанція; но папа Пасхалій, копируя въ св. Пракседѣ мозаики Космы и Даміана, далъ уже Христу золотой крестчатый нимбъ.

Для замѣчательной особенности ангеловъ Китійской мозаики — крыльевъ, расцвѣченныхъ на подобіе павлиньяго хвоста, мы не можемъ указать ни одного тождественнаго примѣра. Единственной аналогіей являются слова Н. П. Кондакова о мозаикѣ синайскаго монастыря: «крылья ангеловъ—говоритъ онъ (Путешествіе на Синай, стр. 79)—въ тѣневыхъ частяхъ зеленыя съ павлиньими глазками на концахъ»: отсюда не видно, тождественны ли они съ крыльями китійскихъ ангеловъ, т. е. представляютъ ли и тамъ крылья сплошное поле, усѣянное пестрыми глазками или же, какъ обыкновенно, крылья состоятъ изъ длинныхъ и широкихъ отдѣльныхъ перьевъ и лишь на концѣ каждаго изъ нихъ помѣщено по глазку; къ сожалѣнію рисунокъ Норова мнѣ не доступенъ, а рисунокъ Делаборда (Gattucci, 268) не даетъ ничего. Между обычными изображеніями многоочитыхъ херувимовъ, крылья которыхъ усѣяны глазами, и крыльями китійскихъ ангеловъ никакой связи быть не можетъ: тамъ глаза предполагаются реальными, здѣсь же пятна павлиньяго хвоста примѣнены лишь декоративно, хотя и не совсѣмъ логично будучи помѣщены на крылья¹⁾.

1) Однако на одномъ изображеніи херувимовъ глаза на крыльяхъ ихъ оказываются переданными на подобіе глазковъ павлиньяго хвоста и при этомъ, какъ и на китійской мозаикѣ, лишь въ нижней части крыльевъ, верхняя же раздѣлана обычными чешуйчатыми короткими перьями; но чтó мѣшаетъ видѣть въ изображеніи этомъ ближайшую связь съ китійской мозаикой, такъ это то, что у обыкновенныхъ ангеловъ на томъ же самомъ барельефѣ крылья обычныя изъ широкихъ длинныхъ перьевъ въ нижней части. Изображеніе это находится на рельефахъ, украшающихъ алтарь въ Cividale и исполненныхъ, судя по надписи лангобардскаго короля Ratchis, около 744—749 годовъ. Грубая варварская работа позволяетъ предполагать зависимость рельефа этого отъ лучшихъ, восточныхъ, вѣроятно, оригиналовъ, каковыя

Этому декоративному примѣненію ихъ еще болѣе ненатуральная аналогія оказывается въ мозаикахъ купола св. Георгія въ Солуни, гдѣ обычные сходящіеся къ центру желобки конхи двухъ изъ фантастическихъ зданій, а, именно, тѣхъ, передъ которыми стоятъ свв. Онисифоръ съ Порфиріемъ и Василискъ съ Прискомъ, украшены сплошь заполняющими ихъ павлиньими перьями съ ихъ характерными пестрыми глазками. Весьма интересно, что единственный извѣстный намъ примѣръ украшенія крыльевъ ангеловъ пятнами павлиньего хвоста оказывается на Синаѣ, гдѣ работали скорѣе александрійскіе или сирійскіе мозаичисты, чѣмъ константинопольскіе.

Фигура Божіей Матери, держащей Христа-Младенца на лѣвой рукѣ, съ которой свѣшивается длиннымъ концемъ покрывало, несмотря на всю простоту композиціи, имѣетъ однако нѣкоторыя черты, которыя придаютъ этому изображенію, очевидно, согласно задачѣ художника, торжественный, монументальный характеръ: таково положеніе головы Божіей Матери, смотрящей строго en face на зрителя, а не на Младенца, какъ то было бы естественнѣе и какъ изображается обыкновенно Богородица на позднѣйшихъ Ея восточныхъ и западныхъ иконахъ; Младенецъ сидитъ на лѣвой рукѣ Ея также въ слишкомъ искусственной и мало натуральной позѣ; лицо Его изображено en face, что для этой сидящей бокомъ фигуры еще менѣе естественно, чѣмъ для Божіей Матери; одежды взрослога челоуѣка, не говоря уже о благословеніи правою рукою, ясно свидѣтельствуютъ о томъ, что художникъ этою условностью и торжественностью обѣихъ фигуръ желалъ выразить божественность изображаемыхъ. Откуда именно возникъ такой типъ изображеній Божіей Матери со Христомъ, мы точно указать не можемъ; но на вопросъ, вышелъ ли онъ изъ реальныхъ изображеній матери съ сыномъ путемъ внесенія вышеуказанныхъ особенностей христіанскими художниками, или же послѣдніе имѣли уже предъ собою античныя примѣры изображеній подобнаго монументальнаго характера, болѣе вѣроятнымъ отвѣтомъ кажется второй. Оставляя въ сторонѣ многочисленныя классическія изображенія различныхъ *θεῶν κοινουτρόφων*, достаточно указать лишь на поздне-античныя изображенія стоящихъ женщинъ съ ребенкомъ на лѣвой рукѣ, съ которой также свѣшивается конецъ плаща, извѣстныя главнымъ образомъ по монетамъ, гдѣ онѣ являются подѣ

нужно предполагать и для иныхъ рельефовъ этого рода. См. рис. у Garrucci, 424. 1; Cattaneo, *Architecture en Italie du VI au XI siècle*. Venise. 1891. стр. 98—99.

нами различныхъ олицетвореній и примѣняются для условныхъ и монументальныхъ фигуръ, каковы: Iuno Lucina, Fecunditas Augusta, Pietas Augusta, подъ которыми разумѣлись иногда царствующія императрицы¹⁾. Эти изображенія статуарнаго характера предполагаютъ существованіе и статуй подобнаго типа, хотя послѣднихъ сохранилось, повидимому, очень мало: мы можемъ указать одну лишь, найденную въ Нумидіи, съ надписью на базѣ Nutricis Augustae²⁾. Правда, на изображеніяхъ этихъ ребенокъ бываетъ обыкновенно нагимъ, но на барельефѣ времени Траяна на римскомъ форумѣ ребенокъ, сидящій на лѣвой рукѣ подобнаго олицетворенія, считаемаго тутъ Италіей, одѣтъ въ одежды взрослога человѣка (Monumenti inediti, IX, табл. 47; Annali, 1872, стр. 319 сл.; Jordan, Topographie der Stadt Rom im Alterthum, I, 2, стр. 222, табл. IV). Всѣ эти античныя изображенія женскихъ фигуръ съ ребенкомъ рѣзко отличаются, конечно, отъ христіанскихъ изображеній Божіей Матери и стилемъ, и одеждами, что не мѣшаетъ, однако, видѣть въ нихъ тотъ матеріалъ, которымъ воспользовались христіанскіе художники, когда потребовалось изображеніе Божіей Матери съ Христомъ болѣе торжественнаго и монументальнаго характера, чѣмъ безхитростные типы живописи катакомбъ, которая и по происхожденію, и по задачамъ своимъ чужда всякой монументальности, будучи частною, домашнею.

Съ древнѣйшимъ монументальнымъ изображеніемъ Божіей Матери, стоя и держа на рукахъ Младенца Христа, на мозаикахъ церкви S. Maria Maggiore въ Римѣ, именно, въ сценѣ Срѣтенія, китійская мозаика имѣетъ значительную разницу: тамъ (Garrucci, 212. 2, Rossi, Mosaici, вып. 24—25, Д. В. Айналовъ, стр. 79, табл. I), согласно содержанію изображенія, Божія Матерь изображена идущею вправо, а Христосъ сидящимъ на лѣвой же рукѣ, но обращеннымъ не къ матери, а къ

1) См., напримѣръ, у Cohen, Description historique des monnaies romaines (по 2-му изданію 1880—1892 годовъ), томъ II, стр. 331 (рис.) Антонинъ (159 г.) Pietas Aug. №№ 620—625, 627—632; III, 144 Фаустина Младшая Fecunditas Aug. №№ 99—102; ib. 147 она же Iuno Lucina №№ 134—137; IV, 109 Юлія Домна Fecunditas №№ 39, 45; 46; V, 501 Салонина Fecunditas № 42—46; VII, 78 Констанцій Хлоръ Pietas №№ 215, 217; ib. 96 (рис.). Елена Pietas Aug. Fel. № 7; ib. 98 (рис.). Θεοδώρα (жена Конст. Хл.) Pietas reipublicae № 3—5 и Pietas Romana (Garrucci, 481. 20); ib. 334 (рис.). Фавста (жена Константина В.) Pietas. № 4.

2) Archäologisch-epigraphische Mittheilungen aus Oesterreich, XIX, 1896, рис. на стр. 16; ср. еще странную статую въ длинной одеждѣ съ ребенкомъ на лѣвой рукѣ ib. VIII, 1884, табл. I, которую, однако, издатель имѣетъ основанія считать мужскою (ib. стр. 70).

Симеону, готовящемуся взять Его. Важнѣе разница въ отсутствіи у Божіей Матери мозаики S. Maria Maggiore нимба, въ роскошныхъ, пестрыхъ одеждахъ Ея, въ отсутствіи покрывала на головѣ, въ украшеніи ушей серьгами: тутъ, какъ и въ остальныхъ двухъ изображеніяхъ Ея на той же аркѣ, Божія Матерь изображается въ величіи лишь земномъ, чѣмъ она рѣзко отличается отъ позднѣйшихъ изображеній, а въ числѣ ихъ и отъ китійскаго, гдѣ она изображается въ величіи небесномъ въ ущербъ великолѣпію земному, въ нарядѣ болѣе скромномъ. Изображенія Божіей Матери на мозаикахъ S. Maria Maggiore свидѣтельствуютъ на нашъ взглядъ о томъ, что на нихъ Божія Матерь, хотя согласно легендамъ и охраняемая ангелами (см. Д. В. Айналовъ стр. 80), изображена однако еще Маріею, не Богородицей. Постановленія Эфесскаго собора выражены уже, какъ указывали мы выше, въ фигурѣ Христа въ сценѣ поклоненія волхвовъ, но Божія Матерь остается еще простою смертною, подобно тому, какъ на мозаикѣ Кянти, наоборотъ, изображена уже Царица Небесная, а названа старымъ именемъ «святой Маріи».

Поэтому изъ сравненія Божіей Матери Китійской мозаики съ мозаиками S. Maria Maggiore, несомнѣнно, слѣдуетъ, что послѣднія древнѣе. Къ сожалѣнію, древнихъ мозаикъ въ алтарной конхѣ S. Maria Maggiore не сохранилось, а онѣ давали бы еще болѣе интересный матеріалъ для сравненія, какъ по одинаковому положенію въ церкви, такъ и по тому, что и тамъ, вѣроятно, сообразно имени церкви, первое мѣсто въ композиціи занимала Богородица. De Rossi остроумно предполагаетъ тамъ на основаніи стихотворной эпиграммы, находившейся подъ дверью, изображеніе Божіей Матери, принимающей множество подходящихъ къ ней святыхъ съ вѣнцами въ рукахъ, но онъ напрасно представлялъ его себѣ такимъ же, какъ въ Аполлинаріи Новомъ въ Равеннѣ: устраненіе Божіей Матери съ обычнаго мѣста Ея въ композиціи поклоненія волхвовъ позволяетъ сомнѣваться, чтобы Она въ абсидѣ сидѣла на тронѣ, оберегаемомъ ангелами, т. е. въ божественномъ величіи. Когда и гдѣ заняла она впервые это положеніе, принадлежавшее ранѣе и даже въ первые годы послѣ Эфесскаго собора, какъ свидѣтельствуютъ о томъ мозаики S. Maria Maggiore, одному лишь Христу, мы не знаемъ, Китійская же мозаика представляетъ уже Божію Матерь въ этомъ божественномъ типѣ, а между тѣмъ надпись *Ἡ ἀγία Μαρία* свидѣтельствуетъ, что тогда утвержденное Эфесскимъ соборомъ величаніе Ея Богородицей не прилагалось

еще къ изображеніямъ Божіей Матери столь неукоснительно, какъ бываетъ обыкновенно на позднѣйшихъ Ея иконахъ и иныхъ изображеніяхъ, которыя могутъ иногда, конечно, и не имѣть никакого надписанія, но разъ оно есть, то это будетъ или $\overline{\text{MP. } \Theta\bar{\text{Y.}}}$ или $\overline{\text{ΘEOΤO-ΚOC.}}$

Сходство китійской фигуры Божіей Матери съ обычнымъ типомъ многочисленныхъ позднѣйшихъ иконъ и, именно, носящихъ имя «Одигитріи» сразу бросается въ глаза и заслуживаетъ особаго разсмотрѣнія въ виду того, что икона эта, пользовавшаяся такою славой въ Византіи и внѣ ея, принесена была якобы въ половинѣ V-го вѣка изъ Сиріи, Іерусалима или Антиохіи, что указывало бы на происхожденіе типа изображенія Божіей Матери на мозаикѣ Квти тѣмъ вѣроятнѣе, что и въ сирійскомъ евангеліи 586 года Божія Матерь изображена въ томъ же самомъ типѣ. Къ сожалѣнію, исторія иконы цареградскаго монастыря τῶν Ὀδηγῶν, хотя и излагалась многожды¹⁾, но тождество иконы, присланной Евдокіею, что свидѣтельствуется авторъ еще VI-го вѣка (Θеодоръ Чтець, но лишь въ эксерптѣ XIV-го вѣка Никифора Каллиста Ксанеопула (см. въ изданіи Валезія Θεодорита и Евагрія. *Moguntiae*, 1679, стр. 551), съ находившейся позднѣе въ монастырѣ Ὀδηγῶν, основывается, повидимому, лишь на преданіи о построеніи послѣдняго Евдокіей же, которое однако въ виду утвержденія Кодина (стр. 80, ed. Bonn.) о построеніи его Михаиломъ Пьяницей можетъ также подлежать сомнѣнію, хотя во фрагментахъ Θεодора Чтеца у того же Каллиста построеніе храма этого (о. с. стр. 552) и приписывается Евдокіи. Наболѣе же сомнѣній возбуждаетъ то обстоятельство, что среди многочисленныхъ свидѣтельствъ объ иконопочтаніи, собранныхъ защитниками святыхъ иконъ въ эпоху иконоборства, насколько мы ознакомились съ литературою этой, не находится упоминанія ни о самой иконѣ Одигитріи въ Константинополѣ, ни о фактѣ посылки туда иконы Евдокіею изъ Палестины, хотя Іоаннъ Дамаскинъ и эксерпировалъ того же самаго Θεодора Чтеца (въ Прибавленіи къ III-му слову о святыхъ иконахъ *Migne, Patrol. Gr.* 94, стр. 1397). Изъ изображеній Одигитріи, засвидѣтельствованныхъ надписями, на печатяхъ

1) См., напр., Gaggerucci, I, стр. 409 и 508; III, стр. 18; VI, стр. 134. *Veludo, Imagine della Madonna di S. Marco, Venezia*, 1887, стр. 35 сл. Н. П. Кондаковъ, *Византійскія церкви и памятники Константинополя*, стр. 14 сл. А. А. Павловскій, *Живопись Палатинской капеллы въ Палермо*, 1890, стр. 143 сл.

ни одно (см. Schlumberger, Sigillographie byzantine, стр. 37—38; Христосъ сидитъ иногда по ошибкѣ рѣзчика, напр. рис. на стр. 38 и 149, на правой рукѣ) не восходитъ, повидимому, ко временамъ ранѣе торжества православія. Намъ извѣстно лишь одно свидѣтельство, гдѣ можно было бы видѣть указаніе на широкое распространеніе почитанія этой иконы еще въ VII-мъ вѣкѣ, если бы оно не допускало различныхъ толкованій: Леонтій Махера (стр. 70—71, изд. Σαδά), рассказывая о вскрытіи сарацинами во время одного изъ нашествій ихъ на Кипръ гробницы св. Трифилія, помѣщаетъ ее εἰς τὴν Ὀδηγητρίαν, а переводчикъ его на итальянскій языкъ, Strambaldi (стр. 15, ed. Mas Latrìe), in Nicosia nella chiesa de Santa Odigitria. Передача же написаннаго на Кипрѣ житія святого въ одномъ синаксарѣ X-аго якобы вѣка, передавая этотъ рассказъ, относитъ нашествіе ко временамъ Ираклія, гробницу Трифилія помѣщаетъ въ большой построенной имъ церкви, но Одигитріею ее не называетъ, равно какъ не опредѣляетъ точнѣе и мѣста ея нахождения (см. Acta SS. іюнь, томъ III, стр. 177, ср. 174), откуда возникаетъ предположеніе, что имя Одигитріи церковь эта носила въ началѣ XV-го вѣка, во времена Махеры, который и прочія упоминаемыя имъ въ рассказѣ этомъ мѣста обозначаетъ именами своего времени, а вовсе не во время самаго нашествія.

Икона Одигитріи изображала Божію Матеръ во весь ростъ, стоя, съ Христомъ на лѣвой рукѣ, какъ свидѣтельствуеъ о томъ надпись Η ΟΑΗ(γῆτρία) при мозаикѣ въ Палатинской капеллѣ въ Палермо. Копіями этой знаменитой иконы можно считать цѣлый рядъ позднѣйшихъ изображеній Божіей Матери въ этомъ типѣ¹⁾; главнѣйшее отли-

1) Изъ описанія Дила (Byzant. Zeitschrift I (1892), стр. 77) мозаики въ Никее, относимой имъ къ XI вѣку, но, кажется, болѣе древней, не ясно, изображена ли Божія Матеръ въ абсидѣ тамошней церкви Успенія въ типѣ Одигитріи, или же держитъ Христа обѣими руками передъ грудью, какъ, напр., на мозаикѣ Гелатскаго монастыря (см. фот. Ордена № 3575), гдѣ по сторонамъ Божіей Матери стоятъ два ангела въ парадныхъ придворныхъ нарядахъ. Мозаическія изображенія Божіей Матери въ типѣ Одигитріи извѣстны намъ въ Палермо (А. А. Павловскій, Живопись Палатинской капеллы въ Палермо, рис. 40 на стр. 143). Фреска въ церкви св. Сильвестра и Мартина въ Римѣ (Garrucci, 155. 2). Миниатюры указаны Стр жиговскимъ, Cimabue und Rom, стр. 49 пр. 2. На издѣліяхъ, рѣзанныхъ изъ слоновой кости — въ Барберинской библиотекѣ: Gori, Thesaurus veterum diptychorum III, табл. 37; въ Луврѣ: Labarte, Histoire des arts industriels, табл. 144, Westwood, стр. 240, въ Вюрцбургѣ (едва ли чисто византійской работы), Becker, und Hefner, Kunstwerke des Mittelalters, табл. 1, Westwood, стр. 475, ср. Schlumberger, L'épopée Byzantine рис. на стр. 33, 181, 306 съ различныхъ памятниковъ X—XI вв. Весьма часто

чіе копій этихъ отъ мозаики Кѣти и миниатюры Рабулы состоитъ въ томъ, что голова Божіей Матери нѣсколько повернута вправо и склонена къ Христу: это дѣлаетъ, конечно, эти изображенія болѣе живыми и естественными, но лишаетъ ихъ торжественнаго характера древнѣйшихъ монументальныхъ изображеній Божіей Матери, гдѣ смотритъ Она обыкновенно en face, какъ это справедливо замѣтилъ Стржиговскій (Simabue und Rom, стр. 49). Разсказъ, приводимый въ посланіи 836 года и вышеуказанныхъ связанныхъ съ нимъ рѣчахъ, объ одномъ изображеніи Божіей Матери въ Александріи, отвернувшемся отъ искавшаго Ея защиты, предполагаетъ, очевидно, также положеніе лица Божіей Матери en face. Аналогичное явленіе представляютъ египетскіе портреты и древнѣйшія иконы, напр., энкавстическая икона Кіевской Духовной Академіи, изданная Стржиговскимъ. Если у подлинной иконы Одигитріи лице изображено было также en face, то склоненіе его къ Христу представитъ измѣненіе поздняго времени, аналогичное указанному Стржиговскимъ измѣненію типа византійскихъ сидящихъ Богородицъ итальянскими живописцами начала XIII вѣка; что позже византійское искусство вносило измѣненія въ старыя композиціи, это доказываетъ для изображенія Благовѣщенія Миллэ (Bulletin de Cong. Hell. 1895, стр. 573 сл.). Кромѣ Одигитріи, для сужденія о древнѣйшихъ сирійскихъ изображеніяхъ Божіей Матери, весьма важны были бы двѣ, упоминаемыя посланіемъ 836 года (стр. 27—29) Лидскія иконы Божіей Матери, которыя возводили тогда ко временамъ апостольскимъ. Къ сожалѣнію, тѣ оригинальныя сказанія, откуда взяты были свѣдѣнія о нихъ, или не дошли, или еще не изданы. Можно даже думать, что оба разсказа относятся въ сущности лишь къ одной и той же иконѣ и внесены въ посланіе лишь по двумъ разнорѣчивымъ сказаніямъ: разница ихъ въ томъ, что построеніе одного храма въ Лидѣ приписывается апостоламъ Петру и Иоанну, и нерукотворный образъ Божіей Матери помѣщается на колоннѣ, а построеніе другого храма, близъ Лидды, приписывается Энею, испѣленному Петромъ, и

на монетахъ и печатяхъ, напр. Garrucci, 480. 13; цѣлый рядъ печатей у Schlumberger, и т. д. Н. П. Кондаковъ указалъ мнѣ на изображеніе стоящей Божіей Матери Одигитріи, какъ о томъ свидѣтельствуетъ надпись, на одномъ изъ эмалевыхъ образковъ, украшающихъ окладъ-евангелія въ университетской библіотекѣ въ Сіенѣ. Въ этомъ же типѣ является Божія Матерь и на русскихъ иконахъ, гдѣ имя Одигитріи носятъ обыкновенно лишь сокращенныя, поясныя иконы Божіей Матери. На четырехъ иконахъ собранія Постникова, изображающихъ Херувимскую пѣснь, Божія Матерь изображена въ четырехъ типахъ, очевидно, въ зависимости отъ знаменитѣйшихъ иконъ Ея и въ томъ числѣ и въ типѣ Одигитріи.

нѣкоторымъ изъ 70 апостоловъ, икона же помѣщается просто на западной стѣнѣ. Древнѣйшее упоминаніе о Лиддской иконѣ въ отрывкѣ Андрея Критскаго (Boissonade. Anecdota graeca IV, стр. 471—472) начала VIII вѣка помѣщаетъ ее также на западной стѣнѣ ἐν πλαζῆ καθ' αἰῶν, въ купольномъ или крытомъ сводами (εἰλητῶ) храмѣ «апостольскихъ временъ», указываетъ тотъ же размѣръ въ 3 локтя и ту же пурпурную одежду, но прилагаетъ къ этой иконѣ рассказъ о Юліанѣ, относимый посланиемъ къ первой иконѣ. Намъ кажется, поэтому, что второй рассказъ посланія даетъ о Лиддской иконѣ свѣдѣнія болѣе точныя, чѣмъ первый. Онъ же сообщаетъ и вырѣзанную при иконѣ надпись: Μαρία ἡ μήτηρ τοῦ Ναζωραίου βασιλέως Χριστοῦ, а Дамаскинъ (стр. 378), кромѣ того, отмѣчаетъ, что нижняя одежда Божіей Матери была бѣлая (γαλάζιον), а верхняя пурпурная; послѣднее выраженіе, какъ извѣстно, можетъ означать разные оттѣнки, получаемые пурпурною краскою: черный, красный, фіолетовый и т. д. Такимъ образомъ о Лиддской иконѣ неизвѣстно даже, держала ли Богородица, изображенная стоя, на рукахъ Христа или нѣтъ. Правда, въ рукописномъ сказаніи, упоминаемомъ Дюканжемъ, говорится, что Божія Матерь держала на рукахъ Христа, но принимать показанія этого на вѣру, не зная ни времени сказанія этого, ни отношенія его ко многимъ другимъ, нельзя. Еще произвольнѣе было бы искать среди находящихся въ Римѣ византійскихъ иконъ Божіей Матери присланную патріархомъ Германомъ, тѣмъ болѣе, что посланіе 836 года говоритъ о посылкѣ имъ туда иконы Христа, а не Божіей Матери (исторія № 14 стр. 32 сл.). Правда, есть древнія указанія на существованіе въ Римѣ иконы Божіей Матери, присланной изъ Палестины, но она приписывается ап. Лукѣ, пославшему ее, какъ и евангеліе, Теофілу, и съ Лиддскою иконою, очевидно, ничего общаго не имѣла (въ житіи Стефана Новаго, Migne, Patr. Gr. 100, стр. 1069, ср. Андрея Критскаго у Boissonade, Anecd. gr. IV, стр. 472). Что же касается иконы Лиддской, то судить о ней до изслѣдованія многочисленныхъ сказаній ¹⁾ невозможно.

1) Наболѣе древнее извѣстіе о Лиддской иконѣ находится въ отрывкѣ Андрея Критскаго, см. Boissonade, Anecdota graeca, IV, стр. 471; посланіе 836 года даетъ два рассказа, по всей вѣроятности, извлеченія изъ разнорѣчивыхъ сказаній объ одной и той же иконѣ, хотя иконы и рѣзко различаются положеніемъ одной на колоннѣ, другой на стѣнѣ (на стѣнѣ же, на мраморныхъ плитахъ, помѣщаетъ ее и Андрей Критскій), см. Σαχκελίωv, стр. 28—29 исторія №№ 3, 4 и 6. Въ зависимости отъ посланія стоитъ особое сказаніе о Лиддской или Римской иконѣ, дающее подробности объ

Если, такимъ образомъ, нельзя доказать сходства иконъ, принесенной изъ Палестины Евдокіей и Лиддской съ Одигитріей и изображеніями Божіей Матери на мозаикѣ Кѣти и на миниатюрѣ сирійскаго евангелія, то близкое сходство двухъ послѣднихъ побуждаетъ къ сравненію ихъ, насколько таковое возможно между монументальною мозаикой и миниатюрнымъ рисункомъ. Однако, послѣдній рисунокъ — повидимому неточный (Gagucci, 128. 2...), носить на нашъ взглядъ явныя черты зависимости отъ изображеній гораздо большихъ размѣровъ и едва ли можно сомнѣваться, что онъ можетъ давать представленіе объ одномъ типѣ сирійскихъ иконъ Божіей Матери конца VI-го вѣка (а можетъ быть и ранѣе, см. V. Schultze, *Archäologie*, стр. 54). Но отсутствіе подобаго рода изображеній Божіей Матери той же эпохи, но изъ другихъ мѣстъ, считать типъ этотъ специально сирійскимъ, конечно, не позволяетъ.

иконахъ лишь тѣ же, что и посланіе, и прямо ссылающееся на это посланіе. Приведа сперва изъ иныхъ, чѣмъ посланіе, источниковъ сказаніе о Лукѣ—иконописцѣ, оно пересказываетъ исторію посланія, а затѣмъ излагаетъ, какъ, напр., Германъ изготовилъ копию съ Лиддской (не говоря съ которой именно) иконы, какъ потомъ во время гоненій отправилъ онъ ее по морю въ Римъ, и какъ эта копія Лиддской иконы вернувшись черезъ 130 съ лишнимъ лѣтъ такимъ же чудеснымъ путемъ въ Константинополь поставлена была и чтилась подъ именемъ Римской въ Халкопратіи. Послѣдняя исторія явно зависитъ отъ исторіи 14-го посланія о посылкѣ Германомъ въ Римъ иконы Христа, каковая вводится также въ сказаніе это. Извлеченія изъ этого сказанія напечатаны Колларомъ (*Comm. Bibl. Caesaraeae Vindobon. VIII*, стр. 693 сл.) и, судя по нимъ, копій того же самаго сказанія находятся въ Ватиканѣ: *Codd. Vat. Gr. № 875 fol. 208—229, № 864 fol. 278—306* (наиболѣе древній) и *№ 1147 fol. 106 v.—128 v.* Кромѣ того, въ *cod. 1147 fol. 90—106 v.* находится иное сказаніе того же содержанія и также ссылающееся на соборное посланіе трехъ патриарховъ. Списки того сказанія находятся и въ Парижской Национальной библиотекѣ, какъ и иные, повидимому, извѣстія о Лиддской и Римской иконѣ, см. *Catalogus Hagiographicorum Bibliothecae Nationalis Parisiensis edd. Hagiographi Bollandiani et H. Omont, Bruxelles-Paris 1896*, гдѣ указываются слѣдующіе рукописи *Fonds Grecs. 559 fol. 36 v; 635 fol. 70; 773; 1474 fol. 237; Cod. Coisl. 296 fol. 197.* Навѣсь въ 4-омъ изд. *Bibl. Graec. Fabricii* (томъ X, стр. 286) указываетъ еще на мюнхенскую ркп. № 226. Но при странномъ молчаніи о Лиддской иконѣ паломниковъ древнѣйшаго времени, по этимъ сказаніямъ о композиціи иконы едва ли возможно будетъ сдѣлать какія-либо заключенія. Duscange сообщилъ, что въ одномъ сказаніи, заглавіе и краткую выдержку изъ котораго онъ привелъ въ своемъ греческомъ словарѣ а. в. *Рердаѳовъ*, говорится, что Божія Матерь держала на рукахъ на иконѣ этой Христа, но это относится, разумѣется, къ иконѣ, стоявшей подъ именемъ Римской въ Халкопратіи, а потому для сужденія о Лиддской никакого значенія не имѣетъ. Объясненіе Duscange'а имени Римская тѣмъ, что икона была на порфирѣ, разумѣется, невозможно. Аналогіей Лиддскому изображенію Божіей Матери на колоннѣ является еще болѣе темное упоминаніе изображенія Божіей Матери съ Христомъ на рукахъ, находившагося якобы на колоннѣ Каабы и разрушеннаго вмѣстѣ съ прочими бывшими тамъ идолами Магометомъ, см. *Noël des Vergers, Arabie* (въ *Univers pittoresque*) 1847, стр. 134—138.

Въ композиціи миниатюра отличается отъ мозаики положеніемъ Христа, который изображенъ слишкомъ наклонно, какъ бы падающимъ назадъ, вслѣдствіе чего лице Христа гораздо дальше отъ лица Божіей Матери, чѣмъ на мозаикѣ.

Въ одеждѣ главное различіе миниатюры состоитъ въ положеніи и величинѣ, вѣроятно, плаща, который расположенъ болѣе равномерно: справа онъ не образуетъ такого длиннаго и остраго мыса, какъ на мозаикѣ, слѣва же дальше отходитъ отъ туловища, что дѣлаетъ всю фигуру болѣе симметричной, но менѣе живою; передъ грудью плащъ спускается гораздо ниже, такъ что ноги Христа приходятся выше нижняго края пазухи его; это уменьшаетъ слишкомъ однообразное поле параллельныхъ почти складокъ хитона, которое столь неприятно бросается въ глаза на мозаикѣ ¹⁾.

Эта длина плаща и расположеніе концовъ ближе къ вышеуказаннымъ позднѣйшимъ изображеніямъ Божіей Матери въ этомъ же типѣ, чѣмъ расположеніе его на мозаикѣ, равно какъ и концы пояса (если только рисунокъ у Гарруччи тутъ вѣренъ), которыхъ нѣтъ на китійской мозаикѣ, но которые, быть можетъ, подъ влияніемъ славы «Пояса Богородицы», хранившагося въ Халкопатіи и не разъ спасавашаго городъ, обыкновенно видны на позднѣйшихъ воспроизведеніяхъ этого же типа. Бахромы по краю плаща, показанной на миниатюрѣ у Гарруччи, на мозаикѣ нѣтъ совсѣмъ; но ее находимъ на диптихѣ Тривульчи и нѣкоторыхъ позднѣйшихъ изображеніяхъ.

Цвѣтъ одежды на миниатюрѣ, однако, рѣзко отъ нихъ отличается: туника Божіей Матери золотая, плащъ красно-фіолетоваго оттѣнка съ золотыми же планами тамъ, гдѣ онъ не образуетъ складокъ; хитонъ Христа свѣтло-голубой, плащъ золотой. Обувь Божіей Матери красная, царская, равно какъ и золотое, украшенное драгоценными камнями подножіе, заимствованное, вѣроятно, изъ придворнаго церемоніала, которое въ мозаикахъ S. Maria Maggiore дано въ столь пышной формѣ лишь Христу, тогда какъ позднѣе на немъ изображается Божія Матерь не только въ этихъ композиціяхъ торжественнаго характера, но и въ сценѣ Благовѣщенія (см., напр., то же сирійское евангеліе, Gaggusi, 130.1).

Къ сожалѣнію, цвѣтовъ одежды Божіей Матери на мозаикѣ рассмотреть я не могъ, но во всякомъ случаѣ они гораздо свѣтлѣе и пе-

¹⁾ Пропорціи фигуры вѣрнѣе переданы на меньшей фотографіи (см. рис. на стр. 34), гдѣ ракурсъ верхней части фигуры гораздо меньше.

стрѣе обычныхъ синеватыхъ, коричневыхъ и зеленоватыхъ тоновъ позднѣйшихъ временъ. Цвѣта одеждъ въ миниатюрѣ, гдѣ употребленіе красокъ, конечно, съ одной стороны, свободнѣе, съ другой, экономнѣе, обнаруживаютъ отличіе отъ позднѣйшихъ, въ томъ же стремленіи къ пестротѣ и пышности, какъ и мозаика Китійская и тѣмъ болѣе мозаики S. Maria Maggiore. Миниатюра сирійскаго евангелія объясняетъ ту бѣловатую полосу, которую видно сквозь копоть на мозаикѣ надо лбомъ Божіей Матери: на миниатюрѣ изъ-подъ накинутаго на голову плаща ясно видно узкую бѣлую полосу, оггибающую лобъ и перехваченную посрединѣ вертикальной полоской. Такой головной уборъ, прикрывавшій лобъ, изображается на многихъ памятникахъ IV и VI вѣковъ и, повидимому, назывался тогда на Западѣ *nimbus* или *limbus*¹⁾ и имѣлъ цѣлью уменьшать лобъ, чтó считалось, видимо, красивымъ; его видимы и у царицъ, и у знатныхъ дамъ, и у святыхъ женъ, и у Божіей Матери²⁾. Судя по мозаичному изображенію 625—638 годовъ св. Агнесы въ церкви ея имени близъ Рима (Gattucci, 274; de Rossi, *Mosaici cristiani*, вып. 3—4) и Божіей Матери въ царственномъ нарядѣ на мозаикѣ 705—707 годовъ, бывшей нѣкогда въ Ватиканской базиликѣ (Gattucci, 279.2; de Rossi, *Mosaici*, вып. 23), этого убора не носили уже въ VII—VIII вѣкахъ; позднѣе въ реальныхъ изображеніяхъ мы его не встрѣчаемъ, но на изображеніяхъ Божіей Матери онъ по традиціи еще повторяется иногда, напр., на мозаикахъ Василія Македонянина въ св. Софїи Цареградской (Salzenberg, табл. XXXII.2), на мозаичномъ изображеніи Божіей Матери въ капеллѣ Петра Христо-

1) Клавдіанъ говоритъ объ *Iustitia: continuo frontem limbo velata pudicam* (XVII, 118—панегирикъ 399 года); Арнобіи упоминаетъ, что женщины *imminerent frontes limbis* (II, p. 72—de natura hominum cap. VII), а Исидоръ Севильскій относитъ имя это къ поперечнымъ полоскамъ лишь: *nimbus est fasciola transversa ex auro assuta in linteo, quod est in fronte feminarum* (Origines, XIX. 81.2).

2) Достаточно указать, кромѣ многочисленныхъ изображеній императрицъ на римскихъ и византійскихъ монетахъ съ начала V-го вѣка, на мраморную голову въ Капитолійскомъ музеѣ, безъ достаточныхъ основаній считаемую Амамосантой (Bulletino Comunale, 1888, табл. VI, стр. 120—123); изображеніе женской головы въ подобномъ же, но еще болѣе сложномъ уборѣ, находящееся подъ именемъ св. Елены на рисункѣ XVI в. въ Cod. Vatic. Lat. 5407 fol. 11 (Ciaccioni); императрицу на створкахъ диптиха въ Вѣнѣ и Флоренці (Album der auserlesenen Denkmäler des K. K. Hofmuseum, Wien, 1895, табл. 50 и рис. на стр. 20); Θεодору и дамъ ея святы въ равеннской церкви св. Виталія; святыхъ женъ въ капеллѣ Петра Христолога въ Равеннѣ; Божію Матерь и святыхъ женъ въ Паренцо; Божію Матерь (не св. Контанцїя, какъ полагалъ de Rossi, Bull. di Arch. Crist. 1872, стр. 158, табл. X—XI.2) на серебряномъ реликваріи въ Grado; Божію Матерь на мозаикѣ церкви св. Аполлинарія Новаго въ Равеннѣ и т. д.

лога въ Равеннѣ (фот. Ricci № 210; Müntz, Americ. Journal of Archeology, I (1885), стр. 116 сл.). Иногда уборъ этотъ сводится къ узкой бѣлой полоскѣ подъ головнымъ покрываломъ или же исчезаетъ вовсе.

На миниатюрѣ 586 года и Христосъ и Божія Матерь имѣютъ золотые нимбы, у Христа нимбъ еще безъ креста внутри его, хотя послѣдній является, какъ говорено выше, уже на равеннскихъ мозаикахъ юстиніанова времени; у Христа нимбъ окаймлень синею, у Божіей Матери оранжевою и синею¹⁾ полосами; на мозаикѣ цвѣта нимбовъ разсмотрѣть мнѣ не удалось, но нимбъ Христа первоначально кресчатымъ, кажется, какъ была о томъ рѣчь, не былъ. Изъ сравненія миниатюры съ Китійскою мозаикой, помимо ближайшаго сходства ихъ, можно, кажется, замѣтить большее сходство съ позднѣйшими традиціонными типами миниатюры, откуда и представляется возможнымъ считать мозаику древнѣе миниатюры. Если это вѣрно, то мозаика Кити оказывается моложе мозаикъ S. Maria Maggiore и старше миниатюры сирійскаго евангелія.

Наиболѣе вѣрнымъ критеріемъ времени могъ бы быть стиль и работа мозаики, но когда я былъ на Кипрѣ, я не видалъ еще мозаикъ Равенны; кромѣ того, законченность Китійской мозаики и закраска лицъ Божіей Матери и Христа мѣшали судить о многихъ деталяхъ.

Увидавъ впоследствии мозаики Равенны и Рима, я все же нигдѣ не замѣтилъ ближайшаго сходства въ исполненіи ихъ съ мозаикой Китійской. Такъ, напримѣръ, вышеописанный характерный способъ передачи переходовъ отъ свѣта къ тѣни при помощи ряда насаженныхъ черезъ одинъ темныхъ и свѣтлыхъ кубиковъ нигдѣ не примѣняется съ такою рѣзкостью, какъ на мозаикѣ Кити. Въ лѣвую щеку Христа-Пастыря въ мавзолеѣ Галлы Плацидіи (детальный рисунокъ см. у Е. К. Рѣдина, Мозаики равеннскихъ церквей, табл. I) вставлены также черезъ одинъ три оранжевыхъ кубика, но тамъ они имѣютъ цѣлью изобразить скорѣе румянецъ; въ пейзажѣ мѣстами примѣняется переходъ одного тона въ другой посредствомъ такого же приѣма, какъ во многихъ мѣстахъ на одеждѣ архангела Гавріила; но стоитъ сравнить руку Михаила съ рукой Христа, чтобы убѣдиться, что мастера мозаикъ Галлы Плацидіи работали совсѣмъ иначе, чѣмъ мастера, исполнявшіе мозаику Кити. Примѣненіе въ пе-

1) Не видавъ самъ миниатюры, я описаніемъ красокъ ея обязанъ любезности Д. Н. Березкова во Флоренціи.

реходахъ этихъ на лицѣ Гавріила желтоватыхъ кубиковъ находятъ себѣ аналогію въ желтыхъ — по крайней мѣрѣ, теперь кажутся онѣ таковыми — полосахъ, отдѣляющихъ лица юныхъ святыхъ въ куполѣ св. Георгія Солунскаго; у нихъ же въ свѣтлыхъ желтоватыхъ волосахъ космы обозначаются иногда извилистыми полосками на общемъ же фонѣ, какъ у архангеловъ Кити. Въ общемъ же отъ всѣхъ мозаикъ V—VII вѣковъ, мною видѣнныхъ, мозаика Кити отличается, какъ мнѣ кажется, большею, нежели онѣ, тщательностью работы. Особенно ясно это изъ сравненія одежды архангела Гавріила¹⁾ съ одеждами также быстро идущаго влѣво св. Лаврентія въ мавзолеѣ Галлы Платидіи (фот. Ricci № 67, Е. К. Рѣдинъ, стр. 63, рис. 14). Тамъ одежда передана общими широкими планами, тогда какъ мастеръ Китійской мозаики, вѣрно рисуя складки, пустился въ мелочную передачу ихъ; если же сравнить одежды ангеловъ церкви Аполлинарія Новаго, переданныя также съ большой тщательностью, то, на нашъ взглядъ, хотя и окажутся нѣкоторые пункты сходства, напр., зигзагообразнымъ полоскамъ средней широкой вертикальной полосы нижней части хитона Гавріила соответствующую у равенскихъ ангеловъ (см. особенно ближайшихъ къ Божіей Матери) два плана, свѣтлый и темный, соединенные зигзагообразной линіей (фот. Ricci № 105), но разница въ работѣ все же столь рѣзка, что считать ихъ произведеніемъ одной и той же школы мозаичистовъ, возможности мы не видимъ. Подобнаго же рода отдѣлка одеждъ замѣчается у нѣкоторыхъ изъ апостоловъ въ куполѣ церкви S. Maria in Cosmedin (Арианскій баптистерій) въ Равеннѣ, гдѣ также мелкія складки какъ бы струятся. Еще сильнѣе разница въ лицахъ: лицо Гавріила имѣетъ нѣчто общее съ лицомъ Лаврентія въ мавзолеѣ Галлы Платидіи въ томъ, что глаза ихъ не преувеличены, но большій выгибъ бровей и складки между ними у Гавріила, помимо вышеописанной техники, рѣзко ихъ различаютъ. Между юными лицами мозаикъ св. Георгія въ Солуни и Китійскими особенно рѣзкаго сходства я тоже не замѣтилъ: правда тамъ лица, повидимому, сильно измѣнили цвѣтъ свой, но поражаютъ округлостью и юношеской кра-

1) Свѣтлые кубики, идущіе, чередуясь съ темными вертикальными полосами, по хитону Божіей Матери, могутъ напомнить фотографію Ricci № 213 съ Христа-Путника въ капеллѣ Петра Хрисолога въ Равеннѣ, гдѣ одежда ниже пояса изображена такъ же, но именно вся эта нижняя часть сплошь — новая реставрація красками (ср. рис. Gagguzzi, 222. 3; Е. К. Рѣдинъ, Мозаики равенскихъ церквей, стр. 176).

сотой античныхъ типовъ, чего въ лицѣ архангела Гавріила, при его суровой складкѣ на лбу, не замѣчается; болѣе мягкое лицо Михаила также ближайшаго сходства съ ними не представляетъ.

Сравнивать мозаику Кипа съ многочисленными византійскими мозаиками позднѣйшихъ временъ, XI-го и сл. вѣковъ, было бы напраснымъ трудомъ: рѣзкая разниа между ними очевидна всякому.

Такимъ образомъ отсутствіе ближайшаго стилистическаго сходства между мозаикой Кипа и византійскими или зависящими отъ нихъ мозаиками Европы не позволяетъ указать мѣсто въ хронологической серіи ихъ мозаикъ Кипа. Тѣ же мозаики Востока, одной изъ группъ которыхъ принадлежала Киптійская, или не изданы, какъ Солунскія и Синайская, или сокрыты еще, какъ Константинопольскія, или же, будемъ надѣяться, еще остаются неизвѣстными, по большей же части — погибли.

Киптійская мозаика является поэтому стилистически во многихъ отношеніяхъ единственной, и, не имѣя ближайшихъ аналогій, судить о времени ея возникновенія, для насъ, по крайней мѣрѣ, является почти невозможнымъ, тѣмъ болѣе, что вѣковая пыль и копоть скрываютъ многія детали.

Остаются слѣдовательно лишь критеріи внѣшніе: рисунокъ, композиція и содержаніе, что и было рассмотрѣно выше и что приводитъ насъ къ слѣдующимъ заключеніямъ или, скорѣе, лишь предположеніямъ.

Мозаика исполнена внѣ зависимости отъ обычныхъ, извѣстныхъ по памятникамъ V и VI-го вѣка, изображеній Божіей Матери между ангелами, согласно признанію Ея Эфесскимъ соборомъ Богородицею, такъ какъ на нихъ ангелы изображаются въ позахъ, болѣе подходящихъ ихъ роли почетной царской стражи. Содержаніе же изображенія, равно какъ и нахожденіе его въ абсидѣ церкви, посвященной, вѣроятно, Божіей Матери, ясно свидѣтельствуетъ о задачѣ мастера изобразить Божію Матеръ Богородицею.

Для выполненія задачи этой онъ скомпоновалъ рисунокъ по существовавшимъ ранѣе типамъ: иконѣ, можетъ быть, Сирійской Божіей Матери и изображеніямъ двухъ архангеловъ, входившимъ въ составъ иныхъ композицій, при чемъ ограничился лишь необходимымъ измѣненіями взятыхъ имъ типовъ сообразно новой задачѣ. Такой невыработанности композиціи соотвѣтствуетъ и употребленіе стараго обозначенія Богородицы именемъ св. Маріи. Эти два обстоятельства

указывали бы на времена ближайшія къ Эфесскому собору, если бы мозаики S. Maria Maggiore въ Римѣ не свидѣтельствовали, что въ искусствѣ изображенія Божіей Матери въ небесной славѣ, ранѣе усвоившейся лишь Христу, непосредственно послѣ собора еще не явилось.

Если можно дѣлать предположенія о неизвѣстномъ, то фигура Божіей Матери со Христомъ и крылья ангеловъ свидѣтельствуютъ о связи Кипрской мозаики съ искусствомъ скорѣе Сиріи или Александріи, чѣмъ Константинополя; послѣдному предположенію, при всей его проблематичности, благопріятствуетъ стилистическое отлічіе ея отъ мозаикъ, стоящихъ въ вѣроятной зависимости отъ Константинопольскихъ мозаичистовъ V и VI-го вѣковъ. Мы можемъ обратить вниманіе еще на одно обстоятельство. На извѣстной мозаикѣ, изображающей триумфъ Посидона (открыта въ 1842 году въ Константиноплѣ, нынѣ въ Луврѣ) замѣчается тотъ же оригинальный приемъ переходовъ тоновъ при помощи чередующихся темныхъ и свѣтлыхъ кубиковъ, расположенныхъ въ одинъ рядъ, который рѣзко отличаетъ мозаику Кипта отъ мозаикъ римскихъ и равеннскихъ. Судя по рисунку (*Exploration de l'Algérie. V. Delamare, Archéologie, табл. 141—142*), на мозаикѣ Константины, украшавшей полъ виллы поздне-римскаго времени, такой приемъ примѣняется лишь въ тѣлахъ, а не въ лицахъ; самые кубики относительно крупнѣе, что объясняется, конечно, тѣмъ, что мозаики половъ исполняются обыкновенно изъ каменныхъ, болѣе грубыхъ и крупныхъ, кубиковъ, чѣмъ стѣнные. Но, несмотря на это, оригинальность приема этого можетъ считаться признакомъ особой школы мозаичистовъ. Мозаика Константины ближайшимъ образомъ примыкаетъ къ памятникамъ искусства александрійскаго. Ригль (*Zur Frage des Nachlebens der altgyptischen Kunst in der späten Antike. Eranos Vindobonensis. Wien. 1893*) указалъ, напр., тождество изображенныхъ на ней эротовъ въ лодкахъ съ изображаемыми на такъ называемыхъ коптскихъ тканяхъ. Мозаику Кипта, какъ говорили мы выше, приходится считать произведеніемъ мозаичистовъ сирійскихъ или александрійскихъ. Сходство ея съ мозаикою Константины дѣлаетъ болѣе вѣроятнымъ второе предположеніе. Китійская мозаика можетъ считаться работою мастеровъ, пришлыхъ изъ Александріи, съ которою Кипръ стоялъ и теперь стоитъ въ постоянныхъ и тѣсныхъ связяхъ, какъ о томъ непреложно свидѣтельствуютъ многовѣковая исторія его и памятники искусства разныхъ эпохъ на немъ находимые.

Особенный стиль Киптійской мозаики затрудняетъ ея датированіе; если же послѣднее необходимо, то намъ казалось бы возможнымъ отнести ее къ концу V-го или началу VI-го вѣка.

III.

Παναγία Κανακάρια.

Во время пребыванія моего въ Никосіи, преподаватель математики въ тамошней греческой гимназій, г. Καταλάνος, рассказалъ мнѣ, что онъ видѣлъ остатки мозаикъ въ алтарѣ одного запустѣлаго нынѣ монастыря, въ сѣверо-восточной части острова, на Карпасійскомъ полуостровѣ. Этотъ монастырь называется *Παναγία Κανακάρια* или, какъ выговариваютъ кипріоты, *Κανακάρια*. Мозаики, отъ которыхъ сохранились лишь куски, представляли, по словамъ г. Καταλάνος'а, Божию Матерь, сидящую на тронѣ, съ ангелами по сторонамъ ея, и евангелистовъ; читать ему о мозаикахъ этихъ нигдѣ не приходилось, а увидалъ онъ ихъ совершенно случайно, зайдя въ церковь, во время одной изъ поѣздокъ своихъ по острову. Принявъ съ величайшею благодарностью указаніе это, я посѣтилъ 12—13 сентября 1895 г. монастырь этотъ, упоминаемый Сакеλλαріемъ (I, стр. 166) лишь ради «двухъ монолитовъ по три фута вышиной» изъ числа тѣхъ, которые такъ интересуютъ почему-то археологовъ.

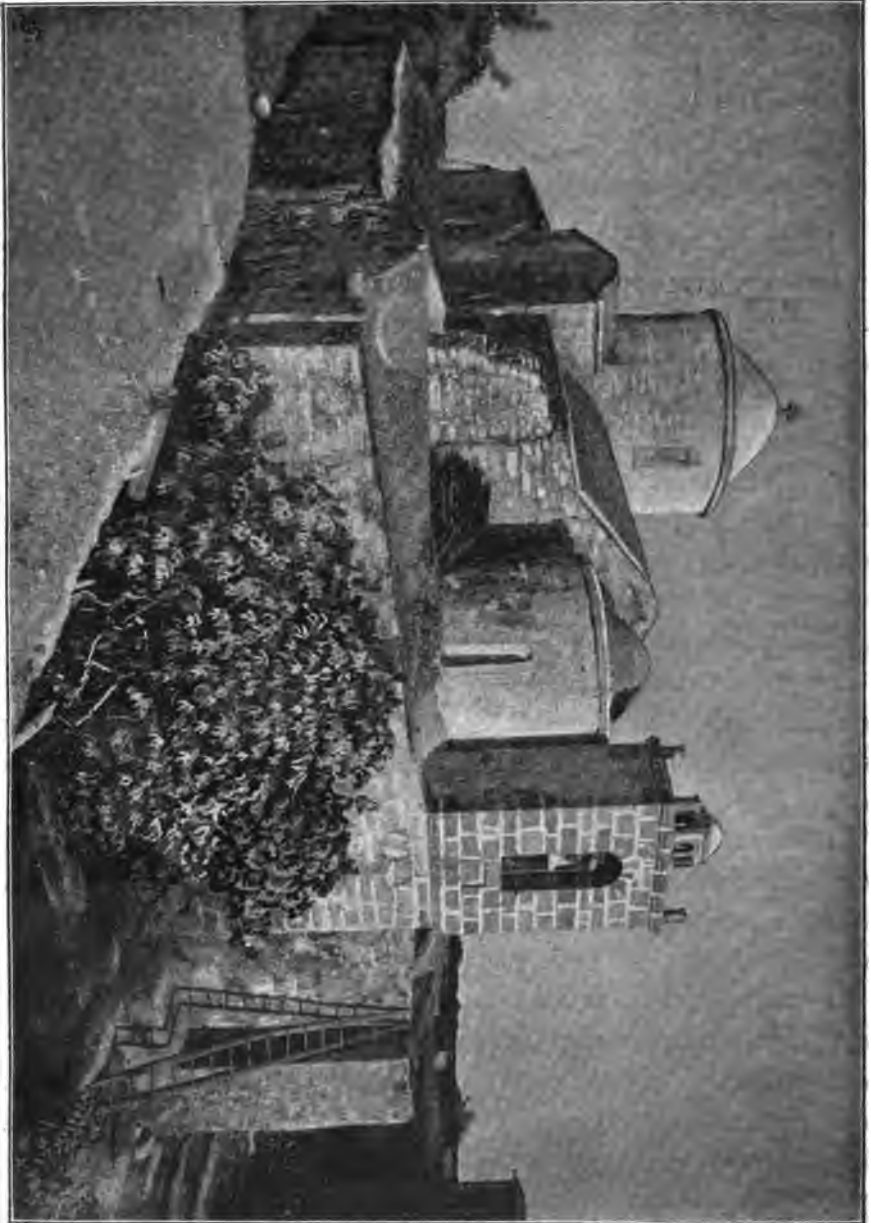
Къ сожалѣнію, при написаніи настоящей статьи я не имѣлъ возможности ознакомиться въ достаточной полнотѣ съ литературой о Кипрѣ и поэтому не могу утверждать, чтобы издаваемые нынѣ мозаики оставались до сихъ поръ совершенно неизвѣстными¹⁾.

Церковь стоитъ на южномъ склонѣ скалистаго края, идущаго по срединѣ полуострова, между деревней *Λιθραχώμη* и развалинами древняго города, ясно видимыми по основаніямъ стѣнъ на вершинѣ края, откуда видно море по обѣ стороны полуострова. Этотъ древній городъ считаютъ (*Σακελλάριος*, I, стр. 166) за упоминаемую Стефаномъ Византійскимъ Акру; на сколько это основательно, я судить не берусь, равно какъ и о странномъ, очевидно, не греческомъ

1) Упоминанія о нихъ можно ожидать отъ книги Hogarth'a, *De via Cypria*, 1889, специально изслѣдовавшаго Карпасійскій полуостровъ, и статей Schgröder'a (*Globus* 1878—79 г.г.); но обѣ книги эти остались мнѣ недоступными.

имени *Καλαχρία*, присутствіе котораго на Кипрѣ не представляет, однако, ничего удивительнаго при разноплеменности его обитателей¹⁾.

Церковь Павліа Καλαχρία съ запада.

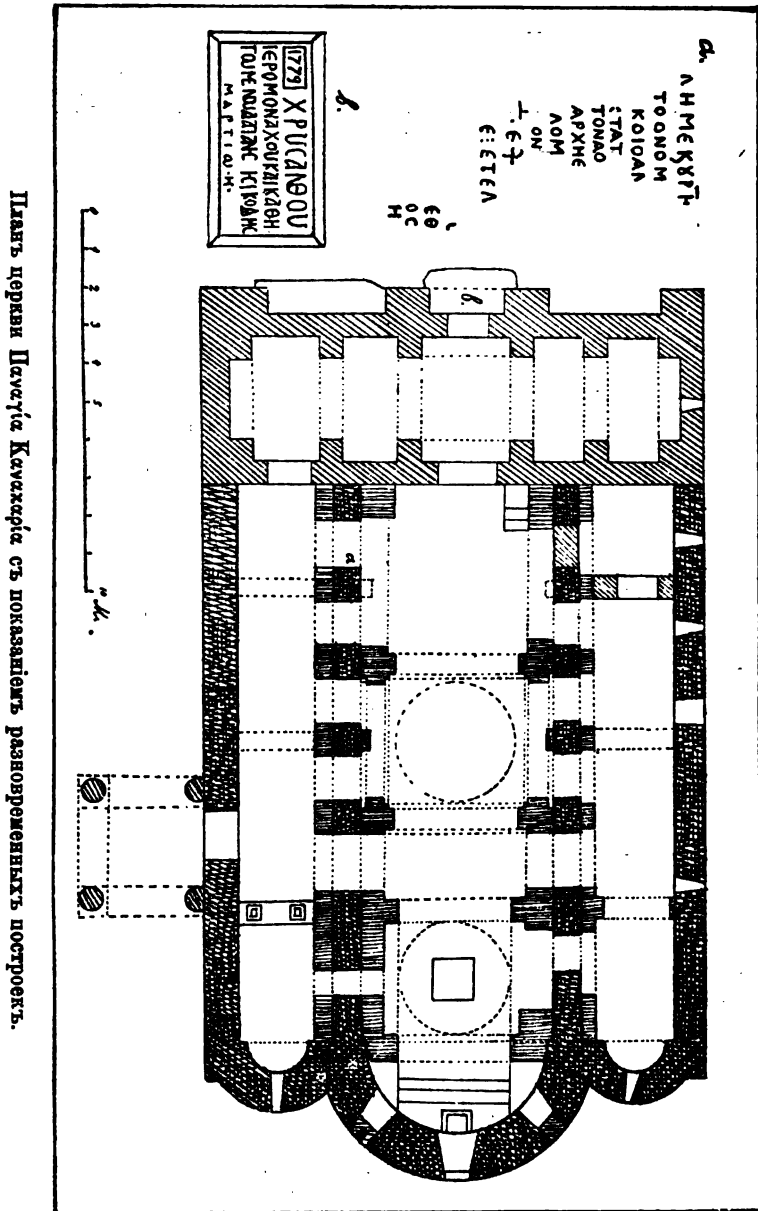
1) Иеромонахъ-арендаторъ въ зависимости, очевидно, отъ сказанія о Кипрской мозаикѣ производилъ имя это какимъ-то образомъ отъ турецкаго слова «кан»=кровь; я же могу лишь указать на упоминаемое Евстахіемъ Александрійскимъ (*Annales*, переводъ Рососке'а, 1859 г. II, стр. 491) селеніе въ Сириі по имени Сапасар.

Въ древнѣйшемъ извѣстномъ мнѣ упоминаніи имени этого *Καναχαρία* обозначала область, въ которую входило селеніе 'Αγιος Ἀνδρόνικος¹⁾, лежащее къ сѣверо-востоку отъ Канакаріи. Въ XV-мъ вѣкѣ Канакарія и сосѣдняя деревня Лиѳранкоми принадлежали королю, какъ то видно по изданному Mas-Latrie (*Histoire de Chypre*, III, стр. 508) документу, гдѣ, въ числѣ королевскихъ владѣній, находятся *casal Canacharia* и *casal Lethrancomi et pretii*. Въ документѣ 1464—1468 г.г. (*Florio Bustron*, стр. 421) *Charchia*, подаренная королемъ дворянину *Filippo Mistachiel*, можетъ обозначать, кажется, Канакарію, такъ какъ имя послѣдней писали иногда раздѣльно: *Canacharia* или *Κανακαργα*. Иныхъ упоминаній о Канакаріи найти мнѣ не удалось, что и понятно при положеніи ея въ глухомъ углу острова, куда не заходилъ даже Барскій. Въ XVIII вѣкѣ, въ числѣ владѣній архіепископа, упоминается *ἡ μονὴ τῆς Καναχαρίας* (*Κυπριανός, Ἱστορία τῆς Κύπρου*, стр. 392); ему же принадлежитъ монастырь этотъ и теперь, но монаховъ въ немъ уже давно нѣтъ. Монастырь, или точнѣе его земли, арендуются теперь іеромонахомъ, который обязанъ служить въ церкви, куда приходятъ жители сосѣдней деревни *Λιθραχώμη*.

Церковь эта такого же византійскаго типа, какъ и *Παναγία Ἀγγελοκτιστος*, стоитъ посреди двора, обнесеннаго стѣной, къ которой примыкаетъ небольшой домъ, служившій нѣкогда кельями монаховъ, и различныя хозяйственныя постройки. Наружный видъ церкви съ запада представляетъ прилагаемый рисунокъ. Въ церковь теперь три входа съ трехъ сторонъ, передъ южнымъ пристроена сѣнь въ видѣ плоскаго купола на четырехъ колоннахъ. Снаружи церковь эта также,

1) Леовтій Махера, говоря о не задолго до него бывшемъ обрѣтеніи мощей св. Фотиніи и чудесномъ источникѣ на мѣстѣ ея погребенія, помѣщаетъ его (ed. *Σαθά, Μεσαιωνικὴ Βιβλιοθήκη*, стр. 70) *εἰς τὴν Ἀκροτίτην* (т. е., очевидно, Карпачійскій полуостровъ) *εἰς τὴν κόμην τοῦ ἁγίου Ἀνδρόνικου τῆς Καναχαρίας*; у *Strambaldi* (ed. *Mas-Latrie*, стр. 17) это переведено *nel casal Acrosichi nel casal Comin Santo Antronico nel casal Canacharia*—переводъ, который заставилъ *Mas-Latrie* (въ его примѣчаніяхъ къ *Strambaldi*) тщетно искать деревень *Acrosichi* и *Comin* *Florio Bustron* (ed. *Mas-Latrie*, стр. 84) пишетъ уже *Al Caprasso, cioè al Casal Coma fu trovata una Santa Photini, che vuol dice Santa Lucida*. Надо думать, что мощи святой перенесены были въ Левкосію, судя по упоминанію тамъ въ 1869 году женскаго латинскаго, конечно, монастыря св. Фотиніи (*Σακελλάριος*, I, стр. 482). *Fl. Bustron* упоминаетъ на Карпачійскомъ полуостровѣ *molte chiese lavorate di musaico minutissimo in terra et è alquanto infra terra*, но это относится, видимо, лишь къ развалинамъ церквей съ мозаичными полами на мѣстѣ древняго города Карпачіи (ср. *Σακελλάριος*, I, стр. 158 сл.). *Bustron* же упоминаетъ (стр. 19) мозаичные полы въ *Κυρινίи* (ср. *Σακελλάριος*, I, стр. 145 сл.). О мозаичномъ полѣ близъ монастыря *Ἀχαιροπόλιτος* (около др. *Λαπθεα*) *Σακελλάριος*, I, стр. 142, ср. Барскаго II, стр. 251.

какъ и въ Кити, никакихъ признаковъ большой древности не представляетъ. Обращаютъ на себя вниманіе лишь узкія окна въ продольныхъ стѣнахъ, возвышающихся надъ серединой церкви, теперь

большою частью заложеныя и совершенно излишнія, такъ какъ два купола даютъ свѣта вполне достаточно, особенно когда окна ихъ были

закрыты стеклами, а не пучками хвороста, какъ теперь, для защиты внутренности церкви отъ птицъ. Въ абсидѣ ясно замѣтно новое расширение средняго окна и два заложенныхъ боковыхъ, изъ которыхъ въ южномъ сохранилась еще дѣлившая его пополамъ колонка. Внутри церкви сразу становится ясно, что и тутъ теперешняя церковь воздвигнута на мѣстѣ древней (см. планъ, на которомъ различной штриховкою обозначены части различныхъ построекъ). Къ сожалѣнію, мнѣ было невозможно воспользоваться находящимся въ самой церкви хронологическимъ источникомъ, пока еще запечатлѣннымъ: на второмъ столбѣ направо отъ входа въ церковь находится (см. на планѣ а) надпись красною краскою по бѣлой штукатуркѣ. При перестройкѣ церкви надпись эта была покрыта слоемъ новой штукатурки, по которой церковь и росписана. Къ немногому видимому нынѣ отъ древней надписи я пытался прибавить еще нѣсколько буквъ, сбивая позднѣйшую штукатурку, но при этомъ оказалось, что новая штукатурка гораздо крѣпче древней, такъ что нерѣдко вмѣстѣ съ нею отскакивала и древняя, а потому, дабы не погубить надписи, я и оставилъ ее въ теперешнемъ видѣ, въ ожиданіи, когда кто-либо будетъ имѣть возможность терпѣливо или при помощи какихъ-либо особыхъ ухищреній удалить новую штукатурку, не повредивъ древней. Надпись, кажется, историческая и говорила, вѣроятно, о построеніи церкви или о реставраціи ея. Но съ обѣихъ сторонъ не хватаетъ многихъ буквъ, и попытки восстановленія, до полной отчистки, съ моей стороны были бы праздными, такъ какъ видна очень малая часть ея; первоначально же надпись занимала, повидимому, около 80 сантиметровъ въ высоту и 70 въ ширину. Во второй строкѣ, очевидно, читается $\epsilon\iota\varsigma\ \tau\acute{o}\ \delta\nu\omicron\mu[\alpha\ \tau\eta\varsigma\ \Theta\epsilon\omicron\tau\acute{o}\chi\omicron\upsilon\ ?]$, въ 6-ой $\acute{\alpha}\rho\chi\eta\epsilon[\pi\iota\sigma\chi\acute{o}\tau\omicron\upsilon]$, въ 11-ой $\acute{\epsilon}\tau\epsilon\lambda[\acute{\epsilon}\sigma\theta\eta\ \delta\acute{\epsilon}\ ?]$. Надѣмся, что надпись будетъ отчищена, и прочтена, и точно опредѣлить время издаваемыхъ мозаикъ, такъ какъ, судя по сходству ея буквъ съ буквами мозаики, она современна построенію церкви. Исторія церкви обнаруживается при осмотрѣ ея: ясны послѣдовательныя перестройки, которымъ она подвергалась. Первоначально церковь, украшенная мозаиками въ широкой (около пяти метровъ въ діаметрѣ) абсидѣ, имѣла видъ базилики, но вмѣсто колоннъ двускатную деревянную, вѣроятно, крышу церкви поддерживали два ряда столбовъ, сложенныхъ изъ камня и связанныхъ арками, на которыхъ поставлены возвышающіяся стѣны средняго нефа, прорѣзанныя узкими окнами: примѣровъ такой замѣны монолитныхъ колоннъ, доро-

гихъ и не вездѣ доступныхъ, кладкою изъ камня можно указать не мало¹⁾; поэтому предполагать, что столбы эти сложены позднѣе вмѣсто колоннъ, или, что ими обложены колонны, никакихъ основаній я не вижу. Къ столбамъ этимъ черезъ одинъ приставлены были, повидимому, позднѣе тонкіе пилястры въ среднемъ нефѣ, которые уцѣлѣли нынѣ на четвертой отъ входа парѣ столбовъ и стесаны на второй, — соотвѣтственно этимъ двумъ (вѣрнѣе тремъ, такъ какъ тоже было сдѣлано, конечно, и дагѣ предъ алтаремъ) аркамъ, перекинутымъ черезъ средній нефъ, перекинуты были арки и черезъ боковые; цѣль ихъ могла быть двоякая: или этимъ желали облегчить укладку деревянныхъ стропиль, чтобы класть болѣе хорошія бревна съ одной поперечной стѣны на другую по длинѣ церкви, или же эти арки находились въ связи съ покрытіемъ коробовыми сводами боковыхъ нефовъ, а, можетъ быть, даже и средняго; если такъ, то тогда же могли быть приложены и толстые пилястры во всю ширину столбовъ къ тѣмъ сторонамъ ихъ, которыя обращены въ боковые нефы, тѣмъ уменьшалась ширина нефовъ и утолщались среднія продольныя стѣны, на которыя опирался коробовой же сводъ средняго нефа. Судить о томъ, сохранилось ли это устройство понынѣ въ боковыхъ нефахъ или оно замѣнено было позднѣе таковымъ же, мы не беремъ, хотя болѣе вѣроятнымъ, въ виду незначительной ширины сводовъ, кажется первое. Средній же нефъ подвергся еще одной перестройкѣ, при чемъ къ мозаикамъ отнеслись весьма невнимательно. Послѣ какого-либо разрушенія ея, пожара, если средній нефъ крытъ былъ деревомъ, или землетрясенія, если онъ имѣлъ коробовый сводъ, реставраторы церкви пожелали воздвигнуть въ средній церкви два купола по обычной схемѣ позднѣйшихъ византійскихъ церквей. И вотъ, разрушивъ прежнія поперечныя арки (двѣ или три), они построили столбы новаго покрытія внутри древняго нефа, казавшагося имъ слишкомъ широкимъ, т. е. прибѣгли къ обычному приему позднѣйшихъ реставраторовъ старыхъ церквей лучшаго времени. На аркахъ, связывающихъ эти столбы, воздвигнуто было два купола и два коробовыхъ

1) Къ примѣрамъ V. Schultze, *Archaeologie*, стр. 61, можно еще прибавить церковь св. Ирины въ Константинополѣ, базилику св. Софїи въ Софїи, столбы боковыхъ нефовъ Константиновой базилики въ Иерусалимѣ (по описанію Евсевїя). Особенно же интересную аналогію базиликъ Канакарїи представляетъ церковь архангела Гавріила близъ Муръ Ликійскихъ (см. планъ и рис. у Petersen und Luschan, *Reisen in Lykien, Milyas und Kibyratia*, Wien, 1889, стр. 89), гдѣ на одномъ изъ подобныхъ столбовъ навѣсо отъ входа также находится историческая надпись о поновленїи церкви въ 812 году.

свода. Окна въ барабанахъ куполовъ пропускали достаточно свѣта и поэтому часть узкихъ оконъ въ стѣнѣ надъ арками могла быть заложена сводами безъ замѣны оконъ другими. Особенно печально отразилась перестройка эта въ абсидѣ, гдѣ новыми столбами заложены были внѣшніе концы полукружія: связывающимъ ихъ поперечнымъ сводомъ закрыта нижняя часть арки абсиды и находящіяся тамъ мозаичныя изображенія апостоловъ, а сводами выше украшенія стѣны надъ аркою этой и въ отрѣзкахъ по сторонамъ ея. Изъ трехъ двойныхъ оконъ абсиды два были заложены, а среднее замѣнено того расширено; сопредстоіе, шедшее, разумѣется, полукругомъ, замѣнено прямыми ступенями съ кресломъ на нихъ. Къ западной части церкви замѣнено разрушенной древней стѣны (если базилика не была укорочена) пристроено было — въ это же время или позднѣе — притворъ съ низкимъ куполомъ по срединѣ и коробовыми сводами съ боковъ. Время этой послѣдней пристройки опредѣляется 1779 годомъ надписью іеромонаха Хрисанеа (на планѣ b). Менѣе существенными перестройками является устройство кладовой въ началѣ сѣвернаго нефа, стѣны на четырехъ колоннахъ предъ южною дверью и колокольни надъ западной стѣной притвора: послѣдняя, судя по надписи, возведена нѣсколько лѣтъ тому назадъ 10—22 апрѣля 1888 года теперешнимъ іеромонахомъ монастыря; опредѣлить же время двухъ первыхъ и невозможно, да и несущественно. Такимъ образомъ, теперь отъ прежняго великолѣпія уцѣлѣли лишь куски мозаики въ конхѣ. Фотографированіе ихъ затруднялось новой аркой, значительно сузившей абсиду, и лежащимъ поперекъ ея бревномъ для подвѣшенной къ нему лампы; совершенно убрать бревно это было невозможно и мы опустили лишь одинъ конецъ его. Кромѣ фотографированныхъ кусковъ мозаики, въ южной части конхи есть еще незначительныя остатки близъ орнаментальной полосы по краю абсиды съ медальонами апостоловъ: а именно, тамъ сохранилось одно юное лицо безъ надписи, часть лица съ сѣдою бородой Іакова и бородатое лицо Варфоломея. Все прочее видно на издаваемыхъ фотографіяхъ (см. рис. и таблицу II). Средину композиціи занимала Божія Матерь съ Христомъ, сидящая во славіи на небесномъ тронѣ. Замѣчательнѣйшую особенность мозаики Канакариі составляетъ овальное сіяніе, коимъ отдѣлена отъ золотого фона вся фигура Богородицы. Внѣшняя полоса его радужная, затѣмъ слѣдуетъ узкая бѣлая полоска, самое же сіяніе образовано чередующимися темными (почти черными) и синими

полосами. Лицо Божіей Матери совершенно разрушено, уцѣлѣли лишь части золотого нимба, окаймленнаго красной и синей полосками. Одежда Божіей Матери состоитъ изъ фіолетовой, т. е. «шурпурной» туники и синяго плаща, который, вѣроятно, покрывалъ и голову. Христосъ въ золотыхъ сандаляхъ, синемъ хитонѣ и бѣломъ плащѣ носить золотой крестчатый нимбъ съ красной и зеленой полоской по краю. У Божіей Матери сохранилась лишь лѣвая рука, придерживающая Христа, сидящаго на лонѣ Ея, за лѣвое колѣно. Христосъ держитъ запечатанный крестообразной перевязью свитокъ наклонно правою обнаженной рукой и лѣвою спрятанной подъ плащемъ. Лицо Христа вполнѣ сохранилось: оно смотритъ прямо впередъ, какъ смотрѣла, конечно, и Богородица; отъ лица ангела отличается оно тѣмъ, что собрано изъ кубиковъ болѣе свѣтлыхъ, лишь въ щеки вставлены розовые кубики. Удлиненный овалъ лица рѣзко отличается отъ обычнаго въ позднѣйшей византійской традиціи широкаго округлаго лица Христа-Младенца. Руки Христа и Божіей Матери изображены со тщателью переданной разноцвѣтными, но безъ зеленыхъ, кубиками мускулатурой. Черный контуръ около лица и рукъ нарушаетъ естественность ихъ изображенія. Положеніе ногъ Христа и Богородицы было, видимо, одинаково: правая нога поставлена значительно выше лѣвой; у Божіей Матери эта поза могла мотивироваться подножіемъ трона, у Христа же, обѣ ноги котораго предполагаются висящими, условность этой позы явно бросается въ глаза.

Отъ трона сохранились лишь лирообразно-изогнутая спинка бѣлая, съ свѣтло-зелеными полосками и разноцвѣтными ромбами и параллелограммами, обозначающими, очевидно, цвѣтные камни, вставленные въ нея, и подушка, на которой сидитъ Божія Матерь, также бѣлая съ синей поперечною полосой, съ зеленою и золотою обшивкой на концахъ.

По сторонамъ стояли два ангела, отъ праваго уцѣлѣла лишь рука, выходящая изъ широкаго и короткаго рукава хитона; она опущена внизъ и раскрытая ладонь ея, повидимому, ничего не держала, выражая лишь изумленіе. За рукою этой видны внизу зеленыя изъ кубиковъ различныхъ оттѣнковъ округлыя условныя изображенія холмовъ и также зеленый съ коричневою полоской по срединѣ стволъ, очевидно, пальмы, судя по формѣ листьевъ вершины, соответствующаго этому, дерева въ лѣвой половинѣ. Лѣвый ангелъ сохранился лучше: лѣвой опущенной рукою держалъ онъ, какъ, вѣроятно, и правый ангелъ,

жезлъ, положеніе же правой опредѣлить нельзя. Одежда его состоитъ изъ голубой съ желтоватою полоскою туники и бѣлаго плаща, накину- таго на лѣвое плечо и слегка лишь прикрывающаго правое. Крылья узкія (м. б. лишь по недостатку мѣста) и длинныя имѣють обычную форму: перья ихъ синія, голубыя и лиловыя. Лицо ангела сохрани- лось вполнѣ. Къ сожалѣнію, я не могъ разобрать цвѣта волосъ и тем- наго, повидимому, однако, не золотого нимба, но ясно видно, что обыч- ныхъ въ традиціонныхъ изображеніяхъ ангеловъ «слуховъ» тутъ не было.

Лицо набрано весьма живо изъ бѣлыхъ, розовыхъ, черныхъ и иныхъ, кромѣ зеленыхъ, кубиковъ, и мускулатура шеи передана также очень тщательно. Лицо это гораздо живѣе и натуральнѣе лица Христа, оба глаза скошены въ сторону Божіей Матери.

Широкая кайма вѣшняго края абсиды нынѣ, болѣе чѣмъ на по- ловину, закрытая новой аркой, украшена была тринадцатью медаль-

Кайма вѣшняго края абсиды церкви *Παναγία Κεβακρία*.

онами апостоловъ и Христа, вѣроятно, посрединѣ; орнаментальный бордюръ ея образованъ меандрами, условно изображенными листьями и синими кругами и ромбами, изображающими, быть можетъ, цвѣтные камни. На темномъ фонѣ середины полосы этой широкіе листья, обрамляющіе медальоны и розетки о четырехъ острыхъ листьяхъ и бѣлыя точки по три вмѣстѣ. Въ медальонахъ на синемъ фонѣ изображены были лица апостоловъ: въ сѣверной (лѣвой) части арки лица почти совершенно заложены новою аркой и видны лишь концы надписей, а именно идя сверху внизъ.... ΙΑΣ, ΘΕΟΣ, ΔΕΟΣ, ΚΟΣ и ΜΑΣ; въ южной видны лица и начала надписей: одно юное лицо безъ надписи, при сѣдобородомъ лицѣ стоитъ ΙΑΚΟ и при другомъ бородатомъ, но не сѣдомъ ΒΛΩΩ.... Но этого южнаго куска мозаикъ я къ сожалѣнію не фотографировалъ. Равнымъ образомъ теперь весьма досадна краткость вышеприведенныхъ замѣтокъ, гдѣ, напримѣръ, не упоминается объ употребленіи въ лицахъ оранжевыхъ кубиковъ, обычныхъ въ ближайшихъ къ мозаикамъ Канакаріи мозаикахъ VI вѣка. Но я не видалъ еще въ оригиналѣ мозаикъ этихъ, когда былъ на Кипрѣ, и поэтому не могъ тогда судить о нихъ положительно: мнѣ была лишь очевидна значительная древность ихъ сравнительно съ извѣстными мнѣ и тогда поздне-византійскими мозаиками XI—XIII вѣковъ.

Хотя отъ мозаики и сохранились лишь куски, всего лишь, можетъ быть, одна треть, но и по кускамъ этимъ общая композиція возстановляется совершенно ясно: въ центрѣ на фонѣ овальнаго ореола на тронѣ сидѣла Божія Матерь, держа на лонѣ Христа-Младенца, по сторонамъ ореола изъ раздѣленной на подобіе холмовъ полосы земли росли двѣ пальмы, доходя вершинами до верхней части ореола; по сторонамъ предъ ними стояли два ангела въ спокойныхъ позахъ почетной стражи.

Нижняя часть мозаики совершенно разрушена; здѣсь, судя по многочисленнымъ аналогіямъ, могла находиться надпись, но широкой орнаментальной каймы предполагать невозможно, такъ какъ если возстановить нижнюю часть ореола сообразно верхней, сохранившейся части его, то для полосы такой не окажется мѣста.

Поза Божіей Матери достаточно ясна и по сохранившимся частямъ фигуры ея, позы же ангеловъ можно легко вообразить по многочисленнымъ инымъ изображеніямъ ихъ въ той же роли почетной стражи у престола Царицы Небесной или Вседержителя. Такъ совер-

шенно почти исчезнуваго праваго ангела по характерному положенію его правой руки, отведенной въ сторону и обращенной наружу широко раскрытой ладонью, можно возстановить по ангеламъ, справа же стоящимъ отъ престоловъ: на мозаикахъ церкви св. Косьмы и Даміана въ Римѣ (Gaggucci, 253; de Rossi, *Mosaici*, вып. 5, правая рука видимо реставрирована, но судя по копіи мозаики этой въ ц. св. Праскеды, Gaggucci, 286; de Rossi, вып. 5, правильно) и на мозаикахъ церкви св. Михаила въ Афричиско и Михаила въ Равеннѣ (Gaggucci, 267.2); у перваго рука отведена въ сторону и обнажена до локтя, какъ и въ Канакарійской мозаикѣ, но раскрытая ладонь обращена не наружу, а внизъ, у втораго же рука прикрыта рукавомъ до самой кисти и опущена не столь низко, но положеніе ладони тождественно съ разсматриваемой кипрской мозаикой. Сближаетъ съ нею эту пару ангеловъ также и присутствіе въ лѣвыхъ рукахъ жезловъ, конечно, не копій, какъ изображено у Gaggucci. Ср. также лѣваго ангела у престола Божіей Матери въ церкви св. Цециліи (Gaggucci, 292) и ангеловъ церкви S. Maria in Domnica (Gaggucci, 293) на мозаикахъ папы Пасхалія I.

Въ позѣ лѣваго, лучше сохранившагося ангела несомнѣнно положеніе лѣвой руки, опущенной внизъ и отведенной въ сторону, которою держалъ онъ наклонно жезлъ; положеніе же правой неясно: она могла быть и опущена, но это мало вѣроятно, такъ какъ тогда фигура эта, по сравненію съ правой, являлась бы мало выразительной. Поэтому мы должны предполагать ее или отведенной въ сторону въ жестѣ изумленія, или же согнутой въ локтѣ и обращенной наружу открытою, поднятою вверхъ ладонью, въ обычномъ жестѣ адорациі¹⁾. Какова бы ни была поза его, все равно она болѣе соответствовала и позѣ праваго ангела, и роли почетной стражи у престола Царицы Небесной, чѣмъ позы ангеловъ въ мозаикѣ Кипта.

Расположеніе плаща, который, какъ у ангела, такъ и у Христа канакарійской мозаики, прикрывая лѣвый бокъ, накинуть слегка и на правое плечо, находитъ себѣ многочисленныя аналоги, напр., въ сирійскихъ миниатюрахъ Эчмиадзинскаго евангелія у евангелистовъ (Strzygowski, *Byz. Denkm.* I, табл. III, 1 и 2), Авраама (ib. IV. 2) и

1) См., напр., ангеловъ церкви S. Maria Maggiore (Gaggucci, 212. 1), ц. св. Аполлинарія Новаго (Gaggucci, 242. 2, 244. 2), ц. св. Космы и Даміана (Gaggucci, 253), ц. св. Агаты Великой въ Равеннѣ (Gaggucci, 254. 1), ц. св. Михаила въ Афричиско въ Равеннѣ (Gaggucci, 267. 2), базилики въ Паренцо (Gaggucci, 276. 1), ц. Нероя и Ахиллея въ Римѣ (Gaggucci, 284) и т., и т. д.

Христа (ib. IV. 1), у котораго тамъ, какъ въ Канакаріи, лѣвая рука совершенно скрыта подъ плащемъ, у Христа на равеннскомъ диптихѣ (Gagucci, 456), у нѣкоторыхъ святыхъ на мозаикахъ церкви св. Аполлинарія Новаго въ Равеннѣ (Gagucci, 246. 13 и 247. 5), у апостола Петра въ церкви св. Феодора въ Римѣ (Gagucci, 252. 3) и т. д. Такимъ образомъ ни позы, ни одежды ангеловъ не представляютъ ничего характернаго: онѣ примыкаютъ ко многочисленнымъ мозаикамъ и инымъ памятникамъ V—VII вѣковъ и, слѣдовательно, принадлежатъ къ общему достоянію христіанскаго искусства тѣхъ временъ. Пальмы, введенныя въ композицію, съ полною несомнѣнностью могутъ быть понимаемы, какъ обозначеніе рая небснаго, согласно обычному приему изображать ихъ въ этомъ значеніи на всевозможныхъ памятникахъ IV—VII вѣковъ. Примѣры столь многочисленны и столь извѣстны, что приводитъ ихъ было бы совершенно лишнимъ¹⁾.

Возстановивъ такимъ образомъ мысленно фигуры ангеловъ, пальмы, мы получимъ монументальную композицію того же въ сущности содержанія, какъ и въ церкви Богородицы Ангелозданной въ Кити, но иного характера: здѣсь Божія Матерь сидитъ на царскомъ тронѣ, окруженная къ тому же ореоломъ, между двумя пальмами, обозначающими рай, а предстоящіе престолу Ея ангелы являются въ соотвѣтственныхъ роли ихъ позяхъ, сходныхъ съ иными обычными изображеніями того же содержанія. Канакарійская мозаика представляетъ, такимъ образомъ, композицію менѣе оригинальную, чѣмъ китійская, и поэтому, стоя гораздо ближе къ инымъ, болѣе выработаннымъ, чѣмъ китійская мозаика, композиціямъ, кажется намъ менѣе древнею, такъ какъ, чѣмъ позднѣе, тѣмъ менѣе и менѣе оригинальности оказывается въ композиціяхъ христіанскаго искусства: могутъ являться композиціи новыя, но старыя повторяются обыкновенно въ традиціонныхъ типахъ и лишь въ деталяхъ; въ одеждѣ, атрибутахъ и, конечно, стилѣ выражается вліяніе времени. Указанные выше сборники изображеній различныхъ иконъ Божіей Матери доказываютъ это съ совершенною ясностью.

Композиція мозаичной росписи абсиды Канакаріи является уже вполне выработанной и въ совершенствѣ передающей сюжетъ «Бо-

1) См. Kraus, Real.-Encyclopädie der christl. Alterthümer, изд. I, стр. 146, II, 579, 583 сл. V. Schultze, Archaeologie der altchristlichen Kunst, стр. 374. Въ апокрифическомъ евангеліи (псевдо-) Маттея (гл. XX) Христосъ говоритъ пальмѣ, поклонившейся Богородицѣ: esto consors arborum mearum quae sunt in paradiso patris mei.

городища въ небесной славѣ». Нельзя, однако, не замѣтить, что фигурамъ ангеловъ оказалось мало мѣста, что ясно видно, какъ по узкимъ сжатымъ крыльямъ, столь рѣзко отличающимся отъ широко распростертыхъ крыльевъ ихъ тамъ, гдѣ для крыльевъ оказывается достаточно свободнаго мѣста, такъ и потому, что для того, чтобы выгадать мѣсто даже и для этихъ столь узкихъ крыльевъ мастерамъ пришлось сдѣлать въ нижней части ту широкую бѣлую полосу, которая отдѣляетъ золотой фонъ композиціи отъ широкаго бордюра съ изображеніями апостоловъ. Равнымъ образомъ и пальмы рѣзко отличаются отъ обычныхъ изображеній ихъ тѣмъ, что вмѣсто раскидистой главы здѣсь оказываются на вершинахъ стволовъ лишь жидкіе, еле замѣтные пучки листы. Такая сжатость боковыхъ частей композиціи произошла вслѣдствіе помѣщенія трона Божіей Матери внутри большаго, широкаго, овальнаго сіянія, занявшаго всю средину конхи.

Что касается типа Божіей Матери, сидящей на тронѣ en face съ Христомъ-Младенцемъ на лонѣ, то подробно говорить о немъ нужды нѣтъ: Стржиговскій прекрасно показалъ разницу типа этого отъ изображеній того же содержанія въ катакомбахъ, опредѣлилъ время возникновенія его эпохою послѣ Эфесскаго собора, указалъ на зависимость самого типа отъ соответствующихъ типовъ позднеантичнаго искусства и привелъ достаточное число примѣровъ изображеній Божіей Матери въ этомъ типѣ, какъ въ сценѣ поклоненія волхвовъ, такъ и отдѣльно—какъ царицы небесъ, подобно мозаикѣ Канакаріи (Strzygowski, Cimabue und Rom, стр. 44—48; Byzantinische Denkmäler, I, стр. 39—42).

Въ томъ же самомъ типѣ изображена была Божія Матерь со Христомъ и на мозаикѣ Канакаріи. Отъ всѣхъ иныхъ подобныхъ изображеній Ея кипрская мозаика рѣзко отличается помѣщеніемъ всей фигуры Божіей Матери внутри эллиптическаго сіянія. Въ примѣненіи ко Христу, а изрѣдка и къ инымъ фигурамъ, это сіяніе встрѣчается довольно часто, особенно въ изображеніяхъ Преображенія, Вознесенія и т. п.; но около Божіей Матери намъ, по крайней мѣрѣ, оно извѣстно лишь на позднѣйшихъ памятникахъ, какъ на Западѣ, такъ и на Востокѣ¹⁾. Лишь отдаленную аналогію находимъ мы въ со-

1) См., напр., Didron, Histoire de Dieu, стр. 100 сл. Rohault de Fleury, La Sainte Vierge, passim. На греческихъ и нашихъ иконахъ позднѣйшихъ временъ Божія Матерь очень часто является окруженной овальнымъ сіяніемъ, иногда правда не столь рѣзко ограниченнымъ, какъ ореолы западные и вышеупомянутые греческіе.

поставленныхъ Стржиговскимъ двухъ оригинальныхъ изображеніяхъ: на миниатюрѣ Эчміадзинскаго евангелія и на обломкѣ золотой пластинки изъ южной Италіи (Gaguisi, 436. 5), гдѣ въ композиціи подобной нашей мандорлою окруженъ лишь Христосъ, сидящій на колѣнахъ Божіей Матери (Strzygowski, *Byz. Denkm. I*, стр. 72—73)¹). При всей исключительности, какъ этихъ, такъ и нашего изображенія, можно, однако, какъ намъ кажется, усмотрѣть въ нихъ различный взглядъ на Христа и Божію Матерь: изображая въ мандорлѣ лишь перваго и отдѣляя Его такимъ образомъ отъ Матери, художники какъ бы хотѣли показать, что лишь «Рожденное Дѣвою-Богъ», а что сама она осталась смертною, окружая же сіяніемъ всю фигуру Божіей Матери, художники канакарійской мозаики возвышали тѣмъ самымъ Божію Матерь надъ прочими смертными и явно выражали задачу свою изобразить Ее Царицею Небесъ. Такое различіе во взглядахъ на Христа и Божію Матерь специалисты объясняютъ, можетъ быть, различіемъ разновременныхъ или разныхъ по мѣстамъ богословскихъ ученій, мы же можемъ лишь отмѣтить эту оригинальную черту кипрской мозаики, ближайшихъ аналогій которой среди извѣстныхъ намъ восточныхъ памятниковъ указать мы не можемъ. Иное дѣло самое изображеніе сіянія этого. Темносиняя средина его находитъ себѣ аналогію въ переходящихъ изъ одного въ другой синихъ тонахъ нимба Христа въ мозаикахъ церкви св. Констанцы въ Римѣ (Д. В. Айналовъ, *Мозаики IV и V вѣковъ*, стр. 29); сіяніе, окружающее Моисея, Аарона и Хура на мозаикѣ S. Maria Maggiore въ Римѣ (Д. В. Айналовъ, стр. 125) также съ синими полосами²). Въ синайской мозаикѣ

См., напр., иконы называемыя «Похвала Богородицы», «Соборъ Пресвятой Богородицы» (напр., собр. Постникова № 856), «О тебѣ радуется» (ib. 24), на четырехъ иконахъ, иллюстрирующихъ херувимскую пѣснь и т. д.

1) Судя по фотографіи *Moschoni* въ Римѣ (№ 5972), въ Субіако, въ церкви S. Speso, Христосъ на колѣняхъ Божіей Матери также окруженъ ореоломъ, который обѣими руками Богоматерь придерживаетъ. Эта фреска является, такимъ образомъ, болѣе близкой аналогіей къ золотой пластинкѣ изъ Базиликаты, чѣмъ эчміадзинская миниатюра. Стржиговскій, посѣтившій Субіакъ, объ этой фрескѣ не упоминаетъ. На многихъ указываемыхъ Гарруччи византійскихъ изображеніяхъ на монетахъ Божія Матерь придерживаетъ обѣими руками сверху нимбъ Христа, отъ котораго на погрудныхъ изображеніяхъ видно лишь голова. Едва ли можно сомнѣваться, что эти изображенія, равно какъ и круглый медальонъ Христа на груди Богоматери на иконахъ «Знаменія» суть лишь сокращенія болѣе древняго типа, гдѣ ореолъ окружалъ всю фигуру Христа, отлагая и отдѣляя его, такимъ образомъ отъ Богоматери.

2) Интересную аналогію между этимъ облакомъ, распростертымъ небесною десницей около нихъ и мѣшающимъ камнямъ іудеевъ долетать до нихъ, представляютъ гностическія легенды, гдѣ Христосъ облакаетъ какии то «свѣтовымъ истеченіемъ»

Преображенія Христось стоитъ внутри голубого ореола, фонъ котораго около фигуры сдѣланъ темносинимъ (Н. П. Кондаковъ, Путешествіе на Синай, стр. 87). Въ ватиканской рукописи Космы Индоплова сіяніе около Христа голубое, окруженное синею полосой (Н. П. Кондаковъ, Ист. виз. иск., стр. 99); въ миниатюрѣ сирійскаго евангелія 586 года возносящійся Христось окруженъ сіяніемъ «Небеснаго цвѣта» (Gagucci, III, стр. 62).

Радужная кайма около мандорлы находитъ себѣ много аналогій и особенно легко могла быть исполнена конечно мозаикой: такова радужная рамка въ церкви св. Георгія Солунскаго около вѣнка въ куполѣ, въ церкви св. Софіи Солунской въ коробовомъ сводѣ пресвитерія (конца VIII-го вѣка, какъ будемъ мы имѣть случай доказать въ другомъ мѣстѣ), около погруднаго изображенія Божіей Матери въ аркѣ св. Софіи Цареградской (IX-го вѣка см. Salzenberg, стр. 33) и т. д. Такія же радужныя рамки находимъ и въ миниатюрахъ, гдѣ исполненіе ихъ было гораздо труднѣе, напримѣръ, въ вѣнской рукописи Діоскорида около изображенія Діоскорида, въ аркадахъ сирійскихъ миниатюръ Эчмиадзинскаго и Флорентійскаго евангелій (Strzygowski, Byz. Denkm. I, стр. 57). Слѣдовательно, какъ явленіе обычное, радужная кайма ничего для опредѣленія времени мозаики Канакаріи давать не можетъ.

Поза Христа на мозаикѣ Канакаріи также не представляетъ въ общемъ ничего оригинальнаго и является на множествѣ изображеній Его разныхъ временъ; зависимость ея отъ соответственныхъ типовъ позднеантичнаго искусства прекрасно доказалъ Стржиговскій (Byzant. Denkm. I, стр. 31—33). Единственное отличіе Христа Канакаріи отъ обычныхъ изображеній Его состоитъ въ томъ, что онъ держитъ свитокъ обѣими руками; обыкновенно свитокъ или книгу влагали лишь въ лѣвую руку Его, правая же изображалась въ жестѣ благословенія. Опредѣлить точно позу Божіей Матери теперь невозможно,

(«Licht, ἀπόρροια»), т. е. очевидно свѣтлымъ облакомъ въ защиту отъ Αὐθάδης выводимую изъ ада «Πίστις-Σοφία» (C. Schmidt, Gnostische Schriften... aus cod. Bruceianus, Лpz. 1890, стр. 430). Указанія на различныя видѣнія, гдѣ упоминается сіяніе вокругъ всей фигуры см. у Kraus', Geschichte der christl. Kunst, I, стр. 220; упоминаемая Didron'омъ (Hist. de Dieu, стр. 103) рассказы житій, гдѣ ангелы уносятъ душу in arhaeta ignea, очевидно, зависятъ отъ изображеній Вознесенія Христова, на которыхъ мандорлу поддерживаютъ ангелы, но предполагаютъ ее конечно красною, а не синею, какъ на вышеуказанныхъ древнѣйшихъ примѣрахъ. Къ сожалѣнію, Стржиговскій не отмѣтилъ цвѣта ореола, окружающаго Христа на Эчмиадзинской миниатюрѣ (Byz. Denkm. I, стр. 69).

такъ какъ неясно, лежала ли правая рука Ея, какъ на многихъ подобнаго рода изображеніяхъ¹⁾, на правомъ плечѣ Христа, или же была опущена и придерживала Его ниже. Судя по сохранившейся слѣва части правой руки Божіей Матери болѣе вѣроятнымъ кажется второе, такъ какъ въ противномъ случаѣ должно было бы быть видно и на сохранившемся кускѣ внѣшній контуръ поднятой отъ локтя къ плечу Христа руки, равно какъ должно было бы это выразиться и въ контурѣ локтя. Положеніе ногъ Божіей Матери также не совсѣмъ ясно: повидимому, въ выбитомъ теперъ пятнѣ, въ лѣвой части нижняго края фигуры, подъ темною линіей, обозначающей край одежды, видны были и пальцы правой ноги Божіей Матери; справа выпнутый контуръ одежды представляетъ, очевидно, плащъ, нижній край котораго обозначаетъ широкая темная полоса, идущая къ правой ногѣ Христа. Изъ-подъ плаща этого контуръ нижней одежды долженъ идти, конечно, по тому же направленію, какъ выше шелъ контуръ плаща. Поэтому мнѣ кажется невозможнымъ считать принадлежащимъ къ ней темный плащъ, который выступаетъ по дугообразной линіи отъ пересѣченія края плаща съ контуромъ нижней одежды: этотъ рѣзкій выступъ вправо на бѣломъ фонѣ трона, или точнѣе бѣлой, покрывающей матеріи, объяснить себѣ я не могу: для обозначенія какой-либо скамьи или ступеней трона выступъ этотъ по высотѣ его нахождения и крутизнѣ контура едва ли могъ служить; дугообразный контуръ его указываетъ какъ бы на сферу, которой въ такомъ случаѣ должно принадлежать и темное пространство ниже правой ноги и края нижней одежды Божіей Матери, гдѣ слѣдовало бы ожидать изображенія скамейки или ступеней трона. Представить вмѣсто подножія сферу было бы уместно, пожалуй, въ изображеніи Христа, Котораго нерѣдко изображали сидящимъ на сферѣ, и ноги котораго опираются иногда, какъ напримѣръ, въ мозаикѣ купола св. Софіи Солунской на радугу. Миниатюра XI вѣка, указанная Е. К. Рѣдинымъ (Мозаики равеннскихъ церквей, стр. 155) изображаетъ Христа, также окруженнаго голубымъ ореоломъ и сидящаго на радугѣ. Такую замѣну можно было бы

1) Напр., диптихъ VI-го вѣка Берлинскаго музея № 429, см. Bode und Tschudi, Beschreibung der Bildwerke der christlichen Epoche, Berlin, 1888, табл. LV; амвонъ въ Фессалоникахъ, Bayet et Duchesne, Memoires sur une mission au Mont Athos, табл. IV; мозаика въ Паренцо (Garrucci, 276. 1); въ церкви Перей и Ахиллея въ Римѣ (Garrucci, 284). На миниатюрѣ Эчміадзинскаго евангелія (Вуз. Denkм. VI. 1). Божія Матерь держитъ такимъ образомъ не самого Христа, а облакающій Его овальный ореолъ.

объяснять словами св. писанія и христіанскихъ ораторовъ *οὐ θρόνος μὲν τῆς βασιλείας ἀψίδες οὐράνιοι, γῆ δὲ ὑποπόδιον αὐτοῦ τῶν ποδῶν* (Bayet, Recherchès, стр. 55). Для Божіей Матери же эта сфера подъ ногами¹⁾ столь же необычна и несоотвѣтственна, какъ и ореоль, облекающій всю фигуру, и является характерной особенностью мозаики Канакаріи, дать удовлетворительнаго объясненія которой мы не можемъ. Равнымъ образомъ босые пальцы, — если мы вѣрно понимаемъ незначительные остатки правой ноги, — въ изображеніяхъ Божіей Матери, сидящей на тронѣ, также совершенно необычны, такъ какъ Ей придается въ такихъ случаяхъ красная, царская обувь, соотвѣтствующая торжественности всего изображенія.

Сколь ни отдаленна аналогія между Канакарійской мозаикой и французской миниатюрой X-го вѣка, изданной Didron'омъ (*Histoire de Dieu*, стр. 101), но, не зная аналогій болѣе близкихъ, приходится сравнивать эти столь разнородныя памятники: на миниатюрѣ Божія Матерь изображена безъ Христа, обѣ руки Ея подняты раскрытыми ладонями передъ грудью, сидитъ Божія Матерь на сферѣ, а обѣ ноги въ красныхъ, вѣроятно, башмакахъ поставлены еще на какой то округлый отрѣзокъ. Верхняя часть фигуры окружена выходящимъ изъ за сферы, замѣнившей престолъ, ореоломъ, на фонѣ котораго, равно какъ и на сферѣ, кружки изъ точекъ могутъ обозначать звѣзды²⁾. Didron не входитъ въ объясненія этого изображенія, но склоненъ, видимо (стр. 102), объяснять его согласно другому, еще болѣе позднему, XVI вѣка изображенію Божіей Матери съ Христомъ-Младенцемъ, на этотъ разъ текстомъ изъ Апокалипсиса XII. 1... *γυνὴ περιβεβλημένη τὸν ἥλιον, καὶ ἡ σελήνη ὑποκάτω τῶν ποδῶν αὐτῆς, καὶ ἐπὶ τῆς κεφαλῆς αὐτῆς στέφανος ἀστέρων δώδεκα* etc. — Но объяснить Апокалипсисомъ канакарійскую мозаику мы возможности не

1) Въ сводѣ пресвитерія церкви св. Виталія въ Равеннѣ четыре ангела, поддерживающіе вѣнокъ съ агнецомъ, изображена стоящими на голубыхъ сферахъ (Е. К. Рѣдинъ, Мозаики равеннскихъ церквей, стр. 126). Тоже самое повторяется въ сводѣ капеллы св. Зинона въ ц. св. Праскеды въ Римѣ (Gaglicci, 291, de Rossi, *Mosaici*, вып. 11—12), но это достаточно близкой аналогіи сферѣ подъ ногами Божіей Матери, сидящей на тронѣ, не представляетъ, такъ какъ ангелы тамъ изображены, быть можетъ, стоящими на своихъ планетахъ.

2) Въ общемъ композиція этой фигуры явно зависитъ отъ подобныхъ же изображеній Христа, которому и сфера вмѣсто трона, и ореоль болѣе обычны; ср. у Didron'а же рис. 14 на стр. 23, фреска XI-го вѣка, гдѣ Христосъ сидитъ на сферѣ, на которую положена однако еще подушка!, передъ ореоломъ, поставивъ обѣ ноги на меньшую сферу.

видимъ: конечно, рождающая жена могла, согласно отождествленію ея съ Божіею Матерью, быть изображенной, какъ Божія Матерь со Христомъ младенцемъ, но синій цвѣтъ ореола, вовсе не соотвѣтствующій солнцу, отсутствіе звѣздъ около головы, невозможность считать темную сферу луною — дѣлаютъ такое объясненіе для канакарійской мозаики невозможнымъ. Оставляя объясненіе смысла ея лицамъ болѣе насъ компетентнымъ, мы замѣтимъ лишь, что она является первымъ, насколько намъ извѣстно, примѣромъ древняго восточнаго изображенія Божіей Матери, облеченной ореоломъ; западные же памятники подобнаго рода должны считаться такимъ образомъ зависящими отъ иныхъ неизвѣстныхъ или несохранившихся восточныхъ, подобно тому, какъ Китійская мозаика дала ближайшую аналогію оригинальному изображенію крыльевъ херувимовъ на лангобардскомъ рельефѣ, а синайская мозаика явно указываетъ на восточное происхожденіе композиціи Преображенія, являющейся въ XII-мъ вѣкѣ на росписныхъ стеклахъ Шартрскаго собора (ср. Gaggucci, 268 и Didron, рис. 79 на стр. 95).

Главнѣйшимъ препятствіемъ сближать французскую миниатюру съ кипрской мозаикой является то, что тутъ сфера подъ ногами Божіей Матери является вовсе неумѣстной въ виду того, что Божія Матерь сидитъ не на небесной сферѣ, а на реальномъ царскомъ тронѣ. Такого точно трона намъ нигдѣ неизвѣстно, онъ рѣзко отличается отъ прочихъ, повидимому, матеріаломъ: бѣлые изогнутые боковые устои спинки его заставляютъ предполагать, что они были или серебряные, или, что болѣе вѣроятно, обложены слоновою костью и украшены цвѣтными камнями; изогнутая форма ихъ не такова, чтобы позволять считать ихъ цѣльными слоновыми бивнями; это — форма роговъ, подобныхъ тѣмъ, которые употреблялись для боковыхъ устоевъ на лирахъ, гдѣ они состоятъ иногда изъ цѣльныхъ роговъ. Бѣлое пространство между ними обозначаетъ натянутую тамъ, какъ на множествѣ изображеній византійскихъ троновъ, матерію, служившую спинкой. Лирообразная спинка трона встрѣчается нерѣдко на памятникахъ разныхъ временъ, начиная съ VI-го вѣка, но она состоитъ обыкновенно изъ широкихъ деревянныхъ или металлическихъ устоевъ, богато орнаментированныхъ цвѣтными камнями, и такимъ образомъ ближайшей аналогіи трону въ Канакарії не представляетъ¹⁾.

1) Напримѣръ, у царицы на вѣнскомъ диптихѣ (Schneider, Album der Antiken-Sammlung des Allh. Kaiserhauses, Wien, 1895 табл. L); у Христа въ церкви св.

Ближайшую же аналогію спинкѣ трона на мозаикѣ Канакаріи представляетъ тронъ на крышкѣ, украшенной рельефнымъ изображеніемъ Божіей Матери со Христомъ-Младенцемъ, круглой серебряной мощехранительницы, найденной въ Градо и относимой къ VI-му вѣку¹⁾, гдѣ спинка образована также двумя рогообразными устоями и натянутой между ними матеріей; отличие этого трона отъ всѣхъ прочихъ представляетъ отсутствіе подушки; на верхнихъ концахъ устоевъ помѣщены подобія цвѣточныхъ почекъ, присутствія которыхъ на мозаикѣ незамѣтно, такъ какъ концы устоевъ этихъ разрушены; если же они были, то должны были столь же близко подходить къ границѣ ореола, какъ на крышкѣ къ бордюру барельефа. На рельефѣ этомъ эти устои изображены спиральными, что подходитъ къ предположенію о происхожденіи ихъ отъ роговъ какой-либо антилопы. Этотъ же тронъ, какъ и тронъ вѣнской пластинки и мозаики Канакаріи, отличается отъ прочихъ вышеуказанныхъ троновъ съ лирообразными спинками еще тѣмъ, что тутъ матерія, образующая спинку, натянута непосредственно между двумя боковыми устоями, на прочихъ же устои эти соединены вверху перекладиной, къ которой подвѣшена ткань, и которая мѣшаетъ прислониться къ мягкой матерчатой спинкѣ: слѣдовательно, эти три памятника даютъ изображеніе болѣе реальное подобнаго рода троновъ, на прочихъ же они являются болѣе парадными и великолѣпными, но менѣе удобными.

Такимъ образомъ композиція въ абсидѣ Канакаріи представляетъ цѣлый рядъ особенностей, которымъ оказывается невозможнымъ, для насъ, по крайней мѣрѣ, указать достаточно близкія, объясняющія ихъ аналогіи среди иныхъ памятниковъ древне-христіанскаго и ранне-византійскаго искусства.

Украшеніе внѣшней вертикальной каймы конхи погрудными изображениями на подобіе античныхъ *imagines clipeatae* находитъ себѣ много аналогій въ церковныхъ росписяхъ: точно такъ же изобра-

Аполлинарія Новаго въ Равеннѣ (Garrucci, 242, фот. Ricci № 104); у Христа въ церкви св. Агаты Великой тамъ же (Garrucci, 254); у Божіей Матери на миниатюрѣ Эчмиадзинскаго евангелія (Strzugowski, Byzant. Denkm. I, табл. VI 1); на мозаикѣ надъ дверью Софіи Цареградской (Salzenberg, табл. 27; VI-го или IX-го вѣка?); на византійскомъ мраморномъ рельефѣ Христа въ Arbe въ Далмаціи (Eitelberger, Die mittelalterlichen Kunstdenkmale Dalmatiens, рис. 7 на стр. 154). Для позднѣйшихъ временъ см. «Божію Матерь въ Монреале» (фот. Sommer'a № 9104) и указанія Стржиговскаго (Cimabue und Rom, стр. 50—51).

1) См. рис. у Garrucci, 436. 5; de Rossi, *La capsella argentea africana*. Roma, 1889, стр. 28.

женіями евангелистовъ и апостоловъ, а внизу также и строителей церкви украшена кайма конхи синайской церкви св. Екатерины (Gaggucci, 268. 2), въ Паренцо мѣсто апостоловъ заняли 12 святыхъ женъ, очевидно, въ зависимости отъ посвященія церкви Божіей Матери (Gaggucci, 276).

Что касается порядка изображеній въ Канакаріи, то, при попыткахъ возстановить его, надо принять во вниманіе слѣдующія изображенія апостоловъ, обозначенныхъ именами: на мозаикахъ Православнаго баптистерія въ Равеннѣ (Gaggucci, 226), на мозаикахъ нынѣ погибшихъ ц. св. Агаты въ Субурѣ въ Римѣ (Gaggucci, 240. 2), триумфальной арки церкви св. Виталія (Gaggucci, 259), на синайской мозаикѣ (Gaggucci, 268. 2) и на бронзовой пиксидѣ изъ Рима (Gaggucci, 426. 2), а также на мозаикѣ въ капеллѣ Петра Хризолога въ Равеннѣ, гдѣ однако апостолы раздѣлены на двѣ группы (Gaggucci, 224 и IV стр. 33). На всѣхъ этихъ памятникахъ, кромѣ синайской мозаики, по сторонамъ Христа помѣщаются Павелъ (слѣва) и Петръ (справа); тоже должно предполагать и для мозаики Канакаріи.

Такимъ образомъ порядокъ изображеній въ лѣвой сѣверной части арки будетъ таковъ: идя сверху отъ Христа внизъ, Павелъ, [Ματθ]ίας, [Ματθ]έος, [Θαδ]δέος, [Μάρ]κος, [Θω]μάς.

Такого порядка ни на одномъ изъ вышеуказанныхъ памятниковъ не оказывается, мало того, Марка и Матѳея находимъ мы только на синайской мозаикѣ: если на послѣдней въ числѣ медальоновъ нѣтъ Петра, Иоанна и одного Іакова, то это, очевидно, лишь потому, что они изображены въ главномъ изображеніи мозаики въ сценѣ Преображенія.

Такимъ образомъ, мозаика Канакаріи оказывается въ выборѣ апостоловъ стоящей всего ближе къ мозаикѣ синайской, къ которой ближе она и по мѣсту находженія. Однако, порядокъ размѣщенія ихъ и число здѣсь были иные. На южной части арки сохранились лишь три, заложенные новою аркой меньшей, чѣмъ въ сѣверной части, медальона, а именно, идя снизу, если память насъ не обманываетъ, Βα(ρ)θω[λομαῖος], Ἰάκω[βος] и юное лицо безъ надписи, можетъ быть, Ἰω(=Ἰωάννης). Изъ трехъ, исчезнувшихъ вверху, помѣщались, конечно, Петръ и Андрей; остается выбирать изъ прочихъ апостоловъ третьяго и всего вѣроятнѣе, кажется, выбрать Филиппа, такъ какъ онъ входитъ во всѣ указанные изображенія.

Что касается типовъ апостоловъ то, такъ какъ лица ихъ заложены новою аркой, теперь видно лишь, что одинъ (безъ имени, мо-

жетъ быть Іоаннъ) изображенъ былъ юнымъ, каковымъ и изображается Іоаннъ на всѣхъ исчисленныхъ примѣрахъ, кромѣ мозаики равеннской церкви св. Агаты, гдѣ онъ является, хотя и юнымъ, но съ бородою (см. Müntz, Amer. Journal of Archeol. II (1886), стр. 310). Іаковъ изображенъ на мозаикѣ Канакаріи съ сѣдою бородою, тогда какъ въ церкви св. Агаты у одного Іакова юное лицо, у другого каштановая борода¹⁾. Іаковъ Заведеевъ въ равеннской церкви св. Виталія изображенъ юнымъ, съ небольшими волосами на головѣ, небольшимъ носомъ. Сходенъ типъ въ арианской крещальнѣ, въ православной крещальнѣ онъ съ небольшой остроконечной бородою; въ капеллѣ Хризолога — съ округлой, болѣе возмужалый (Б. К. Рѣдинъ, Мозаики равенскихъ церквей, стр. 150). Іаковъ Алфеевъ въ церкви св. Виталія, съ бородкой, слегка опушающей подбородокъ, сходнаго типа въ синайской мозаикѣ, въ мозаикѣ капеллы Хризолога и православной крещальни, въ арианской крещальнѣ онъ юнъ, безбородъ (Е. К. Рѣдинъ, стр. 151). Въ виду этой разницы типовъ нельзя рѣшить, какого именно Іакова изображаетъ канакарійская мозаика, пока не будетъ освобождена правая половина надписи. Вареломей на канакарійской мозаикѣ представленъ бородатымъ, въ церкви св. Виталія онъ изображенъ въ типѣ полного мужчины съ длинною, густою черною бородою (немного раздвоенной), какъ и въ синайской мозаикѣ, въ мозаикѣ капеллы Хризолога, гдѣ, однако, болѣе молодое лицо съ коротко остриженными волосами и небольшой бородкой (Е. К. Рѣдинъ, стр. 149).

Такимъ образомъ, судя по двумъ видимымъ изображеніямъ апостоловъ, мозаика Канакаріи стоитъ, очевидно, ближе къ памятникамъ VI-го, нежели V-го вѣка.

Среди многочисленныхъ изображеній Божіей Матери съ Христомъ-Младенцемъ, сидящей на тронѣ, ближайшее и по композиціи, и по времени, повидимому²⁾, находится въ Паренцо. Въ виду отсутствія хорошаго изданія мозаики этой³⁾, мы ознакомились съ

1) На бронзовой ситулѣ всѣ апостолы, кромѣ Петра и Павла, безъ бороды.

2) Изъ прочихъ для сравненія съ мозаикою Канакаріи были бы особенно интересны изображенія Божіей Матери на тронѣ въ абсидахъ св. Софіи Солунской и Цареградской. Но первая различается довольно плохо (см. Va uet, Recherches, стр. 91), а кромѣ того, какъ будемъ имѣть случай доказать мы въ другомъ мѣстѣ, принадлежитъ никакъ не VI-му вѣку, а концу VIII-го или поздне, относительно же второй, извѣстной лишь по описанію Salzenberg'a (стр. 82), рѣшать вопросъ о времени ея исполненія, связанный съ показаніемъ Антонія Новгородца о живописцѣ Лазарѣ Ваусѣ Recherches, стр. 88), мы теперь не можемъ.

3) Рисункъ Гарруччи (276. 2) зависитъ отъ старой гравюры (фот. Ricci безъ №)

нею въ оригиналѣ. Но при всемъ сходствѣ содержанія и композиціи между ними оказывается значительная разница и въ типахъ, и въ техникахъ. Мозаика Паренцо, несомнѣнно, принадлежитъ къ той же серіи мозаикъ, что и мозаики Равенны, и исполнена, очевидно, мозаичистами той же самой школы, которая работала тамъ; она относится къ VI-му вѣку, но сходство ея съ мозаикой канакарійскою ограничивается лишь общностью содержанія и типовъ Божіей Матери, Христа и ангеловъ, въ деталяхъ же столько разницы, что считать мозаику эту исполненной тою же школой мозаичистовъ, которая работала на Кипрѣ, возможнымъ мнѣ не представляется. Стилъ и работа канакарійской мозаики рѣзко отличаютъ эту послѣднюю и отъ китійской и по этому заставляютъ предполагать исполненіе ея или въ другое время или другою школою мастеровъ: здѣсь не видно той мелочной тщательности и того оригинальнаго приѣма при переходѣ отъ тѣни къ свѣту, которыя характеризуютъ мозаику Кити. Въ общемъ, мозаика Канакаріи стоитъ гораздо ближе къ мозаикамъ Равенны и Рима. Къ сожалѣнію, судить о сходствѣ этомъ рѣшительно я не могу, такъ какъ мнѣ тогда эти мозаики въ оригиналахъ были неизвѣстны: такъ, на примѣръ, тѣ темныя кубики въ лицахъ, которые въ замѣткахъ моихъ названы красными, вѣроятно, оранжеваго оттѣнка и являются обыкновенною принадлежностью мозаикъ V—VII вѣковъ. Насколько же могъ я судить потомъ, техника мозаики Канакаріи представляетъ бѣльшее сходство съ мозаиками равенскими, чѣмъ китійская. Но сходство это однако далеко отъ тождества.

Это становится яснымъ при сравненіи, на примѣръ, способовъ передачи одеждъ: въ Равеннѣ складки бѣлыхъ одеждъ передаются болѣе темными планами, широкими или узкими, смотря по нуждѣ; въ Канакаріи же къ подобнымъ планамъ присоединяются бѣлыя полосы, обозначающія выступы складокъ, которыми оживляются, такимъ образомъ, основные планы. Эта разница вполне ясно замѣчается при сравненіи фотографій, напр., ангеловъ при Христѣ и Божіей Матери

и потому весьма неточенъ; лучше и рисунокъ Lohde (*Zeitschrift für Bauwesen*. IX (1859), табл. 16). Изданіе мозаики въ *Mittheilungen der Central-Commission* осталось намъ недоступнымъ, тотъ же самый рисунокъ, но съ текстомъ Стржиговскаго, повторенъ, по всей вѣроятности, въ *Kunstgeschichtliche Charakterbilder aus Oesterreich*, стр. 56, также намъ не доступныхъ. Архитекторъ Giac. Boni въ *Archivio storico dell' arte*, VII (1894), стр. 107—131, издалъ недостаточно большую и ясную цинкографію мозаики конхи (стр. 114). Будемъ надѣяться, что Марукки, начавшій изслѣдованіе о церкви Паренцо въ *Nuovo Bulletin di Archeologia Cristiana*, издастъ мозаику фототипіей.

въ церкви св. Аполлинарія Новаго (Ricci, № 104, 105) или въ церкви св. Виталія (Ricci, № 16), а также и изображеній Христа-Младенца. Отдѣлка лицъ при различіи типовъ ихъ, о чемъ будетъ рѣчь ниже, обнаруживаетъ разницу въ техникахъ въ томъ же, что и одежды: въ Равеннѣ и Римѣ мозаичисты передаютъ тѣни лицъ планами разныхъ формъ, здѣсь же опять-таки преимущественно полосами, какъ бы мазками кисти, что ясно замѣтно на лицѣ ангела и шеѣ ангела и Христа. Еще одно отличіе ясно въ томъ, что въ Равеннѣ отдѣляется одна лишь сторона носа темною полосой, въ Канакаріи же темная полоса обходитъ носъ съ обѣихъ сторонъ, будучи лишь тоньше съ одной стороны. Мнѣ кажется, что при этой разницѣ въ исполненіи мозаики тѣ пункты сходства, которые оказываются между сравниваемыми мозаиками, какъ, напримѣръ, общее сходство лица канакарійскаго ангела съ лицомъ Христа въ куполѣ церкви S. Maria in Cosmedin или съ ангелами, поддерживающими дискъ съ агнцемъ въ сводѣ пресвитерія св. Виталія въ Равеннѣ, не могутъ еще служить достаточнымъ основаніемъ для признанія мозаики Канакаріи работою той же самой школы мозаичистовъ, которая работала въ Равеннѣ ¹⁾.

Къ этому различію мозаикъ по приѣмамъ исполненія присоединяется и различіе въ типахъ лицъ, изъ которыхъ въ Канакаріи вполне видны лишь два: ангела и Христа. Сравнивая ихъ съ лицами на равеннскихъ и римскихъ мозаикахъ, сразу замѣчаешь рѣзкое отличіе, и, главнымъ образомъ, въ длинѣ лицъ: у всѣхъ ангеловъ равеннскихъ мозаикъ и еще болѣе того въ церкви Космы и Даміана и S. Maria Maggiore въ Римѣ лица ангеловъ гораздо шире и болѣе округлы, приближаясь такимъ образомъ къ типу ангеловъ на издѣліяхъ изъ слоновой кости и иныхъ памятникахъ V—VI вѣка, гдѣ лица ихъ обыкновенно имѣютъ такой же типъ юныхъ лицъ, явно античный еще, лучшими примѣрами котораго, намъ извѣстными, считаемъ мы лица

1) Нѣкоторое сходство съ лицомъ ангела въ Канакаріи представляютъ и по продолговатости, и по обведенію носа силошною полосой, мозаичные ангелы въ церкви Успенія въ Никейѣ, извѣстные мнѣ лишь по фотографіи Константинопольскаго Археологическаго Института; судя по одеждамъ ангеловъ, мозаики эти примыкаютъ къ позднѣйшимъ традиціоннымъ типамъ ихъ, но отнесеніе мозаикъ Diehl'емъ (Byzant. Zeitschrift, I, стр. 76 сл.) къ XI-му вѣку кажется мнѣ въ виду отличія типовъ лицъ ангеловъ отъ обычныхъ ихъ широколицыхъ изображеній XI и сл. вѣковъ сомнительнымъ. Конечно, мозаики не старше торжества православія, но могутъ, кажется, считаться древнѣе XI-го вѣка. Ср. также замѣчаніе Стржиговскаго, несогласнаго, повидимому, съ датировкою Diehl'я (Archäologische Ehrengabe der Römischen Quartalschrift zu de Rossi's LXX Geburtstag, 1892, стр. 398).

юныхъ святыхъ въ мозаикахъ св. Георгія въ Солуни. То же самое замѣчается и относительно лица Христа-Младенца, которое на большинствѣ памятниковъ и до позднѣйшихъ временъ бываетъ обыкновенно гораздо шире и круглѣе, чѣмъ на мозаикѣ Канакаріи. Въ сирийскихъ миниатюрахъ Эчміадзинскаго евангелія въ сценахъ Благовѣщенія Захаріи и Божіей Матери и поклоненія волхвовъ (Вуз. Denk. I, табл. V. 1 и 2, VI. 1), особенно въ двухъ первыхъ, лица ангеловъ удлиненностью напоминаютъ лицо ангела Канакаріи, по иному прической и діадемами въ волосахъ схожи болѣе съ обычными типами ангеловъ. Лицо Младенца-Христа на миниатюрахъ этихъ (табл. IV. 1 и VI. 1) также болѣе схоже съ вышеназванными изображеніями Его, чѣмъ съ мозаикой Канакаріи. О типѣ юнаго Христа въ церкви св. Виталія можно судить по фототипіи (табл. II), приложенной къ книгѣ Е. К. Рѣдина. Сравнивая типъ этого Христа съ типомъ канакарійскимъ, мы замѣчаемъ разницу, какъ въ расположеніи волосъ, расчесанныхъ въ Равеннѣ на обѣ стороны (какъ у ангела въ Канакаріи), такъ и въ томъ, что овалъ лица въ канакарійской мозаикѣ длиннѣе. Въ равеннской мозаикѣ лицо Христа, на нашъ взглядъ, исполнено живѣе и красивѣе, нежели въ канакарійской. Лицо ангела рѣзко отличается отъ нихъ, какъ отсутствіемъ діадемы, такъ и тѣмъ, что волосы изображены расчесанными на обѣ стороны. Примѣровъ аналогичныхъ послѣднему мы теперь изъ временъ болѣе древнихъ указать не можемъ и, если находимъ такую прическу у архангела Михаила на слоновой кости Берлинскаго музея (№ 437. Bode und Tschudi, Beschreibung der Bildwerke der christl. Epoche etc., табл. 55, лучше рис. у Schlumberger, L'épopée byzantine, стр. 41), относимой къ X-му вѣку и представляющейся по стилю ея гораздо новѣе мозаики Канакаріи, то отсюда можетъ слѣдовать лишь, что мозаика является болѣе древнимъ представителемъ такого отличнаго отъ обычныхъ типа прически ангеловъ, но никакъ не то, чтобы она сама должна была принадлежать ко временамъ ближайшимъ къ X-му вѣку.

Послѣ всего вышесказаннаго очевидно, что мозаика Канакаріи можетъ быть считаема менѣе древней, чѣмъ мозаика Кити, такъ какъ она, при всѣхъ ея особенностяхъ, стоитъ гораздо ближе къ обычнымъ установившимся въ христіанскомъ искусствѣ изображеніямъ Божіей Матери въ небесной славѣ. Рѣзкое отличіе ея отъ прочихъ помѣщеніемъ Божіей Матери въ ореолъ объясняется, вѣроятно, особеннымъ почитаніемъ Божіей Матери и можетъ быть истолковано лишь спе-

ціалістами по історіі богословськихъ идей; разлику же въ стилѣ между этой мозаикой и мозаиками Равенны и Рима мы полагаемъ возможнымъ объяснять разницею въ приѣмахъ мозаичистовъ разныхъ школъ.

Время исполненія мозаики съ полною точностью опредѣлять мы не держаемъ, но, судя по указаннымъ выше примѣрамъ сходства съ памятниками VI-го вѣка, и въ виду невѣроятности предполагать сооруженіе на Кипрѣ новыхъ церквей со столь дорогими мозаичными росписями послѣ половины VII-го вѣка, когда островъ сталъ подвергаться постояннымъ арабскимъ раззореніямъ, мы думаемъ наиболѣе вѣроятнымъ считать мозаику Канакаріи исполненной между началомъ VI-го и половиною VII-го вѣка.

Въ виду стилистическаго различія кипрскихъ мозаикъ отъ равеннскихъ и римскихъ послѣднія точными критеріями для сужденія о времени кипрскихъ служить не могутъ. Таковымъ критеріемъ должна быть мозаика Синайскаго монастыря: но она остается до сихъ поръ еще удовлетворительно неизданной, хотя является единственнымъ восточнымъ образцомъ мозаики юстиніановскаго времени. Относительно синайской мозаики, какъ относительно кипрскихъ, возникаетъ сложный вопросъ о томъ, откуда пришли исполнившіе ее мозаичисты. Кипрскія мозаики, очевидно, были исполнены не тѣми же мозаичистами, которые работали въ V—VI вѣкахъ въ Римѣ и Равеннѣ. Относительно этихъ мозаичистовъ также является вопросъ, приходили ли они непосредственно для исполненія заказовъ изъ Константинополя, или же были мѣстными итальянскими мастерами. Для Равенны казалось бы болѣе вѣроятнымъ первое.

Итакъ, если равеннскія мозаики исполнены мастерами константинопольскими, то кипрскія, отличныя отъ нихъ по работѣ, должны считаться работою иныхъ мозаичистовъ. Предполагать существованіе на Кипрѣ особой школы возможно тѣмъ менѣе, что мозаики кптійская и канакарійская явно различны по характеру и приѣмамъ исполненія.

Остается выбирать между мозаичистами Александріи и Сиріи.

Хотя я и не могу указать никакихъ несомнѣнныхъ свидѣтельствъ о существованіи въ первой въ христіанское время мозаичистовъ, но предполагать ихъ, кажется мнѣ болѣе, чѣмъ вѣроятнымъ, въ виду того блестящаго развитія мозаичнаго мастерства въ Александріи въ античное время, о которомъ свидѣлствуютъ безчисленныя мозаики, носящія явно александрійскій характеръ.

Относительно же Сиріи, помимо существующихъ мозаичныхъ по-
ловъ и существовавшихъ во множествѣ стѣнныхъ мозаикъ¹⁾, мы по-
зволимъ себѣ указать на одно свидѣтельство, до сихъ поръ, насколько
намъ извѣстно, къ разсужденіямъ о мозаикахъ не привлекавшееся.
Одна приписка (не позже половины IX-го вѣка), находящаяся на
листкѣ, влеченномъ въ Порфиріевскую псалтирь 862 года²⁾, содер-
житъ слѣдующее трехстишіе:

+ Πρέποντα κόσμον τῷ θεηδόχῳ τάφῳ
τέτευχε τήνδε λαμπρὰν ὑελουργίαν
Θωμᾶς μονάζων, ζωγράφος, Δαμασκόθεν.

Конечно, нельзя утверждать, списано ли оно съ того произведенія
Θомы, о которомъ идетъ рѣчь, или же было лишь сочинено, чтобы
быть на немъ написано, но, несомнѣнно, монахъ Θома, родомъ изъ
Дамаска, ранѣе половины IX-го вѣка украсилъ Гробъ Господень мо-
заикою, какъ только и можно понимать для того времени «стеклян-
ное произведеніе живописца».

Къ сожалѣнію, о мозаикѣ этой болѣе намъ ничего неизвѣстно:
была ли исполнена она въ IX-мъ вѣкѣ, или же тогда было лишь спи-
сана эпиграмма эта съ мозаики болѣе древней, восходившей, быть мо-
жетъ, къ возобновленію построекъ надъ св. Гробомъ Модестомъ послѣ
персидскаго погрома въ VII-мъ вѣкѣ (см. о нихъ Vogué, *Les églises
de la Terre Sainte*, стр. 148 сл.), для сужденія объ этомъ теперь у
насъ нѣтъ матеріаловъ. Во всякомъ случаѣ остается интересный
для насъ фактъ существованія въ Дамаскѣ мозаичистовъ. Неопре-
дѣленность времени работъ Θомы въ церкви Гроба Господня не по-
зволяетъ дѣлать дальнѣйшихъ предположеній о связи между этими

1) Нынѣ существующія мозаики въ церкви Гроба Господня, въ монастырѣ св.
Креста, въ вилеескской базиликѣ — всѣ позднѣйшаго времени и тѣсно примыкаютъ
къ инымъ мозаикамъ XI-го и сл. вѣковъ, и исполнены поэтому, вѣроятно, пришлыми
изъ Византіи мастерами.

2) В. К. Ернштедтъ (Порфиріевскіе отрывки изъ аттической комедіи, СПб.,
1891, стр. 268), приведя стихи эти, говоритъ: «не беремся судить, о какомъ тутъ сте-
клянномъ издѣліи (или работѣ на стеклѣ?) живописца монаха Θомы изъ Дамаска
можетъ идти рѣчь. Эти три строки написаны не однимъ почеркомъ съ предыдущимъ,
но, безъ сомнѣнія, также никакъ не позже первой половины IX-го вѣка, чтд дока-
зывается въ особенности формами сигмы и лигатуры αζ. Какимъ путемъ попали эти
строки въ Порфиріевскую рукопись, останется, по всей вѣроятности, загадкою; но
врядъ ли онѣ находились бы въ этой рукописи, если бы она не была написана не
вдали отъ Гроба Господня (стр. 1, θεηδόχῳ τάφῳ), въ той же странѣ, откуда про-
исходитъ Псалтирь 862 года».

дамасскими мозаичистами и тѣми мозаиками, которыя сохранялись отъ начала VII-го вѣка до недавняго пожара въ большой мечети Дамаска.

Позволимъ себѣ въ заключеніе сдѣлать здѣсь еще небольшое отступленіе по поводу изображеній Божіей Матери съ Христомъ, принимающей дары волхвовъ, на свинцовыхъ ампулахъ Монцы (Gagucci, 433. 7. и 8; 431. 1). Стржиговскій, говоря о нихъ (Byzant. Denkm. I, стр. 72), по поводу миниатюры Эчміадзинскаго евангелія, и замѣтивъ значительную разницу композиціи, какъ изданной имъ миниатюры, такъ и ампулъ отъ прочихъ изображеній той же сцены, полагаетъ, что въ миниатюрѣ изображеніе Божіей Матери строго en face и помѣщеніе волхвовъ по обѣ Ея стороны происходитъ отъ личной инициативы художника или отъ мѣстныхъ типовъ. Эчміадзинская миниатюра представляетъ въ композиціи значительныя отличія отъ ампулъ, и поэтому мы оставимъ ее въ сторонѣ.

Что же касается ампулъ, то, мнѣ кажется, возможно указать на источникъ изображаемой на нихъ композиціи поклоненія волхвовъ. Конечно, главнымъ образомъ принимаемы во вниманіе должны быть двѣ бѣльшія (433. 7 и 9), такъ какъ меньшая, несомнѣнно, лишь сокращенное имъ подражаніе, какъ то видно по сходству въ изображеніяхъ Божіей Матери, тождеству надписи: *Ἦμμανουῆλ μεθ' ἡμῶν*, сходству фигуры ближайшаго къ Божіей Матери пастуха, помѣщеніемъ въ нижнемъ отрѣзкѣ козъ и ангеловъ около звѣзды въ верхнемъ. Обѣ же бѣльшія представляютъ между собою столь явное сходство, что, несомнѣнно, зависятъ отъ какого-либо общаго оригинала, и приписывать оригиналъ этотъ мастерамъ, изготовлявшимъ ампулы, кажется намъ маловѣроятнымъ; гораздо естественнѣе видѣть его въ какомъ-либо общеизвѣстномъ изображеніи этого сюжета въ одной изъ святынь Иерусалима, о которой паломники уносили бы такимъ образомъ на сосудѣ съ масломъ вещественное воспоминаніе въ видѣ его копии. Конечно, всего вѣроятнѣе предполагать нахожденіе композиціи этой въ Виелеемѣ. И дѣйствительно, въ соборномъ посланіи 836 г. еще Bayet (Recherches, стр. 72) указалъ на свидѣтельство о мозаикѣ, украшавшей, очевидно, западный фасадъ виелеемской базилики: по свидѣтельству посланія мозаику эту, какъ и всю базилику, соорудила св. Елена *μέγιστον ναὸν τῆς Θεομήτορος ἀνεγείρασα καὶ τῷ πρὸς δύσιν ἕξω-*

θεν μέρει μουσουργικοῖς ψηφώμασιν ἐξεικονίσασα τὴν ἁγίαν Χριστοῦ γέννησιν καὶ τὴν Θεομήτορα ἐγκόλπιον φέρουσαν τὸ ζωοφόρον βρέφος καὶ τὴν τῶν μάγων μετὰ δώρων προσκύνησιν . . . (Σακκελίωv. о. с. стр. 30; исторія № 8). Что касается отнесенія мозаики этой ко временамъ св. Елены, то намъ пришлось уже говорить о показаніи, вѣроятно не лишенномъ реальныхъ основаній, Евтихія о реставраціи вилеємской базилики Юстиніаномъ. Сходство фигуры Божіей Матери на ампулахъ съ мозаикою Канакаріи и прочими аналогичными изображеніями Ея VI-го вѣка также заставляеть сомнѣваться въ вѣрности историческаго показанія автора соборнаго посланія. Но то, что описаніе вилеємской мозаики не упоминаеть пастырей, отнюдь не можетъ препятствовать предположенію нашему о зависимости отъ нея изображеній на ампулахъ: для автора посланія нужны были лишь изображенія маговъ, о пастыряхъ же упоминать ему было не для чего. Если же упоминаемая имъ мозаика помѣщалась на фронтонѣ базилики, то иначе, какъ въ центрѣ, изображенія Божіей Матери предполагать невозможно; помѣстить однихъ волхвовъ по одну сторону Ея было бы нарушеніемъ симметріи; раздѣлить ихъ на обѣ стороны, какъ на Эчмиадзинской миниатюрѣ, было бы недостаточнымъ, чтобы заполнить всю площадь фронтона (или фасада); поэтому вполне естественно полагать, что волхвамъ, подходившимъ съ одной стороны, соотвѣтствовали пастухи, изображенные съ другой стороны, какъ представлены они на ампулахъ, въ рельефахъ которыхъ мы можемъ, такимъ образомъ, видѣть копію этой давно погибшей мозаики, исполненной, вѣроятно, въ VI-мъ вѣкѣ.

Лишь по окончаніи статьи этой получилъ я изслѣдованіе Е. К. Рѣдина, Мозаики равеннскихъ церквей. СПб. 1896.

Судя по заключенію (стр. 218—224), авторъ полагаетъ, что равеннскія мозаики исполнены по образцу восточно-византійскихъ, работали же ихъ если и восточные мастера, то вмѣстѣ съ мѣстными.

Отсюда слѣдуетъ возможность считать мозаику Канакаріи, столь сходную въ общемъ, но не въ частности, исполненія съ мозаиками Равенны, за работу мастеровъ также и константинопольскихъ, какъ предполагалъ я выше относительно мозаичистовъ Сиріи и Александріи.

Е. К. Рѣдинъ, зная китійскую мозаику по моему описанію и фотографіи, отнесъ ее также къ V-му или VI-му вѣку (стр. 222), но мнѣ

кажется, что онъ напрасно указываетъ на нее, «какъ на весьма яркій примѣръ встрѣчи одного и того же стилиа на памятникахъ западныхъ и восточныхъ» (стр. 222): выше подробно разобрано сходство и различіе, и, если подь стилемъ разумѣть работу, то китійская мозаика рѣзко отличается отъ равеннскихъ; и изслѣдователь этихъ мозаикъ замѣтилъ, конечно, разницу эту и, указавъ на сходныя черты¹⁾, пришелъ также къ заключенію о разницѣ исполнявшихъ мозаики эти мастеровъ: «равеннская мозаика», говоритъ онъ (стр. 223), «отъ кипрской отличается лишь нѣкоторой сухостью, связанностью, что, можетъ быть, зависитъ отъ выполненія ея уже, какъ копія съ греческаго образца, на чужой, итальянской (или римской) почвѣ». Очевидно, однако, работа мастеровъ константинопольскихъ и на Кипрѣ, и въ Равеннѣ, и въ Римѣ была бы одинакова; слѣдовательно, можно предполагать, что мозаику Канакарин, какъ болѣе сходную по исполненію съ равеннскими, дѣлали мастера константинопольскіе, китійскую же — мозаичисты иной школы, пришлые изъ Сиріи или Александріи. Но при отсутствіи тамъ древнихъ христіанскихъ мозаикъ достаточныхъ основаній для выбора между этими двумя возможностями не оказывается. Быть можетъ, тщательное сравненіе синайской мозаики съ кипрскими и дастъ еще какія-либо указанія. Эти три мозаики являются пока единственными, уцѣлѣвшими понынѣ на Востокѣ отъ времени процвѣтанія этихъ странъ до арабскаго нашествія, а потому и заслуживаютъ изученія болѣе тщательнаго и изданія лучшаго, чѣмъ то, которое, при кратковременности пребыванія моего на Кипрѣ и несовершенствѣ фотографій, могъ предложить здѣсь я.

Я. И. Смирновъ.

1) Изъ нихъ однако нѣкоторые, на мой взглядъ, особенно близкихъ аналогій вовсе не представляютъ; напр., большіе глаза (при которыхъ Е. К. Рѣдинъ напрасно вспомнилъ надпись Аверкія, такъ какъ христіанство послѣдняго не доказано еще) не могутъ считаться характернымъ признакомъ византійскаго стилиа: это общій приѣмъ поздне-греческаго искусства; ср., напр., египетскіе портреты II-го и слѣд. вѣковъ по Р. Х.; въ одеждахъ Гавріила и Даврентія особенно близкаго сходства, какъ говорено выше, нѣтъ; моделировка тѣла различается выше омиѣченнымъ характернымъ приѣмомъ перехода отъ тѣни къ свѣту, чего въ Равеннѣ въ передачѣ тѣла я не замѣтилъ. Замѣтимъ еще, что синіе фоны, считаемыя и Д. В. Айналовымъ (стр. 169) и Е. К. Рѣдинымъ (стр. 222) за характерный признакъ византійскаго стилиа, скорѣе александрійскаго происхожденія (ср. помпейскіе мозаичные фонтаны и мозаичное изображеніе Сильвана въ Латеранскомъ музеѣ).

Διορθωτικά τινά εἰς τὰ *Anecdota graeco-byzantina* τοῦ
Vassiliev.

Τὰ πλείστα τῶν ἐν τοῖς Ἀνεκδότοις τοῦ Βασιλίου ἐκδοθέντων πο-
νηματίων εἶναι πολλῆς μελέτης ἀξία καὶ διὰ τὴν ἱστορίαν τῆς ἑλληνικῆς
γλώσσης καὶ ὡς τὰ μάλιστα συμβαλλόμενα εἰς γνῶσιν τῆς βυζαντινῆς
λαογραφίας, ἅτε περιέχοντα περιέργους καὶ πολυτίμους εἰδήσεις περὶ δοξα-
σιῶν καὶ προλήψεων τῶν βυζαντινῶν. Τούτου ἕνεκα δὲν θὰ θεωρηθῆ ἴσως
ἄσκοπος ἢ κατωτέρω ἐπανόρθωσις τῶν σπουδαιότερων ἀμαρτημάτων,
ὧν τινά μὲν ἀλλοιοῦσι τὴν ἔννοιαν, ἄλλα δὲ διαφθεῖρουσι τὴν γνησίαν ἐκ-
φορὰν γραμματικῶν τύπων τῆς δημώδους γλώσσης.

Περὶ τῆς ἀντιλογίας τοῦ διαβόλου Α'.

- Σελὶς 5 στίχος 3. Λέγει αὐτὸν ὁ διάβολος. σὺ εἶπας. λέγει αὐτὸν ὁ διά-
βολος.— Γραπτέον. Λέγει αὐτὸν ὁ διάβολος. [... Καὶ ὁ Κύριος
λέγει]. Σὺ εἶπας. Λέγει αὐτὸν ὁ δ.
- σ. 6 στ. 5. οὐ μὴ μετανοήσῃ ἀφ' ἧς πράξει κακῆς (sic),— Γρ. οὐ μὴ
μετανοήσῃ ἐφ' οἷς πράξῃ κακοῖς.
- σ. 6 στ. 7. κάτωθεν ἠθέλησεν δηλοποιῆσαι Γρ. ἠθ. δειλοποιῆσαι.
- σ. 7 στ. 10. καὶ ἐπειρᾶτο πιάσαι τὸν Ἰησοῦν.— Γρ. καὶ ἐπειρᾶτο πτύσαι
τὸν Ἰ.
- σ. 7 στ. 25. ἐσχίσθη (κῶδ. ἐσχίστη).— Γρ. ἐσχίστη.— Ἐν τῇ γραφῇ
τοῦ κώδικος παρίσταται πιστότερον ἢ δημώδης προφορά. Ὅμοίως
σ. 25 στ. 24 καὶ σ. 30 στ. 33 σχισθῆ (κῶδ. σχιστῆ). ἐν σ. 25
στ. 26 «ἀνέστητα» γρ. ἀναίσθητα (=ἀναίσθητα). σ. 28 στ. 35
ἀσθενῆς (κῶδ. ἀστενῆς).
- σ. 7 στ. 32. καὶ γεννηθῆν(αι) ἔχεις (ὅπερ διορθοῦται ἐν τέλει γεννηθῆναι).
Γρ. καὶ γεννηθῆν ἔχεις.

Περὶ τῆς ἀντιλογίας τοῦ διαβόλου Β'

- σ. 8 στ. 18. καὶ τὰ εἴ (sic) ἔτη.—Γρ. καὶ τὰ 4 ἔτη. Πρβλ. σ. 5 ἐν τῷ τελευταίῳ στίχῳ: καὶ ζῆση ἔτη ἐνενήκοντα.
- σ. 8 στ. 30. πληρέστερα.—Γρ. πληρέστερα.
- σ. 9 στ. 8. καὶ ὡς ἀστραπή (κῶδ. ἀστραπῆς) πεσόντος τοῦ διαβόλου ἐπὶ τῆς γῆς, βάλας ῥόγγον εἰς τὸ στόμα αὐτοῦ μέγας ἐπανεῖστη τοῦ πιάσαι (κῶδ. ποιῆσαι) τὸν Ἰησοῦν.—Γρ. καὶ ὡς ἀστραπῆς πεσόντος τοῦ διαβόλου ἐπὶ τῆς γῆς, βάλας ῥόγγον εἰς τὸ στόμα αὐτοῦ μέγας ἐπανεῖστη τοῦ πτύσαι τὸν Ἰησοῦν.—Ἔστι δὲ περὶ ἐμπτυσμοῦ πρόκειται γίνεται ἔκ τῶν ἐπαγομένων· ἀναφέρονται δὲ ταῦτα εἰς τὴν δοξασίαν περὶ τῆς μαγικῆς δυνάμεως τοῦ πτύσματος. Ῥόγγος εἶναι τὸ κοινῶς σήμερον ῥόχαλο ἢ ῥούχαλο (τὸ) καὶ μεγεδυντικῶς ῥουχάλα (ἢ) καλούμενον, τὸ μετὰ φλέγματος πτύαλον.
- σ. 9 στ. 15. Ὁ διάβολος λέγει· ἐπὶ γῆς σὺ Χριστὸς κάγω ἀντίχριστος.—Γρ. ὁ διάβολος λέγει. [Σὺ βασιλεὺς ἐν οὐρανοῖς, ἐγὼ] ἐπὶ [τῆς] γῆς. σὺ Χριστὸς, κάγω ἀντίχριστος.—(Βλ. σ. 8 στ. τελευταῖος).
- σ. 9 στ. 20. καὶ ἐγὼ ἐσέ. Verbum omisit calumniadi librarius.—Οὐδὲν ὁμοῦς παρέλιπεν ὁ βιβλιογράφος, διότι τὸ ῥῆμα παραλαμβάνεται ἐκ τῶν προηγούμενων· καὶ ἐγὼ ἐσέ (ἀποκτείνειν ἐγὼ).
- σ. 10 στ. 4. τεχνεὶς τριμηνήτης.—Γρ. τεχνεὶς τριμηνίτης.
- σ. 10 στ. 11. Τὸν αὐτὸν καιρὸν γενήσεται σίτος καὶ οἶνος πολὺς καὶ τῶν δύο (κῶδ. δύο) καιρῶν οὐχ εὐρεθήσεται εἰς τὰ τέτρα (=τέσσαρα) πέρατα ἢ οἶνος ἢ ἔλαιος εἰμῆ ἢ (sic) χήρας γυναικὸς φοινίκην σίτου καὶ ἡμίλιτρον ἐλαίου.—Γρ. Τὸν αὐτὸν καιρὸν γενήσεται σίτος καὶ οἶνος πολὺς· καὶ τὸν ἴδιον καιρὸν οὐχ εὐρεθήσεται εἰς τὰ τετραπέρατα ἢ οἶνος ἢ ἔλαιος, εἰμῆ εἰς χήρας γυναικὸς χοϊνίκιν σίτου καὶ ἡμ. ἐ.—Ἡ λέξις τετραπέρατα εἶναι καὶ νῦν συνηθεστάτη, δηλοῦσα δὴ τῆς γῆς τὴν ἕκτασιν (τὰ τετραπέρατα τῆς γῆς) καὶ ἐπίθετον ἐκ ταύτης ἐπλάσθη τετραπέρατος σημαῖνον τὸν πολύμητιν. Τὸ δὲ χοϊνίκιν (χοϊνίκιον) μετεβλήθη εἰς φοινίκιν, ὡς ἀντιθέτως παρὰ Σουίδα οἱ φοίνικες ἐγένοντο χοϊνικες (βλ. Hulstsch, Metrologici script. I σ. 347). Τὰ δὲ περὶ τῆς χήρας γυναικὸς φαίνονται ὡς τις ἀπήχησις τοῦ περὶ τῆς Σιδωνίας χήρας διηγήματος τῶν Βασιλειῶν (Γ', ιζ', 12).

(Ἐπερωτήσεις Βαρθολομαίου).

- σ. 11 στ. 4. αἱ εἰσερχόμεναι (κῶδ. εἰσηερχόμεναι).—Γρ. οἱ εἰσερχόμεναι. Δηλονότι ὁ κῶδιξ ἔχει τὴν δημώδη πληθυντικὴν ὀνομαστικὴν τοῦ ἄρθρου τοῦ θηλυκοῦ γένους.

Ἀπόδειξις πῶς ἐγένετο ὁ Χριστὸς ἱερεὺς.

- σ. 79 β' στ. 31. καὶ κατὰσθητι ἐκ τῆς ἀνευ οἰνομέθης σου.—Γρ. καὶ κατὰσθητι ἐκ τῆς ἀνευ οἴνου μέθης σου.
 σ. 92 α' στ. 12. τὴν δεχέτην δεδεμένην.—Γρ. τὴν δὲ χαίτην δεδεμένην.

Ἀποκάλυψις τῆς θεοτόκου.

- σ. 125 στ. 11. Ἐφάνη τις τῆς Παναγίας. (Excidisse videtur quoddam nomen subst.)—Γρ. Ἐφάνη της τῆς Π. (οὐδὲν δ' ὄνομα ἐξερρή).
 σ. 126 στ. 25. εὕρισκετε.—Γρ. εὕρισκεστε.
 σ. 126 πτ. 29. καὶ δὲν δυνόμασθεν νὰ νεύωμεν.—Γρ. ν' ἀνέβωμεν. Καίτοι ὁ βιενναῖος κῶδιξ τοῦ IB' αἰῶνος φέρει αὐτὴν δυνάμεθα ἀνανεῦσαι, ὁμῶς προδήλως ὁ βιβλιογράφος παρετυμολογήσας ἔγραψε ν' ἀνέβωμεν.
 σ. 130 στ. 18. τὰ πτέρματα.—Γρ. τὰ πταίσματα.
 σ. 132 στ. 22. οὐ μὴ ποιήσαντες. Γρ. οἱ μὴ ποιήσαντες.
 σ. 132 στ. 27. κέ. οὐ τοὺς υἱοὺς—οὐ τοὺς γονεῖς, οὐ τοὺς παραμοιράζοντας.—Γρ. οὐαὶ τοὺς υἱοὺς—οὐαὶ—οὐαὶ.
 σ. 133 στ. 29. κᾶν εἰς στράτον (κῶδ. εἰς σεστράτον).—Γρ. κᾶν εἰς στράταν.
 σ. 134. Ὅλη ἡ κατακλείς εἶναι γεγραμμένη εἰς στίχους πολιτικούς, οἵτινες δύνανται ν' ἀποκατασταθῶσιν οὕτω:

Εὐγενικοί, ἀκούσατε, καὶ σεῖς γραμματισμένοι,
 καὶ οἱ ποθοῦντες παντελῶς ἀναγινώσκειν ὅλως,
 τὴν θεῖαν ἀποκάλυψιν (ταύτην) τῆς Παναγίας.
 Καὶ ὅσοι φίλοι καὶ γνωστοὶ καὶ ὅσοι τὴν ἀγαπᾶτε,
 μᾶλλον καρδίας φίλοι,
 εἰ τὸ βιβλίον ἐν χερσὶν τοῦτο λαβὼν τις μέλλει,
 εὐχεσθε διὰ τὸν Κύριον, καὶ μὴ(δὲν) κατηρᾶσθε,
 ἵνα(;) τὸν βιβλὸν ἔγραψε τῆς Παναγίας κόρη.

(Ἐπῳδαὶ καὶ ἔξορτισμοί).

- σ. 324 στ. 16. πορακλήθητι. Γρ. παρακλήθητι.
 σ. 324 στ. 32. ὁμολογῆται. Γρ. ὁμολογηταί.
 σ. 326 στ. 4. ἡ καλὶς τῶν ὀρέων. Γρ. ἡ καλῆς τῶν ὀρέων.—Ἡ Καλὴ τῶν ὀρέων εἶναι ἡ τῶν Νυμφῶν βασίλισσα, κατὰ τὰς βυζαντινὰς δοξασίας (βλ. Ψελλὸν παρ' Ἀλλατίω, de quor. graecorum opinatio-

nibus σ. 160. Πρβλ. ψευδοκαλλισθέν. Β' 41 σ. 91 Müller), ἡ κυρά Κάλω, ἡ βασίλισσα τῶν Νεραίδων, κατὰ τὰς σημερινὰς δοξασίας, ἡ Καλλιστὴ τῶν ἀρχαίων μύθων.

σ: 331 στ. 17. κεχαρισμοῦ. Γρ. κεχαρισμένου.

αὐτ. στ. 20. ἐξόρκισον ὕδωρ καθαρὸν, πότισον. Γρ. Ἐξόρκισον, ὕδωρ καθαρὸν πότισον.

αὐτ. στ. 26. διηπόρουν τοῦ Σινᾶ τὸ ὄρος εὐρόντος τὸ ρεῦμα.—Γρ. ὠδδοῖ-
πόρουν τοῦ Σινᾶ τὸ ὄρος, εὐρόντες τὸ ρ.

σ. 332 στ. 16. Ἡμεῖς οἱ δαιμόνια.—Γρ. ὑμεῖς τὰ δαιμόνια.

σ. 334 στ. 28. ἀφειγίωτι(σ)σα (sic).—Γρ. ἀφειγίωτισσα (=ἀφειδιώτισσα, ἡ βασίλισσα τῶν ὄφρων).

σ. 335 στ. 18. εἰς σιαζόμενον.—Γρ. εἰς σκιαζόμενον.

σ. 337 στ. 8. ἐξαρκήσετε.—Γρ. ἐξορκίσετε.

αὐτ. στ. 19. εὐγνάτεια (sic) εἰς τὴν καρδίαν.—Γρ. ἐγνάντια (=ἀντικρῦ)
εἰς τὴν καρδίαν.

αὐτ. στ. 20. ἀναγνώθη. Γρ. ἀναγνώθη.

αὐτ. στ. 26. τὴν ταμβοῦραν (κῶδ. θαμβοῦραν).—Περιττὴ ἢ διόρθωσις.

σ. 339 στ. 14. 15. ἐσθιέται.—Γρ. ἐσθιέ το.

σ. 342 στ. 23. μάτι (=ὀμμάτιον, sc. κακόν).—Γρ. sc. βασκανίαν.

αὐτ. στ. τοὺς ψαλμούς τούτους ἡμέρας τρεῖς τὸ πρωί· νὰ στῆ ὁ θεός. —
Γρ. τοὺς ψ. τούτους ἢ. τρεῖς τὸ πρωί, Ἄναστήτω ὁ θεός. (Ψαλμ.
ΞΗ').

σ. 343 στ. 12. νὰ σε (verbum videtur omissum).—Γρ. νὰ σαι (=νὰ
εἶσαι).

Ν. Γ. Πολίτης.

Περὶ τῶν Προδρόμων Θεοδώρου καὶ Ἰλαρίωνος.

Καὶ ἅπαξ ἂν τις διέλθῃ τὰ παρὰ Legrand Bibliothèque Grecque Vulgaire Τόμ. Α'. σελ. 38 κέξ. ἐκδεδομένα καὶ Θεοδώρῳ τῷ Προδρόμῳ ἢ Πτωχοπροδρόμῳ ἀπονεμόμενα ποιήματα, μανθάνει ὅτι ἐν μὲν τοῖς δυσὶ πρώτοις περιγράφεται ἡ ἀθλιότης οἰκογενειακοῦ βίου πένητός τινος, ἐν δὲ τοῖς δυσὶν ἀκολούθοις (Γ' καὶ Δ') τὰ δεινὰ μοναχοῦ ἐν μονῇ διαιτωμένου, καὶ ἐν τοῖς δυσὶ τελευταίοις (Ε' καὶ ΣΤ') αἱ στερήσεις λογίου ἐν τῇ πόλει ζῶντος. Ἀπορεῖται ἄρα, καὶ τοῦτο πάνυ δικαίως, ἂν τὰ περιγραφόμενα δεινὰ ταῦτα ὑπέστη εἰς καὶ ὁ αὐτὸς ἄνθρωπος ἢ μή, καὶ δὴ ἂν πάντα τὰ ποιήματα ταῦτα ἀποδίδωνται ὁρθῶς ἐνὶ συγγραφῇ. Ἀπορίαν τοιαύτην εὐρίσκω ἐκπεφρασμένην ἤδη ἐν Πατρολογίᾳ Migne Τόμ. 133 σελ. 1014, ἔνθα γενομένου λόγου περὶ τούτου καὶ παρατεθέντων τῶν στίχων Γ' 12 κέξ., ἔνθα ὁ γράφων λέγει ὅτι εἶναι ἀγράμματος καὶ νέος βακενδύτης (ἴδε κατωτέρω σελ. 102, 104, 108), προστίθεται «*ni quis hunc diversum esse a superiore autumaverit*». Ὁμοίως δὲ κλίνει καὶ ὁ Ἰησοῦιτης Lazeri αὐτ. 1197—8 νὰ ὁμολογήσῃ ὅτι διάφορος τοῦ γνωστοῦ Θεοδώρου Προδρόμου εἶναι ὁ γράφας τὸ Γ' τῶν ποιημάτων τούτων καὶ ὀνομαζόμενος Ἰλαρίων. Καθ' ἃ δὲ βλέπει τις καὶ παρὰ Krumbacher Byzantinische Litteraturgeschichte σελ. 763 στ. 3 κάτωθεν καὶ ὁ Iken καὶ ὁ Petersen ὑπεστήριξαν, ὅτι δύο διάφορα πρόσωπα εἶναι ὁ Πτωχοπροδρόμος καὶ ὁ Θεόδωρος Πρόδρομος καὶ ὅτι τὴν γνώμην ταύτην ὑπεστήριξε καὶ ὁ C. Neumann, ἀντέπε δὲ ὁ Keil.

Ἐπειδὴ δ' ὅμως, καθ' ἃ ἐκ τῶν ὑπὸ τοῦ κ. Krumbacher λεγομένων αὐτόθι συναγεται, ἡ διαφορὰ αὕτη μᾶλλον ὑπετοπιάσθη ἢ ἀπεδείχθη, διὸ καὶ βάσιμοι ἀμφιβολίαι εἰσέτι ἐπιτρέπονται (ὁ κ. Krumbacher γράφει ὅτι ἀνάγκη ἐν τῷ παρόντι ν' ἀρκεσθῶμεν τῇ μνηαί ὅτι ὑπάρχει ἀμφιβολία), ἐνόμισα καλὸν νὰ διαλάβω περὶ τοῦ πράγματος καὶ ὀρμώμενος κυρίως ἐκ

τῶν παρὰ Legrand ἔνθα ἀνωτέρω κειμένων δημῶδων ποιημάτωνδ' ἀπειραθῶ ν' ἀποδείξω ὅτι ἀδύνατον νὰ ὑποτεθῆ ὅτι εἰς καὶ ὁ αὐτὸς ποιητὴς ἐποίησε πάντα τὰ ποιήματα ταῦτα, ἀλλὰ κατ' ἀνάγκην δύο, ὧν ὁ μὲν ὠνομάζετο Θεόδωρος Πρόδρομος ἢ καὶ Πτωχοπρόδρομος, ὁ δὲ Ἰλαρίων Πρόδρομος ἢ καὶ Πτωχοπρόδρομος.

Α΄.

Ἱστορικαὶ ἀποδείξεις τῆς διαφορᾶς αὐτῶν.

1) Παρατηρῶ ὅτι ὁ ποιητὴς τῶν δύο πρώτων ποιημάτων ἀποτείνεται μὲν πρὸς τὸν αὐτοκράτορα Ἰωάννην Κομνηνόν, ἀρξάντα ἀπὸ τοῦ 1118—1143, φαίνεται δ' ἐκ τῶν λόγων αὐτοῦ ὅτι εἶναι ἐγγαμος, ἔχων τέσσαρα τέκνα, καὶ πρεσβύτης· ὁ δὲ ποιητὴς τῶν δύο ἀκολούθων ἀποτείνεται μὲν πρὸς τὸν αὐτοκράτορα Μανουὴλ Κομνηνόν, υἱὸν καὶ διάδοχον τοῦ Ἰωάννου, βασιλεύσαντα ἀπὸ 1143—1180, λέγει δὲ ἑαυτὸν μοναχὸν καὶ νέον. Οὕτω λ. χ. γράφει ὁ ποιητὴς τοῦ Α' ἐν στίχῳ 10—11 προσφέρω σοι, βασιλεῦ στίχους τινάς:

«συνεσταλμένους, παίζοντας, ἀλλ' οὐκ ἀναισχυντῶντας,
παίζουσι γὰρ καὶ γέροντες, ἀλλὰ σωφρονεστέρως».

Καὶ στ. 48

«ἔχεις με χρόνους δώδεκα ψυχροὺς κ' ἀσβολωμένους».

Καὶ στ. 35 κέξ.

«Εἰ δὲ πολλαίς δόξει τὴν (τὴν γυναῖκά του) καὶ φθάσει ὁ καρ-
κατζᾶς τῆς,
καὶ ὀρίσει τὰ ψυχάρια τῆς καὶ τὴν πρωτοβαβάν τῆς
καὶ πιάσουν καὶ ταυρίσουν με καὶ σύρουν με εἰς τὴν μέσην
καὶ δώσουν με τὰ τρίχωλα καὶ τὰ χαρακτηριστικά μου,
τίς ἔλθῃ κ(αὶ) ἐκδικήσῃ με κ' ἐκβάλλῃ με ἀπ' ἐκείνης»;

Καὶ στ. 161—3

«ὡς εἶσαι γέρων καὶ κοντὸς καὶ ὡσὰν ἀδυνατίζεις,
ἴσως ν' ἀπλώσῃ ἐπάνω σου καὶ νὰ σὲ σύρῃ ἐμπρὸς τῆς,
καὶ ἂν τύχῃ καὶ ἀποδείρῃ σε νὰ σε ξεσφονδυλίσῃ» κτλ.

Ὅτι ταῦτα δὲν δύναται περὶ ἑαυτοῦ νὰ εἴπῃ καὶ νὰ φοβηθῆ ἐκ τῆς γυναικὸς ἄλλοις ἢ γέροντων ἤδη, τοῦτο φαίνεται μοι προφανές. Ὁμοίως τὰ ἐξῆς στ. 175—7

«πανάχραντέ μου, κράτει τὴν, ἐμπόδιζε, Χριστέ μου,
μὴ παίξῃ κοντογύρισμα καὶ πάρῃ τὸ ραβδίν μου
καὶ δώσῃ καὶ ποιήσῃ με στραβὸν παρὰ διαβόλου».

Και στ. 193—7

«έντρέπου, κύρι, νά σωθῆς, έντρέπου κἀν ὀλίγον
οὐκ εἶσαι χωρικούτσικον, οὐδὲ μικρὸν νηνίτσιν
κατάλειψον τὴν δύναμιν, τὴν περισσὴν ἀνδρείαν,
καὶ φρόνει καλοκαίριν ἔν, τίμα τοὺς κρείττονάς σου,
καὶ μὴ παλληκαρεύεσαι, μηδὲ λαζοφαρδεύης».

Ἐν δὲ τῷ Γ' στίχῳ 20—21 ἀναγινώσκεται:

«καὶ γὰρ ἀγράμματος εἰμί καὶ νέος ῥακενδύτης
καὶ μοναχὸς τῶν εὐτελῶν τῶν ἀποκαθισμένων...»

Και στ. 111—3

«ἄπελθε, φτειάσε τὸ θερμόν, δὸς νίμμαν τοῖς πατράσιν,
σπούδασε, φτάσε σήμερον, γοργὸν νά πάς ἔς τὸν μύλον,
καὶ διάβα κ' εἰς τὸ πέραμαν γοργὸν ὡς ἐξιφτέριν...»

Και στ. 116—7

«ὑπαγε, λοῦσε σήμερα τὸν μέγαν οἰκονόμον,
λοῦσε καὶ τὸν ἡγούμενον, παράστα καὶ τοὺς δύο».

ἽΟτι τοιαύτας διαταγὰς οὐδεὶς δύναται νά δώσῃ ἄλλῃ ἢ νεωτέρῳ,
οὐδὰμῶς δὲ γέροντι, νομίζω προφανές. Οὐχ ἦττον νέον ἐλέγχουσι καὶ τὰ
ἐξῆς στ. 96—7

«οὐκ εἶσαι σεβαστοῦ παιδὶν οὐδὲ κουροπαλάτου,
σαλγαμαριοῦ παιδὶν εἶσαι χαβιαροκατελύτου».

Και στ. 184—8

«Πολλάκις μὲ παρέτρυνεν ὁ λογισμὸς νά γέρθω,
νά μβῶ ἔς τὴν μέσην καὶ νά βγῶ, νά δώσω καὶ νά πάρω,
μὴ νά τσακώσω πίνακαν κανέναν εἰς τὰς χεῖρας
καὶ πιάσω καὶ συντρίψω τον καὶ σφίξω τοὺς ὀδόντας
καὶ σύντζεφλον λαφύξω τον, καθάπερ ἄρνα λέων».

Και στ. 207—212

«Χριστέ μου, νά τὴν ἔπιασα σάν ἦτον φουσκωμένη,
καὶ κάθισα ἔς τὸ πλάγιν της, ν' ἀρξάμην ῥουκανίζεин,
νά χρίστην τὸ μουστάκιν μου, νά κράτησεν λιγδίτσαν,
νά ἔγκώθην ἡ κοιλία μου, ν' ἀπλώθην ἡ ψυχὴ μου!
καὶ τότε νά ἴδες, δέσποτα, πηδήματα νεωτέρου
καὶ καλογέρου ταπεινοῦ γυρίσματα καὶ κτύπους».

Και στ. 477

«καλογερίτσιν ταπεινὸν ὑπάρχεις ἐκ τὸ Μίλλιν

ψειριάρικον, κοντριάρικον, γυμνόν, ἀπωλεσμένον,
γαδούριν παλαιόπληγον, ὀρνίδιν κορυνηζάριν».

Και Ε' 142—4

ἄεχβαλε τὰ παππαδικὰ καὶ γένου προχεράρις
σοὶ δὲ συμβούλῳ χρώμενος, δέσποτα, τί μοι λέγεις;
νὰ ἐκβάλω τὰ παππαδικὰ, νὰ γένω προχεράρις»;

Ἔστι δὲν θὰ ἦτο δυνατόν νὰ ἐκβάλῃ τὰ ἱερατικά ἐνδύματα καὶ νὰ
γίνη ὑπηρέτης οἰκοδόμων, ἂν ὄντως ἦτο ἄνθρωπος ἡλικιωμένος, φαίνεται
πρόδηλον· εἰς τὸ αὐτὸ δ' ἄγει συμπέρασμα καὶ τὸ ἐν ΣΤ' στ. 270 λε-
γόμενον ὅτι

«εἰς τοῦ πατρός μου τὸ κελλίον ἀκρόπαστον ἀπάκιν
σύμπλευρον ἐμαγέρευσαν...».

Και στ. 294.

«πρότερον τὸ κατοῦδιν μας στήσας εἰς τὸ τραπέζιν».

Ἔστι ἐξ ἑτι ὁ πατήρ καὶ ὁ οἶκος αὐτοῦ διητηρεῖτο.

2) Ἐκ τῶν ὄνειδισμῶν, οὓς οἱ ἐν τῇ μονῇ ἀπευθύνουσι πρὸς τὸν Ἰλα-
ρίωνα, γίνεται δῆλον ὅτι δὲν εἶναι δυνατόν νὰ ὑποτεθῇ ὅτι ὁ γνωστός λό-
γιος Θεόδωρος ὁ Πρόδρομος εἰσῆλθεν εἰς τὴν μονὴν τοῦ Φιλοθέου μετ-
ονομασθεὶς Ἰλαρίων· πρβλ. Γ' στ. 63—4

ἀεκεῖνος ἐν γραμματικὸς, τεχνίτης χερονόμος,
καὶ σὺ οὐδὲ τὸν ἀλφάβητον ἠξεύρεις συλλαβίσαι».

Πᾶσα ἄλλη κατηγορία ἠδύνατο ὑπὸ τῶν ἐν τῇ μονῇ ἀδελφῶν νὰ
ἐκτοξευθῇ κατὰ τοῦ Θεοδώρου μετονομασθέντος Ἰλαρίωνος, αὕτη δ' ὅμως
οὐδέποτε, ἀφοῦ πλὴν ἄλλων καὶ θεολογικὰ συγγράμματα εἶχε συντάξει
καὶ καθ' ἃ φαίνεται καὶ ἐξήγησιν εἰς τὰ τῶν παλαιότερων ἐκκλησιαστικῶν
μελωδῶν ἄσματα (ἴδε κατωτέρω). Ἄν λοιπόν, ὡς λέγεται, ὁ Θεόδωρος κα-
ταλιπῶν γυναῖκα καὶ παῖδας εἰσῆρχετο εἰς μονὴν ὡς μοναχὸς Ἰλαρίων
περὶ τὰ τέλη τοῦ βίου αὐτοῦ, οὐδέποτε οὐδεὶς, ἤκιστα δὲ πάντων οἱ ἀμα-
θεῖς ἐν τῇ μονῇ καλόγηροι, θὰ ἠδύνατο νὰ ἀποκαλῶσιν αὐτὸν ἀναλ-
φάβητον.

Ἄλλ', ἂν μὴ σφάλλωμαι, οὐ μόνον τοῦτο, ἀλλ' οὐδὲ τὰ ἐπόμενα ἠδύ-
ναντο νὰ ἐκτοξευθῶσιν ὑπὸ τῶν μοναχῶν κατὰ τοῦ Ἰλαρίωνος, ἂν οὗτος
ἦτο ὁ αὐτὸς τῷ Θεοδώρῳ ἦτοι Γ' στ. 72—75

ἀεκεῖνος ἐδικόνησεν εἰς τὴν μονὴν πολλάκις
καὶ σὺ ἔβοσκες τὰ πρόβατα κ' ἐδίωκες τὰς κουροῦνες,
ἐκεῖνος πάντα ἐσέβαινε σειστός εἰς τὸ παλάτιν,
καὶ σὺ ἐκαθέζου κ' ἔβλεπες πῶς τρέχουν αἱ καροῦχαι».

Καί στ. 80—81

«αὐτός ψηφίζει πέρπυρα καὶ γράφει καὶ στρογγύλα,
σύ δὲ ψηφίζεις φάβατα καὶ γράφεις κονιδᾶτα».

Διότι ὅσον ἀναιδεῖς καὶ ἂν ὑποτεθῶσιν οἱ ὄνειδίζοντες πάντοτε δὲν ἠδύναντο νὰ λέγωσι πρὸς ἄνθρωπον λόγιον καὶ πρεσβύτην ὅτι ἔβροσκε πρόβατα πρὸ τῆς εἰς τὴν μονὴν εισόδου αὐτοῦ, ὅτι ἔγραφεν ἄθλια κλπ. κλπ. Καὶ σημειωτέον ὅτι ὁ Ἰλαρίων ἀναγράφων τὰ ὄνειδη ταῦτα καὶ τὰ τοιαῦτα δὲν παραπονεῖται ὅτι εἶναι ψευδῆ, ἀλλ' ὅτι ἀπλῶς ἀποτείνονται πρὸς αὐτόν.

3) Ἄλλ' οὐ μόνον οἱ ἐν τῇ μονῇ ἀποκαλοῦσιν αὐτόν ἀγράμματον καὶ αὐτός οὗτος ὀνομάζει ἑαυτὸν οὕτως. πρβλ. Γ'. 8 κέξ.

«Καὶ θαύμασον τοῦ μύρμηκος τὴν τηλικαύτην τόλμαν,
πῶς ὅλως οὗτος γέγονε τῆς ὄλης μαιοπίας
καὶ τρέχειν ἰσως ὥρμησεν τοῖς ἰσχυροῖς θηρίοις,
ἀκολουθῶν τοῖς ἰχνεσιν ἀφόβως τῶν λεόντων,
τὴν τῶν ὀνύχων δύναμιν ποσῶς μὴ κεκτημένος.
Ἐμὲ δὲ σκόπει μύρμηκα, δέσποτα στεφηφόρε,
κατὰ τῶν λόγων τὴν ἰσχὺν καὶ τὴν ἀκτημοσύνην,
λέοντας δὲ τοὺς ῥήτορας μετὰ τῶν φιλοσόφων,
οἵτινες ὥσιν δυνατοὶ τοῦ γράφειν καὶ στιχίζειν
καὶ συγγραφὰς νικητικὰς ἡρωικὰς συμπλέκειν·
ὅμως ἐκεῖνοι γράφουσι σοφῶς καὶ κατὰ λόγον
ὥσπερ σοφοὶ καὶ ῥήτορες· ἐγὼ δ' οὐχ οὕτως γράφω,
καὶ γὰρ ἀγράμματος εἰμι καὶ νέος ῥακενδύτης».

Ἐπειδὴ δ', ὅπως κατωτέρω θὰ δειχθῆ, ὁ Θεόδωρος Πρόδρομος ἦν γνωστός τοῖς ἐν τοῖς βασιλείοις πολὺ πρότερον ἐπὶ Ἰωάννου ὡς λόγιος καὶ πολυγράφος, δῆλον ὅτι δὲν ἠδύνατο νὰ λέγῃ ταῦτα περὶ ἑαυτοῦ· ἀνάγκη ἄρα νὰ ὁμολογήσωμεν, ὅτι ταῦτα δὲν ἐγράφησαν ὑπὸ τοῦ Θεοδώρου, ἀλλ' ὑπ' ἄλλου τινός.

4) Ἐν τῷ ΣΓ' ποιήματι στ. 36—9 ἀναγινώσκονται κύριά τινα ὀνόματα δι' ὧν δύναται νὰ ὀρισθῆ ὁ χρόνος, μεθ' ὃν τοῦτο ἐποιήθη· πρβλ.

«Ὡς πρὸ μικροῦ πεπόνθασι Δαντόνης καὶ Μελίας
καὶ Νουραδῖνος σὺν αὐτοῖς ἐξ ἄκρας τῆς ἀνοίας,
ὥσπερ ἐκεῖνος Νεεμᾶν ὁ πρὶν ἀποστατήσας».

Εἶναι γνωστὸν ὅτι ὁ Μανουήλ πρῶτον κατὰ τὴν εἰς Ἀντιόχειαν ἐκστρατεῖαν αὐτοῦ, ἤτοι κατὰ τὸ 1155, ἦλθεν εἰς σχέσιν πρὸς τὸν Νουραδδὶν καὶ

ἐταπεινῶσεν αὐτόν· πρβλ. Κινάμου Δ' 17 καὶ 18 «Νουραδίν τε τοῦ Βερροιαίου σατράπου κτλ.» Ἄλλ' ἐπειδὴ ἐν τῷ ποιήματι γίνεται λόγος περὶ Μελίου καὶ Νεεμάν, τότε δὲ ἡγεμῶν τῶν Ἀρμενίων ἦν ὁ Τερούζης, δὲν δύναται ὁ ποιητὴς νὰ νοῆ τὴν θριαμβευτικὴν ἐκείνην τοῦ Μανουήλ εἰς Ἀντιόχειαν εἰσοδὸν καὶ τὴν κατὰ τὸ 1155 ταπεινῶσιν τῶν ἡγεμόνων τῆς Ἀσίας, περὶ ὧν ὁ Κίνναμος ἐνθα ἀνωτέρω διαλαμβάνει λέγων: «Ὅτε δὴ καὶ θαῦμα κατεῖχε τοὺς ὄσοι τηνικάδε ἐτύγχανον πρέσβεις ἐνταῦθα παρατυχόντες τῶν κατὰ τὴν Ἀσίαν ἐθνῶν, Χωρασμίων τε καὶ Σουσιῶν καὶ Ἐκβατάνων, Μηδικῆς τε τῆς ἀπάσης καὶ Βαβυλῶνος, ὧν δὴ τὸν ἄρχοντα κλεῖζουσι σουλτάν, Νουραδίν τε τοῦ Βερροιαίου σατράπου, καὶ Ἰαγούπασαν τοῦ Περσῶν φυλάρχου καὶ Ἀβασγῶν καὶ Ἰβήρων, ἐτι δὲ Παλαιστινῶν καὶ Ἀρμενίων τῶν ἐπέκεινα Ἰσαύρων». Ἐπειδὴ δὲ πρὸς τούτοις γίνεται μνεία περὶ Νεεμάν, ἐξ ὧν δὲ διηγεῖται Νικήτας ὁ Χωνιάτης ἐν βιβλίῳ Ε' 4 περὶ τούτου «Κατὰ δὲ τὸ ἐπιὸν ἔαρ κτλ.», συναγέται ὅτι μετὰ τὸν οὐγγρικὸν πόλεμον ἦλθεν ὁ Μανουήλ ἐπὶ τὸν Νεεμάν καὶ ἐταπεινῶσεν αὐτόν, δῆλον ἄρα ὅτι τὸ ποίημα ἐποιήθη μετὰ τὸ 1165· καὶ ἀληθῶς τῷ 1167 μαρτυρεῖται ὑπὸ Τυρίου ὅτι ἐγένετο ἡ ὑποταγὴ τοῦ Νεεμάν· πρβλ. Du Cange Famil. Byz. 286. Ὁ πρότερον ὑπὸ τοῦ Μανουήλ νικηθεὶς Σέρβος ἡγεμῶν, καθ' ἃ διηγεῖται Νικήτας ὁ Χωνιάτης ἐν βιβλίῳ Β' 7, ἐλέγετο Βακχίνος (ἦν ἄρα διάφορος τοῦ Νεεμάν), διὰ τοῦτο ἀνάγκη ἀμείλικτος ἐπιβάλλει ἡμῖν νὰ νοήσωμεν ὅτι ὁ ποιητὴς ἔχει ὑπ' ὄψιν τὴν συναφθεῖσαν πρὸς τοὺς Σαρακηνούς εἰρήνην τῷ 1168 καὶ τὴν ἐπ' Αἴγυπτον μικρῷ πρότερον ἐκστρατείαν· πρβλ. Νικήτα Ε' 7 «Οἱ δὲ Σαρακηνοὶ τὴν ἐς αὐτοὺς ὁδὸν τῶν Ῥωμαίων, ὡς ἔδειξαν, ἀποδειλιάσαντες καὶ τὸν ἔπειτα πλοῦν ἀποτρέποντες πρέσβεις ἐς βασιλέα ἔστειλον καὶ δῶρα τὰ παρ' αὐτοῦ τιμῶμενα ἔπεμψαν καὶ τὴν εἰρήνην ἐκράτουναν».

Κατὰ ταῦτα τὸ ποίημα τοῦτο συνετάχθη μετὰ τὴν ὑποταγὴν τοῦ Νεεμάν καὶ μετὰ τὴν ἐκστρατείαν ἐπ' Αἴγυπτον καὶ μετὰ τὴν κατοπινὴν τῆς ἐκστρατείας γενομένην εἰρήνην, ἧτοι μετὰ τὸ 1168, ἴσως τὸ αὐτὸ ἢ τὸ ἐπόμενον ἔτος· διὸ λέγεται περὶ μὲν τοῦ Νεεμάν ὅτι πρὶν ἀπεστάτησε καὶ ἐτιμωρήθη, περὶ δὲ τοῦ Νουραδίν καὶ Μελίου ὅτι πρὸ μικροῦ ἐταπεινώθησαν. Ἐπειδὴ δὲ ὁ Θεόδωρος ἤδη τῷ 1118 ἦτοι πρὸ 50 ὄλων ἐτῶν φαίνεται συντάξας τὴν ἑαυτοῦ «Μονωδῖαν εἰς Πορφυρογέννητον καὶ Σεβαστοκράτορα κύριν Ἀνδρόνικον Κομνηνόν», διότι κατὰ τὸ ἔτος τοῦτο ἐφονεύθη ὁ Ἀνδρόνικος οὗτος μαχόμενος πρὸς τοὺς Τούρκους, ὅτε ὁ Πρόδρομος θὰ ἦτο τοῦλάχιστον 20-ετής, δῆλον ὅτι τῷ 1168 θὰ εἶχεν ὑπερβῆ τὸ 70-ον ἔτος τῆς ἡλικίας, καὶ δὲν θὰ ἠδύνατο, νομίζω, νὰ λέγῃ ὅτι εἰς τοῦ πατρὸς του τὸ κελλὶν ἐμαγείρευον ἀπάκιν κτλ., οὐδὲ νὰ

ζητή συμβουλήν, ἂν πρέπει νά γίνῃ προγεράρις, ἄνθρωπος ὑπερεβδόμηκον-
τούτης!

5) Ἐποδεικνύεται ὅτι ὁ μὲν γέρων Θεόδωρος Πρόδρομος ἦν φαλακρός·
πρβλ. Α' 154

«νά ποίσω τήν κουδούπαν σου αὐτήν τήν μαδισμένην».

(γρ. κουρούπαν σου, ὅπως ἐν Χίῳ ἔτι καί νῦν ὀνομάζουσι τήν φαλάκραν
καί κουρούπην τόν φαλακρόν, ἀπό τῆς ὁμοιότητος πρὸς τὸ οὕτως
ὀνομαζόμενον ἄγγειον). Ὁ δὲ νέος Ἰλαρίων εἶχε κόμην, διό καί κλαίει ὅτι,
ἐπειδὴ δὲν ἐλόυετο συχνά, αὐτὴ κατέπεσε· πρβλ. Γ' 616

«καί τὰ μαλλίτσια μου ἔπεσαν ἀπὸ τήν ἄλουτσίαν».

Καί στ. 147

«ζητῶ σαποῦνιν νά λουστῶ κτλ.

Δὲν ἠδύνατο δὲ προδήλως ὁ ἐπὶ Ἰωάννου φαλακρός νά ἔχῃ κόμην
ἐπὶ τοῦ υἱοῦ τούτου Μανουήλ.

6) Ὁ ποιητὴς τοῦ Α' καλεῖ ἑαυτὸν Πρόδρομον· πρβλ. στίχ. 158
καί 274

«Διὰ τήν ψυχὴν σου, Πρόδρομε, καθίζου σιγηρὸς σου».

Ἐνομάζετο δὲ Θεόδωρος Πρόδρομος, ὅπως ἐκ τοῦ ἀντιγράφου μανθά-
νομεν· ὁ δὲ τοῦ Γ' καί Δ' ὀνομάζει ἑαυτὸν Ἰλαρίωνα· πρβλ. Γ' 631—2.

«Ἄρτι δὲ πρόσσχες καί εἰς ἐμὲν στενοῦμενον, πεινῶντα,
τόν Ἰλαρίωνα, τὸν σὸν δοῦλον οἰκτρὸν καί πένην».

Ἐπειδὴ δὲ ὁ νέος μοναχὸς Ἰλαρίων δὲν ἠδύνατο ἔπειτα νά νυμφευθῇ,
νά ἔχῃ γυναῖκα καί τέκνα καί νά ὀνομάζηται Θεόδωρος, διότι ταῦτα, ὡς
γνωστόν, δὲν ἐπιτρέπονται ὑπὸ τῶν ἐκκλησιαστικῶν ἡμῶν κανόνων, οὐδὲ
ὁ νέος ἐπὶ τοῦ Μανουήλ νά εἶναι γέρων ἐπὶ τοῦ Ἰωάννου, διότι ταῦτα
ἀπαγορεύονται ὑπὸ τῶν νόμων τῆς φύσεως (εἶδομεν, ὅτι πρὸ τοῦ νέου μο-
ναχοῦ Ἰλαρίωνος ἐμφανίζεται ὁ γέρων Θεόδωρος ἀποτεινόμενος πρὸς
Ἰωάννην τὸν αὐτοκράτορα), διὰ ταῦτα ἀνάγκη δυοῖν θᾶτερον νά ὁμολο-
γήσωμεν, ἢ ὅτι ὁ γέρων Θεόδωρος μετεβλήθη εἰς νέον μοναχόν Ἰλαρίωνα,
μεταβαλὼν πλὴν τοῦ ὀνόματος καί τήν κόμην καί τήν ἡλικίαν, ἢ, ἂν
ταῦτα μὴ φαίνωνται δυνατά, ὅτι πρόκειται περὶ δύο διαφόρων προσώπων,
ἤτοι Θεόδωρου τοῦ Προδρόμου ἢ Πτωχοπροδρόμου πρεσβύτου ἐγγάμου
κτλ. καί Ἰλαρίωνος νέου μοναχοῦ ἐν τῇ μονῇ τοῦ Φιλοθέου.

7) Ὁ Θεόδωρος γράφει πρὸς τὸν αὐτοκράτορα Ἰωάννην, ὅτι ἡ ἐπι-
νομία Πρόδρομος ἢ Πτωχοπρόδρομος δὲν πρέπει νά παραπλανήσῃ αὐτόν,

ὥστε νὰ πιστεύσῃ ὅτι κατὰ τὸν παλαιὸν ἐκεῖνον ὁμώνυμον Πρόδρομον τὸν Βαπτιστὴν οὗτος ἀσμένως ἐσθίει ἀκρίδας καὶ μέλι ἄγριον· ὅπως τοῦναντίον ἀξιῶ νὰ ἔχη τροφήν ἐκλεκτὴν καὶ πολλήν· πρβλ. Β΄. 101 κέξ.

«Μὴ σὲ πλανᾷ, πανσέβαστε, τὸ Πτωχοπροδρομαῖτον, καὶ προσδοκᾷς νὰ τρέφωμαι βοτάνας ὀρειτρόφους· ἀκρίδας οὐ σιτεύομαι, οὐδ' ἀγαπῶ βοτάνας, ἀλλὰ μονόκυθρον παχὺν καὶ παστομαγειρίαν, νὰ ἔχη θρύμματα πολλὰ νὰ ἦναι φουσκωμένα, καὶ λιπαρὸν προβατικὸν ἀπὸ τὸ μεσονέφριν».

Καὶ Α΄ 264

«Καὶ μόλις εἶδον πίνακα ζωμὸν ἔχοντα πλεῖστον καὶ ὀλίγον ἀπὸ τὸ παστὸν καὶ θρύμματα μεγάλα καὶ δράξας εἰς τὰς χεῖράς μου ἠϋφρανε ἡ καρδιά μου, ζωμὸν ἰδῶν τὸν περισσὸν καὶ τὰ χονδρὰ κομμάτια».

Ὁ δὲ Ἰλαρίων εἶναι πολὺ ὀλιγαρχέστερος· πρβλ. Γ΄ 633 κέξ.

αὐτὸ γὰρ ὑπέρογκα ζητῶ, δέσποτα στεφηφόρε, νὰ λάβω σὺν τὴν ζήτησιν εὐθύς καὶ ἀτιμίαν· ψωμῖν ζητῶ τῷ κράτει σου καλὸν κομματοπούλλιν, εἰς ἣν ἡ βασιλεία σου μονὴν μὲ παραπέμφεις».

Ἐν Ε΄ 17

«ἐπιθυμῶ καὶ τὸ ψωμῖν καὶ τοῦ ψωμιοῦ τὴν μάνναν».

Ἦ ΣΤ΄ 83

«ἐπιθυμῶ καὶ τὸ ψωμῖν καὶ κύταλον καὶ ψίχαν».

8) Ὁ Θεόδωρος ἐμφανιζόμενος πρὸ τοῦ βασιλέως ὡς γνωστὸς αὐτῷ λέγει ὅτι οἱ στίχοι αὐτοῦ εἶναι ἀστεῖοι, εἰ καὶ γράφονται ἐν μεγάλῃ δυστυχίᾳ· πρβλ. Α΄. 9

αεὶ μὴ τινὰς πολιτικούς ἀμέτρους πάλιν στίχους συνεσταλμένους, παίζοντας, ἀλλ' οὐκ ἀναισχυντῶντας, παίζουσι γὰρ καὶ γέροντες ἀλλὰ σωφρονεστέρως.

Μὴ οὖν ἀποχωρίσης τους, μηδ' ἀποπέμψης, μᾶλλον ὡς κοδιμέντα δέξου τους, ποσῶς ἂν οὐ μυρίζουν, καὶ φιλευσπλάγχχνως ἄκουσον, ἅπερ ὁ τάλας γράφω. Κἂν φαίνωμαι γάρ, δέσποτα, γελῶν ὁμοῦ καὶ παίζων, ἀλλ' ἔχω πόνον ἀπειρον καὶ θλιψὴν βαρυτάτην, καὶ χαλεπὸν ἀρρώστημα καὶ πάθος, ἀλλὰ πάθος!».

Και Β' 11 κέξ.

«Ἐκεῖνα γράφω καὶ λαλῶ ὅσα κινοῦν πρὸς οἶκτον,
ὅσα κινοῦν πρὸς ἔλεον καὶ πρὸς φιλανθρωπίαν...

.....
Ἐγὼ δὲ παρεξέκλινα μικρὸν ἐκ τῆς εὐθείας,
καὶ αἰεὶ μετ' ὀδυρμῶν πολλῶν καὶ κωκυτῶν καὶ θρήνων
ῥημάτων γράφω χαρμονήν, γραμμάτων τερποσύνην,
καὶ οὐ ποιῶ τ' ἀπὸ χαρᾶς, οὐδ' ἐξ ἀπλοψυχίας,
ἀλλὰ μὰ τὴν ἐνοῦσάν μοι πολλὴν στενοχωρίαν».

Ὁ δὲ Ἰλαρίων οὐδαμοῦ λέγει ὅτι γράφει ἀστεία, οὐδαμοῦ ὅτι εἶναι
γνωστός τοῖς κρατοῦσιν, ὁμιλεῖ δὲ περὶ τόλμης, ἣν λαμβάνει νὰ ἐμφα-
νισθῇ πρὸ τοῦ βασιλέως· πρβλ. Γ'. 1 κέξ.

«Τολμήσας ἀναφέρω σοι τῷ κραταιῷ δεσπότη

.....
καὶ θαύμασον τοῦ μύρμηκος τὴν τηλικαύτην τόλμαν,
πῶς ὅλως οὗτος γέγονε τῆς ὅλης μυιοπίας
καὶ τρέχειν ἴσως ὥρμησεν τοῖς ἰσχυροῖς θηρίοις,
ἀκολουθῶν τοῖς ἴχνεσιν ἀφόβως τῶν λεόντων,
τὴν τῶν ὀνύχων δύναμιν ποσῶς μὴ κεκτημένος.
Ἐμὲ δὲ σκόπει μύρμηκα, δέσποτα στεφηνόρε,
κατὰ τῶν λόγων τὴν ἰσχὺν καὶ τὴν ἀκτημοσύνην,
λέοντας δὲ τοὺς ῥήτορας μετὰ τῶν φιλοσόφων,
οἵτινες ὥσιν δυνατοὶ τοῦ γράφειν καὶ στιχιζέειν,
καὶ συγγραφᾶς νικητικᾶς ἡρωϊκᾶς συμπλέκειν·
ὁμως ἐκεῖνοι γράφουσι σοφῶς καὶ κατὰ λόγον,
ὥσπερ σοφοὶ καὶ ῥήτορες· ἐγὼ δ' οὐχ οὕτω γράφω,
καὶ γὰρ ἀγράμματος εἰμί καὶ νέος ῥακενδύτης
καὶ μοναχὸς τῶν εὐτελῶν τῶν ἀποκαθισμένων
καὶ τὴν ἰσχὺν ἐπίσης τε μύρμηκος κεκτημένων,
ἀλλ' οὖν λιτῶς, μοναχικῶς, ἀπλῶς, εὐκολωτάτως».

Και ΣΤ' 1 κέξ.

«Μόλις τολμήσας, βασιλεῦ, δέσποτα στεφηνόρε,

.....
ὑπὸ τὴν σκέπην σῶν χρυσῶν προσέρχομαι πτερύγων,
καδικετεύων, ἐξαιτῶν, παρακαλῶν ὁ τάλας
τάς ἀκοὰς προσθεῖναί μοι σῆς ἀνακρατορίας».

9) Ὁ Θεόδωρος κολακεύει μετὰ τινος μέτρου, τοῦναντίον ὁ Ἰλαρίων πᾶν ὄριον κολακείας ὑπερβάλλει, καὶ αὐτόχρομα βλάσφημος ἐν τῇ κολακείᾳ γίνεται. πρβλ. Γ'. 373 κέξ.

ἀδντως τυγχάνεις, Μανουήλ, θεός ἐπίγειός τε,
Ἐμμανουήλ παμβασιλεῦ παρά σαρανταπέντε·
καὶ γὰρ ἡ κλησίς ἀνωθεν ἐδόθη φερωνύμως·.

Καὶ στ. 546—9

«Τὸν Μανουήλ τὸν Κομνηνόν, τὸν τῆς πορφύρας γόνον,
τὸν πύργον τῆς ἀνατολῆς, τῆς δύσεως τὸ δόρυ,
τῶν ὀρφανῶν καὶ τῶν χηρῶν πατέρα καὶ προστάτην».

Καὶ 620 κέξ.

Ἄλλ' ὦ πορφύρας βλάστημα, παντάναξ τροπαιοῦχε,
καὶ τεῖχος ἀπροσμάχητον τῆσδε τῆς Βυζαντίδος·.

Καὶ στ. 626.

Ἄφ' ὅτου γὰρ ἐκέρδησας ταύτην (τὴν βασιλείαν) θεοῦ βου-
λήσει,
οὐκ ἔστησας τὰς χεῖράς σου ποσῶς εἰς τὸ διδόναι
καὶ μοναχοὺς καὶ κοσμικοὺς καὶ γέροντας καὶ νέους,
καὶ πάντες ἐπαγάλλονται σκιρτῶντες εὐφημοῦντες,
τῶν σῶν ἐπαπολαύοντες μεγάλων δωρημάτων·.

Καὶ ΣΤ' 10 κέξ.

«τὸν (λιμένα) τῆς χριστομιμήτου σου μεγάλης βασιλείας
σύ γὰρ λιμὴν ἀκύμαντος τῶν σοὶ προσπεφευγόντων...

.....
σύ γὰρ ἐλέους ἡ πηγὴ καὶ τῶν χαρίτων χάρις,
καὶ πέλαγος χρηστότητος καὶ τῆς φιλανθρωπίας·
σύ κράτος τῶν ῥηγίναρχῶν, τῶν τοπαρχῶν αὐτάναξ·
ἐπὶ δὲ τῷ τετράνακτι, τῷ τετραυγουστομόρφῳ
Ῥώμης τῆς νέας τῆς χρυσοῦς, τῆς Κωνσταντίνου Ῥώμης,
τῷ γένει τῷ τοῦ κράτους σου καὶ μὴν καὶ τῆς πορφύρας,
μερῶν τεσσάρων τῶν τῆς γῆς καὶ κράτος κηρυχθήσῃ.
Αὐτὸ γὰρ τὸ τετραύγουστον ἐκ τῆς προσηγορίας
σταυροῦ τὴν τετραμέρειαν πάντως παρασημαίνει·
ὡς γοῦν ὁ τύπος τοῦ σταυροῦ τετραμερῆς τυγχάνει,
οὕτω καὶ σύ τετραμερῆ κατακρατήσας κόσμον....

.....

Και στ. 31

καὶ νεύσης μόνον κατ' αὐτῶν μόνω τῷ νεύματί σου,
ὥσει καπνός πορεύονται πόρρω τοῦ σοῦ προσώπου
πτοοῦμενοι τὴν σύγκαυσιν, μονάρχα μονοκράτορ,
τῇ λάμψει τοῦ προσώπου σου μήπως κατακαῶσι
καθῶσπερ τήκεται κηρός ἀπὸ πυρός προσώπου...

Και στ. 49

ἐν σοὶ γὰρ ἐγκατοίκησεν ἡ τοῦ θεοῦ προνοία
ἡ Σολομῶντος ἄρρητος θεόσοφος σοφία».

Πρβλ. ἔτι στ. 267

«Ἄλλὰ κρατάρχα βασιλεῦ τεσσάρων γῆς κλιμάτων».

Και στ. 379 κέξ.

«Ἄλλ' ὦ Κομνηνοβλάστητον ἀπὸ πορφύρας ῥόδον,
ὦ βασιλέων βασιλεῦ καὶ τῶν ἀνάκτων ἀναξ
καὶ κράτος τὸ τρικράτιστον ἀπὸ παπποτερόθεν

.....
σύ γὰρ ἐλέους οἰκτιρμῶν μετὰ θεὸν ἡ θύρα,
σύ μόνος ὑπεραπιστῆς τῶν ἐν ἀνάγκαις βίου,
σύ καὶ τὸ καταφύγιον πάντων τῶν χριστωνύμων,
σύ βασιλέων βασιλεύς, σύ ἐκ τῶν προπατόρων
φιλεύσπλαγχνος, φιλότεκνος, φιλοἰκτωρ, φιλοικτίρμων» (!!).

10) Τῶν προσφιλῶν τοῦ Ἰλαρίωνος φράσεων, δι' ὧν ἐπικαλεῖται τὴν
προσοχὴν τοῦ αὐτοκράτορος, οὐδεμίαν εὐρίσκομεν παρὰ τῷ Θεόδωρῳ· πρβλ.
Γ'. 30:

«Καὶ πρόσθεσ ἄρτι τὸ λοιπὸν ἐμοὶ τὰς ἀκοάς σου».

452 «Καὶ πρόσσχεσ καὶ τὴν δύναμιν τοῦ ψεύδους ἐνα μάθησ».

538 «πρόσσχεσ ποιμένος, δέσποτα, δευτέραν πανουργίαν».

562 «Ἄλλ' ὦ μικρόν, θεόστεπτε, τὰς ἀκοάς σου πρόσσχεσ».

631 Ἄρτι δὲ πρόσσχεσ καὶ εἰς ἐμὲ στενοῦμενον πεινῶντα».

ΣΤ'. 45 «Ἄλλὰ μὴ κλείσης ἀκοάς, μηδὲ ἀποστραφῆς με».

268 «Χάρισόν μοι τῷ δούλῳ σου μικρόν τὰς ἀκοάς σου».

11) Ὁ Ἰλαρίων κολακεύων τὸν βασιλέα προσποιεῖται ὅτι προφητεύει
νίκας καὶ τρόπαια αὐτοῦ, ὁ δὲ Θεόδωρος οὐχί· πρβλ. Γ'. 307

ατάχα τε προφητεύομαι καὶ λέγω το μεγάλως,

ὡς εἰ θελήσεις, δέσποτα, τὰ τούτων ἐρευνησαί
καὶ δώσεις τὴν ἐκδίκησιν τοῖς νῦν ἀδικουμένοις,
ὡς κόνις λεπτυνθήσεται βαρβάρων ἅπαν θράσος
τὴν τοῦ Χριστοῦ μιμούμενος εὐθέως συμμαχίαν».

Καὶ ΣΤ' 24

«οὕτω καὶ σὺ τετραμερῆ κατακρατήσεις κόσμον»
.....

12) Ἄλλὰ τὴν διαφορὰν ταύτην ἐλέγχει καὶ ἕτερόν τι, λέγω ἡ ἀποδεικνυομένη μίμησις τοῦ ἐνὸς ὑπὸ τοῦ ἑτέρου. Ἀναγινώσκων δηλ. τις τὸ Α' τοῦ Θεοδώρου εὐρίσκει ἀπὸ τοῦ στίχου 206 καὶ ἐξῆς οἰκογενειακὴν τινα λυπηρὰν σκηνήν, ἣν μετὰ χάριτος ὁ Θεόδωρος διηγεῖται πρὸς τὸν βασιλέα, ἵνα δεῖξῃ αὐτῷ πόσα ὑπὸ τῆς γυναικὸς πάσχει δεινά, ὅταν κενὸς οἶκαδε ἐπανέλθῃ. Εἶχε, διηγεῖται, ἡ γυνὴ μου κατόπιν ἐριδος κλειδώσει τὸ ὄψοφυλάκιον καὶ ἐγὼ ἐπέειπον, ὅτε περὶ ἡλίου δυσμὰς καταπεσόντος ἐκ τοῦ ὕψους ἐνὸς τῶν παιδίων μου καὶ ταραχῆς καὶ βοῆς μεγάλης ἐγερθείσης συνῆλθον αἱ γείτονες, ἵνα βοηθήσωσι καὶ παρηγορήσωσι τὴν μητέρα, καὶ ἐν τῷ ὄχλῳ ἐκεῖνῳ ἠδυνήθην ἐγὼ νὰ λάβω κρυφίως τὴν κλεῖδα καὶ ἀνοίξας τὸ ὄψοφυλάκιον νὰ φάγω καὶ πῖω καὶ μετὰ ταῦτα νὰ μεταβῶ εἰς τὸ δωμάτιον, ὅπου ἦτο τὸ πλῆθος. Τὴν σκηνὴν ταύτην ἠθέλησε καὶ ὁ Παρίων ἐν ΣΤ' 270 κέξ. νὰ μιμηθῇ, ἀλλ' ἐπειδὴ στεροῦμενος γυναικὸς καὶ παιδῶν ν' ἀντιγράψῃ δὲν ἠδύνατο, ἠναγκάσθη νὰ μεταπλάσῃ αὐτὴν καὶ ἐγκατασπεύρη σωρείαν ὅλην ἀπιδάνων καὶ ἀνερμηνεύτων πραγμάτων. Πρὸ μικροῦ, λέγει, ἐμαγείρευσαν ἐν τῷ κελλίῳ τοῦ πατρὸς μου θαυμαστόν τεμάχιον χοιρείου κρέατος, μετὰ τῶν πλευρῶν καὶ τοῦ λίπους, καὶ ἠτοιμάσαν τὴν τράπεζαν καὶ παρεκάθισαν νὰ φάγωσιν, ὅτε καὶ ἐγὼ κατὰ τὸ ἔθος ἠθέλησα νὰ συγκαθίσω, ἐκεῖνοι δ' ὁμῶς ἀναπηδήσαντες μιᾶ φωνῇ ἐβόων, ὅτι τὸ κρέας δὲν ἠτοιμάσθη χάριν ἐμοῦ, ὅτι ἐπίσταμαι γράμματα καὶ ὀφείλω νὰ τρέφω ἑμαυτόν, οὐχὶ δὲ ν' ἀποβλέπω εἰς τὸ ἀλλότριον κρέας..., ὅτι ἂν πεινῶ δύναμαι ν' ἀγοράσω καὶ φάγω κλπ.

Ἄλλὰ μεταξύ τούτων λεγομένων συνέβη κτύπος ἐν τῷ ὑπογεῖφ, καὶ πάντες φοβηθέντες κατάπτωσιν τῆς σεσαθρωμένης παλαιᾶς οἰκίας ἠγέρθησαν καὶ μετὰ σπουδῆς ἐξέδραμον· ἐγὼ δὲ μείνας μόνος ἔλαβον τὴν μάχαιραν καὶ κόψας τὸ κρέας ἔφαγον αὐτὸ καὶ ἐκορέσθην. Μετὰ δὲ ταῦτα τοποθετήσας τὴν γαλῆν ἐπὶ τῆς τραπέζης, ἵνα πιστευθῇ ὅτι αὕτη ἔφαγε τὸ κρέας, κατῆλθον καὶ ἐγὼ εἰς τὸ ὑπόγειον ἵνα ἴδω δῆθεν πόθεν ὁ κτύπος. Ὅτε δὲ ἐπανῆλθον ἅπαντες εἰς τὸ κελλίον καὶ εἶδον τὴν γαλῆν ἐπὶ

τῆς τραπέζης, ὠργίσθησαν καὶ ἔρριψαν λίθους ἐπ' αὐτήν καὶ ἤθελον νὰ τὴν φονεύσωσιν· ἀλλ' ὕστερον νοήσαντες τὸ τέχνασμα, μειδιάσαντες, πάντες ὁμοφώνως εἶπαν, ὅτι ἡδίκουν τὴν γαλῆν, διότι ἐγὼ εἶχον φάγει τὸ κρέας. Τοσοῦτον δέ, ἐπιφέρει, καλῶς εἶχον τὰς παροψίδας σφογγίσει καὶ καθαρίσει, ὥστε οὐδὲ πλύσεως εἶχον ἀνάγκην.

Ἐν τῇ ἐκθέσει ταύτῃ τοῦ Ἰλαρίωνος οὐκ ὀλίγα φαίνονται μοι τὰ ἀκατάληπτα καὶ τὰ ἀπίδανα. Οὕτω λ. χ. ἀπορεῖται διατί, ἀφοῦ κατὰ τὸ εἰωθὸς (ὡς ἔθος εἶχα) ἠθέλησε νὰ συγκαθίσῃ παρὰ τὴν τράπεζαν, ἐκεῖνοι, πάντως ὁ πατήρ καὶ ἡ μήτηρ καὶ οἱ ἀδελφοί, ἐθεώρησαν τὸ πρᾶγμα τοσοῦτο φοβερόν, ὥστε ἀναπηδήσαντες ὁμοφώνως ν' ἀποπέμπωσιν αὐτόν. Καὶ ἀφοῦ, οὕτω πρότερον ἀπηγόρευον αὐτῷ νὰ μετᾶσχη τοῦ φαγητοῦ, ὕστερον ἀφοῦ οὗτος οὐχὶ μέρος τι βραχύ, ἀλλὰ τὸ ὅλον κατέφαγεν, ἐκεῖνοι δὲν ὠργίσθησαν κατ' αὐτοῦ, ἀλλ' ἀπλῶς ἐμειδιάσαν ἐπὶ τῷ τεχνάσματι. Ἐπειτα καὶ τοῦ ἐν τῷ ὑπογείῳ κτύπου ἡ αἰτία φαίνεται μυστηριώδης καὶ μένει ἀνερμήνευτος, καὶ οὐχ ἦττον ὁ λόγος δι' ὃν οἱ μὲν ἄλλοι πάντες φοβηθέντες ἐξέδραμον πάραυτα, ἡ αὐτοῦ δὲ γενναιότης ἀντὶ φυγῆς ἐδράξατο τοῦ κρέατος. Πρὸς δὲ τούτοις τὸ κρέας ἠτοιμάζετο χάριν πολλῶν, ἦτο ἀκρόπαστον, σύμπλευρον καὶ σύλλαρδον, ἦτοι ξηρόν καὶ πολύ· πῶς λοιπὸν οὗτος ἠδυνήθη νὰ λάβῃ τὴν μάχαιραν, κατακόφη καὶ φάγη αὐτὸ καὶ κορεσθῇ, καὶ ταῦτα πάντα οὕτω ταχέως καὶ ἐντελῶς ὥστε, προτοῦ νὰ ἐπανέλθωσιν οἱ ἄλλοι, καὶ τὰς παροψίδας κάλλιστα νὰ σφογγίσῃ; Ταῦτα καὶ τὰ τοιαῦτα νοοῦνται, καθὼς ἐγὼ κρίνω, μόνον ὅταν ὑποθεθῇ ὅτι ὁ Ἰλαρίων ἔχων πρὸ ὀφθαλμῶν τὰ τοῦ Θεοδώρου, ὧν δὲ ὑποδεέστερος ἐκεῖνος, ἠθέλησε νὰ μιμηθῇ τὴν σκηνήν, καθ' ἣν ἐκεῖνος ἐπέτυχε νὰ φάγῃ λάθρα, ὅτε ἡ γυνὴ ἠρνεῖτο νὰ παράσχη αὐτῷ φαγητόν. Λοιπὸν θόρυβος καὶ βοή ἐκεῖ διὰ τὴν πτώσιν τοῦ παιδίου καὶ σύγχυσις διὰ τὰς προσελθούσας γείτονας, κτύπος καὶ ἐδῶ ἐν τῷ ὑπογείῳ διὰ... (?) Ἐπειτα ἐν τῇ συγχύσει καὶ τῷ πλήθει ἐκεῖνῳ ὁ γέρον ἐκεῖ εὕρισκε εὐκαιρίαν νὰ λάβῃ τὴν κλεῖδα τοῦ ὀψοφυλακίου καὶ ἐκεῖ μεθ' ὑπομονῆς φάγῃ καὶ πῖνῃ καὶ κορεσθῇ καὶ μετὰ ταῦτα ἐξέλθῃ καὶ φροντίσῃ περὶ τοῦ παιδίου. Ἐν τῷ φόβῳ τῷ ἐκ τοῦ ὑπογείου κτύπου τρέχουσιν ἅπαντες ἔξω, φοβούμενοι κατὰπτωσιν τῆς οἰκίας, ἀλλ' ὁ Ἰλαρίων ἐδῶ παραδόξως μένει καὶ λαμβάνει τὴν μάχαιραν καὶ καταβροχθίζει τὸ τοσοῦτον κρέας τελείως καὶ κορέννυται καὶ μετὰ ταῦτα τοποθετήσας τὴν γαλῆν ἐπὶ τῆς τραπέζης κατῆλθε καὶ οὗτος εἰς τὸ ὑπόγειον, ἵνα μάθῃ τὴν αἰτίαν τοῦ κτύπου. Ὅπως ἕκαστος βλέπει, ὁ μιμητὴς ἠθέλησε νὰ κοσμήσῃ καὶ πληρεστέραν καταστήσῃ τὴν διήγησιν, ἐντεῦθεν καὶ τὰ περὶ τῆς γαλῆς λεγόμενα, καθὼς καὶ ἡ ἀκριβὴς περιγραφὴ τοῦ κρέατος καὶ τῆς προσπαθείας τῶν

οἰκείων ν' ἀπομακρύνωσιν τὸν νέον, παρὰ τὸ εἰωθὸς μάλιστα, ἀπὸ τῆς τραπέζης καὶ τῆς διαγωγῆς αὐτῶν πρὸς τε τὴν γαλῆν καὶ πρὸς τὸν φαγόντα τὸ κρέας ἀφοῦ ἐνόησαν αὐτὸν κτλ. Ἄλλὰ δὲν ἐνόησεν, ὅτι διὰ τῶν συμπληρώσεων καὶ μεταπονήσεων τούτων καθίστα αὐτὴν ἀνάπλεων ἀπιθάων καὶ ἀφυσίκων πραγμάτων ἦτοι ἀπεδείκνυεν αὐτὴν πλαστήν.

Ὅπως ἐν τούτῳ οὕτῳ καὶ ἐν ἄλλῃ ἐξελέγχεται ὁ Ἰλαρίων μιμητῆς καὶ μάλιστα ἀδέξιός τοῦ Θεοδώρου· λ. χ. ὁ Θεόδωρος ἀποτεϊνόμενος πρὸς τὸν Μανουὴλ λέγει ὅτι

«σὺ δ' ἦς Μανουὴλ χριστομίμητος φύσις
χριστωνυμοῦσα παρὰ συλλαβὴν μίαν»

ἦτοι ἔχεις τὸ αὐτὸ ὄνομα ὃ καὶ ὁ Χριστὸς (Ἐμμανουὴλ) ἀφαιρέσει μιᾶς συλλαβῆς. Ὁ δὲ Ἰλαρίων λέγει Γ'. 372 κέξ.

«ὦ τῆς χριστομιμῆτου σου πολλῆς φιλανθρωπίας!
ὄντως τυγχάνεις, Μανουὴλ, θεὸς ἐπίγειός τε,
Ἐμμανουὴλ παμβασιλεῦ, παρὰ σαρανταπέντε·
καὶ γὰρ ἡ κλῆσις ἄνωθεν ἐδόθη φερωνύμως».

ἦτοι ὅτι εἶναι ἐπίγειος θεός, ὅτι εἶναι (οὐχὶ ὅτι ὀνομάζεται) ὁ αὐτὸς τῷ παμβασιλεῖ Χριστῷ, πλὴν τοῦ ἀριθμοῦ τεσσαράκοντα πέντε, ὅτι τὸ ὄνομα τὸ δοθὲν αὐτῷ προωρίσθη ὑπὸ τοῦ θεοῦ, ἵνα καθὼς εἶναι οὕτῳ καὶ νὰ ὀνομάζεται! Οὕτως ἀμφοτέραις ταῖς χερσὶ καταλαμβάνεται καὶ μέσος ἔχεται ὁ ἄκριτος μιμητῆς, ὅστις ἀγωνιζόμενος νὰ ὑπερβάλῃ τὸ πρωτότυπον περιπίπτει εἰς τοιαῦτα ὑπερβολικά καὶ γελοῖα. Πρόσθετε ὅτι καὶ βεβιασμένα εἶναι τὰ λεγόμενα ἀφοῦ ἡ ἐλλείπουσα συλλαβὴ εμ δὲν ἀποτελεῖ τὸν ἀριθμὸν πέντε καὶ τεσσαράκοντα, ἀλλ' ἡ μετατεθεῖσα με, ὥστε καὶ ἐν τούτῳ ἐγένετο χρεῖα βίας, ἵνα τὸ ἀσεβὲς ἀστεῖον δῆθεν κατορθωθῇ.

Κατὰ ταῦτα τὸ Α' καὶ Β' φαίνονται ἐνός καὶ τοῦ αὐτοῦ ποιητοῦ (πρβλ. Α. 70 «σὺ εἶσαι Πτωχοπρόδρομος κ' ἐγὼ ἤμην Ματσουκίνη» καὶ Β' 101 «Μὴ σὲ πλανᾷ, Πανσέβαστε, τὸ Πτωχοπροδροματόν»). Ὅμοίως εἶναι καὶ τὸ Ε' καὶ ΣΤ' ἐνός καὶ τοῦ αὐτοῦ ποιητοῦ, ἄλλως τε καὶ ἀφοῦ ἀπλῆ παραλλαγὴ τοῦ ἑτέρου εἶναι τὸ ἕτερον, καθ' ἃ καὶ τὸ Δ' μικρὸν μόνον διαφέρει τοῦ Γ', καὶ προῆλθον ἢ ἐκ τίνος μιμητοῦ διασκευαστοῦ, ἢ καὶ ἐκ τοῦ ποιητοῦ αὐτοῦ ἀποστειλαντος αὐτὰ πάλιν πρὸς τὸν αὐτὸν σκοπὸν βραδύτερον, ἀφοῦ μικρὸν μετέβαλεν αὐτά. Κατ' ἐμὴν γνώμην τὸ πρῶτον πιθανώτερον. Ἄν δ' ὅμως καὶ τὰ δύο τελευταῖα Ε' καὶ ΣΤ' ἀνήκωσιν εἰς ὃν καὶ τὰ δύο προηγούμενα, Γ' καὶ Δ', περὶ τούτου

ζητή συμβουλήν, ἂν πρέπει νὰ γίνη προχεράρις, ἄνθρωπος ὑπερεβδομηκοντούτης!

5) Ἀποδεικνύεται ὅτι ὁ μὲν γέρων Θεόδωρος Πρόδρομος ἦν φαλακρός· πρβλ. Α' 154

«νὰ ποίσω τὴν κουδούπαν σου αὐτὴν τὴν μαδισμένην».

(γρ. κουρούπαν σου, ὅπως ἐν Χίφ ἐτι καὶ νῦν ὀνομάζουσι τὴν φαλάκραν καὶ κουρούπην τὸν φαλακρόν, ἀπὸ τῆς ἑμοιότητος πρὸς τὸ οὕτως ὀνομαζόμενον ἄγγειον). Ὁ δὲ νέος Ἰλαρίων εἶχε κόμην, διὸ καὶ κλαίει ὅτι, ἐπειδὴ δὲν ἐλόυετο συχνά, αὐτὴ κατέπεσε· πρβλ. Γ' 616

«καὶ τὰ μαλλίτσια μου ἔπεσαν ἀπὸ τὴν ἀλουτσίαν».

Καὶ στ. 147

«ζητῶ σαποῦνιν νὰ λουστῶ κτλ.

Δὲν ἠδύνατο δὲ προδήλως ὁ ἐπὶ Ἰωάννου φαλακρός νὰ ἔχη κόμην ἐπὶ τοῦ υἱοῦ τούτου Μανουήλ.

6) Ὁ ποιητὴς τοῦ Α' καλεῖ ἑαυτὸν Πρόδρομον· πρβλ. στίχ. 158 καὶ 274

«Διὰ τὴν ψυχὴν σου, Πρόδρομε, καθίζου σιγηρὸς σου».

Ὡνομάζετο δὲ Θεόδωρος Πρόδρομος, ὅπως ἐκ τοῦ ἀντιγράφου μανθάνομεν· ὁ δὲ τοῦ Γ' καὶ Δ' ὀνομάζει ἑαυτὸν Ἰλαρίωνα· πρβλ. Γ' 631—2.

«Ἄρτι δὲ πρόσσγες καὶ εἰς ἐμὲν στενοῦμενον, πεινῶντα, τὸν Ἰλαρίωνα, τὸν σὸν δοῦλον οἰκτρὸν καὶ πένην».

Ἐπειδὴ δὲ ὁ νέος μοναχὸς Ἰλαρίων δὲν ἠδύνατο ἔπειτα νὰ νυμφευθῆ, νὰ ἔχη γυναῖκα καὶ τέκνα καὶ νὰ ὀνομάζηται Θεόδωρος, διότι ταῦτα, ὡς γνωστόν, δὲν ἐπιτρέπονται ὑπὸ τῶν ἐκκλησιαστικῶν ἡμῶν κανόνων, οὐδὲ ὁ νέος ἐπὶ τοῦ Μανουήλ νὰ εἶναι γέρων ἐπὶ τοῦ Ἰωάννου, διότι ταῦτα ἀπαγορεύονται ὑπὸ τῶν νόμων τῆς φύσεως (εἶδομεν, ὅτι πρὸ τοῦ νέου μοναχοῦ Ἰλαρίωνος ἐμφανίζεται ὁ γέρων Θεόδωρος ἀποτεινόμενος πρὸς Ἰωάννην τὸν αὐτοκράτορα), διὰ ταῦτα ἀνάγκη δυοῖν θάτερον νὰ ὁμολογήσωμεν, ἢ ὅτι ὁ γέρων Θεόδωρος μετεβλήθη εἰς νέον μοναχὸν Ἰλαρίωνα, μεταβαλὼν πλὴν τοῦ ὀνόματος καὶ τὴν κόμην καὶ τὴν ἡλικίαν, ἢ, ἂν ταῦτα μὴ φαίνωνται δυνατά, ὅτι πρόκειται περὶ δύο διαφόρων προσώπων, ἧτοι Θεόδωρου τοῦ Προδρόμου ἢ Πτωχοπροδρόμου πρεσβύτου ἐγγάμου κτλ. καὶ Ἰλαρίωνος νέου μοναχοῦ ἐν τῇ μονῇ τοῦ Φιλοθέου.

7) Ὁ Θεόδωρος γράφει πρὸς τὸν αὐτοκράτορα Ἰωάννην, ὅτι ἡ ἐπωνυμία Πρόδρομος ἢ Πτωχοπρόδρομος δὲν πρέπει νὰ παραπλανήσῃ αὐτόν,

ὥστε νά πιστεύσῃ ὅτι κατὰ τὸν παλαιὸν ἐκεῖνον ὁμώνυμον. Πρόδρομον τὸν Βαπτιστὴν οὗτος ἀσμένως ἐσθίει ἀκρίδας καὶ μέλι ἄγριον· ὅπως τούναντιον ἀξιοί νά ἔχη τροφήν ἐκλεκτὴν καὶ πολλήν· πρβλ. Β΄. 101 κέξ.

«Μὴ σέ πλανᾷ, πανσέβαστε, τὸ Πτωχοπροδρομαῖον,
καὶ προσδοκᾷς νά τρέφωμαι βοτάνας ὀρειτρόφους·
ἀκρίδας οὐ σιτεύομαι, οὐδ' ἀγαπῶ βοτάνας,
ἀλλὰ μονόκυθρον παχὺν καὶ παστομαγειρίαν,
νά ἔχη θρύμματα πολλὰ νά ἦναι φουσκωμένα,
καὶ λιπαρὸν προβατικὸν ἀπὸ τὸ μεσονέφριν».

Καὶ Α' 264

«Καὶ μόλις εἶδον πίνακα ζωμὸν ἔχοντα πλεῖστον
καὶ ὀλίγον ἀπὸ τὸ παστὸν καὶ θρύμματα μεγάλα
καὶ δράξας εἰς τὰς χεῖράς μου ἠύφρανε ἡ καρδιά μου,
ζωμὸν ἰδὼν τὸν περισσὸν καὶ τὰ χονδρὰ κομμάτια».

Ὁ δὲ Ἰλαρίων εἶναι πολὺ ὀλιγαρχέστερος· πρβλ. Γ' 633 κέξ.

«οὐ γὰρ ὑπέρογκα ζητῶ, δέσποτα στεφηφόρε,
νά λάβω σὺν τὴν ζήτησιν εὐθύς καὶ ἀτιμίαν·
ψωμῖν ζητῶ τῷ κράτει σου καλὸν κομματοπούλλιν,
εἰς τὴν ἡ βασιλεία σου μονὴν μὲ παραπέμφεις».

Ἐν Ε' 17

«ἐπιθυμῶ καὶ τὸ ψωμῖν καὶ τοῦ ψωμιοῦ τὴν μάνναν».

Ἡ ΣΤ' 83

«ἐπιθυμῶ καὶ τὸ ψωμῖν καὶ κύταλον καὶ ψίχαν».

8) Ὁ Θεόδωρος ἐμφανιζόμενος πρὸ τοῦ βασιλέως ὡς γνωστὸς αὐτῷ λέγει ὅτι οἱ στίχοι αὐτοῦ εἶναι ἀστεῖοι, εἰ καὶ γράφονται ἐν μεγάλῃ δυστυχίᾳ· πρβλ. Α' 9

«εἰ μὴ τινὰς πολιτικούς ἀμέτρους πάλιν στίχους
συνεσταλμένους, παίζοντας, ἀλλ' οὐκ ἀναισχυντῶντας,
παίζουσι γὰρ καὶ γέροντες ἀλλὰ σωφρονεστέρως.
Μὴ οὖν ἀποχωρίσης τους, μηδ' ἀποπέμφης, μᾶλλον
ὡς κοδιμέντα δέξου τους, ποσῶς ἂν οὐ μυρίζουν,
καὶ φιλευσπλάγχχνως ἄκουσον, ἅπερ ὁ τάλας γράφω.
Κἂν φαίνωμαι γάρ, δέσποτα, γελῶν ὁμοῦ καὶ παίζων,
ἀλλ' ἔχω πόνον ἄπειρον καὶ θλιψὶν βαρυτάτην,
καὶ χαλεπὸν ἀρρώστημα καὶ πάθος, ἀλλὰ πάθος!».

Και Β' 11 κέξ.

Ἄ'Εκεῖνα γράφω καὶ λαλῶ ὅσα κινοῦν πρὸς οἶκτον,
ὅσα κινοῦν πρὸς ἔλεον καὶ πρὸς φιλανθρωπίαν...

Ἐγὼ δὲ παρεξέκλινα μικρὸν ἐκ τῆς εὐθείας,
καὶ αἰεὶ μετ' ὄδυρμῶν πολλῶν καὶ κωκυτῶν καὶ θρήνων
ῥημάτων γράφω χαρμονήν, γραμμάτων τερποσύνην,
καὶ οὐ ποιῶ τ' ἀπὸ χαρᾶς, οὐδ' ἐξ ἀπλοψυχίας,
ἀλλὰ μὰ τὴν ἐνοῦσάν μοι πολλὴν στενοχωρίαν».

Ὁ δὲ Ἰλαρίων οὐδαμοῦ λέγει ὅτι γράφει ἀστεία, οὐδαμοῦ ὅτι εἶναι
γνωστὸς τοῖς κρατοῦσιν, ὁμιλεῖ δὲ περὶ τόλμης, ἣν λαμβάνει νὰ ἐμφα-
νιθῆῖ πρὸ τοῦ βασιλέως· πρβλ. Γ'. 1 κέξ.

«Τολμήσας ἀναφέρω σοι τῷ κραταιῷ δεσπότῃ

καὶ θαύμασον τοῦ μύρμηκος τὴν τηλικαύτην τόλμαν,
πῶς ὅλως οὗτος γέγονε τῆς ὅλης μυιοπίας
καὶ τρέχειν ἴσως ὥρμησεν τοῖς ἰσχυροῖς θηρίοις,
ἀκολουθῶν τοῖς ἴχνεσιν ἀφόβως τῶν λεόντων,
τὴν τῶν ὀνύχων δύναμιν ποσῶς μὴ κεκτημένος.
Ἐμὲ δὲ σκόπει μύρμηκα, δέσποτα στεφηφόρε,
κατὰ τῶν λόγων τὴν ἰσχὺν καὶ τὴν ἀκτημοσύνην,
λέοντας δὲ τοὺς ῥήτορας μετὰ τῶν φιλοσόφων,
οἵτινες ὥσιν δυνατοὶ τοῦ γράφειν καὶ στιχίζειν,
καὶ συγγραφᾶς νικητικᾶς ἡρωικᾶς συμπλέκειν·
ὅμως ἐκεῖνοι γράφουσι σοφῶς καὶ κατὰ λόγον,
ὥσπερ σοφοὶ καὶ ῥήτορες· ἐγὼ δ' οὐχ οὕτω γράφω,
καὶ γὰρ ἀγράμματος εἰμί καὶ νέος ῥακενδύτης
καὶ μοναχὸς τῶν εὐτελῶν τῶν ἀποκαθισμένων
καὶ τὴν ἰσχὺν ἐπίσης τε μύρμηκος κεκτημένων,
ἀλλ' οὖν λιτῶς, μοναχικῶς, ἀπλῶς, εὐκολωτάτως».

Και ΣΤ' 1 κέξ.

«Μόλις τολμήσας, βασιλεῦ, δέσποτα στεφηφόρε,

ὑπὸ τὴν σκέπην σῶν χρυσῶν προσέρχομαι πτερύγων,
καδικετεύων, ἐξαιτῶν, παρακαλῶν ὁ τάλας
τάς ἀκοᾶς προσθεῖναι μοι σῆς ἀνακρατορίας».

9) Ὁ Θεόδωρος κολακεύει μετὰ τινος μέτρου, τοῦναντίον ὁ Ἰλαρίων πᾶν ὄριον κολακείας ὑπερβάλλει, καὶ αὐτόχρημα βλάσφημος ἐν τῇ κολακείᾳ γίνεται. πρβλ. Γ'. 373 κέξ.

«δντως τυγχάνεις, Μανουήλ, θεὸς ἐπίγειός τε,
Ἐμμανουήλ παμβασιλεῦ παρὰ σαρανταπέντε
καὶ γὰρ ἡ κλησις ἄνωθεν ἐδόθη φερωνύμως».

Καὶ στ. 546—9

«Τὸν Μανουήλ τὸν Κομνηνόν, τὸν τῆς πορφύρας γόνον,
τὸν πύργον τῆς ἀνατολῆς, τῆς δύσεως τὸ δόρυ,
τῶν ὀρφανῶν καὶ τῶν χηρῶν πατέρα καὶ προστάτην».

Καὶ 620 κέξ.

«Ἄλλ' ὦ πορφύρας βλάστημα, παντάναξ τροπαιοῦχε,
καὶ τεῖχος ἀπροσμάχητον τῆσδε τῆς Βυζαντίδος».

Καὶ στ. 626.

«Ἀφ' οὗτου γὰρ ἐκέρδησας ταύτην (τὴν βασιλείαν) θεοῦ βου-
λήσει,
οὐκ ἔστησας τὰς χεῖράς σου ποσῶς εἰς τὸ διδόναι
καὶ μοναχοὺς καὶ κοσμικοὺς καὶ γέροντας καὶ νέους,
καὶ πάντες ἐπαγάλλονται σκιρτῶντες εὐφημοῦντες,
τῶν σῶν ἐπαπολαύοντες μεγάλων δωρημάτων».

Καὶ ΣΤ' 10 κέξ.

«τὸν (λιμένα) τῆς χριστομιμήτου σου μεγάλης βασιλείας
σύ γὰρ λιμὴν ἀκύμαντος τῶν σοὶ προσπεφευγόντων...
.....
σύ γὰρ ἐλέους ἢ πηγὴ καὶ τῶν χαρίτων χάρις,
καὶ πέλαγος χρηστότητος καὶ τῆς φιλανθρωπίας·
σύ κράτος τῶν ῥηγίναρχῶν, τῶν τοπαρχῶν αὐτάναξ·
ἐπὶ δὲ τῷ τετράνακτι, τῷ τετραυγουστομόρφῳ
Ἰώμης τῆς νέας τῆς χρυσοῦς, τῆς Κωνσταντίνου Ἰώμης,
τῷ γένει τῷ τοῦ κράτους σου καὶ μὴν καὶ τῆς πορφύρας,
μερῶν τεσσάρων τῶν τῆς γῆς καὶ κράτος κηρυχθήσῃ.
Αὐτὸ γὰρ τὸ τετραύγουστον ἐκ τῆς προσηγορίας
σταυροῦ τὴν τετραμέρειαν πάντως παρασημαίνει·
ὡς γοῦν ὁ τύπος τοῦ σταυροῦ τετραμερῆς τυγχάνει,
οὕτω καὶ σύ τετραμερῆ κατακρατήσας κόσμον...
.....

Και στ. 31

καὶ νεύσης μόνον κατ' αὐτῶν μόνῃ τῷ νεύματί σου,
ὥσει καπνός πορεύσονται πόρρω τοῦ σοῦ προσώπου
πτοοῦμενοι τὴν σύγκαυσιν, μονάρχα μονοκράτορ,
τῇ λάμπει τοῦ προσώπου σου μήπως κατακαῶσι
καθὼςπερ τήχεται κηρός ἀπὸ πυρός προσώπου...
.....

Και στ. 49

ἐν σοὶ γὰρ ἐγκατοίκησεν ἡ τοῦ θεοῦ προνοία
ἡ Σολομῶντος ἄρρητος θεόσοφος σοφία.

Πρβλ. ἐτι στ. 267

ἄλλα κρατάρχα βασιλεῦ τεσσάρων γῆς κλιμάτων».

Και στ. 379 κέξ.

ἄλλ' ὦ Κομνηνοβλάστητον ἀπὸ πορφύρας ῥόδου,
ὦ βασιλέων βασιλεῦ καὶ τῶν ἀνάκτων ἀναξ
καὶ κράτος τὸ τρικράτιστον ἀπὸ παπποτερόθεν
.....

σύ γὰρ ἐλέους οἰκτιρμῶν μετὰ θεὸν ἢ θύρα,
σύ μόνος ὑπεραπιστῆς τῶν ἐν ἀνάγκαις βίου,
σύ καὶ τὸ καταφύγιον πάντων τῶν χριστωνύμων,
σύ βασιλέων βασιλεύς, σύ ἐκ τῶν προπατόρων
φιλεύσπλαγχνος, φιλότεκνος, φιλοἰκτωρ, φιλοικτίρμων»(!).

10) Τῶν προσφιλῶν τοῦ Ἰαρίωνος φράσεων, δι' ὧν ἐπικαλεῖται τὴν
προσοχὴν τοῦ αὐτοκράτορος, οὐδεμίαν εὐρίσκομεν παρὰ τῷ Θεόδωρῳ· πρβλ.
Γ'. 30:

«Καὶ πρόσθεσ ἄρτι τὸ λοιπὸν ἐμοὶ τὰς ἀκοάς σου».

452 «Καὶ πρόσσχεσ καὶ τὴν δύναμιν τοῦ ψεύδους ἐνα μάθησ».

538 «πρόσσχεσ ποιμένος, δέσποτα, δευτέραν πανουργίαν».

562 ἄλλ' ὦ μικρὸν, θεόστεπτε, τὰς ἀκοάς σου πρόσσχεσ».

631 ἄρτι δὲ πρόσσχεσ καὶ εἰς ἐμὲν στενούμενον πεινῶντα».

ΣΓ'. 45 ἄλλὰ μὴ κλείσης ἀκοάς, μηδὲ ἀποστραφῆς με».

268 «Χάρισόν μοι τῷ δούλῳ σου μικρὸν τὰς ἀκοάς σου».

11) Ὁ Ἰαρίων κολακεύων τὸν βασιλέα προσποιεῖται ὅτι προφητεύει
νίκας καὶ τρόπαια αὐτοῦ, ὃ δὲ Θεόδωρος οὐχί· πρβλ. Γ'. 307

ἄτάχα τε προφητεύομαι καὶ λέγω το μεγάλως,

ὡς εἰ θελήσεις, δέσποτα, τὰ τούτων ἐρευνῆσαι
καὶ δώσεις τὴν ἐκδίκησιν τοῖς νῦν ἀδικουμένοις,
ὡς κόνις λεπτυνθήσεται βαρβάρων ἅπαν θράσος
τὴν τοῦ Χριστοῦ μιμούμενος εὐθέως συμμαχίαν».

Καὶ ΣΤ' 24

«οὕτω καὶ σὺ τετραμερῆ κατακρατήσεις κόσμον»
.....

12) Ἀλλὰ τὴν διαφορὰν ταύτην ἐλέγχει καὶ ἕτερόν τι, λέγω ἡ ἀποδεικνυομένη μίμησις τοῦ ἐνός ὑπὸ τοῦ ἑτέρου. Ἀναγινώσκων δηλ. τις τὸ Α' τοῦ Θεοδώρου εὐρίσκει ἀπὸ τοῦ στίχου 206 καὶ ἐξῆς οἰκογενειακὴν τινα λυπηρὰν σκηνήν, ἣν μετὰ χάριτος ὁ Θεόδωρος διηγεῖται πρὸς τὸν βασιλέα, ἵνα δείξῃ αὐτῷ πόσα ὑπὸ τῆς γυναικὸς πάσχει δεινά, ὅταν κενὸς οἴκαδε ἐπανέλθῃ. Εἶχε, διηγεῖται, ἡ γυνὴ μου κατόπιν ἐριδος κλειδώσει τὸ ὄψοφυλάκιον καὶ ἐγὼ ἐπεινῶν, ὅτε περὶ ἡλίου δυσμὰς καταπεσόντος ἐκ τοῦ ὕψους ἐνὸς τῶν παιδίων μου καὶ ταραχῆς καὶ βοῆς μεγάλης ἐγερθεῖσης συνῆλθον αἱ γείτονες, ἵνα βοηθήσωσι καὶ παρηγορήσωσι τὴν μητέρα, καὶ ἐν τῷ ὄχλῳ ἐκείνῳ ἠδυνήθην ἐγὼ νὰ λάβω κρυφίως τὴν κλεῖδα καὶ ἀνοίξας τὸ ὄψοφυλάκιον νὰ φάγω καὶ πῖω καὶ μετὰ ταῦτα νὰ μεταβῶ εἰς τὸ δωμάτιον, ὅπου ἦτο τὸ πλῆθος. Τὴν σκηνὴν ταύτην ἠθέλησε καὶ ὁ Ἰλαρίων ἐν ΣΤ' 270 κέξ. νὰ μιμηθῆ, ἀλλ' ἐπειδὴ στερούμενος γυναικὸς καὶ παιδῶν ν' ἀντιγράψῃ δὲν ἠδύνατο, ἠναγκάσθη νὰ μεταπλάσῃ αὐτήν καὶ ἐγκατασπείρῃ σωρείαν ὄλην ἀπιθάνων καὶ ἀνερμηνεύτων πραγμάτων. Πρὸ μικροῦ, λέγει, ἐμαγείρευσαν ἐν τῷ κελλίῳ τοῦ πατρὸς μου θαυμαστὸν τεμάχιον χοιρείου κρέατος, μετὰ τῶν πλευρῶν καὶ τοῦ λίπους, καὶ ἠτοιμάσαν τὴν τράπεζαν καὶ παρεκάθισαν νὰ φάγωσιν, ὅτε καὶ ἐγὼ κατὰ τὸ ἔθος ἠθέλησα νὰ συγκαθίσω, ἐκεῖνοι δ' ὁμῶς ἀναπηδήσαντες μᾶ φωνῆ ἐβόων, ὅτι τὸ κρέας δὲν ἠτοιμάσθη χάριν ἐμοῦ, ὅτι ἐπίσταμαι γράμματα καὶ ὀφείλω νὰ τρέφω ἑμαυτόν, οὐχὶ δὲ ν' ἀποβλέπω εἰς τὸ ἀλλότριον κρέας..., ὅτι ἂν πεινῶ δύναμαι ν' ἀγοράσω καὶ φάγω κλπ.

Ἀλλὰ μετὰ τούτων λεγομένων συνέβη κτύπος ἐν τῷ ὑπογείῳ, καὶ πάντες φοβηθέντες κατάπτωσιν τῆς σεσαθρωμένης παλαιᾶς οἰκίας ἠγέρθησαν καὶ μετὰ σπουδῆς ἐξέδραμον· ἐγὼ δὲ μείνας μόνος ἔλαβον τὴν μάχαιραν καὶ κόψας τὸ κρέας ἔφαγον αὐτὸ καὶ ἐκορέσθην. Μετὰ δὲ ταῦτα τοποθετήσας τὴν γαλῆν ἐπὶ τῆς τραπέζης, ἵνα πιστευθῆ ὅτι αὕτη ἔφαγε τὸ κρέας, κατῆλθον καὶ ἐγὼ εἰς τὸ ὑπόγειον ἵνα ἴδω δῆθεν πόθεν ὁ κτύπος. Ὅτε δὲ ἐπανῆλθον ἅπαντες εἰς τὸ κελλίον καὶ εἶδον τὴν γαλῆν ἐπὶ

τῆς τραπέζης, ὠργίσθησαν καὶ ἔρριψαν λίθους ἐπ' αὐτήν καὶ ἤθελον νὰ τὴν φονεύσωσιν· ἀλλ' ὕστερον νοήσαντες τὸ τέχνασμα, μειδιάσαντες, πάντες ὁμοφώνως εἶπαν, ὅτι ἠδίκουν τὴν γαλῆν, διότι ἐγὼ εἶχον φάγει τὸ κρέας. Τοσοῦτον δέ, ἐπιφέρει, καλῶς εἶχον τὰς παροψίδας σφογγίσει καὶ καθαρῖσει, ὥστε οὐδὲ πλύσεως εἶχον ἀνάγκην.

Ἐν τῇ ἐκθέσει ταύτῃ τοῦ Ἰλαρίωνος οὐκ ὀλίγα φαίνονται μοι τὰ ἀκατάληπτα καὶ τὰ ἀπίδανα. Οὕτω λ. χ. ἀπορεῖται διατί, ἀφοῦ κατὰ τὸ εἰωθὸς (ὡς ἔθος εἶχα) ἠθέλησε νὰ συγκαθίσῃ παρὰ τὴν τραπέζαν, ἐκεῖνοι, πάντως ὁ πατήρ καὶ ἡ μήτηρ καὶ οἱ ἀδελφοί, ἐθεώρησαν τὸ πρᾶγμα τοσοῦτο φοβερόν, ὥστε ἀναπηδήσαντες ὁμοφώνως ν' ἀποπέμπωσιν αὐτόν. Καὶ ἀφοῦ, οὕτω πρότερον ἀπηγόρευον αὐτῷ νὰ μετάσχῃ τοῦ φαγητοῦ, ὕστερον ἀφοῦ οὗτος οὐχὶ μέρος τι βραχύ, ἀλλὰ τὸ ὅλον κατέφαγεν, ἐκεῖνοι δὲν ὠργίσθησαν κατ' αὐτοῦ, ἀλλ' ἀπλῶς ἐμειδιάσαν ἐπὶ τῷ τεχνάσματι. Ἐπειτα καὶ τοῦ ἐν τῷ ὑπογείῳ κτύπου ἡ αἰτία φαίνεται μυστηριώδης καὶ μένει ἀνερμηνεύτος, καὶ οὐχ ἦττον ὁ λόγος δι' ὃν οἱ μὲν ἄλλοι πάντες φοβηθέντες ἐξέδραμον πάραυτα, ἡ αὐτοῦ δὲ γενναιότης ἀντιφυγῆς ἐδράξατο τοῦ κρέατος. Πρὸς δὲ τούτοις τὸ κρέας ἠτοιμάζετο χάριν πολλῶν, ἦτο ἀκρόπαστον, σύμπλευρον καὶ σύλλαρδον, ἦτοι ξηρόν καὶ πολὺ· πῶς λοιπὸν οὗτος ἠδυνήθη νὰ λάβῃ τὴν μάχαιραν, κατακόψῃ καὶ φάγῃ αὐτὸ καὶ κορεσθῇ, καὶ ταῦτα πάντα οὕτω ταχέως καὶ ἐντελῶς ὥστε, προτοῦ νὰ ἐπανέλθωσιν οἱ ἄλλοι, καὶ τὰς παροψίδας κάλλιστα νὰ σφογγίσῃ; Ταῦτα καὶ τὰ τοιαῦτα νοοῦνται, καθὼς ἐγὼ κρίνω, μόνον ὅταν ὑποτεθῇ ὅτι ὁ Ἰλαρίων ἔχων πρὸ ὀφθαλμῶν τὰ τοῦ Θεοδώρου, ὧν δὲ ὑποδεέστερος ἐκείνου, ἠθέλησε νὰ μιμηθῇ τὴν σκηνὴν, καθ' ἣν ἐκεῖνος ἐπέτυχε νὰ φάγῃ λάδρα, ὅτε ἡ γυνὴ ἠρνεῖτο νὰ παράσχῃ αὐτῷ φαγητόν. Λοιπὸν θόρυβος καὶ βοή ἐκεῖ διὰ τὴν πτώσιν τοῦ παιδίου καὶ σύγχυσις διὰ τὰς προσελθούσας γείτονας, κτύπος καὶ ἐδῶ ἐν τῷ ὑπογείῳ διὰ... (?) Ἐπειτα ἐν τῇ συγχύσει καὶ τῷ πλήθει ἐκείνῳ ὁ γέρων ἐκεῖ εὕρισκει εὐκαιρίαν νὰ λάβῃ τὴν κλεῖδα τοῦ ὀψοφυλακίου καὶ ἐκεῖ μεθ' ὑπομονῆς φάγῃ καὶ πῖνῃ καὶ κορεσθῇ καὶ μετὰ ταῦτα ἐξέλθῃ καὶ φροντίσῃ περὶ τοῦ παιδίου. Ἐν τῷ φόβῳ τῷ ἐκ τοῦ ὑπογείου κτύπου τρέχουσιν ἅπαντες ἔξω, φοβούμενοι κατάπτωσιν τῆς οἰκίας, ἀλλ' ὁ Ἰλαρίων ἐδῶ παραδόξως μένει καὶ λαμβάνει τὴν μάχαιραν καὶ καταβροχθίζει τὸ τοσοῦτον κρέας τελείως καὶ κορέννυται καὶ μετὰ ταῦτα τοποθετήσας τὴν γαλῆν ἐπὶ τῆς τραπέζης κατῆλθε καὶ οὗτος εἰς τὸ ὑπόγειον, ἵνα μάθῃ τὴν αἰτίαν τοῦ κτύπου. Ὅπως ἕκαστος βλέπει, ὁ μιμητὴς ἠθέλησε νὰ κοσμήσῃ καὶ πληρεστέραν καταστάσῃ τὴν διήγησιν, ἐντεῦθεν καὶ τὰ περὶ τῆς γαλῆς λεγόμενα, καθὼς καὶ ἡ ἀκριβὴς περιγραφὴ τοῦ κρέατος καὶ τῆς προσπαθείας τῶν

οικείων ν' ἀπομακρύνωσιν τὸν νέον, παρὰ τὸ εἰωθὸς μάλιστα, ἀπὸ τῆς τραπέζης καὶ τῆς διαγωγῆς αὐτῶν πρὸς τε τὴν γαλήν καὶ πρὸς τὸν φαγόντα τὸ κρέας ἀφοῦ ἐνόησαν αὐτὸν κτλ. Ἄλλὰ δὲν ἐνόησεν, ὅτι διὰ τῶν συμπληρώσεων καὶ μεταποιήσεων τούτων καθίστα αὐτὴν ἀνάπλεων ἀπιδάνων καὶ ἀφυσίκων πραγμάτων ἦτοι ἀπεδείκνυεν αὐτὴν πλαστήν.

Ὅπως ἐν τούτῳ οὕτῳ καὶ ἐν ἄλλῳ ἐξελέγχεται ὁ Ἰλαρίων μιμητῆς καὶ μάλιστα ἀδέξιός τοῦ Θεοδώρου λ. χ. ὁ Θεόδωρος ἀποτεινόμενος πρὸς τὸν Μανουὴλ λέγει ὅτι

«σὺ δ' ἦς Μανουὴλ χριστομίμητος φύσις
χριστωνυμοῦσα παρὰ συλλαβὴν μίαν»

ἦτοι ἔχεις τὸ αὐτὸ ὄνομα ὃ καὶ ὁ Χριστὸς (Ἐμμανουὴλ) ἀφαιρέσει μιᾶς συλλαβῆς. Ὁ δὲ Ἰλαρίων λέγει Γ'. 372 κέξ.

«ὦ τῆς χριστομιμῆτου σου πολλῆς φιλανθρωπίας!
ὄντως τυγχάνεις, Μανουὴλ, θεὸς ἐπίγειός τε,
Ἐμμανουὴλ παμβασιλεῦ, παρὰ σαρανταπέντε·
καὶ γὰρ ἡ κλῆσις ἄνωθεν ἐδόθη φερωνύμως».

ἦτοι ὅτι εἶναι ἐπίγειος θεός, ὅτι εἶναι (οὐχὶ ὅτι ὀνομάζεται) ὁ αὐτὸς τῷ παμβασιλεῖ Χριστῷ, πλὴν τοῦ ἀριθμοῦ τεσσαράκοντα πέντε, ὅτι τὸ ὄνομα τὸ δοθὲν αὐτῷ προωρίσθη ὑπὸ τοῦ θεοῦ, ἵνα καθὼς εἶναι οὕτῳ καὶ νὰ ὀνομάζεται! Οὕτως ἀμφοτέραις ταῖς χερσὶ καταλαμβάνεται καὶ μέσος ἔχεται ὁ ἄκριτος μιμητῆς, ὅστις ἀγωνιζόμενος νὰ ὑπερβάλῃ τὸ πρωτότυπον περιπίπτει εἰς τοιαῦτα ὑπερβολικὰ καὶ γελοῖα. Πρόσθετες ὅτι καὶ βεβιασμένα εἶναι τὰ λεγόμενα ἀφοῦ ἡ ἐλλείπουσα συλλαβὴ ἐμ δὲν ἀποτελεῖ τὸν ἀριθμὸν πέντε καὶ τεσσαράκοντα, ἀλλ' ἡ μετατεθεῖσα με, ὥστε καὶ ἐν τούτῳ ἐγένετο χρεῖα βίας, ἵνα τὸ ἀσεβὲς ἀστεῖον δῆθεν καθορθωθῇ.

Κατὰ ταῦτα τὸ Α' καὶ Β' φαίνονται ἐνὸς καὶ τοῦ αὐτοῦ ποιητοῦ (πρβλ. Α. 70 «σὺ εἶσαι Πτωχοπρόδρομος κ' ἐγὼ ἤμην Ματσουκίνη» καὶ Β' 101 «Μὴ σὲ πλανᾷ, Πανσέβαστε, τὸ Πτωχοπροδρομαῖτον»). Ὅμοίως εἶναι καὶ τὸ Ε' καὶ ΣΤ' ἐνὸς καὶ τοῦ αὐτοῦ ποιητοῦ, ἄλλως τε καὶ ἀφοῦ ἀπλῆ παραλλαγή τοῦ ἑτέρου εἶναι τὸ ἕτερον, καθ' ἃ καὶ τὸ Δ' μικρὸν μόνον διαφέρει τοῦ Γ', καὶ προῆλθον ἢ ἐκ τινος μιμητοῦ διασκευαστοῦ, ἢ καὶ ἐκ τοῦ ποιητοῦ αὐτοῦ ἀποστειλαντος αὐτὰ πάλιν πρὸς τὸν αὐτὸν σκοπὸν βραδύτερον, ἀφοῦ μικρὸν μετέβαλεν αὐτά. Κατ' ἐμὴν γνώμην τὸ πρῶτον πιθανώτερον. Ἄν δ' ὅμως καὶ τὰ δύο τελευταῖα Ε' καὶ ΣΤ' ἀνήκωσιν εἰς ὃν καὶ τὰ δύο προηγούμενα, Γ' καὶ Δ', περὶ τούτου

οὐδὲν ἐξ αὐτῶν τῶν ποιημάτων δύναται νὰ ληφθῆ ἔσωτερικόν τεκμήριον, οὐχ ἦττον δυνατόν κάλλιστα νὰ ἔχωσι γραφῆ ὑπὸ τοῦ αὐτοῦ, πρότερον μὲν ὡς ἱεροσπουδαστοῦ καὶ λογιωτάτου ἐν τῇ πόλει διαμένοντος καὶ ἱερατικὰ φέροντος ἐνδύματα, διὸ καὶ ἐκαλεῖτο παππᾶς (πρβλ. ΣΤ' 277, 302), ἀλλὰ καὶ γραμματικός, νοτάρης, φιλόσοφος, διπλοκαλαμαρᾶτος (αὐτ. 349—50, καὶ 358—59), ἔπειτα δὲ εἰσελθόντος εἰς μονὴν καὶ αὐτόθι διαιωμένου. Ὁ ποιητὴς τῶν δύο τελευταίων διατείνεται ὅτι ἐμελέτησε πολλοὺς συγγραφεῖς, Λιβάνιον, Ὀππιανὸν κλπ., ὁ δὲ τοῦ Γ' καὶ Δ' ὅτι ὀλίγα γράμματα ἔμαθεν· πρβλ. 554 ποῦ με φελοῦν ὅτ' ἔμαθα κάμπόσα γραμματίτσια; Ἀλλὰ τοῦτο δύναται νὰ ἐρμηνευθῆ καὶ ἄλλως, τ. ἔ. ὅτι κατὰ τὰς διαφόρους περιστάσεις ὁ ποιητὴς τὸ αὐτὸ πρᾶγμα ἄλλοτε παριστᾶ σπουδαῖον καὶ ἄλλοτε σμικρὸν καὶ εὐτελές· ὅτι δὲ καὶ ὁ τοῦ Γ' ποιητὴς ἤξευρε τοῦλάχιστον κατ' ὄνομα τοὺς ἀρχαίους ἰατροὺς φαίνεται ἐκ τῶν στίχων 597. κέξ.

Ἄλλ' ἂν τὰ ποιήματα Γ' (Δ' Ε') καὶ ΣΤ' δύνανται οὕτω ν' ἀποδοθῶσιν ἐνὶ καὶ τῷ αὐτῷ, τὰ δύο πρῶτα (Α' καὶ Β') ὁμῶς ἀδύνατον.

Ἄλλ' ἴσως θὰ δυσχυρίζετό τις ὅτι παρὰ πάσας τὰς διαφορὰς ταύτας πάντα τὰ ποιήματα ταῦτα δυνατόν ν' ἀνήκωσι τῷ αὐτῷ ποιητῇ, ἂν μόνον ὑποτεθῆ δυοῖν θᾶτερον, ἤτοι α) ὅτι ὁ ποιητὴς τούτων δὲν ἐξιστορεῖ ἴδια παθήματα, οὐδὲ περιγράφει τὸν ἴδιον αὐτοῦ βίον, ἀλλὰ τὸν τῶν τάξεων τούτων, καὶ δὴ ὅτι πλάττει τύπους τοιούτων προσώπων καὶ σχέσεων· β) ὅτι κατὰ τὰς ἐπαιτικὰς ταύτας ἐπιχειρήσεις ἐφρόντιζεν νὰ ἐμφανίζηται ὑπὸ διάφορον ἰδιότητα, ἵνα μὴ γνωσθεῖς ὅτι ὁ αὐτὸς αἰεὶ λαμβάνει τὰ διδόμενα ταῦτα βοηθήματα στερηθῆ τοῦ λοιποῦ τούτων.

Ἄλλὰ κατ' ἀμφοτέρων τῶν ὑποθέσεων τούτων φαίνεται μοι ὅτι δύνανται νὰ ἀντιταχθῶσι λόγοι οὐχὶ ἄνευ σημασίας. Οὕτω λ. χ. ἀποδείκνυται ὅτι ὁ συντάξας τὰ ποιήματα Α' καὶ Β' Θεόδωρος ἦτο γνωστὸς τῷ ἡγεμόνι μισθοδοτούμενος μάλιστα τακτικῶς ὑπ' αὐτοῦ. Ἐν ἀρχῇ εὐθὺς ἐρωτᾶ τίνα ἀνταμοιβὴν νὰ προσενέγκῃ τῷ βασιλεῖ

«ἐξισουμένην πρὸς τὰς σὰς λαμπρὰς εὐεργεσίας
τὰς γινομένας εἰς ἐμὲ τοῦ κράτους σου παντοίας».

Ἔστι δὲν εἶχε ἄλλο τι:

εἰ μὴ τινὰς πολιτικοὺς ἀμέτρους πάλιν στίχους.

Ἔστι πρό τινος ἐπέστρεψεν ἐκ τῶν ἀνακτόρων κενός, στ. 123

«ὅταν ἐστράφην σάβουρρος ἀπ' ὠδε παρ' ἐλπίδα».

Ἔστι ἂν ἀποθάνῃ πρὸ τῆς ὥρας ὁ Πρόδρομος, ὁ βασιλεὺς δ' ἀπολέσῃ τὸν κάλλιστον εὐχέτην αὐτοῦ. Ἐν Β' 20—21 λέγει ὅτι ἐφοίτα συχνὰ εἰς τὰ ἀνάκτορα

«μὰ τὴν ἐξανεπήλπιστον πολλὴν πεζοπορίαν,
βαβαί τὴν πρὸς παλάτιον μέχρι τῆς ἐκκλησίας»,

καὶ ἐν 24 ὅτι δίδει μὲν ὁ βασιλεὺς πολλά, ἀλλὰ καὶ τὰ ἐξοδα εἶναι πλείονα, καὶ δὴ δὲν ἐπαρκεῖ.

Ἄλθῃς δίδεις με πολλά, πλὴν ἂν τα συμψηφίσω,
τετράμηνον οὐ σώζουσι με, ψυχοκρατοῦν οὐδόλως,
μεδίμνους σίτου δώδεκα ψυχροὺς καὶ ἀσβολωμένους,
καὶ οὐκ οἶδα πῶς χορτάζουσιν οἱ δεκατρεῖς τὸν μῆνα».

Καὶ στ. 62 κέξ.

ἤκουσας, πάντως ἤκουσας τὴν ἐξοδὸν τὴν ἔχω,
ἐδάρε μίξον ὁμαδὸν ἅπαντα τὰ λαμβάνω,
τὴν ῥόγαν, τὸ μνηστὸν μου, καὶ τὰς φιλοτιμίας μου,
τὰ ἐσώτυπα, τὰ ἐξώτυπα, τὰπέδω καὶ τὰπέκει,
καὶ τότε λογαριάσει με καλῶς καὶ εἰς τὰ με δίδεις;
καὶ ἂν μ' εὐρῆς χρώμενον κακῶς εἰς ταῦτα τὰ με δίδεις,
τότε καὶ κατονείδιζε, τότε κατὰκρινόν μοι

Εἰ δ' οὕτως κατακρίνεις με δίχα τινὸς αἰτίας,
ἀπὸ ὀχλήσεως τινῶν ἀνθρώπων χαιρεκάκων,
ἔνι καὶ κρῖμα καὶ κακόν, εἰκάζω καὶ ἁμαρτάνεις».

Καὶ ἐν στ. 101 κέξ. λέγει.

Ἄμῃ σε πλανᾷ, πανσέβαστε, τὸ Πτωχοπροδρομαῖον,
καὶ προσδοκᾷς νὰ τρέφωμαι βοτάνας ὀρειτρόφους·
ἀκρίδας οὐ σιτεύομαι, οὐδ' ἀγαπῶ βοτάνας,

Καὶ στ. 107.

Ἄνήλικον μὴ με κρατῆς μὴ προσδοκᾷς δὲ πάλιν,
ὅτι ἂν με δώσης τίποτε νὰ το κακοδικήσω».

Καὶ στ. 114.

καὶ τῶν ἐπαίνων στερηθῆς ὧν εἶχες καθ' ἐκάστην».

Δὲν φαίνεται ἄρα πιθανόν ὅτι τοιοῦτος ἄνθρωπος θὰ ἠδύνατο νὰ ἐμφανίζεταί πρό τοῦ βασιλέως ὑπὸ διάφορα ὀνόματα καὶ ἐπαιτῆ. Ἄλλ' οὐδὲ πλαστὰ φαίνονται μοι τὰ παθήματα καὶ ἱστορήματα ταῦτα· ὅτι σκηναί τινες δύνανται κάλλιστα νὰ ὑποληφθῶσι τοιαῦται, οὐδαμῶς νομίζω ἀπίθανον, εἶδομεν μάλιστα ἀνωτέρω ὅτι τὰ λεγόμενα ὑπὸ τοῦ Ἰλαρίωνος περὶ τοῦ κτύπου ἐν τῷ ὑπογείῳ, τῆς γαλῆς, τῆς ταχείας καταβροχθίσεως κλπ. πιθανώτατα εἶναι πλαστὰ· ὅτι δὲ τοιαῦτα πλαστὰ θέματα καὶ γυμνάσματα ἀρχαίῳθεν δι' ὄλων τῶν αἰῶνων μέχρι τῆς Ἀλώσεως ἐν ταῖς σχολαῖς ἐδιδάσκοντο καὶ ἐτελοῦντο, ἐπίστανται πάντες. Ἄλλὰ παρὰ πάντα ταῦτα δὲν τολμῶ νὰ κατατάξω τὰ περὶ ὧν ὁ λόγος ποιημάτια εἰς τὴν τῶν πεπλασμένων τάξιν.

Πρῶτον μὲν διότι τὰ περὶ ὧν ὁ λόγος παθήματα φαίνονται οὕτω κατὰ φύσιν ἐζωγραφημένα ὥστε εἶναι τρόπον τινὰ βοῶσαι ἀλγηδόνες, ὡσεὶ ἐγράφοντο ὑπὸ τινος τῶν νῦν ὁπαδῶν τῆς λεγομένης πραγματικῆς σχολῆς· οἱ χρόνοι δ' ἐκεῖνοι δὲν ἦσαν κατάλληλοι νὰ γεννήσωσι τοιοῦτους πιστοὺς καὶ ἀκριβεῖς τῆς φύσεως καὶ τῶν ἀνθρωπίνων πραγμάτων ζωγράφους. Ὁ Θεόδωρος γράψας τὰ κατὰ Ῥοδάνθη καὶ Δοσικλέα ὑπελείφθη πάμπλου τῶν παλαιότερων προτύπων αὐτοῦ καὶ ἰδίᾳ τοῦ Ἡλιοδώρου, καὶ ἔπειτα ἐμελλεν αὐτὸς οὕτος νὰ φανῆ πρωτότυπος ἐν τῷ εἶδει τούτῳ καὶ πρὸς τούτοις ἐξαίσιος ζωγράφος συγγραφεύς!

Δεύτερον δὲ καὶ κυριώτερον, διότι πάντα ὅσα ἀνωτέρω κολακικώτατα παρετέθησαν ἐκ τοῦ Ἰλαρίωνος φαίνονται παντάπασι παράλογα, ὑποτιθεμένης τῆς πλαστότητος αὐτῶν· μόνος ὁ πραγματικὴν ἀνάγκην ἔχων εἶναι φυσικὸν νὰ λέγῃ πρὸς τοὺς ἰσχυροὺς, ὅτι ἐν αὐτοῖς ἐγκατώκησεν ἢ τοῦ θεοῦ πρόνοια καὶ ἢ τοῦ Σολομῶντος ἄρρητος θεόσοφος σοφία, ἢ ὅτι εἶναι θεὸς ἐπίγειος, διαφέρων τοῦ ἐν οὐρανοῖς θεοῦ κατὰ τὸν ἀριθμὸν τεσσαράκοντα πέντε (Ἐμ-μανουήλ Μανουήλ), καὶ ὅτι τὸ ὄνομα τοῦτο ἐδόθη ἀνωθεν κτλ. κτλ.

Ἄλλ' ἂν τὰ ἐν τοῖς δυοῖν πρώτοις ποιήμασι καὶ τὰ ἐν τοῖς ἀκολούθοις τέσσαρσι λεγόμενα στηρίζωνται ἐπὶ πραγμάτων, ἂν περιγράφωσι τὸν πραγματικὸν βίον τοῦ ποιητοῦ (περὶ τῶν δυνατῶν ἢ μᾶλλον πιθανῶν ὑπερβολῶν οὐδεὶς λόγος), τότε ἀνάγκη ἀπόλυτος νὰ χωρισθῶσι τὰ ἔργα ταῦτα καὶ ἀποδοθῶσι τὰ μὲν δύο πρῶτα εἰς τὸν Θεόδωρον Πρόδρομον, τὸν καὶ ἄλλοθεν γνωστὸν ἡμῖν, τὰ δὲ λοιπὰ τέσσαρα ἄλλῳ τινὶ Ἰλαρίωνι συγγενεῖ ἴσως, νεωτέρῳ δ' ὅμως πάντοτε τοῦ προηγουμένου. Ἄν ἀληθεύῃ ἢ εἰκασίᾳ ὅτι ὁ Ἰλαρίων οὗτος ἦτο συγγενὴς τοῦ Θεοδώρου, τὸ Πτωχοπρόδρομος θὰ ἦτο τὸ οἰκογενειακὸν ἀμφοτέρων ὄνομα· πάντοτε δ' ὅμως πρόκεινται ἔργα δύο διαφόρων ἀνθρώπων.

Β΄.

Γλωσσικαὶ ἀποδείξεις τῆς διαφορᾶς.

Περὶ τῶν ἐξωτερικῶν τούτων διαλαμβάνοντες τεκμηρίων παρελίπομεν μέχρι τοῦδε ἀνεξερεύνητον τὴν γλῶσσαν τῶν ποιημάτων τούτων, ἣτις μάλιστα πάντων δύναται καὶ ὀφείλει νὰ παράσχη ἀναμφισβητήτους ἀποδείξεις τῆς διαφορᾶς, καθὼς προκειμένου περὶ τῆς διαφορᾶς τοῦ ποιητοῦ τῆς Ἀλώσεως ἀπὸ τοῦ ποιητοῦ τοῦ θανατικοῦ ἐν τῷ περιοδικῷ τοῦ κ. Krumbacher, τόμ. Γ΄ 581 κέξ. ἐγένετο. Καὶ εἶναι μὲν ἀληθές ὅτι ἐν ἐκείνοις τὸ ἔργον ἦν εὐκολώτερον, διότι καὶ οἱ χρόνοι καὶ οἱ τόποι διέφερον καὶ αἱ πολιτικαὶ τούτων σχέσεις καὶ καταστάσεις πολὺ συνετέλουν εἰς τὴν ἀνάπτυξιν γλωσσικῶν ἀπτῶν διαφορῶν, ἐνῶ ἐν τούτοις καὶ ὁ τόπος εἶναι ὁ αὐτός καὶ οἱ χρόνοι μικρὸν βεβαίως ἀπέχουσιν ἀλλήλων καὶ πρὸς τούτοις πολιτικαὶ μεταβολαὶ δὲν ἐπῆλθον ἐν τῷ μεταξύ χρόνῳ· πρὸς δὲ τούτοις πολλαὶ τῶν ἐκεῖ παρατηρουμένων διαφορῶν αἰτίαν εἶχον ὅτι καὶ ἐν τῇ λαλουμένῃ τότε γλώσσῃ εἶχον ἀναπτυχθῆ καὶ κατισχύσει, ἐνῶ ἐν τούτοις αἱ παρατηρούμεναι διαφοραὶ δὲν ὀφείλονται εἰς τὴν ἐν τῷ μεταξύ χρόνῳ γενομένην ἀνέλιξιν τῆς λαλουμένης τότε γλώσσας, ἀλλ' εἰς τὴν μείζονα ἢ ἐλάσσονα ἐμπειρίαν ἣν οἱ γράφοντες εἶχον τῆς ἀρχαίας γλώσσας. Ἄλλ' ὅπωςδὴποτε καὶ ἂν εἶναι, προσεκτικὸς ὀφθαλμὸς καὶ μεθοδικὴ ἔρευνα οὐκ ὀλίγας οὐδ' ἀσημάντους εὕρισκει μεταξύ τούτων διαφορᾶς. Ταύτας ὁ αἰδιδιμος Κοραῆς, ἐπειδὴ μόνον τὸ Γ΄ καὶ τὸ ΣΤ΄ ἐξέδωκεν, ἦτοι ἔργα μόνου τοῦ Ἰλαρίωνος, δὲν ἠδύνατο νὰ παρατηρήσῃ· οἱ δὲ κατόπιν ἀφροντιστήσαντες δὲν ἐξήτασαν τὰς ὑπαρχούσας ἐν τούτοις γλωσσικὰς διαφορᾶς. Συνέβη δὲ καὶ ἄλλο τι κώλυμα ἐπιπροσθοῦν εἰς τὴν ἔρευναν καὶ ἐξεύρεσιν τούτων, ὅτι τὰ μὲν τοῦ Θεοδώρου ποιημάτια ἐξεδόθησαν ἐξ ἀντιγράφου παλαιότερου (τοῦ 13-ου αἰῶνος), τὰ δὲ τοῦ Ἰλαρίωνος ἐκ δύο νεωτέρων (τοῦ 15-ου)¹⁾. Ἐντεῦθεν ἔρευνα μονομερῆς, ἅτε ἐν ἐλαχίστοις μόνον φαινομένοις περιοριζομένη (ἐν τισὶ πτώσεσι καὶ ἐν τῷ ἄρθρῳ), καὶ δὴ ἀμέθοδος ἠδυνήθη εὐκόλως ν' ἀπατηθῆ ὥστε καὶ τὰς ὀλίγας παρατηρηθεῖσας διαφορᾶς ν' ἀπονεύμῃ οὐχὶ τοῖς ποιηταῖς ἀλλὰ τοῖς μεταγραφεῦσι, λόγῳ ὅτι τὰ νεώτερα ἀντίγραφα παρέχουσι μεταβεβλημένην τὴν χεῖρα τοῦ ποιητοῦ, δι' αὐτὸ καὶ μόνον διότι εἶναι νεώτερα. Ἄλλ' ἂν μὴ σφάλλωμαι, ἡ θεωρία αὕτη,

1) Ἐν τῷ κατωτέρῳ μνημονευθησομένῳ βιβλίῳ τοῦ κ. C. Neumann σελ. 44 σημ. 1 λέγεται ὅτι τὸ ποίημα Γ΄ (παρὰ Legrand = Β΄ παρὰ Κοραῆ) εὕρισκεται ἐν Ἑλληνικῷ κώδικι τῆς Οὐατικανῆς βιβλιοθήκης ὑπ' ἀριθ. 579 σελ. 366—371 ἑλλιπές ἀπὸ τοῦ στίχου 610 κέξ., μετὰ πολλῶν παραλλαγῶν ἀπὸ τοῦ Παρισίνου ἀντιγράφου.

ἀληθεύουσα καθόλου εἶπεῖν ὡς πρὸς τοὺς ἀρχαίους, δὲν εἶναι κατὰ πάντα ἀσφαλῆς ὡς πρὸς τοὺς μεσαιωνικοὺς συγγραφεῖς. Διότι βεβαίως τὰ κείμενα τῶν ἀρχαίων, ἅτινα σφόδρα ἀνεγινώσκοντο καὶ ὧν διὰ τοῦτο ἐγίνοντο πολλὰ ἀδιαλείπτως ἀντίγραφα καὶ ταῦτα ἐξ ἄλλων ἀντιγράφων, φυσικὸν ἦτο νὰ φέρωνται ἤττον λελωβημένα ἐν τοῖς παλαιότεροις ἀντιγράφοις ἢ ἐν τοῖς νεωτέροις· ἀλλ' ἔργα ὅποια τὰ περὶ ὧν ἡμῖν ὁ λόγος ἀναμφιλέκτως ὑπ' ἐλαχίστων ἀνεγινώσκοντο καὶ ὑπ' ὀλιγωτέρων ἔτι ἀντεγρόντο· λοιπὸν ἂν ἅπαξ ἢ δις μόνον ἐγένετο ἡ ἀντιγραφή τούτων καὶ αὕτη ἴσως ἐξ αὐτοῦ τοῦ πρωτοτύπου, τότε μικρὰν μόνον δύναται βεβαίως νὰ ἔχη σημασίαν, ἂν κατὰ τὸν 13-ον ἢ κατὰ τὸν 15-ον ἐγένετο, ἀρκεῖ μόνον ὅτι ὑπὸ Ἑλλήνων καὶ πρὸ τῆς ἐκβαρβαρώσεως ἀντεγράφησαν.

Ἔτι δὲ ταῦτα οὕτως ἀληθῶς ἐν τῷ παρόντι ἔχουσι καὶ δὴ ὅτι οὐχὶ πᾶσαι αἱ διαφοραὶ μεταξὺ τῶν ποιημάτων τοῦ Θεοδώρου (Α' καὶ Β') καὶ τῶν τοῦ Ἰλαρίωνος (Γ' Δ' Ε' ΣΤ') ἀποδοτεῖται τοῖς μεταγραφεῦσιν, ἀποδεικνύεται περιφανῶς διὰ τούτου ὅτι τῶν διαφορῶν τούτων μέρος μὲν τι δύναται ὄντως νὰ μεταβληθῆ καὶ ἐξαφανισθῆ ἄνευ βλάβης τοῦ μέτρου, μέρος δ' ὅμως ὑποστηριζόμενον ὑπὸ τοῦ μέτρου ἐλέγχεται γνησιώτατον. Λοιπὸν 1) ὁ Θεόδωρος τὰς προστακτικὰς τοῦ ἐνεργητικοῦ ἀ' ἀρίστου σχηματίζει κατὰ τὸν ἀρχαῖον τρόπον εἰς—ον οὐχὶ εἰς—ε (πλὴν τριῶν, τῶν δημωδῶν πιάσε Α' 165 καὶ λογάρισε Β' 66 καὶ τοῦ αὐτολεξεῖ ὅπως ὑπὸ τῆς γυναικὸς ἢ τῶν ὑπηρετῶν ἐξενεχθέντος, «λάλησε τὸν σικυαστήν» Β' 54), καὶ τὸ β' ἐνικὸν πρόσωπον τούτου εἰς—ας οὐχὶ εἰς—ες (πλὴν ἐνός ἅτε σφόδρα μεταβεβλημένου καὶ ἄλλως, τοῦ ἐποῖτες Α' 46), καὶ τοὺς μέσους ἀρίστους ὁμαλῶς. Ὅμοίως τὰς αἰτιατικὰς πληθυντικὰς αἰεῖ εἰς—ας οὐχὶ εἰς—ες. Πρὸς δὲ τούτοις ὀρθογραφεῖ κατὰ τὸν ἀρχαῖον τρόπον φθ, χθ, πτ, κτ, νθ, γχ, μφ, σθ κτλ. κανονικώτατα· πρβλ. Α' 61 χάρισον, πώλησον, 165 ῥίψον, 166 (ἀ)πόλυσον, 167 πόδησον, 168 σκόνταψον, 170 ἀγρίωσον, δεῖξον, 171 στράβωσον, βρύξον, 195 κατᾶλειψον. Β' 63 μῖξον, 68 κατᾶκρινον· πρβλ. καὶ ἀνάστηθι Α' 169. Α' 45 προσέδηκας, 46 ἔρραψας, 47 ἐφόρεσας, 84 ἠλλαξας, 85 ἐξεκεράμωσας, 86 ἐκάλεσας, 87 ἠγόρασας, 145 ἠπλωσας, 146 ἐπεκύρωσας, 147 ἐξεστράγγισας, Β' 62 ἠκουσας. Ὅμοίως Α' 63 δέξωνται, 45 ἐπεκτήσω, 71 ἐκοιμῶ, 85 ἀνερράψω, 114 παρεστησάμην, 116 συνεγραψάμην, 137 ἀπήρξατο, 190 ἠρξατο, 182 ἀπηρξάμην, 185 δραξαμένη, 202 ἀρξάμενος, Β' 86 φεῖσαι. Α' 3 τὰς σὰς λαμπρὰς εὐεργεσίας, 4 τὰς γινομένας... παντοίας, 9 τινὰς, 10 παίζοντας, ἀναισχυντῶντας, 24 πιθανο-

λογίας, 34 τὰς ἀπειλάς, 65 τὰς θυγατέρας, νὰ τὰς... 121 φληναφίας, 221 τοὺς παῖδας πάντας, 256 τοὺς παῖδας, 266 τὰς χεῖρας. Β' 13 σερφετίας, 8 πολιτογραφίας, 92 ἀστέρας, 102 καὶ 103 βοτάνας, 103 ἀκρίδας. Ἐπειτα Α' 35 φθάσει, 42 μοχθηρίαν, 51 δακτυλίδιν, 53 κατακόπτουσι, 57 κόπτομαι, 68 ὑποληπτική, 69 πτωχός, 76 συνεπτώθη, 78 καταπίπτουσιν, 86 τέκτονα, 88 αὐθέντην, 76 ἡφ' ε νίσθησαν, 92 μοχθῶ, 103 κολυμβᾶν, κολυμβητής, 152 ἐκ τὸ σπίτιν μου, 170 ὀφθαλμούς, 180 λανθάνει, κρύπτεται, 183 ἡγανάκτησα, 188 χαυνίζει, 191 ἐκβαίνει, 210, 240 συνήχθησαν, 214 φθάσας, 216 κρυπτῶς, 217 κορεσθεῖς, 247 ἐτυλίχθη, 271 φθάση, 273 φονευθῶ, 274 εὐχέτην. Β' 1 καὶ 6 αὐθέντα, 4 ἀναριθμήτοις, 15 εὐθείας, 22 προσθήσω, 46 ἀλειπτούτσικα, 49 ἐμβαίνω, 57 ἐπαρεκλάσθη ἡ θύρα μας, 79 ἀφθόνως, 82 λιμαγχονημένοι, 101 (καὶ 70) Πτωχοπρόδρομος, 111 φθασάτω.

Παρά τῶν Ἰαρίωνι δὲ τάναντία, καὶ ἡ προστακτικὴ σχηματίζεται εἰς—ε, καὶ ἐνίοτε εἰς—ον, καὶ τὸ β' ἐνικὸν πρόσωπον εἰς—ες, καὶ ἐνίοτε εἰς—ας, καὶ αἱ πληθυντικαὶ εἰς—ες καὶ εἰς—ας, καὶ οἱ φωνητικοὶ νόμοι καταπατοῦνται πολλάκις καὶ ταῦτα πάντα ἄνευ τινός νόμου. πρβλ. Γ' 51 (ἀ)γόρασε, 110 παῦσε, 111 φτειάσε, 112 σπούδασε, φτάσε, 114 ἐρώτησε, 116 λοῦσε, 118 τρῖψε τάρασσε, 119 γέμισε παράχυσε, 431 'κάτσε, 481 φρύξε, 488 σφίξε, 523 διῶξε, 568 ποῖσε (πρβλ. καὶ βόθα Γ' 104), ΣΤ' 120 ἀγόρασε, 172 κέντησε, περιμάζωσε, 173 ῥάψε, ἔπαρε, 253 σῶπασε, 279 ἀγόρασε, 349 κάθισε. Καὶ Γ' 66 ἐπλήρωσες, 88 ἡγόρασες, 107 ἀπέγδαρες, πρβλ. καὶ πουλιέται Γ' 115.

Ἐπειτα Γ' 73 τὲς κουροῦνες, 176 μεγάλες ἀθερίνες, 238 παλαμύδες, 239 ἀγαπήσάν τες καὶ μαγερεύασίν τες, 241 τὲς ἐχόρτασαν, 246 παλαμύδες ποταπές σαχνὲς καὶ βρωμισμένες, 247 αὐτές, 248 νὰ τες εὔρισκα ἔτρωγά τες, 251 καλὲς, 433 φιλομηλες, ΣΤ' 101 τὲς τέσσαρες γωνίες, 201 κυρᾶδες χειρομάχισες καλοχοδέσποινες, 204 καλοχοδέσποινες δκάποσες, 219 ἀρχόντισσες. Καὶ Γ' 69 τὰς φτερνιστήρας, 87 ψουνίζει καὶ 132 ψουνίσουν (ἐν Β' 31 τοῦ Θεοδώρου κεῖται ὀψώνιν), 84 ψαθὶν παρὰ Θεοδώρῳ Α', 71 ψιαθὶν, 94 θωρεῖς καὶ 567 θωροῦσι (Α' 228 θεωρεῖς), 105 κόφτε, 103 καὶ 107 γδάρη, 111 φτειάσε, 112 φτάσον, 115 πουλιέται, 119 ἄς ἐβγω, 147 σαποῦνιν (παρὰ Θεοδώρῳ Β' 34 σαπώνιν), 149 καὶ 152 ἐβγω καὶ ἐβγαίνω, 126 σχύφτω, 185 νὰ μπῶ, νὰ βγῶ,

187 σφίζω, 193 ὑπεραθνίζον ἀντί ὑπερατμίζον (καὶ ἐν Δ' 194 ὑπεραθμίζον), 298 πάλε, 199 ἀδότυρα, 200 φούκταν (ἐκ τοῦ πυκτή), 209 ἁρίστην, 68 χερονόμους, 235 χερότερον, 360 καὶ 527 καλόγερος, 47 καὶ 473 συντυχαίνης, 76 λαχαίνει, 385 κουρταλίζουν ἀντί κροταλίζουν, 426 γοφάρια, 430 σκουλήκια, 431 κάτσε, ΣΤ' 72 καλοχτένιστος, 131 ὀφτόν, 183 τριφτούτσικον, 199 πιπεροτρίφτας, 215 μουχτερόν, 213 σευκλογούλια, 215 θρέφει (παρὰ Θεοδώρῳ Β' 102 τρέφωμαι), 225 ναύκληρος, 372 πέφτω.

2) Παρὰ τῶ Ἰλαρίωνι παρατηροῦνται βιαιότεραι ἀποβολαὶ συλλαβῶν ἐκ τῆς ἀρχῆς καὶ τοῦ μέσου τῶν λέξεων, καὶ καθόλου τοιαῦται ἀλλοιώσεις, οἵαι καθόλου εἶπειν δὲν ἀπαντῶσι παρὰ τῶ Θεοδώρῳ πρβλ. Γ' 94 πενήντα, 103 νὰ ἄδάρη, 104 βόθα, 110 νὰ τρώς, 112 νὰ πὰς, 181 νὰ πῆρεν, 209 νὰ ἁρίστην, 238 πρόπερσι, 260 ἀφοῦ δὲ δῶ, 333 τὸ βαγγέλιον, 475 βγενικόπουλον, 572 τὰ Βγενίου, 325 περπάτει, 342 ἴστακούς, 348 καὶ πωρικά, 400 τὸ μάτιν (παρὰ Θεοδώρῳ Α' 46 ἰμάτιον καὶ 50 ἰμάτιν), 385 κροῦσιν (ΣΤ' 182 πῶς ἀκοῦς), νὰ τὸ πιτύχη 429, νὰ τὸ φάσιν 430, 466 με λοκοτίνιν (καὶ ΣΤ' 313), 488 τὰ δόντια, 506 ἄς πῶ, 554 ποῦ με φελοῦν, 586 ἀτός του, 613 τὰ γόνατά μου ἴσθένησαν ΣΤ' 242 πεδυμᾶς, 245 μπηγοματσούκης, 366 ποκάμισον, 369 τὸ διῶμαν, 370 πάγω κτλ. Τὸ παρὰ Θεοδώρῳ Α' 124 στήκει εὐρίσκεται καὶ ἐν τῇ Νέα Διαθήκῃ. Τὸ νὰ εἶχε καταστῆ τότε σύνηθες καθὰ καὶ τὸ με ἀντί μετὰ, καὶ κυρὰ ἀντί κυρία. Καὶ ἡ συγχώνευσις τῶν δύο ὁμοίων φθόγγων εἰς ἓνα, οἷον ποίσω Α' 154, ἐποῖκες 147, ἐποῖκεν 128, κακοδικήσω ἀντί κακοδιοικήσω Β' 108, χρσοχοὶ ἀπὸ τοῦ χρυσοχός ἀντί χρυσοχός Β' 88, ἦ οὐ θελ' ὀψώνιν Β' 31, τ' ὀσπίτιν Α' 90 κττ. δὲν δύνανται νὰ θεωρηθῶσι μεγάλα ἀνωμαλία, διότι ταῦτα εἶχον ἀπὸ αἰῶνων ἐπικρατήσαι (πρβλ. Einleitung in die Ngr. Grammatik). Μείζων ἀνωμαλία φαίνεται ἐν τῶ πόλυσον 166, ἐκάτσεν Α' 199, ἐκάτσα 233, νὰ φάμεν αὐτ. 243. Ἀλλὰ καὶ πάλιν ταῦτα φαίνονται ἐλάχιστα ἀπέναντι τῶν τοῦ Ἰλαρίωνος.

3) Ὅμοίως μετασχηματίζει τὰ θέματα τῶν ἐνεστώτων ὁ Ἰλαρίων δεινῶς πρβλ. Γ' 390 στάσσει (καὶ ΣΤ' 241 σύνασσε), 262 φέρνει, 380 γεμόζουσιν, 400 σύρνω (καὶ ΣΤ' 351 σύρνει), 381 βάνουσιν καὶ ΣΤ' 375, 376, 489 κάμμουζε, 512 ἀναισχυντίζη, 516 καὶ 521 κατηχίζει, ΣΤ' 373 παθάνω κτλ. πρβλ. καὶ βόθα καὶ πουλειέται καὶ μασσοῦμαι Γ' 275 καὶ διώχω ἔδιωχες 73, 503 κτλ., ἔπειτα Δ' 103 νὰ ἐκδέρνη, ΣΤ' 126 ἐπαίρνει, 242 πεδυμᾶς, 372 τυλίγομαι. Ταῦτα καὶ

τὰ τούτοις ὁμοια μάτην ζητεῖ τις παρὰ τῷ Θεοδώρῳ· πρβλ. ὁμοίως τὰ κακῶς ἠΰξημένα παρ' Ἰλαρίωνι, Γ' 454 καὶ 462 ν' ἀνήβω καὶ ν' ἀνέβω κτλ. ἄτινα φαίνονται ἀλλότρια τοῦ Θεοδώρου (ἐν μόνον τοιοῦτον ἔχει ὁ Θεόδωρος, τὸ νὰ σε ξεσφονδυλίση Α' 163 πρὸς ὃ παραβάλλεται τὸ τοῦ Ἰλαρίωνος Γ' 279 ἐξεπέση).

Ἄλλ' ἂν τῶν διαφορῶν τούτων πολλὰ δύνανται ν' ἀποδοθῶσι τοῖς μεταγραφεῦσιν, ὑπάρχουσιν ὁμῶς ἄλλαι, αἱ, καθὰ εἶπον, ὑποστηριζόμεναι ὑπὸ τοῦ μέτρου ἀποδείκνυνται γνήσιον κτῆμα αὐτοῦ τοῦ ποιητοῦ. Οὕτω.

4) κρῶ=κρούω Γ' 439, κρού=κρούει ΣΤ' 357, ἔπειτα περπαπάτει, πρόπερσι, νὰ τρῶς, νὰ πάς, ἀναισχυντίζει, κατηχίζει, ἀκούς, ἄκου, ἄς πῶ, λοκοτίνιν ἀτός του κλπ. Καὶ αὐτὸ τὸ καθολικὸν σήμερον δὲν εὐρίσκομεν παρὰ τῷ Ἰλαρίωνι, οὐχὶ δὲ παρὰ τῷ Θεοδώρῳ. Καὶ δύναται μὲν τις ἐν τισὶ χωρίοις νὰ θεραπεύσῃ διὰ τῆς ὀρθογραφίας τὸ πρᾶγμα, λ. χ. Γ' στ. 152

«καὶ κἂν μὴ θέλω, δέσποτα, στανεό μου δὲν ἐβγαίνω»

ἀνθ' οὐ καὶ μ'. οὐδὲν καὶ μου ἴδεν δύναται νὰ γραφῇ, ἀφοῦ κανονικῶς δύο ὁμοιοὶ φθόγγοι συγχωνεύονται εἰς ἓνα. Ὅμοίως ὁ στ. Γ' 234

«καὶ πρήσκειται ἡ κοιλία μου· τὰ δ' ἄλλα δὲν τὰ λέγω»

θεραπεύεται εὐκόλως διὰ τῆς γραφῆς τὰ δ' ἄλλα ἴδεν τὰ λέγω, διότι τὸ ἀσθενὲς οὐ μετὰ τὸ ἰσχυρὸν α ὤφειλε νὰ ἐκβληθῇ. Καὶ ὁ στιχ. ΣΤ' 276 «τ' ἐδῶ δὲν ἔχεις τόπον», ὁμοίως οἰκονομεῖται γραφομένος τ' ἐδῶ ἴδεν... διότι καὶ ὁ φθόγγος ο εἶναι ἰσχυρότερος τοῦ ου.

Ἄλλ' ἂν οἱ στίχοι οὗτοι θεραπεύονται οὕτως, ὑπάρχουν ἄλλοι οἱ διὰ τοῦ μέτρου ὑποστηριζόμενοι διδάσκουσιν ὅτι ὁ Ἰλαρίων ἀπήγγελλε καὶ ἔγραψε δὲν καὶ δὴ εἶναι γνησιώτατον· πρβλ. Γ' 245

«παρὰ μικρὸν δὲν ἔλειψεν ἵνα μὲ θανατώσουν».

ΣΤ' 71 «αὐτός ὅτ' ἂν ἐμάνθανεν, ποτὲ δὲν ἐκτενίσθη».

278 «μὴ βλέπης τὸ ἀπάκιν μας, δὲν εἶσαι σὺ διὰ τοῦτο».

5) Ἐνεργητικούς παρατατικούς συνηρημένους εἰς—ουσαν καὶ παρωχημένους εἰς—ασιν μόνος ὁ Ἰλαρίων γράφει, οὐχὶ δὲ καὶ ὁ Θεόδωρος, πρβλ. Γ' 138 ἄς με παραχωροῦσαν, 239 μαγειρεύασιν τες, 242 ἐκόπτασιν, 272 ἄς ἐπουλούντασιν, ΣΤ' 88 παρεδώκασιν, 221 νὰ ἔχασιν, 303 ἀδικούσαμεν, 305 ἠθέλασιν, καὶ Γ' 324 ἄς ἐγεμιζασιν, 366 ἐκρίνασιν, 438 ἐθέκασιν, ΣΤ' 305 οὐκ ἠθέλασιν, 318 μὲ δίδασιν, 335 ψήνασιν. Ταῦτα δὲ καθὼς καὶ τὰ μνημονευθέντα ἀναισχυ-

τίζει, κατηχίζει κτλ. αποδεικνυνται γνησιώτατα, και διά τούτο ουδεις δύναται να εκβάλη αυτά.

6) Όμοίως τούτοις βεβαιούνται υπό του μέτρου και άλλαι διαφοραι, λ. χ. ή μετακίνησις του τόνου χάριν του μέτρου, πρβλ. Γ' 184 να γέρθω, 229 κόλλειται άντι κολλοῦται, 379 μετρῶν, 457 τί δίδουν, 592 ὀλιγόν, 601 να γέρθῃ, ΣΤ' 47 ἤρχομην, προνοία, ἄτινα μάτην τις θά ἐξήτει παρά τῷ Θεοδώρῳ, διότι οὔτος ὦν ἐμπειρότερος τῆς Ἑλληνικῆς γλώσσης, ὅπως αποδεικνύουσι και τὰ πολλὰ ἐν τῇ ἀρχαίᾳ Ἑλληνικῇ συντεταγμένα αὐτοῦ ἔργα, ἡδύνατο να στιχουργῆ εὐχερῶς και να μὴ βιάζῃ και διαστρέφῃ οὔτω τὴν γλῶσσαν.

7) Ὁ Ἰλαρίων ἦτο ἀμαθέστερος του Θεοδώρου διὸ παρά τὰ κοινὰ και καθημαξευμένα κάτσε, ἄκου, κρῶ, θρέφει, κουρταλιζῶ, σκουλήκια, τάχατε (Γ' 307 και ΣΤ' 156 και 372), σῶπασε (ΣΤ' 253), βιτσεάς 283, άντις νερόν 285, 286, ἀμμή 325, ζουμίν (ὁ Θεόδωρος ἐν Α' 264 ζωμόν), μακάρι, πάλε 248, κλαίγω ΣΤ' 85, οὐδὲν ἐβλέπεις Δ' 86, μαθόν Γ' 276, κυρᾶδες 201, ὀκάποσες 204, προσφάν 307, αὐτοῦνον 360, ἐξεπέση, ψαθίν, βόθα, σφίξω, μουχτερόν, ἀθότυρα, φούκταν, θωρεῖς κτλ. κτλ. γράφει και τινα Ἀττικώτατα, λ. χ. πρόσσχες πολλάκις, να δῶ; Γ' 90, ἐκδιδόασιν 352, προτιθέασιν 357, ἔρχεται λέξων ὁ λόγος 29, ΣΤ' 47 λέξων ἤρχομην κτλ. ἡ ἀποτολμᾶ σύνθετα τερατώδη και ἄλλα ἄντικρυς σφάλματα και ἄλλα γελοῖα πράγματα· πρβλ. ΣΤ' 68 και φόρειν το μονάλλαγος χειμῶν και καλοκαίρι, 5 ἀνακρατορίας, 381 κράτος τρικράτιστον και 397 τρισκρατίστῳ κράτει, 389 φιλεύσπλαγχνος, φιλότεκνος, φιλοίκτωρ, φιλοικτίρμων, 381 ἀπὸ παπποτερόθεν πάντως ἐπὶ τῆς σημασίας του πατρόθεν και παππόθεν, τετραυγουστομόρφῳ, ληρομουθουργίας, ἤλυθα, σκηπτροκρατορίας Δ' 2, Γ' 603 τῷ κράτει σου τῷ μέγα, τῇ κέλλῃ συνελθόντες ΣΤ' 296 κτλ. κτλ. Πάντα τὰ τοιαῦτα ἀγνοεῖ ὁ Θεόδωρος, οὔτινος ὁ λόγος καθόλου εἰπεῖν καθαρεύει τούτο μὲν χυδαῖσμων, τούτο δὲ ἀρχαιοπινῶν λέξεων και συντάξεων.

Αἱ γλωσσικαὶ ἄρα ἀναμρισητήτως γνήσιαι διαφοραὶ αὐται διδάσκουσιν ὅτι και αἱ ἄλλαι, ὅσαι υπό του μέτρου μὴ ὑποστηρίζονται, δύνανται κάλλιστα να εἶναι, και εἶναι, ἐπ' ἴσης γνήσιαι, οὐδ' ὀφείλονται, τοῦλάχιστον οὐχι πᾶσαι, τοῖς μεταγραφεῦσιν, ὅπως ἐλέχθη. Θελήσῃ δὲ μηδεις ν' ἀπονείμῃ πάσας τὰς γλωσσικὰς διαφοράς, ταύτας ἐνὶ και τῷ αὐτῷ ποιητῇ διατεινόμενος ὅτι ἴσως οὔτος σὺν τῷ χρόνῳ μετέβαλε τρόπον του γράφειν, ὅτι ἴσως οὔτος σὺν τῷ χρόνῳ ἀδιαλείπτως γράφων τὴν ἀπλουστέραν ταύτην γλωσσικὴν φάσιν, ἦν καθ' ἐκάστην περὶ ἑαυτὸν ἤκουε και ἦν και οὐ-

τος ἐλάλει, κατέστη κατὰ μικρὸν τολμηρότερος καὶ δὴ παρελάμβανεν ἐκ τῆς λαλουμένης πλείονα καὶ μᾶλλον μεταβεβλημένα στοιχεῖα. Διότι ὁ Θεόδωρος Πρόδρομος ἦτο λόγιος τῶν μάλιστα πολυγράφων τῶν χρόνων αὐτοῦ, μετεχειρίζετο δ' ἐν τοῖς πολυπληθέσιν αὐτοῦ συγγράμμασι τὴν κοινήν, ὅποια τότε ἐν τῷ γραπτῷ λόγῳ συνηθίζετο. Δὲν φαίνεται δ' εὐκόλον οὐδὲ πιθανόν, ὅτι ἀνὴρ τῆς ἀρχαίας γλώσσης ἱκανῶς ἔμπειρος, ὁποῖον τὸν Θεόδωρον ἐλέγχουσι τὰ πολλὰ θεολογικὰ καὶ γραμματικὰ κλπ. συγγράμματα αὐτοῦ, ἀνὴρ εὐχερέστατα πλέκων στίχους, ὅπως τὰ ποιηματικά αὐτοῦ ἔργα μαρτυροῦσιν, ἀνὴρ διὰ παντός τοῦ βίου αὐτοῦ μεταχειριζόμενος τὴν ἀρχαίαν, ἠδύνατό ποτε νὰ περιέλθῃ εἰς τοιαύτην κακοδομίαν ὥστε νὰ στρεβλοῖ τὴν γλῶσσαν οἰκτρῶς (πρβλ. τῷ μέγα, ἀνακρατορίας κλπ.). Καὶ σημειωτέον ὅτι τὴν στρέβλωσιν ταύτην δὲν διέπραξεν ἐν τῇ ἀρχῇ, ἀλλὰ περὶ τὰ τέλη τοῦ βίου αὐτοῦ. Λέγω περὶ τὰ τέλη, διότι ἂν ὑποτεθῇ ὅτι πάντα τὰ ποιημάτια ταῦτα συνετάχθησαν ὑπὸ ἐνός καὶ τοῦ αὐτοῦ ποιητοῦ, ἀνάγκη ἀπαραίτητος νὰ ὁμολογήσωμεν ὅτι περὶ τὰ τέλη τοῦ βίου αὐτοῦ ἐποιήθησαν τὰ ποιήματα ΣΤ' καὶ Γ'. Εἶδομεν δηλ. ἀνωτέρω σελ. 105 ὅτι τὸ ΣΤ' ἐποιήθη μικρὸν μετὰ τὸ 1168¹⁾. Ἐπειδὴ δ' ὡς ἀνωτέρω σελ. 103 εἰκάσαμεν, ἔτη τινὰ μετὰ ταῦτα (ἄγνωστον ἀκριβῶς πότε) ὁ πρότερον πένης λόγιος ἐκλείσθη εἰς τὴν μονὴν τοῦ Φιλοθέου, καὶ μετὰ τινὰ χρόνον (ἕξ μῆνας) πάλιν πενόμενος συνέταξε τὸ Γ' τὸ κατὰ Ἡγουμένων ποιημάτιον, δηλὸν ὅτι ὁ Θεόδωρος, ὅστις πρὸ τοῦ 1143, ἦτοι ζῶντος ἔτι τοῦ αὐτοκράτορος Ἰωάννου τοῦ Κομνηνοῦ, ἐποίησε ἐν τῇ δημῶδει γλώσσῃ πολιτικούς στίχους καὶ ὅστις οὐδέποτε ἔπαυσε μελετῶν τοὺς ἀρχαίους Ἑλληνας συγγραφεῖς καὶ συγγράφων ἐν τῇ ἀρχαίᾳ, ὁ Θεόδωρος, λέγω, ἔμελλεν κατὰ τὴν ὑπόθεσιν ταύτην πέντε καὶ εἴκοσι περίπου ἔτη βραδύτερον ὅτε θὰ ἦτο πάντως πᾶνυ πρεσβύτης (ἐν τοῖς πρὸς τὸν Ἰωάννην ποιήμασι λέγει ἑαυτὸν γέροντα, ἴδε ἀνωτέρω σελ. 101, εἶδομεν δ' ὅτι οὗτος γνωστός ὢν καὶ μισθοδοτούμενος ὑπὸ τοῦ βασιλέως δὲν ἠδύνατο ἐκεῖ νὰ λαλῇ ἀνακριβῶς), νὰ μεταδιδασχθῇ μὲν τρόπον τοῦ γράφειν, νὰ στρεβλοῖ δὲ τὴν γλῶσσαν καθ' ὃν εἶδομεν τρόπον κτλ. Ἀλλ' ἂν ἡ ὑπόθεσις αὕτη καθ' ἃ καὶ αἱ λοιπαί, δι' ὧν ἀποδίδονται πάντα τὰ ποιημάτια ταῦτα ἐνὶ καὶ τῷ αὐτῷ ποιητῇ, εὐρίσκωνται ἀπίθανοι, τότε ἀνάγκη ἀμείλικτος ἐπιβάλλει ἡμῖν νὰ ὁμολογήσωμεν ὅτι αἱ ὑπὸ τοῦ μέτρου ὑποστηριζόμεναι καὶ δὴ ἀναμφισβητήτως γνήσiai διαφοραὶ τῆς γλώσσης τοῦ

1) Κατ' αὐτὰ τὸ ε' ποίημα τοῦ Προδρόμου εἶναι νεώτερον τῶν στίχων τοῦ Μιχαῆλ Γλυκᾶ παρὰ Legrand αὐτ. σελ. 18 κέξ., ὃ καθ' ἃ ὁ κ. Legrand αὐτ. σελ. 19 ἀπέδειξεν ἐποιήθη τῷ 1166· τὰ τοῦ Θεοδώρου ἄρα ποιήματα Α' καὶ Β' εἶναι παλαιότερα τῶν στίχων τοῦ Γλυκᾶ.

Ἰλαρίωνος ἀπὸ τῆς τοῦ Θεοδώρου καθιστώσι μὲν καθ' ἃ εἶπομεν, πιθανώτατον ὅτι καὶ αἱ λοιπαὶ ὅσαι ὑπὸ τοῦ μέτρου μὴ ὑποστηρίζονται εἶναι ἐπ' ἴσης γνήσιαι τοῦ ποιητοῦ καὶ οὐχὶ τῶν μεταγραφῶν ἔργον, προστιθέμεναι δὲ ταῖς ἄλλαις παρατηρηθείσαις διαφοραῖς αὐτῶν ὡς πρὸς τὴν ἡλικίαν, ὡς πρὸς τὸν τρόπον κτλ. πείθουσι καὶ αὐτὸν τὸν Θωμᾶν, ὅτι τὰ μὲν δύο πρῶτα ποιήματα, ἅτινα καθαρεύουσι καὶ χυδαισμῶν καὶ Ἀττικισμῶν, ἀνήκουσι Θεοδώρῳ τῷ Προδρόμῳ, τῷ γνωστῷ ἡμῖν ἐκ πολλῶν καὶ ποικίλων ἐν τῇ Κοινῇ συντεταγμένων πονημάτων· τὰ δὲ λοιπὰ ἄλλῳ τινὶ νεωτέρῳ, συγγενεῖ ἴσως αὐτοῦ, κατ' ἀρχὰς μὲν ζῶντι ἐν τῇ πόλει λογιωτάτῳ, ἔπειτα δ' εἰσελθόντι εἰς τὴν Μονὴν τοῦ Φιλοθέου καὶ γενομένῳ μοναχῷ Ἰλαρίωνι. Ὅτι δ' οὗτος ὑπελείπετο μὲν πολὺ τοῦ Θεοδώρου κατὰ τὴν παιδείαν ὑπερέβαλε δ' ἐκεῖνον κατὰ τὴν κολακείαν. Ἀποδειχθείσης δ' οὕτω τῆς διαφορᾶς τούτων ἀνάγκη ἵνα πάντα τὰ ὑπὸ τὸ ὄνομα τοῦ Προδρόμου φερόμενα ἔργα ὑποβληθῶσιν ἀκριβεῖ ἐρεύνη καὶ ἐπὶ τῇ βάσει τῶν παρατηρηθεισῶν διαφορῶν ἢ καὶ ἄλλων ἀνακαλυφθησομένων ἐτι ἀποδειχθῆ τίνα τούτων ἀποδοτέα τῷ Θεοδώρῳ καὶ τίνα τῷ Ἰλαρίωνι. Τοιαύτη ἐργασία πολὺ βεβαίως θὰ ἐπέχεε φῶς ἐπὶ τὰ περὶ ὧν ὁ λόγος πονήματα καὶ προθύμως θὰ ἐπεχείρουν τῷ ἔργῳ, ἀλλ' ἀτυχῶς λόγοι ἀνεξάρτητοι τῆς θελήσεώς μου ἀναγκάζουσί με ν' ἀναβάλω αὐτὸ ἢ καὶ καταλίπω ἄλλοις.

Εἶχον καταγράψει ἀνωτέρω ὅτε πρὸς τὸν φίλον καὶ συνάδελφον κ. Σπ. Λάμπρον ἀνεκοίνωσα περὶ τῆς προκειμένης ἐρέυνης· ὁ δὲ πάνυ εὐγενῶς ἐγνώρισέ μοι ὅτι ἐν τῇ βιβλιοθήκῃ τῆς Μονῆς τῶν Ἰβήρων ἀπόκεινται ἀντίγραφα τῶν τοῦ Προδρόμου πονημάτων καὶ ἅμα ἀπέστειλέ μοι τὰ μέχρι τοῦδε ἐκτυπωθέντα φύλλα τοῦ δευτέρου τόμου τῶν ἐν τῷ Ἀγίῳ Ὁρει χειρογράφων μετὰ σημειώσεως τῶν τοῦ Προδρόμου. Ἴδου αὐτά: σελ. 33 ἀρ. 11 (φ. 37^α) «Θεοδώρου τοῦ Προδρόμου ἐξήγησις ὠφελημωτάτη εἰς τὴν γραμματικὴν τοῦ Ἐμ. Μοσχοπούλου πεμφθεῖσα πρὸς τὴν σεβαστοκρατόρησαν». Ἀρχ. Καθάπερ τὸ ἀνθρώπινον σῶμα. τελ. καὶ ἔχει ἢ τοιαύτη συζυγία ἐπὶ δευτέρου καὶ τρίτου προσώπου αὐτῆς τὴν οἰ δίφθογον». Καὶ σελ. 12 ἀρ. 6 (φ. 228^α) «Τοῦ φιλοσοφωτάτου κῦρ Θεοδώρου τοῦ Προδρόμου Σύντομος ἐξήγησις τῶν ἐρωτημάτων». Ἀρχ. καθάπερ τὸ ἀνθρώπινον σῶμα φιλολογωτάτη μοι βασιλίδων. τελ. Ἀλλ' ἀκριβῶς ἐὰν ἐπιγνῶς καὶ τοῖς ἐρωτῶσί σε διασαφήσεις. Καὶ σελ. 18, ἀριθ. 95, 2 (φ. 70^α) «Γραμματικὴ συντεθεισα παρὰ τοῦ σοφωτάτου Θεοδώρου τοῦ ἐπίκλησιν ἔχοντος Πτωχοπροδρόμου». Ἀρχ. Καθάπερ τὸ ἀνθρώπινον σῶμα φιλολογητάτη μοι βασιλίδων. Καὶ σελ. 19 ἀριθ. 96, 3 (φ. 142^α)₂ [Θεοδώρου τοῦ Προδρόμου] Γραμματικὴ. Ἀρχ. [K]α-

θάπερ τὸ ἀνθρώπινον σῶμα. τελ. ἐνταῦθα τέρμα τοῦ σοφοῦ Θεοδώρου σύνταγμα χειρὸς τλήμονος (sic) φίλων ἀρίστ' εὕρηκε τουτί τ' ὦ φίλε». Τὸ λεγόμενον ἐν τῇ πρώτῃ σημειώσει ὅτι Θεόδωρος ὁ Πρόδρομος συνέταξεν ἐξήγησιν εἰς τὴν γραμματικὴν τοῦ Ἐμ. Μοσχοπούλου ἀκμάσαντος ὑπὲρ τὰ ἑκατὸν ἔτη βραδύτερον ἐπὶ τῶν Παλαιολόγων εἶναι ὄντως παράδοξον. Παρόμοιον τι ἀναγινώσκεται καὶ ἐν Φαβρικίου Βιβλιοθήκῃ τόμ. VI σελ. 350 «In cod. Escorial. Theod. Prodr. grammatica seu expositio in Moschopuli grammaticam». Ἀνάγκη ἄρα νὰ ὑποτεθῇ ἢ ὅτι τὸ πόνημα συνετάχθη ὑπὸ τινος νεωτέρου ὅστις ἐπέγραψε τὸ ὄνομα Θεοδώρου τοῦ Προδρόμου εἰς ἐνδειξιν ἀρχαιότητος, δὲν παρετήρησε δὲ τὸ οὕτω καταρτιζόμενον χρονολογικὸν ἄτοπον, ἢ, ὅπερ ἔμους σφόδρα ἀπίθανον, ὅτι ἄλλος ὁμώνυμος, ζῶν μετὰ τὸν Μοσχόπουλον, συνέταξεν αὐτὸ, ἢ τρίτον ὅτι εἶναι μὲν γνήσιον Θεοδώρου τοῦ Προδρόμου τὸ πόνημα, ἀλλ' ὁ ἀντιγράφας ἔχων ἐν νῷ τὰ διάσημα τότε γραμματικὰ ἔργα τοῦ Μοσχοπούλου (Ἐρωτήματα Γραμματικὰ καὶ Ἐπιτομὴ νέα Γραμματικῆς κτλ.), ὑπέλαβεν ὅτι τὸ ἔργον τοῦ Προδρόμου δύναται νὰ χρησιμεύσῃ ὡς ἐξήγησις εἰς τὴν Γραμματικὴν τοῦ Μοσχοπούλου, διὸ καὶ συνέταξε τὴν ἐπιγραφὴν τοῦ ἀντιγράφου οὕτω¹⁾. Τὸ ζήτημα θὰ λυθῇ, ἂν τις τὸ ἐν τῇ Μαδριτεῖῳ βιβλιοθήκῃ εὕρισκόμενον πόνημα καὶ πάντα τὰ ἐν τῷ καταλόγῳ τοῦ κ. Λάμπρου μνημονευόμενα γραμματικὰ τοῦ Προδρόμου παραβάλλῃ πρὸς ἀλλήλα καὶ πρὸς τὴν Γραμματικὴν τοῦ Μοσχοπούλου, καὶ ἴδῃ ἂν ἡ λεγομένη ἐξήγησις εἰς τὴν Γραμματικὴν τοῦ Μοσχοπούλου συμφωνῇ ἢ μὴ πρὸς τὰλλα καὶ πρὸς τὴν Γραμματικὴν. Δυστυχῶς ἐλλείπει μοι ὅλως ὁ χρόνος πρὸς τὸ ἔργον, ἄλλως δὲ οὐδὲν συμβάλλεται εἰς λύσιν τοῦ προκειμένου ζητήματος, ἂν δηλ. ὁ Θεόδωρος καὶ ὁ Ἰλαρίων εἶναι ἐν καὶ τὸ αὐτὸ πρόσωπον ἢ διὸ διάφορα· τὸ πολὺ πολὺ δυνατόν νὰ ἔχωμεν καὶ ἄλλον Θεόδωρον Πρόδρομον νεώτερον τοῦ Μοσχοπούλου.

Ἄλλ' ὁ φίλος κ. Λάμπρος εὐηρεστήθη νὰ μοι στείλῃ καὶ βιβλίον, οὗ ἐγὼ ἐστερούμην, πολλοῦ λόγου ἄξιον, τὸ τοῦ κ. Carl Neumann Griechische Geschichtschreiber und Geschichtsquellen im zwölften Jahrhundert, ἐν ᾧ ὁ λόγιος συγγραφεὺς μακρὸν ποιεῖται λόγον καὶ περὶ Θεοδώρου τοῦ Προδρόμου. Ἐκ τῆς ἀναγνώσεως τοῦ βιβλίου τούτου ἔτι μᾶλλον ἐπέισθην περὶ τῆς ἀληθείας τῶν εἰρημένων μοι· Οὕτω π. χ. ἐν σελ. 42 ἀναφέρεται ὅτι τῆς φαλάκρας αὐτοῦ ποιεῖται μνεῖαν ὁ Θεόδωρος καὶ ἐν ἐπιστολῇ τινι, ὥστε βεβαιοῦται καὶ ἡ μεταβολὴ τοῦ κουδούπα εἰς κουρούπα (ἀνωτ. σελ. 106). Ὅμοίως ἀναγράφεται αὐτόθι σελ. 47 ὅτι οὐ-

1) Καὶ ὁ κ. Krumbacher ἐν σελ. 366 τῆς Βυζαντιακῆς Γραμματολογίας αὐτοῦ λέγει, ὅτι τὰ γραμματικὰ πονήματα τὰ τῷ Προδρόμῳ ἀποδιδόμενα εἶναι ὀλίγον βέβαια.

τος ἀποτεινόμενος τῷ 1138 πρὸς τὸν αὐτοκράτορα Ἰωάννην διατείνεται, ὅτι καίτοι ὀνομάζεται Πρόδρομος οὐδαμῶς ἐπιθυμῆι τῆς αὐτῆς τῷ ὁμω-
νύμῳ ἐκείνῳ τροφῆς, ἦτοι ἀκριδῶν καὶ μέλιτος ἀγρίου, οὐδὲ τῶν αὐτῶν
ἐκείνῳ ἐνδυμάτων, τριχῶν καμῆλου καὶ ζώνης δερματίνης περὶ τὴν ὀσφῦν.
Εἶδομεν δ' ὅτι καὶ ἐν στ. 101 κέξ. τοῦ Β' τὴν αὐτὴν περὶ τῶν ἐδεσμάτων
γνώμην ἐκφράζει.

Κατ' αὐτὰ ὁ Θεόδωρος φαίνεται προφανῶς ποιητῆς τῶν δύο πρώτων
ποιημάτων· τῶν δ' ἐξῆς οὐχί, διότι πλὴν τῶν ἄλλων τῶν ἤδη μνημονευ-
θέντων λόγων καὶ ἄλλα τινὰ ἀντιβαίνουνσι πρὸς τὴν ταύτισιν ταύτην.
Οὕτω λ. χ. κατὰ τὰ ὑπὸ Neumann σελ. 46 καὶ 49 παρατεθειμένα φαί-
νεται ὅτι εἰς τὴν Μονὴν τῶν Μαγγάνων ἤθελε νὰ προσληφθῆ ὁ γέρον
Θεόδωρος, τοῦναντίον ὁ (ἐγκαταλιπὼν ὡς φαίνεται τὸν πολλαχῶς δυσά-
ρεστον αὐτῷ ἐν τῇ πόλει βίον) νέος Ἰλαρίων ἀνήκει εἰς τὴν τῶν Φιλο-
δειτῶν.

Ἄλλ' ἐκτὸς τούτων παρατέθησαν ἐν σελ. 46 ὑπὸ τοῦ κ. Neumann
στίχοι τινὲς ἄξιοι ἰδιαίτερας σημειώσεως:

ατρέμω καὶ τὴν ἐκμέτρησιν τοῦ κλήρου τῆς ζωῆς μου,
πτοεῖ με γὰρ ὁ Πρόδρομος ὁ προδραμῶν ἐκεῖνος,
ὁ ῥήτωρ ὁ περίφημος, ὁ προτεθρυλλημένος,
ἢ χελιδῶν ἢ μουσουργός, ἢ λαλιστάτη γλῶσσα,
μὴ τόπον ἐτοιμάζῃ μοι καὶ λίθον καὶ γωνίαν.
μονονουχί γὰρ προσφωνεῖ καὶ προμαρτύρεταί μοι
καὶ ῥητορεύει καὶ θανῶν παρὰ νεκρῶν κευθμῶνι
καὶ προκηρύττει καὶ βοᾷ καὶ τάδε μοι προλέγει·
ἐτοίμασον, ὁμότεχνε, τὰ σκεύη τῆς ἐξόδου,
εὐτρέπισον τοὺς πόδας σου κρηπίσι στερροτέραις.
ἤδη γὰρ μέλλεις στέλλεσθαι καὶ σὺ πρὸς ἐκδημίαν.
ταῦτα τὰ προφοιβάσματα τοῦ φίλου μοι Προδρόμου
συννέχει καὶ συμπνίγει με καὶ τρύχει καθ' ἡμέραν».

Οἱ στίχοι οὗτοι συνετάχθησαν ὑπὸ τοῦ Θεοδώρου, ὅπως δηλοῦται
τοῦτο μὲν ὑπὸ τῆς ἐπιγραφῆς τοῦ χειρογράφου, ἐν ἧ λέγεται ὅτι ὁ μέγας
οἰκονόμος τῶν Μαγγάνων τοῦ ἀγίου Κασσιανοῦ δὲν ἐπέιδετο νὰ κατατάξῃ
τὸν Πρόδρομον εἰς τὸ ἀδελφᾶτον κλπ., τοῦτο δὲ ὑπὸ τοῦ στίχου: ἀῆδη γὰρ
μέλλεις στέλλεσθαι καὶ σὺ πρὸς ἐκδημίαν», ἐν ᾧ δηλοῦται ὅτι ὁ γράφων
ταῦτα πρὸς τὸν Μανουὴλ ἦτο πρεσβύτης. Κατὰ ταῦτα ἄρα ἀνάγκη νὰ
ὁμολογήσωμεν καὶ ἄλλον παλαιότερον Πρόδρομον, οὗ δὲν ἀναφέρεται μὲν
τὸ κύριον ὄνομα ἐν τούτοις, ἐξυμνεῖται δὲ ἡ ῥητορικὴ δεινότης καὶ ἡ ποιη-

τική (ὁμότεχνε) δύναμις. "Οτι διὰ τούτων ἐννοεῖ τὸν πάππον αὐτοῦ, δὲν μοι φαίνεται πιθανόν (πάππου γὰρ εὐμοίρηκα Προδρόμωνύμου)· διότι ἐν τῷ πλήθει τῶν ἐπαίνων τοῦ παλαιοῦ ἐκείνου Προδρόμου ὁ γράφων, ἂν ἦτο ἀληθῶς ἐκγονος ἐκείνου, δὲν θὰ παρέλειπε νὰ παρεμβάλη του και τὴν μνείαν τῆς πρὸς ἐκεῖνον συγγενικῆς σχέσεως αὐτοῦ, ἵνα οὕτω και αὐτὸς μεταλάβῃ τοῦ κλέους τοῦ προγονικοῦ ἐμμέσως· ἔπειτα διότι ἐν ᾧ λόγῳ μνημονεύει τοῦ πάππου Προδρόμου και τοῦ θείου αὐτοῦ Χριστοῦ, περὶ μὲν τοῦ θείου λέγει ὅτι ἦν τῆς Ῥωσικῆς πρόεδρος και ἀβρὸς ἐν λόγοις, περὶ δὲ τοῦ πάππου και ὁμωνύμου Προδρόμου οὐδὲν ἐπαινετικὸν ἐπίθετον ἐκφέρει πάντως διότι, ὅπως ἤδη ὁ ἀοιδίμος Κοραῆς ἐν Ἄτακτ. Α' σελ. ζ' εἰκάζει, εἰς οὐδὲν εἶχεν ἐκεῖνος διαπρέψει. Οὐδεμία δ' ἀμφιβολία ὅτι δὲν θὰ παρέλειπε νὰ καταγράψῃ και διὰ πολλῶν παραστήσῃ τὰς ἀρετὰς ἐκείνας, οἷας ἀνωτέρω τοῦ προδραμόντος Προδρόμου, τοῦ ῥήτορος και ποιητοῦ ἐξυμνεῖ, ἂν αὐταὶ ἀνήκον τῷ πάππῳ αὐτοῦ, ἄλλως τε και ἀφοῦ προέκειτο ν' ἀποδείξῃ ὅτι κακῶς ἐχαρακτηρίσθη ὡς αἰρετικὸς, αὐτὸς ὅς ἐκ τοιούτων κατήγετο προγόνων (πρβλ. Φαβρικίου Βιβλ. Τόμ. Η' σελ. 140—1 και Κοραῆ Ἄτακτ. ἐνθα ἀνωτέρω).

Ὁφειλομέν ἄρα νὰ ἐννοήσωμεν ὑπὸ τὸν παλαιότερον Πρόδρομον, ὅς ποιητῆς και ῥήτωρ ἐξυμνεῖται, ἴσως ἐκεῖνον περὶ οὗ ὁ Φαβρίκιος ἐν Τόμ. ΙΒ' σελ. 205 κέξ. διαλαμβάνει ἀντιδιαστέλλων αὐτὸν τοῦ περὶ οὗ ἡμῖν ὁ λόγος Θεοδώρου, ὃν «τῶν ἱερῶν κανόνων πρῶτον σαφηνιστὴν», ἀπέρμαχον ἔρεισμα τῶν κανονικῶν παραδόσεων» και εὐσεβῆ τῶν κανόνων διδάσκαλον και πολυμαθέστατον ἱερέα ὀνομαζούσιν οἱ μετ' αὐτὸν ἀκμάσαντες. Λέγω ἴσως, διότι καθ' ἃ ὁ κ. Krumbacher ἐν τῇ Βυζαντιακῇ Γραμματολογίᾳ σελ. 675 και 680 λέγει, τὰ ὑπομνήματα ταῦτα τὰ εἰς τὰ τῶν ἐκκλησιαστικῶν μελωδῶν Κοσμᾶ και Δαμασκηνοῦ τροπάρια ἐξεδόθησαν ὑπὸ Stevenson ἐν Ῥώμῃ τῷ 1888, ὑπὸ τὸ ὄνομα Θεοδώρου τοῦ Προδρόμου. "Ὅπως δῆποτε, εἴτε ὁ περὶ οὗ ὁ λόγος Θεόδωρος εἶναι ὁ συγγραφεὺς τῶν ὑπομνημάτων εἴτε μὴ, πάντως πρὸ αὐτοῦ ὑπῆρξε και ἄλλος Πρόδρομος, γνωστὸς τοῖς τότε περὶ τὰ γράμματα ἀσχολουμένοις ἐπὶ τῇ εὐγλωττίᾳ αὐτοῦ, ὥστε κατ' ἀνάγκην οὐ μόνον δύο, ὅπως διδάσκει ὁ κ. Neumann σελ. 53, ἀλλὰ τρεῖς διασταλτέον Προδρόμους, πρῶτον μὲν τὸν ῥητορικὸν ἐκεῖνον, ὅστις ὡς φαίνεται και ἱερεὺς ἦτο, δεύτερον τὸν Θεόδωρον, και τρίτον τὸν Ἰλαρίωνα, ὃς ἦν μοναχός.

Ἐν Ἀθήναις.

Γ. Ν. Χατζιδάκις.

Часть Равеннского диптиха въ собраніи графа Г. С. Строганова.

Равеннскій диптихъ изъ слоновой кости, находящійся теперь въ Равеннской общественной библиотекѣ, а ранѣе находившійся въ Мурано, въ церкви св. Михаила, извѣстенъ всякому, занимающемуся византійскимъ искусствомъ. Онъ представляетъ одинъ изъ немногихъ памятниковъ рѣзбы на слоновой кости Равеннской школы. По чертамъ стilia рельефовъ, украшающихъ его, онъ является представителемъ византійскаго искусства, явившагося въ Равеннѣ въ V—VI вѣкахъ. Дѣйствительно, рядомъ съ композиціями, которыхъ прототипы извѣстны въ живописи римскихъ катакомбъ, на саркофагахъ и на доньскахъ сосудовъ, въ рельефахъ диптиха является уже вполне сложившійся византійскій типъ архангела въ царской хламидѣ съ табличкою, съ крестомъ вмѣсто жезла и со сферой, а въ техническомъ отношеніи въ исполненіи фигуръ замѣчается та удлиненность и тонкость членовъ тѣла, которая впоследствии становится такимъ яснымъ признакомъ византійской техники (табл. I). Отъ диптиха сохранилась лишь верхняя доска, служившая переплетомъ для лицевой стороны какого-то манускрипта, скорѣе всего Евангелія, такъ какъ сцены, украшающія поверхность доски, относятся по преимуществу къ Евангелію. Нижняя доска затерялась, неизвѣстно когда. Диптихи, сохранившіеся до нашего времени въ полной цѣлости, т. е. представляющіе верхнюю и нижнюю доски, украшены обыкновенно сценами изъ жизни Христа и Богородицы. Сцены изъ жизни Христа группируются вокругъ центральнаго изображенія Христа на одной доскѣ, а сцены изъ жизни Богородицы — вокругъ такого же центральнаго изображенія Богородицы на другой. Таковы эчміадзинскій¹⁾, парижскій²⁾ и

1) См. Strzygowski, Byzantinische Denkmäler, I, 1891, Taf. I. Е. К. Рѣдигъ, Диптихъ эчміадзинской библиотеки.

2) Garrucci, Storia dell' arte cristiana. Prato, 1878, tav. 454, 455.

миланскій ¹⁾ диптихи. Равеннскій диптихъ, очевидно, примыкалъ по составу украшеній къ только что описаннымъ диптихамъ. На сохранившейся доскѣ его представлены четыре сцены чудесъ Христа по сторонамъ центральнаго изображенія Христа, сидящаго на тронѣ съ подножіемъ между апостолами Петромъ и Павломъ, держащими открытыя книги, и двумя юными апостолами. Налѣво изображено исцѣленіе слѣпаго и бѣсноватаго, направо воскрешеніе Лазаря и исцѣленіе паралитика. Эти сцены, равно какъ и изображенія ангеловъ, несущихъ вѣнокъ съ крестомъ, встрѣчаются на указанныхъ диптихахъ въ болѣе или менѣе полномъ составѣ, но изображенія архангеловъ и остальные сцены, здѣсь изображенныя, совершенно отсутствуютъ на указанныхъ памятникахъ, въ чемъ и должно видѣть одно изъ существенныхъ отличій отъ нихъ. Подъ центральнымъ квадратомъ представлено явленіе ангела тремъ отрокамъ въ печи вавилонской въ той же композиціи, какъ на пиксидѣ изъ Вестфалии (Gag. 437, 1). Крестъ, данный въ руку ангела, сближаетъ его юную фигуру съ фигурой Христа, держащаго этотъ крестъ во всѣхъ четырехъ сценахъ чудесъ, напоминая о видѣніи Навуходносора. Четвертый юноша, котораго видѣлъ Навуходносоръ въ печи, былъ подобенъ «сыну человѣческому». Ангелъ дѣйствуетъ крестомъ точно такъ же, какъ и Христосъ въ сценахъ чудесъ, извѣстныхъ въ рельефахъ саркофаговъ и въ живописи катакомбъ, т. е. онъ касается крестомъ пламени, какъ и Христосъ касается жезломъ головы Лазаря, корзину съ хлѣбомъ и проч. Подъ видомъ ангела въ этой сценѣ, такимъ образомъ, изображенъ Христосъ. Нижній фризъ диптиха занятъ сценами изъ жизни Іоны. Направо изображенъ корабль съ тремя гребцами, изъ которыхъ одинъ бросаетъ Іону въ пасть чудовищу. Налѣво Іона, выброшенный чудовищемъ, спитъ подъ кукурбитой, лежа на спинѣ самого чудовища. Ему во снѣ является и говоритъ ангелъ. Рыбы плаваютъ въ водѣ. Эти сцены имѣютъ ближайшее отношеніе ко Христу, прообразуя его смерть и воскресеніе. Изображеніе этихъ сценъ рядомъ со сценами по Евангелію могло быть вызвано отсутствіемъ въ древнехристіанской иконографіи сценъ страстей Христовыхъ.

Сцены эти расположены на доскѣ, составленной изъ пяти пластинъ. Вверху и внизу, по обыкновенію, двѣ продолговатыхъ пла-

1) Ibid. tav. 458.

стижки замыкають собою три пластинки, въ серединѣ изъ которыхъ центральная — наиболѣе широкая.

Во время моего пребыванія въ Римѣ въ 1891 году, при изученіи прекрасной коллекціи слоновыхъ костей графа Г. С. Строганова, особенное вниманіе мое привлекла одна продолговатая пластинка потемнѣвшей слоновой кости, очевидно, принадлежавшая нижней части какого то диптиха. Благодаря любезной предупредительности графа, я имѣю возможность издать прекрасную фотографію съ этого интереснаго памятника, сдѣланную по его заказу¹⁾.

Какъ видно на этой фотографіи (табл. IV), пластинка была обработана въ формѣ нижней части диптиха. Орнаментъ изъ треугольных полулисточковъ дуба, огибающій пластину по бокамъ и внизу ея, обрѣзанъ въ верхнихъ частяхъ, изъ чего видно, что онъ шелъ и далѣе вверхъ. Въ то время, какъ нижній бордюръ идетъ по нижнему краю пластинки сплошной лентой, верхній бордюръ разбитъ на три части и представляетъ два рода орнаментовъ, совершенно несходныхъ съ орнаментомъ нижняго бордюра. Центральная часть верхняго бордюра занята широкими листьями аканѳа, которые ложатся концами внизъ. Два острыхъ листика по краямъ изображены вкось. По сторонамъ этого орнамента представлены два небольшіе фриза съ виноградной лозой, въ изгибахъ которой заключены листья винограда и виноградныя кисти состоящія изъ трехъ ягодъ. Верхніе края этихъ орнаментовъ обрѣзаны, а листья аканѳа являются обрѣзанными наполовину. Это показываетъ, что центральный орнаментъ былъ шире боковыхъ. Такъ какъ эти три полоски орнамента не представляютъ соотвѣтствія орнаменту нижняго бордюра, то и должно предполагать, что онѣ служили обрамленіемъ трехъ пространствъ, примыкавшихъ къ верхней части пластины. Дѣйствительно, взглянувши на Равеннскій диптихъ, мы тотчасъ увидимъ всю правильность подобнаго предположенія. На нижней пластинѣ диптиха повторяются въ точности всѣ три рода орнамента, при чемъ боковыя полоски съ виноградной лозой служатъ для обрамленія небольшихъ квадратовъ, а орнаментъ изъ аканѳа обрамляетъ большой центральный квадратъ. Такое сходство въ выборѣ, размѣщеніи и формѣ орнаментовъ на диптихѣ и на пластинѣ не можетъ быть случайнымъ, а дальнѣйшія черты сходства показываютъ, что въ пластинѣ мы имѣемъ нижнюю часть другой, исчезнувшей

1) Пластина эта была уже разъ мною описана въ Арх. Извѣстіяхъ и Замѣткахъ за 1893 г. № 6.

доски диптиха. Такъ, на Равенскомъ диптихѣ и на пластинѣ повторяются квадратики въ углахъ по концамъ нижняго бордюра и равноконечный крестикъ въ центрѣ его. Эти квадратики повторяются и по угламъ верхней части диптиха, а крестикъ повторенъ еще три раза въ серединѣ листовнаго бордюра по тремъ сторонамъ диптиха. Кромѣ того, не можетъ быть признано случайнымъ полное сходство въ исполненіи орнаментовъ. На диптихѣ и на пластинѣ одинаково изображено по семи листовъ аканѳа; виноградная лоза тамъ и здѣсь представляетъ по четыре изгиба съ двумя листьями и двумя кистями винограда внутри ихъ. Повторяется и неправильный колеблющійся рисунокъ этой лозы. Такое сходство должно стоять въ зависимости отъ одинаковыхъ размѣровъ верхней и нижней доски диптиха; дѣйствительно, по измѣренію Стржиговскаго ширина Равенскаго диптиха равняется 31 сант.¹⁾, а длина пластины по моимъ измѣреніямъ (соотвѣтствующая ширинѣ диптиха) — 30½ сант. Принимая во вниманіе ничтожность этой разницы въ ширинѣ обоихъ памятниковъ, которая могла произойти отъ усыханія, мы должны будемъ признать, что диптихъ и пластинка исполнены не только по одному шаблону, но и въ однихъ и тѣхъ же размѣрахъ, чѣмъ и обуславливается совершенная точность и однообразіе, какъ въ формѣ, такъ и въ величинѣ орнаментовъ. Этотъ орнаментъ повторяется только на Равенскомъ диптихѣ и на пластинѣ и не извѣстенъ въ такихъ комбинаціяхъ на другихъ памятникахъ.

Но есть и болѣе важныя данныя, по которымъ можно судить о принадлежности пластины къ исчезнувшей доскѣ Равенскаго диптиха. На диптихѣ очень часто въ руки Христу и ангеламъ дается высокій крестъ. Этотъ крестъ, повторяющій не только форму, но и мелкія детали исполненія, какъ, напримѣръ, точку въ центрѣ его и линіи украшающія его, данъ и въ руку ангелу, изображенному на пластинкѣ въ третьей сценѣ. Круглыя лица на пластинѣ съ точками вмѣсто зрачковъ глазъ повторяются на диптихѣ. Волосы фигуръ, какъ на томъ, такъ и на другомъ памятникѣ выполняются совершенно одинаково рядами пересѣкающихся линій, образующихъ локоны волосъ у молодыхъ фигуръ, или рядами параллельныхъ линій у старческихъ фигуръ. Фигуры на пластинѣ и на диптихѣ не имѣютъ нимбовъ. Кромѣ того, на томъ и на другомъ памятникѣ виденъ одинъ и тотъ же приемъ

1) Strzygowski, Byzantinische Denkmäler, I, Wien, 1891, p. 29.

рѣзбы, отмѣченный однимъ и тѣмъ же стилемъ. Глубокая и врѣзанная черта, представляющая штрихъ, одинаково рѣзка на пластинѣ и диптихѣ; грубость и угловатость фигуръ, какъ на томъ, такъ и на другомъ памятникѣ зависятъ отъ спѣшной ремесленной работы; конечности ногъ почти не обозначаются; одна ступня ставится носкомъ въ пятку другой, какъ это можно видѣть у ангела, Богородицы, Иосифа; наконецъ, даже точки скрѣпленія пластины съ остальной исчезнувшей частью доски находятся въ тѣхъ же мѣстахъ на пластинѣ, какъ и на диптихѣ. Онѣ расположены по угламъ, по нижнему краю и просверлены по двѣ на полоскахъ съ орнаментомъ изъ виноградной лозы. Если на диптихѣ замѣчается удлиненность пропорцій тѣла, а на пластинѣ большая часть фигуръ являются почти пропорціональными, то это зависитъ отъ весьма простой и понятной причины. Квадраты, отведенные для сценъ на доскѣ диптиха, отличаются очень большой высотой сравнительно съ ихъ шириной. На Парижскомъ и Эчміадзинскомъ диптихахъ, напримѣръ, отдѣльныя сценки расположены такъ же, какъ и на Равеннскомъ диптихѣ, по двѣ съ каждой стороны, но высота квадратовъ почти равняется ихъ ширинѣ, вслѣдствіе чего фигуры являются приземистыми. На миланскомъ диптихѣ по сторонамъ центрального квадрата изображено по три сценки, въ пространствѣ которыхъ высота равняется ширинѣ, и фигуры поэтому являются вполне пропорціональными. Высота квадратовъ и общее правило рельефной пластики, заключающееся въ томъ, чтобы фигуры занимали пространство во всю его высоту, касаясь головой верхняго края и ногами нижняго (правило искофеализма), выдержанное со всей строгостью на диптихѣ, повліяли на удлиненіе пропорцій тѣлъ у фигуръ въ центральномъ квадратѣ и въ боковыхъ. Наоборотъ, двѣ фигуры архангеловъ въ верхней части диптиха, стоящихъ съ крестами и сферами, а также всѣ фигуры нижняго фриза на диптихѣ изображены не только пропорціональными, но нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, напримѣръ, фигуры архангеловъ, даже приземистыми, что стоитъ въ прямой зависимости отъ узости верхняго и нижняго фризовъ. Рядомъ съ этими фигурами другія фигуры диптиха кажутся такими же длинными и тонкими, какъ и рядомъ съ фигурами, изображенными на интересующей насъ пластинѣ. Фигуры, изображенные на фризѣ пластины, въ отношеніи пропорцій должны быть сравниваемы поэтому съ фигурами того же фриза на диптихѣ. Тогда оказываются на лицо новыя интересныя аналогіи. Напримѣръ, фигура

ангела въ первой сценѣ на пластинѣ представляетъ прямую копию съ фигуры ангела въ первой же сценѣ на фризѣ диптиха. Тотъ же ростъ, тѣ же пропорціи тѣла, тотъ же жестъ, то же направленіе налѣво, тѣ же распушенные крылья и то же отсутствіе креста въ рукѣ въ обоихъ случаяхъ. Старческая фигура съ жезломъ во второй сценѣ на пластинѣ, стоящая противъ женской фигуры, держащей патеру, изображена въ томъ же движеніи налѣво съ колѣномъ, выступающимъ угломъ, съ протянутой впередъ рукой, какъ и ангелъ въ первой сценѣ. Слѣдующая старческая фигура на пластинѣ своими удлинненными пропорціями и особенно согбенной спиной напоминаетъ фигуру ангела на диптихѣ, изображеннаго въ небольшомъ фризѣ подъ центральнымъ квадратомъ и касающагося крестомъ пламени. Но что важнѣе всего, нижній фризъ диптиха представляетъ интересную аналогію съ фризомъ на пластинѣ въ самой распланировкѣ композиціи. Сцены изъ жизни Іоны расположены въ порядкѣ, идущемъ справа налѣво, при чемъ движеніе фигуръ въ обѣихъ сценахъ дается въ обратныя стороны. Ангелъ является Іонѣ, направляясь справа налѣво, а Іону бросаютъ съ корабля въ пасть чудовища слѣва направо. Дельфинъ, касающійся хвостомъ верхняго карниза, художественно отдѣляетъ одну сцену отъ другой. Композиція фриза пластины также разбита на двѣ половины, движеніе фигуръ также представлено въ обратныя стороны. Ангелъ, направляющійся къ Богородицѣ, и старческая фигура слѣдующей сцены шагаютъ справа налѣво. Последняя сцена на пластинѣ дана въ движеніи слѣва направо. Пальма посредннѣ, какъ и дельфинъ на фризѣ диптиха, служитъ художественнымъ раздѣломъ двухъ половинъ всей композиціи фриза. Такое сходство въ строеніи композицій фризовъ указываетъ на намѣренное соблюденіе приемовъ контраста, которое могло явиться только тогда, когда оба памятника должны были представлять одно парное цѣлое.

Эти черты сходства въ техникѣ, въ выборѣ орнамента, въ изображеніи отдѣльныхъ фигуръ и ихъ атрибутовъ (крестъ), наконецъ, въ самомъ изобрѣтеніи композицій фризовъ свидѣтельствуютъ о томъ, что пластина и диптихъ несомнѣнно принадлежатъ не только рѣзцу одного и того же мастера, но и одному памятнику, т. е. пластина представляетъ нижній фризъ другой доски диптиха, исчезнувшей, неизвѣстно когда.

Содержаніе сценъ, изображенныхъ на пластинѣ, еще болѣе подтверждаетъ это. На ней изображены три сцены изъ жизни Богоро-

дицы, данныя въ такой связи между собой, что эти сцены несомнѣнно представляли лишь меньшую часть цикла сценъ, относившихся къ жизни Богородицы. Сцены эти должны были находиться по сторонамъ центрального изображенія, какъ это доказывается тѣми полосками орнаментовъ въ верхней части пластины, о которыхъ мы говорили выше. Какъ показываетъ Равеннскій диптихъ, такихъ сценъ должно было быть четыре по сторонамъ изображенія Богородицы, а на верхнемъ фризѣ должны были находиться изображенія викторій, несущихъ монограмму и двухъ архангеловъ. Последніе тогда ставятъ четырехъ архангеловъ (Михаила, Гавріила, Уріила и Рафаила), что и соотвѣтствуетъ вполне числу ихъ и типамъ, известнымъ въ византийской иконографіи.

Первая сцена представляетъ *Благовѣщеніе*. Богородица сидитъ въ полуоборотѣ на широкомъ плетеномъ креслѣ со спинкой, одѣтая въ верхнюю пенулу и въ нижній женскій хитонъ. Она протягиваетъ лѣвую руку съ веретенкомъ къ плетеной высокой корзинѣ съ пряжей, а правую открываетъ ладонью у груди въ знакъ внезапнаго страха, смѣшаннаго съ почтеніемъ передъ явившимся небеснымъ посланникомъ. Ангель, только что спустившись на землю, направляется къ ней съ распушенными и еще не успокоившимися крыльями, что и указываетъ на внезапность его появленія. Онъ одѣтъ въ хитонъ и гиматій; послѣдній, охватывая его правое плечо и проходя по пизу груди, покрываетъ лѣвую руку и свисаетъ съ нея концомъ внизъ. Говоря пріѣтственные слова благовѣстія, ангель протягиваетъ къ Маріи правую руку.

Фигура Маріи повторяетъ позу ея въ сценѣ Благовѣщенія на Уваровскомъ диптихѣ. Ангель, однако, здѣсь стоитъ въ спокойной позѣ съ крестомъ въ рукѣ, глядя на зрителя¹⁾. Ангель, представленъ идущимъ на Эчміадзинскомъ и Парижскомъ диптихахъ. На этихъ диптихахъ повторяется и плетеное кресло Богородицы.

Любопытно, что у ангела на нашей пластинѣ нѣтъ ни мѣрила, ни креста, черта древне-христіанскаго искусства, какъ его нѣтъ у ангела на Керченской пиксидѣ и въ мозаикахъ S. Maria Maggiore. Отличіе отъ сценъ на Парижскомъ и Эчміадзинскомъ диптихахъ состоитъ въ томъ, что на нихъ нѣтъ всегда изображаемой въ этой сценѣ корзины.

Слѣдующая сцена представляетъ *испытаніе Богородицы водою*

1) Труды Московскаго Археологическаго Общества за 1865 годъ. I, стр. 12.

обличенія¹⁾). Богородица въ той же пенулѣ, какъ и въ первой сценѣ, отводя конецъ ея отъ лица, какъ на креслѣ Максиміана, на Парижскомъ и Эчміадзинскомъ диптихахъ, держитъ патеру съ водой, которую собирается выпить. По другую сторону изображенъ Іосифъ съ посохомъ, который, какъ и на диптихѣ собранія графа Уварова и на креслѣ Максиміана, обращается къ Богородицѣ двуперстно. У него короткіе волосы и длинная остроконечная борода. Между Богородицей и Іосифомъ представленъ колодець²⁾ воды обличенія въ томъ видѣ, какъ онъ изображенъ на креслѣ Максиміана, но надъ колодцемъ изображена шестиконечная звѣзда, заключенная въ ободокъ, въ то время какъ на креслѣ Максиміана на колодець одной ногой опирается ангель. Таковую же заключенную въ ободокъ звѣзду надъ Богородицей можно видѣть въ сценѣ поклоненія волхвовъ³⁾, особенно на восточныхъ памятникахъ, каковы ампулы изъ Монцы⁴⁾. Она представляетъ собою, очевидно, ту звѣзду, которая явилась волхвамъ на востокѣ, и въ данномъ случаѣ указываетъ на божественное зачатіе Богородицей младенца, такъ какъ изображена въ сценѣ, рисующей святость и непорочность Дѣвы. Надъ колодцемъ растутъ два небольшихъ кустика. Сцена дана кратко: ни головы третьей фигуры, какъ на Парижскомъ диптихѣ, ни храма, какъ на креслѣ Максиміана, нѣтъ, и потому сцена относится къ роду обыкновенныхъ сокращенныхъ, какъ на Эчміадзинскомъ диптихѣ и на пиксидѣ изъ Керчи. Отличіе отъ указанныхъ диптиховъ, а также отъ пластины диптиха собранія графа Уварова состоитъ въ томъ, что Іосифъ здѣсь стоитъ направо, въ то время какъ на всѣхъ указанныхъ памятникахъ, исключая пиксиды изъ Керчи, онъ стоитъ налѣво отъ колодца.

Далѣе, за разобранной сценой слѣдуетъ изображеніе пальмы, столь хорошо извѣстное на памятникахъ христіанскаго искусства— на саркофагахъ, донышкахъ сосудовъ, мозаикахъ. Пальма отдѣляетъ не одну сцену отъ другой, а двѣ отъ третьей и изображена всего одинъ разъ въ серединѣ всей композиціи фриза. Это показываетъ, что пальма, служа раздѣльнымъ пунктомъ двухъ половинъ компози-

1) Сцена эта разобрана въ статьяхъ: «Диптихъ эчміадзинской бібліотеки» Е. К. Рѣдина и «Три древне-христіанскіе сосуда изъ Керчи», Д. Айналава, стр. 3—9.

2) Объ этомъ колодцѣ см. мою статью «Три древнехристіанскіе сосуда изъ Керчи» въ V томѣ Записокъ Императорскаго Археолог. Общества за 1891 годъ.

3) Garrucci, *ibid.* t. 437, 5; 438, 1.

4) Garrucci, *ibid.* t. 433, 7, 8, 9; 439, 1. Также на пиксидѣ Націон. музея во Флоренціи неизвѣстнаго происхожденія, t. 437, 5.

ціи фриза, въ то же время представляетъ часть самой композиціи, какъ и дельфинъ на первой доскѣ диптиха. Въ византійской миниатюрѣ такія деревья часто сопровождаютъ изображеніе пустыни въ сценѣ путешествія въ Вифлеемъ, бѣгства въ Египетъ, какъ и на памятникахъ древне-христіанскихъ. Пальмы на Брешіанской дарохрани- тельницѣ употребляются для обозначенія Геосиманскаго сада, поля, рощи, гдѣ пасется стадо, какъ и на саркофагахъ.

Третья по числу сцена на нашей пластинѣ представляетъ *Путешествіе въ Вифлеемъ*. Святое семейство идетъ, такимъ образомъ, въ пустынь. Іосифъ идетъ сзади, нѣсколько согнувшись, держа въ лѣвой рукѣ посохъ и конецъ своего гиматія, а правой двуперстно обра- щается съ разговоромъ къ Богородицѣ, которая поворачиваетъ къ нему голову, отводя конецъ пелузы лѣвой рукой. Конецъ бороды Іосифа длинной, какъ и въ предыдущей сценѣ, обломанъ, что измѣ- няетъ нѣсколько его типъ. Богородица сидитъ на ослѣ и держитъ пра- вой рукой конецъ узды шагающаго впередъ осла. Ангелъ съ крестомъ въ лѣвой рукѣ ведетъ осла, держа правой рукой за поводъ. Обращеніе Іосифа къ Маріи и явленіе ангела отличаютъ эту композицію отъ извѣст- ныхъ до сихъ поръ композицій путешествія въ Вифлеемъ. О разговорѣ Іосифа и Богородицы во время путешествія въ Вифлеемъ рассказы- вается въ апокрифическомъ евангеліи Псевдоматѣея и въ Протоеван- геліи¹⁾, но въ послѣднемъ опущенъ эпизодъ явленія ангела, такъ что сцена на пластинѣ воспроизведена, очевидно, по евангелію Псевдо- матѣея. Здѣсь рассказывается, какъ Марія и Іосифъ совершали путь по дорогѣ въ Вифлеемъ. Однажды Марія, обратившись къ Іосифу, сказала: «Я вижу предъ собою два народа, одинъ плачущій и другой радующійся». Іосифъ приказываетъ ей спокойно сидѣть на ослѣ и не говорить пустыхъ словъ. Тогда вдругъ является прекрасный маль- чикъ, одѣтый въ блестящія одежды, который упрекаетъ Іосифа и объясняетъ ему, что видѣніе Маріи было истиннымъ, и что плачущій народъ обозначаетъ Израиля, который отступился отъ своего Бога, а радующійся есть народъ, который вновь обратился къ Богу. Такъ какъ приближалось время рожденія, то ангелъ (angelus) остановилъ осла, поспѣшилъ ссадить съ него Марію и ввести въ подземную пе- щеру, совершенно темную, такъ какъ туда не проникалъ дневной свѣтъ²⁾. Такимъ образомъ двуперстный жестъ Іосифа, полуоборотъ

1) Tischendorf, Evangelia apocrypha, Protoevangel. cap. XVII.

2) Cum ergo Ioseph et Maria irent per viam, quae ducit Bethleem, dixit Maria ad

Маріи въ сторону Іосифа и ангелъ, ведущій подъ уздцы осла, представляютъ детали, связанныя съ рассказомъ апокрифическаго евангелія. Совершенно иной моментъ изъ путешествія въ Вифлеемъ представленъ на креслѣ Максиміана, на Парижскомъ и Эчміадзинскомъ диптихахъ, копирующихъ одинъ и тотъ-же оригиналь. Здѣсь Іосифъ поддерживаетъ Марію ссаживая ее съ мула.

Три сцены, изображенныя на пластинѣ и представляющія три послѣдовательныхъ момента изъ жизни Богородицы, должны были стоять въ связи съ послѣдующими событіями евангельской исторіи, и такъ какъ послѣдняя сцена представляетъ путешествіе въ Вифлеемъ, то дальше должны были слѣдовать — Рождество Христово, поклоненіе волхвовъ и проч. Сценъ должно было быть четыре и онѣ были расположены на верхнихъ, не уцѣлѣвшихъ частяхъ доски¹⁾. Любопытно то обстоятельство, что сцены шли снизу вверхъ, такъ какъ на пластинѣ изображены три первыя сцены изъ жизни Богородицы.

Такое расположеніе сценъ извѣстно въ памятникахъ античнаго и христіанскаго искусства. На Брешіанской дарохранительницѣ сцены изъ страстей Господнихъ расположены въ два ряда: въ нижнемъ изображено взятіе въ Геосиманскомъ саду, рядомъ отреченіе Петра; затѣмъ въ верхнемъ ряду, направо Христосъ передъ Пилатомъ, налѣво Христосъ передъ Анной и Каиафой, и др.

На керченской пиксидѣ, находящейся теперь въ Императорскомъ эрмитажѣ, были изображены тѣ же три сцены, что и на нашей пластинѣ, хотя неизвѣстно, въ какой композиціи была представлена третья сцена путешествія въ Вифлеемъ. Вообще выборъ сценъ изъ жизни Христа и Богородицы на Равеннскомъ диптихѣ совершенно

Ioseph: Duos populos video ante me, unum fientem et alium gaudentem Cui respondit Ioseph: sede et tene te in iumento tuo et noli superflua verba loqui. Tunc apparuit puer speciosus ante eos, indutus veste splendida et dixit ad Ioseph: Quare dixisti verba superflua esse de duobus populis de quibus locuta est Maria. Populum enim Iudaeorum fientem vidit, quia recessit a Deo suo, et populum gentium gaudentem, quia accessit et prope factus est ad dominum, secundum quod promisit patribus nostris Abraham, Isaac et Iacob; tempus enim advenit ut in semine Abrahae benedictio omnibus gentibus tribuatur. Et cum hoc dixisset, iussit angelus stare iumentum, quia tempus advenerit pariendi, et praecepit descendere de animali Mariam et ingredi in speluncam subterraneam, in qua lux non fuit unquam, sed semper tenebrae, quia lumen diei penitus non habebat. Tischendorf, Evangelia аросгурѣа, Ев. Псевдоматтея, сар. XIII.

1) Вслѣдствіе такого расположенія сценъ не трудно видѣть, что четыре изъ нихъ должны были представлять: Рождество Христово, видѣніе волхвами звѣзды, бѣгство въ Египетъ и поклоненіе волхвовъ. Въ центральномъ квадратѣ, какъ было сказано, должно было находиться изображеніе Богородицы съ младенцемъ.

соотвѣтствуетъ тѣмъ сценамъ, которыя въ такомъ множествѣ встрѣчаются на слоновой кости, предназначавшейся для церковнаго обхода. Выборъ сценъ на такихъ памятникахъ, какъ Парижскій, Эчміадзинскій и Миланскій диптихи, кресло Максиміана, показываетъ, что многочисленныя сцены изъ жизни Богородицы и Христа, по большей части неизвѣстныя въ живописи катакомбъ и въ рельефахъ саркофаговъ, появляются, именно, на памятникахъ слоновой кости. Эти данныя общаго характера показываютъ, что Равеннскій диптихъ примыкалъ къ такимъ же памятникамъ, какъ Парижскій и Эчміадзинскій диптихи, т. е. долженъ былъ имѣть еще другую доску съ изображеніями сценъ изъ жизни Богородицы.

Указанное нами сходство въ техникахъ, въ орнаментахъ, въ величинѣ, въ атрибутахъ фигуръ, въ стилѣ Равеннскаго диптиха и пластины изъ собранія Г. С. Строганова, наконецъ, полное соотвѣтствіе въ содержаніи обоихъ памятниковъ, изъ которыхъ одинъ служитъ дополненіемъ другого, не оставляетъ никакого сомнѣнія, что пластина представляетъ часть исчезнувшей доски Равеннскаго диптиха.

Нѣкоторыя другія черты нашей пластины позволяютъ ближайшимъ образомъ установить отношеніе Равеннскаго диптиха ко всему составу современныхъ ему памятниковъ¹⁾.

Въ самомъ дѣлѣ три сцены изъ жизни Богородицы, изображенныя на пластинѣ, представлены также на креслѣ Максиміана, на Эчміадзинскомъ и Парижскомъ диптихахъ, а затѣмъ двѣ изъ нихъ на Уваровской пластинѣ и Керченской пиксидѣ. Такъ какъ между сценами Благовѣщенія и Испытанія Богородицы водою обличенія нѣтъ промежуточныхъ сценъ, изображаемыхъ въ другихъ случаяхъ, какъ Благословеніе у колодца, Цѣлованіе Маріи и Елизаветы, то данный выборъ сценъ и порядокъ, въ которомъ онѣ даются, является объединяющимъ указанные памятники въ одну типическую группу, въ которой нельзя не видѣть признаковъ одной школы. Дѣйствительно, изображеніе викторій, несущихъ вѣнокъ, на трехъ диптихахъ— Эчміадзинскомъ, Парижскомъ и Равеннскомъ, повтореніе одной и той же формы колодца на креслѣ Максиміана и на пластинѣ графа Строганова, повтореніе формы креста на всѣхъ упомянутыхъ памятникахъ, наконецъ, жестъ Маріи, открывающей свое покрывало, извѣстный на всѣхъ указанныхъ памятникахъ и на Керченской пиксидѣ, все

1) См. по этому поводу также весьма интересныя соображенія Стржиговскаго въ упомянутомъ соч. *Byzantinische Denkmäler*, I, p. 48—52.

это черты такого же объединяющаго характера. Тѣмъ болѣе характерной является эта группа памятниковъ, что ни одинъ изъ указанныхъ признаковъ не встрѣчается на Миланскомъ диптихѣ, который и представляетъ поэтому памятникъ иной школы.

Съ другой стороны, принадлежа къ упомянутой группѣ памятниковъ, Равеннскій диптихъ представляетъ такія особенныя и самостоятельныя черты, что долженъ быть считаемъ, какъ самостоятельная разновидность въ общемъ типѣ. Прежде всего мы видимъ здѣсь изображенія архангеловъ, затѣмъ сцену, представляющую трехъ отроковъ въ печи, и сцены изъ жизни Ионы. Эти сцены указываютъ на особенную любовь къ древнѣйшимъ катакомбнымъ изображеніямъ. Съ другой стороны, сцены изъ жизни Богородицы расположены здѣсь по длинному фризу, совпадая вполнѣ съ расположеніемъ и порядкомъ ихъ на фризѣ Керченской пиксиды, въ то время какъ на всѣхъ остальныхъ памятникахъ сцены эти располагаются въ небольшихъ квадратахъ. При этомъ Эчмиадзинскій и Парижскій диптихи, повторяя крайне близко композиціи и частности исполненія кресла Максиміана, становятся въ ближайшее отношеніе къ этому замѣчательному памятнику, въ то время какъ Равеннскій диптихъ представляетъ въ этомъ отношеніи чрезвычайно важныя и интересныя отклоненія. Прежде всего расположеніе сценъ на исчезнувшей доскѣ Равеннскаго диптиха шло снизу вверхъ, какъ показываетъ сохранившаяся пластинка, съ другой стороны, и самое построеніе композицій чрезвычайно отличается отъ композицій на этихъ трехъ памятникахъ.

Сцена Благовѣщенія, правда, сохраняетъ расположеніе фигуръ, сходное съ расположеніемъ ихъ на указанныхъ памятникахъ, но эту черту мы должны отнести насчетъ общаго копирования древнѣйшаго оригинала, образцы котораго извѣстны въ катакомбахъ Присциллы и Марцеллина и Петра¹⁾. Здѣсь мы видимъ ту-же позу Маріи, сидящей налѣво отъ зрителя въ широкомъ креслѣ со спинкой, тотъ же оборотъ ея въ три четверти, тѣ-же выдвинутыя ноги, ту-же фигуру ангела съ протянутой рукой, хотя и безъ крыльевъ. Сцена на нашей пластинѣ болѣе близка къ этому первоначальному типу сцены, такъ какъ ангелъ является безъ мѣрила и безъ креста, а рука Богородицы протянута съ пряжей къ корзинѣ, какъ на Уваровскомъ диптихѣ, между-тѣмъ какъ въ другихъ случаяхъ она опираетъ эту руку на

1) Cp. Wilpert, Ein Cyclus d. christologischen Gemälde aus d. Katakombe d. hll. Marcellinus u. Petrus. Freiburg im B. 1892, t. III, IV, V.

ручку кресла. Ангелъ представленъ на пластинѣ въ быстромъ движеніи, чего нѣтъ ни на одномъ указанномъ памятникѣ.

Испытаніе Богородицы водою обличенія также представлено въ иной композиціи. Іосифъ изображенъ направо отъ зрителя, а Богородица налѣво, а не въ обратномъ порядкѣ. Можно было бы думать, что рѣщикъ съ умысломъ переставилъ эти фигуры, чтобы образовать въ центрѣ фриза, по сторонамъ пальмы, одинаковыя по рисунку и обратно расположенныя фигуры, выполненныя въ полномъ контрастѣ, однако, такое предположеніе не можетъ имѣть всей своей силы въ данномъ случаѣ, такъ какъ на Керченской пиксидѣ какъ разъ извѣстенъ этотъ типъ композиціи съ Іосифомъ направо и Маріей налѣво отъ зрителя. Такимъ образомъ, можно думать скорѣе, что въ основѣ обѣихъ сценъ лежитъ уже готовый и сложившійся типъ композиціи. Съ другой стороны, ясно, что самое возникновеніе этихъ двухъ типовъ сценъ должно было зависѣть отъ простѣйшихъ причинъ, т. е. отъ требованій симметріи и контраста.

Третья сцена во всемъ противоположна извѣстнымъ до сихъ поръ сценамъ на указанныхъ памятникахъ. Нигдѣ болѣе мы не встрѣчаемъ апокрифической черты разговора Іосифа съ Богородицей, а положеніе Іосифа сзади мула даетъ сценѣ совершенно иной смыслъ. Точно также сцена на пластинѣ отличается и своимъ исполненіемъ. Іосифъ изображенъ съ большой шапкой вѣлосъ, которые, однако, не курчавы; Марія сохраняетъ свой дѣвичій видъ въ противоположность роженицѣ на трехъ указанныхъ памятникахъ, такъ что искусство рѣщика оказывается лишеннымъ чертъ натурализма. Эта черта снова является на пиксидѣ изъ Миндена (Galg. 437, 4). Такимъ образомъ пластинка Равеннскаго диптиха еще болѣе, чѣмъ сохранившаяся его доска, показываетъ, что Равеннскій диптихъ, принадлежа къ такъ называемой Равеннской школѣ, представляетъ измѣненія не только въ составѣ и расположеніи украшеній, но и въ художественномъ исполненіи, что должно быть приписано особой художественной средѣ, которая, удерживая общія правила своей школы, держится своихъ самостоятельныхъ пріемовъ и своего стиля. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время, какъ на креслѣ Максиміана, на Эчміадзинскомъ и Парижскомъ диптихахъ, копирующихъ композиціи и стиль этого замѣчательнаго памятника, преобладаетъ короткая, грузная фигура, съ большой круглой головой, съ увѣсистыми руками, большими ступнями, Равеннскій диптихъ даетъ тонкую, сухощавую и угловатую фигуру. Въ нѣкоторыхъ слу-

чаяхъ эта фигура достигаетъ вполне нормальнаго вида, но въ большинствѣ случаевъ представляетъ чрезмѣрное преувеличеніе роста, особенное удлиненіе и суженіе торса и ногъ, знакомое намъ на болѣе позднихъ памятникахъ чисто византійскаго происхожденія. Головы при такомъ ростѣ кажутся маленькими. Типъ головъ круглый съ подбородками почти квадратной формы. Особенное свойство этихъ лицъ состоитъ въ томъ, что взглядъ почти всегда обращенъ вверхъ, а иногда, какъ у фигуръ по сторонамъ Христа, глаза косятъ. Происходитъ это оттого, что рѣщикъ уже потерялъ традиціи поздней античной статуарной пластики и оживляетъ взглядъ посредствомъ сверленной глубокой точки, чрезвычайно близко поставленной у линіи бровей. На креслѣ Максиміана лишь большія фигуры Іоанна Крестителя, Іоанна Евангелиста и Петра, исполненныя артистически и въ широкой манерѣ античной статуи, имѣютъ эти точки въ кружкѣ или зрачкѣ глаза, а остальные мелкія фигуры не имѣютъ ея, и эффектъ взгляда достигается посредствомъ углубленія самаго разрѣза глаза и обозначеніемъ верхняго вѣка, которое отсутствуетъ у фигуръ Равеннскаго диптиха. Также точно Миланскій диптихъ и болѣе ранній памятникъ, дарохранительница изъ Брешии, удерживаютъ совершенно пріемъ поздней античной пластики, изображаютъ даже при самомъ спѣшномъ и неловкомъ исполненіи разрѣзъ глаза и верхнее вѣко, а въ бюстахъ и головахъ большого размѣра изображаютъ круглый зрачекъ съ мягкой, неглубокой точкой внутри. Косьба и рѣзкій взглядъ фигуръ Равеннскаго диптиха напоминаютъ уже косящій и рѣзкій взглядъ сирійскихъ рукописей и представляютъ такую же попытку къ оживленію взора, какъ въ византійскихъ и сирійскихъ рукописяхъ, въ которыхъ зрачекъ выполняется черной точкой. На многихъ пиксидахъ и другихъ памятникахъ неизвѣстнаго происхожденія повторяется этотъ взглядъ, но гораздо важнѣе для насъ тотъ фактъ, что тотъ же типъ головъ и тотъ же взглядъ повторяется на обломкѣ пиксиды, найденномъ на Кавказѣ, въ Озеруковскомъ склепѣ въ 1893 году вмѣстѣ съ монетой Хозроя I Ануширвана 543 года¹⁾. Излишняя рѣзба этой пиксиды исполнена высокимъ рельефомъ. Голова перваго ангела слѣва на этой пиксидѣ чрезвычайно напоминаетъ голову ангела, ведущаго подъ уздцы мула на пластинѣ. Здѣсь въ совершенствѣ повторяются

1) Д. Айналовъ, Обломокъ пиксиды, находящійся въ Историческомъ музеѣ, *Арх. Изв. и Зам.* 1894, № 1.

и поднятые взоры, толстыя нижнія вѣки, и волосы, обработанные въ видѣ сѣтки посредствомъ штриховъ. Если къ этимъ чертамъ стили, сближающимъ Равеннскій диптихъ съ памятниками восточнаго происхожденія, мы прибавимъ тѣ аналогіи, которыя указаны были равьше, каковы звѣзда съ ободкомъ, извѣстная на ампулахъ изъ Монцы, сходство въ расположеніи сцены Испытанія Богородицы съ такой же сценой на сирійской Керченской пиксидѣ, расположеніе сценъ фризомъ, какъ на нашей же пиксидѣ, наконецъ, если прибавимъ существованіе греческой (неразборчивой) надписи на пластинѣ рядомъ съ ангеломъ, ведущимъ осла, то врядъ ли можно будетъ сомнѣваться, что Равеннскій диптихъ представляетъ чисто греческій памятникъ, который, если и можетъ считаться принадлежащимъ Равеннской школѣ, то лишь, какъ представитель византійскаго восточнаго искусства на италійской почвѣ.

Пластина, а слѣдовательно и весь диптихъ, неизвѣстно когда была раскрашена. На пластинѣ до сихъ поръ сохранились слѣды золота и коричневые штрихи на листьяхъ, на одеждахъ, на сбруѣ мула. Фонъ испещренъ изображеніями большихъ и маленькихъ звѣздъ, крестиковъ съ точками и орнаментальными завитками, такъ напоминающими восточную арабеску. Одежды также украшены крестиками. Золотомъ была сдѣлана и надпись. Въ этой сплошной раскраскѣ видна также черта восточнаго искусства, не терпящаго свободныхъ фоновъ.

Д. Айналовъ.

Анонимная греческая статья о преимуществах Константинопольскаго патриаршаго престола и древне-славянскій переводъ ея съ двумя важными дополненіями.

Въ составѣ нѣкоторыхъ славянскихъ Кормчихъ, содержащихъ въ себѣ древнѣйшій переводъ каноническаго кодекса греческой церкви въ его еще до-Фотіевской редакціи (883 г.), находится любопытная статья подъ заглавіемъ: «О строеніи прѣтааго прѣстола Костантина града»¹⁾. Такъ какъ эта статья носитъ на себѣ ясныя слѣды перевода съ греческаго, то мы въ виду одной чрезвычайно важной особенности въ ея содержаніи (о которой рѣчь впереди) усиленно доискивались ея оригинала и, наконецъ, нашли его по каталогу греческихъ рукописей Флорентійской Лаврентіевой библіотеки въ одной тамошней рукописи XII вѣка, содержащей въ себѣ извѣстный сводъ церковныхъ правилъ въ 50-ти титулахъ Іоанна Схоластика, съ разными дополненіями²⁾. Греческій подлинникъ означенной статьи славянскихъ Корм-

1) Старшею представительницею такихъ Кормчихъ служитъ извѣстная синодальная Кормчая XII в. № 227, подробно описанная въ нашемъ изслѣдованіи: «Первоначальный славяно-русскій номоканонъ». Къ тому-же разряду принадлежатъ три позднѣйшія Кормчія: Уваровская XIV в. (№ 554), Соловецкая XV в. (№ 413) и Троицкой Сергіевой Лавры XVI в. (№ 207). Занимающая насъ статья находится только въ двухъ послѣднихъ Кормчихъ (Солов. л. 321 и Лавр. л. 299 и сл.). Въ обѣихъ она вставлена въ 28-й титулъ Прохирона, между 1-ю и 2-ю главою этого титула. Въ основаніе нижеслѣдующаго нашего изданія положенъ Лаврскій списокъ, обозначаемый у насъ буквою Л, а варианты Соловецкаго приводятся съ знакомъ С. Къ сожалѣнію, текстъ статьи въ обѣихъ спискахъ глубоко испорченъ.

2) Рукопись эта подробно описана Бандини въ его *Catalogus codd. mss. graecorum bibliothecae Mediceae Laurentianae*, t. I, p. 45 sq. (Plut. V, 22). Наша статья, занимающая въ рукописи лл. 163 v.—164 v., ошибочно раздѣлена авторомъ каталога на двѣ различныя статьи, стоящія у него подъ № XXXIII и XXXIV, изъ коихъ послѣдней

чихъ имѣеть здѣсь такое надписаніе: *Περὶ τρονομίων τοῦ ἀγιωτάτου θρόνου Κωνσταντινουπόλεως*. Подъ этимъ заглавіемъ сведено все, что можно было найдти въ церковныхъ правилахъ и греко-римскихъ законахъ Юстиніановой эпохи о преимуществахъ Константинопольскаго патріарха, основанныхъ на политической важности его каѳедральнаго города, именно: 1) три правила Халкидонскаго, четвертаго вселенскаго собора: 9-е (отрывокъ со схолией), 17-е (отрывокъ безъ схоліи) и 28-е (полный текстъ, безъ конца, со схолией); 2) шесть отрывковъ изъ трехъ Юстиніановыхъ законныхъ книгъ: кодекса, новеллъ и институцій. Первый изъ этихъ отрывковъ сопровождается схолией, по смыслу которой можно съ полною вѣроятностію заключать, что вся статья составлена еще до эпохи иконоборцевъ. Именно въ схоліи говорится, что Иллирійскіе епископы состоятъ подъ юрисдикціей папскаго престола; а между тѣмъ извѣстно, что уже первый императоръ — иконоборецъ (Левъ Исаврянинъ) присоединилъ Иллирикъ къ Константинопольскому патріархату¹⁾.

Сравнительно съ описаннымъ составомъ греческаго подлинника статьи о преимуществахъ Константинопольскаго патріаршаго престола славянскій переводъ ея представляетъ двѣ въ высшей степени замѣчательныя матеріальныя особенности, состоящія въ двухъ дополнительныхъ, т. е. не находящихся въ подлинникѣ, схоліяхъ къ 28-му правилу Халкидонскаго собора. Въ этихъ схоліяхъ, *вопреки* соборному правилу и сопровождающей его старшей схоліи, доказывается независимость іерархическаго достоинства епископскихъ каѳедръ отъ политической важности городовъ, въ которыхъ онѣ находятся, и Константинопольскій патріархъ принижается предъ Римскимъ папою, какъ носителемъ такой духовной власти, которая утверждается не на мірскомъ величіи Рима, а на богодарованныхъ преимуществахъ основателя Римской церкви апостола Петра, унаслѣдованныхъ и его преемниками. Хотя съ перваго взгляда видно, что и эти схоліи не оригинально славянскія, а переводныя съ греческаго, тѣмъ не менѣе невозможно допустить, чтобы ихъ оригиналъ находился уже въ первоначальномъ (впослѣдствіи сокращенномъ) текстѣ статьи *περὶ τρονομίων*

дано несуществующее въ рукописи надписаніе: *Τοῦ μακαρίου Κυρίλλου*. Мы имѣемъ точную копию статьи, снятую для насъ профессоромъ греческаго языка въ Флорентійской Высшей школѣ (*Instituto Superiore*) Иеронимомъ Вителли, которому приносимъ здѣсь искреннѣйшую благодарность.

1) См. *Hergenrother, Photius, Bd. I, S. 287.*

τοῦ ἀγιωτάτου θρόνου Κωνσταντινουπόλεως, потому что нельзя допустить, чтобы одинъ и тотъ же писатель въ одномъ и томъ же сочиненіи и доказывалъ что нибудь и опровергалъ свои собственные доказательства. Итакъ, обѣ схоліи необходимо должны быть признаны позднѣйшими вставками въ текстъ означенной статьи. Когда же сдѣланы эти вставки, и какъ объяснить ихъ появленіе въ области греческой и славянской канонической литературы?

Глубокая древность славянскаго языка статьи «о строеніи прѣсватаго прѣстола Костантина града» и фактъ ея нахождения въ Кормчихъ, содержащихъ въ себѣ первоначальный переводъ каноническаго кодекса греческой церкви, невольно заставляютъ относить ея происхожденіе къ той же эпохѣ, когда произошелъ и прототипъ такихъ Кормчихъ, т. е. ко временамъ славянскихъ апостоловъ Кирилла и Меодія, и именно — послѣдняго, которому современный его жизнеописатель (авторъ такъ называемаго Паннонскаго житія) прямо приписываетъ переводъ номоканона. Это былъ, по всей вѣроятности, тотъ номоканонъ, какой находился тогда у грековъ во всеобщемъ церковномъ употребленіи, именно вышеупомянутый систематическій сводъ каноновъ Іоанна Схоластика съ приложеніемъ правилъ, изданныхъ или только утвержденныхъ двумя вселенскими соборами, бывшими послѣ Схоластика (Трульскимъ и Никейскимъ 2-мъ)¹⁾. Значительные отрывки славянскаго перевода этого номоканона сохранились до насъ въ извѣстной Румянцовской Кормчей XIV в. № 230, въ описаніи которой Востоковъ замѣтилъ: «языкъ перевода во многихъ мѣстахъ сохраненъ древнѣйшій, по коему *несомненно* заключать можно, что сіе собраніе церковныхъ правилъ есть древнѣйшее на языкѣ словенскомъ»²⁾. Правда, въ этой Кормчей нѣтъ статьи «о строеніи прѣсватаго прѣстола Костантина града», но въ ней нѣтъ и многого другого, чтò несомнѣнно содержалось въ ея прототипѣ и чтò находится теперь въ Кормчихъ другого разряда, которыя когда-то стояли въ тѣсной связи съ славянскимъ номоканономъ Схоластика, и въ составѣ которыхъ, какъ выше замѣчено, означенная статья дошла

1) О составѣ Схоластикова сборника во времена св. Меодія можно съ вѣроятностію судить по выше указанной Флорентійской рукописи, хотя она и писана въ XII вѣкѣ. Здѣсь коновическій кодексъ восточной церкви, т. е. та часть его, въ которой содержатся обще-признанныя правила соборовъ и св. отцовъ, оканчивается правилами VII-го вселенскаго собора, но нѣтъ еще правилъ двухъ извѣстныхъ Константинопольскихъ соборовъ, бывшихъ при патриархѣ Фотіѣ.

2) Описаніе ркп. Румянцовскаго Музеума, стр. 279.

до нашего времени¹⁾. Что касается до греческаго оригинала этой статьи, то мы уже знаемъ, что единственный доселѣ извѣстный списокъ его находится именно въ числѣ дополненій въ сборнику Схоластика. Надобно думать, что этотъ библиографическій фактъ свидѣльствуетъ о рукописномъ преданіи, установившемся задолго до написанія Флорентійской рукописи и даже до эпохи славянскаго перевода номоканона. Несомнѣнно по крайней мѣрѣ, что статья *περί προνομίων τοῦ ἀγιοτάτου θρόνου Κωνσταντινουπόλεως* ставитъ себя въ тѣсную связь съ номоканономъ Схоластика и въ одномъ случаѣ прямо ссылается на него, какъ на свой источникъ. Такъ, въ надписаніи приведеннаго въ ней отрывка изъ 17-го правила Халкидонскаго собора мы читаемъ по Флорентійской рукописи: *Τῆς αὐτῆς συνόδου κανὼν ἕτις β'.* По справкѣ съ Схоластикомъ оказывается, что это правило, дѣйствительно, стоитъ у него въ титулѣ 2-мъ. Спрашивается: какой смыслъ имѣла бы эта глухая цитата, если бы она отсылала читателя куда-то на сторону, а не къ той самой книгѣ, которая была у него передъ глазами? Такимъ образомъ, если несомнѣнно, что первымъ переводчикомъ греческаго номоканона на славянской языкъ былъ св. Меодій, и если вполнѣ вѣроятно, что первымъ славянскимъ номоканономъ былъ номоканонъ Схоластика, содержащій въ себѣ между другими дополненіями и статью о преимуществахъ Константинопольскаго патріаршаго престола: то не менѣе вѣроятно, что и переводъ этой статьи, не уступающій въ древности переводу всего номоканона, принадлежитъ тому же св. Меодію. При такомъ предположеніи нетрудно объяснить, какимъ образомъ въ славянской текстъ статьи могли попасть двѣ вставки, отвергающія все остальное ея содержаніе. Не забудемъ, что миссіонерская и литературная дѣятельность св. Меодія имѣла мѣсто въ предѣлахъ Римскаго патріархата, и что онъ получилъ епископское рукоположеніе отъ папы, при чемъ по общему правилу и по принятой формѣ обязанъ былъ дать присягу на вѣрность и повиновеніе своему рукоположителю, другими словами: торжественно признать папу, какъ преемника апостола Петра, главою всей церкви²⁾.

1) На связь славянскихъ Коричихъ, содержащихъ въ себѣ переводъ хронологической синагмы каноновъ въ ея еще до Фотіевской редакціи, съ тѣми Коричими, въ которыхъ содержится переводъ систематическаго сборника Іоанна Схоластика, указываетъ надписаніе надъ правилами Василія Великаго въ Коричихъ перваго разряда. См. нашъ первоначальный славяно-русскій номоканонъ, стр. 41.

2) Сколько извѣстно, первый примѣръ епископской присяги на вѣрность и повиновеніе папскому престолу въ опредѣленной формѣ (*Beato Petro et Vicario ejus*)

Само собою понятно, что это признаніе было вмѣстѣ отреченіемъ отъ византійскихъ воззрѣній на равенство тамошняго патріарха съ папою. То и другое выражено и въ занимающихъ насъ двухъ схоліяхъ на 28-е правило Халкидонскаго собора. Вѣдшимъ побужденіемъ къ такой апологіи Римскаго примата и полемикѣ противъ Константинопольскаго патріаршества могла служить для св. Меодія современная борьба между Римомъ и Константинополемъ, возникшая при папѣ Николаѣ I и патріархѣ Фотіѣ. Борьба эта, какъ извѣстно, кончилась торжествомъ Рима на Константинопольскомъ соборѣ 869 года, на которомъ Фотій былъ низложенъ, а его предшественникъ Игнатій возстановленъ въ своемъ санѣ. Въ письмѣ Игнатія, написанномъ по этому поводу къ папѣ Адриану II, по вѣрному замѣчанію Гергенрѣтера, содержится «искреннѣйшее признаніе Римскаго примата» (*unpseudeste Anerkennung des römischen Primates*)¹⁾. Почему же не приписать такого признанія простому суффрагану папскаго престола, каковымъ былъ св. Меодій? Иначе фактъ существованія на *славянскомъ* языкѣ и въ составѣ *первоначальнаго* славянскаго номоканона двухъ каноническихъ схолій греческаго происхожденія, но папистическаго содержанія, останется неразрѣшимой загадкой.

Περὶ προνομίῳν τοῦ ἁγιωτάτου Οстроени прѣтааго прѣстола
θρόνου Κωνσταντινουπόλεως. Костантина града.

Τῆς ἐν Χαλκηδόνι συνόδου κα- Сѣго и всеа вселеныя въ Кал-
νῶν θ'. хидонѣ³⁾ събора канонъ⁴⁾ ѿ.

1. Εἰ τις πρὸς τὸν τῆς ἐπαρχίας Аще кто къ епархійскомуу
μητροπολίτην ἐπίσκοπος ἢ κληρικὸς митрополиту епѣ или клирикѣ
ἀμφισβητοῖη, καταλαμβάνετω ἢ τὸν распѣрю имать, да постигаетъ или

имѣлъ мѣсто за 100 лѣтъ до св. Меодія при рукоположеніи Германскаго апостола Бонифація. См. De Mayo, De concordia sacerdotii et imperii, lib. VI, cap. 7, § 6.

1) Сокращенный нѣмецкій переводъ этого письма см. у Гергенрѣтера въ цитованномъ сочиненіи, т. II, стр. 25—28. Для сравненія съ издаваемыми ниже схоліями достаточно привести слѣдующее мѣсто изъ посланія Игнатія: приведу извѣстные слова Господа, обращенныя къ апостолу Петру и служація догматическимъ основаніемъ ученія западной церкви о главенствѣ папы (Мс. 16, 18, 19), патріархъ продолжаетъ: «Этими словами Господь указалъ не на какое либо личное преимущество князя апостоловъ, исключительно ему данное, но на такое, которое черезъ него и послѣ него перешло ко всѣмъ іерархамъ древняго Рима».

3) Халкидонѣ С. — 4) канономъ — въ обѣихъ спискахъ.

ἐξάρχον τῆς διοικήσεως, ἢ τὸν τῆς βασιλευούσης Κωνσταντινουπόλεως θρόνον, καὶ ἐπ' αὐτῷ δικαζέσθω¹⁾).

Ἐξάρχον διοικήσεως καλεῖ τὸν πατριάρχην ἐκάστης διοικήσεως, ὑφ' ὃν οἱ τῶν ἐκείνης ἐπαρχιῶν τελοῦσι μητροπολίται· φησὶ οὖν ὁ κανὼν· ὅτιπερ ὁ ἀμφισβητῶν πρὸς τὸν ἴδιον μητροπολίτην ἐπίσκοπος ἢ κληρικὸς οἰασδήποτε διοικήσεως, ἢ τὸν αὐτῆς καταλαμβάνετω πατριάρχην, ἢ, εἰ μὴ τοῦτο βούλοιο, ἄδειαν ἔχειν πρὸς τὸν Κωνσταντινουπόλεως ἀνατρέχειν θρόνον· ὅπερ προνόμιον οὐδενὶ τῶν ἄλλων πατριαρχῶν ἐδόθη, οὔτε ἐκ τῶν ἀγίων κανόνων, οὐς ἐξέθεντο αἱ οἰκουμενικαὶ τέσσαρες σύνοδοι, οὔτε ἐκ τῶν εὐσεβῶν νόμων²⁾).

2. Τῆς αὐτῆς συνόδου κανὼν ιζ'. τίτ. β'.

Εἰ τις ἀδικεῖτο ὑπὸ τοῦ ἰδίου μητροπολίτου, παρὰ τῷ ἐξάρχῳ τῆς διοικήσεως, ἢ τῷ Κωνσταντινουπόλεως θρόνῳ δικαζέσθω, καθὰ προείρηται³⁾).

3. Τῆς αὐτῆς συνόδου κανὼν κη', χάριν τῶν πρεσβείων τοῦ αὐτοῦ θρόνου.

Πανταχοῦ τοῖς τῶν πατέρων ὄροις ἐπόμενοι, καὶ τὸν ἀρτίως ἀνα-

началника строенiа. или прѣскааго Костантина града прѣстоль. и прѣдъ тѣмъ да притѣса.

Началника строенiа зоветь патриархъ¹⁾ коегождо строенiа. под нимиже тоя епархiа бываетъ митрополитъ. Рече оубо канонъ²⁾. яко приаѣса съ своимъ митрополитомъ епѣ ли клирикъ коегождо строенiа. да постигнеть патриарха своего. Аще ли сего не въскощеть. власть имѣти къ Костантина града ити прѣстолоу. егоже строенiе инединомуже инѣхъ патриархъ подано есть. ни ѿ стѣнихъ канонъ. яже проповѣдаша всеа вселенна стѣни съборы четыре. ни ѿ благочестиваго закона.

Тогоже стго събора канонъ 31.

Аще кто обидимъ есть ѿ своего митрополита. прѣдъ начальникомъ строенiа. или прѣдъ Костантина града прѣстоломъ да пратѣса, якоже прѣже речено есть.

Причетъ тогоже стга събора чести ради тогоже прѣ- стола³⁾).

Всьдѣ стѣнихъ оѣ заповѣдѣи въслѣдуюше. и нынашнѣи прочте-

1) Это собственно послѣднiя слова 9-го правила Халкидонскаго собора.

2) Съ этою же схолией 9-е правило Халкидонскаго собора приводится въ каноническомъ синописи Симеона Магистра. (См. Voelli et Iustelli Biblioth. juris сап. veteris, р. 721). — 3) Отрывокъ изъ середины 17-го правила.

1) патриархъ—вин. пад. мн., какъ видно изъ дальнѣйшаго относительнаго: под нимиже. — 2) канономъ С. — 3) Славянское оглавленiе «причетъ» представляетъ переводъ первоначальнаго греческаго оглавленiя, которое читалось такъ: Ψηφος τῆς αὐτῆς ἀγίας συνόδου χάριν τῶν πρεσβείων κτλ. см. нашъ Первонач. славяно-русск. номоканонъ, стр. 36.

γνωσθέντα κανόνα τῶν ρν' θεοφιλεστάτων ἐπισκόπων τῶν συναχθέντων ἐπὶ τοῦ τῆς εὐσεβοῦς μνήμης μεγάλου Θεοδοσίου τοῦ γενομένου βασιλέως ἐν τῇ βασιλίδι Κωνσταντινουπόλει, νέα Ῥώμη, γνωρίζοντες, τὰ αὐτὰ καὶ ἡμεῖς ὀρίζομεθα καὶ ψηφίζομεθα περὶ τῶν πρεσβείων τῆς ἀγιωτάτης ἐκκλησίας τῆς αὐτῆς Κωνσταντινουπόλεως, νέας Ῥώμης. Καὶ γὰρ τῷ θρόνῳ τῆς πρεσβυτέρας Ῥώμης, διὰ τὸ βασιλεύειν τὴν πόλιν ἐκείνην, οἱ πατέρες εἰκότως ἀποδεδώκασιν τὰ πρεσβεῖα. Καὶ τῷ αὐτῷ σκοπῷ κινούμενοι οἱ ρν' θεοφιλέστατοι ἐπίσκοποι, τὰ ἴσα πρεσβεῖα ἀπένειμαν τῷ τῆς νέας Ῥώμης ἀγιωτάτῳ θρόνῳ, εὐλόγως κρίναντες τὴν βασιλείαν καὶ συγκλήτῳ τιμηθεῖσαν πόλιν, καὶ τῶν ἴσων ἀπολαύουσαν πρεσβείων τῇ πρεσβυτέρῃ καὶ βασιλευσῆσῃ Ῥώμῃ, καὶ ἐν τοῖς ἐκκλησιαστικοῖς ὡς ἐκείνην μεγαλύνεσθαι πράγμασι, δευτέραν μετ' ἐκείνην ὑπάρχουσαν. Καὶ ὥστε τοὺς τῆς Ποντικῆς, καὶ τοὺς τῆς Ἀσιανῆς, καὶ τοὺς τῆς Θρακικῆς διοικήσεως μητροπολίτας μόνους, εἶτι δὲ καὶ τοὺς ἐν τοῖς βαρβαρικοῖς ἐπισκόπους τῶν πρσειρημένων διοικήσεων χειροτονεῖσθαι ὑπὸ ἀγιωτάτου θρόνου τῆς κατὰ Κωνσταντινουπόλιν ἀγιωτάτης ἐκκλησίας.

Σχόλιον. Δεῖ εἶδέναι ὡς διὰ τοῦτο δευτέραν τὴν ἐν Κωνσταντινουπόλει ἐκκλησίαν ὠνόμασαν, ἐπειδὴ τότε καὶ ἡ πρεσβυτέρα ἐβασίλευε Ῥώμῃ. Εἰ τοίνυν καθὰ φησὶν ἡ

νὴν κανὼν. ρ̄. и. н̄. б̄голюбовныхъ еп̄п̄. съкульшнихъсѧ въ бл̄гочестивую памѧть великаго Феодосіа бывшааго ꙗ̄ра. въ цр̄вскѣмъ Костантинѣ градѣ новѣмъ Рими¹⁾ сказыюще. тоже²⁾ и мы заповѣдаемъ и причитаемъ³⁾ о чести пр̄тыя цр̄кве тогоже Костантина града новаго Рима. Ибо прѣстолю старѣйшаго Рима. зане цр̄ствовати граду тому. оц̄и въ правду ѡдаша чьсть. И тѣмъже⁴⁾ смотрѣнїемъ подѣвигъшеса. ρ̄. и. н̄. б̄голюбивїи еп̄пи. равную чьсть подавааху новаго Рима ст̄ому прѣстолю. оудобо судивше. цр̄ство[мъ] и с̄уклинтомъ почтеный градъ и равную въспрїмати чьсть⁵⁾ [съ] старѣйшимъ цр̄вскимъ Римомъ. и въ цр̄кви такоже и ѡного⁶⁾ величати вещьми. вторый по немъ сущъ. И ꙗко понтскоуоумоу⁷⁾. и асїйскому. и фрачьскому строенїю митрополитомъ единѣмъ. еще [же] и въ варварскихыхъ прѣже реченихъ строенїихъ еп̄пы поставлати ѡ пр̄того прѣстола иже въ Костантини градѣ пр̄тыя цр̄кве.

Подобаеть вѣдѣти.⁸⁾ ꙗко того ради вторую Костантина града цр̄квѣ нарече. понеже тогда и старѣйшїи цр̄ствовааше Римъ. Аще оубо ꙗкоже рече⁹⁾ ст̄ий сїй

1) Римѣ С. — 2) тогоже С. — 3) заповѣдаемъ читаемъ С. — 4) иже С. — 5) чьсть — два раза въ С. — 6) иного С. — 7) понтскому С. — 8) видѣти Л. — 9) рече — нѣтъ въ С.

ἀγία αὕτη σύνοδος, διὰ τὸ βασιλεύειν τὴν [πρεσβυτέραν] Ῥώμην οἱ πατέρες τὰ πρεσβεῖα δεδώκασι, μόνης νῦν εὐδοκίᾳ Θεοῦ ταύτης τῆς [πόλεως] βασιλευούσης, εἰκότως αὕτη [νῦν] καὶ τὴν προτέραν κέκρηται¹⁾.

съборъ. зане цѣрѣствовати старѣйшиму¹⁾ Риму оѣи честь тому подаша. съ единѣмъ блѣговоленіемъ Бжїемъ съ цѣрѣствующимъ градомъ въ правду тѣй нына²⁾ честь прига.

Подобаеть же вѣдѣти³⁾. ꙗко причеть сѣ неприѣтень будетъ Ѡ блаженааго папежа Лва. тогда старааго Рима прѣстоль правцааго. ни съвѣща на се стѣму въ Калхидонѣ събору. нѣ и въсписа к събору⁴⁾ ничьсоже такова прїати ему ꙗко по поновленїи двѣвѣрїю⁵⁾ тогда⁶⁾ суцааго еѣпа Костантина града. Анатолю тому бывшю⁷⁾. Тѣмъ и не въсписаша в томъ причеть суще обрѣтшеиса въ соборѣ еѣпи нѣдїи. ни ꙗкоже рече таковѣй причеть. зане цѣрѣствовати старѣйшему Риму. чѣсть ему Ѡдаша стѣи оѣи. нѣ съвыше изначала Ѡ Бжїа блѣгдати. степени ради вѣры. то еже рещи върховному Ѡ аплѣ Петру. ꙗко Ѡ Г̄а̄ І̄с̄ Х̄а̄ самого гласъ слышавше. Петре любииши ли мя [;]. паси овца моа. чѣсть⁸⁾ варившїихъ въ чистительхъ чинѣ и прѣвое сѣдалище прїтажа. Аще бо ꙗкоже рекоша. прѣдлежащее

1) Также самая схолия къ 28-му правилу Халкидонскаго собора издана Питрою по Мюнхенскому списку номоканона въ XIV титулахъ. См. Iurgia eccles. graec. historia et monumenta, t. II, p. 646—647. Отсюда взяты въ нашемъ текстѣ слова, поставленныя въ скобкахъ. — Мысль этой схолии, очевидно, та, что если второй вселенскїй соборъ отдалъ Риму, какъ старшей столицѣ, преимущество чести предъ Константинополемъ, то послѣ паденїя западной Римской имперїи, когда только одинъ Константинополь остался «царствующимъ градомъ», къ нему по необходимости перешли *все* преимущества стараго Рима. Противъ этой мысли, составляющей собственно *выводъ* изъ соборнаго правила, и возстааетъ авторъ слѣдующей схолии, извѣстной теперь только въ славянскомъ переводѣ.

1) старѣйшему С. — 2) тѣньна С. — 3) видити Л. — 4) Слова: нѣ и въсписа к събору пропущены въ С. — 5) двѣ вѣрою С. Ср. слѣдующую статью, имѣющую при себѣ греческїй текстъ, въ которой греческїй глаголъ ἀμφιβάλλουσι переведенъ: двѣвѣрствуютъ. — 6) когда Л. — 7) Не нахожу возможности возстановить смыслъ этого глубоко испорченнаго мѣста. — 8) часть С.

слово устроивше. зане црѣство-
вати старѣйшу Риму и чѣсть при-
тажати. нына же Костантину
граду црѣствующу. тѣ наслѣдитъ
чѣсть.

Вѣсто да есть. яко¹⁾ въ Ме-
диолапѣ и въ Равени въ граду
црѣве сѣдоша. ихже полаты и до
нынѣшнаго днѣ стоать. и не того
ради градома тѣма чѣсть подана
бысть²⁾. ибо чистительскаго чину
чѣсть и вареніе не ѿ мирьскыи
блгодати. нѣ ѿ бжественааго из-
браніа и ѿ апостольскыи области
почтенъ бысть. Аще бо стїи оѣи
градъ Іерлмъ црѣ ради црѣ-
ствующихъ. Бѣ Гѣ нашего Іс Ха
и припѣтую его страсть почисти
хотаще. митрополіа чѣсть ему
оутвердиша. а не патріаршь-
скаго строеніа подаша. не воз-
могъше ѿложити прѣдѣла. наже
истинныи вѣры проповѣдници по-
ложиша. како есть мощно црѣ
ради землянааго бжественыа дары
и апостольскыи чести прѣлагати³⁾
и непорочныи вѣры обнавлати⁴⁾

1) Въ С прибавлено и. — 2) Этотъ
аргументъ высказывалъ уже папа Ге-
ласій въ своемъ полемическомъ посла-
ніи къ епископамъ Дарданіи противъ
Константинопольскаго епископа Акакія.
Приводимъ подлинныя слова папы: Ri-
simus autem, quod praerogativam vo-
lunt Acasio comparari, quia episcopus
fuerit regiae civitatis. Numquid apud Me-
diolanum, apud Ravennam, apud Trevi-
ros multis temporibus non constitit im-
perator? Numquidnam harum urbium sa-
cerdotes ultra mensuram sibi met antiq-
uitus deputatam quidpiam suis dignitatibus
usurparunt? (*Thiel, Epistolae romanorum
pontificum genuinae*, p. 405). — 3) прила-
гати — въ обонихъ спискахъ. — 4) обнов-
лати С.

повелѣнїа [;]. Неподвижны оубо до скончанїа суть старѣйшаго Рима чести. тѣмъ ꙗкоже и начинаѣ всѣхъ цр̄квѣ. въ стѣ[ихъ] всеа вселеныа съборѣхъ того стѣитель чѣсти ради не нудитѣса съходит[и]са. бесъсвѣщанїа же того прѣкыими посланыими ѿ него сущїи[ми] подѣ прѣстоломъ его всеа вселеныа съборъ не бывааше. и еже самъ оуправляаше начинати въ соборѣ. Аще ли нѣцїи противу ꙗвляются сущему слову. ꙗко не такому о сихъ бывати. хота[и] да испытаетъ¹⁾ писаное ѿ тогоже прѣблаженаго папежа Леа Маркиану и Плъхерїи въ кончину бл̄гочестивыима. еже²⁾ и къ реченому еѣпу Костантина града Анатолю. и ѿ тѣхъ истину да увѣсть.

4. Βιβλίου α' τοῦ κώδικος τίτ. β' Κινητῶν διατ. ζ' ¹⁾. Книгы первыа написанїа шестааго.

Ὁμοίως κρατεῖτωσαν οἱ ἐκκλησιαστικοὶ κανόνες [πάσης καινοτομίας ὑποχωρούσης] κατὰ παλαιὰν συνήθειαν καὶ ἐν ὅλῳ τῶ Ἰλλυρικῶ· εἰ δὲ περὶ τίνος ἀμφιβάλλουσιν [οἱ] ἐν ἐκείνῳ τῶ κλήματι, μηδὲν δίχα τοῦ ὀσιωτάτου ἐπισκόπου τῆς ἐκκλησίας Κωνσταντινουπόλεως διατυπώτωσαν· ἐπειδὴ τοῖς τῆς παλαι-

Да держать цр̄ковнїи канони. всакому обновленїю празноу³⁾ сущу. по ветьхому обычаю и въ всемъ Илиричѣстѣмъ⁴⁾. аще ли о нѣкомъ двовѣрствують на томъ мѣстѣ сущей. ничьсоже да не въображаютъ развѣе еѣпа цр̄кве Костантина града и събора его. понеже старѣйшаго Рима строенїю⁵⁾ и Костантинъ градъ⁶⁾ утвердїса.

1) Въ флорентійской рукописи стоятъ одно только заглавіе этого закона и читается такъ: Βιβλίον α' τοῦ κώδικος τῆς β' διατάξεως. Это заглавіе исправлено нами по изданїю Питры (Juris eccl. graec. hist. et monum., t. II, p. 462—463, Auctaria). Ср. Номоканонъ Фотїа, тит. VIII, гл. 1.

1) да исты дасть С. — 2) еще же? 3) праздну С. — 4) и римѣстѣмъ С. — 5) Кажется, нужно читать: строенїа. (тв. пад. мн). — 6) Въ обонхъ спискахъ: Костантина града.

ἄς Ῥώμης δικαίους καὶ ἡ Κωνσταντινούπολις ὀχυροῦται¹⁾).

Δεῖ εἶδέναι, ὡς οἱ τοῦ Ἰλλυρικοῦ ἅπαντες ἐπίσκοποι ὑπὸ τὸν Ῥώμης ἀγιώτατον θρόνον τελοῦσιν ὁμῶς μέντοι τοσαύτην αὐθεντίαν τῷ Κωνσταντινουπόλεως ἀπένευμαν θρόνῳ οἱ πανευσεβεῖς νόμοι, ὡς θεσπίσαι, ἄνευ αὐτοῦ μηδὲν περὶ [τῆς] ἐκκλησιαστικῆς τυποῦσθαι διοικήσεως ἐν τῷ Ἰλλυρικῷ.

5. Βιβλίῳ τῷ αὐτῷ διάταξις ις΄.

Τὰ γενόμενα ἐν τῇ κατὰ Ζήνωνος τυραννίδι παρὰ τὰ πρόην βασιλικά θεσπίσματα περὶ ἱερέων²⁾ τῆς ἐκκλησιαστικῆς καταστάσεως ἡ διάταξις ἀκυροῦσα, τὰ πρόην ἀνανεοῦται, καὶ φησι [προ]τιμᾶσθαι τὸν θρόνον τῆς ἀγίας ἐκκλησίας τῆς Κωνσταντινουπόλεως πάντων τῶν ἄλλων θρόνων καὶ προκαθέζεσθαι πάντων τῶν ἐπισκόπων τὸν ὀσιώτατον αὐτῆς πατριάρχην³⁾).

6. Τοῦ αὐτοῦ διάταξις κδ΄. Ἐπιφανίῳ ἀρχιεπισκόπῳ τῆς εὐδαίμονος πόλεως καὶ οἰκουμηνικῷ πατριάρχῃ.

Πάντων τῶν ἐκκλησιαστικῶν πραγμάτων καὶ διαφερόντων τῶν προσηκόντων τῇ ἀγιωτάτῃ μεγάλῃ

1) Текст этой статьи взят у Вьеля и Жюстея изъ Biblioth. jur. can. vet., p. 606, а слова, огражденные скобками, изъ цитованнаго мѣста у Питры. (Ср. предыд. примѣч.). — 2) Далѣе долженъ стоять союзъ ἢ. См. Biblioth. juris can. vet., p. 1245; ср. Photii Nomoc., tit. VIII, cap. 1. — 3) Ср. Voelli et Iustelli op. cit., p. 1245; Photii Nomoc. tit. VIII, cap. 1.

Подобаетъ вѣдѣти¹⁾ ἵαко Илирїѣцѣи вси еѣпи подѣ римскыимъ прѣстоломъ суть. обаче убо толико власть Костантинаграда пода прѣстолу всечестный законъ. ἵако ничьсоже заповѣдати развѣ его о цр̄квнѣмъ строенїи въображати въ Илирїѣтѣмъ²⁾).

Тогоже повелѣнїа шестое надесате.

Бывающаа въ мученїе Зиновово ѿ перь[в]ныхъ цр̄скаа повелѣнїа о чистителехъ цр̄ковнаго строенїа повелѣнїе утвержаа.³⁾ перваа обновлаеть и рече. прѣже честити прѣстолъ стѣа цр̄кве Костантина града. и паче инѣхъ всѣхъ прѣстолъ. и прѣже сѣдати всѣхъ еѣпъ прѣподобному еа патриарху.

Тогоже повеленїа. κδ. Епифанїю пр̄тому архїепископу блаженаго града. и всеа вселеныа патриарху.

Всѣхъ цр̄ковныхъ вещей израдъно подобнымъ пр̄тѣй велицѣй цр̄кви блаженаго того града. нашей всѣхъ матери. аже глава

1) видити. Д.—2) Въ обонхъ спискахъ: «Въ илирїѣтѣмъ», т. е. это слово отнесено къ заглавию слѣдующей статьи. — 3) Вѣроятно, передъ этимъ словомъ опущена отрицательная частица не (ἀκυροῦσα).

ἐκκλησίᾳ τῆς εὐδαίμονος ταύτης πό-
λεως, τῇ ἡμετέρᾳ καὶ πάντων μητρὶ,
ἣτις κεφαλὴ ἐστὶ τῶν ἄλλων πα-
σῶν¹⁾), ποιούμενοι πρόνοιαν, θεσπί-
ζομεν κτλ.

7. Τῆς α' διατάξεως β' τῶν νεα-
ρῶν²⁾).

Τοὺς δὲ ἐπισκόπους τοὺς κατὰ
τὴν βασιλίδα ὡς εἴρηται παραγινω-
μένους, οἰασδήποτε εἰεν διοικήσεως,
πρὸ πάντων ἐπιέναι πρὸς τὸν μακά-
ριον ἀρχιεπίσκοπον Κωνσταντινου-
πόλεως, καὶ οὕτως δι' αὐτοῦ πρὸς
τὴν ἡμετέραν εἰσέναι γαληνότητα³⁾).

8. Βιβλίον ια' τοῦ κώδικος τῆς
κα' διατάξεως⁴⁾).

Ἡ Κωνσταντινούπολις μὴ μόνον
Ἰταλίας, ἀλλὰ καὶ αὐτῆς τῆς πα-
λαιᾶς Ῥώμης ἐχέτω τὰ πρόνοια.

9. [Βιβλίου δ'] τῶν εἰσαγωγι-
κῶν νόμων τίτλος ια'⁵⁾).

Ἐπι ἐπὶ τῶν δικαστ[ικ]ῶν ἀσφα-
λειῶν, τῇ κρατοῦσῃ ἐν Κωνσταντι-
νουπόλει συνηθεῖα δεῖ τὰς ἄλλας
ἐπαρχίας ἐπεσθαῖ κεφαλὴ γάρ ἐστὶ
πασῶν ἢ βασιλεύουσα· καὶ δεῖ αὐτῇ
καὶ τοῖς ἐθεσιν αὐτῆς πάσας ἀκο-
λουθεῖν.

1) Здѣсь оканчивается текстъ закона
въ Флорен. сп.; остальное — изъ Питры
(ор. cit., p. 463). — 2) Нужно читать: τοῦ
τίτ. α' διατάξης β' τῶν νεαρῶν. — 3) Ср.
Voelli et Iustelli ор. cit., p. 1321. — 4) Нуж-
но читать: Βιβλίου ια' τοῦ κώδικος, τίτ.
κα' διατάξης α'. — 5) Εἰσαγωγή или εἰσαγω-
γικός νόμος назывались у византийцевъ
Институціи Юстиніана. Ср. Pitra ор. cit.,
p. 462, not. 9, гдѣ приведено тоже самое
мѣсто изъ Институцій, в Zachariae *Ἀνέκ-
δοτα juris graeco-romani, praefat.*, p. XXII.

есть инымъ всѣмъ. твораще по-
мышленіе повелѣваемъ.

Перваго повелѣнія второе Ѡ
новыихъ.

Епѣпомъ же въ црѣскый градъ
якоже речено есть приходящемъ.
какого¹⁾ оубо ради²⁾ строенія.
прѣже всѣхъ ити къ прѣблаже-
ному архіепископу Костантина
града и патріарху. и тако [то]го
ради ко нашей ходити тихости.

Книгы единая надесате на-
писанія повелѣніе первое.

Костантинъ градъ не токмо
италийское. нъ и того старѣй-
шаго Рима да имать строеніе.

Книгы первыя въводиимаго
закона. аї.

Яко на судищныхъ утверже-
ніихъ дръжащимъ въ Костан-
тинѣ градѣ обычаимъ³⁾ подо-
баеть инѣмъ патріархіамъ быти.
Глава бо есть всѣмъ црѣскый. и
подобаетъ ему [и] обычаемъ его
всѣмъ въслѣдовати.

1) како С. — 2) ради лишнее. — 3) обы-
чаемъ С.

8.

Греческая запись о церковномъ судѣ надъ убійцами, прибѣгающими подъ защиту церкви.

Извѣстно, что законы христіанскихъ греко-римскихъ императоровъ предоставляли церквамъ право давать подъ своимъ кровомъ неприкосновенное убѣжище лицамъ, которымъ грозила явная опасность сдѣлаться жертвами людской злобы и несправедливости, или даже подвергнуться законному наказанію (такъ называемое *jus asyli*, *δικαίον τῆς ἀσυλίας*). По законамъ Юстиніана, опредѣлившимъ это право церквей на долгія времена, только виновные въ тяжкихъ уголовныхъ преступленіяхъ, именно — убійцы, прелюбодѣи и похитители дѣвицъ, не могли укрываться подъ сѣнію церковной святыни отъ заслуженнаго ими наказанія¹⁾. Но законами позднѣйшихъ византійскихъ императоровъ право убѣжища къ церквамъ и соединенная съ нимъ возможность избѣжать уголовного наказанія распространены были и на убійцъ. Таковы двѣ новеллы Константина Порфиророднаго (945—959). Въ одной изъ нихъ ограждается личная безопасность *тайныхъ* убійцъ, которые сознавались въ своемъ преступленіи предъ церковью и такимъ образомъ ставили себя подъ ея защиту и юрисдикцію. Хотя въ этомъ случаѣ преступленіе и переставало быть тайною, такъ какъ виновный подвергался *публичному* церковному покаянію, именно — *какъ убійца*, однако законъ признавалъ его неприкосновеннымъ и для частной мести, и для общественнаго правосудія²⁾. Въ другой новеллѣ дается постановле-

1) Novell. XVII, c. 7.

2) Zachariae, Jus graeco-romanum, pars III, p. 271—272: 'Ἡνίκα γὰρ ἄν ἄνθρωπος ἐκ τῆς θείας προνοίας ἐγκυκλοειφθεὶς ἀνθρώπου διαμελετήσῃ θάνατον καὶ τοῦτον ἀπαρτίσει, καὶ ἀφανὴς καὶ ἀνέγκλητος γένηται ὁ παρ' αὐτοῦ καταρτισθεὶς φόνος, εἰς ἑαυτὸν δὲ γενομένος μετρήσει τὸ μέγεθος τοῦ τολμηθέντος πτώματος καὶ πρὸς ἐξαγέρουσιν ὀμῆσει, λόγιζεται δὴκου, ποίω τρόπῳ ταύτην ἀσφαλῶς ποιήσεται· καὶ λογιζόμενος εὐρίσκει πάν-

нія уже о явныхъ убійцахъ, успѣвшихъ воспользоваться правомъ прибѣжища къ церкви: таковыя, по отбытіи ими церковной епитиміи по канонамъ, подвергаются всегдашнему изгнанію изъ мѣста, гдѣ они совершили преступленіе¹⁾, или, если убійство совершено обдуманно и заранѣе приготовленными средствами, заключаются въ монастырь не только на время, назначенное имъ для церковнаго покаянія, но и на всю свою жизнь²⁾. Постановленія послѣдней новеллы въ 1166 году подтверждены были съ нѣкоторыми отгѣнами и дополненіями въ новеллѣ Мануила Комнина, которая вскорѣ послѣ ея изданія включена была Вальсамономъ въ толкованіе на 8 правило Василия Великаго³⁾.

Если такимъ образомъ церковь формально получила право брать подъ свою защиту отъ руки карающаго мірскаго правосудія даже убійцъ, то спрашивается: какъ она творила свой судъ надъ такими преступниками божескихъ и человѣческихъ законовъ? Любопытное свидѣтельство объ этомъ дается въ одной анонимной и неизданной записи, найденной нами въ греческой рукописи Московской синодальной библіотеки № 477⁴⁾. Рукопись эта (XV в.) содержитъ въ себѣ, между прочимъ, извѣстное Шестокнижіе Арменопула, его же сокращенное

τως, ὅτι τοῦ ἐρευνημένου ἀφανοῦς θανάτου παρ' αὐτοῦ ἐξαγγελιομένου φηρᾶται, καὶ φηραδεις ὡς ἀνδρσφόνος ἐκ τοῦ νόμου καὶ τοῦ προσφόρου ἄρχοντος συλλαμβάνεται, ἤ... καὶ διὰ ταῦτα εἰς τὸ ἱερὸν εἰσερχόμενος καὶ τῷ ἱεραὶ προσερχόμενος καὶ πανταχόθεν ἔχων τὸ ἀσφαλὲς ποιεῖται τὴν ἐξαγόρευσιν, τυχὸν οἴῃ τρόπῳ καὶ οἶα μηχανῆ τὴν τοῦ φονευθέντος κατήρτισεν ἀγνωσομένην σφαγὴν, καὶ ἐπιτυγχάνει τῆς ἀφέσεως.

1) Ibid., p. 274: ἔστω μὲν οὖν ἀειφυγία πάντως ὁ φονεὺς ἐκεῖθεν καταδικαζόμενος, καὶ μηδέποτε περινοστῶν ἐκεῖ καὶ αὐλιζόμενος ἐν τῇ γῆ, ἣ ἔχανε τὸ τοῦ ἀδικῶς ἀναιρεθέντος ἀδελφοῦ ὑποδέξασθαι αἷμα· καὶ τοῦτο πρῶτον μετὰ τὴν ἐκκλησιαστικὴν ἐπιτίμησιν τὸ κατάκριμα δεχέσθω.

2) Ibid., p. 275: πλὴν τοὺς μὲν περιουσία κακίας μελέτην θεμένους τὴν τοῦ πλησίον σφαγὴν καὶ αὐτὸ τοῦτο προετραπισσάμενους ἐπ' ὀλέθρῳ τῆς αὐτῶν ψυχῆς εἰς τὸν τοῦ ἀδελφοῦ θάνατον, πάντως ἀποκίρεσθαι καὶ τοῖς μοναχοῖς ἐγκαταλέγεσθαι καὶ οὐ μόνον τὸν ἐπ' αὐτοῖς δοκιμασθέντα χρόνον τῆς μετανοίας, ἀλλὰ καὶ τὸν ἅπαντα τῆς ζωῆς αὐτῶν ἐν μοναστηρίῳ διοικονομεῖσθαι. Τοὺς δὲ ἄλλως ἐκουσίως μὲν ἀνρηγκότας, προπετεῖα δὲ καὶ συναρπαγῆ ἀλογίστου θυμοῦ, οὐ μελέτη καὶ προπαρασκευῆ καὶ προβουλοῖς τὰ τῆς μαρτυρίας ἐπιδειξαμένους, τὴν μὲν ἀειφυγίαν πρὸς ἅπανι τοῖς ἄλλοις ὑφίστασθαι, οὐ μέντοι γε τὸν μονῆρ βίον αἰρεῖσθαι καταναγκάζεσθαι.

3) Zachariae, op. cit., p. 477—482; ср. Ралли и Потля: Σύнтаγμα τῶν θεῶν καὶ ἱερῶν κανόνων, т. IV, стр. 116—119.

4) Нелишнее замѣтить, что въ печатныхъ описаніяхъ этой рукописи, именно: въ *Assurata codicum graecorum mva. bibliothecarum Mosquensium Sanctissimae synodi Matthaei* (см. стр. 321—322, № XLI q.) и въ недавно вышедшемъ «Систематическомъ описаніи» тѣхъ же рукописей о. архимандрита Владимира (см. стр. 483—484, № 331) занимающая насъ (и ниже издаваемая) статья не показана. Новый прижѣръ, доказывающій, какъ мало можно полагаться на полноту печатныхъ описаній рукописей.

вложеное церковныхъ правилъ (Ἐπιτομή τῶν κανόνων), росписание архіерейскихъ кафедръ, подчиненныхъ Константинопольскому патриарху, усвояемое императору Льву Мудрому, и каталогъ чиновъ Великой церкви. Вслѣдъ за этой статьёй, на листѣ 336 стоитъ вышеупомянутая запись подъ глухимъ заглавіемъ: *Περὶ φονέως*. Записи предпосылается слѣдующая объяснительная замѣтка, написанная кинноварью: *Γίνωσκει, ὅτι παρὰ τῶν ἱερῶν κανόνων συγχεώρηται πᾶσι τοῖς ἀρχιερεῦσιν ἐν ταῖς αὐτῶν ἐκκλησίαις κανονίζειν τὸν φονέα καὶ ἐπανορθοῦν κατὰ τὴν τῶν πατέρων διάταξιν. Ἐντεῦθεν οὐχ ἀμαρτάνει ὁ μὴ παραπέμψας τὸν φονέα ἐν τῇ μεγάλῃ ἐκκλησίᾳ*. Въ самой статьѣ порядокъ церковнаго судопроизводства объ убійцахъ, прибѣгающихъ къ церкви, описывается такимъ образомъ: совершившій убійство чрезъ нѣсколько дней по принятіи его въ церковь приходитъ къ патриарху (рѣчь идетъ о прибѣгающихъ къ Великой церкви въ Константинополѣ) и объявляетъ ему причину своего бѣгства въ церковь. Патриархъ передаетъ его протекдику (предсѣдателю церковно-уголовнаго суда), а этотъ послѣдній—екклисіарху (смотрителю церковныхъ зданій), съ тѣмъ, чтобы онъ въ продолженіи 15 дней ставилъ виновнаго въ притворѣ церкви, передъ ея главными воротами, для публичнаго возвѣщенія о своемъ злодѣяннн всѣмъ входящимъ и выходящимъ и для испрошенія у нихъ молитвъ за себя. Затѣмъ составляется формальный судъ надъ преступникомъ подъ предсѣдательствомъ протекдика и въ присутствіи постороннихъ зрителей и слушателей. Подсудимый приводится въ судъ нагой, босой, со связанными напередѣ руками. Сначала онъ творитъ три земныхъ поклона на востокъ (Богу), потомъ—столько же и такихъ же поклоновъ суду (протекдику и едиккамъ). Судъ открывается увѣщаніями протекдика подсудимому объявить, безъ всякой лжи и утайки, причину и способъ совершенія имъ убійства. Виновный произноситъ свою исповѣдь, которую всѣ присутствующіе, за исключеніемъ суда, выслушиваютъ стоя. Послѣ этого протекдикъ, сообразно содержанію исповѣди подсудимаго, сказываетъ ему поученіе и назначаетъ епитимію, по объявленіи которой виновный снова повторяетъ свои поклоны Богу, суду и постороннимъ присутствующимъ, прося себѣ прощенія, на что послѣдніе отвѣчаютъ: «Богъ тебя проститъ!» Все производство, по свидѣтельству записи о немъ, оканчивалось выдачею епитимійцу грамоты протекдика, въ которой, кромѣ подробнаго описанія самой епитиміи, содержалось еще внушеніе отъ лица церкви всѣмъ и каждому, въ особенности род-

σθενήκαμъ убитаго, не препятствовать убійцѣ въ исполненіи наложенной на него епитиміи, подѣ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, дать за него отвѣтъ Богу.

Отбывшіи церковную епитимію (которая по нашей записи должна была продолжаться 15 лѣтъ), убійца, по смыслу выше приведенныхъ законовъ, конечно, передавался въ руки свѣтской власти, которая осуждала его или на всегдашнее изгнаніе, или на такое же заключеніе въ монастырь.

Περὶ φονέως

Ὁ φονεύσας ἀνατρέχει εἰς τὴν ἐκκλησίαν καὶ μεθ' ἡμέρας τινὰς προσέρχεται τῷ πατριάρχῃ καὶ ἀναφέρει τὴν αἰτίαν, δι' ἣν καὶ τὸν φόνον εἰργάσατο, καὶ τὴν εἰς τὴν ἐκκλησίαν καταφυγὴν. Ὁ δὲ πατριάρχης παρὰ δίδωσιν αὐτὸν τῷ πρωτεκδίκῳ· ὁ δὲ πρωτεκδικος προστάττει¹⁾, καὶ λαμβάνει τοῦτον [ὁ] ἐκκλησιάρχης καὶ ἴστησιν αὐτὸν ἐν ταῖς ὡραῖαις πύλαις ἀπὸ τοῦ ἔξω μέρους, καὶ παραγγέλουσιν, ἵνα μέχρι ἡμερῶν δεκαπέντε λέγη καὶ βοᾷ πρὸς τοὺς εἰσερχομένους καὶ ἐξερχομένους· συγχωρήσατέ μοι τῷ ἐγκληματικῷ. Μετὰ δὲ τὰς ἡμέρας ταύτας συνάγονται οἱ ἐκδικοὶ προστάξει τοῦ πρωτεκδικίου καὶ κάθονται ἐν τῷ ἐκδικείῳ. Καὶ προκαθημένου τοῦ πρωτεκδικίου ἐν τῷ ὑψηλοτέρῳ τόπῳ, προσάγεται ὁ φονεὺς γυμνὸς καὶ δεδεμένος ἔμπροσθεν τὰς χεῖρας, καὶ προσκυνεῖ πρῶτον τρεῖς ἕως ἐδάφους κατὰ ἀνατολάς, εἶτα τὸν πρωτεκδικὸν τρεῖς. Καὶ οὕτως ἱσταμένος δεδεμένος, ὡς ἔφημεν, τὰς χεῖρας καὶ γυμνός, διδάσκεται παρὰ τοῦ πρωτεκδικίου τὸν τρόπον τῆς ἐξομολογήσεως, καὶ ὅπως οὐκ ὀφείλει ψεῦδος εἰπεῖν, καὶ καλύψαι καὶ ἀποκρύψαι τὴν αἰτίαν τοῦ φόνου. Εἶτα ἐξομολογεῖται ὁ φονεὺς, οὐδενὸς ἄλλου τολμῶντος ἐκεῖ ὅλως καθῆσαι, ἀνευ τοῦ πρωτεκδικίου καὶ τῶν ἐκδικίων· οἱ δὲ παρατυχόντες ἅπαντες ἴστανται ἀκροώμενοι. Καὶ μετὰ τὴν ἐξομολόγησιν ἄρχεται ὁ πρωτεκδικος καὶ διδάσκει αὐτὸν, καθὼς ἂν ἀκούσῃ παρ' αὐτοῦ τὴν αἰτίαν, εἴτε ἐχθρὰ ἦν ἢ προξενήσασα τὸν φόνον, εἴτε μέθη, εἴτε χρημάτων ἐπιθυμία, εἴτε ἄλλο τι. Καὶ μετὰ τὴν διδασκαλίαν λέγει ἀπὸ στόματος τὰ ἐπιτίμια αὐτοῦ, ἃ καὶ ἐγγράφως αὐτῷ δίδωσιν. Ὅτε δὲ πάντα πληρώσει, ὅσα χρήζει εἰπεῖν, τότε πάλιν ὁ φονεὺς προσκυνεῖ τρεῖς εἰς τὸν Θεόν, εἶτα εἰς τὸν πρωτεκδικὸν, καὶ μετ' ἐκείνον εἰς τοὺς ἐκδικίους, καὶ βοᾷ μεγάλη τῇ φωνῇ μετὰ δακρύων· συγχωρήσατέ μοι τῷ ἐγκληματικῷ. Εἶτα στρέφεται πρὸς τοὺς ἱσταμένους ἐκεῖ καὶ ποιεῖ καὶ εἰς ἐκείνους μετάνοιαν, καὶ ἐκεῖ ταῦτα ζητῶν, ἡγοῦν τὴν συγχώρησιν. Καὶ ἀποκρίνονται πάντες· ὁ Θεὸς συγχωρήσαι σοι, ἄνθρωπε. Καὶ οὕτως

1) Тутъ что-то пропущено. Можно подразумѣвать: αὐτὸν (φονεῖα) τῷ ἐκκλησιάρχῃ или: τὴν ἡμέραν τῆς κρίσεως.

ἀπελθῶν ἔν τινι γωνίᾳ ἐνδύεται καὶ ὑποδύεται. Καὶ μετὰ ταῦτα γράφει ὁ πρωτέκδικος τὸ γράμμα οὕτως· προσῆλθε τῷ ἱερῷ ἐκδικεῖν τῆς ἀγιωτάτης τοῦ Θεοῦ μεγάλης ἐκκλησίας, ὃ δεῖνα, καὶ ἐξωμολογήσατο, ὡς φθόνῳ καὶ συνεργίᾳ τοῦ πονηροῦ δαίμονος περιέπεσεν εἰς ἔγκλημα φόνου. Ἡμεῖς γοῦν ἐξετάσει δεδωκότες τὰ περὶ τούτου, εὔρομεν τὸν ῥηθέντα φόνον ἐκούσιον, καὶ κατὰ τὴν τῶν ἀγίων ἡμῶν πατέρων καὶ διδασκάλων παράδοσιν, διεκρίναμεν, ὥστε ἀπέχειν τῆς κοινωνίας χρόνους ἰε΄. Ἐὰν δὲ ἐπέλθῃ αὐτῷ ἀσθένεια θάνατον ἀπειλοῦσα, κοινωνεῖν· καὶ εἴπερ εἰς ὑγίαν ἐπανέλθῃ, πάλιν ἀπέχειν, μέχρις ἂν ὁ ἰε΄ παρέλθοι χρόνος. Ἐπὶ δὲ χρόνους τρεῖς, ἀπέχειν κρέατος, τυροῦ τε καὶ ὠοῦ, ἴστασθαι ἐξω τῆς ἐκκλησίας ἐπ΄ ἀκροάσει τῶν ἱερῶν ὕμνων, καὶ προσκλαίειν καὶ ζητεῖν συγχώρησιν παρὰ τῶν εἰσερχομένων καὶ ἐξερχομένων, καὶ μετὰ τὴν ἀπόλυσιν εἰσέρχεσθαι καὶ ἀσπάζεσθαι τὰς ἀγίας εἰκόνας, καὶ ἐξέρχεσθαι· ἀπέχειν ἀντιδώρου, ἔχειν δὲ παναγίαν καὶ ἐσθίειν αὐτήν¹⁾· πίνειν ἀγίασμα²⁾ ἐν ταῖς δεσποτικαῖς ἑορταῖς· οὔτε λειτουργίαν ποιεῖν, οὔτε εὐχέλαιον, οὔτε ἑορτὴν, ἐλεημοσύνην δὲ μόνην τὴν δυνατὴν αὐτῷ. Κατὰ τετράδα καὶ παρασκευὴν ξηροφαγεῖν καὶ ὑδροποτεῖν. Ἐν δὲ πάσαις ταῖς ἡμέραις τῆς ἐβδομάδος, ἀνευ σαββάτου καὶ κυριακῆς, ποιεῖν μετανοίας διακοσίας καθ΄ ἡμέραν· ἐσθίειν δὲ τὸ κρέας ἐν ταῖς ἡμέραις τοῦ δωδεκαημέρου³⁾, τῆς προσφωνησίμου⁴⁾, τῆς ἐβδομάδος τοῦ ἀγίου πάσχα καὶ τοῦ Ἀγίου Πνεύματος. Ὅφειλε δὲ οὗτος διδόναι τὸ παρὸν γράμμα τῶν ἐπιτιμιῶν αὐτοῦ πρὸς ἄνθρωπον εἰδῆσιν γραμμάτων ἔχοντα, ὅπως, ἀναγινωσκομένου τούτου, ἔρχεται οὗτος εἰς μνήμην αὐτῶν. Τούτου γὰρ ἔνεκεν καὶ ἐγγράφως αὐτῷ ἐξεδόθησαν. Ὅφειλε δὲ καὶ παρὰ τῶν δημοσίων καὶ ἄλλου παντός καὶ συγγενοῦς τοῦ φονευθέντος ἐκείνου καὶ ἄλλοτρίου, ἀνενόχλητος εὐρίσκεσθαι καὶ ἀνεπηρέαστος, ἵνα μηδενὸς ἐμποδισμοῦ γεγονότος αὐτῷ, ἐκπληρώσῃ τοὺς κανόνας αὐτοῦ καὶ σῶσῃ τὴν ἰδίαν ψυχὴν, εἰδέναι πάντων ὀφειλόντων, ὡς εἴ τις αὐτῷ ἐμπόδιον ὅπωςδήποτε γενήσεται καὶ δόχῃσιν αὐτῷ προξενήσῃ, ἐκεῖνος τὸν περὶ τούτου λόγον ἀπαιτηθήσεται παρὰ τῷ Θεῷ. Καὶ εἰς ἀσφάλειαν ἐγεγόνει τῷ διαληφθέντι, ὃ δεῖν, τὸ παρὸν παρ΄ ἡμῶν γράμμα, κατὰ μῆνα τόνδε, ἰνδικτιῶνος τῆσδε. Εἶτα ὑπογράφει τούτο ὁ πρωτέκδικος μόνος.

1) παναγία—προσφορὰ τῆς Παναγίας, τ. ε. вторая просфора, приносимая на проскомидии въ честь Пресвятой Богородицы.

2) ἀγίασμα—святая Богоявленская вода.

3) δωδεκαήμερον—12 дней отъ праздника Рождества Христова до Богоявленія, по нашему—Святки.

4) ἡ προσφωνήσιμος (ἐβδομάς)—недѣля Мытаря и Фарисея, по русски—сплошная передъ великимъ постомъ.

Синодальная грамота 1213 года о бракѣ греческаго императора съ дочерью армянскаго князя.

Предлагаемая грамота уже была напечатана мною, слишкомъ 20 лѣтъ тому назадъ, въ XIII томѣ Записокъ Новороссійскаго Университета. Но благодаря крайне ограниченному числу экземпляровъ, въ какомъ выпускались эти Записки, помѣщенная въ нихъ синодальная грамота 1213 года оставалась почти столько же неизвѣстною для ученаго міра, сколько была таковою и до своего изданія. Между тѣмъ грамота эта по своему содержанию представляетъ высокій интересъ для историковъ Византіи и Арменіи, и мнѣ не разъ случилось давать объ ней сообщенія ученымъ, не имѣвшимъ въ рукахъ указаннаго тома университетскихъ Записокъ¹⁾. Въ послѣднее время она сильно заинтересовала Московскихъ армянскихъ ученыхъ, профессоровъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ. По настоятельной просьбѣ одного изъ нихъ (Х. И. Кучукъ-Іоаннесова) я и рѣшился издать ее вновь съ краткимъ историческимъ комментариемъ, матеріалъ для котораго, почерпнутый изъ недоступныхъ мнѣ *армянскихъ*, обязательно сообщенъ мнѣ самимъ названнымъ просителемъ. Для меня лично новое изданіе грамоты желательно потому въ особенности, что прежнее не было свободно отъ нѣкоторыхъ невольныхъ погрѣшностей, исправленныхъ теперь по оригиналу, т. е. по рукописи Московской синодальной библіотеки № 33²⁾.

1) Сколько помню, объ этой грамотѣ спрашивали меня: профессоръ Харьковскаго университета М. С. Дриновъ, профессоръ С.-Петербургской духовной академіи И. С. Пальмовъ и г. Пападопуло-Керамевъ.

2) Подробное описаніе этой рукописи, писанной въ 1687 году, читатель найдетъ въ недавно напечатанномъ «Системат. описаніи рукописей (греческихъ) Московской

Въ грамотѣ не названы по имени ни греческій императоръ, ни армянскій թիջ, договаривавшіеся между собою о бракѣ перваго съ дочерью послѣдняго. Но грамота имѣетъ точно опредѣленную дату: октябрь 6722 (1213) года, по которой легко узнать, что дѣло шло о бракѣ Никейскаго императора Θεодора Ласкариса; а имя современнаго властителя Арменіи (Малой) становится извѣстнымъ изъ тогдашнихъ армянскихъ источниковъ: это былъ Леонъ II изъ династіи Рупенидовъ. Но вотъ что загадочно: наша грамота называетъ невѣсту греческаго императора *родною дочерью* (γνησία θυγάτηρ) армянскаго князя, а по современнымъ армянскимъ источникамъ Леонъ II выдалъ за Θεодора Ласкариса не дочь свою, а младшую *племянницу* — Филиппу, дочь его брата Рупена, отъ котораго онъ наследовалъ свой престолъ¹⁾. Какъ объяснить эти разнорѣчивыя показанія? Современные армянскіе историки не могли, конечно, ошибаться въ личности своей принцессы, сдѣлавшейся женою сосѣдняго греческаго императора. Они сообщаютъ объ этой Филиппѣ нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія, не лишеныя значенія и по отношенію къ издаваемому нами греческому акту, упоминаютъ, на примѣръ, о ея первомъ бракѣ съ однимъ знатнымъ армяниномъ, о внезапномъ вдовствѣ послѣ этого брака, и въ то же время отличаютъ ее отъ *единственной* дочери Леона II — Риты или Стефаніи, которую онъ въ 1215 году выдалъ *замужъ* за Іерусалимскаго короля Іоанна Бриенна и которая, слѣдовательно, въ 1213 году (когда писана издаваемая грамота) могла быть невѣстою и для Θεодора Ласкариса²⁾. Съ другой стороны, нѣтъ ни малѣйшаго повода сомнѣваться въ подлинности и неповрежденности текста предлагаемаго нами оффиціального документа, хотя мы и знаемъ его только въ спискахъ XVII вѣка. Согласно съ содержаніемъ этого документа въ одномъ недавно изданномъ Саеюю анонимномъ греческомъ хронографѣ, написаніе котораго ученый издатель относитъ къ концу XIII вѣка, сообщается слѣдующее извѣстіе о второмъ бракѣ Θεодора

Синод. бібліотеки архим. Владимира, у котораго она стоитъ подъ № 336. Кромѣ Московскаго списка, я пользовался еще для настоящаго изданія спискомъ, писаннымъ за годъ раньше и находящимся въ рукописи одного греческаго монастыря въ Македоніи. Копія съ этого списка обязательно сообщена мнѣ г. Пападопуло-Керамевсомъ.

1) См. Recueil des historiens des croisades. Documents arméniens. Introduction, p. 510. Paris. 1869.

2) О бракѣ Риты-Стефаніи съ Іоанномъ Бриенномъ см. въ исторіи Арменіи Аляшана (на армянскомъ языкѣ). Венеція. 1885, стр. 510—511 (цитата Х. И. Кучукъ-Іоаннесова).

Ласкариса послѣ смерти первой жены его Анны: "Εφθασε δὲ καὶ ἡ βασίλισσα Ἄννα πρὸ καιροῦ τελευτῆσαι, καὶ ἠγάγετο ὁ βασιλεὺς γυναῖκα ἐξ Ἀρμενίας τὴν θυγατέρα τοῦ ἐκεῖσε ῥηγὸς Λεβούνη, ἀλλ' ἀποστόργως πρὸς αὐτὴν διατεθεὶς ἀποστέλλει πάλιν πρὸς τὸν πατέρα¹⁾. Но если этимъ извѣстіемъ вполне подтверждается показаніе издаваемой нами грамоты, о томъ, что въ 1213 году между Никейскимъ императоромъ и армянскимъ риксомъ шли переговоры о бракѣ перваго съ *дочерью* послѣдняго: то, съ другой стороны, нельзя сомнѣваться и въ полной достовѣрности выше приведенныхъ свидѣтельствъ современныхъ армянскихъ историковъ о томъ, что женою Θεодора Ласкариса сдѣлалась не дочь Леона II, выданная отцомъ за Иерусалимскаго короля, а племянница. Что же отсюда слѣдуетъ? — Ничего болѣе, кромѣ необходимости допустить предположеніе, что армянскій ῥήξ позволилъ себѣ *подставить* греческому βασιλεύς у вмѣсто одной невѣсты другую, которая могла называться его дочерью развѣ только *по усыновленію* (какъ *θετή*, а не *γυνήσια*). Этимъ предположеніемъ всего проще объясняется, какъ происхождение, такъ и содержаніе издаваемой грамоты. Она писана въ отвѣтъ на требованіе Леона II дать формальное удостовѣреніе въ томъ, что Θεодоръ Ласкарисъ вступить въ половое общеніе (*μίξις*) съ женщиной, руки которой искалъ, не прежде церковнаго вѣнчанія съ нею. Зачѣмъ армянскому князю понадобилось это удостовѣреніе? Онъ не могъ не знать, что у современныхъ грековъ сожитіе мущины и женщины въ смыслѣ *брака* иначе и не могло начаться, какъ церковнымъ вѣнчаніемъ. Это было безусловно обязательно для всѣхъ и прежде всѣхъ — для императора. Но задумавъ свой обманъ, Леонъ II могъ имѣть разныя побужденія къ тому, чтобы потребовать отъ своего будущаго зятя вышеупомянутое удостовѣреніе. Во-первыхъ, этимъ требованіемъ онъ рассчитывалъ усыпить внимательность Θεодора Ласкариса, показать ему, что когда дѣло идетъ о бракѣ единственной и нѣжно любимой дочери, тогда никакія предосторожности со стороны отца не могутъ казаться излишними. Во-вторыхъ, армянскій князь, хорошо зная, что предназначенная имъ для греческаго императора невѣста уже не дѣвица, а вдова (хотя, по всей вѣроятности, еще и очень молодая), и предвидя что это обстоятельство не можетъ остаться тайною для ея будущаго супруга, могъ имѣть такое (конечно, ошибочное) представленіе, что по

1) Sathas, Bibliotheca graeca medii aevi, vol. VII, p. 462. О времени, когда жилъ и писалъ авторъ хронографа см. предисловіе издателя стр. сμα' (241).

греческимъ законамъ бракъ, повѣнчанный въ церкви, долженъ оставаться нерасторжимымъ даже и въ томъ случаѣ, если бы мужъ былъ обманутъ не только въ извѣстныхъ личныхъ качествахъ своей жены, но и во всей ея личности, другими словами: если бы онъ былъ обвѣнчанъ съ подставнымъ лицомъ.

Изъ приведеннаго выше свидѣтельства анонимнаго греческаго хронографа о бракѣ Θεодора Ласкариса съ дочерью армянскаго князя Левуна мы уже знаемъ, что императоръ по какому-то неудовольствию развелся съ этою женою, что, повидимому, случилось вскорѣ послѣ брака; по крайней мѣрѣ извѣстiе о томъ и другомъ событiи (бракѣ и разводѣ) помѣщены въ хронографѣ рядомъ. Въ такомъ же видѣ представляетъ оба событiя и Георгiй Акрополита — съ тѣмъ только различiемъ, что онъ не называетъ второй жены Θεодора Ласкариса ни дочерью, ни вообще родственницею армянскаго государя, а выражается объ ней глухо: ἡγάγετο (ὁ βασιλεὺς) ἐξ Ἀρμενίας γυναῖκα. Δυσαρρεστήσας δὲ πρὸς αὐτὴν ἐπὶ τὴν ἰδίαν πατρίδα Κιλικίαν ἐκπέμπει¹). Не показываетъ ли этотъ способъ выраженiя, что Акрополита былъ лучше освѣдомленъ о настоящей причинѣ развода императора съ своею женою-армянкой, чѣмъ позднѣйшiй и менѣе близкiй къ Никейскому двору авторъ анонимнаго хронографа, но не находилъ удобнымъ объявлять эту причину во всеобщее свѣдѣнiе, такъ какъ она роняла честь и достоинство царствующей династiи? Указанiе на непродолжительность супружескаго сожитiя Θεодора Ласкариса съ армянскою принцессою и вмѣстѣ на дѣйствительную причину его развода съ нею получается еще изъ сопоставленiя слѣдующихъ обстоятельствъ. По свидѣтельству Акрополиты, названный императоръ имѣлъ отъ этой жены своей сына Константина, которому въ годъ смерти отца († 1222) было восемь лѣтъ²). Слѣдовательно, необходимо допустить, что Ласкарисъ жилъ съ своею супругою-армянкой, по крайней мѣрѣ, 9 мѣсяцевъ. А если такъ, то имѣя въ виду, что издаваемая синодальная грамота писана *въ концѣ* 1213 года (январскаго) и что самый бракъ императора съ подставною дочерью армянскаго князя, по случаю Рождественскаго поста, не могъ быть совершенъ прежде начала слѣдующаго 1214 года, мы не погрѣшимъ противъ требованiй исторической критики, если отнесемъ разводъ Ласкариса съ Филиппою къ 1215 году, когда, какъ выше замѣчено, Леонъ II выдалъ

1) Ed. Bonn. 1836, p. 39.

2) Edit. cit. p. 34.

дѣйствительную дочь свою Риту-Стефанію за Іерусалимскаго короля Іоанна Бриенна. По случаю этого брака всего легче могъ обнаружиться обманъ, какой имѣлъ мѣсто при вступленіи Θεодора Ласкариса во второй бракъ, — и вотъ дѣйствительная и вполне законная причина, по которой названный императоръ отвергъ свою подставную жену. Повидимому, Ласкарисъ не долюбивалъ и своего сына, прижитаго отъ Филиппы; по крайней мѣрѣ наслѣдникомъ себѣ онъ назначилъ не этого принца, а своего зятя — Іоанна Дуку-Ватаца.

Закончимъ это предисловіе замѣчаніемъ, какимъ сопровождалось первое наше изданіе синодальной грамоты 1213 года. «Дата грамоты и первыя двѣ подписи подъ нею — писали мы тогда — важны для исторіи византійской и болгарской іерархіи. Оказывается, что въ октябрѣ 1213 года Константинопольскимъ патріархомъ былъ еще Михаилъ (Авторіанъ), умершій, по Лекену, 25 августа 1212 года (*Oriens christianus*, t. I, p. 227), а болгарскимъ архіепископомъ — Іоаннъ (Каматиръ), а не Димитрій Хоматинъ, какъ думаетъ профессоръ Е. Е. Голубинскій (*Истор. церкви болгарской и др. стр. 123*). Къ этому прибавимъ теперь, что отрицательное показаніе нашей грамоты о началѣ архіепископствованія Димитрія Хоматина блистательно подтверждено на страницахъ Византійскаго Временника положительными данными, извлеченными профессоромъ М. С. Дриновымъ изъ подлинныхъ сочиненій названнаго греко-болгарскаго архіепископа¹⁾.

Συνοδικὸν γράμμα.

Πανευγενέστατε ρήξ Ἀρμενίας, Κιλικίας καὶ Ἰσαυρίας. Εἰρήνην ἐπευχόμενά σοι ἐν Χριστῷ τῷ τὰ διεστώτα συναγαγόντι, ὅτι καὶ σὺ θεοφιλῶς τὴν μετὰ τοῦ φιλευσεβοῦς κραταιοῦ καὶ ἁγίου ἡμῶν βασιλέως συγγενικὴν ἡρετίσω ἀγάπην καὶ ἔνωσιν. Ὁ κραταιὸς καὶ ἅγιος ἡμῶν βασιλεὺς πρόσταγμα τῆς ἁγίας αὐτοῦ βασιλείας πρὸς τὴν καθ' ἡμᾶς ἀπέλυσε σύνοδον, παραδηλοῦν μετὰ τῶν ἄλλων καὶ τοῦτο, ὡς ἡ λαμπροτάτη εὐγένειά σου, συναλλάσσουσα εἰς συγγένειαν μετὰ τῆς βασιλείας αὐτοῦ γνησίαν²⁾, καὶ εἰς γυναῖκα ταύτη διδοῦσα τὴν θυγατέρα αὐτῆς, ἀπήτησε μετὰ τῶν ἄλλων καὶ ἀσφάλειαν γενέσθαι αὐτῇ διὰ συνοδικῆς ἐγγράφου πράξεως περὶ

1) По соображеніямъ М. С. Дринова, Хоматинъ занялъ архіепископскій престолъ въ концѣ 1216 или въ самомъ началѣ 1217 года. См. Византійскій Временникъ т. I, стр. 332.

2) γνησίαν — изъ Македонскаго списка.

τοῦ μὴ ἄλλως συναφθῆναι τῇ βασιλείᾳ αὐτοῦ¹⁾ τὴν θυγατέρα τῆς σῆς εὐγενείας, εἰ μὴ κατὰ κανονικὴν ἀκολουθίαν καὶ παρατήρησιν, μετὰ ἱερολογίας τελείας· καὶ ἐπὶ τούτου, κατὰ τὴν σὴν αἴτησιν, ποιῆσαι τὴν καθ' ἡμᾶς σύνοδον τὸ τοιοῦτον κανονικὸν διεκελεύετο πρόσταγμα. Ὅτι γοῦν καὶ ἡμῖν εὐλογον ἐνομίσθη τὸ γενέσθαι, καθὼς τε καὶ ἡ εὐγένειά σου ἠτήσατο, καὶ ὁ βασιλεὺς πρὸς τοῦτο εἰκότως ἐπένευσε, τὸ παρὸν γράμμα ἰδοῦ πρὸς τὴν σὴν εὐγένειαν ἐγχαράξαι δέον ἐκρίναμεν, δι' οὗ καὶ παραδηλοῦμεν αὐτῇ, ἐγὼ τε ὁ πατριάρχης, ἐγὼ ὁ ἀρχιεπίσκοπος Βουλγαρίας, καὶ ἡμεῖς οἱ ὑπὸ τὸν πατριαρχικὸν μέγιστον θρόνον τῆς Κωνσταντινουπόλεως τὸ τνηκαῦτα παρευρεθέντες ἀρχιερεῖς καὶ ἐν ἀκροάσει γεγονότες τῆς ὑποθέσεως, ἀλλὰ δὴ καὶ ἐπίσκοποι²⁾, ὡς ὁ κραταιὸς καὶ ἅγιος ἡμῶν βασιλεὺς ὅλος (Θεοῦ χάριτι) τῆς εὐσεβείας ἐστὶ³⁾, καὶ τῶν θεῶν καὶ ἱερῶν κανόνων καὶ ὄρων ἐξέχεται, καὶ οὐδὲν παρὰ τὴν νόμιμον καὶ κανονικὴν ἀκολουθίαν ἐθέλει ποιεῖν· ὅπερ καὶ ἀκριβῶς εἰδότες ἡμεῖς, καὶ τῇ σῇ εὐγενείᾳ διὰ τοῦ ἡμετέρου γνωρίζομεν γράμματος, καὶ ἐντελῇ ταύτῃ πληροφορίαν διδόμεν. ὡς οὐκ ἂν πρὸς μῆξιν τῇ σῇ γνησίᾳ συναφθῆσεται θυγατρὶ ὁ κραταιὸς καὶ ἅγιος ἡμῶν βασιλεὺς, εἰ μὴ πάντα τὰ ἐκκλησιαστικὰ καὶ κανονικὰ ἔθιμά τε καὶ νόμιμα⁴⁾, κατὰ τὴν τῆς καθ' ἡμᾶς ἀγιωτάτης μεγάλης ἐκκλησίας ἀρχαίαν ἱεράν παρατήρησιν, καὶ ἐπὶ τῇ τοῦ προκειμένου συναλλάγματος ὑποθέσει κατὰ τὸ ἄρτιον τελειωθήσεται, καὶ αὐτὴ δὲ ἡ τελεία ἱερολογία τοῦ γάμου ἀκολουθῶς τούτου ἐφέψεται. Πάντως γὰρ οὕτω ταῦτα προβῆναι ἐμελλον, εἰ μὴ καὶ ἡ λαμπροτάτη σου εὐγένεια φθάσασα τοῦτο ἀπήτησε, δι' ἣν, ὡς ἔφημεν, ἀκριβῶς οἶδαμεν ἔχειν⁵⁾ τὸν βασιλέα ἡμῶν τὸν ἅγιον περὶ τὰ θεῖα εὐλάβειαν καὶ περὶ τὰ κανονικὰ τε καὶ ἐννομα ἔθιμα, φυλακὴν καὶ συντήρησιν. Ὅθεν καὶ πάσης ὑποψίας τε καὶ ἀμφιβολίας ἀνώτερον τὴν σὴν ποιούμεν εὐγένειαν, διὰ πλείονα[δὲ] πληροφορίαν τοῦ πράγματος καὶ ἀσφάλειαν, καὶ δι' οἰκιοχείρων ὑπογραφῶν ἐν τῷ παρόντι ὑπεσημηνάμεθα γράμματι. Μηνὶ Ὀκτωβρίῳ, ἰνδικτιῶνος β', ἔτους ςψκβ' (1213). Αἱ ὑπογραφαί·

Μηχαὴλ ἑλέφ Θεοῦ ἀρχιεπίσκοπος Κωνσταντινουπόλεως Νέας Ῥώμης.

1) Въ обонхъ спискахъ αὐτῆς.

2) Ἐπίσκοποι: упоминаются въ грамотѣ отдѣльно отъ ἀρχιερεῖς потому, что на языкѣ патриаршей канцелярiи послѣднiй титулъ преимущественно усвоился митрополитамъ и архіепископамъ.

3) Примеры употребленiя у византийскихъ писателей прилагательнаго ὅλος въ сочиненiи съ родительнымъ падежемъ (въ смыслѣ исполненный чего-либо) см. подъ этимъ словомъ въ Theσαυγus Стефана.

4) ἔθιμά τε καὶ νόμιμα нѣтъ въ Македонскомъ спискѣ.

5) Въ Московскомъ спискѣ ἔχον.

- Ἰωάννης ἐλέψ Θεοῦ ἀρχιεπίσκοπος πάσης Βουλγαρίας.
Ὁ μητροπολίτης Ἐφέσου Νικόλαος.
Ὁ μητροπολίτης Κυζίκου Νικηφόρος.
Ὁ Σάρδεων Νικηφόρος.
Ὁ Λαοδικείας Θεόδωρος.
Ὁ Φιλαδελφείας Νικόλαος.
Ὁ Θεουπόλεως Προύσης Σέργιος.
Ὁ ἀρχιεπίσκοπος Κίου Κωνστάντιος.
Ὁ Λοπαδίου καὶ Μελιτουπόλεως Νικηφόρος.
Ὁ Μελαγείνων Λέων.

Α. ΠΑΒΛΟΒ.

Парижская рукопись хроники Симеона Логоета.

Въ византийской историографіи довольно прочно установилось мнѣніе, что авторомъ хроники, большая часть которой, именно въ предѣлахъ отъ сотворенія міра до царствованія Льва Армянина, была издана въ первый разъ Крамеромъ подъ названіемъ 'Εκλογαὶ ἱστοριῶν во второмъ томѣ его сборника *Anecdota graeca Paris.* по рукописи *codex Paris. graec. № 854*, былъ Левъ Грамматикъ, названный въ припискѣ *codicis Paris. № 1711*, повидному, какъ авторъ «τῆς τῶν νέων βασιλέων χρονογραφίας», простирающейся отъ Льва Армянина до смерти Романа I и изданной по этой рукописи еще Фр. Комбефизомъ.

Но, не говоря уже о загадочности смысла самой приписки *codicis 1711* (срв. В. Г. Васильевскій, *Хроника Логоета на слав. и греч.*, стр. 44—47), на чемъ было основано до сихъ поръ мнѣніе о тождественности авторовъ упомянутыхъ нами лѣтописей двухъ Парижскихъ рукописей и соединеніе ихъ въ Боннскомъ изданіи Льва Грамматика, какъ произведенія одного и того же автора?

На краткомъ примѣчаніи Крамера къ концу изданной имъ части анонимной лѣтописи *codicis Paris. № 854*: «*quae sequuntur exstant apud Leonem Grammaticum, continuatorem Theophanis.*»

Мы надѣмся, что излагаемые ниже результаты коляціи послѣдней части *codicis Paris. № 854* (fol. 398—fol. 419), оставленной Крамеромъ безъ вниманія, съ текстомъ Льва Грамматика, напечатаннымъ Фр. Комбефизомъ, Θεοδοσία Μελιτινσкаго и распространенія и продолженія Георгія монаха Моск. ркп., существенно измѣнятъ мнѣніе о тождественности авторовъ хроники *codicis Paris. 854* со Львомъ Грамматикомъ *codicis Paris. 1711*.

Замѣтимъ, прежде всего, что въ № 854 хроника обрывается, къ сожалѣнію, далеко до конца ея, который, какъ увидимъ, слѣдуетъ предполагать тамъ же, гдѣ оканчивается «Хронографія новыхъ царей», Θεοδοσίη и Λογοετή въ изданіи Муральта. Текстъ № 854 на fol. 419 доходитъ до стр. 779, 20 Mur. (Theodos. ed. Tafel, p. 191).

Между тѣмъ, на сколько мы могли убѣдиться изъ сличенія съ напечатанными текстами сохранившейся части анонимной хроники № 854, она, несмотря на промахи писца (особенно часто значительные пропуски ex homoioteleuto), въ общемъ даетъ текстъ болѣе исправный и полный, чѣмъ всѣ прочіе тексты, взятые въ отдѣльности, и при томъ *въ редакціи болѣе первоначальной и независимой отъ той, черезъ которую одинаково прошли и хронографія № 1711, и Θεοδοσίη Μελιτινική, и распространеніе и продолженіе Γεοργία Μοναха Московскоѣ синодальной рукописи.*

Послѣднее обстоятельство имѣетъ особенную важность, и мы постараемся его отгѣнить, такъ какъ на немъ болѣе всего основывается наше опредѣленіе автора лѣтописи codicis Paris. № 854.

Заглавіе царствованія Льва Армянина въ № 854 f. 398 Λέων ὁ Ἀρμένιος ὁ καὶ παραβάρτης, при чемъ на полѣ замѣтны слѣды повторенія этого заглавія. Было, вѣроятно, и опредѣленіе года воцаренія отъ сотворенія міра, какъ они сохранились на поляхъ въ другихъ случаяхъ, но вообще въ рукописи нашей частью вслѣдствіе того, что нисѣмо стерлось отъ времени, частью вслѣдствіе истлѣнія боковыхъ краевъ листовъ эти надписи на поляхъ, иногда и концы строкъ самого текста пострадали.

Царствованіе Льва не даетъ какихъ нибудь подробностей или отступленій сравнительно со Львомъ Грамматикомъ. Мы могли бы отмѣтить только незначительныя прибавки въ текстѣ. Такъ, послѣ словъ: βεβαίωσας αὐτὸν ἐγγράφως περὶ τῆς ἑαυτοῦ ὀρθοδοξίας читаемъ еще въ № 854: ἀλλὰ γὰρ οὐκ ἔλαθε τῷ καλῷ ποιμένι ὁ λύκος τῷ κωδίῳ ἐγχεκρυμμένος и затѣмъ (f. 399): ὁ δὲ νέος Σεναχερείμ κτέ, какъ у Льва Грамматика. Mur. p. 680, 7 Κροῦμος] ὁ τῶν Βουλγάρων ἀρχηγός, 10 τῇ πόλει] σὺν ὄχλῳ βαρεῖ. Эти прибавки и нѣкоторыя другія разночтенія (такъ, p. 681, 4 Mur. δίσκων σελήνης Paris. 854 || σεληνῶν Georg. ed. Mur., Theodos. Melit., Leo Gr.), гдѣ Левъ Грамматикъ, Θεοδοσίη Μελιτινική и текстъ Γεοργία у Муральта (поскольку онъ не расходится съ двумя первыми) обнаруживаютъ сходство противъ

текста *codicis Paris. 854*, уже намѣчаютъ особую редакцію этого послѣдняго, болѣе наглядные признаки которой даются ниже.

Заглавіе царствованія Михаила II въ *Paris. 854, f. 400*: Μιχαήλ ὁ Ἀμορραῖος ὁ Τραυλός, на полѣ: Μιχαήλ ὁ Ἀμορραῖος αἰρετικὸς ὦν <καὶ εἰκονομάχος <ἐ>τ<ος>)... число года и нѣкоторыя другія буквы опять стерлись. Опрежденія вродѣ αἰρετικὸς ὦν знакомы намъ уже по части хроники, изданной Крамеромъ. Въ концѣ царствованія находимъ прибавку противъ Льва и къ содержанію, *f. 401*, послѣ словъ: ἀπηλλάγη τοῦ ζῆν (*Mug. p. 699, 23*) читается: ἀπέθεντο δὲ τὸ σῶμα αὐτοῦ ἐν τῶ ναῶ τῶν ἁγίων ἀποστόλων, τὸν πατριαρχικὸν θρόνον κατέχοντος ἐπι Ἀντωνίου τοῦ <ἀπό?> Σουλαιού¹). Замѣтка принадлежитъ къ числу многочисленныхъ въ нашей лѣтописи указаній на мѣста погребенія императоровъ, опускаемыхъ Θεодосіемъ Мелитинскимъ (срв. В. Г. Васильевскій, указ. изсл., стр. 57), срв. и на этотъ разъ *Theodos. Melit. p. 147 ed. Tafel*.

Заглавіе царствованія Θεοφιλα: Θεόφιλος ὁ υἱὸς Μιχαήλ τοῦ Ἀμορραίου (*f. 401*) и на полѣ: Θεόφιλος ὁ υἱὸς Μιχαήλ τοῦ Ἀμορραίου μετὰ τῆς μητρὸς αὐτοῦ Εὐφροσύνης, ,στμς'. Въ царствованіи Θεοφιλα находимъ въ № 854 нѣкоторыя дополненія къ Льву Грамматику текста № 1711, которыя сходятся съ распространеннымъ Георгіемъ изданія Муральта и Θεодосіемъ Мелитинскимъ: не только *p. 703, 11—14*, гдѣ у Льва издателями отмѣчается пробѣлъ, но и *p. 704, 15 ὁ δὲ ἀρχιεπ.—18 τὰ δεινά* и *p. 711, 2—11²*) читается въ текстѣ *Paris. 854 (cf. fol. 402, fol. 402', fol. 405)*. Такимъ образомъ, если предшествующая замѣтка въ концѣ царствованія Михаила II пропущена у Θεодосія, то здѣсь мы находимъ сходство съ нимъ тамъ, гдѣ онъ представляетъ больше, чѣмъ у Льва *Paris. 1711*.

Изъ разночтеній отмѣтимъ: *p. 700, 9 Εἰκασία Georg. ed. Mug., Theod., Leo, Zonar. l. XV, c. 25; Anonym. Paris. 1712 || Κασία № 854, p. 702, 23 τὸ τε πενταπύργιον G., Theod., Leo || τὸ λεγόμενον πενταπύργιον. Послѣ 26 ἐκελάδουν* читается еще τοῦ πνεύματος διὰ κρυφίων πόρων εἰσπεμπομένου, слова для смысла существенныя, однако одинаково пропущенныя у Льва Грамматика, Θεодосія Мелитинскаго и въ распространенномъ Георгіѣ Муральта; послѣ *p. 703, 1 χατασκευάσας τοὺς λεγόμενους λώρους καὶ τὰ λοιπὰ πάντα σβῆδουετ:*

1) Срв. въ концѣ царствованія Михаила I: τὸν δὲ τῆς ἀρχιερωσύνης θρόνον κατέχεν ἐπι ὁ ἀγιώτατος Νικηφόρος.

2) Срв. *Theodos. Melit., p. 149—150, p. 153—154 ed. Tafel*.

καὶ τὰ τῆς πόλεως τεῖχη χθαμαλὰ ὄντα ἀνύψωσε¹⁾ — (дословно) Ἀноπ. 1712 (Patrol. graec. ed. Migne Vol. 109, p. 689 A). Левъ Грамматикъ опускаетъ слова τοὺς λεγομ. — ἀνύψωσε, прибавка ο надстройкѣ стѣνъ отсутствуетъ также въ Моск. ркп. Георгія и у Θεодосία.

p. 713, 28 sqq.

Μq., Leo, Theod. παραδούς αὐτῶ διδάσκειν καὶ μαθητάς, παρέχων αὐτῶ τὰ πρὸς ὑπηρεσίαν ἅπαντα, ὡς καὶ μητροπολίτης ἐν Θεσσαλονίκη [μετὰ ταῦτα Theodos.] γέγονεν.

Paris. № 854, fol. 406: παραδούς αὐτῶ διδάσκειν καὶ ἐκπαιδεύειν μαθητάς εὐφροστάτους τῶν νέων, παρέχων αὐτῶ τὰ πρὸς ὑπηρεσίαν ἅπαντα, ὡς καὶ μητροπολίτης ἐν Θεσσαλονίκη μετὰ ταῦτα γέγονεν.

У Анонима Paris. 1712 (col. 701 C Migne), кромѣ словъ: μετὰ ταῦτα, находимъ и другую прибавку codicis Paris. № 854 противъ сходнаго текста Льва, Θεодосία и Георгія: εὐφροστάτους τῶν νέων. Известно, что имя Симеона магистра и логоѳета присвоено анониму № 1712 его первымъ издателемъ²⁾ Комбефизомъ неправильно, но сходство его во многомъ, начиная отъ исторіи мірозданія, съ хроникою логоѳета несомнѣнно. p. 714, 1 δημῶται Paris. 854 | δῆμοι Leo, Theod., Μq. p. 714, 4 τὸ λεγόμενον μυστήριον, ἐν ᾧ ἐν τῇ μιᾷ γωνίᾳ ὁ εἰς εἴπη τις, ἐν μυστηρίῳ προσκεχυφώς, ἐξακούεται ἐν τῇ ἑτέρᾳ φανερώς. Слова: ἐν μυστηρίῳ προσκεχυφώς и ниже φανερώς отсутствуютъ въ сходномъ текстѣ Льва Γр., Θεодосία и Моск. ркп. Георгія, но что они принадлежатъ къ первоначальному тексту лѣтописи, видно изъ сопоставленія съ Ἀноним. 1712, col. 701 D Migne.

p. 714, 9 Θεόδωρος ὁ αὐτοῦ ἀδελφός], οἱ Γραπτοί³⁾.

Вотъ новый хорошій примѣръ для характеристики редакціи Paris. 854 отличной и, вѣроятно, болѣе первоначальной, чѣмъ та общая редакція, къ которой сводятся Левъ Грамм. въ Paris. 1711, Θεодосίῃ и Георгίῃ Моск. рукописи:

Μq. p. 715, 23 sqq., Theod.

Paris. № 854, fol. 406^v.

(p. 157), Leo.

Εὐρέθη τις σκαλωτῆς (Tafel τῆς σκαλωτῆς) τεχνίτης καὶ ἀνελθὼν ἐν τοῖς κεράμοις τῆς μεγάλης ἐκκλη-

Εὐρέθη τις σκαλωτῆς, ὡς καὶ διὰ τοξότου πρῶτα μὲν σχοῖνον λεπτήν βέλους ἐξαρτήσας, εἶτα διὰ ταύτης

1) Срв. еще Codin. de aedific. (въ началѣ), Genes. ed. Bonn. p. 75, 9—12, Cedren. Vol. II, p. 107, 20—28, Zonar. I. XV cap. 27, p. 407. Vol. III Dind.

2) Отъ Льва Армянск. до конца хроники.

3) Ниже, p. 715, 10 γράφε γράμμασι, βασιλεῦ Paris. 854 | γράφα, γράφα, β. Theod. L.

σίας, βέλος ἀφῆκε μετὰ σχοινίου εἰς τὸν ἵππότην Ἰουστινιανόν τὸν ἐκ χαλκοῦ συνιστάμενον (τὸν—συνιστ. om. Leo). καὶ τοῦ βέλους παγέντος ἐκείσε αὐτὸς διὰ τοῦ σχοινίου διαδραμῶν, δάμβος μὲν τοῖς ὀρώσι παρέσχετο (παρείχετο Mq.) καὶ τὴν τοῦφαν προσήρμοσεν καὶ τὴν τοῦ βασιλέως ἐπεσπάσατο εὐνοϊαν καὶ τῇ τέχνῃ καὶ τῇ φύσει μέγα προσέδηκεν ὄνομα, φιλοτιμηθεὶς παρὰ τοῦ βασιλέως νομίσματα ρ' (τῇ τέχνῃ—ὄνομα om. Leo).

παχείαν καὶ δι' ἐκείνης ἔτι παχυτέραν καὶ οἶον ἀσφαλῶς δύνασθαι φέρειν βάρος ἀνδρός, ὑπὲρ τὸν ἵππον τὴν στήλην διαβιβάζει. δι' ἧς σχοίνου καὶ ἀναθέων ἐπὶ τὴν στήλην ἄνεισι καὶ τὴν τοῦφαν τῷ οἰκείῳ πάλιν τόφῳ ἐναποκαθίστησι, πράγμα ἄξιον θαύματος πεπονηκώς. διὸ τὴν τοῦ βασιλέως ἐπεσπάσατο εὐνοϊαν καὶ τῇ τέχνῃ ἔτι δὲ καὶ τῇ φύσει μέγα προσέδηκεν ὄνομα, φιλοτιμηθεὶς παρὰ τοῦ βασιλέως νομίσματα ρ'.

При всей подробности описанія codicis Paris. № 854 мы не находимъ здѣсь одной детали: καὶ ἀνελθὼν ἐν τοῖς κεράμοις τῆς μεγάλης ἐκκλησίας. Не есть ли это произвольная прибавка позднѣйшей редакціи, которая, однако, не устраняетъ безсмыслицы, возникшей вслѣдствіе неудачнаго сокращенія подлинника, особенно замѣтной при словахъ τὸν ἐκ χαλκοῦ συνιστάμενον? Эти слова, которыхъ нѣтъ у Льва, были вставлены, вѣроятно, еще позже.

Значительно подробнѣе текстъ Paris. № 854 также въ концѣ царствованія Θεοφύλα (cf. Mur. p. 717, 7 sqq.).

Theodos. p. 159 τὸ δὲ σῶμα Θεοφόβου διὰ τοῦ Βουκολέοντος ἐξαγαγόντες, λαθραίως διέσωσαν (Leo ἐξάγοντες λ. ὀ.) πλησίον τὰ Ναρσοῦ ἐν τῇ νῦν λεγομένη (λεγ. νῦν Leo) μονῇ τῆς Θεοφοβίας καὶ τοῦτο ἐκείσε κατέδηκαν (κατέστησαν Mq.).

Paris. № 854, fol. 407 τὸ δὲ σῶμα τοῦ Θεοφόβου διὰ τοῦ Βουκολέοντος ἐξαγαγόντες λαθραίως ἀπήγαγον πλησίον τῶν Ναρσοῦ ἐν τῇ λεγομένη μονῇ τῆς Θεοφοβίας, ὡς ἀπὸ τοῦ Θεοφόβου Πέρσου, καὶ τοῦτον ἐκείσε κατέδηκαν. τὸν δὲ τῆς ἀρχιερωσύνης θρόνον κατεῖχε Ἀντώνιος ἀπὸ Συλαίου καὶ μετ' αὐτὸν Ἰωάννης ὁ σύγχελλος, ὁ νέος Ἰαννής.

Въ № 854 слѣдуетъ заглавіе Μιχαὴλ καὶ Θεοδώρα ἡ ὀρθόδοξος.

Мы переходимъ теперь къ пятой книгѣ распространеннаго и продолженнаго Георгія изданія Муральта, ясно обозначенной въ припискѣ къ концу IV книги въ Московской рукописи, какъ самостоятельный трудъ логоуета.

Начальныя слова пятой книги: τῆ δὲ α' κυριακῆ τῶν ἁγίων νηστειῶν ἀπέστειλε Θεόκτιστον обнаруживаютъ общую съ Львомъ Грамм. Paris. 1711 неправильность. Определѣние времени относится еще къ предшествующему (cf. Mur. p. 718, 9), къ утверженію православія. Въ Paris. № 854, fol. 407 читается вѣрно: τῆ α' κυριακῆ τῶν ἁγίων νηστειῶν. ἀπέστειλε δὲ Θεόκτιστον κτέ.

p. 721, 16 sq. читается въ Paris. 854 καταλιπεῖν μαχαίρας ἔργον ὅσον οὐπω τοὺς Κρήτας γενησομένους.

p. 723, 12 sqq. (Georg. ed. Mur. Leo Gr.).

Τοῦ δὲ ἵππου θρασυνομένου καὶ σκιρτῶντος ἦν ἀχθόμενος διὰ τοῦτο ὁ βασιλεὺς, ὡς μηδενὸς εὐπορῶν (Mq. μηδενὸς ὄντος μηδὲ εὐποροῦντος) γενναιότητος (Mq. γενναιότητι καὶ ἐπιστήμῃ) τὸν ἵππον ἐξημερώσοντος [ἢ μόνον κατακρατήσοντος Mq.]. ὡς οὖν ἤχθετο παρῶν ὁ Θεοφιλίτζης [εἶπεν Mq.], ὅτι, δέσποτα, ἔχω νεώτερον ἐμπειρότατον καὶ ἀνδρεῖον (Mq. ἀνδρειότατον) εἰς τοὺς ἵππους, οἷον ἐπιζῆται (Mq. Theod. ἐπιποδῆ) ἢ βασιλεία σου, τοῦνομα Βασιλείον.

Paris. fol. 407' τοῦ δὲ ἵππου θρασυνομένου καὶ μὴ εἰκοντος ἦν ἀχθόμενος διὰ τοῦτο ὁ βασιλεὺς, ὡς μηδενὸς εὐπορῶν γενναιότητος καὶ ἐπιστήμης, τὸν ἵππον ἐξημερώσοντος [fol. 408] ἢ μόνον κρατήσοντος. Ὡς οὖν ἤχθετο, παρῶν ὁ Θεοφιλίτζης ἐκεῖνος, τῶν νομῆρων καὶ τοῦ τείχους κόμης ὧν, καὶ τοῦ βασιλέως εἰπόντος, ὡς οὐκ ἔχω τινὰ εἰς τοὺς ἵππους ἀνδρεῖον, ἔφη ὁ Θεοφιλίτζης, ὅτι, δέσποτα, ἔχω νεώτερον ἐμπειρότατον καὶ ἀνδρεῖον εἰς τ. ἵππους, οἷον ἐπιποδεῖ ἢ βασ. σου τοῦν. Βασ.

Мы сопоставили текстъ Paris. 854 со Львомъ Грамм. Paris. 1711 (и Моск. ркп.), чтобы еще разъ показать неправильность отождествленія текстовъ двухъ Парижскихъ рукописей. Но мы имѣемъ прибавку ἐκεῖνος — ὧν у Симеона Комбегиза, въ Vatican. и у Θεοδосία, а у послѣдняго и остальные слова, коими онъ восполняетъ сокращенный текстъ Льва Грамм. и Моск. ркп., срв. Theodos. p. 161: καὶ τοῦ βασ. εἰπόντος — ἔφη ὁ Θεοφ.

Слѣды заглавія, одинаковаго съ Моск. ркп., стр. 724, 6 Mur. видны на полѣ Paris. 854; первыя строки этой главы точнѣе текста Муральта, Θεοδосία и Льва.

Theodos. p. 162 (cf. Leo ed. Bonn.

Paris. № 854.

p. 231).

Ἀναγκαῖον δὲ ἡγησάμην διηγήσασθαι περὶ τοῦ αὐτοῦ Βασιλείου

Ἀναγκαῖον δὲ ἡγησάμην διηγήσασθαι τοῦ Βασιλείου τὴν ἀνατρο-

τήν τε ἀνατροφήν και ὄθεν ἐστὶ φήν και οὕτως πάλιν ἀψασθαι τῆς
 μέχρι τῆς τοιαύτης ὑποθέσεως (μέ- ἀκολουθίας. Καὶ ὄθεν ἐστὶν οὗτος
 χρι — ὑποθ. от. Leo). ὁ αὐτὸς γεν- γεννᾶται κτέ.
 νᾶται κτέ.

Послѣ р. 724, 22 Мур. γυναικῶν читаемъ еще: ἐν οἷς ἦν και ὁ
 Βασίλειος, прибавка, которой нѣтъ ни у Льва, ни у Θεодосία. Нѣ-
 сколько далѣе вмѣсто μέχρι τοῦ Δανουβίου читается, согласно съ Θεο-
 досίемъ, πέραν τοῦ Δαν(ν)ουβίου. р. 725, 1 слово текста Моск. рип.
 καθὼς ἐκεῖσε προεγράφη, какъ и слѣдовало ожидать, нѣтъ и въ Paris.
 № 854, какъ нѣтъ ихъ у Льва, Θεодосία и въ слав. логоуетѣ (срв.
 В. Г. Васильевскій, указ. изсл., стр. 24, примѣч.). Эта ссылка на пред-
 шествующее содержаниемъ дѣйствительно не оправдывается.

Имя Болгарскаго владыки р. 725, 3 у Муральта, у Льва Гр. и
 у Θεодосία (р. 162) дается въ одинаковой формѣ Βαλδίμερ, въ Paris.
 854 вполне согласно со слав. формою: Владѣмѣр. Любопытно сопоста-
 вить слѣдующія различенія двухъ редакцій:

р. 725, 5 sqq. Мур., Leo, Theod.

Paris. № 854.

Ἐποίησαν (L. Th.; ἐποίησεν G.)
 οὖν (L. δέ) βουλὴν ὁ λαὸς σὺν γυ-
 ναιξὶ και τέκνοις ἐξελθεῖν ἐν Ῥωμα-
 νία. ἐξελθόντος δὲ τοῦ (Th. L. om.
 τοῦ) Μιχαὴλ Βουλγάρου ἐν Θεσσα-
 λονίκῃ, ἤρξαντο διαπερᾶν.

Ἐποίησε βουλὴν ὁ λαὸς πρό τοῦ
 καταλαβεῖν τὰ πλοῖα σὺν γυναιξὶ
 και τέκνοις ἐξελθεῖν ἐν Ῥωμανία.
 ἐξελθόν(τες δέ) ¹⁾ μέχρι Βουλγαρίας
 ἐν Θεσσαλονίκη, ἤρξαντο διαπερᾶν.

Еще Фр. Комбефизъ задавался вопросомъ: «quem hic Michaelen
 Bulgaram vocat, num ipse sit, quem paulo ante Baldimegum apellave-
 rit?» Онъ пришелъ къ довольно правдоподобному объясненію, со-
 поставивъ данное мѣсто съ дальнѣйшимъ рассказомъ (р. 732 sq.
 Мур.), гдѣ вождь Болгаровъ называется Михаиломъ раньше, чѣмъ
 сообщается о крещеніи его и принятіи имъ имени византійскаго царя.
 Тѣмъ не менѣ намъ кажется страннымъ и сбивчивымъ это названіе
 одного и того же лица подрядъ двумя различными именами. И въ са-
 момъ дѣлѣ, Комбефизъ, въ своей конъектурѣ относительно κόμης (въ
 томъ же примѣчаніи къ Льву Грамм.) ссылающійся на Кедрина, упу-
 скаетъ изъ виду, что у послѣдняго (какъ и у Анонима Paris. № 1712,
 срв. Patrol. graec. Migne, Vol. 109 col. 728, cap. 25), col. 1036 ed.
 Migne, имя болгарскаго князя, который при крещеніи получаетъ имя

1) Потеря нѣсколькихъ буквъ вслѣдствіе стершагося края листа.

Μιχαήλα, не Владиміръ, а Борисъ (въ греч. Βόγορις Cedr., Βόγαρις Anon. 1712, col. 725, cap. 21 и Γόβορι dativ. col. 728).

Не слѣдуетъ ли предпочесть чтеніе Paris. № 854?

p. 728, 19 sqq. Μυγ. читается въ № 854 такъ (f. 409): Βάρδας δὲ ὁ Καῖσαρ, ἀδελφός Θεοδώρας Αὐγούστης, συνεφιλιώθη Δαμιανῶ πατρικίῳ καὶ παρακοιμωμένῳ. ὁ δὲ τὸν βασιλέα δυσωπήσας, ἔπεισε τοῦ εἰσελθεῖν τὸν Βάρδαν ἐν τῇ πόλει. Слова: ἀδελφός—Αὐγ. опущены Львомъ Грамм., Θεοδοσιѣмъ, Логоѳетомъ у Муральта (Theodos. p. 164).

p. 729, 1 δεξιωσάμενος вм. διαδεξάμενος.

10 ἐν τῷ λούματι τῶν Ἀραβίνδου, какъ у Θεοδοσία.

Мелкіе пропуски Льва, которые въ текстѣ Муральта отмѣчены малою печатью, всегда возстановляются текстомъ № 854 (и Θεοδοσία).

p. 730, 3 τὰ Σκῦλα (τὰ Σκύθη Μυγ., Leo).

p. 731, 7¹) εἰς τὸ μοναστήριον τὸ οὕτω τὰ Γάστρια καλούμενον.

p. 732, 6 δοῦκα (вм. δομέστικον) τῶν σχολῶν.

p. 733, 8 Πετρωνᾶς ὁ ἀδελφός τῆς Αὐγούστης.

Въ разсказѣ о смѣщеніи патріарха Игнатія находимъ соединеніе двухъ редакцій: одной той, которая находится въ текстѣ продолженія Георгія, у Льва Гр. и Θεοδοσία, другой—Генесія. Тоже соединеніе двухъ редакцій одного и того же разсказа, краткой и подробной, имѣется у Анонима Paris. 1712 и въ Ватиканскомъ спискѣ, текстъ коего приведенъ Муральтомъ въ примѣчаніяхъ на стр. 736 его изданія. Текстъ Paris. 854 нѣсколько расходится съ Ватиканскимъ, болѣе приближаясь иногда къ тексту Анонима. Приведемъ здѣсь соединенный текстъ обѣихъ редакцій.

Paris. 854, fol. 410^v (cf. Μυγ. p. 735, 19 sqq.). Καὶ δῆποτε μέλλοντα κοινωνεῖν τὸν Βάρδαν²) ὁ πατριάρχης ἀπίωσατο, ὡς μὴ πειθόμενον κανόνιν ἢ παραινέσεσιν³). ὅς, ὀργῇ⁴) πληγείς τὴν ψυχὴν, τὸν παραινέτην, ὡς ἀνομόν τινα⁵) καὶ φθορέα τῆς ἐκκλησίας ἐξέωσε καὶ βασάνοις ἀπειροῖς καὶ ἀνημέροις ὑπέβαλεν, ὥστε ποιῆσαι παραίτησιν⁶). Τοῦδε μὴ πεισθέντος Φώτιον πατριάρχην ἀντ' αὐτοῦ χειροτονεῖ, πρωτασκηρῆτιν

1) Послѣ p. 731, 2 αὐτοκρατορεῖ въ № 854 (f. 409v) имѣется особое заглавіе въ текстѣ: Μιχαὴλ μόνος βασιλεύει ἔτη δέκα. Μιχαὴλ μόνος βασιλεύει ἔτη δέκα καὶ προβάλλεται κτέ.

2) μέλλοντος—τοῦ Βάρδα Anonym., col. 729 A Migne, Leo. 3) μὴ πειθ.—παραιν. Leo, Theod., Mq. | ἀνάξιον Anon. 4) ὀργῆς An. 5) τινα om. An. 6) καὶ βασ.—παραίτησιν | Anon. καὶ παρατήσασθαι ἀναγκάζων βασ. ἀπ. ὑπέβαλεν | Vatic. βασ. ἀνηκέστοις ὑπέβαλεν παραίτησασθαι τὴν πατρ. ἐκβιαζόμενος. При сходствѣ въ остальномъ дальнѣйшее: τοῦδε μὴ πειθ.—ποιῆσαι οψущ. Anon. Въ Ватик. сп. также, какъ у Anon.

ὄντα κατ' ἐκεῖνο καιροῦ καὶ λογιώτατον πάνυ, οὐ γνώμη καὶ βουλή ἐστέφθη ὑπὸ Μιχαὴλ βασιλέως. ὁ δὲ πατριάρχης Ἰγνάτιος ὑπὸ Βάρδα καίσαρος, θείου Μιχαὴλ τοῦ βασιλέως, ἐπειδὴ ἐκώλυσε αὐτὸν τῆς κοινωνίας διὰ τινὰ σφάλματα, τῆς ἐκκλησίας ἐξώσθη καὶ βασάνοις ἀνηκέστοις ὑπεβλήθη καὶ τὴν παραίτησιν τῆς πατριαρχείας ἐξεβιάζετο ποιῆσαι. καὶ γὰρ παραδίδωσιν¹⁾ αὐτὸν ὁ Βάρδας²⁾ Θεοδώρῳ τῷ Μωρῷ κατὰ κλήσιν (cod. κατακλείσειν), πρὸς δὲ καὶ Γοργονίτῃ Ἰωάννῃ καὶ Νικολάῳ τῷ Σκουτελώπτη³⁾, ὃν καὶ ἐν τῷ τῶν ἀποστόλων ναῶ ἐν τῷ λάρνακι τοῦ Κοπρωνύμου⁴⁾ περικλείσαντες⁵⁾, τοῦτον χειμῶνος ὥρα γυμνὸν εἶασαν. ἐνθεν⁶⁾ ὁ ἀθλητὴς ἐκ τῶν κρυφίων μελῶν⁷⁾ ἀποβολὴν ἐπονεῖτο⁸⁾ σαπρίας καὶ αἵματος. οὕτως ἐγκαρτερῶν τῶν δεινοῖς ὁ πανόλβιος οὐκ ἐφθέγγετο πρὸς Κύριον τὸ πονηρόν. Τοιγαροῦν διανίστησιν αὐτῷ ὁ Κύριος τὸν Ἀρμένιον⁹⁾, παραμυθούμενον αὐτῷ. οὗτος γάρ¹⁰⁾ ἀγγεῖδιον ὑέλου πληρῶν¹¹⁾ οἴνου, πρὸς δὲ καὶ ἄρτον, ἔστιν ὅτε καὶ μῆλα τὴν τῶν κακοποιῶν υποχώρησιν λανθάνων τῷ ὄσιῳ εἰσήγε καὶ τοῦ λάρνακος αὐτὸν καταβιβάζων ἀπεκούφιζεν¹²⁾ κατ' ὀλίγον¹³⁾ τῆς συμφορᾶς μέχρι τῆς ἐκείνων ἐλεύσεως. ὁ δὲ βασιλεὺς ἐξεστράτευσεν κατὰ τῶν Ἀγαρηῶν κτέ.

Вообще текстъ Paris. № 854 оказывается здѣсь гораздо ближе къ Ватиканской рукописи, чѣмъ къ Anon. Paris. 1712, но есть случаи 1) уклонения нашей рукописи и отъ Ватиканскаго списка (и Генесія), и отъ Анонима, 2) сходства чтеній нашей рукописи съ Анонимомъ противъ Ватиканской рукописи.

Текстъ, соотвѣтствующій Mss. 736, 1—3, у Анонима и въ Ватиканск. рукописи слѣдуетъ по окончаніи описанія мученій патріарха Игнатія; въ нашей рукописи порядокъ, очевидно, нарушенъ, а что въ ней есть лишняго противъ Анонима и Ватиканской рукописи, то представляетъ явный дублетъ къ р. 735, 20—23 Mss. Въ приведенномъ отрывкѣ находимъ, тѣмъ не менѣе, одну прибавку къ тексту Льва, Θεοδοσία и Московской рукописи, послѣ р. 736, 3 πάνυ] οὐ γνώμη καὶ βουλή ἐστέφθη ὑπὸ Μιχαὴλ βασιλέως. При описаніи похода Руси на Византию (р. 736) на полѣ (f. 411) заглавіе: περὶ τῶν Ῥῶς τῶν στρατευσάντων κατὰ τὴν πόλιν.

1) παραδίδωσι γάρ Vatic. Anon. 2) ὁ Βάρδας om. Anonym. Vatic. 3) Σκ—πτη Anonym. | Σκουτέλωπι Vatic. 4) Κωνσταντίνου add. Vatic. | om. Anon. 5) οἱ καὶ περιέκλεισαν αὐτὸν κτέ Anon. | περισκελίσαντες Vatic. 6) ἐνθένδε Vatic. 7) ἐκ τ. κρυφίων σαρκῶν Anon. Vatic. 8) ἐπονεῖτο Anon. Vatic. 9) Κωνσταντῖνον τὸν Ἀρμένιον Anon. | Κωνσταντῖνον Ἀρμένιον Vatic. 10) καὶ γάρ Anon. 11) ἐμπλεον πληρῶν Vatic. 12) καταβιβ. — ὡν ἐκούφιζεν Anon. | καταβιβαζεν ἀποκούφιζων Vatic. 13) μετ' ὀλίγον Vatic. | Anon. τὸ πολὺ.

p. 738, 3 ἀποκείραι ἐκεῖσε μοναχὸν καὶ προστάξει φρουρεῖσθαι, какъ у Θεοδοσία (Leo Gr. ἀποκείραι πρῶτον καὶ εἶναι ἐν φρουρᾷ). 16 ἐλοιδόρει Βασίλειος τὸν Καίσαρα] πρὸς τὸν Μιχαήλ (f. 411'). Слова: πρὸς τ. М. опущены у Льва, Θεοδοσία и въ Моск. ркп.

p. 739, 16 (cf. Leo, Theod. Paris № 854, f. 411' ὁ δὲ Καῖσαρ p. 170) ὁ δὲ Καῖσαρ τὸν βασιλέα διεβεβαιοῦτο μὴ ἐξελθεῖν μετ' αὐτοῦ πάλιν ἐπεφωνεῖτο φεῖδισθαι τοῦ Βα- καὶ τοῦ Βασιλείου. σιλείου.

p. 740, 17 sqq. Paris. 854 читается такъ: ὑπῆρχον δὲ ἐν τῇ βουλῇ Μαρριανὸς ὁ ἀδελφὸς αὐτοῦ καὶ Συμβάτιος καὶ Βάρδας ἀδελφὸς καὶ Πέτρος ὁ Βούλγαρος καὶ Ἀσύριος λέων (ниже имя Асилеона дается въ обычной формѣ) ὁ ἐξἀδελφος αὐτοῦ καὶ Ἰωάννης ὁ Χάλδος καὶ Κωνσταντῖνος ὁ Τοξαρᾶς. Также полно перечисленіе Θεοδοσία (p. 170 ed. Tafel.), но Асилеонъ здѣсь названъ раньше Петра Болгарскаго. Напротивъ, тексты Льва Гр., продолженія Георгія у Муральта и славянскаго логогета (срв. В. Г. Васильевскій, указ. изсл., стр. 54), каждый по своему не полонъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что у Анонима Paris. 1712, col. 737 C ed. Migne имя Асилеона передается съ тою же игрою словами (Λέων ὁ Ἀσύριος), какъ въ Paris. 854, но болѣе первоначальна эта пародія въ нашемъ текстѣ, такъ какъ перестановка словъ уничтожила сходство съ дѣйствительнымъ именемъ въ текстѣ Анонима.

p. 741, 2 въ Paris. № 854 (fol. 412) Прокопій названъ не протовестиаріемъ кесаря Варды, а просто ἄνθρωπος, слугой (срв. стр. 748, 12). Не могло ли здѣсь произойти смѣшенія въ позднѣйшей редакціи съ другимъ Прокопіемъ, дѣйствительно протовестиаріемъ (срв. стр. 758, 7 и проч.)? Поводъ къ тому могли дать слова кесаря Варды въ отвѣтъ на предостереженія слуги (ἀπρεπής ἐστί σοι ἡ τοῦ πατρικίου ἀξία).

Новое любопытное разночтеніе представляетъ дальнѣйшій текстъ:

p. 740, 10—11 Φιλόθεος δὲ Paris. 854, fol. 412 Φιλόθεος δὲ πρωτοσπαδάριος καὶ γενικός, προσ- πρωτοσπαδάριος καὶ Γεώργιος, προσ- φιλῆς αὐτοῦ ὦν, εἶπε τῷ Καίσαρι σφιλεῖς (cod. προσφιλῆς) αὐτοῦ ὄν- (cf. Theodos. p. 171, Anonym. тες, εἶπαν τῷ Καίσαρι. Paris. 1712, col. 749 D ed. Migne).

Филоеѣй называется у Льва, Θεοδοσία, Логогета Московской рукописи и Анонима протоспааріемъ и геникомъ (ὁ γενικός¹) Sci.

1) ὁ γενικός встречается еще у Θεοφана; τὸ γενικόν срв. въ биографіи Василія Македонянина Константина (Theoph. contin. l. V, c. 31, col. 276 D.). Кромѣ λογοδέ-

λογοθέτης, срв. πρωτοσπαθάριος και λογοθέτης του γενικοῦ Constant. Porphyrog., de caerimon., p. 731, 10 Bonn.). Относительно его близости къ Кесарю Вардѣ мы имѣемъ еще независимое отъ даннаго мѣста хроникѣ свидѣтельство Генесія (Reg. lib. IV, p. 91, 1 ed. Bonn. οὕτως γὰρ αὐτῷ Φιλόθεός τις τῶν αὐτοῦ λίαν γνωστός και τὴν τοῦ πρωτοσπαθαρίου ὑπέχων τιμὴν ἐβεβούλευτο). Георгій остается для насъ неизвѣстнымъ лицомъ и можно подозрѣвать, что здѣсь извращенъ текстъ нашей рукописи. p. 747, 1 sq. Ἐγεννήθη δὲ Κωνσταντῖνος ὁ βασιλεὺς ἐκ Μιχαὴλ και Εὐδοκίας τῆς Ἀγγοῦρινης (Paris. № 854 f. 413) || Ἐγεννήθη δὲ Λέων («Κωνσταντῖνος Sym. 46 et cod. a prima manu, ed. Tafel. (Μιχαὴλ согг.) και Εὐδοκίας τῆς Ἰγγυρίνης Leo Theod. Mosq. (срв. къ этому мѣсту стр. 738, 7 сл.). Что касается Ἀγγοῦρινης № 854 при Ἰγγυρίνης другихъ текстѣвъ и Ἰγγυρίνην (cod. Ἀγγυρίναν) въ самой нашей ркп. (p. 738, 8 cf. 854 fol. 411), какъ бы отъ Ἀγγοῦρης (πραπτόσιτος ὁ Ἀγγοῦρης p. 743, 15), это, повидимому, невѣрное чтеніе. Ἰγγυρίνης читается и ниже въ нашей ркп. (p. 749, 2). Заглавіе и начало царствованія Василия Македонянина Paris. № 854, fol. 414: Ὅπως ἐκράτησε τῆς βασιλείας Βασίλειος. Βασίλειος ὁ βασιλεὺς ἐκ Μακεδόνων πόλεως Ἀδριανοῦ. ἰστέον, ὅτι ἡ Ἀδριανούπολις πρότερον Ὀρεστιάς ἐκαλεῖτο ἐξ Ὀρέστου υἱοῦ Ἀγαμέμνονος, ὃς ἐξ ἀρχῆς αὐτὴν ἐκτίσε διὰ τὸ λούσασθαι ἐν τοῖς ἐκεῖσε οὖσι ποταμοῖς και ἀπαλλαγῆναι τῆς νόσου. ὕστερον δὲ Ἀδριανὸς Καῖσαρ, εὐκρίστως ἐρύ—Paris. 1712 fol. 254) μασιν αὐτὴν μεγαλύνας, πόλιν Ἀδριανοῦ μετακέκληκε. Βασίλειος μετὰ υἱῶν αὐτοῦ Κωνσταντῖνου, Λέοντος και Ἀλεξάνδρου ἐβασίλευσε μετὰ Μιχαὴλ ἔτος α' μῆνας δ' κτέ (cf. Murg. p. 752, 5 sqq.).

Приведенный отрывокъ о родинѣ императора Василия можетъ быть заподозрѣнъ, какъ позднѣйшая интерполяція. Что его нѣтъ въ продолженіи Георгія у Муральта, у Льва и у Θεодосія, это само по себѣ еще ничего бы не значило при свойствахъ редакціи codicis Paris. 854, но самая форма отрывка (ἰστέον, ὅτι κτέ.) и его плохая связь съ послѣдующимъ: Βασίλειος μετὰ υἱῶν κτέ. заставляетъ предполагать, что здѣсь мы имѣемъ схолію, занесенную въ текстъ съ полей. Добавимъ еще, что тоже сообщеніе о родинѣ Василия находится и въ анонимѣ Paris. 1712 (col. 738 ed. Migne), гдѣ оно является въ началѣ повѣствованія о царствованіи Василия вслѣдъ за обычнымъ въ этой лѣтописи портретомъ императора. Здѣсь при томъ текстъ сооб-

της τοῦ γενικοῦ, встрѣчается терминъ λογαριαστής τοῦ σεκρέτου τοῦ γενικοῦ (cf. Zachariae von Lingenthal, Gesch. d. griech. röm. Rechts², S. 360 Anm. 272).

πενία подробности въ той его части, гдѣ говорится объ Орестѣ. Какъ относится этотъ текстъ къ нашему и вообще каково отношеніе между нашей лѣтописью и анонимомъ 1712, этотъ вопросъ еще требуетъ разслѣдованія.

p. 752, 11 sqq. Paris. 854: ὁ μὲν Ἰακωβίτζης κυν) [fol. 414^v] ἠγῶν μετὰ τοῦ βασιλέως ἐν τῷ Φιλοπατίῳ, τοῦ ξίφους αὐτῷ ἐκπεσόντος ὤρμησε κατελθεῖν τοῦ ἵππου ἄραι αὐτό, καὶ τοῦ μὲν ἐνός ποδός μὴ φθάσαντος τῆς γῆς ἐπιβῆναι, τοῦ δὲ ἐτέρου κρατηθέντος ἐν τῇ σκάλῃ κτέ. Θεοδοσίῃ, Левъ и продолженіе Георгія даюτъ совершенно одинаковыя различенія къ этому тексту (om. μὲν ἐνός, τῇ γῆ, ἀλλὰ τοῦ ἐτέρου) 15 sq. τὸν πόδα συντριβεται (Theod. Leo. Mq. συντριβείς) ἐκ τοῦ ἵππου πεσὼν καὶ τοῦ ποδός αὐτοῦ διασαπέντος <καὶ> σκώληξι βρύσαντος (βρύσαντος om. Theod. Leo Mq.) τελευτᾷ. p. 754, 8 ἡ ἐκκλησία, ὃ λέγεται τὸ σίγμα, какъ у Θεοδοσία (Leo om. ὃ λεγ.).

p. 754, 15 ἐλθόντα τὸν βασιλέα ἐν τῇ ἐκκλησίᾳ καὶ μέλλοντα κοινωνεῖν εἶρξε, ληστήν καὶ φονέα ἀποκαλῶν. Разночтенія Льва, Θεοδοσία и Моск. отъ текста codicis Paris. 854 снова здѣсь одинаковы.

p. 755, 12 ὃν ἐπιζητήσας ὁ βασιλεὺς μετὰ ταῦτα—πολλοὶ γὰρ ἔλεγον τῷ βασιλεῖ, ὅτι «ἐγὼ εἶμι» — εὔρε καὶ τιμὴν αὐτῷ ἐδίδου. ὁ δὲ τὴν τιμὴν ἀφείξ, τόπον βασιλικὸν ἐζήτησεν, οὐ καὶ ἔτυχεν. Leo. Theod. Mosq. опускаютъ εὔρε—ἐδίδου, вмѣсто чего раньше, передъ πολλοί, читается καὶ εὐρῶν καὶ γνωρίσας, вмѣсто ἐζήτησεν во всѣхъ трехъ текстахъ ἦτήσατο и вмѣсто ἔτυχε—τετύχηκε (срв. Theod. стр. 178).

p. 758, 14 φιλοτιμησαμένου (φιλοφρονησαμένου Mq., φιλοφρονησαμένου Theod. cod., φιλοφρονησάμενος Leo) δὲ τὰ μέγιστα τούτους τοῦ βασιλέως (τοῦ βασ. πάντας Ἐβρ. Theod. Leo. Mq.) καὶ ἀντιλήψεις κτέ.

p. 766, 13 sqq. (Theod. p. 183), Paris № 854 fol. 416^v Μετὰ δὲ ταῦτα ὁ βασιλεὺς ἀπέστειλεν Ἄνδρέαν δομέστικον τῶν ἀνατολικῶν ἄμα Ἰωάννη καὶ ἐν τῷ ἄμβωνι τῆς ἐκκλησίας ἐλθόντες καὶ τὰς τοῦ πατριάρχου Φωτίου αἰτίας εἰς ἐπήκοον πάντων ἐπαναγνόντες, ὡς ὅτι ἐπίβουλος ἐφωράθη, τοῦτον τοῦ θρόνου κατήγαγον καὶ περιώρισαν αὐτὸν ἐν τῇ μονῇ τῶν Ἀρμενιανῶν, τῇ ἐπιλεγομένῃ τοῦ Γόρδωνος (Βόρδωνον Theod., Βόρδωνος Georg. Βόρδου Leo). Слова: εἰς ἐπήκοον πάντων и ниже ὡς ὅτι — ἐφωράθη опущены одинаково у Льва, Θεοδοσία и въ Московск. ркп., вмѣсто ἀνατολικῶν всѣ три текста читаютъ σχολῶν.

p. 771, 12 οἵτινες πρὸς αἰσχροκέρδειαν ἀφορῶντες, τὴν ἐν τῇ πόλει γενομένην πραγματείαν τῶν Βουλγάρων ἐν Θεσσαλονίκῃ ἐκαινοτόμησαν (cod. ἐκαινοτόμησε), κακῶς τοὺς Βουλγάρους διοικοῦντες ἐν <τῷ> κομμερκεύειν.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ при общемъ уклоненіи отъ редакціи Льва, Θεοδοσία и Моск. ркп. чтенія Paris. № 854 поддерживаются текстомъ Анонима *codicis Paris. 1712* или также Ватиканскаго списка, какъ можно видѣть изъ разночтеній подъ текстомъ Муральта.

Текстъ № 854-го и въ разсмотрѣнной нами послѣдней части своей страдаетъ тѣми недостатками, которые обнаруживаетъ часть его, напечатанная Крамеромъ. Въ особенности многочисленны пропуски *ex homoiotet.* Такъ, опущено: р. 726, 13—15 (*προσμονάριον—προσμονάριον*), р. 727, 9—11 (*ἀδελφὸν αὐτοῦ—ἀδ. αὐτοῦ*), р. 741, 16—19 (*αὐτόν—αὐτόν*), р. 750, 17—19 (*ἦλθον—ἦλθον*), р. 751, 5—7 (*τῷ βασιλεῖ—τῷ βασιλεῖ*), р. 768, 1—8 (*Σανταβαρηνόν—Σανταβαρηνόν*), р. 773, 12—13 (*ἀγοράσαι—ἐπαγοράσαι*), р. 776, 20 *κρατήσας, 777, 1 τῶν στρατηγῶν (καί—καί)*. Иногда пропущены слова, при томъ имѣющія значеніе для смысла; такъ, р. 727, 7 *ιατρόν*, р. 749 *πρὸς τὴν κλίνην τοῦ βασιλέως* и т. под. Такимъ образомъ возможно, что и не всѣ чтенія рукописи, гдѣ она уклоняется отъ общей редакціи Θεοδοσία, Льва и Моск. ркп., имѣютъ одинаковое достоинство. Однако, насколько мы могли замѣтить, вообще она даетъ болѣе правильный текстъ. Въ нашихъ текстахъ Логоуэта господствуетъ большое разногласіе въ собственныхъ именахъ и въ названіяхъ мѣстностей, неуставленность нормы языка, стиля автора вызываетъ неопредѣленность грамматическихъ формъ и чтеній нѣкоторыхъ рѣдкихъ словъ и выраженій, часто прибѣгаютъ къ исправленію и конъектурамъ тамъ, гдѣ рукопись даетъ вѣрное чтеніе, подтверждаемое новыми сличеніями рукописей¹⁾. Мы не сомнѣваемся, что опубликованіе до сихъ поръ неизданныхъ вѣнскихъ рукописей Логоуэта способствовало бы установленію гораздо болѣе полнаго и правильнаго текста первоначальнаго автора. Разсмотрѣнная нами послѣдняя часть Paris. 854 открываетъ многіе недостатки текста редакціи Льва, Θεοδοσία и Московск. ркп. Мы позволимъ себѣ еще остановиться на собственныхъ именахъ въ Paris. 854-омъ.

р. 712, 17 *ἐν τῷ Βρούα cf. Leo* | *Μιγ. ἐν τῷ Βρούαντι*, р. 729, 4 *Φαργάνον* | *Μq. Φάργανον* | *Leo Φάλγανον*, также ниже *Θεοφάνη τῷ Φαργάνῳ*, р. 740, 20 *Ἰωάννης ὁ Νεατοχωμήτης Μq.* | *Ἰ. ὁ Νεατοχωμήτης Paris. 854* | *Ἰ. ὁ Νεατοκόμηης Theod.* | *Ἰ. ὁ Νεατοκόμητος Leo*, р. 743, 19

1) Такъ, р. 727, 19 *ἐπίστυρος Μq. cod.*, такъ и *Paris. 854*, р. 746, 1 *τιαφίου Μq. cod.*, такъ и *Paris. р. 737, 4 τῇ θαλάσῃ ἀκρω Μq. cod.*, такъ *Paris. Theodos., р. 760, 17 τὸ δεύτερον αὐτοῦ (Tafel: κατ' αὐτοῦ?)*.

Συμβατικίου (въ другихъ случаяхъ всегда Συμβατίος, какъ въ Моск. ркп. и пр.), p. 744, 23 ὁ Γουβερ, p. 745, 7 ὁ Μαλέτιος, 12 ὁ Μυζάρης Paris. | Μυάρης Mq. | Μυιάρης Theod. Leo, 17 Κελετζινῆ | Κελτζινῆ Leo, Theod. Mq., p. 746, 20 ἐν τῷ Φάρφ. Par., Th. L., p. 755, 7 εἰς Τιβερικὴν (εἰς Τηβρικὴν Mq.) εἰς Τεφρικὴν Tafel p. 178 (εἰς Ἰβρικὴν cod.) | εἰς Τιβρικοῦς L., p. 755, 1 ἐν τῇ βρικῇ (Mq cod. p. 756, 7 εἰς τὴν βρικὴν) | ἐν Τεφρικῇ Theod. | φρικῇ Th. cod. prima erasa | Ἀφρικῇ conii. Bonn. p. 760, 20 τὰ Ἐρημίας ἐν τῷ Μερδοσάγαρι Theodos. Paris. | Leo τῆς ἐρημίας ἐν τῷ Μ. | Mq. τοῦ Ἱερεμίου ἐν τῷ Μερδοσαγάρῃ, p. 761, 18 τοῦ Μωσουλικου Par. | τοῦ Μουσουλίκῃ Mq. | τοῦ Μοσιλικῃ Theod. | τοῦ Μωσιλικῃ L., 19, 22 Ἀποστύπη Par. | Ἀποστύπου Mq. | Ἀποστούπη L., p. 762, 2 Εὐχαιτῶν Par. | Εὐχαιτῶν Mq. Leo, Theod., p. 763, 2 Μαγναύρα Par. | Μαναύρα Leo, Theod., p. 763, 16 ἐν τῷ τρικλίνῳ τῷ μαργαρίτῃ (cf. p. 700, 6 εἰς τρίκλινον τὸν λεγόμενον μαργαρίτην), p. 764, 11 ὁ Στυππιώτης | ὁ Στυπιώτης Mq. | ὁ Στουπιώτης Theod. L., 15 Ἴω. τοῦ Κορκόα Paris. | Ἴω. τοῦ Κροκόα Theod. Mq. | Ἴω. τοῦ Κουρκούα L., p. 765, 1 τοῦ Κορκόα, p. 771, 4 τοῦ Γουτζιανάτου Par. 854 | τοῦ Γουζουιάντου Mq. | Γουζιανίτου Ven., p. 773, 10 ἐν τῇ Δρίστρα Par. 854 (=Durostorum, Σιλιστρία), ἐν τῇ Δίστρα Theod. L. Mq., p. 774, 1 ἐν τῇ Μούνδραγα Par. 854 | ἐν τῇ Μουνδράγα Theod. | ἐν τῇ Μουλδάγρα L. | ἐν τῇ Μουνδάγρα Mq., 13 τὸ Βουλγαροφύγον Par. Theod. L. | τὸ Βουλγαρογέφυρον Mq., p. 775, 21 ὁ μάγιστρος Λέων ὁ Θεοτάκης | ὁ Θεοδοτάκης Theod. L. | ὁ Θεοδοτάκιος Mur., p. 777, 11 τοῦ Καυλέου Par. 854 Vatic. p. 778, 7 τῷ Καλοχύρη Paris. Имя Зауцзѣ; всегда читается въ Paris. 854 съ ударениемъ на первомъ слогѣ отъ конца.

Слово στρατηλάτης въ нашей рукописи правильно замѣняется словомъ στρατηγός. Напротивъ, Левъ, Θεодосίη и Московск. ркп. всегда согласно читають στρατηλάτης. Въ настоящей статьѣ мы могли ограничиться только болѣе замѣтными примѣрами для характеристики редакціи codicis Paris. 854 въ ея отличіи отъ другихъ текстовъ того же происхожденія, но нами приготовлена и точная копія всего текста Парижской ркп. со Львомъ, Θεодосіемъ и Московской ркп. Изъ представленнаго матеріала достаточно ясно, что Paris. 854 соединяетъ взаимныя дополненія одного къ другому Льва codicis Paris. 1711 и Θεодосія и даетъ нѣкоторыя добавленія, находимыя также въ Анонимѣ Paris. 1712 и въ Ватиканскомъ спискѣ. Замѣтимъ, что и многія различія Paris. 854, въ которыхъ эта рукопись отли-

чается отъ редакціи общей Льву, Θεοδοσίῳ и Московской рукописи Георгія, поддерживаются независимыми отъ этой редакціи текстами Анонима 1712 и Ватиканской рукописи. Сами по себѣ тѣ дополненія къ тексту упомянутой редакціи, которыя впервые даетъ Paris. 854, за исключеніемъ двухъ случаевъ, гдѣ мы должны были предположить позднѣйшее распространеніе первоначальнаго содержанія, говорятъ въ пользу нашей рукописи. Потому и всѣ варианты ея заслуживаютъ вниманія, и окончательная оцѣнка ихъ могла бы быть произведена только послѣ сопоставленія съ текстами Логоуета, еще неизданными.

Извѣстно, что начала хроники въ № 854-мъ не сохранилось. На fol., гдѣ начинается ея текстъ, вверху страницы читаемъ: *λείπει τὰ ἐξ ἀρχῆς τῆς ἱστορίας ταύτης*, и текстъ начинается со словъ: *τοίνυν ἐκ τῶν εἰρημένων ἐννοεῖν κτῆ.*

Кому же приписать авторство? Наша колыця разрушила всякое право на это Льва Грамматика *codicis Paris. 1711.* Тѣмъ менѣе можно относить ее къ Θεοδοσίῳ Мелитинскому, въ виду нѣкоторыхъ, давно указанныхъ отличій его отъ хроники Paris. 854. Послѣ того, какъ доказана подложность имени Юлія Поллукса въ заглавіи рукописи, во многомъ сходной по содержанію (срв. В. Г. Васильевскій, указ. изсл., стр. 60—61), намъ остается только одно имя и при томъ то, которое съ большой достовѣрностью можно поставить въ заголовкѣ хроники *codicis Parisini 854.* Это—имя Симеона магистра и логоуета. Кромѣ прямыхъ свидѣтельствъ Московской рукописи въ концѣ IV-ой кн. Муральта, Московской, Мюнхенскихъ и другихъ рукописей тѣхъ же редакцій хроники Георгія монаха въ отрывкѣ о Моисеѣ р. 80 Мур. (шпацированная печать въ изд. Муральта), мы находимъ тотъ самый текстъ о сотвореніи міра и прочее, которыми открывается глгопись *codicis Paris. № 854,* но съ самаго егò начала, въ греческихъ и славянской рукописяхъ Симеона магистра и логоуета.

Въ Parisin. 1712, fol. 6 находимъ: *Συμεῶν μαγίστρου καὶ λογοθέτου εἰς τὴν κοσμοποιίαν ἐκ τῆς γενέσεως καὶ χρονικῶν ἐφεξῆς συλλεγὲν ἐκ διαφόρων χρονικῶν τε καὶ ἱστορικῶν.*

Θεὸς ἀχρονος, τόνδε τὸν κόσμον μὴ πρότερον ὑφρεστώτα ἐν χρόνῳ παράγων, ἐποίησεν ἐν ἀρχῇ οὐρανὸν καὶ γῆν κτῆ. cf. Мур. р. 902 sqq., Theodos. Melit. ed. Tafel. На листѣ 9 (въ порядкѣ главъ, какъ ихъ находимъ у Муральта и у Тафеля) находимъ здѣсь главу *Περὶ τῆς καταδίκης τῶν πρωτοπλάστων καὶ τῆς ὄψεως.* За этой главой—'Ερώτησις. Τίνος ἐνεκεν ἐκβάλλεται ὁ Ἀδάμ ἐκ τοῦ παραδείσου καὶ περὶ τῶν δερ-

ματινῶν χιτώνων. Ἀπόκρισις ἔστι—и здѣсь начинается вполне сходный текстъ съ текстомъ, коимъ открывается лѣтопись въ № 854-омъ л. 328—τοίνυν περὶ τῶν εἰρημένων ἐννοεῖν κτῆ. На л. 12 обор. текстъ Симеона оканчивается въ cod. Paris. 1712 среди перечисленія странъ, доставшихся при раздѣлѣ земли (διαμερισμός τῆς γῆς) Иафету, словами Πελλήνη ἢ καλουμένη Πελοπόννησος (Leo Gramm. ed. Bonn., p. 17, 1, Theods. Melit. p. 19). Сравнивъ текстъ Симеона Paris. 1712 съ текстомъ Paris. 854, мы на всемъ этомъ протяженіи не нашли между двумя лѣтописями какого-нибудь различія, кромѣ тѣхъ незначительныхъ различій, иногда перестановокъ словъ, пропусковъ (со стороны cod. Paris. 1712 ex homoiotel.), какіе неизбежны и между рукописями одного и того же автора, если онѣ неодинаковаго достоинства. Въ общемъ при этомъ № 1712 представляетъ худшую традицію текста. Впрочемъ вариантовъ между двумя рукописями сравнительно такъ немного и ихъ случайность такъ очевидна, что намъ остается только повторить мнѣніе Гельцера, уже констатировавшаго полное сходство Paris. № 854 съ Симеономъ Логоветомъ по одной изъ Вѣнскихъ рукописей послѣдняго.

Наконецъ, помѣщая имя Симеона Логовета въ заглавіи лѣтописи codicis Paris. 854, мы не думаемъ сказать что нибудь новое, послѣ того какъ отношеніе труда Симеона Логовета къ Льву Грамматіку, Θεοδοσίу и распространенной и продолженной хроникѣ Георгія монаха опредѣлено такъ убѣдительно и ясно многоуважаемымъ авторомъ уже не разъ цитованнаго нами изслѣдованія, на основаніи славянскаго перевода Логовета.

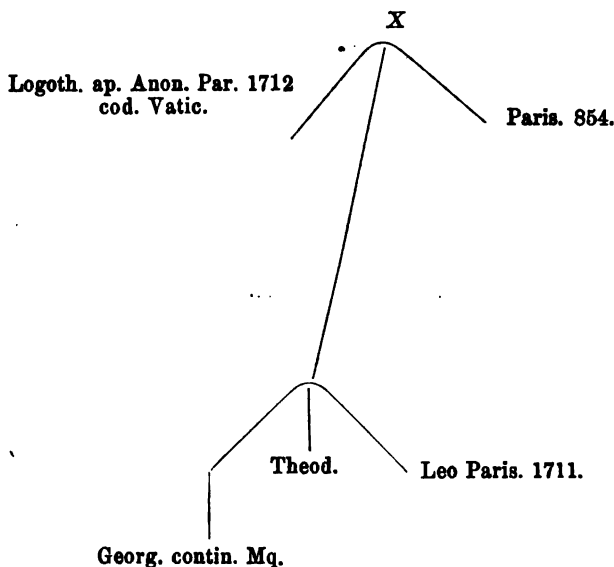
Несмотря на неясность выраженія πληρωθεῖσα¹⁾ въ припискѣ Paris. 1711, несомнѣнно, что Левъ Грамматикъ не могъ быть авторомъ «хронографіи *новыхъ* царей», какъ она дается въ этой рукописи. Мы указали, что эта хронографія — только одинъ изъ представителей позднѣйшей редакціи Логовета и при томъ, добавимъ здѣсь, представитель, стоящій на ступень ниже Θεοδοсія, который не разъ (обыкновенно вмѣстѣ съ Моск. ркп.) восполняетъ текстъ Льва Грамматика. Но и это имя, имя Θεοδοсія Мелитинскаго, возбуждаетъ нѣкоторыя подозрѣнія. Что касается опредѣленія родины автора, Τοῦ Μελιτινοῦ, поставленнаго Игн. Гардтомъ въ самомъ заглавіи приготовленнаго

1) Мы сослались бы при объясненіи этого выраженія на слѣдующее двустышіе одной іерусалимской ркп. Catalog. bibl. Hierosolym. Vol. I, p. 139 (cod. 57): ἐν σοὶ τὸ πληρῆς, Χριστέ μου, τῷ μισῆτι. σὺ γὰρ κατάρχη τῆς ἡμῶν σωτηρίας.

имъ къ изданію списка хроники, оно приписано только позднѣйшею рукою на полѣ (cf. Catal. Bibl. Bavar., Vol. II, p. 472), и Тафель не безъ основанія не принялъ его въ свое заглавіе труда Θεοδοσία. Что ручается намъ за то, что это не есть догадка позднѣйшаго читателя, вродѣ Τοῦ Κεδρηνοῦ въ заглавіи одной изъ Вѣнскихъ рукописей хроники Георгія монаха. Самое имя Θεοδοσία занимаетъ въ заглавіи Мюнхенской ркп. нѣсколько странное мѣсто: εἰς τὴν κερμοποιαν ἐκ τῆς γενέσεως καὶ ἐξ ἄλλων ἱστορικῶν ἐφεξῆς συναγωγὴ καὶ διαφορῶν χρονικῶν Θεοδοσίας, какъ будто и это Θεοδοσία въ оригиналѣ, служившемъ Мюнхенской рукописи, было приписано послѣ.

Заканчивая свою статью, мы должны замѣтить, что хотя мы вездѣ ссылаемся на текстъ Муральта, но нами постоянно имѣлись въ виду параллельные тексты Льва и Θεοδοσία и мы опредѣляли особенности текста Paris. 854 по отношенію именно къ этимъ послѣднимъ. Логоетъ Московской ркп. представляетъ въ текстѣ цѣлый рядъ мелкихъ и крупныхъ отличій отъ общей редакціи Льва и Θεοδοσία.

Такимъ образомъ, если позволительно приблизительно намѣтить генеалогію извѣстныхъ намъ изводовъ текста Логоета, мы бы выразили ее такъ:

С. Шестаковъ.

Примѣчаніе. Статья эта была приготовлена къ печати и отослана въ редакцію въ декабрѣ 1895 г. Нѣсколько позднѣе, во время своихъ занятій въ Римѣ, мы встрѣтили рукопись, содержащую Логоета въ редакціи вполнѣ сходной съ Paris. 854. Это cod. Vatican. gr. 1807, по инвентарю Vol. IV. Χρονικά ἀνωτάτου τινός ἕως Κωνσταντίνου τοῦ Πορφυρογεννήτου, XIV в. (предположительно). С. III.

ОТДѢЛЪ II.

I. КРИТИКА.

Sprug. P. Lambros. *Catalogue of the greek manuscripts on mount Athos*, edited for the syndics of the university press. Volume 1. Cambridge. 1895. (См. Ламбросъ, Каталогъ греческихъ рукописей на горѣ Аѳонской, т. I. Кембриджъ. 1895).

Не нужно быть лично на Аѳонѣ для того, чтобы оцѣнить заслугу проф. Ламброса и правленія Кембриджскаго университета, изъ которыхъ первый не пожагѣлъ труда, а второе — средствъ на это изданіе: въ многочисленныхъ библіотекахъ Святой Горы, судя по тѣмъ драгоценностямъ, которыя оттуда вывезены первыми учеными путешественниками, мы можемъ предполагать неисчислимыя богатства, имѣющія измѣнить своимъ появленіемъ на свѣтъ чуть не всѣ установившіяся положенія относительно византійской исторіи и литературы; а каково работать съ мыслью о возможности существованія такихъ документовъ? Съ другой стороны, описанія путешествій на Аѳонъ удостоверяютъ насъ, какъ трудно и неудобно работать во всѣхъ его рукописныхъ коллекціяхъ, за исключеніемъ Пантелеймоновской: не говоря уже о значительной потерѣ времени на полученіе разрѣшенія въ протатѣ, вы, и добравшись до мѣста, положимъ, хоть до Ватопеда, будете имѣть въ своемъ распоряженіи развѣ 2—3 часа въ день, да и то въ обществѣ почтеннаго отца библіотекаря, который, видимо, тяготеетъ вашимъ присутствіемъ, и *безъ всякихъ пособій*, кромѣ очень плохо составленнаго рп. каталога мѣстныхъ рукописей, гдѣ, если не ошибаюсь, подобно каталогу Іерусалим. подворья въ Константинополѣ, встрѣчаются такіа краснорѣчивыя описанія: № такой то. Βιβλίον περιέχον и — пустое пространство строкъ на двадцать. Пройдетъ недѣля-другая; подружитесь вы съ эпитропами и съ библіотекаремъ, вамъ будутъ чуть не десятками отпускать рукоп. въ вашу келійку, и вы можете сидѣть надъ ними, сколько хотите; но пособій вамъ все же не дадутъ, такъ какъ ихъ не имѣется, и вы всегда рискуете

списать статью, которая уже давно напечатана, не говоря уже о невозможности дѣлать сличенія. А какво пользоваться долговременнымъ гостепримствомъ незнакомыхъ вамъ людей? А какво ѣхать на *авось*, не зная, найдете ли вы въ данномъ монастырѣ хоть что нибудь для темъ, васъ интересующихъ? Всѣ эти неудобства или, по крайней мѣрѣ, главнѣйшія изъ нихъ исчезнутъ, когда будетъ оконченъ Каталогъ проф. Спир. Ламброса и снабженъ хорошимъ указателемъ. Но когда онъ будетъ оконченъ? Судя по тому, что нижеподписавшійся слышалъ нѣсколько лѣтъ назадъ именно въ Ватопедѣ отъ отцевъ эпитроповъ относительно ихъ намѣренія не допускать никого каталогизировать ихъ рукописи — для насъ-могъ и нашъ каталогъ хорошъ — это случится не скоро. А между тѣмъ лѣтомъ 1891 г. въ монастырѣ Симопетры произошелъ пожаръ, истребившій бібліотеку въ 245 рукоп. (въ томъ числѣ 6 лицевыхъ), къ счастью уже описанныхъ въ настоящемъ каталогѣ. Будемъ надѣяться, что энергія проф. Ламброса побѣдитъ (а можетъ быть уже и побѣдила) нѣскольکو омаровскія тенденціи греческихъ отцевъ.

Лежащій передъ нами солидный томъ на первыхъ 74 стр. даетъ факты, уже извѣстные ученой публикѣ съ 1888 г., когда издатель опубликовалъ въ Аоннахъ въ небольшомъ томикѣ in 8° каталогъ 8-ми маленькихъ бібліотекъ Аеона (Протата, скита св. Анны, монастыря св. Павла, Хиляндаря, Зографа, Костамонита, Григорія и Ксенофонта — всего 865 рукоп.); теперь, исправивъ, насколько это возможно безъ новаго осмотра рукоп., прежде напечатанное ¹⁾, составитель прибавилъ каталогъ рукоп. еще 10 монастырей (Ставроникиты, Пандократора, Симопетры, Каракала, Филоея, Эсфигмена, Ксиропотама, Дохиара, Кутлумуша, Діонисія — въ общемъ 3255 рукоп., что съ преждеописанными составляетъ 4120 рукоп.). Система описанія осталась та же, что и въ первомъ аонскомъ выпускѣ: нѣкоторыя рукоп., болѣе интересныя, описаны подробно, съ обозначеніемъ полнаго заглавія, начала и конца каждой статьи, съ указаніемъ и характеристикой миниатюръ, съ приведеніемъ стихотворныхъ и прозаическихъ приписокъ; на другія же посвящено всего двѣ-три строчки. Само собою разумѣется, никто — и менѣе всѣхъ, безъ сомнѣнія, самъ почтенный составитель — не можетъ считать эту систему идеальной; но недостатокъ времени, съ одной стороны, недостатокъ средствъ, съ другой, являются мотивомъ для такой экономіи, которая въ данномъ случаѣ оправдывается однообразіемъ состава аеонскихъ книгохранилищъ, массой богослужебныхъ рукописей и въ особенности

1) Проф. Ламбросъ очень хорошо сдѣлалъ, что указанія на матеріалъ, въ рукоп. и способъ написанія (въ одинъ столбецъ или въ два) выдѣлилъ въ особую заглавную строчку; но едва-ли можетъ быть оправдано чѣмъ либо то, что онъ опустилъ указаніе на число листовъ въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, гдѣ оно было извѣстно ему; см., напр., № 3—8. Онъ также исправилъ и дополнилъ собственныя бібліограф. указанія къ содержанію нѣкоторыхъ рукоп., какъ это можно видѣть на примѣрѣ того же № 3—8.

рукоп. позднихъ (XVII и XVIII в.), изъ которыхъ едва ли 10% представляютъ значительный научный интересъ. Вопросъ былъ въ томъ, что предпочитать и чѣмъ жертвовать при условіяхъ равной степени древности и общепризнаннаго значенія; проф. Ламбросъ, какъ историкъ, пожертвовалъ многочисленными сборниками житій святыхъ и чудесъ и собраніями гимновъ, обратилъ же преимущественное вниманіе на номоканоны, особенно по типу Малаксы, такъ какъ византійскихъ хронистовъ здѣсь почти не оказалось; нижеподписавшійся, напротивъ того, предпочелъ бы подробное описаніе рукоп. агиографическихъ. Въ томъ то и неприятная сторона подобныхъ сокращенныхъ описаній, что сокращеніемъ непремѣнно кого нибудь да обидишь. Но что же дѣлать! Нужда законы прѣмѣняетъ, и сокращенный каталогъ труднодоступныхъ рукоп. въ безконечное число лучше полнаго отсутствія каталога.

Если описаніе аеонскихъ книгохранилищъ нужно для западноевропейскихъ ученыхъ, оно настоятельно необходимо для ученыхъ русскихъ и не только для византинистовъ, но и для изслѣдователей родной старины. Припомнимъ, какую видную роль играла св. Гора для духовной жизни нашихъ предковъ въ XV столѣтіи; припомнимъ, что одинъ изъ лучшихъ и образованнѣйшихъ нашихъ дѣятелей, Нилъ Сорскій, чуть ли не всецѣло обязанъ своимъ свѣтлымъ и гуманнымъ міросозерцаніемъ Аеоу; припомнимъ, что съ Аеоны, изъ Ватопеда, пришелъ къ намъ Максимъ Грекъ, руководитель общественнаго мнѣнія нашей интеллигенціи не одинъ десятокъ лѣтъ, многочисленныя произведенія котораго переписывались съ такой охотой до самаго конца XVII вѣка. И Нилъ Сорскій, и Максимъ Грекъ, и многіе наши передовые люди учились, читали, слагали свои убѣжденія въ аеонскихъ библіотекахъ, составъ и характеръ которыхъ сравнительно очень немного измѣнился съ того времени. Они несли къ намъ списки и переводы съ тѣхъ же святогорскихъ рукоп., часть которыхъ поименована и кратко описана въ каталогѣ проф. Ламброса. Вотъ почему эта вынужденная краткость для насъ русскихъ — обстоятельство, довольно печальное. Съ другой стороны, и по завершеніи этого каталога, хотя бы даже въ болѣе полномъ видѣ, русскіе ученые не будутъ считать себя удовлетворительно обставленными относительно знакомства съ аеонскими книгохранилищами: кромѣ греческихъ рукоп., тамъ много рукоп. славянскихъ, которыя, конечно, не могутъ расчитывать ни на труды аеонскихъ профессоровъ¹⁾, ни на деньги кембриджскаго университета. Но въ послѣднее время на Аеоны перебивало нѣсколько прекрасно подготовленныхъ славистовъ, которые поработали съ такой пользой для дѣла (изъ русскихъ достаточно упомянуть хотя бы одного П. А. Лаврова), что если собрать вмѣстѣ ихъ замѣтки и доклады, то одна 2-хъ—3-хъ мѣсячная экспедиція, руководимая Константинополь-

1) Въ настоящемъ 1-мъ томѣ проф. Ламбросъ упоминаетъ только подъ № 3345 слав. рукоп. съ такимъ краткимъ описаніемъ: *Κώδιξ σλαβικός* (стр. 308).

скимъ Археологическимъ институтомъ, можетъ, мы думаемъ, собрать достаточный материалъ для приличнаго дополненія къ каталогу проф. Ламброса. Не будетъ, конечно, грѣха въ томъ, если это дополненіе превзойдетъ его обстоятельностью и даже явится въ свѣтъ прежде его окончанія.

1-й томъ настоящаго каталога вызвалъ довольно обстоятельную рецензію въ послѣдней книжкѣ *Byz. Zeitschrift* (Bd. V, Heft. I, 214—217), въ которой почтенный редакторъ журнала исправилъ рядъ недосмотровъ составителя и далъ нѣсколько важныхъ указаній для исторіи афонскихъ библиотекъ. Въ значительно большемъ количествѣ можетъ доставить послѣднія даже одна наша Синодальная сокровищница; но мы отлагаемъ ихъ до появленія 2-го тома и указателя.

А. Кирничиковъ.

Г. П. Беглери, Храмъ святыхъ апостоловъ и другіе памятники Константинополя по описанію Константина Родія. Одесса. 1896. 8°. 40 стр.

Émile Legrand, Description des oeuvres d'art et de l'église des Saints Apôtres de Constantinople. Poème en vers jambiques par Constantin le Rhodien. T.(héodore) R.(einach). Commentaire archéologique sur le poème de Constantin le Rhodien. *Revue des études grecques* IX (1896), janvier-mars.

Ἀπὸ πολλοῦ ἤδη ἡ Βυζαντινὴ ἱστορία καὶ φιλολογία ἤρξαντο γίνεσθαι ἀντικείμενον σπουδαίων ἐρευνῶν παρὰ τε τοῖς Εὐρωπαίοις καὶ τοῖς ἡμετέροις. Γνωσταὶ τοῖς πᾶσιν εἰσὶν αἱ ἐμβριθεῖς μελέται πολλῶν σοφῶν Βυζαντινολόγων. Τοῖς ἔχουσι τούτων βαινῶν καὶ ὁ ἐλλόγιμος κύριος Γεώργιος Π. Βεγλερῆς, μετὰ ζήλου δ' ἀνευδότου ἐπιλαβόμενος τῶν ἀφορώντων τὰ πάτρια, ἱκανὰ μέχρι τοῦδε ἐδημοσίευσεν, ὧν ἓν ἐστὶ καὶ τὸ ἤδη ἀγγελλόμενον «Ὁ Ναὸς τῶν Ἁγίων Ἀποστόλων καὶ ἕτερα ἀξιωμακόμενευτα μνημεῖα τῆς Κων/πόλεως» ἐκδοθὲν ἐν Ὁδησσῷ τῷ 1896.

Ὁ κ. Γ. Π. Βεγλερῆς ἐν τοῖς προλεγομένοις αὐτοῦ ῥωσιστὶ συντεταγμένοις (1—7) πραγματεύεται περὶ τοῦ ποιητοῦ Κωνσταντίνου τοῦ Ῥοδίου, περὶ τῶν ἔργων αὐτοῦ, περὶ τῆς ἐποχῆς καὶ ἣν ἤμασε, ἦτοι κατὰ τὸν Ἰ αἰῶνα ἀπὸ Χριστοῦ ἐπὶ τῆς βασιλείας τῶν Αὐτοκρατόρων Λέοντος τοῦ Σοφοῦ καὶ Κωνσταντίνου τοῦ Πορφυρογεννήτου, ὡς καὶ περὶ τῆς ἀξίας τοῦ παρόντος ἔργου τοῦ Ῥοδίου ὑπὸ ἐποψιν φιλολογικὴν καὶ ἀρχαιολογικὴν.

Τὸ ποίημα τοῦτο ἀποκείμενον τῇ Βιβλιοθήκῃ τῆς ἐν Ἄθῃ Μονῆς τῆς Μ. Λαύρας, ἐγένετο γνωστὸν τὸ πρῶτον ὑπὸ τοῦ ἐξόχου μεσαιωνοδίφου Κ. Σάδα....

Ὁ ἐν τῇ αὐτῇ Μονῇ ἐλλόγιμος μοναχὸς κ. Ἀλέξανδρος Εὐμορφόπουλος, γνώστης ἐμπεριότατος τῶν χειρογράφων κωδίκων, οὓς ἐμπερικλείουσιν αἱ πλούσιαι εἰς τοιαῦτα κεμήλια βιβλιοθῆκαι τοῦ ἀγίου Ὁρους, ἐπιμελῶς τὸ ποίημα εἰς διπλοῦν ἀντιγράψας, ἐπεμψε τὸ μὲν τῶν ἀντιγράφων τῷ ἐν Παρισίοις ἐξόχῳ μεσαιωνολόγῳ Κ. Ε. Legrand, τὸ δὲ τῷ κ. Γ. Π. Βεγλερῆ, προέδρῳ τῆς ἐν Κωνσταντινουπόλει Μεσαιωνικῆς Ἑταιρείας. Ἀμφότεροι οἱ κύριοι οὗτοι ἐπελάβοντο τοῦ ἔργου δραστηρίως, ὁ μὲν κ. Γ. Π. Βεγλερῆς ἐν ἰδιαιτέρῳ τεύχει ἐκδούς

μετὰ ῥωσιστὶ συντεταγμένων προλεγομένων ἐν Ὁδησσῷ κατὰ Ἰανουάριον 1896, ὁ δὲ κ. E. Legrand κατὰ Μάρτιον τοῦ αὐτοῦ ἔτους 1896 ἐν τῇ τεύχει τῶν Janvier-Mars τῶν Revue des Études grecques μετὰ πολλῶν σχολίων καὶ ἐπεξηγήσεων τοῦ διασήμου ἐπίσης φιλολόγου κ. Th. Reinach. Ἐχοντες ὑπ' ὄψιν ἀμφοτέρας τὰς συγχρόνως σχεδὸν γενομένας ἐκδόσεις ταύτας παρατιθέμεθα ὡδε βραχέα ἀνάλυσιν.

Τὸ ποίημα ἐν στίχοις 981 τριμέτροις ἰαμβικοῖς φέρει ἐπιγραφὴν τήνδε. «Στίχοι Κωνσταντίνου Ἀσηκρίτου τοῦ Ῥοδίου». Εὐθύς δὲ μετὰ τοῦτο προτάσσει τὴν προσφώνησιν Κωνσταντίνῳ τῷ Πορφυρογεννήτῳ, υἱῷ Λέοντος τοῦ Σοφοῦ, ᾧ δωροφορεῖ τὸ ἔργον αὐτοῦ «ὡς ὦν ἀπ' ἀρχῆς πατρικὸς αὐτοῦ οἰκίτης» (στίχ. 1—18).

Μετὰ τὴν προσφώνησιν ἔπεται προοίμιον τῆς ἐκφράσεως ἢ περιγραφῆς τοῦ ναοῦ τῶν Ἁγίων Ἀποστόλων καὶ μερικὴ τις διήγησις τῶν τῆς πόλεως ἀγαλμάτων καὶ τῶν ὑψηλῶν καὶ μεγίστων κίωνων ἐν στίχ. 19—421. Ἰδίᾳ δὲ τὸ μέρος τοῦτο περιέχει α') ἔκφρασιν τοῦ κίονος τοῦ Ἰουστινιανοῦ (40—50), β') τοῦ πορφυροῦ κίονος τοῦ Μεγάλου Κωνσταντίνου (52—89), γ') τοῦ Σανάτου, τῆς Συγκλήτου καὶ τῶν ἐν αὐτῇ κίωνων (90—162), δ') τοῦ κίονος τοῦ βασιτάζοντος τὸν Σταυρὸν (163—177), ε') τοῦ ὑψηλοῦ χαλκοῦ ὑποστηρίγματος τῶν ἀνεμοδεικτῶν τοῦ Θεοδοσίου (178—200), ς') τοῦ κίονος τῶν Ταύρων, ὃν ἵδρυσεν ὁ Ἀρκάδιος εἰς τιμὴν τοῦ πατρὸς αὐτοῦ Θεοδοσίου (201—239), ζ') τοῦ Ξηρολόφου, ἔργου καὶ αὐτοῦ τοῦ Ἀρκαδίου, «φέροντος ὅμοια πάντα Ταύρου τῷ στύλῳ» (240—253).

Καὶ ταῦτα μὲν περὶ τῶν κίωνων καὶ τῶν θαυμάτων καὶ λοιπῶν ἀγαλμάτων «τῶν εἰς θέατρον καὶ πολύχρυσον φόρον, ἐν τε στρατηγίῳ καὶ τοῖς ἀμφοδοῖς, οἷς ὡσπερ ἄστροι ἀγλαίετ' αἰ πόλις, καὶ τ' ὄμμα φαίδρον πανταχοῦ περιστρέφει ὡς οἶα δεσπόζουσα τῆς οἰκουμένης» (254—262). Πλὴν τούτων ὅμως «ἰδυσὶν ἐτέροις ἐκδροεῖ, ἐκπλήττει πᾶσαν φύσιν καὶ πάντας ἄρδην εἰς κατάπληξιν φέρει». οὗτοι δ' εἰσὶν ὁ ναὸς τῆς τοῦ Θεοῦ Σοφίας καὶ ὁ τῶν ἁγίων Ἀποστόλων, ὧν ὁ μὲν ὡς ἐξέχων πάντων κτισμάτων, ὁ δὲ ὡς ὑπερφέρων καλλονῇ δόμων (263—270).

Εἰς περιγραφὴν ἰδίως τοῦ ναοῦ τῶν Ἁγίων Ἀποστόλων ὠρμήθη ὁ ἡμέτερος Ῥόδιος καλεῖσαι τοῦ Αὐτοκράτορος Κωνσταντίνου υἱοῦ Λέοντος, «τῷ καὶ γράφειν νῦν εὐλαβῶς ἀπηρξάμην παροτρύνοντος τοῦ σοφοῦ μου δεσπότη Κωνσταντίνου Λέοντος υἱοῦ τοῦ πάνυ τοῦ πρὶν διευδύνοντος σκῆπτρα πανσόφως τὰ τῆσδε Ῥώμης εὐτυχοῦς Βυζαντίδος» (275—279). Τὴν δ' ἔκφρασιν ταύτην ἢ περιγραφὴν ἀφιερῶ αὐτῷ τῷ Αὐτοκράτορι Κωνσταντίνῳ τῷ Πορφυρογεννήτῳ (391—421) προτάσσω τὴν ἐπιγραφὴν τήνδε·

Σοφῷ βασιλεῖ δεσπότη Κωνσταντίνῳ
Κωνσταντίνος γέννημα τῆς νήσου Ῥόδου (422—423).

Ἀμέσως δ' ἔπεται μακρὰ καὶ πομπώδης περιγραφὴ τοῦ ναοῦ τῶν Ἁγίων Ἀποστόλων διὰ τῆς εἰσαγωγῆς τῆσδε·

Ἐκφρασις αὐτῆ τῶν Ἀποστόλων δόμου,
ἣν ἐξύφανεν ἐκ Ῥόδου Κωνσταντίνος,

δῶκε δ' ἀνακτι πανσόφῳ Κωνσταντίνῳ
ὡς πατὴρ αὐτοῦ τυγχάνων πιστὸς λάτρις·
φιλεῖ γὰρ αὐτὸς τοὺς σοφοὺς Ἀποστόλους
καὶ τὸν φαεινὸν καὶ σεβάσιμον δόμον
αὐτῶν γαράρει καὶ ποθεῖ ξενοτρόπως» (424—430).

Μετὰ δὲ τὴν εἰσαγωγὴν ἄρχεται ἡ περιγραφή ἀπὸ τοῦ λόφου, τοῦ δίκην αὐχένος παρέμποτος εἰς τὸ μέσον τῆς πόλεως τοῦ Κωνσταντίνου, λόφου θεοστηρίκτου καὶ ὠρισμένου ἀρχῆθεν εἰς ναὸν τῶν Ἀποστόλων, ἀφ' οὗτο ὁ Θεὸς ἔκτισε τὸν κόσμον, λόφου μείζονος καὶ ὑψηλοτέρου τῶν λοιπῶν τῆς Ἑπταλόφου (436—481).

Ἐπὶ τοῦ λόφου τούτου ἰδρυσε τὸ πρῶτον ὁ Μέγας Κωνσταντίνος μικρὸν ναὸν, ἐν ᾧ ἀπέθετο τὰ λείψανα τῶν Ἀποστόλων Ἀνδρέου ἐκ Πατρῶν, Λουκᾶ ἐξ Ἑλλάδος καὶ Τιμοθέου ἐξ Ἐφέσου, ὑπουργοῦντος Ἀρτεμίου, τοῦ ὕστερον θαυματουργοῦ μάρτυρος, ἐπωνόμασε δ' αὐτὸν οὐχὶ τῶν τριῶν Ἀποστόλων, ἀλλὰ πάντων ὁμοῦ (475—492). Ἐπιτα μακροῦ τοῦ χρόνου παρπεύσαντος, ὁ κραταῖος Ἰουστινιανὸς καθέειλεν εἰς ἔδαφος καὶ αὐτὸς μετεσκεύασε δι' Ἀνθεμίου καὶ Ἰσιδώρου τοῦ νέου εἰς τὸ νῦν (ἐπὶ Ῥοδίου) μέγα καὶ σχῆμα καὶ πρόβλημα καὶ ὑψωμα ξένον, ὃ οὔτε ὁ ἥλιος, οὔτε βροτῶν τις ἐθεάσατο ἔργον τοιοῦτον (493—499).

Μετὰ λεπτομερεσάτην περιγραφὴν τῆς κατασκευῆς καὶ τοῦ σχήματος αὐτοῦ καὶ τῆς ὕλης, ἐξ ἧς κατεσκευάσθη (500—749), περιγράφει ὁ ἡμέτερος Ῥόδιος τὰς ἐν αὐτῷ εἰκόνας τοῦ Χριστοῦ, τῆς Θεοτόκου καὶ τῶν Ἀποστόλων (734—740). Ἐπι ἐπτὰ εἰκόνας παριστάσας τὸν Εὐαγγελισμὸν τῆς Θεοτόκου (750—758), τὴν γέννησιν τοῦ Ἰησοῦ (759—769), τὴν προσκύνησιν τῶν Μάγων (770—778), τὴν ὑπὸ τοῦ Συμεῶν καὶ τῆς προφήτιδος Ἄννης Ἰπαπαντὴν τοῦ Ἰησοῦ (779—790), τὸ βάπτισμα τοῦ Ἰησοῦ ὑπὸ Ἰωάννου ἐν τῷ Ἰορδάνῃ (791—802), τὴν εἰς Ἱερουσαλὴμ βασιφορὸν εἰσοδὸν τοῦ Ἰησοῦ (843—856), τὴν προδοσίαν τοῦ Ἰούδα (857—954), τελευταῖον δ' αὐτὸ τὸ πάθος τοῦ Ἰησοῦ, τὴν σταύρωσιν καὶ τὸν θρῆνον τῆς θεομήτορος (915—918).

Καὶ ἐνταῦθα λήγει ἡ ἔκφρασις τοῦ περιφήμου ἄλλοτε ναοῦ τῶν Ἁγίων Ἀποστόλων καὶ τὸ ποίημα ὅλον τοῦ ἡμετέρου Ῥοδίου, διότι, ὡς λέγει ἐν τῷ προοίμῳ αὐτοῦ, θέλει περιγράψει τοῖς τῶν ἱάμβων εὐδρομωτάτοις στίχοις ἀριστα τὸν ναὸν τῶν Ἁγίων Ἀποστόλων· «Νῦν οὖν τελέσας καὶ καλῶς συναρμόσας, ὅλον τὸ δράμα καὶ νῶ πᾶσαν φράσιν, ὑπουργὸς αὐτόκλητος ἦκω σοι φέρων» (5—12).

Τοιοῦτον ἐν βραχείᾳ ἀναλύσει τὸ ποίημα τοῦ Ῥοδίου. Τὸ θέμα αὐτοῦ ἐστὶ κυρίως ἡ περιγραφή τοῦ ναοῦ τῶν Ἁγίων Ἀποστόλων, ἣν ὄφειλε ποιῆσαι καλέυσει τοῦ Αὐτοκράτορος Κωνσταντίνου· τοῦτο λέγει ὁ ποιητὴς ἐν τῇ εἰσαγωγῇ αὐτοῦ (1—18)· τῆς περιγραφῆς ὅμως τοῦ ναοῦ ἐνόμισε καλὸν νὰ προτάξῃ προοίμιον τῆς ἐκφράσεως τοῦ ναοῦ τῶν Ἁγίων Ἀποστόλων, μικρὰν τινα διήγησιν τῶν τῆς πόλεως ἀγαλαμάτων καὶ τῶν ὑψηλῶν κίωνων (19—253). Μετὰ δὲ τὸ προοίμιον τοῦτο, καίτοι ὑποδηλῶν ὅτι θέλει περιγράψει καὶ τὸν ναὸν τῆς Ἁγίας Σοφίας (281—283), ἀφιστάμενος ὅμως τούτου ἐκπληροῖ τὴν διατα-

γὴν τοῦ Αὐτοκράτορος περιγράφων μόνον τὸν ναὸν τῶν Ἁγίων Ἀποστόλων (410—421). Καὶ αὕτη ἐστὶν ἡ ἐνότις τοῦ ποιήματος.

Ἡ γλῶσσα ἐν γένει τοῦ ποιητοῦ ἐστὶν ἀκραίφνης Ἑλληνική, αἱ εἰκόνες ἀφθονοὶ ἐκ τε τῆς Ἑλληνικῆς Μυθολογίας καὶ τῆς Ἁγίας Γραφῆς, ἡ στιχουργία ἠδαῖα καὶ ῥέουσα, οἱ ἱαμβοὶ ἐπίσης εὐδρομώτατοι μετὰ τῆς συνήθους τὸ τότε ἐναλλαγῆς περὶ τὴν χρῆσιν τῶν μακρῶν καὶ τῶν βραχέων, αἱ δὲ περίοδοι μακραι ἐναχοῦ καὶ φορτικαί. Καθ' ὅλου δ' εἰπῶν τὸ ἔργον τοῦ Ῥοδίου καὶ διὰ τοῦτο καὶ διὰ τὴν περιγραφὴν τῶν μνημείων τῆς προκαταδεζομένης τῶν τῆς Ἐφῆας πόλεων κατὰ τὸν Ἰ' αἰῶνά ἐστιν ἱκανοῦ λόγου ἄξιον.

Παραβάλλοντες δ' ἤδη ἀμφοτέρως τὰς ἐκδόσεις τοῦ τε ἡμετέρου κ. Γ. Βεγλερῆ καὶ τοῦ κ. E. Legrand, καίτοι ἐκ τοῦ αὐτοῦ ἀρχετύπου καὶ διὰ τῆς αὐτῆς χειρὸς ἀπορρεούσας, παρατιθέαμεν τὰς διαφορὰς ὡδε:

	Βεγ.	Leg.
Στίχ. 6	τοῦ Ἀποστόλων δόμου.	τῶν Ἀποστόλων δόμου
» 23	τετράφατοι	τετράφατοι.
» 24	[λυχνίαι]	ἀστέρες.
» 32	σφαιροσυνθέτων	σφαιροσυνθέτοις
» 56	αὐτόν... μακρὸν στῦλον	αὐτός... μακρὸς στῦλος
» 60	κόσμον	κόσμου
» 62	τὸν	τοῦ
» 67	πυρφόρον	πυρφοροῦν
» 74	σῶζε τ'	σῶζε δ'
» 75	[καὶ] πρὸς	πρὸς [τά]
» 85	θαυμάτων ξένων	θαυμά τ' ὄν ξένοις
» 89	τάργα πλέα	τ' ἔργα πλείον
» 121	μακραι... [στίχες]	μακροὶς... στίχοις
» 123	οὗτος	οὕτως
» 127	στοῖχον	τοιχον
» 152	γέλως	γέλων
» 154	ὀπισθεν	ὑπερθεν
» 156	ἦν [τῆς]	ἐστί
» 163	τί δ' αὖ	τὸ δ' αὖ, ἄνευ ;
» 171	τέρας	θράσος
» 177	βραβεύων	βραβεῦον
» 180	τό... ἐκτεταμμένον	τῶν... ἐκτεταμμένων
» 187	τέσσαρσι	τέτρασι
» 191	παρὰ Βεγλερῆ ἐκ παραδρομῆς εἰς τὴν ἀντιγραφὴν ἐξεργῆται ὁ στίχος ἔχων ὡδε: «γυμνοὶ τ' ἔρωτες ἐμπλακέντες ἀμπέλοις».	
» 193	ἀνέμοις	ἀνέμους
» 194	ἄλλοι... ἄλλοι	ἄλλος... ἄλλος
» 195	ἐφ' ὄν	ἐφ' οὐ
» 206	γραφάς... συντεταγμένας	γραφὰς... συντεταγμένας
» 228	τείχη	τρίχας
» 233	νομίζει	νομίζειν

	Βεγ.	Λεγ.
στίχ. 244	καὶ τὴν	τὴν τε
» 245	ἐγγεγραμμένην	ἐγκεκρυμμένην
» 256	μηχανουργίας	μηχανουργία
» 259	ταῖς... τεταγμέναις	τῶν... τεταγμένων.
» 294	πλάνον	πλάνου
» 303	ἔργον	ἔργος
» 318	ἄπερ	ἄς περ
» 319	θεωρίαν	θεωρίας
» 323	οὐ	μή
» 329	πάλιν ἠπειρον	πάλιν τ' ἠπειρον
» 344	πύλας	πύλαις
» 352	τὸ λαχεῖν	τοῦ λαχεῖν
» 382	καὶ ποσῶς	κἂν ποσῶς
» 418	πανσόφῳ	πανσόφου
» 437	μέσον	μέσην
» 467	ἄριστος	ἄριστα
» 499	μηδὲ	μήτε
» 501	στηριγμὸν	στήριγμα
» 515	αὐτὴν	αὐτήν
» 532	ἄπερ	δ' ἄπερ
» 539	ἀναγκαῖον	ἀναγκαῖος
» 552	γραμματικὰς θεωρίας	γραμματικὴν θεωρίαν
» 576	δ' ἀμφοῖν... πρὸς τὴν ἀψίδα	δ' ἀμφοῖν πρὸς ἀψίδα
» 585	διασπασθέντας	διασπασθέντες
» 606	ἐκκενώσαντο ξένοι	ἐκ κενώματος ξένου
» 618	δακτύλους	δακτύλοις
» 623	ἐργοσυνθέτους	ἐργοσυνθῆται
» 628	σκέπης	σκέπην
» 632	καννενοῦσας	καππεσοῦσας
» 634	ξένων	ξένως
» 641	μεγάλων	μετᾶλλων
» 647	χ' Εὐρώπης	κ' Εὐρώπης
» 659	πλακὸς ἠγλαῖσμένης	πλάκας ἠγλαῖσμένας
» 662	τῆς ὀφειτῶν	τῶν ὀφειτῶν
» 673	ἄς Πάρος	τὰς Πάρος
» 684	μένει	μένοι
» 696	σελασφόρον	σελασφόρων
» 705	ἔξωθεν	ἐνδοθεν
» 716	ὥς	ὡς
» 723	ἀριθμὸν	ἀριθμῶν
» 724	λευκαδικοῖς	λευκαρικοῖς
» 725	ἀμπέλου	ἀμπέλων

	Βεγ.	Leg.
στίχ. 729	τε εὐαιδεστάτοις	τε κ' εὐαιδεστάτοις
» 734	εὐπέδῳ	ἐν πέδῳ
» 783	ἀνάστασίν τε	ἀνάστασιν δέ
» 790	εἰλήφασ'	εἶληφαν
» 795	ἠγλαϊσμένου	ἠγλαϊσμένον
» 796	ἐξικνουμένης	ἐξικνουμένης
» 804, 843	ἀμβεβηκότα	ἐμβεβηκότα
» 822	ἀκοντίσαντες (λάθ. τύπ.)	ἀκουτίσαντες
» 829	ζωηφόρον	φωηφόρου (φωηφόρον)
» 831	πλέω	πλέον
» 848	[τε] κράζοντα	κραυγάζοντα
» 850	ἐκβοῶντος	ἐκβοοῦντος
» 871	παγκάκῳ	παγκάκῃ
» 877	ἀπεμπολῶντα... λόγον	κάπεμπολητὴν... λόγου
» 881	σπεῖραν	πεῖραν
» 885	κάπεμπολῶντα	κάπεμπολοῦντα
» 887	εἰσδεδεγμένον	εἰσδεδειγμένον
» 893	θάειν	θείειν
» 909	ὁμοίως	ὁμοίαν
» 915	τί δ' ἑβδομον	τὸ δ' ἑβδομον, ἄνευ;
» 931	ἐξηλλαγμένον	ἐξηλλαγμένην
» 938	ὡσπερ γ' ἐχίδνης	ἃ σπέρμ' ἐχίδνης
» 943	μυρομένης	μυρομένης
» 961	ὡς εἶπ' ἐκείνος	ὡς ἦσ' ἐκείνος
» 974	τάχα	τάχα;

Ματθαῖος Παρανίκας.

Иванъ, Андреевъ. *Константинопольскіе патриархи отъ времени Халкидонскаго собора до Фотія.* (Χροнологία этихъ патриарховъ и очерки жизни и дѣятельности важнѣйшихъ изъ нихъ). Выпускъ первый. Χροнологία Константинопольскихъ патриарховъ отъ времени Халкидонскаго собора до Фотія и очерки жизни и дѣятельности свв. Анаτοліа, Геннадія и Ιοанна Постника. Сергіевъ Посадъ. 1895 г.

Χροнологическія изслѣдованія въ области исторической науки вслѣдствіе особенныхъ свойствъ изслѣдуемаго предмета весьма сложны и весьма трудны, но въ то же время и весьма желательны и необходимы. Безъ точнаго опредѣленія историческо-хронологическихъ датъ невозможно представить надлежащую и подлинную послѣдовательность фактовъ, а часто и понять ихъ истинное значеніе. Поэтому установленіе хронологіи историческихъ фактовъ всегда было одною изъ первыхъ заботъ всякаго историка, но не всегда и не вездѣ эта забота увѣнчивалась успѣхомъ. Есть отдѣлы въ исторіи, въ которыхъ вслѣдствіе неисправности, спутан-

ности и вообще недоброкачества источниковъ, а также и нѣкоторыхъ иныхъ причинъ, точная хронологія фактовъ доселѣ еще не установлена надлежащимъ обзоромъ. Сюда между прочимъ нельзя не отнести тотъ отдѣлъ историческаго знанія, который именуется византологіей. Чувство недостатка въ этомъ отношеніи овладѣваетъ каждымъ, кто посвящаетъ себя специальному изученію той или иной эпохи византійской исторіи и той или иной стороны византійской жизни. Нужда въ устраненіи этого недостатка въ средѣ ученыхъ давно сознается, и нельзя сказать, чтобы къ устраненію его доселѣ не предпринималось никакихъ мѣръ. Наша Императорская Академія Наукъ еще въ 1809 г. по представленію академика Круга предложила на соисканіе преміи тему о полной византійской хронологіи. Но болѣе или менѣе удовлетворительный отвѣтъ явился только черезъ 40 лѣтъ, когда тема была повторена. Это — «Опытъ византійской хронографіи» Муральта. Первая часть этого «Опыта» отъ 395 по 1057 г. была напечатана на издывеніе Академіи въ 1855 г., а вторая, съ 1057 г. по 1453 г., самимъ Муральтомъ въ 1871 г. Въ сочиненіи Муральта въ свое время указаны были рецензентами ея значительные недочеты, а теперь съ развитіемъ научнаго изученія документовъ, относящихся къ византійской исторіи, такихъ недочетовъ обнаруживается и еще болѣе. Въѣстѣ съ тѣмъ, конечно, все живѣе и живѣе сознается необходимость новыхъ хронографическихъ изслѣдованій въ этой области.

Книга Ив. Андреева до нѣкоторой степени отвѣчаетъ назрѣвшей потребности и является кстатѣ, какъ нѣчто весьма желательное. Правда, авторъ для своихъ хронологическихъ изысканій беретъ сравнительно небольшой періодъ византійской исторіи съ половины V в. до половины IX, т. е. только четыре вѣка (457 г. — 846), да притомъ и въ этомъ періодѣ отводитъ себѣ весьма ограниченный участокъ, ставя задачей установить даты начала и конца управленія церковію cadaго изъ Константинопольскихъ патріарховъ этого періода; но и на такомъ ограниченномъ полѣ возможна серьезная работа и достиженіе результатовъ, важныхъ для всей вообще византійской хронографіи. Если автору удалось на пространствѣ указаннаго періода установить точно нѣсколько десятковъ датъ, бывшихъ доселѣ сомнительными, то и это уже весьма большой выигрышъ для науки, ибо каждая точно установленная дата становится какъ бы нѣкотораго рода базисомъ для дальнѣйшихъ изслѣдованій, для исправленія и установленія другихъ смежныхъ, но сомнительныхъ датъ, равно какъ и вообще для улучшенія хронологической сѣти византійской исторіи. Г. Андрееву, несомнѣнно, удалось это сдѣлать и въ этомъ его заслуга. Посмотримъ, что именно даетъ онъ въ своемъ изслѣдованіи.

Изслѣдованіе г. Андреева состоитъ всего изъ четырехъ главъ, предваренныхъ введеніемъ. Первая глава посвящена обзору пособій для изученія хронологіи Константинопольскихъ патріарховъ отъ времени Халкидонскаго собора до Фотія. Обзоръ этотъ авторъ почему-то начинаетъ съ позднѣйшихъ пособій, а именно: Опыта византійской хронографіи Му-

ралья (1855 г.) и Πατριάρχου πίνυχας Гедеона (1884 г.). Далѣе слѣдуютъ сочиненія первой половины XVIII столѣтїя: «Трактатъ о патріархахъ Константинопольскихъ» Ле-Кеня въ его сочиненїи *Oriens Christianus*, «Примѣчанія Бандурїя къ каталогу Никифора Каллиста» въ его *Imperium Orientale* и «Хронологическая исторїя патріарховъ Константинопольскихъ» Болландиста Купера въ *Acta Sanctorum. August.* А затѣмъ авторъ опять переходитъ къ позднѣйшимъ сочиненїямъ: Гергенрѣтера и другихъ, представляя впрочемъ почти одинъ только простой ихъ перечень. Всѣ поименованныя пособія очевидно весьма тщательно изучены авторомъ, и онъ даетъ намъ обстоятельный разборъ тѣхъ изъ нихъ, которыя считаетъ болѣе важными. Не скрывая ихъ достоинствъ, онъ сообразно со своими цѣлями тщательно отмѣчаетъ ихъ недостатки и промахи, подтверждая свои указанія примѣрами и въ то же время стараясь выяснитъ причины, которыми обусловлены были тѣ или иные недостатки и промахи. «Опытъ» Муралья представляется автору однимъ изъ лучшихъ пособій для ознакомленія съ хронологїей патріарховъ, взятаго имъ для изученія періода. Матеріалъ для этой хронологїи, заключающійся въ разнаго рода хроникахъ и исторїяхъ, т. е. матеріалъ наиболѣе цѣнный, исчерпанъ Муральтомъ почти всецѣло. Но за всѣмъ тѣмъ хронологія эта весьма далека отъ научнаго совершенства, отъ желательной точности и безошибочности, такъ какъ въ ней нѣтъ оцѣнки достоинства и значенія хронологическихъ показаній самыхъ источниковъ. Имѣя недостаточно ясное представленіе о сравнительномъ достоинствѣ хронологическихъ источниковъ, Муральтъ дѣлаетъ иногда цитаты совершенно излишнія и бесполезныя изъ источниковъ, не имѣющихъ никакого значенія, и не дорожитъ указанїями дѣйствительно цѣнными. Въ томъ же недостаткѣ въ еще большей степени обвиняетъ авторъ и Гедеона. По его сужденію Гедеонъ далеко не воспользовался всѣми показанїями всѣхъ источниковъ хронологїи патріарховъ указаннаго періода, а то, чѣмъ онъ пользовался, употреблено имъ въ дѣло безъ надлежащей критической обработки. Полагаться на принятые имъ даты для патріарховъ очень опасно. Тотъ же господствующій недостатокъ, т. е. отсутствіе всякой критической обработки источниковъ, нашъ авторъ находитъ и у Ле-Кеня, и у Бандурїя, и у Купера. Такое положеніе вещей, по его мнѣнію, зависѣло всецѣло отъ тѣхъ «взглядовъ на методы обработки хронологїи, которые господствовали среди ученыхъ XVII-го и XVIII-го вв., когда мысль объ изслѣдованїяхъ компетентности хронологическихъ источниковъ находилась еще въ младенческомъ состоянїи, когда всѣ свидѣтельства, какимъ бы авторамъ они ни принадлежали, принимались, какъ равноправныя. Ошибки при такомъ положенїи дѣла вкрадывались необходимо; но еще болѣе было мѣста для произвола: часто выбиралось и принималось, какъ истинное, не то свидѣтельство, которое записано при обстоятельствахъ, благопрїятныхъ для его точности, а другое просто потому, что оно все-таки свидѣтельство источника» (стр. 35). Только у Купера онъ находитъ проблески научной критики и тщательную

провѣрку однихъ свидѣтельствъ другими; но это зависѣло отъ случайнаго обстоятельства, отъ чрезвычайнаго (сравнительно) обилія матеріаловъ, которыми онъ могъ располагать, какъ членъ общества Болландистовъ, издававшихъ знаменитыя Acta Sanctorum и владѣвшихъ такими книжными сокровищами, о которыхъ отдѣльный ученый не смѣетъ и мечтать, а не отъ живого сознанія необходимости улучшенія критическихъ приемовъ. Вслѣдствіе этого, по словамъ г. Андреева, «то самое обстоятельство, которое въ нѣкоторыхъ мѣстахъ трактата помогало Куперу исправлять недостатки своихъ предшественниковъ, отыскивать новые, лучшіе приемы отношенія къ источникамъ — разумѣемъ обиліе матеріаловъ,—въ другихъ мѣстахъ только сильнѣе выказываетъ неумѣнье автора разобратся въ массѣ показаній, только болѣе обнаруживаетъ натяжки, которыя онъ себѣ позволяетъ, только болѣе дѣлаетъ неизвинительною произвольность, съ которою онъ иногда обходитъ противорѣчія источниковъ въ пользу необоснованной предвзятой даты» (стр. 37). «Нѣкоторыя цѣнныя замѣтки его остались случайно брошенными мыслями, не получившими должнаго развитія и вліянія на ходъ его работы» (39).

Высказывая такое сужденіе о своихъ предшественникахъ, г. Андреевъ подтверждаетъ это сужденіе многими весьма выразительными примѣрами. Въ общемъ онъ конечно правъ, но тогда какое-же «пособіе» могли оказать ему столь внимательно изученные и разобранные имъ трактаты? Намъ кажется, что почти никакого. О нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ и самъ говоритъ это, наприм., о сочиненіяхъ: Гедеона, Гергенрѣтера и даже Ле-Кеня; въ другихъ же онъ находитъ нѣчто полезное для себя, но въ самой небольшой мѣрѣ. Такъ, о Муральтѣ онъ говоритъ, что «нѣкоторыя его догадки могутъ имѣть значеніе при установленіи той или иной даты, но что особенно его трудъ важенъ, какъ добросовѣстное собраніе матеріала, которое во многомъ облегчало работу» нашего автора. «Примѣчанія» Бандурія являются для него прекраснымъ вспомогательнымъ пособіемъ при пользованіи обширными трактатами Баронія и Паги о хронологіи Константинопольскихъ патріарховъ. О Куперѣ г. Андреевъ говоритъ, что сочиненіе его пригодится для его цѣли главнымъ образомъ въ томъ отношеніи, что изъ него онъ будетъ черпать тѣ или другія свидѣтельства, которыхъ не имѣетъ возможности заимствовать изъ самыхъ первоисточниковъ и которыхъ у Купера довольно много. Кромѣ того, у Купера много остроумныхъ приемовъ при соглашеніи разногласій различныхъ хронологическихъ свидѣтельствъ, которые тоже оказали нашему автору значительную помощь. Изъ этихъ отзывы не трудно замѣтить, что нѣкоторую существенную помощь оказываетъ автору только Куперъ въ тѣхъ случаяхъ, когда замѣняетъ собою недоступные первоисточники. Помощь же остальныхъ ученыхъ, равно какъ и Купера, въ другихъ отношеніяхъ, кромѣ указаннаго, совсѣмъ незначительна. И въ самомъ дѣлѣ при томъ методѣ, какой намѣчаетъ себѣ авторъ для изслѣдованія,

какую помощь ему могли оказать ученые, которымъ таковой методъ совершенно чуждъ?

Самая существенная сторона метода, предполагаемаго г. Андреевымъ для своего изслѣдованія, состоитъ въ томъ, чтобы не подчиняться «пособіямъ» въ своихъ выводахъ, а основываться единственно на «первоисточникахъ», притомъ предварительно самымъ тщательнымъ образомъ обслѣдованныхъ со стороны ихъ хронологической цѣнности или достовѣрности ихъ хронологическихъ показаній. Но такъ какъ, по словамъ автора, съ этой стороны источники, нужные ему, еще не подвергались обслѣдованію въ наукѣ, и оцѣнка ихъ въ этомъ отношеніи существуетъ «болѣе въ идеѣ, чѣмъ въ дѣйствительности», то онъ и вынужденъ былъ взять этотъ трудъ на себя цѣликомъ вмѣстѣ съ сложною черною работою (см. введ. стр. 9—12).

Задача эта выполнена г. Андреевымъ во *второй* главѣ его сочиненія, содержащей въ себѣ «Обзоръ источниковъ для хронологіи Константинопольскихъ патріарховъ отъ времени Халкидонскаго собора до Фотія». Глава эта самая большая въ сочиненіи и доминируетъ надъ всѣми другими главами размѣрами своими и богатствомъ трактуемыхъ въ ней матерій. Авторъ здѣсь съ большею старательностію выполняетъ то дѣло, которое никто изъ его предшественниковъ не нашелъ нужнымъ выполнить, — дѣлаетъ *критическую оцѣнку источниковъ*, содержащихъ въ себѣ хронологическія показанія, рѣшаетъ вопросы о томъ, *какіе* изъ этихъ источниковъ заслуживаютъ большаго довѣрія, *какіе* меньшаго, *какъ* слѣдуетъ дѣлать поправки въ извѣстныхъ мѣстахъ источниковъ, *какъ* согласовать противорѣчивыя даты, *какъ* переводить разныя древнія лѣтосчисленія на новое и т. п. (см. введ. стр. 8). Критическому разсмотрѣнію въ указанномъ родѣ подвергнуты въ этой главѣ слѣдующіе источники: Хроника Марцеллина, Хроника Виктора Тунунскаго, Хронографія Іоанна Малалы, Пасхальная хроника, Церковная исторія Іоанна Ефесскаго, Лѣтопись Теофана, Краткая исторія патріарха Никифора, Хроники продолжателя Теофана и Генесія, *Historia miscella*, *Historiarum compendium* Кедрина, Лѣтопись Іоанна Зонары, Каталоги патріарховъ Константинопольскихъ, Менологіи и др. Всѣ эти источники очевидно изучены авторомъ съ не меньшею тщательностію, какъ и вышеуказанныя пособія, и обо всѣхъ ихъ онъ даетъ весьма обстоятельныя свѣдѣнія, объ однихъ большія, о другихъ меньшія, смотря по размѣрамъ и характеру источника. Онъ не оставляетъ безъ вниманія даже и такіе изъ нихъ, которые не имѣютъ никакого значенія; такова, наприм., *Historia miscella*, о которой авторъ, сообщивъ нужныя свѣдѣнія на стр. 130, замѣчаетъ, что она «не можетъ принести *никакой пользы* при написаніи хронологіи Константинопольскихъ патріарховъ». Едва ли, слѣдовательно, была надобность и говорить о ней. Но что касается другихъ, особенно важныхъ источниковъ, то обстоятельное изслѣдованіе ихъ съ точки зрѣнія достовѣрности конечно весьма желательно. Таковое изслѣдованіе мы и имѣемъ

теперь въ книгѣ г. Андреева. Обзоръ свой онъ начинаетъ двумя мало обследованными древними латинскими хрониками Марцеллина Комита и Виктора епископа Тунунскаго. Оба хрониста были продолжателями Иеронима, переведшаго на латинскій языкъ хронику Евсевія, и оба жили при обстоятельствахъ, дававшихъ имъ возможность достовѣрно знать хронологическія данныя относительно нѣкоторыхъ Константинопольскихъ патріарховъ. У Марцеллина, хроника котораго съ продолженіемъ обнимаетъ собою періодъ времени отъ 379 г. до 566 г., г. Андреевъ находитъ возможнымъ взять восемь нужныхъ ему датъ, «достовѣрность которыхъ утверждается на основаніяхъ очень прочныхъ и удовлетворяетъ всѣмъ условіямъ, при которыхъ дата не можетъ возбуждать сомнѣній» (стр. 48). Но что касается Виктора Тунунскаго, доведшаго свою хронику отъ 444 г. до 566 г., то въ виду того, что всѣ рѣшительно изслѣдователи, заводившіе рѣчь объ этой хроникѣ, жалуются на путаницу ея хронологическихъ показаній, а также и въ виду того, что Викторъ, черпая свой хронологическій матеріалъ иногда изъ ненадежныхъ источниковъ, необходимо долженъ былъ надѣлать ошибокъ въ своемъ сочиненіи, авторъ находитъ возможнымъ пользоваться его показаніями только на столько, на сколько онѣ согласны съ показаніями другихъ источниковъ, и не считаетъ себя въ правѣ отдавать имъ предпочтеніе предъ другими источниками; только двѣ даты у Виктора, или вѣрнѣе одну, напѣ авторъ считаетъ несомнѣнно точными, именно 565 г., т. е. годъ изгнанія Евтихія и возведенія Іоанна Схоластика. Такъ какъ оба хрониста ведутъ лѣтосчисленіе способомъ, давно уже вышедшимъ изъ употребленія, по консуламъ и индиктамъ, то авторъ находитъ нужнымъ указать правила, какимъ образомъ нужно поступать, чтобы найти точное обозначеніе годовъ по нашему и другимъ лѣтосчисленіямъ.

За указанными двумя древними латинскими хрониками слѣдуютъ двѣ тоже очень древнія хроники греческія — Малаы и Пасхальная, дающія каждая автору по пяти нужныхъ ему датъ. Въ параграфѣ о Малаѣ авторъ занимается главнымъ образомъ опредѣленіемъ времени, когда написана извѣстная подъ его именемъ хронографія. Вопреки мнѣнію Годія, относившаго эту хронографію къ IX в., Андреевъ согласно съ Каве, Гельцеромъ и Крумбахеромъ доказываетъ, что «если не съ несомнѣнностію, то съ большою вѣроятностію можно утверждать, что хронографія Малаы написана недолго спустя послѣ Юстиніана», т. е. въ концѣ VI или въ началѣ VII в. Нѣкоторыя изъ его доказательствъ очень остроумны и новы. Въ параграфѣ о Пасхальной хроникѣ тоже выдвигается вопросъ о времени ея происхожденія и о принадлежности ея двумъ авторамъ. По словамъ Андреева, «если принадлежность этой хроники двумъ авторамъ еще иногда и оспаривается, то о написаніи ея второй части во времена императора Ираклія, кажется, уже спора быть не можетъ». Для подтвержденія приводится значительное количество весьма вѣскихъ доказательствъ, а въ заключеніе устанавливается отношеніе между счисле-

ніями — нашимъ и тѣмъ, которымъ пользуется авторъ Пасхальной хроники. Сдѣлавъ затѣмъ замѣчаніе о немногочисленныхъ, но чрезвычайно важныхъ хронологическихъ показаніяхъ въ «Исторіи» Іоанна Ефесскаго относительно патріарховъ — Евтихіа и Іоанна III сколастика, г. Андреевъ переходитъ къ подробному разбору лѣтописи Теофана.

Изслѣдованіе лѣтописи Теофана занимаетъ въ сочиненіи г. Андреева пѣтую половину, и даже нѣсколько болѣе, второй самой большой главы. Авторъ занимается этой «лѣтописью» съ особенною тщательностью и даже любовью. Онъ входитъ во всевозможныя подробности и не оставляетъ безъ вниманія ни одного сколько нибудь важнаго вопроса, относящагося къ ея хронологическимъ показаніямъ. Это объясняется тѣмъ, что Теофанъ для г. Андреева въ сущности есть главный источникъ, такъ какъ содержитъ даты для всѣхъ Константинопольскихъ патріарховъ изучаемаго имъ періода, но источникъ, уже не во всѣхъ частяхъ первичный, значительно искаженный разными поправками и привнесеніями, а вслѣдствіе того нуждающійся въ тщательной критической провѣркѣ и реставраціи. Согласно съ этимъ, авторъ ставитъ себѣ двѣ задачи: 1) опредѣлить условія, при которыхъ составлялась лѣтопись; 2) опредѣлить по возможности, что несомнѣнно принадлежитъ въ ней Теофану и что интерполаторамъ. Обѣ эти задачи — весьма сложныя и нелегкія, тѣмъ болѣе, что послѣ критическаго изданія этой «лѣтописи» De-Boog-омъ на нее было обращено особенное вниманіе и ею особенно много стали заниматься, вслѣдствіе чего по разнымъ вопросамъ, относящимся къ ней, явилось множество разныхъ мнѣній и разсужденій, часто противорѣчивыхъ и не вполне основательныхъ. Съ этими мнѣніями автору необходимо приходится считаться, отчего долженъ былъ увеличиться и его трудъ и размѣры его изслѣдованія. Во исполненіе своей первой задачи авторъ даетъ біографическія свѣдѣнія о Теофанѣ, о времени его жизни, чтобы видѣть, какихъ патріарховъ онъ былъ современникомъ и какихъ событій очевидцемъ, — о воспитаніи его, характерѣ и направленіи, чтобы знать, насколько онъ способенъ былъ быть точнымъ и осмотрительнымъ. Выводъ изъ біографическихъ фактовъ получается такой, что Теофанъ находился въ довольно благоприятныхъ условіяхъ, какъ по своему образованію, такъ и по своему внѣшнему положенію для совершенія такого труда, какъ написаніе его хронографіи. Даже болѣе: «со стороны Теофана всѣ условія для успѣшнаго выполненія предпринятаго имъ написанія лѣтописи были на лицо. Вѣрный завѣту своего предшественника Георгія Синкелла, доведшаго свою лѣтопись только до Діоклитіана, Теофанъ въ своей хронографіи стремился «обозначать лѣта со всевозможной точностью», и «помѣщать каждое событіе отчетливо въ своемъ хронологическомъ мѣстѣ. . . . Между тѣмъ, кто бы ни заводилъ рѣчь о трудѣ Теофана, считаетъ первымъ долгомъ сказать, что хронологическая сѣть его крайне спутанна, противорѣчива, страдаетъ неточностями» (стр. 75). Такъ какъ значительную часть противорѣчій и спутанности нужно отнести и на

долю переписчиковъ и читателей Теофана, то отсюда является необходимость второй задачи—опредѣлить, какія изъ имѣющихся у него хронологическихъ показаній принадлежатъ ему и какія—интерполаторамъ. Авторъ полагаетъ, что если ставить себѣ такую задачу по отношенію ко всему вообще хронологическому аппарату Теофановой лѣтописи, то рѣшеніе ея сопряжено почти съ непреодолимыми трудностями, но къ счастью для него въ этомъ нѣтъ надобности, а въ той части этихъ показаній, которая его интересуетъ, дѣло обстоитъ даже болѣе благоприятно, такъ какъ сохранился документъ, дающій возможность сдѣлать точную повѣрку Теофановыхъ датъ. Этотъ документъ есть латинскій переводъ лѣтописи Теофана, сдѣланный Анастасіемъ бібліотекаремъ не болѣе, какъ чрезъ 60 лѣтъ послѣ изданія подлинника, когда подлинникъ этотъ по всей вѣроятности не успѣлъ еще подвергнуться значительнымъ искаженіямъ и наполниться сторонними прибавленіями. Значеніе перевода Анастасія для критики подлинника авторъ ставитъ весьма высоко, вопреки De-Boog'у, который говоритъ, что «значеніе перевода для критики текста оригинала не совсѣмъ велико». Свою мысль г. Андреевъ старается утвердить на самыхъ точныхъ данныхъ при помощи детальнаго сравненія перевода съ подлинникомъ. Изъ этого сличенія явствуетъ, что переводъ Анастасія служитъ драгоценнымъ источникомъ для повѣрки хронологическихъ показаній современнаго оригинала лѣтописи Теофана. Правда, Анастасій при переводѣ «лѣтописи» согласно съ своею цѣлью сокращалъ ее, дѣлая значительные пропуски, но эти пропуски относятся только къ событіямъ гражданскимъ, а не церковнымъ; Анастасій удержалъ въ своемъ переводѣ всѣ церковно-историческія извѣстія подлинника. Этому не противорѣчитъ даже и отсутствіе хронологіи первыхъ Константинопольскихъ патріарховъ въ переводѣ Анастасія, такъ какъ отсутствіе это, не соответствующее хронологическимъ таблицамъ современнаго текста, объясняется тѣмъ, что только часть этихъ таблицъ принадлежатъ Теофану, что таблицы эти интерполированы на основаніи хронографіи патріарха Никифора, а самъ Теофанъ велъ ихъ несомнѣнно отлично отъ того, какъ онѣ существуютъ теперь. Все это авторъ весьма подробно доказываетъ и дѣлаетъ такой выводъ, что безспорно принадлежатъ Теофану только тѣ даты Константинопольскихъ патріарховъ, которыя есть въ переводѣ Анастасія, тѣ же даты, которыхъ нѣтъ въ этомъ переводѣ, даты лишнія, могутъ быть принимаемы во вниманіе только въ томъ предположеніи, что если даже они и не принадлежатъ Теофану, то все-таки суть произведенія читателей и переписчиковъ, которые могли достать источники для хронологіи *своихъ* патріарховъ очень подробные; во всякомъ случаѣ даты эти не обязательны безъ повѣрки по другимъ источникамъ. Кромѣ перевода Анастасія, по мнѣнію Андреева, для провѣрки хронологическихъ показаній Теофана могутъ служить въ нѣкоторыхъ случаяхъ свидѣтельства самого же Теофана. Правда, такимъ путемъ можно провѣрить далеко не все; однако даты

12 патриарховъ, начиная съ Георгія (съ ноября 679 г.) и кончая Тарасіемъ, могутъ получить чрезъ такую провѣрку особую прочность. Въ данномъ случаѣ провѣрка эта возможна потому, что Теофанъ упоминаетъ объ этихъ патриархахъ дважды въ разныхъ мѣстахъ своей лѣтописи. Но какъ бы прочно ни былъ установленъ при помощи провѣрки текстъ лѣтописи Теофана, относящійся къ церковно-историческимъ событіямъ и хронологіи патриарховъ, затрудненія при пользованіи имъ отъ этого далеко не совсѣмъ уничтожаются. Остаются еще многія и важныя затрудненія, проистекающія отъ способа веденія Теофаномъ своей лѣтописи. Въ виду этого г. Андреевъ считаетъ очень полезнымъ отмѣтить и объяснить эти особенности веденія Теофаномъ хронографіи. Онъ находитъ двѣ такія особенности, которыя могутъ ввести въ заблужденіе или въ недоумѣніе изслѣдователя—это, во-первыхъ, обычай обозначать продолжительность правленія патриарховъ круглыми числами и, во-вторыхъ, обычай начинать счетъ годовъ правленія того или иного патриарха иногда совершенно неправильно съ года, слѣдующаго за смертію предшествоващаго патриарха, хотя бы онъ вступилъ на престолъ въ томъ же году, въ какомъ умеръ предшественникъ. De-Boog очень строго относится къ такой путаницѣ, находя въ ней поводъ къ заподозрѣнію доброкачественности всей вообще хронологіи Теофана. Но г. Андреевъ не соглашается съ такимъ строгимъ выводомъ и посредствомъ примѣровъ показываетъ, что путаница эта при внимательномъ отношеніи къ дѣлу легко можетъ быть устраняема. Далѣе авторъ объясняетъ, какою эрою пользуется Теофанъ, и какъ переводитъ годы Теофана на наши годы, говоритъ также о лѣтосчисленіи по индиктамъ, объ отношеніи индиктовъ и лѣтъ отъ Р. Хр. въ хронографіи Теофана. При этомъ онъ особенно отмѣчаетъ тотъ странный фактъ, обращавшій на себя вниманіе многихъ ученыхъ, что въ значительной части хроники Теофана замѣчается несоотвѣтствіе между цифрою индикта и цифрою года на единицу, такъ что представляется одинъ годъ какъ бы пропущеннымъ. Это несоотвѣтствіе начинается съ 602 г. и кончается 775 г. Въ видахъ разъясненія этой странности въ наукѣ явилась гипотеза, что въ эпоху Исаврійской династіи у грековъ было особое лѣтосчисленіе, которое относительно общезвѣстнаго и общепринятаго заключало въ себѣ разницу на одинъ годъ. Творцами этой гипотезы были ученые юристы Цахаріэ и особенно Геймбахъ. Еще лѣтъ 17 назадъ профессоръ В. Г. Васильевскій касался мимоходомъ этой гипотезы и отвергъ ее, какъ неосновательную, предложивъ объяснить указанное несоотвѣтствіе просто ошибкою. Но г. Андреевъ объ этой гипотезѣ Геймбаха говоритъ (стр. 108—109), что это его «утвержденіе онъ признаетъ, хотя и съ нѣкоторыми ограниченіями, совершенно вѣрнымъ», вопреки отзыву профессора Васильевскаго, противъ котораго подъ строками и высказываетъ сильное неудовольствіе. Однако-жъ, потомъ, начавъ дѣлать ограниченія, и самъ приходитъ къ тому выводу, что въ данномъ случаѣ у Теофана никакого иного лѣтосчисленія нѣтъ,

что «нарушеніе обычнаго отношенія индиктовъ и лѣтъ есть только ошибка Теофана—ошибка, вызванная пропускомъ одного года» (стр. 125), и что, слѣдовательно, за извѣстный періодъ въ лѣтописи Теофана нужно отдавать предпочтеніе обозначеніямъ индиктовъ предъ обозначеніемъ лѣтъ отъ сотворенія міра и отъ Р. Хр., ибо ошибка коснулась только послѣднихъ, а не первыхъ. Поясненіемъ важности добытаго имъ вывода авторъ заканчиваетъ свое разсужденіе о Теофанѣ.

Далѣе объясняется цѣнность хронологическихъ показаній «краткой исторіи» патріарха Никифора, и «хроникъ» анонима продолжателя Теофана и Генезія. У Никифора авторъ находитъ даты для пяти патріарховъ изучаемаго имъ періода, и, по его мнѣнію, историческая цѣнность этихъ датъ «должна быть поставлена выше всякаго сомнѣнія». Но что касается Генезія и продолжателя Теофанова, то оба эти автора очень скупы на хронологическія показанія и, кромѣ того, заимствуютъ ихъ не всегда изъ доброкачественныхъ источниковъ, а потому однѣ изъ сообщаемыхъ ими датъ не ясны, другія случайны и вызываютъ сомнѣнія.

Разсмотрѣнными хрониками кончается рядъ *первоисточниковъ* для хронологіи патріарховъ изучаемаго г. Андреевымъ періода. Далѣе слѣдуютъ хроники компилятивнаго характера. Хронологическія указанія, въ нихъ содержащіяся, большею частію списаны у болѣе раннихъ и выше разсмотрѣнныхъ авторовъ, а потому значеніе ихъ не велико. Такъ *Historia miscella* не можетъ принести никакой пользы при написаніи хронологіи Константинопольскихъ патріарховъ, *Historiarum compendium* Георгія Кедрина имѣетъ нѣкоторое значеніе только для критики текста лѣтописи Теофана, нѣсколько дополняя значеніе въ этомъ отношеніи перевода Анастасія. Болѣе цѣны имѣетъ лѣтопись Іоанна Зонары, такъ какъ Зонара свои источники подвергаетъ столь значительной переработкѣ, что свести ихъ къ дошедшимъ до насъ сочиненіямъ нѣтъ возможности, вслѣдствіе чего является весьма вѣроятное предположеніе, что большинство историческихъ трудовъ, которыми онъ пользовался, теперь затеряны. Зонара несомнѣнно пользовался Теофаномъ, но чѣмъ онъ пользовался, кромѣ Теофана—опредѣлить это весьма трудно и даже едва-ли возможно. Вслѣдствіе этого, показанія его и получаютъ особое значеніе. Какъ авторъ XII-го вѣка онъ могъ имѣть подъ руками обильнѣйшіе и болѣе исправные источники для хронологіи патріарховъ своего роднаго города, чѣмъ тѣ, которые дошли до насъ. Значеніе его увеличивается еще и отъ того, что онъ весьма ясно ставитъ себѣ между прочимъ специальную задачу—слѣдить за тѣмъ, «какія лица занимали Константинопольскую кафедру, сколь долго каждое изъ нихъ... и когда кто изъ нихъ умеръ», а затѣмъ и отъ того, что даты обозначаются въ его лѣтописи не цифрами, а словами и слѣдовательно менѣе могли подвергаться порчѣ.

Послѣ хроникъ-компиляцій г. Андреевъ разсматриваетъ «каталоги» патріарховъ Константинопольскихъ. Это весьма важный для него источ-

никъ и притомъ источникъ спеціально хронологическій, а потому онъ останавливается на нихъ съ особымъ вниманіемъ. Каталоги эти онъ считаетъ очень важнымъ источникомъ, но увѣренъ, что «съ ними одними въ рукахъ писать хронологию нельзя, такъ какъ, къ сожалѣнію, есть очень много условій, сильно ограничивающихъ то значеніе, которое каталоги могли бы имѣть для написанія точной хронологіи патріарховъ». Условія эти проистекаютъ: 1) изъ невозможности указать для большинства каталоговъ источники, на основаніи которыхъ они составлялись и 2) изъ легкой возможности порчи хронологическихъ показаній, въ нихъ содержащихся со стороны переписчиковъ, вслѣдствіе чего въ каталогахъ встрѣчаются большія разногласія въ обозначеніи времени правленія многихъ патріарховъ. Чтобы при существованіи такихъ затрудненій имѣть право ссылаться на каталоги, для этого нужно 1) составить себѣ понятіе о томъ, какъ они вообще могли получить начало, изъ надежнаго ли источника черпался матеріалъ для составленія ихъ; 2) опредѣлить, когда и при какихъ условіяхъ написаны тѣ каталоги, которые имѣются въ нашемъ распоряженіи и 3) установить и выдѣлить тѣ случаи, когда искаженія переписчиковъ бывали особенно часты, подвести по возможности эти случаи подъ нѣсколько болѣе или менѣе постоянныхъ правилъ. Стараясь выполнить первую изъ намѣченныхъ задачъ, г. Андреевъ вступаетъ въ полемику съ Фишеромъ (*De patriarch. Constantinopol. catalogis. Lipsiae 1884*), который доказываетъ, что каталоги патріарховъ произошли изъ диптиховъ. Андреевъ же полагаетъ, что они произошли изъ городскихъ оффиціальныя записей въ родѣ нашихъ календарей, только составлявшихся не для одного года, и что начало свое получили отъ патріарха Никифора, а до того времени каталоговъ въ томъ видѣ, какъ мы ихъ видимъ теперь, совсѣмъ не существовало. Утвержденіе это намъ кажется рискованнымъ и недостаточно обоснованнымъ. Авторъ не объясняетъ, что это за оффиціальныя записи въ родѣ нашихъ календарей и упускаетъ изъ виду, что древняя вселенская церковь всегда придавала особенно важное значеніе непрерывности преемства въ церковной іерархіи и строго блюла за нею. Возможно ли это было безъ каталоговъ? Сообщивъ затѣмъ свѣдѣнія объ образованіи каждаго изъ каталоговъ, имѣвшихся у него подъ руками, авторъ даетъ намъ весьма любопытный обзоръ наиболѣе частыхъ ошибокъ переписчиковъ каталоговъ. По его мнѣнію всѣ эти случаи можно свести къ слѣдующимъ 8 своего рода правиламъ: 1) встрѣчаются пропуски дѣйствительныхъ лѣтъ правленія патріарха и замѣна ихъ числомъ, обозначающимъ время правленія патріарха слѣдующаго, 2) очень обыкновенна замѣна числа α' числомъ δ' , 3) очень часто пропускается число ϵ' , 4) очень часты измѣненія числа γ' въ число ς' и обратно, 5) есть случаи превращенія α' и γ' въ χ' , 6) встрѣчаются измѣненія γ' въ β' и обратно, 7) довольно рѣдко, но встрѣчаются превращенія ζ' въ ς' и θ' , 8) иногда α' измѣняется въ η' . Эти наблюденія не лишены значенія не только для

занимающихся хронологіей, но и вообще исторіей по рукописнымъ источникамъ.

Дальнѣйшимъ хронологическимъ источникомъ въ исторіи патріарховъ нужно признать «менологіи» и литургическіе «синаксари». Пользованіе этимъ источникомъ, по словамъ Андреева, заманчиво въ высшей степени, такъ какъ даты, встрѣчаемыя здѣсь, отличаются незамѣнимымъ достоинствомъ—точностью. Но тѣмъ не менѣе пользованіе ими не безопасно и встрѣчаетъ множество затрудненій. Нѣкоторые изъ этихъ затрудненій указаны арх. Сергіемъ въ его Полномъ мѣсяцесловѣ Востока т. I, стр. 15, 16); нѣкоторые же устанавливаетъ самъ авторъ. Трудности (показываются дѣйствительно довольно значительными; но, несмотря на то, пользованіе менологіями для своей цѣли нашъ авторъ считаетъ возможнымъ и законнымъ при соблюденіи конечно только нѣкоторыхъ особыхъ условій. Далѣе онъ опредѣляетъ и самыя эти условія и приводитъ примѣры. Въ заключеніе главы авторъ заявляетъ, что, кромѣ перечисленныхъ имъ источниковъ, есть довольно много и другихъ, весьма полезныхъ при опредѣленіи той или иной одиночной даты, каковы житія, частныя замѣтки въ дѣяніяхъ соборовъ и особенно письма, но отъ общаго обзора и оцѣнки ихъ онъ отказывается, общія замѣчанія о каждомъ изъ нихъ дѣлать при написаніи самой хронологіи.

Все, выше изложенное нами, содержится въ первыхъ двухъ главахъ сочиненія г. Андреева и представляетъ собою въ сущности только введеніе въ третью главу или отчетъ автора о великихъ трудахъ, подъятыхъ имъ по изученію источниковъ и пособій съ цѣлью написанія хронологіи патріарховъ Константинопольскихъ избраннаго имъ періода, т. е. третьей главы, въ которой эта хронологія помѣщена.

Эта третья глава составляетъ несомнѣнно центръ всего сочиненія и всѣ работы автора естественно направлены къ наиболѣе твердому и научному ея обоснованію. Но по самому характеру своего предмета и изложенію, она такова, что какая либо сокращенная ея передача въ высшей степени затруднительна и даже невозможна. Авторъ показываетъ намъ здѣсь самый процессъ добыванія имъ точныхъ датъ при помощи изученныхъ имъ источниковъ и пособій—процессъ очень трудный и замысловатый, который самъ авторъ во введеніи (стр. 12) сравниваетъ съ процессомъ рѣшенія сложныхъ математическихъ задачъ, когда, кромѣ знанія правилъ, требуется еще *догадливость*, замѣчающая при рѣшеніи каждой задачи то, что свойственно именно этой задачѣ, и усматривающая первоначальный узелъ, съ котораго только и можно начать распутывать сложную комбинацію. При помощи этой, какъ онъ называетъ, «догадочной критики», равно какъ и другихъ выработанныхъ имъ приемовъ, авторъ на основаніи своихъ источниковъ устанавливаетъ въ своей третьей главѣ по двѣ даты на каждое патріаршествованіе, начиная съ Анатолія (449 г.) и кончая Мееодіемъ (842 г.) всего 86 датъ для 40 патріарховъ, изъ коихъ трое патріаршествовали по два раза.

Для каждаго патріарха берется только двѣ даты—дата вступленія на престолъ и дата оставленія его или смерти, вслѣдствіе чего почти каждый отдѣлъ, посвященный тому или иному патріарху, оканчивается такъ: «Итакъ, такой то занималъ каяедру съ такого то числа, мѣсяца и года до такого то числа, мѣсяца и года». Никакихъ другихъ датъ, относящихся къ избраннѣмъ имъ патріархамъ, къ церковно-историческимъ и другимъ важнымъ событіямъ, совершившимся во время ихъ патріаршествованія, онъ не изслѣдуетъ. Никакого біографическаго и церковно-историческаго элемента онъ сюда не вводитъ, такъ что каждый патріархъ представляется читателю въ образѣ имени и двухъ только цифръ. Намъ кажется, что авторъ, искусившійся въ хронологическихъ выкладкахъ и догадкахъ, лучше бы сдѣлалъ, если бы далъ своему столь трудному, но и столь полезному, искусству болѣе значительную область для примѣненія, если бы, напримѣръ, раздвинулъ область своихъ хронологическихъ изслѣдованій по крайней мѣрѣ въ широту, т. е. изслѣдовалъ не только крайнія даты каждаго патріаршествованія, но и промежуточные и побочныя и далъ бы намъ хронологическій перечень церковно-историческихъ событій, въ которыхъ принималъ участіе тотъ или иной патріархъ, или которыя были ему современны. Одинъ уже такой перечень далъ бы каждому патріарху болѣе или менѣе конкретный образъ. Введеніе же, хотя бы въ самомъ умѣренномъ количествѣ, элемента біографическаго и историческаго еще болѣе бы оживило сухое изложеніе третьей главы, которою естественно должно бы кончиться и все сочиненіе. Сочиненіе это получило бы тогда стройный, цѣлостный видъ и вполне спеціальныя характеръ, а отъ расширенія хронологической изслѣдуемой имъ сѣти получило бы и въ научномъ отношеніи большее значеніе, особенно, если бы авторъ снабдилъ его указателемъ и хронологическою таблицей или перечнемъ установленныхъ имъ датъ въ ихъ послѣдовательномъ порядкѣ. Такой указатель или перечень долженъ бы былъ имѣть мѣсто и теперь въ концѣ третьей главы.

Но авторъ разсудилъ вознаградить своихъ читателей, смущенныхъ необыкновенною сухостью и краткостью третьей главы, инымъ образомъ. Онъ прибавилъ еще четвертую главу, подъ заглавіемъ: «Очерки жизни и дѣятельности свв. Анатолія, Геннадія и Іоанна Постника» (стр. 205—286). Глава эта совсѣмъ иного характера и представляется какъ бы случайнымъ приложеніемъ, взятымъ изъ совершенно иного сочиненія. Но она очень интересна и заслуживаетъ внимательнаго прочтенія. Несмотря на сравнительную скудость матеріаловъ для составленія жизнеописаній упомянутыхъ патріарховъ, авторъ сумѣлъ живо обрисовать, какъ индивидуальныя ихъ образы, такъ и основной характеръ дѣятельности каждаго изъ нихъ.

Въ отдѣлѣ объ Анатоліи г. Андреевъ обращаетъ особенное вниманіе на двойственность его поведенія, особенно по отношенію къ папамъ и къ еретикамъ. Оправданіе такой двойственности, за которую часто и

жестoko упрекали его какъ старые, такъ и новые католическіе писатели, авторъ находитъ въ его необыкновенно тонкомъ и пронизательномъ умѣ, дававшемъ ему возможность глубоко понимать сущность современныхъ церковныхъ и политическихъ отношеній. Извѣстно, что Анатолю пришлось имѣть дѣло съ монофизитствомъ, а монофизитство было столько же религіозною, сколько и политическою партіею и притомъ партіею чрезвычайно опасною въ политическомъ отношеніи. Монофизитство было девизомъ на знамени всѣхъ сепаратистовъ и оторвало въ концѣ концовъ отъ имперіи добрую ея половину. Грозную опасность для цѣлости имперіи отъ распространенія монофизитства поняли очень рано всѣ лучшіе люди византійскаго правительства. Отсюда цѣлый рядъ уніональныхъ попытокъ, начавшихся вскорѣ послѣ Халкидонскаго собора, отсюда и тотъ видъ церковной политики, который характерно былъ обозначенъ терминомъ: *οἰκονομία*. «*Οἰκονομία* — вотъ направление, котораго только и могъ держаться въ своей дѣятельности Анатолій. По самому существу своему такая политика исключаетъ возможность заранѣе составленныхъ плановъ, рѣзко очерченныхъ программъ дѣятельности и прямолинейнаго ихъ выполненія. Прислушиваясь внимательно къ требованіямъ жизни, которыя всегда капризны и измѣнчивы, она по необходимости должна была мѣнять формы отношенія къ дѣйствительности при разныхъ обстоятельствахъ и въ разное время, имѣя въ виду одну только цѣль—сохраненіе церковнаго мира» (стр. 232, 233). Отсюда понятно подозрительное отношеніе къ Анатолю папы Льва, который, разсуждая независимо отъ мѣстныхъ обстоятельствъ и потребностей, всегда готовъ былъ удивляться и недоумѣвать той деликатности, съ которой обращались на востокъ съ иномыслящими, и истолковывать въ дурную сторону каждый случай умѣренного отношенія къ монофизитамъ со стороны Анатолія.

Въ отдѣлѣ о св. Геннадіи съ особенною рельефностью выступаетъ нравственная высота его личности. «Геннадій былъ дорогъ—говоритъ авторъ—своимъ современникамъ и своему потомству главнымъ образомъ своими нравственными заслугами, своимъ моральнымъ вліяніемъ, примѣромъ своей безупречной жизни, тою стороною дѣятельности, которая слагается изъ непрерывнаго ряда подвиговъ, перестающихъ быть и казаться этими подвигами именно въ силу этой своей непрерывности и сливающихся въ одинъ идеальный образъ, въ которомъ трудно замѣтить частности, но который въ цѣломъ вызываетъ чувство любви и благоговѣнія». Въ сознаніи византійскаго общества Геннадій всегда былъ «идеаломъ благочестія и всего прекраснаго»—*τῆς εὐσεβείας καὶ καλοῦ παντός τύπος*—и не болѣе, какъ полвѣка спустя послѣ его смерти личность его рисовалась въ сознаніи византійскаго общества всецѣло, какъ носительница всѣхъ тѣхъ качествъ, съ которыми этому обществу представлялся идеалъ святой нравственно-высокой жизни (стр. 242). Такимъ характеромъ личности Геннадія объясняются его энергическія

заботы о мирѣ церковномъ на Востокѣ, о возвышеніи нравственнаго уровня христіанскаго общества и особенно пастырѣй церкви, объ удовлетвореніи нравственныхъ нуждъ и объ искорененіи уклоеній отъ нравственнаго христіанскаго идеала. Ясныя слѣды такой дѣятельности сохранились въ памятникахъ законодательства того времени, церковнаго и гражданскаго.

Въ отдѣлѣ о св. Іоаннѣ Постникѣ авторъ выдвигаетъ нѣсколько весьма любопытныхъ, но мало извѣстныхъ, индивидуальныхъ чертъ его характера, вытекавшихъ изъ его необычайнаго милосердія и аскетизма, и затѣмъ весьма подробно разбираетъ вопросъ о мнѣшномъ присвоеніи имъ себѣ титула: *вселенскій*. Разобравъ по этому предмету мнѣнія западныхъ ученыхъ, въ особенности Гергенрѣтера и Гельцера, авторъ приходитъ къ слѣдующему заключенію по этому вопросу: 1) «Титулъ: вселенскій, какъ видно изъ употребленія его во время до Постника и изъ отношенія къ нему лицъ, которымъ всего лучше было знать его настоящее значеніе, не былъ символомъ притязаній на главенство въ церкви, какъ истолковалъ его папа Григорій Великій. 2) Но такъ какъ этотъ титулъ былъ все-таки пышнымъ эпитетомъ и принятіе его указываетъ, если не на честолюбіе, то на недостатокъ смиренія, то съ этой стороны имѣютъ большое значеніе выводы Гельцера, что Постникъ: а) никогда самъ себя не называлъ «вселенскимъ патріархомъ» и б) позволялъ только другимъ именовать себя такъ, не сдѣлавъ нововведенія и въ этомъ послѣднемъ отношеніи, потому что такъ титуловались и его предшественники» (стр. 283).

Всѣ три патріарха, жизнеописанія которыхъ изложены авторомъ, были не только администраторами и святыми мужами, но и писателями. Поэтому авторъ не оставляетъ безъ вниманія и этой стороны ихъ дѣятельности, хотя, вѣроятно вслѣдствіе трудности предмета, останавливается на ней сравнительно кратко, не входя въ обсужденіе специальныхъ вопросовъ, куда относящихся. Такъ о литературной дѣятельности Анатолія онъ отказывается говорить вовсе, оговариваясь въ подстрочномъ примѣчаніи, что приписываемыя ему стихиры «едва ли ему принадлежать». При разсужденіи о литературной дѣятельности св. Іоанна Постника онъ также заинтересованъ почти исключительно сомнѣніями въ подлинности его эпитимейника или пенитенціала, сомнѣніями, выдвигаемыми со стороны многихъ западныхъ и нѣкоторыхъ русскихъ ученыхъ. Богѣе подробно онъ говоритъ о литературной дѣятельности Геннадія. Онъ старательно наводитъ справки о количествѣ сочиненій Геннадія гомилетическихъ, догматико-полемиическихъ, экзегетическихъ и другихъ, болѣею частію затерянныхъ или сохранившихся въ незначительныхъ отрывкахъ. На основаніи сохранившихся отрывковъ толкованій Геннадія на Св. Писаніе онъ старается опредѣлить даже «характеръ экзегесиса Геннадія» (стр. 248) и для поясненія своихъ соображеній приводитъ нѣкоторыя толкованія Геннадія на книгу Бытія и посланія

къ Римлянамъ цѣликомъ. Жаль, что онъ вовсе не упомянулъ объ извѣстномъ «Правилѣ о вѣрѣ и жизни христіанской» или Стоглавникѣ, часто встрѣчающемся съ именемъ Геннадія патріарха Константинопольскаго въ славянскихъ и русскихъ рукописяхъ. Подъ Геннадіемъ здѣсь нельзя разумѣть Геннадія II Схолярія, такъ какъ нѣкоторые рукописи, содержащія въ себѣ упомянутое сочиненіе, напримѣръ, Троицкой Лавры, относятся ко времени ранѣе Геннадія II къ XIV в. При томъ же по содержанию своему это сочиненіе, какъ нельзя болѣе, соотвѣтствуетъ тому высокому нравственному облику, который обрисованъ въ его біографіи.

Биографіями патріарховъ Анатолія, Геннадія и Іоанна Постника заканчивается сочиненіе г. Андреева. Біографіи эти, сравнительно съ прежде извѣстными (напримѣръ, у преосв. Филарета Черниговскаго), безспорно имѣютъ высокія достоинства. Но, спрашивается, почему только эти три патріарха удостоены авторомъ особаго изслѣдованія? Если первые три главы сочиненія г. Андреева не представляютъ собою совершенно особаго и самостоятельнаго сочиненія, а послѣдняя глава не есть случайное къ нему прибавленіе, если упомянутыя три главы составляютъ только введеніе къ исторіи патріарховъ извѣстнаго періода, то естественно ожидать вслѣдъ за третью главою послѣдовательную исторію (хотя бы только біографическую) патріарховъ, а не три только біографіи. Возраженіе это предугадалъ самъ авторъ и въ своемъ введеніи старается устранить его слѣдующими доводами (при чемъ имѣется въ виду, что, кромѣ указанныхъ біографій, авторомъ написаны еще четыре: Германа, Тарасія, Никифора и Меодія): «всѣ (патріархи, удостоившіеся біографіи) за исключеніемъ одного изъ нихъ Іоанна Постника были образованнѣйшими людьми своего времени; всѣ они безъ исключенія были чуткими стражами церковныхъ нуждъ своего вѣка; всѣ они безъ исключенія же выказали себя высокими нравственными характерами; каждый изъ нихъ сдѣлалъ замѣтный вкладъ въ церковную исторію своею жизнію и дѣятельностію». Кромѣ того, къ этому выбору побуждало автора еще «большее количество свѣдѣній именно объ этихъ патріархахъ, чѣмъ о всѣхъ другихъ за время отъ Халкидонскаго собора до Фотія» (стр. 13). Однако, едва ли авторъ вѣритъ тому, что только тѣ патріархи заслуживаютъ біографіи, которые представляются личностями выдающимися. Жизнь патріарховъ, какъ патріарховъ, заслуживаетъ изученія и совершенно независимо отъ умственныхъ или нравственныхъ ихъ достоинствъ, главнымъ образомъ въ силу той или иной, положительной или отрицательной, вялой или энергичной, *церковно-исторической* ихъ дѣятельности. Какъ патріархи всѣ они въ равной степени заслуживаютъ вниманія. Авторъ очевидно сознаетъ это и самъ, когда прибавляетъ въ концѣ: *«конечно было бы удобнѣе представить послѣдовательный рядъ біографическихъ очерковъ всѣхъ патріарховъ изучаемаго нами періода»*. Почему же онъ не дѣлаетъ такъ, какъ *удобнѣе*? Отвѣтъ: *quod potui feci*. Противъ этого аргумента спорить нельзя; можно развѣ только замѣтить, что возможность выполнить осно-

вательно ту или иную научную задачу обуславливается не только знаніями, талантами и трудолюбіемъ, но и временемъ: чего нельзя сдѣлать въ годъ, то можно въ два, три и т. д. Но могутъ быть побужденія особы къ публикованію и неоконченныхъ работъ. . . .

Одесса.

8 января 1897 г.

Проф. Н. Красносельскій.

Émile Molinier, *Histoire générale des arts appliqués à l'industrie*. Les Ivoires. Paris. in fol. 245.

Исторія индустріальныхъ искусствъ имѣетъ весьма важное значеніе. Благодаря знакомству съ индустріальными искусствами въ ихъ прошломъ, для насъ становится извѣстной техника многихъ художественныхъ производствъ, которая была въ употребленіи въ древности и которая съ большой пользой можетъ быть примѣнена къ нашимъ современнымъ производствамъ. Благодаря той же исторіи, для насъ становится извѣстнымъ цѣлый міръ художественныхъ, декоративныхъ формъ, которыя служили украшеніемъ различнаго рода вещей; эти художественныя и декоративныя формы могутъ также служить богатымъ матеріаломъ для современныхъ мастеровъ при украшеніи ими своихъ произведеній.

Но изученіе памятниковъ художественной индустріи важно и для исторіи самихъ искусствъ, одну изъ главныхъ вѣтвей которыхъ послѣдняя составляетъ. На основаніи памятниковъ художественной индустріи можно при обладаніи достаточнымъ, научно обслѣдованнымъ матеріаломъ писать исторію самихъ искусствъ, ибо эти памятники — результатъ той культуры народа въ извѣстную эпоху, показателемъ которой являются монументальныя памятники.

Въ силу указанныхъ причинъ памятникамъ художественной индустріи отводится почтенное мѣсто и въ собраніяхъ произведеній искусствъ, и въ ученой литературѣ по исторіи искусствъ.

Среди трудовъ, посвященныхъ исторіи индустріальныхъ искусствъ среднихъ вѣковъ и эпохи возрожденія, до послѣдняго времени выдѣлялся трудъ Лабарта «*Histoire des arts industriels au moyen âge et à l'époque de la Renaissance*», вышедшій въ 1864—66 г.г. въ четырехъ томахъ текста, въ двухъ томахъ альбома, переизданный въ 1872 г. въ трехъ томахъ.

Въ настоящее время вновь французскій ученый, Molinier, предпринялъ новую капитальную исторію индустріальныхъ искусствъ; первый томъ этой исторіи, посвященный спеціально памятникамъ скульптуры въ слоновой кости, съ вышеприведеннымъ заглавіемъ, недавно вышелъ въ свѣтъ.

Изданію, къ сожалѣнію, не предпослано введенія и потому неизвѣстно, въ какой послѣдовательности и въ какомъ объемѣ можно ожидать изслѣдованія другихъ отраслей художественной индустріи.

Вышедшій томъ состоитъ изъ семи главъ, изъ которыхъ 1-я посвящена слоновой кости эпохи римскаго упадка, 2-я византійскимъ памятникамъ, 3-я памятникамъ каролингской эпохи, 4-я — эпохи романской, 5-я — эпохи готической, 6-я — ренессанса, 7-я — XVII и XVIII-го вѣковъ

Въ своемъ обзорѣ книги мы коснемся только тѣхъ главъ, которыя непосредственно и посредственно касаются памятниковъ византійскаго искусства.

Исторію памятниковъ скульптуры въ слоновой кости Молинье открываетъ обзоромъ консульскихъ диптиховъ. «Скульптура въ слоновой кости, которая восполняетъ на нѣсколько вѣковъ полное отсутствіе монументальной скульптуры (говоритъ онъ), имѣетъ то преимущество, что можетъ быть изучена въ своихъ началахъ по памятникамъ, расположеннымъ въ цѣлой серіи годовъ... Диптихами V и VI в.в. можно открывать изученіе средневѣковыхъ памятниковъ; по нимъ можно начертать исторію римскаго и греко-римскаго искусства, наблюдать паденіе ихъ на Западѣ, измѣненіе на Востокъ при различныхъ сложныхъ вліяніяхъ».

Сообщивъ общія свѣдѣнія о происхожденіи диптиховъ, о способахъ ихъ украшенія, о костюмѣ консуловъ, авторъ изъ наблюденій надъ диптихами выводитъ то заключеніе, что настоящая формула композицій консульскихъ диптиховъ устанавливается къ концу V-го вѣка или началу VI-го вѣка со сложными композиціями; лучший образецъ такихъ диптиховъ консула Анастасія (517).

Въ §§ II и III-мъ той же главы рассматриваются диптихи римскихъ чиновниковъ, императорскіе и частныхъ лицъ. Интересны замѣчанія Молинье о стилѣ, времени нѣкоторыхъ выдающихся диптиховъ; такъ, о диптихѣ Руфія Пробіана, относимаго имъ къ концу IV-го вѣка, о Барберинскомъ диптихѣ, относимаго имъ къ VI-му вѣку, о Линцкомъ (авторъ не находитъ возможнымъ видѣть въ изображенномъ поэтѣ извѣстное опредѣленное лицо). Весьма любопытны общія заключенія автора о художественномъ значеніи скульптуры въ слоновой кости, о происхожденіи самихъ памятниковъ. Нужно прибавить здѣсь же, что вслѣдъ за указанными параграфами у автора приведенъ перечень всѣхъ консульскихъ диптиховъ съ опредѣленной датой, анонимныхъ консульскихъ диптиховъ, чиновниковъ, частныхъ лицъ; всѣ изображенія на нихъ описываются, приводится о нихъ полная литература, и даются съ наиболѣе важныхъ то фототипическіе снимки, то цинкографическіе прекраснаго исполненія; такъ изданы на таблицахъ диптихи: Стилихона, его супруги Серены, и сына Эвхерія (I), консула Проба (II), консула Ареобинда (III), Руфія Пробіана (IV); въ общемъ это богатый матеріалъ для будущаго издателя и изслѣдователя диптиховъ, и въ этомъ случаѣ нельзя не выразить полной признательности автору за его трудъ, наиболѣе старательно исполненный въ первой главѣ. Итакъ вотъ заключенія Молинье.

Обзоръ состоянія скульптуры въ слоновой кости въ эпоху паденія

Византійскія Временныя.

римской имперіи даетъ достаточно понятія о томъ, каково было это искусство, когда художникъ долженъ былъ замѣнять мифологическіе, языческіе сюжеты христіанскими. Главный интересъ, представляемый диптихами съ исторической точки зрѣнія, довольно великъ, и онъ оставляетъ въ тѣни ихъ художественное значеніе. Они не являются, за рѣдкими исключеніями, замѣчательными произведеніями, но они представляютъ начало художественнаго періода цѣлой серіей датированныхъ памятниковъ. Большая часть этихъ диптиховъ восточныхъ консуловъ, и отсюда естественно воздать честь искусству, которому съ основаніемъ Константинополя въ IV-мъ вѣкѣ, если не было дано рожденія — оно уже существовало — то развитіе съ новой силой. Старое эллинское искусство, всегда живое, несмотря на ослабѣванія, украсило юный стиль, который, отдѣлившись совершенно отъ греко-римской вѣтви, овладѣетъ въ свою очередь значительной частью Италіи и окажетъ могущественное вліяніе почти на весь Западъ въ теченіе среднихъ вѣковъ. Но эти измѣненія, принесенныя византійцами въ стиль скульптуры, легче осознать въ эпоху ихъ алогей, въ X или XI вѣкѣ, чѣмъ въ началѣ. Если разсматривать вещи въ цѣломъ, то нѣтъ почти никакой разницы въ стилѣ между диптихомъ, исполненнымъ въ Италіи въ V в. и въ Византіи въ VI вѣкѣ. Лишь мало-по-малу образовалась между ними пропасть; установить отдѣленіе западнаго искусства отъ восточнаго тѣмъ труднѣе, что искусство греко-римское, имѣвшее мѣсто въ Италіи и на югѣ Галліи, подвергалось разнообразному вліянію, сирійскому, александрійскому, оказавшему позже въ свою очередь сильное вліяніе на византійское искусство.

Нельзя не согласиться съ заключеніями Молинье о трудности рѣшенія вопроса о происхожденіи памятниковъ V—VI в., если они не имѣютъ къ тому достовѣрныхъ признаковъ; эти заключенія столько же примѣнимы и къ другимъ областямъ художественной индустріи, даже къ памятникамъ монументальнаго искусства, напримѣръ, мозаикамъ. Но, конечно, на помощь при рѣшеніи вопроса являются другіе достовѣрные признаки — въ родѣ иконографическихъ деталей, архитектурныхъ, орнаментальныхъ особенностей, типовъ лицъ и т. п. На основаніи такого рода признаковъ, правда не всегда съ достаточной подробностью разобранныхъ, Молинье, какъ укажемъ далѣе, и основываетъ свои заключенія о памятникахъ именно этой эпохи, разсѣянныхъ въ различныхъ музеяхъ и собраніяхъ, напр., о тѣхъ, что съ христіанскими сюжетами, которымъ посвященъ § 4-й той же главы.

Авторъ въ началѣ отмѣчаетъ нѣсколько памятниковъ, которые изъ консульскихъ диптиховъ были обращены съ нѣкоторыми видоизмѣненіями и прибавкой надписей въ вещи христіанскаго церковнаго обихода. Таковъ диптихъ въ собраніи ризницы Монцскаго собора ¹⁾ съ мнимыми изображеніями, по надписи, Давида и св. Григорія, видоизмѣненный, по

1) № 44 списка автора (стр. 37—38).

Молинье, вѣроятно, въ каролингскую эпоху; таковъ диптихъ Парижской бібліотеки, на которомъ консулъ видоизмѣненъ въ св. Петра. Далѣе имъ разсматриваются уже христіанскіе диптихи, какъ — Руанскаго собора (рис. на стр. 53) съ изображеніемъ Петра и Павла, VI вѣка, вѣроятно, работы галло-римской, диптихъ Тонгрскій¹⁾ (рис. на стр. 55) вновь съ изображеніемъ Петра и Павла, но уже стіля греческаго, того, что извѣстенъ въ памятникахъ Равенны VI вѣка (кресла епископа Максиміана).

Обзоръ пиксидъ, предложенный авторомъ, далѣе, весьма незначителенъ; барельефы на этого рода многочисленныхъ памятникахъ съ часто единственными въ своемъ родѣ сюжетами — весьма интересны и важны и для иконографіи и для характеристики искусствъ V—VI вѣка, и потому общее изслѣдованіе ихъ въ различныхъ отношеніяхъ было бы здѣсь болѣе, чѣмъ умѣстно, прямо необходимо. Авторъ несправедливо, или же по незнанію, игнорируетъ литературу объ этихъ памятникахъ, изъ которыхъ многіе становятся извѣстными въ послѣднее время. Авторъ ограничивается бѣглымъ описаніемъ извѣстной пиксиды Берлинскаго музея, общимъ указаніемъ на происхожденіе большинства пиксидъ въ V—VI в.в., и при томъ почему-то *только въ Италіи*, но съ византійскимъ вліяніемъ. Равеннскій окладъ евангелія (часть диптиха)²⁾ — одинъ памятникъ изъ числа наиболѣе подвергшихся тому же вліянію и предшественникъ кресла епископа Максиміана, евангеліарія св. Лупицина и множества другихъ, въ которыхъ чувствуется рука практиковъ грековъ или итальянцевъ, работавшихъ подъ руководствомъ грековъ (стр. 57).

Не имѣя возможности перечислить всѣхъ памятниковъ до-иконоборческой эпохи, авторъ останавливается лишь на выдающихся, попутно замѣчая, что иконоборческая эпоха не задержала движенія искусства, оно никогда не оставляло ни сюжетовъ, ни художественныхъ традицій языческой древности.

Не понятно, почему прекрасный диптихъ Музея Боргелло во Флоренціи³⁾ съ чисто восточными деталями въ типахъ изображенныхъ лицъ, въ костюмахъ, съ чисто античной свѣжестью въ передачѣ нагого тѣла, въ изображеніяхъ различныхъ животныхъ — авторъ видитъ «памятникъ исполненный въ Италіи, почти внѣ всякаго прямого греческаго вліянія, въ V—VI вѣкѣ».

На одной таблѣткѣ этого диптиха, какъ извѣстно, изображенъ Адамъ въ раю, а на другой сцены изъ исторіи пребыванія ап. Павла на островѣ Мелитѣ: укушеніе Павла змѣею, исцѣленіе отца начальника острова Публия, исцѣленіе другихъ больныхъ⁴⁾; сцены расположены въ трехъ ря-

1) Одна часть его сохраняется въ Тонгрѣ, а другая — въ коллекціи Спитцера.

2) Garrucci, tav. 456.

3) Рис. на стр. 58, pl. V, 2, Garrucci, tav. 451, 3; 452, 3.

4) Дѣян. Апост., гл. XXVIII. Ср. Apost. Hist. lib. II, c. V (Fabricius, Codex apocr. Nov. Test. 448).

дахъ; въ верхнемъ ряду изображенъ сидящимъ Павелъ, напротивъ него стоитъ, вѣроятно, Петръ, и сзади одинъ изъ апостоловъ, ближайшимъ образомъ опредѣлить оба лица — трудно; во всякомъ случаѣ о папѣ Линѣ, преемникѣ Петра, здѣсь рѣчи не можетъ быть.

Къ чисто византійскимъ памятникамъ авторъ относитъ извѣстную замѣчательную таблетку Британскаго Музея съ изображеніемъ архангела, опирающагося на жезлъ и держащаго въ рукѣ сферу, дѣйствительно относящуюся къ VI вѣку, т. е. времени Юстиніана; проф. Н. П. Кондаковъ сравниваетъ фигуру этого архангела съ той, что открыта Фоссати въ абсидѣ церкви св. Софіи Константинопольской, и видитъ въ ней одно изъ изображеній св. Софіи¹⁾.

Къ византійскимъ же памятникамъ — съ чѣмъ вполне можно согласиться — авторъ относитъ ящичекъ Брешианскаго Музея, но не разбираетъ ни изображеній, ни стилия, утверждая, однако, въ странномъ противорѣчии самому себѣ, что «сюжеты трактованы по правиламъ *иконографіи латинской*, но въ стилѣ византійскомъ». Что это за латинская иконографія — не можемъ представить себѣ при отсутствіи въ книгѣ автора какихъ-нибудь иконографическихъ экскурсовъ.

Къ такого же рода памятникамъ принадлежитъ, по мнѣнію Молинье, диптихъ Парижской Національной Библіотеки, одна сторона котораго издана у Лабарта, pl. IV; этотъ диптихъ скорѣе можно дѣйствительно отнести къ западнымъ произведеніямъ съ византійскимъ вліяніемъ и при томъ къ болѣе позднему времени, чѣмъ предыдущіе памятники.

Миланскій диптихъ²⁾ Молинье не считаетъ чисто византійскимъ памятникомъ: «если его рисунокъ, укорачиваніе фигуръ — еще латинское, то иконографія — совершенно греческая и, какъ въ скульптурѣ Константинопольской — въ ней вліяніе апокрифическихъ евангелій». Говоря такъ, авторъ однако не приводитъ ни одного примѣра Константинопольскихъ памятниковъ современныхъ, конечно, миланскому диптиху съ этими апокрифическими изображеніями, а это было бы весьма важно въ данномъ случаѣ; сравненіемъ памятниковъ не совсемъ достовѣрнаго происхожденія съ памятниками извѣстнаго происхожденія можно было бы приблизиться къ уясненію происхожденія первыхъ. Всѣ признаки иконографическіе говорятъ скорѣе за чисто византійское происхожденіе памятника, какъ и предполагалъ Лабартъ и др.

Съ наименованіемъ нѣкоторыхъ сценъ, изображенныхъ на диптихѣ и предлагаемыхъ авторомъ, нельзя согласиться. То, что онъ называетъ «Благовѣстіе пастухамъ», по нашему мнѣнію, поиски волхвами «Рождшагося»; «Христосъ предъ Пилатомъ» — это Христосъ среди книжниковъ; «Христосъ, Петръ и Павелъ» — это благословеніе Христомъ хлѣбовъ, которые держатъ два апостола; «Христосъ и Самаритянка» — это

1) Византійскія церкви и памятники Константинополя, 116.

2) Gaggucci, t. 454, 455.

«Лепта вдовы»: Благовѣщеніе у источника не по апокрифическому евангелію Іоанна, а Іакова.

Лишь отсутствіемъ детальнаго, сравнительнаго обзорѣнія памятниковъ, иконографическихъ экскурсовъ, невниманіемъ къ литературнымъ источникамъ можно объяснить указанный рядъ неправильныхъ наименованій сценъ.

Глава II-я посвящена византійскимъ памятникамъ изъ слоновой кости. Въ § I разсматриваются памятники до-иконоборческаго періода.

Къ концу IV вѣка или началу V-го, говоритъ Молинье, восходитъ серія памятниковъ изъ слоновой кости, чисто византійскихъ, которая не прерывается до конца первой четверти VIII-го вѣка, т. е. до наступленія иконоборческой эпохи, хотя въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ все еще видны традиціи классическаго искусства, но большинство ихъ можетъ быть приписано греческимъ художникамъ.

Благодаря диптиху Николая и Симнаха устанавливается время диптиха Руфія Пробіана (IV—V в.) и таблетки коллекціи Тривульчи (V в.¹). На таблеткѣ этой, какъ извѣстно, изображено явленіе женъ ко Гробу Господню. Описывая изображенія, авторъ говоритъ, что воины съ открытыми глазами; дѣйствительно это такъ, но ихъ жестъ изумленія едва ли относится къ воскресшему Христу, котораго не видно и который не изображается въ современныхъ памятникахъ выходящимъ изъ гроба, а къ ангелу, сидящему въ нижней сценѣ. Авторъ неправильно утверждаетъ (стр. 64), что символизмъ изъ апокалипсиса и Видѣнія Іезекііля заимствуется въ примѣненіи къ изображеніямъ евангелистовъ съ V вѣка. А мозаика церкви св. Пуденціаны въ Римѣ, относящаяся въ IV вѣку? Такимъ образомъ это данное не можетъ быть примѣнено къ опредѣленію времени таблетки Тривульчи.

На происхожденіе пластинки, по мнѣнію автора, указываетъ круглая форма Гроба Господня, встрѣчаемая на византійскихъ памятникахъ; есть и признаки купола. По тому же признаку авторъ считаетъ византійскаго происхожденія (V—VI в.) таблечку Мюнхенскаго музея (Gargucci, t. 459, 4), на которой изображены жены у Гроба Господня и Вознесеніе Христа.

Диптихъ Миланскаго собора, изданный Лабартомъ, (t. I, pl. XII, Gargucci, t. 450), относится послѣднимъ къ итальянскому искусству IX вѣка. По мнѣнію Молинье, онъ исполненъ въ Византіи или подъ византійскимъ вліяніемъ въ VI—VII вѣкѣ; признаки этого происхожденія — чисто византійская архитектура, костюмъ воиновъ.

Среди памятниковъ скульптуры VI в. византійско-восточнаго происхожденія (можетъ быть исполненныхъ въ Сиріи) занимаютъ главное мѣсто барельефы пластинокъ изъ слоновой кости, входящихъ въ составъ кресла, извѣстнаго подъ именемъ «кресла епископа Максиміана» (VI вѣка),

1) См. прекрасную VI таблицу въ книгѣ автора.

хранящагося въ ризницѣ Равеннской каѳедральной церкви. Памятникъ этотъ ¹⁾ представляетъ богатый матеріалъ и для византійской иконографіи, и для орнамента и заслуживаетъ спеціальнаго изслѣдованія. Такого можно было ожидать въ книгѣ Молинье, но, къ сожалѣнію, этого изслѣдованія у него нѣтъ; обзоръ барельефовъ, предложенный имъ, поверхностенъ. Авторъ обрушивается на Лабарта, который ошибся, признавъ за Христа Предтечу, изображеннаго на передней сторонѣ среди евангелистовъ, но самъ сильно ошибается, уподобляя типъ Предтечи типу Христа въ современныхъ памятникахъ: «*se type*», говоритъ онъ, «*ne diffère pas très sensiblement de celui qui dans des monuments presque contemporains a été adopté pour la figure du Christ*» (р. 67). Но фигура Предтечи въ современныхъ византійскихъ памятникахъ именно рѣзко разнится отъ фигуры Христа. Поверхностный обзоръ изображеній и игнорированіе литературныхъ источниковъ приводитъ автора къ такимъ ошибкамъ, какъ признаніе въ сценѣ испытанія Богородицы водою обличенія рѣдкой для автора сены «упрека Богородицы Іосифомъ» ²⁾.

Находя въ орнаментации сходство съ памятниками сирийскими, коптскими, авторъ въ заключеніе все же не высказываетъ опредѣленнаго мнѣнія о происхожденіи памятника; его работы, говоритъ Молинье, различные мастера, изъ которыхъ одни были, вѣроятно, византійцы, а другіе итальянцы.

Вопросъ о содержаніи интересныхъ изображеній на таблѣткѣ собора въ Трирѣ — при указаніи различныхъ мнѣній — такъ и остается нерѣшеннымъ.

§ II той же главы посвященъ памятникамъ иконоборческаго періода.

Авторъ сначала предпосылаетъ историческія справки и общія замѣчанія объ этомъ періодѣ, какъ онъ отразился на памятникахъ искусства.

Иконоборческій періодъ продолжается отъ царствованія Льва Исаврянна (717) до Михаила IV (842). Преслѣдованія иконъ могли остановить развитіе религіознаго искусства, но они не вездѣ были одинаковы; въ Константинополѣ были слабѣе, въ иныхъ провинціяхъ могли и не быть. При дворѣ Константинопольскомъ могло имѣться мѣсто и въ это время для свѣтскаго искусства. Можно предполагать, что, если бы иконоборческое направленіе продолжилось на долгое время, то изъ византійскаго искусства выработалось бы нѣчто подобное болѣе позднему арабскому стилю. По мнѣнію автора, до насъ дошли памятники иконоборческой эпохи, но изученіе византійскаго искусства не стоитъ такъ высоко въ настоящее время, чтобы можно было ясно опредѣлять время памятника, явился ли онъ въ началѣ VIII вѣка или въ IX вѣкѣ.

1) Gaggiuci, tav. 414—422. Въ книгѣ Молинье прекрасная VII табл. съ передней стороны кресла. См. нашу статью «Пластинка отъ кресла епископа Максиміана въ Равеннѣ, изъ собранія графа Григ. Серг. Строганова» (Зап. Имп. Харьк. Унив.; 1893, III).

2) См. обзоръ памятниковъ со сценой испытанія Богородицы въ ст. Д. В. Айналова «Три древне-христіанскихъ сосуда изъ Керчи».

Однако самъ авторъ, правда, болѣе на основаніи историческихъ данныхъ, исходя изъ факта, установленнаго имъ, что на таблѣткахъ, составляющихъ часть одного диптиха — Вѣнскаго кабинета древностей и музея Боргелло во Флоренціи — изображена императрица, полагаетъ возможнымъ отнести именно къ иконоборческому періоду указанный диптихъ. Эта императрица, по мнѣнію Молинье, Ирина, жена Льва IV, (797—802) ¹⁾.

Къ 886 году Молинье, раздѣляя мнѣніе Шлюмберже, относитъ таблѣтку съ изображеніемъ вѣнчанія Богородицею Льва VI ²⁾.

§ III той же главы посвященъ памятникамъ свѣтскимъ съ VIII по XI вѣкъ.

Среди свѣтскихъ (по назначенію и содержанію изображеній на нихъ) византійскихъ памятниковъ искусства этого времени почти исключительное мѣсто занимаютъ ящички. Серія этихъ вещей драгоцѣнна, особенно въ томъ отношеніи, что въ украшеніяхъ сохраняются традиціи, вліянія античнаго искусства. Отношеніе ихъ къ памятникамъ итапо-византійскимъ ни на чемъ не основано, настоящее мѣстонахожденіе ихъ не можетъ служить основаніемъ къ отнесенію ихъ происхожденія итальянскому, нѣмецкому и т. п.

Мотивы изображеній на большинствѣ ихъ въ значительной части одни и тѣ же: подвиги Геркулеса, войны, борцы цирка, атлеты, кентавры, геніи, розетки, звѣзды, сцены Константинопольскаго ипподрома; мотивы декораціи скульптурной, восточныхъ тканей: орлы, рвущіе маленькихъ животныхъ, павлины по сторонамъ сосуда съ водой, и др. Восточная орнаментация заимствована отъ византійскихъ памятниковъ X—XI в., и сами ящички, очевидно, этого времени. Авторъ приводитъ при этомъ описаніе нѣкоторыхъ ящичковъ и даетъ прекрасную VIII таблѣцу, представляющую двѣ стороны замѣчательнаго ящичка изъ собранія музея Клуни (въ Парижѣ).

Кромѣ ящичковъ, авторъ останавливается кратко на рогахъ (олифантахъ), употреблявшихся для сохраненія и переноски мощей, изъ которыхъ одни восточнаго происхожденія, другіе копіи съ восточныхъ образцовъ, исполненныя въ Византіи, третьи западные, но исполненныя по восточнымъ образцамъ; завитки въ медальонахъ, фантастическія и реальныя животныя — признакъ именно восточно-византійскаго происхожденія указанныхъ памятниковъ.

§ IV посвященъ византійскимъ памятникамъ уже съ X вѣка.

Начиная съ X вѣка, по словамъ Молинье, византійскіе памятники слоновой кости увеличиваются въ большомъ количествѣ; но систематизація этихъ памятниковъ при маломъ изученіи ихъ со времени Лабарта

1) См. прекрасный рисунокъ съ таблѣтки музея Боргелло у автора на табл. V, 8.

2) Рис. съ таблѣтки у Schlumberger, *Mélanges d'archéologie byzantine*, 1 série, 1896.

весьма затруднительна. Авторъ вспоминаетъ объ оцѣнкѣ, дѣлавшейся прежде памятникамъ византійскаго искусства, которое считали неподвижнымъ, о смѣшеніи подъ именемъ византійскихъ памятниковъ различнаго происхожденія. Теперь уже не то, но все же и теперь необходимо отличать произведенія, вышедшія изъ Константинополя, и провинцій; послѣднее, конечно, прибавимъ, необходимо, но это составитъ результатъ уже детальнаго изученія ихъ, а въ настоящее время является настоятельная необходимость въ изданіи всѣхъ извѣстныхъ памятниковъ, составленія изъ нихъ сборниковъ по отдѣламъ, чтобы дать въ руки матеріалъ для изслѣдованій и детальнаго изученія: эти сборники могутъ сослужить большую пользу наукѣ археологіи, чѣмъ общіе обзоры памятниковъ, которые и могутъ быть плодотворны при условіи предварительнаго спеціальнаго изученія ихъ.

Реликвиарій животворящаго креста Кортоной церкви, X вѣка (по надписи), служитъ для автора исходнымъ пунктомъ для подысканія другихъ современныхъ и родственныхъ памятниковъ. Таковъ, напримеръ, Гарбавиллевъ триптихъ, относимый Молинье къ послѣдней четверти X вѣка и считаемый имъ однимъ изъ лучшихъ византійскихъ памятниковъ. Прежде чѣмъ описывать его, авторъ выступаетъ со *смыслами*, какъ онъ называетъ его, заключеніемъ: памятники византійскіе, говоритъ онъ, должно раздѣлить на два класса: къ одному относятся тѣ, что созданы истинными художниками, а къ другому — подражательные; при составленіи исторіи искусствъ послѣдніе памятники надо оставлять въ сторонѣ; правда, продолжаетъ онъ, благодаря этому уменьшается количество памятниковъ, но увеличивается качество ихъ: вмѣсто безсильнаго искусства найдемъ искусство, глубоко пропитанное греческой и греко-римской древностью, видоизмѣненной съ точки зрѣнія декораціи восточными элементами, быстро ассимилированными; византизмъ не явится болѣе фабрикантомъ изображеній Богородицы, Христа, святыхъ, вылитыхъ изъ одной формы, но продолжателемъ традицій классической древности, способнымъ связать изученіе природы съ извѣстными традиціями, формы и красоты которыхъ западное средневѣковье не знало.

Защита въ настоящее время византійскаго искусства отъ обвиненій его въ неподвижности, однообразіи не имѣетъ значенія въ виду появившихся капитальныхъ трудовъ по исторіи его, которые знакомятъ насъ съ ростомъ его, съ періодами разцвѣта, упадка, т. е. тѣми явленіями, которые переживаетъ всякое искусство. Выдѣленіе памятниковъ въ тѣ или иные періоды совершается послѣ изученія ихъ всѣхъ въ совокупности, послѣ вывода признаковъ общихъ для нихъ; для исторіи искусства являются важными, какъ памятники оригинальные, такъ и подражательные, второстепенные; послѣдними часто и характеризуются извѣстные періоды въ исторіи искусства.

Выставляя смѣло свои мнѣнія, авторъ не менѣе смѣло разрушаетъ мнѣнія другихъ: однимъ приговоромъ. Такъ, по мнѣнію профессора Н. П.

Кондакова ¹⁾, иллюстрированная Псалтырь явилась въ Византіи въ IX вѣкѣ, послѣ иконоборческой эпохи. «Но подобную теорію», говоритъ Молинье, «тѣмъ легче опровергнуть, что мы владѣемъ иллюстрированными рукописями Псалтыри и не византійскими, ранѣе этого времени.. Псалтыри, которыми мы владѣемъ, напримѣръ, Утрехтская, *кажутся* слабыми копіями итальянскаго оригинала, восходящаго, *можетъ быть*, къ IV вѣку» (стр. 122). Но на чемъ основано это предположеніе? Авторъ, къ сожалѣнію, не приводитъ фактовъ, не дѣлаетъ ссылки на чей-нибудь трудъ, посвященный вопросу о времени происхожденія иллюстрированныхъ кодексовъ Псалтыри. Ни памятники, ни исторія иконографіи, на сколько намъ извѣстно, не даютъ основанія возводить иллюстрацію извѣстныхъ кодексовъ Псалтыри къ неизвѣстнымъ и трудно допустимымъ оригиналамъ IV вѣка.

Послѣ описанія Гарбавиллева триптиха (см. у автора табл. IX) авторъ останавливается еще на нѣкоторыхъ памятникахъ и въ качествѣ приложения къ главѣ даетъ списокъ извѣстныхъ византійскихъ триптиховъ съ указаніемъ литературы, что является особенно важнымъ при отсутствіи спеціальнаго изданія византійскихъ памятниковъ, какое, напримѣръ, имѣется для древне-христіанскихъ въ трудѣ Гарруччи; къ сожалѣнію, только описаніе у Молинье не сопровождается иллюстраціями, которыми болѣе богата 1-я глава.

Второй главой и заканчивается у автора спеціальный обзоръ византійскихъ памятниковъ. Но о послѣднихъ упоминается въ послѣдующихъ главахъ по столько, сколько этого требуетъ вопросъ о вліяніи ихъ на памятники западные. Такимъ образомъ въ каролингскихъ скульптурахъ отмѣчается вліяніе восточно-византійскихъ образцовъ (стр. 131), тоже вліяніе — въ нѣмецкихъ памятникахъ (III глава) уже съ IX вѣка и позже; § IV (3-й главы) посвященъ спеціально памятникамъ, составляющимъ подражаніе византійскимъ въ Германіи и Италіи, въ IX—X вв. (150—155 стр.); византійское вліяніе отмѣчается даже въ каролингскихъ вещахъ (§ V) съ англосаксонскою орнаментаціею (стр. 156) и въ пронзведеніяхъ, считаемыхъ испанскаго происхожденія (169 стр.).

Трудъ Молинье, уже какъ видно изъ того краткаго обзорѣнія его, которое предложено выше, представляется весьма интереснымъ и полезнымъ; въ немъ затронуты весьма важные вопросы, предложено обзорѣніе весьма многихъ памятниковъ съ новымъ освѣщеніемъ ихъ, датировкой, съ прекрасными, хотя и не многочисленными, рисунками, особенно роскошными таблицами.

Если самое обзорѣніе памятниковъ является иногда поверхностнымъ, то это, несомнѣнно, зависитъ отъ обилія матеріала, который возможно детально изслѣдовать лишь усиліями многихъ лицъ. Въ заключеніе нельзя не привѣтствовать появленія такого капитальнаго сочиненія,

1) Histoire de l'art byzantin... Paris, 1886, I, 167.

требующаго большаго труда, вниманія, и не пожелать скорѣйшаго появленія другихъ томовъ, посвященныхъ другимъ отраслямъ индустріальныхъ искусствъ.

Е. Рѣдигъ.

Д. В. Айналовъ. *Мозаики IV и V вѣковъ. Исслѣдованія въ области иконографіи и стила древне-христіанскаго искусства.* СПб. 1895 (отд. отт. изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1895 г.). VI—198 стр.

Исслѣдованіе, заглавіе котораго только что выписано, принадлежитъ талантливому молодому ученому, представителю школы проф. Кондакова, уже давшему не мало интересныхъ трудовъ, являющихся всегда результатомъ непосредственнаго и самостоятельнаго изученія памятниковъ. Эта же полная самостоятельность отмѣчаетъ и занимающій насъ въ настоящую минуту трудъ Д. В. Айналова. А priori, казалось бы, трудно ожидать особенно новыхъ и важныхъ результатовъ отъ работы начинающаго спеціалиста на томъ поприщѣ, на которомъ недавно работали Гарруччи и знаменитый основатель христіанской археологіи, какъ науки, Дж.Б. де Росси. Текстъ послѣдняго, сопровождающій общее изданіе мозаикъ Рима, предпринятое фирмою Шпитгелера и законченное уже по смерти де Росси, казалось, надолго представляетъ послѣднее слово, какое только можно сказать про этотъ кругъ памятниковъ. На дѣлѣ оказалось, что маститый, отошедшій отъ насъ мастеръ оставилъ не мало для пылкости, энергіи и любви къ дѣлу болѣе молодой и свѣжей силы, каковою явился въ данномъ случаѣ Д. В. Айналовъ. Краткій обзоръ содержанія его книги съ указаніемъ новыхъ результатовъ, надѣмся, подтвердитъ это положеніе, могущее показаться смѣлымъ на первый взглядъ.

Авторъ съ первыхъ же шаговъ прекрасно ориентировать читателя, предпосылая своему изученію мозаикъ краткій, но живо и изящно написанный очеркъ живописи катакомбъ. Этотъ очеркъ далеко не простое формальное введеніе, написанное лишь для того, чтобы настроить читателя. Оно имѣетъ значеніе въ общей экономіи всего сочиненія. Давая краткую, но мѣткую и полную характеристику основныхъ чертъ древнѣйшаго христіанскаго искусства въ ту эпоху, когда оно еще носило вполне классическое обличье, авторъ тѣмъ самымъ рѣзче отдѣляетъ группу памятниковъ, его ближайшимъ образомъ интересующихъ и характеризующихъ иными чертами, и вмѣстѣ подготавливаетъ почву для разрѣшенія вопроса: на счетъ какихъ вліяній надо отнести эти новыя черты, отличающія памятники V—VI вв. отъ памятниковъ болѣе раннихъ. Одна изъ причинъ выясняется сейчасъ же. «Изъ темныхъ и тѣсныхъ кубиколовъ мы переходимъ въ свѣтлыя и просторныя зданія базиликъ, крещаленъ и купольныхъ церквей. Мѣсто погребенія замѣняется мѣстомъ молитвы и собранія вѣрующихъ. Измѣняются поэтому и самыя

приемы декорации и ея основная тема». Другія причины и вліянія выясняются позже, какъ результатъ всей работы.

Первая мозаичная роспись, останавливающая на себѣ болѣе пристальное вниманіе автора — это *мозаика мавзолея св. Констанцы въ Римѣ*. Исслѣдованіе этого памятника носитъ въ значительной степени характеръ архивный, такъ какъ за уничтоженіемъ варварскою реставраціею XVII в. сохранившихся частей мозаики купола приходится возстановлять ихъ содержаніе и обликъ по различнымъ стариннымъ рисункамъ. Авторъ перечисляетъ ихъ, оцѣниваетъ ихъ сравнительную цѣнность и точность и обогащаетъ запасъ опубликованныхъ воспроизведеній мозаикъ купола нѣсколькими новыми, издаваемыми имъ на стр. 15, по собственнымъ копіямъ. Это: 1 — планъ росписи купола, находящійся въ одной изъ рукописей бібліотеки св. Марка въ Венеціи, и 2—7 — наброски ученаго XVI в. Помпео Угоніо въ Феррарской рукописи, заключающей описаніе этихъ мозаикъ. Самое описаніе издано Мюнцемъ (Rev. Arch. 1878. Іюнь, стр. 361), рисунковъ же, какъ дѣйствительно весьма несовершенныхъ, Мюнцъ не счелъ нужнымъ воспроизводить. Но разъ дѣло идетъ о памятникѣ утраченномъ, разумѣется, важно имѣть въ виду всѣ сохранившіеся копіи, и въ этомъ отношеніи, конечно, важно изданіе и этихъ дѣтскихъ набросковъ Д. В. Айналовымъ. Въ самомъ изслѣдованіи важно указаніе (стр. 14), что «разнообразные мотивы водныхъ фризозъ, такъ привившихся въ римской школѣ, были хорошо извѣстны на Востокѣ», съ ссылкой на письмо Нила Синайскаго къ Олимпіодору и на одно мѣсто св. Ипполита. По поводу двухъ, сохранившихся до нашего времени композицій, украшавшихъ прежде всѣ ниши обхода этого мавзолея, изображающихъ Христа съ апостолами Петромъ и Павломъ и Христа, сидящаго на сферѣ съ неизвѣстнымъ лицомъ, Д. В. Айналовъ также дѣлаетъ нѣсколько важныхъ замѣчаній, касающихся типа Христа. Рядомъ фактовъ доказывается возникновеніе историческаго (назорейскаго) типа Христа на Востокѣ и перенесеніе на Западъ посредствомъ различныхъ почитаемыхъ иконъ (какъ, напримѣръ, такъ называемый образъ Вероники). Но и въ самомъ назорейскомъ типѣ наблюдается нѣсколько разновидностей, именно безбородый типъ (Еммануилъ; напримѣръ, на слоновыхъ костяхъ), типъ съ небольшою раздвоенною бородою — какъ въ первой изъ упомянутыхъ сценъ мавзолея св. Констанцы и въ миниатюрахъ сирийскаго Евангелія Парижской національной бібліотеки VI в. и, наконецъ, съ большою бородою. Вторая мозаика сильно обезображена реставраціею и авторъ убѣдительно доказываетъ (при помощи детальнаго рисунка головы), что здѣсь Христосъ былъ изображенъ безбородымъ.

Если уже въ разсмотрѣніи мозаикъ св. Констанцы авторомъ внесено такъ много своего, новаго, то одніми изъ самыхъ блестящихъ страницъ его книги надо признать объясненіе *мозаики трибуны церкви св. Пуденцианы* (стр. 34—71). Послѣ сжатаго обзора исторіи этой мозаики, т. е. обзора ея реставрацій, искажившихъ и обкарнаввшихъ ее, лишивъ всей

нижней части, заслоненной мраморною баллюстрадаю, и двухъ крайнихъ фигуръ апостоловъ, авторъ переходитъ къ ея описанію и стилистической оцѣнкѣ. Надо замѣтить, что эту послѣднюю ему всегда удается сдѣлать особенно наглядною, въ чемъ ему многіе могутъ позавидовать. Но самое важное и интересное — это совершенно новое объясненіе обстановки, въ которой изображены на мозаикѣ Христосъ и его ученики. Всѣ, и въ томъ числѣ де-Росси, примыцали обыкновенно къ старому мнѣнію Біанкини, который въ сочиненіи своемъ: «De vitis Romanorum pontificum» видѣлъ здѣсь крестъ, водруженный на томъ мѣстѣ, гдѣ возникла самая церковь св. Пуденціаны, и гдѣ прежде былъ домъ сенатора Пуденса, въ которомъ, по преданію, жилъ апостолъ Петръ. Въ прочихъ зданіяхъ Біанкини видѣлъ изображеніе ближайшихъ окрестностей церкви, такъ называемаго Vicus patricius, а въ двухъ женскихъ фигурахъ, держащихъ вѣнки у головъ апостоловъ Петра и Павла, дочерей Пуденса Пуденціану и Пракседу. По де-Росси, однако, зданія, формально заимствованныя изъ ближайшихъ окрестностей церкви, аллегорически изображаютъ городъ Божій, горній Іерусалимъ. Все изложеніе Д. В. Айналова въ этой главѣ представляетъ опроверженіе этого взгляда и блестяще развитое доказательство того, что эти зданія представляютъ Іерусалимъ и въ частности Голгоу съ окрестностями, съ крестомъ, богато украшеннымъ, и прочими сооружеціями, воздвигнутыми на святыхъ мѣстахъ Константиномъ и Еленою и извѣстными на Западѣ изъ многочисленныхъ описаній паломниковъ. Исходнымъ пунктомъ для нашего автора служитъ именно крестъ, водруженный на небольшой горкѣ, или скалѣ, которую онъ, однако, то отождествляетъ съ самою Голговою (стр. 45), то, повидимому, различаетъ отъ нея (стр. 49). Объ этомъ крестѣ, украшенномъ золотомъ и драгоценными камнями, находившемся между Анастасисомъ и Мартиріумомъ т. е. собственно Константиновой базиликой, упоминаютъ всѣ паломники и древнѣйшіе изъ нихъ говорятъ, что онъ былъ окруженъ баллюстрадаю и стоялъ въ пространствѣ, имѣющемъ видъ атріума, *подъ открытымъ небомъ*. Разъ мы знаемъ, что апокалипсическая идея горняго Іерусалима такъ часто воплощалась христіанскими художниками въ видѣ города (причемъ надписи не оставляютъ никакого сомнѣнія насчетъ того, какой городъ имѣется въ виду), разъ если эти зданія, будь они скопированы даже съ построекъ Vici patricii, все-таки, по мнѣнію лучшаго знатока христіанской археологіи, должны представлять горній Іерусалимъ, то что же можетъ быть естественнѣе мысли, что этотъ небесный городъ былъ представленъ подъ чертами своего земного первообраза, тѣмъ болѣе, если этотъ послѣдній широко извѣстенъ изъ описаній паломниковъ. Детальное совпаденіе этихъ описаній въ такой важной подробности, какъ крестъ на холмѣ, кажется намъ, доказываетъ правильность такого объясненія безповоротнo, и Д. В. Айналовъ совершенно правъ, говоря (стр. 53), что «при существованіи такихъ свидѣтельствъ относительно формы и величины той скалы, на которой стоялъ крестъ, и

при такомъ совпаденіи литературныхъ данныхъ съ художественными данными мозаики мы естественно должны покинуть *Vicus patricius* съ его титуломъ Пудента и перенестись въ Іерусалимъ». Что касается отождествленія другихъ зданій, видимыхъ на мозаикѣ, съ Константиновскими постройками въ Іерусалимѣ, то, на нашъ взглядъ, авторъ предъявляетъ въ этомъ случаѣ къ мозаикѣ уже излишнія требованія точности. Такъ, напр., онъ пишетъ: (стр. 53—4) «Христосъ съ 12 апостолами сидитъ на возвышенномъ мѣстѣ, что замѣтилъ уже Гарруччи. Этимъ обусловливается то обстоятельство, что за крестомъ можетъ быть видима обширная даль, которая могла открываться только съ сравнительно высокаго мѣста, тѣмъ болѣе, что высокая полукруглая стѣна преграждаетъ взору доступъ на нижнія части зданій. Это прежде всего напоминаетъ намъ возвышенное положеніе горы Кальваріи съ Голговою на ней, куда подымались по ступенямъ, направляясь отъ запада, то-есть отъ церкви Воскресенія». Перспектива въ нашей мозаикѣ такая же наивная, какъ и во всѣхъ античныхъ и средневѣковыхъ композиціяхъ, и изъ того, что зданія и холмъ съ крестомъ видны изъ за стѣны, отнюдь нельзя заключать о высокой точкѣ зрѣнія автора ея, каковое заключеніе было бы необходимо, если бы дѣло шло о современной композиціи. Средневѣковой мастеръ врядъ ли когда представлялъ общій видъ города иначе, какъ «съ птичьяго полета». Примѣровъ тому можно было бы привести много. На всѣхъ триумфальныхъ аркахъ базиликъ, гдѣ изображаются Іерусалимъ и Виллеемъ — изъ за стѣнъ этихъ городовъ видны разнообразныя зданія и не только крыши, но и двери, колонны и т. п. То же самое въ *S. Apollinare Nuovo* въ Равеннѣ въ изображеніяхъ дворца Θεодорика и гавани, въ сюжетахъ изъ бытія на боковыхъ стѣнахъ, *S. Maria Maggiore*, такъ подробно изученныхъ и описанныхъ самимъ-же Д. В. Айналовымъ, гдѣ видны даже люди, находящіеся въ городѣ (не на стѣнахъ, а, напр., въ дверяхъ жилищъ и т. п.). Какъ на поздній примѣръ, уже на границахъ Возрожденія, можно указать, пожалуй, на города при изображеніяхъ Евангелистовъ въ верхней церкви св. Франциска Ассизскаго, принадлежащихъ Чимабуэ (Римъ при Ев. Маркѣ у Стржиговскаго *Cimabue und Rom, Taf. IV*), гдѣ изъ за стѣнъ видны зданія чуть ли отъ самаго цоколя. Стараніе Д. В. Айналова отождествить нѣкоторыя изъ зданій мозаики съ Константиновскими постройками на святыхъ мѣстахъ, также кажутся намъ въ нѣкоторой своей части натянутыми. Только круглое зданіе съ четырьмя входами съ видимой стороны и съ купольнымъ покрытіемъ весьма вѣроятно и остроумно отождествлено съ круглымъ же зданіемъ Воскресенія, имѣвшимъ, по свидѣтельству паломниковъ, какъ разъ по четыре входа съ двухъ сторонъ (стр. 58). Форма этого зданія была очень хорошо извѣстна во всемъ христіанскомъ мірѣ, что доказывается частымъ его изображеніемъ на памятникахъ искусства (ib.). Прочія зданія, включая и «сигму», передъ которой сидятъ Христосъ и апостолы, думается намъ, просто продуктъ фантазіи художника. Мы вполне убѣди-

лись доводами Д. В. Айналова, что здѣсь Иерусалимъ горній представленъ надъ чертами дольняго, а не Рима, но въ то же время думаемъ, что онъ представленъ по слухамъ и описаніямъ, а отнюдь не по какимъ нибудь чертежамъ или т. п., которые давали бы возможность топографически и архитектурно точнаго изображенія¹⁾. Но и на этихъ страницахъ, гдѣ далеко не со всѣми результатами почтеннаго автора можно согласиться, онъ даритъ насъ новостью, именно прорисями съ неизданнаго рисунка XVI вѣка, хранящагося въ библиотекѣ Барберини и изображающаго нашу мозаику до позднѣйшихъ реставрацій. Заключительныя замѣчанія этой главы о двухъ женскихъ фигурахъ, въ которыхъ авторъ, думаемъ, справедливо видитъ аллегорическія изображенія церквей «отъ языка» и «отъ обрѣзанія», а не Пуденціану и Пракседу, о типахъ апостоловъ Петра и Павла и, наконецъ, самого Христа (3-я разновидность назорейскаго типа) очень цѣнны.

Обращаясь тѣперь ко второй главной части труда Д. В. Айналова, изслѣдованію мозаикъ церкви S. Maria Maggiore, мы прежде всего должны отгнѣнить его безиримѣрно добросовѣстное отношеніе къ своей задачѣ, доходящее до самопожертвованія. Для ближайшаго изученія мозаикъ триумфальной арки авторъ взбирался на крышу киворія надъ престоломъ, а мозаики нефа изучалъ (и даже зарисовывалъ детали акварелью)—стоя на карнизѣ, ничѣмъ, разумѣется, не огражденномъ. Результатомъ такого изученія явилось констатированіе множества неточностей во всѣхъ предыдущихъ изданіяхъ, не исключая и монументальнаго изданія *Mosaici Cristiani*, выходившаго подъ редакціей Де-Росси.

Изученіе мозаикъ св. Маріи Великой естественнымъ образомъ распадается на двѣ части сообразно двумъ главнымъ мозаическимъ цикламъ

1) Замѣчательно, что, напр., по поводу сигмы Д. В. Айналовъ впадаетъ какъ разъ въ такой тонъ, какимъ обыкновенно высказываются мало обоснованныя предположенія. Такъ, напр. (стр. 63): «Если по Евсевію выходитъ, что только три стороны, сѣверная, южная и западная имѣли портики, а на восточной сторонѣ былъ фасадъ базилики, то это ничуть не означаетъ, что на восточной сторонѣ не было никакого портика, или пристройки второстепеннаго значенія... портикъ не представляетъ собою колоннады, а полукруглую стѣну въ видѣ сигмы, которую довольно часто, какъ самостоятельную архитектурную форму, мы встрѣчаемъ на христіанскихъ памятникахъ. Эта сигма не могла составлять фасада Константиновой базилики вслѣдствіе своей полукруглой формы... (стр. 64) крыша сигмы дѣлается шире къ краямъ мозаики и подымается надъ головами апостоловъ, что и служитъ яснымъ признакомъ того, что два ряда фигуръ апостоловъ, размѣщены въ глубинѣ пространства сигмы на довольно большемъ разстояніи (! не забудемъ, что еще двухъ крайнихъ фигуръ апостоловъ не сохранилось. Но и безъ того они, очевидно, сидятъ на переднемъ планѣ). Изъ этого ясно (?), какимъ образомъ на этомъ пространствѣ, которое было довольно велико, могла поставляться каеэдра для епископа и могъ присутствовать народъ». Но Д. В. Айналовъ самъ-же раньше приводилъ буквальное свидѣтельство паломницы Сильвіи (стр. 50), что каеэдра ставилась «in Golgotha post Crucem, quae stat nunc». Неужели такое выраженіе могло бы быть употреблено, если бы между крестомъ и каеэдрою находился цѣлый портикъ, хотя бы и со многими дверями?

этой базилики: изображеніямъ на триумфальной аркѣ и изображеніямъ на верхнихъ стѣнахъ средняго корабля. Д. В. Айналовъ не только описываетъ и объясняетъ изображенія того и другого цикла, широко пользуясь аналогіями памятниковъ другихъ мѣстъ и другихъ родовъ искусства, но и сообщаетъ массу мелкихъ, но цѣнныхъ подробностей насчетъ техники и реставрацій. Такъ, напр., весьма вѣроятное заключеніе, что реставраціи мозаикою сюжетовъ, украшающихъ верхнія стѣны, сдѣланы Джаккопо Торрити въ концѣ XIII в., выведено исключительно на основаніи техническихъ наблюденій. Подобныхъ частныхъ мы тщетно стали бы искать въ другихъ описаніяхъ. Въ объясненіи сюжетовъ триумфальной арки, въ общемъ, Д. В. Айналовъ придерживается того, что было добыто его предшественниками и въ томъ числѣ Н. П. Кондаковымъ (сцена встрѣчи св. Семейства Афродисіемъ). Изъ частныхъ, съ которыми, по нашему мнѣнію, нельзя согласиться, упомянемъ о предпочтеніи объясненія, видящаго Захарію, а не Іосифа въ человѣкѣ, стоящемъ у храма въ первой сценѣ. Во всей триумфальной аркѣ мы не находимъ никакого отношенія къ Предтечѣ, тогда какъ явленіе ангела Захаріи обыкновенно фигурируетъ, какъ первый сюжетъ въ циклахъ росписей, трактующихъ жизнь Предтечи. По замѣчанію самого же Д. В. Айналова (стр. 78), фигура эта имѣетъ ту же одежду, что и фигура Іосифа въ слѣдующей сценѣ Срѣтенія, но отличается отъ нея болѣе низкимъ ростомъ, темнымъ цвѣтомъ короткой бороды и волосъ и имѣетъ жезлъ. Ростъ врядъ ли въ данномъ случаѣ имѣетъ значеніе — фигура стоитъ у храма и должна же быть хоть нѣсколько ниже его, жезлъ — Іосифъ имѣетъ и въ другихъ композиціяхъ (см. прим. 1 на стр. 85) — остается куафюра. Не знаю, перевѣшиваетъ ли она указанные признаки противъ Захаріи и не реставрирована ли она въ одномъ изъ двухъ случаевъ. Другая частность, противъ которой мы позволимъ себѣ возразить — это смѣшеніе *церкви отъ обрѣзанія съ синагогой* въ объясненіи дѣйствительно темной сцены поклоненія волхвовъ. Эти двѣ аллегоріи должны быть, думаемъ, строго различаемы. Вообще объясненіе загадочной фигуры налѣво отъ трона, на которомъ сидитъ Младенецъ, фигуры къ тому же сильно реставрированной, по нашему мнѣнію, не удалось Д. В. Айналову, какъ и другимъ. По аналогіи съ тремя другими сюжетами арки здѣсь ожидался бы Іосифъ, что и предполагали, если не ошибаюсь, нѣкоторые прежніе изслѣдователи, но этому противорѣчатъ драгоцѣнный костюмъ и книга, по свидѣтельству г. Айналова хорошо сохранившаяся. Вопросъ этотъ слѣдуетъ оставить, полагаемъ, открытымъ. «Колонка бичеванія» (стр. 89) есть, кажется, просто ножка кресла. Въ сценѣ встрѣчи Афродисія Д. В. Айналовъ вслѣдъ за Гарруччи принимаетъ полубога старика въ тривонѣ за философа-киника, приближеннаго или друга царя, и указываетъ нѣсколько аналогій подобной близости киниковъ къ разнымъ царямъ. Разсмотрѣніе мозаикъ арки заключается весьма поучительнымъ и, какъ всегда, очень яснымъ стилистическимъ сравненіемъ ихъ съ другими

группами подобныхъ памятниковъ, какъ болѣе ранними (мозаики Констанцы и Пуденціаны), такъ и современными и отчасти болѣе поздними (мозаики Неаполя и, въ особенности, Равенны) ¹⁾. Особенно поучительно сравненіе съ Равенскими мозаиками. Золотые и синіе фоны Равенны здѣсь только отчасти играютъ роль фоновъ, прерываясь изображеніемъ облаковъ и земли, а синій, будучи употребляемъ въ весьма скромныхъ размѣрахъ, напр., для заполнения темной внутренности храма, или воротъ. «Общій тонъ мозаикъ свѣтлый и слабый сравнительно съ мозаиками Неаполя и Равенны. Онъ приближается къ тону изящной мозаики Помпей и виллы Адриана съ радужной градаціей тоновъ, какъ и въ античной миниатюрѣ Илиады»..... «если въ мозаикахъ Равенны мы можемъ отмѣтить строго монументальный приемъ декораціи, то есть употребленіе большихъ фигуръ для украшенія большихъ пространствъ, то мозаики арки прямо страдаютъ плохимъ соображеніемъ съ мѣстомъ. Всѣхъ фигуръ на аркѣ было болѣе 60, не считая изображеній дома, пяти городовъ, двухъ храмовъ, трона и 12 овецъ. Фигуры эти малы и неясны. Детали спенъ, жесты, атрибуты фигуръ теряются для зрителя. Роспись своими слабыми, плоскими, мелкими, но красивыми фигурами переходитъ въ детальный жанръ миниатюры и неудачно приспособляетъ ихъ для декораціи высоко поднятыхъ большихъ отрубковъ арки. Дѣленіе на фризы здѣсь также дано по способу, извѣстному въ миниатюрахъ, но очень распространенному въ античномъ и христіанскомъ рельефѣ, гдѣ верхняя сцена отдѣляется отъ нижней лишь полоской земли, а не рамой. Впослѣдствіи часто для росписей арокъ избираются сюжеты, не требующіе дѣленія ея на фризы, и все пространство арки занимаетъ однимъ, двумя сюжетами. Въ этомъ нельзя не видѣть прямого улучшенія декоративнаго приема и перехода къ монументальной декораціи» (стр. 105).

Мы нацѣленно сдѣлали эти нѣсколько длинныя выписки, чтобы дать образчикъ стилистическаго разбора, ясности и точности котораго, повторяемъ, многіе могутъ позавидовать. Указывая, такимъ образомъ, на признаки, отличающіе мозаическую роспись Маріи Великой, какъ отъ первоначальнаго, катакомбнаго, христіанскаго искусства, такъ и отъ болѣе позднихъ стадій его, напр., мозаичныхъ росписей Равенны, авторъ въ концѣ концовъ высказываетъ мысль, что «въ мозаикахъ арки мы можемъ видѣть *наиболѣе раннее произведеніе византійскаго искусства на римской почвѣ*». Этому положенію мы еще коснемся, когда дойдемъ до «заключенія» книги г. Айвалова.

Мозаикамъ нефа, или верхнихъ стѣнъ средняго корабля той же церкви посвящены стр. 106—132. Ихъ описаніе очень детально, изобилуетъ массою техническихъ и стилистическихъ цѣнныхъ замѣчаній и

1) Жаль, что при опредѣленіи времени возникновенія мозаикъ арки (стр. 103) г. Айваловъ позабылъ упомянуть о надписи на ней: *Xystus episcopus plebi Dei*, объясняющей датировку ея «между 432—440 годами».

сравненій и, вообще, должно быть изучаемо наряду съ текстомъ де-Росси, какъ необходимое его дополненіе. Авторъ, какъ всегда, ясно отдѣляетъ античные элементы этой росписи и справедливо останавливается на сходствѣ картинъ, ее составляющихъ, съ древнѣйшими миниатюрами еще тѣсно примыкающими къ античной живописи, каковы ватиканскій Вергилій, Илиада, такъ называемый свитокъ Иисуса Навина и др. Съ другой стороны, онъ указываетъ и на черты византизма, напр., въ костюмахъ дочери фараона и юнаго Моисея, роскоши нѣкоторыхъ деталей и т. п. Надо замѣтить, однако, что это же описаніе вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣсколько небрежно. Такъ, онъ не упоминаетъ ни первоначальнаго числа сценъ (36), ни порядка, въ которомъ ведетъ свое перечисленіе. На стр. 129 содержаніе квадратовъ спутано (сцена каменнаго дождя относится не къ тому квадрату, въ который помѣщена). Описаніе это, очевидно, почти цѣлкомъ заимствовано изъ записной книжки автора, писавшейся на карнизѣ, каковое обстоятельство, конечно, и извиняетъ извѣстную монотонность,— сухость и отрывочность изложенія. Порою кажется, что самому автору какъ бы наскучило это сухое регистрированіе мелочей и деталей (мы вполне понимаемъ это, такъ какъ сами производили подобныя работы), и это отражается неволью въ изложеніи. Такъ, на стр. 112 находимъ «рядъ мало выразительныхъ сценъ», на стр. 115 «скучныя перипетіи договоровъ съ Лаваномъ», на стр. 126 «скучныя сцены взятія города Іерихона и битвъ» и, наконецъ, на стр. 129 уже весь циклъ названъ «утомительнымъ рядомъ сценъ». Но заканчивается эти глава зато истинною прелестью, сразу освѣжающею читателя аккордомъ совсѣмъ другого — античнаго — лада. Автору удалось, по нашему мнѣнію, самымъ несомнѣннымъ образомъ доказать — одинъ взглядъ на рисунокъ убѣждаетъ въ этомъ — что значительная часть мозаики апсиды св. Маріи Великой не произведеніе Джакомо Торрити, а древняго происхожденія. Это настолько очевидно, что даже ссылка на Іоанна Діакона, описывающаго водный фризъ съ геніями этой апсиды, является уже какъ бы излишнею. *И это никтъмъ до Д. В. Айналлова не указывалось!*

Въ послѣдней части своей работы авторъ описываетъ въ небольшихъ экскурсахъ мозаики церкви св. Сабинны и Латеранскаго баптистерія, мозаики баптистерія св. Януарія въ Неаполѣ, мозаики церкви св. Приска въ Капуѣ, мозаики капеллы св. Аквилына при церкви св. Лаврентія въ Миланѣ и капеллы св. Виктора въ церкви св. Амвросія тамъ же и, наконецъ, мозаику баптистерія Альбена въ Ливурнѣ. Экскурсъ о мозаикахъ баптистерія св. Януарія заключаетъ много новаго. Авторъ прилагаетъ опять самостоятельный рисунокъ, замѣтно разнящійся отъ изданнаго Гарруччи (табл. 269, 270 по копіямъ Капарони, впервые изданнымъ въ сочиненіи *Параскандало Memorie.... della chiesa di Napoli 1847—48*). Предварительно снятія своей копіи Д. В. Айналловъ вновь очистилъ мозаику купола (см. Прибавленіе стр. 183) и зарисовывалъ ее затѣмъ въ бинокль. Рисунки изданы на стр. 138 (общій видъ купола), 144 (Левъ св. Марка),

145 (Ангель св. Матѳея), 147 (четверо святыхъ). Также точно описалъ отъ копоты и вновь зарисовывалъ авторъ и мозаики св. Приска въ Капуѣ (рис. 23—26 на страницахъ 151—154).

Заключеніе (стр. 169—179), изящно и ясно написанное, даетъ общій сводъ выводовъ изъ всей работы и вмѣстѣ сводъ литературныхъ извѣстій о развитіи и процвѣтаніи христіанскаго искусства на Востокѣ. Вслѣдъ за Стржиговскимъ онъ относитъ появленіе византійскаго стиля въ Равеннѣ ко времени возвращенія Галлы Пладиіи изъ Константинополя въ Равенну. Какъ обстоятельство, способствовавшее распространенію этого стиля въ Италіи, онъ указываетъ обѣдненіе послѣдней и притокъ въ нее варварскихъ народностей въ IV и V вв., съ одной стороны, и высокое состояніе науки и искусства на Востокѣ въ то же время, съ другой. Аналогіи въ композиціяхъ, типахъ и множествѣ деталей мозаикъ Италіи съ памятниками Востока авторъ справедливо считаетъ «лишь ничтожною теперь съ трудомъ различаемою струею восточнаго искусства, проникающаго на Западъ». Такимъ образомъ другою главною причиною измѣненія стиля, наряду съ перенесеніемъ росписей изъ темныхъ катакомбъ въ свѣтлыя базилики, было вліяніе современнаго восточно-христіанскаго искусства. Но спрашивается, можно ли назвать это восточное искусство, вліявшее на искусство Италіи въ IV и V вв., уже *византійскимъ*, какъ это дѣлаетъ авторъ, правда, почти всегда оговариваясь въ томъ смыслѣ, что это раннее византійское искусство, или, еще точнѣе, «тотъ стиль, который, столѣтіе спустя, принимаетъ несомнѣнный характеръ стиля византійскаго»? Столѣтіе спустя, т. е. въ эпоху Юстиніана, дѣйствительно уже можно серьезно говорить и на Востокѣ о *начаткахъ* византійскаго стиля, но собственное процвѣтаніе его, какъ согласны, кажется, всѣ, относится къ эпохѣ гораздо болѣе поздней, къ эпохѣ Македонской династіи, съ каковыхъ поръ обыкновенно принято говорить и о византійской имперіи, византійской литературѣ и т. д. Что касается восточныхъ вліяній въ западномъ христіанствѣ, то они, конечно, фактъ безспорный не только для IV—V вв., но и для болѣе раннихъ эпохъ ¹⁾. Сама книга г. Айналова, между прочимъ, дѣнна именно тѣмъ, что даетъ тому рядъ доказательствъ и выдѣляетъ изъ числа обще-восточныхъ деталей рядъ деталей *палестинскихъ*, для которыхъ терминомъ *post quae* является эпоха Константина Великаго. Въ эту эпоху, конечно, и г. Айналовъ не сталъ бы, по примѣру Стржиговскаго, говорить о *византійскомъ* искусствѣ и тѣмъ болѣе его вліяніи на Западъ. Д. В. Айналовъ превосходно указалъ, напр., на мозаикахъ Маріи Великой, шагъ впередъ отъ античныхъ росписей катакомбъ, шагъ, несомнѣнно, по тому пути, который приведетъ черезъ искусство Равенны и искусство эпохи Юстиніана къ византійскому искусству, но на этой стадіи христіанское искусство

1) Стоитъ только припомнить такіе факты, какъ греческая монограмма Христа, А и Ѡ, ΙΧΘΥΣ, названія вродѣ: *parthex*, *ambo*, *santharus*, *Galilaea* въ базиликахъ, греческія епитафіи древнихъ папъ и т. д.

все-таки еще нельзя называть византийскимъ, нельзя говорить о памятникахъ, хотя бы самыхъ раннихъ *византийскаго искусства*. Имперія эпохи Юстиніана уже не та, которая была при Антонинахъ, не та, которая была при Діоклетіанѣ или Константінѣ Великомъ, но ни одинъ историкъ не назоветъ поэтому Юстиніана *византийскимъ* императоромъ, а его имперію *византийскою*.

Мы думаемъ, что достаточно энергично указали на сильныя стороны дѣйствительно выдающейся, талантливой работы г. Айналова. Думаемъ, что не испортимъ впечатлѣнія, указавъ нѣкоторыя погрѣшности стиля, которыя иногда досадно видѣть, тѣмъ болѣе, что авторъ вполне облагаетъ даромъ изложенія. Такими «грѣшками» являются: «исцѣленіе (!) Лазаря», «квадратикъ заповѣдей», «низведеніе небеснаго огня на жертву *Ваала*» (стр. 14), «Благовѣщеніе Маріи» («Марія» часто — вмѣсто Пресв. Дѣвы, или Богородицы), «два ангела . . . стоятъ сзади ея, оживленно жестикулируя пальцами, сложенными двуперстно» (стр. 73), «жрецъ (тоже часто вм. священникъ) Захарія» (стр. 78). Попадаются неточности и другого рода, вродѣ частаго смѣшенія правой и лѣвой руки, недоразумѣнія въ описаніи мозаикъ нефа св. Маріи Великой (по крайней мѣрѣ сравнительно съ рисунками въ Мизаісі де-Росси). Но этого всего, повторяю, не стоило бы упоминать, если бы изложеніе автора въ другихъ мѣстахъ, напр. въ техническихъ и стилистическихъ описаніяхъ, не поражаало своею точностью и своимъ изяществомъ.

А. Щукаревъ.

Извѣстія Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ. I.
Одесса. 1896 г. 8°. IV+53+175+75 стр., съ II таблицами.

1895 года 26 февраля совершилось открытіе Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ. Въ настоящее время вышелъ первый томъ «Извѣстій» Института, который знакомитъ насъ и съ исторіей этого ученаго учрежденія, и съ задачами, преслѣдуемыми имъ въ своей дѣятельности, и съ результатами этой дѣятельности за первый годъ его существованія, и съ научными трудами его работниковъ, нашедшихъ себѣ мѣсто въ указанной книгѣ.

Какъ извѣстно, въ русской ученой литературѣ необходимость изученія исторіи и культуры Византіи давно сознавалась, а равно находились работники, посвящавшіе свои силы на это изученіе, удѣлявшіе вообще много вниманія вопросамъ Византіи, ея прошлаго, различныхъ вліяній ея на исторію и культуру Россіи; давно, прибавимъ, сознавалась и необходимость созданія такого учрежденія, которое бы специально трудилось надъ разработкой византиновѣдѣнія во всѣхъ его проявленіяхъ и подготавливало работниковъ для этой цѣли.

Мысль о созданіи такого учрежденія въ Константинополѣ, какъ это видно изъ рѣчи Россійскаго посла въ Константинополѣ, сказанной въ день открытія Института, принадлежитъ русскому посольству въ Кон-

стантинополѣ; среди же профессоровъ Новороссійскаго университета эта мысль получила впервые существенный образъ: тамъ былъ составленъ впервые проектъ устава будущаго института. Но много препятствій пришлось преодолѣть лицамъ, трудившимся о приведеніи въ исполненіе этого проекта. И А. И. Нелидовъ въ своей рѣчи, и профессоръ Ѳ. И. Успенскій называютъ съ благодарностью имена лицъ, которыя наиболѣе помогли устранить эти препятствія и дать возможность осуществиться указанному проекту.

Мы не будемъ повторять здѣсь всей, весьма интересной исторіи института до его открытія. Отмѣтимъ лишь пункты рѣчей, произнесенныхъ въ торжественномъ засѣданіи, въ которыхъ намѣчаются задачи института, программа его будущей дѣятельности и указывается, какое вообще можетъ имѣть значеніе эта дѣятельность для науки.

А. И. Нелидовъ въ своей рѣчи, указывая бѣгло на то значеніе, которое можетъ имѣть дѣятельность института и для науки, и даже для политики, совершенно правильно говоритъ въ заключеніи: «способствуя проявленію духовной силы Россіи предоставленіемъ ей возможности занять первенствующее мѣсто на почти не разработанной почвѣ византологіи, мы открываемъ ей новый источникъ вліянія и могущества, источникъ, который разрабатывать и изъ котораго черпать должны будутъ гг. ученые» (стр. 6).

Профессоръ Ѳ. И. Успенскій въ своей рѣчи, въ живой картинѣ рисуетъ положеніе византиновѣдѣнія у насъ въ Россіи и, констатируя ненормальность его, переходитъ къ уясненію того значенія, какое имѣютъ спеціальныя, научныя византійскія занятія съ точки зрѣнія теоретической, общенаучной и съ практической, національно-русской.

«Какъ выраженіе государственныхъ, административныхъ и этнографическихъ особенностей, говоритъ онъ, византизмъ проявляется въ слѣдующихъ конкретныхъ признакахъ: 1) въ постепенной замѣнѣ латинскаго языка греческимъ; 2) въ борьбѣ національностей изъ за политическаго преобладанія; 3) въ памятникахъ искусства, гдѣ появляются новые типы; 4) въ забвеніи преданій классической древности¹⁾ и въ замѣнѣ ихъ новыми, по преимуществу иранскими. Очень хорошо извѣстно значеніе византизма для тѣхъ народовъ, которые входили въ сферу вліянія восточной имперіи: болгарь, сербовъ, румынъ, русскихъ, армянъ, грузинъ. Но теперь оказывается, что это вліяніе распространялось и на западъ и отразилось въ разработкѣ догматики, въ формахъ и содержаніи богослуженія, въ философскихъ системахъ и искусствѣ. Въ этомъ направленіи будущія изслѣдованія должны принести еще не мало новыхъ открытій. Таково значеніе византійскихъ занятій съ общенаучной точки зрѣнія».

«Еще важнѣй та сторона, продолжаетъ Ѳ. И. Успенскій, которая по-

1) Полнаго забвенія ихъ, однако, никогда не было, напр., въ искусствѣ. (Е. Р.).

лучаетъ значеніе съ національно-русской точки зрѣнія. Для насъ Византія не археологическая или отвлеченная проблема знанія, а реальный предметъ, важный для познанія своей собственной исторіи. Наши сношенія съ Византіей въ IX и X вв., закончившіяся принятіемъ восточнаго православія, оставили глубокіе слѣды въ народномъ сознаніи, отразились въ системѣ устройства русскаго государства, въ разнообразныхъ заимствованіяхъ по церковной, гражданской и бытовой обстановкѣ. Духовное и литературное общеніе съ Византіей, ставшее предметомъ научнаго изслѣдованія лишь въ послѣднее время, обнаруживается даже въ такихъ явленіяхъ, которыя всѣ привыкли считать специально народными» (стр. 9 и 10).

Заканчивая свою рѣчь, профессоръ Ѳ. И. Успенскій, говоритъ: «открывая нынѣ Археологическій Институтъ въ Константинополѣ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ освобождаемъ византиновѣдѣніе отъ служебнаго его положенія, видя въ немъ самомъ цѣль института. Русская наука начинаетъ этимъ исполнять свои обязательства по отношенію къ Византіи и освобождается отъ упрека въ пренебреженіи прямыхъ своихъ задачъ».

Изъ отчета секретаря института П. Д. Погодина, прочитаннаго въ томъ же засѣданіи, видно, что институтъ на первыхъ порахъ (до его открытія) занялся созданіемъ библіотеки, какъ самой насущной потребности, удовлетвореніе которой достойнымъ образомъ отвѣчаетъ многимъ цѣлямъ института: серьезной научной работѣ, оказанію поддержки и всяческаго содѣйствія русскимъ ученымъ, прибывающимъ на востокъ.

Благодаря сочувствію русскихъ ученыхъ обществъ, нѣкоторыхъ иностранныхъ и отдѣльныхъ лицъ, благодаря спеціальнымъ пожертвованіямъ и затратамъ изъ спеціальныхъ средствъ института, библіотека института въ настоящее время является богатѣйшей, обладающей многими цѣнными классическими трудами въ различныхъ отдѣлахъ историко-филологическихъ и археологическихъ наукъ.

Переходимъ теперь къ краткому указанію результатовъ ученой дѣятельности института за 1895 г. на основаніи отчета, представленнаго въ «Извѣстіяхъ»¹⁾. Дѣятельность института выразилась въ устройствѣ засѣданій, различныхъ археологическихъ экспедицій, въ изученіи Константинополя и его ближайшихъ окрестностей, въ собираніи свѣдѣній о древностяхъ и различнаго рода содѣйствіи русскимъ ученымъ, въ устройствѣ учебно-вспомогательныхъ учреждений.

Засѣданій было шесть, на которыхъ были прочитаны рефераты. Археологическія экскурсіи членами института были совершены: а) по Анатоліи, б) на Аѳонъ и в) въ Аѳины.

Первая поѣздка сопровождалась открытіемъ многихъ христіанскихъ памятниковъ, которые ждутъ ближайшаго ихъ изслѣдованія и изученія

1) О дѣятельности института за указанное время см. отчеты о рефератахъ, предложенныхъ на X Археологическомъ съѣздѣ въ Ригѣ проф. Ѳ. И. Успенскимъ и др. («Визант. Врем.», 1896, вып. 4).

на мѣстѣ и снятіемъ съ нихъ фотографій, рисунковъ. Это фрески церквей, монастырей, въ которыхъ, кромѣ того, встрѣчаются замѣчательныя рукописи (номоканонъ Сумела XIII в.) и другіе предметы церковнаго обихода.

Вторая поѣздка дала въ результатѣ открытіе цѣнныхъ рукописей по историческому содержанію, по миниатюрамъ, съ которыхъ какъ и съ нѣкоторыхъ другихъ памятниковъ искусства сняты были фотографіи.

Третья поѣздка была поучительна во многихъ отношеніяхъ — по ознакомленію съ порядкомъ веденія дѣлъ археологическихъ раскопокъ, изученія памятниковъ и т. п. иностранными институтами.

Изъ научно-вспомогательныхъ учрежденій института, кромѣ библиотеки, нужно назвать еще кабинетъ древностей, которой возникъ главнымъ образомъ изъ пожертвованій и владѣетъ въ настоящее время уже значительнымъ количествомъ цѣнныхъ вещей, какъ античныхъ такъ и христіанскихъ: античной скульптуры терракотами, лампочками, вазами, надписями и др.; наиболее богато собраніе византійскихъ монетъ. Прибавимъ въ заключеніе перечня пособій института, что онъ въ настоящее время обладаетъ богатѣйшимъ собраніемъ фотографій съ различныхъ памятниковъ, какъ Константинополя, такъ и другихъ мѣстъ Востока. Многія изъ этихъ фотографій сдѣланы съ новооткрытыхъ, или неизвѣстныхъ въ научной литературѣ памятниковъ.

Переходимъ теперь къ обзору научныхъ трудовъ, помѣщенныхъ въ «Извѣстіяхъ».

На первомъ мѣстѣ стоитъ статья *Θ. И. Успенскаго*: «Актъ отвода земли монастырю Богородицы Милостивой».

Актъ этотъ находится въ рукописи Иверскаго монастыря на Афонѣ; это — протоколъ ввода монастыря во владѣніе двѣнадцатью крестьянами съ принадлежащею имъ землею. Актъ, по словамъ автора, отличается между другими, уже извѣстными полнотой, подробностями и въ особенности составомъ: «Съ одной стороны, рѣдко встрѣчающаяся полнота и сохранность этого акта, съ другой же, самое содержаніе, которое представляетъ весьма важныя дополненія къ системѣ организаціи крестьянскаго землевладѣнія въ Византіи, не можетъ не придавать ему первенствующаго значенія между всѣми актами подобнаго рода».

Авторъ, какъ извѣстно, уже давно работаетъ надъ вопросами по исторіи византійскаго землевладѣнія, и его работы въ этой области пользуются извѣстностью и авторитетностью. Названная статья примыкаетъ къ этимъ работамъ, дополняя ихъ новымъ матеріаломъ, заключеннымъ въ указанномъ актѣ. Авторъ разбираетъ, объясняетъ всѣ техническіе термины акта, т. е. уясняетъ различныя стороны византійскаго землевладѣнія. «Актъ отвода земли монастырю Богородицы Милостивой», говоритъ авторъ въ заключеніе и послѣ объясненія встрѣчающихся въ немъ техническихъ терминовъ, представляетъ еще не мало любопыт-

ныхъ сторонъ для изученія. И прежде всего самыя имена крестьянъ и данныя имъ прозвища весьма хорошо рисуютъ состояніе населенія въ этой части Македоніи въ періодъ византійскаго здѣсь господства..... Очень любопытно, что между выборными людьми, присутствовавшими при актѣ, оказались такіе, которые дали свою подпись по-славянски...» (стр. 25). Къ статьѣ приложенъ самый актъ.

Статья *О. Ө. Вульфа* «Семь чудесъ Византіи и храмъ святыхъ апостоловъ» — уже извѣстна по отчету о засѣданіяхъ X археологическаго съѣзда. Статья эта полна глубокаго интереса, такъ какъ во многомъ дополняетъ, исправляетъ предложенныя ранѣе другими комментаріи (Ренакъ) и даетъ новыя объясненія, новыя археологическія комментаріи къ сочиненію Константина Родія. Реконструкція автора храма св. апостоловъ на основаніи описанія этого писателя заслуживаетъ вполне вниманія; но вопросъ о томъ, что соборъ св. Марка въ Венеціи — копія этого храма, заслуживалъ бы большей разработки. Для автора, по-видимому, этотъ вопросъ возбуждаетъ мало сомнѣній, хотя факты, приводимые имъ, не даютъ вполне къ тому основанія.

Архитектура храма апостоловъ, какъ она предстаетъ въ описаніи Родія, разобрана авторомъ подробно. Но сравнительно кратко разобрано содержаніе мозаичныхъ композицій, описываемыхъ Родіемъ: было бы необходимо имѣть болѣе сопоставленій съ современными памятниками, чтобы на основаніи ихъ заключить о томъ, что дѣйствительно могло принадлежать памятнику, и что описателю X вѣка, дополнявшему видѣнное имъ деталями, заимствованными изъ церковныхъ пѣснопѣній, или же изъ художественныхъ памятниковъ, но своего уже времени.

Въ замѣчанія автора по поводу изображенія Срътенія вкралась, по-видимому, ошибка. «Въ Срътеніи, говоритъ онъ, странно то, что Симеонъ сидитъ, а Іосифа совсѣмъ нѣтъ. Кромѣ него, тутъ является пророчица Анна, чему нѣтъ примѣра до XI—XII в.» (стр. 72). Однако извѣстно изображеніе Срътенія и съ пророчицей Анной до XI—XII в.: въ мозаикахъ церкви *S. Maria Maggiore* въ Римѣ, V вѣка.

Предположеніе автора, что въ сѣверномъ и южномъ куполахъ церкви апостоловъ могли быть композиціи апокалиптического содержанія (стр. 74), совершенно не допустимо для чисто византійскаго памятника и при томъ такой эпохи, какъ VI вѣкъ.

Е. М. Придикъ, «Надписи изъ Өессаліи», издаетъ 131 надпись, отчасти уже извѣстныя, но плохо ранѣе изданныя, отчасти неизвѣстныя, открытыя имъ во время экскурсіи по Өессаліи въ 1895 г. Изданіе снабжено комментаріями.

О пурпуровомъ кодексѣ Евангелія VI вѣка, составляющемъ нынѣ одинъ изъ драгоценнѣйшихъ и замѣчательныхъ памятниковъ, которыми владѣетъ Россія, и приобретенномъ, главнымъ образомъ, благодаря вниманію и хлопотамъ института, былъ предложенъ докладъ проф. *Ө. И. Успенскаго* на X археологическомъ съѣздѣ; этотъ докладъ, пред-

ставляющій результаты работъ по изслѣдованію кодекса наличныхъ силъ института, и составляетъ предметъ послѣдней статьи «Вновь найденный пурпуровый кодексъ евангелія» изъ помѣщенныхъ въ «Извѣстіяхъ». Нельзя не повторить заключительныхъ словъ статьи «Въ виду безспорной важности и высокой цѣнности вновь найденной рукописи весьма естественно ожидать, что она пріобрѣтетъ громкую извѣстность и сдѣлается предметомъ вниманія и изученія со стороны специалистовъ. Было бы желательно озаботиться необходимыми мѣрами къ облегченію средствъ для изученія ея и въ то же время предохранить отъ порчи столь рѣдкую древность. Пурпуровый кодексъ потребуетъ изданія и изданія роскошнаго, какъ издана синайская библія или Остромирово евангеліе».

Въ заключеніи тома «Извѣстій» предложена весьма интересная хроника: сообщенія о древностяхъ Востока, о ходѣ изученія ихъ, библиографическія свѣдѣнія и т. п.

Въ заключеніе нашего краткаго обзора содержанія I тома «Извѣстій» института пожелаемъ послѣднему и въ будущемъ еще большей столь же плодотворной дѣятельности, изданія новыхъ матеріаловъ, которыми такъ богата еще Византія, изданія трудовъ, посвященныхъ изслѣдованію ея мало извѣстныхъ памятниковъ.

Е. Рѣдинъ.

В. В. Латышевъ. *Сборникъ греческихъ надписей христіанскихъ временъ изъ Южной Россіи*. Спб. 1896. pp. III + 143 съ 13 таблицами.

Новый трудъ акад. Латышева, привѣтствовать который мы хотимъ въ этой замѣткѣ, является дополненіемъ къ вышедшимъ раньше двумъ томамъ его извѣстнаго изданія *Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini*. Христіанскія надписи, уцѣлѣвшія въ разныхъ мѣстахъ нашего юга отъ давнихъ вѣковъ существовавшей тамъ греческой культуры, не нашли себѣ мѣста въ названномъ изданіи. Матеріалъ этотъ далеко не великъ, разбросанъ въ разныхъ изданіяхъ, и лишь находки новѣйшаго времени нашли себѣ прочное мѣсто въ «Матеріалахъ Императорской Археологической Коммиссіи». Но и въ это изданіе попадаютъ лишь надписи, находимыя въ раскопкахъ и археологическихъ розысканіяхъ, предпринимаемыхъ по порученію Коммиссіи. Собрать весь этотъ матеріалъ въ одно изданіе и сопоставить его вмѣстѣ—значило оказать большую услугу всѣмъ, кто интересуется разработкой нашихъ отечественныхъ древностей. Такъ какъ изданіе вновь находимыхъ надписей въ «Матеріалахъ» Коммиссіи ведетъ г. Латышевъ, то ему и лежало близко взяться за это дѣло. Во время своихъ археологическихъ экскурсій въ пору подготовительныхъ работъ къ изданію Сборника древнихъ надписей черноморскаго побережья имѣлъ онъ возможность провѣрить по оригиналамъ тексты христіанскихъ надписей, изданныхъ въ прежнее время; что же до новыхъ находокъ, то инныя изъ нихъ прибывали въ подлин-

никѣ въ Эрмитажъ, съ другихъ получалъ онъ снимки или копии отъ лицъ, доставлявшихъ свои отчеты въ Коммиссію. Такимъ образомъ, весь налпчный матеріалъ былъ въ его распоряженіи, и г. Латышевъ съ обычной своей аккуратностью и щепетильной тщательностью опытнаго эпиграфиста составилъ полный (для времени изданія) сборникъ греческихъ христіанскихъ надписей, охвативъ побережье Чернаго моря отъ Дуная и до Таманскаго полуострова включительно. Эпиграфическія находки, сдѣланныя на территоріи восточнаго побережья Чернаго моря и Кавказа, не нашли мѣста въ этомъ изданіи, такъ какъ онѣ были собраны еще ко времени Тифлискаго археологическаго съѣзда въ 1881 году проф. Помяловскимъ.

Въ самомъ заглавіи новаго труда г. Латышева: Сборникъ *греческихъ надписей*, есть указаніе еще на одно ограниченіе. Какъ извѣстно, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Крыма сохранилось немало христіанскихъ надписей на латинскомъ языкѣ на сооруженіяхъ времени генуэзскаго господства. Онѣ были опубликованы въ разное время и въ разныхъ изданіяхъ, и данными, которыя въ нихъ заключены, давно уже пользуются изслѣдователи въ историческихъ трудахъ. Оригиналы нѣкоторыхъ изъ этихъ надписей увезены были изъ Россіи въ пору севастопольской войны итальянцами и хранятся въ Генуѣ. Въ своемъ предисловіи г. Латышевъ не отказывается отъ труда представить впослѣдствіи обработку также и этихъ интересныхъ и важныхъ памятниковъ.

Сопоставленный въ «Сборникѣ» матеріалъ обнимаетъ собою надписи 26-ти мѣстностей, общее число эпиграфическихъ текстовъ — около 120. Какъ всегда въ эпиграфическихъ изданіяхъ, отдѣльные памятники далеко не однородны по своему значенію и качеству. Рядомъ съ большими надписями, заключающими въ себѣ драгоцѣнныя историческія свидѣтельства, немало въ этомъ «Сборникѣ» надписей фрагментарныхъ, а между послѣдними есть и такія, въ которыхъ мы имѣемъ только буквы, не поддающіяся даже сложенію въ слова.

Для того, кто слѣдилъ за «Записками Одесскаго Общества Исторіи и Древностей» и знакомъ съ содержаніемъ 9 и 17 выпусковъ «Матеріаловъ» Императорской Археологической Коммиссіи, «Сборникъ» представляетъ очень немного новаго, что, конечно, нисколько не умаляетъ достоинства и пользы новаго изданія. Болѣе или менѣе крупныя по размѣрамъ эпиграфическіе тексты, вошедшіе въ него, уже извѣстны, а нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ о себѣ обширную литературу. Таковы слѣдующіе номера: изъ *Аккермана* — 3, надпись 1440 года, свидѣтельство о сооруженіи крѣпости валашскимъ воеводой Стефаномъ; изъ *Херсонеса* — 7, памятникъ времени имп. Зенона, о возобновленіи стѣнъ города; 8, недавно найденная и впервые опубликованная г. Латышевымъ въ «Матеріалахъ» и «Византійскомъ Временникѣ» надпись 1059 года объ обновленіи укрѣпленій Херсонеса; изъ *Манупъ-кале* — 45, извѣстная надпись отъ 1427 года съ пменемъ «князя Феодорѣ и приморской области» Алексѣя; 46, фраг-

ментъ надписи XIV вѣка съ именемъ *Тохтамъ...* (вѣроятно Тохтамышъ); изъ *Бисамы*—62, исчезнувшая нынѣ надпись, сохранныя Кеппенемъ, отъ 1587 года, свидѣтельство о сооруженіи церкви нѣкимъ Бинагомъ, сыномъ Темиркѣ; изъ *Партенита*—69, надгробіе аввы Никиты, игумена монастыря св. Апостолъ; 70, свидѣтельство о возобновленіи храма Петра и Павла въ 1427 году при митрополитѣ Даміанѣ; изъ *Теодосіи*—75, эпитафія Тамгана отъ 819 года; изъ *Тамани*—98, надпись съ именемъ имп. Юстиніана Великаго; 99, находка Сумарокова, свидѣтельство о сооруженіяхъ «славнѣйшаго стратилата и дуки херсонскаго» Евпатерія, спорной даты.

Къ этому числу болѣе крупныхъ по размѣрамъ текстовъ слѣдуетъ присоединить нѣсколько надписей отъ V-го вѣка, найденныхъ нами въ Керчи на стѣнахъ катакомбъ. Онѣ были изданы въ 6 и 19 выпускахъ «Матеріаловъ» Коммиссіи. Текстъ 90 псалма, написанный на стѣнахъ обѣихъ катакомбъ, не воспроизведенъ въ «Сборникъ» г. Латышева, какъ непредставляющій непосредственнаго интереса въ смыслѣ эпиграфическаго свидѣтельства; но эти надписи получили здѣсь номера, а именно отъ 77 до 85.

Нѣкоторыя изъ перечисленныхъ въ отдѣльности надписей имѣютъ о себѣ цѣлую литературу; таковъ № 8, изъ Херсонеса, № 45, надпись, которая лишь путемъ научнаго изслѣдованія приурочена къ Мангупъ-кале (камень находится въ настоящее время въ Симферопольскомъ музеѣ), № 99, изъ Тамани. Вопросъ объ историческомъ уясненіи свидѣтельства этой послѣдней надписи, равно какъ и другой, № 98 (текстъ съ именемъ имп. Юстиніана Великаго)—недавно обсуждался на страницахъ «Византійскаго Временника» и былъ предметомъ ученаго спора между г. Латышевымъ и пишущимъ эти строки. Г. Латышевъ входитъ въ подробный разборъ высказанныхъ нами соображеній относительно номера 98 (Виз. Врем., II, 189—198) и не соглашается съ предложенной нами датировкой. Относительно № 99, гдѣ наши мнѣнія расходятся гораздо рѣзче (Виз. Врем., III, 1—16), почтенный издатель остается также при своемъ мнѣніи, отлагая до другого времени свои возраженія. Позволимъ себѣ напомнить здѣсь сущность нашего разногласія.—Въ надписи названъ «благочестивѣйшій и богохранимый нашъ владыка». Отъ имени уцѣлѣло только окончаніе.. **ΚΙΣ**. Кѣне въ свое время предложилъ дополненіе: **ΜΑΥΡΙΚΙΣ**, за которое стоятъ въ настоящее время гг. Бертье-Делагардь и Латышевъ. Другое дополненіе, которое упрочено Бѣкомъ въ его Корпусѣ греческихъ надписей, есть **ΙΣΑΑΚΙΣ**. Такъ какъ текстъ надписи заканчивается датой: «индикта 8», то ея хронологическое опредѣленіе колеблется между 590 и 1190 годомъ. Столь рѣзкое колебаніе въ датировкѣ памятника представляется довольно страннымъ тѣмъ болѣе, что подлинникъ сохранился (онъ находится въ Эрмитажѣ) и возможно сужденіе о немъ съ точки зрѣнія палеографіи. По мнѣнію г. Латышева, начертанія буквъ и орфографія памятника ведутъ къ признанію принад-

лежности его VI вѣку. Что касается до насъ, то, принимая свидѣтельство палеографіи въ томъ смыслѣ, какъ отстаиваетъ его г. Латышевъ, мы доказывали, что *при Маврикии* Византіи не могла имѣть никакого отношенія къ Боспору; а отсюда предположеніе: если надпись относится къ VI вѣку, то «нашъ владыка» не есть императоръ, а какой нибудь варваръ, временно утвердившій свою власть надъ Крымомъ и Таманскимъ полуостровомъ, который остался намъ неизвѣстенъ изъ историческихъ источниковъ, сохранившихъ вообще довольно скудныя свѣдѣнія объ этой далекой окраинѣ культурнаго міра. Въ концѣ XII вѣка Византія имѣла отношеніе къ этой территоріи, за ней, повидимому, осталось послѣдствіе князей «далняго Тматороканя». Но если свидѣтельство палеографіи не позволяетъ читать имя «владыки» *Ἰσαάκις*, то единственнымъ выходомъ изъ затрудненія оказывается наше предположеніе о неизвѣстномъ варварскомъ князѣ, въ родѣ того Диптуна, который сталъ недавно извѣстенъ на недавно открытой боспорской надписи. Въ III-емъ томѣ Виз. Врем., стр. 675, г. Безобразовъ имѣлъ случай коснуться нашего разногласія и сдѣлалъ замѣчаніе по поводу одного моего соображенія. Я признавалъ невозможнымъ допустить, чтобы сановникъ, облеченный высшимъ званіемъ въ Имперіи, стратилатъ, могъ назвать себя на официальномъ документѣ и притомъ на далекой окраинѣ культурнаго міра «собственнымъ рабомъ» своего государя. Г. Безобразовъ ссылается на документы XII и послѣдующихъ вѣковъ, въ которыхъ такія обозначенія дѣло самое обычное. Позволю себѣ замѣтить, что я не могу признать здѣсь возраженія себѣ по существу вопроса и продолжаю думать, что *для VI вѣка* такой эпитетъ стратилата является болѣе чѣмъ сомнительнымъ и во всякомъ случаѣ нуждается въ подтвержденіи прямымъ свидѣтельствомъ. Я вполнѣ признаю, что при чтеніи *Ἰσαάκις*, которое приурочиваетъ нашу надпись къ 1190 году, эта подробность текста надписи не заслуживала бы никакого вниманія. Но иное дѣло VI и XII в. Цѣль, которую имѣла моя статья «Къ исторіи Боспора Киммерійскаго въ концѣ VI вѣка», указана въ самомъ ея заглавіи: разбираясь въ историческихъ данныхъ, я доказывалъ невозможность допустить прямую зависимость сѣвернаго побережья Чернаго моря отъ Византіи въ то время.

На таблицѣ XI-й г. Латышевъ далъ точный снимокъ съ мрамора, сохранившаго этотъ вызывающій споры текстъ. Стоитъ сопоставить видъ буквъ этой надписи съ начертаніями ихъ въ № 8 на стр. 16—надпись 1059 года,—чтобы вмѣстѣ съ г. Латышевымъ опасаться хронологически сблизить эти тексты. Хотя, впрочемъ, врядъ-ли слѣдуетъ столь рѣшительно настаивать для № 99 на принадлежности его V—VI вѣку. Позволимъ себѣ указать на форму буквенныхъ начертаній въ № 12, который приуроченъ почтеннымъ издателемъ къ половинѣ X-го вѣка, а также № 93—VIII-го вѣка и № 95—X-го вѣка.

Къ сравнительно крупнымъ эпиграфическимъ текстамъ, имѣющимъ

важность въ смыслѣ историческихъ свидѣтельствъ, можно было бы по праву присоединить также и № 47 изъ Мангупъ-кале. Эта надпись тѣмъ интереснѣе, что она является одной изъ новинокъ «Сборника» и впервые въ немъ напечатана. Надпись эта находится на камнѣ, вдѣланномъ въ стѣну башни надъ обрывомъ. Поверхность камня сильно вывѣтрилась и буквы очень пострадали. По бумажному слѣпку, который удалось сдѣлать лѣтомъ 1895 года пишущему эти строки, почтенный издатель прочелъ и разобралъ по нѣскольку словъ и буквъ въ девяти строкахъ этой надписи; но, къ сожалѣнію, состояніе надписи таково, что о смыслѣ текста можно лишь догадываться. Рѣчь шла, повидимому, о борьбѣ съ какими то варварами и побѣдѣ надъ ними. Въ текстѣ была дата, но цѣликомъ она не поддается прочтенію. «Если—говорить г. Латышевъ—чтеніе двухъ первыхъ буквъ— $\zeta \omega$ —вѣрно, то памятникъ относится къ 68 столѣтію отъ сотворенія міра, т. е. къ XIV в. по Р. Х.». Въ пятой строкѣ текста ясно читаются слова: Θεοφιλῆ[χτ]ου χῆστρου Θεοδόρου; такимъ образомъ эта надпись окончательно устраняетъ всякую возможность сомнѣнія въ томъ, что имя *Θεοδορο* принадлежало нынѣшнему Мангупъ-кале, и что онъ именно тождествененъ съ крѣпостью и столицей крымскихъ готовъ, Δόρος, имя извѣстное хронисту Θεοφάνу.

Впервые изданными въ «Сборникѣ» является не мало надгробій изъ разныхъ мѣстъ Крыма, которыя воспроизведены по фотографіямъ, бумажнымъ слѣпкамъ и копіямъ отъ разныхъ лицъ, въ томъ числѣ гг. Бертье-Делагарда, Думберга и пишущаго эти строки. Сюда относятся слѣдующіе номера: 43, 44, 51, 53, 54, 57, 58, 59, 60, 61, 63, 64, 66, 76, 102, 109—изъ Инкермана, Качикальона (нынѣ монастырь св. Анастасіи), Черкесь-Кермена, Мармары и деревень Шуры, Лакъ (или же сосѣдняго Керменчика), Фороса, города Θεοδοσίи, Тамани и неизвѣстнаго происхожденія (109), и въ «дополненіяхъ»—43а, 44а, 50а, 51а, 85а, 91а, 91б, 91с.

Несмотря на скромность своихъ свидѣтельствъ, а подъ-часъ и фрагментарность, надписи эти полны живого интереса. Какъ извѣстно, южный Крымъ былъ покинутъ туземнымъ христіанскимъ населеніемъ при Екатеринѣ II до окончательнаго присоединенія страны къ Россіи. Оставленные тогда церкви и кладбища пришли въ запустѣніе и постепенно разрушались; во многихъ мѣстахъ исчезли даже самыя слѣды христіанства, упрочившагося здѣсь еще въ IV вѣкѣ. Запустѣли и пришли въ разрушеніе пещерные монастыри и города, которые, по видимому, еще раньше были оставлены ихъ обитателями въ виду опасности, которую представляли обвалы вслѣдствіе вывѣтриванія скалъ. Выселеніе туземнаго населенія прервало преданіе, а потому исторія Крыма представляется въ настоящее время болѣе темной, чѣмъ то могло бы быть при другихъ условіяхъ. Не малый интересъ имѣетъ по-этому узнать, что въ горной деревнѣ Шуры, какъ она теперь зовется, существовалъ храмъ во имя архангеловъ Михаила и Гавріила, обновленный въ 1594 году (№ 57), что близъ него погребена была нѣкая Калая

(Καλή-Αννα?) въ 1328 году (№ 58), а на окружавшемъ церковь кладбищѣ—нѣкій рабъ Божій Афети въ 1622 году (№ 60), въ эпитафії котораго подлежащее стоитъ въ винительномъ падежѣ.

Эти и подобныя мелкія свидѣтельства, число которыхъ, какъ можно надѣяться, со временемъ увеличится, даютъ просвѣтъ въ исторію христіанскаго Крыма и самымъ мѣстомъ своего нахождения могутъ служить къ разъясненію различныхъ топографическихъ вопросовъ.

Часть перечисленныхъ выше надписей относится къ крымскимъ пещернымъ сооруженіямъ. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ хронологическую дату: 6780 годъ отъ сотворенія міра, т. е. 1272 г. по Р. Х., значитъ на № 32, 6329, т. е. 821,—на № 33 (послѣдняя дата представляетъ, впрочемъ, нѣкоторыя сомнѣнія), 6911, т. е. 1403,—на № 44а; палеографическіе признаки позволяютъ приурочить № 51—къ IX—X вѣкамъ, № 54—къ VI—VII вв.; позволимъ себѣ прибавить приуроченіе № 43—къ XIII—XIV и № 53—къ IX—X вѣкамъ.—Эти надписи суть живыя свидѣтельства о томъ, что крымскія пещерныя церкви были мѣстомъ молитвенныхъ собраній, а монастыри—жилищемъ монаховъ за время отъ IX и до XV вѣка, а, быть можетъ, и XVII (№ 54). При крайней скудости историческихъ свидѣтельствъ о пещерныхъ городахъ, показанія этихъ надписей имѣютъ огромный историческій интересъ. Почтенное изслѣдованіе г. Бертье-Делагарда «Остатки древнихъ сооружений въ окрестностяхъ Севастополя и пещерные города Крыма» (Зап. Одес. Общ. Ист. и Др., т. XIV, 1888) не доведено до конца, и тотъ правильный взглядъ на «пещерные города», а именно, какъ на сооруженія христіанскаго и притомъ довольно поздняго времени, который отстаиваетъ г. Бертье-Делагардъ, не получилъ еще и доселѣ преобладанія. Сопоставленіе, хотя и немногихъ, христіанскихъ надписей, уцѣлѣвшихъ на стѣнахъ пещеръ, будетъ содѣйствовать его распространенію въ средѣ лицъ, интересующихся древними судьбами Крыма.

Коснувшись здѣсь вопроса о пещерныхъ монастыряхъ Крыма, позволимъ себѣ въ заключеніе отмѣтить, что одно сооруженіе такого рода стало недавно извѣстно и за предѣлами этой территоріи, въ самомъ существованіи котораго можно съ большою вѣроятностью признать воздѣйствіе крымскаго христіанскаго населенія на древнюю Русь. Разумѣемъ «скальный монастырь» близъ села Бакоты въ Ушицкомъ уѣздѣ Подольской губерніи между мѣстечкомъ Студеницею и городомъ Старою Ушицею на берегу рѣки Днѣстра. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ проф. Антоновичъ производилъ разслѣдованіе этого интереснаго остатка нашей старины и констатировалъ, какъ явствуетъ изъ его описанія, типъ сооруженія, представляющаго полную аналогію съ пещерными монастырями въ Крыму. На стѣнѣ одной пещеры подлѣ ниши, служившей мѣстомъ погребенія, была найдена надпись такого содержанія: «Григорій оуздыагъ мѣсто се. Благослови Христосъ Григорья ігумена давшаго силу святому Михайлу». Сопоставляя свидѣтельства изъ разныхъ источ-

никовъ, проф. Антоновичъ готовъ предположить, что названный въ надписи игуменъ Григорій есть то самое лицо, о которомъ мы имѣемъ сообщеніе въ Ипатской лѣтописи подь 1262 годомъ, и что въ этомъ именно монастырѣ спасался Войшелкъ Миндовговичъ. Отсылая читателя къ интересной статьѣ проф. Антоновича, помѣщенной имъ въ журналѣ «Кіевская Старина», 1891 годъ, октябрь,—мы позволимъ себѣ только замѣтить, что, быть можетъ, эта надпись, хотя она и славянская, могла бы имѣть нѣкоторое право на включеніе ея въ Сборникъ христіанскихъ надписей юга Россіи въ виду ея нахождения въ пещерномъ монастырѣ.

Юліанъ Кулаковскій.

Μανουὴλ Ἰω. Γεδεών, Προκόννησος ἐκκλησιαστικὴ παροικία,
ναοὶ καὶ μοναί, μητροπολίται καὶ ἐπίσκοποι. Ἐν Κωνσταντι-
νουπόλει. 1895. Σελ. 233 καὶ 4 πίνακες.

Въ Мраморномъ морѣ лежатъ четыре острова — Проконнисъ (Прокόννησος) или Мармара, Авлонія, Афюзія и Куталисъ, составляющіе въ настоящее время Проконнисскую епархію. Въ византійскую эпоху эти острова принимали живое участіе въ церковно-общественной жизни византійской имперіи и, вслѣдствіе своей близости къ столицѣ, были свидѣтелями и политическихъ переворотовъ въ государствѣ, и церковныхъ споровъ, и непріятельскихъ набѣговъ на Византію, и разнообразныхъ культурныхъ перемѣнъ, которыя переживалъ богатый природными дарованіями и эллинскимъ наслѣдіемъ византійскій народъ. Нерѣдко эти острова служили мѣстомъ ссылки различныхъ политическихъ дѣятелей, попавшихъ въ немилость при дворѣ, они же были пріютомъ византійскихъ монаховъ, когда надъ ними разразилась буря иконоборческихъ гоненій; и послѣ, когда смокла иконоборческая гроза, здѣсь сохранилось движеніе въ пользу монашества: возникли новые монастыри и храмы, существовавшіе во всю византійскую эпоху, образовались новыя поселенія, жизнь народная и здѣсь билась въ тактъ съ общегосударственной вплоть до паденія Византіи и заглохла лишь подь игомъ турецкимъ. Въ настоящее время на островахъ сохранились только остатки прежняго величія въ видѣ древнихъ храмовъ и монастырей то уцѣлѣвшихъ, то лежащихъ въ развалинахъ, — въ видѣ надписей, рукописей и другаго матеріала, весьма интереснаго для историка и археолога, такъ какъ по нему можно прочесть исторію острововъ и уяснить ихъ церковно-общественную жизнь въ византійскія времена. Г. Геденъ и взялъ на себя трудъ изучить историко-археологическій матеріалъ, встрѣчающійся на островахъ, и представить данныя относительно ихъ историческаго значенія. Съ этою цѣлью онъ совершилъ въ 1892 году поѣздку на острова, посѣтилъ всѣ болѣе или менѣе достопримѣчательные ихъ пункты, осмотрѣлъ храмы и монастыри, ознакомился съ тамошними рукописями,

узналъ и о современной жизни на островахъ и всѣ свои наблюденія изложилъ въ отмѣченной книгѣ.

Книга г. Гедеона написана по плану очень простому. Посѣтивъ послѣдовательно всѣ острова, онъ описываетъ сперва ихъ отдѣльные пункты и памятники, обративше на себя его вниманіе, а затѣмъ сообщаетъ свѣдѣнія о цѣломъ островѣ. На островѣ Авлоніи, куда г. Гедеонъ прибылъ 29 іюля 1892 года (стр. 9—39), онъ прежде всего посѣтилъ село Алоии, мѣстопребываніе проконнискскаго митрополита Игнатія, отъ котораго получилъ рекомендательное письмо; его поиски за памятниками прошлаго оказались тщетными, и въ селѣ онъ нашелъ только двѣ — три надписи позднѣйшаго времени. Ничего особо примѣчательнаго г. Гедеонъ не встрѣтилъ въ монастырѣ «Παυχῆϊς στὰ δέντρα», постройки коего относятся къ византийскимъ временамъ, и въ обители Παραδείσιου; послѣдняя возстановлена въ 1797 году монахомъ Ниломъ Палеологомъ, въ настоящее время составляетъ метохъ монастыря св. Николая (στὰ Σόρα) на островѣ Андросѣ и имѣетъ до десяти монаховъ; обители принадлежатъ немалыя владѣнія, доходы съ коихъ поступаютъ въ монастырь св. Николая, а на нужды мѣстныхъ жителей ничего не удѣляется; отъ византийской эпохи и здѣсь не осталось слѣдовъ влѣдствіе пожара, разрушившаго нѣкогда обитель. Въ селѣ Χουχλιά вниманіе археолога было обращено на храмъ св. Троицы, построенный въ византийскія времена и сохранившій на своихъ стѣнахъ три древнія надписи. Имѣетъ интересъ для археолога и храмъ св. Анны въ селѣ Βῶρο, въ архитектурѣ коего г. Гедеонъ нашелъ слѣды византийскаго типа; нѣкоторыя иконы храма писаны въ XVIII вѣкѣ; найденная въ селѣ рукопись XVI вѣка содержитъ замѣтки іеромонаха Дамаскина лѣтописнаго характера. Въ монастырѣ св. Аеанасія оказались нѣкоторыя данныя относительно позднѣйшей его исторіи. Въ мѣстности Παση-Λιμῶν сохранились остатки древнихъ построекъ; именно храмъ св. Іоанна Предтечи, по мнѣнію г. Гедеона, воздвигнутъ на основаніи древняго храма, на что указываютъ и сохранившіеся близъ него колонны и саркофагъ безъ надписей. Древнѣйшая стѣна сохранилась и въ другомъ мѣстномъ храмѣ св. Анны; нѣкоторыя особенности имѣются и въ третьемъ храмѣ св. Параскевы. Обзорѣніе археологическихъ древностей Авлоніи г. Гедеонъ закончилъ поѣздкой на островокъ Γερῶν (Γερῶν или Νῆσος τῶν προβάτων), въ храмахъ коего также сохранились архитектурныя слѣды византийской эпохи. Отмѣтивъ различные археологическія памятники Авлоніи, сохранившіеся въ его селахъ и монастыряхъ, г. Гедеонъ далѣе излагаетъ общую исторію острова, приводя свидѣтельства о немъ писателей классическихъ, византийскихъ и новѣйшихъ (стр. 40—57). По его мнѣнію, въ византийскія времена тѣсное общеніе Авлоніи со столицей началось въ царствованіе Юстина и Юстиніана, особенно окрѣпло въ эпоху иконоборства, когда островъ сдѣлался пріютомъ гонимыхъ монаховъ, и продолжалось вплоть до паденія Византіи.

На островѣ Афузіи, куда затѣмъ прибылъ г. Геденъ (стр. 58—68), онъ посѣтилъ села: Арапаръ, гдѣ въ мѣстности св. Константина оказались слѣды византійской эпохи въ видѣ глиняныхъ сосудовъ, но безъ надписей; Афузію, въ храмѣ которой во имя Успенія открыты двѣ надписи, одна XV вѣка, и найдена икона Богоматери отъ 1749 года; монастырекъ св. Георгія, составляющій метохъ Ватопедской обители на Аеонѣ; въ библиотекѣ монастырька, нѣкогда богатой, оказался кодексъ Апостола XVII—XVIII вѣка, творенія Симеона Фессалоникійскаго и Номоканонъ XVIII вѣка; въ другихъ мѣстностяхъ острова найдены развалины древнихъ построекъ. Островъ особенно сталъ извѣстенъ въ исторіи во время иконоборства, когда сюда были сосланы иноки: св. Макарій изъ монастыря τῆς Πελεκήτης въ Виѳиніи, Іоаннъ, игуменъ обители τῶν Καθάρων, Иларіонъ Новый, игуменъ Константинопольскаго монастыря τῶν Δαλμάτων, и другіе (стр. 69—76).

И островъ Кутались былъ издавна населенъ, такъ какъ здѣсь встрѣчаются остатки мраморныхъ колоннъ и разныхъ строительныхъ матеріаловъ эпохи Константина Великаго и Юстиніана. Въ кафедральномъ храмѣ острова во имя Успенія сохранились иконы Спасителя и Богоматери отъ XV вѣка. Въ болѣе древнемъ храмѣ св. Николая имѣются антиминсы 1729 года и Евангеліе 1745 года съ любопытными надписями (стр. 77—86).

Вторая и большая половина книги г. Гедена (стр. 87—215) занята описаніемъ достопримѣчательностей острова Проковниса или Мармара. На этомъ островѣ любознательный археологъ былъ въ значительной степени удовлетворенъ результатами своихъ изысканій. Въ селѣ Мармара онъ обзрѣлъ храмъ во имя свв. мучениковъ Θεодора Тирона и Θεодора Стратилата, гдѣ нашелъ надписи отъ 1594 и 1629 годовъ, касающіяся исторіи храма, а въ другихъ храмахъ села открыты болѣе древнія надписи, текстъ коихъ и предложенъ въ книгѣ. Въ монастырѣ св. Ермолая, нѣкогда богатомъ и независимомъ, а теперь весьма бѣдномъ, найдена надпись отъ 1650 года, біографія святаго со службой (ἀπολουθία) и замѣтки монаха Діонисія, касающіяся монастыря и острова. Нѣсколько надписей открыты г. Геденомъ и въ селахъ Πραχτιῶν и Κλαζαχοῦ; въ послѣднемъ сохранились развалины храмовъ отъ XI вѣка. Монастырекъ св. Георгія, процвѣтавшій въ византійскія времена, былъ возобновленъ въ 1835 году, какъ видно изъ приведеннаго въ книгѣ документа. Въ селѣ Афонни сохранилась замѣчательная драгоценность христіанскаго искусства XVI вѣка—священническая эпитрахиль съ вышитыми золотомъ изображеніями Спасителя, Богоматери, Іоанна Предтечи, Іоанна Милостиваго, Іоанна Златоуста, Василія Великаго, Аѳанасія Великаго, Николая Чудотворца, Епифанія Кипрскаго, Андрея Критскаго и Θεοφάνη Начертаннаго. Въ монастырѣ св. Николая, возникшемъ ранѣе XII вѣка, имѣются слѣды византійской постройки; по мнѣнію г. Гедена, сюда былъ сосланъ императоромъ Михаиломъ Палеологомъ патріархъ Арсе-

ній. Древняго происхожденія и монастырь св. Тимоея, стоящій среди горъ, въ лѣсистой мѣстности. Св. Тимоея жилъ, вѣроятно, въ VIII в., въ эпоху иконоборства, и былъ однимъ изъ иноковъ, пострадавшихъ за свои убѣжденія. Біографія подвижника, изданная Николаемъ Хиліодромевсомъ (Константинополь. 1844), полна грубѣйшихъ ошибокъ и не заслуживаетъ вниманія. Существуютъ на островѣ еще монастыри св. Параскевы и Стилари, не представляющія, впрочемъ, особаго интереса въ археологическомъ отношеніи; послѣдній принадлежитъ Кутлумушскому монастырю на Аеонѣ. Нѣкоторые археологическіе памятники (въ видѣ развалинъ, саркофаговъ, надписей) сохранились въ монастырѣ Кастрелланъ, въ мѣстностяхъ Πατὰς и Ζαλοῦτο, въ деревнѣ Палатія, Галиминъ и др. Общая исторія Проконниса тѣсно связана съ жизнью имперіи. Еще у классическихъ писателей сохранились многочисленныя упоминанія объ островѣ, а въ византійскую эпоху на немъ происходила разнообразная жизнь. Во времена иконоборства Проконнисъ сдѣлался пріютомъ гонимыхъ монаховъ. Тогда на немъ, по мнѣнію г. Гедеона, возникли новые монастыри — св. Тимоея, св. Ермолая, св. Георгія и другіе. При Константинѣ Копронимѣ сюда былъ изгнанъ св. Стефанъ, а послѣ здѣсь жили св. Григорій Декаполитъ, патриархъ Никифоръ, Николай Студитъ. Въ IX—XI вѣкахъ островъ служилъ мѣстомъ заключенія различныхъ почетныхъ узниковъ, вынужденныхъ оставить придворную жизнь. Въ 1204 году островъ былъ покоренъ латинянами, но скоро оказался подъ властью Никейскаго императора и жилъ общею съ имперіей жизнью вплоть до завоеванія Константинополя турками. И въ новѣйшее время онъ нерѣдко упоминается въ историческихъ памятникахъ. Г. Гедеону удалось найти на островѣ и оновѣстить въ своей книгѣ нѣсколько рукописныхъ документовъ различнаго содержанія и эпохи, напримѣръ: опись женскаго приданаго отъ 1684 года, двѣ грамоты о правахъ наслѣдства XVIII вѣка, документы касательно монастырей Богоматери Βεστὶλάριου и св. Параскевы Παράδεισις отъ того же столѣтія, грамоту о залогахъ (τῶν ἀρραβῶνων) митрополита Самуила отъ 1832 года, сигилій вселенскаго патриарха Діонисія IV о монастырѣ св. Ермолая отъ 1672 года. Отмѣтивъ дажѣ мѣстные праздники, г. Гедеонъ въ заключеніи книги предлагаетъ списокъ проконнисскихъ архіереевъ, сперва епископовъ (съ V вѣка), потомъ (съ IX вѣка) архіепископовъ и, наконецъ, митрополитовъ (съ 1821 года), съ краткими свѣдѣніями о каждомъ изъ нихъ. Здѣсь поименованы 42 лица. Таково содержаніе разсматриваемаго сочиненія.

Книга г. Гедеона имѣетъ своею задачею обратить вниманіе археологовъ и историковъ на памятники прошлаго, сохранившіеся на четырехъ островахъ Мраморнаго моря. Разсматриваемая съ этой точки зрѣнія, она можетъ быть признана вполне достаточной. Авторъ осмотрѣлъ многія достопримѣчательности острововъ, инныя только отмѣтилъ, а другія и описалъ, нашелъ новые рукописные матеріалы, хотя и не глубокой древности,

собралъ и историческія свѣдѣнія о церковно-общественной жизни на островахъ, — и все это оповѣстилъ въ своей книгѣ. Его работѣ не достаетъ, правда, глубины и основательности изслѣдованія, но этого и трудно было ожидать отъ автора въ виду непродолжительнаго пребыванія его на островахъ и бѣглаго обзора мѣстныхъ памятниковъ. Нѣтъ въ книгѣ и желательной полноты историческихъ упоминаній объ островахъ, а иногда встрѣчаются и ошибочныя сообщенія. Такъ, приводя указанія о Проконнисѣ, встрѣчающіяся въ памятникахъ исторической литературы, г. Гедеонъ не отмѣтилъ, что въ 1058 году на этомъ островѣ былъ заточенъ императоромъ Исаакомъ Комниномъ патріархъ Михаилъ Керуларій¹⁾. Патріархъ Арсеній Авторіанъ занималъ константинопольскую кафедру не въ XIV вѣкѣ, какъ утверждаетъ г. Гедеонъ (стр. 113), а въ 1255—1260 и 1261—1267 годахъ; затѣмъ, на основаніи свидѣтельства Георгія Пахимера²⁾, совсѣмъ нельзя заключать, будто Арсеній былъ заключенъ императоромъ Михаиломъ Палеологомъ въ монастырѣ св. Николая именно на Проконнисѣ. Тѣмъ не менѣе книга г. Гедеона вполне достигаетъ свой цѣли и доказываетъ еще разъ византологамъ, какая обильная работа предстоитъ имъ на Востокѣ по изученію византійскихъ памятниковъ, какой живой научный интерес могутъ представлять для археологовъ и историковъ даже отдаленные и совсѣмъ забытые уголки нѣкогда славной и мощной Византійской имперіи.

Н. Соколовъ.

2. БИБЛИОГРАФІЯ.

РОССІЯ.

Н. С. Тихонравовъ и С. Долговъ, *Хожденіе священноинокъ Варсонофія ко святому граду Иерусалиму въ 1456 и 1461—1462 годахъ* (Православный Палестинскій Сборникъ, выпускъ 45). Москва. 1896. Стр. LXI+32. — Въ настоящемъ выпускѣ помѣщены описанія двухъ путешествій на востокъ, совершенныхъ въ XV вѣкѣ русскимъ паломникомъ Варсонофіемъ. Эти памятники древне-русской паломнической литературы найдены покойнымъ академикомъ Тихонравовымъ въ одной рукописи XVII вѣка, написанной твердымъ и красивымъ полууставомъ, на языкѣ сѣверо-западномъ. Покойный ученый еще въ 1893 году сдѣлалъ въ засѣданіи Славянской Комиссіи Императорскаго Археологическаго Общества сообщеніе о первомъ хожденіи Варсонофія, въ коемъ указалъ на особенности памятника и выяснилъ его научное значеніе. Это сообщеніе безъ измѣненія и напечатано въ разсматриваемомъ изданіи (стр. III—XXVI). Ко второму хожденію Варсонофія написано обстоятельное введеніе г. Долго-

1) Ioannis Scylitzae Curopalatae historia, p. 644. Bonnae. 1839.

2) Georgius Pachymeres, De Michaële et Andronico Palaeologis, p. 271. Bonnae.

вымъ (стр. XXVII—LXI), а затѣмъ слѣдуютъ и хожденія (стр. 1—25), напечатанныя церковно-славянскимъ шрифтомъ, съ удержаніемъ правописанія и сокращеній рукописнаго текста. По мнѣнію г. Долгова, авторъ хожденій Варсонофій былъ іеромонахъ, жившій или въ Кіевѣ, или въ мѣстности близъ Кіева; но говоръ его не кіевскій, не южно-русскій: въ его языкѣ преобладаютъ черты сѣверо-западнаго говора, т. е. смоленскаго или полоцкаго. Ходилъ онъ во Святую Землю дважды: первый разъ въ 1456 году, во второй—въ 1461—1462 г.г. Вѣроятно, по возвращеніи изъ втораго хожденія Варсонофій былъ избранъ игуменомъ на Бѣльчицѣ, а со временемъ перешелъ игуменомъ же въ Новгородъ, передавъ свой постъ ученику Іоакиму; въ Новгородѣ онъ былъ духовникомъ владыки Іоны. Что касается хожденій Варсонофія, то первое изъ нихъ было совершено такимъ путемъ: изъ Кіева паломникъ отправился чрезъ Бѣлгородъ въ Царьградъ, отсюда на Критъ, Родосъ, Кипръ, въ Лаодикію, потомъ въ Триполь, Бейрутъ и Дамаскъ, гдѣ прожилъ двѣ недѣли, а затѣмъ выбылъ во святой градъ Іерусалимъ. Здѣсь Варсонофій прожилъ два мѣсяца и обходилъ всѣ святыя мѣста. Въ хожденіи содержатся любопытныя свѣдѣнія о святыняхъ Іерусалима и его окрестностей—горы Сіонской, Геесимани, Елеонской горы, Виваніи, лавры св. Саввы, Внелеема, монастырей Ханень и Креста, — дополняющія и исправляющія сообщенія другихъ паломниковъ. Разсказъ Варсонофія отличается непосредственностью и простотой, сохраняетъ свѣжесть и теплоту впечатлѣнія, такъ какъ наблюдательный и добросовѣстный іеромонахъ описывалъ то, что видѣлъ, для себя, а не для назиданія читателей. Второе хожденіе въ Іерусалимъ совершено Варсонофіемъ инымъ путемъ — чрезъ Египетъ и Синай, святыни которыхъ онъ также подробно описалъ. Особый интересъ имѣютъ извѣстія о Синаѣ, такъ какъ Варсонофій былъ первымъ изъ русскихъ паломниковъ, описавшихъ св. гору Синайскую. Его описаніе по точности и обилію приводимыхъ свѣдѣній стоитъ гораздо выше позднѣйшихъ паломническихъ извѣстій до-Петровской Руси и не уступаетъ даже западнымъ и греческимъ современнымъ сообщеніямъ о Синаѣ. Къ сожалѣнію, рукопись втораго хожденія обрывается на разсказѣ объ отправленіи Варсонофія изъ Синайскаго монастыря въ Ранау.

Настоящій выпускъ «Православнаго Палестинскаго Сборника» посвященъ памяти Н. С. Тихонравова и служить, конечно, однимъ изъ листковъ того нетлѣннаго вѣника, который окружаетъ незабвенный обликъ покойнаго ученаго, открывшаго опубликованный здѣсь замѣчательный литературный памятникъ.

Архимандритъ Леонидъ, *Хожденіе архимандритъ Агревеня обители Пресвятыя Богородица около 1370 года* (Православный Палестинскій Сборникъ, выпускъ 48). С.-Петербургъ. 1896. Стр. X+36.—И это изданіе посвящено памяти одного изъ видныхъ представителей русской науки, отца архимандрита Леонида (+ 1891 г.), намѣстника Свято-Троицкой Сергіевой

лавы, и есть послѣдній трудъ покойнаго паломника-писателя, много работавшаго въ пользу изученія православнаго востока. Помѣщенный здѣсь памятникъ древне-русской паломнической литературы взятъ изъ принадлежащаго церковно-археологическому музею при Кіевской духовной академіи хронографа, писаннаго въ XV и XVI вѣкахъ, подъ № 174. По мнѣнію компетентнаго издателя, находящееся въ этой рукописи хожденіе принадлежитъ архимандриту Агриппину (Агриппію или Агриппѣ), а не Григентію, какъ думалъ преосвященный Филаретъ Черниговскій, и не Греенью, какъ предполагалъ г. Горожанскій. Паломникъ былъ архимандритомъ монастыря Пресвятой Богородицы въ Смоленскѣ, откуда онъ и выступилъ въ странствованіе. Эта обитель была основана смоленскимъ епископомъ Игнатіемъ (+ 1206 г.) и по имени перваго своего настоятеля, преподобнаго Авраамія, называлась иначе Аврамьевою. На основаніи нѣкоторыхъ данныхъ въ содержаніи памятника и особенностей его языка архимандритъ Леонидъ съ нѣкоторою вѣроятностью заключаетъ, что хожденіе Агреенья относится къ семидесятымъ годамъ XIV столѣтія, и значитъ, Агрееній въ хронологическомъ порядкѣ въ числѣ русскихъ паломниковъ-писателей долженъ занять второе мѣсто, именно послѣ игумена Данила. Его хожденіе отличается полнотою описанія и систематичностью изложенія; подобно хожденію игумена Данила, оно раздѣлено на главы, которыя вѣроятно были писаны тотчасъ или вскорѣ послѣ осмотра св. мѣстъ, и потому носить на себѣ печать свѣжести и внимательнаго изученія описываемыхъ мѣстъ и предметовъ. И въ этомъ отношеніи хожденіе архимандрита Агреенья можетъ быть поставлено вслѣдъ за произведеніемъ перваго русскаго паломника-писателя. Въ немъ, въ частности, описываются святыни Иерусалима, Геесиманіи, Галилейской (Елеонской) горы, Вифлеема, Вифаніи, Назарета, монастыри св. Герасима и св. Саввы. Къ изданію приложенъ палеографическій снимокъ съ первой страницы рукописи.

Настоящимъ выпускомъ Императорское Православное Палестинское Общество закончило научное изданіе всѣхъ извѣстныхъ русскихъ паломниковъ-писателей до-Петровскаго времени.

Епископъ Арсеній, *Николая Гидрунтскаго (Отрантскаго), игумена греческаго монастыря въ Казулахъ, три записи о собесѣдованіяхъ грековъ съ латинянами по поводу разностей въ вѣрѣ и обычаяхъ церковныхъ. Греческій текстъ и русскій переводъ.* Новгородъ. 1896. Стр. 76. — Изданные въ настоящей брошюрѣ памятники византійской литературы заимствованы изъ рукописи Московской Синодальной библіотеки № 240. Они принадлежатъ Николаю, игумену греческаго монастыря св. Николая въ мѣстности *Κασούλων*, близъ Отранто, и заслуживаютъ вниманія, какъ единственное, по мнѣнію почтеннаго издателя, свидѣтельство попытки римской церковной власти устранить, путемъ словесныхъ обсужденій, вѣроисповѣдныя несогласія во вновь основанной на востокѣ латинской имперіи, убѣдить грековъ подчиниться римскимъ догматамъ и обрядамъ и

признать папу главою церкви. При собесѣдованіяхъ грековъ съ латинянами со стороны папы выступилъ его легатъ, кардиналъ Венедиктъ, дѣйствовавшій въ латинской имперіи съ мая 1205 года, а игуменъ Николай былъ посредникомъ и переводчикомъ; онъ записалъ эти собесѣдованія на греческомъ языкѣ, а потомъ, по порученію Венедикта, перевелъ свои записи и на латинскій языкъ. Объ этихъ произведеніяхъ упоминаетъ, между прочимъ, Аляцій въ двухъ главныхъ своихъ трудахъ. Эти именно записи, въ числѣ трехъ, и издалъ въ настоящей брошюрѣ преосвященный Арсеній. Въ первой изъ нихъ (стр. 7—23) обозрѣвается въ православномъ смыслѣ ученіе объ исхожденіи Святаго Духа, направленное противъ латинскаго мудрованія, во второй (стр. 24—59) — вопросъ о причащеніи кваснымъ хлѣбомъ и въ третьей (стр. 60—76) — о пощеніи въ субботу, бракахъ священниковъ и о литургіи въ четыредесятницу. Кроме того, въ началѣ брошюры (стр. 4—6) помѣщенъ отрывокъ изъ «разговора» кардинала Венедикта съ греческими монахами въ 1207 году, записанный, вѣроятно, тѣмъ же Николаемъ; онъ взятъ изъ рукописнаго сборника № 313 Московской Синодальной библіотеки. — Издавши указанные греческіе памятники полемиической литературы, преосвященный Арсеній перевелъ ихъ на русскій языкъ и по обычаю снабдилъ примѣчаніями, поясняющими текстъ, и небольшимъ введениемъ.

Епископъ Арсеній, *Георгія Схоларія, впомощствіи Геннадія, патріарха Константинопольскаго, разговоръ. Греческій текстъ и русскій переводъ.* Новгородъ. 1896. Стр. 1—62. — Опубликованное преосвященнымъ Арсеніемъ новое сочиненіе константинопольскаго патріарха Геннадія Схоларія по своему содержанію представляетъ разговоръ (διάλογος) по вопросу объ исхожденіи Св. Духа. Бесѣда ведется между тремя лицами — Ольвіаномъ, Евлогіемъ и Венедиктомъ, изъ которыхъ первые двое держатся православнаго образа мыслей, а послѣдній раздѣляетъ латинское ученіе объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына (filioque). Мнѣніе Венедикта обстоятельно обсуждается сперва Евлогіемъ, а потомъ Ольвіаномъ, и оба они на основаніи святоотеческаго ученія и историческихъ данныхъ доказываютъ его несостоятельность. Но Венедиктъ остался при своемъ убѣжденіи. Настоящее произведеніе Геннадія Схоларія издано преосвященнымъ Арсеніемъ по рукописи Московской Синодальной библіотеки № 243 каталога архимандрита Владиміра. Предложивши греческій его текстъ, ученый архипастырь снабдилъ его прекраснымъ переводомъ на русскій языкъ и сдѣлалъ краткія подстрочныя примѣчанія въ поясненіе нѣкоторыхъ мѣстъ произведенія. Разсматриваемое изданіе епископа Арсенія знакомитъ византологовъ съ новымъ памятникомъ литературной дѣятельности знаменитаго патріарха Геннадія Схоларія, прекрасно характеризующимъ образъ мыслей и настроеніе латиномыслящихъ грековъ, которые, отставши по земнымъ побужденіямъ отъ православной вѣры, не могли еще окончательно усвоить латинскія воззрѣнія и старались соб-

ственными измышлениями успокоить себя и облегчить свой переходъ въ латинство.

А. Пападопуло-Керамевсъ, Святѣйшаго патріарха Фотія, архіепископа константинопольскаго, XLV неизданнымъ писемъ. Издано по аѳонскимъ рукописямъ. Спб. 1896. Стр. XVI—130. — Опубликованныя г. Пападопуло-Керамевсомъ въ настоящемъ изданіи письма патріарха Фотія заимствованы имъ изъ двухъ аѳонскихъ кодексовъ, одинъ изъ которыхъ находится въ монастырѣ св. Діонисія (№ 163), а другой въ Иверскомъ монастырѣ (№ 684). Первый кодексъ, изъ котораго взято двадцать четыре письма, относится къ XVII вѣку, а второй, содержащій двадцать одно письмо, написанъ въ XVI столѣтіи. Всѣ эти письма важны во многихъ отношеніяхъ. Письма, находящіяся въ Діонисіатскомъ кодексѣ, имѣютъ характеръ правоучительный и полны мудрыхъ наставленій, касающихся различныхъ сторонъ нравственной жизни. Письма же, взятые изъ кодекса Иверскаго монастыря, большею частію полезны въ историческомъ отношеніи; одни изъ нихъ адресованы къ извѣстнымъ въ исторіи лицамъ, съ которыми Фотій находился въ постоянной перепискѣ, напр., къ Михаилу, князю Болгарскому (письмо 13), Георгію, митрополиту никомидійскому (письмо 16), Теофану, архіепископу кесарійскому (письмо 19); а другія даютъ новый матеріалъ для характеристики личности Фотія и его высокихъ достоинствъ, напр., письма къ Павлу, архіепископу ѳессалоникійскому, и Митрофану, архіепископу смирнскому (20 и 21). Кромѣ писемъ, въ приложеніи къ изданію г. Пападопуло-Керамевса помѣщены отрывки толкованій патріарха Фотія на евангеліе отъ Луки, взятые изъ 371 кодекса Иверскаго на Аѳонѣ монастыря отъ XII вѣка, и восемь ямбическихъ ирмосовъ, положенныхъ на гласы, принадлежащихъ тому же патріарху; они заимствованы изъ пергаментнаго ирмологія X вѣка въ бібліотекѣ Аѳонской лавры св. Аѳанасія. Въ предисловіи къ изданію говорится о значеніи издаваемыхъ писемъ патріарха Фотія и подробно описывается Иверскій кодексъ подъ № 684, а въ заключеніи предложены указатели пословицъ, встрѣчающихся въ письмахъ, изреченій св. Писанія, собственныхъ именъ и всѣхъ словъ, а также начальныя слова каждаго письма. Таковъ составъ новаго изданія г. Пападопуло-Керамевса. Безспорно, оно имѣетъ немалую научную цѣнность, дополнивъ ранѣе извѣстное число (266) писемъ патріарха Фотія достаточнымъ количествомъ новыхъ, изданныхъ тщательно и умѣло.

Григорій Церетели, Сокращенія въ греческихъ рукописяхъ преимущественно по датированнымъ рукописямъ С.-Петербурга и Москвы. Съ 30 таблицами. С.-Петербургъ. 1896. Стр. XLIII—226. — Книга г. Церетели состоитъ изъ введенія, текста изслѣдованія, списка рукописей съ указаніемъ заимствованныхъ изъ каждой сокращеній и приложенія въ видѣ таблицъ. Во введеніи (стр. I—XLIII) авторъ обзрѣваетъ различные способы сокращеній, встрѣчающихся въ рукописяхъ, и съ особою обстоятельностью излагаетъ очеркъ исторіи тахиграфической или стенографич-

ческой системы рукописныхъ сокращеній, состоявшей въ правильной и послѣдовательной замѣнѣ конечныхъ слоговъ и наиболѣе употребительныхъ словъ особыми значками, ведущими свое начало отъ древне-греческой тахиграфіи. Въ заключеніи обзора (стр. XLIII) авторъ пишетъ, что уже въ рукописяхъ I—II вѣковъ по Р. Х. замѣтно небольшое вліяніе греческой тахиграфіи, выразившееся въ появленіи нѣсколькихъ значковъ несомнѣнно тахиграфическаго характера. Въ рукописяхъ послѣдующаго времени до VII вѣка включительно это вліяніе не усиливается и значки какъ тахиграфическіе, такъ и не-тахиграфическіе встрѣчаются въ рукописяхъ очень рѣдко. Съ наступленіемъ VII вѣка вліяніе тахиграфіи дѣлается ощутительнѣе и число тахиграфическихъ знаковъ значительно увеличивается, хотя развивающіеся наравнѣ съ ними значки не-тахиграфическіе пользуются сначала болѣшимъ распространеніемъ и даже отличаются болѣею систематичностью. Въ IX вѣкѣ вмѣстѣ съ преобразованиемъ курсива въ письмо строчное начинается преобразование тахиграфическихъ знаковъ, заключающееся въ томъ, что они входятъ въ рамки опредѣленной системы и подчиняются своего рода правиламъ относительно постановки. Въ X вѣкѣ тахиграфическіе значки, представляющіе собою уже общепринятую систему, продолжаютъ увеличиваться въ числѣ, отодвигаютъ на второй планъ значки не-тахиграфическіе и вмѣстѣ съ тѣмъ начинаютъ подвергаться нѣкоторымъ измѣненіямъ со стороны формы. Сначала, пока среди писцовъ встрѣчались люди, знакомые съ тахиграфіей, въ этихъ измѣненіяхъ не было ничего случайнаго или произвольнаго, но вскорѣ, именно къ концу XI вѣка, система сокращеній, оставаясь общепринятою, теряетъ тахиграфическій характеръ и дѣлается для писцовъ непонятною, но вмѣстѣ съ тѣмъ необходимою принадлежностью письма. Въ рукописяхъ XIII вѣка постепенное извращеніе общепринятой системы дѣлается еще сильнѣе, и, наконецъ, въ XV вѣкѣ тахиграфическіе знаки получаютъ такіа причудливыя формы, что лишь путемъ историческаго сравненія можно найти ихъ первоначальную чисто-тахиграфическую основу.—Въ текстѣ изслѣдованія (стр. 1—152) г. Церетели указываетъ и описываетъ тахиграфическіе знаки, употреблявшіеся при написаніи отдѣльныхъ буквъ—гласныхъ, согласныхъ и двугласныхъ, слоговъ и цѣлыхъ словъ. Авторъ по возможности излагаетъ постепенное развитіе каждаго тахиграфическаго знака и слѣдитъ за его исторіей до XV вѣка, подтверждая свои взгляды многочисленными примѣрами. Въ спискѣ кодексовъ, изъ которыхъ г. Церетели заимствовалъ сокращенія и которые помѣщены у него вслѣдъ за текстомъ съ указаніемъ взятыхъ изъ каждаго сокращеній (стр. 153—223), отмѣчено до 400 рукописей; онѣ расположены въ хронологическомъ порядкѣ. Находящіяся въ приложеніи таблицы, числомъ 30, служатъ прекрасною иллюстраціей къ тексту, такъ какъ содержатъ примѣры на всѣ тахиграфическіе знаки, описанные въ изслѣдованіи.

Книга г. Церетели весьма полезна для изучающих греческую палеографию.

В. М. Грибовскій, *приватъ-доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета. Народъ и власть въ византійскомъ государствѣ. Опытъ историко-догматическаго изслѣдованія.* С.-Петербургъ. 1897. Стр. XXII+411.— Будетъ особая рецензія.

А. П. Лебедевъ, *Эпоха гоненій на христіанъ и утвержденіе христіанства въ греко-римскомъ мірѣ при Константинѣ Великомъ.* Изданіе второе. Москва. 1897. Стр. 362.— Означенная книга составляетъ второй томъ предпринятаго проф. А. П. Лебедевымъ второго изданія собранія его церковно-историческихъ сочиненій и вышла въ свѣтъ безъ всякаго измѣненія сравнительно съ первымъ изданіемъ 1885 года. По своему содержанию книга раздѣляется на два отдѣла, въ которыхъ имѣется семь главъ, кромѣ введенія и приложенія. Въ введеніи (стр. 1—32) почтенный ученый уясняетъ причины гоненій на христіанъ во II, III и началѣ IV вѣка и намѣчаетъ задачи и планъ изслѣдованія. Причины гоненій были троякаго рода: 1) государственныя, вытекавшія изъ языческой идеи государства, считавшаго себя въ правѣ полновластно распоряжаться всею жизнью гражданъ и въ частности ихъ религіей и столкнувшася съ открыто заявленнымъ стремленіемъ христіанъ выдти изъ-подъ государственнаго контроля въ своей религіозной жизни и убѣжденіяхъ; 2) религіозныя или религіозно-политическія, созданныя ревностнымъ охраненіемъ со стороны римскаго правительства исключительно правъ отечественной религіи съ ея «культомъ цезарей», лишившимъ возможности христіанство, какъ религію новую и неизвѣстную, воспользоваться толерантносью на ряду съ другими религіями иностранныхъ народовъ; 3) общественныя, происходившія изъ нерасположенія къ христіанамъ со стороны языческаго общества въ лицѣ императора, перваго члена общества, философовъ и ученыхъ, административныхъ классовъ и народныхъ массъ. Въ первой главѣ изслѣдованія (стр. 33—65) описывается гоненіе на христіанъ императора Траяна (99—117 г.). Сдѣлавъ характеристику Траяна и выяснивъ причины предпринятаго имъ гоненія, авторъ останавливается на личности Плинія Младшаго и рассказываетъ объ участіи его въ гоненіи, излагаетъ содержаніе указа Траяна, которымъ предписывалось гоненіе, и описываетъ мученическую кончину Симеона, епископа Иерусалимскаго, и св. Игнатія Богоносца, при чемъ предлагаетъ обстоятельный анализъ мученическихъ актовъ славнаго антиохійскаго епископа. По аналогичному плану профессоръ Лебедевъ описываетъ во второй главѣ (стр. 66—98) гоненіе Марка Аврелія (161—180 г.), анализируя мученическіе акты св. Поликарпа Смирнскаго, Лионскихъ и Вьенскихъ мучениковъ,— въ третьей главѣ (стр. 99—117) — гоненіе Декія (249—251 г.) съ подробной характеристикой его особенностей, въ четвертой (стр. 118—130) — гоненіе Валеріана (253—259 г.) и въ пятой главѣ (стр. 131—193) — гоненіе Діоклетіана, его соправителей и преем-

никовъ (303—311 г.). Описавъ гоненія на христіанъ во II, III и началѣ IV вѣка, проф. Лебедевъ во второмъ отдѣлѣ своей книги занялся обзорнѣе обстоятельствомъ, при которыхъ христіанская религія изъ гонимой сдѣлалась господствующей. Въ шестой главѣ (стр. 194—271) онъ говоритъ о такъ называемыхъ толерантныхъ указахъ касательно христіанъ, изданныхъ языческими императорами: Адрианомъ (117—138 г.), Антономъ Пиемъ (138—161 г.), Септимиемъ Северомъ (193—211 г.), Галліеномъ (260—268 г.) и Галеріемъ (302—311 г.) и подготовлявшихъ почву для знаменитой законодательной реформы Константина Великаго. Въ седьмой и послѣдней главѣ (стр. 272—331) рѣчь идетъ о торжествѣ христіанства надъ язычествомъ при Константинѣ Великомъ, который и характеризуется здѣсь со стороны умственной, нравственно-религіозной и со стороны всей своей дѣятельности, направленной къ торжеству христіанства надъ язычествомъ. Въ приложеніи къ книгѣ (стр. 332—362) обозрѣвается новѣйшая литература о мученической кончинѣ св. Поликарпа, именно работы Липсиуса, Гильгенфельда, Обз, Гебгардта, Кейма, Визелера, Ренана, Ревилля и Ульгорна.

Па. Соколовъ, *Церковно-имущественное право въ греко-римской имперіи. Опытъ историко-юридическаго изслѣдованія. Диссертация на степень магистра*. Новгородъ. 1896. Стр. 300. — Книга г. Соколова состоитъ изъ введенія, шести главъ изслѣдованія и заключенія. Во введеніи авторъ прежде всего (стр. 7—9) устанавливаетъ понятіе о церковномъ имуществѣ, которое онъ разумѣетъ въ смыслѣ имущества, назначеннаго на удовлетвореніе нуждъ церкви и служащаго средствомъ для осуществленія ея задачъ, а затѣмъ (стр. 11—15) указываетъ источники и литературу вопроса. Глава первая (стр. 17—82) разсматриваетъ объекты церковнаго имущества и раздѣляется по содержанию на двѣ части. Въ первой обозрѣваются каноническія постановленія о священнѣхъ мѣстахъ (*ισοί τόποι*), храмахъ (*ναός, ἐκκλησία*), молитвенныхъ домахъ (*εὐκτήριο οἶκος*) и священной утвари (*ἱερὰ σκεῦη*), а во второй указываются средства охраны церковнаго имущества въ свѣтскомъ правѣ при посредствѣ институтовъ: *locus religiosus*, *res sacrae* и *dominium sub modo*. Во второй главѣ (стр. 83—124) опредѣляются субъекты церковнаго имущества по римско-византійскому праву, къ которымъ относятся: епископія, католическія церкви, сельскія церкви и монастыри. Въ главѣ третьей (стр. 125—171) рѣчь идетъ о правоспособности и дѣеспособности субъектовъ церковнаго имущества и прежде всего о способахъ приобрѣтенія имуществъ церковью посредствомъ сдѣлокъ съ частными лицами (*negotia*), т. е. путемъ *negotia mortis causa* и *negotia inter vivos*, и въ силу закона (*ex lege*), т. е. *hereditas ab intestato* и *jura ex delicto*, а затѣмъ опредѣляются права монастыря на имущества монашествующихъ. Четвертая глава (стр. 172—214) говоритъ о неотчуждаемости церковныхъ имуществъ; здѣсь сообщается, что даже въ Юстиніановомъ законодательствѣ неотчуждаемость признавалась неполно, и что, напротивъ, византій-

скій законъ допускалъ два рода отчужденій церковныхъ имуществъ — отчужденіе принудительное (экспроприація) и отчужденіе по договорамъ; сказавши объ отношеніи закона къ тому и другому, о формальностяхъ при отчужденіи и послѣдствіяхъ отчужденія неправильнаго, авторъ объясняетъ причину отсутствія въ Византіи законовъ о такъ называемой *manus mortua* («мертвая рука»). Въ главѣ пятой (стр. 215—255) сообщается объ органахъ церковноимущественнаго управленія и ихъ отвѣтственности, именно — указываются органы управленія епископіей и другими церковными учрежденіями, опредѣляется такъ называемое киторское право и рассматриваются органы надзора за управленіемъ церковными имуществами. Глава шестая (стр. 256—296) обобщаетъ права въ церковныхъ имуществѣхъ, при чемъ, въ частности, говорится о содержаніи клириковъ, распаденіи церковныхъ имуществъ на массы со спеціальнымъ назначеніемъ, о клирикатахъ и адельфатахъ. Наконецъ, въ заключеніи (стр. 297—300) высказывается общій взглядъ на византійское церковноимущественное право и его отношеніе къ праву древнерусскому. Книга г. Соколова написана вполне научно.

Г. Ф. Герцбергъ, *Исторія Византіи. Переводъ, примѣчанія и приложения П. В. Безобразова*. Москва. 1897. Стр. 674. — Во введеніи къ своему труду Герцбергъ заявляетъ, что онъ не ставитъ себѣ задачей входить во всѣ подробности византійской исторіи до паденія послѣдняго Палеолога, но намѣренъ только, насколько позволяютъ современныя спеціальныя изслѣдованія, прослѣдить въ общихъ чертахъ судьбу византійской имперіи до выступленія османовъ на сцену восточной исторіи. Въ виду того, что она не составляетъ труда новаго и неизвѣстнаго читателямъ «Византійскаго Временника», мы находимъ возможнымъ не входить въ подробный обзоръ ея обширнаго содержанія, а напомнимъ только о ея составѣ.

«Исторія Византіи» состоитъ изъ двухъ частей. Въ первой части излагается исторія византійской имперіи до завоеванія Константинополя латинянами въ 1204 году, а во второй — отъ четвертаго крестоваго похода до завоеванія Константинополя турками-османами въ 1453 году. Въ свою очередь, каждая часть дѣлится на отдѣлы. Первый отдѣлъ первой части рассматриваетъ исторію византійской имперіи отъ Юстиніана I до конца Македонской династіи и состоитъ изъ трехъ главъ. Въ первой изъ нихъ (стр. 3—62) обобщается романская эпоха византійской имперіи, во второй (стр. 62—89) византійская культура этой эпохи и въ третьей (стр. 90—196) эпоха иконоборческая и періодъ царствованія Македонской династіи. Второй отдѣлъ первой части рассматриваетъ исторію Византіи отъ Василія II до четвертаго крестоваго похода и дѣлится на двѣ главы, въ первой изъ которыхъ (стр. 197—311) излагается исторія Комниновъ, а во второй (стр. 311—360) рѣчь идетъ о разложеніи византійскаго царства въ концѣ XII и началѣ XIII вѣка. Вторая часть книги Герцберга состоитъ изъ трехъ отдѣловъ. Въ пер-

вомъ, посвященномъ франкамъ и византіянамъ до новаго приобрѣтенія Константинополя Палеологами, глава первая (стр. 361—383) говоритъ о латинскихъ феодальныхъ государствахъ и греческой реакціи на развалинахъ византійскаго царства, а вторая (стр. 384—410) о возстановленіи византійскаго царства. Отдѣлъ второй, занятый обзоромъ царствованія Палеологовъ до завоеванія Адрианополя османами, въ первой главѣ (стр. 411—432) сообщаетъ о царѣ Михаилѣ VIII, о сербахъ и османахъ, во второй (стр. 432—461) излагаетъ исторію Балканскаго полуострова и Леванта до смерти царя Андроника III и въ третьей (стр. 461—499) говоритъ о Стефанѣ Душанѣ, Кантакузинѣ и переходѣ османовъ въ Европу. Наконецъ, въ третьемъ отдѣлѣ обозрѣвается исторія Балканскаго полуострова до завоеванія Константинополя османами, именно въ первой главѣ (стр. 499—523) рѣчь идетъ о султанахъ Мурадѣ I и Баязидѣ I, а во второй (стр. 523—580) о завоеваніи Константинополя турками въ 1453 году.

Къ тексту Герцберга переводчикъ, г. Безобразовъ, сдѣлалъ много примѣчаній, иногда довольно обширныхъ, въ поясненіе, дополненіе и исправленіе мнѣній нѣмецкаго историка, а въ концѣ книги (стр. 581—674) помѣстилъ семь составленныхъ имъ приложеній на слѣдующія темы: 1) Большой дворецъ и придворный церемоніаль, 2) Ремесленные и торговыя корпораціи, 3) Крестьяне, 4) Крестьянская община и земледѣльческій уставъ, 5) Мѣры въ защиту крестьянскаго землевладѣнія и зарѣпощеніе крестьянъ, 6) Положеніе крѣпостныхъ, крестьянскіе надѣлы и писцовыя книги и 7) Податная система и злоупотребленія сборщиковъ податей.

Выборъ книги Герцберга для ознакомленія русскихъ читателей съ исторіей Византіи можно признать удачнымъ. Въ ней довольно умѣло изображается въ общихъ чертахъ судьба этого замѣчательнаго государства съ VI-го до половины XV-го столѣтія, въ духѣ умѣренномъ, языкомъ яснымъ, при помощи солиднаго знакомства съ предшествовавшими общими и спеціальными трудами западныхъ ученыхъ. Цѣнность книги зависитъ и отъ ученыхъ примѣчаній, которыми снабдилъ ее авторитетный русскій переводчикъ, и приложеній, въ которыхъ трактуются не нашедшіе себѣ мѣста въ книгѣ Герцберга интересные вопросы социальнаго характера, разработанные г. Безобразовымъ на основаніи русскихъ изслѣдованій. Текстъ книги иллюстрированъ многочисленными рисунками. Интересующимся византійской исторіей читателямъ «Исторія Византіи» въ переводѣ г. Безобразова окажетъ немалую пользу.

Гастонъ Додю, *Исторія монархическихъ учреждений въ латинско-іерусалимскомъ королевствѣ (1099—1291 г.). Переводъ съ французскаго.* С.-Петербургъ. 1897. Стр. VIII + 357. — Исторія монархическихъ учреждений, организованныхъ латинянами въ іерусалимскомъ королевствѣ, интересна не только въ виду недостаточной ея научной разработки въ европейской литературѣ, но и по той аналогіи, которая существуетъ между

управленіемъ, установленнымъ крестоносцами на востокѣ, съ учрежденіями Франціи. Желая восполнить указанный научный пробѣлъ, Гастонъ Додю и поставилъ цѣлью своей книги изслѣдовать вопросъ, какимъ образомъ управлялись латиняне королями своей расы въ покоренной ими странѣ. При этомъ онъ особенно имѣлъ въ виду опредѣлить, какое положеніе занимала латинская монархія въ той политической и соціальной средѣ, въ которой она возникла, а съ цѣлью лучшаго изученія монархическихъ учрежденій онъ оставилъ въ сторонѣ вопросы частнаго права. Свое изслѣдованіе авторъ распространилъ на весь періодъ существованія латинскаго королевства, отъ завоеванія Іерусалима въ 1099 году до паденія Сень-Жанъ-д'Акры въ 1291 году. Благодаря такому пониманію своей задачи, Додю имѣлъ возможность представить общую картину политической и административной дѣятельности королевской власти въ латинской монархіи. Свою задачу онъ выполнилъ слѣдующимъ образомъ. Въ предисловіи книги (стр. I—VIII) опредѣляется цѣль работы и намѣчается планъ, а во введеніи (стр. 1—69) обозрѣвается литература предмета, критически разсматриваются историческія сочиненія (латинскія, греческія, армянскія и арабскія), законодательные тексты и грамоты, легшія въ основу изслѣдованія, и указываются новѣйшіе историческіе труды по интересующему автора вопросу. Въ главѣ первой (стр. 70—100) опредѣляется географическое положеніе латинскаго королевства и характеризуется отношеніе латинскихъ государей къ представителямъ высшаго феодализма. Во второй главѣ (стр. 101—165) указываются общія и существенныя черты королевской власти, — разсматривается, въ какомъ порядкѣ передавалась корона и въ какомъ отношеніи находилась верховная власть къ правамъ аристократіи. Въ третьей главѣ (стр. 166—223) обращается вниманіе на организацію самой важной изъ общественныхъ функций латинскаго государства — на военную службу, изслѣдуется военная власть короля и феодальная служба въ ея внутреннемъ устройствѣ, опредѣляется роль на востокѣ двухъ военныхъ орденовъ — тамплиеровъ и госпитальеровъ. Въ главѣ четвертой (стр. 224—248) изслѣдуется финансовое и матеріальное положеніе королевской власти, указываются доходы и расходы короля. Въ главѣ пятой (стр. 249—292) рѣчь идетъ о системѣ правосудія въ латинскомъ королевствѣ, а въ шестой (стр. 293—343) разсматриваются организація духовенства, степень его могущества и характеръ отношеній къ свѣтской власти. Наконецъ, въ заключеніи (стр. 344—350) резюмируются существенные результаты изысканій автора и представлена синтетическая картина правительственной организаціи въ латинско-іерусалимскомъ королевствѣ.

Книга Гастона Додю написана старательно и научно. Переводъ ея на русскій языкъ нельзя не признать дѣломъ полезнымъ.

Лѣтопись Историко-Филологическаго Общества при Императорскомъ Новороссійскомъ Университетѣ. VI. *Византійское отдѣленіе. III.* Одесса. 1896. — Составъ означенной книги таковъ:

1. С. Паладимитріу, *Стефанъ Салмикисъ и его стихотвореніе Ἀφῆγησις παρὰ ξένου* (съ двумя фотографическими снимками) и Πάρρηγα (стр. 1—278). См. Визант. Времен., т. III, вып. 3 и 4, стр. 680—685.

2. Θ. Е. Коршъ, *Мысли о происхожденіи ново-греческаго языка* (стр. 279—294). Въ этомъ докладѣ почтенный ученый уясняетъ вопросъ о происхожденіи того языка, на которомъ говорили византійскіе греки и на которомъ говорятъ и ихъ потомки, наши современники. По его мнѣнію, уже въ концѣ V вѣка до Р. Х., въ эпоху пелопоннискон войны и возвышенія аѳинской образованности на степень общегреческой, въ равномерномъ развитіи древне-греческаго языка наблюдается переломъ, выразившійся въ томъ, что границы между отдѣльными нарѣчіями стали стираться и одно нарѣчіе стало переходить въ другое. Въ IV вѣкѣ, когда усилилось духовное преобладаніе Аѳинъ и когда между греческими племенами возникли болѣе тѣсныя и частыя сношенія, взаимодѣйствіе греческихъ нарѣчій возрасло. Съ половины IV вѣка въ судьбы Греціи вмѣшалась Македонія; при Александрѣ, сынѣ Филиппа, всѣ племена Эллады соединились подъ знаменемъ одного общаго вождя во имя одного общаго дѣла. Осязательнымъ послѣдствіемъ такого объединенія Греціи было въ области языка образованіе такъ называемаго «общаго нарѣчія» (ἡ κοινὴ διάλεκτος), ставшаго языкомъ всей греческой прозы съ Аристотеля до II вѣка по Р. Х. Это нарѣчіе во всѣхъ своихъ памятникахъ изобличаетъ одну и ту же основу — аттическое нарѣчіе, лишенное своихъ исключительныхъ особенностей съ замѣною ихъ грамматическими чертами другихъ нарѣчій. Къ началу христіанской эры древнія нарѣчія почти совсѣмъ вымерли и на ихъ мѣстѣ возникли другія, часть которыхъ носятъ названіе эллинистическихъ. Древнѣйшимъ памятникомъ безыскусственнаго эллинистическаго нарѣчія служитъ переводъ Ветхаго Завѣта, исполненный LXX учеными александрійскими евреями во II вѣкѣ по Р. Х. Языкъ этого перевода, за вычетомъ всякихъ семитизмовъ, оказывается въ основѣ своей тождественнымъ съ «общимъ нарѣчіемъ»: тотъ же обезличенный и упрощенный аттицизмъ, только болѣе одичавшій. Но эта порча шла не отъ еврейскихъ переводчиковъ, а изъ наименѣе литературной части Греціи — съ сѣвера и наблюдается также въ языкѣ сѣверныхъ грековъ и македонянъ. Разговорный греческій языкъ около Р. Х. со всѣми его особенностями можно также возвести къ «общему нарѣчію», образовавшемуся подъ объединяющимъ и уравнивающимъ вліяніемъ македонскаго переворота. Изъ «общаго нарѣчія» возникъ и новогреческій языкъ; новогреческія нарѣчія всѣ одного типа, который былъ намѣченъ еще въ III вѣкѣ до Р. Х. и въ существенныхъ своихъ чертахъ всегда оставался неизмѣннымъ на протяженіи всей своей территоріи; послѣ македонскаго періода его исторія сводится лишь къ развитію ранѣе обозначившихся аналогій и въ усвоеніи иностранныхъ элементовъ: латинскихъ, романскихъ, турецкихъ, отчасти арабскихъ, средне-персидскихъ (пеглеви) и славянскихъ. Различное распредѣленіе

иноязычныхъ примѣсей обуславливаетъ, между прочимъ, разницу и отдѣльныхъ ново-греческихъ говоровъ.

3. Н. О. Красносельцевъ, „Преніе Панагіота съ Азимитомъ“ по новымъ греческимъ спискамъ (стр. 295—328). «Преніе Панагіота съ Азимитомъ» представляетъ любопытный историко-литературный памятникъ, въ которомъ содержится, во-первыхъ, политическая сатира на византійскаго императора Михаила Палеолога за его сочувствіе Ліонской уніи 1274 года, а во-вторыхъ, заключаются разнообразныя космологическія повѣрья византійскаго народа, сложившіяся подъ вліяніемъ апокрифической литературы, и его воззрѣнія по отношенію къ франкамъ и ихъ вѣрѣ. Въ виду такого значенія «Пренія», оно подвергалось весьма серьезному изученію русскихъ ученыхъ—Попова, проф. Павлова, князя Вяземскаго, которые имѣли только славянскіе, неполные и несогласные между собой переводы памятника, Васильева и Сперанскаго, въ распоряженіи которыхъ были только отрывки греческаго текста «Пренія». Профессору Н. О. Красносельцеву удалось найти два греческіе списка интереснаго документа, одинъ изъ которыхъ, аеонскій, находится въ рукописи Пантелеимонова монастыря № 842 отъ XV—XVI вѣка, содержащей въ себѣ разныя ἐρωταποκρίσεις καὶ ἐρημικά, а другой помѣщается въ рукописи XVIII вѣка въ Аеинской Народной библиотекѣ, № 472 по Саккелиону. Аеонскій списокъ неполонъ и имѣетъ сходство съ текстомъ, изданнымъ Васильевымъ, а аеинскій долженъ быть названъ самымъ полнымъ. Онъ представляетъ стройную піесу съ рѣзко обозначенной фабулой, съ завязкой и развязкой, съ прологомъ и эпилогомъ, который въ значительной своей части написанъ стихами. Изложивъ содержаніе «Пренія» по полной его греческой копіи и сдѣлавъ нѣкоторыя замѣчанія касательно текста, проф. Красносельцевъ помѣщаетъ въ греческомъ оригиналѣ и самый памятникъ по аеинской рукописи, восполняя нѣкоторые ея дефекты рукописью аеонской.

4. Н. О. Красносельцевъ, *Къ изученію „Типика Великой Церкви“* (стр. 329—344). Настоящая статья написана въ дополненіе къ аналогичному изслѣдованію того же автора по поводу памятника IX вѣка—«Типика Великой Церкви», т. е. св. Софіи Константинопольской, помѣщенному во второмъ томѣ Лѣтописи Историко-Филологическаго Общества при Новороссійскомъ Университетѣ за 1892 годъ. Этотъ Типикъ, какъ извѣстно, недавно изданъ въ полномъ видѣ г. Дмитриевскимъ по рукописи Патмоскаго монастыря Іоанна Богослова, а съ другой стороны, сдѣлался до нѣкоторой степени доступнымъ для изученія и второй экземпляръ того же памятника по рукописи X вѣка патріаршей іерусалимской библиотеки, отдѣленія рукописей Крестнаго монастыря № 40. Во время пребыванія въ Іерусалимѣ въ 1894 году проф. Красносельцевъ сдѣлалъ изъ этого кодекса нѣкоторыя выписки и въ разсматриваемой статьѣ сопоставляетъ нѣкоторыя сообщенія того и другаго списка Типика. Изъ представленныхъ имъ примѣровъ (относительно той Μολυβοϋ-

чтенія Евангелія на литургіи въ Пасху, службы на Благовѣщеніе и Успеніе, участія царя, властей и народа въ совершенніи праздничныхъ церемоній и процессій) видно, что позднѣйшій іерусалимскій списокъ «Типика Великой Церкви» поясняетъ во многихъ случаяхъ списокъ древнѣйшій, Патмосскій, то давая болѣе исправное чтеніе, то дополняя его вставками, въ разныхъ отношеніяхъ полезными для правильного пониманія характера обрядовъ Великой Церкви, то, наконецъ, подтверждая чтенія, считавшіяся почему либо сомнительными.

5. В. Мочульскій, *Апокрифическое сказаніе о созданіи міра* (стр. 345—364). Въ древне-русской письменности сохранилась статья, заключающая въ себѣ апокрифическое сказаніе о созданіи міра и человѣка, извѣстная г. Мочульскому въ четырехъ спискахъ. Это же сказаніе существуетъ въ письменности латинской (*Liber S. Iohannis*) и южно-славянской, гдѣ оно часто соединяется съ «Бесѣдой трехъ Святителей». Но вообще количество списковъ даннаго памятника весьма ограничено, поэтому особенное значеніе долженъ имѣть греческій списокъ сказанія, найденный г. Мочульскимъ въ Парижской національной библіотекѣ въ сборникѣ XVI вѣка, № 500 (*Supplem.*). Помѣстивъ новооткрытый греческій текстъ памятника, авторъ разсматриваетъ его содержаніе и даетъ объясненія нѣкоторыхъ его мѣстъ.

6. Д. О. Бѣляевъ, *Придворный и церковный уставы о положеніи Евдома* (стр. 364—379). Евдомъ (τὸ Ἐβδομον, κήπιος, πεδίον) было поле въ Константинополѣ, соответствовавшее Марсову полю (*Campus Martius*) въ Римѣ и бывшее мѣстомъ весьма интересныхъ и важныхъ дѣйствій, въ родѣ провозглашенія новыхъ императоровъ, триумфальныхъ въѣздовъ византійскихъ царей послѣ побѣдоноснаго похода и т. п. Ученые расходятся во взглядахъ на мѣстоположеніе Евдома и одни (Пьеръ Жилль и знаменитый Дюканжъ) помѣщаютъ его рядомъ съ Влахернскимъ храмомъ, а другіе (Адрианъ Валезій)—на Мраморномъ морѣ, на западъ отъ Константинополя... Проф. Бѣляевъ на основаніи анализа нѣкоторыхъ мѣстъ Придворнаго Устава Константина Багрянороднаго (обряда восшествія на престолъ Льва I Великаго, описанія въѣзда Василя I Македонянина въ Константинополь послѣ побѣдоноснаго похода, обряда въѣзда въ городъ императора Теофила) и Церковнаго Устава Константинопольскихъ церквей IX и X вѣковъ (описаніе крестнаго хода въ воспоминаніе избавленія отъ страшнаго землетрясенія въ 447 году) приходитъ къ выводу, что Евдомъ лежалъ на Мраморномъ морѣ, на юго-западъ отъ Золотыхъ воротъ, вѣроятно, на мѣстѣ теперешняго Макрикіей.

7. А. Алмазовъ, *Къ исторіи молитвъ на разные случаи. Замѣтки и памятники* (стр. 380—432). Молитвы на разные случаи, иначе—«на различныя потребности», представляютъ почти нетронутое научнымъ изслѣдованіемъ поле, а между тѣмъ однѣ изъ нихъ могутъ служить характернымъ источникомъ для опредѣленія воззрѣній народа на значеніе религіи

въ его обыденной жизни, другія служатъ однимъ изъ лучшихъ показателей степени распространенности извѣстныхъ народныхъ вѣрованій прежняго времени и третьи, наконецъ, настоятельно нуждаются въ точномъ опредѣленіи ихъ историческаго достоинства. Нечего говорить о важномъ и литургическомъ ихъ значеніи. Въ виду этого отмѣченная статья проф. А. И. Алмазова представляетъ не малый интересъ. Въ ней авторъ даетъ общую характеристику молитвъ на разные случаи и съ нѣкоторою подробностью останавливается на болѣе характерныхъ изъ нихъ — или со стороны ихъ назначенія, или со стороны ихъ исторической судьбы. Всѣ молитвы онъ раздѣляетъ на пять группъ. Къ первой относятся молитвы «освятительныя и очистительныя» для предметовъ, имѣющихъ отношеніе къ богослуженію, ко второй — для предметовъ, употребляемыхъ въ обыденной жизни; въ третью группу входятъ молитвы освятительныя и вмѣстѣ съ тѣмъ просительныя объ успѣшномъ окончаніи какихъ либо предпріятій; въ четвертую — молитвы, направленныя къ утѣшенію и облегченію человѣка въ неудобныхъ и тягостныхъ положеніяхъ и къ пятой группѣ относятся молитвы, предназначенныя къ устраненію вредныхъ вліяній силъ и явленій природы. Разсмотрѣвъ молитвы по этимъ группамъ, проф. Алмазовъ въ приложеніи опубликовалъ сорокъ два номера молитвъ, извлеченныхъ изъ рукописнаго греческаго и славянскаго матеріала, хранящагося въ различныхъ библіотекахъ Европы.

А. И. Алмазовъ, *Тайная исповѣдь въ православной восточной церкви. Опытъ внѣшней исторіи. Изслѣдованіе преимущественно по рукописямъ. Томъ I. Общій уставъ совершенія исповѣди. Томъ II. Специальныя уставы, отдѣльныя молитвословія и церковно-гражданскія постановленія, относящіяся къ исповѣди. Томъ III. Приложенія.* Одесса. 1894. Стр. XVI + 596 + 454 + 385. — Объ этомъ громадномъ трудѣ профессора Алмазова, давшемъ ученому автору степень доктора богословія, будетъ помѣщена особая рецензія въ одной изъ ближайшихъ книжекъ нашего журнала.

Н. В. Покровскій, *Сійскій иконописный подлинникъ. Выпускъ II (Памятники Древней Письменности. СХІІІ).* 1896. Стр. II + 47 — 110. — Второй выпускъ иконописнаго подлинника Антоніева Сійскаго монастыря заключаетъ въ себѣ иконописные переводы, общезвѣстные въ иконописной практикѣ XVII вѣка. Объясненіе рисунковъ ведется здѣсь, какъ и въ первомъ выпускѣ (см. Виз. Времен., т. II, вып. 4, стр. 692), въ порядкѣ листовъ оригинала безъ всякой систематизаціи и перестановокъ. Лучшіе изъ нихъ изданы въ особомъ альбомѣ, менѣе важные — въ текстѣ объясненія, а нѣкоторые рисунки, незначительные или неясно переданные въ оригиналѣ, лишь упоминаются въ текстѣ объясненія. Объясненія профессора Покровскаго направлены къ тому, чтобы отмѣтить наиболѣе характерныя черты каждаго перевода, опредѣлить ихъ происхожденіе и значеніе и отсюда, путемъ сравненія памятниковъ, указать мѣсто этихъ переводовъ въ общей исторіи византійско-русской ико-

нографіи. Намѣченная задача вполне достигается почтеннымъ ученымъ въ его трудѣ, научное значеніе котораго понятно само собою.

Священникъ Василій Преображенскій, *Преподобный Феодоръ Студитъ и его время (759—826 г.)*. Москва. 1896. Стр. 356. — Подъ такимъ претенціознымъ заглавіемъ издана книжка, составившаяся изъ статей, первоначально печатавшихся въ духовномъ журналѣ «Пастырскій Собесѣдникъ» и въ свое время обзорѣвавшихся на страницахъ нашего журнала. Книжка состоитъ изъ предисловія и одиннадцати главъ, въ которыхъ довольно подробно описывается жизнь и дѣятельность преподобнаго Феодора Студита. Научнаго значенія трудъ священника Преображенскаго не имѣетъ и пригоденъ лишь для популярнаго чтенія.

Петръ Сладкопѣвцовъ, *Древнія палестинскія обители и прославившіе ихъ святые подвижники. Выпускъ четвертый. Изданіе Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества*. С.-Петербургъ. 1896. Стр. 268. — Въ настоящемъ выпускѣ популярно излагается состояніе палестинскаго монашества въ VI и VII вѣкахъ, когда подвижничество, по мнѣнію автора, достигло полнаго развитія и самаго цвѣтущаго состоянія. Въ частности, здѣсь описываются: киновія—преподобнаго Анастасія близъ Иерусалима, Кесарійская, Сквепольская; обители іорданскія: лавра преподобнаго Петра, лавра Евнуховъ, киновія Пентокль или Плача, киновія Пресвятой Богородицы, называвшаяся Новая, лавра Пирги, Варихская киновія, лавра преподобнаго Фирмина, киновія Византійская на горѣ Елеонской; газскія киновіи: Еваге или преподобнаго Серида и преподобнаго Дороея; лавра Елусская въ Аравійской пустынѣ, киновія св. Сергія, называемая Ксиропотамъ, близъ Ввелеема, лавра Фара на югѣ Палестины, лавра преподобнаго Іуліана, монастыри на Фаворѣ и Кармилѣ и многіе другіе. Кромѣ того, въ разсматриваемой книгѣ изображаются подвиги многихъ иноковъ, проводившихъ анахоретскую жизнь въ пустыняхъ: Иерусалимской, Елеонской, Иорданской, Рува, Каламонской, у Мертваго моря и Кармилльской.

Е. Рѣдинъ, *Профессоръ Никодимъ Павловичъ Кондаковъ. Къ тридцатилѣтней годовщинѣ его учено-педагогической дѣятельности*. С.-Петербургъ. 1896. Стр. 40. — Въ брошюрѣ сообщается объ ученой дѣятельности профессора Кондакова и даются критико-библиографическія свѣдѣнія объ извѣстныхъ трудахъ его изъ области византійскаго искусства.

Г. Муркозъ, *Путешествіе антиохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка, описанное его сыномъ архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ. Переводъ съ арабскаго по рукописи Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Выпускъ первый. Отъ Алеппо до земли казаковъ*. Москва. 1896. Стр. X + 156. — Въ настоящемъ выпускѣ помѣщены въ русскомъ переводѣ три книги интереснаго памятника восточной литературы, о двухъ изъ которыхъ была замѣтка на страницахъ нашего журнала (Виз. Врем., т. III, стр. 410—411). Въ третьей

книгѣ «Путешествія» разсказывается о пребываніи патріарха Макарія въ Валахіи, о нравахъ коей сообщаются любопытныя свѣдѣнія.

Эме Пюшъ, *Св. Іоаннъ Златоустъ и нравы его времени. Переводъ съ французскаго А. Измайлова*. С.-Петербургъ. 1897. Стр. XV + 349.—Книга французскаго автора въ оригиналѣ отличается многими достоинствами содержанія и изложенія. Она въ полнотѣ и со многими подробностями изслѣдуетъ взятый предметъ, написана при пособіи обширной литературы и по всѣмъ приемамъ научнаго изслѣдованія, изложена языкомъ легкимъ и вполне литературнымъ и проникнута глубокимъ удивленіемъ къ великому христіанскому проповѣднику и искреннею любовью къ его исполненной евангельскаго духа дѣятельности. Не безъ основанія Французская Академія нравственныхъ и политическихъ наукъ удостоила это сочиненіе преміи. Но въ русскомъ переводѣ оно много теряетъ и въ своемъ содержаніи, и въ изяществѣ изложенія, и въ самомъ тонѣ рѣчи. Переводчикъ г. Измайловъ слишкомъ мало проникся достоинствами оригинала и предложилъ его русскимъ читателямъ въ видѣ урѣзанномъ, опрощеннымъ отъ научной обстановки и изложеннымъ не всегда правильно. Кромѣ введенія (стр. I—XV), разсматриваемое сочиненіе состоитъ изъ шести главъ и заключенія. Въ главѣ первой (стр. 1—37) обозрѣвается жизнь и дѣятельность св. Іоанна Златоуста въ Антиохіи и Константинополѣ. Вторая глава (стр. 38—86) занята изложеніемъ взглядовъ св. Іоанна на матеріальное состояніе различныхъ классовъ общества, богатыхъ и бѣдныхъ, при чемъ раскрываются его идеи о богатствѣ и благотворительности. Въ третьей главѣ (стр. 87—156) рѣчь идетъ о положеніи семьи во время Златоуста, именно о дѣвствѣ и бракѣ, о положеніи супруговъ въ семьѣ, о разводѣ, воспитаніи дѣтей, объ отношеніи къ рабамъ и т. п. Въ четвертой главѣ (стр. 157—272) уясняется значеніе для общества религіи, какъ оно раскрыто въ твореніяхъ знаменитаго св. отца; здѣсь говорится о существѣ вѣры и отношеніи православныхъ къ язычникамъ и еретикамъ, о таинствахъ христіанскихъ и обрядахъ, объ устройствѣ клира и его приходской дѣятельности, объ идеалахъ аскетизма и положеніи въ церкви монашества. Въ пятой главѣ (стр. 273—297) излагается взглядъ св. Златоуста на зрѣлища, а въ шестой (стр. 298—326) даются свѣдѣнія о нравахъ византійскаго двора и о гражданскихъ дѣлахъ въ греко-римскомъ государствѣ IV вѣка. Наконецъ, заключеніе (стр. 327—349) содержитъ общее сужденіе объ антиохійскихъ и константинопольскихъ нравахъ въ эпоху св. Златоуста, раскрываетъ принципы его морали и рисуетъ его религіозно-нравственный идеаль.

П. Тихановъ, *Терновскій календарь 1275 года по списку Франца Миклошича. Матеріалы для греко-славянскаго апологіи (Памятники Древней Письменности, CXVIII)*. 1896. Стр. II + 16.—Терновскій календарь находится при одномъ рукописномъ четвероевангеліи, принадлежащемъ библіотекѣ Югославянскаго академіи въ Загребѣ. Какъ видно изъ приписки, четвероевангеліе было написано во время Болгарскаго царя Константина

Тѣха (Τειχος), владычествовавшего въ 1258—1277 годахъ, и при патриархѣ Игнатіи. Терновскій календарь, въ числѣ другихъ источниковъ, послужилъ матеріаломъ о. Мартынову при составленіи его труда *Annus Ecclesiasticus Graeco-Slavicus* (Bruxellis. 1863), при чемъ о. Мартыновъ пользовался спискомъ памятника, сообщеннымъ ему Миклошичемъ. По этому же списку Терновскій мѣсяцесловъ изданъ и г. Тихановымъ. Мѣсяцесловъ содержитъ памяти святыхъ на весь годъ, съ сентября по августъ, и для греко-славянской агіологии имѣетъ немалое значеніе.

Бернгардъ Куглеръ, *Исторія крестовыхъ походовъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Съ рисунками, картами и планами.* С.-Петербургъ. 1895. Стр. VII+459.—Книга Куглера состоитъ изъ одиннадцати главъ и заключенія. Въ первой главѣ (стр. 1—15) изображается состояніе востока и запада до крестовыхъ походовъ. Во второй главѣ (стр. 16—66) описывается первый крестовый походъ 1097 года, объединившій тѣ военныя дѣйствія, средоточіемъ которыхъ было завоеваніе Іерусалима. Глава третья (стр. 67—101) рассказываетъ о взаимоотношеніяхъ норманновъ и грековъ отъ 1099 до 1119 года, а въ четвертой главѣ (стр. 102—134) излагается исторія Іерусалимскаго королевства отъ 1100 до 1143 года. Пятая глава (стр. 135—164) описываетъ второй крестовый походъ 1147 года, вызванный потерей Эдессы и начавшимся паденіемъ крестовыхъ государствъ. Въ шестой главѣ (стр. 165—209) излагается исторія королевства Іерусалимскаго отъ 1149 до 1188 года. Въ седьмой главѣ (стр. 210—268) рѣчь идетъ о третьемъ крестовомъ походѣ 1189 года, представляющемъ отвѣтъ Европы на побѣду Саладина подъ Іерусалимомъ, въ восьмой (стр. 269—320) — о четвертомъ крестовомъ походѣ 1204 года, ознаменовавшемся завоеваніемъ Константинополя и основаніемъ латинской имперіи, въ девятой (стр. 321—366) — о пятомъ походѣ, продолжавшемся съ 1212 до 1230 года, когда императоръ Фридрихъ II заключилъ миръ съ султаномъ Алькамиломъ и въ послѣдній разъ приобрѣлъ для христіанства Іерусалимъ, въ десятой главѣ (стр. 367—397) — о шестомъ и послѣднемъ походѣ, объединившемъ странствованія по святымъ мѣстамъ въ сороковыхъ годахъ XIII-го вѣка, во главѣ коихъ стоялъ Людовикъ Святой. Одиннадцатая глава (стр. 398—444) описываетъ конецъ господства христіанъ на востокѣ, а въ заключеніи (стр. 445—459) опредѣляются причины неудачи крестовыхъ походовъ и выясняется ихъ значеніе для культурной жизни запада. Въ книгѣ помѣщены рисунки, планы и карты.—Въ русской литературѣ переводъ книги Куглера, вышедшей въ оригиналѣ въ 1879 году, имѣетъ значеніе для популяризаціи знаній по византологіи.

Іеромонахъ Владиміръ Благоразумовъ, *Св. Аванасій Александрійскій, его жизнь, учено-литературная и полемико-догматическая дѣятельность.* Кишиневъ. 1895. Стр. 414.—Кромѣ предисловія и введенія, книга іеромонаха Владиміра состоитъ изъ трехъ частей, каждая изъ которыхъ дѣлится на главы. Въ предисловіи (стр. 1—8) авторъ выясняетъ научную потреб-

ность своего изслѣдованія и указываетъ немногочисленные источники и пособия, которыми онъ пользовался. Во введеніи (стр. 9—62) изображается состояніе христіанской церкви въ IV вѣкѣ, когда православіе вело непрерывную борьбу съ различными ересями и когда на защиту церкви выступилъ великій ея дѣятель — св. Аѳанасій (296—373 г.). Первая часть книги посвящена описанію жизни св. Аѳанасія и хронологическому обзору его литературной дѣятельности. Въ частности, въ главѣ первой (стр. 63—81) обзрѣвается жизнь и дѣятельность св. Аѳанасія въ царствованіе императора Константина Великаго, во второй (стр. 81—123)—въ царствованіе Констанція и въ третьей (стр. 124—147) — при Юліанѣ и Валентѣ. Вторая часть книги занята изложеніемъ полемики св. Аѳанасія съ современными ему ересями. Здѣсь, въ главѣ первой (стр. 148—165) разсматривается опроверженіе св. Аѳанасіемъ савелліанства, во второй (стр. 165—229) — опроверженіе арианства, въ третьей (стр. 229—255) — аполинарианства и въ четвертой (стр. 255—269) — опроверженіе неправильнаго ученія о Святомъ Духѣ. Въ третьей части изслѣдованія о Владиміра разсматривается догматическое ученіе св. Аѳанасія. Въ главѣ первой (стр. 270—308) излагается ученіе св. Аѳанасія объ отношеніи Бога Слова къ Богу Отцу и къ Святому Духу, во второй (стр. 308—337) — ученіе объ отношеніи Сына Божія, Бога Слова къ міру вообще и къ человѣку въ частности; въ третьей главѣ (стр. 338—391) обзрѣвается положительное ученіе св. Аѳанасія объ отношеніи Божеской природы къ человѣческой въ лицѣ Господа нашего Иисуса Христа и о дѣлѣ искупленія. Наконецъ, въ заключеніи (стр. 392—412) предложена общая характеристика св. Аѳанасія, его дѣятельности и литературныхъ трудовъ, а въ приложеніи (стр. 413—414) помѣщенъ въ русскомъ переводѣ символъ св. Аѳанасія. — Въ небогатой русской патрологической литературѣ трудъ о Владиміра имѣетъ свое значеніе, несмотря на то, что составленъ онъ при сильномъ пособіи иностранной литературы, особенно трудовъ Voigt'a и Atzbenger'a.

Юліанъ Кулаковскій, *Древности южной Россіи. Дѣя керченскія катакомбы съ фресками. Приложение: Христіанская катакомба, открытая въ 1895 году. Съ 14 таблицами рисунковъ и 14 полнотипажжами (Матеріалы по археологическимъ Россіи, издаваемые Императорскою Археологическою Коммиссіею. № 19).* С.-Петербургъ. 1896. Стр. II + 67. — Изслѣдованіе профессора Кулаковскаго имѣетъ своимъ предметомъ фрески двухъ катакомбъ, изъ которыхъ одна открыта въ 1890, а вторая въ 1891 году на сѣверномъ склонѣ горы Митридата въ Керчи. Послѣ общаго обзора всѣхъ катакомбъ съ фресками (въ числѣ восьми), открытыхъ на Боспорѣ, хронологической ихъ датировки и изслѣдованія о происхожденіи фресковой росписи стѣнъ и о судьбѣ этого вида искусства на Боспорѣ (стр. 1—15), авторъ описываетъ катакомбу Сорака, открытую въ 1890 году, опредѣляетъ общій характеръ ея росписи, указываетъ самостоятельные сюжеты введенные въ декорацію стѣнъ катакомбы, и анализируетъ надпись въ

катакомбѣ, представляющую эпитафію Сорака (стр. 16—33). Въ томъ же порядкѣ ведется затѣмъ описаніе и катакомбы, открытой въ 1891 году (стр. 34—43). Въ отдѣльной главѣ (стр. 44—57) разсматривается сцена «трапезы», встрѣчающаяся въ обѣихъ катакомбахъ, и изслѣдуется ея сюжетъ въ отношеніи къ религіознымъ вѣрованіямъ о загробномъ существованіи. Въ заключеніи профессоръ Кулаковскій сообщаетъ, что роспись обѣихъ катакомбъ въ цѣломъ и деталяхъ относится къ области классическаго искусства, но въ катакомбѣ Сорака замѣчается ослабленіе классическихъ традицій; эта катакомба относится къ III или IV вѣку христіанской эры, а вторая къ концу I-го или ко II вѣку (стр. 58). Въ приложеніи (стр. 61—67) помѣщено описаніе третьей катакомбы, открытой въ 1895 году и содержащей нѣсколько надписей; катакомба относится къ V вѣку.

А. Шахматовъ, *Исходная точка лѣтосчисленія «Повѣсти временныхъ лѣтъ»*. (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1897, мартъ, стр. 217—227). Исходною точкою лѣтосчисленія въ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» является 6360 годъ отъ сотворенія міра или 852-ой отъ Р. Х., когда, по словамъ лѣтописца, началось царствованіе византійскаго императора Михаила, сына Теофила. Между тѣмъ Михаилъ вступилъ на престолъ въ 6350 году, а именно 21-го января 842 года отъ Р. Х. Объясняя эту ошибку сводчика «Повѣсти временныхъ лѣтъ», г. Шахматовъ находитъ, что она заимствована имъ изъ лѣтописи царьградскаго патріарха Никифора (+828 г.) вслѣдствіе ошибочныхъ данныхъ того греческаго списка этой лѣтописи, который легъ въ основаніе славянскаго его перевода.

Отчетъ командированнаго за границу приватъ-доцента Московскаго университета Василія Истрина за вторую половину 1894 года (Окончаніе. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1896, ноябрь, отд. 2, стр. 1—41). — Заключившая отчетъ о своихъ заграничныхъ занятіяхъ въ области византійско славянской письменности (Виз. Врем., т. III, в. 2—4), г. Истринъ описываетъ слѣдующіе ея памятники: 29) аеонскія хроники въ числѣ восьми, а именно: а) Ватопедскаго монастыря № 602, б) Иверскаго монастыря № 166, в) монастыря Діонисіата № 341, г) Ватопедскаго монастыря № 601, д) Иверскаго монастыря № 167, е) Иверскаго монастыря № 170, XVII вѣка, ж) Андреевскаго скита № 109, 1600 года и з) Пантелеймоновскаго монастыря № 266; на основаніи этихъ рукописей въ отчетѣ дѣлаются нѣкоторыя поправки и дополненія къ статьѣ Прехтера *Eine vulgärgg. Paraphrase der Chronik des Konstantinos Manasses* (Byzantinische Zeitschrift, B. IV) и къ сообщенію г. Истрина о греко-славянскихъ хроникахъ (Archiv zur slavische Philologie, B. XVI); 30) греческій текстъ легенды объ Іудѣ, соотвѣтствующій сказанію *Legenda augea* и помѣщенный въ рукописи № 192 въ аеонскомъ монастырѣ Діонисіатѣ, подъ заглавіемъ *Περὶ τοῦ παρχλόμου Ἰούδα* (л. 322—325); подобный же текстъ, но съ нѣкоторыми добавленіями, изданъ въ брошюрѣ

по рукописи Иверскаго монастыря подъ заглавіемъ: Βίος καὶ καχοῦργματα τοῦ προδότη καὶ φιλαργύρου Ἰουδα τοῦ Ἰσχυρίτου; на основаніи этихъ памятниковъ въ отчетѣ сообщаются легендарныя данныя объ Іудѣ, новыя сравнительно съ тѣмъ матеріаломъ, какой собранъ въ книгѣ г. Соловьева: «Историко-литературныя этюды. Къ легендамъ объ Іудѣ предателѣ. Выпускъ I. Харьковъ. 1895»; 31) греческія рукописи Парижской національной бібліотеки № 1021, XV вѣка, и № 1608 XIV вѣка, а также другія греко-славянскія сказанія объ Іоаннѣ Крестителѣ и Захаріи, его отцѣ, вносящія нѣкоторыя дополненія въ научныя изслѣдованія соотвѣтствующихъ легендъ (напр., Berendts, Studien über Zacharias-Apocryphen und Zacharias-Legenden. Leipzig. 1895); и 32) сербскій списокъ мученія Никиты въ аеонскомъ монастырѣ Хиландарѣ въ сборникѣ № 75, XV вѣка, и греческіе списки того же апокрифа въ бібліотекахъ: Венеціанской св. Марка (App. Class. II cod. XC), Вѣнской придворной (cod. Histor. 57 и 126) и Парижской національной (fonds grecs 768 и suppl. gr. 162).

А. Митякинъ, *Рождество Христова по изображенію его въ искусство* (Христіанское Чтеніе, 1897, январь, стр. 3—26). — Сказавши въ предисловіи нѣсколько словъ объ отношеніи къ религіи науки и искусства вообще и живописи въ частности, авторъ указываетъ на древнѣйшія изображенія Рождества Христова, одно изъ которыхъ встрѣчается еще въ катакомбахъ, а другое находится на гравированномъ камнѣ изъ музея Веттари, а затѣмъ описываетъ лучшіе образцы средневѣковаго искусства, именно картины художниковъ: Орканья, Джіотто, Масолино-да-Паникале, Анджелико (въ храмѣ св. Марка въ Венеціи), Пьеро-делла-Франческа (въ Британской національной галлерей), Сандро Боттичелли (тамъ же), Антоніо Росселино, Лоренцо ди-Креди (въ академіи художествъ во Флоренціи), Амброджіо Боргоньоне (въ церкви св. Цельса въ Миланѣ), Луки Синьорелли (въ Британской національной галлерей), Антона Бентиволио (въ Болоньѣ), Тинторето, Бернардо Каваллино (+1654) и Дюрера. Дальше отмѣчаются картины, изображающія поклоненіе пастырей и принадлежащія Лоренцо Лотто, Романино, Рембрандту, Веласкесу, Корреджіо и Фіоренцо-ди-Лоренцо, и картины съ изображеніемъ поклоненія волхвовъ, написанныя художниками: Дабріано, Веронезе, Дюреромъ, Бернардино Луини, Доменико Гирландайо, Тинторето и Борнъ-Джонсомъ. Статья составлена на основаніи сочиненія каноника Фаррара: *The Life of Christ as represented in art.* London. 1894. Къ ней приложены восемь рисунковъ.

А. Лопухинъ, *Св. Іоаннъ Златоустъ, какъ проповѣдникъ челоѣколюбія и милостыни* (Христіанское Чтеніе, 1897, январь, стр. 27—48, февраль, стр. 242—260). — На основаніи твореній св. Іоанна Златоуста въ настоящей статьѣ изображается его отношеніе къ бѣднымъ. Предварительно авторъ указываетъ на величайшее зло древности — крайности богатства и бѣдности и на общее отношеніе св. отца къ этимъ крайностямъ, затѣмъ

характеризуетъ его, какъ проповѣдника человѣколюбія и милостыни, иллюстрируя свою характеристику восторженною похвалою проповѣдника «парицѣ добродѣтелей» — милостыни. Далѣе выясняется важность человѣколюбія, какъ добродѣтели, при чемъ опредѣляется взглядъ св. отца на сущность социальныхъ отношеній и на значеніе собственности, откуда выводится обязанность совершенія милостыни, особенно со стороны богатыхъ, возраженія которыхъ въ оправданіе себя обстоятельно опровергаются св. отцомъ.

И. Соколовъ, *О народныхъ школахъ въ Византіи съ половины IX до половины XV вѣка (842—1453 г.). Рѣчь въ собраніи С.-Петербургскаго православною братства во имя Пресвятой Богородицы* (Церковныя Вѣдомости, 1897, прибавленія, № 7, стр. 235—243, № 8, стр. 273—282).—Рѣчь открывается опредѣленіемъ условій, при которыхъ существовала народная школа въ Византіи въ IX—XV вѣкахъ, при чемъ отмѣчается совмѣстное участіе византійской церкви и государства въ дѣлѣ народнаго образованія. Далѣе характеризуются различные виды византійскихъ народныхъ школъ, именно — царскія, патриаршія, епископскія, церковныя, монастырскія и частныя. Школами завѣдывали въ Византіи почти исключительно клирики и монахи, которые и учили народъ. Курсъ народной школы слагался изъ чтенія, письма, пѣнія, грамматики, ариметики, а иногда еще пѣнныя, географія и исторія. Обученіе соединялось съ воспитаніемъ и носило церковно-религіозный характеръ, въ силу чего византійская школа имѣла важное значеніе въ общемъ строѣ церковно-общественной жизни Византіи.

Г. Муркосъ, *Путешествіе антиохійскаго патриарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка, описанное его сыномъ, архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ. Переводъ съ арабскаго по рукописи Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностраннхъ Дѣлъ* (Русское Обозрѣніе, 1897, январь, стр. 241—271; февраль, стр. 875—910). Въ настоящей части (четвертой) замѣчательнаго описанія путешествія въ Россію антиохійскаго патриарха Макарія (см. выше) сообщается о пребываніи его въ землѣ казаковъ и въ Кіевѣ; здѣсь содержатся любопытныя извѣстія о Малороссіи.

А. Дмитріевскій, *Толкѣ. Addenda et corrigenda* (Труды Кіевской духовной Академіи, 1896, декабрь, стр. 527—545). Въ статьѣ дѣлаются дополненія и поправки къ изданію г. Дмитріевского: «Описаніе литургическихъ рукописей, хранящихся въ бібліотекахъ православнаго востока. Томъ I. Толкѣ. Часть первая: Памятники патриаршихъ уставовъ и киторскіе монастырскіе Типиконы. Кіевъ. 1895». Прежде всего, г. Дмитріевскому посчастливилось найти новый списокъ Типикона константинопольскаго Пантократорскаго монастыря, даннаго его основателемъ императоромъ Іоанномъ Комниномъ въ 1137 году. Таковой оказался въ Парижской національной бібліотекѣ въ рукописи XVIII вѣка основнаго (Fonds), такъ называемаго королевскаго собранія № 389, давно извѣстной въ наукѣ подъ именемъ «Типикона византійскаго императора Іоанна Пале-

олога». При ближайшемъ изслѣдованіи рукописи открылось, что она представляетъ новый списокъ Типикона императора Іоанна Комнина, даннаго Пантократорскому монастырю, скопированный нѣкимъ Іоанномъ Византіемъ Палеологомъ, котораго описыватель рукописи ошибочно принялъ за византійскаго императора Іоанна VII Палеолога (1425—1448 г.). При сличеніи этого списка Пантократорскаго Типикона съ тѣмъ, который изданъ г. Дмитріевскимъ въ его книгѣ по Халкинской рукописи № 85, оказалось, что оба списка сдѣланы съ одного оригинала (вѣроятно, съ пергаменнаго кодекса богатой константинопольской библіотеки извѣстнаго мецената, Молдавскаго воеводы, князя Николая Маврокордато), такъ какъ текстъ ихъ тождественъ и существующіе дефекты составляютъ принадлежность обоихъ, скопированныхъ почти одновременно, не позже первой половины XVIII вѣка. Наиболѣе важныя различія новаго списка сравнительно съ Халкинскимъ г. Дмитріевскій и отмѣчаетъ въ своей статьѣ. Далѣе, онъ ознакомился съ подлиннымъ спискомъ Типикона 1159 года константинопольскаго монастыря св. Маманта, хранящимся въ рукописи № 92 (Supplément) Парижской національной библіотеки, и также отмѣтилъ его различія сравнительно съ изданною имъ копией устава по рукописи Халкинской библіотеки № 85. Въ Казантентенской библіотекѣ въ Римѣ г. Дмитріевскій изучилъ Типикъ сокращенный (Compendium) 1595 года, переписанный монахомъ Гротта-ферратскаго монастыря Лукою (Lucas de Felicibus) для Монтекасинской обители (рукопись № 1249) и находящейся въ генетической связи съ Типикономъ Гротта-ферратскаго монастыря, даннымъ ему въ 1300 году игуменомъ Власіемъ II. Изъ обзора состава рукописи, представленнаго въ статьѣ, видно, что уставъ монаха Луки, хотя и называется *συνοδικάτη ἐπιτομή*, но въ дѣйствительности заключаетъ нѣчто и такое въ своемъ содержаніи, что составляетъ исключительно ему свойственное достояніе, нерѣдко не имѣющее ничего родственнаго съ уставомъ Власія. Наконецъ, въ статьѣ исправляется одна несомнѣнная историческая ошибка книги г. Дмитріевскаго (стр. 614), касающаяся константинопольскаго монастыря Мануила. — Читатели весьма цѣнной книги г. Дмитріевскаго о византійскихъ Типиконахъ должны непременно имѣть въ виду настоящую его статью.

А. Голубцовъ, *О древнѣйшихъ изображеніяхъ Божіей Матери* (Богословскій Вѣстникъ, 1897, январь, стр. 25—48). — Сказавши о древнѣйшей иконографіи Богоматери на основаніи литературныхъ источниковъ, авторъ описываетъ различные иконографическіе типы Ея, встрѣчающіеся въ римскихъ катакомбахъ (между прочимъ, въ усыпальницахъ Прискиллы и св. Агнессы) и въ памятникахъ византійскаго искусства, и анализируетъ христіанское преданіе, возводящее начало изображеній Богоматери ко времени евангелиста Луки.

Священникъ С. Петровскій, *Очерки изъ исторіи христіанскаго законоучительства. I. Законоучительство въ древней христіанской церкви до*

У вѣка включительно (Странникъ, 1897, январь, стр. 26—40, февраль, стр. 230—243). — Въ настоящемъ очеркѣ предварительно рѣчь идетъ о различныхъ типахъ школъ (философскихъ, богословскихъ, огласительныхъ), существовавшихъ въ христіанской церкви до V вѣка включительно, а затѣмъ—объ объемѣ учебнаго курса по Закону Божию въ этихъ школахъ и о способахъ преподаванія этого предмета.

П. Цвѣтковъ, 1) *Пѣсни Богоматери. Изъ произведеній древне-христіанской поэзіи. Переводъ съ греческаго подлинника* (Радость христіанина, 1896, кн. XII, стр. 269—270). — Предложенныя здѣсь въ русскомъ переводѣ «пѣсни» издатель ихъ на греческомъ языкѣ Питра (Analecta sacra, t. I, p. 302—303) называетъ *ἑσθόμια*, т. е. пѣснями Богоматери, обыкновенно заканчивающими пѣсни въ канонахъ, и считаетъ ихъ составителемъ Іерусалимскаго патріарха Ореста (IX в.). 2) *Пѣснь св. Романа Сладкопѣвца о трехъ отрокахъ въ Вавилонѣ* (тамъ же, стр. 271—281). Настоящее довольно обширное произведеніе св. Романа Сладкопѣвца имѣетъ ту особенность, что содержаніемъ его служитъ ветхозавѣтное событіе, имѣющее, впрочемъ, преобразовательное значеніе. Св. Романъ свободно и одушевленно драматизируетъ здѣсь избранное событіе, при чемъ пѣснь полна сравненій, антитезъ и созвучій. Греческій подлинникъ помѣщенъ въ томъ же изданіи Питры.

Рецензии появились на слѣдующія книги:

Н. Каптеревъ, Сношенія іерусалимскихъ патріарховъ съ русскимъ правительствомъ съ половины XVI до конца XVIII столѣтія. Православный Палестинскій Сборникъ, выпускъ 43. Спб. 1895. Рецензія г. **А. П-ова** въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1896, ноябрь, стр. 127—138.

Г. Воскресенскій, Характеристическія черты четырехъ редакцій славянскаго перевода Евангелія отъ Марка по сто двѣнадцати рукописямъ Евангелія XI—XVI вѣковъ. Москва, 1896. Рецензія: г. **И. Евстаева** въ Христіанскомъ Чтеніи, 1897, январь, стр. 189—194, профессоровъ **М. Муретова** и **И. Корсунскаго** въ Богословскомъ Вѣстникѣ, 1897, январь и февраль, отд. V, стр. 459—500.

Путешествіе Антиохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка, описанное его сыномъ архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ. Переводъ съ арабскаго профессора Г. Муркоса (по рукописи Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ). Выпускъ I, отъ Алеппо до земли казаковъ. Москва. 1896. Рецензія г. **М. Глубоковскаго** въ Русскомъ Вѣстникѣ, 1897, январь, стр. 403—405.

Actus epistolaequae apostolorum palaeoslovenicae. Ad fidem codicis Christinopolitani saeculo XII scripti edidit Aem. Kalužniacki. Sumptibus Caes. litterarum Academiae. Vindobonae. 1896. Рецензія профессора **Г. Воскресенскаго** въ Богословскомъ Вѣстникѣ, 1897, январь стр. 198—208.

Е. К. Рѣдинъ, Мозаики Равенскихъ церквей. Спб. 1896. Рецензія: въ Русскомъ Вѣстникѣ, 1897, февраль, стр. 363—364, въ Историческомъ Вѣстникѣ, 1897, мартъ, стр. 1116—1117.

Лугъ Духовный. Твореніе Блаженнаго Іоанна Мосха. Переводъ съ греческаго съ подробными объяснительными примѣчаніями законоучителя Николаевскаго сиротскаго института священника М. Хитрова. Изданіе Свято-Троицкой Сергіевой лавры. 1896. Рецензія г. В. С-ва въ Церковномъ Вѣстникѣ, 1897, № 8, стр. 252—253.

А. Мюллеръ, Исторія ислама съ основанія до новѣйшихъ временъ. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей приватъ-доцента Мѣдникава. Спб. Т. I и II. 1895. Т. III и IV. 1896. Рецензія г. Н. Лосскаго въ Историческомъ Вѣстникѣ, 1896, ноябрь, стр. 671—672.

Д. Тихомировъ, Галицкая митрополія. Церковно-историческое изслѣдованіе. С.-Петербургъ. 1895. Рецензія въ Кіевской Старинѣ, 1896, январь, стр. 45—46.

В. Грибовскій, Народъ и власть въ византійскомъ государствѣ. Опытъ историко-догматическаго изслѣдованія. Спб. 1897. Рецензія г. Б. Никольскаго въ Историческомъ Вѣстникѣ, 1897, мартъ, стр. 1095—1101.

Пл. Соколовъ. Церковно-имущественное право въ греко-римской имперіи. Новгородъ. 1896. Рецензія г. А. З. въ Церковныхъ Вѣдомостяхъ, 1897, прибавленія, № 9, стр. 343—345.

Священникъ Василій Преображенскій, Преподобный Теодоръ Студитъ и его время (759—826 гг.). Москва. 1896. Рецензія г. З. въ Историческомъ Вѣстникѣ, 1897, мартъ, стр. 1111—1113.

Архимандритъ Порфирій Успенскій, Путешествіе въ Метеорскіе и Осолипійскіе монастыри въ Фессаліи въ 1859 году. Изданіе Императорской Академіи Наукъ подъ редакціей П. А. Сырку. Спб. 1896. Рецензія г. I. З. въ Историческомъ Вѣстникѣ, 1896, декабрь, стр. 1060—1062.

Профессоръ А. П. Лебедевъ, Вселенскіе соборы IV и V вѣковъ. Обзоръ ихъ догматической дѣятельности въ связи съ направленіемъ школъ александрійской и антиохійской. Сочиненіе на степень доктора богословія. Изданіе второе. Сергіевъ Посадъ. 1896. Рецензія г. С. тамъ же, стр. 1057—1059.

Г. П. Беглери, Храмъ святыхъ Апостоловъ и другіе памятники Константинополя по описанію Константина Родія. Одесса. 1896. Рецензія въ Историческомъ Вѣстникѣ, 1896, декабрь, стр. 1065—1066.

Эме Пюшъ, Св. Іоаннъ Златоустъ и нравы его времени. Переводъ съ французскаго А. Измайлова. Спб. 1897. Рецензія г. Р. А. въ С.-Петербургскомъ Духовномъ Вѣстникѣ, 1897, № 9, стр. 181—182.

Nicephori Blemmydae curriculum vitae et carmina nunc primum edit Aug. Heisenberg. Praecedit dissertatio de vita et scriptis Nicephori Blemmydae. Lipsiae. 1896. Рецензія г. С. Шестакова въ Журналѣ Министрства Народнаго Просвѣщенія, 1897, мартъ, стр. 245—253.

И. Соколовъ.

ГЕРМАНИЯ.

«Byzantinische Zeitschrift» herausgeg. von K. Krumbacher. Band VI, Heft. 1.

Въ I отдѣлѣ (стр. 1—165) помѣщены слѣдующія изслѣдованія и статьи:

H. Hagenmeyer, *Der Brief des Kaisers Alexios I Komnenos an den Grafen Robert I von Flandern* (стр. 1—32).

Въ настоящей статьѣ авторъ подвергаетъ пересмотру вопросъ о подлинности письма императора Алексія I къ Роберту фландрскому и о времени и обстоятельствахъ его написанія. Полный текстъ письма даютъ 39 рукописей Hist. Hierosolymitanae Роберта Реймскаго; довольно много фразъ, буквально взятыхъ отсюда, вложены въ уста папѣ Урбану II при описаніи Клермонтскаго собора въ Liber de modernis regibus francorum Гуго Флерійскаго; въ видѣ изложенія письмо находится еще у аббата Гиберта въ Gesta Dei per Francos. Греческаго текста нѣтъ. По мнѣнію Гагенмейера, всѣ эти три писателя имѣли передъ глазами одинъ тотъ же текстъ, именно текстъ, сохраненный въ Hist. Hierosolymitana, а дополненія Гиберта (о обращеніи мусульманами христіанскихъ храмовъ въ стойла и о прелестяхъ константинопольскихъ дамъ) не болѣе какъ глоссы.

Затѣмъ авторъ перечисляетъ противниковъ и защитниковъ подлинности письма, останавливаясь особенно внимательно на мнѣніяхъ графа Ріана, Paulin Paris'a и Папарригопуло съ одной, академика Васильевскаго съ другой стороны. Признавая датировку Ріана опровергнутою Paris'омъ, онъ доказываетъ, что какъ фактъ письменнаго обращенія Алексія къ Роберту достовѣренъ, такъ и содержаніе письма вполне отвѣчаютъ положенію дѣлъ въ имперіи отъ битвы при Дристрѣ 1087 г. до 1091 г., какъ оно описано у Анны Комнины. Посольство, съ которымъ было отправлено письмо, сообщаемое, или лежащее въ основаніи сообщаемаго хрониками, авторъ относитъ къ 1088 году. На него, по его мнѣнію, Робертъ отвѣтилъ присылкой Алексію 500 воиновъ и 150 коней; завоеваніе Митилины и Хиоса турками, упоминаемое въ письмѣ, только упоминается у Анны Комнины позже отправленія этого отряда, но произойти могло и раньше, какъ полагалъ уже Муральтъ. Словомъ, письмо въ основѣ подлинно, но дошло до насъ въ томъ видѣ, въ какомъ было опубликовано Робертомъ, какъ excitatorium; по гречески или по латыни оно было первоначально написано—вопросъ открытый.

F. W. Brooks, *On the lists of patriarchs of Constantinople from 638 to 715* (стр. 33—54).

Результаты этого тщательнаго изслѣдованія уже включены проф. Крумбахеромъ во второе изданіе его Geschichte der byzantinischen Litteratur, явившейся въ прошломъ году (см. стр. 1149). Оно произведено на

основаніи внимательнаго сличенія и анализа 10 источниковъ; обзорѣніе ихъ отношеній и ихъ извѣстій другъ къ другу облегчается двумя таблицами, стр. 39 и 40; окончательный результатъ—хронологическая таблица патріарховъ отъ Пирра (638 г.) до Германа (715 г.)—оканчиваетъ статью.

J. Dräseke, *Prokopios' von Gaza «Widerlegung des Proklos»* (стр. 55—91).

Эта статья представляетъ подробное развитіе темы, намѣченной авторомъ въ работѣ: «Nikolaus von Methone als Bestreiter des Proklos» (см. *Theologische Studien u. Kritiken*, 1895, 2, стр. 590—616 и *Визант. Времен.* 1895, 2, стр. 484—485), что все сочиненіе Николая Меѳонскаго противъ Прокла буквально списано съ Прокопія Газскаго. Когда открытый Демосѳеномъ Руссомъ отрывокъ Прокопія оказался буквально совпадающимъ съ разборомъ 146-й главы Прокловой «στοιχεῖωσις θεολογική» у Николая Меѳонскаго, авторъ сталъ искать признаковъ авторства Прокопія по всей книгѣ Николая, и нашелъ ихъ, какъ онъ думаетъ, очень много.

Постоянное противопоставленіе античнаго міровоззрѣнія христіанскому, какъ «вашего» «нашему»; свободное оперированіе автора съ тончайшими философскими понятіями неоплатонизма, и предположеніе полного знакомства читателей съ этими понятіями; частыя обращенія къ Проклу лично, какъ живому лицу, — все это доказываетъ, что спорить съ Прокломъ современникъ. Таковы субъективныя основанія Дрэзеке. Болѣе объективный характеръ носятъ указанія на то, что авторъ опроверженія Прокла готовъ дать въ своей богословской системѣ извѣстное мѣсто платоновскимъ идеямъ, что «Сократъ и Платонъ» служатъ у него логическимъ примѣромъ вмѣсто обычнаго въ болѣе позднее время «Петра и Павла»; что онъ говоритъ о христіанахъ, истолковывающихъ аллегорически платоновскую μετεσφράττωσις, т. е. о Немезіи, врядъ ли извѣстномъ Николаю.

Считая авторство Прокопія доказаннымъ, Дрэзеке дѣлаетъ попытку приблизительно указать время написанія пмъ книги противъ Прокла. Указавъ на зависимость христологии Прокопія отъ псевдо-Василія Великаго¹⁾ и вѣроопредѣленія Халкидонскаго собора, онъ устанавливаетъ terminus post quem—451 г. Проклъ умеръ въ 485 г.; στοιχεῖωσις θεολογική онъ написалъ, по Фрейденталю (*Herms XVI, 217*), въ 30-хъ годахъ V-го вѣка.

Прокопій обращается къ Проклу, какъ къ живому преемнику Платона по аѳинской школѣ. Слѣдовательно наше сочиненіе писано между 450—485 годами; м. т. до сихъ поръ жизнь Прокопія относили къ 465—528 г.г. «Книга противъ Прокла» заставляетъ полагать ее нѣ-

1) Дрэзеке пишетъ: Аполлинарія Лаодикійскаго. Рѣчь идетъ однако о соч. «Противъ Евномія» и «диалогахъ о Троицѣ», относительно которыхъ авторство Аполлинарія, утверждаемое Дрэзеке, далеко не общепризнано. Г. Спасскій въ книгѣ: «Аполлинарій Лаодикійскій» (Сергіевъ Посадъ, 1895 г.) оспариваетъ его очень полновѣсными доводами и считаетъ авторомъ Дидима Александрійскаго.

сколько ранѣе, напр. отъ 450 до 512—515 гг. (Постройка еракійской стѣны императоромъ Анастасіемъ есть послѣднее событіе, ясно упоминаемое Прокопіемъ. Землетрясеніе же въ Антиохіи, упоминаемое въ отрывкахъ «монодіи» на Антиохію, можетъ быть и землетрясеніемъ 458, а не 528 года).

Далѣе, если не только 146-я глава, а все сочиненіе противъ Прокла принадлежитъ Прокопію, то несомнѣнно, что Прокопій зналъ и пользовался такъ называемымъ Діонисіемъ Ареопагитомъ, и предполагалъ для Прокла такое знаніе возможнымъ (гл. 78), т. е. что псевдо-Діонисій писалъ въ IV—V вѣкахъ.

Г. Дрзееке извѣстенъ своей болѣе усердной, чѣмъ успѣшной погоней за открытіями въ области исторіи византійской литературы. Какъ видитъ читатель, въ настоящей статьѣ нѣтъ ни одного соображенія, сдѣлать которое было бы невозможно до открытія Демосеена Русса; что ихъ никто не дѣлалъ, что никто до тѣхъ поръ не считалъ Николая Меѳонскаго въ данномъ случаѣ плагиаторомъ, показываетъ, какъ мало въ нихъ объективно-убѣдительнаго. Дѣйствительно вѣскимъ основаніемъ въ пользу авторства Прокопія остается открытіе Демосеена Русса. Что Николай *буквально списалъ* Прокопія, ничего не прибавляя и не убавляя, Дрзееке не доказалъ, и врядъ ли можно съ валичными средствами доказать это; а выводы относительно Діонисія Ареопагита, сдѣланные имъ отсюда, такого рода, что при современномъ состояніи вопроса о послѣднемъ я бы охотнѣе призналъ въ Николаѣ Меѳонскомъ нѣчто болѣе, чѣмъ переписчика, чѣмъ согласился бы отнести Діонисія къ началу V, тѣмъ болѣе къ IV вѣку. «Dionysische Anschauungen und Ausdrücke», указанныя Дрзееке, на рубежѣ V—VI вв. (такъ какъ хронологія Дрзееке опять-таки не обязательна), въ Газѣ, у полемиста противъ неоплатоника возможны; но самыя сочиненія и ихъ псевдонимъ врядъ ли могъ быть извѣстенъ и Проклу, и даже Прокопію.

J. van den Gheyn, S. I., *Le siège épiscopal de Diaulia en Phocide* (стр. 92—95). Дается списокъ извѣстій о діавлійской епископской кафедрѣ съ VIII по конецъ XVIII вѣка; всѣхъ замѣтокъ автору удалось собрать 16 и число извѣстныхъ по именамъ епископовъ поднять съ 5 (какъ у Ле-Кіена) до 12-ти.

Th. Büttner-Wobst, *Die Verehrung der heiligen Glykeria* (стр. 96—99).

По Теофилакту Симокаттѣ I, 11 и Иоанну Антиохійскому (С. Müller F. N. G. V, 1, p. 38), мощи св. Гликеріи почивали въ VI—VII вѣкѣ въ Гераклеѣ; въ VIII-мъ, по AA. SS. (Sept. V, p. 276), они находились на Лемносѣ. На мраморной ракѣ въ церкви св. Георгія въ Гераклеѣ есть надпись въ стихахъ, свидѣтельствующая, что въ ракѣ почивали мощи св. Гликеріи, при чемъ они названы *θεία χάρα*.

Авторъ думаетъ, что по перевезеніи мощей въ Лемнось въ Гераклеѣ продолжали утверждать, что тамъ осталась глава св. Гликеріи; иначе, что *θεία χάρα* надо понимать буквально, какъ сдѣлалъ уже первый изда-

тель Мордтманнъ (*Archäol.-epigr. Mittheilungen aus Österreich*, т. VIII, стр. 226 и сл.). Третьимъ мѣстомъ, гдѣ особенно чтится св. Гликерія, можно считать мѣсто ссылки игумена св. Никиты Мидкиота въ 813 г. (ошибка, вмѣсто 815 г.)—одинъ изъ Принцевыхъ острововъ, носившій имя ἄγια Γλυκερία; по соображеніямъ автора, это нынѣшній островокъ Ниадро.

D. Kaufmann, *Die Chronik des Achimaas über die Kaiser Basilius I u. Leon VI* (стр. 100—105).

Дается переводъ разсказа еврейской хроники, изданной Нейбауеромъ въ 2-мъ томѣ *Mediaeval Jewish Chronicles*, стр. 110—132, о пребываніи раввина Шефатхи въ Византію у императора Василія I и о преслѣдованіи за вѣру, воздвигнутомъ этимъ императоромъ на евреевъ въ южной Италіи и прекращенномъ Львомъ VI. Изъ разсказа хроники ясно, что гонитель евреевъ былъ Василій I, а не II, какъ думалъ Цунцъ, и что Левъ VI не продолжалъ гоненія, какъ думалъ Грець.

G. Wartenberg, *Das Geschichtswerk des Leon Diakonos* (стр. 106—111).

Пересматривается вопросъ, законченное ли произведеніе представляетъ изъ себя хроника Льва Діакона, или нѣтъ. Послѣднее думаетъ Фишеръ на основаніи фразы X, 10: ἀλλὰ ταῦτα μὲν κατὰ μέρος εἰς τοὺς ἐκλυτῶν κειροῦς ἢ ἱστορία παραδηλώσει, при чемъ обѣщаннаго, повидимому, этими словами разсказа въ хроникѣ не оказывается. Авторъ находитъ во второй части хроники немало признаковъ незаконченности ея: такова частая переменна мѣста дѣйствія безъ требуемыхъ стилемъ Льва Діакона въ этихъ случаяхъ оговорокъ; выведение на сцену лицъ и событій, какъ новыхъ, хотя о нихъ уже говорилось ранѣе; наконецъ, 2 противорѣчащихъ другъ другу извѣстія о наказаніи, постигшемъ Фокадовъ Льва и Никифора послѣ перваго возстанія (VII, 2 и IX, 3).

K. Prächter, *Ein Chronikfragment aus Cod. Bern. 450* (стр. 112—113).

Этотъ списокъ римскихъ кесарей (Ромулъ, Юлій Цезарь, Августъ и т. д. до Траяна) стоитъ въ означенной рукописи на 22 мѣстѣ; онъ взятъ повидимому изъ патріарха Никифора (именно по Paris. 233, р. 91, 8), но съ нѣсколькими дополненіями и передѣлками, источники которыхъ указываются авторомъ замѣтки.

G. Caro, *Zur Chronologie der drei letzten Bücher des Pachymeres* (стр. 114—125).

Попытка установить хронологію приключеній каталанскаго наемнаго отряда въ Константинополь и попутно рѣшить вопросъ о времени составленія хроники Пахимера до 6-й книги и 6 и 7 книгъ. Для этого слѣдуютъ извѣстія 3-хъ послѣднихъ книгъ Пахимера и хроники участника похода Мунтанера (изд. Antonio de Bofarull, *Cronica Catalana de Ramon Muntaner*, Barcelona 1860). Результаты сопоставлены въ концѣ статьи въ формѣ таблицы. Книги Пахимера 1—5 окончены, по г. Каро, приблизительно зимой 1304/5 г., кн. 6 и 7 не позже осени 1307 г.

Sac. G. Mercati, *Gli aneddoti d'un codice Bolognese* (стр. 126—143).

Авторъ сообщаетъ: во-первыхъ, о сочиненіяхъ Михаила Италика, пи-

сателя, открытаго въ 1895 г. М. Treu (см. *Byz. Ztschr.* т. IV, стр. 1—22; *Виз. Врем.* т. II, стр. 256—257), находящихся въ Болонской рукописи № 2412. Эта рукопись составлена изъ 3-хъ, переплетенныхъ вмѣстѣ, 2-хъ XIII-го, одной XV-го в.; сочиненія — 4 рѣчи — Михаила Италика занимаютъ листы 61—92 первой части. Изъ нихъ особенно интересны двѣ: рѣчь о дѣяніяхъ императора Іоанна Комнина въ Сиріи и панегирикъ Мануилу, сыну императора Іоанна. Во второй части 1-й рукописи, лл. 143—151, послѣ исторіи Зонары находятся 4 статьи неизвѣстнаго автора, архимандрита Манганскаго монастыря св. Георгія. Это лирическія изліянія, жалобы на судьбу и моленія къ Иринѣ Августѣ и императору Калоіоанну. Отрывки автобиографическаго характера приведены г. Меркати полностью. По его мнѣнію, авторъ жилъ между 1060 и 1120 годами. Полностью же дается въ концѣ статьи текстъ обоихъ «моленій».

R. Stampé, *Noch einmal Philopatris* (стр. 144—149).

Авторъ защищаетъ свою книгу о пресловутомъ діалогѣ противъ Rohde (*Byz. Ztschr.* V, 1—15; *Виз. Врем.* III, 1, стр. 187—188). Ничего новаго въ этой защитѣ однако нѣтъ, такъ что, кто до сихъ поръ склонялся на сторону Газе, Нибура и Роде, тотъ останется на ней и послѣ этой статьи. Крампе, пытаясь отнять рѣшительный характеръ у фактическихъ возраженій Роде, вѣскость которыхъ признается имъ самимъ, настаиваетъ тутъ особенно на томъ, что только при принятіи его толкованія діалогъ получаетъ цѣльность и первая часть является органически необходимой.

E. Kurtz, *Zu der itazistischen Spielerei* (стр. 150).

По рукописи Моск. Сив. библ. № 316 исправляется текстъ извѣстныхъ шутокъ итацизмами, напечатанныхъ Treu въ *Byz. Ztschr.* V, 337.

Th. Reinach, *Un poème méconnu du patriarche Gennadius* (стр. 151—154).

Указывается, что стихотвореніе, напечатанное у Миллера (*Manuelis Philae carmina*, II, 380), имѣетъ акrostихъ: *Σχολαρίου πέφυκε πᾶν χειρῶν πόνος*, откуда видно, что авторъ его—извѣстный Георгій, въ монашествѣ Геннадій, Схоларій.

C. Ferrini, *Notizie su alcuni manoscritti importanti per la storia del diritto greco-romano* (стр. 155—157).

Сообщаются нѣкоторыя свѣдѣнія о рукописяхъ: Ambros. D 62 (папшесствъ XI в., Базилика); Cod. Vall. E 55 (ватиканская, по Цахаріэ, рецензія Прохирона, но съ нѣкоторыми отличіями отъ Vatic. 1168) и Cod. Vallis. F 13 (неизвѣстный до сихъ поръ списокъ Прохирона съ любопытными добавленіями въ концѣ).

R. Wunsch, *Zur Escorialhandschrift Ψ—IV—22* (стр. 158—163).

Въ названной рукописи, по каталогу Миллера, на лл. 21—213 значились неизвѣстныя доселѣ произведенія греческой народной поэзіи. Wunsch, бѣгло разсмотрѣвъ рукопись, нашелъ, что это не совсѣмъ такъ: главное содержаніе этихъ листовъ — извѣстный романъ о Ливистрѣ и Родамнѣ; есть однако и новые стихи и стихотворенія, особенно съ л. 139,

почему Wünsch считаетъ желательнымъ, чтобы ктонибудь внимательно занялся этой рукописью.

A. Eiter, Johannes Kotrones der Verfasser des Hermippus und anderer Dialoge? (стр. 164—165). — Обращаетъ вниманіе на cod. Taurin. XLV в., V, 25 по описанію Пазини, гдѣ значатся 3 философскіе діалога: «Ермиппъ» и 2 неизданныхъ съ именемъ Іоанна Котрона, неизвѣстныхъ Фабрицію; тому же автору они приписаны и въ замѣткѣ cod. Taurin. CCLXXXVI, с. I. 41. Авторъ обѣщаетъ издать 2 новыхъ діалога (Ермодотъ и Мусоклъ).

II-й отдѣлъ (стр. 166—181) состоитъ изъ рецензій на слѣдующія книги:

Constantin le Rhodien, Description des oeuvres d'art et de l'église des saints apôtres de Cple, publiée par Emile Legrand et suivie d'un commentaire archéologique par Théodore Reinach. Revue des études gr., 9 (1896) 32—103 и Г. П. Беглери, *Храмъ свв. Апостоловъ и другіе памятники Е-мъ по описанію Константина Родія*. Одесса 1896. Рец. Th. Preger (стр. 166—168).

A. Wirth. Chronographische Späne. Frankfurt a. M., M. Diesterweg 1894. Рец. C. E. Gleye (стр. 168—169).

Aegyptische Urkunden aus den Königlichen Museen zu Berlin. Herausgegeben von der Generalverwaltung. Koptische u. arabische Urkunden. Erster Band. Erstes Heft. Berlin 1895. Рец. A. Wiedemann (стр. 169—170).

Marci Diaconi Vita Porphyrii episcopi Gasensis ediderunt societatis philologicae Bonnensis sodales. Lipsiae 1895. Рец. A. Ehrhard (стр. 170—172).

Aug. Grosspietsch, De τετραπλῶν vocabulorum genere quodam. Bresl. philol. Abhandlungen, VII B., 5 Heft. Breslau 1895. Рец. K. Dieterich (стр. 172—173).

Gaston Dodu, Histoire des institutions monarchiques dans le royaume latin de Jérusalem 1099—1291. Paris 1894, и

Онъ-же, De Fulconis Hierosolymitani regno. Paris, Hachette 1894. Рец. K. Neumann (стр. 173—174).

Μανουήλ Ίω. Γεδεών, Προικόννησος. Ἐκκλησιαστικὴ παροικία, ναοὶ καὶ μοναὶ, μητροπολίται καὶ ἐπίσκοποι. Ἐν Κ/πόλει 1895. Рец. E. Oberhummter (стр. 175).

Ан. Спасскій, Аполлинарію Лаодикийскій. Сергіевъ Посадъ 1895. Рец. N. Bonwetsch (стр. 175—177).

Arşak Ter-Mikellian, Die armenische Kirche in ihren Beziehungen zur byzantinischen (vom IV—XIII Jahrh.). Leipzig, G. Fock. 1892. Рец. A. Ehrhard (стр. 177—179).

На страницахъ 180—181 *Wilhelm Pesz* реферируетъ свою полемику съ *K. Fick* о древнемъ названіи венгровъ у Константина Багрянно-

роднаго (De administrando imperio cap. 18)—Σαβχρτοιάσφαλο. Реферируемыя статьи помѣщены въ *Egyetemes Philologiai Közlöny* 1896, май, 385—389 (Pecz); *Századok* 1896, сентябрь, 607—616 (Fiók); *Egyet. Phil. Közl.* 1896, ноябрь, 800—806 (Pecz).

Въ отдѣлѣ III (стр. 181—218) обращаемъ вниманіе читателей на слѣдующія указанныя редакціей книги и статьи:

По литературѣ, книговѣдѣнію и фольклору:

J. de Arnim, *Dionis Prusaensis, quem vocant Chrysostomum, quae exstant omnia*, vol. II. Berlin, Weidmann 1896. На стр. 311—332 приводятся извлечения изъ Діона Синезія и сужденія о немъ Ареѣы кесарійскаго и Θεодора Метохпта. См. рец. Леор. Cohn'a въ *D. Litteraturzeitung*, 1897, № 2, стр. 54—55.

Wilh. Weinberger, *Studien zu Thryphiodor u. Kolluth*. Wiener Studien 18 (1896, 116—159). — О языкѣ названныхъ писателей. Обѣщанъ отдѣлъ о ихъ метрикахъ и затѣмъ новое изданіе текстовъ.

***Chronica minora saec. IV, V, VI, VII ed. Theodorus Mommsen*, Vol. III fasc. III въ: *Monum. Germ. historica, Auctorum antiquissimorum tomi XIII pars III*. Berolini, Weidmann 1896, 356—496.**

Сюда вошли между прочимъ *Fasti Theonis Alexandrini a. 138—372*; *Fasti Heracliani a. 222—630* и *Laterculi regum et imperatorum ab astronomis Alexandrinis conditi et Spoli continuati* въ обработкѣ Узенера, разъясненія котораго чрезвычайно важны для византійской хронологіи. См. рец. Neumann'a въ *D. Litteraturzeit.* 1896, № 46, стр. 1454—1455.

Max Brückner, *Zur Beurteilung des Geschichtschreibers Prokopius von Caesarea*. Gymnasialprogramm. Ansbach 1896.

Anton Rüger, *Praepositionen bei Johannes Antiochenus*. I Teil. Programm des Gymnasiums Mütterstadt für 1895—96. Mütterstadt 1896.

Karl Holl, *Die Sacra Parallela des Johannes Damascenus*. Leipzig, Hinrichs 1896 (Texte u. Untersuch. herausgeg. von Gebhardt u. Harnack, Neue Folge I, 1).

На всѣ три книги обѣщаны рецензіи.

K. Prächter, *Unbeachtete Philonfragmente*. Arch. f. Gesch. der Philosophie, 1896, 415—426. — Указывается, что въ отдѣлахъ ветхозавѣтной исторіи Симеона Логовета, Льва Грамматика и прочихъ писателей этого цикла есть не мало отрывковъ изъ Филоновыхъ *Quaestiones in genesim*.

Nicephori Blemmydae *curriculum vitae et carmina nunc primum edidit* Aug. Heisenberg. Praecedit dissertatio de vita et scriptis Nic. Bl. Leipzig, Teubner 1896.—Обѣщана рецензія.

G. Polivka, *Zur Geschichte des Physiologus in den slavischen Litteratu-*

ren. Archiv. f. slav. Phil. 1896, 523—540. — Исслѣдованіе сербскаго текста Физиолога, издавнаго Александровымъ.

По языку:

A. Thumb, *Beiträge zur neugriechischen Dialektkunde I. Der Dialekt von Amorgos*. Indogerm. Forsch. 1896, 1—37. — Попутно дается не мало цѣнныхъ замѣчаній относительно среднегреческаго народнаго говора.

Gust. Meyer, *Albanesische Studien. V. Beiträge zur Kenntnis der in Griechenland gesprochenen albanesischen Mundarten*. Sitzungsber. d. Kais. Ak. d. Wiss. in Wien, philol. hist. Cl., Bd. 134 (1896).

По богословскимъ наукамъ:

Edmund Hauler, *Eine lateinische Palimpsestübersetzung der Didascalia apostolorum*. Wien Gerold 1896 и въ Sitzungsber. d. Kais. Ak. d. Wiss. in Wien, phil. hist. Cl. Bd. 134, Abh. 11. — По автору, напечатавшему по веронскому палимпсесту конца V в. латинскій переводъ Did. ap., извѣстной до сихъ поръ въ видѣ цѣлаго лишь по сирійски (греческаго полнаго оригинала нѣтъ), переводъ сдѣланъ въ IV в.

Anton Halmel, *Die Entstehung der Kirchengeschichte des Eusebius v. Caesarea*. Essen, Baedeker 1896 и

Bruno Violet, *Die palästinischen Märtyrer des Eusebius von Caesarea, ihre ausführliche Fassung u. deren Verhältniss zur kürzeren*. Leipzig, Hinrichs 1896. (Texte u. Untersuchungen herausgeg. von Gebhardt и Harnack, XIV, 4). По Гальмелю, церковная исторія Евсевія незадолго до 313 г. была окончена, какъ цѣльное произведеніе въ 7 книгахъ; къ 315 году она издана впервые съ прибавленіемъ 8 и 9 книгъ; около 325 г. прибавлена 10-я; книга о палестинскихъ мученикахъ стояла на послѣднемъ мѣстѣ во всѣхъ этихъ редакціяхъ и послѣ 325 г. окончательно заняла свое мѣсто послѣ 10-й книги. Виоле даетъ сирійскій текстъ этой книги Куретона, варианты сирійскаго текста Ассемани и отрывки греческаго подлинника и латинскаго перевода, при чемъ печатаетъ новый отрывокъ о св. Θεодосіа, изъ Mon. 366.

P. Benedict Contzen, *O. S. B., Die Regel des heiligen Antonius*. Metten 1896, 66 стр. — Уставъ св. Антонія сравнивается съ житіемъ Антонія Аванасія Великаго (подлинность этого житія послѣдній защищаетъ Цеклеръ противъ Вейнгартена въ книгѣ Askese и Mönchtum, см. ниже, стр. 277), письмомъ Антонія и ἀποφθέγματα его, и доказывается, что отрицать подлинность его, или по крайней мѣрѣ его основы, нѣтъ причинъ.

O. Bardenhewer, *Ungedruckte Excerpte aus einer Schrift des Patriarchen Eulogius v. Alexandrien (580—607) über Trinität u. Inkarnation*. Theol. Quartalschrift 1896, 353—401. — Отрывки напечатаны по Paris. 228, XIII в. и Ватосс. 25, XIV в. (лучшая рукопись) и снабжены нѣмецкимъ

переводомъ и примѣчавіями издателя; все изданіе сдѣлано съ обычной у Bardenhewer'a тщательностью и глубокимъ знаніемъ дѣла.

A. Ehrhard, *Die Legendensammlung des Symeon Metaphrastes u. ihr ursprünglicher Bestand*. Eine paläographische Studie zur griechischen Hagiographie. Festschrift zum 1100 jähr. Jubiläum des deutschen Campo Santo in Rom. Freiburg in Breisgau, Herder 1896, стр. 46—82. — Очень значительная попытка опредѣлить точно на основаніи изученія рукописей Метафраста: Моск. 382 и парижскихъ характеръ и размѣры трудовъ Метафраста въ византійской агиографіи.

По Эргарду все сочиненіе Метафраста состояло изъ 150 житій святыхъ, особенно же греческихъ мучениковъ, по числу псалмовъ Псалтыри, расположенныхъ въ порядкѣ константинопольскаго календаря и раздѣленныхъ на 10 книгъ, послѣднюю изъ которыхъ даетъ въ первоначальномъ видѣ Mosq. 382. Послѣ него его собраніе переписывалось или въ почти первоначальномъ, или распространенномъ видѣ; но древнихъ текстовъ оно собою не упразднило и не вытѣснило, и ихъ сохранилось гораздо больше, чѣмъ обыкновенно предполагается.

По исторіи, этно- гео- и топографіи:

O. Seeck, *Die Entstehung des Indiktionencyklus*, Deutsche Ztschr. f. Geschichtswissensch., 1896, стр. 279—296. — Авторъ выводитъ 15-лѣтній циклъ индиктионовъ изъ Египта, гдѣ въ началѣ IV-го вѣка за начало счисленія взяты годы совпаденія народной переписи съ началомъ пятилѣтняго податнаго ценса, что происходило каждые 15 лѣтъ и впервые произошло въ 312 г., почему и установленіе пятилѣтняго податнаго ценса надо относить къ 297 г.

Emil Schürer, *Der Kalender u. die Aera von Gaza*, Sitzungsber. d. k. preuss. Akad. d. Wiss. 1896, стр. 1065—1087. — На основаніи христіанскихъ надгробій VI вѣка, монетъ, имерологія съ отмѣтками газскихъ мѣсяцевъ, житія Порфирія Газскаго и пасхальной хроники *устанавливается Газская эра*—28 окт. 61 г. до Р. X.

S. Stanojević, *Die Biographie Stefan Lasarevič's von Konstantin dem Philosophen als Geschichtsquelle*. Arch. f. slav. Philol. 1896, стр. 409—472. — Биографія сербскаго князя Стефана Лазаревича (1389—1427), напечатанная и изслѣдованная С. Станоевичемъ, написана Константиномъ Философомъ изъ Кюстендила въ 1431—2 г.; авторъ о многомъ говоритъ, какъ очевидецъ.

O. Seeck, *Untersuchungen zur Geschichte des Nicänischen Concils*. Ztschr. f. Kirchengesch. 1896, 1—71, 319—362. — Рядъ хронологическихъ и критическихъ замѣтокъ и изслѣдованій къ предположенной авторомъ исторіи аріанства.

Funk, *Konstantin der Grosse u. das Christentum*. Theol. Quartalschr. 1896, 429—462. — Основательно критикуется и отвергается мнѣніе,

будто Константинъ руководился въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству исключительно политическими расчетами, — мнѣніе, довольно популярное на западѣ, менѣе — въ русской наукѣ.

Georg Pfeilschifter, *Der Ostgotenkönig Theoderich der Grosse u. die Katholische Kirche*. Münster in Westph., H. Schönningh 1896 (Kirchengesch. Studien herausgeg. v. Knöpfler, III B., H. 1 и 2). — Доказывается, что Теодорихъ не только не притѣснялъ православія, но защищалъ его отъ монофизитства и покровительствовалъ послѣднему императоровъ и отъ внутреннихъ враговъ (лаврентіанская схизма). Специально отношенія Теодориха и напства къ Византіи разбираются на стр. 36, 47, 138—164, 184—203.

A. Mayr, *Zur Geschichte der älteren christlichen Kirche von Malta*. Histor. Jahrbuch der Görresgesellschaft. 1896, стр. 475—496. — По автору, епископство на Мальтѣ установлено впервые только въ 533 г., и при арабахъ (869—1091), и далеко въ XII-й вѣкъ христіанство было почти искоренено на островѣ; въ періодъ 533—869 г. Мальта входила въ составъ сначала римскаго, а съ императора Льва III-го константинопольскаго патріархата.

По исторіи искусства, нумизматикѣ и эпиграфикѣ:

Joseph Führer, *Eine wichtige Grabstätte der Katakombe von S. Giovanni bei Syrakus*. Blätter für das (bayerische) Gymnasialwesen 1896, стр. 574—584, 699—702. — Паоло Орси издалъ въ Rom. Quartalschr. т. 10, стр. 57 и сл. изображение увѣнчанія дѣвственницы Христомъ и надпись, находящуюся на одной гробницѣ названной катакомбы; и рисунокъ и надпись сильно испорчены. Фюреръ восстанавливаетъ и объясняетъ, насколько возможно, надпись. Дѣвственница Δεάδοτα (= Адеодата) скончалась, видимо въ первой половинѣ V вѣка. См. рецензію въ Theologisches Literaturblatt, 1897, № 5, стр. 59.

Friedrich Henkel, *Der Lorscher Ring*. Eine kunstarchäologische Studie als Beitrag zur Entwicklungsgeschichte der Goldschmiedekunst im Mittelalter. Westdeutsche Zeitschrift für Geschichte u. Kunst 1896, стр. 82—99 и отдѣльно Trier 1896. — Референтъ Вуз. Ztschr. J. S. (trzygowski) относится съ большою похвалою къ остроумію и проникательности автора и его мыслямъ о исторіи мастерства золотого дѣла. Самое кольцо, найденное въ 1893 г. (теперь въ дармштадтскомъ музеѣ) онъ относитъ къ концу X или началу XI в. и считаетъ его работой нѣмецкаго мастера, бывшаго подъ сильнымъ византійскимъ вліяніемъ.

Jul. v. Schlosser, *Die höfische Kunst des Abendlandes in byzantinischer Beleuchtung*. Mitteilungen des Instituts f. österreich. Geschichtsforschung 1896, стр. 441—456. — Объ ἑκφράσεις Мануила II и Иоанна Евгеника, описывающихъ фландро-французскіе гобелены.

Georg Stuhlfauth, *Die altchristliche Elfenbeinplastik*. Zweites Heft der

von Joh. Ficker herausgegebenen Archäol. Studien zum christlichen Altertum u. Mittelalter. — Объячена особая рецензія.

Carl A. Romstorfer, *Die moldauisch-byzantinische Baukunst*. Allgem. Bauzeitung 1896, Heft. 3, S. 82—99 и отд. — Объячена особая рецензія.

Далѣ, страницы 217 и 218 заняты некрологами Павла Калигаса († 15 27 сентября 1896 г.) и Никифора Калогераса († 18 30 октября 1896 г.), принадлежащими перу проф. Спиридона Ламброса.

Указываемъ еще нѣсколько рецензій въ нѣмецкой литературѣ, не вошедшихъ еще въ библиографію «Byzantinische Zeitschrift»:

F. C. Conybeare, *Philo about the contemplative life*, 1895 г., и *Wendland. Die Therapeuten u. die philonische Schrift vom beschaulichen Leben*, 1896 г. Рец. A. H(ü)lgenfeld) въ Zeitschr. f. wissenschaftliche Theologie 1897, 1-tes Heft, стр. 154—158.

Dieterich, A., *Die Grabschrift des Aberkios*, Leipzig 1896. Рец. V. Schultze въ Theol. Litteraturblatt 1897, № 8, стр. 94—96.

Stählin, *Beiträge zur Kenntniss der Handschriften des Clemens Alexandrinus*, Nürnberg, 1895. Рец. Klostermann, тамъ же, стр. 96—97.

Franchi de Cavalieri, Pio, *La passio SS. Perpetuae et Felicitatis*. Römische Quartalschrift für christl. Altertumskunde u. f. Kirchengeschichte, fünftes Supplementarheft. Рец. V. Schultze, Theol. Litteraturblatt, 1897, № 1, стр. 4—6.

La guerra gotica di Procopio di Cesarea, ed. Dominico Comparetti, Vol. I. Roma 1895. Рец. C. Neumann въ Deutsche Litteraturzeitung 1896, № 45, стр. 1415—1416.

Zöckler, *Askese u. Mönchtum*. 2-te Auflage, I Band. 1897. Рец. Joh. Dräseke въ Zeitschr. f. wissensch. Theol. 1-es Heft., стр. 158—159.

Kurts, Joh. Heinr., *Abriss der Kirchengeschichte*. 14-te Auflage. Рец. въ Theol. Litteraturblatt 1897, № 7, стр. 84.

Bardenhewer, *Der Name Maria. Geschichte der Deutung desselben*. Freiburg 1895. Рец. Zöckler въ Theol. Litteraturblatt 1897, № 13, стр. 158.

A. Mordtmann, *Die deutsche Gesandtschaft in Konstantinopel 1573—1587*. Bern 1895. Рец. J. Goldsiher въ Deutsche Litteraturzeitung 1897, № 4, стр. 147.

Franz Xaver Kraus, *Geschichte der christlichen Kunst*, I Band, Freiburg 1895. Рец. Funk въ Theologische Quartalschrift 1897, Heft. 1, стр. 152—155; и Ficker въ Deutsche Litteraturzeitung 1896, № 49, стр. 1556—1557.

Григорій Церетели, *Сокращенія въ греческихъ рукописяхъ, преимущественно по датированнымъ рукописямъ Петербурга и Москвы*. СПб. 1896. Рец. W. Wattenbach въ Deutsche Litteraturzeitung 1897, № 1, стр. 16—17.

Б. Меліоранскій.

6-го апрѣля 1897 года.

ФРАНЦІЯ.

Hipp. Delehayе. *Une épigramme de l'Anthologie Grecque.* (Напечатано въ Revue des études grecques 9 (1896), p. 216—224).—Ученому Delehayе удалось съ помощью еще неизданной легенды о Даниилѣ Столпникѣ объяснить и возстановить дошедшую до насъ въ испорченномъ видѣ эпигramму на него (см. Anthol. Palat. I, 99). Издатель эпигramмы съ большою вѣроятностью предполагаетъ, что авторомъ ея является Киръ, основатель знаменитаго храма τὰ Κύρου.—См. Byzantinische Zeitschrift. V. VI. H. 1. 1897. S. 183.

Giorgio Castellani. *Un traité inédit en grec de Cyriaque d'Ancona.* (Напечатано въ Revue des études grecques. 9 (1896), p. 225—230).—Ни объ одномъ греческомъ сочиненіи итальянскаго купца Кирьяка Анконскаго, который является предшественникомъ нашихъ ученыхъ археологовъ-путешественниковъ, до сихъ поръ ничего не было извѣстно. Теперь Каstellани издалъ на основаніи Cod. Marc. gr. 517 небольшой греческій трактатъ Кирьяка о римскихъ названіяхъ мѣсяцевъ; трактатъ этотъ имъ написанъ въ 1448 году при дворѣ спартанскаго деспота Константина Палеолога, которому и посвященъ. — См. Byz. Zeitsch. V. VI. H. 1. S. 186.

J. Bidez et L. Parmentier. *Notes sur quelques manuscrits de Patmos.* (Напечатано въ Revue de philologie 20 (1896), p. 116—125).—Напечатанныя замѣтки двухъ упомянутыхъ авторовъ касаются одной изъ патмоскихъ рукописей, въ которой находится церковная исторія Евагрія и Сократа; но по всѣмъ признакамъ рукопись эта не даетъ никакихъ исправленій къ тексту обоихъ церковныхъ историковъ.—См. Byz. Zeitsch. V. VI. H. 1. S. 189.

A. Fournier. *Sur une formule magique de guérison.* (Напечатано въ Mémoires de la Société de linguistique 9 (1896), p. 399—405).—Изданный Васильевымъ въ Anecdota graeco-byzantina (I, p. 336) довольно поздній греческій отрывокъ вновь на основаніи рукописи воспроизведенъ французомъ Фурнье, объясненъ имъ со стороны языка и переведенъ на французскій языкъ.—См. Byz. Zeitsch. V. VI. H. 1. S. 190.

Léon Clugnet. *Dictionnaire grec-français des noms liturgiques en usage dans l'église grecque.* Paris, Picard. 1895. XII, 186.—Книга эта мнѣ извѣстна только по заглавію.

A. d'Avril. *La lettre d'Anastase le bibliothécaire.* (Напечатано въ Revue de l'Orient chrétien 1 (1896), p. 124—129).

Ch. Diehl. *L'Afrique Byzantine. Histoire de la domination byzantine en Afrique (533—709).* Ouvrage couronné par l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. Paris. 1896. XV 644 стр.—Будетъ особая рецензія. См. благоприятную рецензію въ Revue Historique. 1897. Mars-Avril, p. 325—328.

L. Duchesne. *Les missions chrétiennes au sud de l'empire romain.* (Напечатано въ Mélanges d'archéologie et d'histoire 16 (1896), p. 79—122).— Авторъ описываетъ судьбы христіанства въ странахъ, сосѣднихъ съ римской имперіей, отъ Атлантическаго океана до Персидскаго залива и Евфрата. Въ упомянутой статьѣ разсказывается только судьба абиссинской церкви. Статья эта вновь напечатана въ книгѣ того же автора «Églises séparées».—См. Byz. Zeitsch. B. VI. H. 1. S. 205.

L. Duchesne. *Les premiers temps de l'état pontifical. III. L'empire italien. IV. La succession de Louis II.* (Напечатано въ Revue d'histoire et de littérature religieuses. I (1896), стр. 297—334; 453—483).— Названная работа служить продолженіемъ уже ранѣе отмѣченнаго на страницахъ Византійскаго Временника (т. III, стр. 710) труда того же автора и рисуеетъ отношенія папства къ императорамъ со смерти папы Льва III (12 июня 816 г.) до смерти папы Иоанна IX (январь 900 г.).—См. Byz. Zeitschr. B. VI. H. I. S. 206.

A. d'Avril. *La Serbie chrétienne.* (Напечатано въ Revue de l'Orient chrétien. I (1896), стр. 7—42; продолженіе будетъ).—Мнѣ неизвѣстно.

Germer-Durand. *Épigraphie Palestinienne.* (Напечатано въ Revue Biblique 5 (1896), стр. 601—617).— Авторъ въ своей работѣ издаетъ много латинскихъ и греческихъ надписей императорскаго времени.—См. Byz. Zeitschr. B. VI. H. I. S. 212.

H. Derenbourg. *Souvenirs historiques et recits de chasse par un émir Syrien du XII-e siècle.* Autobiographie d'Ousâma-Ibn-Mounkidh intitulé: L'instruction par les exemples. Traduction française d'après le texte arabe par H. Dar. 1 томъ, 238 стр. Paris. Leroux. 1895.— Въ своей новой книгѣ, которая является какъ бы дополненіемъ къ предыдущему труду Деренбурга о жизни Усамы (см. Revue critique, 1894, 2 sem., p. 130), авторъ даетъ хорошій, изящный французскій переводъ арабской автобіографіи сирійскаго эмира XII вѣка Ousâma-Ibn-Mounkidh, который большую часть своей бурной, полной приключеніями жизни провелъ на полѣ битвы. Въ его автобіографіи интересны отношенія этого знаменитаго мусульманскаго героя къ христіанамъ, къ которымъ у него не было непримиримой фанатической ненависти. Кромѣ того, эта книга даетъ обстоятельныя свѣдѣнія о настроеніи и нравахъ мусульманъ въ періодъ времени между первымъ и третьимъ крестовыми походами.—Рецензію см. въ Revue Critique. 1896, № 45, стр. 333—335.

H. Derenbourg. *Les croisades d'après le dictionnaire géographique de Jâkoût.* (Extrait des publications de l'École des langues orientales).— Деренбургъ на основаніи географическаго словаря извѣстнаго арабскаго путешественника XIII вѣка Якута, изданнаго въ арабскомъ подлинникѣ Вюстенфельдомъ (Jacut's geographisches Wörterbuch. 6 томовъ. Лейпцигъ. 1866—1871), въ хронологическомъ порядкѣ изложилъ встрѣчающіяся у него свѣдѣнія о крестовыхъ походахъ. Въ новой книгѣ Деренбурга можно найти нѣкоторыя подробности о взятіи Антиохіи и

Иерусалима во время перваго крестоваго похода, о Франкскихъ завоеваніяхъ въ періодъ времени между первымъ и вторымъ походомъ, особенно о капитуляціи Тира (1124—1125), о взятіи Сен-Жан-д'Акры въ 1191 году, о походѣ на Даміетту. Якутъ не говоритъ ни о второмъ, ни о четвертомъ походѣ.—См. *Revue Critique*. 1896, № 45, стр. 334—335.

J. van den Gheyn. *Le siège épiscopal de Diaulia en Phocide*. (Напечатано въ *Byzantinische Zeitschrift*, B. VI. H. I. S. 92—95).—См. выше стр. 269.

Th. Reinach. *Un poème méconnu du patriarche Gennadius*. (Напечатано въ *Byzantinische Zeitschrift*, B. VI. H. I. S. 151—154).—См. выше стр. 271.

Ch. Diehl. *L'origine du régime des thèmes dans l'empire byzantin*. Extrait des «*Etudes d'histoire du moyen âge dédiées à Gabriel Monod*». Paris, Leopold Cerf, 1896, 16 стр.—Дѣленіе византийскаго государства на темы, т. е. на округа, въ которыхъ военная и гражданская власть были въ однихъ рукахъ, является результатомъ медленнаго развитія. Первые признаки темъ замѣтны въ VI вѣкѣ, въ *magistri militum* (напр., *magister militum per Thraciam*). Еще въ VII вѣкѣ можно опредѣлить границы тѣхъ большихъ округовъ, которые находились подъ военнымъ управленіемъ *magistri militum*. Такому *magister militum per Armeniam* въ VI вѣкѣ соотвѣтствуетъ *Стратигός τῶν Ἀρμενιάκων* въ VII вѣкѣ, во второй половинѣ котораго извѣстны намъ слѣдующіе военные округа: Италия, Африка, Армения, Анатолійскій, Опсикій, Фракія, Кивиреотовъ, Элада и Сицилія. Эти округа оказались настолько обширными, что съ теченіемъ времени распались на болѣе мелкія, ранѣе неизвѣстныя единицы—темы, которыя въ X вѣкѣ сдѣлались очень многочисленны, что мы видимъ изъ сочиненія императора Константина Багрянороднаго *De thematibus*. Также не сразу, а мало-по-малу развивалось и другое явленіе, а именно, соединеніе въ рукахъ начальника темы—стратега или патриція—военной и гражданской власти. Самое слово тема въ смыслѣ области, округа является впервые около середины VIII столѣтія. Раньше слово *θέμα* равнялось по значенію греческому *στράτος*, латинскому *exercitus*; такимъ образомъ первоначально темы были не чѣмъ инымъ, какъ корпусомъ солдатъ, назначеннымъ для защиты опредѣленной области. Со временемъ военная власть все тѣснѣе и тѣснѣе срослась съ территоріей, и у Никифора Патриарха уже слово *στράτος* неоднократно замѣняется словомъ *χώρα*. Подобныя колебанія въ терминологіи указываютъ на борьбу между прежними гражданскими епархіями и новою военною властью, которая и поглотила совершенно первыя. Поэтому ранѣе обширныя темы, частью вслѣдствіе стратегическихъ и политическихъ цѣлей, частью вслѣдствіе того, что на нихъ пала обязанность управления и гражданскими дѣлами, были подраздѣлены на болѣе мелкія.—См. *Byz. Zeitschrift*. B. VI. H. I. S. 202—203.

Dr. E. Tachella. *Les anciens pauliciens et les modernes bulgares catholiques de la Philippopolitaine*. (Въ *Museon et la Revue des religions*. T. XVI et I, № 1. Louvain. Janv. 1897, стр. 68—90, будетъ продолженіе).

J. B. Chabot. *Le livre de la chasteté, composé par Jesdanah, évêque de Baçrah.* Publié et traduit par G. B. Ch. (Въ Melanges d'archéologie et d'histoire de l'école Française de Rome. XVI année, fasc. III—IV. Mai-Juillet. 1896. Paris—Rome).

А. Васильевъ.

ИТАЛІЯ.

D. Comparetti. *La Guerra Gotica di Procopio di Cesarea.* Testo greco emendato sui manoscritti con traduzione Italiana. *Vol. secondo.* Напечатано въ Fonti per la storia d'Italia pubblicate dall' Istituto storico Italiano. Scrittori. Secolo VI. Roma. 1896.— Будеть особая рецензія.

Dom Bassi. *Due altri codici inesplorati dell' opuscolo di Pediasimo* περὶ τῶν δώδεκα ἀθλῶν τοῦ Ἡρακλέους. (Напечатано въ Rivista di filologia. N. S. 2, 1896, 544—548).— Авторъ описываетъ кодексы Ambros. A. 80. sup. и A. 115. sup., въ которыхъ находится названное произведение Педіасима, и говорить о результатахъ сличенія этихъ кодексовъ съ текстомъ изданія Вагнера (R. Wagner), Mythographi graeci I, p. 247—259.— См. Byz. Z. B. VI. H. 1. S. 186.

Giorgio Castellani. *Documenti Veneziani inediti relativi a Francesco e Mario Filelfo.* (Напечатано въ Archivio storico Italiano. Ser. V. T. 17, 1896, 364—370).— Авторъ на основаніи двухъ латинскихъ документовъ, которые онъ тутъ же приводитъ, говорить объ отношеніяхъ Франческо Филельфо и его сына Маріо къ Венеціи, куда они оба, одинъ въ 1417, другой въ 1460 году, были приглашены въ качествѣ учителей. Франческо нѣкоторое время служилъ секретаремъ венеціанскаго посла въ Константинополь.— См. Byz. Zeitsch. B. VI. H. 1. S. 186—187.

V. Puntoni. *Indice dei codici greci della biblioteca Estense di Modena.* (Напечатано въ Studi italiani di filologia classica 4, 1896, p. 379—536).— Изданіемъ подробнаго каталога греческихъ рукописей моденской бібліотеки Пунтони оказалъ большую услугу наукѣ. До послѣдняго времени ученые могли пользоваться только неполнымъ рукописнымъ инвентаремъ бібліотеки; вслѣдствіе чего происходили, напримѣръ, такія недоразумѣнія, что лучшему знатоку текста историка Зонары Бюттнеру-Вобсту остались неизвѣстными двѣ важныя находящіяся въ этой бібліотекѣ рукописи этого писателя. Большинство рукописей моденской бібліотеки состоитъ изъ произведеній свѣтской литературы, между которыми можно отмѣтить сочиненіе императора Никифора Фоки *Περὶ κατὰστάσεως ἀπλῆκτου*; Miscellanea Θεοδора Μετοχита; сочиненіе Іоанна Βотаниаты о ямбическомъ размѣрѣ; приписываемыя Георгію Акрополиту схолиа на Григорія Назіанзина; разныя сочиненія Георгія Кипрскаго, Никифора Влеммиды, Георгія Пахимера, Плануды и др.— См. Byz. Zeitsch. B. VI. H. 1. S. 188—189.

Bessarione. *Publicazione periodica di studi orientali*. Roma-Siena. 1896. Anno I. № 4—6.— Вопреки ожиданію ученыхъ, что въ этихъ публикаціяхъ будутъ появляться статьи по исторіи византійской церкви, послѣдніе вышедшіе номера занимаются современнымъ вопросомъ о соединеніи церкви и другими, которые не имѣютъ никакого отношенія къ византійской наукѣ.—См. Byz. Zeitsch. B. VI. H. 1. S. 190.

Giovanni Mercati. *Un palimpsesto Ambrosiano dei salmi esapli*. Torino. 1896. 24 стр. (Извлечение изъ Atti della Reale Accademia delle Scienze di Torino, vol. XXXI).— Меркати доказываетъ, что латинскій комментарий псалмовъ, значительная часть котораго сохранилась въ Cod. Ambros. C. 301 и въ одной туринской рукописи, представляетъ изъ себя, по всей вѣроятности, появившійся въ V вѣкѣ переводъ юношескаго произведенія Θεοδωρα Μοψουεστιακου, которымъ послѣдній началъ свои экзегетическіе труды и отъ котораго до сихъ поръ были извѣстны только греческіе отрывки и сирійскія извлечения.—См. Byz. Zeitsch. B. VI. H. 1. S. 196.

G. Minasi. *Le chiese di Calabria dal quinto al duodecimo Secolo*. Napoli. Tipografia Lanciano e Pinto. 364 стр.—Книга эта до насъ не дошла.

Paolo Orsi. *Di una necropoli dei bassi tempi riconosciuta nella contrada «Groticelli» in Siracusa*, въ Notizie degli scavi. Roma, Agosto. 1896, стр. 3—25.— Неумолимый изслѣдователь сиракузскихъ катакомбъ описываетъ въ своей новой работѣ 32 гробницы въ области Groticelli къ сѣверу отъ каменоломни св. Венеры въ Сиракузахъ, которыя онъ считаетъ произведеніями византійскаго искусства съ VI по IX вѣкъ.—См. Byz. Zeitsch. B. VI. H. 1. S. 209.

F. Brandileone e V. Puntoni. *Prochiron Legum pubblicato secondo il codice Vaticano greco 845 a cura di F. Br. e V. P.* (Издано въ Fonti per la storia d'Italia pubblicate dall' Istituto storico Italiano. Leggi. Secolo XII. Roma, nella Sede dell' Istituto 1895. XVIII, 348 стр.).— Впервые указалъ на содержаніе вышеназванной рукописи Bart. Capasso въ своемъ изданіи греческаго законника короля Рожера (въ IX томѣ Atti dell' Accademia Pontaniana); но данное имъ описаніе рукописи не отличалось точностью. Брандилеоне, изслѣдователь византійско-итальянскаго права, и Пунтони, издатель извѣстной исторіи Στεφανίτης и Ἰουηλάτης, обнародовали часть кодекса (fol. 3—90), содержащую въ себѣ законникъ, который былъ обработанъ и употреблялся въ греческой Италіи и, безъ сомнѣнія, въ Калабріи. Изданъ законникъ былъ, вѣроятно, въ концѣ X вѣка, хотя сохранившійся текстъ носить на себѣ слѣды переработки, которая, по видимому, должна относиться къ серединѣ XII вѣка, ко времени короля Рожера (1130—1154). Законникъ имѣетъ такое заглавіе: Πρόχειρον νόμων διηρημένον ἐν τίτλοις μ'; его нужно строго отличать отъ Prochiron Василия I. Источниками вновь изданному законнику служили исаврійская Еклога, Πρόχειρος νόμος, Ἐπαναγωγή Василия, изданная въ 920 году Ἐπιτομή τῶν νόμων и нѣкоторыя др.; мѣстами замѣтны слѣды южно-итальян-

скихъ и даже лонгобардскихъ и франкскихъ правовыхъ воззрѣній. Весь матеріалъ раздѣленъ на 40 главъ. Брандидеоне написалъ большое предисловіе объ источникахъ, характерѣ, мѣстѣ и времени изданія Прохирона, приложилъ латинскій переводъ, примѣчанія и указатель словъ; Пунтони же сравнилъ рукописи и установилъ греческій текстъ. Византійская наука должна быть благодарна этимъ двумъ ученымъ итальянцамъ за такое превосходное изданіе столь важнаго для исторіи византійской Италіи памятника. — См. *Byz. Zeitschrift*. В. VI. Н. I. S. 212—213.

Giovanni Mercati. *Gli aneddoti d'un codice Bolognese.* (Напечатано въ *Byzantinische Zeitschrift*. В. VI. Н. I. S. 126—143). — См. выше стр. 270—271.

C. Ferrini. *Notizie su alcuni manoscritti importanti per la storia del diritto greco-romano.* (Напечатано въ *Byzantinische Zeitschrift*. В. VI. Н. I. S. 155—157). — См. выше стр. 271.

А. Васильевъ.

АНГЛІЯ.

J. B. Bury. *Note on Zosimus V, 46.* (Напечатано въ *The Classical Review* 10 (1896) 305). — Bury въ своей замѣткѣ предлагаетъ слѣдующее чтеніе упомянутаго мѣста Зосима: Ὅντα στρατηγὸν καὶ τῶν ἄλλων ἰδῶν ὄσαι Παίονάς τε τοὺς ἄνω καὶ Νωρικῶν καὶ Ραιτοῦς ἐφύλαττον. — См. *Byz. Zeitsch.* В. VI. Н. I. S. 184.

F. C. Conybeare. *Talmudic elements in the «Acts of Abercius».* (Напечатано въ *The Academy* 1896 № 1257, p. 468—470). — Conybeare сравниваетъ въ этой небольшой статьѣ рассказъ о путешествіи Аверкія въ Римъ съ однимъ рассказомъ въ Талмудѣ и рассматриваетъ послѣдній, какъ болѣе простой и первоначальный. — См. *Byz. Zeitschrift*. В. VI. Н. I. S. 195.

Forbes Robinson. *Coptic apocryphal gospels. Translations together with the texts of some of them.* Cambridge, University Press 1896. XXXIII, 264 стр. (Въ *Texts and Studies*. Vol. IV. № 2). — Робинсонъ издаетъ нѣкоторые коптскіе тексты съ англійскимъ переводомъ или даетъ англійскій переводъ уже извѣстныхъ текстовъ, содержащихъ въ себѣ отрывки изъ жизнеописанія Св. Дѣвы, рассказъ о смерти св. Іосифа и выдержки изъ проповѣдей, которыя имѣютъ апокрифическое содержаніе. Текстъ снабженъ подробными объясненіями. — См. *Byz. Zeitsch.* В. VI. Н. I. S. 197.

F. E. Brightman. *Liturgies eastern and western being the texts original or translated of the principal liturgies of the church edited with introduction and appendices by F. E. B. On the basis of the former work by C. E. Hammond.* Vol. I. Eastern liturgies. Oxford. Clarendon Press. 1896. CIV, 607 стр. — Великолѣпно изданная книга содержитъ слѣдующія службы:

I. Сирийскій ритуалъ: 1) Литургія 8-й и 2) 2-й книги апостольскихъ постановлений. 3) Лит. св. Іакова. 4) Лит. сирийскихъ якобитовъ. II. Египетскій ритуалъ: 1) Лит. св. Марка. 2) Лит. коптскихъ якобитовъ. 3) Эфіопская лит. 4) Лит. абиссинскихъ якобитовъ. III. Персидскій ритуалъ: лит. Несторіанъ. IV. Византійскій ритуалъ: 1) Лит. св. Василя и Іоанна Златоуста въ IX вѣкѣ. 2) Лит. Преждеосвященныхъ Даровъ въ IX вѣкѣ. 3) Лит. св. Іоанна Златоуста современной православной греческой церкви. 4) Современная лит. св. Василя В. 5) Лит. армянъ. Къ этимъ текстамъ въ книгѣ присоединены многочисленныя приложенія, напр.: лит. въ Палестинѣ въ IV вѣкѣ, антиохійская литургія (Іоанна Златоуста), Сирийская лит. въ V—VIII вѣкѣ, письмо Іакова эдесскаго къ пресвитеру Θомѣ (Assemani bibl. orient. v. I), іерусалимскіе диптихи, египетская литургія по твореніямъ египетскихъ отцевъ церкви, египетская лит. по арабскимъ Didascalia с. 38, лит. Григорія Назіанзина и другихъ Каппадокійцевъ, византійская лит. до VII вѣка, визант. лит. VII вѣка, визант. диптихонъ и проч. Греческіе тексты приведены въ оригиналѣ, восточные въ переводѣ. Въ концѣ книги приложенъ указатель цитатъ изъ Библии и глоссарій для техническихъ богослужебныхъ терминовъ. — См. Byz. Zeitsch. B. VI. H. I. S. 200—201.

Edward Harper Parker. *The origin of the Turks*. (Напечатано въ The English Historical Review. 11 (1896) стр. 431—445).— Эта работа частью на основаніи сдѣланныхъ русскими археологическихъ открытій и китайскихъ историческихъ источниковъ, частью на основаніи византійскихъ и персидскихъ извѣстій занимается древнѣйшей исторіей и этнографіей такъ тѣсно связаннаго съ Византіей турецкаго народа. Особенно интересно сравненіе извѣстій Менандра Протектора и Теофилакта Симокаттскаго съ извѣстіями китайскихъ источниковъ. — См. Byz. Zeitsch. B. VI. H. I. S. 208.

E. W. Brooks. *On the lists of the patriarchs of Constantinople from 638 to 715*. (Напечатано въ Byzantinische Zeitschrift. B. VI. H. I. S. 33—54).— См. выше стр. 267—268.

Max Müller. *Letters from Constantinople*. With 12 illustrations. London. 1897.

William Metcalfe. *The Great Palace of Constantinople by the late Dr. A. G. Paspates*, translated from the greek by W. M. With a map. London. 1897.

Henry Jackson. *Notes on Clement of Alexandria*. (Напечатано въ The Journal of Philology. Vol. XXIV, № 48).

Fr. C. Conybeare. *On the sources of the text of S. Athanasius*. (Въ The Journal of Philology. Vol. XXIV, № 48).

А. Васильевъ.

James Frederick Hopkins, *The Art of the Byzantine Empire*. — The Boston Herald, 12 Febr. 1897.

Джемсъ Гопкинсъ прочиталъ въ Бостонѣ рядъ лекцій о византій-

скомъ искусствѣ частію въ Бостонской Публичной библиотекѣ (The Boston Public Library), частію же въ Высшей Англійской Школѣ (The English High School). Лекціи сопровождались указаніями на разные иллюстрированныя изданія о Константинополѣ, Венеціи и Равеннѣ,—изданія, которыя составляли цѣлую выставку. Въ введеніи онъ представилъ краткій, но содержательный очеркъ развитія искусства въ Греціи и Римѣ въ то время, когда Константинъ Великій перенесъ свой дворъ изъ Рима въ Византію въ 330 г. и сдѣлалъ восточный городъ столицею Римской имперіи. Затѣмъ онъ указываетъ на условія, при которыхъ былъ основанъ Константинополь. «Византія, сказалъ онъ, была провинціальнымъ городомъ съ большимъ значеніемъ и богатствомъ. Въ торговомъ отношеніи она была однимъ изъ большихъ рынковъ востока; ея положеніе и живописность дѣлаетъ ее совершенно идеальнымъ городомъ. Когда Римъ уже падалъ, она крѣпко усиливалась и быстро поднялась до значенія митрополи; она была не только живописно расположена, но имѣла въ это же время немалое число художниковъ и живописцевъ съ острововъ и изъ Малой Азіи. Эти люди преисполнены были того духа, который сдѣлалъ греческій народъ великимъ и былъ въ силѣ развивать тѣ способности, которыя могли давать артистическіе результаты».

Восточная торговля, нравы и обычаи были всегда извѣстны въ коммерческомъ городѣ и попытки къ введенію восточнаго колорита и украшеній находили тамъ удобную почву. Эти попытки, эта любовь къ колориту и украшеніямъ, которыя шли изъ Греціи и востока, были ограничены, когда императоръ перенесъ сюда свой дворъ, энергическимъ духомъ римскаго строительства, благодаря которому возвышались купола, воздвигались колонны и выросли зданія. Ничего нѣтъ удивительнаго, что этотъ новый стиль архитектуры и орнаментики былъ наступательнымъ; ибо онъ являлся въ такихъ благоприятныхъ условіяхъ, что то очаровывалъ, то казался новымъ и оригинальнымъ. Съ артистической стороны замѣчательно, что это вліяніе было столь широко, что оно распространилось не только по всему востоку, но проникло впоследствии путемъ торговли въ Венецію и Равенну, гдѣ мы видимъ много примѣровъ этого вліянія, которое для изученія здѣсь представляетъ превосходныя удобства.

Стиль церковной постройки сталъ господствовать въ Римѣ, когда Константинъ, измѣнивъ его капитолій, положилъ основу стилю базилики, за которою осталось это имя. За этимъ Гопкинсъ описываетъ признаки стиля базилики и затѣмъ говоритъ о вліяніи этой формы на церковную постройку въ Византіи и въ частности на Св. Софію, которую описываетъ довольно подробно; въ ея орнаментикѣ онъ видитъ пошибъ древней Греціи съ одной стороны, а съ другой онъ видитъ тотъ стиль, какой замѣчается въ украшеніяхъ стѣнъ Альгамбры и во дворцахъ сарацинской эпохи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ даетъ характеристику византійской архитектуры.

Далѣе онъ говоритъ о проникновеніи византійской архитектуры въ Италію съ сѣверо-востока, въ Равенну и отсюда почти до Болоньи. Онъ особенно останавливается на Равеннской церкви San Vitale, о которой приводитъ не мало подробностей. За этимъ онъ говоритъ о Венеціи, въ краткихъ словахъ о значеніи ея на Средиземномъ морѣ и на востокѣ и довольно подробно о церкви Св. Марка, котораго мощи перенесены венеціанцами изъ Александріи; главнымъ образомъ онъ распространяется объ ея архитектурѣ и о восточныхъ мотивахъ въ ней, больше всего о египетскихъ. Нѣсколько останавливается на бронзовыхъ коняхъ надъ дверьми Св. Марка, высказывая предположеніе, что они отлиты по повелѣнію Нерона, на памятникѣ котораго они находились и откуда были взяты для Траянова памятника; Константинъ Великій взялъ ихъ отъ послѣдняго памятника. Венеціанскій дожъ Дандоло взялъ его верхнюю часть, когда онъ овладѣлъ Константинополемъ, но впослѣдствіи эта часть взята была Наполеономъ и перенесена въ Парижъ.

Въ послѣдней своей лекціи Гопкинсъ говоритъ о византійской мозаикѣ, указывая на то, что въ Венеціи, въ церкви Св. Марка, въ мозаикѣ преобладаетъ металлъ, тогда какъ въ Византіи стекло, хотя характеръ мозаики въ обоихъ мѣстахъ одинъ — византійскій.

Сдѣлавъ въ заключеніи характеристику византійскаго стиля, Гопкинсъ считаетъ, что этотъ стиль особенный, единственный и оригинальный. Онъ объ этомъ говоритъ такъ: по своему характеру византійскій стиль представляется единственнымъ и оригинальнымъ. Какъ правило, можно считать, что самый высокій интересъ представляетъ по содержанію его внутренность по сравненію съ внѣшностію. Происходя и развиваясь отъ формы базилики, онъ скоро заимствовалъ отъ римлянъ употребленіе купола, но выставилъ послѣдній совершенно инымъ способомъ. Эти куполы (т. е. византійскіе) не имѣютъ подобія римскихъ: тѣ были закрыты, эти же—въ видѣ вѣнцовъ и въ нихъ вдѣланы были окна. Этотъ стиль отличается свободою въ употребленіи цвѣтовъ, но не въ живописи, мозаикѣ и цвѣтахъ мрамора; и своды всегда были инкрустированы золотомъ, голубою и ярко-зеленою мозаикою для того, чтобы помость, фигуры и живопись находились въ пріятномъ контрастѣ, а колонны и поддержки изъ разноцвѣтнаго мрамора украшали стѣны, на которыхъ рѣзьба была чистая и тонкая, и онѣ были болѣе въ невысокомъ рельефѣ, чѣмъ смѣлые и крѣпкіе. Византійская архитектура была болѣе способна къ воспріятію неблагоприятныхъ условій, чѣмъ архитектура греческая и римская.

The Boston Herald снабдилъ свой довольно подробный отчетъ о лекціяхъ Гопкинса четырьмя изображеніями: церкви св. Марка въ Венеціи, внутренняго вида той церкви, мечети св. Софіи въ Константинополѣ и наконецъ константинопольской мечети, носящей на себѣ вліяніе византійской архитектуры.

II. Сырку.

ГРЕЦІЯ и ТУРЦІЯ.

I. Кондилаксисъ (Γωάννης Κονδυλάκης), *Οἱ ἀγῶνες τοῦ Ἐρωτοκρίτου* [Ἔστια, № 30, 31, 33. 1896 г.].— Эротокритъ — это герой пѣсни въ стихахъ на народномъ критскомъ нарѣчїи, принадлежащей Виченцо Корнару, благородному венеціанскому патрицію, родившемуся на Критѣ. Время, когда жилъ Корнаро, неизвѣстно въ точности, но полагають, что онъ жилъ въ XVI столѣтіи (Α. Ν. Ίωνυχρής, *Περὶ τοῦ Ἐρωτοκρίτου καὶ τοῦ ποιητοῦ αὐτοῦ*. Ἐν Ἀθήναις. 1889, стр. 5—31). Разсказъ Корнара объ Эротокритѣ, содержаніе котораго излагается въ статьяхъ Кондилакиса, давно проникъ въ народную массу и сталъ извѣстенъ всему греческому народу, какъ народная былина. Въ немъ говорится о рыцарскихъ состязаніяхъ при дворѣ аѳинскаго царя Иракла; въ турнирѣ участвуетъ цѣлый рядъ благородныхъ князей и королей, чтобы прїобрѣсти его дочь Аретузу. Эротокритъ сынъ Пезострата, царскаго совѣтника безумно любилъ Аретузу, на состязаніяхъ съ царевичами вышелъ побѣдителемъ и получилъ назначенный побѣдителю вѣнецъ и руку царевны, которая также питала любовь къ Эротокриту. Ср. Kumbacher, *Gesch. der Byzant. Litter.* 2, S. 870.

Δ. Ангелидисъ (Δ. Ἀγγελίδης), *Περὶ τῆς ἐκκλησιαστικῆς δικαιοδοσίας Ναυπάκτου* [Καίροί, 1896, № 2658].—Авторъ, по извѣстнымъ ему источникамъ, вкратцѣ разсказываетъ о томъ, что г. Навпактъ въ качествѣ митрополичьей каѳедры извѣстенъ съ V вѣка и въ IX вѣкѣ ему подчинялось девять епископій. Во времена эпирскихъ деспотовъ, въ XIII столѣтіи, Навпактскій митрополитъ назывался «пречестнымъ Арты и Навпакта и экзархомъ Этоліи». Послѣ того, какъ образовалось нынѣшнее королевство Греціи, Навпактъ сдѣлался просто епископскою каѳедрою съ подчиненіемъ Навпактской и Евритской епархїи.

Н. П. Димитракопулосъ (Ν. Π. Δημητρακόπουλος), *Ἀγῶνες καὶ ἀθλητικά γυμνάσματα παρὰ τοῖς Βυζαντινοῖς* [Καίροί, 1896, 30 и 31 марта].—Авторъ задался цѣлью дополнить наши свѣдѣнія объ играхъ и атлетическихъ упражненіяхъ у византійцевъ. Поводомъ для этой статьи послужило изслѣдованіе профессора С. Ламброса, о которомъ мы скажемъ ниже. Г. Димитракопуло дѣлаетъ свои дополненія и поправки, между прочимъ даетъ объясненіе нѣкоторыхъ названій этихъ игръ, напримѣръ, μονόβολον, κοντομονόβολον, чего не сдѣлалъ г. Ламбросъ.

Анеимъ Алексудисъ, Амасійскій митрополитъ (Ἀνθίμος Ἀλεξούδης, μητροπολίτης Ἀμασειάς), *Σύντομος ἱστορικὴ περιγραφή τῆς Ἀπολλωνίας, πόλεως πάλαι ποτὲ τῆς Νέας Ἠπείρου* [Κωνσταντινούπολις, 1896, № 108, 112 и 114].—Высокопреосвященный митрополитъ Амасійскій Анеимъ даетъ здѣсь краткую, но ясную исторію древняго города Аполлонїи въ Эпирѣ. Онъ говоритъ, во-первыхъ, о времени основанія этого города, о заселенїи его греками въ древнѣйшія времена до Р. Хр. и о тогдашнемъ

образѣ правленія его; затѣмъ, сообщаетъ о немъ историческія свѣдѣнія, изъ которыхъ видно, что этотъ городъ уничтоженъ совершенно послѣ V вѣка по Р. Хр.

Н. Флегель (Κ. Φλέγγελ), Ἐκδρομὴ εἰς τὴν ἐν Σάμφ μονὴν τοῦ Τιμοῦ Σταυροῦ [Νεολόγος, 1896, № 8146 и 8174].— Авторъ этой замѣтки описываетъ свое путешествіе въ монастырь Честнаго Креста на о. Самосѣ. По сообщаемымъ имъ свѣдѣніямъ, этотъ монастырь основанъ около конца XVI вѣка. Изъ числа находящихся въ немъ рукописей авторъ видѣлъ одну, написанную въ XV вѣкѣ и содержащую слова императора Льва VI Мудраго, а также и нѣкоторыя патріаршія грамоты XV вѣка. Впрочемъ, эти грамоты намъ извѣстны изъ книги г. Эпаминонда Стаматіадиса: Ἐκκλησιαστικὰ Σύλλεχτα. Ἐν Σάμφ. 1891.

Мелиссинность Христодуль, архимандритъ (Μελισσηνὸς Χριστόδουλος, ἀρχιμανδρίτης), Τὸ ὄνομα τῆς πόλεως Σαράντα Ἐκκλησιῶν [Κωνσταντινούπολις, 1896, № 40].— Авторъ этой статьи архимандритъ Мелиссинъ поставилъ себѣ задачей найти источникъ, откуда произошло названіе города Σαράντα Ἐκκλησίαι (Сорокъ церквей) въ Восточной Румелии. Въ древности мѣсто этого города занималъ, какъ показываютъ нѣкоторыя карты, еракійскій городъ Ταρπόδιζος или Καρποδαίμων. Упоминаются еще и два другіе города, какъ занимавшіе мѣсто нынѣшняго города, именно Ἠράκλεια и Τζόιδος. По мнѣнію архимандрита Мелиссина, мѣсто города Σαράντα Ἐκκλησίαι занималъ скорѣе городъ Καρποδαίμων. Что же касается до названія Σαράντα Ἐκκλησίαι, то авторъ держится того мнѣнія, что это названіе есть переводъ турецкаго названія Кыркъ-Килысе=40 церквей. Авторъ приводитъ четыре мѣстныхъ преданія о названіи этого города, а также и показаніе одного турецкаго хронографа, который называетъ этотъ городъ Кыркъ-Клиса. Изъ этого онъ заключаетъ, что городъ Σαράντα Ἐκκλησίαι названъ турками такъ потому, вѣроятно, что при завоеваніи его увидали въ немъ какую нибудь большую церковь. Слово Кыркъ не означаетъ только 40, но и большой, много, по замѣчанію автора. Изложивъ свое мнѣніе, авторъ критикуетъ названіе, данное этому городу въ 1860 году однимъ болгаринѣмъ и мало-по-малу распространившееся. Это новое болгарское названіе Лозградъ — не имѣетъ никакой исторической подкладки, тогда какъ для турецкаго названія Kirk-Klisse есть и своя исторія и разныя преданія.

Анастасій М. Левидисъ (Ἀναστάσιος Μ. Λεβίδης), Ἀρχαῖον πολύτιμον χειρόγραφον Εὐαγγελίου [Νεολόγος, 1896, № 8088].— Въ этой небольшой статьѣ содержатся свѣдѣнія о Четвероевангелии V столѣтія, находящемся теперъ въ С.-Петербургѣ въ Императорской Публичной библиотекѣ. Ср. выше стр. 231 сл.

* * * Ἡ Κοινότης τοῦ Ἁγίου Ὁρους [Κωνσταντινούπολις, 1896, № 217, 220 и 223].— Подъ этимъ заглавіемъ изданы изъ архива Протата св. Аѳонской Горы: 1) два синодальныхъ документа вселенскихъ патріарховъ Гавріила (1783) и Неофита (1790) и 2) два синодальныхъ документа для

настоятелей Аѳонскихъ монастырей (1791). По всѣмъ этимъ документамъ Аѳонскіе монахи не могутъ ни содержать въ Кареѣ магазиновъ, ни вообще торговать на Аѳонѣ. Не только монахи, но и свѣтскіе не имѣютъ права содержать магазины и вести какую бы то ни было торговлю на Аѳонѣ, и только Святогорской общинѣ дается дозволеніе для удовлетворенія мѣстныхъ нуждъ содержать въ Кареѣ четыре магазина, а именно: двѣ мелочныя и двѣ овощныя и хлѣбныя лавки.

Аристидъ Н. Панагіотидисъ (Ἀριστείδης Ν. Παναγιωτίδης), Ἡ κηδεία Εὐδοκίας τῆς Αὐγούστης [Ἠμίφυλλον Ἀκροπόλεως, 1896, Νοεμβρίου 17. Ἀθήναι]. — На основаніи лѣтописи патріарха Никифора и пасхальной хроники, г. Панагіотиди описываетъ похороны императрицы Евдокии, супруги императора Ираклія, происходившія въ 612 г. въ Константинополѣ. Статья популярнаго характера. Г. Панагіотиди написалъ также и другую статью подъ заглавіемъ: Τὸ Βυζαντινὸν κράτος κατὰ τὸν δέκατον αἰῶνα [Ἠμίφυλλον Ἀκροπόλεως, 1896, Δεκεμβρίου 10]. Эта вторая статья также не даетъ ничего новаго.

Н. Г. Мистанидисъ (Ν. Γ. Μυσταχίδης), Πραγματεία περὶ Δροβιανῆς [Φωνὴ τῆς Ἠπείρου, Ἀθήναι, 1895, № 159, 160—165 стр. и т. д.]. — Монографія о городѣ Дровіани въ Эпирѣ.

Н. Г. Мистанидисъ (Ν. Γ. Μυσταχίδης), Περί τοῦ ἐν Θεσπρωτικῇ Γεαμυντᾶ [Φωνὴ τῆς Ἠπείρου, 1896, № 181 и 183]. — Γεαμυντᾶς — названіе села въ Эпирѣ, въ Θεσπρωτικῆς епархіи. Въ своемъ описаніи этого села г. Мистанидисъ сообщаетъ названія всѣхъ окружающихъ его мѣстностей, напр. горъ, источниковъ и т. п. Кроме того, онъ сообщаетъ и одно преданіе относительно цилиндрическаго камня, сохраняющагося близъ мѣстности Λιμνὸς и называемаго мѣстными жителями Λίδος τῆς Μάντζιος или Μονοβίτζης.

Аванасій Петридисъ (Ἀθανάσιος Πετρίδης), Τοῦ βασιλέως Πύρρου τὸ ἐν Ἠπείρῳ στρατόπεδον καὶ ἡ ἐν Ἰλλυρικῇ πόλις Φανωτῆ [Φωνὴ τῆς Ἠπείρου, 1896 № 188, 189, 190]. — Авторъ настоящей статьи занялся вопросомъ о мѣстоположеніи лагеря Эпирскаго царя Пирра (Castra Pygri: Livius XXXVI, 13), а также и мѣстоположеніи города Φανωτῆ.

Спиридонъ П. Ламбросъ (Σπυρ. Π. Λάμπρος), Ἡ ὀνοματολογία τῆς Ἀττικῆς καὶ ἡ εἰς τὴν χώραν ἐποικησις τῶν Ἀλβανῶν. Ἐν Ἀθήναις, 1896, 8°, стр. 1—38. [Оттискъ изъ журнала Φιλολογικὸς Σύλλογος Παρνασσός. Ἐπετηρίς]. — Это изслѣдованіе профессора Ламброса составляетъ важный вкладъ для исторіи колонизаціи албанцевъ въ Аттікѣ. Здѣсь говорится объ источникахъ относительно этого предмета, а также и о сохранившихся древнихъ и новыхъ названіяхъ въ Аттікѣ, изъ которыхъ многія, по мнѣнію г. Ламброса, албанскаго происхожденія. Такъ, напр., знаменитое по своимъ древностямъ село въ Аттікѣ, называемое Τοῦ Σπάτα, по мнѣнію г. Ламброса, есть остатокъ феода албанскаго рода Σπάτα, весьма извѣстнаго въ средневѣковой исторіи Эпира. Г. Ламбросъ справедливо придаетъ большое значеніе родительному падежу члена τοῦ, съ

которыя нынѣшніе жители Аттики соединяютъ многія мѣстныя названія и который показываетъ, что нѣкогда существовало владѣніе или феодъ того лица, съ которымъ соединяется членъ тоу. Въ доказательство своего мнѣнія г. Ламбросъ приводитъ многіе примѣры изъ Аттики, т. е. нынѣшнія мѣстныя названія, которыя напоминаютъ древнія владѣнія византійскихъ и албанскихъ родовъ, какъ это видно и изъ древнихъ документовъ.

Константинъ П. Ламбросъ (Κωνσταντῖνος Π. Λάμπρος), *Περὶ σικυῶν καὶ σικυάσεως παρὰ τοῖς ἀρχαίοις. Ἀθήνησι, 1895, 4^ο, стр. VI+61.*—Σικύα хирургическій инструментъ кровососная банка. Докторъ-хирургъ г. Константинъ Ламбросъ, братъ профессора-историка Спиридона Ламброса, въ этомъ своемъ сочиненіи занимается исторіей кровососной банки и употребленія ея съ приложеніемъ многихъ рисунковъ изъ древнихъ памятниковъ, изображающихъ формы этого инструмента. Авторъ описываетъ и объясняетъ точно, какъ специальный археологъ, извѣстные до сихъ поръ древнія кровососныя банки. Изслѣдованіе его представляетъ собою единственную въ своемъ родѣ археологическую монографію, которая безспорно составитъ эпоху въ области медицинскихъ греко-римскихъ древностей. Здѣсь мы упоминаемъ объ этомъ сочиненіи потому, что въ немъ приводятся также свѣдѣнія о кровососной банкѣ, находящіяся въ медицинскихъ сочиненіяхъ византійскихъ временъ.

Михаилъ Папаконстантину (Μιχαὴλ Παπακωνσταντῖνου), *Αἱ Τράλλεις ἤτοι συλλογὴ Τραλλιανῶν ἐπιγραφῶν μετὰ τῶν ἐπ' αὐτῶν ἱστορικῶν καὶ ἐπιστημονικῶν σημειώσεων τῶν ἐν Ἀθήναις ἀρχαιολογικῶν σχολῶν Γαλλίας, Γερμανίας καὶ Ἀμερικῆς, συνοδευομένων ὑπὸ συνοπτικῆς ἱστορίας τῶν Τράλλεων ἀπὸ τῶν ἀρχαιοτάτων μέχρι τῶν καθ' ἡμᾶς χρόνων. Ἐν Ἀθήναις [читай: Ἐν Σμύρνῃ], 1895. 4^ο, стр. 1—68 и табл. XV1.*—Авторъ этой книжки житель города Айдинъ въ Малой Азій, занимающаго мѣсто древняго города Траллъ. Ему пришла хорошая мысль собрать въ этой книжкѣ всѣ древнія греческія и латинскія надписи, находящіяся какъ въ этомъ городѣ, такъ и въ его окрестностяхъ. Камни и мраморы, на которыхъ находятся эти надписи, хранятся въ гор. Айдинѣ и въ Смирнскомъ музеѣ. Авторъ изобразилъ на особыхъ литографическихъ таблицахъ и самыя мраморы, гдѣ ясно можно видѣть форму шрифта надписей. Всѣхъ надписей, помѣщенныхъ въ этой книгѣ, 151. Ни одна изъ нихъ не относится къ византійскому времени. Мы говоримъ здѣсь объ этомъ трудѣ Папаконстантину потому, что въ немъ (стр. 7—16) излагается исторія гор. Траллъ. Въ этомъ мѣстѣ авторъ вкратцѣ, безъ указанія источниковъ, передаетъ все, чтò ему извѣстно относительно этого города, начиная съ первыхъ вѣковъ христіанства до 1290 г. Городъ Траллы переименованъ въ Айдинъ съ 1290 г., когда онъ взятъ былъ мусульманскимъ эмиромъ Айдиномъ.

Ὀλυμπιακοὶ ἀγῶνες (776 до Р. Хр.—1896 по Р. Хр.). Μέρος Α': Οἱ ἀγῶνες ἐν τῇ ἀρχαιότητι ὑπὸ Σπ. Π. Λάμπρου καὶ Ν. Γ. Πολίτου, καθήγη-

τῶν τοῦ Ἑθνικοῦ Πανεπιστημίου μετὰ προλόγου ὑπὸ Τιμολέοντος Φιλήμονος, γενικοῦ γραμματέως τῶν διεθνῶν ὀλυμπικῶν ἀγώνων. Ἐν Ἀθήναις, παρὰ τῷ Καρόλῳ Μπέκ, 1896. 4^ο, стр. VI—102. — Эта книга издана по случаю Олимпийскихъ игръ, бывшихъ въ Афинахъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1896 г. въ древнемъ стадіи Ирода. Она напечатана въ Афинахъ съ необыкновенною роскошью, рѣдкою не только для Афинъ, но и для Европы. Многие листы покрыты золочеными рисунками, изображающими цвѣты. Въ началѣ текста есть и рисунокъ, изображающій золоченый вѣнецъ изъ маслячнаго дерева. Въ самой же книгѣ встрѣчаются многіе блестящіе рисунки и факсимиле, изъ которыхъ одни черные, другіе розовые, а третьи разноцвѣтные, изображающіе мѣстности Олимпіи и всѣ выдающіеся памятники древнихъ Олимпийскихъ игръ. Эта книга, которая можетъ служить украшеніемъ стола любителей искусства, сопровождается и французскимъ переводомъ, сдѣланнымъ Léon Olivier. На стр. 1—46 есть статья профессора Ламброса, въ которой излагается исторія Олимпийскихъ игръ съ древнѣйшихъ временъ. На стр. 48—99 есть описаніе Олимпіи и важнѣйшихъ археологическихъ находокъ, бывшихъ въ наши дни.

Πανηγυρικὸν τεῦχος τῆς «Ἑστίας». Ὀλυμπιακοὶ ἀγῶνες ἐν Ἀθῆναις. Μάρτιος—Ἀπρίλιος 1896. Βιβλιοπωλεῖον τῆς «Ἑστίας» Γ. Κασιδόνη (Ἀони, 1896) 4^ο стр. 67. — И эта книга, изданная по случаю бывшихъ въ Афинахъ Олимпийскихъ игръ, напечатана роскошно, съ многими факсимиле мѣстностей Афинъ, Олимпіи и древнихъ памятниковъ ея, Микинъ, Коринѳа, Саламина, Спарты, а также и съ рисунками древнихъ памятниковъ, представляющихъ виды игръ. Составители этой книги г.г. Д. Викѣла, Г. Сотиріади, Х. Цунта, Д. Филиось, К. Палама, Эмм. Ликуди, С. Сакелларопуль и Сп. Ламбросъ. Наиболѣе близкое отношеніе къ нашему журналу имѣетъ изслѣдованіе г. Ламброса, которое носитъ заглавіе: Οἱ γυμναστικοὶ ἀγῶνες παρὰ τοῖς Βυζαντινοῖς (стр. 58—63). Здѣсь говорится обо всѣхъ играхъ, которыя знали и совершали византіицы. Главнымъ образомъ описываются игры, происходившія въ Константинополѣ, въ цыканистріи и въ ипподромѣ. На источники въ статьѣ не имѣется указаній, такъ какъ книга написана не для ученыхъ, но главнымъ образомъ для публики. Статья г. Ламброса украшена и иллюстраціями, изображающими ипподромъ, нѣкоторыя игры, происходившія въ немъ, одинъ μολυβδόβουλλον партіи венецовъ и, наконецъ, императрицу Θεодору со свитою ея. Какъ мы выше сказали, эту статью дополнилъ въ газетѣ Καροὶ г. Николай Димитракопуль.

Тим. Амπεла (Τιμ. Ἀμπελάς), Οἱ θυμεικοὶ ἐν τῷ ἀγιολογίῳ [Ὀλυμπιακοὶ ἀγῶνες. Ἐπετηρὶς τοῦ συλλόγου τῶν φιλοτέχνων. Ἀθήνησι, 1896, 4^ο, стр. 2—4]. — Въ этой статейкѣ г. Амπεла излагаетъ свои мысли, вынесенныя изъ чтенія житій святыхъ. Здѣсь онъ говоритъ, что въ древнія христіанскія времена театр не былъ прекращенъ. Въ доказательство этого своего мнѣнія г. Ампели приводитъ достаточно свидѣтельствъ изъ

житій святыхъ. Эта статейка не имѣетъ научнаго характера, но она даетъ поводъ изучить надлежащимъ образомъ этотъ предметъ. Авторъ статейки, впрочемъ, замѣчаетъ, что намѣренъ напечатать изслѣдованіе объ актерахъ и о духовныхъ лицахъ — драматургахъ у византійцевъ.

Ант. Θ. Спмилиотопулосъ (Αντ. Θ. Σπηλιοτόπουλος), *Ὀλυμπιακοὶ ἀγῶνες. Ἡ γυμναστικὴ διὰ μέσου τῶν αἰώνων. Οἱ ἀγῶνες παρ' Ἑλλήσι, Ῥωμαίοις, Βυζαντινοῖς καὶ Φράγχοις. Ἀρματολικοὶ καὶ νεώτεροι χρόνοι. Ἐν Ἀθήναις, 1896, 12^ο, стр. IX+132.* — И эта книга издана по случаю бывшихъ въ Афинахъ Олимпійскихъ игръ и носитъ популярный характеръ. Авторъ дѣлаетъ обзоръ совершенія игръ у древнихъ народовъ. Начиная съ 76-ой страницы, онъ говоритъ объ играхъ у византійцевъ и у франковъ. На стр. 105—124 помѣщена интересная глава объ играхъ, бывшихъ въ употребленіи у греческихъ арматоловъ съ XVI вѣка до возстанія грековъ противъ турокъ въ двадцатыхъ годахъ нашего столѣтія. Здѣсь г. Спмилиотопуло приводитъ отрывки народныхъ стихотвореній, а также и портреты атлетовъ изъ среды арматоловъ.

Іаковъ Ватопедскій, архимандритъ (Ἰάκωβος Βατοπαϊδίνος, ἀρχιμανδρίτης), *Ἡ ἐν Μόσχᾳ συνοδικὴ βιβλιοθήκη τῶν χειρογράφων. Ἐπιτομὴ τοῦ ὑπὸ τοῦ ἀρχιμανδρίτου Βλαδμημίρ(ο)υ Ῥωσσιστὴ ἐκδοθέντος καταλόγου τοῦ τμήματος τῶν Ἑλληνικῶν χειρογράφων τῆς ἐν τῷ Κρεμλίῳ βιβλιοθήκης. Μόσχᾳ, 1896, 4^ο, стр. IX+75.* — Настоятель Константинопольскаго патріаршаго подворья въ Москвѣ архимандритъ Іаковъ сдѣлалъ сокращенное изданіе напечатаннаго архимандритомъ о. Владиміромъ описанія греческихъ рукописей Московской Синодальной библіотеки, полезное для библіотечарей Святогорскихъ монастырей. Излагая вкратцѣ въ вышеназванной своей книгѣ описаніе о. Владиміра, архимандритъ Іаковъ перечислилъ всѣ рукописи Синодальной библіотеки, происходящія изъ Святогорскихъ монастырей, а именно изъ Лавры, Ватопеда, Ивера, Хиляндаря, св. Діонисія, Кутлумуша, Пандократора, Ксиропотама, Дохіара, Филовея, Симонопетры, Ставроникиты, Эсфингмена, св. Пантелеймона, Кастамонита и Кареи. По этимъ монастырямъ онъ и раздѣлилъ рукописи въ своей книгѣ, изъ которой каждый Аѳонскій монастырь можетъ знать, что именно взято изъ его библіотеки и хранится въ Москвѣ. Такой же перечень о. Іаковъ сдѣлалъ и для рукописей, перешедшихъ въ Москву изъ Константинополя, Іерусалима, Александріи и другихъ греческихъ странъ. Книга архимандрита Іакова полезна главнымъ образомъ для грековъ незнакомыхъ съ русскимъ языкомъ, но тѣмъ не менѣе желающихъ имѣть понятіе о греческихъ рукописяхъ хранящихся въ Московской Синодальной библіотекѣ.

Мих. Іан. Марнополисъ (Μιχ. Ἰαν. Μαρκοπόλις), *Ναξιακαὶ προλήψεις [Ἔστια Εἰκονογραφημένη, 1895, стр. 79].* — Авторъ настоящей замѣтки перечисляетъ двѣнадцать народныхъ повѣрій жителей о. Наксоса.

Г. Типальдо-Козанисъ (Γ. Τυπάλδος-Κοζάνης), *Ἐν δράμα [Ἔστια Εἰκονογραφημένη, 1895, стр. 84—85].* — Эта статейка представляетъ собою

разборъ одной драмы Д. Гр. Камбуроглу въ трехъ дѣйствіяхъ подъ заглавіемъ: 'Η Νεράιδα, еще не напечатанной, но представленной на сценѣ въ Аѳинахъ. Сюжетъ этой драмы — одно народное Аѳинское повѣрье о статуяхъ Эрехѳійскихъ (Καριάτιδαхъ). Когда онѣ были увезены лордомъ Эльджиномъ въ 1807 г., аѳиняне распространили слухъ, что эти статуи, которыя, по ихъ повѣрью, были царскія дочери, обращенныя въ Нераидъ, ночью наканунѣ того дня, когда ихъ увозили, заплакали, и что на ихъ плачь отвѣчали тоже плачемъ остальные каріатиды Акрополя. Авторъ «Нераиды» на основаніи этого повѣрья написалъ драму, дѣйствующими лицами которой являются одинъ аѳинянинъ и одна изъ Акропольскихъ нераидъ. Въ этой драмѣ авторъ рельефно изображаетъ повѣрья греческаго народа о нераидахъ.

Спир. П. Ламбросъ (Σπυρ. Π. Λάμπρος), 'Η 'Υπέριχ ἐν Φεραῖς [Ἔστις Εἰκονογραφημένη, 1895 г., стр. 100—101].— Г. Ламбросъ говоритъ здѣсь объ Иперіи въ топографическомъ и историческомъ отношеніяхъ. Иперія была извѣстный у древнихъ (Пиндаръ, Пин. IV, 221. Страбонъ, IX, 439) источникъ при Ферахъ въ Θεσσαλίи, близъ Велестина. И теперь эта мѣстность водяниста и живописна. Въ XIII вѣкѣ это мѣсто было извѣстно подъ названіемъ Милотопія (Μηλοτόπια) и принадлежало епископіи Димитриадской, а потомъ Предтеченскому Неопетрскому монастырю. Къ своей статейкѣ г. Ламбросъ приложилъ и фотографическую картину, изображающую мѣстность Иперію.

А. Травлантонисъ (Α. Τραυλαντώνης), 'Η Παρηγορίτσα [Ἔστις Εἰκονογραφημένη, 1895 г., стр. 114—117].— Παρηγορίτσα — названіе церкви Пресв. Богородицы въ Артѣ, измѣненное изъ слова Παρηγορήτισσα (Утѣшительница). Авторъ здѣсь сообщаетъ впечатлѣнія своего путешествія въ Арту, а также и многія свѣдѣнія о Παρηγορίτσα. По этимъ свѣдѣніямъ церковь, носящая это названіе, построена во время Эпирскихъ Комниновъ.

Мих. Іак. Маркополисъ (Μιχ. Ίάκ. Μαρκόπολις), 'Η Δυτική ἐκκλησία τῆς πόλεως Κύθου [Ἔστις Εἰκονογραφημένη, 1895 г., стр. 125—127].— Въ главномъ городѣ острова Кіонноса есть древнія латинскія церкви въ развалинахъ. Г. Маркополисъ сообщаетъ о нихъ историческія свѣдѣнія по архивамъ и по сообщеніямъ путешественниковъ.

Спир. П. Ламбросъ (Σπυρ. Π. Λάμπρος), Ἐθνικὰ ὄβρις [Ἔστις Εἰκονογραφημένη, 1895, стр. 130—132, 140—142, 154—156, 163—165, 172—173].— Этотъ рядъ статей представляетъ собою обширное и замѣчательное изслѣдованіе о ругательныхъ словахъ, бывшихъ въ употребленіи у грековъ во всѣ прошедшіе вѣка, съ древнѣйшихъ временъ, относительно подвластныхъ имъ или вообще другихъ чужихъ народовъ. Особое значеніе для насъ имѣютъ замѣчанія г. Ламброса о ругательныхъ словахъ, употребляемыхъ византийцами относительно чужихъ народовъ. Авторъ собралъ здѣсь много свѣдѣній о нихъ, какъ, напр., о встрѣчающемся у Константина Порфиророднаго γαρχσδοιδῆς ὄψις ἐσθλαβωμένη, а также

свѣдѣнія о значеніи бывшихъ у грековъ византійскаго времени названий: Φράγχος, Καταλάνος, Ἀρμένιος, Λατίνος; при этомъ г. Ламбросъ приводитъ и сохранившіеся о нихъ народные взгляды и ругательныя пословицы. Достойны вниманія также и замѣчанія автора относительно ругательствъ, которыя и теперь еще существуютъ у грековъ на счетъ цыганъ (гифтовъ), евреевъ и другихъ народовъ, а также и о ругательствахъ, употребляемыхъ между собою, напр., на жителей острововъ: Хиоса, Крита, Митилины, Мани и другихъ греческихъ странъ.

Х. Христовасилисъ (Χ. Χριστοβασίλης). Τὰὐτὰ τοῦ μεγάλου Ἀλεξάνδρου παράδοσις τῶν Κοιραντοχωριῶν τῆς Ἠπείρου [Ἔστι Εἰκονογραφημένη, 1895, стр. 183—184]. — Здѣсь на народномъ эфирскомъ языкѣ передано одно сказаніе, обычное въ деревняхъ провинціи Κοῦραντα, въ Эфирѣ, объ ухахъ Александра Македонскаго. Одно ухо было у него, по мѣстному повѣрью, собачье, а другое ослиное.

Трифонъ Евангелидисъ (Τρύφων Εὐαγγελίδης), Γεννάδιος Σχολάριος, πρῶτος μετὰ τὴν ἄλωσιν οἰκουμηνικός πατριάρχης ἱστορικὴ καὶ κριτικὴ μελέτη. Ἐν Ἀθήναις, 1896, 8°, стр. 116. — Эта книжка раздѣляется на двѣ части. Въ первой части (стр. 5—67) говорится о жизни вселенскаго патріарха Геннадія Схоларія, возшедшаго на патріаршій престолъ послѣ взятія Константинополя турками и уничтоженія православной имперіи. Во второй части (стр. 68—111) содержится перечень трудовъ Геннадія Схоларія, а также и приложение къ изложенной уже жизни его. Послѣ этого слѣдуетъ перечень тѣхъ печатныхъ книгъ, которыя авторъ имѣлъ въ виду при составленіи своей книги. Что касается біографической части книги, то хотя въ ней есть множество ссылокъ на разныя книги, но, по моему мнѣнію, она написана безъ системы и безъ личнаго изученія авторомъ самихъ источниковъ. Авторъ полагается на писателей, также не изучавшихъ источниковъ. Вотъ примѣръ этого: На стр. 60 онъ говоритъ объ одной патріаршей грамотѣ, въ которой сказано, что въ 1455 г. патріархъ Геннадій рукоположилъ въ Родосскіе митрополиты Нила (прежде Николая) съ соизволенія папы Римскаго Каллиста. Списокъ этой грамоты, изданной уже давно Саккеліономъ, находится въ одной рукописи Іоанно-Богословскаго монастыря на о. Патмосѣ. Мануилъ Гедеонъ въ своихъ Πατριρχικοί τίτλοις (стр. 474) впервые заговорилъ объ этой грамотѣ, какъ о произведеніи будто бы патріарха Геннадія. Теперь г. Евангелидисъ повторяетъ ошибочныя мнѣнія Гедеона. Между тѣмъ, всякій, изучающій самый текстъ грамоты, убѣдится въ томъ, что она принадлежитъ лжепатріарху Константинопольскому Григорію Мамасу, греко-уніату, жившему въ Римѣ, и что, слѣдовательно, и Нилъ, рукоположенный имъ въ Родосскіе митрополиты, былъ Родосскимъ греко-уніатомъ! По нашему мнѣнію, достоинство изслѣдованія г. Евангелидиса заключается во второй его части, гдѣ дѣлается перечень во-первыхъ изданныхъ трудовъ Геннадія Схоларія, затѣмъ перечень неизданныхъ трудовъ его и, наконецъ, перечень списковъ, какъ изданныхъ, такъ и

неизданныхъ его трудовъ, сохраняющихся въ разныхъ восточныхъ и западныхъ библиотекахъ, на основаніи печатныхъ каталоговъ послѣднихъ. Та часть книги, въ которой содержится все это, дѣйствительно полезна, такъ какъ здѣсь собранъ весь матеріалъ, который раньше былъ разсѣянъ въ разныхъ книгахъ.

Симеонъ С. Фарасопулосъ (Συμεών Σ. Φαρασόπουλος), *Τὰ Σύλατα. Μελέτη τοῦ νομοῦ Ἰκονίου ὑπὸ γεωγραφικῆν, φιλολογικῆν καὶ ἐθνολογικῆν ἑποψίαν.* Ἐν Ἀθήναις, 1895, стр. 136 in 12°. — Силата — греческая деревня въ Иконійскомъ вилайетѣ, въ Малой Азій, находящаяся на югъ на разстояніи 4 часовъ отъ города Невсехера (Неаполь, *Νεάπολις*). Авторъ описываетъ мѣстность Силаты, а также и окружающія ее горы съ древностями. Главнымъ образомъ онъ въ своей книгѣ говоритъ объ обычаяхъ и о греческомъ нарѣчій жителей Силаты. Онъ описываетъ и села и города, находящіяся вокругъ Силаты, съ ихъ древностями, а также и Каливеру, которая уже извѣстна нашимъ читателямъ по описанію архимандрита Іоанна Пантелеимонида [см. Визант. Временникъ, I, стр. 740]. Въ книгѣ г. Фарасопула есть извѣстія о всѣхъ селахъ и городахъ Иконійскаго вилайета, въ которыхъ живутъ греки. На стр. 103—111 есть текстъ шести народныхъ пѣсенъ на Силатскомъ нарѣчій, а на стр. 113—126 помѣщенъ словарь этого нарѣчій.

Георгій К. Гагарисъ (Γεώργιος Κ. Γάγαρης), *Δωδώνη. Εἰκονογραφημένον Ἰκτιρωτικὸν ἡμερολόγιον.* Ἔτος πρώτον. 1896. Ἐν Ἀθήναις, 8°, стр. 176. — Подъ этимъ заглавіемъ авторъ издалъ календарь, въ которомъ онъ собралъ много матеріала, относящагося къ нынѣшнему состоянію Эпира, къ обычаямъ его жителей, къ языку ихъ и къ исторіи этой страны. Авторъ приложилъ и иллюстраціи, изобразяющія современныхъ выдающихся людей изъ Эпира, а также и мѣстности его. На первомъ мѣстѣ въ этомъ календарѣ есть статья Спиридона Ламброса о неизданномъ «*Ὀνοματικόν*» ѣ Іоанна Вилары (стр. 35—47), написанномъ на народномъ языкѣ и содержащемъ рядъ греческихъ словъ по произношенію временъ Вилары и нашего времени. Въ другой статьѣ (стр. 51—57) помѣщены статистическія свѣдѣнія о церковномъ и учебномъ состояніи православныхъ грековъ Яннинской епархіи. Въ третьей статьѣ (стр. 67—70) есть историческія свѣдѣнія о городѣ Корицѣ (*Κορίτζα*). Затѣмъ слѣдуютъ статьи о городкѣ Коница (*Κόνιτσα*) (стр. 83—84), о Дельвинской епархіи (стр. 115—133), о Гефирѣ Артской (стр. 146—150), о Погоніанской епархіи (стр. 153—156). Всѣ эти топографическія и историческія статьи написаны г. Гагарисомъ. Въ статьѣ Д. А. Панагютиди (стр. 73—79) говорится о племени *Τζιάμιδες*, живущемъ въ области Θεσπρωтіи. Н. Г. Досіосъ помѣстилъ статейку (стр. 80—83) о скрытыхъ сокровищахъ по повѣрьямъ эпиротовъ. На стр. 113—114 г. Гагарисъ передаетъ одно народное преданіе объ Эпирскомъ святомъ Космѣ, а на стр. 162 онъ помѣстилъ десять народныхъ эпирскихъ пословицъ съ объясненіемъ ихъ. Кромѣ того, на стр. 165—170 онъ сообщилъ и неизданныя народныя

эпирскія пѣсни, изъ которыхъ одна поется во время плясокъ въ Эпирѣ и помѣщена въ концѣ книги литографированною на нотахъ, составленныхъ композиторомъ Иваномъ Харисиадомъ. Въ этой книгѣ цѣнны также и повѣсти гг. Христавасили и Казанцы на народномъ эпирскомъ языкѣ; сюжетомъ же для нихъ служатъ обычаи и преданія жителей Эпира.

Панагіотъ Оптохоевъ (Παναγιώτης Ὁπτοχοεύς), Ὁ δῆμος Τρικάλων, ἤτοι ἡ ἀρχαία Πελλήνη ὑπὸ ἔποψιν ἀρχαιολογικὴν καὶ ἱστορικὴν μέχρι τῆς σήμερον. Ἐν Ἀθήναις, 1894, 8°, стр. 93. — Кромѣ Триккальскаго уѣзда въ Θεσσαλίᾳ есть еще Триккальскій уѣздъ въ Πελοπόννησοςъ близъ Коринθιασῆς области. Въ вышеназванной своей книжкѣ г. Оптохоевъ описываетъ этотъ уѣздъ съ составляющими его окрестностями въ археологическомъ и историческомъ отношеніяхъ; при этомъ онъ помѣстилъ и нѣкоторые документы изъ эпохи греческой революціи 1821 г. Крупный недостатокъ этой книги тотъ, что въ ней не имѣется ни одной цитаты, по крайней мѣрѣ, для историческихъ свѣдѣній, собранныхъ въ ней.

А. Пападопуло-Корамевсъ.

СЛАВЯНСКІЯ ЗЕМЛИ.

Sava Chilandarec. *Rukopisy a starotisky Chilendarské*. V. Praze. 1896. — Кто бывалъ на Аѳонѣ, тотъ хорошо знаетъ, насколько затрудняется обзорѣніе монастырскихъ библиотекъ вслѣдствіе отсутствія каталоговъ. Хиландарскому монастырю слѣдуетъ поставить въ заслугу, что онъ пришелъ на помощь наукѣ напечатаннымъ въ Прагѣ описаніемъ рукописей своей большой библиотеки. Трудъ привести библиотечку въ должный порядокъ принялъ на себя отецъ Савва хиландарецъ, чехъ родомъ, съ 1894 г. вступившій въ должность бібліотекаря. Свѣтлая, чистая и сухая комната, въ которой помѣщается бібліотека въ Хиландарѣ, производитъ благопріятное впечатлѣніе на посѣтителя — особенно, если ее сравнить съ темной каморкой, въ которой въ безпорядкѣ сложены славянскія рукописи монастыря св. Павла, изъ которыхъ многія пострадали отъ сырости, червей и мышей. Въ каморку эту мы и не входили и должны были довольствоваться тѣмъ, что вынималъ для насъ сопровождавшій насъ монахъ. При такихъ условіяхъ, хотя мы и нашли большую часть рукописей, уже извѣстныхъ намъ по замѣткамъ отца архим. Леонида, кое-что отъ насъ во всякомъ случаѣ могло ускользнуть и при томъ независимо отъ доброй воли монаха (насъ приняли въ монастырѣ любезно и предупредительно), а просто потому, что въ темной комнатѣ, доставая одну книгу за другой, легко недосмотрѣть и недодать какую нибудь завалявшуюся книгу, а потому никогда нельзя быть вполне увѣреннымъ, что дѣйствительно все было показано. Въ Хиландарѣ теперь подобное неудобство окончательно устранено и от-

правляющійся въ монастырь можетъ напередъ знать, что найдетъ въ библиотекѣ. Какъ ни кратко описаніе, составленное отцемъ Саввою, оно даетъ гораздо болѣе, чѣмъ всѣ до сихъ поръ появлявшіяся въ печати обзорѣнія библиотекъ у преосв. Порфирія, архим. Леонида и др. Такое описаніе могло появиться только благодаря трудамъ постояннаго монастырскаго обитателя. Всѣхъ рукописей въ Хиландарѣ 471 и старопечатныхъ книгъ 147. Изъ рукописей 36 пергаменныхъ. Отецъ Савва обыкновенно точно опредѣляетъ форматъ рукописи въ сантиметрахъ, количество листовъ, отмѣчая вырванные и недостающіе, даетъ указанія на правописаніе сербское, болгарское и др.; при описаніи болѣе или менѣе важныхъ рукописей указываетъ на изслѣдованія и замѣтки о ней, насколько это разумѣется можно было ему сдѣлать; печатаетъ записи, главнымъ образомъ, впрочемъ, лишь тѣ, которыя указываютъ на время написанія той или другой рукописи, иногда цѣликомъ, а нерѣдко лишь въ краткомъ извлеченіи.

Остановимся на нѣкоторыхъ отдѣльныхъ рукописяхъ. Превосходное Мирославово евангеліе XII в. сербскаго письма, какъ видно изъ помѣщенной въ концѣ описанія замѣтки, въ 1895 г. подарено было братіей сербскому королю Александру, и проф. Любомиръ Стояновичъ приготовляетъ полное фототипическое изданіе этого памятника, который представляетъ интересъ не только со стороны языка, но и въ художественномъ отношеніи, благодаря превосходнымъ заглавнымъ буквамъ, писаннымъ золотомъ и красками. Нельзя не привѣтствовать счастливое рѣшеніе братіи поднести этотъ драгоценный памятникъ сербской письменности сербскому королю, чѣмъ обезпечено какъ сохраненіе его, такъ и скорѣйшее появленіе въ свѣтъ. При описаніи болгарскаго евангелія 1322 г. отецъ Савва воспроизвелъ находящуюся на послѣднемъ его листѣ интересную тайнопись. Теперь всякій можетъ убѣдиться, что ничего глаголическаго въ ней нѣтъ, что мы уже и отмѣтили въ замѣткѣ, посвященной этому евангелію въ Изв. Акад. Наукъ, опровергая мнѣніе Дучића, который въ Старинахъ Хиландарскихъ помѣстилъ эту записку, но неудовлетворительно, стр. 102.

Въ своемъ краткомъ описаніи отецъ Савва далеко не исчерпываетъ содержаніе каждой отдѣльной рукописи. Особенно этотъ недостатокъ даетъ себя знать при описаніи сборниковъ. Такъ, напримѣръ, крайне важный пергаменный сборникъ XIII в. сербскаго письма, на который обратили вниманіе мы въ сдѣланномъ нами сообщеніи въ засѣданіи Слав. Комиссіи Моск. Арх. Общ., протоколъ котораго еще не напечатанъ, а также въ письмѣ о поѣздкѣ на Афонъ въ бюллетенѣ Академіи Наукъ, и вслѣдъ за нами В. М. Истривъ въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. Апр. 1896 г., описанъ далеко не такъ, какъ бы онъ того заслуживалъ. Чтобы имѣть полное представленіе объ этомъ сборникѣ, слѣдовало бы перечислить заголовки всѣхъ его статей, слѣдя при этомъ за Описаніемъ Изборника 1073 г. у Горскаго и Невоструева. Мы было начали этотъ трудъ, но не

имѣя подъ руками Горскаго, при другихъ занятіяхъ въ Хиландарѣ, не могли довести его до конца. Мы ограничились лишь тѣмъ, что списали нѣсколько статей изъ него; полнаго указанія на его составъ не даетъ и В. М. Истринъ. А между тѣмъ этотъ сборникъ получаетъ особенный интересъ, представляя одинъ и тотъ же переводъ въ своихъ сходныхъ частяхъ съ Изборникомъ 1073 г., какъ это замѣчено и В. М. Истринымъ.

Изъ другихъ пергаменныхъ рукописей отмѣтимъ поученія Іоанна Златоустаго—рукопись, въ которой мы нашли слѣды глаголицы, ср. I т. Труд. Слав. Ком., стр. 261. Прибавимъ здѣсь, что кромѣ того въ этой рукописи съ палеографической стороны очень интересны заглавныя буквы, представляющія часто изображенія животныхъ, напримѣръ, рыбы и др. Заслуживаетъ вниманія также паремейникъ сербскаго письма, хотя и не полный, уже потому, что югославянскіе списки этого памятника немногочисленны.

Изъ рукописей, имѣющихъ историческій интересъ, обращаютъ вниманіе Лѣтоvníкъ Георгія той же редакціи, что и Собранія Шаф., Синод. библи., монастыря св. Павла, только послѣдній сохранился вполнѣ и съ годомъ, между тѣмъ какъ хиланд. сохранился хуже; серб. списокъ лѣтописи Манассія, лѣтопись Зонары по опредѣленію отца Саввы, списокъ Законника Стефана Душана, тотъ самый, который видѣлъ Григоровичъ и относительно котораго проф. Т. Д. Флоринскій выражалъ опасенія, не пропалъ ли онъ (Памятники законодательной дѣятельности Душана, стр. 263), оканчивается 45 статьями о приселицахъ, ср. тамъ же, стр. 262. Для сербской исторіи важны пергаменный списокъ житія св. Саввы¹⁾ и похвалы св. Симеону и Саввѣ, № 9, ср. также № 70 и 303, житіе св. Симеона и Саввы № 80, житіе Стефана Дечанскаго № 309, ср. № 327, Родословъ архіепископа Давида № 174, при слѣдов. псалтыри № 125 лѣтопись, начинающаяся отъ Адама и переходящая къ сербской исторіи (у Стояновича нѣтъ указаній на этотъ списокъ), № 214 въ которомъ житіе князя Лазаря, ср. также № 308 и № 450 весь посвященный сербскимъ святымъ. Заслуживаетъ вниманія въ сборникѣ № 385 болгарскаго письма статья: книга глаголемага гранографа начало писменомъ царскихъ родовъ отъ многихъ лѣтописецъ. Изъ рукописей по каноническому праву имѣются два списка Синагмы Матвѣя Властаря № 218 и 315, судя по книгѣ проф. Флоринскаго оба неизвѣстныя. Интересенъ также полный списокъ *догматики панопліа* Евонмія Зигабена (неполный есть въ собраніи Григоровича въ Одессѣ), отмѣченный еще преосв. Порфиріемъ, но остающійся необслѣдованнымъ.

Изъ другихъ рукописей отмѣтимъ пятокнижіе болг. ред. № 306,

1) Нельзя не пожалѣть о томъ, что памятники сербской письменности изданы нерѣдко по спискамъ позднимъ, именно, это житіе было напечатано Даничичемъ по списку XV в.

слова патриарха Евеміи св. Константину и Еленѣ, стр. 44, житіе Іоанна Рыльскаго, стр. 53, ср. также стр. 37, службу Θεованѣ царицѣ (нѣтъ въ списокѣ Сырку въ сборникѣ проф. В. И. Ламанскаго). Въ сборникахъ встрѣчаются и статьи апокрифическаго характера. Немало рукописей новоболгарскихъ, напримѣръ, Дамаскинъ, Амартолонъ сотириа и др. Есть рукописи важныя для исторіи монастыря: поменованіе св. ктиторовъ, игуменовъ и братіи Хиландарской, теѣтеръ хиландарскій (съ 1709—1795 г.), т. е. книга, заключающая счетоводство по хозяйству. Насколько помнимъ, чрезвычайно обширенъ по размѣру хиландарскій помѣникъ. Значительное число рукописей хиландарскаго монастыря могутъ представлять особый интересъ для языка по указаніямъ на мѣстность, гдѣ онѣ писаны, хотя бы по содержанію онѣ и не были важны. Наконецъ, мы должны оговориться, что въ этой краткой замѣткѣ мы не исчерпали все богатство и разнообразіе библіотеки.

Остается еще сказать нѣсколько словъ о послѣсловіяхъ. Очень многія рукописи снабжены записями на послѣднихъ листахъ, представляющими разнообразный интересъ (ср. сказанное В. М. Истринымъ въ Жур. Мин. Нар. Пр. Апр. 1896). Такія записи слѣдовало бы напечатать всѣ безъ исключенія, у отца Саввы помѣщены только немногія. Причина отчасти понятна: непривычному къ кирилловской скорописи чеху стоило большого труда разобрать и удовлетворительно прочесть такія замѣтки. При раскрытіи титлъ въ передачѣ напечатанныхъ записей явились нерѣдко неточности; поэтому ими можно пользоваться только со стороны содержанія; а между тѣмъ языкъ записей всегда представляетъ значительный интересъ. Для примѣра укажемъ нѣкоторыя неисправности. Въ пергаменномъ апостолѣ 1365 г. запись, переданная отцомъ Саввою на стр. 19, въ рукописи читается такъ:

Сѣ праѣо айль приложи^а азъ грѣшныи аванасіе бѣи хиландарскои да ѣ на срѣ. да ктò га въсхощеть ѡзети или ѡдати камо любо. да моу ѣ соупръникъ бѣ и прѣста^а бѣа. и ѡ мѣ грѣшнаго да нѣ прощень. лѣ
ꙗꙗ ѡ ѡ ꙗ.

Послѣсловіе къ Толковой палеѣ напечатано безъ соблюденія удареній и менѣе исправно, чѣмъ у В. М. Истрина, хотя и у послѣдняго есть опечатки (такъ напр. должно быть: наѡпако). Въ самомъ концѣ послѣсловія отецъ Савва произвольно прочелъ: дамаскинъ. Въ рукописи стоитъ: бамаскѣ со значкомъ надъ и. Быть можетъ это имя составитель описанія напечаталъ, имѣя въ виду еще одну запись въ этой рукописи, которую вполне не удалось разобрать и намъ. А именно на 1 л. киноварью читается:

писасе книга рукою дхѡвника дамаскина. и^а монастыра.....
..... при ку^а висаріиѣ за дпѣѣ дамаскина.....
геромонаха помѣни.....вша^а захарію ѡченика егò. Отецъ Савва не передалъ этой записи быть можетъ потому, что ее трудно прочесть, но она важна уже по одному указанію на писавшаго рукопись и его ученика.

Вотъ подобными то записями и испещрены часто послѣдніе листы хиландарскихъ рукописей.

Введеніе къ описанію, заключающее обзорѣніе трудовъ ученыхъ путешественниковъ, посѣщавшихъ Хиландаръ и дававшихъ свѣдѣнія о его библиотекѣ, классификацію рукописей по содержанію, языку и правописанію и указатели именъ лицъ и мѣстъ, составлено Ф. Пастрнекомъ, за что всякій, кому придется пользоваться этой книжкой, выразить редактировавшему ее искреннюю благодарность.

Намъ остается пожелать, чтобы и другіе аеонскіе монастыри послѣдовали примѣру Хиландарскаго.

П. Лавровъ.

3. Новыя книги, поступившія въ Редакцію.

Н. Кондаковъ. Русскіе клады. Изслѣдованіе древностей великокняжескаго періода. Томъ I. Съ 20 таблицами рисунковъ и 122 политипажамъ. С.-Петербургъ. 1896. 4°.

В. В. Латышевъ. Сборникъ греческихъ надписей христіанскихъ временъ изъ Южной Россіи. Съ 13 таблицами. С.-Петербургъ. 1896. 8°. Цѣна 2 руб.

Павелъ Савваитовъ. Описаніе старинныхъ русскихъ утварей, одеждъ, оружія, ратныхъ доспѣховъ и конскаго прибора, въ азбучномъ порядкѣ расположенное. С.-Петербургъ. 1896. 8°.

Епископа Порфірія Успенскаго. Книга бытія моего. Дневникъ и автобіографическія записки. Часть IV. Съ 18 марта 1850 г. по 3 апрѣля 1853 г. Изд. подъ редакціей П. Сырку. С.-Петербургъ. 1896.

Петръ Сладкопѣвцевъ. Древнія Палестинскія обители и прославившіе ихъ св. подвижники. Вып. IV. Обители V и VI вѣковъ. Изд. Имп. Прав. Палест. Общ. С.-Петербургъ. 1896.

Wladimir de Bock, Chambellan de S. M. l'Emp., Lettre au Prince François de Liechtenstein au sujet d'une croix reliquaire byzantine appartenant au Baron d'Inkéy et Pallin. St.-Pétersbourg. 1896.

'Α. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς, 'Ιεροσολυμιτική Βιβλιοθήκη, ἐκδοθεῖσα ἀναλώμασι τοῦ Αὐτοκρατορικοῦ Ὀρθοδόξου Παλαιστινοῦ Συλλόγου. Τόμος Γ'. Ἐν Πετροῦπόλει. (Commiss. Leipzig, Otto Harrassowitz). 1897. 8°. Β' + 440 στρ.

'Α. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς, Ἀνάλεκτα Ἱεροσολυμιτικῆς Σταχυολογίας, ἐκτυπούμενα ἀναλώμασι τοῦ Αὐτοκρατορικοῦ Ὀρθοδόξου Παλαιστινοῦ Συλλόγου. Τόμος Γ' καὶ Δ'. Ἐν Πετροῦπόλει. (Commiss. Leipzig, Otto Harrassowitz). 1897. 8°. ζ' + 585 στρ., ια' + 613 στρ. Цѣна каждаго тома 10 руб.

A. Papadopulos-Kerameus, *Fontes historiae imperii Trapezuntini*. I. Petropoli. 1897. А. Пападопуло-Керамевсъ. Сборникъ источниковъ по исторіи Трапезундской имперіи. I. С.-Петербургъ. 1897. XV + 177 стр. Отд. отд. изъ 43 части Записокъ Ист.-Фил. Фак. Имп. С.-Пбург. Университета.

Dr. J. Haury, *Zur Beurtheilung des Geschichtschreibers Procopius von Cäsarea*. Programm des Wilhelms-Gymnasiums. München. 1896. 8°.

Emil von Renesse, *Die Lehre der zwölf Apostel*. Text, Uebersetzung und eingehende Erklärung nebst Untersuchungen über die Entstehung, sowie die Bearbeitung der Didache in den späteren Schriften. Giessen. Ricker. 1897. 8°.

Halmel, *Die Entstehung der Kirchengeschichte des Eusebius von Caesarea*. Essen, G. D. Baedeker. 1896. 8°.

Dr. Waldemar Nissen. *Die Regelung des Klosterwesens im Römischen Reich bis zum Ende des 9 Jahrhunderts*. Bericht der Gelehrtenschule des Johanneums. Hamburg. 1897. 4°.

G. N. Hatzidakis. *Zur Abstammung der alten Makedonier*. Eine ethnologische Studie. Athen 1897. 8°.

Ch. Diehl. *L'origine du régime des thèmes dans l'empire byzantin*. Paris, Léopold Cerf. 1896. Отд. отд. изъ *Études d'histoire du moyen âge dédiées à Gabriel Monod*.

D. C. Hesseling, *Les cinq livres de la Loi (Pentateuque)*. Traduction en néo-grec publiée en caractères hébraïques à Constantinople en 1547, transcrite et accompagnée d'une introduction, d'un glossaire et d'un fac-simile. Leide, S. C. von Doesburgh. 1897. 8°. pp. LXIV + 443.

Greek Papyri. Series II. New Classical fragments and other greek and latini Papyri. Edited by Bernard P. Grenfell and Arthur S. Hunt. With five plats. Oxford, Clarendon Press. 1897.

Σπυρ. Π. Δάμπρος. *Ἱστορία τῆς Ἑλλάδος*. Τεύχος 71, 72, 73, 74, 75. Ἐν Ἀθήναις, Κάρολος Μπέκ 1896—1897.

Ἑλλάς. *Περιοδικὸν τοῦ ἐν Ἀμστελοδάμῳ Φιλελληνικοῦ Συλλόγου*. VI. 3. Leide. 1897.

Μαργαρίτης Δήμιτσας. *Ἡ Μακεδονία ἐν λίθοις φθεγγομένοις καὶ μνημείοις σωζομένοις ἤτοι πνευματικῇ καὶ ἀρχαιολογικῇ παράστασις τῆς Μακεδονίας ἐν συλλογῇ 1409 ἑλληνικῶν καὶ 189 λατινικῶν ἐπιγραφῶν καὶ ἐν ἀπεικονίσει τῶν σπουδαιοτέρων καλλιτεχνικῶν μνημείων*. Τόμ. Α'—Β'. Ἐν Ἀθήναις. 8°. μ' + 1046 стр. Цѣна 20 фр.

Πρακτικὰ τῆς ἐν Ἀθήναις Ἀρχαιολογικῆς Ἑταιρείας τοῦ ἔτους 1895. Ἀθήνησιν. 1896.

Γεωργίου Π. Βεγλερῆ. *Τὸ ἔργον τοῦ ἐν Κωνσταντινουπόλει Αὐτοκρατορικοῦ Ῥωσικοῦ Ἀρχαιολογικοῦ Ἰνστιτούτου*. Ἐν Κωνσταντινουπόλει. 1897. Μετατύπωσις ἐκ τῆς Ἐκκλησιαστικῆς Ἀληθείας.

Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина. Книга XIII. София. 1896.

В. Н. Златарски. Писмата на византийския императоровъ Романа Лекапена до Българския царь Симеона. София. 1894. 41 стр. Отд. отг. изъ «Сборника за народни умотворения» XIII.

Alexandru Ștefulescu, Mănăstirea Tismana. Cu ilustrațiuni de V. Roșă Piekarski și M. Wertschitzky. Târgu-Jiū. 1896. Цѣна 4 фр.

ОТДѢЛЪ III

Дополненія къ т. III, вып. 3—4.

«*Ἀνωτέρου ποιήμα παραίτητῶν ἐν ἑξαμέτροις*», изданное Н. Г. Досіосомъ на стр. 560—573, какъ сообщаетъ нашъ уважаемый сотрудникъ г. Э. Курцъ, представляетъ собою «*Disticha Catonis*» въ греческомъ переводѣ Максима Плануды.

Въ рецензіи г. Э. Курцъ на книгу «Систематическое описаніе рукописей Московской Синодальной библіотеки» архимандрита Владиміра на стр. 643. 16, по недосмотру типографіи, осталось слово «Грамматикъ», назначенное къ уничтоженію.

Русскій Археологическій Институтъ въ Константинополѣ. 2-го марта 1897 г. происходило торжественное засѣданіе Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ, который праздновалъ вторую годовщину своей дѣятельности. Засѣданіе было открыто почетнымъ предсѣдателемъ института А. И. Нелидовымъ. Онъ привѣтствовалъ институтъ достигнутыми имъ учеными результатами, закончивъ свою рѣчь словами, что быстрый ростъ этого юнаго учрежденія вполне оправдываетъ выраженные имъ въ прошедшемъ году надежды, а блестящее осуществленіе ихъ позволяетъ съ еще большею увѣренностью смотрѣть на будущее; самоотверженная неустанная дѣятельность директора, ученаго секретаря и сотрудниковъ института служить ручательствомъ того, что онъ и впредь будетъ идти по пути преуспѣянія на пользу и успѣхъ науки и на славу русскаго имени.

Затѣмъ директоръ института Θ. И. Успенскій произнесъ рѣчь на тему: значеніе славянскаго элемента въ византійской имперіи. Указавъ на общезвѣстный фактъ культурнаго вліянія Византіи на зависимыя отъ нея народы, ораторъ замѣтилъ, что для полноты исторической картины не слѣдуетъ забывать и объ обратныхъ вліяніяхъ на Византію со стороны сосѣднихъ съ нею народовъ. Извѣстно, что съ VI в. славяне почти сплошь заселили Балканскій полуостровъ, а въ VII и VIII вв. ви-

зантійскіе императоры по разнымъ политическимъ соображеніямъ поселили громадное количество славянъ также и въ Малой Азіи. Г. Успенскій высказалъ мнѣніе, что всѣ эти славянскія племена, поселившіяся въ предѣлахъ имперіи, сохранили свои обычаи, языкъ и устройство. Это подтверждается извѣстіями о славянскихъ обычаяхъ у Прокопія, Маврикія и Льва Мудраго и появленіемъ въ VIII в. крестьянскаго закона «*νόμος γεωργικός*» Льва Исавра, въ которомъ ораторъ видитъ древнѣйшую редакцію обычнаго славянскаго права и объясняетъ этимъ фактомъ распространеніе закона и переводы его на славянскіе языки въ средніе вѣка. Доказательство дѣйствія упомянутыхъ славянскихъ правовыхъ нормъ въ Византіи можно видѣть въ новеллахъ императоровъ Македонской династіи, которыя изданы въ защиту мелкой поземельной собственности отъ захвата властелей или *диматовъ*. Дѣлая анализъ новеллъ, Ф. И. Успенскій выдвинулъ въ особенности то обстоятельство, что, какъ видно изъ новеллъ, самымъ существеннымъ элементомъ у византійскихъ крестьянъ является самая организація общины, именно *пять* категорій родственныхъ земельныхъ и административныхъ отношеній. Такая форма сельской общины въ византійскомъ государствѣ могла произойти только вслѣдствіе славянской эмиграціи. Кромѣ того, изученіе устройства славянской общины на основаніи византійскихъ источниковъ даетъ нѣкоторыя черты, которыхъ мы не можемъ даже найти въ національныхъ славянскихъ источникахъ.

Наиболѣе важной эпохою славянскаго вліянія въ имперіи ораторъ считаетъ еще XIII в., при чемъ указываетъ на свидѣтельство историка Пахимера и ссылается на неизданное свидѣтельство Феодора Ласкариса. На основаніи этихъ источниковъ онъ доказываетъ, что никейская имперія могла отстоять свое положеніе на востокѣ и собрать силы для новаго объединенія эллинскаго міра, благодаря славянскимъ колонистамъ. Мы встрѣчаемъ славянина на константинопольскомъ патріаршемъ престолѣ, видимъ другого славянина, который выдавалъ себя за сына царицы Ирины и стремился даже къ царской власти, наконецъ, находимъ множество славянъ въ числѣ византійской администраціи, на военной службѣ и при дворѣ. Все это указываетъ на то, что нельзя не придавать серьезнаго значенія вліянію славянъ на различныя стороны византійской жизни.

Отчетъ, прочитанный затѣмъ секретаремъ института П. Д. Погодинымъ, былъ посвященъ обзору дѣятельности института за истекшій 1896 годъ.

По окончаніи предварительныхъ работъ по устройству и организаціи на мѣстѣ институтъ получилъ возможность заняться ознакомленіемъ съ тѣми мѣстностями, которыя подлежатъ его изученію, и собираніемъ научныхъ матеріаловъ. Съ этою цѣлью былъ предпринятъ рядъ экскурсій въ Вионію (Брусса, Никея, Никомидія и ея окрестности), въ Конію, въ Палестину и въ Болгарію. Съ результатами этихъ путешествій инсти-

тутъ имѣлъ отчасти возможность ознакомить русскій ученый міръ, принявъ участіе въ Рижскомъ археологическомъ съѣздѣ, на которомъ было сдѣлано восемь сообщеній на основаніи матеріаловъ, собранныхъ институтомъ. Признавая дѣятельность института вполне опредѣлившейся и считая въ высшей степени желательнымъ дальнѣйшее ея расширеніе, съѣздъ постановилъ ходатайствовать объ увеличеніи суммъ, отпускаемыхъ на содержаніе института.

Рядомъ съ собираніемъ матеріаловъ идетъ и ихъ обработка, хотя въ виду ограниченности ученыхъ силъ института и большого количества собраннаго матеріала обработка его не могла двигаться съ тою быстротою, которой заслуживала бы новизна и значеніе данныхъ, находящихся въ распоряженіи института. Тѣмъ не менѣе въ I томѣ Извѣстій института появилось описаніе Сармысаклійскаго Евангелія, изданы документы по исторіи византійскаго землевладѣнія и комментаріи къ Константину Родію, текстъ коего изданъ членомъ института Г. П. Беглери. Въ слѣдующемъ второмъ томѣ Извѣстій института появятся документы, касающіеся Іоанна Италя, и историко-археологическое описаніе древностей Никомидіи.

Засѣданій въ отчетномъ году въ институтѣ было 6, на которыхъ были сдѣланы сообщенія директоромъ, ученымъ секретаремъ и членами института (см. т. III, стр. 736). Помимо засѣданій, на канонерской лодкѣ «Донецъ» институтомъ былъ устроенъ рядъ популярныхъ бесѣдъ о древностяхъ и исторіи Константинополя.

Въ числѣ большихъ научныхъ предпріятій, занимающихъ институтъ, на первомъ планѣ стоитъ собираніе свѣдѣній о монастыряхъ, нынѣ существующихъ въ вѣдѣніи константинопольскаго патріархата. Отвѣты на окружныя письма, разосланныя по просьбѣ института святѣйшимъ Вселенскимъ Патріархомъ, уже начинаютъ поступать. Трудно сказать съ увѣренностію, удастся ли довести эти свѣдѣнія до желательной полноты; во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что нѣкоторыя изъ полученныхъ свѣдѣній имѣютъ самостоятельное значеніе.

Пополненіе библіотеки продолжалось путемъ пожертвованій и покупкою. Въ виду того, что основныя сочиненія по предметамъ специальности института были приобрѣтены еще въ 1895 году, въ 1896 году обращено было особое вниманіе на отдѣлъ періодическихъ изданій и число получаемыхъ журналовъ было доведено до 49. Приобрѣтены также цѣлыя серіи наиболѣе важныхъ періодическихъ изданій, напр., изданія Германскаго Археологическаго Института, Bulletin de correspondance hellénique, Revue de l'art chrétien и пр. Изъ крупныхъ приобрѣтеній слѣдуетъ отмѣтить La Basilique de S. Marc, Lequien Oriens Christianus, Исторія Іерусалимскихъ патріарховъ Досноея, Латинскій словарь Форчеллини и проч. Число томовъ въ библіотекѣ въ настоящее время достигаетъ 7300 т.

15 марта 1897 г.

Константинополь.

Византійскія Временныя.

Г. П. Беглери.

20

Эллинскій филологическій силлогъ въ Константинополѣ. *Годичное засѣданіе Силлога*, состоявшееся въ Воскресенье 19 мая 1896 года, собрало въ помѣщеніе Силлога значительное количество публики, въ рядахъ которой находились: Вселенскій патріархъ, нѣсколько другихъ особъ священнаго сана, греческій посланникъ, и другія выдающіяся лица. Предсѣдатель Силлога А. Христидисъ сжато изложилъ дѣятельность Силлога въ отчетномъ году. Состоялось 20 засѣданій, въ которыхъ было прочтено 18 докладовъ филологическаго, археологическаго и иного научнаго содержанія. Кромѣ того, по примѣру прежнихъ лѣтъ Силлогомъ было устроено 23 публичныхъ чтенія (въ предыдущемъ году 23 засѣданія съ докладами и 33 публичныхъ чтенія¹⁾). Специальныя комиссіи при Силлогѣ работали, по словамъ отчета, усердно, но подробностей о ихъ занятіяхъ отчетъ не сообщаетъ. Изъ сочиненій, представленныхъ на призъ Карапаноса, ни одно не удостоено преміи; что касается приза Зографа, то онъ въ теченіе отчетнаго года и не долженъ былъ выдаваться, такъ какъ по вновь измѣненному положенію о немъ черезъ годъ проценты съ капитала, положеннаго на этотъ призъ, употребляются на напечатаніе матеріаловъ, собранныхъ и увѣнчанныхъ преміей въ предшествующій годъ. Библіотека Силлога увеличилась 400-ми названій, читальня новыми періодическими изданіями, высылаемыми даромъ, нумизматическая коллекція богатымъ вкладомъ покойнаго митрополита Мисимны Никифора Глика, археологическая коллекція — приблизительно 40 вазами еванскаго происхожденія, принесенными въ даръ М. Гедеономъ. Въ заключеніе рѣчи предсѣдатель выразилъ сожалѣніе по поводу печальнаго состоянія кассы Силлога, въ которой дефицитъ достигаетъ 75 лиръ. За отчетомъ послѣдовалъ рефератъ Н. Фотіада: «Объ Елевсинскихъ мистеріяхъ», въ которомъ онъ доказывалъ, что мистическое ученіе было въ сущности монотеизмомъ и такимъ образомъ подготовляло почву для принятія и распространенія христіанства. О политеизмѣ же референтъ такого мнѣнія, что онъ былъ религіею невѣжественной толпы. Въ заключеніе Вселенскій патріархъ благословилъ собраніе и выразилъ желаніе улучшенія программъ и системы образованія въ греческихъ училищахъ и приближенія ихъ къ современнымъ потребностямъ общества.

На 27 мая назначенъ въ Силлогѣ докладъ М. Гедеона: «О типикѣ церкви Богоматери Спасительницы міра (τῆς Κοιμωταίρας) XII-го в.

Въ началѣ лѣта въ Силлогѣ происходили лишь дѣловыя собранія комиссій, завѣдующихъ издательскою дѣятельностью, и одно собраніе совѣта по поводу необходимыхъ ремонтныхъ работъ въ помѣщеніи Силлога. Обо всемъ этомъ въ газеты проникли лишь самыя краткія сообщенія.

Послѣ лѣтняго перерыва Силлогъ открылъ свою дѣятельность лишь 11 ноября 1896 г. Такое позднее начало объясняется, вѣроятно, упомя-

1) Рефератовъ интересующаго насъ характера, т. е. относящихся къ византійской исторіи и археологіи, въ весеннемъ полугодіи вовсе не было и потому мы прошли молчаніемъ отчеты объ этихъ засѣданіяхъ въ газетѣ *Κωνσταντινούπολις*.

путыми ремонтными работами. Первое засѣданіе было открыто рѣчью председателя А. Христидиса. Содержаніе рѣчи—горькая жалоба на равнодушіе общества къ дѣятельности Силлога, хорошо извѣстной въ Европѣ, съ академіями и учеными обществами которой Силлогъ поддерживает оживленныя сношенія, и ненаходящей себѣ сочувствія дома. Результатомъ такого равнодушія является плачевное матеріальное положеніе Силлога, непозволившее минувшимъ лѣтомъ произвести должнымъ образомъ даже необходимѣйшія поправки въ помѣщеніи. Такъ, напр., не нашлось средствъ перенести библіотеку и коллекціи Силлога въ нижній этажъ, что оказывается необходимымъ по теперешнему состоянію зданія. Несмотря на призывъ къ членамъ и публикѣ о матеріальномъ содѣйствіи, отозвалась только одна дама и нѣкоторые, особенно аеонскіе монастыри.

На 18-е ноября назначено очередное собраніе съ сообщеніемъ М. Г. Гедеона «О воспитаніи женщинъ въ средніе вѣка».

1-го декабря прочтена было Н. Фотіадамъ первая публичная лекція въ сезонѣ на тему: «О пользѣ раздѣленія труда». Отчетъ опять жалуются на равнодушіе публики, выразившееся, между прочимъ, въ незначительномъ стеченіи народа на лекцію.

На 16 декабря назначено очередное собраніе съ докладомъ П. Д. Николупула: «О Фотіѣ, патріархѣ Константинопольскомъ, по неизданнымъ матеріаламъ св. Горы».

А. Щукаровъ.

Сообщеніе въ Имп. Русскомъ Археологическомъ Обществѣ. 4-го марта въ засѣданіи русскаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества Х. М. Лопаревъ сдѣлалъ сообщеніе «Алексѣй Комнинъ на Руси и въ Сициліи». Х. М. Лопаревъ остановилъ свое вниманіе на краткой записи въ Новгородской лѣтописи подъ 1186 г. о пріѣздѣ въ Великій Новгородъ «царя греческаго Алексѣя Мануиловича». Какъ выясняетъ сопоставленіе этого извѣстія съ сообщеніями византійскаго историка Никиты Хоніата, жившаго въ началѣ XIII в., событіе, которое въ данномъ случаѣ имѣлось въ виду нашимъ лѣтописцемъ, передано не точно и датировано не вѣрно. Послѣ смерти императора Мануила въ Новгородъ дѣйствительно пріѣзжалъ двоюродный внукъ этого императора Алексѣй Комнинъ, облыжно называвшій себя сыномъ императора Мануила. У «господина Великаго Новгорода» искатель византійскаго престола просилъ поддержки деньгами и войскомъ. Обманувшись здѣсь въ своихъ расчетахъ, Алексѣй Комнинъ обратился въ Сицилію. Вильгельмъ II пошелъ съ нимъ на Византію, но въ томъ же 1185 г. Алексѣй Комнинъ былъ схваченъ и ослѣпленъ.

Сообщенія въ Императорскомъ Обществѣ любителей древней письменности. Въ засѣданіи 7-го марта были сдѣланы слѣдующія сообщенія.

Профессоръ А. И. Соболевскій остановился на двухъ памятникахъ древне-русской переводной литературы— сказаніи о *Иверской (грузинской)*

царствъ Динарѣ и девяти главахъ изъ «Книги Эсфирь». Въ числѣ древнихъ рукописей, хранящихся въ разныхъ библиотекахъ, часть мы можемъ отнести къ переводамъ, сдѣланнымъ на славянскомъ югѣ въ XV—XVI в. Другая часть—должна считаться переведенной уже въ Россіи, на что указываютъ не столько фонетическія и морфологическія особенности языка переводовъ, сколько ихъ словарный матеріалъ. Изслѣдуя въ этомъ отношеніи повѣсть о Динарѣ, встрѣчающуюся въ спискахъ начала XVII-го вѣка, но восходящую къ концу XVI-го, референтъ отмѣтилъ рѣдкіе архаизмы языка ея, не встрѣчающіеся въ другихъ памятникахъ слова, и на основаніи словъ специально русскихъ пришелъ къ заключенію, что повѣсть эта переведена въ Россіи. Что это не оригиналъ, а переводъ—въ этомъ убѣждаютъ насъ многочисленныя гречизмы; сверхъ того, данныя языка и стilia заставляютъ насъ предполагать оригиналъ стихотворный, написанный ямбомъ, со многими риторическими украшениями, сложными словами въ стилѣ поздне-византійскомъ, напр.: властодержество, звѣролюбство, женогрезство и т. п. Переводъ сдѣланъ порою слишкомъ близко буквѣ оригинала и потому въ ипыхъ мѣстахъ неясенъ. Остается теперь заняться специалистамъ-византинистамъ источникомъ того стихотворенія, къ которому восходитъ русская «повѣсть о Динарѣ».

Вторая замѣтка проф. А. И. Соболевскаго касалась «Книги Эсфирь» въ древне-славянскомъ переводѣ. Извѣстенъ переводъ всего 9 главъ, именно тѣхъ, которыя находятся въ еврейскомъ, дошедшемъ до насъ текстѣ; прочихъ же, извѣстныхъ по греческимъ переводамъ—въ славянскихъ нѣтъ. Горскій и Невоструевъ признали славянской переводъ этихъ 9 главъ не древнимъ и сдѣланнымъ прямо съ еврейскаго. Вслѣдъ за ними и другіе ученые повторяли то же и считали переводъ этотъ сдѣланнымъ въ XVI в. Феодоромъ-евреемъ. Было забыто замѣчаніе Востокова, что переводъ этотъ относится по языку къ глубокой древности. Сверхъ того, найденъ текстъ этихъ 9 главъ въ спискѣ XV в. Наконецъ, изслѣдованіе языка, сдѣланное референтомъ, подтвердило догадку Востокова и опровергло голословныя предположенія, повторявшіяся доселѣ. Въ пользу древности говорятъ рѣдкіе въ другихъ памятникахъ архаизмы: на конихъ, десятъма, нечленныя формы прилагательныхъ во всѣхъ падежахъ, правильное употребленіе plusquamperfect'a, сослагательнаго наклоненія и описательныхъ формъ, супина. То же и въ отношеніи синтаксиса и словаря. Послѣдній указываетъ отчасти и на мѣсто перевода этого памятника—это Западная Русь (абы, охвота, борздый и др.). На вопросъ, съ какого языка былъ сдѣланъ переводъ—отвѣчаетъ языкъ: нигдѣ не встрѣчается въ именахъ буква *ш*, *ц*, *ѣ*, столь обычныя въ непосредственныхъ переводахъ съ еврейскаго; вездѣ господствуетъ византійское правописаніе, имена передаются въ греческой формѣ, да еще и ошибочно: писецъ или переводчикъ кое-гдѣ принялъ винительный падежъ греческаго языка на—нъ за именительный и такъ перенесъ слово въ переводъ. Безъ всякаго сомнѣнія, переводъ сдѣланъ съ грече-

скаго, съ одного изъ текстовъ, существовавшихъ независимо отъ признаннаго текста 70 толковниковъ. Къ числу такихъ же памятниковъ, переведенныхъ въ Россіи, по мнѣнію А. И. Соболевскаго, принадлежатъ Пандекты Никона Черногорца, уставъ Студійскій, житіе Андрея Юродиваго, Варлаама и Іоасафа, исторія Іосифа Флавія, Уваровскій списокъ «Физиолога» и нѣкоторые другіе.

Х. М. Лопаревъ сообщилъ о результатахъ своихъ розысканій о такъ называемомъ *русскомъ паломникѣ Леонтіи*, упоминаемомъ Антоніемъ Новгородскимъ, бывшимъ въ Константинополѣ и св. Землѣ въ XII в. Объ этомъ Леонтіи читаемъ, что въ ц. Георгія лежитъ тѣло «попа русина» Леонтія, великаго человекѣ, путешествовавшаго три раза въ Палестину. Отсюда всѣ историки заключали о существованіи такого паломника. Г. Лопаревъ, заподозривъ, что здѣсь произошла ошибка по разсѣянности писца, и что вмѣсто «поп русинъ» слѣдуетъ читать въ рукописи «поп Прусинъ», попытался провѣрить свой домыслъ и при полномъ отсутствіи какихъ-либо другихъ извѣстій о русскомъ попѣ Леонтіи-паломникѣ натолкнулся на житіе греческаго святого Леонтія, въ мірѣ Петра, по описанію очень схожаго съ названнымъ выше Леонтіемъ русиномъ, но происходившимъ изъ греческаго города Бруссы или Пруссы, т. е. въ русской передачѣ—прусинъ. Нѣкоторые замѣчанія о невозможности такого перехода прозвища греческаго именно въ такую русскую форму были сдѣланы А. Соболевскимъ, А. Θ. Бычковымъ и А. И. Кирпичниковымъ. Несмотря на соблазнительность вывода, сдѣланнаго референтомъ, трудно съ нимъ согласиться еще и потому, что рукописное чтеніе вездѣ даетъ «русина», а о прусинѣ нигдѣ не упоминается, кромѣ указаннаго житія. Сверхъ того, «русинъ» путешествовалъ въ Палестину трижды, и болѣе ничего неизвѣстно о немъ, тогда какъ о «Прусинѣ Леонтіи» даже краткая «память» сохранила рядъ біографическихъ фактовъ.

Въ засѣданіи 4-го апрѣля Д. Θ. Кобеко сдѣлалъ сообщеніе «Опытъ исправленія текста Бесѣды о святыняхъ Царяграда». Въ 1890 г. академику Л. Н. Майкову удалось найти неизвѣстный памятникъ древне-русской литературы, озаглавленный имъ по его содержанию «Бесѣда о святыняхъ Царяграда». Тогда же Л. Н. Майковъ издалъ этотъ памятникъ, предпославъ ему предисловіе, гдѣ онъ высказалъ предположеніе, что «Бесѣда» эта сложилась въ XIII—XIV вѣкѣ. Д. Θ. Кобеко, тщательно изслѣдовавъ памятникъ, пришелъ къ заключенію, что онъ былъ составленъ въ первой четверти XIV вѣка, такъ какъ епископъ, рассказывающій въ немъ царю о своемъ хожденіи въ Царьградъ, ни слова не упоминаетъ о туркахъ, поселившихся на Балканскомъ полуостровѣ въ 1356 г., а, съ другой стороны, онъ упоминаетъ о видѣнныхъ имъ въ храмѣ св. Софіи мощахъ патріарха Арсенія, которыя въ концѣ XIII вѣка находились не въ храмѣ св. Софіи, а въ монастырѣ св. Андрея. Судя по нѣкоторымъ отдѣльнымъ выраженіямъ, какъ, напр., *куна* въ значеніи монеты, мы

должны предположить, что памятникъ этотъ былъ составленъ въ Новгородѣ, и въ такомъ случаѣ весьма возможно, что авторомъ былъ епископъ Григорій Калѣка, получившій епископскую кафедру въ 1329 году. Кромѣ того Д. Θ. Кобеко указалъ, что въ памятникѣ есть непослѣдовательность въ описаніи святынь Царяграда: начавъ съ описанія восточной стороны города, авторъ переходитъ къ юго-западной, а затѣмъ снова возвращается къ описанію восточной части. По мнѣнію референта, мы имѣемъ здѣсь перестановку, происшедшую при позднѣйшихъ списываніяхъ памятника, и стоитъ лишь поставить вторую его часть на мѣсто третьей, чтобы получить стройное и послѣдовательное описаніе царградскихъ святынь. Въ добавленіе къ сообщенію Д. Θ. Кобеко Л. Н. Майковъ сказалъ, что памятникъ этотъ составной, что здѣсь мы имѣемъ бесѣду между царемъ и епископомъ, одна часть которой носитъ легендарный характеръ, другая же часть исторически вѣрная. Этой двойственностью памятника можетъ быть объясняемъ и находящійся въ немъ анахронизмъ: епископъ, описывая Константинополь XIV вѣка, рассказываетъ о починкѣ храма св. Софіи послѣ землетрясенія, что имѣло мѣсто въ XI вѣкѣ. При этомъ Л. Н. Майковъ сказалъ, что странное и подозрительное сообщеніе нашего паломника о какихъ то жабахъ, которыя ночью ходили по Цареграду и подметали его, находить, какъ указалъ А. Н. Веселовскій, подтвержденіе и у Дороея Монеувасійскаго, тоже говорящаго о существованіи подобной жабы въ Константинополѣ.

Диспуты на степень магистра. Въ теченіе сего 1897 г. въ С.-Петербургскомъ университетѣ состоялись нижеслѣдующіе диспуты на степень магистра:

19 января. Е. К. Рѣдинъ на сочиненіе «Мозаики Равеннскихъ церквей».

19 января. П. Соколовъ на сочиненіе «Церковно-имущественное право въ греко-римской имперіи».

30 марта. В. М. Грибовскій на сочиненіе «Народъ и власть въ византійскомъ государствѣ».

Древній водопроводъ въ Кизикѣ. Недалеко отъ развалинъ древняго Кизика и въ $2\frac{1}{2}$ часахъ отъ нынѣшней Артаки, близъ обильнаго источника, носящаго названіе Кайнарджи, найдены въ началѣ іюля 1896 года замѣчательно хорошо сохранившіеся остатки водопровода, судя по техникѣ, римскихъ временъ. На разстояніи приблизительно 600 метровъ сохранилась подземная галерея, шириною въ метръ и вышиною въ 1,20 метра. Водопроводныя трубы состоятъ изъ цилиндровъ обожженной глины, длиною въ 1 метръ и 0,45 м. въ діаметрѣ. Общая длина водопровода была около 6 километровъ, но вслѣдствіе разрушенія токъ воды прекратился почти на всемъ протяженіи сооруженія. Димархомъ и жителями приняты мѣры къ реставраціи и приведенію водопровода въ состояніе служить и въ настоящее время.

А. Ш.

Открытие участка Ильгинь-Конія малоазіатскихъ желѣзныхъ дорогъ, состоявшееся въ субботу 13 іюля, не можетъ не интересоватъ и людей интересующихся прошлыми судьбами страны, доступъ въ которую облегченъ теперь новой линіей. Нынѣшній турецкій вилайетъ Конія, соименный своему главному городу, обнимаетъ древнія Каппадокію, Писидію, Памфилію и западную Киликію. Въ византійскую эпоху Иконія бытъ резиденціею архіепископа Ликаоніи. Въ 1097 г. завоеванъ сельджуками и съ тѣхъ поръ часто упоминается въ эпоху крестовыхъ походовъ подъ именемъ Румъ. Отъ сельджукской эпохи здѣсь сохранились значительные архитектурные памятники. Конія, находящаяся въ 750 километрахъ отъ Константинополя, при всей медленности турецкихъ желѣзныхъ дорогъ отдѣляется теперь отъ столицы лишь двумя сутками пути, тогда какъ до постройки желѣзной дороги требовалось двадцать дневныхъ переходовъ, чтобы попасть туда. Такимъ образомъ самое сердце Малой Азіи становится все болѣе и болѣе доступнымъ для путешествій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для изслѣдованій.

А. Ш.

Раскопки въ Ефесѣ, производившіяся прошлымъ лѣтомъ Бенндорфомъ, привели къ открытію кварталовъ, построенныхъ въ византійскую эпоху. Кварталы эти ясно отличаются отъ построенныхъ въ римское время узостью и неправильностью своихъ улицъ и незначительными размѣрами домовъ. Газета *Κωνσταντινούπολις* (3 окт. 96 г.) особенно отмѣняетъ открытіе общественнаго *ἀποχωρητήριον*, который она характеризуетъ, какъ «*παρίεργον διὰ τὴν ὄλην κατασκευὴν αὐτοῦ*».

А. Ш.

Ἐρευράνης. Подъ этимъ именемъ начата новая періодическая публикація, предпринятая «силлогомъ малоазіатовъ» въ Аѣинахъ. Она задается цѣлью собирать матеріалы по исторіи и археологіи Малой Азіи въ самомъ широкомъ смыслѣ этихъ понятій. Первая тетрадь, уже появившаяся, заключаетъ, между прочимъ, слѣдующія изслѣдованія. «*Φιλοσοφία Κσеноφάνη*», имя котораго избрано для заглавія всего изданія, М. Евангелида, профессора философіи въ Аѣинскомъ университетѣ; «*Ὁνομαστικὴ Μικρᾶς Ασίας*», П. Каролида, проф. исторіи тамъ же; А. Киріака «Объ александрійскихъ богословахъ: *Κлиментῆ, Παντάνη, и Оригенῆ* и нѣкот. друг.». Остается пожелать повому предпріятію, намѣревающемуся стать главнымъ центральнымъ органомъ всѣхъ научныхъ изслѣдованій Малой Азіи, которая, по его словамъ, весьма плохо извѣстна изъ «поверхностныхъ и кратковременныхъ экскурсій въ нее иностранцевъ», — болѣе долговѣчности чѣмъ та, какую имѣла масса не менѣе серьезныхъ по задачѣ начинаній на нынѣшнемъ эллинскомъ Востокѣ.

А. Ш.

Древній подземный ходъ въ Константинополѣ. *Κωνσταντινούπολις* (16 апр. 1896 г.) сообщаетъ объ открытіи при раскопкахъ (или случайныхъ земляныхъ работахъ), производившихся на участкѣ нѣкоего Айвазъ-ефенди

близъ Влахернъ, подземнаго хода. Куда онъ велъ въ моментъ находки, нельзя было опредѣлить съ достовѣрностью. Нѣкоторые предполагали, что онъ служилъ въ древнее время темницею. Газета обѣщаетъ болѣе подробное описаніе по выясненіи дальнѣйшихъ деталей раскопками.

А. Ш.

Патріаршая енциклика. 3 іюня 1896 г., по предложенію русскаго археологическаго института въ Константинополь, Вселенскій патріархъ опубликовалъ енциклику, обращенную къ митрополитамъ, епископамъ и настоятелямъ монастырей съ требованіемъ доставленія свѣдѣній историческаго и археологическаго характера о старинныхъ церквахъ и монастыряхъ. Въ енцикликѣ выставлено три пункта, по которымъ желательно было бы имѣть отвѣты: а) какія обители существуютъ въ настоящее время въ епархіи или округѣ, б) какія обители закрыты или разрушены и какія свѣдѣнія сохранились о нихъ у старинныхъ писателей, с) какія вовсе исчезнувшія теперь обители существовали въ древности и какія достовѣрныя свѣдѣнія о нихъ сохранились.

А. Ш.

† И. И. Малышевскій. 11 января скончался заслуженный профессоръ Кіевской Духовной Академіи Иванъ Игнатьевичъ Малышевскій. Покойный, сынъ священника Минской губ., родился въ 1828 г. Высшее образованіе онъ получилъ въ Кіевской Духовной Академіи, которую окончилъ въ 1853 г. первымъ магистромъ, и былъ оставленъ бакалавромъ по кафедрѣ историческихъ наукъ. Въ 1861 г. онъ былъ произведенъ въ экстраординарные, а въ 1862 г. въ ординарные профессора Академіи по кафедрѣ русской церковной исторіи.

Учено-литературная дѣятельность покойнаго была весьма плодотворна. Преимущественнымъ предметомъ его занятій была исторія русской церкви и вопросъ объ уніи. Однимъ изъ любимыхъ предметовъ изслѣдованія его была также общая церковная исторія, при чемъ здѣсь онъ обращалъ преимущественное вниманіе на соприкосновенія восточно-православной церкви съ православно-русскою. Изъ сей послѣдней группы трудовъ, которые преимущественно должны интересовать византолога, назовемъ слѣдующіе: 1) Мелетій Пигасъ, патріархъ александрійскій, и его участіе въ дѣлахъ русской церкви, Т. I—II. Кіевъ 1873 г. Второй томъ этого сочиненія заключаетъ въ себѣ собраніе посланій, писемъ и др. сочиненій п. Мелетія, извлеченныхъ изъ греческихъ рукописей (Халкинской бібліотеки близъ Константинополя) и разныхъ западно-русскихъ и иностранныхъ изданій XVI и XVII вв. 2) Константинопольская патріархія и греческая церковь въ подвластныхъ латинянамъ греческихъ земляхъ съ пол. XV до 80-хъ годовъ XVI в. (Тр. Кіев. Духовн. Акад. 1873 г., т. I, стр. 57 и слѣд.). 3) Свв. Кириллъ и Меѳодій: а) рѣчь, произнесенная имъ 7 апрѣля 1885 г. на актѣ въ Кіевской Духовной Академіи (тамъ же 1885 г., т. 2, стр. 84—121 и 149—268) и б) особое изслѣдованіе (тамъ

же 1885 г., т. 2, стр. 380—419; 526—581; т. 3, стр. 49—105, 275—310, 424—469; 1886 г., т. 3, стр. 549—586), вышедшее потомъ отдѣльною книгой. 4) Вопросы критики относительно нѣкоторыхъ источниковъ для исторіи свв. Кирилла и Меѳодія (тамъ же 1877 г., т. 3, стр. 791—799). 5) Логоветъ Теокистъ, покровитель Константина философа (тамъ же 1887 г., т. II, стр. 265 и слѣд.). 6) Св. Сампсонъ, пресвитеръ, странно-пріимецъ и врачъ (Руковод. для сельск. паст. 1887 г., № 23, стр. 195—202). 7) Клирики Никомидійской церкви, святые Гликерій пресвитеръ, архидіаконъ — сослужитель его и Теофилъ діаконъ (тамъ же 1887 г., № 31, стр. 465—473). 8) Св. Мокій, пресвитеръ амфиполитанскій (тамъ же 1887 г., № 32, стр. 523—528). 9) Святые Агаѳоподъ, діаконъ, и Теодулъ, чтецъ, солунскіе мученики (тамъ же 1887 г. № 33, стр. 536—547). 10) Св. Тимоѳей, чтецъ (тамъ же 1887 г., № 37, стр. 64—70). 11) Св. Евстаѳій, діаконъ Никомидійскій, и его братья Теопесій и Анатолій (тамъ же 1889 г., № 2, стр. 44—45). 12) Оригенъ Адамантовъ, учитель и пресвитеръ (тамъ же № 19, 1—14, № 21, 84—91, № 26 235—244, № 28, 312—318, № 30, 369—378). 13) Св. Іоаннъ Златоустъ въ званіи чтеца, въ санѣ діакона и пресвитера (Гр. Кіев. Духовн. Акад. 1890 г., т. 3, стр. 161—191; 1891 г., т. 1, стр. 275—309; т. 2, стр. 41—98 и 1892 г., т. 1, стр. 598—643; т. 2, стр. 521—566 и т. 3, стр. 62 и слѣд., 115 и слѣд.); сочиненіе это вышло и отдѣльнымъ изданіемъ. 14) Подвиги пресвитеровъ антиохійской области въ борьбѣ съ арианствомъ, въ царствованіе Валента (тамъ же 1893 г., т. 2, стр. 355—378). 15) Патріархъ Фотій (Церковн. Вѣдом. 1891 г., № 11, стр. 332—339 и № 12, стр. 374—382). 16) Замячательный образецъ филантропическихъ учрежденій при древнихъ византійскихъ монастыряхъ (Церк. Вѣд. 1895 г., № 47, стр. 1672—1676).

† Павелъ Калигасъ. Калигасъ родился въ 1814 году въ Смирнѣ. Получивъ образованіе въ Женевѣ и посвятивъ нѣсколько лѣтъ изученію философіи и юриспруденціи въ Мюнхенѣ, Берлинѣ и Гейдельбергѣ, онъ въ 1838 году пріѣхалъ въ Аѳины, гдѣ продолжалъ свои занятія юридическими науками; съ 1843 по 1845 годъ Калигасъ былъ профессоромъ естественнаго права, а позднѣе съ 1854 по 1879 годъ читалъ лекціи по римскому праву. Въ промежутокъ между 1845 и 1854 годами онъ занималъ отвѣтственный постъ министра иностранныхъ дѣлъ, былъ верховнымъ судьей, депутатомъ и весьма опытнымъ адвокатомъ. Посвятивъ съ 1879 года свои силы преимущественно политикѣ, онъ съ 1882 по 1885 годъ работалъ съ министромъ финансовъ Трикуписомъ. Въ 1885 г. Калигасъ сдѣлался помощникомъ директора и, наконецъ, директоромъ Національнаго банка. 27 Сентября 1896 года въ преклонномъ возрастѣ 82-хъ лѣтъ Калигасъ скончался въ Аѳинахъ.

Это былъ одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и талантливыхъ греческихъ ученыхъ. Занятія Калигаса Римомъ и римскимъ правомъ не-

волью заставили его обратиться къ изученію византійской исторіи, въ области которой онъ много поработалъ.

Его труды, касающіеся византійской исторіи, слѣдующіе: 1) «Περὶ δουλοπαροικίας παρὰ Ῥωμαίους καὶ Βυζαντινοὺς καὶ περὶ φορολογικῶν διατάξεων»; напечатано въ первый разъ въ 1859 г. въ журналѣ «Пандора», потомъ въ 1865 г. въ «Θεμидῆ» и, наконецъ, въ его книгѣ «Μελέται καὶ Λόγοι» (Аѳины 1882). 2) «Δύο βυζαντιναὶ μελέται» (Аѳины 1868); оба эти изслѣдованія «περὶ τοῦ τυπικοῦ τῆς βυζαντινῆς αὐλῆς» и «περὶ τῆς στάσεως τοῦ Νίκα» также перепечатаны въ Μελέται καὶ λόγοι. 3) «Περὶ τῆς ἐν Φλωρεντίας συνόδου» въ Μελέται καὶ λόγοι (стр. 5—180). 4) «Μελέται βυζαντινῆς ιστορίας ἀπὸ τῆς πρώτης μέχρι τῆς τελευταίας ἀλώσεως, 1205—1453». Аѳины 1894. η' + 775 стр. Кроме того, въ 1842—1843 годахъ Каллигасъ въ журналѣ «Ἐρανιστής» перевелъ на новогреческій языкъ сочиненіе Ранке о венеціанцахъ въ Πελοπόννησος. — См. Byz. Zeitschr. VI, 1, S. 217—218.

А. Васильевъ.

† Никифоръ Калогерасъ. Никифоръ Калогерасъ умеръ 30 октября 1896 года на родномъ островѣ Спетсы у береговъ Πελοπόννησος. Родившись въ 1835 году и получивъ первоначальное образованіе на о. Спетсы, а затѣмъ въ аѳонской школѣ, Калогерасъ на Аѳонѣ былъ посвященъ въ санъ діакона; потомъ онъ продолжалъ свои занятія богословіемъ въ аѳонскомъ университетѣ и въ Германіи. Сдѣлавшись въ 1868 году профессоромъ на богословскомъ факультетѣ аѳонскаго университета, онъ занималъ это мѣсто до 1883 года, когда былъ назначенъ архіепископомъ Патраса и Ахайи. Но черезъ два года Калогерасъ возвратился къ частной жизни, предпринималъ ученые путешествія и въ 1891 году присутствовалъ на конгрессѣ старокатоликовъ въ Люпернѣ. Калогерасъ занимался рукописями и въ Россіи, а именно въ Москвѣ.

Калогерасъ оставилъ послѣ себя слѣдующіе относящіеся къ византійской исторіи труды: 1) Περὶ τῆς καταστάσεως τῆς ἐκκλησίας Κωνσταντινουπόλεως κατὰ τὴν πρώτην καὶ ἡμίσειαν ἑκατονταετηρίδα ἀπὸ ἀλώσεως τῆς Κωνσταντινουπόλεως ὑπὸ Μωάμεθ τοῦ Β' (въ Ἀθήναιον 1875, стр. 385 sq.) 2) Ἀλέξιος Α' ὁ Κομνηνός, Εὐθύμιος ὁ Ζιγαβηνός καὶ οἱ αἰρετικοὶ Βογομίλοι (тамъ же 1880, стр. 255 sq.). 3) Περὶ τῶν ἐπι ἀνεκδότων ὑπομνημάτων Εὐθυμίου τοῦ Ζιγαβηνοῦ εἰς τὰς ἐπιστολάς Παύλου τοῦ ἀποστόλου καὶ εἰς τὰς καθολικάς (тамъ же 1881, стр. 331 sq.). 4) Μάρκος ὁ Εὐγενικός καὶ Βησσαρίων ὁ καρδινάλις εὐθύνας, ὡς πολιτικοὶ τοῦ ἑλληνικοῦ ἔθνους ἡγέται, τῇ ιστορίᾳ διδόντες. Οἱς προστίθεται καὶ πραγματεία περὶ τῆς ἐν Βασιλείᾳ συνόδου 1433—37. Аѳины. 1893. 135 стр. 5) Τὰ ἔσχατα τοῦ ἐν Βυζαντίῳ ἑλληνικοῦ κράτους καὶ τὸ τελευταῖον διπλωματικὸν αὐτοῦ ἀπόρητον ἦτοι Ἰωσήφ τοῦ Βруєννίου ὁ περιαδόμενος μυστηριώδης ἐνωτικὸς λόγος νῦν πρῶτον διὰ τῆς ιστορίας ἐρμηνευόμενος. Аѳины, 1894, въ первомъ томѣ библіотеки Ἐταιρεία ὁ Ἑλληνισμός. — См. Byz. Zeitschr. VI, 1, S. 218.

А. Васильевъ.

МОЗАИКА ВЪ ЦЕРКВИ НА О. КИПРЪ. Παγαρία Ἀγγελόκτιστος.

ВИЗ ВРЕМ. IV (СМИРНОВЪ).

МОЗАИКА ВЪ ЦЕРКВИ НА О. КИПРЪ. Панагія Кавохагіа.

ФОТОГРАФ ШИПЕРЪ МАГДАЛЕНЪ И СЪ, МОСКВА

ВЕРХНЯЯ ДОСКА РАВЕННСКАГО ДИПТИХА ВЪ СОБРАНИИ
ГРАФА Г. С. СТРОГАНОВА.

МОНУМЕНТАЛЬНАЯ СКАЛЬНАЯ РЕЛИЕФНО-РЕЗЬБА

ЧАСТЬ НИЖНЕЙ ДОСКИ РАВЕННСКАГО ДИПТИХА ВЪ СОБРАНІИ ГРАФА Г. С. СТРОГАНОВА.

ΠΕΡΙΕΧΟΜΕΝΑ ΤΟΥ ΠΡΩΤΟΥ ΚΑΙ ΔΕΥΤΕΡΟΥ ΤΕΥΧΟΥΣ.

ΜΕΡΟΣ Α΄.

ΜΕΛΕΤΑΙ ΚΑΙ ΥΛΑΙ

σελ.

Χριστιανικά ψηφιδωτά ἐν τῇ νήσῳ Κύπρῳ ὑπὸ Ἰ. Ἰ. Σμυρνῶφ.	1
Διορθωτικά τινὰ εἰς τὰ Anecdota Graeco-Byzantina τοῦ Vassilien ὑπὸ Ν. Γ. Πολίτου	94
Περὶ τῶν Προδρόμων Θεοδώρου καὶ Ἰλαρίωνος ὑπὸ Γ. Ν. Χαδζιδάκι.	100
Τεμάχιον δεπτόχου ἐκ Ραβέννης, εὐρισκόμενον ἐν τῇ συλλογῇ τοῦ κόμητος Γ. Σ. Στρόγανφ ὑπὸ Δ. Αἰνάλωφ.	128
Ἀνώνυμον ἑλληνικὸν κείμενον περὶ τῶν προνομίων τοῦ ἐν Κ/πόλει πατριαρχικοῦ θρόνου, ἐκδιδόμενον μετὰ τῆς παλαιοσλαβικῆς αὐτοῦ μεταφράσεως ὑπὸ Ἀ. Παύλωφ.	143
Ἐν ἑλληνικὸν κείμενον ἐκκλησιαστικῆς ἀποφάσεως περὶ τῶν πρὸς τὴν ἐκκλησίαν προσερχομένων φονίων ὑπὸ Ἀ. Παύλωφ.	155
Συνοδικὸν γράμμα τοῦ 1213-ου ἐτους περὶ γάμου τινὸς μεταξὺ Ἑλλήνος αυτοκράτορος καὶ τῆς θυγατρὸς Ἀρμενίου ἡγεμόνος ὑπὸ Ἀ. Παύλωφ.	160
Ὁ Παρισινὸς κώδιξ τοῦ χρονικοῦ Συμεῶνος τοῦ Λογοθέτου ὑπὸ Σ. Σεστακῶφ.	167

ΜΕΡΟΣ Β΄.

ΒΙΒΑΙΩΝ ΕΠΙΚΡΙΣΕΙΣ.

Σπ. Π. Λάμπρος. Catalogue of the greek manuscripts on mount Athos. Κρίσις Ἀ. Κιρπίτσνικοφ.	184
Γ. Π. Βεγλερής. Ὁ ἐν Κ/πόλει ναὸς τῶν ἁγίων ἀποστόλων καὶ ἄλλα τινὰ μνημεῖα, κατὰ τὴν περιγραφὴν Κωνσταντίνου τοῦ Ῥοδίου. Κρίσις Μ. Παρανίκα.	187
Ε. Legrand. Description de l'église des Saints Apôtres de Constantinople par Constantin le Rhodien. Κρίσις Μ. Παρανίκα.	187
Ἰ. Ἀνδρέεφ. Οἱ ἀπὸ τῆς ἐν Χαλκηδόνι συνόδου μετὰ Φωτίου πατριαρχαί Κ/πόλεως. Ἀ΄ Κρίσις Ν. Κρασνοσέλτζεφ.	192
Ε. Molinier. Histoire générale des arts appliqués à l'industrie. Κρίσις Ἐ. Ρέδιν.	208
Δ. Β. Αἰνάλωφ. Ψηφιδωτὰ τοῦ Δ΄ καὶ Ε΄ αἰῶνος. Κρίσις Ἀ. Στσουκαρῶφ.	218
Δελτίον τῆς ἐν Κ/πόλει Ῥωσικῆς Ἀρχαιολογικῆς Σχολῆς. Κρίσις Ἐ. Ρέδιν.	227
Β. Β. Λατυσεφ. Συλλογὴ τῶν ἐν τῇ νοτίῳ Ῥωσίᾳ ἑλληνοχριστιανικῶν ἐπιγραφῶν. Κρίσις Ἰ. Κουλακόφσκη.	232
Μ. Ἰ. Γεδεών. Προϊκόννησος. Κρίσις Ἰ. Σοκολῶφ.	238

ΒΙΒΛΙΟΓΡΑΦΙΑ.

Ῥωσία. Περιλήψεις Ἰ. Σοκολῶφ.	242
Γερμανία. Περιλήψεις Μπ. Μελοράνσκη.	267
Γαλλία. Περιλήψεις Ἀ. Βασίλειφ.	278
Ἰταλία. Περιλήψεις Ἀ. Βασίλειφ.	281
Ἄγγλια. Περιλήψεις Ἀ. Βασίλειφ καὶ Π. Σύρχου.	283
Ἑλλάς καὶ Τουρκία. Περιλήψεις Ἀ. Παπαδοπούλου-Κεραμέως.	287
Σλαβικαὶ χῶραι. Περιλήψεις Π. Λαβρῶφ.	296
Νέα βιβλία σταλέντα πρὸς τὴν διεύθυνσιν.	300

ΜΕΡΟΣ Γ΄.

ΜΙΚΡΑΙ ΑΝΑΚΟΙΝΩΣΕΙΣ.

Παράρτημα τοῦ Γ' τόμου, τεύχ. γ' καὶ δ΄.	303
Ἡ ἐν Κ/πόλει Ῥωσικῆ Ἀρχαιολογικῆ Σχολῆ.	303
Ὁ ἐν Κ/πόλει Ἑλληνικὸς Φιλολογικὸς Συλλογος.	306
Ἀνακοινώσεις ἐν τῷ Ῥωσικῷ Ἀυτοκρ. Ἀρχαιολογικῷ Συλλόγῳ.	307
Ἀνακοινώσεις ἐν τῷ Ἀυτοκρ. Συλλόγῳ τῶν φίλων ἀρχαίων γραπτῶν κειμένων.	307
Συζητήσεις περὶ θέσεως, γραφίσεως ἐπὶ τῇ λήψει τοῦ βαθμοῦ μαγίστρου.	310
Παλαιῶν ὑδραγωγείων ἐν Κυζίκῳ.	310
Ἐγκαίνια τοῦ μικρασιατικοῦ σιδηροδρόμου Ἰλχίν-Ἰκονίου.	311
Ἀνασκαφαὶ ἐν Ἐφέσῳ.	311
Ξενοφανής.	311
Ἀρχαία ὑπόγειος ὁδὸς ἐν Κ/πόλει.	311
Πατριαρχικὴ ἐγκυκλιὸς ἐπιστολῆ.	312
† Ἰωάννης Μαλισσέβοκς.	312
† Παῦλος Καλλιγᾶς.	313
† Νικηφόρος Καλογεράς.	314

Τὰ Βυζαντινὰ Χρονικά ἐκδίδονται μερίμνη τῆς ἐν Πετρούπολει Αὐτοκρατορικῆς τῶν ἐπιστημῶν Ἀκαδημίας, ὑπὸ τὴν διεύθυνσιν τῶν κκ. Β. Βασιλιέφσκη καὶ Β. Ῥέγκελ.

Κατ' ἔτος ἐκτυποῦνται τέσσαρα τεύχη, ὧν ἕκαστον συνίσταται ἐκ 10 ἢ 12 τυπογραφικῶν φύλλων· τέσσαρα δὲ τεύχη συναποτελοῦσι τόμον ὀλόκληρον. Ἡ ἐτησία συνδρομὴ ρούβλια 5 διὰ τὴν Ῥωσίαν καὶ φράγκα 16 ἢ μάγκα γερμανικὰ 12½ διὰ τὸ ἐξωτερικόν, συμπεριλαμβανομένης καὶ τῆς ταχυδρομικῆς δαπάνης.

Αἱ περὶ ἐκδόσεως αἰτήσεις, αἱ ἐπιστολαί, τὰ χειρόγραφα καὶ τὰ νεωστὶ τυπούμενα βιβλία ἢ περιοδικὰ συγγράμματα πρέπει νὰ διευδύνωνται πρὸς τὸν Mr. Regel, Vassili-Ostrov, 10 ligne, 15, St. Pétersbourg.

Πράκτωρ διὰ τὰς ἐγγραφὰς συνδρομητῶν καὶ διὰ τὰς ἀποστολάς τῶν Βυζαντινῶν Χρονικῶν:

**K. L. Ricker: Nevsky 14, St.-Pétersbourg.
Königsstrasse 20, Leipzig.**

Ἐν τῇ Ἀνατολῇ συνδρομηταὶ ἐγγράφονται παρὰ τοῖς ἐξῆς βιβλιοπώλαις:

Κωνσταντινούπολις: Keil, librairie internationale, Péra.

Ἄ. Δεπάστας, βιβλιοπώλης - ἐκδότης, Γαλατᾶς.

Ἀθῆναι: Charles Beck, librairie internationale.

Σμύρνη: Δ. Βρετόπουλος, βιβλιοπώλης - ἐκδότης.

Ἀλεξάνδρεια: Γριτζάνης, βιβλιοπώλης.

Τὰ περιεχόμενα βλέπε ἐν τῇ προσθίᾳ σελίδι.

Prix d'abonnement: 5 roubles = 12½ R.-Mark = 16 francs.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Май 1897 г. Непременный секретарь, Академикъ Н. Дубровский.

Типографія Императорской Академіи Наукъ (Вас. Остр., 9 лин., № 12).

M 3 1.2

BYZANTINA CHRONIKA

ΤΟΜΟΣ ΤΕΤΑΡΤΟΣ

ΤΕΥΧΟΣ Γ' καὶ Δ'.

ВИЗАНТИЙСКІЙ ВРЕМЕННОКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЮ

В. Г. Васильовскаго

Ординарнаго Академика.

и

В. Э. Роголя

Пр.-Док. Сиб. Университета.

ТОМЪ IV.

ВЫП. 3 и 4.

— * * * —

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1897.

КОММИССИОНЕРЪ:

С.-Петербургъ.

К. Л. Риккеръ, Невскій пр. 14.

Leipzig.

К. Л. Ricker, Königsstr. 20.

СОДЕРЖАНИЕ ТРЕТЬЯГО И ЧЕТВЕРТАГО ВЫПУСКОВЪ.

ОТДѢЛЪ I.

ИЗСЛѢДОВАНИЯ И МАТЕРІАЛЫ.

	Стр.
Гдѣ находилась вичинская епархія константинопольскаго патриархата? Ю. Кулаковскаго.	315
Описание нѣкоторыхъ греческихъ житій святыхъ. Хр. Лопарева	337
О Тайной Исторіи Прокопія (окончаніе). Б. Панченко.	402
Югославянская передѣлка Зонары. П. Лаврова.	452
Измѣненіе въ направленіи четвертаго крестоваго похода. П. Митрофанова.	461
Замѣтки по древностямъ Константинополя. IV—VI. Гавр. Ласкина.	524

ОТДѢЛЪ II.

КРИТИКА.

В. Истрингъ. Александрія русскихъ хронографовъ. Рец. А. Веселовскаго.	533
Dario Sarragolli. La leggenda di Alessandro Magno. Рец. А. Веселовскаго.	533
E. A. Wallis Budge. The life and exploits of Alexander the Great. Рец. А. Веселовскаго.	533
M. Gaater. An old hebrew romance of Alexander. Рец. А. Веселовскаго.	533
H. Christenser. Die Vorlagen des byzantinischen Alexandergedichtes. Рец. А. Веселовскаго.	533
В. Истрингъ. Сказаніе объ Индѣйскомъ царствѣ. Рец. А. Веселовскаго.	533
А. А. Дмитриевскій. Описание литургическихъ рукописей. I. Толкѣ. Рец. Н. Красносельцева.	537
А. А. Дмитриевскій. Толкѣ. Addenda et corrigenda. Рец. Н. Красносельцева.	537
Феодорита епископа Киррскаго Отвѣты. Изд. А. П. Керамевса. Рец. Э. Мурцъ.	615
В. М. Грибовскій. Народъ и власть въ византійскомъ государствѣ. Рец. Э. Гриммъ.	628
Αγγελου Βλαχου. Αετικόν "Ελληνο-γαλλικόν. Рец. С. Пападимитріу.	651
С. Д. Пападимитріу. Стефанъ Саликисъ и его стихотвореніе «Ἀφῆυσις παρὰ Βενος». Рец. А. Никитскаго.	653
Галустъ-Таръ-Мкртчьянъ (Міабанъ). Изъ источниковъ Агаангела. Рец. Н. Марра.	687

БИБЛИОГРАФІЯ.

Россія. И. Соколова.	674
Германія. В. Меліоранскаго.	692
Франція. А. Васильева.	711
Италія. А. Васильева.	722
Англія. А. Васильева.	723
Греція и Турція. А. Пападопуло-Керамевса.	726
Славянскія земли. П. Лаврова и П. Сырку.	735
Новыя книги, поступившія въ Редакцію.	756

ОТДѢЛЪ III.

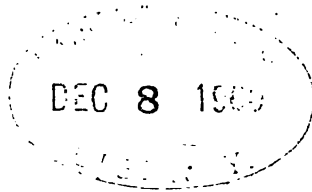
Мелкія замѣтки и извѣстія.	759
------------------------------------	-----

«Византійскій Временникъ» выходитъ четыре раза въ годъ книжками отъ 10 до 12 листовъ, всѣ 4 книжки составляютъ одинъ томъ.

Подписка принимается у книгопродавца-издателя Н. Л. Риккера, Невскій пр. № 14, въ С.-Петербургѣ.

Подписная цѣна за годовое изданіе съ пересылкою 5 рублей для Россіи и 12½ германскихъ марокъ или 16 франковъ за границую.

Редакція журнала помѣщается у В. Э. Регеля, на Васильевскомъ Островѣ, по 10 линіи, домъ № 15, въ С.-Петербургѣ.

A. V. Coolidge

ОТДѢЛЪ I.

Гдѣ находилась вичинская епархія константинопольскаго патріархата?

Въ спискѣ епархій константинопольскаго патріаршаго престола, принадлежащемъ времени импер. Андроника Палеолога старшаго (1282—1328), значится въ числѣ митрополій каедрa, замѣститель которой названъ: ὁ Βιτζίνης, т. е. вичинскій. Епархія эта стоитъ подъ 95 номеромъ въ сосѣдствѣ съ тремя слѣдующими: ὁ Ζηχίας—93, ὁ Βοσπόρου—94, ὁ Σουδαίας—96¹⁾. Мѣстности трехъ названныхъ епархій намъ хорошо извѣстны, что же касается до Вичины, которая не названа ни въ какомъ другомъ изъ опубликованныхъ понынѣ списковъ, то географическое ея опредѣленіе составляетъ само по себѣ вопросъ²⁾. Если бы въ этомъ спискѣ въ перечисленіи каедръ имѣла значеніе близость географическая, то естественно было бы искать вичинскую епархію въ странахъ сѣвернаго побережья Понта; но какъ гласитъ самое заглавіе этого списка³⁾, и какъ убѣждаетъ въ томъ его содержаніе, епархія перечислены въ немъ исключительно въ ранговомъ порядкѣ съ указаніемъ въ каждомъ данномъ случаѣ на происшедшія въ этомъ отношеніи измѣненія. Такимъ образомъ, бли-

1) *Parthey, Hieroclis Synecdemus etc. Notitiae graecae episcopatum. Ber. 1866, стр. 239.*

2) *Ралли и Потли* въ своемъ изданіи этого списка, *Σύνταγμα etc. (Athen. 1855), V, p. 494, прим. 5, предполагають здѣсь просто ошибку: Ἰωσφ Βοδίνης, т. е. Видинъ, болг. Бдинъ.*

3) *Пб. стр. 225: Ἐκθεσις βασιλείως χυροῦ Ἀνδρονίκου τοῦ Παλαιολόγου τοῦ γέροντος, ἐπισκὸς νῦν ἔχουσι τάξιως αἱ ὑποκείμεναι μητροπόλεις τῆς πατριαρχικῆς ἐπόνης τῆς Κωνσταντινουπόλεως.*

зость вичинской каедрѣ къ тремъ названнымъ выше въ отношеніи ранга не даетъ сама по себѣ никакого указанія на мѣстность, въ которой слѣдуетъ искать эту епархію.

Еще со времени Ле-Кіена вопросъ этотъ считается однако рѣшеннымъ, но, какъ мы думаемъ, совершенно неправильно. Ле-Кіену были извѣстны два вичинскіе епископа, а именно: Лука, помянутый у Пахимера (V, 3), и другой безъ имени, который участвовалъ въ соборѣ противъ ереси Акиндина въ 1341 году. Такъ какъ у Пахимера епископъ Лука является посредникомъ въ сношеніяхъ съ императоромъ Андроникомъ старшимъ въ 1300 году Аланъ, которые пожелали поступить на службу къ императору, то отсюда, повидимому, вывелъ Ле-Кіенъ заключеніе, что каедрѣ этого епископа находилась по близости отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ искони сидѣли Аланы, т. е. на сѣверномъ Кавказѣ. Помѣстить однако непосредственно въ Аланіи этого епископа Ле-Кіенъ не могъ, такъ какъ то была особая митрополія, носившая названіе аланской; поэтому онъ помѣстилъ вичинскаго епископа на Кубань и въ своей картѣ поставилъ городъ Вичину на нижнемъ теченіи этой рѣки¹⁾.

Авторитетъ Ле-Кіена далъ право послѣдующимъ изслѣдователямъ воспроизводить безъ дальнѣйшей провѣрки сдѣланное имъ приуроченіе Вичины къ прикавказскимъ мѣстностямъ. Такъ, Вильчъ въ своемъ «Руководствѣ церковной географіи и статистики» съ полной увѣренностью утверждаетъ, что вичинскій епископъ былъ подчиненъ аланскому митрополиту наравнѣ съ кавказскимъ; Вильчу извѣстны два вичинскіе епископа и только одинъ кавказскій изъ времени Андроника старшаго²⁾.

Преосвященный Макарій въ своей «Исторіи христіанства до Владиміра» говоритъ о двухъ «аланскихъ епископахъ», аланскомъ и вичинскомъ, при чемъ помѣщаетъ послѣдняго на Кубани. Ссылаясь на того же Ле-Кіена, онъ утверждаетъ, будто городъ Вичина значитъ «на древнихъ картахъ» на Кубани и «не подалеку отъ Каспійскаго моря» (?)³⁾.

1) *Le-Quien*, *Oriens Christianus*, I, p. 1349—1350.

2) *Wiltch*, *Handbuch der kirchlichen Geographie und Statistik*. Berlin. 1846. II, § 608, стр. 352.—Но вичинскій епископъ былъ и самъ митрополитъ, см. ниже.

3) Второе изд. стр. 88.—Позволимъ себѣ добавить, что почтенный историкъ русской церкви допустилъ въ своемъ изслѣдованіи много погрѣшностей въ изложеніи древнѣйшаго періода; такъ, напр., на стр. 89 и 91 онъ отождествляетъ Хазарь съ Аланами.

Проф. Голубинскій, имѣвшій случай помянуть о вичинской епархїи въ своемъ «Очеркѣ исторїи православныхъ церквей болгарской, сербской и румынской», выражается осторожнѣе. Ссылаясь на карту Ле-Кіена, онъ отмѣчаетъ, что городъ Вичина помѣщенъ «въ верховьяхъ нынѣшней рѣки Кубани», и дѣлаетъ при этомъ предположеніе, что тотъ вичинскій митрополитъ, который въ 1359 году сталъ митрополитомъ Угровлахїи, — «принялъ приглашеніе завѣдывать чужою церковью, вѣроятно, потому что въ то время его собственная епархїя существовала болѣе по имени, чѣмъ на дѣлѣ, и онъ, оставаясь просто титулярнымъ митрополитомъ, жилъ, подобно другимъ такимъ же архіереямъ, безъ всякаго дѣла въ Константинополѣ»¹⁾.—Считаемъ себя въ правѣ усумниться въ справедливости и надобности этихъ предположеній и обращаемся къ указанію на тѣ матерьялы для даннаго вопроса, которыми не располагалъ въ свое время заслуженный Ле-Кіенъ. Разумѣемъ прежде всего акты константинопольскаго патріархата, изданные Миклошичемъ и Мюллеромъ. Въ нихъ содержатся слѣдующія данныя для нашего вопроса.

Въ 1317—18 году епископы вичинскій, аланскій и зикхо-матрахскій получаютъ порученіе разслѣдовать споръ, возникшій между готскимъ и сугдейскимъ митрополитами относительно правъ того и другого на пограничныя селенія этихъ двухъ епархій. Запустѣвшія отъ внѣшнихъ невзгодъ мѣстности заселились вновь, и митрополиты спорили между собою о томъ, кому изъ нихъ принадлежитъ право взимать съ нихъ доходы (*τὸ κανονικόν*). На трехъ названныхъ архіереевъ возлагается порученіе побывать въ спорныхъ мѣстностяхъ и рѣшить дѣло по его выясненію. Выборъ патріархомъ посредниковъ мотивированъ тѣмъ, что они—«ближайшіе архіереи» (*πλησιούωροντες ἀρχιερεῖς*)²⁾. Заключающееся здѣсь указаніе на мѣстонахожденіе вичинской епархїи не противорѣчитъ предположенію Ле-Кіена точно также, какъ и другое, которое можно извлечь изъ документа, близкаго по времени къ приведенному выше. Епархїя вичинская находилась въ мѣстностяхъ, которыя въ XIV вѣкѣ подвергались внѣшнимъ опасностямъ. Видно это изъ того, что патріархъ счелъ нужнымъ взять съ

1) Стр. 350, прим. (изд. 1871 г.).

2) Miklosich et Müller, Acta Patriarch. Const. № 41... ἵνα γένηται τοιαύτως δι' ἐπιστάσις τῶν πλησιούωροντων ἀρχιερέων ἐξέτασις παραίναи οφείλοντος καὶ τοῦ ἱερωτάτου ἀρχιερέως Γοτθίας... Итакъ, предписывается съѣхаться названнымъ іерархамъ на спорный территорїя.

вичинскаго, также какъ и съ херсонскаго митрополитовъ, при ихъ назначеніи на мѣсто, обязательство въ томъ, что они, послѣ посвященія, не стануть затягивать своего отъѣзда изъ Константинополя, будутъ прилагать все стараніе оставаться въ предѣлахъ своихъ епархій, претерпѣвая даже лишенія, а въ случаѣ, если бы пришлось вернуться въ столицу, не будутъ выпрашивать себѣ у патріарха новыхъ назначеній¹⁾. Подтвержденіе правильности опасеній патріарха можно, по видимому, признать въ томъ, что, вичинскій митрополитъ участвовалъ въ соборахъ и, значитъ, находился въ Константинополѣ, въ маѣ 1341 года, въ апрѣлѣ 1343 г., затѣмъ въ сентябрѣ 1348 г.²⁾ Но, быть можетъ, это частое участіе въ соборахъ при патріархѣ объясняется и не тѣмъ, что вичинскій митрополитъ не выѣзжалъ въ теченіе этого времени въ свою епархію, пользуясь лишь титуломъ и правами, какія ему предоставляло его званіе,—а тѣмъ, что его епархія находилась вовсе не на Кубани, а въ мѣстностяхъ, весьма недалекихъ отъ Константинополя. Показаніе въ этомъ смыслѣ даетъ документъ 1359 года. Онъ заключаетъ въ себѣ соизволеніе патріарха на просьбу воеводы Угровлахіи (Николай, сынъ Александра I, отъ 1352 до 1366) назначить митрополитомъ въ его страну Іакинѳа (Критопула), состоявшаго въ ту пору митрополитомъ вичинскимъ. Въ документѣ указанъ и самый мотивъ, обусловившій просьбу воеводы, а именно: близость Вичины къ Угровлахіи (*πλησιάζοντα αὐτῷ*)³⁾, что и было, вѣроятно, причиною личнаго знакомства.

Таковы данныя, которыя можно извлечь изъ документовъ, опубликованныхъ Миклошичемъ и Мюллеромъ. Данныя эти свидѣтельствуя о существованіи вичинской митрополіи въ теченіе болѣе половины XIV вѣка, причемъ эта каедрa оказывается, съ одной стороны,—«сосѣдней» съ готской и сугдейской въ Крыму, а съ другой—«близкой» къ Угровлахіи. Сосѣдство Вичины съ Готіей и Сугдеей нельзя не признать относительнымъ, такъ какъ таковыми же на-

1) Ib. №№ 83 и 84. Имя вичинскаго митрополита—Макарій, документъ сохранился безъ точной даты, но вѣроятно ок. 1338 г.

2) Ib. №№ 98, 106, 124.

3) Ib. № 171. Именно этотъ документъ вызвалъ приведенное выше разъясненіе о вичинской каедрѣ проф. Голубинскаго.—Арх. Антонянъ, представившій изложеніе содержанія этого документа, наряду съ переводомъ нѣкоторыхъ другихъ, изъ заданія Миклошича и Мюллера въ VI томѣ Записокъ Одес. Общ. Ист. и Древ. (1867 г.), счелъ нужнымъ сдѣлать такое замѣчаніе: «двусмысленное выраженіе о близости Іакинѳа къ Господарю, по видимому, должно означать личное отношеніе перваго къ послѣднему, а не близость вичинской епархій къ Угровлахіи»—стр. 455.

званы епархіи зикхо-матрахская (т. е. нынѣшняя Тамань) и аланская, имѣвшая въ ту пору свою катедру въ Сотиріуполѣ (т. е. нынѣшняя Пидунда)¹⁾. Такимъ образомъ, предполагать непосредственную близость Вичины къ Крыму нѣтъ никакой надобности. Точно также и свидѣтельство документа 1359 года о сосѣдствѣ Вичины съ Угровлахіей можно понимать не въ смыслѣ непосредственной пограничности, а лишь нѣкоторой территориальной близости. Во всякомъ случаѣ Вичину приходится искать никакъ не въ странахъ прикавказскихъ, а въ припонтійскихъ мѣстностяхъ къ западу отъ Крыма, т. е. въ области нижняго Дуная, и вопросъ разрѣшается съ полной определенностью, если привлечь къ его разсмотрѣнію свидѣтельство надежнаго источника, которое почему то ускользало отъ вниманія изслѣдователей. Разумѣемъ Анну Комнину.

Анна Комнина два раза поминаетъ имя Вичины, въ первый разъ, какъ рѣку, а второй, — повидимому, какъ поселеніе, носившее это имя. Рѣку Вичину Анна называетъ въ подробномъ разказѣ о походѣ имп. Алексѣя Комнина противъ варваровъ въ 1088 году²⁾.

Собравшись въ походъ, императоръ стоялъ съ войсками между Дямполемъ, Διάμπολις, нынѣ Ямполь, и Голоей, Γολόη. Отправивъ Георгія Евфорвина съ флотомъ, который долженъ былъ войти въ Дунай и направиться къ Дристрѣ, нын. Силистрія, Алексѣй двинулся черезъ Балканы по проходу, который носилъ у Византійцевъ названіе Желѣзнаго, Σιδηρᾶ³⁾. Пройдя черезъ горы, онъ сталъ лагеремъ на рѣкѣ Вичинѣ, Βιτζίνα. Анна прибавляетъ въ поясненіе, что эта рѣка течетъ съ балканскихъ горъ (ποταμός δὲ οὗτος ἀπὸ τῶν παρακείμενων ὄρων ῥέων). На разсвѣтѣ слѣдующаго дня Алексѣй овладѣлъ городомъ Плисковой, Πλίσκοβα, занялъ затѣмъ высоты, носившія имя «гора Симеона», или по туземному, Βουλευτήριον τῶν Σκουθῶν. На слѣдующій день онъ подошелъ къ рѣкѣ, протекающей подлѣ Дристры, и сталъ лагеремъ въ 24 стадіяхъ отъ этого города. Затѣмъ онъ разо-

1) Parthey, Hieroclis Synecdemus et Not. gr., App. 2, p. 315: Σωτηρόπολις τὰ νῦν Πύσις. (Burgkhardt въ своемъ изданіи Синекдема 1893 г. читаетъ Σωτήρουτα, помнявъ подъ строкой о разночтеніи σωτηρόπολις). Гдѣ была первоначально катедрал аланскаго митрополита, неизвѣстно; въ XIV же вѣкѣ аланская епархія была соединена съ авазгійской, и ея катедрал помѣщалась въ Сотиріуполѣ. См. Acta Patr. Const. № 114 отъ 1947 года.

2) Anna Comn. VII с. 2—3, I p. 333 sq.

3) Полное имя Σιδηρᾶ τέμπη, Σ. Κλεισοῦρα (An. Com. II p. 25). О мѣстѣ прохода см. Jireček, Die Heerstrasse von Belgrad nach Constantinopel und die Balkanpässe. Prag. 1877, стр. 148—150.

рилъ (?) Дристру, но отступилъ отъ нея, оставивъ не взятыми оба акрополя этого города, и сталъ лагеремъ на берегу Истра. Здѣсь былъ собранъ военный совѣтъ, на которомъ императоръ не внялъ совѣту болѣе опытныхъ вождей, которые предлагали сначала овладѣть бывшей столицей болгарскаго царства, Прѣславой, Перисдлава, и сдѣлать ее опорнымъ пунктомъ дальнѣйшихъ военныхъ предпріятій въ этой странѣ. Императоръ предпочелъ на слѣдующій же день вступить въ бой съ печенѣгами. Выборъ мѣста оказался неудачнымъ. Печенѣги сами напали на войска Алексѣя во время похода. Произошло безпорядочное бѣгство и остатки арміи спаслись въ Верою (нын. Эски-Загра). Самъ императоръ, блестяще выказавъ свою личную храбрость, какъ рассказываетъ, впрочемъ, о томъ его дочь съ его же словъ, спасся ночью въ Голою. Въ Константинополѣ сложили по этому поводу насмѣшку: «отъ Дристры до Голою—конецъ не малый, Комнинъ».

Мы здѣсь имѣемъ полный маршрутъ съ указаніемъ, конечно, относительнымъ, и разстояній отдѣльныхъ пунктовъ передвиженія византійскихъ войскъ. Названная здѣсь рѣка Вичина есть Камчія, которую одну только и могъ встрѣтить Алексѣй на своемъ пути, перейдя черезъ Балканы по одному изъ восточныхъ проходовъ. Изъ всѣхъ рѣкъ, текущихъ изъ балканскихъ горъ, одна только Камчія имѣетъ восточное теченіе и впадаетъ въ Понтъ, между Варной и Месемвріей¹⁾. (Древнее имя Камчіи было Πάνυρος). На той же рѣкѣ расположена была и Прѣслава²⁾, куда такъ неудачно началъ наступленіе Алексѣй.

Рѣка Вичина извѣстна Константину Порфирородному подъ именемъ Дичины, Διζίνα, какъ она названа въ одномъ мѣстѣ его сочиненія De administrando imperio, глава 9, и Дичика, Διζίκη, въ другомъ, глава 33. Весьма вѣроятно, что это различіе: Дичина и Дичика, есть не болѣе какъ погрѣшность нашего рукописнаго преданія, самъ же авторъ зналъ одно лишь имя этой рѣки. Въ первомъ мѣстѣ Константинъ поминаетъ устье Дичины, какъ одинъ изъ пунктовъ «болгарскаго» побережья, гдѣ пристають русскіе на своемъ пути въ Царьградъ. Эта остановка есть слѣдующая за Варной и предшествуетъ Месемвріи, гдѣ оканчивается «болгарское» побережье, и откуда начинается для русскихъ уже опасное плаваніе. Названное у Константина

1) *Иречекъ*, Ист. Болгаръ, пер. Бруна, Одесса. 1878, стр. 13.

2) *Иречекъ*, о. I. стр. 159. Прѣслава, нынѣ Эски-Стамбулъ, въ 4-хъ часахъ пути къ западу отъ Шумлы.

устье рѣки Вичины вполне соответствуетъ устью нынѣшней Камчіи¹⁾.

Въ другомъ своемъ упоминаніи о рѣкѣ Дичинѣ Константинъ даетъ интересное сообщеніе, что эта рѣка называлась Вислой и переименована въ Дичику, *εις τὸν ποταμὸν Βίσλας, τὸν ἐπονομαζόμενον Διτζίκη*²⁾ 3).

Возвращаемся къ Аннѣ Комнинѣ. Кромѣ рѣки Вичины, она знаетъ, повидимому, и городъ того же имени или, быть можетъ, цѣлую мѣстность съ укрѣпленіемъ, носившемъ имя Вичины, который былъ центромъ владѣній какого то варварскаго князя въ тѣхъ мѣстахъ. Упоминаніе это дано въ рассказѣ о набѣгѣ варваровъ, который окончился тяжкимъ пораженіемъ ромеевъ за два года до описаннаго похода имп. Алексѣя за Балканы, т. е. въ 1086 году. Анна сообщаетъ, что въ области нижняго Дуная сидѣли князья, имена которыхъ она и приводитъ: *Τατοῦς, Χαλῆ, Σέσθλαβος* и *Σατζᾶ*. Первый изъ нихъ владѣлъ Дристрой, остальные занимали «Вичину и прочія мѣста, *Βιτζίνα καὶ τᾶλλα*. Въ эту область незадолго до того произошло переселеніе нѣкоего скинскаго племени», *γένος τι Σκιδιχόν*, изъ-за Дуная. «Скины», выселившіеся съ своей родины вслѣдствіе постоянныхъ нападений «савроматовъ», переправились черезъ Дунай съ разрѣшенія и согласія названныхъ князей, усѣлись и сдѣлали завоеванія на новыхъ мѣстахъ, широко распространили затѣмъ свои грабительскіе походы и, соединившись съ «манихеями», явились на югъ отъ балканскихъ горъ, гдѣ и нанесли тяжкое пораженіе ромеямъ⁴⁾.

Въ этомъ сообщеніи Анны Вичина есть городъ, или по крайней мѣрѣ укрѣпленіе, замокъ, въ которомъ имѣлъ свое пребываніе одинъ

1) Болгарское побережье, безопасное для русскихъ, начинается отъ Сулинскаго гирла Дуная, *Σελίνα*, куда свободно и пристають русскіе, миновавъ враждебный и опасный для нихъ берегъ, занятый печенѣгами. Кромѣ приведенныхъ выше стоянокъ, Константинъ называетъ еще двѣ между Сулиной и Варной, а именно *Κωνσταντία* и *Κωνσταντίνια*. Последній городъ извѣстенъ намъ по средневѣковымъ картамъ подъ именемъ *Costanza*, нынѣ Кюстендже; что же до перваго, то близкаго къ нему имени нѣтъ въ нашемъ географическомъ преданіи. Нельзя не вспомнить здѣсь мѣстности *Салиаста*, Аюлятра въ спискѣ Воскресенской Лѣтописи, о чемъ ниже.

2) Константинъ даетъ при этомъ (р. 160) интересное свидѣніе, что съ этой рѣки выселился въ Захлумье родъ извѣстнаго въ началѣ X вѣка Михаила тоу *Βουσεβοῦτση*, имѣвшаго званія патриція и проконсула. Названное имъ лицо есть Михаилъ Вышевичъ, см. Иречекъ, о. 1. стр. 214.

3) Нельзя не отмѣтить при этомъ, что и теперь одна изъ рѣкъ, изъ которыхъ составляется Камчія, носятъ имя *Deli-Kamçik*, т. е. дикая Камчія. См. Јигеѣкъ, о. 1. р. 144.

4) Анна Комн. VI 14, I р. 328 и сл. *Τατοῦς* названъ въ дальнѣйшемъ *Τατός*, стр. 352.

изъ князей, сидѣвшихъ тутъ до переселенія новыхъ пришельцевъ изъ-за Дуная. Трудно сомнѣваться, чтобы сомнительный рѣкъ городъ лежалъ гдѣ либо поодаль, а не на самой рѣкѣ. Но въ какомъ именно мѣстѣ ея теченія, на это нѣтъ указаній у Анны Комнины. Но у насъ есть данныя, которыя позволяютъ предполагать, что городъ этотъ былъ на устьѣ рѣки Вичины. Не говоря уже о свидѣтельствѣ Константина Порфиророднаго, что русскіе въ своихъ походахъ въ Царьградъ имѣли пристань въ устьѣ рѣки Дичины, т. е. Вичины, и дѣлали тамъ стоянку, мы можемъ воспользоваться показаніемъ средневѣковыхъ картъ черноморскаго побережья. На самой древней между ними, Vesconte 1318 года, къ югу отъ Варны и сѣвернѣе Месемврии изображено устье рѣки съ надписью *lauiza*¹⁾. На картѣ братьевъ Пиццигани 1367 года въ томъ же мѣстѣ стоятъ имя *Viça*. На картѣ Каталонской 1375 года, гдѣ устье рѣки не обозначено, въ томъ же мѣстѣ береговой полосы написано имя *Veza*²⁾. На картахъ болѣе позднихъ это имя является въ формахъ: *laviça* (Pasqualini, 1408 г.), *lauiça* (Gratiosus d'Ancona, 1480 г.), *leiuiza Anonymus*, 1530—1550), *leuça* (Diego Homein, 1561), *lanize* (Martjnes, 1570)³⁾.—Такъ какъ эти карты преслѣдуютъ мореходныя цѣли, и на нихъ нанесены мѣста, служившія торговыми центрами или пристанями, то отсюда можно съ большою вѣроятностью предположить, что на устьи рѣки Вичины былъ городъ, который и отмѣченъ на этихъ картахъ.

На картахъ не дано нигдѣ имя въ формѣ, которая бы точно воспроизводила имя города, какъ оно записано у византійцевъ. Это не можетъ однако служить препятствіемъ къ тому, чтобы отождествить *Laviza*, *Viça*, *Veza* съ Вичиной, такъ какъ въ устахъ западныхъ моряковъ очень многія имена мѣстностей черноморскаго побережья являются въ искаженной и сокращенной формѣ. Но есть одинъ памятникъ, сродный картамъ, въ которомъ имя интересующаго насъ города дано въ формѣ, тождественной той, какая намъ извѣстна отъ византійцевъ. Разумѣемъ итинерарій *Antoniotto Usodimare*. Къ сожалѣнію, для насъ лично, мы обречены въ отношеніи къ нему на цитату у Кастильони въ его изданіи *Monete Cufiche* (Milano. 1819). Мѣсто это гласитъ такъ: «*Item in ista provincia manet imperator*

1) Карта Весконте воспроизведена у Бруна, Черноморье, томъ II, табл. 2. Въ текстѣ у Бруна, стр. 356, невѣрно сказано, будто у Весконте читается *viça*.

2) *Notices et Extraits*, т. XIV (1843), часть 2, карта 3.

3) *Tafel*, *Constantinus Porphyrogenitus etc. Tubingae*. 1847, стр. 38.

Usbech, scilicet in civitate Seray. Imperium suum est valde magnum et incipit in provincia de Borgaria, scilicet in civitate de Vecina, et finit in civitate de Cerganghi versus levantem et comprehendit in illam directam tramontanam»¹⁾).

Происхождение этой замѣтки изъ текста карты очевидно, если сблизить ее съ слѣдующей подписью на Каталонской картѣ 1375 года: «Aci esta lemperadour de aquesta regio septentrional del qual lo imperi comenca en la provincia de Burgaria e feneix en la ciutat de Orancio. Le senyor es appellat Jambech senyor de Sarra».—Подпись эта сдѣлана подлѣ сидящей фигуры хана, снабженнаго знаками его царскаго достоинства; самая же фигура помѣщена на лѣвомъ берегу рѣки (очевидно Волги), по близости отъ городовъ: Ciutat de Sarra и Borgar, стоящихъ на рѣкѣ. Городъ Ciutat d'Oranci отодвинуть много далѣе на востокъ²⁾).

Въ обѣихъ замѣткахъ царство золотоордынскихъ хановъ простирается до Болгаріи, что находится въ согласіи со свидѣтельствомъ путешественника Рубрука³⁾ и сообщеніями византійцевъ о Ногаѣ. Не касаясь здѣсь возникающихъ историческихъ вопросовъ, ограничимся лишь констатировкой того факта, что городъ Вичина⁴⁾ существовалъ въ XIV вѣкѣ и былъ извѣстенъ западнымъ людямъ, какъ

1) Кастильони примѣнялъ, конечно, имя Borgaria къ волжскимъ Болгарамъ, а потому и для города *Vecina* отыскивалъ мѣсто на Волгѣ: «forse sotto nome dee intendervi *Omick* città posta sul Volga» и притомъ недалеко отъ Саратова.—Брунъ, который зналъ эту цитату изъ одного изслѣдованія Десимони, сдѣлалъ возраженіе касательно приуроченія имени *Borgaria*—Черноморье, II стр. 358,—гдѣ онъ привелъ также отрывокъ изъ какой то грамоты 1418 года, въ которой названо также имя Вичины: «flumen Vicine versus Tanais». За неимѣніемъ въ нашей библиотекѣ изданія *Atti della Società Ligure*, мы лишены возможности заглянуть въ текстъ этой грамоты, которая, быть можетъ, содержитъ и другія географическія указанія.

2) *Notices et Extraits*, т. XIV (1848), ч. 2, карта 4-я, въ текстѣ стр. 129.

3) *Recueil de voyages et de mémoires publié par la Société de Géographie*. IV, 2 стр. 216: Ab orificio Tanais versus occidentem usque ad Danubium totum est eorum (Tartarorum) etiam ultra Danubium, versus Constantinopolim, Blakia que est terra Asani, et minor Bulgaria usque in Sclavoniam, omnes solvunt eis tributum et etiam ultra tributum conductum sumpserunt annis nuper transactis de qualibet domo securim unam et totum ferrum, quod invenerunt in massa.

4) Акад. *Васильевскій*, имѣвшій случай упомянуть Вичину въ разборѣ свидѣтельствъ «о русскихъ на Дунаѣ въ XI вѣкѣ»—Печенѣги и Византія, Ж. М. Пр. 1872, декабрь, приложение 2, стр. 304,—читаетъ *Вичинъ* и отождествляетъ его съ *Дичинимъ*. Проф. *Голубовскій* въ своемъ изслѣдованіи Торки, Половцы, Печенѣги. Кіевъ, 1884, стр. 206 повторилъ отождествленіе Вичина съ Дичинимъ. Смѣемъ думать, что существованіе города Вичины, отличнаго отъ Дичина на Дунаѣ, доказано нами достаточно.

пограничный пунктъ державы золотоордынскаго хана. Что же касается до вичинской епархіи, то мы можемъ съ полной увѣренностью утверждать, что она имѣла свою территорію на югъ отъ нижняго Дуная, т. е. находилась въ нынѣшней Добруджѣ, обнимая собою часть территоріи бывшихъ провинцій Нижней Мэзіи и Скиѳіи. Понятно, поэтому, что она въ глазахъ патріарховъ была «сосѣдней» къ Крыму и «близкой» къ Угровлахіи; понятно также и то, почему аланы въ 1300 году могли искать посредства вичинскаго митрополита Луки въ своихъ сношеніяхъ съ императоромъ.

II.

Позволимъ себѣ однако нѣсколько остановиться на разъясненіи этого послѣдняго эпизода.

Аланы, просившіе императора черезъ посредство митрополита вичинскаго Луки о разрѣшеніи поселиться въ предѣлахъ имперіи, принадлежали къ ордѣ Ногая и были его сподвижниками въ многочисленныхъ его военныхъ предпріятіяхъ¹⁾. Ногай, съ которымъ императоръ Андроникъ вступилъ въ союзъ, скрѣпленный брачными узами, предпринималъ, между прочимъ, походы и въ Болгарію и распоряжался въ ней, какъ въ завоеванной странѣ. Это и было ближайшимъ поводомъ сношеній съ нимъ Византіи²⁾. Ногай погибъ въ столкновеніи съ ханомъ Тохтой. По арабскимъ извѣстіямъ, событіе это относится къ 1299 году³⁾; по Пахимеру, оно имѣло мѣсто за 5 или за 6 лѣтъ раньше⁴⁾. Тохта не сразу подчинилъ себѣ непосредственно весь улусъ Ногая, а лишь спустя нѣкоторое время, и притомъ будучи вовлеченъ въ дѣла ногайской орды междуусобіями сыновей Ногая, Джеки и Теки⁵⁾. Нельзя не признать, что арабская датировка этихъ

1) *Rachum. Andr. Pal. IV, 16, II p. 307 B: αὐτοὺς γὰρ εἶναι καὶ τοὺς τῷ Νογᾷ παρασπίζοντας καὶ δι' ὧν ἕκαστος τὰ μεγάλα κατέφθου.*

2) *Rachum. Mich. Pal. V, 3, I p. 344 B.*

3) *Тиземаузенъ*, Матеріалы для исторіи Золотой Орды, I, стр. 114 (Рукнеддинъ Бейбарсъ), 159, 383. Ср. *Howorth, History of the Mongols, II, 2, стр. 1016 и сл.*—Въ замѣткахъ на сугдейскомъ синакарѣ есть указаніе на то, что еще въ 1299 году жива была въ Крыму память о Ногаѣ. Подъ 20 декабря помнано, что въ этотъ день явилось его войско подъ стѣнами Сугден: ἦλθε τοῦ νοσταὶ τὸ φουσαῖτω, τοῦ ἡω' ἔτ. (6807=1299).—*Зап. И. Одесс. Общ. Ист. и Древ., V, 596.*

4) *Rachum. Andr. Pal. III, 27, II p. 268. Ср. Muralt, Chronogr. II, p. 462.*

5) *Тиземаузенъ*, о. I, стр. 117: «двухъ сыновей своихъ, Тукулбугу и Ильбасара, отправилъ (Тохта) во владѣнія Ногая. Что касается Тукулбугу, то онъ утвердился въ Исакчи, на рѣкѣ Дунаѣ и на мѣстахъ, прилегающихъ къ Желѣзнымъ Воротамъ, гдѣ находились становища Ногая, а Ильбасаръ устроился на рѣкѣ Яикѣ».

событій ставить для нихъ слишкомъ тѣсную рамку одного года; что же касается до Пахимера, то у него помянуты нѣкоторые изъ относящихся сюда фактовъ безъ обозначенія времени въ общемъ обзорѣ сношеній Византіи съ татарами¹⁾. Рукнединъ Бейбарсъ рассказываетъ, что когда возникли раздоры между наслѣдниками Ногая, то Джека бѣжалъ «въ страну асовъ», т. е. аланъ, при помощи которыхъ онъ сначала возстановилъ свои права; но когда междуусобіе возгорѣлось сильнѣе, онъ бѣжалъ «въ земли волоховъ», гдѣ и завладѣлъ одной крѣпостью. Хотя царь волошскій былъ ему родственникъ по женѣ, но, боясь гнѣва Тохты, онъ схватилъ Джеку и заключилъ его въ крѣпость Тырновъ; а позднѣе лишилъ его жизни, по приказанію хана Тохты²⁾. О судьбѣ Джеки въ Болгаріи Пахимерь сообщаетъ болѣе полныя и точныя свѣдѣнія. Его убійцей былъ Святославъ (᾽Οσφεντίσθλαβος), сынъ Тертерія; родная сестра Святослава была женой Джеки (Τζαχᾶς).

Появленіе аланъ на границахъ имперіи и просьба ихъ о пропускѣ въ ея предѣлы не приведены у Пахимера ни въ какую связь съ этими событіями; нѣтъ у него указаній и на то, откуда явились эти аланы. Никифоръ Григора поминаетъ лишь о томъ, что они «жили за Дунаемъ» (ὕπερ τὸν Ἰστρὸν). Пахимерь глухо поминаетъ о какихъ то бѣдствіяхъ, которыя они претерпѣли раньше³⁾. Бѣдствія эти вполне понятны, если эти аланы были сподвижниками Джеки и, боясь гнѣва Тохты, искали убѣжища въ имперіи. Къ Кавказу и своимъ тамошнимъ соплеменникамъ они не имѣли, конечно, никакихъ отношеній. Они не были военнымъ отрядомъ, какіе, быть можетъ, выставляла ихъ прикавказская родина для военныхъ предпріятій татаръ, на подобіе того, какъ ходили съ татарами наши князья въ XIII вѣкѣ⁴⁾. Они были туземцами въ тѣхъ мѣстахъ, куда спасался въ ихъ среду Джека, и представляли изъ себя, повидимому, кочевую орду. На границы имперіи они явились со своими кибитками, семействами и всѣмъ достояніемъ⁵⁾. Они были христіане, какъ и все ихъ

1) Pashum. II, p. 263 и сл.

2) *Tuzemausenъ*, o. I, стр. 117 и тоже самое свѣдѣніе у Эянубейри, стр. 157.

3) Pashum. II, p. 309 B: μέλις δ' ἀποσφθέντες πολλῶν ἀποναμένων τῶν δυσχερῶν οἷς τ' ἐπαστάτησαν οἷς τε συνήντησαν...

4) *Брунь*, Черноморье, II, стр. 355, правильно указалъ на то, что асы, къ которымъ спасался Джека, не могли быть прикавказскими аланами.

5) Nicserph. Greg. VI, 10, p. 205 B.— ἤκουσιν οἱ Μασσαγῆται τέχνους ἅμα καὶ γυναιξὶ χιλιάδες ὑπὲρ τὰς δέκα.—Pashum. II, p. 307 B: καὶ πᾶμπληθεὶ ἐφ' ἁμαξῶν καὶ λαμπήναις προσηυτομέλου.

племя съ давнихъ поръ; но послѣ долгаго сожитія съ татарами и братства съ ними по оружію, они усвоили себѣ ихъ нравы¹⁾ и были христіанами только по имени, какъ это и обнаружилось за восемь лѣтъ ихъ пребыванія на византійской службѣ. Христіанство ихъ дало имъ поводъ искать посредства сосѣдняго византійскаго іерарха. Сѣверная граница имперіи была въ ту пору уже давно не на Дунаѣ. Месемврія и Анхіалъ были спорными пунктами между болгарами и имперіей. О переходѣ Месемвріи во власть императора, благодаря междуусобіямъ болгарскихъ князей, Пахимерьъ сообщаетъ въ обзорѣ сношеній императора Андроника съ татарами²⁾.

Какъ въ 1300 году аланы перешли въ имперію съ болгарской территоріи, такъ восемь лѣтъ спустя они измѣнили императору ради болгарскаго царя. Они заключили союзъ съ Святославомъ и двинулись въ его владѣнія; но на самой границѣ Болгаріи, близъ горнаго прохода, вѣроятно, того же «Желѣзнаго», подверглись нападенію со стороны своихъ прежнихъ союзниковъ и товарищей по оружію, съ которыми они раньше бывали и врагами, каталонцевъ и туркопуловъ. Пахимерьъ и Никифоръ Григора сообщаютъ, что поводомъ къ нападенію была зависть прежнихъ союзниковъ къ той богатой добычѣ, которую увозили въ своемъ обозѣ аланы. Нападавшіе оказались сильнѣе, битва длилась долго, добыча была отбита, и лишь немногіе изъ аланъ спаслись въ предѣлы своего новаго союзника, болгарскаго царя. — Итакъ, аланы уходили изъ имперіи въ Болгарію. Это обстоятельство дѣлаетъ весьма вѣроятнымъ предположеніе, что они пришли оттуда же. Тотъ самый Святославъ, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ опуталъ обманомъ ихъ татарскаго влaстителя Джеку и лишилъ его жизни въ Тырновѣ, переманивалъ ихъ теперь къ себѣ на службу противъ Византіи.

Позднѣе, во время смутъ послѣдняго года правленія императора Андроника Старшаго, когда Андроникъ Младшій выступилъ претендентомъ противъ своего дѣда, имѣлъ мѣсто эпизодъ, въ которомъ мы

1) Пахимерьъ засвидѣтельствовалъ, что всѣ подчиненные татарами народы: аланы, зихи, готы, русскіе, принимали языкъ, одежду и обычаи татарскіе, см. I, р. 345 В.

2) Рашум. I, р. 349 В. Месемврію сдалъ Византіи въ 1265 году владѣвшій ею князь, по имени Μουτζής, который не надѣялся отстоять ее самъ отъ Константина. Онъ былъ зять Асѣня II и шурина Ѳедора Ласкариса. Его сынъ былъ царь болгарскій, Іоаннъ Асѣнь III. См. Рашум. I, р. 435.—Ср. *Иречекъ*, *Исторія Болгаръ*, стр. 359, прим. 2.

опять встрѣчаемъ аланъ, но уже на службѣ у болгарскаго царя; аланы вмѣстѣ съ венграми подъ начальствомъ русскаго вождя, по имени, Ивана, человека храбраго и отличавшагося знаніемъ военнаго дѣла, отстаивали Филиппополь отъ византійцевъ. Фактъ относится къ 1323 году¹).

Такимъ образомъ эпизодъ съ аланами въ 1300 году находится въ полномъ согласіи съ установленной нами локализациею вичинской митрополіи, и если имя аланъ было поводомъ къ тому, что вичинскую кафедру искали въ странахъ прикавказскихъ, то это было лишь недоразумѣніе. Предложивъ нашъ отвѣтъ на поставленный въ заголовкѣ вопросъ: «гдѣ находилась вичинская епархія?», мы не можемъ однако считать его исчерпаннымъ, такъ какъ онъ имѣетъ еще одну сторону, которой мы лишь слегка коснулись въ предыдущемъ, а именно: для кого, т. е. для какого населенія создана была эта кафедра, къ какому племени принадлежала паства вичинскаго митрополита?

III.

Напомнимъ прежде всего, что область нижняго Дуная была завоевана во второй половинѣ X вѣка великимъ княземъ Святославомъ («одолѣ Святославъ Болгаромъ и вся городовъ 80 по Дунаю»—Ипат. Лѣт. стр. 42). Собираясь изъ Кіева въ 969 году назадъ въ Болгарію, Святославъ признавалъ «в Переяславци в Дунаи» середину земли своей. Дристра, Деръстеръ нашей лѣтописи, а также помянутые Львомъ Діакономъ города: Прѣслава, первая столица Болгаріи, и близкіе къ рѣкѣ Вичинѣ—Плискова и Диней, равно какъ и другіе сосѣдніе, не названные по имени Львомъ, имѣли тогда болгарское населеніе. Такое заключеніе приходится вывести изъ разсказа названнаго автора объ измѣнѣ болгаръ и тѣхъ мѣрахъ утрашенія и строгости, какія принималъ въ виду этого Святославъ²). Таковъ ли былъ составъ населенія въ низовьяхъ Дуная и въ уцѣлѣвшихъ отъ древнихъ временъ приморскихъ городахъ нынѣшней Добруджи, объ этомъ нѣтъ свѣдѣній въ нашихъ источникахъ. Нельзя не отмѣтить однако того, что послѣ первой битвы, которую далъ Святославъ послѣ высадки, болгары бѣжали въ Дристру. Очевидно, это былъ первый укрѣпленный городъ Болгаріи съ сѣверо-востока. Походъ Цимисхія противъ Свя-

1) Cantacuz. I, 36, p. 173 B.

2) Leo diaс. VIII, 9, p. 189 B.

тослава и продолжительная борьба подъ стѣнами Дристры привели къ заключенію мира, по которому Святославъ не только отказался отъ своихъ завоеваній за Дунаемъ, но и обязался впредь не водить своихъ дружинъ ни въ Болгарію, ни въ страны, подвластныя Византіи, включая сюда и Корсунь¹⁾.

Константинь Порфирородный называетъ все побережье отъ Сулины и до Месемвріи болгарскимъ и для русскихъ въ ихъ морскихъ походахъ на Царьградъ безопаснымъ. Но послѣ побѣдъ Цимисхія и продолжительныхъ войнъ императора Василія положеніе измѣнилось. Византія держала охрану «городовъ и селеній по Истру». Охрана эта не была, впрочемъ, достаточно сильна, чтобы преградить русскимъ вступленіе въ устья Дуная и высадку въ тѣхъ мѣстахъ. Напомнимъ свидѣтельство лѣтописи о походѣ «на Грѣкъ» въ 1043 году: «И поиде Володимиръ на Царьградъ в лодьяхъ, и придоша в Дунай, и отъ Дуная поидоша къ Царюграду»²⁾. Послѣ неудачи подъ Константинополемъ, о чемъ умалчиваетъ наша лѣтопись, но о чемъ есть подробный рассказъ у Кедрина³⁾, русскій флотъ пострадалъ отъ бури, и часть дружины, съ Вышатою во главѣ, направилась отъ Варны сухимъ путемъ на Русь. Здѣсь произошло сраженіе, въ которомъ русскіе потерпѣли пораженіе и Вышата попалъ въ плѣнъ.

Если въ 1043 году устье Дуная было пристанью для русскихъ, но береговая полоса не была для нихъ безопасна, такъ какъ ее занимала византійская охрана, то позднѣе, когда по тѣмъ мѣстамъ прошли печенѣги, а за ними узы, условія измѣнились. Выше было приведено свидѣтельство Анны Комнины о сидѣвшихъ въ области нижняго Дуная князьяхъ, изъ которыхъ одинъ носилъ имя Всеслава. Князья эти приняли въ свою среду и сосѣдство какое то «скинское племя», которое прочно осѣлось въ той странѣ. Проф. Васильевскій, разбиравшій это свидѣтельство Анны въ своемъ изслѣдованіи о печенѣгахъ, отмѣтилъ всю важность одной детали въ сообщеніи Анны, а именно, что пришельцы занимались земледѣліемъ⁴⁾, т. е., значить,

1) Ипат. Лѣт., изд. Археогр. Ком., стр. 48.

2) Ib., стр. 108.

3) Седрен. II, 551—555. Начальника охраны, Катакалона Кекавмена, Кедринъ называетъ: ἄρχων τῶν περὶ τὸν Ἰστρον πόλεων καὶ χωρίων, и поминаетъ о томъ, что онъ отражалъ разбой русскихъ во время ихъ высадки въ устьѣ Дуная по пути въ Царьградъ.—О Кекавменѣ см. *Васильевскій*, Совѣты и рассказы византійскаго боярина XI вѣка. Спб. 1881, стр. 75—76.

4) Anna Comn., VI, 14, I, p. 323: καὶ τεύθειν ἀεχευρίαν τινὰ σχύοντες, ἀροτριόντες

не были кочевниками, и призналъ въ нихъ русскихъ. Добровольное соглашеніе подунайскихъ князей съ пришельцами, а равно также самое имя одного изъ нихъ—Всеславъ позволяютъ, быть можетъ, пойти нѣсколько дальше и сдѣлать предположеніе, что русскіе составляли и до того времени, т. е. до переселенія «скинскаго племени», часть населенія той территоріи¹⁾. Атталіота, въ своемъ сообщеніи о населеніи области нижняго Дуная, говоритъ о существованіи тамъ «многихъ и большихъ городовъ» съ населеніемъ, которое онъ называетъ эпитетомъ *μικροβαρβαρον*, свидѣтельствуемъ, что тамъ слышался «всякій языкъ», и въ той же связи прибавляетъ одну очень важную подробность, на которую, повидимому, еще не было обращено вниманіе, а именно, что города эти имѣютъ пѣшее войско и притомъ довольно значительное²⁾. Изъ числа князей Атталіота называетъ лишь властителя (*ἑξάρχων*) Дристры, *Τατρύς*, а не *Τατοῦς*, какъ у Анны Комнины; различіе, которое по отношенію къ варварскимъ именамъ не имѣетъ, конечно, никакого значенія.

Хотя область нижняго Дуная и считалась въ ту пору принадлежавшей Византіи, но князья подунайскихъ городовъ были независимы. Они не только самовольно допускали въ свою среду и сосѣдство новыхъ переселенцевъ, но даже получали ежегодную дань отъ императора. Когда въ правленіе Михаила VII, въ 1074 году, была сдѣлана попытка сократить ея размѣры, то Татрисъ или Татусъ, а вѣроятнѣе—Татушъ, какъ передаетъ это имя проф. Васильевскій, ополчился противъ Византіи. Въ союзѣ съ сосѣдними князьями и призвавъ на помощь печенѣговъ, онъ отомстилъ императору опустошительнымъ походомъ въ Румелию и дошелъ до самыхъ стѣнъ Константинополя³⁾.

Тотъ же самый князь сидѣлъ въ Дристрѣ и въ то время, когда императоръ Алексѣй предпринялъ походъ на сѣверъ отъ Балканъ въ 1088 году, маршрутъ котораго приведенъ выше. Предвидя осаду

Ἰστριον κέγχρους τε καὶ πορούς.—Васильевскій, Ж. Мин. Просв. 1872, декабрь, стр. 305.

1) Отмѣтимъ, что *Иречекъ*, Исторія Болгаръ, стр. 274,—зачисляетъ всѣхъ этихъ князей въ болгары и принимаетъ «скиновъ», помнятыхъ у Анны, за кумановъ, говоря о союзѣ болгаръ съ куманами въ 1086 году.

2) Attal., p. 204 B. Ἐδρουλλεῖτο δὲ καὶ τὸ παρὰ τὸν Ἰστρον κατὰ κοῦν μικροβαρβαρον. Παρακινεῖται γὰρ τῇ ἑχθρῇ τοῦτου πολλαὶ καὶ μεγάλα πόλεις, ἐκ πάσης γλώσσης συνηγμένον ἔχουσαι πλῆθος, καὶ ἀπλιτικὸν οὐ μικρὸν ἀποτρέφουσαι. Πρὸς αἷς οἱ περικυθέντες Σκῦδαὶ τὸ πρότερον τὸν Σκιδιτικὸν ἐπιφέρουσι βίον.

3) *ib.*, p. 209; Zon. 18, 17.

своего города, Татушь предоставилъ его защиту своимъ родственникамъ, а самъ отправился искать помощи у половцевъ, которыхъ и привелъ съ собою, когда императоръ Алексѣй былъ уже разбитъ, бѣжалъ и успѣлъ откупиться отъ печенѣговъ¹⁾.

Проф. Васильевскій называетъ Татуша печенѣгомъ²⁾. Признаемся, что не видимъ для этого никакихъ основаній. То, что онъ заключалъ союзы съ печенѣгами и половцами, ничего, конечно, не говоритъ о его національности; а что касается до его имени, то оно, въ передачѣ византійцевъ, слишкомъ неопредѣленно, чтобы можно было что-либо на немъ основывать. То обстоятельство, что для сношеній съ нимъ императоръ избралъ вестарха Нестора, родомъ иллирійца, т. е. славянина (на что справедливо обращаетъ вниманіе проф. Васильевскій), свидѣтельствуетъ о преобладаніи славянскаго элемента въ странѣ Татуша и его сосѣдей, а въ то же время дѣлаетъ весьма вѣроятнымъ славянство его самого. Не лишено значенія, думается намъ, и то, что выборъ императора палъ на иллирійца, а не болгарина, которыхъ было не мало на византійской службѣ. Если бы Татушь и его люди были болгары, то болгаринъ могъ бы быть въ данномъ случаѣ полезнѣе, какъ соплеменникъ и человѣкъ одного языка. Весьма вѣроятно поэтому, что населеніе тѣхъ мѣстъ не было въ ту пору болгарскимъ, какъ не было оно, конечно, и печенѣжскимъ³⁾. Подтверженіемъ этому служитъ и то обстоятельство, что Анна Комнина въ разсказѣ о событіяхъ 1086 года опредѣленно отличаетъ «скиевъ» отъ Травла и его «манихеевъ»⁴⁾.—Итакъ, мы бы считали вѣроятнымъ допустить, что Татушь, Всеславъ и другіе князья съ ихъ подначальными были и сами пришельцы, какъ и тѣ «скиевъ», о которыхъ сообщила Анна, но что утвердились они въ подунайскихъ городахъ въ нѣсколько болѣе раннюю пору; явиться же сюда они могли только изъ-за Дуная, т. е. съ русской территоріи.

Сокрушеніе болгарскаго царства въ походахъ Іоанна Цимисхія и Василія Болгаробойцы и послѣдовавшее затѣмъ переселеніе печенѣ-

1) Anna Comn., VII, 5, I, p. 352 и сл.

2) Какъ принималъ это Дюканжъ въ комментаріи къ Аннѣ Комнинѣ, боннское изд., II, p. 562.

3) Attaliota, p. 205: τίνες τῶν τοιοῦτων πόλεων εἰς ἀποστασίαν ἐπέβλησαν καὶ εἰς τὸ ἔθνος τῶν Πατζινάκων παρήγγελλον, и далѣе въ изложеніи объ измѣнѣ Нестора: τῆς αὐτῆς ἐκείνοις βουλῆς καὶ γνώμης ἐπὶ συνθήκαις καὶ τὸ τῶν Πατζινάκων ἔθνος συναρμολογούμενος πολεμαῖν τοῖς Ῥωμαίοις μετ' αὐτῶν ἀσπόνδῳ τῇ μάχῃ συνέθετο.

4) Anna Comn., I, p. 323.

говъ въ предѣлы Имперіи вызвало, помимо непосредственнаго запустѣнія области нижняго Дуная, также и отлив болгарской народности далѣе на западъ. Здѣсь начались въ послѣдствіи тѣ возстанія, которыя имѣли своимъ послѣдствіемъ возстановленіе болгарскаго царства, столицей и центромъ котораго явился уже городъ Тырновъ. Печенѣги грабили и опустошали области Имперіи, но городовъ не занимали и земледѣіемъ не занимались. Но слѣдомъ за кочевниками могли проникать въ область нижняго Дуная русскіе, которые были знакомы съ тѣми мѣстами еще со временъ морскихъ походовъ на Царьградъ и завоеванія Болгаріи Святославомъ.

Отъ начала XII вѣка наша лѣтопись даетъ прямое свидѣтельство о тяготѣнія Киевской Руси къ нижнему Дунаю и даже установленіи власти кievскаго князя въ городахъ подунайскихъ. Подъ годомъ 6624, т. е. 1116 читаемъ: «В се же лѣто великій князь Володимиръ посла Ивана Войтишича и посажа посадники по Дунаю». Такимъ образомъ, для установленія власти кievскаго князя въ тѣхъ мѣстахъ не нужно было ни похода, ни завоеванія. Но, очевидно, посадники Владиміра сидѣли къ востоку отъ Дристры, которая была въ ту пору во власти императора или составляла самостоятельное владѣніе, не признававшее кievскаго князя своимъ государемъ, такъ какъ подъ тѣмъ же годомъ значится слѣдующее: «Томъ же лѣтѣ ходи Вячеславъ на Дунай съ Фомою Ратиборичемъ, и пришедъ къ Дрьстру и не въспѣвше ничто же, воротилася»¹⁾).

1) Засвидѣствованныя здѣсь событія находятся въ прямой связи съ судьбою царевича Леона Диогеновича, о которомъ наша лѣтопись сообщаетъ слѣдующее: «В се же лѣто иде Леонъ царевичъ, зять Володимиръ, на куръ Олексія царя, и въдася городовъ ему Дунайскихъ нѣсколко, и в Дельстрѣ городъ лестию убита и два Сорочинина, посланная царемъ, мѣсяца августа въ 15 день». — Вопросъ о личности царевича Леона разъясненъ проф. *Васильевскимъ*, см. Русско-Византійскіе отрывки. I. «Два письма Византійскаго императора Михаила VII Дуки къ Всеволоду Ярославичу», Ж. М. Пр. 1875, декабрь, стр. 299—309. — Леонъ былъ сынъ имп. Диогена (1067—1071) отъ перваго брака; онъ былъ женатъ не на дочери, а на сестрѣ Всеволода Ярославича. — «Будучи сыномъ болгарской царевны, онъ могъ, при помощи русскихъ, сдѣлать много вреда на Дунаѣ» (стр. 309). Пребываніемъ этого возможнаго претендента среди русскихъ возбуждало, по мнѣнію проф. Васильевскаго, опасенія имп. Михаила и было однимъ изъ поводовъ къ тому, что онъ самъ искалъ сближенія съ Русью. — Отъ времени правленія Михаила VII (1071—1078) и до того года, подъ которымъ наша лѣтопись сообщаетъ о полученіи Леономъ царевичемъ удѣла отъ Алексѣя Комнена, т. е. 1116, прошло во всякомъ случаѣ слишкомъ много лѣтъ, чтобы можно было видѣть въ утвержденіи Леона на Дунаѣ фактъ насилія, выступленіе его претендентомъ на византійскій престолъ или представителемъ болгарскаго движенія противъ имперіи. Да и лѣтопись, единственный источникъ этого свѣдѣнія, говоритъ ясно, что удѣлъ на Дунаѣ данъ былъ Леону императоромъ, ко-

Отъ 1159 года есть свидѣтельство о томъ, что рыболовы галицкіе промышляли на нижнемъ Дунаѣ. Оно дано въ связи съ сообщеніемъ о разбояхъ въ тѣхъ мѣстахъ князя Ивана Ростиславича, по прозвищу Берладника¹⁾.

Въ правленіе Мануила Комнина область нижняго Дуная считалась, какъ и въ концѣ XI вѣка, подвластной Византіи, но имперія по-прежнему не могла отстаивать свои границы и предоставляла здѣсь удѣлы русскимъ выходцамъ. Таковъ смыслъ свидѣтельства нашей глѣтописи подъ 1162 годомъ: «Том же лѣтѣ идоста Гюргевича Царюгороду, Мьстиславъ и Василко, съ матерью, и Всеволода, молодого пояша со собою третьяго брата; и дасть царь Василкови в Дунай 4 города, а Мьстиславу дасть волость Отъскалана»²⁾. Хотя здѣсь и не сказано, что удѣлъ Василька былъ на нижнемъ Дунаѣ, но, по общему характеру событій того времени, врядъ ли возможно въ этомъ сомнѣваться. Относительно разгадки имени Отъскалана не рѣшаемся выступать съ какими либо догадками; что же до его положенія, то очевидно онъ былъ однимъ изъ тѣхъ топарховъ, о которыхъ дано столько живыхъ и интересныхъ свѣдѣній въ открытомъ проф. Васильевскимъ источникѣ для исторіи Византіи и ея внутренняго состоянія въ XI вѣкѣ, а именно: *Cecaumeni Strategicon et incerti scriptoris De officiis regis libellus*³⁾.

Въ концѣ XII вѣка русскіе принимали непосредственное участіе въ борьбѣ болгаръ за независимость. Они являются у современнаго свидѣтеля, Никиты Акомината, подъ обозначеніемъ: *οι ἐκ Βορδόνης, Ταυροσχιδών ἀποστάδες*. Проф. Успенскій, который впервые привлекъ это свидѣтельство въ оборотъ ученаго изслѣдованія, призналъ въ имени *Βορδόνη* указаніе на русскихъ бродниковъ⁴⁾. Проф. Васильев-

торый, прибавимъ, хорошо зналъ по опыту невозможность установленія непосредственной власти Византіи на нижнемъ Дунаѣ и раньше того мирился съ пребываніемъ въ тѣхъ мѣстахъ князей Татуша, Всеслава и другихъ. Занимая свой удѣлъ, Леонъ выступалъ, вѣроятно, какъ русскій князь, почему Владиміръ и могъ послѣ его смерти послать своихъ посадниковъ, которыхъ и размѣстилъ тамъ Войтишичъ.

1) Ипат. Лѣт., стр. 841: «Иванъ же тогда уполошивъся ѣха в поле къ Половцемъ, и шедъ с Половци и ста в городѣхъ Подунайскыхъ, и изби двѣ кубарѣ (=камары) и взя товара много в нею, и пакостяше рыболовомъ Галичскимъ. И придоша к нему Половци мнози и берладника у него скупися 6000, и поиде»...

2) *ib.*, стр. 357.

3) Petropoli, 1896. — За 15 лѣтъ до того проф. *Васильевскій* опубликовалъ въ переводѣ важнѣйшія мѣста текста съ обширнымъ объяснительнымъ комментариемъ: «Совѣты и рассказы византійскаго боярина XI вѣка». Спб. 1881.

4) *Успенскій*, Образованіе втораго Болгарскаго царства. Одесса. 1879. Приложение V, стр. 35.

скій предлагалъ отождествить имя Бордона съ терминомъ terra Bugzia или Bugza, т. е. юговосточный уголь Седмиградія, на востокъ отъ трансильванскаго теченія рѣки Ольты¹⁾. Если это такъ, то мы не имѣемъ здѣсь непосредственныхъ сосѣдей Болгаріи.

Быть можетъ нѣсколько иначе обстоитъ дѣло въ отношеніи тѣхъ русскихъ, которые принимали участіе въ дѣлахъ Болгаріи въ самомъ началѣ XIII вѣка. Послѣ убійства Ивана Асѣня I въ 1207 году его малолѣтній сынъ, будущій Асѣнь II, былъ спасенъ вѣрными людьми—*εις τοὺς Σχόδας*, какъ выражается Акрополита, а въ другомъ мѣстѣ точнѣе: *ἐπὶ τὰ τῶν Ῥώσων*, т. е. въ русскую землю. Пробывъ тамъ десять лѣтъ, царевичъ вернулся съ русскимъ отрядомъ, устранилъ Воригу, захватившаго болгарскій престолъ по смерти его отца, и водворился въ Тырновѣ²⁾. Акрополита называетъ русскую дружину Асѣня словомъ—*συγκλύδες*. Наболѣе подходящий переводъ этого послѣдняго слова на современный русскій языкъ будетъ, какъ намъ думается,— бѣженцы; но наша лѣтопись даетъ возможность предложить иной переводъ, который уже самъ по себѣ ближайшимъ образомъ рѣшаетъ вопросъ о національности дружины Асѣня, а именно— «выгонцы». Въ описаніи сборовъ русской земли для борьбы съ татарами въ 1224 году помянута вольная дружина на 1000 ладьяхъ подъ именемъ «выгонцы Галичкыя»³⁾. Не касаясь вопроса о тождественности или нетождественности съ «выгонцами» берладниковъ и бродниковъ⁴⁾, мы находимъ въ нихъ во всякомъ случаѣ тотъ свободный и подвижной элементъ, который по разнымъ причинамъ и поводамъ могъ представить русскую колонизацію въ области нижняго Дуная. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи не могло остаться безъ вліянія татарское

1) Въ реченіи на сочиненіе проф. Успенскаго, Ж. М. Пр. 1879, августъ, стр. 385.

2) Acropolita, с. 20, р. 35. 'Ο τοῦ Ἀσάν υἱὸς Ἰωάννης φυγαθεία χρησάμενος ἐπὶ τὰ τῶν Ῥώσων χωρεῖ, ἐκεῖσε τε χρόνον ἕφ' ἱκανὸν διαμείνας, καὶ τινας τῶν συγκλύδων Ῥώσων σὺν ἑαυτῷ περιαγαγὼν τὴν πατρικὴν ἀνακαλεῖται κληρονομίαν καὶ πολεμεῖ τῷ Βορίλῃ καὶ νικᾷ τοῦτον καὶ χώρας οὐκ ὀλίγης ἐγκρατὴς γίνεται.— Ср. с. 13, р. 27.— *κρούφα τις λαβὼν.... ἐπὶ τοὺς Σχόδας κειχώρηκεν.*— Обозначеніе русскихъ именемъ скифы не есть, конечно, что либо необычное; но не можемъ не прибавить, что область нынѣшней Добруджи есть именно древняя провинція Σχούδια, и ученый византиецъ могъ не даромъ употребить это выраженіе въ данномъ случаѣ.

3) Ипат. Лѣт., стр. 496. «А выгонцы Галичкыя придоша по Днѣпру (Днѣстру?) и въдоша в море; бѣ бо ладей тысяща, и воидоша во Днѣпръ, и возведоша пороги, и стаха у рѣки Хорьтицѣ на броду у Протолчи; бѣ бо с ними Домамѣричъ Юргій и Держикрай Володиславичъ.— Приношу благодарность за указаніе на это мѣсто Лѣтописи моему уважаемому товарищу, проф. Дашкевичу.

4) О бродникахъ и берладникахъ см. Успенскій, I, с.; Голубовскій, Печенѣги торки и половцы. Кіевъ. 1884, стр. 196 и сл.

нашествіе. Оно оторвало подунайскихъ русскихъ отъ ихъ прежняго живого центра, Кіева, а также и Галицкой земли; оно же объединило южнорусскія степи и переднюю Болгарію подъ единой верховной властью золотоордынскаго хана, господство котораго простиралось до Вичины и Желѣзныхъ Воротъ¹⁾. Въ этой связи нельзя не отмѣтить свидѣтельства Пахимера о томъ, что русскіе вмѣстѣ съ другими народами, которыхъ покорили татары, какъ то зихи (черкесы), готы, аланы, усвоивали образъ жизни татаръ, принимали ихъ нравы, вооруженіе и даже языкъ²⁾. Но, сближаясь съ татарами, русскіе, вѣроятно, не забывали о своемъ христіанствѣ, какъ не забыли о немъ и одичавшіе аланы, просившіеся на службу императора въ 1300 году. Нельзя также въ этой связи не напомнить о двухъ историческихъ лицахъ русской національности, которые принадлежатъ однако Болгаріи. Таковъ князь Яковъ Святославъ, который правилъ въ половинѣ XIII вѣка гдѣ то въ сѣверной Болгаріи и былъ вовлеченъ на погибель себѣ въ династическіе интересы царя Константина³⁾. Князь этотъ самъ засвидѣтельствовалъ свою связь съ Кіевомъ въ записи на книгѣ Номоканона, которую онъ прислалъ въ Кіевъ въ 1262 году: «Всея русскыя земли благодержавнаго рода моего, ихъ же отрасль и корень азъ быхъ святыхъ отцъ моихъ». Такимъ же загадочнымъ является и тотъ Иванъ, «храбрый и опытный въ ратномъ дѣлѣ воевода», который въ 1328 году отстаивалъ отъ Византіи городъ Филиппополь, состоя на службѣ у болгарскаго царя.

IV.

Приведенныя въ предшествующемъ свидѣтельства источниковъ позволяютъ признать за неподлежащій сомнѣнію фактъ пребываніе русскихъ въ области нижняго Дуная. Если же это такъ, то и возникновеніе вичинской епархіи, принадлежащей къ юрисдикціи константинопольскаго патріархата, получаетъ тѣмъ самымъ особое значеніе. Болгарская церковь была самостоятельна и ея епархіи не входятъ поэтому въ дошедшія до насъ во множествѣ списки епархій (*notitiae, τάξεις, ταχτικά*). Возникшая еще въ пору принятія болгарами христіанства прѣславская епархія существовала непрерывно въ качествѣ

1) Свидѣтельства приведены выше.

2) *Rachum.*, I, p. 345: ὡς δὲ χρόνου τριβομένου, ἐπιμιγνόντες σφίσιν οἱ περὶ τὴν μεσόγειον κατὰ κλημένους, Ἄλανοὶ λέγω, Ζίχοι καὶ Γότθοι, Ῥῶσοι καὶ τὰ προσοικούντα τούτοις διάφορα γένη, ἔθνη τε τὰ ἐκείνων μανθάνουσι καὶ γλῶσσαν τῷ ἔθει μεταλαμβάνουσι καὶ σπολήν, καὶ ἐς συμμάχους αὐτοῖς γίνονται.

3) *Rachum.*, I, p. 430. Подробный рассказъ о коварствѣ Маріи.

болгарской¹⁾. Но по сосѣдству съ нею существовала еще въ IX вѣкѣ епархія проватская, *Προβάτου*, которая принадлежала константинопольскому престолу. Одновременно съ этимъ существовала и болгарская проватская каедедра²⁾. А въ спискѣ Авдроника Старшаго въ той же области появляется епархія вичинская, которая и существуетъ вплоть до 1359 года, а вѣроятно и позднѣе. Если бы она была болгарской по составу своей паствы, то она не могла бы принадлежать къ константинопольскому патриархату, а стояла бы въ зависимости отъ тырновскаго патриарха, права котораго въ XIII и XIV вѣкахъ признавала Византія³⁾. Отсюда становится вполне вѣроятнымъ, что она была основана для населенія, принадлежавшаго другой національности, а какой именно, о томъ была рѣчь выше.

Среди документовъ, изданныхъ Миклошичемъ и Мюллеромъ, есть одинъ сохранившійся безъ точной даты, но принадлежащій времени отъ 1318 до 1323 года. Онъ содержитъ въ себѣ перечисленіе цѣлаго ряда патриаршихъ владѣній въ сѣверо-восточной части Балканскаго полуострова. — *Τὰ περὶ τὴν Βάρναν πατριαρχικὰ καστέλλια. ἡ Καρνάβα. ἡ Καρνέα. τὰ Κέλλια ἦτοι τὸ Λυχοστόμιον. τὰ Γεράνια. ἡ Δρύστρα. ἡ Γαλιάγρα*⁴⁾. — Вмѣсто всякаго комментарія къ этому документу сопоставимъ съ его свидѣтельствомъ показаніе нашей лѣтописи въ извѣстномъ спискѣ: «Градомъ русскимъ далнымъ и ближнимъ»⁵⁾, который обыкновенно приурочивается специалистами по русской исторіи къ первой половинѣ XIV вѣка. Начиная съ Виддина и Тырнова, здѣсь перечислены слѣдующія мѣстности: «по Дунаю Дрествинъ, Дичинъ, Килія, на устьѣ Дуная Новое Село, Аколятря, на морѣ Карна, Каварна». — Пять именъ русскаго списка совпадаютъ съ именами патриаршихъ *καστέλλια*, а именно: Карна = *Καρνέα*, Каварна = *Καρνάβα* (Савагна — на картѣ братьевъ Пиццигани и позднѣйшихъ), Килія = *Κέλλια*, Аколятря = *Γαλιάγρα* (Салиасга — средневѣковыхъ картъ), Дрествинъ = *Δρύστρα*. Что касается до русскаго Дичина, то въ немъ можно признать городъ Диногетію, лежавшій на мѣстѣ, гдѣ нижній Дунай мѣняетъ свое теченіе съ сѣвернаго на восточное, чтобы

1) *Голубинскій*, Краткій очеркъ и т. д., стр. 51 и 94.

2) *ib.*, стр. 54.

3) *ib.*, стр. 80—81.

4) *Miklosich et Müller*, Acta Patr. Const. № 52 (I, p. 95).

5) Воскресенская лѣтопись (Полн. Собр. Лѣтоп., т. VII), стр. 240. — Списокъ этотъ былъ предметомъ разбора со стороны *Бруна* въ его статьѣ: «Догадки касательно участія русскихъ въ дѣлахъ Болгаріи въ XIII и XIV столѣтіяхъ». Черно море, II, 346—362.

затѣмъ разлиться на рукава, которыми онъ впадаетъ въ море¹⁾. Неяснымъ остается для насъ положеніе шестого и послѣдняго патриаршаго καστέλλιον — Γεράνια²⁾ 3).

Совпаденіе территоріи, которую обнимаютъ два приведенные выше списка, принадлежащіе притомъ одному и тому же времени, не можетъ быть дѣломъ случая. Русскій лѣтописецъ называетъ эти города русскими, а византійскій документъ свидѣтельствуетъ, что они не принадлежали къ Болгаріи въ началѣ XIV вѣка. Если Дристра и была болгарскимъ городомъ въ пору Святослава, а также принадлежала Болгаріи позднѣе, при царѣ Іоаннѣ-Александрѣ⁴⁾, то, какъ ясно изъ предшествующаго, она долгое время была во владѣніи Византіи и «варварскихъ» князей. Потому то, вѣроятно, и не было болгарскаго епископа въ Дристрѣ около 1203 года, фактъ, который затруднялся объяснить проф. Голубинскій⁵⁾.

Предоставляя специалистамъ по русской исторіи разяснить вопросъ о спискѣ «градомъ русскимъ», мы позволимъ себѣ сдѣлать лишь сопоставленіе его съ документомъ того же времени, но совершенно другаго происхожденія. Быть можетъ, мы и удалились тѣмъ нѣсколько въ сторону отъ вопроса о вичинской епархіи, но смѣемъ думать, что не посуществу дѣла, такъ какъ указанное совпаденіе подтверждаетъ гипотезу о русскомъ элементѣ въ паствѣ вичинскаго митрополита.

Юліанъ Кулаковскій.

24 ноября 1896 г.

Кіевъ.

1) Городъ Дичинъ помянутъ въ русской лѣтописи подъ 1160 годомъ, какъ мѣсто, гдѣ берладники потерпѣли пораженіе отъ Гюргія Нестеровича и Якуна: «Том же лѣтѣ посла Ростиславъ ис Кіева Гюргя Нестеровича и Якуна в насадехъ на берладники, оже бяхуть Олешье взяли; и постигше ѣ у Дциня избиша ѣ и полонъ взяша» (стр. 346).— На это свидѣтельство указалъ проф. Голубовскій, Печенѣги, торки и половцы. Кіевъ. 1884, стр. 206.

2) Само собою разумѣется, что читать это имя по русски Геранія было бы столь же неправильно, какъ передавать имя рѣки у Константина Порфиророднаго Геѣхъ черезъ *Геахъ*, что однако нерѣдко дѣлаютъ наши византинисты. Константинъ слыхалъ Геихъ, т. е. почти тоже, что Яикъ, какъ и назывался еще тогда нашъ Уралъ.

3) Позволимъ себѣ по поводу этого списка отмѣтить ошибочное утверженіе въ почтенномъ трудѣ г. Петрушевича, «О городѣ Галичѣ за Лухвою» (Вѣстникъ Народнаго Дома, 1888), стр. 420. Въ Карнѣ г. Петрушевичъ узнаетъ Варну. Не можемъ мы согласиться съ нимъ и въ томъ, что въ Болоховцахъ онъ признаетъ Румынъ.

4) Голубинскій, о. 1., стр. 100.

5) ib.

Описание нѣкоторыхъ греческихъ Житій святыхъ.

Наслѣдіе, завѣщанное средневѣковою греческою литературою, такъ велико, что далеко еще не исчерпано, несмотря на четырехвѣковую работу европейскихъ ученыхъ. Въ частности это же можно сказать и о Житіяхъ святыхъ. Несмотря на усиленную дѣятельность болландистовъ, отдѣльныхъ западныхъ и русскихъ ученыхъ, довольно много агіографическихъ памятниковъ все еще лежитъ сокрытыми въ рукописныхъ библіотекахъ.

Особый родъ литературы, Житія пользовались большою распространенностью и сохранились, вообще говоря, во многихъ спискахъ. При этомъ замѣчается та любопытная особенность, что степень распространности Житія стояла въ прямой зависимости отъ степени его назидательности. Житія греческихъ святыхъ написаны не всѣ по одному шаблону: въ томъ случаѣ, когда они составлялись много времени спустя послѣ кончины святаго, когда біографическихъ чертъ сохранилось очень мало, дѣйствительно замѣтна хрія, измѣнявшаяся сообразно съ тѣмъ, написано ли Житіе простецомъ, или человѣкомъ литературно образованнымъ. Другое дѣло, когда агіографы *σύγχρονοι*. Но и ученики святыхъ, писавшіе ихъ Житія, были люди различнаго образованія, начиная съ простыхъ грамотѣевъ, кончая въ высшей степени образованными лицами, усвоившими правила тогдашняго грамматическаго и риторическаго искусства. Кромѣ того, Житіе, какъ памятникъ литературы, само по себѣ пріобрѣтало тотъ или другой интересъ въ зависимости отъ общественнаго положенія святаго: жизнь отшельника естественно во многомъ отличалась отъ жизни, напр., патріарха, и отличіе это не могло не сказаться и въ литературной передачѣ ихъ житій: подобно тому, какъ та узкая и замкнутая,

а эта болѣе общественная,—и характеръ Житій видоизмѣнялся: Житіе аскета написано простымъ языкомъ, по общему типу, полно чудеснаго элемента, мало или совсѣмъ не касается современныхъ событій; это—собственно Житіе, любимое чтеніе византійца и древне-русскаго читателя. Житія другихъ святыхъ составлены ихъ учениками, прошедшими извѣстную школу, мудренымъ языкомъ, съ значительною примѣсью античной традиціи, риторики и краснорѣчія, отводятъ довольно мѣста мірскимъ событіямъ, смотря по степени участія въ нихъ святыхъ; это, такъ сказать, біографіи, мало читавшіяся въ Византіи и неизвѣстныя въ древней Руси. Тѣмъ не менѣе все-таки трудно провести рѣзкую границу между Житіями и біографіями. Иной аскетъ, жившій гдѣ нибудь вдали, извѣстенъ былъ своею святостью настолько, что привлекалъ къ себѣ, кромѣ духовныхъ, и мірянъ, начиная съ простыхъ гражданъ, кончая высшими должностными лицами и императорами.

Чѣмъ болѣе Житіе описывало подвижничество, аскетизмъ и чудеса святаго, чѣмъ менѣе оно касалось дѣйствительной, мірской жизни, тѣмъ болѣе оно читалось и распространялось, и наоборотъ, чѣмъ менѣе оно отвѣчало общему агіографическому типу, тѣмъ менѣе находило читателей. Греческихъ Житій—безчисленное количество, но біографій святыхъ, написанныхъ современниками, очень немного. Тѣмъ не менѣе съ точки зрѣнія исторіи и литературы каждый памятникъ заслуживаетъ вниманія: историкъ найдетъ въ нихъ новыя крупныя для политической, церковной или бытовой исторіи, литература обогатится новымъ памятникомъ, который будетъ имѣть различное приложеніе: и какъ новое звѣно въ цѣпи однородныхъ произведеній, и какъ новый фактъ для уясненія литературной, агіографической схемы, и, наконецъ, какъ новый матеріалъ для языка въ его историческомъ развитіи.

Но, къ сожалѣнію, очень многихъ Житій святыхъ, написанныхъ современниками, до насъ не сохранилось. Причиною этого косвеннымъ образомъ является дѣятельность св. Симеона Метафраста, предпринявшаго въ X вѣкѣ пересказъ всѣхъ Житій святыхъ, этого св. Дмитрія Ростовскаго Византіи. Дѣятельность эта, ожидающая еще своего изслѣдователя ¹⁾, сильно подорвала охоту у книжниковъ переписывать.

1) Работы акад. Васильевскаго въ Ж. М. Н. Пр. 1879, XII, 379—437; H. Delehage. Sa vie de S. Paul et la chronologie de Metaphraste, 1893; Ehrhard, въ Fest-schrift 1896, S. 46—82; ср. «Виз. Врем.», 1897, IV. 275; Ж. М. Н. Пр. 1897, VI. 332 и слѣд.

сывать оригинальныя Житія, такъ какъ пересказы Симеона, удивительные по своей точности и простотѣ языка, вполне замѣняли и объединяли разнородный стиль агіографовъ. Западныя ученые сильно нападаютъ за это на Метафраста, но совершенно напрасно: Симеонъ работалъ не для истребленія памяти о своихъ предшественникахъ, а для того, чтобы сдѣлать общедоступнымъ великое наслѣдіе прошлаго, и не вина его, если онъ угодилъ потребности времени, вкусу читающаго народа, — напротивъ, его достоинство. Мы должны жалѣть объ исчезновеніи оригиналовъ, но относиться съ великимъ уваженіемъ къ знаменитому агіографу. Тѣмъ пріятнѣе, когда отыскивается гдѣ нибудь въ далекомъ книгохранилищѣ оригиналъ, извѣстный дотолѣ лишь въ пересказѣ. Какъ уникъ литературнаго произведенія, онъ естественно требуетъ прежде всего обнаруженія.

Оригинальныя Житія и ихъ древніе пересказы составляютъ существенную часть въ исторіи византійской литературы. Безъ оригинала нѣтъ возможности надлежащимъ образомъ оцѣнить передѣлку, какъ трудно по однимъ сучьямъ составить себѣ полное понятіе о деревѣ, и наоборотъ, оригиналъ безъ знанія существующаго его пересказа подобенъ дереву съ отломанными сучьями и побѣгами; въ томъ и другомъ случаѣ мы не будемъ имѣть полнаго понятія о дѣйствительной жизни средневѣковой греческой литературы. Передѣлки, особенно позднія, имѣютъ интересъ почти исключительно литературный, и было бы странно требовать отъ нихъ услугъ въ дѣлѣ филологіи, а между тѣмъ въ наше время одинъ нѣмецкій, весьма извѣстный ученый, издавая одно оригинальное Житіе по одному неисправному списку, вмѣсто того, чтобы воспользоваться другими списками, прибѣгъ именно къ Метафрастовской передѣлкѣ для восстановленія текста оригинала, и конечно вынесъ невыгодное сужденіе о достоинствѣ труда Симеона.

Меньшее значеніе имѣетъ агіографія послѣ паденія Византіи, но и здѣсь слѣдуетъ быть осторожнымъ. Мы привыкли думать, что пока стоялъ христіанскій Константинополь, письменное наслѣдіе его за это время всегда имѣетъ цѣну прямаго источника, какъ написанное или современникомъ, или на основаніи не дошедшихъ памятниковъ, а послѣ гибели имперіи настало время лишь пересказовъ извѣстныхъ намъ Житій святыихъ, не имѣющихъ историческаго значенія или во всякомъ случаѣ нуждающихся въ критической провѣркѣ. Само собою разумѣется, что чѣмъ болѣе поздняя рукопись Житія или какого другаго

памятника, тѣмъ недовѣрчивѣе мы къ ней относимся: филологъ скептически будетъ разсматривать списокъ, встрѣчая испорченность и замѣну древнихъ формъ и оборотовъ новыми, современными переписчику; историкъ не будетъ особенно довѣрять списку, не зная о времени его происхожденія и объ источникѣ, откуда заимствованы тѣ или другія свѣдѣнія; историкъ литературы не будетъ въ состояніи распознать, какого времени Житіе, оригинально оно, или представляеть лишь передѣлку, — и всѣ они будутъ бояться, нѣтъ ли въ памятникѣ случайныхъ или намѣренныхъ пропусковъ или интерполяцій. Однако было бы большою ошибкою полагать, что если сочиненіе сохранилось въ списокѣ XVI или XVII вѣка, то онъ не можетъ восходить къ болѣе раннему времени, не можетъ заключать въ себѣ передачи стараго, погибшаго сочиненія. Паденіе Византіи не отразилось такъ губительно на ходѣ работы писцовъ, какъ можно бы было думать съ перваго раза. Центръ литературной работы — Константинополь и М. Азія — замеръ, но съ тѣмъ болѣею силою забилъ родникъ на Афонѣ, Синаѣ, на Западѣ и всюду, гдѣ не такъ чувствовалось турецкое господство. Въ XVI и особенно въ XVII вѣкѣ, не смотря на появленіе печатнаго станка, изумляешься количеству рукописной работы грековъ. Житія святыхъ, слова и поученія, за ними памятники болѣе свѣтскаго характера, напр., хронографы, и далѣе произведенія классической древности, — все это переписывалось съ древнихъ и обветшалыхъ рукописей на новыя въ самомъ большомъ количествѣ, и не рѣдко случается, что сохраненіемъ того или другаго памятника византійской литературы мы обязаны какому нибудь писцу XVI или XVII вѣка.

Съ такими мыслями мы отправились въ маѣ прошлаго года на Святую Гору и, несмотря на кратковременное (мѣсячное) пребываніе тамъ, обогатились цѣлымъ рядомъ малоизвѣстныхъ памятниковъ византійской литературы. Результаты поѣздки мы и предлагаемъ вниманію читателей. На первый разъ сообщаемъ замѣчанія о нѣкоторыхъ Житіяхъ святыхъ.

I. Мученіе св. Модеста Іерусалимскаго.

Ἁθλησις св. Модеста сохранилась въ cod. Synod. Mosq. № 381, 1023 года (л. 112—122 v.) и издана нами въ «Памятникахъ Древней Письменности» (1892, ХСІ). Рукопись эта до половины XVII в.

находилась въ Аѳонскомъ Иверскомъ монастырѣ, гдѣ, какъ кажется, въ началѣ XVII ст. съ этого Мученія сдѣланъ былъ списокъ, попавшій затѣмъ въ Солунь, а нынѣ находящійся въ библіотекѣ Аѳонскаго Пантелеймоновскаго монастыря¹⁾. Что онъ есть списокъ именно съ Иверо-Московскаго кодекса, доказывается особенно тѣмъ, что полустертая строка въ рукописи XI вѣка (по изд. стр. 55: τὸν..... βίον σου) опущена въ списокѣ XVII столѣтія, гдѣ просто читается: Ἀγίε ἱερομάρτυς... Въ началѣ Пантелеймоновскаго списка идетъ анонимная Служба святому, однако отличная отъ изданной Ἀκολουθία монаха Агапія Критскаго, а затѣмъ Житіе его на новогреческомъ языкѣ, написанное, какъ значитъ въ концѣ его, іеромонахомъ Веніаминѣмъ 1 августа 1622 года. Затѣмъ въ библіотекѣ Ватопеда въ cod. 647, XVII в., писанномъ очень мелкимъ и красивымъ письмомъ, мы отыскали Службу и Мученіе св. Модеста, памятники, заслуживающіе особаго вниманія. Ἀκολουθία, тождественная съ Пантелеймоновскимъ спискомъ, составлена, какъ здѣсь значитъ, Синесіемъ Еланикомъ. Объ этой личности имѣются очень скудныя свѣдѣнія. Мы знали до сихъ поръ только, что Синесій Еланикъ жилъ около 1670 года, былъ искуснымъ эпиграмматикомъ, оставившимъ стихотворенія проелегическія и ямбическія²⁾. Ватопедскій кодексъ № 647 можетъ дать нѣсколько новыхъ чертъ для литературной дѣятельности Синесія. На л. 48 рукописи помѣщено его довольно длинное Εἰς ἑαυτὸν ἐπιτάφιον, начинающееся словами:

Ἐνθα μεθ' ἑσπερίης γε πολυπλανέων λαβυρίνθων,
 Ἦ δὲ βαρυστονάχου Ἑλλάδος ἄρ' ἀπιτόν
 Κλεινῆς κ τ. δ.

Оказывается, что Еланикъ довольно много занимался въ области агиографіи и оставилъ на языкѣ византійскомъ цѣлый рядъ Службъ и Мученичествъ новыхъ святыхъ, XVI вѣка (исключая Модеста): 1) (f. 1—31) Служба и Мученіе св. Модеста, оконченныя имъ 18 декабря 1603 года: (въ началѣ Службы) πόνος καὶ κτῆμα Συνεσίου, (въ концѣ Службы) Ἐτελειώθη τὸ παρὸν εἰς τὸν ἐν ἀγίοις ἱερομάρτυρα Μόδεστον πόνημα γραφῆ τε καὶ ποιήσει δι' ἐμοῦ τοῦ τῶν ἀμαρτωλῶν ἐλαχίστου καὶ ἑαυτοῦ δούλου Συμεῶν τε τοῦ καὶ Συνεσίου τῶν Ἑλаниκῶν

1) Указаніемъ на этотъ списокъ мы обязаны любезности о. Маттея, библіотекаря упомянутой обители, которому приносимъ глубокую благодарность.

2) Г. I. Ζαβίρα. Νέα Ἑλλάς, ἐκδ. ὑπὸ Γ. Π. Κρέμου. Ἀθῆν. 1872 σ. 526—527.

κατὰ τὴν 18 τοῦ δεκεμβρίου μηνός, ἡμέραν πέμπτην, ἐν ἣ καὶ τὴν τοῦ παρόντος ἁγίου ἑορτὴν ἑορτάζομεν, ἀχγ' τῆς τοῦ σωτῆρος ἡμῶν ἐνανθρωπήσεως, ὄθεν ἀξιώ· οἱ ἐντυγχάνοντες ὑπὲρ ἐμοῦ εὐχεσθε κοινήν γὰρ τὸ παρατρέχειν. Ἐρωσθε. Συμεών·

Σύγγνωθι πάντ' ἄριστε τῷ Συνεσίῳ
 Ἵμνους ἂν οὐ σθένον τι μέλπειν ἀξίως,
 Μὴ γοῦν ἀπορρίψῃς με σῆς εὐσπλαγχνίας
 Ἐχων δὲ τὴν δύναμιν ἦν νέμεις, πάτερ,
 Ὡσπερ θέλεις ἄριστον ἐν τοῖς μάρτυσιν·
 Νῦν οὖν με προφθάσης ἀνοχλούμενον.

2) (f. 33—48) Служба св. Говделаю Персу (память 29 сентября), написанная въ 1618 году: Ἐτελειώθη τὸ παρὸν εἰς τὸν ἐν ἁγίοις μεγαλομάρτυρα Γοβδελαῶν πόνημα γραφῆ τε καὶ ποιήσει δι' ἐμοῦ τῶν ἀμαρτωλῶν εὐτελοῦς καὶ ἑαυτοῦ δούλου Συμεών τοῦ καὶ Συνεσίου τῶν Ἐλαδικῶν, ἀχιτ' τῆς τοῦ σωτῆρος ἡμῶν ἐνανθρωπήσεως. εὐχεσθε τοιγαροῦν ὑπὲρ ἐμοῦ οἱ ἐντυγχάνοντες διὰ τὸν κύριον, сь эпиграммой святому, акростихъ которой также Συμεών. 3) (f. 49—71) Служба и Мучение св. великомуч. Θεοφана Новаго (пам. 8 юня); 4) (f. 71—84) служба и Мучение св. Макария Пруссаго (пам. 6 ноября); 5) (f. 84—97) Служба и Мучение св. Лазаря (пам. 23 февраля)¹⁾. Изъ этихъ святыхъ Макарий и Лазарь совершенно неизвѣстны и даже имена ихъ не попали въ такіе полные Мѣсяцесловы, какъ трудъ архимандрита Сергія. Можно заключить, что агіографическая дѣятельность Симеона-Синесія Еланика относится къ первой четверти, даже половинѣ XVII столѣтія, и если и можно принять Завировскую дату 1670, то развѣ только въ смыслѣ предѣльнаго срока жизни агіографа. Въ виду того, что подлинная рукопись Синесія находится въ Ватопедскомъ монастырѣ, позволительно предположить, не былъ ли агіографъ инокомъ этой обители. — Въ срединѣ службы св. Модесту помѣщена, какъ сказано, его Ἄδλσις, чрезвычайно обширная (f. 15—26 v.) и въ литературномъ отношеніи очень любопытная. Синесій имѣлъ подъ руками основной текстъ, быть можетъ, Иверскій (нынѣ Московскій) кодексъ, но, съ другой стороны, ему извѣстна была и редакція Минойно-Синаксарная. Въ виду того, что въ первомъ кодексѣ очень мало говорится о Модестѣ до его патріаршества, а, напротивъ, въ

1) Въ концѣ кодекса другою рукою и на другой бумагѣ написана Служба свв. Хрисануе и Даріи.

позднѣйшихъ редакціяхъ предложено много свѣдѣній именно объ этой порѣ святаго, Синесій Еланикъ составилъ сводное Мученіе и при этомъ выдѣлилъ чудеса въ концѣ его. Онъ довольно близко держался текста XI вѣка и даже сохранилъ имя Платона, предшественника Модестова: продажа Модеста дѣтьми златоковача связана здѣсь съ прибытіемъ его въ Іерусалимъ и кончиною Платона. О почитаніи св. Модеста свидѣтельствуютъ и изображенія его со стадомъ скота, видѣнныя нами въ Григоріатскомъ монастырѣ на Аѳонѣ, и многочисленныя частицы его мощей: глава въ Симопётрѣ, правая рука въ Діонисіатѣ, частицы въ Пантелеймоновскомъ монастырѣ, Ксенофѣ и Ксенофскомъ скитѣ, Есфигменѣ, Ватопедѣ и въ Андреевскомъ скитѣ. Итакъ литературная исторія этого агіографическаго памятника представляется теперь въ слѣдующемъ видѣ: 1) Ἀθλησις 1023 года, 2) Στίχοι 1295 года¹⁾, 3) Μνήμη минейная XVI (?) в., 4) Μνήμη синаксарная XVI (?) в., 5) Іерусалимская редакція XVI (?) в., 6) Στίχοι, Ἀκολουθία и Ἀθλησις соч. Симеона-Синесія Еланика 1603 г., 7) Ἀθλησις соч. Веніамина 1622 г., 8) Ἀθλησις соч. Героея Иверита XVII (?) в., 9) Ἀκολουθία Агапія Критскаго XVII в. и 10) Εὐχή Никодима Святогорца, XIX вѣка.

II. Житіе св. Матроны Пергской.

Время жизни св. Матроны Пергской (въ отличіе отъ Хиосской, XV в.) относится къ V столѣтію. Житіе ея въ пересказѣ Метафраста, читанное нами въ пергаминномъ кодексѣ Іерусалимскаго подворья въ Константинополѣ (№ 13, f. 53—68 v.: Τὸς σάφρονας τὸν βίον), не издано и не лишено нѣкоторыхъ неточностей²⁾. Матрона происходила изъ Перги, одного изъ городовъ Памфиліи. По поводу послѣдняго имени въ Житіи сообщается, будто эта страна расположена на границахъ Киликіи и Исавріи (ἐν μεθωρίοις Κιλίκων τε καὶ Ἰσαύρων χειμένη); названіе свое она получила отъ многочисленнаго жителей, собравшихся здѣсь ото всѣхъ городовъ: διὰ τὸ κουροτρόφον ταύτης καὶ πολυάνθρωπον καὶ τὸ ἐξ ἀπασῶν τῶν πόλεων οἰκήτορας ἔχειν τοιαύτης ἔτυχε τῆς

1) Архим. Владиміръ, стр. 530, № 354 f. (подъ 19 октября, ср. стр. 521) и f. 165.

2) Изложено архіеп. Филаретомъ (Житія св. подвижницъ, Спб. 1885² стр. 220—224). Въ латинскомъ переводѣ житіе у Surinus: AA. SS., 8 ноября. Основное житіе Матроны (по слав. пер.) издано въ только что появившемся выпускѣ Макаріевскихъ Миней-Четіихъ, изд. Археогр. Коммисіи.

προσηγορίας. По выходѣ замужъ за нѣкоего Дометіана, Матрона родила дочь Θεοδοῦ и затѣмъ отправилась въ Константинополь, гдѣ между прочимъ посѣтила храмъ Апостоловъ и вошла въ Вассіановъ монастырь къ самому Вассіану подъ именемъ евнуха Вавилы¹⁾. Но поль этого инока былъ открытъ иноку Акакію, который былъ потомъ игуменомъ Аврааміева монастыря (ὅς καὶ τῆς εἰς τὸ τρίτον μονῆς τοῦ Θεοφόρου Ἀβραμίου ποιμὴν ἐτύχασεν), и Вавила долженъ былъ оставить Вассіанову обитель. Н. П. Кондаковъ, считая основателемъ Аврааміева монастыря преп. Авраамія († 29 октября 360 г.), отождествляетъ обитель съ монастыремъ Аврамитовъ; но, какъ кажется, обѣ обители не совмѣстимы: μονὴ τοῦ Ἀβραμίου находился въ Константинополѣ, а μονὴ τῶν Ἀβραμιτῶν въ Малой Азіи, въ провинціи Понта, или еще точнѣе въ Понтійской Иракліи. Послѣдній монастырь назывался также «Нерукотворнымъ» (τῇ τῶν Ἀβραμιτῶν, ἣν καὶ ἀχειροποίητον ὀνομάζουσι: Leo diac. ed. Hase p. 29). О немъ упоминается въ IX в. (Мученичество Аврамитскихъ мучениковъ 832 г.: AA. SS. Boll. 8 іюля II. 659), въ X в. (послѣдняя остановка новаго императора Никифора Фоки при вѣздѣ въ Византію) и въ XI вѣкѣ (посѣщеніе монастыря Алексѣемъ Комнинымъ въ 1074 г.: Nic. Bryen. p. 94 ed. Bon.)²⁾. Житіе сообщаетъ затѣмъ, что во время этой Матроны обрѣтена была честная глава св. Іоанна Предтечи, и Матрона ходила посмотрѣть на торжество обрѣтенія. Κατ' ἐκεῖνο τοίνυν καιροῦ γεηρόνος τις τὸ γήδιον ἐργαζόμενος ἐπὶ συχναῖς ταῖς ἡμέραις ἀναδιδομένην ἑώρα φλόγα τῆς γῆς καὶ ἡ ἀνάδοσις συνεχῆς τε καὶ οὐδαμῶς λήγουσα. οὗτος οὖν ἄτε δὴ γεωργός οὐδὲν δυνήθεις συμβαλεῖν ὑψηλότερον τῷ ἐπισκόπῳ τῆς πόλεως προσελθὼν ἀπαγγέλλει. καὶ ὅς ἐκ τοῦ φαινομένου μέγα τι συνείς τὸ δηλούμενον ἅμα τῷ ὑπ' αὐτὸν κλήρῳ τὸν τόπον καταλαβὼν καὶ ὡς προσῆκον ἦν εὐχὴν ποιησάμενος τὴν γῆν ἐπέτρεπεν ἀνορύττειν. οὐ καὶ γενομένου στάμνος εὐρέθη οὐ χρυσὸν ἔνδον κρύπτουσα ἢ τι ἄλλο τοιούτων³⁾ οἷον ἂν φι-

1) Житіе называетъ и втораго преемника Вассіанова — Іоанна. Въ виду показанія Менологія, будто Матрона прибыла въ Константинополь съ ребенкомъ на 15 году своего возраста (!), о чемъ у Метафраста нѣтъ рѣчи, арх. Сергій склоненъ думать, что существовало другое житіе св. Матроны (Полный мѣсяцъ Востока, II. 352).

2) Монастырь Аврамитовъ, построенный патр. Тарасіемъ, находился также въ Вионіи: память Анны—Евфиміана (Μηναιῶν, 29 октября, с. 178—180 изд. Венец.). Какъ кажется, «Нерукотворные» монастыри существовали и въ другихъ мѣстахъ; см. Eustathii Thessalon Opuscula, ed. Tafel. Fgalscof. 1882 p. 358. Названіе это, вѣроятно, произошло отъ того, что монастыри были построены во имя Спаса Нерукотворнаго Образа. Ср. В. Васильевскій. Одинъ изъ греческихъ сборниковъ, стр. 44.

3) τοιούτων σοῦ.

λόκοσμον θέλεξη ψυχὴν, ἀλλὰ τίμιόν τι χρῆμα καὶ τοῦ παντός ἄξιον, τὴν σεβασμίαν τῶ ὄντι τοῦ βαπτιστοῦ κεφαλὴν. Ταύτης πανταχοῦ διαδραμοῦσης τῆς φήμης οὐδεὶς ἦν ὅστις οἶκοι παρῆν, ἀλλὰ πανπληθὶ πάντες πρὸς τὴν θέαν συνέρρεον. Здѣсь разумѣется второе обрѣтеніе главы Предтечевой, имѣвшее мѣсто около 452 года и описанное участникомъ событія пресвитеромъ Маркелломъ, который является въ Житіи Матроны въ санѣ діакона. Мѣсто обрѣтенія не поименовано ни Маркелломъ, ни агіографомъ: первый говоритъ только, что это было мѣстечко около Емесы, епископъ которой Ураній ѣздилъ на торжество открытія, а агіографъ передаетъ, что Матрона, жившая въ Виритскомъ (по другимъ пересказамъ въ Емесскомъ) монастырѣ, ходила на мѣсто обрѣтенія¹⁾. — Изъ Виритскаго монастыря Матрона ушла въ Іерусалимъ и на Синаѣ, послѣ чего снова вернулась въ Константинополь, гдѣ посѣтила храмъ Божія Мира, св. Ирины: εἶτα πρὸς τὸν ἐπ' ὀνόματι τῆς τοῦ θεοῦ Εἰρήνης ἰδρυμένον παρὰ τῆ θαλάσσης ναὸν γενομένην. Черезъ епископа она вызвала изъ Вирита своихъ духовныхъ сестеръ и окончательно поселилась въ столицѣ, въ монастырѣ, который получилъ ея имя²⁾. Μετὰ γὰρ πολλῶν ἄλλων καὶ ἡ βασιλὶς Βερῖνα ἢ τοῦ μεγάλου Λέοντος γαμετὴ ὡς αὐτὴν ἐφοίτα, — второе опредѣленное указаніе на время жизни св. Матроны.

III. Житіе св. Андрея Критскаго.

Житіе св. Андрея, какъ памятникъ литературный, оставалось неизвѣстнымъ до послѣдняго времени и даже не нашло себѣ мѣста въ Актахъ Болландистовъ. Оно сохранилось въ двухъ редакціяхъ: одна (Οὐ θεμιτόν ἐστίν) по рукописямъ Аѳонскаго Каракаллова монастыря (№ 52, f. 281) и Протата (№ 48, XV в.) написана παρὰ Νικήτα πατριάρχου καὶ κοιαίστωρος καὶ πανευφύμου и существуетъ въ славянскомъ переводѣ въ Макаріевской Миней (подъ 4 іюля)³⁾; другая (Οὐδὲν ἄν οἶμαι γένοιτο), читанная нами въ Аѳонской Ватопедской библиотекѣ (cod. 550, 1422 г. л. 19—28), принадлежитъ перу іеромонаха Ма-

1) Архіеп. Филаретъ, упустившій изъ вида исторію обрѣтенія главы, страннымъ образомъ приурочиваетъ разсказъ Маркелла къ болѣе раннему времени и опрометчиво обвиняетъ Симеона Метафраста въ невѣжествѣ (Житія св. подвижницъ, пр. 319). Но ср. В. Васильевскій въ Ж. М. Н. Пр. 1897, VI. 403—404.

2) Theoph. Chronogr., ed. Voog., I. 141.

3) Житіе это въ непродолжительномъ времени намѣренъ издать А. Пападопуло-Керамевсъ.

карія Макария, о чемъ также прямо сказано въ заглавіи: οὗτος ὁ βίος συνεγράφη παρὰ τοῦ σοφωτάτου ἐν ἱερομονάχοις κῆρ Μαχαρίου τοῦ Μακρῆ. Обѣ обоихъ авторахъ мы имѣемъ очень мало свѣдѣній. Впрочемъ, нѣтъ никакого препятствія къ отождествленію патріарха и квестора Никиты съ тѣмъ «преславнѣйшимъ магистромъ Никитою», который написалъ Житіе Θεοκτιστοῦ Λεσβοσσοῦ. Званіе квестора указываетъ на его должность, которая могла соединяться съ такими титулами, какъ магистръ. Никита, какъ видно изъ житія Θεοκτιστοῦ, служилъ во флотѣ и не разъ ѣздилъ по морю по порученію императора Льва Мудраго (886—911), точнѣе въ началѣ X столѣтія. Онъ бывалъ на о. Лесбосѣ и по рассказамъ здѣшнихъ жителей написалъ Житіе Лесбоссоῦ подвижницы. Есть опредѣленное указаніе, что онъ бывалъ и на Критѣ, гдѣ также могъ слышать объ Андрѣ и также на основаніи рассказовъ составить его Житіе. Βίος не богатъ историческими данными, да и трудно было написать живую біографію святаго спустя два столѣтія. Что же касается до Макарія, инока-полемиста XV вѣка, то онъ только пересказалъ Никитино сочиненіе. Обработка эта осталась неизвѣстною проф. Крумбахеру.

Къ бібліографіи твореній Андрея Критскаго слѣдуетъ теперь прибавить, что вскорѣ по восшествіи своемъ на архіепископскую кафедру онъ произнесъ слово περὶ λειτουργικῆς τάξεως, нынѣ уже не встрѣчающееся въ рукописяхъ. На Критѣ онъ воздвигъ храмъ во имя Бога Слова и Богоматери и назвалъ его Влахернами: καὶ αὐτὸς ἐκ βάρων ἀνεγείρει πάντων κάλλιστόν τε καὶ μέγιστον καὶ τῷ περικαλλεῖ τε καὶ ὑπερουρανίῳ τοῦ θεοῦ λόγῳ ἐμψύχῳ ναῶ τῇ θεομήτορι καὶ παρθένῳ τοῦτον ἀνατίθεισι, Βλαχέρνας θέμενος ὄνομα (f. 26). Выписка эта служить прекрасною иллюстраціею къ свидѣтельству Θεοδора пресвитера (VII вѣка): καὶ ἐν ἄλλαις πλείοσι πόλεσι τῆς θεοτόκου τινὲς τῶν εὐσεβῶν οἴκους ἀναδειμάμενοι Βλαχέρνας τοὺς τόπους κεκλήκασιν, ὡς λίαν ἐφηδομένης τῆς θεομήτορος Βλαχερνῶν τῷ ὀνόματι¹⁾. Значитъ, что постройка Влахернскихъ храмовъ, начиная съ V вѣка, производилась въ разныхъ пунктахъ имперіи не только въ VI и началѣ VII столѣтія, но и въ концѣ его. Кромѣ храма, Андрей построилъ еще пріютъ для престарѣлыхъ (ἔτι τε καὶ ξενῶνα ἐξ αὐτῶν χρηπίδων ἰδρύεται εἰς θεράπειαν γεγηραχότων) и другія сооруженія. Наконецъ, молитвами его арабскій флотъ былъ разбитъ во время осады Крита. Что, соб-

1) Ср. «Визант. Времени.», 1895 г., II. 589.

ственно говоря, при Андрѣ островъ подвергался сарацинскимъ набѣгамъ, заключаютъ обыкновенно изъ двухъ его словъ — слова на Обрѣзаніе Господне и св. Василія и на св. ап. Тита. Въ первомъ критскій пастырь говоритъ: ἐθνῶν φόβον ἀποδράσοιμεν, καὶ νῆσοι λυτρωσιν εἰσδέξονται αἱ τῆς ἐκκλησίας διὰ λοιμῶν ἀνδρῶν ἀκοσμίαν ἀφαιρέσεις εἰκόνων παθεῖσαι, ὑπὸ Ἀγαρηνῶν συγκινδυνεύσασαι¹⁾; во второмъ: οὗς (враговъ креста) βυθοῖς θαλάσσης ἄβυσσος ἐγκολπώσεται καὶ ναυμαχεῖν πειρωμένους, τοῖς αὐτῆς περιπτύξεται κύμασιν... αὐτὸς ὑπὸ χεῖρα τούτοις καθυποτάξει τὰ φύλα πάντα τὰ βάρβαρα τὰ τοῖς αἵμασι χείροντα... πρὸς δὲ καὶ ὁρατῶς τε καὶ ἀφανῶς ἐγχειρούντων ἡμᾶς πολεμεῖν ἐδελοκάκων ἐχθρῶν²⁾. Чудо св. Андрея, по Макарію Макри, представляется въ слѣдующемъ видѣ: Βαρβαρικοῦ στόλου τῇ νήσῳ ἐπιδημένου, καὶ αὐτῇ δὴ τῇ τοῦ μεγάλου ποιμνῆ ἐπιχειρήσαντος, καὶ κύκλω ταύτην τῶν πολεμίων διαλαβόντων, καὶ παντοίαν μηχανὴν καὶ ἐλέπολιν κεκινήκωτων, καὶ ὅλως δεινὴν τινα καὶ ἄφυκτον κατ' αὐτῆς πηξαμένων πολιορκίαν, οὐ μόνον ἀνωτέραν ταῖς εὐχαῖς τοῦ κινδύνου τὴν πόλιν πεποίηκεν, ἀλλὰ καὶ τοῖς βαρβάροις δεινόν τι καὶ φοβερόν ἐμβαλὼν δέος, οὕτω φεύγειν ἐπεισιδιώκοντος³⁾ μηδενός, ὡς ἐκ τῆς ἀτάκτου φυγῆς τε καὶ συγκλονήσεως τοὺς πλείστους διαφθαρῆναι καὶ τῇ θαλάσῃ καὶ ταῖς τῶν πολιορκουμένων χερσίν (f. 26 v.). Такимъ образомъ и самъ Андрей и его біографы согласно свидѣтельствуяютъ, что осада арабами острова была неудачна, что непріятельскій флотъ былъ разбитъ и вмѣстѣ съ экипажемъ частью утонулъ, частью достался грекамъ и только часть успѣла спастись бѣгствомъ. Хроника ничего не говорятъ о нашествіи арабовъ на Критъ въ концѣ VII столѣтія; поэтому были попытки истолковать вышеприведенныя фразы изъ рѣчей въ томъ смыслѣ, что слова эти написаны другимъ, болѣе позднимъ Андреемъ, жившимъ или пережившимъ иконоборческую эпоху. Но имѣя теперь агиографическое свидѣтельство въ пользу нашествия Сарацынъ на Критъ именно при Андрѣ, мы можемъ болѣе не сомнѣваться въ дѣйствительности происшествія. Быть можетъ только, что флотъ ихъ былъ не такъ великъ, нашествіе не такъ страшно и результаты его не столь тяжелы для враговъ и блестящи для критянъ, чтобы слухъ о событіи могъ выйти изъ области мѣстной исторіи, распространиться въ Константинополѣ и быть занесеннымъ въ политическую лѣтопись.

1) Migne. Patr. gr. t. 97 col. 932.

2) Migne. ibid. col. 1168—69.

3) ἐπεισιδιώκοντος cod.

Возвращаясь изъ столицы, Андрей прибылъ на о. Лесбось съ намѣреніемъ посѣтить землю Ἱερισσός, гдѣ и умеръ, не дойдя до Крита. По Минейному разсказу (и нашему Прологу), онъ умеръ ἐν τινὶ νήσῳ καλουμένη Ἱερισσῷ, τῇ πλησίον Μιτυλήνης.

IV. Житіе св. Филарета Милостиваго.

Несмотря на то, что Житіе св. Филарета (Βίον θεάρεστον καὶ πολιτείαν) написано близкимъ по времени человѣкомъ и существуетъ во многихъ греческихъ спискахъ¹⁾, оно остается доселѣ неизданнымъ. Древне-русскіе переводные списки Житія восходятъ къ XV вѣку²⁾, но они при всѣхъ ихъ достоинствахъ не лишены искаженій и пропусковъ и не могутъ вполне замѣнить подлинника.

Богатства Филарета описываются въ Житіи слѣдующимъ образомъ (въ слав. пропускѣ): ἦν τε αὐτῷ κτήνη πολλά· ζεύγη βοῶν ἑκατόν, βόες ἕτεροι ἑξακόσιοι, ἵπποι νομάδες ὠκτακόσιοι, τῆς δὲ ὑπηρεσίας αὐτοῦ ἵπποι καὶ ἡμίονοι ὀγδοήκοντα, πρόβατα χιλιάδες δώδεκα, προάστεια πεπληρωμένα ν' μονώτατα³⁾ πάντα καὶ πολλῆς τιμῆς ἄξια, καθὲ γὰρ ἕκαστον αὐτῶν πηγὴ ἦν βλύζουσα ἀπὸ κρυφῆς, ἀρδεύουσα πάντα τὰ χρειωδῶς ἐξ αὐτῆς ἔχοντα ἀρύεσθαι, οἰκέται πολλοὶ μετὰ γυναικῶν καὶ παιδῶν. Но вотъ на Пафлагонію и въ частности на родину Филарета Амнію (Ἀμνεία) напали арабы, и святой сталъ совершеннымъ бѣднякомъ: τοῦ δὲ θεοῦ παυσαμένου ταῦτα παρέχειν ἑκατονταπλασίονα τέλος πάντων διὰ τε τῆς τῶν Ἰσμηλιτῶν ἐπιδρομῆς διὰ τε ἐτέρων προφάσεων εἰς ἐσχάτην πενίαν ἐλήλυθεν. Но и въ такомъ положеніи Филаретъ отдалъ свою послѣднюю лошадь солдату Мусулію, когда тотъ долженъ былъ идти на войну противъ сарацынъ. Μετὰ γοῦν ὀλίγον χρόνον ἦλθε ἐκ τῶν βασιλευόντων κέλευσις πρὸς τοὺς ἐν ταῖς στρατείαις καταλεγόμενους ἐπιστρατεῦσαι κατὰ τῶν Ἰσμηλιτῶν, ληϊζομένων τότε τὸ τῶν Ῥωμαίων, τοῦ ἀδνομίου δὲ προσδοκωμένων⁴⁾, ἀπητοῦντο πάντες παρὰ τῶν ἀρχόντων τὰ τε δικάβαλλα καὶ τὰ ἄρματα ἀνελλιπῶς. εἰς δὲ τις τῶν στρατιωτῶν, Μουσοῦλιος ὄνομα, πτωχός... εἰς ἀπορίαν τοίνυν ἐσχάτην περι-

1) Cod. Vatic. № 17, X—XI в. (Pitra, p. 9), Paris. № 1510, XII в., № 1608, XIV в., № 162, XIV в. и пр. (Omont, II. 72—105, III. 226, 330), Taurin. № 201 (Pasinus, I. 301), Athon. Sacrasal. № 81 XV в. (этимъ спискомъ мы и пользуемся) и пр. Въ сокращенномъ новогреческомъ пересказѣ житіе издано въ Νέος Παράδεισος II. 376.

2) Моск. Дух. Акад. № 90 (декабрь), л. 2—27 об.

3) μονώτατα cod.

4) προσδοκωμένων cod.

πεσὼν ὁ στρατιώτης τῷ φόβῳ τοῦ ἀρχοντος καὶ μὴ ἔχων καὶ πόθεν ἀγοράσει... Простой земледѣлецъ, Филаретъ породнился съ императорскимъ домоу слѣдующимъ образомъ: κατ' ἐκεῖνον δὲ τὸν καιρὸν βασιλευούσης Εἰρήνης τῆς φιλοχρίστου σὺν ἀνακτὶ Κωνσταντίνῳ τῷ υἱῷ αὐτῆς ἀπεστάλησαν ἐν πάσῃ τὴν τῶν Ῥωμαίων ἐπικρατείᾳ ἀπὸ ἀνατολῶν ἕως δυσμῶν ζήτησιν ποιούμενοι κόρης ὠραιότητος, ἣτις ἦν ἀξία συνζευχθῆναι τῷ βασιλεῖ Κωνσταντίνῳ. Въ числѣ сорока невѣстъ находилась дочь нѣкоего Геронтиана (Геронτιανοῦ, ниже Гратиανοῦ, въ слав. Геронтіа, Геронтіева), которая однако не была допущена Ставракіемъ къ очамъ царевымъ, Σταυράκιον τὸν τῶν ἀνάκτων ἐπιστήθιον τὸν καὶ πᾶσαν πρόνοίαν ποιούμενον τοῦ ἱεροῦ παλατίου (въ чистѣй полатѣ). Выборъ Константина остановился на внукѣ Филаретовой, Маріи, которая и сдѣлалась его супругою. Въ дальнѣйшемъ славянскій текстъ опять значительно сокращенъ: τὴν δὲ δευτέραν (сестру Маріи) εἰς τῶν μεγιστάνων αὐτοῦ ὀνόματι Κωνσταντινάκιος τῇ τοῦ πατρικίου ἀξίᾳ τιμημένος, τὴν δὲ τρίτην ἀπέστειλαν πρὸς Ἀργοῦσιν τὸν τῶν Λογγιβάρδων βασιλέα μετὰ δώρων πολλῶν. οὗτος γὰρ ὁ Ἀργοῦσις ἦν αἰτησάμενος μνηστεῦσαι αὐτῷ ἀπὸ Κωνσταντινουπόλεως νεανίδος πρὸς γάμου κοινωνίαν, πλὴν καὶ τῷ κάλλει κεκοσμημένη καὶ τὸ εἶδος ὠραία, καὶ πενιχρὰ ἦ. Подъ Ἀργοῦσις разумѣется здѣсь герцогъ Беневентскій Аригизъ II (758—774—787). Назвать его лонгобардскимъ βασιλεύς'омъ было со стороны агиографа дѣломъ не политическимъ и прямо таки ошибочнымъ. Аригизъ клялся въ вѣрности византійскому императору и получилъ изъ Константинополя титулъ патрикія и инвеституру неаполитанскаго герцогства¹⁾; для Беневента онъ былъ *dux*, даже *rex* и *princeps*, но только не *imperator*; никакіе брачные союзы не могли дать ему такого титула. Мы имѣемъ нѣкоторыя свѣдѣнія, что Аригизъ жилъ не въ ладу со своею супругою и держалъ на сторонѣ любовницъ. По поводу расторженія брака императора Константина съ Маріею Θεодоръ Студитъ и его біографы писали: соблазнъ сей имѣлъ и другія слѣдствія: народы, привыкшіе все еще взирать на Византію съ ея принципомъ божественнаго самодержавія, какъ на образецъ для подражанія, пришли въ немалое смущеніе, услышавъ, что святой царь презрѣлъ такъ произвольно церковные каноны; *лонгобардскій король* (ὁ τῆς Λογγιβαρδίας ῥήξ), король готскій и намѣстникъ воспорскій приводили этотъ примѣръ для оправданія своихъ любов-

1) M. A mari. Storia dei musulmani di Sicilia. Firenze 1854, I. 188.

ныхъ связей¹⁾. Что же касается до отца Маріина Іоанна, то царь велѣлъ ему

σπαθάριον ὄντα τῷ βασιλικῷ (л. 19) спафарію суцу и надѣ
ἀξιώματι, ὁμοίως καὶ τοὺς ἐγγό- Маглавивоты также и внуцѣ
νους παραστῆναι ἐν τῇ τραπέζῃ: прѣдстояти у трапезы.

За сыномъ и внукой Филаретъ послѣдовалъ въ Константинополь. Здѣсь въ женскомъ монастырѣ Суда онъ заказалъ себѣ гробъ (ἐρχεται ἐν ἐνὶ τῶν μοναστηρίων τοῦ Βυζαντίου καλούμενον (?) Κρίσις, τινὲς δὲ καὶ Ῥοδοφυλίου τοῦτο προσαγορεύουσι) и вскорѣ умеръ; а черезъ 12 лѣтъ скончались въ монастырѣ Богородицы, около Пятыхъ воротъ, его внуки: ἐν τῇ μονῇ τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου πλησίον τῆς πέμπτου πόρτης²⁾. Извѣстно что церковь св. Андрея въ Судѣ (нынѣ ме-

1) Migne. Patr. gr., t. 99, col. 187, 252, 1013, 1660; Θεοδора Студита Творенія. Спб. 1867, I. 214; II. 606; Мухаммадъ. Житіе св. Θεοдора, гл. 14. Въ Житіи патр. Никифора (р. 160 Воог) говорится объ одномъ Таврическомъ намѣстникѣ.

2) Стати присоединимъ къ этому нѣсколько словъ о дальнѣйшей судьбѣ Маріи и ея потомства. Извѣстно, что императоръ Константинъ имѣлъ отъ Маріи двухъ дочерей; впоследствии онъ развелся съ женою, заточилъ ее въ монастырь (быть можетъ Гастрійскій) и женился на ея фрейлинѣ Θεοδοτῆ. Въ монастырской тиши внука Филарета пережила бурную жизнь своего мужа, вела переписку съ Θεοδορομъ Студитомъ и будто бы оставила памятникъ своего каллиграфическаго искусства въ видѣ двухтомной рукописи: четвероевангелія, нынѣ, къ сожалѣнію, неизвѣстнаго, и Дѣяній и посланій апостольскихъ вмѣстѣ съ Апокалипсисомъ въ толкованіи Андрея Кесарійскаго. Лично знакомые съ этою рукописью (cod. Athon. S. Pauli, № 2 in gr. -4°), мы можемъ сказать о ней слѣдующее: Первые 22 листа кодекса бумажные и писаны рукою XVII вѣка; далѣе слѣдуетъ пергаминъ съ изрѣдка встрѣчающимися также бумажными листами. На первомъ бумажномъ листѣ читаемъ: Ἡ βίβλος αὕτη περιέχει τὸ δεύτερον μέρος τῆς καινῆς διαθήκης ἤτοι τὰς πράξεις τῶν ἀποστόλων (посланія Іакова... Апокалипсисъ) ὁμοῦ μὲ τὰ ἐν τοῖς περιθωρίοις σχόλια Ἀνδρέου Καισαρείας: ἐγγράφη δὲ παρὰ Μαρίας βασιλίσσης ἐν ἔτει ω': +800. Затѣмъ на л. 1 об. идетъ краткая новѣйшаго времени Βιογραφία Ἀνδρέου Καισαρείας. Святой этотъ жилъ, какъ здѣсь сказано, περὶ τὰς ἀρχὰς τοῦ πέμπτου αἰῶνος, διήρκεσεν ἄχρι τοῦ πεντηκοστοῦ τοῦ αὐτοῦ ἤτοι φν' ἐπὶ τῆς βασιλείας Ἰουστίνου τοῦ Θρακῆς καὶ Ἰουστινιανοῦ τοῦ μεγάλου αὐτοκρατόρων, κατὰ τὴν πιθανωτέραν γνώμην τῶν ἐκκλησιαστικῶν ιστοριογράφων. Далѣе на л. 2 слѣдуетъ Ἰωάννου Ζωναρᾶ περὶ Μαρίας βασιλίσσης ἀντιγραφίας τὴν βίβλον ταύτην. Μετὰ τὸν θάνατον Λέοντος υἱοῦ Κωνσταντίνου καββαλίνου (κοπρώνυμου) διεδέχθη τὴν βασιλείαν Εἰρήνην ἢ αὐγούστα μετὰ τοῦ υἱοῦ αὐτῆς Κωνσταντίνου. παιδίον χρόνων δέκα. καὶ θέλουσα μνηστεῦσαι εἰς τὸν υἱὸν τῆς νύμφης ἐπεμψε πρὸς Κάρουλον ῥῆγα Γαλλίας προξενῶντας εἰς τὸν υἱὸν του(;)τὴν θυγατέρα του. ἀλλ' ἐπιθυμοῦσα ἵνα βασιλεύῃ αὐτὴ καὶ φοβουμένη μήπως διὰ τὴν συγγένεσταν (συγγένειαν;) ἤθελε λάβῃ ὁ υἱὸς τῆς τὴν βοήθειαν τῶν Φράγκων ἀφῆκε τὴν συναλλαγὴν ταύτην καὶ κατὰ θεῖαν νεῦσιν ἔφερεν ἀπὸ τὴν ἰδίαν μίαν κόρην ἐκγονον τοῦ ἁγίου Φиларέτου τοῦ διαβοῆτου εἰς ἐλεημοσύνας καὶ ὑπάνδρευσεν αὐτὴν μὲ τὸν υἱὸν τῆς Κωνσταντίνου, ἐκαλεῖτο δὲ ἡ κόρη Μαρία. φθάσας δὲ εἰς ἡλικίαν ὁ Κωνσταντίνος καὶ ποιήσας διαφόρους πολέμους. ἡ Εἰρήνη οὐσα φιλότιμος καὶ ποθοῦσα νὰ διοικῆ αὐτὴ τὴν βασιλείαν ἐσυμβούλευσε τὸν υἱὸν τῆς νὰ διώξῃ τὴν σύζυγόν του βασιλίссαν Μαρίαν διὰ νὰ ἤθελε μισθῆ ἀπὸ οἶους καὶ καταντίδῃ πάλιν εἰς αὐτὴν ἡ διοίκησις τῆς βασιλείας. Ὅθεν ὁ Κωνσταντίνος ἀπέδιωξε τὴν βασιλίссαν Μαρίαν καὶ τὴν ἐβίασε μὲ κάθε τρόπον, νὰ γίνῃ καλο-

четь Хаджи-Мустафы), между Силиврійскими и Золотыми воротами, внутри города, построена была Ариадною, сестрою императора Тео-

γραία. ὡς δὲ ἐξεδύθη ὑμνή τοῦ βασιλέως Μαρία τὰ βασιλικά ἄμφια ἐνεδύθη, μὴ θέλουσα τὰ μοναχικά ῥάσα, καὶ ἀνελθοῦσα εἰς μοναστήριον ἐδικὸν τῆς ἡσύχασε καὶ ἔδειξε πολλὴν ἀσκησιν ἀρετῆς. διότι ἦτον παιδιόθεν πεπαιδευμένη τὴν θείαν γραφὴν καὶ ἐγράφησεν ὠραίως καλλιγραφοῦσα καὶ τῷ θεῷ εὐαρεστοῦσα ἄχρι τελευταίας αὐτῆς ἀναπνοῆς. Αὕτη καλλιγράφητο καὶ τὴν παροῦσαν ἱερὰν βίβλον, ἧτοι τὰ ἅπαντα τῆς νέας διαθήκης εἰς τόμους δύο, εἰς μὲν τὸν α' τὰ τέσσαρα ἱερὰ εὐαγγέλια μετὰ τῶν σχολίων ἐν τοῖς περιωρίοις, εἰς δὲ τὸν β' τὰς πράξεις καὶ ἐπιστολάς τῶν ἀποστόλων καὶ τὴν ἱερὰν ἀποκάλυψιν τοῦ θεολόγου Ἰωάννου, μετὰ τῶν ἐν περιωρίοις σχολίων, ἅτε ὁ ἱερός Ἀνδρέας ἀρχιεπίσκοπος Καισαρείας Καππαδοκίας ἐρανισθεὶς παρὰ τῶν τοῦ θεολόγου Γρηγορίου τὰ πλεῖστα καὶ παρ' ἄλλων σχολιαστῶν τῶν πρὸ αὐτοῦ ἐπιμελῶς συνάψας συνέθετο. Ὁ δὲ βασιλεὺς Κωνσταντῖνος τυφλωθεὶς παρὰ τῆς μητρὸς του, ἐγένεν ἡλίου ἔκλειψις ἡμέρας 17, καὶ μοναρχήσασα ἡ Εἰρήνη ἐτῆ 5 ἐξορίσθη εἰς Μιτυλήνην. Ἡ δὲ μακαρία Μαρία ἐγράφη τὸ παρὸν τεῦχος ἐν ἔτει 800 καὶ πρὸς. В самомъ концѣ рукописи на пергаментномъ листѣ, по другимъ, болѣе блѣднымъ, чернилами и другимъ, болѣе толстымъ, каламомъ записано:

σταυ
ρῆ
φύ
λαττε
βασίλισ
σαν
Μα
ρίαν

а съ боку поаднею рукою сдѣлано примѣчаніе: Μαρία ἡ ἔκγονος Φιλάρετου τοῦ ἐλεήμονος, γυνὴ δὲ γενομένη Κωνσταντίνου βασιλέως. . . . ἔλαβε τὸ ἀγγελικὸν σχῆμα, ἡσύχασε ἐν μοναστηρίῳ ἐν Βυζαντίῳ. Центръ тяжести въ приведенныхъ выпискахъ лежитъ такимъ образомъ въ записи Маріи и въ ея «біографіи Іоанна Зонары». Само по себѣ нисколько не удивительно, если внука Филарета могла переписать Новый Заветъ, а Зонара видѣть этотъ кодексъ и приложить къ нему біографическія свѣдѣнія о царственной переписчицѣ, которыя затѣмъ, въ турецкое время, были переложены на новогреческій языкъ и въ такомъ именно видѣ и сохранились въ настоящее время, тогда какъ «подлинная записка» Зонары утратилась. Но вотъ какія соображенія заставляютъ насъ недовѣрчиво отнестись къ напечатаннымъ здѣсь текстамъ: 1) Письмо рукописи, какъ намъ показалось, болѣе поздняго времени; старый минускуль тонкій, мелкій и красивый; 2) свѣдѣнія Зонары о бракѣ и разводѣ Маріи здѣсь такого характера, что они могли быть лишь позднѣйшею блѣдною обработкою того матеріала, который данъ въ хроникѣ этого писателя (ed. Dind. III. 358, 365); 3) въ записи самой Маріи нѣтъ даты, а трудно допустить, чтобы Зонара въ XII вѣкѣ могъ знать точно годъ списанія кодекса (если только цифры не было въ концѣ недодешаго четвероевангелія). — Одна изъ дочерей Маріи Евфросинія была впоследствии замужемъ за императоромъ Михаиломъ II (820—829) и въ санѣ августы звала свою мать изъ монастыря къ себѣ во дворецъ, но Теодоръ Студитъ не совѣтовалъ послѣдней идти въ міръ (Теодора Студита Творенія, II. 466—468). Евфросинія послѣ женидбы ея сына Теофила на Теодорѣ ушла въ Гастрійскій монастырь (W. Regel, Anal. p. 5), быть можетъ къ своей матери. Сестра ея Ирина была замужемъ за патрикіемъ и стратигомъ въ Арменіи, а потомъ въ Греціи; по смерти мужа она также ушла въ монастырь, гдѣ была настоятельницаю, и скончалась около 821 года. Съ нею также переписывался Теодоръ Студитъ — по вопросамъ каноническимъ, стоявшимъ въ связи съ незаконнымъ бракомъ Константина на Теодотѣ (Теод. Студ. Творенія II.

досія II¹). Изъ Житія Филарета слѣдуетъ, что этотъ монастырь, расположенный въ мѣстности «Судъ» и потому называвшійся просто монастыремъ Суда или Розолистнымъ, былъ монастырь женскій, во главѣ котораго стояла игуменья. Замѣчательно, что и въ XIII в. въ немъ устроенъ былъ придѣлъ великомуч. Андрея также женщиною— Теодорою Раулевою²). Что же касается до Богородицина монастыря около Пемптіискихъ, давно заложенныхъ, воротъ (между Адрианопольскими и воротами св. Романа), то монастырь этотъ находился гдѣ-то около церкви Флора и Лавра.

V. Перенесеніе мощей св. Евфиміи.

Простой, живой и интересный рассказъ Тійскаго епископа Константина, современника перенесенія мощей св. Евфиміи изъ Лимна въ Константинополь (при имп. Иринѣ и Константинѣ), изданный въ Acta Sanctorum³), на почвѣ Византіи подвергся пересказу уже извѣстнаго намъ іеромонаха Макарія Макри: въ cod. Athon. Vator. № 550, 1422 г. (л. 228 об.); въ заглавіи сказанія значится: συναγραφή τῶ ἐπιμνήμα τοῦτο παρὰ τοῦ σοφωτάτου ἐν ἱερομονάχοις κὺρ Μαχαρίου τοῦ Μακρῆ (Ἀλλὰ πῶς ἄν τις μάλλον). Пересказъ значительно сокращенъ: такъ въ немъ опущены свѣдѣнія о мученіяхъ патріарха Германа, о мѣстоположеніи храма Евфиміи, о тайномъ почитаніи иконъ сестрами и дочерьми Льва Исавра, о византійской гавани τῶν λεγομένων Σοφῶν⁴), о Константинѣ Копронимѣ и его преемникѣ, о надписи двухъ братьевъ на мраморѣ, о комитѣ Анастасіи и о митрополитѣ Андреѣ; рассказъ собственно о перевезеніи мощей съ острова у Макарія представленъ также очень кратко. Допущены кой-какія мелкія отступленія отъ оригинала: напр., Сергій и Сергона (Σερῶνας, у Макарія Σαρῶνας), по Константину, только ѣхали въ лодкѣ около

280—283, 295, 525—527). Вся семья—Константинъ, Марія, Ирина и Евфросина, равно какъ дочь Теофила Анна и отецъ Іоанна Цецеса (Chiliad. V. 17), погребены вмѣстѣ въ константинопольскомъ Ливадійскомъ (τῶν Λιβιδίων) монастырѣ Евфросины въ гробницѣ изъ воніанскаго камня (Banduri, Imp. Orient. I. 124, II. 816; Migne, Patr. gr. t. 157 col. 737, 740).

1) Кондаковъ, стр. 161.

2) О монастырѣ Du-Cange, Fam. Byz. 252; Notae ad. Niceph. Gregor. II, 1184; ad Zonar. VI. 41.

3) AA. SS. Boll. 5 сент., V. 274—283 по cod. Vatic.; на Аеонѣ мы имѣли подъ руками cod. Laur. A. 79, XIII в., л. 129—136.

4) Обыкновенно она называется λιμὴν τῶν Σοφίας (Teoh. I. 368), ὁ τῆς Σοφίας λιμὴν (Leo diac., 84 B), ὁ τῶν Σοφῶν λιμὴν (Cedr. I. 716).

столицы, — по Макарію, они были рыболовы. Для образца передѣлки приводится здѣсь нѣсколько параллельныхъ мѣстъ.

(По Константину) Императоръ Левъ Исавръ ἐπὶ τὸν Βουκολέοντα διαβιβάσας ἔρριψεν (мощи Евфиміи) ἐν τῷ τῆς θαλάσσης ρεύματι καὶ τῇ ἐπαύριον σελέντιον ἀσεβές ποιησάμενος¹⁾.

Принявъ мощи въ лодку, Сергіи и Сергона ἄραντες οὖν τὰ ἱστία κατέπλεον ἐξελεθεῖν βουλόμενοι τὸ τῆς Ἀβύδου στόμιον.

τὸ ἄκρον τῆς νήσου (Лимна), ἐν ᾧ τραχὺς ὑπῆρχε καὶ ναυαγώδης τόπος.

Лимнскій епископъ ἦν οἰκοδομήσας ἐν τοῖς χρόνοις ἐκείνοις σεβάσιμον τέμενος.

По перенесеніи мощей въ столицу онѣ были расхищены дочерьюми царя (по Макарію: дочерьюми царицы) и другими,

ὡς καὶ τὴν χεῖρα τὴν ἁγίαν δι' ἣς τὸν τόμον ἐδέξατο ὑπὸ Νικήτα πατρικίου τὸ ἐπίκλην Μονομάχου ἐν τῇ Σικελῶν νήσῳ τῇ μάρτυρι ναὸν δευμαμένῳ ἀναθέσθαι φασί.

Последняя фраза заслуживаетъ особеннаго вниманія. Тійскій епископъ подъ дочерьюми *царя*, какъ кажется, разумѣетъ извѣстныхъ уже намъ Ирину и Евфросинію, хотя онѣ могли быть во время событія еще очень маленькими; напротивъ, Макарій говоритъ о дочеряхъ *царицы*, то есть, безъ сомнѣнія, Ирины, но такихъ не было: ясно, что Макръ допустилъ существенную неточность. Затѣмъ изъ словъ Константина слѣдуетъ, что Никита Мономахъ частицу руки св. Евфиміи взялъ себѣ, а по пересказу Макарія, онъ отдалъ ее тогдашнему со-

(По Макарію) Императоръ, принося мощи ἐπὶ τὸ μέρος τῆς πόλεως, ὃ Βουκολέοντα καλεῖν εἰώθασιν οἱ πολλοί, μετὰ τοῦ φέροντος κιβωτίου τῷ τῆς θαλάσσης ῥωθίῳ δίδωσιν.

ἄραντες πλήρεσιν ἱστίοις ἐπὶ τὴν Προποντίδα κατέπλεον καὶ οὐ πρότερον ἔστησαν πρὶν τὸν Ἑλήσποντον φθάσαι καὶ ἐνορμίσαι τὸ σκάφος τῷ τῆς Ἀβύδου λιμένι.

τῷ ἄκρῳ τῆς νήσου τραχεῖ καὶ πλήρει σπιλάδων ὄντι.

ἄρτι ναὸν κάλλιστον ἰδρυσάμενος.

Патрикій Никита Мономахъ взялъ ея руку, δι' ἣς τὸν ἱερόν τόμον ὤρεξε τῇ θεῖᾳ συνόδῳ τηникаῦτα κτησάμενον ἐπὶ Σικελίαν διαβιβάσαι καὶ ἐπ' αὐτῇ ναὸν κάλλιστον ἀνεγείραι τῇ μάρτυρι.

1) Теофанъ (I. 439) и Георгій р. 662 Миг.) называютъ въ этомъ случаѣ Константина Копронима.

бору (конечно, VII вселенскому). Если въ этомъ случаѣ іеромонахъ освѣдомленъ менѣе епископа, то выходитъ, что перенесеніе мощей произошло именно въ 796 г., какъ мы привыкли доселѣ считать, а не въ 788 году. Однако традиція говоритъ, что тѣло Евфиміи положено было въ храмъ ея имени, около Ипподрома, и здѣсь находилось до неизвѣстно какого времени; потомъ оно оказалось почему-то въ землѣ, найдено въ 1190 году и перенесено въ лавру Космы и Даміана (около Влахернъ): «се же отъ сего 10-е лѣто явившия отъ земля плотию: не вѣдѣху бо ея, гдѣ (= когда) положена бысть»¹⁾.

VI. Житіе Теофилакта Никомидійскаго.

Бароній, располагавшій малыми свѣдѣніями о св. Теофилактѣ, склоненъ былъ относить его ко временамъ Льва Исавра; но съ появленіемъ *Μνήμη*²⁾ дѣло перемѣнилось, тѣмъ болѣе что память оправдалась пересказомъ святогорца Никодима (XIX в.), основанномъ на *Житіи* Никомидійскаго архіепископа³⁾. Мы имѣли возможность прочитать это основное Житіе въ Аѳонскомъ Діонисіевомъ монастырѣ (cod. № 143, XVII в. л. 52—60: Ἄλλοις μὲν ἄλλαι βίωσι) и можемъ сообщить слѣдующія свѣдѣнія о памятникѣ. Βίος написано не современникомъ, мало знавшимъ о святомъ и болѣе распространяющимся о патриархахъ Тарасіи и Никифорѣ и объ императорахъ, начиная съ Ирины и кончая Θεодорою. Тѣмъ не менѣе въ немъ есть нѣсколько интересныхъ данныхъ. Въ Константинополѣ Теофилактъ близко сошелся съ τῷ βασιλικῶν ἐντυχάνων μυστογράφῳ Тарасіемъ; по *Μνήμη* и Синаксаристу, Тарасій былъ тогда πρωτασηκρητίς, но это одно и то же, такъ какъ, по Житію Тарасія, онъ состоялъ въ должности перваго секретаря царскихъ тайнъ. Поставленный во архіепископа Никомидіи, Теофилактъ εἰκους ἀνεγείρας ἐν ταύτῃ τῇ πόλει διαφόρους καὶ εὐκτήριον ναόν (во имя Космы и Даміана), κλίνας τε καὶ στρομνάς ἀποθέμενος τούτοις, ἰατροὺς καὶ ὑπηρέτας καταστησάμενος καὶ τὴν ἄλλην ἅπασαν χρεῖαν, ἧς ὁ ἐνδεὴς ἐπαρκεῖται λαός, ὅπερ ἰατρεῖον ἐξ ἐκείνου καὶ μέχρι τῆς δεῦρο περίεστι. Затѣмъ онъ, очевидно по примѣру своего учителя, ἐκάστω μηνί τὴν τροφήν πᾶσιν ἐδίδου ἀπαράσπαστόν τε καὶ ἀδιάλειπτον. Не менѣе любопытенъ и слѣдующій заведенный имъ обы-

1) Антоній Новгородскій, изд. П. Саввантова, ст. 133—134.

2) Combefis. Hist. haer. monoth. (Auct. nov.). Paris. 1648, II. 1029—1032.

3) Συναξαριστής (Αθήν. 1868), II. 20—21.

чаѣ: ἐν δὲ τῇ ἑκτῇ ἡμέρᾳ τῆς ἐβδομάδος λουτρῶ τούτοις τῶν πόνων τὴν ἰασιν ἐδαψίλευε· λέντιον γὰρ χριστομιμήτως διαζωννύμενος εὐχῆς καὶ ὀλονύκτου ἰκεσίας τελουμένης καὶ φιάλης τῶ λουτρῶ θερμῶν προκειμένης ὑδάτων πάντα τοὺς νόσφ κατεληκμένους καὶ λώβῃ βαρεῖα πειζομένους οἰκείαις χερσὶ προθύμως ἀπέσμηχε. Императоръ Левъ Армянинъ очень сурово встрѣтилъ патриаршихъ посланцевъ: Евѳимія Сардскаго, Емилиана (cod. Αἰλιανός) Кизическаго, Иосифа Солунскаго, Евдоксія Аморійскаго, Михаила Синнадскаго и Теофилакта Никомидійскаго, пытавшихся заступиться за иконопочитаніе, ударилъ послѣдняго по лицу и сослалъ его въ Стровилъ (въ оемѣ Киверріотовъ¹⁾), гдѣ καὶ φασὶ αὐτὸν τριάκοντα σχεδὸν ἔτη τῇ ὑπερορίᾳ διηυχέναи. При Θεοдорῆ и патриархѣ Меѳодіи тѣло его принесено въ Никомидію καὶ κατατίθεται ἐν τῷ ὑπ' αὐτοῦ κτισθέντι ναῶ Νικομηδείας τῆς πόλεως.

VII. Житіе св. Евдокима.

Житіе Евдокима, изданное нами по списку Московской Синодальной бібліотеки (№ 382, 1063 г. л. 125—136: *Εὐδοκίμου τοῦ κατὰ θεόν*), какъ было уже замѣчено²⁾, есть произведеніе Симеона Метафраста съ весьма незначительнымъ историческимъ содержаніемъ. Но, благодаря имени знаменитаго пересказчика, оно пользовалось громадною извѣстностью, сохранившись и доселѣ во множествѣ списковъ XI и слѣдующихъ столѣтій. Теперь мы можемъ уже опредѣленно высказаться, что сочиненіе Метафраста есть именно только пересказъ Житія, а подлинникъ сохранился, кажется, въ одной только рукописи—Аѳонскаго монастыря св. Діонисія (№ 228, XV в. л. 219—240: *Εἶτα εἰ γραφική μοι*), съ которой мы имѣемъ теперь списокъ. Подлинное Житіе, къ сожалѣнію, анонимно; изъ него можно только заключить, что агіографъ жилъ въ Константинополѣ. Написано оно въ духѣ классическихъ традицій, которыя мы привыкли читать въ сочиненіяхъ діакона Великой Церкви Игнатія. Обиліе красисовъ и энклитикъ (γε, πη, πως), въ томъ числѣ энклитическаго мѣстоименія (οί, τφ), форма предлога ἐς, упоминаніе классическихъ именъ (Ахиллесъ, Хиронъ, Платея, Одиссей, Афродита),—все это заставляетъ думать, что если мы имѣемъ здѣсь перо не Игнатія, то, безъ сомнѣнія

1) Другой Стровилъ находился около Солуны (*Eustathii Thessal. Opuscula, ed. Tafel, p. 358*).

2) Памятники Древней Письменности, 1898, ХСVI, стр. I.

стиль той Тарасіевой школы, изъ которой вышелъ агіографъ Тарасія и Никифора. — Весьма замѣчательно, что анонимный агіографъ ни разу не обмолвился насчетъ имени императора, который назначилъ Евдокима на должность командира одной изъ ротъ Каппадокійскаго баталіона. Это обстоятельство показываетъ, что біографъ не былъ поклонникомъ Теофила; да и трудно было въ то время сочувствовать императору, иконоборныя увлеченія котораго сдѣлали его ненавистнымъ въ глазахъ подданныхъ. Невольно при этомъ припоминается Житіе Григорія Декаполита, анонимный авторъ котораго, имѣющій какую то связь съ Игнатіемъ, также тщательно умалчиваетъ о иконоборческихъ императорахъ. Наиболѣе важныя мѣста Житія суть слѣдующія: родители Евдокима *πρὸς τῶν κρατούντων εἰς τιμὴν ἑλαχον πάνυ γέ τῳ τότε τῶν τιμιωτάτων βασιλεῦσι τυγχάνοντα καὶ σχεδὸν τὰ πρῶτα παρ' αὐτοῖς φέροντα* (f. 220 v.), а самъ онъ *τιμᾶται πρὸς τοῦ βασιλέως οὐκ ἐλαχίστου τοῦ τῆς Καππαδοκίας κλίματος στρατοπεδαρχεῖν* (f. 227 v.), однако о резиденціи его въ Харсианѣ здѣсь ничего не говорится. Мы можемъ лишь догадываться, что если Евдокимъ, будучи Каппадокійскимъ стратопедархомъ, умеръ въ Харсианѣ, то вѣроятно онъ здѣсь и имѣлъ постоянную квартиру; поэтому свидѣтельство Метастраста *καὶ περὶ τὸ καλούμενον Харσιανὸν διατρίβων* (въ качествѣ критіης) мы считаемъ тоже не болѣе, какъ его догадкою¹⁾. *Τίς δ' ἄλλη παρθένος τὴν μοναδικὴν πολιτείαν προελομένη... τοῦ σεμνείου, ἐν ᾧ διήγεν αὐτή... Μαντίναιον ἢ κλήσις τούτῳ γε ἦν* (f. 238 v.), у Симеона: *Παρθένος τις σεμνείου, ὃ τὸ Μαντίναιον*²⁾ *ἐκαλεῖτο ἀφηγουμένη* (р. 22). Гдѣ находился этотъ монастырь, съ точностью неизвѣстно. Мы въ свое время высказали догадку, что онъ стоялъ около ликаонскаго озера Татта. По Кедрину (II. 497), онъ находился въ Вукелларіи (*ἐκ Μαντινείου τῆς ἐν βουκελλαρίῳ μονῆς*); Вукелларіемъ же называлась область на границѣ Виѳиніи и Галатіи, какъ видно изъ житія св. Никифора Милесійскаго: *χώρας τῆς τῶν Μαρυανδηῶν ὄρητο, εἶτον Βουκελλαρίων, κόμη δ' αὐτῶ Βασιλείον (= Βασιλείον, Ἰουλιούπολις) προσαγορευομένη*³⁾; озеро же Татта принадлежало столько же Ликаоніи, сколько и Галатіи, — поэтому мы имѣемъ основаніе остаться при первоначально высказанномъ предположеніи, а именно, что монастырь

1) Надписи на двухъ письмахъ М. Пселла τῷ κριτῇ τοῦ Харсиνοῦ (Sathas: Biblioth., V, 308, 370), быть можетъ, слѣдуетъ читать Харсианоῦ.

2) Такъ cod. Jber. и Vator., cod. Mosq.: Μαντίνειον.

3) *Analecta Bollandiana*, XIV. 134.

Мантинійскій находился между Каппадокіею и Византіею, точнѣе—на границѣ Галатіи и Вивенніи. Τὸν ἰκέσιον πρόσδεξαι τοῖς εὐσεβῶς ἡμῶν βασιλεῦσι καθ' ὁρατῶν ἐχθρῶν καὶ ἀοράτων συνίστασο (f. 239 v.), такъ выражается агіографъ въ концѣ Житія, обращаясь въ молитвенномъ настроеніи къ Евдокиму. Подъ βασιλεῖς, вѣроятно, разумѣются имп. Михайлъ и Θεодора, при которыхъ совершилось пренесеніе мощей св. Евдокима изъ Харсіана въ Константинополь, хотя конечно, какъ обычная формула, это можетъ относиться и къ одному императору.

Разсматривая взаимоотношеніе между оригиналомъ и его пересказомъ, мы прежде всего видимъ, что подлинникъ очень подробно говоритъ обо всемъ, о чемъ Метафрастъ замѣчаетъ лишь вкратцѣ, и даже о нѣкоторыхъ вещахъ, которыя опущены въ передѣлкѣ, напр., о значеніи цифры 33, числѣ лѣтъ жизни Евдокима. Но съ другой стороны мы встрѣчаемъ у Симеона двѣ прибавки, не находящіяся въ подлинникѣ,—это причитаніе матери надъ гробомъ сына и свидѣтельство, что церковь Богородицы, куда перенесены были въ серебряной ракъ мощи Евдокима, построена его родителями. Само собою разумѣется, что Метафрастъ не могъ не восполнить столь естественнаго пробѣла въ оригиналѣ, какъ плачь матери надъ гробомъ сына; но что касается до втораго факта, то онъ наводитъ на мысль, что агіографъ написалъ Житіе еще до постройки церкви, тогда какъ Симеонъ, уже знавшій о храмѣ и мощахъ Евдокима здѣсь, говоритъ объ этомъ какъ свидѣтель. Такимъ образомъ можно думать, что Богородичная церковь была построена Василиемъ и Евдокіею около половины IX столѣтія. О мѣстоположеніи храма можно было догадываться на основаніи контекста нашего паломника XII в. Антонія Новгородскаго, который помѣщаетъ его между монастыремъ Дія (у Силиврійскихъ воротъ) и воротами св. Романа ¹⁾, т. е. около Меландисійскихъ воротъ. Но такой догадкѣ противорѣчитъ свидѣтельство анонима русскаго паломника XIII вѣка, опредѣленно помѣщающаго женскій монастырь (очевидно во имя Богородицы) съ мощами Евдокима близъ Золотыхъ воротъ ²⁾. Находясь въ полномъ недоумѣніи относительно дѣйствительнаго мѣстоположенія храма, мы съ тѣмъ боль-

1) Путешествіе Антонія, изд. П. Саввантова, ст. 124.

2) Бесѣда о святыхъ Цареграда, изд. Л. Майкова, Спб. 1890, стр. 20. Иосифъ Врѣнній, говоря о мощахъ въ Константинополѣ, упоминаетъ ὡς τὰ τῶν ἁγίων Εὐδοκίμου καὶ Μιχαήλ (Ἰωσήφ μοναχοῦ τοῦ Βρυεννίου τὰ εὐρεθέντα, ἐκδ. ὑπὸ Εὐγενίου τοῦ Βουλγάρου. Ἐν Λε:ψίδ. 1768, II. 35), но изъ этого ничего опредѣленнаго вывести невозможно.

шимъ удовольствіемъ обращаемся къ новому свидѣтельству—Типику св. Софіи, IX вѣка. Здѣсь подъ 31 іюля, днемъ памяти святаго, значится: τοῦ ὁσίου Εὐδοκίμου τοῦ ἐν τῷ Ἐξακλίονῳ¹⁾. Итакъ мѣстность, гдѣ лежали мощи св. Евдокима, называлась Ексаκλίоніемъ. К. фонъ-Бооръ страннымъ образомъ счелъ эту мѣстность лежащую совсѣмъ не въ Константинополѣ²⁾. Бандури, Дюканжъ и др. вслѣдъ за Кодиномъ считали болѣе правильнымъ чтеніе не Ἐξακλίονιον и не Ἐξακλίονιον, а Ἐξωκλίονιον, толкуя это слово такъ, что статуи были поставлены императоромъ Константиномъ *отъ* земляной стѣны. Между тѣмъ образованіе этого слова совершенно аналогично со словами Ἐξμίλιον и Ἐξαίπιον, тоже мѣстностями въ Константинополѣ: и въ томъ и въ другомъ случаѣ первыми двумя составными частями являются ἐξ + α copulativum (ср. ἐξ + ἄ + βιβλος и пр.); такимъ образомъ мы имѣемъ мѣстности Шестистолпную, Шестимильную и Шестиконную. Гдѣ же въ Константинополѣ находилась мѣстность (или часть стѣны) Шестистолпная? Жилъ помѣщаетъ Шестистолпный кварталъ на пятомъ холмѣ, въ одиннадцатой части города, подъ Евдомомъ, стало быть, въ Фанарѣ, и это положеніе принимается Бандуриемъ. Но если это такъ, то затрудненія по вопросу о дѣйствительномъ мѣстѣ мощей св. Евдокима еще болѣе усложняются: вмѣсто двухъ несогласныхъ свидѣтельствъ получается три. Къ сожалѣнію, Дюканжъ, собравшій массу свидѣтельствъ объ Ексаκλίоніи (II. 171), не высказалъ своего мнѣнія по занимающему насъ вопросу. Весьма важно отмѣтить здѣсь, что по Кольбертинскому кодексу «Древностей» Ексаκλίоній названъ *χερσαίων τεῦχος*, а у Кодина — *χρύσεον τεῦχος*, чѣмъ, повидимому, и можно объяснить свидѣтельство Майковского анонима.

VIII. Житіе св. Михаила Малеина.

Болландисты не знали Житія св. Михаила и вообще имѣли о немъ самыя скудныя свѣдѣнія. Въ новогреческомъ сокращенномъ пересказѣ Житіе его съ издавна печаталось въ Калокерини³⁾, но не могло

1) Н. Красносельцевъ, въ Лѣтоп. Новоросс. Университета, Византійск. отд. Одесса 1892, I. 183; А. Дмитриевскій. Описаніе литургическихъ рукописей. Топикъ. Кіевъ 1896, I. 98. Въ рукописи: Ἐξακλίονῳ.

2) Theophan. Chron. II. 603, 650.

3) Καλοκαιρινή, ὑπὸ Ἀγαπίου μοναχοῦ. Ἐν Ἐνετίῃσι 1818, σ. 201—211. На основаніи этого пересказа составлена брошюра архіеп. Сергіемъ (ср. «Виз. Врем.», 1896, III. 399—400).

быть источникомъ по самому свойству передѣлки; въ славянскомъ Прологѣ (подъ 12 іюля) мы имѣемъ обширную Память, написанную въ Россіи при царѣ Михаилѣ Θεοδωροβιτς, который былъ тезоименникомъ святаго¹). Оригинальное Житіе Михаила Малейна (*Βίος καὶ πολιτεία καὶ ἀσκησις τοῦ ὁσίου καὶ θεοφόρου πατρὸς ἡμῶν Μιχαὴλ τοῦ Μαλείνου, συγγραφεὶς ὑπὸ Θεοφάνου μοναχοῦ μαθητοῦ αὐτοῦ. Οὐκ ἔργοις χρὴ μόνον θαυμάζειν*) мы читали въ Аѳонскихъ рукописяхъ Ватопедскаго монастыря (№ 550, 1422 г., л. 238 об.—259 об.) и Лавры (Δ. 79, XIII в., л. 136 об.—148). Вотъ существенныя стороны разбираемаго памятника. Михаилъ родился въ Харсіанѣ Каппадокійскомъ, о которомъ замѣчено: *ἔρμα μὲν ὑπάρχον ἀνεπιχειρήτων καὶ βαρβαρικαῖς ἐφόδοις δυσπρόσιτον, ἀφ' ἑαυτοῦ δὲ τῇ χώρᾳ πάσῃ μεταδεδωκὸς τοῦ ὀνόματος καὶ τὴν παλαιὰν κλήσιν ἐναποσβέσαι φιλονεικοῦν*. Русскій книжникъ, не зная разбираемаго здѣсь Житія, ограничился замѣчаніемъ: «Отечествомъ же коего града или веси, откуда бѣ, не избрѣтено бысть». Предки его были богаты и знатны: дѣдъ по отцу былъ Евстаѳій, *τὸν ἐν πατρικίοις μέγα κτησάμενον ὄνομα καὶ ἐν στρατηγίαις περιφανῶς διαπρέψαντα*, а по матери Адралестъ (*Ἀδράλεστος*), *τὸν τῇ αὐτῇ μὲν τῶν πατρικίων ἀξία τιμημένον, στρατηλάτην δὲ τῆς ἀνατολῆς ἀπάσης διὰ τὸ τῆς ἀνδρείας καὶ φρονήσεως ὑπερβάλλον γενόμενον*; бабка его происходила изъ царской крови, будучи родственницею императора Романа. Появленіе въ Житіи именъ Евстаѳія и Адралеста — несомнѣнное приобрѣтеніе для генеалогической исторіи византійской аристократіи. Патрикій Евстаѳій, безслѣдно прошедшій въ греческой хронографіи, извѣстенъ былъ въ свое время и именитостью своего рода, и военными заслугами передъ имперіею; родоначальникомъ фамиліи Малейновъ пока можетъ считаться Никифоръ Малейнъ, извѣстный своимъ укрощеніемъ мятежа армянина Самбата въ 866 году (*Geogr. Namart. 745*); Евстаѳій могъ быть ему сыномъ или братомъ. Правда, въ Житіи онъ Малейномъ не называется, но свидѣтельство агіографа, что Малейнъ былъ внукомъ Евстаѳія по отцу, говоритъ въ пользу этого положенія. Затѣмъ, судя по мѣсту рожденія Михаила, родиною Малейновъ былъ Харсіанъ или во всякомъ случаѣ

1) Проложное житіе въ извлеченіи у Ф. Терновскаго. Изученіе визант. ист. I. 205—214; въ русскихъ рукописяхъ встрѣчался и канонъ Михаилу Малейну; но одна такая рукопись вмѣстѣ съ апокрифическимъ сказаніемъ о птицахъ была, какъ кажется, сожжена по распоряженію правительства XVII вѣка (Памятн. Др. Письм., СХVI, стр. ХХV).

Каппадокія; это можно подтвердить и тѣмъ соображеніемъ, что, по-видимому, правнукъ Евстаѳіа, извѣстный магистръ Евстаѳіи Маленнъ, жилъ въ Каппадокіи у себя (*ἐν τοῖς οἰκείαις*: Cedr. II. 448)¹⁾. Фамилія Адралестовъ также не безызвѣстна въ исторіи Византійскаго государства²⁾; высокая должность стратилата всего Востока, въ которую облеченъ былъ нашъ Адралестъ, кажется, женатый на родственницѣ императора Романа, невольно заставляетъ отмѣтить это имя въ военной исторіи имперіи X столѣтія. Родители его назывались Евдокимъ и Анастасія (*Ἀναστασία*). Вторымъ сыномъ Евдокима былъ Константинъ по прозванію Великій³⁾, на сестрѣ котораго былъ женатъ кесарь Варда, *ὁ εὐτυχέστατος καῖσαρ*, короновавшій императора Никифора и *τὸν οὐχ ἦττον βαρβάρων ἢ παθῶν ὀλετήρα καὶ Λέοντα τὸν μεγαλοπρεπέστατον κουργαλάτην εὐτυχῶς ἀπεγένηνησε*. Агіографъ называетъ двухъ сыновей Варды Фоки — Никифора и Льва (ср. Zonag. IV. 66); однако у него былъ еще сынъ, Константинъ, стратигъ Селевкии, убитый эмиромъ въ 960 году (Cedr. II. 327; ср. Du Campis, p. 149 sq.). Любопытно извѣстіе Житія о «счастливейшемъ» кесарѣ, короновавшемъ своего сына на царство. Мы знали до сихъ поръ, что Никифоръ Фока провозглашенъ былъ императоромъ прежде всего восточной арміею, что отецъ его, domestикъ школы, Варда Фока, подъ вліяніемъ интригъ Вринги бѣжалъ въ храмъ искать убѣжища, что онъ потомъ, по вступленіи сына въ столицу, получилъ санъ кесаря (а сынъ его Левъ — санъ куропалата) и оказалъ уже коронованному патріарху Никифору услугу клятвеннымъ подтвержденіемъ, что дѣти Теофаны (Василій и Константинъ) не Никифоровы, а его собственные крестники, послѣ чего только патріархъ Полиевктъ и могъ примириться съ бракомъ новаго императора на Теофанѣ (Cedr. II. 352; Zonag. IV. 76—78). Какимъ же образомъ надобно понимать свидѣтельство Житія о вѣнчаніи Вардою своего сына? Біографъ Теофанъ, какъ кажется, намекаетъ здѣсь на тайную, но первенствующую роль Варды, облегчившаго для Никифора свободный

1) Ср. Баронъ В. Розенъ. Имп. Василій Болгаробойца. Спб. 1888, стр. 86.

2) Georg. ed. Mur. 818; Nicerh. Vlemmyd. ed. Heisenberg, p. 82.

3) Въ XII вѣкѣ упоминается также *Κωνσταντῖνος ὁ Μέγας* (Eustathii Thessalon. Opuscula, ed. Tafel. Francof. 1832, p. 289). Итакъ фамилія св. Михаила — Мегасъ; быть можетъ, на это же указываетъ и Житіе св. Аванасія (изд. И. Помяловскаго, стр. 8): *Μιχαήλ... μέγας τῷ ὄντι* (игра словъ) *καὶ τὸ γένος καὶ τὴν ἀρετὴν*. Исследователь этого послѣдняго Житія И. И. Соколовъ («Виз. Врем.», 1896, III. 649) однако не останавливается на словѣ *μέγας*.

доступъ къ престолу: боясь неудачи, онъ искалъ спасенія, а достигнувъ цѣли — получилъ санъ кесаря. Счастливейшимъ его Теофанъ называетъ или за успѣхъ предпріятія, или за долготу его жизни (жилъ 90, а по Лутпранду, будто бы 150 лѣтъ). Родители Михаила были бездѣтны, сокрушались о безплодіи и молились Богу. Однажды въ Богородичномъ храмѣ (οἶκος ἐν Κοιναῖ, χωρίον δὲ ἐστὶν οὕτω καλούμενον πρὸς τῶν οἰκητόρων τιμώμενον τε καὶ σεβασζόμενον, Богородица явилась во снѣ іерею Мееодию, настоятелю τοῦ σηκοῦ, κατέχουσα δῆθεν ἐν τῇ χειρὶ μαφόρια μὲν τέσσαρα, σουδάρια δὲ τρία, отдала ихъ для передачи Анастасіи и предсказала ей рожденіе сына. Родившійся мальчикъ былъ названъ Мануиломъ. Мѣстность Кукὰ съ храмомъ Богородицы, куда, какъ кажется, Евдокимъ и Анастасія ходили для молитвы, находилась очевидно въ Каппадокіи и неподалеку отъ Харсіана. Мануилъ, сынъ Евдокима, по единогласному свидѣтельствѣ Льва Діакона (ed. Назе, р. 51), нашего Пролога, основаннаго на «греческихъ исторіяхъ», и косвенно Житія св. Михаила, приходился дядею (Ζεῖος) императору Никифору Фокѣ (по G. Schlumberger, р. 314, rorge oncle maternel); родство это можетъ быть представлено въ слѣдующей генеалогической таблицѣ:

<i>Малены Великіе</i>	<i>Адралесты</i>	<i>Фоки</i>
Никифоръ		
Евстаѳій	Н. Адралестъ	Никифоръ
Евдокимъ	= Анастасія	
<hr style="width: 100%;"/>		
Мануилъ (св. Михаилъ)	Константинь Дочь	= Варда Левъ
	Евстаѳій ¹⁾	Константинь Никифоръ Левъ
		(† 960) († 969)
		Варда Варда
		Варда

По достиженіи возраста Мануилъ сдѣлался спафарокандидатомъ. Въ этомъ званіи онъ состоялъ въ царствованіе императора Льва Мудраго (886—911). Газе (р. 200, 308) несправедливо считалъ его въ санѣ патрикія и стратига Каппадокійскаго, смѣшавъ его съ другимъ Маленномъ, кажется, его племянникомъ, Евстаѳіемъ.

По смерти императора Льва Мудраго Мануилъ находился въ раздумьи, оставаться ли ему міряниномъ, или стать инокомъ. Онъ раскрылъ

¹⁾ Въ XII в. (1185 г.), упоминается нѣкій Маленъ, «родомъ изъ Филиппійской области, человекъ незнатнаго рода» (Nicet. Choniata. I. 384).

псалтирь и прочелъ начало X псалма: «На Господа уповахъ, како рече души моеѣ: превитай по горамъ, яко птица». Послѣ этого онъ оставилъ Константинополь и, прибывъ на рѣку Гάλλω, ὃς πλησίον τοῦ Κυμναίου ὄρους διέρχεται καὶ ἐν τῇ τοῦ μονοκαμάρου γεφύρᾳ γενόμενος, отослалъ свою свиту къ отцу, а самъ остался здѣсь лишь съ немногими. Затѣмъ онъ τὴν κώμην Κερσίνης κατέλαβε πρὸς αὐτοὺς ἤδη κειμένην τοῦ ὄρους τοὺς πρὸ πόδας и здѣсь по близости отыскалъ монаха старца Иоанна, Ἐλατίτης δὲ τὸ ἐπίκλην, у котораго и поселился, перемѣнивъ имя Мануила на Михаила. Итакъ Мануиль изъ Харсиана ушелъ на Киминейскую гору. О мѣстоположеніи ея существуютъ противорѣчивыя свѣдѣнія: нашъ Прологъ свидѣтельствуеть, что Михаилъ «отъиде вскрай святыя горы Аѳона — не въ горнюю часть Аѳона, но отъ восточныя страны вскрай ея вселися на мѣстѣ, идѣже Малεινὴ глаголема есть гора... на ней же и Кименская обитель»; Г. Шлѣмберже (р. 315) помѣщаетъ Киминскій монастырь въ Θεσσαλίи (или Ктименъ на границѣ Долопін). Однако ни та, ни другая догадка не заслуживаютъ признанія. Мы имѣемъ довольно определенное свидѣтельство въ Житіи Аѳанасія Аѳонскаго, ученика св. Михаила, что Аѳанасій съ Киминской горы ушелъ на Аѳонъ (изд. И. В. Помяловскаго, стр. 14), что гора Κυμινᾶς, на которой подвизался Михаилъ, находилась въ Малой Азіи и гдѣ-то недалеко отъ Олимпа: πρὸς Κρήτας... καὶ πρὸς ἕτερα μὲν ὄρη, τό τε τοῦ Κυμινᾶ καὶ τό τοῦ Ὀλύμπου (р. 26). Судя потому, что около горы протекала рѣка Гάλλω, можно догадываться, что Киминская или Киминейская гора, а равно и мѣстечко Керсина, находились въ Галатіи. Память св. Фомы Дефуркина (Μηναίων, дек., Βενετία 1843 р. 83) подтверждаетъ это: блаженный πατρίδα ἔσχε τὴν εἰς πρόποδας τοῦ Κυμναίου (въ слав. Прологѣ: лежимыя! κειμένου?) ὄρους γῆν ἀποφέρουσαν, и въ этихъ краяхъ одинъ вельможа ἐν τῷ πρὸς Σάγαριν ποταμῷ φροντιστήριον ἐδείματο. Рѣка Сангарій протекаетъ по Вионіи, Галатіи и Фригіи.

Послѣ долгаго подвижничества Михаилъ и его сподвижникъ Агапій ἐκρίναν μεταβῆναι ἐκ τῶν τοῦ Γάλλου μερῶν καὶ πρὸς τὰ τῆς Προυσιᾶδος ὄρια προσχωρήσαι; Михаилъ поселился въ Ксиролиминѣ (Ἐηρολίμνην πρὸς τῶν ἐγχωρίων ὀνομαζόμενον). Михаилъ Малейнъ уходитъ такимъ образомъ изъ Каппадокіи совершенно послѣдовательно — сначала въ Галатію, потомъ въ Вионію или точнѣе въ Прусіаду, гдѣ и поселяется въ Сухоезерѣ. Прославившись святостью своеѣ жизни, онъ былъ часто павѣщаемъ мірянами. Ἦνίκα κατὰ Βουλγάρων ὁ Ῥωμαϊκός

στρατὸς ἐξωπλίζετο ἐν τοῖς χρόνοις Κωνσταντίνου τε καὶ Ζωῆς τῶν βασιλευόντων καὶ ἡ καθ' ἡμᾶς οἰκουμένη διεκλονεῖτό τε καὶ σφοδρῶς ἐταράσσετο, ἐγένετό τις πρεσβεία πρὸς τὸν ὄσιον παρὰ τινῶν φιλοθέων ἀνδρῶν ἐκλιπαρούντων ἐνδελεχῶς πρὸς τὸ ἐκ θεοῦ τὸ τέλος τοῦ συγκροτουμένου πολέμου μαθεῖν, ἢ Μιχαὴλ, не отвѣчая прямо, разсказалъ сонъ, что будто бы черная собака пожрала бѣлую, изъ чего слѣдовало заключить о неудачѣ ромейскаго оружія (f. 253). Здѣсь имѣется въ виду Ахелойское пораженіе, нанесенное грекамъ болгарскимъ царемъ Симеономъ въ 917 году; о немъ довольно подробныя свѣдѣнія сообщены Симеономъ Магистромъ (Georg. Hamart., ed. Murgalt, p. 807), Скилиціемъ (Cedren. II. 286), Зонарою (IV. 54) и другими. Предсказаніе исхода войны путемъ разсказа сновидѣнія, въ которомъ являются бѣлыя и черныя собаки, — мотивъ довольно общій въ византійской агиографіи; съ нимъ мы еще встрѣтимся ниже. Кромѣ всего этого, въ Житіи есть нѣсколько другихъ историческихъ свѣдѣній, напр., о дѣтяхъ восшедшаго на престолъ императора Романа (f. 255), и пр.

IX. Житіе св. Ахиллія Ларисскаго.

Позднее и потому бѣдное содержаніемъ Житіе Ахиллія, епископа Ларисскаго (IV в.), читанное нами въ Аѳонской рукописи Діонисіева монастыря (№ 143, XVII в., л. 120 и сл.), имѣеть нѣкоторое значеніе по даннымъ, касающимся перенесенія его мощей изъ Лариссы въ Болгарію. По смерти Ахиллія *συχναὶ παρῆλθον ἡμέραι καὶ οὐκέτι στάσις τῶν εἰσιόντων ἐγένετο οὐδέ τις παῦσις πρὸς τὴν συνδρομὴν τε καὶ τὴν συγκίνησιν, σύγχυσις διὰ ταῦτα τοῖς εἰσερχομένοις τῷ θείῳ συντάγματι γίνεται, κἀντεῦθεν ἡ λάρναξ κρύπτεται καὶ καλύπτεται σῶμα ἱερὸν, ἵνα μὴ βεβήλων τούτου χεῖρες ἐφάπτωνται. καὶ ἦν ὁ θησαυρὸς κεκρυμμένος, ὡς τῷ κρείττονι ἔδοξε, καὶ τὸ ἱερὸν κειμήλιον κεκαλυμμένον καὶ μὴ πρὸς χρῆσιν ἐγκείμενον παρεκρῆρῆσαν ἐπὶ τούτοις χρόνοι πολλοί, ὡς οἱ τὰ αὐτοῦ ἐξιστορήσαντες ἔφησαν, καὶ πάλιν ἀνακαλύπτεται τὸ θησαύρισμα. οὐκ οἶδαμεν οὖν, ὅπως ἀνακαλύπτεται δ' οὖν καὶ τὸ ἱερὸν ἐκείνῳ σῶμα, γνώριμον τοῖς πᾶσιν ἐγγίνεται, καὶ πάλιν αἱ τῶν μύρων βλύσεις καὶ αὐδῆς αἱ τῶν νοσημάτων ἀπαλλαγαὶ καὶ πάλιν Λαρισαίοις τὰ κάλλιστα. ἀλλὰ πεφθόνηκεν αὐτοῖς τοῦ μεγάλου τούτου θησαυροῦ τὸ δαιμόνιον. καὶ ὁ βασκαίνων τοῖς ἡμετέροις καλοῖς ἐγείρει μάχην Βουλγάρων κατὰ Ῥωμαίων. ἐπεὶ δὲ πρὸς καιρὸν οἱ Βούλγαροι ἰσχυσαν, συλῶσι τὸν θησαυρὸν καὶ τὸν μέγαν πλοῦτον τῶν Λαρισαίων ἀρπάσαντες εἰς τὴν*

σφετέραν μετατιθέασι. καὶ ἔστι ἐκεῖσε πολλῶν θαυμάτων καὶ ἑξαισιῶν αὐτουργῶς γενόμενος. ἡ λάρναξ δὲ παρὰ Λαρίσσαιος καὶ τι μέρος τοῦ σώματος διατέμνεται γάρ καὶ ἀπανταχοῦ διαδίδεται τὸ καλόν. Ἄλλ' ἐπεὶ τὰ καθ' ἱστορίαν ἡμῖν καθῶς ἐπέγνωσθαι, οὕτωςί πως καὶ γέγραπται. Въ настоящее время трудно опредѣлить, какими источниками пользовался агиографъ, — свѣтскими ли хрониками, или болѣе древнимъ Житіемъ Ларисскаго святителя. Тѣмъ не менѣе извѣстно, что здѣсь разумѣется походъ Болгарскаго царя Самуила, 978 года. Скилицій (-Кедринъ) на основаніи, быть можетъ, древняго Житія рассказываетъ, что Самуилъ, по занятіи Θρακίи, Македоніи, окрестностей Солуны, Θεσσαλίи, Еллады и Πελοποννήσια, вмѣстѣ съ плѣнными изъ Лариссы μετήγαγε καὶ τὸ λείψανον τοῦ ἁγίου Ἀχιλλεῖου, ἐπισκόπου Λαρίσσης χρηματίσαντος ἐπὶ Κωνσταντίνου τοῦ μεγάλου κὰν τῇ μεγάλῃ καὶ πρώτῃ συνόδῳ παρόντος σὺν Ῥηγίνῳ Σκοπέλων καὶ Διοδώρῳ Τρίκκης, καὶ εἰς τὴν Πρέσπαν ἀπέδετο, ἐνθα ἦσαν αὐτῶ τὰ βασίλεια¹⁾.

Х. Житіе св. Лазаря Галисійскаго.

Существуетъ два Житія св. Лазаря († 7 ноября 1054): одно, вмѣстѣ со службою, анонимно (Ὁ πλάσας κατὰ μόνας τὰς καρδίας ἡμῶν) и помѣщено въ Афонской Лаврской рукописи (J. 127, XIV в., л. 81—293); другое, сравнительно новаго письма, приписано перу св. патріарха Григорія (Ὁ τῶν κατὰ θεὸν πολιτευομένων βίος, тамъ же л. 296—341). Святогорець Никодимъ полагаетъ, что Житіе это принадлежитъ Константинопольскому патріарху Григорію Кипрскому (1283—1289), но въ заглавіи рукописи противъ слова Γρηγορίου на полѣ сдѣлана помѣтка: Ἰσως Γεωργίου Σιφιλίνου. Это послѣднее сочиненіе засвидѣтельствовано и въ грамотѣ Никифора Хумна о единеніи монастырей Галинскаго и Анастасіева²⁾, гдѣ говорится, что Житіе Лазаря Галисійскаго составлено константинопольскимъ патр. Георгіемъ Кипрскимъ. Въ виду того, что Никифоръ былъ ученикомъ Георгія, авторство послѣдняго не подлежитъ сомнѣнію. Что же касается

1) G. Cedr. Syn. Hist. Vopp. II. 436; Преспа — нынѣ селеніе Агилъ между двумя Преспанскими озерами; ср. Григоровичъ. Очеркъ путешествія. М. 1877 (на картѣ); Голубинскій. Краткій очеркъ церкви, стр. 55—57; Hahn. Reise durch die Gebiete des Drin und Wardar, S. 242; Jireček. Geschichte der Bulgaren. Prag. 1876, S. 192; Сергій. Мѣсяцесловъ Востока, II. 137. Подробности похода изложены А. Липовскимъ. Изъ исторіи греко-болгарской борьбы въ X—XI в. (Ж. М. Н. Пр. 1891, XI. 128—130).

2) Boissonade. Anecdota graeca. Paris 1830, II. 81.

до перваго сочиненія, то анонимный агіографъ, какъ можно заключить, происходилъ или временно находился въ Магнисіи, гдѣ слышалъ рассказы о молодости Лазаря со словъ его няни. Поступивъ въ обитель Галисійскую, онъ пользовался довѣріемъ самого Лазаря, который сообщилъ ему нѣсколько чертъ изъ своей жизни. Какъ кажется, послѣ кончины своего учителя онъ перешелъ въ Константинопольскій монастырь Спаса, гдѣ и написалъ Житіе Галисійскаго подвижника. Къ составленію труда онъ могъ быть поощренъ своимъ игуменомъ Игнатіемъ, младшимъ братомъ Лазаря. Сочиненіе это сохранилось не въ подлинникѣ, а въ спискѣ XIV вѣка. Другой списокъ указанъ Ламбромъ въ Аѳонскомъ Аннинскомъ скитѣ, XVIII вѣка¹⁾, но которое Житіе онъ заключаетъ въ себѣ, неизвѣстно.

Судьба этой рукописи описана въ концѣ Житія (л. 294 об.): оказывается, что нынѣшній Лаврскій кодексъ принадлежалъ константинопольскому монастырю Спасителя; при взятіи Византіи и монастыря онъ достался туркамъ, отъ которыхъ попалъ въ руки одного мировара (μυροφόρος); этотъ послѣдній вырвалъ изъ него нѣсколько листовъ, и т. д. Оба памятника, 'Ο πλάσας и 'Ο τῶν, остаются неизданными, хотя первый изъ нихъ въ очень сокращенномъ видѣ вошелъ въ Синаксаристъ Никодимовъ²⁾ и отсюда изложенъ въ Мѣсяцесловѣ арх. Сергія (II. 350—351). Мы читали также первое Житіе, какъ болѣе древнее, и можемъ сопроводить біографію подлинными выписками.

Лазарь (въ мѣрѣ Левъ) происходилъ родомъ изъ τῆς Ἀσιάτιδος γῆς ἐξ ἀγροῦ τινος ἐγγύς του τῶν τῆς Μαγνησίας ὀρίων καίμένου, τὴν κλησὶν ἐπ' ὀνόματι τῆς Θεοτόκου φέροντος. Трудно съ точностью опредѣлить, разумѣется ли здѣсь Магнисія Лидійская на Гермѣ, или Магнисія Карійская на Меандрѣ; однако мы считаемъ возможнымъ остановиться на второй изъ нихъ — потому, что Левъ подвизался неподалеку отъ своей родины — на Галисійской горѣ, находящейся около Ефеса. Мѣстечко, въ которомъ онъ родился, могло называться Θεοτόκιον или «Богородицыно».

Родители его, Никита и Ирина, достаточные люди; Левъ — пятый ихъ ребенокъ, но, какъ видно изъ дальнѣйшаго, у него былъ еще братъ, болѣе младшій. Надъ родившимся ребенкомъ появился свѣтъ, который увидѣла его ἡ μάτα, ἣτις καὶ σύζυγος ἦν τοῦ μεγάλου Λεον-

1) Σπ. Αἰμπρος. Κητάλογος, 1888, I. 28.

2) Въ Венеціанской, Μηναῖον (1843 г., стр. 48) одно заглавіе со стихомъ.

τίου τοῦ Μοναχοῦ, τοῦ ἐμοὶ ταῦτα πάλιν καὶ τὰ λοιπὰ τῆς αὐτοῦ νηπιότητος καὶ ὅσα μέχρι τῆς ἐκ τῆς ἰδίας πατρίδος πρὸς τοὺς ἱεροὺς τόπους τούτου μεταναστεύσειωσ εἰς αὐτὸν γεγονάσι διηγησαμένου. Почему пресвитеръ Леонтій Монахъ, жена котораго была нянькою въ семействѣ средняго достатка, названъ въ Житіи Великимъ, неизвѣстно, да и самое имя кромѣ настоящаго памятника нигдѣ болѣе не встрѣчается; быть можетъ, онъ былъ великъ по своимъ нравственнымъ качествамъ, по уму и образованію? быть можетъ, онъ чѣмъ либо подобнымъ прославился въ лѣтописяхъ мѣстной церкви?

По достиженіи возраста Левъ παραδέδοται τῷ προρρηθέντι πρεσβυτέρῳ Λεοντίῳ ὑπὸ τῶν γονέων αὐτοῦ τῇ προτροπῇ Ἰησοῦ, τοῦ αὐτοῦ θεοῦ, ὃς ἦν μοναχὸς ἐν τῇ μονῇ τῶν Καλαθῶν. Мѣстоположеніе Калаэскаго монастыря неизвѣстно: существовало мѣстечко Κάλαδος, но оно находилось въ Болгаріи, около Варны¹⁾, и невѣроятно, чтобы дядя Льва могъ быть тамъ монахомъ. По смыслу Житія, обитель находилась вѣроятно въ Ефесской митрополіи, но здѣсь мы находимъ лишь Καλάη²⁾ или Καλόη³⁾, родину историка Льва Діакона, епископскій городъ, подвѣдомственный въ церковномъ отношеніи Ефесской митрополіи. Положимъ, что употребленіе формъ ед. и мн. числа для именъ городовъ—фактъ, очень часто наблюдаемый (Δέρκων и Δέρκης или Δέρκου, Ἐτενωῶν и Ἐτένης и десятки другихъ), тѣмъ не менѣе трудно объяснить въ этомъ случаѣ появленіе или исчезновеніе аспиративнаго *o*? По указанію дяди мальчикъ для изученія св. писанія отданъ былъ нѣкому нотарію Георгію, жившему въ Оровскомъ монастырѣ (εἰς Ὀρόβους). Отсюда Левъ тайно ушелъ съ намѣреніемъ посѣтить Іерусалимъ и другія св. мѣста, но былъ разысканъ дядею, возвращенъ обратно въ монастырь и подвергся побоямъ. Черезъ два года онъ посланъ дядею εἰς τὴν τοῦ Στροβηλίου μονήν (въ Памфиліи) къ одному нотарію Николаю для болѣе глубокаго изученія нотарійнаго дѣла. Проживъ здѣсь три года и перемѣнивъ мірскую одежду на монашескую, Левъ вмѣстѣ со странниками опять пошелъ было въ Іерусалимъ, но былъ опять насильно возвращенъ. Наконецъ, въ третій разъ ему уже удалось видѣть желанныя мѣста. Но изъ Стровильскаго монастыря Левъ отправился не прямо въ Іерусалимъ, а вмѣстѣ съ

1) Man. Philae Carmina, ed. E. Miller, Paris 1857, II, 248; ср. наше «Визант. поэтъ Мануилъ Филъ». Спб. 1891, стр. 27. Calatha—островъ около Нумиди.

2) Gelzer. Georgii Cyprii Descriptio. Lipsiae 1890, p. 61.

3) Σύνταγμα τῶν κανόνων, ὑπὸ Γ. Ῥάλλη καὶ Μ. Πότλη, V, 476.

каппадокійскими попутчиками пошелъ въ Хоны. Въ числѣ поклонниковъ образу св. Михаила была одна женщина, обокраденная ворами. Изъ Хонъ Левъ вмѣстѣ съ пафлагонскимъ монахомъ прибылъ въ памфилійскую Атталію, вѣроятно, съ цѣлью сѣсть въ судно и моремъ направиться въ Палестину. Однако въ Атталіи монахъ-спутникъ прос-ελθών τιμ τῶν ναυκλήρων διελέγετο αὐτῷ τῇ ἀρμενίων διαλέκτῳ и составилъ заговоръ — продать юношу; Левъ спасся лишь благодаря тому, что своевременно былъ предупрежденъ объ опасности. Онъ поднялся на сосѣдную гору вмѣстѣ съ однимъ старымъ монахомъ и убѣжденный послѣднимъ, что въ Иерусалимѣ по причинѣ молодости идти еще рано, провель у него въ монастырѣ нѣсколько лѣтъ и въ это время переимѣнилъ свое имя на Лазаря ¹⁾. Узнавъ, что противъ горы есть пещера, Лазарь отпросился у старца посмотрѣть ее. Здѣсь жило много подвижниковъ, которые избрали его своимъ настоятелемъ. Лазарь написалъ письмо Филитскому епископу (τῷ ἐπισκόπῳ τῆς Φιλιπποῦ) и, получивъ согласіе отъ него и отъ своего старца, δέχεται αὐτοῦς εἰς κοινῶνίαν. Епископъ пріѣзжалъ къ Лазарю и удивился его подвижнической жизни; за нимъ и міряне стали посѣщать пещеру. Левъ выстроилъ здѣсь молитвенный домъ (εὐκτήριον) и кельи; шестеро монаховъ рукоположено было епископомъ на болѣе высокую степень. — Епископъ Филитскій (обыкновенно ὁ Φιλήτων) въ церковномъ отношеніи находился въ зависимости отъ митрополита Миръ-Ликійскаго и самая епархія Филитъ по всей вѣроятности соприкасалась съ памфилійской Атталіей, вслѣдствіе чего Левъ и сносился съ нимъ, какъ съ ближайшимъ святителемъ мѣстности. По прошествіи семи лѣтъ Лазарь тайкомъ ночью отправился въ Иерусалимъ. Около Великой Антиохіи онъ встрѣтилъ по дорогѣ людей, плакавшихъ о похищеніи армянскимъ войскомъ одной дѣвушки. Святой пошелъ, отнялъ и вернулъ ее путешественникамъ. Въ Иерусалимѣ онъ обошелъ всѣ святыя мѣста и монастыри, послѣ чего рѣшился поселиться въ Савиной лаврѣ, куда онъ и отправился съ архидіакономъ храма Воскресенія Христова. Вручивъ лаврскому игумену, по заведенному здѣсь обычаю (καθὼς ἦν ὁ τῆς μονῆς τύπος), двѣнадцать номисмъ ²⁾, Лазарь былъ

1) Скарлатъ Византій ('Н К πολις, 'Αθήν. 1851, I), говоря объ иконописцѣ IX вѣка Лазарѣ, мірское имя котораго неизвестно, пишетъ: ὁ παριώνυμος ζωγράφος Λάων (?), ὁ μετονομασθεὶς διὰ τοῦ μοναχικοῦ σχήματος Λάζαρος. Не явилась ли эта ошибка подъ влияніемъ Житія Лазаря Галисійскаго? П. И. Саввантовъ (Антоній, пр. 268) усвоилъ эту ошибку.

2) По уставу монастыря Семилюстиваго Спаса, начертанному самимъ основате-

включенъ въ число братіи и прожилъ шесть лѣтъ въ санѣ канонарха. Затѣмъ безъ вѣдома игумена онъ оставилъ лавру и ушелъ въ монастырь Евонимія. Однако изъ монастыря онъ присужденъ былъ опять вернуться въ лавру, откуда былъ посланъ игуменомъ къ іерусалимскому патріарху, который рукоположилъ его въ протодіакона и потомъ во священника. Вернувшись въ лавру, Лазарь жилъ здѣсь *μέχρις οὗ ἡ ἐπανάστασις τῶν μιαρῶν Ἀγαρηνῶν ἐγένετο* (f. 96 v.). По внушенію свыше онъ оставилъ лавру и черезъ пустыню Рува (τοῦ Ῥουβᾶ) и Мертвое море рѣшился вернуться на свою родину. Любопытно, что *ὡς ἤδη περὶ τὸν τόπον ἐγένετο, ἐν ᾧ ἡ τοῦ Λῶτ γυνὴ εἰς στήλην ἀλός παγεῖσα ἴστατο, ἰδὼν αὐτὴν καὶ ὑπομειδιάσας δίδωσιν αὐτῇ ῥάπισμα εἰς τὴν ὄψιν εἰπὼν· οὐαὶ σοὶ ταπεινῆ, τί πέπονθας; τοῦτο δὲ ἐποίησεν οὐ τὴν στήλην πλήττων ἢ ταλανίζων· πῶς γὰρ ἄψυχον οὖσαν καὶ ἀναίσθητον; ἀλλὰ μᾶλλον τὸν ἑαυτοῦ λογισμόν, δι' ἐκείνης ἐκφοβῶν πρὸς τὸ μὴ ὑποστρέφαντα καὶ αὐτὸν εἰς τὴν αὐτοῦ πατρίδα τὸ αὐτὸ παθεῖν κατὰ τὴν τοῦ κυρίου φωνήν, τὸ ὅτι οὐδεὶς βαλὼν τὴν χεῖρα αὐτοῦ ἐπ' ἄροτρον καὶ στραφεὶς εἰς τὰ ὀπίσω εὐθετός ἐστιν εἰς τὴν βασιλείαν τῶν οὐρανῶν* (f. 97)¹). Соляной столпъ Лотовой жены послужилъ для византійскихъ писателей символомъ опаснаго преслѣдованія двухъ противоположныхъ, исключаютелыхъ одна другую цѣлей. Какъ извѣстно, Лоть съ семействомъ избѣгалъ наказанія только подъ условіемъ, чтобы, убѣгая изъ Содома и Гомора, онъ не оглядывался назадъ; но жена его, желая спастись и въ то же время полубопытствовать, что случилось съ городами, оглянулась назадъ и была наказана превращеніемъ въ столпъ соли. Лазарь, ударивъ по лицу соляной столпъ, тѣмъ самымъ утверждался въ мысляхъ, что надо бѣжать изъ Палестины безъ оглядки, какъ бы, оглянувшись назадъ, не увидѣть безбожныхъ, тѣмъ самымъ не погрѣшить и не лишиться небснаго царства. Въ XII вѣкѣ Солунскій митрополитъ Евстаѳій, говоря о монашеской жизни и о томъ, что человекъ, разставшійся съ имуществомъ и ушедшій въ монастырь, не долженъ уже возвращаться назадъ, къ имѣніямъ, пишетъ: *ἵνα μὴ τῶν προτέρων μνησάμενος ἐπαναδράμη τις πάλιν εἰς ἐκεῖνα· προσπα-*

земь его, историкомъ Михаиломъ Атталою, постригаемый вносилъ десять номисмъ (Sathas. Bibl. Graeca medii aevi, II, 29; ср. Н. Скабалановичъ, стр. 498). Данные Житія для Палестины и Іерусалима изложены нами въ «Сообщеніяхъ Имп. Прав. Палест. Общ.», Февраль 1897, стр. 14—82 отд. оттиска.

1) Евангельскій текстъ (Лук. IX. 62) читается такимъ образомъ: *οὐδεὶς ἐπιβαλὼν τὴν χεῖρα αὐτοῦ ἐπ' ἄροτρον, καὶ βλέπων εἰς τὰ ὀπίσω, εὐθετός ἐστιν εἰς τὴν βασιλείαν τοῦ θεοῦ.*

τεΐται ἀρνήσασθαι αὐτίκα καὶ τὴν ἐπίκτησιν, εἴτ' οὖν τὴν μετὰ ταῦτα κτῆσιν, τὴν δευτέραν, δι' ἧς τοῦ βίου αὐθις γίνεται, καὶ εἰς τὰ ὀπίσω στρέφεται, ἄθετος ὢν εἰς βασιλείαν οὐρανῶν, καὶ αὐτόχρομα στήλην μωρίας, εἰ τι χρῆ οὕτως τὴν γραφικὴν τῆς τοῦ Λῶντ γυναικὸς ἐκλαβέσθαι στήλην διὰ τὸ μωραίνόμενον ἄλας, ὡς παρελάβομεν¹⁾.

Въ это время попущеніемъ Божиимъ,

οἱ βέβηλοι καὶ παμμίαιοι Ἄγαρηνοὶ, κατὰ τῶν χριστιανῶν ἐπαναστάντες, πᾶσαν σχεδὸν τὴν εἰκουμένην καὶ τὰ ἐν αὐτῇ μοναστήρια καὶ τὰς ἐκκλησίας ἠρήμωσαν. ὢν ἀρχηγὸς ἦν τις ὀνόματι Ἀζίζης. οὗτος Ἀζίζης ἐλθὼν εἰς τὴν ἀγίαν πόλιν καὶ τὸν ναὸν τῆς τοῦ Χριστοῦ καὶ θεοῦ ἡμῶν ἀναστάσεως ἰδὼν οὕτω περικαλλῆ καὶ θαυμαστὸν ὑπάρχοντα προστάσει ὁ δυσσεβῆς τινα τῶν αὐτοῦ ὡς εἶπεῖν κυνῶν, ῥώμη σώματος καὶ τῆ κακία τῶν ἄλλων διαφέροντα ἀνελθεῖν, φεῦ μοι, καὶ τὸν τίμιον σταυρὸν τὸν ἐπάνω τῆς τροῦλλης χρυσοῦν ὄντα καταβιβάσαι καὶ εἰς γῆν ῥίψαι, ὃ καὶ πεποίηκεν ὁ τοῦ παρανόμου καὶ παμβεβήλου ἀρχοντος παρανομώτερος καὶ βεβηλότερος ὑπηρέτης. δυσφημήσας οὖν πλεῖστα ὁ ἀλιτήριος Ἀζίζης κατὰ τοῦ κυρίου καὶ θεοῦ καὶ σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, κελεύει μετὰ θυμοῦ πάντας ἀνελθεῖν καὶ τὸν ναὸν χαλάσαι. μήπω δὲ τοῦ λόγου σχεδὸν ἐκ τοῦ μίαιρου στόματος ἐξελθόντος τελείως, ἐκεῖνοι, καθάπερ κύνες ἐπὶ ἄγραν κελευόμενοι, καθυλακτοῦντες, δρομαῖοι ἀνελθόντες μετὰ σπουδῆς τὸ

нечистые и мерзостные Агаряне, возставшіе на христианъ, обратили въ пустыню почти всю вселенную, монастыри и церкви въ ней. Начальникомъ ихъ былъ нѣкій по имени Азисъ. Этотъ Азисъ, воидя во Святыи Градъ и увидя храмъ Воскресенія Христа Бога нашего столь великолѣпнымъ и дивнымъ, приказываетъ безбожный одному изъ своихъ, такъ сказать, псовъ, отличающемуся передъ другими тѣлесною силою и злодѣйствомъ, подняться и (увы мнѣ!) вытащить золотой честный крестъ съ верху купола и повергнуть на землю; что и сдѣлалъ беззаконнѣйшій и сквернѣйшій исполнитель (слуга) беззаконнаго и всесквернаго начальника. Итакъ жалкій Азисъ, совершивъ многочисленныя хулы на Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, съ гнѣвомъ приказываетъ всѣмъ выйти и разрушить храмъ. Но не успѣло еще почти слово выйти совершенно изъ жалакаго рта, какъ они, подобно псамъ, которымъ вѣлѣть (бросаться) на дичь и лаять, быстро вошли и усердно испол-

1) Eustathii Thessal. Opuscula, ed. Tafel, Francof. 1832, p. 228; ср. p. 219.

προσταχθέν αὐτοῖς ἐξεπλήρουν. καὶ δὴ ὡς ἤρξαντο αὐτὸν χαλαῖν ¹⁾, εὕρισκον μέσον τοῦ τοίχου ἐν ταῖς ὀπαῖς ²⁾ κόσμιά τινα καὶ νομίσματα, ἃ ἦσαν βαλόντες οἱ ποτε μετὰ τῆς μακαρίας Ἑλένης ἐκεῖσε παραγενόμενοι, πόδι φ τῷ πρὸς τὸν Χριστὸν κινούμενοι ἄνδρες τε καὶ γυναῖκες. καὶ διὰ τοῦτο οὐκ ἐπαύσαντο χαλῶντες οἱ δυσσεβεῖς ἕως οὐ τελείως αὐτὸν ἠδάφισαν. Ταῦτα ὁρῶντες ὁ τε πατήρ καὶ οἱ λοιποὶ πατέρες, ἐκεῖσε γὰρ ὡς ἔλεγεν ἴστατο, οἰκείοις ὀφθαλμοῖς πάντα βλέπων, ἔκριναν τῶν ἐκεῖσε ἀναχωρῆσαι. καὶ οὐ τοσοῦτον διὰ ταῦτα ὅσον διὰ τὸν διωγμὸν τὸν κατὰ τὸν καιρὸν ἐκεῖνον γινόμενον· πολλοὺς γὰρ ἀνεῖλον μοναχοὺς τε καὶ κοσμικοὺς καὶ τὸ δὴ χαλεπώτερον ὅτι πολλοὶ τὸν σώματικόν θάνατον, οἶμοι, φοβηθέντες, κατὰ ψυχὴν τεθνήκασιν, τὴν πίστιν ἀρνησάμενοι καὶ ἀντὶ χριστιανῶν σαρακηνοὶ μετονομασθέντες. τότε δὴ καὶ οὗτοι ἀπάραντες ἐκ τῶν ἐκεῖσε οἱ τοῦ κόσμου φωστῆρες καὶ τῶν θείων ἀποστόλων μιμηταὶ ἐπὶ τὰ τῆς Ῥωμανίας κλίματα ἄλλος ἄλλαχού διεσπάρησαν. καὶ γίνεται καὶ ἐπ' αὐτοῖς ὡσπερ πάλαι ἐπὶ τῶν ἀποστόλων ἢ τοῦ Στεφάνου ἀναίρεσις αἰτία τῆς εἰς τὸν σύμπαντα κόσμον διασπορᾶς (f. 28).

Въ приведенной выдержкѣ описывается походъ египетскаго халифа Азиса въ 1010 году въ Палестину. Скилицій (Кедричъ) объ этомъ событіи рассказываетъ слѣдующее: «восьмаго индикта 6518 г.

1) χαλων cod.

2) ὀπαῖς cod.

няли приказанное имъ. И когда они начали разрушать храмъ, они стали находить внутри стѣны въ углубленіяхъ драгоценности и номисмы, которыя положили прибывшіе сюда нѣкогда съ блаженною Еленою и движимые любовью ко Христу мужи и жены. По этой причинѣ безбожные не переставали разрушать, пока совершенно его не испровергли. Видя это, отецъ и остальные отцы (по словамъ его, онъ тамъ стоялъ и все видѣлъ собственными глазами) рѣшились уйти оттуда; и не столько по этой причинѣ, сколько изъ-за преслѣдованія, появившагося въ то время, ибо (враги) убили многихъ монаховъ и мирянъ; а что всего тяжелѣе, такъ это то, что многіе, боясь (увы мнѣ!) тѣлесной смерти, умерли душою, отказавшись отъ вѣры и назвавшись вмѣсто христіанъ сарацинами. Тогда эти свѣтильники міра и раздражатели божественнымъ апостоламъ, отправившись оттуда, разошлись по областямъ Ромейскаго царства каждый въ свою сторону. И для нихъ, какъ древле для апостоловъ, убіеніе Стефана становится причиною разсѣянія по всему міру.

египетскій властитель Азисъ (Αζίζιος) по незначительной причинѣ и столкновенію, не заслуживающему и упоминанія, разорвавъ миръ съ Ромеями, разрушилъ въ Іерусалимѣ богато воздвигнутый божественный храмъ при Гробѣ Спаса Христа, опустошилъ священные монастыри и разогналъ по всему лицу земли ихъ подвижниковъ¹⁾. Зонара выражается менѣе опредѣленно: «Египетскій властитель (по Указателю: Azizus rex Emesorum), разорвавъ миръ съ Ромеями, испровергъ храмъ въ Іерусалимѣ, въ которомъ находится Гробъ Господень, и тамошніе монастыри»²⁾. Византійская редакція разсказа объ Азисѣ, какъ видно, нашла себѣ мѣсто и въ Житіи Лазаря. Между тѣмъ арабскіе источники, которые въ данномъ случаѣ сообщаютъ болѣе точныя свѣдѣнія, говорятъ, напротивъ, о сынѣ Азисовомъ, халифѣ Хакимѣ, опустошившемъ въ 1009 году Іерусалимскій храмъ. По свидѣтельству Яхъи, Хакимъ «написалъ также въ Сирію Ярұху, намѣстнику Рамлы, чтобы онъ разрушилъ церковь св. Воскресенья и уничтожилъ ея виднѣйшія части, и окончательно разбилъ священныя реликвіи ея. И послалъ Ярұхъ Юсуфа, своего сына, и ал-Хусейн-ибн-Захир-ал-Ваззанаи послалъ вмѣстѣ съ нимъ Абу-л-Фаварис-ал-Дайфа. И забрали они всю находившуюся въ ней утварь, и сама церковь была разрушена до основанія за исключеніемъ тѣхъ частей, разрушеніе которыхъ было слишкомъ трудно и уничтоженіе которыхъ невозможно. И былъ разрушенъ Краніонъ и (василика) св. Константина и все, что находилось въ ея предѣлахъ, и были окончательно уничтожены священныя реликвіи. И старался ибн-Захиръ уничтожить гробъ Господень и стереть слѣдъ его, и разбилъ большую часть его, и разрушилъ его. И былъ въ сосѣдствѣ съ нимъ женскій монастырь, извѣстный подъ именемъ монастыря ал-Сари (?). Онъ тоже былъ разрушенъ. И было начало разрушенія ея (церкви Воскресенья) во вторникъ 5-го Сафара 400 (28 сент. 1009). И были разграблены всѣ ея имѣнія и завѣщанныя имущества и захвачены вся ея утварь и металлическія вещи»³⁾.

Лазарь вмѣстѣ съ монахомъ Павломъ, покидая Палестину, имѣли

1) Sedren. II, 466.

2) Zonar. IV, 121.

3) Бар. В. Розенъ. Имп. Василій Болгаробойца. Извлеченія изъ лѣтописи Яхъи Антиохійскаго. Спб. 1888, стр. 48; В. Васильевскій. Повѣсть Епифанія: Прав. Палест. Сборн., 1886, XI, 269—270. Григорій Палама въ своей 'Ιεροσολυμίαις (1862 г., стр. 422—428) передаетъ почти дословно текстъ Склиция, но приурочиваетъ событіе къ 1008 г. и къ халифу Хакиму.

намѣреніе ѣхать въ Римъ. Но увидѣвъ канонарха Савина монастыря омусульманившимся и въ сарацинскомъ платьѣ, святой лично отправился πρὸς τὸν ἀμνηρᾶν съ просьбою отпустить съ нимъ инока, на что тотъ согласился, хотя и не безъ колебаній. Путешественники прибыли въ Тиверіаду, на Фаворъ, въ Дамаскъ и черезъ Ливанъ достигли Триполя и Лаодикей. Отсюда Лазарь направился въ Антиохію и посѣтилъ монастырь св. Симеона на Дивной горѣ, затѣмъ прошелъ Киликію и, явившись въ каппадокійскіе предѣлы, зашелъ въ Аргею (τὸν Ἀργεῖαν). Собаки, преслѣдовавшія его, разорвали на немъ одежду, но встрѣтившійся ἰππότης ἐχβαλὼν ὁ ἐπάνω τῶν αὐτοῦ ἱματίων κένδουκλον ἦν φορῶν αὐτῷ δέδωκεν. Далѣе поклонникъ прибылъ въ Кесарію и, посѣтивъ храмъ св. Василія, направился къ Θεόδору Стратилату, затѣмъ въ Евхаиты въ храмъ св. Θεοδора Τυρόνα, далѣе διὰ τοῦ ἀνατολικοῦ θέματος прибылъ опять въ Хоны въ храмъ архистратига. Наконецъ, изъ Хонъ онъ прибылъ въ Ефесъ въ храмъ Іоанна Богослова. Имѣя все еще въ виду Римъ, онъ однако посѣтилъ свою родину — Оровы, въ монастырѣ которой жилъ его прежній учитель Георгій, и эти края сдѣлались мѣстомъ его подвиговъ¹⁾. Несмотря на то, что протекло уже двадцать лѣтъ, мать и другія лица узнали нотарія Льва. Изъ Орова Лазарь снова посѣтилъ Ефесъ и мѣстечко Малпадею (χωρίον Μαλπαδείας), гдѣ остановился у пресвитера Георгія, который послалъ его въ монастырь Богородицы τὴν ἄνωθεν κηπίου χωρίου τὴν οὕτω καλουμένην Ἀππίονος. Изъ этой обители онъ въ сопровожденіи Аппіонскаго игумена поднялся на холмъ Кумаронскій (τοῦ βουνοῦ τοῦ λεγομένου Κομμαρωνος) и посѣтилъ εὐκτήριον Марины, въ которомъ жили два монаха, родные братья, Иларій и Леонтій. Здѣсь Лазарь, по образцу Симеона Стилита, поставилъ столпъ и началъ свои подвиги, привлекая къ себѣ богатыхъ и бѣдныхъ мірянъ. Тогда братья перешли на противоположный холмъ «Высокій» (βουνὸν τὸν καλούμενον ὑψηλόν), ἄνωθεν τοῦ χωρίου τῆς Λήγου и здѣсь поставили монастырь, ὃ καὶ μέχρι τῆς σήμερον ἵσταται τὴν ἐπωνυμίαν φέρον τοῦ μοναχοῦ Ἰλαρίωνος. Одна женщина Іудитта, ἐκ τῆς τῶν Καλαυρῶν χώρας ὑπάρχουσα, пришла къ Лазарю, воздвигла храмъ Марины и усыновила восьмилѣтняго брата Лазарева Игнатія, τὸν τότε μὲν παῖδα ὑπάρχοντα, νῦν δὲ ἡγούμενον ἡμῶν ὄντα, замѣчаетъ агиографъ. Особенно почиталъ святаго Ефес-

1) Болландисты при разборѣ памяти св. Θεοδοσία Νοβάου, IX вѣка, встрѣтивъ названіе Оровскаго монастыря, не знали, въ какихъ краяхъ онъ находился (ΑΑ. 88, авг. II. 851); изъ настоящаго Житія видно, что онъ находился въ Ефесской области.

скій митрополитъ Θεοδωρῆς, который даже далъ ему сосѣднюю съ монастыремъ землю для обработки (f. 109). Земля эта (часть ея застѣвалась подъ бобы) и монастырь находились около дороги (πλησίον τοῦ δρόμου). Гора, на которой Лазарь провелъ столпникомъ семь лѣтъ въ истязаніяхъ плоти посредствомъ желѣзныхъ веригъ, называлась Галисій (Γαλήσιον), была скалиста, камениста, не доступна и безводна¹⁾. На ней давно скончался аскетомъ монахъ Παφνούτιος, καθὼς ἐξ αὐτοῦ δὴ τοῦ ἁγίου πατρὸς ἡμῶν Λαζάρου ἤκουσα, говоритъ біографъ. Этотъ Παφνούτιος происходилъ родомъ изъ Аѳинъ, въ молодости былъ въ Римѣ и другихъ мѣстахъ; послѣ кончины тѣло его было перенесено въ Константинополь; мощи его были раздѣлены, а глава, пишетъ агиографъ, и доселѣ хранится въ храмѣ Спасителя.

При описаніи многочисленныхъ чудесъ при жизни св. Лазаря Галисіота (ὁ Γαλησιώτης) являются слѣдующія лица: монахи Μελετίος Мавръ, Николай Господиблагословишинъ (Κύρ Εὐλόγητος), «Григорій, отецъ бывшаго нашего иконома Кирилла», священникъ Μινα ἐκ τοῦ χωρίου Σαμαχίου, монахъ Παξαμάδης, Іоаннъ Κουφαλίδης, родомъ изъ Атталіи, протоспаѳарій Левъ Василиць²⁾, Μεθοδῖος ὁ Μακρὸς³⁾ и Сава ὁ ἐκ τοῦ Ῥιζηνῶν, явившіеся къ Лазарю изъ τοῦ μέρους τοῦ Χαλκοῦ Ἄλωνίου, монахъ Φοτίος, ѣздившій изъ Іерусалима въ Константинополь и посѣтившій въ Лидіи (περὶ τὰ μέρη τῆς Λυδίας) монастырь Θεοφιλакта τὴν λεγομένην Κουζηνᾶν⁴⁾, монахъ Βαρεολομῆος, «нынѣшній нашъ икономъ», Κορνιλῖος изъ Армянской страны, монахъ Γερμανὸς ὁ νῦν τῶν Βαρβατζιανῶν οἰκονόμος ὢν, игумень съ братіею въ Лопадійскомъ монастырѣ, Βασίλειος ὁ Βλαττοπόλης изъ Смирны, постриженникъ монастыря Κουζηνᾶ, Ιμερίος ὁ τοῦ μετὰ Ἰωάννου λεγομένου κηδεστής, Μακρεμβολίτης⁵⁾, Іоаннъ ὁ τοῦ Μιτᾶ τὴν τοῦ Μυρελαίου⁶⁾ ἐπί-

1) Собственно говоря, въ Житіи нѣтъ рѣчи о Галисійскомъ монастырѣ, но это само собою разумѣется; выраженіе ἡ μονὴ τοῦ Γαλησίου встрѣчается у Пахимера (Migne, Patr. gr. t. 148 col. 701); τὸ Γαλήσιον у Влеммида, p. 84.

2) Βασιλίτζης Николай (Cantacuz. I. 509).

3) Одинъ изъ членовъ этой фамиліи у Miklosich et Müller. Acta et diplomata, IV, 173.

4) Вѣроятно это тотъ же монастырь, въ который сосланъ былъ въ XI в. Никифоръ Протеовъ и о которомъ Кедринъ говоритъ: εἰς τὸ Θρακῆσιον ἐν τῇ μονῇ τοῦ Κουζηνῶν (II, 610).

5) Макремоволиты уже въ XI в. считались аристократами; Евдокія Макремоволитисса приходилась племянницею патриарху Михаилу Керуларію. Особенною извѣстностью они пользовались въ XII вѣкѣ.

6) τὸ Μυρελαίων (Zachariae. Jus graeco-romanicum, I, 47). Въ Мирелейскомъ монастырѣ проживала послѣ постриженія супруга императора Исаака Комнина Ека-

σκεψιν τὴν ἐν τῷ θέματι τῶν Θρακησίων ἐγχειρισθεὶς и дядя его Евстаθῖй ὁ Μιτᾶ, Γεоргίῳ ὁ Αὐλητῆς ὁ καὶ Κύων ἐπιλεγόμενος, Θεοφιλακτῆ Ὁσαγρωπάλης, Κωνσταντίνῳ ὁ Φλασκᾶς, μοναχῷ Ἰωαννῷ Ἀρδαγαστηνός и много другихъ лицъ. Изъ другихъ чудесъ приводимъ дословныя выписки.

Ὁ δὲ τῆς Ἐφέσου μητροπολίτης δι' οἰκείας γραφῆς καὶ μὴ βουλούμενον τοῦ ὄρους κατελθεῖν αὐτόν (Лазаря) ἐποίησε καὶ εἰς τὴν ἁγίαν Μαρίναν πάλιν ἀπελθεῖν. καὶ δὴ μετὰ τινα καιρὸν εἰσελθόντος τοῦ μητροπολίτου ἐν Κωνσταντινουπόλει ἀποστέλλει ὁ πατὴρ οἰκοδόμον μετὰ καὶ ἀδελφοῦ, καὶ ἀνακαινίζουσι τὴν πρὸς τοῦ σπηλαίου μικρὰν δεξαμένην οὔσαν, ἣν πάλαι ὁ τοῦ ναοῦ τοῦ Προδρόμου τὸν λεγόμενον Μαρμαστὸν οἰκοδόμησεν (f. 122 v.).

Объ Ефесскомъ митрополитѣ Θεодорѣ II извѣстно было доселѣ слѣдующее: онъ вступилъ на кафедру послѣ Кириака, рукоположилъ Сисинія во епископа Теоса и онъ же, вѣроятно, разумѣется въ синодальныхъ опредѣленіяхъ патр. Іоанна Ксифилина отъ апрѣля 1066 и 6 ноября 1073 года¹⁾. Къ этому теперь мы можемъ присоединить, во-первыхъ, нѣсколько болѣе точныя данныя относительно времени его управленія и, во-вторыхъ, нѣсколько новыхъ о немъ фактическихъ данныхъ. По словамъ г. Скабалановича, Кириакъ подписался на обоихъ синодальныхъ опредѣленіяхъ 1027 и 1028 годовъ. Если мы отнесемъ его дѣятельность даже и къ 1030 году, то и въ такомъ случаѣ преемникъ его Θεодоръ былъ отдѣленъ отъ Кириака пространствомъ въ 30 лѣтъ, что слишкомъ много. Съ другой стороны, исходя изъ того положенія, что на Ефесской кафедрѣ за Θεодоромъ слѣдовалъ другой митрополитъ и оба они имѣли сношенія съ Лазаремъ и что, какъ прямо сказано въ Житіи, Галисійскій подвижникъ скончался въ 1054 году,— не трудно заключить, что дѣятельность Θεодора II относится къ болѣе раннему времени, чѣмъ какое ему отводитъ Н. А. Скабалановичъ, — именно къ 30—40 годамъ XI столѣтія, и потому въ синодальныхъ опредѣленіяхъ 1066 и 1073 годовъ подъ Ефесскимъ митрополитомъ долженъ подразумѣваться не Θεодоръ, а иной митрополитъ. Θεодоръ питалъ особенное уваженіе къ Лазарю Галисійскому и даже далъ ему въ собственность часть своей земли, смежной съ монастыремъ. Тѣмъ не менѣе Θεодоръ умѣлъ быть и требовательнымъ по отношенію къ безпокойному и постоянно мѣнявшему мѣсто Лазарю: собственноруч-

терина съ дочерью Марією (Scylitz.-Cedr. II, 649; Скабалановичъ, стр. 428), онъ упоминается и въ болѣе позднее время (Miklosich et Müller. Acta et diplom., I. 354).

1) Н. Скабалановичъ, стр. 405—406.

нымъ письмомъ онъ однажды просилъ Лазаря оставить гору и вернуться въ Маринину обитель, чему Лазарь долженъ былъ подчиниться, хотя и неохотно. Извѣстно теперь также, что Θεодоръ по дѣламъ ѣздилъ въ Константинополь. Послѣ него въ Житіи упоминается Ефесскій митрополитъ Евѣимій, личность доселѣ совершенно неизвѣстная. Онъ крестилъ одного сарацынина (τῶν τῆς Ἀγαρ ἀπογόνων) и желалъ видѣться съ Лазаремъ, для чего посылалъ новокрещенаго къ Галисійскому подвижнику вмѣстѣ съ толмачемъ. У себя въ Ефесѣ Евѣимій однажды принималъ грузинскаго инока Ιερεμίου (ἐπεὶ καὶ ἐν Ἐφέσῳ κατὰ πάροδον γέγονεν ὑπὸ τοῦ μητροπολίτου Εὐθυμίου ὑποδεχθεὶς), подвизавшагося въ Палестинѣ и ходившаго однажды въ столицу. О внѣшности Ιερεμίи въ Житіи замѣчено: τοιοῦτος γὰρ ἐδόκει τὸ σχῆμα καὶ τὴν μορφήν, οἷον δὴ τὸν Πρόδρομον ἱστοροῦσι.

Ἀπέσταλκέ ποτε ὁ πατὴρ γραφὴν μετὰ Ἰησαίου καὶ Νεοφύτου πρὸς Νικηφόρον τὸν Καμπάνην ἐν Κωνσταντινουπόλει, ἣν ἐκεῖνος δεξάμενος εἰς χεῖρας καὶ διελθὼν, στραφεὶς πρὸς τοὺς μοναχοὺς ἔφη· τί ἐστί, πατέρες; ὁ μοι ὁ πατὴρ ὁ ἅγιος ἔγραψεν, ὅτι ταραχὴ καὶ θόρυβος ἐν τῇ πόλει γέγονεν. ἀλλὰ σὺ μὴ θρονηθῆς, ὡς οὐδέν τι τοιοῦτον ἐν τῇ πόλει συμβέβηκε. πῶς μοι ὁ πατὴρ ἔγραψεν; οἱ δὲ ἀδελφοὶ μὴδὲ γινώσκουν περὶ τούτου εἰπόντες, προσκυνήσαντες ἀπὸ προσώπου αὐτοῦ ἐξῆλθον. Οὐ πολὺ τὸ μέσον, καὶ ἡ ἐπανάστασις γέγονε τοῦ βασιλέως Μιχαήλ, ὃς Καλαφάτης ὠνόμαστο. ὅτε αὐτὸς μὲν ἐν τῇ νέᾳ κυριακῇ Ζωὴν τὴν δέσποιναν ἀποκείρας ἐξώρισε, τῇ δὲ τρίτῃ τοῦ λαοῦ κατ' αὐτοῦ ἐπαναστάντος οὐκ ὀλίγος φόβος τῇ αὐτοῦ προτροπῇ ἐν τῷ ἱπποδρομίῳ¹⁾ ἐγένετο καὶ τῇ τετράδι αὐτὸς τε καὶ ὁ θεὸς αὐτοῦ εἰς τὸ λεγόμενον Σίμα²⁾ τοὺς ὀφθαλμοὺς ἐκτυφλοῦνται. ταῦτα ὁ τὴν τοῦ πατρὸς δεξάμενος γραφὴν θεασάμενος, προσκαλεσάμενος τοὺς ἀδελφούς λέγει· ἰδοὺ πατέρες, ὅπερ μοι ὁ ἅγιος πατὴρ ἔγραψε, πέρας ἔσχε σαφές, μὴ θέλων γὰρ ἐκφάναι ἀριδῆλως τὸ μέλλον ἐν τῇ πόλει γενέσθαι, ὡς ἦδη μοι γεγενημένον ἐδήλωσεν, ἀλλ' εἰ καὶ ἐκεῖνος ἑαυτὸν κρύπτειν πειρᾶται, ἐγὼ γοῦν ἀφ' ἧς ἡμέρας τοῦτον ἐώρακα, ὡς ἓνα τῶν πάλαι θεοφόρων καὶ ἁγίων πατέρων ἡγημαὶ τε καὶ σέβομαι. ἦν γὰρ ἐωρακῶς αὐτὸν πρότερον ὅτε κριτῆς ἐτέλει ὢν ἐν τῷ θέματι (f. 154 v.).

Описанное въ Житіи предсказаніе Лазаря насчетъ возмущенія въ Константинополѣ имѣло мѣсто въ апрѣлѣ 1042 года. До сихъ поръ дѣло низверженія Калафата представлялось въ слѣдующемъ видѣ: въ

1) ἱπποδρομίῳ cod.

2) Σίμα?

первое воскресеніе послѣ Пасхи, именно 18 апрѣля 1042 года, вечеромъ Зоя была отвезена на о. Принкипо, а ночью съ воскресенья на понедѣльникъ ее постригли и одѣли въ монашеское платье; въ понедѣльникъ утромъ епархъ города Анастасій явился съ царскимъ манифестомъ, въ которомъ объяснялись причины, заставившія удалить Зою. Не успѣлъ онъ кончить свое чтеніе, какъ толпа съ криками «Да здравствуетъ Зоя! долой Калафата» взялась за камни; епархъ едва успѣлъ спастись. На слѣдующій день, утромъ 20-го апрѣля, Теодора, объявивъ Калафата низложеннымъ съ престола, назначила, какъ императрица, новыхъ должностныхъ лицъ, въ томъ числѣ епархомъ столицы Никифора Кампанара. Между тѣмъ вооруженное возстаніе народа продолжалось, и съ утра вторника война противъ Калафата и придворныхъ началась съ новою силою и кончилась, унеся съ собою не мало жертвъ. По словамъ Скилиція, погибло около 3000 человекъ, но это показаніе должно понимать въ самомъ общемъ смыслѣ: число 3000 слишкомъ часто фигурируетъ въ византійскихъ бунтахъ. Къ вечеру явился въ Студійскій монастырь новый епархъ, Никифоръ Кампанаръ, съ порученіемъ отъ Теодоры взять Михаила Калафата и его дядю Константина и перевести ихъ въ другое, болѣе надежное мѣсто. Едва они успѣли пройти изъ Студійскаго монастыря въ мѣстность «Сигму», какъ навстрѣчу имъ попались палачи съ орудіями для ослѣпленія. Новеллссимъ Константинъ и тутъ не потерялъ присутствія духа и самъ первый легъ на землю; Калафатъ же потерялъ всякое самообладаніе... На слѣдующее утро, въ среду 21 апрѣля ослѣпленные провезены были на мулахъ по улицамъ столицы и отправлены въ ссылку¹⁾. Житіе Лазаря даетъ нѣсколько новыхъ подробностей. Никифоръ Кампанаръ²⁾ былъ прежде судьей, вѣроятно, въ азіатской еемѣ³⁾, видалъ Лазаря, зналъ и уважалъ его. Передъ возстаніемъ онъ проживалъ въ Константинополѣ, случайно ли, или былъ вызванъ заблаговременно оппозиціонною партіею, во главѣ которой стояла Теодора. Исаія и Неофитъ прибыли къ нему съ письмомъ отъ Лазаря около 17 апрѣля 1042 года. Кампанаръ, безъ сомнѣнія, знавшій о тревожномъ состояніи города, тѣмъ не менѣе очень удивился, прочтя о какомъ-то бунтѣ въ столицѣ. Но затѣмъ быстро наступившія рѣ-

1) Скабалановичъ, стр. 44, 47, 49, 50.

2) Какъ кажется, въ Житіи слѣдуетъ читать *Καμπανάρης*.

3) Судебное разбирательство быть можетъ этого Кампанара (ὁ *Καμπανάρης* ὁ *χρίτης*) помѣщено въ *Παῖρα* (*Zachariae. Jus graeco-romanum*, I, 88).

шительныя событія, выдвинувшія его на весьма видный постъ столичнаго градоначальника, оправдали предсказаніе Галисійскаго подвижника, и Кампанара могъ съ удовольствіемъ заявить посланцамъ о святости ихъ старца. Насъ менѣе интересуетъ чудо Лазаря, а болѣе литературная его форма: оказывается, что агиографъ пользовался въ данномъ случаѣ свѣдѣніями Скилиція, по крайней мѣрѣ не привнесъ къ нимъ ничего новаго: по Скилицію (что видно изъ контекста), постриженіе Зои произошло въ воскресенье, — по Житію *ἐν τῇ νεᾷ κυριακῇ*; событія понедѣльника выпущены агиографомъ; далѣе, по Скилицію (II, 538), *τῇ τρίτῃ... δήμου ἐν τῷ ἱππικῷ προσβαλόντος... γίνεται φόνος πολὺς*, — по Житію, *τῇ δὲ τρίτῃ οὐκ ὀλίγος φόνος ἐν τῷ ἱπποδρομίῳ ἐγένετο*; по Скилицію, Калафатъ ослѣпленъ «21-го апрѣля 1042 года», по Житію *τῇ τετράδι*, т. е. въ среду 21-го числа.

Κωνσταντῖνος ὁ Βαρὺς ἐπονομαζόμενος παρὰ τοῦ βασιλέως Μονομάχου ἐξορίαν κατεδικάσθη ἦν γὰρ περὶ τῆς βασιλείας ὑποπτευόμενος. μαθὼν δὲ τὰ περὶ τοῦ πατρὸς ἐπιστολὴν γράψας καὶ ἰκανὴν χρυσίου ποσότητα ἐν ἀποδέσμῳ μετὰ μολιβδίνης σφραγίδος θέμενος ἐπισφραγίσας τε ἑμοῦ καὶ τὸ γράμμα, ταῦτά τε καὶ ἐν σκαραμάγγιον ἀπέστειλε μετὰ τινος πιστοῦ αὐτοῦ ἀνθρώπου πρὸς τὸν πατέρα... Но Лазарь τὴν ἐπιστολὴν ἀναπτύξας καὶ εὐρών ἐν αὐτῇ, ὅτι δήλωσιν αἰτεῖ παρ' αὐτοῦ περὶ βασιλείας, εἰ ἄρα μέλλει ταύτης ἐπιλαβέσθαι μετὰ τὸ ξυνοσθῆναι τὸν ἄνθρωπον καὶ ἀνελεῖν πρὸς αὐτόν, ἐκβαλὼν τότε χρυσίον βεβουλωμένον ¹⁾ καὶ τὸ βλατίον ²⁾ δίδωσιν αὐτῷ πάλιν ταῦτα, προσπαρασχῶν αὐτῷ καὶ δύο νομίσματα... (f. 157). . . Святой сказалъ посланцу: возьми принесенное, вернись къ пославшему и скажи, что мы недостойны знать это... Βραχὺς ὁ μεταξὺ χρόνος καὶ οὐ μόνον τῆς βασιλείας ὁ ἀφ' ἑαυτοῦ ταύτην ζητῶν οὐκ ἐπέτυχεν, ἀλλὰ καὶ τὴν οἰκείαν γλῶσσαν διὰ ταύτην ἀπώλεσε... сὺτῳ δυστυχῇ λαμβάνει τὴν ἐκβασιν. — Личность Константина Вариса, хотя и не засвидѣтельствована историографіею, тѣмъ не менѣе нѣтъ причинъ сомнѣваться въ ней; въ X в. Михаилъ и сынъ его Константинъ Варисъ, въ должности командира Иканатскаго батальона, стояли на сторонѣ правительства и оказали ему важную услугу въ борьбѣ съ Львомъ Фокою ³⁾. Въ половинѣ XI столѣтія могъ жить, пожалуй, внукъ Константина, носившій имя своего дѣда. Любопытно, что о заговорѣ его противъ Мономаха современники не упоминаютъ; а между

1) βεβουλωμένου cod.

2) βλατίον.

3) Cedren. II, 294.

тѣмъ о тяжести его преступленія можно судить по силѣ наказанія. Н. А. Скабалановичъ между заговорами Мономахова времени находить одинъ, въ которомъ заговорщикъ не поименованъ: онъ имѣлъ намѣреніе около 1050 г. зарѣзать императора въ его спальнѣ и овладѣть престоломъ, но былъ схваченъ и подвергнутъ допросу. Какъ онъ былъ наказанъ, говоритъ Скабалановичъ, неизвѣстно¹⁾. Но теперь, если отождествить заговорщика съ Константиномъ Варисомъ, то придется думать, что не смотря на разныя заискиванія и подкупы, къ которымъ онъ прибѣгалъ въ предварительномъ заключеніи, онъ все-таки былъ лишенъ языка и сосланъ. Единственнымъ препятствіемъ къ такому отождествленію служитъ разница въ происхожденіи заговорщиковъ: Константинъ Варисъ былъ, какъ кажется, византиецъ²⁾, а заговорщикъ 1050 года — иностранецъ. Τὰ δὲ κατὰ τὸν ἤδη ῥηθῆσόμενον ἄνδρα Νικηφόρον δηλαδὴ τὸν τοῦ Εὐθυμίου καὶ τοι διὰ τὴν αὐτὴν ὑποψίαν παρὰ τοῦ αὐτοῦ βασιλέως τὴν ἰσθὴν ἐξορίαν κατακριθέντα ὑπὸ χρηστῆς καὶ συνετῆς γνώμης δεξιᾶς τυγχάνει καὶ τῆς ἐκβάσεως. Приводится нѣсколько сходное съ предыдущимъ чудо. Личность Никифора и участіе его въ заговорѣ извѣстны изъ лѣтописи: оговоренный въ 1050 году Никифоръ, сынъ Евѳимія, изъ всѣхъ своихъ родичей заплатился одинъ: имущество его было конфисковано, а самъ онъ сосланъ³⁾. Не помогли ему ни надежда на подкупъ, ни заискиваніе его передъ Лазаремъ!

XI. Житіе св. Кирилла Филеота.

Личность Кирилла Филеота совершенно неизвѣстная въ православной агиографіи. Проф. Сп. Ламбръ⁴⁾ впервые въ 1895 году указалъ на существованіе житія его въ рукописи Аѳонскаго Каракаллова монастыря: Βίος καὶ πολιτεία καὶ μερικὴ θαυμάτων διήγησις τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Κυρίλλου τοῦ Φιλεώτου, συγγραφεὶς παρὰ τοῦ ὁσίου Νικολάου τοῦ Κατασχεπηνοῦ (Εὐλογητὸς ὁ Θεός: cod. № 42, 1341 г. л. 47—203). Мы имѣли возможность читать это Житіе по означенной рукописи и извлечь изъ него наиболѣе существенныя данныя. Но предварительно слѣдуетъ замѣтить, что агиографъ Кирилла, Николай Ката-

1) Н. Скабалановичъ. Визант. госуд. и церковь въ XI в. Спб. 1884, стр. 66.

2) Врачъ Варύς упоминается у Сантасуз. I, 403, 405.

3) Sedren., II, 602; Скабалановичъ, стр. 66.

4) Sp. Lambros. Catalogue. Cambridge 1895 I. 132.

скепингъ — его современникъ и почти землякъ¹⁾, не безызвѣстный церковный пѣснописецъ, авторъ «Великаго канона» (Κανὼν μέγιστος), находящагося въ двухъ спискахъ Аѳонскаго Пантелеимоновскаго монастыря²⁾; поэтому фактическія свѣдѣнія Житія, исходящія прямо-илинотъ самого Кирилла, или его среды, заслуживаютъ полнаго довѣрія, хотя и нуждаются въ нѣкотораго рода проверкѣ.

Кириллъ (въ мѣрѣ Кириакъ) родился κατὰ τὸ Θρακῶν μέρος ἐν τῷ χωρίῳ Φιλέα. По словамъ царевны Анны (II. 86), τόπος δὲ παράλιος οὗτος τοῦ Πόντου, занесенное во всѣ сколько нибудь полныя историческія атласы³⁾.

По достиженіи возраста онъ отъ руки мѣстнаго архіепископа (παρὰ τοῦ τῆς χώρας ἀρχιεπισκόπου) былъ поставленъ въ чтецы; въ своемъ клирѣ его желали видѣть многіе, въ томъ числѣ и самъ архіепископъ Деркскій (Δέρκου). На двадцатомъ году онъ женился и сталъ отцомъ семейства. Въ это время въ немъ обнаружилась склонность къ подвижничеству. Три года онъ служилъ на суднѣ и ѣздилъ по разнаго рода дѣламъ по Дунаю: ἀπῆλθομέν ποτε εἰς τὰ παρά Δάνουβιν φρούρια διὰ τινὰ πραγματεῖαν καὶ ἀνύσαντες αὐτὴν ὑπεστρέφομεν εἰλαδὲ (f. 61). Съ ранняго времени открылось въ немъ юродство, котораго однако не могли понять ни его жена, ни другія близкія къ нему лица. Однажды, рассказывалъ онъ Николаю Катаскепину, ὡς διεπλέομεν μέσον τοῦ ποταμοῦ, μὴ δυνάμενος ἐμαυτοῦ περιγενέσθαι ἡρξάμην γοερῶς θρηνεῖν καὶ τὴν ὄψιν μου ποτε μὲν τύπτειν . . . οὕτως ποιῶντός μου ὡς εἶδον οἱ ναυτικοὶ ἤρξαντο ὀρκίζειν με . . . ἐγὼ δὲ οἰμώξας μέγα εἶπον οὗτος ὁ ποταμὸς, ὃν ὁρᾶτε, ὡς ἀνέμαθον, ἐξέρχεται ἐκ τοῦ παραδείσου καὶ κυκλοῖ πᾶσαν τὴν γῆν. ἐλογισάμην οὖν αὐτὸν εἶναι χάρτην ἐγγεγραμμένης ἔχοντα τὰς ἀμαρτίας μου, но разсужденія эти вызвали лишь смѣхъ въ путешественникахъ. Кириакъ хотѣлъ было бросить семью и стать отшельникомъ, но уступилъ просьбамъ жены и остался въ своей келіи (ἠύλιζετο ἐν τῷ ἐρημικωτέρῳ τόπῳ τῆς λίμνης), подвергая истязаніямъ свою плоть: ἐδέσμησε δὲ καὶ τὸ σῶμα σιδῆρῳ βαρεῖ. Изъ своего уединенія Кириакъ однажды ходилъ въ Константинополь и помолившись въ

1) Катаскепа — мѣстечко около устьевъ Понта, гдѣ въ XII вѣкѣ императоръ Мануилъ Комнинъ воздвигъ обитель во имя Архистратига Михаила (Nicet. Choniata, I. 270, ed. Bonn.).

2) Проф. Крумбахеръ не знаетъ этой личности.

3) Въ Атласѣ von Kampen (Justus Perthes) 1893 (tab. 7 и 10) ошибочно: Philias. К. Σάδας называетъ его (Bibliotheca graeca medii aevi, VII. 676) προάστειον (Константинополя?).

храмѣ Влахернской Богоматери, вернулся обратно. ἔστι δὲ ἡ ὁδὸς, ὡς τινες λέγουσι, μίλια τριακονταεξή καὶ τεσσαράκοντα. Разъ мѣстность, въ которой онъ жилъ, посѣтилъ голодь и моровое повѣтріе: λιμοῦ δὲ σφοδροῦ ποτε κατὰ τὴν χώραν γενομένου, καὶ πολλῆς θνήσεως ὑπὸ τε τοῦ λιμοῦ καὶ λοιμοῦ συμβάσης, καὶ ὁ θαυμαστός οὗτος ἀνὴρ ὑστερήθη τῶν ἀναγκαίων πρὸς μικρόν. Оставивъ послѣдній хлѣбъ своей семьѣ, Кириакъ отправился опять въ столицу. Дорогою онъ изнемогъ отъ голода и трудностей пути, помолился Богу и Господь чудеснымъ образомъ даровалъ ему пищу. Явившись въ храмъ, святой со слезами на глазахъ вознесъ Богородицѣ и Спасителю благодарственныя молитвы. Изъ Богородичнаго храма онъ прибылъ въ мѣстечко Неаполь (τὸ χωρίον Νεάπολιν). Неапольскій кураторъ спросилъ о личности пришельца, но не получивъ отвѣта, прибилъ его; впрочемъ онъ скоро догадался, что это юродивый праведникъ, и просилъ прощенія. Затѣмъ Кириакъ снова появляется въ Константинополѣ и знакомится здѣсь съ подвижникомъ-монахомъ Иларіономъ.

Ἦξίωσε δὲ αὐτὸν ὁ ὀσιος ἐκεῖνος ἀνὴρ ἐκπέμψαι μετὰ γραμμάτων, ὡς μέγα(ν) τινὰ θησαυρὸν πρὸς τινὰ γυναῖκα τῶν ἐπιφανῶν, τὸ ἐπίκλην Κομνηνὴν οὐπω δὲ ἦν βασιλεύουσα. ἐτίμα γὰρ αὐτὴν κρατοῦντος τότε τὰ σκῆπτρα τῆς βασιλείας νεωστὶ τοῦ εὐσεβεστάτου κυροῦ Μιχαήλ τοῦ Δοῦκα. τῆς γὰρ ἀγνωσμένης ἀρετῆς ὡσπερ τοῦ κατωρυγμένου χρυσοῦ ἢ λαμπρότης οὐ βλέπεται. ἀπελθὼν μέντοι ὁ ὀσιος πρὸς αὐτὴν τὰ γράμματα αὐτῇ δέδωκε. ἡ δὲ ταῦτα ἀναγνοῦσα καὶ αὐτὸν ἐπιγνοῦσα ἔκ τε τοῦ στολίσματος καὶ βαδίσματος καὶ βλέμματος καὶ τῆς ὠχρότητος καὶ ξηρότητος τῆς ὄψεως (ἦν γὰρ συνεσταλμένος τῷ ᾄθει), ἀναστᾶσα προσέπεσεν αὐτοῦ τοῖς ποσὶ, δεομένη τῆς παρ' αὐτοῦ εὐχῆς καὶ εὐλογίας (f. 78 v.).

Удостоилъ же его (Кириака) блаженный тотъ мужъ послать съ письмами, какъ великое нѣкое сокровище, къ одной женщинѣ изъ аристократіи, по прозванію Комнинѣ. Она еще не была царствующею особою. Ее онъ почиталъ (тогда только что вступилъ въ управление скипетромъ царства благочестивѣйшій государь Михайль Дука). Не зримъ вѣдь блескъ незнаемой добродѣтели, какъ зарытаго злата. И такъ блаженный, отправившись къ ней, передалъ ей письма. Она же, прочтя ихъ и узнавъ его по одеждѣ, походкѣ, взгляду, блѣдности и сухости взира (ибо онъ былъ сосредоточеннаго нрава), встала и поклонилась ему въ ноги, прося у него молитвы и благословенія.

Само собою разумѣется, нѣтъ возможности опредѣлить болѣе точнымъ образомъ личность Комниной; но не лишне будетъ припомнить здѣсь, что вообще отношенія Михаила Дуки или Паралинака къ Комнинамъ получили болѣе дружественный характеръ лишь со времени окончательнаго паденія Романа Діогена, приверженцами котораго они были. Одною изъ первыхъ мѣръ молодаго императора въ 1072 году было вызвать изъ ссылки куропалатиссу Анну Комнину (урожденную Далассину) вмѣстѣ съ ея дѣтьми и породниться съ домомъ Комниновъ посредствомъ выдачи племянницы своей жены Маріи за Исаака Комнина¹⁾. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, если въ приведенномъ отрывкѣ подъ Комниною разумѣется именно Анна. Она никогда не была царицею—супругою царя, такъ какъ Іоаннъ Комнинъ, къ неудовольствію ея, отклонилъ отъ себя предложеніе короны, и если сдѣлалась августою, то только въ послѣдствіи, въ положеніи матери Алексѣя Комнина. Вызывая изъ заточенія Анну Комнину, Михаилъ Дука очевидно питалъ къ ней большое уваженіе, — Житіе прямо свидѣтельствуеетъ о томъ же²⁾. Въ свою очередь Анна, питая уваженіе къ иноку Иларіону и вообще къ монахамъ (φιλομόναχος), прониклась почтеніемъ и къ Иларіонову посланцу Кириаку, бесѣдовала съ нимъ о спасеніи души и на прощаніи убѣдила его взять нѣсколько денегъ.

Далѣе Кириакъ отправился на поклоненіе въ Хоны. Дорогою разбойникъ отнялъ у него деньги, но потомъ, увѣровавъ въ его святость, вернулъ три номисмы и одинъ милліарисій обратно. Изъ Хонъ блаженный пошелъ къ своему духовному отцу, *ὃς τὴν οἰκίαν ἐκέκτητο ἐν τῷ Στενῶ ἐν τῷ χωρίῳ Νεαπόλει ἐν τῇ μενῆ τοῦ ἁγίου Φιλίππου*. Слава о Кириакѣ распространилась далеко и многіе міряне и даже болѣе благочестивые изъ игуменовъ стали посѣщать его. Въ это время два его родственника ѣздили въ Римъ для поклоненія св. апостоламъ въ чаяніи исцѣленія отъ своихъ болѣзней. Въ дошедшихъ до насъ Житіяхъ греческихъ святыхъ XI вѣка постоянно попадаются указанія на то, что греки изъ Византіи ѣздили для поклоненія въ Римъ: Пафнутій Аѳинскій, Лазарь Галисійскій (собиравшійся, но не попавшій), два родственника Кириака, Христодулъ, Мелетій Новылъ,—всѣ они горѣли желаніемъ поклониться гробницамъ Петра и Павла. Акад. В. Василь-

1) Nicerh. Vruen., p. 56; Н. Скабалановичъ, стр. 111.

2) По прямому смыслу фразы выходитъ, что Иларіонъ уважалъ Комнину; впрочемъ неясность оборота очевидна; не служитъ ли здѣсь подлежащимъ genitivus absolutus, примѣры чего изрѣдка встрѣчаются и у другихъ писателей?

евскій объясняетъ это традиціею, оказавшеюся столь крѣпкою, что ее не могло поколебать даже такое событіе, какъ окончательное раздѣленіе церквей¹⁾. Ἐκέκτητο δὲ πλησίον τοῦ χωρίου αὐτῶν ἐκκλησίαν προγονικὴν τῷ τοῦ θεοῦ καὶ σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ ὀνόματι σεμνονομένην, ἄοικον δὲ καὶ ἀνεπιμέλητον, ἐν ᾗ ὁ Μιχαὴλ κατοικήσας καὶ ἀποκαρεῖς μετωνομάσθη Ματθαῖος, ὃς τῇ τοῦ θεοῦ συνεργίᾳ καὶ χάριτι ἐξ οἰκείων καὶ πόνων μοναστήριον συνεστήσατο καὶ ἀδελφούς ἀπεκτήσατο καὶ συντόμως εἰπεῖν ἐκ τοῦ μὴ ὄντος εἰς τὸ εἶναι καὶ εὖ εἶναι αὐτὴν ἀπειργάσατο. Братъ Михаила, Кириакъ ходилъ къ нему и устроилъ здѣсь монастырское житіе.

Ἐγένετο δὲ τις ἐθνῶν ἐπιδρομὴ κατὰ τὸ Θρακῶν μέρος· καὶ πάντων τοῖς φρουρίοις προσφευγόντων διὰ τὸν φόβον αὐτῶν. προσέφυγε καὶ ὁ ἀββᾶς Ματθαῖος μετὰ τῶν συναδελφῶν αὐτοῦ εἰς τὸ φρούριον Δέρκου. ὁ δὲ ὄσιος αὐτάδελφος αὐτοῦ διὰ τὴν τοῦ πλήθους ὄχλησιν οὐκ ἠθέλησε συνεισελθεῖν, ἀλλ' εἰς ἐρημικώτερον τόπον τῆς λίμνης ἀπελθὼν καὶ εἰς ἔλος μικρὰν καλύβην πηξάμενος, ἐκεῖσε ἦν, ἕως οὐχ ὁ θεὸς τοὺς θεηλάτους ἐκείνους ἐχθρούς ἐκ τῆς χώρας ἀνήλασεν (f. 89).

Случилось же нѣкое вторженіе народовъ во Θρακίϊскую область. И всѣ бѣжали изъ-за страха передъ ними въ крѣпости. Бѣжалъ и авва Маттѳей съ братьями своими въ крѣпость Дерскую. А блаженный братъ его (родной) изъ-за безпокойства отъ толпы не пожелалъ войти съ нимъ, но уйдя въ болѣе пустынное мѣсто залива, въ низменность, сколотилъ себѣ небольшую хижину и жилъ тамъ до тѣхъ поръ, пока Богъ не удалилъ изъ страны наславныхъ имъ тѣхъ враговъ.

Въ приведенномъ отрывкѣ подъ варварами необходимо, какъ кажется, разумѣть Печенѣговъ. Извѣстно нѣсколько походовъ ихъ при имп. Алексѣѣ на имперію, изъ которыхъ одинъ относится къ 1086 году: они опустошали тогда Θρακίю и Μακεδονίю, разбили греческія войска Бакура и Вароза, но были разсѣяны Тактикніемъ²⁾.

Съ этого времени Кириакъ уже не возвращался въ свою семью, но уйдя въ монастырь Спаса, принялъ здѣсь постриженіе подъ именемъ Кирилла. Въ цвѣтущей мѣстности онъ построилъ келію и обитель Спаса и прожилъ здѣсь молчальникомъ три года. Δέδωκε δὲ ποτε

1) В. Васильевскій. Одинъ изъ греческихъ сборниковъ, стр. 11; его же: Някоя Мевонскаго и Θεοδора Προδрома житія Μελετία Νοβαго, стр. XVI—XVII.

2) Anna I. 223; Zonar. IV. 241.

ἐπάνω καμάλαυκα ἕνδεκα ἐκ τοῦ ἐργοχειροῦ αὐτοῦ φιλοχρίστῳ τινὶ πορευομένῳ εἰς Ἀγχίαλον τοῦ πωλῆσαι ταῦτα πρὸς σίτον, но христолубецъ, забывъ о порученіи, возвратилъ Кириллу эти камалаука. Однажды святой встрѣтился съ армяниномъ и завелъ съ нимъ разговоръ о вѣрѣ; результатомъ бесѣды ихъ было присоединеніе армянина къ католической и апостольской церкви.

ἽΟτε δὲ τὸ τῶν Σκυθῶν μυσαρῶ-
 τатон γένος ἐξῆλθε παγγενῆ ληίζον
 τὴν δύσιν, ἔφθασε καὶ μέχρι τοῦ
 Θρακίου μέρους, πάντων δὲ κατα-
 φευγόντων ἐν τοῖς φρουρίοις διὰ τὸν
 ἐπιχειμενον κίνδυνον, οὐκ ἠθέλησεν
 ὁ ὅσιος διὰ τὴν ὄχλησιν ἀπελθεῖν ἐν
 τῷ φρουρίῳ Δέρκου, ἀλλὰ πρὸς τὴν
 Προποντίδα τοῦ Στενοῦ ἀπελθὼν
 πρὸς τινὰς μοναχοὺς ἐδέχθη ὑπ'
 αὐτῶν ἀσμένως καὶ μᾶλλον ὑπὸ τοῦ
 προεστῶτος τῆς μονῆς (f. 103).

Когда же отвратительнѣйшій родъ Скиѳовъ вышелъ со всеѣмъ родомъ своимъ, опустошая западъ, и достигъ до Θρακίϊской области, то все побѣжали въ крѣпости въ виду угрожающей опасности,—блаженный же; безпокоймый (народомъ), не захотѣлъ идти въ Деркскую крѣпость; но уйдя къ Босфорской Пропонтидѣ къ нѣкоторымъ монахамъ, былъ принять ими радушно, въ особенноти на стоятелемъ монастыря.

Этотъ походъ Печенѣговъ относится, быть можетъ, къ 1091 году: они прошли тогда Θρακίю и обложили Хировакхскую долину; имп. Алексѣй хотя и одержалъ надъ ними побѣду, но не могъ помѣшать имъ отсюда идти на самую столицу¹⁾. Впрочемъ стереотипность разсказа такова, что почти невозможно сказать, разумѣется ли здѣсь иной походъ Печенѣговъ, или тотъ же, о которомъ только что была рѣчь.—Но когда его сталъ навѣщать здѣсь народъ, Кириллъ покинулъ обитель. По словамъ его,

ἽНν δὲ τῷ τότε καὶ ὁ τῶν Σκυ-
 θῶν ἀφόρητος χειμὼν ἐκεῖνος τῇ
 τοῦ θεοῦ βοηθείᾳ καὶ τῇ τοῦ κρατοῦν-
 τος συνεργείᾳ εἰς γαλήνην μετα-
 βληθεῖς. τούτων οὕτω συμβάντων
 ἀνῆλθον ἐν τῇ μονῇ, ἐν ἣ καὶ πρῶ-
 ην σὺν θεῷ κατέφκησα, ἡσυχάζων
 ἐν τῷ κελλίῳ μου (f. 109 v.).

Была же въ то время невыносимая та скиѳская зима, Божіею помощію и содѣйствіемъ государя, превращена на миръ. Среди такихъ событій я поднялся въ обитель, въ которой и ранѣ жилъ съ Богомъ, безмолвствуя въ своей келии.

Подъ Скиѳами здѣсь разумѣются, какъ кажется, Половцы, походъ

1) Anna II. 1 sq.

которыхъ на имперію подѣ начальствомъ Тугортака относится къ 1095 году. Вмѣстѣ съ Валахами они проникли во Фракію до Анхіала и Адрианополя и провозгласили императоромъ Діогена. Алексѣй нанесъ имъ пораженіе у Агаоники и Аврилево (близь Адрианополя¹⁾. Событіе это отмѣчено также нашею лѣтописью и кромѣ того описано въ одномъ изъ чудесъ св. Мелетія Новаго²⁾.

Источникъ воды, устроенный Кирилломъ, оказался цѣлебнымъ; агіографъ свидѣтельствуетъ, что онъ самъ пилъ изъ него воду и выздоровѣлъ отъ боли въ желудкѣ. Молитвами святаго получили исцѣленіе жители Филеи по прозванію Клапᾶς и Μελιμαυρᾶς. Въ числѣ почитателей Кирилла былъ Константинъ Хиросфактъ, который однажды явился къ святому и бесѣдовалъ съ нимъ о спасеніи души. Ἦν γάρ ὁ ἄνθρωπος εὐλαβῆς καὶ φοβούμενος τὸν θεόν· λέγει αὐτῷ· οἶδας, ὅτι κέκτημαι κτήμα πλησίον τῆς μονῆς· ἀποχαρίζομαι λοιπὸν τοῦτο τῇ ἀγιωσύνη σου ἐξ ὀλοκλήρου, οὐ μόνον δὲ, ἀλλὰ καὶ τὰ ζῶα, ἕσα ἐν αὐτῷ κέκτημαι, καὶ εἰ κελεύεις, ἔστωσαν ἐν τῇ μονῇ· εἰ δ' οὖν πωλήσας αὐτὸ μετὰ τῶν ἐν αὐτῷ, διάδος πτωχοῖς, ὅπως σὺν θεῷ διὰ σοῦ εὖρη κουφισμὸν τινα ἐλεεινῆ μου ψυχῆ ἐν τῇ ἡμέρᾳ τῆς κρίσεως (f. 114). Изъ двухъ фамилій Хиросфаговъ (Χοιροσφαγεῖς) и Хиросфактовъ (Χοιροσφάκται), отождествляемыхъ де Бооромъ, послѣдняя пользовалась бѣльшею извѣстностью. Изъ Хиросфаговъ мы знаемъ пока одного Льва, ѣздившаго при имп. Львѣ Мудромъ посломъ къ восточнымъ патріархамъ³⁾; изъ Хиросфактовъ же извѣстны въ XI вѣкѣ Евстратій, Михайлъ и Константинъ. Евстратій Хиросфактъ, магистръ, протонотарій дрома и протасикритъ, съ которымъ переписывался Михайлъ Пселлъ⁴⁾, палъ въ битвѣ при Манцикертѣ⁵⁾; Михайлъ Хиросфактъ, извѣстный также своею корреспонденціею съ Пселломъ⁶⁾, и наконецъ Константинъ Хиросфактъ, бывшій сначала преторомъ Еллады и Пелопонниса⁷⁾, потомъ прото-

1) Anna II. 62 sq.; Zonar. IV. 244.

2) В. Васильевскій: Николая и Θεοδора житія Мелетія, стр. XXV, 26—27, 103—104; Одинъ изъ греческихъ сборниковъ, стр. 15.

3) Vita Euthymii, ed. de Boor. Berolini 1888 p. 46, 53.

4) Psell. ap. Satham, V. 372.

5) Mich. Attalio. p. 167.

6) Tafel. Eustath. Thessal. op., p. 256; здѣсь письмо приписано Евстацію, но какъ показалъ В. Гр. Васильевскій (Описание Порфиріевскаго сборника № 250. Спб. 1885 стр. 28), оно относится къ Пселлу.

7) Печать его: Ἑλλάς με καὶ (ἡ) Πελοπόννησος δέχου Κωνσταντῖνον πραιτώρα τὸν Χοιροσφάκτην издана у G. Schlumberger. Sigillogr. byzant. p. 188, 686; Mordtmann въ Revue archéolog. 1877, II. 48; В. Васильевскимъ: Одинъ изъ греческихъ сбор-

проедръ и ἐπὶ τῶν δεήσεων, одинъ изъ близкихъ чиновниковъ при дворѣ имп. Алексѣя Комнина, оформившій въ 1088 году передачу иноку Христодулу о. Патмоса для построения здѣсь монастыря¹⁾. Какъ видно изъ Житія Мелетія Новаго, онъ питалъ особое благоговѣніе къ этому святому; когда заболѣлъ близкій ему слуга, онъ усиленно просилъ св. Мелетія помолиться и возложить на него руки; Міупольскій подвижникъ убѣдился доводами Константина и исцѣлилъ больного²⁾. Изъ разбираемаго здѣсь Житія св. Кирилла видно, что Константинъ былъ богатый землевладѣлецъ, имѣнія котораго съ полнымъ сельско-хозяйственнымъ инвентаремъ, что называется въ полномъ ходу, разбросаны были въ разныхъ мѣстахъ; одно изъ такихъ имѣній, находившихся близъ Кирилловой обители, владѣлецъ принесъ въ даръ монастырю. Другой видный человѣкъ, Евмаѳій дуксъ Филокались (Εὐμαθῖος δοῦξ ὁ Φιλοκάλης), котораго Кириллъ встрѣтилъ очень недружелюбно (τί ἐλήλυθας ἐνταῦθα, μονόλυχε, ὁ μήτε τὸν ποιμένα φοβούμενος καὶ τὰς χύνας μὴ αἰδοόμενος, ἀλλ' ἀφειδῶς τὰ ποίμνια σπαράσσων (f. 116), приходилъ для молитвы къ исцѣленію своей хромоты, и святой помогъ ему въ этомъ. Личность Филокались засвидѣтельствована и дочерью имп. Алексѣя. Это былъ дуксъ Кипра, назначенный Алексѣемъ въ 1092 году на постъ стратопедарха для охраны острова³⁾. По словамъ царевны Анны, этотъ родовитый человѣкъ не получилъ никакого военнаго образованія и не умѣлъ какъ слѣдуетъ ни натягивать лука, ни закрываться щитомъ; но обладая природнымъ умомъ, открытымъ сужденіемъ и отличаясь практичностью и дѣловитостью, онъ какъ никто другой способенъ былъ устраивать засады и одолевать непріятеля не въ открытомъ бою, а путемъ разныхъ военныхъ хитростей, и въ этомъ отношеніи изобрѣтательность его была почти гениальна. Гроза враговъ, Евмаѳій при нападеніи Пизанцевъ на Кипръ двинулъ свои войска на встрѣчу,—и непріятель поспѣшно

никовъ Московск. Синод. Библиотеки Спб. 1886 (изъ Ж. М. Н. Пр. XI) стр. 19, и затѣмъ перепечатана имъ же въ Житіяхъ Мелетія Новаго (изд. Прав. Пал. Общ.) стр. XXXVII.

1) Zachariae. Jus graeco-romanicum, III. 371—372.

2) Николая Мевонскаго и Θεοδора Προδρoμα Житія Мелетія Новаго, изд. В. Васильевскаго, стр. 34, 113, 114.

3) Анна, ed. Reif. II. 34—35, 125. Современникомъ и вѣроятно родственникомъ его былъ Андроникъ Филокались, бывший во времена Дуки катепаномъ Болгаріи (Cesaumeni Strategicon, ed. W. Wassiliewski et V. Jernstedt, Petr. 1896 p. 72); въ концѣ XII в. эпархомъ Константинопольскимъ былъ также Евмаѳій Филокались (Nicet. Chron. I. 630).

удалился¹⁾. Предвидя опасность со стороны Турокъ, онъ настоялъ передъ императоромъ на оборонѣ крѣпости Атталіи. Онъ уже двинулся черезъ Авидосъ и прибылъ въ Атрамитій, но узнавъ объ осадѣ Турками Смирны, перемѣнилъ планъ дѣйствій и вмѣсто укрѣпленія Атталіи рѣшился изолировать сухопутную турецкую армію Гассана, шедшую къ Смирнѣ, для чего приказалъ укрѣплять лидійскую крѣпость Филадельфію. При этомъ онъ велъ дѣло настолько энергично, что заставлялъ работать даже по ночамъ и зорко сторожить окрестности. Трехдневная осада города Гассаномъ была безуспѣшна, и когда турецкая армія двинулась отсюда къ Смирнѣ, Филокалисъ выслалъ вслѣдъ за нею свои войска, которыя нанесли Туркамъ жестокое поражение²⁾. Сохранилось извѣстіе, что Евмаѳій ѣздилъ однажды въ качествѣ посланника къ сербскому кралою³⁾. Въ частной жизни своей Евмаѳій отличался благочестіемъ, испытанностью дружбы и преданностью династіи Комниновъ⁴⁾. Какъ человекъ религіозный, въ чаяніи небесной помощи (онъ былъ хромъ на обѣ ноги), Филокалисъ прибылъ однажды къ Филейскому подвижнику, но Кириллъ, имѣвшій обыкновеніе встрѣчать посѣтителей сурово, принялъ и его неласково (ἐν ἀπλεύστῳ ἤθει), назвавъ его волкомъ (μόνολυκος), разгоняющимъ стадо. Что хотѣлъ этимъ сказать подъ часъ юродствовавшій аскетъ, осталось тайною, быть можетъ не разгаданною и самимъ дуксомъ. Въ видѣ догадки мы позволяемъ себѣ предположить, что Кириллъ, напуганный непріятельскими вторженіями, принялъ посѣтителя быть можетъ за турецкаго военачальника Монолика (Μονόλυκος), занимавшагося въ 1115 г. морскими разбоями преимущественно около Никеи (Анна II. 244 sq.). Былъ ли Филокалисъ хромъ отъ рожденія, или раненъ на войнѣ, съ точностью неизвѣстно, но второе можно предположить съ бѣльшимъ вѣроятіемъ. Особенное почтеніе питалъ къ Кириллу Іоаннъ, севасть, родственникъ имп. Алексѣя Комнина. Іоаннъ Дука, адмиралъ флота (δοῦξ μέγας), внукъ кесаря Іоанна, сынъ Андроника, братъ имп. Ирины и дядя царевны Анны, былъ, по словамъ послѣдней, человекъ способный и очень воинственный. Въ 1085 г. онъ воевалъ въ Далмаціи около Диррахія (I. 252), затѣмъ съ Турками (II. 29), былъ на Критѣ (II. 33) и въ 1097 г. на малоазіатскомъ по-

1) Анна, II. 184—185.

2) Анна, II. 224—227.

3) Sathas. Bibl. gr. VII. 185.

4) Анна, II. 224.

бережья (II. 116). Имп. Алексѣю Комнину онъ приходился шуриномъ (по Житію ἀνεψιός); женатъ былъ на дочери одного протостратора (γαμβρός τοῦ πρωτοστράτορος); у Кирилла бывалъ не разъ (ἔθος εἶχεν).

ἽΟτε ὁ εὐσεβέστατος καὶ παμμα-
 χάριστος βασιλεὺς κύρις Ἀλέξιος ἐξ-
 ἤλθε σὺν θεῷ πολεμήσων τοὺς Φράγ-
 γους, λέγω δὴ τὸν ὑπερνεφεῆ καὶ
 ἀλαζόνα Βαίμουndon ἐκεῖνον, τῶν
 μὲν λεγόντων, ὅτι νικήσαι ἔχει αὐτόν
 ὁ βασιλεὺς, τῶν δὲ, τοῦμπαλιν. κα-
 θήμενος μετὰ τοῦ ὁσίου εἶπον αὐτῷ·
 ἀββα, τίς ἀξίος γινῶναι ἐν ἀληθείᾳ,
 πῶς μέλλει εὐοδωθῆναι εἰς τὸ ταξεί-
 διον αὐτοῦ ὁ βασιλεὺς ἡμῶν; ὁ δὲ
 εἶπε· τὸν μὲν ἀξίον καὶ τὴν ἀλήθειαν
 ἐπίσταται ὁ θεός· ὁ δὲ πρὸ ὀλίγων
 ἡμερῶν εἶδον, εἴ τε ἐκ θεοῦ, εἴ τε
 ἐκ δαιμόνων, ἐρῶ σοι. μετὰ γάρ τὸ
 πληρῶσαι μου τὴν νυκτερινὴν δοξο-
 λογίαν, ἔθος ἔχων μεμνήσθαι τῶν
 βασιλέων ἐν τῇ αὐτῇ μου, ὁ ἀνάξιος
 ἠρξάμην δεήσεις προσφέρειν θεῷ
 μετὰ δακρύων καὶ πόνου ψυχῆς
 ὑπὲρ αὐτοῦ. τίς γάρ ἐστιν, ὃς οὐκ
 εὐχεται τοιοῦτω ἀνδρὶ; εἶτα εἰπὼν
 τὸ τρισάγιον καὶ πληρῶσας τὸν ψαλ-
 μὸν τὸν Κύριε ἐν τῇ δυνάμει σου
 εὐφρανθήσεται ὁ βασιλεὺς, καθίσας
 εἰς τὸ ψαδίον¹⁾ μου ἠδολέσχουν, οἷα
 εἰκὸς φροντίζων ὑπὲρ αὐτοῦ. καὶ
 μικρὸν ὑπνώσας ὄρω, ὅτι ἐπορευόμην
 εἰς τόπον ὀμαλόν τινα καὶ πεφω-
 τισμένον. καὶ ἀτενίζων ἔνθεν κάκει-
 θεν ὄρω ἐν μὲν τῷ δεξιῷ μέρει σχη-

Когда благочестивѣйшій и все-
 блаженнѣйшій царь господинъ
 Алексѣй вышелъ съ помощію
 Божіею воевать противъ Фран-
 ковъ, разумѣю мрачнаго и гор-
 даго онаго Бозмунда, то одни го-
 ворили, что царь побѣдитъ его,
 другіе — наоборотъ. Сидя съ бла-
 женнымъ, я сказалъ ему: авва,
 кто достоинъ знать воистину, съ
 какимъ успѣхомъ совершитъ по-
 ходъ свой царь нашъ? Онъ
 же отвѣтилъ: достой наго и
 истину знаетъ Богъ, а вотъ я
 скажу тебѣ, что я видѣлъ нѣ-
 сколько дней тому назадъ, — отъ
 Бога ли это, или отъ демоновъ.
 По исполненіи мною ночнаго сла-
 вословія, имѣя обычай поминать въ
 немъ царей, недостойный, я началъ
 возносить моленія Богу о немъ
 (Алексѣѣ) со слезами и душевнымъ
 напряженіемъ; ибо кто не молится
 за такого мужа? Потомъ произ-
 несъ Трисвятое и исполнивъ пса-
 ломъ «Господи, силою Твоею воз-
 веселится царь», я сѣлъ на свою
 постель и думая о немъ, преда-
 вался размышленію о степени
 вѣроятности (побѣды). И заснувъ
 немного, я вижу, что я отпра-

1) Діоскоридъ и Никита Хоніатъ (I. 395) употребляютъ болѣе правильную форму ψάδιον.

νήν βασιλικήν, σχῆμα ἐκκλησίας ἔχουσαν, καὶ πλῆθος στρατιωτικοῦ λαοῦ περὶ αὐτήν. καὶ ἔσωθεν αὐτῆς καθήμενον τὸν βασιλέα ἐπὶ θρόνου ὑψηλοῦ καὶ βασιλικοῦ. ἐμβλέψας δὲ καὶ ἐν τῷ εὐωνύμῳ, ὁρῶ θάλασσαν φοβερὰν, ἔχουσαν πλοῖα πολλὰ μικρὰ καὶ ταῦτα συντρίβουσαν καὶ περὶ τὴν ἀκτὴν ἀπορρίπτουσαν. ἔκειτο δὲ καὶ κύων παμμεγέθης, μέλας, αἱματώδεις ἔχων τοὺς ὀφθαλμοὺς, ὡς πρὸς τὸν βασιλέα ἀποβλέπων. ἦν δὲ κρατῶν αὐτὸν τις λαμπρὸς δεδεμένον μετὰ ἀλύσεως. εἶτα ὁρῶ μετὰ μικρὸν τὸν αὐτὸν λαμπρὸν στρατιώτην, ἔλκοντα τὸν κύνα μετὰ βίας· καὶ ἀπελθὼν ἔρριψεν αὐτὸν εἰς τοὺς πόδας τοῦ εὐσεβεστάτου βασιλέως ἡμῶν. Καὶ ὡς δοκῶ ὑποτάξαι αὐτὸν ἔχει, ὁ Καὶ γέγονε σὺν θεῷ (f. 121 v.).

влялся въ нѣкое ровное и освѣщенное мѣсто, и вглядываясь пристально туда и сюда, вижу по правую сторону царскую палатку, имѣющую видъ церкви, и множество военнаго народа около нея, а внутри ея—царя, сидящаго на высокомъ и царскомъ тронѣ. Взглянувъ же въ лѣвую сторону, вижу страшное море со множествомъ небольшихъ судовъ, разбивающее ихъ и разбрасывающее по берегу. Лежалъ же превеликій черный песъ съ налитыми кровью глазами, смотрѣвшій какъ бы на императора; держалъ же его на цѣпи нѣкій блестящій (мужъ). Потомъ вскорѣ я вижу, что тотъ же блестящій воинъ влечетъ насильно пса и подойдя, повергаетъ его къ ногамъ благочестивѣйшаго царя нашего. Какъ я думаю, (царь) подчинить его; что и случилось съ Божіею помощію.

Приведенный отрывокъ въ чудесной окраскѣ изображаетъ исходъ войны Боэмунда Тарентскаго противъ имп. Алексѣя Комнина въ 1108 году. Изъ Алексіады и многихъ другихъ, греческихъ и западныхъ, хроникъ извѣстно, что Боэмундъ началъ походъ съ осады Диррахія. Въ какомъ настроеніи находился передъ войной самъ императоръ, показываютъ слова его дочери: «Всякій былъ пораженъ волненіемъ души императора. Хотя онъ казался для присутствовавшихъ презрительно настроеннымъ къ извѣстію о блокадѣ Дураццо, но внутренне сильно беспокоился объ этомъ; и разсудилъ онъ, что необходимо выѣхать опять изъ Византіи. Явившись въ загородную царскую палатку Гераній, онъ однако не рѣшался идти въ походъ: онъ боялся, что ему Влахернская Богоматерь не покажетъ своего обычнаго чуда; вслѣдствіе чего онъ жилъ тутъ четыре дня, и при закатѣ солнца со-

вершивъ со своею супругою обратный путь, тайно вошелъ съ немногими въ священный храмъ Богоматери, гдѣ совершилъ обычное пѣснопѣніе и сугубыя молитвы; тогда исполнилось обычное чудо, и такимъ образомъ императоръ вышелъ изъ храма съ хорошими надеждами¹⁾. Какъ теперь оказывается, и общественное мнѣніе передъ войной раздѣлилось: одни, зная о подвигахъ Норманна и его побѣдѣ 1081 года, полагали, что Боэмундъ отброситъ греческія войска отъ Драча и побѣдоносно вступить въ Македонію; другіе вѣрили въ военное искусство и дипломатію Алексѣя и думали, что онъ одержитъ верхъ. Политическія страсти проникли и въ монастырскія стѣны. Монахи, подобно мірянамъ, томились въ ожиданіи исхода войны. Какъ самъ императоръ искалъ прореченія, такъ и Николай Катаскепинъ не устоялъ противъ общаго искушенія и однажды спросилъ объ этомъ у своего св. старца Кирилла. Но Филеотскій уроженецъ вмѣсто прямого отвѣта прибѣгъ къ довольно распространенной формѣ разсказа, передавъ ему содержаніе видѣннаго имъ сна. Въ IX вѣкѣ Николай воинъ разсказалъ слушателямъ свой пророческій сонъ о греко-болгарской войнѣ 811 года²⁾; въ X вѣкѣ Михайлъ Маленинъ такимъ же образомъ предсказалъ исходъ греко-болгарской войны 917 года, а Василій Новый — исходъ греко-русской войны 941 года³⁾; въ XI вѣкѣ Кириллъ Филеотъ точно такимъ же образомъ предсказываетъ исходъ греко-норманнской войны 1108 года. И Михайлъ и Кириллъ, быть можетъ вѣрнѣе ихъ агіографы Теофанъ и Николай Катаскепинъ, усвоили себѣ даже общую литературную форму, выводя на сцену собакъ: черныя и кровожадныя собаки означали враговъ, все бѣлое и блестящее знаменовало небесную помощь или Грековъ. Въ 917 году черныя собаки (Болгары) пожрали бѣлыхъ (Грековъ), а въ 1108 году блестящій воинъ притащилъ кровожадную собаку (Боэмунда) и бросилъ ее къ ногамъ имп. Алексѣя. Сонъ Кирилла въ общихъ чертахъ оправдался. Алексѣй, какъ извѣстно, направилъ свой путь въ Солунь, откуда черезъ Пелагонію прибылъ на рѣку Дѣвволь и поручилъ охрану горныхъ проходовъ и крѣпостей разнымъ своимъ полководцамъ. Путемъ тайной сдѣлки съ вождями Боэмунда, плѣна двухъ его военачальниковъ и прекращенія подвоза со стороны моря

1) Anna, ed. Reif. II. 175.

2) V. S. Nicolai Stud. (Combevis. Hist. haer. monoth., II. 920—925); Μηναῖον Βενετίας 1843, декабрь, p. 203—204.

3) А. Веселовскій, въ Ж. М. Н. Пр. 1889, I. 83—86.

императоръ и его войско вынудили Боэмунда не только отказаться отъ Драча, но и просить мира¹⁾.

Въ Деркской архіепископіи жилъ одинъ священникъ по прозванію Манός: οὗτος διδασκαλικοῦ χαρίσματος ἐφιέμενος καὶ οἰόμενος εἶναι τι μὴδὲν ὦν καὶ ἑαυτὸν φρεναπατῶν. Кириллъ путемъ долгаго наставленія избавилъ его отъ ложнаго тщеславія. Въ бесѣдѣ ихъ приводится слѣдующее филологическое толкованіе имени Іуды Искаріота: Ἰούδας происходитъ отъ слова *ιοῦ* (ядъ) и *δαία*, означающее «жгу», а Ἰσκαριώτης отъ слова *ιοῦ* (ядъ) и *κῆρ* (*κηρός* или *καρός*), значущее «смертоносный жребій», «смерть». Манось²⁾, уподобленный Кирилломъ Іудѣ Искаріоту, очевидно убѣдился словопроизводствомъ и не захотѣлъ унаслѣдовать ядовитую и огненную смерть. По поводу продажи Христа за тридцать сребренниковъ въ Житіи дѣлается слѣдующее замѣчаніе (f. 125): ἰστέον δὲ, ὅτι τὰ λεπτά ἐκαλοῦντο ἀσσάρια τὰ παρὰ Ῥωμαίων κληθέντα ἀπὸ Νουμᾶ βασιλέως Ῥωμαίων νομμία. ἐξήκοντα δὲ ἀσσαρίων ἦν ὁ ἀργυρος ἡγουν φόλεων ἐξακισχιλίων ἀναβιβασομένων εἰς μιλλιάρησια πεντακόσια...

Отсюда видно прежде всего, что агіографъ отождествляетъ монеты: λεπτά = ἀσσάρια = νομμία. Что нуміи получили свое имя отъ римскаго царя Нумы Помпилія, — неосновательная филологическая догадка агіографа и его современниковъ: *νομίον* явилось слѣдствиемъ латинизаціи слова *νόμος*: *νόμος* — *numus* — *νοῦμος* — *νομίον* — *numus* — *νοῦμμος* — *νομμίον*³⁾. Что дѣйствительно основаніемъ служить *νόμος*, доказывается 1) значеніемъ этого слова: «законъ» и «монета»⁴⁾, и 2) наличностью производнаго греческаго (безъ латинскаго посредства) *νόμισμα*. Но насколько правъ агіографъ, отождествляя три названія монетъ? Лептὸν составляла $\frac{1}{7}$ мѣднаго фунта, какъ денежной единицы⁵⁾. Ἀσσάριον (As) въ разные періоды римскаго государства подвергался сильнымъ колебаніямъ: первоначально эта денежная единица соотвѣтствовала мѣдному фунту, позже, передъ первую Пуническую войною, она упала до $\frac{1}{6}$ фунта, затѣмъ поднялась до 2 фун-

1) Anna, ed. Reif., II. 175 sq., Zonar. ed. Dind. IV. 248; ср. П. Безобразовъ. Боэмундъ Тарентскій. Спб. 1888 стр. 68 и сл. (съ указаніемъ западныхъ глголицей).

2) Манось—вѣроятно фамилія священника; существовала также фамилія Μαννός (Miklosich et Müller. Acta et diplomata, IV. 281).

3) Hultsch. Griechische und römische Metrologie. Berlin 1862 S. 291; Ниссенъ въ Handbuch'ѣ Ивана Миллера обходитъ этотъ вопросъ молчаніемъ.

4) C. I. Gr. 5774 стр. 128: δέκα νόμος ἀργυρίω.

5) Hultsch, 167.

товъ (as dupondius), снова упала и въ императорское время опять поднялась до 2 фунтовъ¹⁾. Такимъ образомъ λεπτόν, $\frac{1}{7}$ ассарія въ его нормальной стоимости, приближался въ цѣнности къ самому ассарію только во время полного упадка этой послѣдней монеты; стало быть отождествленіе монетъ ни въ какомъ случаѣ неправильно. Что касается до νομίσμα, то эта монета приравнивалась къ римскому сестерцію или $2\frac{1}{2}$ новыхъ перецѣненныхъ ассаріевъ. Считая нумій въ его нормальной стоимости, мы можемъ допустить, что онъ приближался къ ассарію только въ эпоху нѣкотораго подъема этого послѣдняго, то-есть наоборотъ тому, что мы видѣли по отношенію къ лептѣ. Отсюда становится яснымъ, что агіографъ усвоилъ себѣ представленіе о древней монетѣ ассаріи только обезцѣненной и притомъ въ разной степени. Далѣе онъ говоритъ, что 60 ассаріевъ = 6000 фолъ = 500 милліарисіевъ, то-есть 1 ассарій = 100 фолъ = 12 милліарисіевъ (1 номисма); но что это также неправильно, доказывается приблизительною стоимостью этихъ монетъ на наши деньги: мѣдный фолъ стоилъ около 2 копѣекъ, а серебряный милліарисій ($\frac{1}{1000}$ золотого фунта), равный двумъ серебрянымъ кератіямъ, — 30—35 копѣйкамъ. Принимая стоимость ассарія, какъ мѣднаго фунта, даже въ 4 копѣйки, мы найдемъ, что серебряный, стоившій 60 ассаріевъ, равнялся 240 копѣйкамъ, такъ что «цѣна крови» — только 72 рубля. Въ древнерусскихъ выкладкахъ, основанныхъ на византійскомъ счетѣ, замѣчается также большая путаница: 1) «глаголють быти единъ сребреникъ 12 литръ и по щету къ 30 сребренникомъ 360 литръ, а въ литре вѣсу полаунта, итого въ сребреника(хъ) 180 оунтовъ, а пудами четыре пуда 20 оунтовъ, всего въ 30 сребренникахъ 1692 рубль»²⁾; 2) 30 сребрениковъ имѣють въ себѣ 360 литръ, каждая литра—60 рублей³⁾; 3) «всякая сребриница имать въ себѣ по 60 (12?) литръ и всякая литра по 60 рублей, итого 21,600 рублей»⁴⁾; 4) «что есть сребреникъ? Сребреникъ единъ имать въ себѣ 12 литръ, пенезей 3 и третія часть пенезя 20 кесаріевъ 100 динаріевъ. Что есть въ сребренникѣ рублей русскихъ? 720 рублей. Что есть въ литрѣ рублей? 60 рублей. Что имать пенязь рублей? 216 рублей 99 копѣекъ 4,832

1) Hultsch, 111, 192, 237, 240.

2) Путешествіе Трифона Коробейникова: Правосл. Палест. Сборн., вып. XXVII стр. 35.

3) Лѣт. Занят. Археогр. Коммисіи, III. 84.

4) С. Соловьевъ. Къ легендамъ объ Іудѣ предателѣ. Харьковъ 1895 стр. 68.

(8,324?) доля копѣекъ. Что имать кесарій рублевъ? 36 рублевъ. Что имать динарій? 7 рублевъ 20 копѣекъ. Въ 30 сребреницехъ коли(ко) имать литръ? 366. Колико имать пенезей? 120. Колико имать динаривъ? 3,000. Колико Юда взя за Христа русскихъ рублевъ? 21,600 рублевъ»¹⁾.

Въ Житіи записано очень много случаевъ изъ жизни имп. Алексѣя Комнина; приведемъ здѣсь наиболѣе главные черты, характеризующія религиозное настроеніе и государственный умъ императора.

Ποτὲ γὰρ ὁ εὐσεβέστατος καὶ παμμακάριστος βασιλεὺς ἡμῶν Ἀλέξιος ἀπῆλθε πρὸς τινὰ μοναχόν, οἷα φιλομόναχος ὢν ὁ τοῦ θεοῦ ἄνθρωπος. ὁ δὲ μοναχὸς οὗτος ἦν γνωστός τῷ ὀσίῳ καὶ οὕτως ἀμφοτέροι συνεδέδεντο τῇ κατὰ θεὸν ἀγάπῃ, ὡς ἐν δυοῖ σώμασι μίαν κεκτῆσθαι ψυχὴν. συντυχόντος τοίνυν τοῦ βασιλέως τῷδε τῷ μοναχῷ, πῶς εἰπεῖν οὐκ ἔχω, ἐμνήσθη τῶν ῥημάτων τοῦ ὀσίου ὁ μοναχός. ὁ δὲ βασιλεὺς· καὶ τίς ἐστὶν ὁ ἀββᾶς Κύριλλος; καὶ τοιοῦτον ὄντα, ὡς σὺ φῆς, πῶς αὐτὸν οὐ γνωρίζω; καὶ ὁ μοναχός· τίς εἰμι ἐγὼ ὁ ἀνόητος, ἵνα εἶπω περὶ αὐτοῦ καὶ μαρτυρήσω περὶ ἀληθείας· ὀφθαλμοὶ γὰρ ὡτίων πιστότεροι. ἐγὼ οὕτως πιστεύω, ὅτι καὶ ὁ θεὸς αὐτὸν μαρτυρεῖ δοῦλον αὐτοῦ ἀληθῆ εἶναι. ταῦτα ἀκούσας ὁ βασιλεὺς καὶ χαρᾶς πληθεὶς, μὴ μελλήσας ἔστειλε τῆς συνεύνου αὐτοῦ τὸν ὀμαίμονα τὸν πρωτοστράτορα· ἦν γὰρ φιλομόναχος καὶ αὐτὸς καὶ φοβούμενος τὸν θεόν. ἀπελθὼν οὖν ἐσπέρας βαθείας καὶ τῇ μονῇ κρούσας, ὡς ἦνοι-

Нѣкогда благочестивѣйшій и всеблаженнѣйшій царь нашъ Алексѣй прибылъ къ одному монаху, ибо Божій человекъ былъ мнихолюбець. Монахъ же этотъ былъ извѣстенъ преподобному, и оба были такъ связаны любовью по Бозѣ, какъ будто имѣли въ двухъ тѣлахъ одну душу. И такъ, когда царь встрѣтился съ этимъ монахомъ (какъ это вышло, сказать не умѣю), монахъ вспомнилъ о словахъ преподобнаго. Царь же спросилъ: кто этотъ авва Кириллъ? и если онъ таковъ, какъ ты о немъ говоришь, то какъ я его не знаю? И монахъ отвѣтилъ: Кто я, несмысленный, чтобы могъ говорить о немъ и свидѣтельствовать объ истинѣ, ибо глаза достовѣрнѣе ушей, — я такъ вѣрю, что Богъ свидѣтельствуешь о немъ, какъ объ истинномъ своемъ рабѣ. Услышавъ объ этомъ, исполнившись радости, не замѣшкавъ, царь послалъ родного брата своей супруги — протостратора, такъ

1) Прав. Палест. Сборн., XXVII. 36. См. также цѣнные замѣчанія о стоимости сребрениковъ въ недавнемъ отчетѣ В. М. Истрина въ Ж. М. Н. Пр.

ξενὸν ὁ πυλωρὸς, εὐθύς κρατήσας αὐτόν τῆς χειρὸς παρέδωκε τοῖς ὑπ' αὐτόν. τοῦτο δὲ ἐποίησε διὰ τὸ μὴ σκυλῆναι τοὺς ἀδελφοὺς. βαδίσας δὲ ἡσύχῳ ποδί ἔστη ἔξω τῆς θύρας τοῦ ὁσίου, κεκλεισμένης οὖσης, καὶ κρούσας εἶπεν· εὐλόγησον, πάτερ. καὶ ὁ ὁσιος· ὁ θεὸς οὐ μὴ σε εὐλογήσῃ. ὁ δὲ καὶ πάλιν κρούσας ἔφη· εὐλόγησον, πάτερ.—εἰπόν σοι· ὁ θεὸς οὐ μὴ σε εὐλογήσῃ. εἶτα τρίτον κρούσας εἰρήκει· ἀνοιξον, πάτερ. ὁ δὲ· μὴ γένοιτό μοι υἱὸν ἔχειν σε, κατηργημένη, ἀπελθε πρὸς τὸν πατέρα σου τὸν σατανᾶν, κακεῖνος εὐλογήσει σε, ὡς εἰ ἄξιος. καὶ ὁ σεβαστός· ἀνθρωπὸς εἰμι, ἀββᾶ, οὐχι δαίμων, καὶ ἦλθον εὐλογῆναι παρὰ τῆς ἀγιωσύνης σου... ἐγὼ εἰμι Μιχαὴλ ὁ σεβαστός καὶ πρωτοστράτωρ. ὡς δὲ τοῦτο ἤκουσεν, εὐθύς ἀναστάς ἤνοιξε (f. 162 v.).

какъ и онъ былъ мнихолюбецъ и боялся Бога. Итакъ отправившись позднимъ вечеромъ и поступавшись въ монастырь, и когда портарь отперъ, то взявъ его за руку, онъ передалъ своей свитѣ. Сдѣлавъ же онъ это ради того, чтобы не беспокоить братіи. Пройдя тихимъ шагомъ, онъ остановился у запертой двери преподобнаго и постучавъ сказалъ: «Благослови отче!» Преподобный же отвѣтилъ: «Богъ не благословитъ тебя». Тотъ снова постучавшись сказалъ: «Благослови отче!» — «Я тебѣ сказалъ: Богъ не благословитъ тебя». Наконецъ въ третій разъ постучавшись, онъ сказалъ: «Открой отче». А тотъ въ отвѣтъ: «бездѣльникъ, да не будетъ мнѣ имѣть тебя сыномъ; иди къ отцу твоему сатанѣ и онъ благословитъ тебя, какъ ты того достоинъ». И севасть сказалъ: «Я человекъ, авва, а не демонъ, и пришелъ получить благословеніе отъ твоей святости... Я Михаилъ, Севасть и протостраторъ». Когда же тотъ услышалъ это, тотчасъ вставъ отперъ (дверь).

Михаилъ Дука, протостраторъ, внукъ кесаря Іоанна, сынъ Андроника, братъ упомянутаго выше Іоанна и имп. Ирины и дядя царевны Анны, былъ начальникомъ корпуса (фаланги), внушавшимъ всѣмъ удивленіе своимъ сильнымъ природнымъ умомъ и тѣлесною крѣпостью; ему имп. Алексѣй давалъ разныя военныя порученія въ борьбѣ съ Турками, Савроматами и Боэмундомъ Тарентскимъ¹⁾. По-

1) Anna, ed. Reif. I. 175, 287; II. 10.

добно своему брату, и Михаилъ, какъ теперь оказывается, былъ человѣкъ набожный, любившій монашеское общество. Императоръ Алексѣй, желая познакомиться съ Кирилломъ, поступилъ какъ нельзя болѣе политично, пославъ къ аскету именно Михаила: передъ монахолюбивымъ протостраторомъ Кириллъ могъ раскрыть свою душу и показать себя тѣмъ, чѣмъ онъ былъ. Первый приемъ Михаила былъ однако очень недружелюбенъ; но къ этому, быть можетъ, уже привыкли. Мы видѣли, что Кипрскій дуксъ Евмаѳій Филокалистъ, не смотря на суровость приема, добился бесѣды съ аскетомъ и вышелъ отъ него съ благоговѣниемъ; протостраторъ Михаилъ также принужденъ былъ выслушать нѣсколько нелестныхъ словъ отъ подвижника, прежде чѣмъ добился его душеспасительной бесѣды. Кириллъ, повидимому, находилъ безсмыслицу въ общеупотребительномъ возгласѣ «благослови отче», особенно въ устахъ мірянина; онъ возмущался собственно словомъ «отче» и до тѣхъ поръ не пускалъ къ себѣ посѣтителя, пока тотъ не называлъ его «аввой». Пробесѣдовавъ съ аскетомъ всю ночь, Михаилъ утромъ явился къ императору и рассказалъ ему о Кириллѣ въ восторженныхъ выраженіяхъ. Алексѣй рѣшился посѣтить подвижника.

Ἀπελθόντος μέντοι πρὸς τὸν ὄσιον τοῦ βασιλέως πανοικί. τὰς κεφαλὰς αὐτῶν κλινάντων καὶ ἀλλήλους, εὐλογησάντων καὶ κατασπασμένων οὐκ ἠθέλησε καθίσει ὁ βασιλεὺς, ἕως οὗ ὁ γέρων πεισθεὶς τῇ μεγαλειότητι αὐτοῦ ἐκαδέστη. εἶτα φησί: τί ἐλλήλυδας ἐνταῦθα, εὐσεβέστατε βασιλεῦ, πρὸς σαπρὸν γέροντα καὶ μηδὲν τι κερτημένον ἀγαθόν. ἔφθασαν αἱ ὑποκρίσεις τῶν ῥημάτων καὶ πράξεών μου καὶ μέχρι τοῦ κράτους σου... καὶ ὁ βασιλεὺς οἶδας, ἄββα, ὅτι τὸ ἔλαττον ὑπὸ τοῦ κρείττονος καταχοσμεῖται: τοιαύτην γὰρ ἀρχὴν ἐμπιστευθέντος μου παρὰ τοῦ θεοῦ, εἰ καὶ ἀναξίως, καὶ ὑπὸ τῶν ταύτης φροντῖδων ἐξασχολουμένου καὶ δονουμένου νυκτὸς καὶ ἡμέρας

Итакъ царь отправился къ подобному со всѣмъ семействомъ. Когда они наклонили главы, благословили другъ друга и обнялись, царь не хотѣлъ сѣсть, пока старецъ, убѣжденный его величествомъ, не сѣлъ (первымъ). Затѣмъ онъ сказалъ: «почто прибылъ сюда, благочестивѣйшій государь, къ негодному старику, не имѣющему ничего хорошаго? Слухи о словахъ и дѣлахъ моихъ достигли и до твоей державы...» И царь сказалъ: «Ты знаешь, авва, что меньшее украшается лучшимъ: ибо мнѣ ввѣрена Богомъ (хотя и недостойно) такая власть; заботами о ней я днемъ и ночью занятъ и обезпокоенъ на-

τοσοῦτον, ὥστε ἐνίοτε μὴδὲ μνημονεύειν θεοῦ· οὐ χρὴ με τιμᾶν τοὺς φοβουμένους τὸν θεόν, ὅποιοι ἂν ᾦσι τῷ σχήματι. οὐ μὴν ἀλλὰ καὶ πρὸς αὐτοὺς πορεύεσθαι καὶ τὰς ἀγίας αὐτῶν εὐχὰς ἀπαρύεσθαι πρὸς φωτισμόν τῆς ἐσκοτισμένης μου ψυχῆς καὶ εὐδόωσιν τοῦ στρατοῦ. σὺ οἶδας, ὅτι πολλὰ ἰσχύει δέησις δικαίου ἐνεργουμένη, εἰ καὶ ἡ ῥαθυμία μου οὐκ ἔβ̄ με ἐνεργῆσαι κατὰ τὰς ἀγίας ὑμῶν εὐχὰς. ἀλλ' οὖν καὶ εἰς αὐτὸ τοῦτο πιστεύω διὰ τῶν ἀγίων ὑμῶν ἐνδυναμωθῆναι. ἐγὼ δὲ οὕτως ἔχω. καὶ δῆλον πάντοθεν ὅτι τῶν ἀγελατῶν καὶ μεγάλα¹⁾ ἐπανηρημένων βίον, κἄν ᾧσι σεμνότητι διαφέροντες, οἱ τὸν μοναστικὸν καὶ ἀναχωρημένον²⁾ ἐπανηρημένοι βίον εἰσὶ προτιμότεροι... (f. 173).

столько, что иногда некогда вспомнить и о Богѣ. Не слѣдуетъ - ли мнѣ почитать боящихся Бога, какъ бы они ни были повнѣшности? мало того, но также ходить къ нимъ и (такъ сказать) запасать-ся ихъ святыими молитвами для просвѣтленія помраченной души моей и для благоуспѣшности войска; ты знаешь, что многое можетъ дѣйствительное моленіе праведнаго, хотя моя безпечность не позволяетъ мнѣ дѣйствовать по святыимъ вашимъ молитвамъ; но я вѣрю въ то, что вашими святыими молитвами это сдѣлается возможнымъ; таково мое настроеніе; и отовсюду ясно, что всѣхъ избравшихъ мірскую и высокую жизнь, хотя бы они и отличались благоприличіемъ, много почтеннѣе тѣ, которые посвятили себя монашескому и отшельническому житію»...

Въ длинной и любопытной бесѣдѣ съ царемъ Кирилль не успѣлъ замѣтить, что μᾶλλον τοὺς Σκύθας, λύκους γὰρ ὄντας, ποτὲ τῇ τοῦ θεοῦ συνεργείᾳ καὶ χάριτι αἰσθητῶς καὶ νοητῶς κατατροπωσάμενος πρόβατα πεποίηκας ἅπαντας καὶ τῇ ποιμνῇ τοῦ Χριστοῦ συνηρίθμησας διὰ τοῦ λουτροῦ τῆς παλιγγενεσίας.

Семья Алексѣя Комнина была довольно многочисленна: онъ, супруга его Ирина, три сына: Иоаннь, Андроникъ и Исаакъ и четыре дочери: Анна, Марія, Евдокія и Теодора. Безъ сомнѣнія, тутъ были еще принцы крови и свита императора (ниже говорится: οἱ ὑπ' αὐτούς), такъ что въ общемъ обитель Кирилла посѣтило многочисленное общество. Относительно времени самага посѣщенія ничего опредѣленнаго сказать невозможно. Допуская хронологическую послѣдователь-

1) μέγαν?

2) Cod. ἀναχωρημένον.

ность въ разсказѣ Катаскепина, мы могли бы думать, что Алексѣй былъ у Кирилла послѣ 1108 года, послѣ побѣды своей надъ Боэмундомъ. Перебирая случаи его семейныхъ поѣздокъ, мы невольно останавливаемся на 1113 годѣ, когда онъ παγγενῆι व्यѣхалъ изъ Византіи на Стримонскую гору¹⁾, былъ въ Филиппополѣ и затѣмъ вернулся обратно въ столицу. Возможно, что онъ на обратномъ пути и посѣтилъ Филейскаго подвижника. Царевна Анна не упоминаетъ объ этомъ визитѣ, но быть можетъ потому, что она рисуетъ своего отца преимущественно какъ воина и императора, не углубляясь въ его частную жизнь.

Не менѣе интересенъ и разсказъ самого императора, когда онъ еще не достигъ трона: ποτὲ ὡν ταξίαρχης, ἐπέμφθη παρὰ τοῦ βασιλέως εἰς ἀνατολὴν πολεμήσων Ῥωσέλην τὸν Φράγγων, ὃς τῇ οἰκειᾷ ἀλαζονείᾳ θαρρῶν ἐπήρθη κατὰ τοῦ βασιλέως καὶ κακὰ οὐ τὰ τυχόντα ἐποίη. ἡ δὲ μήτηρ μου φιλομόναχος οὕσα προσέταξέ μοι ἄνδρα τινα ἄγιον συνακολουθεῖσάι μοι, οὐ μόνον δὲ ἀλλὰ καὶ πατέρα πνευματικὸν ἔχειν αὐτόν. ἀπῆλθον οὖν ἐν τῇ ἀνατολῇ φροντίδα ἔχων οὐ τὴν τυχοῦσαν. περιπεσῶν δὲ ἐν ἀσθενείᾳ, οὐκ εἶχον τί διαπράξασθαι. ὅπερ μαθὼν ὁ ὑπερνεφῆς ἐμεῖνος ἐπιπλέον παρητάσσετο πολέμους (f. 179). Во время болѣзни, продолжалъ Алексѣй, явился ко мнѣ мой духовный отецъ св. Игнатій²⁾, помолился о рабѣ Божиѣмъ Алексіи, и я выздоровѣлъ; помню, что Игнатій, напутствуя меня, произнесъ: σὺ δὲ ἐπιβάς τῷ ἵππῳ σου ἔχου σὺν θεῷ τῆς διακονίας σου, καὶ ὅτε οἷς κρίμασιν οἶδεν, αὐτὸς θήσει τὸν θεήλατον Ῥωσέλην εἰς τοὺς πόδας σου.

Императоръ Алексѣй Комнинъ разсказывалъ здѣсь о своемъ походѣ 1073—74 года. Никифоръ Вриенній, зять его, такъ повѣствуетъ объ этой кампаніи. По взятіи городовъ Амасіи и Новой Кесаріи Урселій сталъ опустошать окрестности, требуя съ нихъ дани. Императоръ Михаилъ Паррапинакъ отправилъ противъ него Никифора Палеолога, который долженъ былъ собрать для себя аланскую армію. Набрано было около шести тысячъ человѣкъ, но и тѣ за неплатежемъ денегъ не хотѣли служить въ войскѣ, и большею частью разошлись, такъ что Урселію не трудно было одолѣть остальныхъ. «Когда до-

1) Zonar. IV. 249—250.

2) Въ другихъ походахъ Алексѣя, по желанію его матери, при немъ находились инокъ Іоанникій (Анна. I. 29) или Симеонъ, настоятель Аѳонскаго монастыря Ксенофонта (Niseph. Vruen., 155); въ походѣ противъ половцевъ, 1095 г., при немъ состоялъ инокъ Иларіонъ (Житіе Мелетія Новаго, В. Гр. Васильевскаго, стр. 26, 27, 104).

если объ этомъ царю Михаилу, онъ призвалъ прекраснаго юношу Алексѣя, ибо Промыслу было угодно, чтобы наконецъ открылась и его доблесть. Призванный къ царю, онъ объявленъ былъ стратопедархомъ и полновластнымъ вождемъ въ войнѣ противъ Урзеля. Алексѣй охотно принялъ предложеніе царя; но мать его, услышавъ о томъ, принуждала сына отказать отъ этой власти, говоря, что война противъ Урзеля требуетъ не юношескаго ума и силы, а мужа храбраго, много извѣдавшаго и многое сдѣлавшаго. Однако жъ Алексѣй сильными просьбами уговорилъ ее и, напутствованный ея молитвами, выступилъ, не получивъ отъ царя ни денегъ на издержки военныя, ни достаточнаго войска¹⁾. Ни Никифоръ Вриенній, ни супруга его Анна, ни Атталіотъ не говорятъ о болѣзни Алексѣя въ походѣ, но нѣтъ ничего невѣроятнаго, если стратопедархъ и былъ нѣкоторое время боленъ, когда Урселій могъ свободно заниматься грабежами. Святой дядька Алексѣя предсказалъ ему побѣду надъ непріятелемъ *οὐς χρίμασιν οἶδεν αὐτὸς (ὁ θεός)*, и Урселій, захваченный на пиру туркомъ Тутахомъ, былъ проданъ въ Амасіи въ плѣнъ Комнину; такимъ образомъ стратопедархъ овладѣлъ имъ, но не въ честномъ бою, а воровскимъ образомъ, путемъ покупки побѣды. При обозначеніи должности Алексѣя въ походѣ современники употребляютъ не одинаковыя выраженія: родня его говоритъ, что онъ состоялъ тогда въ должности *στρατοπεδάρχης* и *στρατηγὸς αὐτοκράτωρ*, постороннія лица называютъ его *πρόεδρος*, а самъ себя Алексѣй называлъ *ταξίαρχης*.

Щедроты императора описываются въ житіи слѣдующимъ образомъ: *πᾶσι γὰρ τοῖς μοναστηρίοις οὐ μόνον τοῖς οὖσιν ἔσωθεν τῆς βασιλευσύσης τῶν πόλεων, ἀλλὰ καὶ τοῖς κύκλῳ αὐτῆς, ἐν τε δύσει καὶ ἀνατολῇ καὶ ἐν ὄρεσι τὸν ἀρκοῦντα αὐτοῖς σῖτον μετὰ καὶ τοῦ ναύλου. ὡσαύτως καὶ ἔλαιον διὰ σιγίλλοχρυσοβούλλων τετύπωκε, παρέξ ὀλίγων τινῶν τῶν εὐθνηούντων. τοῖς δὲ ἐν ὄρεσι καθήμενοις καὶ μᾶλλον τοῖς εὐλαβεστέροις πάντα τὰ χρειώδη παρεῖχε μέχρι καὶ αὐτῆς τῆς ἐνδυμενίας μεγάλωδωρος ὁ φιλομόναχος (f. 179 v.).*

Изъ императоровъ Комнинова дома не было болѣе набожнаго государя, нежели Алексѣй I. Не смотря на свое бурное царствованіе, на постоянные походы противъ восточныхъ, западныхъ и сѣверныхъ враговъ, истощавшіе государственное казначейство, Алексѣй все-таки

1) Niceph. Bryen. p. 88—84 ed. Bonn.; Anna. I. 10 sq.; Mich. Attal., p. 199, 206 ed. Bonn.; Scyl. II. 409; Zonaras, IV, 222: Οὐρζέλης, Οὐρσελίος, Ρουσελίος, Ρουσελής, Ρωσίλης.

находилъ возможнымъ и строить новые монастыри, разныя богоугодныя заведенія, и оказывать матеріальную поддержку нуждающимся обителямъ. Мать его Анна Далассина построила монастырь Всевида (Παντεπόπτου)¹⁾, самъ онъ основалъ монастырь Спаса Филантропа (въ Петріонѣ), а его супруга Ирина Дукена монастырь при церкви Спаса Хора и Богородицы Кехаритомени (около Влахернъ)²⁾. Въ храмѣ ап. Павла онъ завелъ двойной многочисленный клиръ и богатое освѣщеніе³⁾; въ храмѣ Апостоловъ учредилъ хоръ мужской и женскій и упорядочилъ положеніе діакоиссъ⁴⁾; дотогѣ безпріютнымъ пріѣзжимъ грузинскимъ инокинямъ строилъ большую обитель и снабдилъ ихъ пищею и одеждою⁵⁾. Не говоримъ уже объ Аеонѣ, который былъ освобожденъ при немъ отъ податей и получилъ много другихъ привилегій⁶⁾. Изъ другихъ сооруженій императора отмѣтимъ 1) цѣлый городъ — сиротскій пріютъ для инвалидовъ, слѣпыхъ, хромыхъ и безрукихъ (отъ пяти до семи тысячъ человекъ обою пола), обезпечивавшійся отъ руки царевой пищею, одеждою и виномъ; пріютомъ завѣдывала канцелярія, въ которой составлялся бюджетъ по прирѣнію, сообразно со средствами бѣдняковъ, и изъ которой исходили царскіе хрисовулы, долженствовавшіе имѣть силу на вѣчное время⁷⁾; и 2) школу грамоты для бѣдныхъ, безъ различія національностей, причемъ опредѣлено было учителямъ и ученикамъ хлѣбное содержаніе⁸⁾. Житіе Кирилла даетъ новое указаніе на попеченіе императора о монастыряхъ столичныхъ и окрестныхъ: оказывается, что наиболѣе бѣдные изъ нихъ получали отъ государства хлѣбъ и жалованье. Мы знаемъ очень небольшое количество монастырскихъ хрисовуловъ Алексѣя (Аеону, Христофору, на построеніе имъ монастыря на Патмосѣ⁹⁾), но не знали доселѣ, что существовали его хрисовулы, обезпечивавшіе за бѣдными обителями необходимую потребность инокъ — масло.

А вотъ какъ описывается болѣзнь императора Алексѣя, рассказанная однимъ инокомъ, находившимся тогда у одра царскаго:

1) Zonar. IV. 245.

2) Н. Кондаковъ, стр. 78.

3) Anna. II. 293.

4) Anna. II. 293.

5) Anna. II. 293.

6) Порфирій Успенскій. Исторія Аеона, III, 10—11, 84 и пр.

7) Anna. II. 291—293; Zonar. IV. 244.

8) Anna. II. 293—294; Zonar. IV. 244.

9) Zachariae. Jus graeco-romanum, III. 370.

Ἐμοὶ δὲ τῶ ἀχρείῳ δούλῳ Χριστοῦ τις τῶν μοναχῶν συνήθης ὢν τῶ παμμακαρίστῳ ἐκείνῳ βασιλεῖ τεθάρρηκε λέγων, ὅτι ποτὲ τοῦ βασιλέως ἀσθενοῦντος ἐπὶ κλίνης ὀδύνης αὐτοῦ, καθημένου μου πρὸ προσώπου αὐτοῦ, καὶ σιγῆς πολλῆς οὔσης, ὡς μὴ εἶναι τίνα τῶν παρισταμένων αὐτῶ· ἔβαλε τὴν χεῖρα αὐτοῦ εἰς τὴν χεῖρά μου (ἐπόνει γὰρ αὐτήν), καὶ μικρὸν μικρὸν αὐτοῦ σαλευομένου ἀπεσχεπάσθη ὁ νῶτος αὐτοῦ· ἦν δὲ ψύχος. καὶ γνοὺς ἐγὼ, ὅτι δέεται σκέπης, ἐκτείνας τὴν χεῖρά μου ἐσκέπασα αὐτόν. καὶ εἶδον εὐθύς τὴν κεφαλὴν αὐτοῦ κλισθεῖσαν πρὸς με. ἐγὼ δὲ ἐκθαμβούμενος καὶ διαλογιζόμενος, εἰ τὴν κεφαλὴν αὐτοῦ δι' ἐμέ ἐκλινε. ποτὲ μὲν ναί, ποτὲ δὲ οὐ, ἐλογιζόμην. πάλιν μετὰ μικρὸν τοῦ σκεπάσματος αὐτοῦ χασθέντος ὡς μόνον ἤπλωσα σκεπάσαι τὸν νῶτον αὐτοῦ τῆς χρείας κατεπειγούσης, εὐθύς πάλιν εἶδον τὴν ἀγίαν αὐτοῦ κεφαλὴν ὑποκλισθεῖσαν πρὸς με. αἰδεσθεὶς δὲ τὴν γενομένην ὑπερβολὴν, οὐκ ἠθέλησα καθήμενος ἀντιπροσκυνῆσαι αὐτόν, ἀλλ' ἐποίησα τὸν ἀγνοοῦντα. ἐδελειν γὰρ μήποτε διὰ τὴν χριστομίμητον αὐτοῦ ταπείνωσιν οὐ βλαστάση¹⁾ ὁ θεὸς τὸ γινόμενον καὶ κεραυνώσῃ με διὰ τὰς ἀμαρτίας μου. ταῦτα ἐπὶ θεῶ μάρτυρι ἐξεῖπέ μοι ὁ μοναχὸς ἐκεῖνος, μάρτυρα τῆς

Нѣкій изъ монаховъ, близкій ко всеблаженному оному императору, дерзнулъ повѣдать мнѣ, не-потребному рабу Христову, что «когда однажды царь лежалъ больной на одрѣ болѣзни, я сидѣлъ передъ лицомъ его; была великая тишина, какъ будто бы при немъ никого не находилось; онъ положилъ въ мою руку свою руку (ибо онъ страдалъ ею), и когда онъ чуть-чуть пошевелился, спина его открылась; а было холодно. И я, понимая, что онъ нуждается въ покрывалѣ, протянулъ свою руку и покрылъ его. И тотчасъ я увидѣлъ, что голова его наклонилась ко мнѣ. Изумляясь и разсуждая, наклонилъ ли онъ свою голову ради меня, я думалъ то въ утвердительномъ, то въ отрицательномъ смыслѣ. Немного спустя, когда покрывало его снова спустилось и когда я только приспособился покрыть ему спину (вслѣдствіе настоящей необходимости), я тотчасъ увидѣлъ, что святая его глава снова наклонилась ко мнѣ. Сконфузившись отъ чрезмѣрнаго вниманія, я сидя не хотѣлъ отвѣтить ему поклономъ, но сдѣлалъ видъ, что не знаю (въ чемъ дѣло): ибо я боялся, чтобы Богъ ради хриstopодражательнаго его сми-

1) βλαστήση?

ἀληθείας καὶ αὐτὸς τὸν θεὸν προβαλλόμενος (f. 180).

ренія не совершилъ бываемаго (не наказалъ смертію) и не убилъ меня громомъ за мои грѣхи». Это передалъ мнѣ онѣй монахъ при свидѣтелѣ Богѣ, самъ призывавшій Бога въ свидѣтели истины (своихъ словъ).

Къ какому времени слѣдуетъ приурочить описанное здѣсь лихорадочное состояніе императора, съ точностью сказать невозможно. Алексѣй страдагъ лихорадкою въ походѣ противъ Печенѣговъ въ 1091 году (Анна, I, 257); далѣе въ 1112 году, мучимый этимъ же недугомъ, онъ лежалъ въ столицѣ и выздоровѣлъ лишь послѣ того, какъ былъ покрытъ покровомъ, принесеннымъ отъ иконы Спаса на о. Халки (Zonar. IV, 249), и наконецъ въ 1117 и 1118 годахъ онъ два раза былъ одолѣваемъ изнурительною лихорадкою, сведшею его наконецъ въ могилу, не смотря на искусство извѣстныхъ тогда врачей Николая Калликли, Михаила Пантехни и другихъ¹⁾. До нѣкоторой степени можно допустить, что здѣсь разумѣется лихорадка императора 1112 года, и инокъ, рассказывавшій Катаскепину подробности о болѣзни Алексѣя, быть можетъ, былъ монахъ Халкинской обители, прибывшій въ столицу съ божественнымъ покровомъ.

Въ знакъ особаго своего благоволенія императоръ Алексѣй при прощаніи съ Кирилломъ снялъ свое платье и отдалъ его братіи; за нимъ послѣдовала и вся его семья и свита. Кромѣ того Алексѣй далъ Кириллу для раздачи бѣднымъ пять литръ и для монастыря одну литру золота (f. 178), и вернулся въ столицу. Эти пять литръ Кириллъ роздалъ впоследствии бѣднымъ, когда страну посѣтилъ голодъ; а братія потомъ продала царскія одежды за большія деньги опять тому же

1) Анна. II. 305; Zonar. IV 254. Въ рукописи Аѳонскаго монастыря св. Павла (cod. № 9, XVIII в.) мы прочли два стихотворенія этого врача-поэта (ср. Kriumbacher. G. d. b. L., 415 2): Τοῦ Καλλικλέους στίχοι εἰς τὸν καλὸν σταυρὸν τὸν κοσμηθέντα παρὰ τῆς Πορφυρογεννήτου κυρᾶς Ἄννης.

1. Ἐκ τοῦ ξύλου τρυγῶ σε τὴν ζωὴν, λόγε,
Κἄν Εὖα τρυγᾷ τὴν φθορὰν ἀπὸ ξύλου.
Ἐξ Εὐδοκίας ταῦτα, πορφύρας κλάδου.
2. Οὐ ταῦτα δρυμὸς, οὐδὲ κρανίου τόπος,
Ἐν οἷς ἐπάγη τοῦτο τὸ ξύλον κάλαι,
Ἄλλ' ἔστι λιθόστρωτος ἢ χρυσοῦς τόπος.
Δοκῶν ὁ λαμπτήρ ἢ βασιλεὺς Εἰρήνη
Καὶ σὸν γλυκὺν τρυγᾶσα, τὴν σωτηρίαν.

императорскому семейству (f. 180 v.). Кирилль Филеотъ началъ свою подвижническую жизнь на тридцатомъ году возраста и скончался девяносто пяти лѣтъ.

Таковы наиболѣе, по нашему мнѣнію, важныя мѣста разсмотрѣнныхъ Житій святыхъ. Мы позволили себѣ указать на эти памятники, потому что въ нихъ, какъ видно, заключается много данныхъ историческихъ, топографическихъ и бытовыхъ, которыя желательно имѣть не въ отдѣльныхъ выдержкахъ, а въ контекстѣ цѣлаго сочиненія.

Хр. Лопаревъ.

О Тайной Исторіи Прокопія.

(Окончаніе)¹).

Мы познакомились съ извѣстіями Тайной Исторіи о тяжести прямыхъ и косвенныхъ налоговъ при императорѣ Юстиніанѣ, о различныхъ финансовыхъ мѣропріятіяхъ его правительства, о нѣкоторыхъ формахъ непредусмотрѣннаго закономъ обложенія, отмѣченныхъ нашимъ авторомъ, о монополіяхъ и регламентаціи промышленнаго производства и торговли, наконецъ, о вмѣшательствѣ центральныхъ вѣдомствъ въ куріальное самоуправленіе, особенно въ распоряженіе городскими сборами и капиталами. Широкія задачи внѣшней политики, помимо другихъ причинъ, требовали чрезмѣрныхъ жертвъ со всего населенія или съ отдѣльныхъ классовъ и корпорацій. Передъ нами теперь факты другого рода. Цѣлый рядъ извѣстій Тайной Исторіи повѣствуетъ о притѣсненіяхъ, обращенныхъ на отдѣльныхъ лицъ. Изученіе этихъ частныхъ фактовъ, сохраненныхъ нашимъ источникомъ, заслуживаетъ полнаго вниманія, указывая, прежде всего, на вмѣшательство фискальныхъ интересовъ въ частное право и отсюда на слабость личности въ эпоху Юстиніана. Въ это время, вслѣдствіе упадка сословной и муниципальной организаціи, единственнымъ крѣпкимъ общественнымъ союзомъ являлась церковь, если не считать немногихъ привилегированныхъ корпорацій какъ напр. *argentarii* или *pauclegi*, получавшихъ льготы за службу государству. Суррогатами общественныхъ союзовъ являлись партіи цирка. Впрочемъ, съ нѣкоторыми, хотя и несравненно меньшимъ, правомъ слѣдуетъ сказать тоже самое о церкви, какъ о религіозномъ союзѣ съ общественнымъ значе-

1) См. Виз. Врем. II, стр. 24 сл., 340 сл.; III, стр. 96 сл., 300 сл., 461 сл.

ніемъ¹⁾. — Подобные факты насилія надъ частными лицами представляются автору Тайной Исторіи сознательнымъ раззореніемъ достаточныхъ классовъ и, въ частности, сенаторскаго сословія, проявленіемъ политической борьбы государственной власти съ высшими и богатыми слоями населенія²⁾. Нарушеніе законныхъ интересовъ личности является для автора Тайной Исторіи въ большинствѣ случаевъ подѣ формой грабежа имущества. Уже не разъ былъ случай видѣть, что со своимъ житейскимъ пониманіемъ вещей, онъ смѣшиваетъ факты, относящіеся къ публичному и частному, уголовному и гражданскому праву, подѣ общимъ обвиненіемъ Юстиніана въ посягательствѣ на жизнь и имущество собственныхъ подданныхъ (φόνος καὶ ἀλλοσιτία): ничто, повидимому, на всемъ протяженіи Тайной Исторіи, равно какъ сочиненія «О постройкахъ» и «Исторіи Войнъ», не отличаетъ въ авторѣ юриста. Въ самомъ изложеніи нашего источника господствуетъ беспорядокъ подѣ формой внѣшней послѣдовательности разсказа. Такимъ образомъ, для изученія извѣстій Тайной Исторіи, на которыхъ намъ теперь предстоитъ остановиться, слѣдуетъ привести ихъ въ нѣкоторую систему, оставаясь при своей классификаціи и пониманіи фактовъ, о которыхъ говорятъ эти извѣстія.

Въ тѣхъ отношеніяхъ государственной власти къ личности, которыя для насъ являются въ формѣ *суда*, авторъ Тайной Исторіи видитъ правительственное вмѣшательство въ имущественные интересы частныхъ лицъ, притомъ съ корыстной цѣлью. Поэтому, приступая къ изученію извѣстій Тайной Исторіи о состояніи правосудія при Юстиніанѣ, мы будемъ имѣть дѣло съ извѣстіями о тѣхъ фактахъ, которые являются для автора какъ болѣе или менѣе незаконный захватъ Юстиніаномъ и его правительствомъ имущества частныхъ лицъ. Эта группа извѣстій Тайной Исторіи представляетъ особыя трудности. Правда, вслѣдствіе богатства и специальной цѣнности юридическихъ источниковъ, относящихся ко времени Юстиніана, состояніе правосудія и судопроизводства въ VI в., какимъ оно должно было быть по праву, но не какимъ оно было въ дѣйствительности, представляется хорошо извѣстнымъ. Труды Бетманна-Голльвега, Карловы, Цахаріэ-фонъ-Лингентала, не говоря о другихъ, излагаютъ законодательство Юстиніана въ области процесса, государственнаго и частнаго права съ пол-

1) Ср. замѣчаніе Моммсена въ статьѣ о надписи *Saltus Burunitanus* (Hegmea, т. XV).

2) Ap. 58₁₃: ὅτι περὶ οὐ φιλοχρηματίας ἠσώμενος, ἀλλὰ φθόνῳ εἰς τοὺς ταῦτα κακῆ-
μένους ἐχόμενος.

нотой, превышающей запросы неспециалиста. Но нашъ источникъ говоритъ не о законѣ, а объ обходѣ закона. Между законодательными намятниками и *odiosus libellus* стоятъ поверхностныя хроники и случайныя извѣстія литературныхъ источниковъ. Требуется отыскать въ дошедшемъ законодательствѣ то, что позволяло развиваться явленіямъ, давшимъ поводъ для жалобъ Тайной Исторіи, — уловки, которыя законодательство маскируетъ, и пробѣлы, о которыхъ оно не говоритъ. Трудно справиться съ подобной задачей, и въ этомъ могутъ найти себѣ нѣкоторое извиненіе почти неизбежныя промахи.

Впрочемъ, ближайшая группа фактовъ изъ области имущественныхъ отношеній правительства къ частнымъ лицамъ можетъ быть выдѣлена сравнительно легко. Эту группу фактовъ образуетъ замѣчаемая тенденція правительства къ увеличенію казеннаго и императорскаго земельного имущества въ ущербъ частному землевладѣнію. Имущества, находившіяся при Юстиніанѣ въ вѣдѣніи управленій фиска, *s. patrimonii, rei privatae* и *divinae domus*, приносили соотвѣтствующимъ кассамъ государства значительный доходъ деньгами и натурою. Вполнѣ понятная забота о нихъ правительства сводилась не къ подъему ихъ доходности (что было не подъ силу тогдашнему хозяйству), но къ сохраненію и къ развитію казеннаго землевладѣнія со стороны количества. Правительство, по словамъ Тайной Исторіи, прибирало къ своимъ рукамъ наиболѣе доходныя земли¹⁾. Прежде чѣмъ перейти къ изученію способовъ, которые правительство употребляло для послѣдней дѣли, замѣтимъ, что извѣстіе²⁾ о захватѣ правительствомъ земель въ завоеванной провинціи Африкѣ указываетъ на фактъ, собственно не относящійся къ нарушеніямъ имущественныхъ правъ частныхъ лицъ со стороны государства, какъ привилегированнаго землевладѣльца, потому что оно въ данномъ случаѣ дѣйствовало въ силу политическаго права завоеванія. Но Тайная Исторія стоитъ на точкѣ зрѣнія возмущившихся по этой причинѣ солдатъ, которые смотрѣли на завоеванныя ими земли, при томъ закрѣпленныя путемъ браковъ съ женами погибшихъ Вандаловъ, какъ на свою частную собственность. Это видно изъ соотвѣтствующаго мѣста «Вандальскихъ войнъ», гдѣ сопоставляются обѣ точки зрѣнія³⁾.

1) Ап. 79, ἐπιπλα πάντα καὶ τῶν χωρίων ὅσα κάλλιστα ἦν. 107₁₅: καὶ τῶν χωρίων προσεποιέτω, εἴ τι ἄριστον ἦν.

2) Ап. 107.

3) Vand. II 469—470. Ср. Zach. N. J. VIII.

Авторъ Тайной Исторіи не различаетъ въ лицѣ правительства собственника казеннаго имущества и государственную власть, и поэтому между обращенными къ Юстиніану и его правительству обвиненіями въ грабежѣ трудно выдѣлить извѣстія о слабости частнаго землевладѣнія передъ казною, хотя самые факты безспорно имѣютъ свое мѣсто въ исторіи этой эпохи, будучи извѣстными изъ другихъ источниковъ. Отсюда самымъ удобнымъ порядкомъ изложенія является обзоръ фактовъ, къ которымъ слѣдуетъ примѣнить неточныя извѣстія Тайной Исторіи.

Евагріій рассказываетъ¹⁾ о гибели при Юстинѣ II сенатора Эееріа, который въ бытность свою, при Юстиніанѣ, въ должности *sigtor divinae domus*, грабилъ «во имя» своего вѣдомства имущества «живыхъ и мертвыхъ» посредствомъ кляузъ всякаго рода. Разъясненіемъ служить подобное извѣстіе Агаѳіа²⁾ о кураторѣ Анатолиі, который отнималъ имущества достаточныхъ лицъ у дѣтей и законныхъ наследниковъ, подъ предлогомъ завѣщанія или дара императору, ставя на частныхъ земляхъ каменные *tituli* и вѣшая пурпурные флаги въ знакъ императорской собственности. О ложныхъ дарахъ и завѣщаніяхъ мы будемъ говорить немного ниже. О кляузахъ другого рода читаемъ въ важномъ, почти современномъ документѣ—въ новеллѣ императора Тиберіа о дворцовыхъ управленіяхъ, изданной между 578 и 582 годами³⁾. Во имя справедливости и высшихъ государственныхъ интересовъ⁴⁾ Тиберій запрещаетъ незаконный захватъ частныхъ имуществъ дворцовыми управленіями. Указъ былъ вызванъ⁵⁾ чрезвычайно многочисленными жалобами какъ столичныхъ обывателей, такъ и провинціаловъ «всѣхъ почти» областей, имѣвшихъ

1) Evagr. V c. 3 Αἰθέριος δὲ διὰ πάσης ἰὼν συκοφαντίας καὶ τὰς τε τῶν ζώντων τῶν τε τελευτώντων τὰς οὐσίας ληϊζόμενος ὀνόματι τῆς βασιλικῆς οἰκίας, ἧς ἐπὶ Ἰουστινιανοῦ προσετέθει. Ср. ἐκλογαὶ ἱστοριῶν, Cramer, Anecdota Oxoniensia, II p. 325 sq.

2) Agath. V c. 4 p. 284. Ἀνατόλιος, ὁ κουράτωρ τῶν βασιλέως οἰκῶν τε καὶ κτημάτων ἀδικός τε ἐς τὰ μάλιστα γεγωνός καὶ πολλοὺς πολλὰ δσα τῶν οἰκείων ἀφηρημένος, ὅτε τε αἱ γραφαὶ σανίδες ἐκεῖναι καὶ τὰ ῥάκη τὰ ὑποπόρφυρα ἐς τὸδε (τὸ ἀποθανεῖν) αὐτῷ ἀπετελεύτησαν, ἀ δὴ πολλὰ τοῖς τῶν εὐδαιμόνων οἴκοις θαμὰ ἐπέβαλλε τὴν ἐς βασιλεία εὐνοίαν προϊσχύμενος... βιαζόμενος μὲν ἀναίδην... τὰ βουλευόμενα τῶν ἀποικομένων, χαίρειν δὲ πολλὰ λέγων τοῖς νόμοις, οἱ δὴ τοὺς παῖδας κληρονομεῖν ἐδέλουσι τῆς τῶν φυσάντων περιουσίας.

3) περὶ τῶν θείων οἰκιῶν, Zach. Coll. I nov. 12.

4) εὐπορίαν τε καὶ εὐδαιμονίαν ἡμετέραν ἡγούμεθα τὴν τῶν ὑπῆκόων εὐπάθειαν.

5) ἔνθεν τοι πολλῶν ἡμῖν διαφόρως προδεληυθόντων τῶν τε ἐπὶ τῆς ἐνδοξοῦ ταύτης πόλεως οἰκούντων, τῶν τε ἐξ ἀπασῶν σχεδὸν τῶν ἐπαρχιῶν κτήσεις τινὰς ἢ οἰκήσεις βασιλικὰς περὶ αὐτῶν (σεν: περίε αὐτῶν) οὐσας ἐχόντων, πράγμασί τε ἐτέροις καὶ δίκαις περιβεβλημένων, ποικίλων ἀδικημάτων προσαγγελλόντων τρόπους.

несчастіе быть сосѣдями управляющихъ дворцовыми имѣніями или вступить съ ними въ дѣловыя отношенія. Землевладѣльцы жаловались на «разнообразные способы несправедливостей» со стороны управляющихъ, хартуларіевъ и служащихъ дворцовыхъ имѣній¹⁾. Просители указывали на захваты не только движимости, но и недвижимаго имущества, имѣній и угодій, равно какъ на уводъ колоновъ (въ широкомъ смыслѣ слова, γεωργῶν = rustici)²⁾. Это совершалось прежде всего путемъ принятія чужихъ земель и колоновъ подъ патронатъ, что совершалось за деньги со стороны принимаемыхъ³⁾. Въ этомъ текстѣ усматривается интересное явленіе: мелкое землевладѣніе и, можетъ быть, условное пользованіе (conductores, emphyteutae, coloni) находило себѣ въ казенномъ и дворцовомъ управленіяхъ союзника въ борьбѣ съ крупной собственностью, для которой такой оборотъ дѣлъ былъ опасенъ. Извѣстно, что патронатъ частныхъ лицъ былъ подъ преслѣдованіемъ закона⁴⁾. Для всѣхъ былъ видѣнъ результатъ такого столкновенія казеннаго землевладѣнія съ частнымъ—появленіе на частныхъ усадьбахъ императорскихъ tituli, σανίδες или σήμαντρα. Эти вещественные признаки перехода собственности были, видимо, памятны людямъ той эпохи, и важное явленіе борьбы казенной собственности съ крупнымъ землевладѣніемъ, или борьбы правительства съ аристократіей, представляется въ источникахъ подъ формой появленія царскихъ tituli на частныхъ земляхъ. Въ другомъ мѣстѣ мы изучали политическую подкладку борьбы Юстиніана съ сенаторскимъ сословіемъ.

И здѣсь, въ борьбѣ съ крупнымъ частнымъ землевладѣніемъ, подъ формой или подъ знаменемъ борьбы изъ-за σανίδες, выступая въ качествѣ собственника казеннаго имущества, правительство опирается на свою государственную власть. Еще въ 408 г. (или въ 430 по мнѣнію другихъ) состоялся указъ, объявившій право ставить tituli прерогативой императорской власти⁵⁾, а поэтому тотъ, кто ставилъ,

1) παρά τε προνοητῶν καὶ χαρτουλαρίων καὶ μισθοτῶν καὶ τῶν ἄλλως προσηκόντων ταῖς βασιλικαῖς οἰκίαις.

2) τῶν φέρεσθαι δυναμένων πραγμάτων, ἔστι δὲ ὅπη κτήσεως καὶ γηδίων καὶ γεωργῶν ἀφαιρέσεις ὀδυρομένων.

3) τῶν δὲ ἐνεργολαβεῖσθαι παρ' αὐτῶν προστασίαν ἄλογον τοῖς ἄλλοτριῶς χωρίοις τε καὶ ἀγροῖς ἀπονεμόντων.

4) Cod. J. XI 54 ut nemo ad suum patrocinium suscipiat vicos vel rusticanos eorum, 2. Ср. II 15. Zach. N. J. XXI 17'.

5) Cod. J. II 15: Regiae majestatis est, ut nostrae tantum domus et patrimonia titulorum inscriptione legantur omnes igitur intelligant publico iuri esse deputandum id, cui nomen dominicum praescribitur.

как бы признавалъ свое имѣніе принадлежащимъ государству; отсюда правительство выводило свое фиктивное право наказывать *impositio titulorum* отобраниемъ имѣнія въ казну, усугубляя наказаніе смертной казнью виновнаго, если онъ плебей, и лишеніемъ всѣхъ имущественныхъ и личныхъ правъ виновнаго изъ привилегированнаго сословія¹⁾. Всякій желающій могъ уничтожить эти *tituli* и *vela* безнаказанно²⁾. Эти запрещенія были вызваны злоупотребленіями правомъ патроната, состоявшими въ томъ, что тяжущіеся спасались отъ закона, ставя на своихъ земляхъ знаки сильныхъ людей взаимѣнъ *patrocinium in lite*³⁾. Не касаясь подробностей этой продолжительной борьбы правительственной власти съ крупной земельной собственностью—эта борьба имѣла глубокое историческое значеніе въ судьбахъ Римскаго государства, — вернемся къ документамъ времени Юстиніана. Въ указѣ «*mandata principis Triboniano*», появившемся въ 535 г.⁴⁾ законодатель требуетъ отъ лица, назначеннаго правителемъ области, чтобы онъ, сознавая за собою поддержку и благоволеніе императора, обратилъ особое вниманіе на лицъ, осмѣливающихся ставить *tituli* со своими именами на чужихъ земляхъ или на чужихъ промышленныхъ заведеніяхъ (*ἐργαστηρίοις ἐν πόλει διακειμένοις*) и чтобы губернаторъ наказывалъ ихъ конфискаціей ихъ собственнаго имущества для устрашенія другихъ. Объ этомъ преступленіи законодатель говоритъ съ большою ненавистью. Посылая губернатора съ новой властью въ провинцію Понтъ, гдѣ находилось много царскихъ и казенныхъ имѣній, Юстиніанъ требуетъ⁵⁾ отъ него искорененія *tituli* частныхъ лицъ на чужихъ земляхъ, какъ явленія, особенно развитого въ этой области, (отсюда слѣдуетъ заключить, что въ Понтѣ существовала сильная тенденція къ развитію крупнаго землевладѣнія) и подтверждаетъ, что право ставить *tituli* принадлежитъ только казнѣ и двору императора и Августы. Губернаторъ былъ обязанъ уничтожить знаки и произвести слѣдствіе. Если виновнымъ окажется самъ собственникъ, то его имѣніе конфискуется и *tituli* ломаются надъ его головой; если же виновнымъ окажется управляющій, то онъ сверхъ того долженъ быть подвергнутъ жестокой пыткѣ, чтобы «научить кого надо, что никому

1) *Ibid.* l. 2, a. 439.2) *Ibid.*, § 2.3) *Cod. J.* II 14 un. a. 400: de his qui potentiorum nomine titulos praediis adfigunt vel eorum nomina in lite praetendunt.4) *Zach. N. J.* XXI 15'.5) *Ibid.*, XXXI 1' § 1.

не позволяется обижать подданныхъ ни лично, ни черезъ какихъ то дорифоровъ (предметъ особенныхъ подозрѣній правительства), ни черезъ взятыхъ на службу за корысть (наемныхъ)». То же самое было повторено Юстиніаномъ въ наказѣ претору Пафлагоніи, данномъ въ томъ же году¹⁾. Посылая проконсула въ Каппадокію, Юстиніанъ изображаетъ взаимное положеніе казеннаго и частнаго крупнаго землевладѣнія въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «пусть онъ обратитъ особое вниманіе на благоустройство казеннаго имущества, которое повсюду расхищено и спустилось до такого ужаснаго состоянія, что почти ничего не стоитъ. Мы слышали о такихъ злоупотребленіяхъ въ этой сторонѣ, что исправить ихъ будетъ подъ силу только лицу самаго большого сана. Управляющіе крупныхъ и могущественныхъ собственниковъ (δυνατῶν) сказать стыдно, съ какимъ расхаживаютъ неприличіемъ, какъ имъ служить тѣлохранители и нестерпимое множество людей и какъ они безстыдно грабятъ! И мы удивляемся, какъ само населеніе могло до сихъ поръ терпѣть ихъ гнѣть. Не удивительно, что при повседневныхъ молитвахъ нашихъ и заботахъ объ общемъ благѣ къ намъ приходитъ множество обиженныхъ изъ Каппадокіи, въ томъ числѣ много священниковъ, а всего больше женщинъ, и всѣ жалуется, со слезами, на захватъ ихъ собственности, потому что кругомъ нѣтъ никого, кто бы могъ этому помѣшать. Казенное имущество почти все уже перешло въ частное владѣніе, будучи растащено и расхищено вмѣстѣ со всѣми царскими табунами, и никто на это не вымолвилъ ни слова, но у всѣхъ рты были заткнуты золотомъ»²⁾. Если въ словахъ о провинціалахъ, находящихъ себѣ защиту отъ крупныхъ землевладѣльцевъ въ помощи и покровительствѣ государственной власти, не видѣть голаго лицемѣрія законодателя, на что не имѣется права, то въ этомъ текстѣ представляется примѣръ союза или общности интересовъ нисшихъ земледѣльческихъ классовъ съ казною, противъ крупной собственности, и вмѣстѣ съ тѣмъ примѣръ примѣненія казною *patrocinium*, на которое жалуется новелла Тиберія.

Вторымъ орудіемъ въ рукахъ правительства, при его борьбѣ съ крупнымъ землевладѣніемъ, были судебныя привилегіи (*προνομίαи*) учреждений, вѣдавшихъ императорскія и казенныя имущества. Стоявшіе во главѣ ихъ кураторы обладали судебной властью, и законъ под-

1) Zach. Z. J. XXXII §.

2) Zach. N. J. XLIV e' § 1.

чинялъ ихъ вѣдѣнію всѣ дѣла, касающіяся лицъ, жившихъ на бывшихъ подъ ихъ управленіемъ земляхъ¹⁾. Что касается до земель фиска, то еще Константинъ Великій подчинилъ всѣ дѣла о нихъ вѣдѣнію чиновника фиска²⁾. Оказывается, что эти вѣдомства сами себя судили, по выраженію новеллы Тиберія; но это было общимъ явленіемъ въ государствѣ, гдѣ судъ и администрація находились въ однихъ рукахъ. Далѣе стоявшіе во главѣ этихъ управленій *curatores*, не говоря уже о *comites* и *praepositus s. cubiculi*, принадлежали къ высшимъ чинамъ государства, и обычный путь апелляціи (къ *praef. pr.* одному или вмѣстѣ съ *quaestor Palatii*) былъ закрытъ для имѣвшихъ на нихъ претензіи³⁾. Законъ не признавалъ за частными имуществами тѣхъ же правъ передъ судомъ, какъ за казенными или императорскими, но давалъ послѣднимъ привилегіи. Онѣ касались прежде всего сроковъ для обращенія съ исками противъ этихъ вѣдомствъ (*praescriptiones, παραγραφαί*). Извѣстно что такія льготы были дарованы церкви; но себѣ государство разрѣшало ихъ и до Юстиніана. Относительно фиска указъ Зинона⁴⁾ постановляетъ слѣдующее: противъ всякаго лица, получившаго отъ казны (*fiscus*) имущество въ собственность, путемъ купли, или иного вида отчужденія, или путемъ *munificentia principalis*, совершенно не допускается никакого иска по поводу права на приобрѣтенное указаннымъ путемъ имущество, даже если бы казна сама себя обсчитала; наоборотъ, противъ казны иски допущены, но только до истеченія четырехъ лѣтъ. Юстиніанъ распространилъ⁵⁾ это распоряженіе Зинона на частную собственность императора, руководясь тѣмъ соображеніемъ, что какъ казенныя, (фиска) такъ и частныя имущества императора и Августы одинаково находятся во власти императора, и поэтому нѣтъ основанія отказывать послѣднимъ въ той привилегіи, которая предоставлена первымъ. Указывая на многочи-

1) Cod. J. III 26 ubi causae fiscales vel divinae domus hominumque eius agantur; 11: sancimus, ut sive agat domorum nostrarum colonus aut inquilinus aut servus seu pulsatur ab aliquo super criminali vel civili negotio, non alibi quam tui culminis (praep. a. cubiculi) ac viri spectabilis comitis domorum petatur examen: nullius adlegatione super fori praescriptione penitus admittenda. a. 442.

2) Ibid. I. 5: ad fiscum pertinentes causas rationalis decidad omnibus concussionibus prohibendis. a. 315.

3) Ср. нов. Тиберія γ'. μηδὲ τοῦ προεστῶτος τῆς θείας οἰκίας, δι' ὃν ταῦτα πεπραχθαι λέγεται, διὰ τὴν οὐσαν αὐτῷ δύναμιν τὴν ὑπὲρ τοῦτων ἐναγωγὴν ὑποδεχομένου, καὶ τοῦ τὸ πρᾶγμα εἰληφότος τὸ πρὸς θεῖαν οἰκίαν συνάλλαγμα προτεινομένου καὶ κατὰ τὴν δεδομένην αὐτῇ προνομίαν ἐγκαλεῖσθαι παρ' οὐδενός ἀξιούντος.

4) C. J. VII 37 de quadriennii praescriptione, 2.

5) Ibid. I. 3 a. 531.

сленныя пожертванія и благодаренія, свои и Августы, и на свое желаніе закрѣпить эти пожертванія окончательно, императоръ заключаетъ, что на прерогативу безвозвратнаго отчужденія имѣютъ право тѣ, кто день и ночь думаютъ и трудятся за весь земной шаръ¹⁾. Такимъ образомъ, законодатель прибѣгаетъ къ послѣднимъ мотивамъ для оправданія указа, который имѣетъ видъ милости со стороны правительства. Можно думать, что этимъ указомъ Юстиніанъ думалъ укрѣпить положеніе Θεодоры, закрѣпляя за ней всѣ свои дары законодательнымъ путемъ; но въ сущности, оба указа, Зинона и Юстиніана, не были уступками со стороны казенной собственности. Что касается до запрещенія возбуждать иски по поводу отчужденія земель въ частныя руки, то подъ этимъ, кажется, слѣдуетъ разумѣть санкціонированіе закономъ продажи казною малоодоходныхъ и, можетъ быть, спорныхъ, земель. Не съ этой сомнительной уступкой слѣдуетъ сопоставить сущность обоихъ указовъ — существенное ограниченіе правъ тяжущихся съ казною, въ видѣ установленія короткаго срока, — а съ тѣмъ обстоятельствомъ, что для возврата государственной собственности, захваченной частными лицами, не существовало никакого срока. Это менѣе ясно относительно земель фиска²⁾: хотя государство не могло отступить отъ своей собственности, но въ видахъ казенной же пользы, Константиномъ Великимъ было разрѣшено занимать пустопорожнія земли (*bona vacantia*) всѣмъ желающимъ, причемъ четырехлѣтнее владѣніе давало право на собственность³⁾. Но частныя имущества императора, состоявшія изъ лучшихъ земель, гдѣ велось сравнительно доходное хозяйство, могли быть возвращаемы, въ случаѣ захвата частными лицами, безъ ограниченія какимъ бы то ни было срокомъ⁴⁾. Такъ напр., Юстиніанъ приказывалъ проконсулу Каппадокіи отобрать всѣ захваченныя частными лицами императорскія имущества, не принимая въ расчетъ никакихъ сроковъ⁵⁾. Упомянутый указъ 531 г. вводилъ также другую привилегію, *προνομίαν*, еще менѣе справедливую: актъ отчужденія императорскаго имущества освобождался отъ условій, которыя закономъ предъявлялись къ акту между частными лицами. Для отчужденія императорской соб-

1) Ср. An. p. 92.

2) Ср. C. J. X 1 de iure fisci 3.

3) C. J. VII 37.

4) Ibid. VII 38; neque enim incubatio diuturna aut novella professio proprietatis nostrae privilegium abolere potest.

5) Zach. N. J. XLIV ζ'. οὐδεμίᾳ ἀντιθεμένης αὐτῷ χρονίας παραγραφῆς.

ственности требовалось только распоряженіе императора или его уполномоченнаго, подтвержденное запиской императора ¹⁾). Этотъ указъ, сравнивая частную собственность императора съ казенной, распространялъ на нее привилегированное положеніе въ ущербъ частному землевладѣнію ²⁾). То, къ чему законъ обязывалъ частныхъ лицъ, для управляющихъ патримоніями признавалось обидами и убытками.

Перейдемъ теперь къ фактическимъ послѣдствіямъ этихъ *προνομία*: казенной и императорской собственности — къ развитію фиктивныхъ и вообще обманныхъ сдѣлокъ между чиновниками соответствующихъ вѣдомствъ и частными лицами для обоюдной выгоды, но въ ущербъ интересамъ юстиціи. Это — третья группа злоупотребленій, на которыя жалуется новелла Тиберія (подъ именемъ *συναλλάγματα*). Эти сдѣлки особенно интересны для пониманія соответственныхъ извѣстій Тайной Исторіи. Четыре формы незаконныхъ *συναλλάγματα* сохранены Кодексомъ, какъ запрещенныя императорскими указами ³⁾). Въ трехъ случаяхъ ⁴⁾ дѣло идетъ о лицахъ, требовавшихъ помощи правительства въ ихъ тяжбахъ на томъ основаніи, что они состояли должниками государства ⁵⁾). Эту попытку воспользоваться властью кредитора — казны для *patrocinium in lite* императоры отвергали съ негодованіемъ ⁶⁾). Четвертый проситель прямо предлагалъ правительству за покровительство въ его тяжбѣ подѣлиться половиной ⁷⁾). Судя по извѣстіямъ новеллы Тиберія незаконныя *συναλλάγματα* въ VI в. развились и стали обычными. Мы узнаемъ ⁸⁾, что чиновники дворцовыхъ управленій принимали на себя веденіе сомнительныхъ тяжбъ и добились того, что лишали кредиторовъ довѣренныхъ ими денегъ. Наоборотъ, если истцомъ являлась казна, которой была уступлена тяжба, то чиновники отбирали спорное имущество безъ суда и слѣдствія «силою» (т. е. административною властью и въ порядкѣ *in rem*). Далѣе, они составляли фиктивные долговые росписки, на основаніи ихъ всту-

1) Cod. Just. VII 37.

2) Ibid.: Hoc enim est eorum, qui nec majestatem imperialem agnoscunt et quantum inter privatam fortunam et regale culmen medium est, et nostros curatores... aliquibus injuriis vel damnis afficere conantur.

3) C. J. II 17 ne fiscus vel respublica procuracionem alicui patrocinii causa in lite praestet.

4) ll. 1, 4, 8.

5) *συναλλάγμα* sub praetextu debiti.

6) l. 3: abhorret saeculo nostro. 4: contra saeculi nostri tranquillitatem.

7) Ibid., l. 2.

8) Nov. Tiberii, prooem.

пали въ тяжбу давшаго такую росписку съ его кредиторомъ и описывали имущество должника, лишая кредитора возможности получить свой капиталъ обратно. Злоупотребленія третьяго рода прямо являются результатомъ приведеннаго выше указа 531 г. ¹⁾). Желающіе развязаться со своими долгами вступали въ сдѣлку съ кураторами, уступали имъ свое имущество путемъ фиктивнаго дара или продажи, а послѣдніе передавали это имущество родственникамъ или близкимъ людямъ должника, отъ которыхъ въ силу указа 531 г. уже не было возврата. При томъ судиться съ кураторами было не легко. Наконецъ, нѣкоторые просто мѣняли свое имущество на казенное или дворцовое, менѣ цѣнное, чтобы, въ силу того же указа, избавиться отъ своихъ долговъ ²⁾). Изучая эти кляузы, мы ошупываемъ почву, на которой выросли рѣзкія обвиненія Тайной Исторіей правительства Юстиніана въ захватѣ чужихъ имуществъ. Съ этими извѣстіями мы познакомимся немного ниже.

Разсмотрѣвъ, въ бѣгломъ обзорѣ, взаимныя отношенія частнаго землевладѣнія и правительства Юстиніана, какъ владѣльца государственныхъ и императорскихъ имуществъ, перейдемъ къ изученію другой категоріи фактовъ изъ области отношеній правительства, какъ государственной и судебной власти, къ частнымъ лицамъ, въ той степени, которая требуется для пониманія и оцѣнки соответственныхъ извѣстій Тайной Исторіи. Переходъ частныхъ имуществъ въ руки императора и его правительства, какъ носителей государственной и судебной власти, совершался тремя ³⁾ главными путями, указываемыми Прокопіемъ: въ видѣ дара, въ видѣ наслѣдства, отходящаго въ казну, и въ видѣ штрафа или конфискаціи. Намъ останется изучить достовѣрность извѣстій Тайной Исторіи о взяточничествѣ и коснуться положенія судопроизводства при Юстиніанѣ, въ тѣхъ предѣлахъ, какіе налагаются нашей задачей.

Что касается даровъ (*donata*, *donationes*), то съ первыхъ шаговъ своего правленія Юстиніанъ выпустилъ рядъ указовъ ⁴⁾, которыми преслѣдовались двѣ цѣли: облегчить условія, которыми законъ обставлялъ этотъ родъ актовъ, и придать имъ обязательную силу. Вспомнимъ, что указъ 531 года ⁵⁾ объ отчужденіи казенныхъ и дворцовыхъ имуществъ

1) Ibid. γ'.

2) Ibid.

3) An. p. 54₈, 113₁₇ — 114₆.

4) C. J. VIII 53 de *donationibus*, 33—37.

5) C. J. VII 37 de *quadriennii praescriptione*, 3.

облегчалъ совершеніе дарственныхъ актовъ, равно какъ другихъ видовъ отчужденія, исходящихъ отъ императора, до послѣдней возможности. Что касается *donationes* частныхъ лицъ, то ранѣе Юстиніана законъ требовалъ письменнаго акта или другихъ равносильныхъ доказательствъ¹⁾. Юстиніанъ освободилъ отъ предъявленія письменныхъ актовъ всякія *donationes* до суммы 300 солидовъ, а потомъ на сумму до 500 сол. единовременно²⁾. Для *donationes* въ пользу церкви та же льгота существовала съ 528 г.³⁾. Въ то же время правительство Юстиніана усиливало обязательность дарственныхъ актовъ. Указъ о частной собственности императора дѣлалъ всѣ *donationes*, исходящія отъ послѣдняго, актами безъ возврата; относительно даровъ императора церкви такая обязательность была признана вышеупомянутымъ С. J. I 2, 19⁴⁾. Закономъ 530 года *donationes* частныхъ лицъ признавались обязательными въ такой мѣрѣ, что жертвователь, забывшій выговорить себѣ пожизненное пользованіе, закономъ лишался пропитанія⁵⁾. Припомнимъ, что для всѣхъ *donationes* на сумму до 500 сол. не требовалось документа, а къ свидѣтелямъ само современное законодательство относилось съ большимъ, но повидимому справедливымъ подозрѣніемъ. Обязательныя отношенія, вызванныя актомъ *donatio*, продолжались и на наслѣдниковъ обѣихъ сторонъ, до выполненія *donatio*⁶⁾. Всѣ эти нововведенія были увѣнчаны указомъ 537 года «о томъ, чтобы дары частнаго лица царю не нуждались въ протоколѣ»⁷⁾. Приведемъ мотивы указа: «мы соблаговолили прибавить (къ первой половинѣ указа), чтобы точно также, какъ *donationes*, исходящія отъ царской власти и обращаемыя къ частнымъ лицамъ, не требуютъ письменнаго акта, но сами собою имѣютъ законную силу, такъ и *donationes* частныхъ лицъ царской власти, совершенныя дѣйствительно, публично и у нотаріусовъ, имѣющія подпись совершающаго и свидѣтелей, съ соблюденіемъ прочихъ предосторожностей, установленныхъ для *donationes*, не требуютъ письменнаго акта, на какую сумму онѣ бы ни

1) С. J. VIII 53, II. 29, 31.

2) Ibid. II. 34, 36 а. 529, 531.

3) С. J. I 2, 19.

4) Ср. Ап. 83₁, καὶ αὐτὸς δὲ κτώμενος ἐξ οὐ προσηκόντων τὰς τῶν περιόντων ἢ τετελεωτηκότων οὐσίας καὶ ταύτας τῶν τινι νεῶν εὐθὺς ἀνατιθεὶς τῷ τῆς εὐσεβείας ἐφιλοτιμεῖτο παραπετάσματος, ὡς μὴ εἰς τοὺς βιασθέντας ἢ τούτων αὐθις ἐπανοίи κτῆσις.

5) С. J. VIII 53, 35. § 5.

6) Ibid. § 5. e.

7) Zach. N. J. LXIX β' περὶ τοῦ τὴν παρὰ ἰδιώτου γινομένην εἰς τὸν βασιλέα δωρεὰν μὴ δεῖσθαι πράξεως ὑπομημάτων.

были; такъ какъ вышло бы непослѣдовательнымъ, чтобы царская власть не получала отъ частныхъ лицъ того же самаго, что она даетъ имъ сама. Это неравенство явилось отъ новшества, введеннаго указомъ блаженной памяти Зинона, именно (гласившимъ), что императорскія *donationes* (*τὰς βασιλείας δωρεάς*) не требуютъ акта.» Юстинианъ установилъ, что для *donationes* частныхъ лицъ царю письменные акты одинаково не обязательны, какъ для *donationes* императора его подданнымъ, «дабы ввести въ это дѣло справедливость на основаніи равенства». Равенство это было фиктивное. — (Что касается до закона Зинона, внесшаго *καινοτομίαν*, то кажется, что Юстинианъ разумѣетъ тотъ указъ, который имъ самимъ былъ дополненъ въ 531 г.¹⁾ Правда, тамъ говорится о земляхъ фиска, находившихся въ вѣдѣніи *comes rei privatae*; но понимать слова новеллы: *βασιλικὰς δωρεάς* въ узкомъ смыслѣ *privata substantia* и не нужно, такъ какъ императоръ одинаково раздавалъ и земли фиска *per munificentiam principis*, и не должно, потому что Юстинианъ не могъ приписывать другому то, что сдѣлалъ самъ).

Рядомъ съ вынужденными или подложными *donationes*, Тайная Исторія указываетъ на вѣдѣтельность въ дѣла о наслѣдствахъ, какъ на другой обычный приемъ правительства Юстиниана въ его захватахъ частныхъ имуществъ. Выше было приведено извѣстіе Агаѳіа о кураторахъ императорскихъ патримоній, лишившихъ дѣтей и законныхъ наслѣдниковъ ихъ правъ на наслѣдства. Но компетенція кураторовъ могла распространяться на лицъ, стоявшихъ въ особыхъ отношеніяхъ къ правительству, какъ собственнику казенныхъ и императорскихъ имуществъ, т. е. жившихъ на этихъ земляхъ или бывшихъ подъ *ragosinium* императора. Текстъ изъ анонимной хроники, приведенный Алеманномъ²⁾, говоритъ о насиліяхъ Юстиниана, предпринявшаго радикальное дѣло: отобрать въ казну имущества изъ рукъ законныхъ наслѣдниковъ. Спрашивается, какъ согласить самую возможность существованія въ потомствѣ, хотя бы плохо освѣдомленномъ, такихъ прямолинейныхъ обвиненій съ многочисленными, обстоятельными и важными актами законодательства по вопросамъ права наслѣдства, объявляющими своей цѣлью соблюденіе интересовъ родныхъ и наслѣдниковъ. Вышедшая въ 574 г. новелла преемниковъ Юстиниана, Юстина

1) C. J. VII 37 de quadriennii praescriptione; Zachariae ad nov. LXIX: non extat.

2) Alem. ad An. p. 158 Bonn. δοκῶν εὐνομεῖν Ἰουστινιανὸς ὁ βασιλεὺς πράγματα ἐπέχειρει παρανομωτάτη. τῶν γὰρ τελευτώντων τὰς περιουσίας οὐκ εἶα κληρονομεῖν τοὺς ἐκ γένους, ἀλλὰ τῷ δημοσίῳ προσαφώριζε.

Младшаго и Тиберія¹⁾, считаетъ нужнымъ устранить весьма крупныя, судя по ея выраженіямъ, злоупотребленія «нѣкоторыхъ» въ дѣлахъ о наслѣдствахъ. Новелла описываетъ эти ихъ злоупотребленія въ слѣдующемъ видѣ: «нѣкоторые», т. е. чиновники правительства, вступаютъ въ наслѣдства послѣ умершихъ, не позволяютъ приводить въ исполненіе ни завѣщаній, ни наслѣдованія *ex intestato*, накладываютъ на движимое имущество печати, на недвижимомъ ставятъ *tituli*²⁾. Обращаясь къ возможности описываемыхъ новеллою дѣйствій въ границахъ существовавшихъ законовъ, видимъ, что въ случаѣ отсутствія завѣщанія, извѣстія новеллы могутъ быть объяснены сравнительно легко. Законодательство Юстиніана выставляло принципомъ наслѣдованія, вмѣсто прежняго права семьи на наслѣдство, права отдѣльныхъ лицъ на наслѣдованіе *ex intestato*, по степенямъ ихъ близости къ умершему³⁾. Послѣднимъ лицомъ (юридическимъ), имѣющимъ право быть привлеченнымъ къ наслѣдованію *ex intestato*, являлась сама казна⁴⁾. Слѣдовательно, теперь имущество не оставалось обязательно въ семьѣ и не отходило въ казну только въ качествѣ выморочнаго, но какъ родственники, такъ и казна являлись одинаково наслѣдниками *ex intestato*, различающимися только по степени близости къ умершему и по своему мѣсту въ порядкѣ наслѣдованія. Прямымъ послѣдствіемъ такого взгляда явилось то обстоятельство, что чиновники государства считали себя вправѣ видѣть въ каждомъ случаѣ наслѣдованія *ex intestato* дѣло общественнаго значенія и потому вступаться въ каждомъ такомъ случаѣ, хотя бы родственники были на лицо. На это и указываетъ новелла Юстина и Тиберія, запрещающая чиновникамъ опечатывать каждое имущество, оставшееся послѣ умершаго безъ завѣщанія (или до его предъявленія?) и приказывая оставлять его прямо роднымъ, если они имѣлись. Такая формальность, стѣснительная и лишняя при наличности ближайшихъ наслѣдниковъ, должна была подать поводъ къ крупнымъ злоупотребленіямъ и вызвать общій ропотъ; запрещающая чиновникамъ на-

1) Zach. Coll. I nov. 8 περί κληρονόμων.

2) Ἐγνώμεν γάρ, ὡς τινὲς περινοστοῦντες τὰς τῶν τελευτώντων περιουσίας διαταράττουσιν, ἀλλ' οὐτὰ διαθήκας ἑῶσι κρατεῖν, οὐτε μὴν τὰς ἐξ ἀδιαθέτου διαδοχὰς χώραν λαμβάνειν τοῖς μὲν κινητοῖς πράγμασι σφραγίδας ἐπιβάλλοντες, τοῖς δὲ ἀκινήτοις σανίδας ἐπιτιθέντες, ὡς ταύτη τῆς ἐκείνων διαδοχῆς ἐπαύξειν τε καὶ τὴν πρόπουσαν λαβεῖν τάξιν.

3) Zachariae von Lingenthal. Geschichte des griechisch-roemischen Rechts. 3 Aufl. 1892 S. 134—136.

4) Zach. N. J. IX α' § 1: τῆνικαῦτα ἐπὶ τοὺς ἄλλους τοὺς ἐξ ἀδιαθέτου, οὓς ὁ νόμος καλεῖ... μεθ' οὓς καὶ τὸ δημόσιον, εἴ γε βούλοιο, τίθεμεν.

кладывать печати, Юстинъ и Тиберій хотѣли оказать народу большое благодѣяніе, судя по выраженіямъ новеллы; всетаки, эта формальность не могла быть единственной причиной подобныхъ жалобъ. Новелла Юстина и Тиберія говоритъ о несоблюденіи законныхъ правъ наследниковъ даже въ случаѣ наличности завѣщанія, а въ такомъ случаѣ казнѣ не приходилось вступаться, если только она не была упомянута въ завѣщаніи. Впрочемъ, новелла могла указывать и на признаніе завѣщаній незаконными и на злоупотребленія подобныя тѣмъ, на которыя указывалъ самъ Юстиніанъ въ указѣ 556 г. ¹⁾ Во всякомъ случаѣ, необходимо поискать иныхъ объясненій для жалобъ наследниковъ на правительство. Въ виду нашей цѣли, чтобы не принимать на себя лишней работы, обратимся къ изученію самихъ извѣстій Тайной Исторіи.

Тамъ говорится ²⁾, что Юстиніанъ самъ собою дѣлался наследникомъ умершихъ, а при случаѣ и живыхъ. Для этого онъ употреблялъ различные приемы. Такъ, Евдемонъ ³⁾, comes rei privatae, не оставилъ завѣщанія и не выразилъ послѣдней воли (т. е. не оставилъ codicillum), имѣя много родныхъ. Евфератасъ ⁴⁾, праер. v. cubic., тоже не успѣлъ распорядиться своимъ богатымъ состояніемъ, но оставилъ племянника. Въ этихъ случаяхъ изъ Тайной Исторіи не видно, на какомъ основаніи Юстиніанъ сдѣлался «самовольнымъ наследникомъ» ⁵⁾ названныхъ лицъ, «не оставивъ законнымъ наследникамъ ни одного триоболъ». Очевидно, дѣло шло о наследствѣ ex intestato; но какимъ образомъ императоръ обошелъ ближайшихъ наследниковъ и не оставилъ имъ законнаго φαλκίδιος, можно только догадываться, а поэтому изъ этихъ извѣстій остается заключить, что императоръ считалъ нужнымъ обезпечить за собою имущество своихъ «μᾶλλον θεράποντες ἢ ἄρχοντες». При другомъ случаѣ извѣстіе Тайной Исторіи яснѣе ⁶⁾. Послѣ внезапной смерти знатнаго сенатора Зинова Юстиніанъ и Теодора вступили во владѣніе его имуществомъ на основаніи завѣщанія, которое считалось подложнымъ.

1) Ibid. CLXVI. γ' καὶ τοῦτο δὲ ἤλθεν εἰς ἡμᾶς, ὡς τινὲς τῶν ἐν ἐπαρχίαις ἀρχόντων οὕτως ἀσεβῶς φέρονται προφάσει αἰσχροκερδείας, ὡς μὴδὲ διαθήκας συγχωρεῖν γίνεσθαι, μὴδὲ γενόμενας ἐμφανίζεσθαι... ἢ ἄλλο τι τῶν τοιούτων πράττεσθαι ἢ ἐν ὑπομνήμασιν ἢ ἐν ἐκμαρτυρίαις.

2) An. p. 114₄.

3) Ibid., 157₂₁ οὔτε διαθήκην τινὰ διαθέμενος, οὔτε τι ἄλλο τὸ παράπαν εἰπών.

4) Ibid. Ср. p. 158₄.

5) Ibid., 157₂₅.

6) An. 78.

Такимъ же образомъ они завладѣли имуществомъ другихъ сенаторовъ, т. е. на основаніи легата¹⁾. Въ случаѣ съ Іоанномъ, сыномъ Василя изъ Эдессы²⁾, указанъ примѣръ наслѣдованія императоромъ въ силу «писъма». Что разумѣть Прокопій подъ словомъ ἐπιστολή, трудно опредѣлить. Можно было бы предположить codicillum, но въ этой формѣ не могли быть вводимы новые наслѣдники³⁾. Повидимому въ этомъ фактѣ, который приведенъ въ качествѣ примѣра и для дополненія упоминанія «Персидскихъ Войнъ», было donatio mortis causa. Изъ Regisica извѣстенъ годъ этого факта—542; слѣдовательно, въ это время дѣйствоваль указъ 537 г. о дарахъ императору⁴⁾, хотя вообще декуріонъ не могъ дарить mortis causa болѣе одной четверти своего имущества, въ силу указа 539 г.⁵⁾ Въ другомъ случаѣ съ наслѣдствомъ декуріона, въ печальной исторіи дочери Анатолія⁶⁾ (ея судьба видимо хорошо извѣстна Прокопію, земляку ея мужа), авторъ Тайной Исторіи утверждаетъ, будто бы именно эту богатую наслѣдницу законодатель имѣлъ въ виду, повышая законную часть, отходящую въ пользу albim (и императора, прибавляетъ Тайная Исторія), съ $\frac{1}{4}$ до $\frac{3}{4}$. Припоминая законъ о бракахъ съ актрисами, мы имѣемъ возможность сомнѣваться въ подобномъ объясненіи закона 536 г.⁷⁾ Изъ Тайной Исторіи видно, что въ этомъ законѣ декуріоны увидѣли новое посягательство на ихъ имущество: будто бы часть отходящихъ въ albim суммъ шла императору и казнѣ, между тѣмъ, какъ въ текстѣ закона объ этомъ ничего не говорится. Это можно объяснять внимательствомъ правительства въ распоряженіе городскими суммами и тѣми переменами въ городскомъ хозяйствѣ, о которыхъ мы упоминали выше. Нельзя впрочемъ сказать, чтобы Прокопій передалъ законъ вполнѣ точно: онъ говоритъ о дѣтяхъ мужскаго пола, тогда какъ новелла не дѣлаетъ этого различія (если только дочери выйдутъ за декуріона того же города)⁸⁾. Изу-

1) Ibid.

2) Ibid. Cp. Pers. I 247.

3) Zachariae, Geschichte des griechisch-römischen Rechts, 3 Aufl., 156.

4) Zach. N. J. LXIX.

5) Zach. N. J. CVI.

6) An. 158—159.

7) Zach. N. J. XLI περί βουλευτῶν, ὥστε ἐνναούχιον καταλιμπάνειν τοῖς ἑαυτῶν βουλευταῖς κτισίν. Cf.—An. 158₂₀ καίτοι οὐδέπωποτε δημόσιον ἢ βασιλεὺς ἀφ' οὗ γεγόνασιν ἀνδρῶν ποὶ χρημάτων βουλευτικῶν μετασχεῖν ἔσχε.

8) Cp. Malal. 439 о благородномъ поступкѣ Юстиніана съ дочерьми Евлаіа. Поддѣльшія ἐκλογαὶ ἱστοριῶν, Cramer, An. Oхop., II 320, относятъ этотъ фактъ къ Юстину. Cp. Cedren. I p. 637.

чая эти извѣстія, прежде всего видимъ, что слово κληρόνομος употребляется Прокопіемъ не точно, хотя бы потому, что онъ говорить о κληρόνομος живыхъ¹⁾. Въ фактахъ, сохраненныхъ Тайной Исторіей, можно различить и разныя формы наслѣдованія, и даже совсѣмъ не наслѣдства. Въ однихъ случаяхъ было наслѣдованіе ex intestato, и если были обойдены прямыя наслѣдники, то есть основаніе предполагать особыя имущественныя отношенія умершихъ лицъ къ императору, въ другихъ случаяхъ были различныя формы завѣщаній, подложность которыхъ остается спорной въ виду того, что Прокопій пишетъ по слухамъ²⁾, хотя видимо подробнымъ, какъ напр. въ дѣлѣ дочери Анатолія; затѣмъ имѣетъ мѣсто упрощенный указомъ 537 г. порядокъ donationes въ пользу царя, и наконецъ, наслѣдованіе куріи въ силу специальныхъ законовъ, гдѣ участіе казны и императора можетъ объясняться изъ вмѣшательства фиска въ распоряженіи городскими суммами (или, можетъ быть, дѣло идетъ о малоизвѣстныхъ поборахъ и пошлинахъ съ подобнаго рода актовъ и тяжбъ, хотя второе объясненіе менѣе вѣроятно). Во всѣхъ этихъ случаяхъ не было прямого нарушенія закона, и выраженію αὐτόνομος κληρόνομος, повторяемъ, сама Тайная Исторія не придаетъ точнаго смысла. Ея извѣстія цѣнны тѣмъ, что указываютъ и иллюстрируютъ примѣрами тенденцію правительства Юстиніана вступаться въ наслѣдства частныхъ лицъ, и вскрываютъ слабость личности передъ узко понимаемыми интересами правительства; и въ извѣстіяхъ Тайной Исторіи мы считаемся съ одностороннимъ и преувеличеннымъ пониманіемъ этого явленія³⁾, тѣмъ самымъ съ источникомъ позднѣйшихъ грубыхъ представленій о насиліяхъ Юстиніана, вроде анекдотовъ Григорія Турскаго или приведеннаго мѣста изъ анонимной хроники. Чтобы провѣрить достовѣрность или возможность такого общаго впечатлѣнія, болѣе для насъ цѣннаго, чѣмъ частныя факты Тайной Исторіи, нужно изучить реформы законодательства о наслѣдствахъ въ VI вѣкѣ⁴⁾. Систематическое изложеніе этого обширнаго и труднаго матеріала выходитъ изъ рамокъ настоящей работы. Слѣдуетъ только замѣтить, что въ законодательствѣ Юстиніана⁵⁾ рядомъ съ призна-

1) Ap. 114₅ ἡ καὶ περιούσιον.

2) Ср. Ap. 78_{2,20} съ 86₁.

3) Ap. 158₂ τοσαύτη αἰδοῖ ἕς τε τοὺς νόμους καὶ τῶν ἐπιτηδείων τοὺς εὐγενεῖς ὁ βασιλεὺς οὗτος ἔχρατο.

4) C. J. VI 23 de testamentis и мн. др. м. Zach. N. J. IX. XXII. XLI. XLII. XLIV. LXXXVI. XLVIII β'. CXXVI. CXLIII. CXLV 3' α'. CLVII. CLXV.

5) Nov. IX α'. CXLVI α'.

ніемъ превосходства формы наслѣдованія по завѣщанію надъ наслѣдствомъ *ex intestato*, т. е. торжества личной воли завѣщателя надъ естественными правами родственниковъ, замѣтна ¹⁾ болѣе гуманная тенденція къ обезпеченію участи дѣтей; съ другой стороны, требованіе точныхъ и стѣснительныхъ формъ для законности завѣщанія ²⁾ вызвало законодательные акты, ставящіе себѣ цѣлью соблюденіе воли завѣщателя ³⁾, вызванные жалобами на признаніе многихъ завѣщаній незаконными. Замѣтна общая тенденція къ торжеству личнаго и государственнаго начала надъ семейнымъ и частновладѣльческимъ. Законодательный памятникъ слѣдующей эпохи, Эклога императоровъ Льва и Константина, содержитъ попытку возстановить семейное начало, потерявшую, впрочемъ, значеніе при возстановленіи Юстиніановскаго законодательства ⁴⁾.

Кромѣ *donationes* и наслѣдствъ, третьимъ орудіемъ для захвата государственною властью частныхъ имуществъ Тайная Исторія называетъ ложныя обвиненія. Имущественныя наказанія были широко развиты въ эпоху Юстиніана. Такимъ путемъ имущество поступало въ казну или подъ формой *прѣстѣлов*, или какъ *ζημία* и *χρηματικὴ ποινὴ* (*multa*) или, наконецъ, въ силу конфискаціи (*δήμεσις*). Что касается до *прѣстѣла* въ специальномъ смыслѣ слова, то этотъ видъ наказанія не можетъ служить къ объясненію извѣстій Тайной Исторіи, потому что въ этой формѣ имущество поступало въ казну въ силу добровольнаго договора частныхъ лицъ между собою ⁵⁾. Остается возможнымъ предполагать: пеню, примѣнявшуюся въ процессахъ уголовныхъ и о преступленіяхъ по должности (въ отличіе отъ штрафа или вознагражденія убытковъ, шедшаго въ пользу обиженнаго) ⁶⁾, поступавшую въ доходъ государства, и конфискацію, примѣнявшуюся для наказанія преступленій политическихъ и уголовныхъ, приравненныхъ къ политическимъ по своей особой важности ⁷⁾. Высказываясь, по крайней мѣрѣ теоретически, про-

1) Ibid. XXII. XLII.

2) С. J. VI 23, 29. XLII ζ.

3) LXXXVI. CXLV ζ'. XLVIII β'. LXIV прооет.

4) Zachariae, *Gesch. d. gr.-röm. Rechts*, 3 Aufl., стр. 136—138, 171—174.

5) Ср. Zachariae, *Gesch.* 305—308 и въ *Byz. Zeitschr.* 1893 S. 183 съ *Mitteis*, *Rechtsrecht u. Volksrecht in den östlichen Provinzen des römischen Reiches*, 523 ff. Они не говорятъ объ употребленіи термина *прѣстѣлов* въ смыслѣ, близкомъ къ *ζημία* и *ποινὴ*. *Zach. N. J.* CLV μγ' extr., С. J. XII 87, 18. I 44, 1. X 30, 4 § 10, 12 и мн. др.

6) Напр. нов. XVI ε', ed. Zachariae.

7) *δήμεσις* за взытку въ уголовномъ дѣлѣ, *ibid.*, CLIII β'.

тивъ χρηματικῆ καὶ ποινῆ¹⁾, Юстинианъ широко примѣнялъ конфискацію. Это наказаніе полагалось прежде всего за преступленія противъ государства (καθ' ὁσίων)²⁾; и отиѣняя конфискацію за разбой, Юстинианъ не забываетъ исключить изъ этой льготы возмущенія противъ правительства³⁾. Σανίδες на чужихъ земляхъ тоже признавались преступленіемъ политическимъ и влекли за собою конфискацію⁴⁾. За грабежъ и насиліе конфискація была отиѣнена Юстинианомъ въ концѣ его царствованія, въ 556 г. Особенно строго это наказаніе примѣнялось за похищеніе дѣвиць, вдовъ и монахинь⁵⁾. За преступленія противъ нравственности и семьи полагалась также конфискація⁶⁾. Наконецъ, постоянной тенденціей государственной власти въ эпоху Юстиниана было примѣненіе конфискаціи къ преступленіямъ противъ церкви, хотя и до него нѣкоторыя ереси признавались за publicum crimen⁷⁾. Всѣ штрафы поступали въ частную казну императора, въ вѣдомство *comae rei privatae*⁸⁾. Не трудно замѣтить, что Тайная Исторія⁹⁾ имѣетъ въ виду именно конфискаціи. Перечисляя преступленія, въ которыхъ Юстинианъ будто бы обвинялъ сенаторовъ, чтобы присвоить ихъ имущества, Прокопій называетъ язычество, ересь, педерастію, преступныя связи, расположеніе къ мятежу и симпатіи къ оппозиціонной партіи Прасиновъ, оскорбленіе величества и «всякія другія преступленія». Въ отдѣльныхъ фактахъ, которые Прокопій приводитъ, пострадавшіе были обвинены въ преступленіяхъ политическихъ или противъ нравственности и религіи¹⁰⁾. За всѣ эти преступленія конфискація полагалась по закону, и Прокопій говоритъ только о томъ, что эти обвиненія были ложными¹¹⁾. Во всѣхъ случаяхъ нашъ авторъ видитъ проявленіе систематической вражды правительства къ сенаторскому сословію и обезпеченнымъ классамъ общества; и въ опалахъ, которымъ подвергались всѣ при-

1) XXI ιβ'.

2) C. J. IX 8 ad legem Juliam majestatis. Cp. IX 49, 11.

3) Zach. N. J. CLXVI ιγ' extr. a. 556. Cp. C. J. IX 12 ad legem Juliam de vi publica seu privata, 7.

4) Nov. XXI ιε' (см. выше).

5) C. J. IX 18 un. a. 538. Zach. N. J. CLV μγ'.

6) Zach. N. J. XXII CLXVI ι' C. J. IX 9 ad legem Juliam de adulteriis et de stupro 29: *quamvis adulterii crimen inter publica referatur.*

7) *quia quod in religione divina committitur, in omnium fertur injuriam, C. J. I 5 de haereticis, 4 § 1. a. 407.*

8) Zach. N. J. CLII κε'.

9) An. p. 118 — 114.

10) An. p. 70—71, 93—4, 97, 99, 105, 120, 153, 156.

11) An. 54₁₀, 86₁, 99, 113₂₀.

ближенные Юстиниана по мѣрѣ достиженія ими силы и богатства, Прокопій усматриваетъ своеобразный способъ обогащенія ¹⁾. Подозрѣвать въ фактахъ конфискацій сенаторскихъ имуществъ проявленіе политической борьбы правительства съ высшей аристократіей имѣетъ свое основаніе, особенно когда дѣло идетъ о всеобщихъ конфискаціяхъ послѣ возмущенія «Ника» ²⁾. Что касается до корыстныхъ мотивовъ, которыми Юстиніанъ будто бы руководился, конфискуя имущества приближенныхъ лицъ, имъ самимъ возвышенныхъ и обогащенныхъ, то въ этихъ извѣстіяхъ слѣдуетъ видѣть впечатлѣніе постоянныхъ интригъ среди высшей администраціи и внезапныхъ опалъ временщиковъ вроде Іоанна Каппадока или Приска.

Относительно положенія правосудія при Юстиніанѣ у автора Тайной Исторіи сложилось общее убѣжденіе, что правительство Юстиніана руководилось или корыстными соображеніями или вліяніемъ сильныхъ лицъ, Θεодоры, духовенства и даже варваровъ-федератовъ ³⁾. Корыстные побужденія объясняютъ не только судебную, но и законодательную дѣятельность Юстиніана ⁴⁾. Судъ и законодательство при немъ были предметами постоянной и правильной торговли ⁵⁾. Въ этомъ случаѣ, какъ и въ большинствѣ подобныхъ, Прокопій не подтверждаетъ достаточно своего рѣзкаго и высказаннаго категорически обвиненія. Его аргументы состоятъ изъ нѣсколькихъ общихъ фразъ и немногимъ большаго числа частныхъ случаевъ. Эти рассказы современника указываютъ частью на факты грубаго попиранія закона Θεодорой и другими лицами, частью на факты обхода закона подъ формой обвиненія по другому поводу. Эти извѣстія болѣе характеризуютъ современное Прокопію правящее общество и его нравы, чѣмъ служатъ къ уясненію законодательства и суда, для котораго существуютъ свои богатые и подлинныя источники. Въ сравненіи съ ними Тайная Исторія ничего не можетъ намъ дать. Во всѣхъ сочиненіяхъ Прокопія не замѣтно, чтобы авторъ былъ адвокатомъ по профессіи, какъ думаютъ по традиціи; судя по его кругозору и образу мыслей онъ является скорѣе служащимъ челоуѣкомъ и администраторомъ. Кажется, что слово *ῥήτωρ* указываетъ не на профессію, но на обще-

1) *Απ. 70₁₀*. Ср. 85₉.

2) *Απ. 79₅*. 114₄.

3) *Απ. 122—3*.

4) *Απ. p. 89*.

5) *ἔκαστό τε ἐν τῷ δημοσίῳ τῆς ἀγορᾶς — καὶ ταῦτα ἐκ παλατίου — καὶ πρὸς τὶς οὐ δικαστικῆς μόνον, ἀλλὰ καὶ νομοθετικῆς πωλητήρια.*

ственное положеніе и образовательный цензъ. То небольшое, что можно извлечь изъ Тайной Исторіи для характеристики современнаго ей правосудія, служить болѣе для выясненія взглядовъ на это послѣднее, которые были ходячими въ обществѣ или въ его оппозиціонной части. Конечно, только этой добычи мы и вправдѣ ожидать отъ источника такого рода, къ какому принадлежитъ Тайной Исторіи. Съ этой стороны ея извѣстія заслуживаютъ вниманія, рисуя фактическое состояніе правосудія въ эпоху блестящихъ юридическихъ компиляцій.

Личное участіе императора въ дѣлѣ правосудія высоко цѣнилось въ эпоху слабости личности и той степени господства произвола, о которой даютъ право говорить источники. Ревностное отношеніе Юстиніана къ разбору частныхъ тяжбъ и его доступность просителямъ прославлена не одними оффиціозными памятниками. Эти качества признаетъ за нимъ сама Тайная Исторія. Часто Юстиніанъ, или его канцелярія, обобщалъ свое рѣшеніе объ извѣстномъ случаѣ изъ практики и издавалъ его въ видѣ общаго закона или разъясненія, «на общую пользу» и для руководства въ тождественныхъ казусахъ ¹⁾. Къ этой личной законодательной дѣятельности императора нашъ авторъ относится съ полнымъ осужденіемъ ²⁾, видя въ ней, кромѣ духа новаторства и самоволія (объ этомъ ниже), проявленіе корыстолюбія Юстиніана. Прокопій ³⁾ называетъ два примѣра законовъ, изданныхъ съ корыстной, будто-бы, цѣлью, и объ одномъ изъ нихъ — законѣ 530 г. объ установленіи столѣтняго срока давности для возврата церковныхъ имуществъ — прямо говоритъ ⁴⁾, что этотъ указъ обязанъ своимъ существованіемъ подкупу, при томъ самого императора. Для того, чтобы появился этотъ законъ ⁵⁾, вполне согласный съ направленіемъ церковной политики царствованія, не нужно предполагать подкупа. Вызванъ-ли онъ просьбой Емесской церкви, этого рѣшить нельзя, не

1) Cf. C. J. I. 14 de legibus et constitutionibus principum, 12, a. 529. Cf. notam Zachariae ad N. J. CIX.

2) Lydus de mag. II c. 15 неодобрительно, со своей точки зрѣнія: Βασιλεὺς Ῥωμαίων ὑπέμεινε χαμαιζήλου δικαστοῦ λειτουργίαν ὑφίστασθαι καὶ κρίνειν πράγματα ἴσως καὶ σφόδρα γλισχρῆς ὑποδέσεως ἀνεχόμενος, καθάπερ ὁ ἡμερώτατος ἡμῶν βασιλεὺς διὰ τὴν περὶ τοὺς ὑπάρχουσας στοργὴν καίτοι τὰ πλεῖστα κατὰ πολέμιων ἀγροπνῶν καὶ προκινδυνεύειν ἡμῶν διὰ σπουδῆς ἔχων.

Ἀγαπητοῦ τοῦ διακόνου ἔχθεσις κεφαλαίων παραινετικῶν (Migne, S. Gr. 86 p. 1180), v⁸.

3) Ap. 85₁₇. 89₅₋₁₅. (71₁₅).

4) Ap. 156. 159. Законъ объ актрисахъ p. 66. О бесплатномъ замѣщеніи должностей p. 120.

5) C. J. I 2 de ss. ecclesiis, 23.

ниѣя прооетіиш закона. Объяснять происхождение этихъ извѣстій Тайной Исторіи возможно самоличнымъ, агрессивнымъ и нѣсколько случайнымъ характеромъ законодательства эпохи. Правительству было извѣстно, что различныя формы выраженія императорской воли ¹⁾ стали вызывать затрудненія въ судопроизводствѣ, такъ какъ среди разбирательства предъявлялись болѣе или менѣе торжественныя указы императора ²⁾ и противопоставлялись дѣйствующимъ общимъ законамъ (γενικοὶ νόμοι). Въ 541 г. вышла специальная новелла ³⁾, которая воспретила предъявлять указы среди разбирательства, давала право сторонамъ отвергнуть ихъ въ случаѣ предъявленія, грозила штрафомъ судѣ, который ихъ допустить. Она должна была читаться передъ началомъ всякаго процесса до удостовѣренія личностей. Обладая верховной судебной властью, императоръ былъ высшей апелляціонной инстанціей. Къ нему направлялись апелляціи (ἐκκλητος δίκη) на приговоры высшихъ сановниковъ; судьи обращались къ нему за разъясненіями (ἀναφορά); наконецъ, ему принадлежало основное право автократора выступать со своимъ приговоромъ тамъ, гдѣ законъ оказывался безсильнымъ удовлетворить просителя (δεήσεις) ⁴⁾. Вслѣдствіе неправосудія чиновниковъ, или вслѣдствіе доступности Юстиніана, или по болѣе общимъ причинамъ, которыхъ мы коснемся ниже, третій путь непосредственнаго обращенія къ императору получилъ ненормальное развитіе. Противъ предпочтенія императорскаго суда правильному и законному ходу дѣлъ раздавались голоса служащихъ круговъ общества. Тайная Исторія ⁵⁾ осуждаетъ это явленіе въ рѣзкихъ словахъ, давая ему близорукое объясненіе личнымъ самоволіемъ (αὐτοδιασμός) Юстиніана. На самомъ дѣлѣ императоръ видимо тяготился массою обращенныхъ къ нему просьбъ и, во всякомъ случаѣ, заботился о правильномъ ходѣ дѣлъ.

Въ 543 г. онъ запретилъ ⁶⁾ судьямъ обращаться къ нему за разъясненіями, приказавъ рѣшать всѣ обращенныя къ нимъ дѣла «по закону и совѣсти». Стороны могли уже отъ себя апеллировать по прежнему. Объ апелляціяхъ существовали строгія правила въ порядкѣ вос-

1) θεῖοι τύποι ἢ θεῖαι καλέσεις ἢ χαταθέσεις τῶν περιβλέπτων... ῥεφερονδαρίων.

2) Cf. An. 157.

3) Zach. N. J. CXXXIV. Ср. С. J. I 15 de mandatis principum, 2. Zach. N. J. CII. γγ' ἡμεῖς γὰρ ἐκείνο βουλόμεθα κρατεῖν, ὅπερ ἡμέτεροι βούλονται νόμοι.

4) An. 88₁₂ ἰκασίαις λιταῖς.

5) An. 88₁₀.

6) Zach. N. J. CXLIV περὶ δικαστῶν.

хожденія отъ нисшей власти къ высшей. При Юстиніанѣ нѣсколько разъ было подтверждаемо или разъясняемо, что апелляціи на рѣшенія *praesides* должны направляться къ сановникамъ ранга *spectabiles*, на которыхъ апелляція шла къ соединенному присутствію *praef. praet.* и *quaestor Palatii*, рѣшеніе которыхъ считалось окончательнымъ, хотя и въ этомъ случаѣ императоръ разрѣшалъ пересмотръ дѣла (*ἀναψηλάφησις*)¹⁾. Этотъ порядокъ былъ подтвержденъ новеллою 536 года *de appellationibus et intra quae tempora debeat appellari*²⁾, какъ приходящее въ упадокъ древнее установленіе³⁾. Этимъ указомъ, какъ видно уже изъ его заглавія, апелляція была облегчена и въ другихъ отношеніяхъ. Устанавливая правила для апелляціи, Юстиніанъ, или его правительство, запрещалъ уклоненіе отъ законныхъ инстанцій, въ видахъ государственнаго порядка, или, по выраженіямъ новеллы, ограждалъ свое время, посвященное высшимъ государственнымъ интересамъ, отъ лишнихъ просителей⁴⁾. Провинціаловъ, явившихся въ столицу, не обратившихъ предварительно къ мѣстнымъ властямъ, правительство отсылало обратно и для этого, какъ увидимъ ниже, была учреждена особая должность; губернаторамъ ставилось на видъ обиліе жалобщиковъ изъ ихъ области, и справедливыя жалобы вызывали для нихъ наказаніе. Однимъ словомъ, всѣ мѣры были приняты для избѣжанія жалобъ и прошеній, подаваемыхъ провинціалами императору, но видимо сильна была несправедливость, если число просителей продолжало беспокоить правительство⁵⁾. Слова Тайной Исторіи, что Юстиніанъ судилъ, не разобравъ дѣла и выслушавъ одну сторону, болѣе пригодны для оцѣнки самой Тайной Исторіи, чѣмъ для сужденія о Юстиніанѣ. Въ обыкновенномъ порядкѣ производства императоръ отдавалъ поданную ему апелляцію избранному имъ судѣ для разбора⁶⁾. Въ 539 году Юстиніаномъ былъ учрежденъ постоянный апелляціонный судъ изъ 12 лицъ, между которыми были первые сановники государства. Это учрежденіе съ правильнымъ устройствомъ и опредѣленнымъ кругомъ занятій имѣло прочность⁷⁾. Его приговоръ

1) Zach. N. J. CII (β'.

2) Zach. N. J. XL. Vide Zach. n. 5.

3) quod antiquitas bene statuit, novitas autem neglexit.

4) Ibid. XXI γ', XXIII β', XXIV γ', XXV γ' § 1 и др.

5) An. p. 57₂₁, 88₁₁.

6) Zach. N. J. CII.

7) Zachariae, Gesch. d. gr.-röm. Rechts, 3 Aufl., 358 ff.

признавался окончательнымъ, но и въ этомъ случаѣ императоръ разрѣшалъ ἀναψηλάφησις.

Болѣе цѣны имѣютъ извѣстія Тайной Исторіи о постороннихъ влияніяхъ, мѣшавшихъ правильному отправленію правосудія. Репендаріи будто-бы торговали приговорами Юстиніана ¹⁾. Положенія этихъ чиновниковъ мы коснемся ниже. Какіе-то «солдаты, стоящіе на стражѣ» ²⁾, т. е. схоляріи, заставляли засѣдавшихъ во дворцѣ судей разбирать ихъ дѣла, — темное и маловѣроятное извѣстіе. Сторонникомъ перевѣса военнаго суда передъ гражданскимъ Юстиніанъ не былъ ³⁾; впрочемъ, и извѣстіе Тайной Исторіи говоритъ не о военномъ судѣ, а о внесении въ апелляціонный (новый, учрежденный новеллой СП.?) судъ, βιαιὰ χεῖρi. Можно думать объ обходѣ схоляріями законныхъ инстанцій (епарха и др.): судъ коллегіи 12-ти (если разумѣется онъ) былъ скорѣе и удобнѣе; апелляція на него шла прямо къ императору ⁴⁾. Ярче, хотя тоже не ясно, представлено Тайной Исторіей влияніе имп. Θεοδορυ. Прежде всего, зададимся вопросомъ, обладала ли она самостоятельной судебной властью, будучи коронованною «ἐὐσεβῆς σουεργάτις». Въ Тайной Исторіи встрѣчаемъ интересное, но все же темное мѣсто: «она слушала множество обвиненій, у нея было судьбище для дѣлъ объ ограбленіи подданныхъ и у нея собирались судьи», которые наперерывъ старались подать мнѣніе, угождавшее ея жестокости ⁵⁾. Изъ этого мѣста нельзя заключить, что Θεοδορυ обладала лично судебной властью: она нуждалась въ голосахъ судей, собирала ихъ у себя, на что Тайная Исторія жалуется и въ другомъ мѣстѣ ⁶⁾, и, такимъ образомъ, дѣйствовала через свое влияніе, но не своею властью. Между тѣмъ Тайная Исторія часто говоритъ о наказаніяхъ, конфискаціяхъ, даже пыткахъ, которымъ она подвергала своихъ личныхъ или политическихъ враговъ. Она пытала даже сенаторовъ, тогда какъ они были отъ пытки освобождены закономъ ⁷⁾.

1) An. 89.

2) An. 90.

3) Pragmatica Sanctio (Zach. CLXIV) c. 28: ut civiliter inter se causas audiant. C. J. III 1 de iudiciis, 17.

4) Zach. N. J. СП γ'. ε'. ιδ'.

5) An. 98₂₀. Чтеніе Бонискаго изданія кажется не понятнымъ. Можетъ быть слѣдуетъ читать: καὶ καταλύσεως περὶ τοῦ τοὺς κατηγόρους ληίζεσθαι δικαστήριον ἣν и переводятъ: atque devergorii de subditis expilandis iudicium erat.

6) An. 165₁₃.

7) C. J. XII 1 de dignitatibus, 10.

Такъ, вслѣдъ за приведенными словами, Прокопій говоритъ ¹⁾: «такимъ образомъ (οὕτω) Θεодора конфисковала имущество и подвергала виновнаго (сенатора) тѣлесному наказанію, хотя бы онъ былъ потомкомъ древняго рода». Это οὕτω указываетъ, что виновный былъ осуждаемъ собранными Θεодорой судьями, а отсюда ясно, что выраженія источника о Θεодорѣ: ἀνάγραπτον ἐποίησεν, αἰχισαμένην, φυγῆν ζημιούων ἢ θανάτῳ, не точны, такъ какъ она не рѣшала собственною властью, судя по смежнымъ строкамъ самой Тайной Исторіи. Еще яснѣе это видно изъ слѣдующей фразы ²⁾. Черезъ нѣсколько страницъ говорится, что Θεодора обвинила въ педерастіи двухъ своихъ враговъ, дѣйствуя черезъ епарха въ одномъ случаѣ, и суда сената — въ другомъ ³⁾. И здѣсь тѣ-же болѣе чѣмъ неточныя выраженія: ἐπενεγχοῦσα, ἀναστήσασα ἤκλιετο, κολλάσασα καὶ τὸ αἰδοῖον ἀποτεμομένην. Теперь можно настоящимъ образомъ оцѣнить извѣстія Тайной Исторіи о ея роли въ политическомъ процессѣ Фотія ⁴⁾ и убѣдиться, что изъ Тайной Исторіи (оставляя въ сторонѣ обычную неточность выраженія) не вытекаетъ, чтобы Θεодора обладала судебной властью.

Прокопій не забылъ упомянуть о систематическомъ покровительствѣ Юстиніана церковной собственности. Онъ указываетъ, впрочемъ, на одинъ только фактъ: установленіе столѣтняго срока давности ⁵⁾; объ этой льготѣ, въ послѣдствіи дарованной римской церкви и неоднократно сокращенной ⁶⁾, мы уже упоминали. Извѣстную историческую важность имѣетъ рѣзко выраженный общій отрицательный взглядъ Прокопія на покровительство церковной собственности и на привилегіи духовенства ⁷⁾. Въ этихъ словахъ намъ представляется столкновение юридическаго начала справедливости съ новымъ духомъ церковной политики правительства, или, переходя отъ принциповъ къ конкретности, извѣстіе о взаимныхъ отношеніяхъ духовенства и части свѣтскаго общества на почвѣ имущественныхъ интересовъ.

Интереснѣе извѣстія Тайной Исторіи о личномъ взяточничествѣ и корыстолюбіи Юстиніана. Намъ слѣдуетъ выяснитъ, на какія явленія

1) Ап. 94.

2) ἦν δὲ γε τῶν αὐτῆ ἐσπουδασμένων τινι ἐπὶ φόνοις... ἀλῶναι ξυμβαίειν, διασύρουσα καὶ χλευάζουσα τὴν τῶν κατηγορῶν ὀρμὴν σιωπᾶν τὰ προσπεσόντα οὗτι ἐδελουσίους ἠνάγκασε.

3) Ап. p. 99.

4) Ап. p. 26—27.

5) Ап. 155.

6) С. J. I 2, 23. Zach. N. J. XVII. CXXX. CLI 5'. Cp. CLXIV c. 6.

7) Ап. 83₁₄. Cp. Zach. N. J. XV. CXLVIII 3'. CLI 1β. CLV 5' и др.

жалуется Прокопій. Многіе, говорить онъ ¹⁾, ведя тяжбы, благопріятный исходъ которыхъ имъ представлялся сомнительнымъ, дарили предметъ тяжбы императору и «дѣлались знакомыми» Юстиніану на счетъ чужого имущества. Въ подобныхъ фактахъ слѣдуетъ видѣть слѣдствіе закона 537 г. о *donationes* въ пользу императора ²⁾. Другіе, продолжаетъ Прокопій ³⁾, обвиненные въ уголовныхъ преступленіяхъ, уступали Юстиніану свои имущества и такимъ путемъ спасались отъ преслѣдованія закона. Въ этомъ случаѣ надо думать, что Прокопій говорить объ удаляющихся въ добровольную ссылку, условія которой были облегчены закономъ 529 г. ⁴⁾. За преступленія, влекшія за собою ссылку въ качествѣ личнаго наказанія, соответственнымъ имущественнымъ была конфискація половины имущества, другая часть котораго шла наслѣдникамъ ⁵⁾; указомъ 556 года, состоявшимся послѣ редакціи Тайной Исторіи, все имущество обвиненнаго въ обыкновенныхъ уголовныхъ преступленіяхъ (убійство, грабежъ и пр.) было оставлено наслѣдникамъ ⁶⁾. Въ приведенномъ извѣстіи Прокопій могъ говорить о случаяхъ, когда виновные иредпочитали до суда уступить свое имущество и удалиться въ добровольное изгнаніе по собственному выбору мѣста, и правительство разрѣшало это взамѣнъ уступки второй половины имущества. Сюда, по нашему мнѣнію, относятся дѣла Фаустина и, можетъ-быть, епископа Павла. Такіе факты указываютъ на вредъ развитія имущественныхъ наказаній, примѣненіе которыхъ вполгдствіи было значительно сокращено ⁷⁾. Далѣе мы читаемъ въ Тайной Исторіи ⁸⁾, что Юстиніанъ судилъ не по законамъ, которые имъ самимъ были написаны. Комментаріемъ къ этимъ словамъ могутъ служить неоднократныя столкновенія общихъ законовъ съ разъясненіями, дополненіями и нововведеніями, исправлявшими дѣйствующіе законы на основаніи «общей пользы и указаній самой практики.» Но онъ судилъ, продолжаетъ Тайная Исторія, руководясь выгодною. Его приговоры часто расходились ⁹⁾ съ мнѣніемъ сената (какъ напр. въ дѣлѣ Фау-

1) *Ап.* 44₁₄—20.2) *Zach. N. J.* LXIX β'.3) *Ап.* 54₁₁.4) *C. J.* XI 47 de poenis, 26.5) *C. J.* IX 49 de bonis proscriptorum vel damnatorum, 10. a. 426.6) *Zach. N. J.* CLXVI γ'.7) *Zachariae, Geschichte des griechisch-römischen Rechts*, 332.8) *Ап.* 85₁₉.9) *Ап.* 88₁₇.

стина ¹⁾. Далѣе читаемъ ²⁾: когда Юстинианъ не могъ отнять всего имущества разомъ, путемъ ложнаго обвиненія или ложнаго завѣщанія, то негнушался брать малою долею, какъ воръ. Эта фраза построена антитетически и потому слова *κατὰ μικρόν* мы должны принимать съ ограниченіемъ. Все таки ясно, что здѣсь дѣло идетъ не о конфискаціи (когда Юстинианъ прибѣгалъ къ обвиненію и отнималъ все разомъ), но о какихъ то поборахъ малою долею, которые повидимому присуждались не по суду, но вѣдались при судопроизводствѣ. Далѣе читаемъ, что Юстинианъ не гнушался брать взятки ³⁾. Ниже Прокопій разъясняетъ, какъ Юстинианъ началъ брать взятки ⁴⁾. Его научилъ этому референдарій Левъ Киликіецъ, человекъ съ большими способностями и вліяніемъ ⁵⁾. По словамъ Тайной Исторіи ⁶⁾, онъ убѣдилъ Юстиниана продавать тяжбы за деньги. Всякій, желающій выиграть дѣло противъ кого либо изъ благородныхъ (*ἐπιτελικῶν*), шелъ къ референдарію и уплачивалъ, что слѣдовало. Нѣтъ основанія видѣть въ этихъ словахъ голую клевету: между тѣмъ эти извѣстія не вѣроятны. Чтобы объяснить ихъ, можно во 1) предположить, что дѣло идетъ о *ratrosinium in lite*, въ которомъ *humiles*, простые люди, находили себѣ поддержку императора противъ притѣсненій ихъ общаго врага — сенаторскаго класса, *δυνατοί*. На *ratrosinium* могло указывать то извѣстіе, что императору шла извѣстная часть спорнаго имущества ⁷⁾. Съ другой стороны бѣднымъ людямъ, тяжущимся съ *ἐπιτελικῆς*, трудно было бы платить иначе; кромѣ того, слова Тайной Исторіи ⁸⁾ какъ будто указываютъ на личное и скорое рѣшеніе; *ratrosinium in lite* было вообще подъ преслѣдованіемъ закона; наконецъ, референдарій принималъ прошенія обращающихся къ суду императора ⁹⁾. Слѣдовательно, мы должны предположить, что не для *ratrosinium*, но для прошеній (*δεήσεις*), за какой то сборъ, путь былъ открытъ, а такъ какъ онъ всегда былъ открытъ, то при посредствѣ Льва былъ реформированъ. Быть можетъ, въ виду накопленія

1) An. 158.

2) p. 85₂₁ καὶ κατὰ μικρόν γὰρ κλέπτοντι ἀφαιρεῖσθαι τὰς τῶν ὑπηκόων οὐσίαις αἰσχύνῃ αὐτῷ φέρειν τινὰ οὐδαμῆ φέτο, ἥνίκα δὴ οὐχ ἀπαξάπαντα ἀφελῆσθαι λόγῳ τινὶ εἶχεν.

3) An. 85₁₅ δωροδοκῶν γὰρ ὁ βασιλεὺς οὐκ ἤσχυνετο.

4) p. 90₁₁. Ср. 159₂₀.

5) l. 13: ἐς δὲ φιλοχρηματίαν δαιμονίως ἐσπουδακώς. 14: κράτιστος ἐγένετο κολάκῳ ἀπάντων.

6) l. 17.

7) Ср. С. J. II 17,2.

8) αὐτίκα νενικηκώς.. ἀπηλλάσσετο ἐκ τοῦ παλατίου.

9) Ср. С. J. I 15, 2 § 1 Pers. II 256.

δέησις, дѣло ихъ пріема и первоначальнаго разбора было регулировано, и во главѣ его стоялъ Левъ, пріобрѣвшій тѣмъ большое значеніе. Черезъ его руки должна была проходить вся та масса дѣлъ, которую тщетно старалось уменьшить правительство и которая оставила въ запускѣ прочія присутственныя мѣста. Слѣдуетъ думать, что по предложенію Льва всѣ дѣла (δέησις), проходившія черезъ его руки, были обложены особой пошлиной, въ видѣ части спорныхъ денегъ. Если подразумѣвать подобную пошлину въ извѣстїи о инвесторѣ Юнигѣ¹⁾, то онъ бралъ съ каждаго дѣла, представляемаго императору, по 1 зол. статеру²⁾. Эта пошлина шла частью въ пользу референдарія, частью въ пользу императора (или ихъ канцелярій). Она взималась съ обѣихъ сторонъ, была обязательной и приносила большой доходъ³⁾. Вотъ къ чему, повидимому, сводятся извѣстїя Тайной Исторіи о личномъ взяточничествѣ Юстиніана, хотя изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобы его окружающіе не брали взятокъ. Съ этимъ зломъ правительство вело борьбу⁴⁾. Апелляціи, подававшіяся императору, были дѣлами особой важности и не подходили подъ разрядъ дѣлъ, гдѣ необходима была помощь противъ ἐπιμηεῖς. Также здѣсь не идетъ рѣчь о спортулахъ, которыя во всѣхъ присутствіяхъ шли въ пользу чиновниковъ, но не въ пользу магистрата (ἀρχὴ) и тѣмъ болѣе императора⁵⁾.

Извѣстїй о процессѣ въ Тайной Исторіи мало. Они касаются прежде всего процессовъ о педерастахъ. Здѣсь не мѣсто говорить объ ихъ преслѣдованіи, рисуящемъ нравы общества и обнаруживающемъ вліяніе церкви. Возбужденное въ началѣ царствованія (529) преслѣдованіе⁶⁾ было усилено новеллой 535⁷⁾ г., подтвержденной въ концѣ царствованія эдиктомъ 559 г.⁸⁾

Въ виду настойчивыхъ требованій церкви, сопоставлявшей судьбу ветхозавѣтнаго Содома съ физическими бѣдствіями, раззорявшими и губившими подданныхъ Юстиніана, правительство приняло противъ педерастовъ рядъ специальныхъ мѣръ. Преслѣдованіе было поручено

1) An. 118g.

2) Ср. *ibid* l. 14: καὶ δι' αὐτοῦ (κοιναίστωρος) κλέπτειν τε καὶ δικάζειν ὁ βασιλεὺς οὗτος οὐδαμῇ ἀπηξίου. Ср. p. 85₂₁ κλέπτοντι.

3) An. 90—91.

4) *Zach. N. J.* CLIII. и др. С, I, 53 un.

5) Ср. *Zachariae. Geschichte des gr.-röm. Rechts*, 363.

6) *Mal.* 436. *Theoph. s. a.* 6021.

7) *Zach. N. J.* XXVIII, см. примѣч. *Zachariae*.

8) *ibid.* CLXXI.

епарху и квеститору, судя по Тайной Исторіи¹⁾, и велось административнымъ порядкомъ; по извѣстію нашего источника, для одного вліятельнаго сенатора былъ собранъ сенатскій судъ²⁾. Законъ требовалъ отъ епарха энергичнаго образа дѣйствій, и этому соотвѣтствуютъ жалобы Тайной Исторіи³⁾, что преслѣдованіе велось безъ соблюденія законныхъ формъ, тогда какъ наказанія были самыя жестокия⁴⁾. Вообще Прокопій относится отрицательно къ замѣнѣ судебного разбирательства административнымъ: Онъ указываетъ⁵⁾, что чиновники вѣдомствъ вновь учрежденныхъ *praetor plebi* и *quaesitor* начинали слѣдствіе, не дожидаясь истца или обвинителя, обходились безъ необходимыхъ свидѣтелей и сами были внѣ судебного преслѣдованія обычнымъ порядкомъ. Кажется, въ исторіи судебныхъ порядковъ VI в. многое ждетъ изученія. Если вопросы судебного процесса, напр. борьба документа, какъ доказательства, со свидѣтелями, были предметомъ изученія, отвѣчающаго не только на спеціальныя, но и на общенсторическія запросы (Bethmann-Hollweg, Mitteis), то другіе вопросы, какъ вмѣшательство административнаго и полицейскаго элемента или взаимныя отношенія военной и гражданской властей въ области судопроизводства, — представляются темными.

Прокопій не забылъ упомянуть о паденіи адвокатуры при Юстиніанѣ. Этотъ фактъ онъ приписываетъ⁶⁾ правительству въ числѣ мѣръ, подорвавшихъ благосостояніе городовъ⁷⁾. Правительство было виновато въ паденіи сана (*ἀξιωμα*) адвокатовъ прямымъ и косвеннымъ путемъ. Во первыхъ, оно отняло у нихъ гонораръ⁸⁾. Далѣе, Юстиніанъ ввелъ присягу для обѣихъ тяжущихся сторонъ, вслѣдствіе чего адвокаты чувствовали себя стѣсненными⁹⁾. Наконецъ, Юстиніанъ способствовалъ упадку адвокатуры уже тѣмъ, что раззорилъ всѣхъ достаточныхъ, такъ что не осталось ничего такого, изъ-за чего стоило бы судиться, тяжбы стали рѣдкими, и адвокаты обнищали¹⁰⁾. Ихъ званіе

1) Zach. N. J. XXVIII α' § 2, An. 116₁₂ и 99.

2) An. p. 99₁₉.

3) An. 76₁₀ 99₂₂—100.

4) Ср. Nov. XXVIII α, § 2: *ἐσχάταις τιμωρίαις*. CLXXI α' *πικροτέρας αὐτοῖς ἐπέξουσι τιμωρίας ὡς οὐδενίαις τοῦ λοιποῦ συγγνώμης ἀξιῶσι*. Cf. An. 76₁₅. 99. Mal., Theoph. I. c. Cramer II 322.

5) An. p. 116₂₁.

6) An. 142₂₂.

7) Ibid. I. 20—22.

8) Ibid. I. 24.

9) An. 143.

10) p. 143₂—11.

изъ почетнаго стало унижительнымъ¹⁾. Что касается до введенія присяги, раззорившей адвокатовъ, то вѣроятно Прокопій имѣеть въ виду законъ 530 г., предписывавшій адвокатамъ присягать надъ евангелиемъ²⁾; тому обстоятельству, что профессія адвокатовъ стала менѣе прибыльной, быть можетъ, слѣдуетъ искать объясненіе въ изданіи новаго свода, хотя, судя по Іоанну Лидійцу³⁾, и чиновники жаловались на всеобщее раззореніе; наконецъ, относительно лишенія ихъ обычнаго гонорара (ἐπαδλα) можно только то замѣтить, что извѣстное мѣсто изъ Pragmatica Sanctio⁴⁾ сюда не относится, гарантируя содержаніе профессорамъ права, которое Тайная Исторія ниже называетъ ἐλευθέρια⁵⁾.

На администрацію времени Юстиніана авторъ Тайной Исторіи смотритъ подъ двоякимъ угломъ зрѣнія: 1) какъ на агентовъ его продажной и хищнической политики, и 2) какъ на носителей новаторскихъ идей новаго режима, внесшихъ начала беспорядка и разстройства въ прежнюю государственную систему.

Взяточничество и продажность чиновниковъ приписывается Прокопіемъ, обычнымъ образомъ, винѣ Юстиніана. Авторъ забываетъ, что съ первыхъ шаговъ правленія Юстиніана это зло подверглось преслѣдованію правительства, и съ этой цѣлью въ 528 г. вышелъ памятный обществу указъ⁶⁾, запрещавшій чиновникамъ приобрѣтатъ недвижимость во время своей службы, кромѣ исключительныхъ случаевъ. Познакомимся ближе съ этими извѣстіями Тайной Исторіи⁷⁾. Во всѣхъ областяхъ имперіи, говоритъ авторъ, Юстиніанъ отбиралъ самыхъ скверныхъ людей, потому что порядочные люди не шли (извѣстіе, соотвѣтствующее жалобамъ Лиды на упадокъ и деморализацію чиновничества), отдавалъ имъ высшія мѣста по администраціи (ἀρχάς) и бралъ за это съ нихъ деньги, отдавая, взаменъ того, имъ въ полное распоряженіе своихъ подданныхъ. Купившіе мѣсто должны были насчетъ управляемой ими области вернуть заключенную сумму, съ процентами, такъ какъ она обыкновенно занималась въ долгъ, и въ добавокъ, вы-

1) Ср. С. J. I 5, 12 § 8 и др. Nov. Valent. tit. II (ed. Haenel): digni universis honoribus habeantur quod advocati esse meruerunt.

2) С. J. III 1 de iudiciis, 14 § 4. Ср. Bethmann-Hollweg, Civilprocess III 287 ff.

3) Lydus de mag. III c. 1 extr. Ср. с. 14, p. 172 (Hase).

4) Zach. N. J. CLXIV c. 22.

5) Ср. Kuhn, Städtische und bürgerliche Verfassung des römischen Reiches, I 88.

6) С. J. I 53 un. Ср. Malal. p. 437.

7) An. p. 120.

ручить себѣ прибыль. Это зло вошло въ обычай общества до той степени, что награбившій болѣе другихъ выносилъ славу способнаго чело­вѣка. «Послѣ того» Юстиніанъ написалъ законъ, требовавшій отъ назначае­мыхъ лицъ присяги въ томъ, что они ничего не дадутъ и ни­чего не возьмутъ за свою должность, подъ страхомъ всѣхъ клятвъ, «какія только были извѣстны съ самыхъ древнихъ временъ». Но не прошло и года, продолжаетъ Тайная Исторія, какъ Юстиніанъ самъ нарушилъ законъ и продавалъ мѣста вполнѣ открыто¹⁾. Грабежъ уси­лился. Далѣе Юстиніанъ придумалъ, какъ говорить авторъ, другое неслыханное дѣло: отобрать самыя почетныя мѣста въ столицѣ и въ провинціяхъ, онъ пересталъ продавать по прежнему, но назначалъ «наемниковъ», приказавъ имъ за получаемое ими жалованіе прине­сать ему мѣстныя произведенія²⁾. Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ хуже становились чиновники Юстиніана. Въ этихъ извѣстіяхъ можно различить четыре факта: продажу должностей, отмѣнившій ее законъ, нарушеніе его менѣе чѣмъ черезъ годъ со стороны самого императора, наконецъ, назначеніе жалованья губернаторамъ провинцій (?). Изъ другихъ мѣстъ нашего источника³⁾ извѣстно, что Варсимъ продавалъ должности, что происходилъ грабежъ подъ видомъ сбора уплоченныхъ денегъ; о платѣ, взимаемой за причисленіе къ корпусу схоляріевъ⁴⁾; наконецъ, что продажа должностей была при Юстиніанѣ печальнымъ, но общимъ явленіемъ⁵⁾. Это говоритъ и Евагріи⁶⁾.

Жалобы автора Тайной Исторіи основаны на дѣйствительныхъ фактахъ. Бесплатнаго замѣщенія должностей не существовало въ Во­сточной имперіи (равно какъ и въ Западной) въ силу установившагося взгляда о правѣ корпораціи или даже личности на должность, какъ на частную собственность. Нѣкоторыя должности центральной админи­страціи признавались наследственными. Результатомъ этого взгляда явилась продажа голоса т. е. своего права за деньги (*suffragium*). Про­дажу должностей законъ возвысилъ на степень договора, имѣющаго обязательную силу⁷⁾. Этотъ принятый въ оба свода законъ 394 г.,

1) p. 121, слѣдуетъ читать οὐκ ἐν παραβύστω. Эту поправку считаетъ нужной и Braun.

2) p. 121₁₁. Сообразно съ такимъ пониманіемъ мѣста слѣдуетъ читать: τάξας αὐτοῖς, ὅτι δεῖ μετὰρροῦντας ἀποφέρειν αὐτῶ τὰ ἄρια πάντα.

3) An. 124.

4) An. p. 136.

5) An. p. 120: πανταχούτι.. τῆς Ῥωμαίων γῆς.

6) Evagr. IV 30.

7) C. Th. III 29, 2=C. J. IV 8, un.

времени процвѣтанія бюрократизма, запрещаетъ лицамъ, заявившимъ свое желаніе получить мѣсто и дѣйствительно его получившимъ, отказываться отъ тѣхъ обязательствъ, которыми они себя связали при заключеніи сдѣлки. Законъ 394 г. устанавливаетъ порядокъ ввода во владѣніе движимымъ и недвижимымъ имуществомъ въ силу договора о продажѣ должности. Отъ *suffragium*, сравнительно крупной суммы, уплачиваемой лицу или вѣдомству назначающему на должность, слѣдуетъ¹⁾ отличать *sportulae* или сборы разнаго рода, поступавшія при дѣлопроизводствѣ въ пользу чиновниковъ подлежащаго вѣдомства. Какъ Анастасій, такъ Юстиніанъ ограничивали эти сравнительно съ *suffragium* незначительныя обложенія²⁾. Впрочемъ, *sportulae* подъ разными именами существовали до конца имперіи и служили предметомъ императорскихъ указовъ³⁾. Ограничивая размѣръ *sportulae*, Юстиніанъ рѣшилъ уничтожить *suffragium*, можетъ быть по совѣту Теодоры или Іоанна Каппадокійца. Въ 535 г. вышелъ торжественный, краснорѣчиво написанный указъ⁴⁾, о которомъ по всѣмъ признакамъ и говоритъ Тайная Исторія. Въ сильныхъ, даже преувеличенныхъ выраженіяхъ законодатель описываетъ раззореніе подданныхъ отъ неправды, появившейся повсюду. Заботясь день и ночь о благѣ подданныхъ, императоръ желаетъ «разомъ перемѣнить все къ лучшему» и считаетъ, что для этого только стоитъ приказать провинціальнымъ властямъ «быть чище на руку и воздерживаться отъ всякихъ взятокъ». Законодатель видитъ, что этого достигъ невозможно, не «сдѣлавъ должности бесплатнымъ», т. е. не уничтоживъ *suffragia*. Какъ только это будетъ запрещено, то «государство и казна процвѣтетъ», имѣя подданныхъ въ достаткѣ, и только стоитъ ввести это, чтобы «стало великое и несказанное изобиліе». Указъ описываетъ тѣ же самыя явленія, на которыя жалуется Тайная Исторія: *suffragia*, занятія въ долгъ у капиталистовъ или даже черезъ посредство комиссіонеровъ, взыскивались съ населенія вмѣстѣ съ процентами и комиссіонными, такъ что съ провинціаловъ губернаторы выбирали въ 3 и въ 10 разъ большую сумму. При запрещеніи *suffragium* всѣ эти поборы должны были отойти въ

1) Ср. Hartmann, *Unters. zur Geschichte der byzantinischen Verwaltung in Italien*, 92, 42.

2) С. J. XII 19 de proximis sacrorum scriniorum, 12. Ibid. III 2 de sportulis, 2 — 4, и теперь восстановленная Крюгеромъ l. 5. (Ср. Zachariae, *Geschichte*, 364, Anm. 297). Ср. Mal. 470, С. J. I 27, 1 § 17—20. Съ духовенства: Zach. N. J. CLV αη.

3) Zachariae, *Geschichte des griechisch-römischen Rechts*, 363.

4) Zach. N. J. XVI.

казну. Указъ описываетъ очень живо народныя бѣдствія и развитіе преступленій. Законодатель не находитъ достаточныхъ словъ. Запретивъ всякое *suffragium*, въ видѣ ли взятки (*δόσις*) или въ видѣ *patrocinium* (*κατὰ πρόφασιν προστασίας*), и объявивъ всѣ должности провинціальныхъ правителей безвозмездными, законодатель опредѣлилъ размѣръ канцелярскихъ сборовъ въ особомъ приложеніи къ указу. За превышеніе опредѣленной суммы сборовъ съ магистрата взыскивался штрафъ на сумму въ 4 раза большую взятой, съ чиновниковъ взыскивался строже: имъ угрожала конфискація и исключеніе изъ службы¹⁾. Назначаемый долженъ былъ, въ присутствіи всѣхъ высшихъ сановниковъ, дать присягу въ соблюденіи закона, текстъ которой дошелъ тоже въ приложеніяхъ къ указу. Еще Алеманнъ выписалъ эти ужасныя клятвы. Придавая этому закону значеніе²⁾, котораго онъ не могъ имѣть, императоръ приглашалъ подданныхъ возсылать молитвы за дарованіе закона, обеспечивающаго имъ спокойную жизнь. Онъ приписывалъ, что имъ первымъ было обращено вниманіе на зло отъ *suffragium*, не въ примѣръ прочимъ императорамъ. Это было не вѣрно. Еще Алеманнъ³⁾ указалъ на подобныя попытки императоровъ Маркіана и Анастасія. Считая свой указъ 535 г. важнымъ законодательнымъ актомъ, способнымъ произвести коренную реформу провинціальной администраціи, Юстиніанъ неоднократно ссылался на него въ позднѣйшихъ указахъ⁴⁾. Благородное, но неисполнимое желаніе законодателя «сразу искоренить все зло»⁵⁾ встрѣтилось съ явленіемъ, укоренившимся въ нравахъ общества. Мы видѣли, что самъ актъ 535 года распространялся только на провинціальные *ἀρχαί*, т. е. на губернаторовъ; приписка къ нему, содержащая эдиктъ епископамъ, распространяетъ его дѣйствіе на дефензоровъ и хартуларіевъ. Слѣдовательно, чиновники центральныхъ учреждений продолжали покупать свои мѣста, и это ихъ право было подтверждено указомъ мая того же самаго года «*de adiutoribus quaestoris*»⁶⁾. Этотъ указъ, данный по представленію Трибоніана, возстановляетъ выхлопотанный квесторомъ Прокломъ (упоминаемымъ въ Тайной Исторіи) указъ⁷⁾, которымъ разрѣшалось

1) XVI ζ.

2) Ibid., ια'. См. τὸ ἴσον τοῦ ἰδίου τοῦ Κωνσταντινουπολίταις. Zach. N. J. I p. 113.

3) Notae, p. 460 Bonn. Ср. Cramer, Anecdota Oxoniensia, II p. 102.

4) XXI α'. XXIII β'. XXXI δ'. XXXII β' и др.

5) XVI, прооет: ἅπαν ὄσον ἐν ταῖς ἡμετέραις ἐπαρχίαις ἐστὶν ἐπιβλαβὲς πράξει μὲν κοινῇ πρὸς τὰ κρείττω μεταστήσμεν.

6) Zach. N. J. XXVII.

7) C. J. XII 19, 13.

каждому изъ 26 помощниковъ принимать (subrogate) кандидатовъ съ утверждения квестора. (Этотъ указъ Прокла былъ замѣненъ указомъ Татіану¹⁾, по которому право принятія (subrogandi) предоставлялось только тремъ старшимъ чиновникамъ, «ne quasi venalitas et sordidum mercimonium versari inter homines videretur», N. J. XXVII p. 182). Указъ Трибоніану не только отмѣнилъ упомянутое ограниченіе, но подтвердилъ для старшихъ чиновниковъ ту льготу, что они могли продавать мѣста по какой угодно цѣнѣ²⁾, тогда какъ меньшіе, на которыхъ право subrogandi было распространено указомъ 535 г. Трибоніану, имѣли право брать только 100 сол. (такая же сумма шла квестору³⁾). Должности всѣхъ адьюторовъ признавались состоящими въ частной собственности и поэтому переходили къ ихъ наслѣдникамъ. При другомъ случаѣ видно, что suffragium за мѣсто податного чиновника изъ коллегіи πρῶτοι καὶ δεύτεροι μαγίστερες доходило до 50 солидовъ⁴⁾. Этотъ самый указъ, данный въ 536 г., уже содержитъ фактическое отступленіе отъ указа 535 г., отмѣнявшаго suffragium; проконсулъ Каппадокіи, гдѣ было много патримоній императора и Августы, долженъ былъ внести⁵⁾ кромѣ установленнаго сбора за дипломъ (συμβῶλων) еще 50 фунтовъ золота въ частную кассу Августы, «какъ дѣлалось съ прежнихъ временъ до настоящаго». Вліяніе Θεοδωры видимо пересилило торжественный законъ 535 г., хотя имени suffragium въ указѣ 536 г. не читается. Сопоставляя даты обоихъ указовъ (XVI Kal. Mai. а. 535 и XV Kal. Arg. а. 536) видимъ, что извѣстіе Тайной Исторіи о нарушеніи закона о безмездныхъ должностяхъ менѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ его изданія — исполнѣ точно. Видимо этотъ фактъ остался въ памяти. Исключеніе въ пользу Августы не было единственнымъ; указъ о назначеніи модератора въ провинцію Финикию Ливанскую⁶⁾, довольно смѣло начинающійся ссылкой на законъ 535 г., установилъ нарушеніе послѣдняго подъ такую форму: получившій должность модератора ничего не даетъ въ казну, т. е.

1) Ibid. I. 15.

2) quanti potuerint pacisci.

3) Zachariae, Nov. Just. I p. 182, 183. Cp. Lyd. de mag. III 27: προσελάβοντό με εἰς πρῶτον χαρτουλάριον, ἐτέρων δύο μόνον, ἤδη γερόντων, πρότερον μετὰ χρυσίου δόσεως συνταξαμένων αὐτοῖς. καὶ οὐ τοῦτο μόνον, ἀλλὰ καὶ τέσσαρας πρὸς εἴκοσι χρυσοῦς κατ' ἔτος ὄρισαν ἕκαστον.

4) Zach. N. J. XLIV β'.

5) Ibid., α' § 1.

6) Zach. N. J. LV.

въ назначающее вѣдомство, за свое мѣсто, — но его управленіе выдаетъ примикерію нотаріевъ годовой окладъ жалованья модератора, 10 фунтовъ золота, въ качествѣ *beneficium*¹⁾. Разными болѣе или менѣе косвенными путями *suffragium* удержалось, несмотря на указъ 535 г., объявленный съ такимъ торжествомъ и хранившійся въ церковныхъ ризницахъ вмѣстѣ со священными сосудами. Въ 574 г. Тиберій повторилъ запрещеніе *suffragium*²⁾, свидѣтельствуя, что указъ 535 г. былъ забытъ. Извѣстное мѣсто изъ письма Григорія Великаго императрицѣ Констанціи передаетъ о правителѣ (*iudex*) острова Сардиніи: послѣдній оправдывалъ свои грабежи тѣмъ, что обѣщалъ за свою должность громадное *suffragium*, которое можно было выплатить только незаконными путями³⁾. Законодатели Эклоги хотѣли искоренить всякую плату за должность; но ихъ попытка, повидимому, не имѣла успѣха. Въ сочиненіи *de saerimonіis aulae Byzantinae* читается подробная такса за военныя и гражданскія должности съ извѣстнымъ содержаніемъ⁴⁾. Въ этихъ *συνήθειαι* слѣдуетъ видѣть договоръ государства съ частнымъ лицомъ, выговаривавшимъ себѣ за свой капиталъ пожизненную ренту. Это была своеобразная форма государственнаго кредита⁵⁾.

Всетаки борьба съ *suffragium* указываетъ на намѣренія правительства Юстиніана прекратить взяточничество, впрочемъ не столько путемъ реформы вознагражденія чиновниковъ, назначая правителямъ и ихъ управленіямъ большое жалованье (*σίτησις*, *αππονα*) деньгами въ видѣ точной суммы или въ видѣ *сарита*, и ограничивая постороннія доходы⁶⁾ — эти попытки не ускользнули отъ вниманія Прокопія, от-

1) ὑπὲρ τῆς πρώην αὐτῶ (πριμικηρίω) δεδομένης δωρεᾶς, ἕπερ καὶ βενεφίκιον ὀνομάζεται.

2) Tiberii περὶ τῶν ἀρχόντων. Zach. Coll. I nov. 9: (τὰ νομοθεθέντα περὶ τῶν δόσεων) κατὰ μικρὸν εἰς λήθην ἤλθε, τῇ πλεονεξίᾳ τῶν τὰς ἀρχὰς πριαμένων μάλλον ἢ παρεληφότων νικηθέντα.

β' συναυροῦμεν γὰρ ταῖς τῶν ἀρχόντων δόσεσι καὶ τὰ παρ' αὐτῶν προσαγόμενα τῷ βασιλικῷ λόγῳ σουφράγια, εἰς πλεῖστον ὄγκον ἀναφερόμενα χρημάτων, ἵνα καὶ ταῦτη πως τὸ δημόσιον εὐροίαν ἔχοι καὶ πρὸς εὐπορωτέραν τάξιν ἐπανέλθοι ἀπηλλαγμένον τῶν ἐπινενομημένων τισὶν ἀπὸ χρόνου τινὸς πρὸς βλάβην τούτων τελῶν.

3) Gregorii M. ep. V 41 Maur. Jaffé-Ewald, Regesta n.1951.

4) Const. Porphyrog. de caer. II 49 и I 86 p. 391 Bonn. Cf. Basil. VII, tit. VI περὶ συνηθειῶν.

5) Zachariae, Geschichte des gr.-röm. Rechts, 3 Aufl., 300.

6) Zach. N. J. XCVI γ' μέχρι νῦν ὁ περίβλεπτος αὐγουστάλιος ἔχει τὰς πεντήκοντα μὲν ἀννόνας καὶ τὰ πεντήκοντα κάπιτα, ἀλλὰ μεγάλη τῇ παραυξήσει χρησάμενοι quadraginta librarum auri ἔτους ἐκάστου λαμβάνειν ὑπὲρ σιτήσεων βουλόμεθα καὶ ὑπὲρ συνηθειῶν καὶ καλανδικῶν.

неспагося и къ нимъ отрицательно, — сколько полагаясь на силу торжественнаго запрещенія. Представлялся также другой способъ оградить населеніе отъ поборовъ—дать ему возможность защиты. Между дѣйствіями правительства Юстиніана были и подобныя попытки. Епископамъ, какъ представителямъ крѣпкаго и признаннаго общественнаго союза, разрѣшались жалобы на губернаторовъ ¹⁾; при другомъ случаѣ мы видѣли, что производство общественныхъ работъ поручалось комиссіямъ изъ епископа и лучшихъ людей (οἱ ἐν ὑπολήψει). Сверхъ того, еще при Юстиніанѣ ²⁾ въ Италиі было разрѣшено епископу и лучшимъ людямъ предлагать кандидатовъ на должности правителей областей, и Юстинъ II распространилъ эту льготу на восточныя провинціи имперіи ³⁾. Послѣднія распоряженія конечно, не могли быть приняты въ расчетъ авторомъ Тайной Исторіи; мало того, самымъ своимъ существованіемъ эти уступки подтверждаютъ до извѣстной степени извѣстія нашего источника о неудовлетворительномъ составѣ высшей администраціи. Политическое направленіе правительства Юстиніана, врага какъ сенаторской аристократіи, такъ и стараго чиновнаго бюрократизма (ср. извѣстія Іоанна Лидійца), требовало, чтобы на высшихъ постахъ государства находились незнатные дѣльцы, не связанные съ старыми традиціями. Дѣйствительно, всѣ видные дѣятели царствованія: Іоаннъ Каппадокъ, Петръ Варсимъ, магистръ Петръ, квесторы Трибоніанъ и Константинъ, Аддей и Гефестъ, Іоаннъ Зибъ, о которомъ такъ характерно отзывается Прокопій ⁴⁾,—все это были незнатные люди, обязанные своимъ возвышеніемъ собственнымъ способностямъ. Въ «Постройкахъ» Прокопій подъ другимъ угломъ зрѣнія отмѣчаетъ ту же самую систему правительства ⁵⁾. Достигнувъ первыхъ степеней, эти дѣльцы становились временщиками и могли безнаказанно пренебрегать пользой государства и мнѣніемъ общества,

1) Zach. N. J. XVI η' § 1.

2) Pragm. Sanctio c. 12 de suffragio collatorum.

3) Zach. Coll. I nov. 5 περί τοῦ προῖκα τοὺς τῶν ἐπαρχιῶν ἄρχοντας γίνεσθαι ἐκ δεήσεως τῶν τε θεοφιλεστάτων ἐπισκόπων καὶ κτητόρων καὶ οἰκητόρων (civium et incolarum) τῶν ἐπαρχιῶν πρὸς τὸν εὐσεβεστάτον βασιλέα ἐφ' ᾧ τὸν ὀνομαζόμενον τὸ δημόσιον ἀσφαλίζεσθαι κτλ.

4) Pers. II p. 217: ἄνδρα ἐξ ἀφανῶν μὲν καὶ ἀδόξων ἐς ἀρχὴν γεγονότα, ἐς στρατηγίαν δὲ ἀναβεβηκότα κατ' ἄλλο οὐδὲν ἢ ὅτι πονηρότατός τε ἦν ἀνθρώπων ἀπάντων καὶ πόρους χρημάτων ἀδίκων ἰκανότατος ἐξευρεῖν.

5) Aedif. I p. 174: καὶ αὐτοῦ τοῦ βασιλέως τὸν νοῦν εἰκότως ἂν τις ἀγασθεῖη τοῦτου δὴ ἐνεκεν, ὅτι δὴ ἐκ πάντων ἀνθρώπων ἐς τῶν πραγμάτων τὰ σπουδαιότατα τοὺς χαιριωτάτους ἀπολέεσθαι ἔσχε.

пока не вступали въ столкновение съ болѣе сильнымъ вліяніемъ напр. Θεοδορυ. Типичный примѣръ — Іоаннъ Каппадохъ. Тайная Исторія сходитъ съ «Войнами»¹⁾ въ объясненіи возможности этихъ фактовъ личными свойствами Юстиніана. Съ болѣе большимъ правомъ слѣдуетъ вспомнить объ отсутствіи условій, которыми могло бы быть ограничено самовластіе лицъ, стоящихъ во главѣ правительства. Мы уже встрѣчались съ подозрѣніями, вызванными въ авторѣ Тайной Исторіи опалами временщиковъ²⁾. О системѣ назначеній на высшія должности и о подборѣ кандидатовъ у Прокопія, какъ автора Тайной Исторіи, сложилось слѣдующее понятіе. Они — орудія тиранніи³⁾. Поэтому при выборѣ руководились не достоинствами, но готовностью повиноваться всякому приказанію⁴⁾. Не желавшіе грабить уволялись⁵⁾ за неспособность или за старинный образъ мыслей⁶⁾: примѣрами служатъ префекты Фока и Бассъ, люди достойнаго направленія⁷⁾. Общество, говоритъ Прокопій, смотрѣло съ удивленіемъ на то, что съ каждымъ слѣдующимъ назначеніемъ выборъ императора останавливался на лицахъ болѣе и болѣе грязныхъ (*μαρώτατοι*). Мы изумлялись, говоритъ онъ, смотря на первыхъ избранниковъ, до какой скверности можетъ дойти природа человѣка. Смотри на ихъ преемниковъ, пришлось убѣдиться, что скверныя качества людей по природѣ безграничны⁸⁾. Іоаннъ Лидіецъ объясняетъ дурной составъ чиновничества упадкомъ торжественности и прежняго порядка государственной службы⁹⁾. Прокопій видитъ въ дурномъ подборѣ высшихъ чиновъ политическую систему правительства. Правда Прокопій стоитъ на моральной точкѣ зрѣнія, говоритъ о личныхъ качествахъ министровъ Юстиніана, но именно въ подборѣ такихъ *μαροί* онъ видитъ систему. Здѣсь лишній

1) Goth. IV p. 525: εἶωδει γὰρ Ἰουστινιανὸς βασιλεὺς ἐπιχωρεῖν τὰ πολλὰ τοῖς ἄρχουσιν ἁμαρτάνουσι, καὶ ἀπ' αὐτοῦ ἔς τε τὴν δίκαιαν καὶ τὴν πολιτείαν ἐκ τοῦ ἐπὶ πλείστον παρανομοῦντες ἠλίσκοντο.

2) An. 70. 119.

3) An. 123, τὸ τοιοῦτο τῆς τυραννίδος ὄργανον (praefectus praetorio).

4) An. 108 extr.

5) An. p. 86p.

6) ὡσπερ ἀρχαϊότροπὸν τινα.

7) An. 119.

8) An. p. 121—122.

9) Cp. An. 124 и Lydus de mag. p. 124 Hase: Τῆς ἀρχῆς (sc. ὑπαρχότητος)... κατὰ τοὺς νόμους τοῦ Καππαδόκου... ἐν κοιτῶνί τινι λαθρανοῦσης, οὐδεὶς τὸ λοιπὸν ἀξιολογὸς παρῆλθεν ἐπὶ τὴν τάξιν οὕτως ἀπερριμένῃν καὶ μᾶλλον αἰσχύνῃν ἢ τιμὴν τινα τῷ προσίοντι φέρουσαν. Συγκατέπεσεν οὖν ἑαυτοῖς τὰ πράγματα καὶ προσευτελίσθη παρὰ πᾶσαν ἢ πρώτη καὶ ἀνίσχουσα τῶν ἀρχῶν.

разъ выразилось смѣшеніе свойствъ личности съ политическимъ направлениемъ, обычное въ представленіяхъ Прокопія.

Вообще, по его мнѣнію, все управление государствомъ при Юстиніанѣ находилось въ большомъ разстройствѣ. Въ дѣлахъ былъ большой безпорядокъ, говоритъ Тайная Исторія ¹⁾. Всѣ оставили свое мѣсто и пошли путями, которые прежде для нихъ были заказаны и недоступны ²⁾. Всѣ дѣла шли кое-какъ, не имѣя даже собственнаго имени. Имперія стала походять на царство играющихъ ребятъ ³⁾. Въ этихъ фразахъ сказалось недовольство старыхъ политикі на упадокъ прежнихъ порядковъ. Причиною является, по мнѣнію Прокопія ⁴⁾, личное вѣдательство (*αὐτοδιασμός*) Юстиніана со всѣми гибельными послѣдствіями, въ родѣ злоупотребленій близкихъ лицъ. Въ его словахъ мы слышимъ раздраженіе установленныхъ властей и старыхъ вѣдомствъ противъ большой толпы первыхъ подвернувшихся ⁵⁾, недовольство квестора и секретарей, которымъ императоръ не давалъ писать свои бумаги, судей и юристовъ, лишенныхъ возможности рѣшать дѣла самостоятельно, сената, который собирался для вида и «засѣдалъ какъ на картинѣ» ⁶⁾.

О положеніи служащихъ въ центральныхъ вѣдомствахъ Прокопій говоритъ мало, уступая въ этомъ случаѣ безспорное первенство мемуарамъ Іоанна Лида (или послѣдней части трактата *De magistratibus*). Служащихъ въ различныхъ столичныхъ вѣдомствахъ, говоритъ Тайная Исторія ⁷⁾, было много, и содержаніе они получали, по мѣрѣ служебнаго повышенія, большое. Прокопій даетъ цифру: всего на нихъ шло болѣе 100 кентенаріевъ золота въ годъ (или 720,000 солидовъ). Отъ этого въ государствѣ было большое благоденствіе, говоритъ Прокопій, считая однимъ изъ источниковъ народнаго богатства казенное жалованье. Тайная Исторія передаетъ, что Юстиніанъ лишилъ всѣхъ служащихъ «почти всѣхъ доходовъ», при томъ будто бы съ самаго 518 года ⁸⁾, раззоривъ не только ихъ самихъ, но и всѣхъ зависѣвшихъ отъ нихъ въ матеріальномъ отношеніи. Автобіографія

1) Ап. 87₁₈.

2) Ап. 90₈.

3) εἶπαι τε ἡ πολιτεία βασιλίδι παιζόντων παιδίων.

4) Ап. с. 14 р. 87—91.

5) Ап. 88₄: τῶν παρατυχόντων πολὺς ὄμιλος 88₄.

6) Ап. *ibid.* См. ниже.

7) Ап. 137—138. Ср. Mommsen, Ostgothische Studien (Neues Archiv, B. XVI).

8) Ап. 138₅ ἀποστέρησας σχεδόν τι ἀπαντων.

Іоанна Лиды освѣщаетъ это извѣстіе Тайной Исторіи. Приведемъ отрывокъ ¹⁾.

« . . . Прежде старшій чиновникъ *cogniculatorius*, получая изъ суммъ вѣдомства полныхъ 12 фунтовъ золота въ годъ, имѣлъ сверхъ того и другіе доходы съ бумагъ, поступавшихъ къ нему на подпись, и это доставляло ему не менѣе 1000 золотыхъ годового дохода. А что потомъ стало, — «безъ слезъ не выскажешь», какъ говоритъ Еврипидъ въ своемъ «Пелеѣ». Какъ все другое, такъ и эти доходы пропали: мнѣ это довелось самому испытать, въ это несчастное время достигнувъ высшихъ степеней и ничего не получивъ, кромѣ званія. Я не постыжусь съ искреннимъ сердцемъ призвать истину въ свидѣтели, что ни одного обола я не получилъ ни жалованья, ни съ рѣшенныхъ дѣлъ. Откуда мнѣ ихъ взять, если прежде, бывало, съ простой бумаги вѣдомству шло 37 золотыхъ со всякаго, обращавагося въ высшую палату, а теперь перепадаетъ весьма не много даже не золота, а мѣди, мизерно, какъ будто на масло, и то не каждый разъ! . . . Я раскаиваюсь, поздно взявшись за умъ, и соображаю: ради чего я столько времени засѣдалъ въ палатѣ безо всякой для себя прибыли?»

Прокопій не имѣлъ причины въ такой степени интересоваться сокращеніемъ *sportulae*, и поэтому поводу книга Іоанна Лидійца даетъ болѣе матерьяла, чѣмъ нужно для нашей цѣли. Причиной своего несчастья Іоаннъ считаетъ ²⁾ упомянутый выше законъ о сокращеніи *sportulae* ³⁾, кромѣ того, сокращеніе дѣлъ вслѣдствіи предъявляемыхъ *δαια κελεύσεις* и соперничество различныхъ вѣдомствъ ⁴⁾. Жалованье, положенное чиновникамъ по окладу ⁵⁾, въ видѣ извѣстной суммы денегъ или *анноае* и *сарита* ⁶⁾, выдавалось изъ доходовъ того же вѣдомства, гдѣ они служили, т. е. по крайней мѣрѣ отчасти составлялось изъ тѣхъ же *sportulae*; тѣмъ болѣе это слѣдуетъ сказать о постороннихъ доходахъ, которыми кормилось большинство чиновниковъ. Корникулярій, какъ мы только что читали, получалъ почти столько же жалованья, сколько постороннихъ *παράμυθια*; чѣмъ ниже были чиновники, тѣмъ безперемоннѣе правительство обходилось съ ихъ жалованьемъ

1) De magistratibus III с. 25—30.

2) Lydus III с. 9 и 10.

3) С. J. III 2 de sportulis, 5.

4) Ср. Zach. N. J. XLVI.

5) Ср. С. J. I 27.

6) Напр. Zach. N. J. XCVI γ'.

или совсѣмъ не давало имъ анноны ¹⁾. Вслѣдствіе запрещенія чиновникамъ ходить по дѣламъ ²⁾, а также вслѣдствіе преслѣдованій, которымъ по словамъ Лида ³⁾ подвергались всѣ *λειτουργοί*, наконецъ вслѣдствіе упадка прежней торжественности дѣлопроизводства ⁴⁾, придававшей службѣ особый почетъ, составъ служащихъ упалъ и по количеству, и по качеству ⁵⁾. Другой причиной недовольства чиновниковъ было ограниченіе штатовъ. Число служащихъ въ вѣдомствѣ квестора было ограничиваемо со времени Юстина ⁶⁾; о сокращеніи числа референдаріевъ была особая новелла ⁷⁾. Это не нравилось (судя по взглядамъ Лидіица) старымъ служащимъ, любившимъ многочисленность помощниковъ, и для облегченія своей службы, и какъ признакъ важности учрежденія ⁸⁾.

Квестура, по словамъ Тайной Исторіи ⁹⁾, была предметомъ особаго попеченія со стороны прежнихъ императоровъ. На должность *quaestor s. Palatii* выбирались лица особенныхъ качествъ. Можетъ-быть, Прокопій при этомъ вспомнилъ о квесторѣ Прокулѣ, который представлялся ему образцомъ государственнаго человѣка ¹⁰⁾; но о высокомъ значеніи квестуры въ эту эпоху свидѣтельствуетъ Кассіодоръ, извѣстія котораго собраны Моммсеномъ. Но Юстиніанъ отдалъ квестуру знаменитому Трибоніану, о которомъ Прокопій худого мнѣнія, потомъ Юнилу и Константину, о которыхъ Тайная Исторія сообщаетъ свѣдѣнія. Личной дѣятельностью Юстиніанъ нарушалъ права и обязанности квестора, самъ редактируя указы ¹¹⁾. Однако въ 541 г. вышелъ законъ ¹²⁾, запрещавшій обращеніе императорскихъ указовъ, не снабженныхъ подписью квестора, такъ что съ формальной стороны обвиненіе Тайной Исторіи не справедливо ¹³⁾; конечно, насколько Юстиніанъ допускалъ собственное внушеніе при редакціи указа, отсюда не видно.

1) Ср. С. J. XII 49, 13.

2) С. J. I 51, 14.

3) *Lydus* III с. 28.

4) *Ibid.* III с. 66.

5) *De mag.* I. III *passim*.

6) С. J. XII 19, 13—15. *Zach. N. J.* XXVII.

7) *Zach.* XVIII.

8) *Lyd. de mag.* III с. 9.

9) *An.* 117—118

10) *Pers.* I с. 11.

11) *An.* 88. Ср. *Mommsen, Ostgothische Studien*, 459.

12) *Zach. N. J.* CXXXIII.

13) Ср. на прим. *Zachariae* къ нов. СІХ.

Требуя¹⁾ подписи квестора и епарха (здѣсь разумѣется *praefectus praetorio*) на своихъ указахъ, съ цѣлью поддержанія порядка въ управленіи и судопроизводствѣ, Юстиніанъ имѣлъ опасенія противъ этихъ важнѣйшихъ сановниковъ государства. Менѣе замѣтно это относительно квестора; хотя положеніе Прокла не могло не казаться слишкомъ самостоятельнымъ²⁾, но Юстиніанъ увеличивалъ власть Трибоніана на счетъ префектуры³⁾. Что касается до *praefectus praetorio* и его вѣдомства, то сочиненіе Іоанна Лидійца и дошедшія *formae praefectorum praetorio* или *ἐπαρχικά*⁴⁾ содержать много данныхъ, изученіе которыхъ, впрочемъ, лежитъ за предѣлами нашей задачи. Высшимъ апелляціоннымъ судомъ, кромѣ императорскаго и замѣщавшаго послѣдній постояннаго суда 12-ти членовъ, было соединенное присутствіе квестора и префекта⁵⁾. Предоставленной имъ верховной власти соотвѣтствовала торжественная обстановка дѣлопроизводства, описанная Іоанномъ. Юстиніанъ относился подозрительно и къ этимъ символамъ хотя не самостоятельной, но дѣйствительно большой власти. Эти старые магистраты не считали себя равными императорскихъ *comites*, судя по отзыву Лидійца о послѣднихъ⁶⁾. При посредствѣ Іоанна Каппадока Юстиніанъ вывелъ прежнія традиціи изъ дѣлопроизводства префекта, хотя его вѣдомство въ это время было вынуждено ограничиться разборомъ частныхъ тяжбебъ, «какъ какойнибудь *iudex pedaneus*»⁷⁾. Объ этомъ нужно читать Іоанна Лидійца⁸⁾, въ сильныхъ выраженіяхъ нападающаго на Іоанна Каппадока за его новаторство и уничтоженіе публичнаго и торжественнаго дѣлопроизводства⁹⁾. Лидъ считаетъ нужнымъ выразить надежду на заступничество императора противъ «нѣкоторыхъ правителей» или «разрушающаго времени»¹⁰⁾. Прокопій сравнительно

1) Zach. N. J. IV.

2) Pers. I c. 11. An. 44.

3) Ср. Zach. N. J. LXXIX de praetore Siciliae.

4) Издааны у Zachariae, Anecdota, 1843. Ср. Cassiod. Varior. VI c. 3: Quid est quod non habeat commissum (praefectus praetorio) cuius est vel ipse sermo iudicium? Pene est, ut leges possit condere.

5) C. J. VII 62 de appellationibus, 32. Zach. N. J. XL c. 3.

6) Lydus de mag. II c. 27: (κόμητας) οὐκ ἂν τις ἐν ἀρχόντων ἀριθμήσει ποτε κατὰ λόγῳ, θεράποντων δὲ προαγωγῆς ἀρχουσι προπόσης ἀξιοῦνται. Объ этомъ текстѣ могъ бы упомянуть Моммсенъ въ Ostg. St. 455 Anm. 1.

7) Lyd. III c. 49 τὸ πῶς χαμαιζήλου δικαστοῦ.

8) Ibid., III c. 39 sqq. II 20, 21.

9) III c. 68: πράττων γὰρ καὶ γράφων καὶ κεινοτάτων καὶ ἐκ παντὸς σαλεύων τὴν ἀρχιότητα.

10) Ibid., II c. 5.

мало говорить о положеніи префектуры при Юстиніанѣ, останавливаясь только на личностях Варсима ¹⁾, Иоанна Каппадока (сообщая ²⁾ одну подробность объ обстоятельствахъ, вызвавшихъ его паденіе). Съ извѣстіями Лидіица нужно сопоставить указъ 546 г., запрещавшій прежнему торжественность при засѣданіяхъ квестора и префекта ³⁾. Законодатель призналъ ее оскорбляющей царскую власть: всѣ присутствующіе въ своемъ обращеніи къ судьямъ какъ бы приравнивали этотъ судъ къ царскому, и сами квесторъ и префектъ судили не отъ своего имени, но отъ царскаго ⁴⁾. Все это было запрещено указомъ 546 г. подъ страхомъ обвиненія въ оскорбленіи величества. Императоръ считалъ нужнымъ указать на разницу между своею властью и высшими чинами; съ другой стороны, въ назначеніяхъ незнатныхъ и угодливыхъ финансистовъ на высшія мѣста извѣстная часть общества видѣла тираническую систему.

По поводу личнаго вмѣшательства Юстиніана въ дѣлопроизводство Тайная Исторія ⁵⁾ передаетъ, что оно стѣсняло чиновниковъ а *secretis* и вызвало со стороны референдаріевъ злоупотребленія ⁶⁾. Они были обязаны подавать прошенія и объявлять резолюцію подлежащимъ учрежденіямъ ⁷⁾, но они стали въ докладѣ прибавлять свое сужденіе, и путемъ лести обманывали императора. Пользуясь своимъ вліяніемъ, они открыто брали взятки ⁸⁾. Что касается секретарей, то ихъ дѣятельность повидимому не пользовалась сочувствіемъ: появленіе ихъ званія связано въ умѣ Лида съ развитіемъ кляузничества ⁹⁾. Извѣстія Тайной Исторіи о референдаріяхъ подтверждаются. Объявляя словесныя распоряженія императора, вмѣстѣ съ квесторомъ ¹⁰⁾, референдаріи были лицами приближенными ¹¹⁾. Они имѣли помощниковъ ¹²⁾. Желавшихъ попасть въ ихъ число было много, и новелла 535 г. ограничивала ихъ

1) Ap. 123 sqq.

2) Ap. 105.

3) Zach. N. J. CLVI Ἰσον θείου τύπου περί ἐκκλητήτων.

4) Ср. вышеприведенное мѣсто изъ Кассіодора.

5) Ap. 88g.

6) Ap. 89₁₅.

7) Ср. Salmasius ad Vopisc. Vita Carini c. 1 у Gothofredus-Ritter, Cod. Theod. t. I p. 826.

8) Ap. 90₁.

9) Lyd. de mag. III c. 10.

10) C. J. I 15, 2 § 1.

11) πολλῶν ἡμῶν χρησιμώτεροι καθεστᾶσι, нов. XVIII прооет.

12) Zach. N. J. CLIII δ'.

число восемью¹⁾. Спустя 10 лѣтъ, Юстиніану пришлось обратить вниманіе на злоупотребленія референдаріевъ²⁾. Имъ было запрещено по поводу дѣлъ, которыя они докладывали императору, лично или черезъ своихъ помощниковъ или черезъ постороннихъ лицъ арестовывать, брать залогомъ или вынуждать къ примиренію и прекращенію тяжбы и вообще вмѣшиваться въ рѣшеніе дѣлъ какимъ либо образомъ. Они должны были быть простыми посредниками³⁾.

Перейдемъ теперь къ извѣстіямъ Тайной Исторіи о новыхъ властяхъ, учрежденныхъ Юстиніаномъ⁴⁾. По ея словамъ, Юстиніанъ въ своемъ новаторствѣ доходилъ до того, что не будучи въ состояніи измѣнить какое нибудь учрежденіе, ограничивался присвоеніемъ ему своего имени. Примѣры подобныхъ присвоеній имени собраны Алеманномъ⁵⁾. При другомъ случаѣ Прокопій говоритъ, что Юстиніанъ учреждалъ новыя должности съ тою цѣлью, чтобы имѣть большее число сикофантовъ для полученія своихъ незаконныхъ поборовъ⁶⁾.

Въ столицѣ Юстиніанъ учредилъ двѣ должности, которыя продолжали существовать долго послѣ его времени: *praetor plebis* и *quaesitor*. По словамъ автора Тайной Исторіи⁷⁾, первый былъ поставленъ надъ «ворами», второй былъ обязанъ слѣдить за преступленіями противъ нравственности и религіи. Дѣлопроизводство ихъ было упрощенное, о чемъ мы упоминали⁸⁾. Затѣмъ Тайная Исторія говоритъ о совпаденіи ихъ круга дѣйствій съ компетенціей *praefectus urbi*.

Должность *praetor plebis* или *πραιτωρ τοῦ δήμου*, получившаго имя *Iustinianus*, была учреждена въ 535 г. дошедшей до насъ новеллой⁹⁾. *Praetor* долженъ былъ замѣнить потерявшаго прежнее значеніе *praefectus vigilum*, получившаго на туземномъ языкѣ имя *νοκτεπαρχος*, надъ которымъ законодатель иронизируетъ въ прооemiумъ указа¹⁰⁾. Назначеніе на должность претора было оставлено императоромъ за собою, и претура была доступна лицамъ не ниже ранга *clarissimi*; содержаніемъ было положено 10 ф. золота — обыкновенный окладъ правителя об-

1) Ibid. XVIII.

2) Ibid., CLIII 8'.

3) Ср. Mommsen, Ostgothische Studien, 482.

4) An. p. 71. Ср. 45 и 116.

5) Alem. ad c. 11.

6) An. p. 116.

7) An. 116—117.

8) An. 116₂₁.

9) Zach. N. J. XXXVIII. Ср. Lyd. II c. 29, 30.

10) Chr. Pasch. I 594 и Malal. 384: ἐπὶ φαύλοις πράγμασι Μηνῶ τοῦ νοκτεπαρχου.

ласти. Въ распоряженіе ему были даны солдаты и пожарные (*ματρίχαριοι*) вмѣсто прежнихъ полицейскихъ. По мысли законодателя эта должность была не только самостоятельной, но и первоклассной; по отношенію къ епарху преторъ былъ долженъ дѣйствовать самостоятельно, имѣя право дѣлать ему запросы, и самъ отвѣчалъ за свои дѣйствія¹⁾. Онъ долженъ былъ производить слѣдствіе и судъ въ дѣлахъ о кражахъ, грабежахъ, убійствахъ, прелюбодѣянiяхъ и другихъ уголовныхъ преступленiяхъ (*ἐγκλημάτων*), охранять общественную безопасность, предупреждать мятежи и тушить пожары. Предоставленный должности претора высокій рангъ (*spectabilis*) объяснялся необходимостью поставить его выше взяточничества и дать ему достаточный авторитетъ (*σεμνότης*), чтобы судить въ дѣлахъ, гдѣ наказаніемъ была казнь и лишеніе руки. Учрежденіе должности претора нужно поставить въ рядъ многочисленныхъ указовъ, направленныхъ къ подъему административной власти. *Praetor plebis* существовалъ еще при Македонской династiи, а какъ титулъ, и позже²⁾.

О должности *quaesitor* свѣдѣнiя менѣе ясны. Съ самаго учрежденiя она смѣшивалась съ *quaestor*. Говоря о квесторѣ и о его значенiи въ римской древности, Іоаннъ Лидіецъ³⁾ считаетъ нужнымъ установить различіе между *quaestor* и *quaesitor* путемъ этимологическаго объясненiя именъ, что удается ему весьма плохо. Производя *quaestor* отъ *quaerere*, онъ переводитъ словомъ «*ἔρευνάς*» и разъясняетъ: разбирающій дѣла объ имуществвахъ; а *quaesitor* онъ переводитъ, ссылаясь на Вергилія⁴⁾, словомъ *τιμωρός*, и разъясняетъ: разбирающій уголовныя дѣла. Въ другомъ мѣстѣ Іоаннъ⁵⁾ упоминаетъ о *quaesitor*, какъ о должности, учрежденной Юстиніаномъ послѣ *ἐπαρχος Σκυθίας* и претора, «хотя, прибавляетъ Іоаннъ, она существовала и раньше ихъ по своей древности, какъ мы сказали выше,» и объясняетъ: верховный слѣдователь по дѣламъ о важнѣйшихъ уголовныхъ преступленiяхъ. Изъ Іоанна Лидіица всетаки видно, что *quaesitor*, современный ему, а не мнимый Вергиліевскій, появился послѣ 535 и 536 гг. Въ новеллахъ не встрѣчается имени квестора; но со времени

1) *Nov. Iust. XXXVIII §.*

2) *Zachariae, Geschichte des griechisch-römischen Rechts, 372.*

3) *Lydus, I 25.*

4) *Quaesitor Minoes..*

5) *Lydus II c. 29 extr. καὶ μετ' αὐτοὺς (μᾶλλον δὲ πρὸ αὐτῶν κατὰ τὴν ἀρχαιότητα, ὡς πρόφασις) τὸν λεγόμενον καισαίτωρα, ἀντὶ τοῦ τῶν βιωτικῶν ἐγκλημάτων ἔρευνάδα σεμνότητον.*

Алеманна общее вниманіе останавливается на новеллѣ 539 г. ¹⁾. Читая ее, мы видимъ, что Юстиніанъ ссылается на свой удачный опытъ съ *praetor plebis* и желаетъ придумать другое подобное. Находя, что столица переполнена провинціалами, покинувшими родину, онъ пришелъ къ мысли о «почти-что новой» должности квестора. Подъ этимъ именемъ прежніе законодатели разумѣли *ἐρευνάδας*. Обязанностями этого возобновляемаго магистрата законодатель указалъ: надзоръ за провинціалами, колонами, нищими, защитѣ столичныхъ и провинціальныхъ жителей отъ притѣсненій со стороны чиновниковъ, дѣла о поддѣлкахъ (*πλαστογραφία*). Въ концѣ новеллы законодатель подтверждаетъ, что вводитъ старое, но заброшенное установленіе. (Цахаріэ по этому поводу ссылается на С. J. XI 25 un. de mendicantibus et validis, и напрасно, по нашему мнѣнію, такъ какъ не ясно, къ чему относятся слова законодателя, къ должности или къ самому дѣлу — вѣрнѣе къ тому и другому; но за то ясно, что въ этомъ мѣстѣ ²⁾ новелла говоритъ о свободныхъ провинціалахъ, «лишенныхъ родины», а законъ 382 г.—о нищихъ, рабахъ и свободныхъ, обращаемыхъ въ крѣпостное состояніе; впрочемъ, Цахаріэ только «confert»). Прежде всего мы видимъ, что нов. XCIX вышла въ 539 г., ссылается на новеллу о *praetor plebis* и желаетъ ввести подобное. Это не доказываетъ, что ею вводится то самое, о чемъ говорятъ Лидъ и Прокопій. Далѣе, въ рукописяхъ (Ven.) стоитъ *quaestor*, а не *quaesitor*, и это чтеніе подтверждается Маладой ³⁾. Въ третьихъ, новелла переводитъ слово *quaestor* словомъ *ἐρευνάς*, какъ и Іоаннъ Лидіецъ, откуда есть нѣкоторое основаніе думать, что послѣднему была извѣстна оффиціальная этимологія слова. Слѣдовательно, различая *quaestor* отъ *quaesitor*, онъ не думалъ, что новелла говоритъ о квеститорѣ. Обязанности квестора, о которыхъ передаетъ новелла XCIX, не имѣютъ ничего общаго съ обязанностями квеститора, о которыхъ говорятъ Лидъ и Прокопій. За то онѣ вполне схожи, даже тождественны съ правами и обязанностями квестора Базиликъ и другихъ позднѣйшихъ памятниковъ ⁴⁾, въ которомъ нужно видѣть на *quaestor Palatii*, ни *quaesitor*, а *quaestor*,

1) Zach. N. J. XCIX περί τάξεως κοιαιστωρος και τῶν βοηθῶν αὐτοῦ και τῶν ἀντιγραφῶν.

2) Ibid., v'.

3) Malal. p. 479 περιηρέθη δὲ τῷ αὐτῷ χρόνῳ ἢ τοῦ νυκτεπάρχου ἀρχῆς καὶ ἐγένετο ἀντ' αὐτοῦ πραιτωρ, καὶ τῷ αὐτῷ ἔτι προεβλήθη κοιαιστωρ.

4) Zachariae, Gesch. des griech.-röm. Rechts, 868.

учрежденнаго новеллой ХСІХ. Куяцій былъ правъ¹⁾. Если новелла ХСІХ не имѣетъ ничего общаго съ квеститоромъ Лида и Прокопія, то возможны два предположенія: или объ учрежденіи квеститора была новелла, но не дошла, или ея не было. Въ послѣднемъ случаѣ, говоря объ учрежденіи Юстиніаномъ должности квеститора, оба современные писателя, какъ І. Лидіецъ, такъ и Прокопій, впали въ ошибку. Первое объясненіе легче и вѣроятнѣе.

Говоря о новыхъ властяхъ, установленныхъ Юстиніаномъ, Тайная Исторія не могла не имѣть въ виду реформъ провинціальной администраціи. Такъ какъ Тайная Исторія не содержитъ спеціальныхъ извѣстій о реформахъ въ этой области, то въ нашъ планъ не входитъ изученіе началъ, руководившихъ законодателемъ при изданіи ряда указовъ²⁾, даровавшихъ многимъ правителямъ новыя полномочія³⁾. Замѣтимъ только, что во всѣхъ случаяхъ законодатель считаетъ нужнымъ прикрывать свои реформы возстановленіемъ старинныхъ именъ и учреждений. Онъ или «украшаетъ» (*καταχρῆσι*) существующее, или вызываетъ къ жизни римскую старину⁴⁾.

Тѣмъ не менѣ послѣдніе остатки древняго устройства римскаго государства гibli безъ сопротивленія. Прекращеніе консулата⁵⁾ лишено почти всякаго политическаго значенія. Тайная Исторія смотритъ на консуловъ, какъ на одинъ изъ источниковъ доходовъ столичнаго населенія и, въ частности, актеровъ. Ежегодно назначалось два консула: одинъ въ Римѣ, другой въ Византіи⁶⁾. Всякій избранный тратилъ на «государство» болѣе 20 кентенаріевъ (2000 ф.) золота, больше изъ средствъ императора, чѣмъ изъ собственныхъ. Это, говоритъ Прокопій, особенно поправляло театральныя дѣла города. Сначала Юстиніанъ не назначалъ консуловъ въ срокъ т. е. ежегодно, а «затѣмъ подданные Юстиніана и во снѣ не видѣли консуловъ и были удручены бѣдностью». Сколько приходилось тратить императорамъ изъ собственныхъ средствъ,

1) Ср. *Alem. ad. l.*

2) *Zachariae, Nov. Just. XXIII — XXVI. XXXI — XXXII. XLIV — XLV. LII — LV. LXVII. LXXIX. LXXIX. XCVI. CLVIII. CLXI.*

3) Diehl (*Bulletin de correspondance hellénique 1893, p. 501—520*) ставитъ въ связь съ этой реформой 535 г. изданный имъ указъ 527 г., найденный на камнѣ въ Памфоніи: клиръ *ogatorium* в. *Ioannis* жалуется на притѣсненія со стороны солдатъ. Но ближайшимъ образомъ сюда относится новелла *τὸν παρὰ τὸν στρατὸν*; и реформа 535 г., повидямому, была вызвана борьбой съ провинціальной аристократіей.

4) Ср. *XXIII α'*, *XCIX ε'*.

5) *An. p. 144.*

6) *Ibid., l. 8. Cp. Mommsen, Ostgothische Studien, 241—243, 246.*

можно видѣть изъ разсказа Іоанна Лидійца о щедрости Анастасія, пожертвовавшаго разомъ 2000 ф. з.¹⁾ Это былъ особенный случай щедрости; но Тайная Исторія для ежегодныхъ расходовъ даетъ ту же самую цифру съ вѣроятнымъ преувеличеніемъ. (Впрочемъ, бывали случаи²⁾, когда просторъ тратилъ въ два раза большую сумму). Въ виду такихъ расходовъ появилось опасеніе за судьбу консулата, и въ 537 г. Юстиніанъ установилъ границы для расходовъ по консульству³⁾. Этотъ указъ направленъ на поддержаніе «почти тысячелѣтняго учрежденія Римскаго государства»⁴⁾ и даже ставитъ себѣ цѣлью сохраненіе консулата на вѣчныя времена⁵⁾. Находя, что указъ Маркіана, запрещавшій расточительность при вступленіи консула въ должность, не соблюдался, Юстиніанъ опредѣляетъ число и порядокъ публичныхъ увеселеній, расходовъ на долю жены консула, и запрещаетъ бросать народу золотыя монеты, что имперагоръ оставляетъ исключительно для себя. Указъ очень живо описываетъ происходившіе при раздачѣ денегъ беспорядки и считаетъ дѣломъ челоуѣколюбія запретить немѣренную раздачу. Ближайшей цѣлью своего указа законодатель объявляетъ сокращеніе издержекъ со стороны частныхъ лицъ и въ доказательство своего безкорыстія не уменьшаетъ суммы, отпускавшейся изъ его собственныхъ средствъ⁶⁾. Этотъ указъ былъ направленъ къ поддержанію падающаго консулата; но послѣдняя надобность въ немъ исчезла съ тѣхъ поръ, какъ Юстиніанъ ввелъ лѣтосчисленіе по годамъ своего царствованія предпочтительно передъ датированіемъ по консуламъ⁷⁾.

Остается разсмотрѣть извѣстія о положеніи сената, какъ учрежденія. Онъ не имѣлъ никакой силы и собирался только для вида, судя по Тайной Исторіи⁸⁾. Она же даетъ два фактическихъ примѣра, изъ которыхъ одинъ противорѣчитъ другому: въ дѣлѣ Фаустина⁹⁾ Юстиніанъ не задумался отмѣнить приговоръ сената, но въ процессѣ Діо-

1) De mag. III c. 48.

2) Olympiod. (Phot. bibl. I p. 63 Bekk.) у Kuhn, Städtische und bürgerliche Verfassung des römischen Reiches, I 207.

3) Zach. N. J. LXXXI.

4) Ibid., prooem.

5) Ibid., β' § 8: ἵνα τὴν ὑπατεῖαν ἀθάνατον τῷ πολιτεύματι καταστήσωμεν.

6) Ibid., β' § 4.

7) Zach. N. J. LX a. 537. Cf. CI pr. a. 539. Cp. Mommsen, Ostgothische Studien, 226—249 и ранѣе въ Römische Forschungen.

8) An. 88 πολλὰκις δὲ τὰ συγκλήτῳ βουλῇ καὶ τῷ αὐτοκράτορι δεδοκιμασμένῳ εἰς ἐτέραν τινὰ ἐτελεύτησε κρίσιν. ἡ μὲν γὰρ βουλή ὡσπερ ἐν εἰκόνι ἐκάθητο.

9) An. 153.

гена¹⁾ судъ сената не уступилъ даже Теодорѣ. Изъ указа 537 г. *de ordine senatus*²⁾ видно прежде всего, что число сенаторовъ, не занимающихъ должностей уменьшилось «до крайности» (это императоръ объясняетъ энергичной дѣятельностью правительства, требовавшей многихъ лицъ на дѣйствительной службѣ, умалчивая, понятно, о своихъ конфискаціяхъ). Этотъ фактъ слѣдуетъ сопоставить съ извѣстіями Прокопія, къ которымъ Лекривенъ³⁾, повидимому, безо всякаго основанія относится скептически. Стало необходимымъ пополнить число сенаторовъ, облегчивъ новымъ избранникамъ расходы по вступленію. Указъ 537 г. требовалъ⁴⁾, чтобы сенаторы присутствовали въ *s. consistorium* вмѣстѣ съ *proceres*, высшими чинами, составлявшими *consistorium principis*, безъ особаго приглашенія и каждый разъ, когда будетъ объявлено засѣданіе (*silentium*)⁵⁾. Въ этомъ распоряженіи усматривается рѣшительный шагъ въ пользу слиянія сената съ *consistorium*, начавшееся еще со временъ Аркадія⁶⁾. Если тому послѣднему извѣстію Іоанна Лидійца можно довѣряться, — а онъ въ такихъ вопросахъ свѣдущъ, какъ замѣчаетъ самъ Лекривенъ, — то нѣтъ основанія предполагать, что указъ 537 г. вводилъ коренную реформу въ положеніи сената⁷⁾. Призывая сенаторовъ къ участию въ засѣданіяхъ *consistorium*, Юстиніанъ не рассчитывалъ, повидимому, обращать сенатъ въ апелляціонную палату, и указъ Юстина⁸⁾ о разборѣ квесторомъ, вмѣстѣ съ двумя *magnifici, аѳороаі*, т. е. о разъясненіи затруднительныхъ казусовъ судебной практики, не имѣетъ, думаю, ничего общаго съ указомъ 537 г., который, можетъ быть, было бы полезнѣе сопоставить съ указомъ 539 г. объ учрежденіи при императорѣ апелляціоннаго суда изъ 13 лицъ⁹⁾. Кромѣ засѣданія въ *consistorium principis*, сенату было оставлено право¹⁰⁾ присутствовать на почетномъ мѣстѣ при публичныхъ зрѣлищахъ и собираться на торжественные

1) An. 99—100.

2) Zach. N. J. LXXX.

3) «il ne semble que...», 225. Lécivain, Le Sénat romain à Rome et à Constantinople.

4) Nov. Just. LXXX c. 2.

5) Подъ предсѣдательствомъ *praefectus urbi*. Cp. C. J. I. 26, 6.

6) Lydus de mag. III c. 10 и 27 (цит. Lécivain).

7) Cp. c. 1: *quemadmodum si quando silentium ob alia (Zach.) una cum conventu fuerit nuntiatum, omnes colliguntur et proceres et senatores, ita et nunc quando silentium tantummodo pronuncietur, ... eos convenire.*

8) C. J. VII 62, 34.

9) Zach. N. J. CII.

10) Ibid., LXXX c. 1.

conventus въ новой куріи, выстроенной послѣ пожара 531 г. въ Августеѣ¹⁾. Во дворецъ были перенесены почти все присутствія. По извѣстіямъ Тайной Исторіи²⁾ и другихъ источниковъ туда перенесли свои засѣданія высшіе сановники, какъ напр. впархъ или граефестус граетогіо³⁾. Члены новаго суда, присутствовали съ утра до вечера ἐν τῇ βασιλείῳ στοᾶ⁴⁾. Въ перенесеніи присутствій во дворецъ не слѣдуетъ видѣть существеннаго нарушенія прежнихъ формъ дѣлопроизводства; но Прокопій имѣетъ основаніе считать этотъ фактъ знаменемъ времени и новыхъ отношеній высшихъ сановниковъ къ императору⁵⁾.

Аналитическое изученіе извѣстій Тайной Исторіи, сопровождаемое ихъ критикою при помощи другихъ данныхъ, пришло, до извѣстной степени, къ своему концу. Пора разстаться съ нашимъ памятникомъ. Для того, чтобы содержаніе Тайной Исторіи запечатлѣлось во всей своей оригинальности, нужно перечитывать ея текстъ; и чтобы отдать себѣ отчетъ въ результатахъ настоящей работы, слѣдуетъ, прочтя ее съ текстомъ памятника въ рукѣ, теперь хотя вкратцѣ припомнить ея предметъ и болѣе общіе выводы.

Алеманнъ сдѣлалъ для объясненія Тайной Исторіи больше, чѣмъ вся послѣдующая литература, занятая преимущественно вопросомъ о подлинности. Настоящая работа въ своей большей части примыкаетъ къ комментарию Алеманна непосредственно и основана прежде всего на его изученіи. Прямой путь критики содержанія Тайной Исторіи, преслѣдующей, впрочемъ, собственныя задачи, одинъ въ состояніи разсѣять сомнѣнія въ подлинности памятника, тяготѣвшія надъ всей исторіей времени Юстиніана. Разсмотрѣвъ сложный вопросъ о подлинности (представленный въ нашемъ изложеніи скорѣе слишкомъ сжато, чѣмъ обстоятельно), нельзя не убѣдиться, что подозрѣнія, высказываемыя до сихъ поръ, обусловлены, между прочимъ, недостаточнымъ знаком-

1) Proc. Aedif. I p. 202.

2) An. 165. Sp. 93.

3) Lydus de mag. II c. 9, III 65.

4) Zach. N. J. CII γ'.

5) δουλοπρεπίστατα προσεδρεύειν.

ствомъ съ предметомъ, но коренятся именно въ глубокомъ, традиціонномъ недовѣрїи къ показанїямъ автора памятника.

Критика этихъ извѣстій не даетъ никакого права сомнѣваться въ принадлежности Тайной Исторїи Прокопію. Ошибки есть, но авторъ хорошо освѣдомленъ въ дѣлахъ эпохи; и даже тамъ, гдѣ ошибается несомнѣнно, онъ знакомъ съ деталями и забываетъ или путаетъ факты, какъ всякій пристрастный современникъ, пишущій по слухамъ и воспоминанїямъ. Слѣдуетъ покончить съ вѣковымъ предрасудкомъ и отдать должное цѣнному памятнику политическаго настроенїя.

Этотъ результатъ придаетъ извѣстную цѣльность собранному здѣсь матеріалу; вѣроятно, изслѣдователь самой эпохи тоже встрѣтитъ здѣсь полезное для себя. Конечно Тайная Исторїя требуетъ еще большой работы въ томъ же направленїи, и этого она стоитъ. Тотъ памятникъ наиболѣе цѣненъ, изъ котораго можно больше извлечь. Субъективно окрашенная, Тайная Исторїя полна жизни и захватывающаго интереса. Голосъ озлобленнаго, но благороднаго писателя горько жалуется потомству на гибель прежняго законнаго порядка и на торжество самовластнаго «губителя Римскаго народа». Ему не уронить славную фигуру императора Юстинїана, но наши симпатїи часто на его сторонѣ. Дѣло исторїи отнести внимательно ко всякому дѣйствительному горю, хотя бы пережитому давно.

Б. Панченко.

Югославянская передѣлка Зонары.

Въ наше къ сожалѣнію слишкомъ короткое пребываніе на Афонѣ въ 1894 г., совершенно недостаточное для обстоятельнаго знакомства съ богатыми сокровищами святогорскихъ библіотекъ, въ Зографскомъ монастырѣ мы обратили вниманіе на одинъ обширный по размѣрамъ сборникъ. Въ немъ, начиная съ перваго листа и оканчивая 156 л., шла хроника, судить о которой при отсутствіи пособій было трудно, а заглавія, указывавшаго на то, съ какимъ именно авторомъ мы имѣемъ дѣло, не сохранилось. Но за то мы нашли на первомъ-же листѣ подробное оглавленіе хроники, которое и списали. Наши выписки долго залежались, пока мы наконецъ приступили къ разбору, какого-же рода лѣтопись представляетъ Зографская рукопись. Считаемъ не лишнимъ подѣлиться полученными результатами.

Оказалось, что оглавленіе Зографской лѣтописи почти вполне совпадаетъ съ оглавленіемъ полнаго списка перевода Зонары, находящагося въ Румянцевскомъ музеѣ въ собраніи Ундольскаго. Только начало его ближе подходитъ къ другой передѣлкѣ Зонары, напечатанной еще въ 1847 г. проф. Бодянскимъ подъ заглавіемъ «Паралипомень Зонаринъ». Приводимъ вполне оглавленіе Зографской рукописи, отмѣчая варианты по списку Ундольскаго.

Сказаніе извѣстное глаъмъ книги сіе.

Прѣвѣ начинаеть Ѡ книгъ моуѣсенскій^х, начьтъ Ѡ бытіа о твореніи міра. дрѣже си^х по редѣ. въкоупѣ съ ѡсѣпомъ и паралипомены, даже до исосуа сѣа навѣина въ нѣхъ же и обрѣтаетьсе прѣвѣи начелнѣи въ лѣохъ. неврѣѣ. та^х исосуа навѣина съ прѣчїими. да^х до книги четвероцрѣтвнѣи. и Ѡсоудуо полагаеть начело главнѣзнамъ¹⁾ црѣтво

1) У Ундольскаго это мѣсто читается такъ:

Прѣвѣ написахѣ твѣри бытіа, ѣже по грѣскомѣ ѣзыкъ палеа наричѣсе. ѡ ѣвревѣ^х и прѣчаа ѣже Ѡ шестоднѣвнѣика сѣтъ. и тѣ^х обрѣтохѣ прѣваго въ

саблѣв. прѣво дѣво. прѣво соломѣново. прѣво ровоѣмово. прѣво асово¹⁾. прѣво наватово²⁾ прѣво васѣново. прѣво йлово. прѣво зам'вриѣво. прѣво ахаѣвово. прѣво шхозіѣв. прѣво шварѣмово. прѣво иѣоу. прѣво швахѣзово прѣво шхасѣво прѣво амесіѣво. прѣво шзіѣво. прѣво шхавѣмб. прѣво ахазово. прѣво езекиѣво. прѣво шсіѣво. прѣво манассіѣво. прѣво амѣсово. прѣво шхснѣво. прѣво шххазово. прѣво шхакімово. прѣвв седекіѣво како³⁾ постави навѣзар'дѣ годолію оустроителя⁴⁾ запоустѣн'нѣи прѣкви іерлѣм'стѣи ш даніилѣ и ш тре^х шрѣвоко^х и сѣнѣ йже видѣ навѣхѣносорѣ о сѣнѣ и^х видѣ прѣркѣ даніи о женѣ іудіѣ^х ш тш-вѣтѣ. о кѣрѣ прѣи пѣр'сѣтѣ^х. повелѣніѣ кѣрово да сѣзыѣжетсе прѣкѣв іерлѣмска о влѣхвѣ прѣ^х о сѣмрѣти камвѣсовѣ о прѣи дѣрѣѣвѣ оухышрѣніѣ ѣже сѣтворѣ коню^х дѣрѣѣвѣ^х прѣво жѣр'жово прѣво ар'тажер'жово. о мардохеи о есѣрѣ анеѣи его. о алежѣврѣ сѣтѣ фѣлѣп'повѣ. о кѣуни волбеглѣвѣ о рѣцѣ гѣгтѣи. прѣво птолемѣа лагоѣса. прѣво птолемѣа фѣлѣделфа^х како ѣзлѣби іудѣе великѣи антѣш^х прѣво алежѣвѣра сѣа антѣшѣхова о грѣдѣ прѣи и ш дрѣгѣи грѣдѣ и о рѣм'скѣи кѣсарѣ^х и ш іерлѣм'скѣи разорѣни и погоублѣни іудѣискѣи^х о рѣмѣ и о рѣмлѣнш^х ш вѣторѣаго лѣтописца о самодрѣцѣхъ єдиноначѣлѣ пом'пѣѣво. єдиноначѣлѣ оуеспесѣанѣво. єдиноначѣлѣ тѣта кѣсара. єдиноначѣлѣ дшметѣана кѣсарѣ^х. єдиноначѣлѣ транана кѣсара. єдиноначѣлѣ антѣшнина блѣгочѣствѣаго. єдиноначѣлѣ мѣрка антѣшнина прѣмоура'го. єдиноначѣлѣ севѣрово. прѣво дѣкѣѣво. прѣво аврѣлѣанѣво. прѣво мажѣмѣаново. прѣво мажѣмѣиново. прѣво сѣааго и великаго кѣштантѣна о сѣмрѣти сѣіѣе єлѣны мѣтре его прѣво великаго єѣш сѣа прѣво шнорѣѣво вѣ старѣ^х рѣмѣ прѣво малааго єѣш сѣа вѣ кѣштантѣнѣ градѣ. прѣво анастѣсѣѣво^х прѣво маврѣкѣѣво прѣво ирѣны и кѣштантѣна сѣа єе. прѣво

лѣдѣхъ гѣдѣна и начѣлѣника нѣврѣда прѣже в'сѣхъ прѣи бѣшнѣхъ на зѣлѣ. и потѣ прѣчѣи :

Вѣ Параллѣпоменѣ полное совпаденіѣ сѣ нашимъ текстѣмъ стр. 6 у Бод. Далѣнѣйшаго оглавленіѣ вѣ немѣ нѣтъ, но прибавлено: сѣ бѣшѣ починаѣ собравѣе, єже ш нала мирѣ бѣвшѣхъ писанѣ вѣ пространствѣи шблѣченѣи повѣданѣхъ.

1—2) Этѣ имена пропущены у Унд. 3) тѣко у Унд. 4) Вст. на мѣстѣника Унд. 5) Проп. у Унд. 6) братѣлюбѣца.

7) Вѣ спискѣ Ундѣольскаго мѣсто это передано нѣскольѣо иначе:

Како начѣ и подвѣжѣ ирѣшѣ облѣѣи 'іѣдѣкѣ вѣсѣмѣ здѣ и^х и дрѣгѣи грѣшѣ. и єіѣврѣѣ кѣсарѣ, и прѣчѣи начѣлѣници. и кѣлка сѣтворѣшѣ вѣ іерлѣмѣ и вѣ 'іѣдѣнѣ.

8) Проп. у Унд. 9) вѣшѣ Унд. 10) Проп. Унд.

еѡѡфѣлово. прѣтво михайла снѣ еѡѡфѣлова прѣтво василѣа македѡна
 прѣтво лѣѡна ¹⁾ прѣмѣрааг прѣво василѣа прѣрогенѣта | прѣтво кѡ-
 стантѣна брата василѣева. прѣтво лѣѡна арменѣа сѣго ²⁾ лѣѡна арменѣа
 прѣтво прѣже михайла аммѡрѣа и еѡѡфѣла ѣ нь же обрѣтше сѣ не
 прѣложихѡ нь тако написахѡ.

Интересно, что въ Бѣлградскомъ спискѣ полного перевода огла-
 вленіе помѣщено въ двухъ мѣстахъ, въ началѣ и на концѣ, но не оди-
 наково (Stagine кн. XIV, стр. 127—128, статья Качановскаго). Изъ
 приведенныхъ авторомъ статьи сравненій видно, что оглавленіе, по-
 мѣщенное въ Бѣлградскомъ спискѣ въ началѣ рукописи, совпадаетъ
 съ оглавленіемъ въ Зографскомъ спискѣ, наоборотъ оглавленіе, по-
 мѣщенное въ концѣ, сходится съ оглавленіемъ полного перевода въ
 спискѣ Ундольскаго. Такое совпаденіе не случайно, и объясняется
 тѣмъ, что въ Зографскомъ спискѣ оглавленіе стоитъ въ началѣ руко-
 писи (въ концѣ оглавленія въ немъ нѣтъ), наоборотъ въ спискѣ
 Ундольскаго оглавленіе находится въ концѣ рукописи и его нѣтъ въ
 началѣ.

Кромѣ этого оглавленія мы сдѣлали нѣсколько выписокъ изъ Зо-
 графской рукописи, начиная тамъ, гдѣ говорится о славянахъ.

Подъ царствованіемъ Василия Македонянина находимъ краткую
 замѣтку о крещеніи Русскихъ л. 153 об. сътвори^м и мѣ съ рѣсы, и
 прѣложи сѣ^н на хрѣіанство. прѣсише рѣси архіерѣа ѡ прѣа. и пѣ рѣше
 архіереоу аще не вѣимъ знѣменіе не хѡщѣ крѣтитисе. и рѣше емѣ и
 вѣврѣже еѣліе, и не съгорѣ въ ѡгни и крѣтисѣ (при Василии).

Въ сравненіи съ напечатаннымъ у Бодянскаго разсказъ короче,
 ср. стр. 102—103. Вмѣсто «сътвори мѣ» въ Паралипоменѣ: сътвори
 мирное ѣстроеніе.

Другая выписка о Симеонѣ Болгарскомъ отличается такою же
 краткостію.

Вѣпрѣвшѣсе лѣвѣ мнѡга и дѣвнаа сътвори и дѡчѣнаа въ прѣтѣвѡ-
 щѣ граѣ. прѣдѣа же брата своѣ пѣсменѣ ѣчитисе, и навѣчшѣсе изѣ фѡ-
 тѣа и постаѣи стѣфана брата своѣ. Побѣдише вѡлѣнство ѣ блѣгаре и
 кѡсы оурѣзавъ грѣкѡ сѣмѣѡ начѣникъ блѣгарскыи и посла сѣ^н въ кѡ-
 стантѣнѣ граѣ и навѣтѡ лѣвовѣ изѣдоше оугри и побѣдише блѣгары.

1) Льва Унд. 2) Это замѣчаніе находимъ и въ полномъ переводѣ
 Зонары:

Сѣго^м лѣва арменѣа прѣтво прѣже еѡѡфѣлѡва прѣтва ѣсть, нь на концѣ
 кнѣги написае. и въ Паралипоменѣ.

Въ этомъ случаѣ извлеченія Зографскаго списка напоминаютъ краткія замѣтки, сохранившіяся на поляхъ Манассіиной лѣтописи.

Сплошь до конца лѣтописнаго разсказа мы списали царствованіе Василя Болгаро-Бойды. Главное содержаніе его борьба Василя съ Самуиломъ. Для бѣльшаго удобства сличенія съ полнымъ переводомъ Зонары и Паралипоменомъ разбиваемъ разсказъ на нѣсколько частей.

Прежде всего идетъ рѣчь о завоеваніяхъ Василя на Востокъ, за тѣмъ перечисленіе военныхъ дѣйствій въ борьбѣ съ Болгарами, при чемъ упоминается взятіе Видина, битва на Вардарѣ и взятіе Скопя согласно греч. тексту Зонары.

л. 155 об. Пойде^м црѣ василіе кь востокѣ и оумири все езыки и^м бѣхоу по ѡбластію егѡ воин'ствова и приѣ и малѣю иверію, и блѣгарѣ грады и срѣбцаго начѣника патрикіа сътвори. воин'ствова^м потѡмъ прѣиетъ бдѣ. Самоуѣ же блѣгар'скимъ начѣникъ в то врѣме плѣни андріанѡпо прѣваривъ. и срѣтша се на вардарѣ, побѣжень бѣ самоуѣ прѣитъ же василіе и скопѣ ѡ блѣгарь.

Въ полномъ переводѣ Зонары этому соответствуетъ: блѣгар'скимъ же начелни самѣилъ. не тѣчию ѡракию и македонію плѣновааше. и погѣблаше. нѣ и елладѣ и тѣ самыи пеллопонѣс. и посла црѣ кнѣза събѡрна западнааго никѡфора, нарицаемааго нѡбо. и прише ѡбрѣте самѣила, лежѣшаго съ блѣгар'скою войскою близь рѣкы нарицаемыя спер'ха. и пришѣ небо никѡфоръ, паде съ войскою ѡбнѣ по рѣкы. и занѣ бѣ тогда дѣжъ велии. надѣашѣ самѣилъ ꙗко не хотѣтъ 'ѡдобъ прѣйти рѣкѣ грѣци. воевода^м небо, ношю и'обрѣте брѡды, и прѣходища рѣцѣ. и прѣиде тай бе'мгѣвнѣ съ войскою. самѣилъ же лежѣщѣ ѡраднѣ. вънезапѣ нападе на нь воевода небо. и оубоашѣ блѣгаре, начеше велии бѣжати, ни малаа не съпротивльшѣ. рѣмлане же снѣ съкѣще въ малѣ хотѣхъ въскѣти самѣила, и сна егѡ рѡмѡна. 'ѡгазвише бо и снѣ, нѣ лежаахъ ѡбланы кровію и сице 'ѡтаишесе. по снѣ же войствова црѣ на блѣгары. и същее грады ѡкрѣ сардакѣе разорѣ. и възвращ'се прѣиде въ мѡсинопо. прѣет'же тогда црѣ великѣ прѣславнѣ иверію и малѣю. сѣ бѡ добромѣрь прѣиде начел'ни кѣ, и прѣда^м се црѣ. срѣичища^м нѣжею прѣѣ. и никѡл'ница начел'ника скрѣб'чищѣ прѣѣтъ црѣ, и почѣте патрикіѣ. никѡл'ць бѡ нарицаахъ сѣго, понѣ^м бѣ^м малѣ въ'растѡ велии. ѡн'же възвращ'се пакы бѣжа къ самѣилъ. и пакы воин'ствова црѣ на бдѣ, и прѣѣтъ сѣго. и дѡдѣ прѣѣмааше црѣ бдѣ, прѣиде самѣилъ вънезапѣ на ѡдрѣнь, и ѡбрѣте трѣгъ великии събрань. и плѣни члѣкѡ имѣнѣа въса, и плѣнники ѡведе. црѣ же прѣѣмъ бдѣ, и

възвращае гредыи ѿѣѣ обрѣте самѣила обитающа съ войскою на рѣцѣ варды. и поникъ бѣ рѣка велиа сѣдо, и съмѣщеннаа. свободѣше блѣгарѣ, падше расточены. надѣюшесе яко хотѣ прѣити рѣланѣ. прѣ же пришѣ таи, обрѣте брѣ и прѣиде. и многыѣ ѿ блѣгарѣ избѣ, самѣилъ же ѣбѣже. имѣнѣа же иѣ и станица рѣланѣ възхѣтише. прѣѣтъ же прѣ и скѣпѣ, не нѣжею нѣ прѣдѣ сѣе рѣма сѣе пѣтра бѣвшаго начѣлѣника блѣгарѣскаѣго. вѣрова бѣ самѣилъ рѣмана, и поставѣ сѣго начѣлѣника скѣпѣю. онъ же прѣдѣ скѣпѣ прѣ.

Интересно, что ошибка въ передачѣ города Сервіи черезъ срѣнчища повторяется и въ полномъ спискѣ перевода Зонары у Ундольскаго, и въ Паралипоменѣ, и въ Зографской рукописи. Въ греч. текстѣ: τὰ μέντοι Σέρβια πολιορκία ἐάλω. Можно думать, что она принадлежитъ первоначальному переводу лѣтописи на слав. языкъ. А съ другой стороны это обстоятельство, повидимому, указываетъ на то, что оба позднѣйшіе компилятора Паралипомена и Зографской рукописи пользовались слав. текстомъ лѣтописи для своихъ компиляцій.

Слѣдующее мѣсто опять взято изъ Зонары. Въ полномъ переводѣ оно читается такъ: начѣлѣнѣи егѣпѣтѣскимъ раздрѣши мѣръ. ѣже имѣаше съ рѣланѣ. и пришѣ въ ѣерѣлѣмъ разорѣ црѣко въ нѣи бѣ грѣбъ хѣв. и не тѣчѣю сѣю, нѣ и прочѣихъ възсѣхъ монастыри елѣици бѣхъ тѣ.

Въ Зографской рукописи здѣсь есть значительное прибавленіе, источникъ котораго подѣискать намъ не удалось. Между чудесами св. Георгія въ Чегей Минѣе такого разсказа нѣтъ.

Тога начѣникъ егѣтѣскимъ разорѣ црѣвъ бѣѣа грѣба. и прочее все монастыре. Глѣо же яко кѣ краты прѣиде на ѣерѣлѣмъ, и вышѣ до вѣелема гвѣлѣхъсе сѣмъ вѣиски мѣѣство и бѣжѣше тычетѣ себѣ тѣбре въ вѣѣе тога же яко нѣкимъ лѣтинѣнѣмъ вѣжелѣ евреѣнинѣи и мѣѣство да сѣпѣнникъ сѣи ѣкаанѣнѣ не възхѣтѣ сѣа аще не рѣ въ црѣкви бѣѣа грѣба. емѣ бѣвшѣ оудѣ ѣсмаилѣте прѣнѣше. нѣкто бо ѿ сѣи живы блиѣ вѣелема въ монастыри сѣи стѣго великоѣника геѣѣгѣа идеѣ ѣ мѣе его и веригы ѣ одеснѣю храма въ стѣнѣ блиѣ тѣбла. и сѣмъ принѣсе клѣче ѣгѣлѣ глѣкъ изыдѣ въ срѣтѣнѣе сѣлѣтанѣ и дажѣ емѣ клѣче и прѣведѣ въ ѣерѣлѣмъ.

Послѣ этой вставки продолжается разсказъ о борьбѣ Василя съ Самуиломъ. Интересно при этомъ, что во всѣхъ трехъ слав. текстахъ указано, что Василій оставилъ по одному одноглазому на каждыя двѣ сотни, а не на сотню, какъ въ греческомъ текстѣ: ἐφ' ἑκάστη ἑκατοστῶν ἓνα καταλιπὼν ἑτερόφθαλμον. И въ этомъ случаѣ компиляторы

быть можетъ стоять въ зависимости отъ полнаго перевода лѣтописи.

Василе^м поиде на блѣгары и ѡхвати все ѳ^з и все^т ѡслѣпи. еди^но же ѡ^с оставлѣше водити сѣи и тѣ съ еди^нѳ ѡко^б. Владиславъ по^д дрѣчѣ блѣгарскыи начѣникъ ѡмрѣ. и остави гаурѣила сѣна своего. црѣвасиле съ црѣєю кѣино воинствова и прѣй все блѣгаре и съ с^т дщери. и прииде въ константи^н гра^в вьнегда прѣнше и съ г^т снѡве свое. и постави вѣнцъ прѣстыи црѣца на глау нарицаемыи тѣфа. сего ѡбо носѣ грьдыни^к рай, и сѣ^т о доблестви^к вѣнчѣсе. и по сѣ братѣчѣ сѣмѣ. василе црѣтова нѣв тѣ и ѡмрѣ црѣво константина брата василева. Константи^нна багрѣнорѣныи црѣтова ра слабѣниѣ и страшливѣ. слѣцѣ^т мѣчашцѣ ослѣплѣше все^т црѣтова же г^т лѣ. остави зѣта аргирѣцѣла на црѣво оумрѣ.

Приводимъ соотвѣтствующія мѣста полнаго перевода лѣтописи.

црѣ же вьсѣгда на блѣгаръ прихѣде, плѣновааше и ѡзлѣблѣаше сѣи^к. начѣл^ни^и же ихъ самѡилъ, не мѣгы прѣтивитисе рѣмѣнѣ. нѣжею сътвори е^лико мѣжааше. изрѣ прѣсты на пѣте^т и затвори сѣихъ, и постави стражѣ. црѣ же припѣ, не вѣзможѣ раздрѣши^т стражѣ ѡныи. понк^т крѣпцѣ съпрѣтивлѣахѣсе блѣгарѣ, сѣпѣи на пѣте^т ѡнѣхъ, и послѣ воевѣдѣ своего, прѣйти инѣмъ пѣте^т и прѣвести црѣ припѣ же воевѣда ѡнѣ, и многыѣ стѣзѣ ѡбхѣде вѣпаде въ стражѣ блѣгарскѣю. и сего видѣвшѣ страж^ници, начѣашѣ бѣжати. и сѣце ѡбрѣше рѣмѣне пѣте, вѣнидѣше. и црѣ вѣпѣ сѣ, и мнѣгы^т избѣи дрѣгыѣ живѣхъ кѣте. и съ нѣжею вѣлею бѣжа, сѣсѣсе. бѣ же числѣ вѣсхыщѣи^к тѣ^т блѣгарѣ, е^ти, тѣсѣщѣ. и вѣсѣ мнѣство ѡно црѣвасиле ѡслѣпи. ѡслѣплаашѣ бо, рѣѣ, стѣща^т же ѡставлѣше съ кѣдинѣмъ ѡко^б, водити, рѣѣ, тѣ^т ѡнѣхъ. и сѣце ѡслѣпи вѣсѣхъ. е^ти, тѣ^т тѣсѣщѣ ѡнѣхъ. и послѣ сѣихъ къ гѣдинѣ и^к, къ самѡилѣ. и видѣвшѣ сѣи^к самѡилъ, не мѣгы трѣпѣти прѣвѣзѣнѣю стрѣ ѡнѣ, и безмѣрнѣю скрѣ. падѣ изнемѣ, и мѣло врѣмѣ прѣбѣи ѡмрѣ. црѣво^т блѣгарское прѣвѣтѣ снѣ е^гѣ гаврѣилъ, нарицаемыи рѣмѣ. и кѣино лѣто прѣбѣи, ѡбѣ сего брѣдѣчѣ кѣдѣ влѣсла^т ѡвѣ, аарѣновѣ снѣ. и црѣца блѣгарскаѣ нарицаемаѣ марѣа, женѣ владѣслова, послѣ архѣе^ткѣпа блѣгарскаѣго двѣ. прѣдѣ^т блѣгарскѣю стрѣу вѣсѣ црѣ, аще исплѣни^т е^ти прѣшенѣа. и мѣлѣ врѣменѣ прѣпѣшѣ, прѣиѣ и сама къ црѣ съ с^т мѣ дщери^ти свои^ти. трѣ же снѣове е^к сѣкрѣше^т въ хлѣмы. послѣже же прѣидѣше и ѡныи къ црѣ. нарицаѣу же кѣдиногѣ прѣсѣанѣ, е^гѣ^т и магѣстра постави црѣ. дрѣгаѣго^т двѣ патрѣкиѣа почѣте прѣѣ^т же црѣвасиле блѣгарскѣю

зѣлю вѣсѣ. и ѿ градѹ блѣгар'скимъ ѡвѣхъ разорѣ, ѡвѣх' же крѣп-
 лайшїихъ сѣтвори, и стражїа довол'наа постави. и въ аѡны
 прїе сѣтвори" празнїи прѣстые бѣе. и сѣтвори празнїикъ. въ'вратїсе
 въ кѡстатїѣра, и тѣ прославїи вѣлми ѡ доблїстны' своїа. въ'ложїи
 вѣнѣцъ на глау свою прѡ нарицаемѣи тѣфа. сѣго" носїи высокоу'рїи.
 и сїи васїлїе прѣ, грѣдо" ради юже въспрїе въ'ложїи сѣго на глау
 свою. и сїце прїиде къ стѡїи сѡфїи и сѣврши блѣгодаренїе къ бгѣ.

Текстъ Зографской рукописи представляетъ путаницу въ содер-
 жанїи. Гаврилъ въ ней является сыномъ Владислава, чему противо-
 рѣчить мѣсто нѣсколькими строками ниже: по гаурїилъ" въ блѣгар'ѣ
 бы ꙗ сла". по сѣ братѣче сѣмѣ. Здѣсь на первый разъ можетъ по-
 казаться, что мы имѣемъ дѣло съ особымъ указанїемъ новаго лица
 Іоанна Слава, но несомнѣнно ясно имя искажено изъ Іоанна Влади-
 слава. Странно выраженїе «съ прѣею кѣпно» и ниже «прѣа», а между
 тѣмъ вѣнѣцъ возлагалъ на себя самъ побѣдитель императоръ. Въ
 счетѣ лѣтъ царствованїа императора Василїа стоятъ цифра 52, между
 тѣмъ какъ онъ царствовалъ только 49, сравни Терновскаго Изученїе
 Визант. Ист. стр. 127—128. Если прибавить три года царствованїа
 его брата, тогда и получится 52 г.

О братѣ Василїа Константинѣ взято изъ Зонары. Въ Зограф.
 рук. онъ названъ багрянороднымъ. Въ полномъ переводѣ Зонары по
 списку Ундольскаго также: 322 об. прѣтво василїа пор'фїршге-
 нїта киноварю; а съ боку тоже киноварю: багрѣнор'днїи прѣ.
 И другїя свѣдѣнїя оттуда же: и елїцѣ" мѣчааше, вѣсѣхъ ѡслѣплааше.
 330 об. жїи же прѣ кѡстатїи прї аргїршплѣ зѣты своѣ г, днїи и
 ѡмрѣтъ. прѣтова, г, лѣта: 331 об.

Сводя во едино наблюденїа надъ отдѣльными частями Зографской
 рукописи, мы должны сознаться, что она не даетъ какихъ-либо важ-
 ныхъ и новыхъ фактовъ, но она интересна съ другой стороны, какъ
 новое подтвержденїе того факта, что и на слав. югѣ была развита
 хронографическая дѣятельность. Хотя въ основѣ нашего текста несо-
 мнѣнно греческїй источникъ, именно лѣтопись Зонары, но извлеченїа
 изъ нея, сдѣланныя въ Зографскомъ спискѣ, не совпадаютъ съ такими
 же извлеченїями въ Паралипоменѣ. Для изслѣдованїа же о судьбахъ
 Зонары въ славянской литературѣ Зографская рукопись представ-
 ляетъ несомнѣнный интересъ.

Судя по тому, что оглавленїе Зогр. списка вполне совпадаетъ съ
 спискомъ полнаго перевода Зонары Ундольскаго, можно было бы ду-

мать, что и въ немъ мы имѣемъ полный переводъ, но такъ какъ объемъ Зографскаго списка значительно меньше на 156 л. вмѣсто 336 л. рукоп. Унд., то всего вѣроятнѣе въ Зографской рукописи текстъ сокращенный, но сравнительно съ Паралипоменомъ болѣе полный. Къ сожалѣнію мы не сдѣлали ни одной выписки изъ той части лѣтописи, которая не имѣетъ отношенія къ слав. исторіи, и поэтому наше заключеніе имѣетъ лишь характеръ предположенія. Кое-что можно заключать по оглавленію. Такъ напр. въ немъ сравнительно съ полнымъ спискомъ приведены послѣ Ровоама имена Асы и Навата. Въ полномъ списокѣ въ текстѣ на своемъ мѣстѣ идетъ рѣчь и о томъ и о другомъ. Выраженіе $\bar{\omega}$ втораго лѣтописца того и другого оглавленія не слѣдуетъ принимать за указаніе на какой-либо иной кромѣ Зонары источникъ. Изъ предисловія къ этому автору у Миня видно, что въ греческой литературѣ его трудъ подраздѣлялся на двѣ половины, изъ которыхъ въ первой излагалась преимущественно исторія Іудейскаго народа, а во второй исторія греческихъ и римскихъ императоровъ.

Бросается въ глаза еще одно отличіе перевода, дошедшаго въ Зогр. списокѣ, отъ полнаго Зонары Ундольскаго. Въ послѣднемъ мы замѣтили очень часто стремленіе передавать греческія имена славянскими, напр. прозваніе воеводы Никифора Οὐρανός передано словомъ *небо*, въ оглавленіи вмѣсто имени Филадельфа стоитъ *братолюбца*, вмѣсто Леона — *Лва*. Между тѣмъ въ Зогр. рукописи вмѣсто Οδρινός полнаго списка — обычное въ слав. источникахъ имя этого города — *андріанѡпѡ*.

Является предположеніе, не было-ли уже на греч. языкѣ сокращеннаго Зонары, котораго могли перевести и славяне?

Намъ остается еще сдѣлать нѣсколько замѣчаній о языкѣ слав. перевода. А. Н. Поповъ и И. В. Ягичъ считаютъ переводъ Зонары сербскимъ. Внимательно разсмотрѣвъ списокъ Ундольскаго № 1191, мы замѣтили однако въ немъ на цѣломъ рядѣ стр. многочисленные болгаризмы. Сюда прежде всего относятся примѣры правильнаго употребленія юсовъ: нж възѣ ѡбогаго онѡго едѣнжа овцж и закла сѣа л. 50 сждѣ сѣ ѡв. женж ѡв. волеа своеж ѡв. 51 десѣ тысжщѣ ѡв. 52 немѡщни сѣ ѡ трѣда ѡв. сжщѣ ѡв. об. прѣмѣрѡ ѡв. 56 рѣдѣ ѡв. стоахж ѡв. 124 сѣахж ѡв. 126. Сюда же слѣдуетъ отнести такой примѣръ: и рѣ емѣ прѣтча сѣа ѡв. ср. выше. Такіе примѣры встрѣчаются въ болг. рукописяхъ. Примѣры, гдѣ ж употребленъ неправильно, указываютъ на переписчика серба: къ алеѣандрж 124,

разѣ ib. 123 об. и др. Употребленіе глухого ѣ также особенность болг.: мѣншіи 41 дѣщерь 51 шѣ ib. въсу ib. 52 изчѣта 52 сънь 57 въсма ib. лѣво“ звѣре“ 60 мѣсть 59 об. дѣжѣ 53 об. никѣгдаже ib. ѡсмѣ ib. 54 своистѣвни ib. 53. жртѣвнѣи 59 об. ср. жртѣвнѣи 55 об. исплѣнисе 57. Есть даже такіе примѣры, какъ: Ѡ истѣчника 54 снѣха 180 плѣзѣ 56. Въмѣсто а — ѣ: въсплѣтѣше се 205 об. Такія формы именит. мн., каковы: іевреие 57 иереие 59 часты въ болгар. рукописяхъ.

Достаточно и этихъ примѣровъ, чтобы убѣдиться, что переписчикъ, если онъ былъ сербъ, пользовался оригиналомъ средне-болгарскимъ¹⁾.

При этомъ невольно припоминается замѣчаніе Шафарика въ письмахъ къ Бодянскому: «есть у насъ и полный переводъ Зонары *весьма древній, болгарскій*»²⁾. Странно только, что спустя нѣсколько времени читаемъ въ письмахъ иной отзывъ: «Зонары здѣсь, въ Чехіи, нѣтъ; *поздній и скверный списокъ* его есть гдѣ-то въ монастырѣ въ Сръмѣ, или въ Карловцахъ»³⁾. Никакихъ разъясненій относительно того, о двухъ ли разныхъ спискахъ идетъ рѣчь и гдѣ тотъ древній болг. списокъ, о которомъ онъ писалъ ранѣе, не находимъ.

П. Лавровъ.

1) Но разумѣется, окончательное рѣшеніе вопроса о переводѣ можетъ быть высказано только послѣ изученія всѣхъ дошедшихъ до насъ списковъ этого памятника. Во всякомъ случаѣ оба списка Бѣлградскій и Ундольскаго представляютъ одинъ и тотъ же переводъ. Въ Бѣлградскомъ списокѣ также есть болгаризмы.

2) Письма къ Бодянскому № 38 стр. 159.

3) Письмо № 53 стр. 186 рус. перевода Писемъ къ Бодянскому.

Измѣненіе въ направленіи четвертаго крестоваго похода.

I.

Цѣлью IV крестоваго похода, какъ и всѣхъ трехъ, предшествовавшихъ ему, было освобожденіе Іерусалима и Св. Земли изъ рукъ такъ называемыхъ «невѣрныхъ», т. е. въ данное время освобожденіе ея изъ подъ власти Египетскаго султана. Однако-же походъ этотъ, сборы къ которому начались еще въ 1199 г., окончился совершенно не соответствовавшимъ своей первоначальной цѣли образомъ — а именно завоеваніемъ крестоносцами Константинополя. Выяснить ходъ и, по возможности, причины такого неожиданнаго оборота дѣла, привести и разобрать существующія по этому поводу въ литературѣ мнѣнія и составляетъ задачу этой статьи ¹⁾).

¹⁾ Библиографія предмета.

Источники.

I. Показанія очевидцевъ и современные событіямъ документы:

1) «La conquête de Constantinople» p. Geoffroy de Villehardouin. Traduction et édition de N. de Wailly.

2) «La prise de Constantinople» p. Robert de Clari. Hopf, Chroniques Gréco-Romanes.

3) «Epistula baronum cruce signatorum». «Patrologia Latina» ed. Migne. t. 215.

4) «Epistula Hugonis, comitis St Pauli». Recueil des Historiens des Gaules et de la France éd. Bouquet, t. XVIII.

5) «Sacramentum nuntiorum Balduini comitis Flandrensis cum inclyto H. Dandolo, duce Venetorum». Fontes Rerum Austriacarum t. XII.

6) «Pactum Balduini comitis Flandrensis et Theobaldi comitis Trecensis et Ludovici comitis Blesensis cum H. Dandolo, duce Venetorum». ibid.

7) «Epistulae Innocentii III Papae». «Patrologia Latina» ed. Migne tt. 214, 215.

8) «Chronicon Nicetae Choniatae». Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. Bonn.

Поставимъ ясно тѣ вопросы, въ которыхъ намъ нужно будетъ разобратся. Прежде всего намъ придется установить тотъ фактъ, что крестоносцы, выступая въ походъ, дѣйствительно имѣли въ виду отвоевать Св. мѣста, поразивъ врага въ самомъ сердцѣ его владѣній въ Египтѣ. Затѣмъ придется указать на то, какъ и почему крестоносцы и бывшіе съ ними Венеціанцы отклонились отъ прямого пути и занялись завоеваніемъ Задра и, наконецъ, какъ и почему союзники, вмѣсто того, чтобы изъ Задра плыть далѣе прямо въ Египетъ, очутились подъ стѣнами Константинополя.

Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что первоначальной цѣлью IV-го крестоваго похода было именно освобожденіе Св. Земли, что таковою она именно была для тѣхъ, кто задумалъ этотъ походъ, и для тѣхъ, кто принималъ въ немъ активное участіе. Какъ въ предыдущихъ

II. Позднѣйшія хроники:

- 9) «Continuatio Belli Sacri» (Wilhelmi Tyrii). Recueil des Historiens des croisades t. II.
- 10) «De Acquisitione Terrae Sanctae» Bernardi Thesaurarii. Scriptores Rerum Italicarum ed. Muratori. t. VII.
- 11) «Chronicon Gallicum ineditum» иначе «Baudouin d'Avesnes» (авторъ этой хроники). Fontes Rerum Austricarum, t. XII.
- 12) «Balduinus Constantinopolitanus». ibid.
- 13) «Croisade de Constantinople» ibid.
- 14) «Livre de la conquête de Morée». ibid.
- 15) «Historia Albigensium» Petri Monachi Vallii Cernaji. Scriptores Historiae Franciae» ed. Duchesne. t. V.
- 16) «Chronicon Guillaume de Nangis». Fontes Rerum Austr., t. XII.
- 17) «Chronicon Anglicanum». Recueil des Historiens des Gaules et de la France éd. Bouquet, t. XVIII.
- 18) «Chronologia Roberti Altissiodorensis». ibid.
- 19) «Chronicon Comitum Ghisnensium». ibid.
- 20) «Chronicon Anonymi Laudunensis». ibid.
- 21) «Chronicon Alberici» in «Accessiones» ed. Leibnitz. t. II.
- 22) «Annales Colonienses Maximi». MM. G. SS. t. XVII.
- 23) «Historia Constantinopolitana» Guntheri Parisiensis, in «Exuviae Sacrae Constantinopolitanae» ed. Riant.
- 24) «Chronicon Anonymi Halberstadtensis». ibid.
- 25) «Gesta Innocentii III Papae». Patr. Lat. ed Migne t. 214.
- 26) «Devastatio Constantinopolitana». Chroniques Gréco-Romanes éd. Hopf.
(Согласно съ мнѣніемъ Tessier недавно изслѣдовавшаго этотъ вопросъ, я отношу «Devastatio» къ итальянскимъ источникамъ).
- 27) «Chronicon Martino da Canale». Archivio Storico Ital. t. VIII.
- 28) «Chronicon Andreae Dandoli». Scriptores Rerum Italicarum ed. Muratori t. XII
- 29) «Chronicon Marini Sanuti Torselli». Fontes Rerum Austr., t. XVII.
- 30) «Chronicon Sicardis». Muratori t. VII.
- 31) «Chronicon Pippinis». Muratori t. IX.

походахъ лица, занимавшія папскій престолъ, ревностнѣе всѣхъ старались объ осуществленіи этой идеи, такъ точно и теперь Иннокентій III, лишь только онъ былъ выбранъ главою церкви, сталъ дѣлать замыслы объ освобожденіи Гроба Господни. Всѣ, безъ исключенія, источники согласны въ томъ, что именно Иннокентій III былъ главнымъ организаторомъ войны за Св. Дѣло. Лучшимъ тому доказательствомъ служить его собственная переписка. Большое количество писемъ (до 120 № №) въ періодъ отъ 1198—1204 г. посвящено именно этому предмету. Мы можемъ прослѣдить по нимъ, какъ горячо преслѣдовалъ наша мысль о томъ, чтобы западное и восточное христіанство соединило свои силы для борьбы съ мусульманами, освободило-бы Св. мѣста, поруганныя невѣрными, смыло-бы съ себя святымъ дѣломъ грѣхи, которыми была такъ полна жизнь духовенства и мірянъ. Папскія эн-

32) «Chronicon Ricobaldi Ferrarensis». *ibid.*

33) «Historia Salonitana» Thomae Spalatini. *Scriptores Rerum Hungaricarum* ed. Schwandtner.

34) «Новгородская лѣтопись» въ «Полномъ собраніи русскихъ лѣтописей» т. III. Существуетъ также латинскій переводъ ея, напечатанный въ «Chroniques Gréco-Romanes» éd. Hopf.

35) «Jbn-el-Athir». *Fontes Rer. Austr.* t. XII.

Новѣйшія сочиненія.

- 1) Медовиковъ «Латинскіе императоры въ Константинополѣ». Москва 1849 г.
- 2) Mas Latrie «Histoire de l'île de Chypre». t. I. 1861.
- 3) Hopf «Der vierte Kreuzzug». *Encyclopaedie v. Ersch und Gruber.* Th. 85. Leipzig. 1867.
- 4) Winkelmann «Philipp v. Schwaben und Otto v. Braunschweig». Leipzig 1873.
- 5) N. de Wailly «Villehardouin». 1874.
- 6) P. Riant «Innocent III, Philippe de Souabe et Boniface de Montferrat». *Revue des Questions Historiques.* tt. XVII, XVIII. 1875.
- 7) Klimke «Die Quellen zur Geschichte des IV Kreuzzugs». Breslau. 1875.
- 8) Thomas «Der Doge H. Dandolo und der Lateinerzug gegen Constantinopel». *Allgemeine Zeitung.* Beil. № 356 (22 Dec.). 1875.
- 9) Streit «Venedig und die Wendung des IV Kreuzzuges gegen K. P.» Anklam. 1877.
- 10) Hopf «Bonifaz v. Montferrat und der Troubadour Rambaut v. Vaqueiras». Berlin 1877.
- 11) Hanotaux «Les Vénitiens ont-ils trahi la chrétienté en 1202?». *Revue Historique* t. IV mai-juin. 1877.
- 12) Riant «Le changement de direction de la IV Croisade». *Revue des Questions Historiques.* t. XXIII. janvier. 1878.
- 13) Heyd «Geschichte des Levantehandels im Mittelalter». Stuttgart. 1879. (Существуетъ отличный французскій переводъ. 1885 г.).
- 14) Васильевскій «Критическія и библиографическія замѣтки» (по поводу книги г. Успенскаго). Журн. Мин. Народн. Просвѣщ. т. 204. 1879 г.
- 15) Tessier «La diversion sur Zara et Constantinople». Paris. 1884.
- 16) E. Pears «The fall of Constantinople». London. 1885.

циклики и письма легѣли во всѣ концы Европы. Онъ убѣждалъ обоихъ смертельныхъ враговъ — Филиппа Августа Французскаго и Ричарда Львиное Сердце Англійскаго не губить народъ вѣчными распрями, не истощать своихъ силъ въ братоубійственной войнѣ, а употребить ихъ лучше на Св. дѣло, постараться этимъ загладить свои тяжкія вины и многочисленныя грѣхи. Венгерскаго короля онъ бралъ подъ свое покровительство, обѣщалъ ему заботиться о спокойствіи его земли во время его отсутствія, но за то и торопилъ его съ отъѣздомъ, грозилъ ему отлученіемъ за неисполненіе обѣта. Письма папы доходили и до суровыхъ князей далекой Германіи и до жителей лежавшей на югѣ Сициліи, и въ богатыя итальянскія республики; находившемуся подъ опалой Раймунду, графу Тулузскому, папа предлагалъ искупить свои прегрѣшенія и свое неповиновеніе служеніемъ святому дѣлу. Но и соединенныхъ силъ всего запада Иннокентію казалось слишкомъ мало для борьбы съ могущественными Сарапынами; къ этому предпріятію онъ привлекалъ и Востокъ—прежде всѣхъ Византійскаго императора Алексѣя III; онъ даже прощалъ ему его дерзкія письма ради той помощи, которой можно было ожидать отъ государя, обладавшаго несмѣтными богатствами, многочисленнымъ войскомъ, обширныя владѣнія котораго лежали рядомъ со Св. Землей. Короля Арменіи, склонившагося передъ волею всемогущаго первосвятителя, Иннокентій ободрялъ и побуждалъ къ мужественной оборонѣ противъ невѣрныхъ, отправлялъ къ нему въ его далекую страну своихъ легатовъ, послалъ ему освященное на гробѣ Ап. Петра знамя, подъ сѣнью котораго онъ долженъ былъ поразить мусульманъ. Не менѣе усердно, чѣмъ свѣтскихъ лицъ, привлекалъ папа къ участию въ походѣ и все западное и восточное духовенство. Французскіе, англійскіе, итальянскіе, венгерскіе, шотландскіе, нѣмецкіе, сицилійскіе епископы и аббаты получали отъ папы длинныя посланія, въ которыхъ онъ указывалъ имъ на бѣдственное положеніе Св. Земли, убѣждалъ «ихъ поострить сердца свои мужествомъ, взять въ руки щитъ вѣры, облечь главу шлемомъ спасенія», они, какъ духовные отцы и наставники христіанскаго міра должны первые подать примѣръ благочестія и самоотреченія. Папа приказывалъ имъ отдать извѣстную часть своихъ доходовъ въ пользу святаго дѣла, отказаться отъ роскоши и грѣховныхъ удобствъ, которыми они, вопреки своему званію, наслаждались у себя дома, и если можно, самимъ пойти на войну противъ невѣрныхъ. Походъ требовалъ большихъ средствъ, а между крестоносцами было не мало бѣдныхъ: всѣмъ духовнымъ лицамъ вмѣ-

нялось въ обязанность помогать нуждающимся, ставить въ церквахъ кружки для сбора подаянія; для обсужденія тѣхъ мѣръ, которыя слѣдовало принять для исполненія папскихъ предписаній, духовныя лица должны были собираться на помѣстные соборы. Какъ пастырямъ церковнымъ, имъ приличествовало стоять во главѣ новаго движенія, пропагандировать идею о крестовомъ походѣ между мірянами: «для войны съ невѣрными мужественные воины были нужнѣе слабыхъ священниковъ» и потому каждому изъ послѣднихъ ставилась въ заслугу усердная и удачная проповѣдь. Всякому, взявшему на себя крестъ, обѣщалось отпущеніе грѣховъ; тѣ кто сами не могли идти въ походъ, могли откупиться деньгами, которыя шли-бы на содержаніе немущихъ воиновъ; щедрые жертвователи получали ту-же награду, какъ и участники въ походѣ. Въ тотъ буйный и безпокойный вѣкъ имущество и близкіе тѣхъ, кто находился въ отсутствіи, не могли считаться безопасными отъ насильственныхъ покушеній со стороны хищныхъ сосѣдей, и духовенство брало подъ свое покровительство родственниковъ и имѣніе отсутствовавшихъ, обидчикъ подвергался отлученію. Многихъ удерживали на родинѣ долги: духовнымъ лицамъ вмѣнялось въ обязанность войти въ соглашеніе съ жестокими кредиторами, которые должны были либо совсѣмъ простить долгъ, либо отсрочить его. Война въ Св. Землѣ, какъ думалъ и писалъ самъ папа, не могла быть особенно тяжелой и трудной: у самихъ невѣрныхъ происходили постоянныя междоусобицы. Благочестивые проповѣдники не стѣснялись указывать даже на то, что «Св. Земля, куда собираются идти въ походъ — одна изъ самыхъ плодородныхъ и богатыхъ странъ въ мірѣ, что многіе поправятъ тамъ свое состояніе, вернутся оттуда богатыми людьми»¹⁾. Но если велика была награда тѣхъ, кто жертвовалъ собой или своимъ имуществомъ для освобожденія Гроба Господня, то строгая кара ожидала тѣхъ, кто уклонялся отъ своей обязанности, отъ даннаго разъ обѣта. Виновный подвергался отлученію; духовное лицо лишалось права священнослуженія; только въ крайнихъ, неотложныхъ случаяхъ, когда тому препятствовало старость, болѣзнь, неурядица на родинѣ — въ государствѣ или монастырѣ — разрѣшалось отложить исполненіе обѣта; но и то отказавшійся долженъ былъ найти себѣ замѣстителя. Можно прямо сказать, что завѣтною мечтою Иннокентія III, цѣлью, къ которой онъ неустанно стремился съ тѣхъ поръ, какъ занялъ папскій пре-

1) Guntherus, c. III.

столю, было освобожденіе Св. Земли, походъ противъ невѣрныхъ, возстановленіе господства христіанъ въ Палестинѣ, прежде ими завоеванной и теперь находившейся въ рукахъ Египетскаго султана.

Старанія папы не пропали даромъ. По его приказанію и зову страстные и убѣжденные проповѣдники во всѣхъ концахъ Европы стали убѣждать народъ къ крестовому походу. Foulques de Neuilly и Мартинъ аббатъ монастыря Парижскаго своими пламенными рѣчами старались разжечь религиозный энтузіазмъ западнаго христіанства. Цвѣтъ французскаго и фламандскаго рыцарства, во главѣ котораго стояли Теобальдъ Шампанскій, Людовикъ Блуасскій, Балдуинъ Фландрскій, Симонъ Монфорскій, Hugo de St. Paul, многочисленныя толпы англичанъ, нѣмцевъ и сицилійцевъ, самъ король венгерскій приняли крестъ. Сильнѣе всего движеніе сказалось въ сѣверной Франціи, хотя самъ король отказался отъ участія въ походѣ. Это объясняется тѣмъ, что большинство бароновъ, принявшихъ крестъ, руководствовалось при этомъ и политическими расчетами: перейдя во время англо-французской войны на сторону Ричарда, они, послѣ его смерти, боялись мести со стороны Филиппа-Августа¹⁾. Силы собрались большія, но надо было обсудить и распорядиться, куда и какимъ образомъ ихъ направить. И вотъ, въ продолженіи всего почти 1200 г. во Франціи, наряду съ дѣятельными приготовленіями къ походу, идутъ постоянныя совѣщанія на большихъ собраніяхъ бароновъ о томъ «какъ лучше помочь Св. Землѣ». Наконецъ, на послѣднемъ сеймѣ, собравшемся въ Компьенѣ, порѣшили дѣло такимъ образомъ, что шестеро выборныхъ отъ всего крестовнаго ополченія должны были отправиться въ Венецію и тамъ нанять достаточное для перевозки по морю число кораблей. Посланнымъ давались неограниченныя полномочія заключать договоръ, «какъ имъ покажется лучше»²⁾.

1) Cont. de Guill. de Tyr, Ricobaldo Ferr., Ep. Inn. I, 40, 45.

2) Такъ передаетъ дѣло «Sacramentum punitivum» т. е. самый достовѣрный въ этомъ случаѣ источникъ. Свидѣтельство это поддерживается показаніями «Continuateur de Guill. de Tyr», «Chronique de Morée», «Baudouin d'Avesnes», «Chronicum Gallicum ineditum», «Martino da Canale». Villehardouin рассказываетъ дѣло нѣсколько иначе: онъ передаетъ, что посланнымъ было дано полномочіе выбрать любой изъ портовъ; делегаты совѣтовались между собой и порѣшили ѣхать въ Венецію. Казалось бы, рассказъ Villehardouin'a, какъ одного изъ членовъ посольства, болѣе всѣхъ заслуживаетъ довѣрія; но именно потому, что онъ былъ участникомъ этого дѣла, можно заподозрить, что онъ нѣсколько преувеличиваетъ самостоятельность своей миссіи и свое собственное значеніе. Да и самъ онъ далѣе (№ 18) проговаривается, что «бароны отправили насъ въ Венецію, такъ какъ они знали, что никто не можетъ помочь имъ такъ, какъ можете это сдѣлать вы и вашъ народъ» (т. е. Венеціанцы). Что-же ка-

Собственно говоря, такой маршрут, т. е. переправа по морю, не представляла собою ничего новаго или необычнаго. Правда, крестоносцы въ первый и во второй походъ добрались до Палестины сухимъ путемъ; но бѣдствія и трудности, которыя пришлось претерпѣть Готфриду Бульонскому, Людовику Французскому, а въ столь недавнее время и Фридриху Барбароссѣ, были еще у всѣхъ на памяти, уже Ричардъ Львиное Сердце и Филиппъ Августъ во время III крестоваго похода предпочли краткій и безопасный путь по морю долгимъ и гибельнымъ странствованиямъ черезъ мало-азійскія пустыни, и опытъ послѣднихъ годовъ доказалъ, что они выбрали благую часть. Венеція же была выбрана пунктомъ отправленія потому, что, по выраженію официального «*Sacramentum nuntiorum*», «никто не могъ принести болѣе пользы Св. Землѣ, нежели это могъ сдѣлать Генрихъ Дандоло дожъ Венеціанскій». Здѣсь ясно выражена мысль, что причина предпочтительнаго выбора Венеціи передъ другими приморскими городами была чисто практическая: Венеція обладала дѣйствительно большимъ флотомъ; кораблей у нея должно было хватить на всѣхъ, и богатая республика безъ затрудненія и промедленія была въ состояніи всегда выставить достаточное число судовъ¹⁾. Къ тому-же надо замѣтить, что путь изъ Венеціи на Востокъ былъ прямѣе и короче, нежели изъ какаго-либо другаго порта, лежавшаго на Западѣ Апенинскаго полуострова, такъ какъ не приходилось огибать далеко выдающуюся на югъ Италію.

Осенью 1200 года выбранные шесть делегатовъ, въ числѣ которыхъ былъ и маршалъ графа Шампанскаго — Villehardouin, отправились въ Венецію и весною (въ февралѣ) 1201 г. прибыли туда. Послѣ нѣкоторыхъ проволочекъ и довольно долгихъ переговоровъ былъ заключенъ контрактъ (*pacte de nolis*) на слѣдующихъ условіяхъ: Венеціанцы обязывались снарядить достаточное количество судовъ для перевозки 4500 всадниковъ съ ихъ лошадьми, 9000 щитоносцевъ и 20,000 человекъ пѣхоты. Корабли предоставлялись въ распоряженіе крестоносцевъ на годъ со дня отплытія; и люди, и лошади полу-

сается «Robert de Clari», то онъ дѣлаетъ крупную ошибку, указывая на фактъ отправки посольства въ Венецію: онъ утверждаетъ, что отправлены были послы по совѣту Бонифація; очевидно, авторъ спуталъ хронологическій ходъ событій; а «*Annulus Halberstadtensis*» передаетъ даже о томъ, что въ числѣ пословъ былъ самъ Бонифацій. Остальныя, менѣе подробныя хроники ограничиваются лишь передачей извѣстія о приѣздѣ пословъ въ Венецію.

1) Villeh. № 14, Alberic. Mon. Trium Font., Chron. de Morée.

чали во время плаванія содержаніе отъ Венеціанцевъ. Крестоносцы, со своей стороны, обязывались уплатить Венеціанцамъ 85,000 серебряныхъ марокъ, т. е. выходило по 2 марки съ человѣка и по четыре съ каждой лошади; сумма эта выплачивалась въ разсрочку, но уже до дня отъѣзда она должна была быть уплаченной сполна. Все то, что во время похода могло быть добыто силою меча или въ силу договора, должно было дѣлиться поровну между крестоносцами и Венеціанцами ¹⁾).

Условія, какъ мы видимъ, были далеко не легкія; но самымъ обременительнымъ и неудачно составленнымъ пунктомъ договора былъ тотъ, по которому крестоносцы обязывались заплатить сполна за все количество кораблей, указанное въ договорѣ, уплатить за нихъ даже въ томъ случаѣ, если-бы ополченцы собрались не въ полномъ составѣ; такимъ образомъ могло случиться (и дѣйствительно случилось), что прибывшіе на мѣсто сбора должны были расплачиваться не только за себя, но и за отсутствовавшихъ ²⁾. Собраться крестоносцы должны были въ Венеціи, въ Апрѣлѣ 1202 года.

Теперь оставалось рѣшить вопросъ — въ какое именно мѣсто слѣдуетъ крестоносному ополченію направить свой путь, гдѣ легче всего можно было-бы нанести рѣшительный ударъ владычеству невѣрныхъ и тѣмъ самымъ освободить Св. Землю и отомстить за Гробъ Господень. Уже Ричардъ Львиное Сердце высказывалъ ту мысль, что походъ въ Египетъ, въ самое сердце мусульманскихъ владѣній, гораздо цѣлесообразнѣе, нежели обычные дотогѣ походы въ самую Палестину ³⁾. А въ данное время были какъ разъ нѣкоторыя причины, которыя прямо побуждали крестоносцевъ цѣлью своего похода избрать именно Еги-

1) Таковъ договоръ, который сохранился и дошелъ до насъ, приведенный въ Венеціанской хроникѣ *Andreae Dandoli* (приведенный у *Tafel u Thomas* подъ названіемъ *Ratum Balduini etc.*) и передаваемый *Villehardouin*. Показанія другихъ источниковъ нѣсколько разнятся отъ этихъ свидѣтельствъ: Въ «*Hist. Salonitana*» *Фомы Спалатскаго*, въ «*Морейской Хроникѣ*» и «*Chron. Gallic. ined.*» упоминается меньшее количество войска. За то у *Rob. de Clari* численность ополченія показана въ 4000 всадниковъ и 100,000 пѣхоты. Въ такое же преувеличеніе въпадаетъ и *Никита Акоминать*.

2) *Tessier* напрасно старается оправдать *Villehardouin*. Что посланные назначили извѣстную плату съ каждой головы и что имъ иначе и нельзя было поступить, какъ назначить извѣстный минимумъ кораблей, который-бы должна была выставить республика — это совершенная правда. Но спрашивается, почему *Villehardouin* и его товарищи не могли включить въ договоръ дополнительную статью, по которой они отказывались-бы платить за непривывшихъ? Скажутъ, что *Villehardouin* не могъ этого предвидѣть; но именно въ этомъ непредвидѣніи и заключается его вина.

3) *Chron. Gallic. ineditum*.

петь. Между наследниками великаго Саладина царствовали постоянныя смуты, и ослабленные внутренними междоусобицами Сарацыны не могли дать сильнаго отпора большимъ боевымъ силамъ могучаго ополченія¹⁾. Къ тому присоединялось и то, что Египетъ страдалъ тогда отъ голода; Нилъ, который своими разливами оплодотворялъ всю страну, уже 5 лѣтъ не выходилъ изъ береговъ; слѣдствіемъ засухи былъ неурожай и можно было надѣяться легко овладѣть страной, истощенной междоусобицами и обезлюдѣвшей отъ голода и бѣдности²⁾.

1) Inn. Ep. II, 251; II, 270; II, 271; V, 43.

2) Надо замѣтить, что относительно этого рѣшенія отправиться въ Египетъ источники даютъ довольно скудныя извѣстія. О немъ упоминаютъ лишь Villehardouin, Guntherus, Robert de Clari, Cont. de Guill. de Tyr, Chron. Gall. ined., Baudouin d'Avesnes, Gesta и Ep. Inn.; подробно-же излагаютъ причины такого рѣшенія только папскіе источники и Guntherus. Остальные ограничиваются общою фразою о томъ, что въ Египтѣ можно было сдѣлать болѣе всего зла Сарацынамъ. Менѣе подробныя хроникеры говорятъ только о томъ, что ополченіе пошло «*oultre-mer*», «*ad subsidium Terrae Sanctae*».

И вотъ Tessier полагаетъ, что между крестоносцами произошло разногласіе по поводу того, ѣхать-ли прямо въ Палестину или сперва въ Египетъ: это разногласіе и было одною изъ важнѣйшихъ причинъ постоянныхъ ссоръ и непрочности ополченія. Начальники именно, понимавшіе политическія и военныя выгоды предпріятія, стояли за походъ на Александрію; мелкій-же людъ, боявшійся неизвѣстности и считавшій святотатствомъ какое-бы то ни было отклоненіе отъ прямого пути въ Св. Землю, стремился прямо въ Іерусалимъ. Доказательствомъ этого служить молчаніе *paste de polis*, который ничего не говоритъ объ Египтѣ, а только упоминаетъ, что пойдутъ «*oultre-mer*». Такое умолчаніе является преднамѣреннымъ, чтобы не раздражить нежелавшихъ похода на Египетъ. Этимъ именно раздраженіемъ узнавшихъ о тайномъ направленіи похода и объясняется то, что Фламандцы уѣхали изъ своихъ портовъ, вѣкторые французы изъ Марсели, другіе-же уже изъ сѣв. Италіи не пристали къ крестоносцамъ въ Венеціи, а уѣхали «*en Pouille*». Существованіе двухъ партій — «Египетской» и «Сирийской» продолжалось до самаго отплытія изъ Корфу. На это есть указаніе у Villehardouin: «*Bel seignog*», отвѣчаютъ «Египтяне» аббату Cîteaux, «*en Surie ne poez vos rien faire.. Et sachez que par la terre de Babiloine ou par Grece iert rescovtée la terre d'oltremer*... Но, какъ мнѣ кажется, Tessier напрасно придаетъ такое значеніе этому вопросу: никакого раздора по этому поводу не существовало. Прямого указанія на подобнаго рода разногласія и раздоръ нѣтъ нигдѣ, а противное указаніе мы находимъ у «Gunther'a «*omnes ino consensu in hoc convenerant, ut petentes Alexandriam... divinae virtutis experirentur potentiam*». Да и самыя доводы, приводимыя Tessier, кажутся мнѣ неосновательными. Неужели въ тотъ вѣкъ приключеній и любви къ далекимъ, воинственнымъ предпріятіямъ походъ въ Египетъ могъ испугать простыхъ крестоносцевъ, одинъ изъ представителей которыхъ — R. de Clari, по собственному признанію Tessier, «любилъ приключенія, немного за тѣ выгоды, которыя они могутъ дать, а больше за тѣ волненія и впечатлѣнія, которыя можно получить отъ нихъ» (р. 129). Чего-же, въ самомъ дѣлѣ, было бояться такимъ «желѣзнымъ» людямъ: они должны были радоваться увидать новыя страны. Точно также крестоносцамъ нечего было бояться, что походъ на Египетъ будетъ святотатственнымъ дѣяніемъ: не кто другой, а самъ папа, т. е. намѣстникъ Христа на землѣ, одобрялъ походъ въ Египетъ. Совѣсть самыхъ боязливыхъ могла быть покойной на

Договоръ былъ заключенъ, цѣль похода опредѣлена: требовалось только добиться одобренія и согласія папы, и, по свидѣтельству Villehardouin, «папа сдѣлалъ это весьма охотно». Это объясняется, конечно, не любовью папы къ Венеціанцамъ; нѣтъ, папа не любилъ «этотъ народъ, занятый только мореплаваніемъ и торговлей», но и онъ, какъ и крестоносцы, зналъ, что лучшія средства для перевозки ополченія можно было найти въ богатой республикѣ. Этотъ вопросъ объ утвержденіи договора папой вызвалъ споръ въ новѣйшей историографіи. Riant и Napotaux стоятъ противъ свидѣтельства Villehardouin, утверждая, что папа неохотно подтвердилъ знаменитый *pacte de polis* и лишь долженъ былъ примириться съ совершившимся фактомъ, чтобы долже не отсрочивать похода; Tessier-же утверждаетъ, что слова Villehardouin истинны. Первые ученые доказываютъ свое мнѣніе тѣмъ, что при натянутыхъ отношеніяхъ, существовавшихъ между куріей и республикой, папа не могъ охотно видѣть соглашенія благочестиваго ополченія съ торгашами, доставлявшими невѣрнымъ оружіе и снаряды противъ христіанъ. Опираясь на свидѣтельство R. de Clari, Riant полагаетъ, что папа охотнѣе согласился-бы на договоръ крестоносцевъ съ Пизанцами или Генуэзцами. Одинъ изъ папскихъ источниковъ — *Gesta* — свидѣтельствуеъ о томъ, что Иннокентій, опасаясь коварства жадныхъ Вене-

этотъ счетъ. Такимъ обр. мы видимъ, что самая причина недовольства походомъ на Египетъ оказывается не существующей. Факты-же, указанные Tessier, можно объяснить совершенно иначе. Фламандцы имѣли свои порты и корабли: зачѣмъ имъ было ѣхать въ Венецію и платить за перевозъ? Французамъ, поѣхавшимъ черезъ Марсель, было удобно отправиться изъ этого порта, такъ какъ не приходилось переваливать черезъ Альпы; а крестоносцы, ушедшіе «en Pouille» т. е. въ Калабрию, ушли къ славному вождю Gauthier de Brienne, тоже предпринявшему своего рода крестовый походъ противъ приверженцевъ Филиппа Швабскаго и собиравшемуся идти потомъ на выручку Св. Земли. Что-же касается *pacte de polis*, то въ него нечего было включать имени страны, куда ѣхали. Крестоносцы не могли сами знать этого навѣрное, да еще за цѣлый годъ до отплытія. У Венеціанцевъ нашли суда «ad subsidium T. S.» и только; они-же были обязаны доставить ополченіе, куда имъ прикажутъ, чего нельзя было-бы сдѣлать, если-бы оказалась особая статья о мѣстѣ назначенія. И несмотря на все желаніе Tessier видѣть въ войскѣ двѣ партіи, «Сирийскую», которую онъ не совсѣмъ ясно отождествляетъ съ папскою, и «Египетскую», мы ровно нигдѣ не находимъ въ источникахъ такого дѣленія. Даже приведенный текстъ изъ Villehardouin мало что доказываетъ. Диссидентамъ на Корфу или что-то тоже, папской партіи, было рѣшительно все равно—идти-ли въ Сирію или въ Египетъ: и то, и другое разрѣшалось папой; имъ только не хотѣлось идти на Константинополь. Предполагаемые-же сторонники «Египетской» партіи вовсе не такъ желали идти на Александрію. Если-бы въ этомъ они видѣли такую-же выгоду, какъ и въ походѣ на Византію (а это явствуетъ изъ текста Villehardouin), то они, несомнѣнно, выбрали-бы первый исходъ, какъ согласный съ видами папы. Такимъ образомъ мнѣ кажется, что «la vérité surabondamment établie» Tessier нуждается еще въ подтвержденіи.

цанцевъ, поставилъ такія условія для своего согласія, что Венеціанцы не могли на нихъ согласиться; вотъ этотъ текстъ: *Ipse (papa) vero, quod futurorum esset praesagens, caute respondit, quod conventiones illas ita duceret confirmandas, ut videlicet ipsi (Veneti) christianos non laederent... Veneti autem sub hoc tenore recipere noluerunt*¹⁾. Что папа и Венеціанцы были далеко не въ ладахъ—это истинная правда, и Tessier напрасно старается опровергнуть этотъ фактъ²⁾. Но все дѣло въ томъ, что эти нехорошія отношенія не могли помѣшать папѣ утвердить договоръ. Объ этомъ говорятъ сами *Gesta*: папа не обращалъ вниманія на прошедшее,—онъ боялся только будущаго (*praesagens futurorum*). Вѣдь, въ сущности, и съ Пизанцами, и съ Генуэзцами дѣло обстояло не лучше³⁾. Такъ откуда-же могли-бы тогда крестоносцы взять корабли, если-бы дурныя отношенія были достаточной причиной для неутвержденія договора? Да и на какомъ основаніи, справедливо замѣчаетъ Tessier, могъ договоръ возбудить подозрѣніе папы? Вѣдь въ то время, т. е. весною 1201 г. не могло быть и рѣчи объ отклоненіи похода на Задръ и Константинополь. А что касается текста «*Gesta*», то Tessier подвергаетъ его чрезвычайно остроумному и удачному анализу. Папа, какъ мы видѣли, не желалъ утвердить договора въ виду своего «предчувствія о будущемъ» (*futurorum praesagens*, «и это-то слово представляетъ собою какъ-бы цѣлое откровеніе»). Авторъ исторіи Иннокентія III писалъ, конечно, не по мѣрѣ слѣдованія событій, а уже послѣ смерти папы, и вотъ «онъ передаетъ мнѣніе папы о договорѣ подъ впечатлѣніемъ взятія Задра и похода на Византію, т. е. приписываетъ папѣ въ апрѣлѣ 1201 г. чувства и мнѣнія, которыя у того были въ 1202—3 гг.». Это предположеніе подтверждается тѣмъ, что текстъ *Gesta* представляетъ собой разительное сходство съ текстомъ письма Иннокентія III отъ 1202 г., въ которомъ онъ, послѣ взятія Задра, запрещалъ крестоносцамъ нападать на христіанскія земли⁴⁾.

1) *Gesta Innoc.* с. 88.

2) Доказательства Tessier, основанныя на томъ, что папа, запретивъ Венеціанцамъ торговать оружіемъ, позволилъ имъ производить торговлю другими предметами и этой льготой показалъ особенное благоволеніе къ республикѣ, и что Венеціанцы сами были готовы повиноваться приказаніямъ и зову папы, принявъ крестъ въ 1198 и 1201 гг., не заслуживаютъ, конечно, большого вниманія.

3) *Ep. Inn.* I, 555; II, 433; VII, 147; *Gesta* с. 26.

4) *Ut ipsi christianos non laederent, nisi forsitan iter eorum illi nequiter impedirent, vel alia causa justa vel necessaria forsitan accideret, propter quam aliud agere non possent apostolicae sedis legati consilio accedente* (*Ep.* V, 161). Буква въ букву находимъ мы тоже въ вышеупомянутой главѣ *Gesta* (с. 88).

Замѣтимъ при этомъ, что за Riant и Hanotaux стоитъ одинъ только сомнительный текстъ «Gesta», тогда какъ Tessier приводитъ несравненно болѣе важныя и многочисленныя свидѣтельства: Villehardouin ¹⁾, Devastatio, одинъ изъ самыхъ достовѣрныхъ, самыхъ лучшихъ источниковъ той эпохи и во всякомъ случаѣ не пристрастный къ Венеціанцамъ ²⁾, а, главное, свидѣтельство самого папы, который съ радостью привѣтствовалъ заключеніе договора 1201 г. ³⁾. Какъ мнѣ кажется, Tessier вѣрнѣ освѣтилъ этотъ спорный пунктъ, нежели его предшественники.

Исполнивъ свое порученіе, посланные возвратились на родину. Но дома ихъ ждало большое горе. Теобальдъ Шампанскій, выбранный главою крестоноснаго ополченія и бывший какъ бы душою всего предпріятія, опасно захворалъ и, вскорѣ послѣ ихъ возвращенія—24 мая 1201 г., скончался. Крестоносцы оставались безъ вождя; приступили къ избранію новаго, и послѣ отказа герцоговъ Бургундскаго и графа Барскаго выборъ, по желанію Филиппа-Августа и по предложенію Villehardouin, палъ на Бонифація, маркиза Монферратскаго. Въ іюнѣ 1201 г. онъ былъ выбранъ на сеймѣ, собравшемся въ Суссонѣ. Спрашивается, почему-же выборъ палъ не на одного изъ могущественныхъ графовъ, принявшихъ участіе въ походѣ, а на иностраннаго владѣтельнаго князя, который ни по своимъ силамъ, ни по своей личной извѣстности не стоялъ выше природныхъ французскихъ бароновъ? Вопросъ этотъ дѣйствительно вызвалъ недоумѣнія въ новѣйшей историографіи. Извѣстный издатель Villehardouin'a N. de Wailly полагаетъ, что очень многіе французскіе крестоносцы были недовольны выборомъ «Ломбардскаго маркиза, имени котораго они, быть можетъ, и не слыхали», и что слѣдствіемъ этого недовольства было нежеланіе многихъ служить подъ его командой и отплытіе части крестоносцевъ изъ другихъ портовъ, а не изъ Венеціи. Но какъ мы видѣли, эта преждевременная разрозненность ополченія объясняется другими причинами. Riant стоитъ на другой точкѣ зрѣнія: онъ полагаетъ, что Бонифацій былъ выбранъ по настоянію Филиппа Швабскаго, который хотѣлъ имѣть его своимъ орудіемъ въ ополченіи; по рекомендаціи-же Филиппа Швабскаго Филиппъ-Августъ настоялъ на выборѣ Бонифація. Но все дѣло въ томъ, что о германскомъ вмѣшательствѣ

1) (L'apostolle) conferma ceste convenance; et il le fist mult volontiers (№ 31).

2) Hopf. Chron. Gréco-Rom. p. 87.

3) Archives de l'Orient Latin t. I, p. 388.

мы не имѣемъ ни одного свидѣтельства изъ источниковъ; рекомендація-же французскаго короля легко объясняется его родственными и дружественными сношеніями съ маркизомъ¹⁾. Гораздо проще и понятнѣе объясняетъ дѣло Tessier. Французскихъ графовъ, при всемъ ихъ могуществѣ, извѣстности и силѣ, неудобно было выбрать въ вожди ополченія, такъ какъ они въ англо-французской войнѣ стояли на сторонѣ Ричарда и законный ихъ сюзерень, король французскій, могъ отказать въ своей санкціи. А самъ Бонифацій вовсе не былъ такою неизвѣстною, темною личностью, какъ это предполагаетъ N. de Wailly. Уже извѣстный Норфъ въ своемъ, правда, нѣсколько тяжеловѣсномъ очеркѣ²⁾ показалъ, что маркизь былъ однимъ изъ популярнѣйшихъ людей своего времени. Къ этому присоединились и другія обстоятельства (на чтò главнымъ образомъ и обратилъ вниманіе Tessier), а именно постоянныя, крѣпкія связи и популярность маркизовъ Монферратскихъ на Востокѣ; отецъ Бонифація — Вильгельмъ Старый участвовалъ въ роковой битвѣ при Тиверіадѣ; братъ его — Вильгельмъ Длинный Мечъ былъ графомъ Яфскимъ и Аккаронскимъ; другой братъ его, Конрадъ, прославился своими геройскими подвигами, когда онъ одинъ осмѣлился выступить противъ страшнаго Саладина. Къ этому присоединилось и то, что Бонифацій, ловкій полтикъ, былъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ папой, который нѣсколько разъ давалъ ему щекотливыя дипломатическія порученія. Какъ мы видимъ, Бонифацій и самъ по себѣ, безъ посторонней поддержки, имѣлъ достаточно шансовъ, чтобы быть выбраннымъ главою цѣлаго ополченія.

Все гѣто, осень и зима 1201 года прошли въ приготовленіяхъ къ походу. Наконецъ, послѣ долгихъ проволочекъ и промедленій весной 1202 г. крестоносцы начали выступать въ походъ. Сборнымъ пунктомъ была назначена Венеція, но собирались чрезвычайно неаккуратно и мѣшкотно. Правда, большинство главныхъ вождей въ началѣ іюня были уже на мѣстѣ³⁾, но изъ громаднаго числа крестоносцевъ многіе предпочли избрать другой путь: Фламандцы уѣхали черезъ свои порты, многіе уѣхали черезъ Марсель или итальянскіе прибрежные города⁴⁾. Результатомъ такого отсутствія единодушія между кресто-

1) Villehardouin № 42.

2) B. v. Montferrat und der Troubadour R. v. Vaqueiras.

3) Ep. V, 46.

4) Villeh. № 48, 49, 50, 54; Chron. Rob. Altiss.

носцами было то, что прибывшіе въ Венецію не могли выполнить возложенныхъ на нихъ по контракту обязательствъ. Венеціанцы, со своей стороны, добросовѣстно соблюли условія: даже враждебные имъ источники признають, что республика выставила хорошо снаряженный, большой флотъ. Кораблей и транспортныхъ судовъ Венеціанцы выставили столько, сколько слѣдовало по договору на полное количество войска; сообразно съ этимъ количествомъ судовъ были ими затрачены и деньги, и они имѣли полное право требовать отъ крестоносцевъ уплаты всей суммы, обозначенной въ контрактѣ. Между тѣмъ, вслѣдствіе отсутствія многихъ изъ крестоносцевъ, не прибывшихъ въ Венецію, число плательщиковъ уменьшилось и на каждого изъ прибывшихъ на мѣсто сбора падала гораздо большая сумма, нежели предполагалось раньше. Вполнѣ понятно, что у крестоносцевъ не хватило денегъ на уплату. Несмотря на то, что наиболѣе богатые изъ нихъ пожертвовали всѣмъ своимъ имуществомъ, они остались должны Венеціанцамъ довольно крупную сумму денегъ — до 36,000 марокъ. Положеніе крестоносцевъ становилось далеко не завиднымъ: ихъ уже раньше, при самомъ ихъ прибытіи въ Венецію, переправили на маленькій островъ Св. Николая и держали тамъ взаперти. Надо полагать, что Венеціанцы сдѣлали это не съ какимъ-либо преднамѣреннымъ умысломъ стѣснить и сдѣлать невозможнымъ ихъ положеніе и тѣмъ или разстроить походъ, или заставить страдавшихъ воиновъ согласиться на всякія условія, но просто потому, что для такой большой массы народа, какъ ополченіе, не нашлось-бы помѣщенія въ городѣ; да къ тому-же въ тотъ вѣкъ войска, хотя-бы то были и крестоносцы, не могли особенно похвалиться дисциплиной; голодная, недисциплинированная толпа могла произвести большіе безпорядки въ богатомъ и благоустроенномъ городѣ. Пока у крестоносцевъ водились деньги, имъ, если вѣрить Villehardouin, жилось не особенно плохо и на о. Св. Николая «Венеціанцы продавали имъ всего въ изобиліи», но когда истощились средства, то измѣнилось къ нимъ и отношеніе падкихъ на наживу торгашей; ополченію приходилось голодать; при плохомъ питаніи и скученности помѣщенія въ жаркое лѣтнее время появились даже заразные болѣзни, а между тѣмъ ѣхать было нельзя, такъ какъ Венеціанцы не давали кораблей до уплаты всего долга. Въ сущности, при всей своей жесткости, требованія Венеціанцевъ были совершенно законны и упреки Дандоло крестоносцамъ за нарушеніе контракта, какъ передаетъ ихъ R. de Clari, были вполнѣ заслужены.

Такъ тянулись дѣла цѣлыхъ 2 мѣсяца: оставаться долѣе было нельзя, такъ какъ жить было нечѣмъ, а ѣхать дальше не пускали Венеціанцы, и вотъ многіе не выдержали искуса и, не исполнивъ своего обѣта, дезертировали и возвратились на родину. Съ своей стороны и Венеціанцы хорошо видѣли, что изъ крестоносцевъ больше ничего не выжмешь, а между тѣмъ ополченіе грозило разойтись и тогда пропали бы остальные деньги. Къ тому-же, какъ справедливо указывалъ Дандоло, въ случаѣ, если-бы походъ разстроился, то и папа, и вся католическая Европа свалили-бы всю вину на Венеціанцевъ. Надо было устроить дѣло такъ, чтобы избѣжать «скандала» и вмѣстѣ съ тѣмъ охранить свои собственные интересы — и вотъ Геврихъ Дандоло, «весьма разумный и мудрый мужъ», по единогласному свидѣтельству всѣхъ источниковъ, придумалъ чрезвычайно остроумную и практическую комбинацію: онъ, съ согласія всего народа, согласился отсрочить крестоносцамъ уплату остальной суммы, но подъ тѣмъ условіемъ, чтобы они помогли Венеціанцамъ завоевать лежавшій на Адриатикѣ городъ Задра. Съ такими большими силами, какія представляли собою соединенныя силы крестоноснаго ополченія и Венеціанскаго флота, можно было почти навѣрное разсчитывать на успѣхъ. Грабежъ штурмомъ взятаго города далъ бы богатую добычу, и побѣдителямъ-крестоносцамъ было бы чѣмъ выплатить свой долгъ¹⁾. Такой оборотъ дѣла представлялъ, во всякомъ случаѣ, огромныя выгоды для Венеціанцевъ: со взятіемъ Задра они могли разсчитывать, что получаютъ деньги, слѣдующія имъ по договору, да и самое взятіе города было выгодно само по себѣ въ двоякомъ отношеніи: они, по условію, получали половину добычи и, что самое важное, наносили рѣшительный ударъ непокорному городу, отдавшемуся подъ власть венгерскаго короля. Венеціанскія хроники и Тома Спалатскій подробно развиваютъ тѣ причины, которыя заставили Венеціанцевъ отправиться въ походъ противъ Задра, разсказываютъ о томъ, какъ мѣшали пираты изъ Задра Венеціанской торговлѣ, какъ высокомерно относились они къ гордой республикѣ, какъ укрывали у себя еретиковъ; дерзкіе Далматинцы осмѣлились даже

1) Собственно говоря, по источникамъ не совѣмъ ясно представляется: должны-ли были крестоносцы послѣ взятія Задра все-таки заплатить свой долгъ, или-же долгъ этотъ прощался имъ за ихъ помощь и содѣйствіе. Приходится скорѣе склониться на сторону перваго предположенія, т. к. за него стоятъ большее количество источниковъ и притомъ болѣе вѣскіе изъ нихъ, а именно: Villehardouin, R. de Clari, Chron. Gall. ined., Anon. Halberstadtensis, за вторую-же версію—Continuateur de Guillaume de Tyr, Chronique de Morée и Chronicon Sanuti Torselli.

Византийскій Временникъ.

окружить свой городъ стѣнами. Съ другой стороны, и крестоносцамъ ничего не осталось дѣлать, какъ только согласиться на предложеніе Венеціанцевъ; только подъ этимъ условіемъ соглашались послѣдніе дать корабли для переѣзда въ Св. Землю: отказъ былъ равносильнъ разстройству всего похода. Бароны дорожили своей честью и имъ казалось лучше претерпѣть бѣдствія и подвергнуться опасности, нежели измѣнить данному слову. Къ тому-же всякое военное предпріятіе, сулившее славу и добычу, было на руку суровымъ и воинственнымъ людямъ того времени. Правда, папа не могъ потерпѣть, чтобы крестоносное ополченіе нападало и грабило христіанъ, но крестоносцы считали, что для святителя будетъ бѣльшимъ огорченіемъ видѣть разрушеніе своей завѣтной мечты, нежели узнать о взятіи одного только города. Чтобы успокоить и внушить довѣріе крестоносцамъ, не желавшимъ, понятно, загребать для Венеціанцевъ жаръ одними своими руками, а можетъ быть, и для того, чтобы самому имѣть возможность наблюдать и руководить дѣйствіями невольныхъ союзниковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы умилостивить папу, дожъ и половина Венеціанцевъ приняли крестъ, исполняя такимъ образомъ обѣтъ, данный ими еще въ 1198 г.

Но въ общемъ, конечно, согласіе, данное крестоносцами на совмѣстный походъ подъ Задръ, было вынужденнымъ; дано оно было противъ воли, потому что того требовали обстоятельства. Всѣ источники безъ исключенія (кромѣ, разумѣется Венеціанскихъ) свидѣтельствуютъ, что крестоносцы «*necessitate compulsi*» ¹⁾, «*obnoxii et subjecti*» ²⁾, «*inviti*» ³⁾, были, какъ признаетъ самъ папа, «*non propria voluntate, sed necessitate coacti*» ⁴⁾, «*contra voluntatem*» ⁵⁾, «*coacti*» ⁶⁾, на такое дѣло «*qu'ils ne devaient faire*» ⁷⁾, передъ которымъ они сами «*violenter abhorrebant*», которое имъ казалось «*crudelis et nefaris*» ⁸⁾. Согласились они только потому, что «*ils se voyaient entre les mains des Venetiens*» ⁹⁾, да и то «*post multas impeditiões*» ¹⁰⁾, «*post utriusque partis animadvertiõnem*» ¹¹⁾. Даже среди высшихъ слоевъ ополченія, руководившихся болѣе политическими расчетами и не такъ боявшихся гнѣва папы, предложеніе Венеціанцевъ встрѣтило сильную оппозицію: «Венеціанцы настаивали на своемъ предложеніи, а крестоносцы энергически отказывались», повѣствуетъ правдивый Guntherus. Страхъ-же передъ сопротивленіемъ нисшихъ слоевъ ополченія былъ такъ великъ, что «про-

1) Ann. Col. Max. 2) Monach. Trium Font. 3) Anon. Laudun. 4) Ep. V, 162. 5) Bernard. Thesaur. 6) Anon. Suess. 7) R. de Clari. 8) Guntherus. 9) Chron. Gall. ined. 10) Robert. Altiss. 11) Ann. Halberstadtens.

стой людѣ оставили даже въ невѣдѣніи¹⁾: знали о цѣли похода лишь вожди»²⁾). Этимъ первоначальнымъ невѣдѣніемъ и объясняется, что тотчасъ-же послѣ перваго предложенія Дандоло, ни слова не упомянушаго о самомъ Задрѣ, а лишь предложившаго крестоносцамъ заплатить долгъ Венеціанцамъ изъ добычи, которая впоследствии будетъ взята, — этимъ невѣдѣніемъ, говоримъ мы, и объясняется радость крестоносцевъ, выразившаяся въ иллюминаціи лагеря, о которой упоминаетъ R. de Clari, въ этомъ случаѣ совершенно достовѣрный источникъ. Только впоследствии и то одни вожди, какъ мы видѣли, узнали, что цѣлью похода будетъ Задрѣ. Но смутные, нехорошіе слухи все-таки носились по лагерю; началось недовольство и дезертирство; глухое броженіе все усиливалось, особенно послѣ прибытія въ Венецію папскаго легата Петра Капуано. Онъ прибылъ 22 іюля 1202 г. по порученію папы, чтобы, какъ духовный пастырь, направлять походъ и наблюдать за нимъ. Но Венеціанцы были не таковы, чтобы изъ-за запрещенія Иннокентія и угрозъ легата жертвовать своими выгодами: они выпроводили легата, объявивъ послѣдному, что готовы взять его съ собой въ качествѣ проповѣдника, но что въ руководителѣ они не нуждаются. Еще два года спустя папа не могъ безъ гнѣва и негодованія вспомнить о безбожномъ поступкѣ жадныхъ торгашей³⁾). Крестоносцы, привыкшіе къ благоговѣйному почтенію и безусловному преклоненію передъ властью папы, были поражены такимъ поступкомъ, выходящимъ изъ круга ихъ понятій. О легатѣ, который облегчилъ и утѣшилъ страждущихъ и жившихъ въ тѣснотѣ и болѣзняхъ, они сохранили лучшія воспоминанія, но господами положенія были все-таки Венеціанцы, и легатъ «обезчещенный» съ жалобами на непокорныхъ республиканцевъ возвратился въ Римъ. Можно прямо сказать, что виновниками измѣненія въ направленіи похода, а именно похода подъ Задрѣ, были Венеціанцы, которые воспользовались своимъ положеніемъ и бѣдностью крестоноснаго войска; безъ нихъ даже вождямъ ополченія не пришло-бы въ голову такъ круто уклониться отъ своего первоначальнаго пути. Что крестоносцы «Франки» имѣли все-таки намѣреніе освободить Св. Землю, доказывается тѣмъ, что, согласившись помочь Венеціанцамъ при взятіи Задра, они поставили непремѣннымъ условіемъ, чтобы, по окончаніи этого похода, ихъ все-

1) R. de Clari XIII.

2) Dev. CPolitana.

3) Ep. VII, 18; ib. 200.

такъ перевезли въ Египетъ и дали возможность исполнить объѣтъ ¹⁾. Жестокое, неумолимое обращеніе Венеціанцевъ въ то время, когда крестоносцы, истощивъ всѣ свои средства, были заперты и содержимы какъ плѣнники на о. Св. Николая, вызвало среди людей того вѣка всеобщую репробацію, а непочтительное, почти грубое нарушеніе приказаній Иннокентія III, неуваженіе къ Петру Капуано, полномочному легату первосвятителя, возмутили религіозное чувство тогдашнихъ людей. Хроники того времени сваливаютъ всю вину неудачи похода на Венеціанцевъ и въ самомъ неблагопріятномъ свѣтѣ выставляютъ ихъ отношеніе къ довѣрившимся имъ крестоносцамъ, авторы же монастырскихъ анналовъ, задѣтые за живое безцеремоннымъ поведеніемъ республики относительно папы, не жалѣютъ рѣзкихъ словъ и нелестныхъ эпитетовъ по адресу «хитрыхъ и исполненныхъ ядомъ торгашей» ²⁾.

Но сильнѣе всего негодованіе и досада были въ самой Палестинѣ, въ уцѣлѣвшихъ еще тамъ христіанскихъ владѣніяхъ. Положеніе послѣднихъ, послѣ страшныхъ ударовъ, нанесенныхъ имъ Саладиномъ, было по истинѣ критическимъ. IV-же крестовый походъ приносилъ желанное избавленіе и помощь: могучее ополченіе объѣздало не только очистить Сирію отъ невѣрныхъ, но и совсѣмъ раззорить ихъ гнѣздо въ Египтѣ. И вдругъ, по почину и винѣ Венеціанцевъ, это долгожданное, многообѣщавшее ополченіе вмѣсто того, чтобы направиться въ Египетъ, уклоняется отъ своего пути и направляется въ сторону — къ Задру, а затѣмъ и совсѣмъ прекращаетъ свое движеніе подъ стѣнами Константинополя, оставивъ восточныхъ христіанъ на жертву мусуль-

1) Villehardouin, Gunther, Ghron. Gall. ined., Cont de Guill. de Tyr, R. de Clari, M. San. Torsell., Chron. com. Gbisenensium.

2) «Prospicientes ex ducis consilio Veneti studuerunt» (Hist. Salon.); «Veneti callidi et perversi» (Mon. Trium Font.); «callide cogitantes» (Chron. Alberici); «fraude et nequitia Venetorum» (R. de Cluny); «Les Vénitiens furent très contents, lorsqu'ils virent les croisés mal à l'aise» (Cont. de Guill. d. T.); «peregrini multas patiuntur molestias» (Robert. Altian.); «per malitiam Venetorum» (Anon. Laudun.). «Personne ne vous donnera à boire et à manger» — такъ угрожаетъ Дандоло крестоносцамъ у R. de Clari. Авторъ «Devastationis» въ яркихъ краскахъ описываетъ бѣдствіе крестоносцевъ и безчеловѣчіе Венеціанцевъ. «Post multa impedimenta, quae in Venetia passiferunt» мѣтко опредѣляетъ своимъ ужаснымъ латинскимъ языкомъ Guillaume de Nangis положеніе крестоносцевъ на о. Св. Николая. «Les croisés eurent grand content avec les Vénitiens» (Chron. de Morée). «Nec naves intrare nec retro regredi cruce signati potuerunt» (Anon. Sues.); «tanquam captivos in insula B. Nicolai Veneti eos detinent» (Anon. Halberst.). Только Венеціанскіе хроники, да An. Monachi S. Georgii — тоже Венеціанецъ, и еще Villehardouin не говорятъ о жестокости Венеціанцевъ.

манамъ. Вполнѣ понятно, что чѣмъ сильнѣе были одно время надежды, тѣмъ горше было потомъ разочарованіе, тѣмъ больше упрековъ посыпалось на голову тѣхъ, кто былъ тому виною. Авторъ восточной христіанской хроники не задумывается даже прямо высказывать свою увѣренность въ томъ, что Венеціанцы преднамѣренно отвлекли крестоносцевъ въ сторону отъ первоначальной, намѣченной ими цѣли, и что по договору съ Египетскимъ султаномъ они обязались не допустить крестоносцевъ на Востокъ. У Ernoul'a, Etacles'a, Bernardus Thesaurarius (это въ сущности списки съ небольшими разночтеніями съ одного источника) подробно рассказывается о томъ, какъ Египетскій султанъ Малекъ-Адель, испугавшись грознаго нашествія, заключилъ съ Венеціанцами договоръ, по которому послѣдніе обязывались задержать и отклонить крестоносцевъ отъ похода на Египетъ, а султанъ со своей стороны даровалъ имъ за это различныя торговыя льготы въ Александріи и большую сумму денегъ. И въ самомъ дѣлѣ, какъ поведеніе Венеціанцевъ вообще, такъ и поступки ихъ въ 1202 г. въ частности давали основательные поводы держаться такимъ постыднымъ для нихъ подозрѣніямъ. Мы уже видѣли, въ какія близкія сношенія съ невѣрными принуждены были стать Венеціанцы, какъ приходилось имъ лавировать между христіанскимъ Западомъ и мусульманскимъ Востокомъ. Несомнѣнно, что Венеціанцы, у которыхъ стремленіе обезпечить свои торговыя интересы брало верхъ надъ слабымъ религіознымъ чувствомъ, могли только желать того, чтобы походъ на Египетъ не состоялся, и люди того времени, возьмемъ хотя бы для примѣра Иннокентія III, отлично понимали ихъ фальшивое положеніе. А поведеніе Венеціанцевъ въ 1202 г. давало богатую пищу подозрѣніямъ. Они какъ-бы намѣренно дурно обращались съ крестоносцами, чтобы заставить ихъ разойтись, оттягивали походъ до тѣхъ поръ, пока не настала осень и переправа по морю въ Египетъ стала почти невозможной вслѣдствіе частыхъ и сильныхъ осеннихъ бурь; они выпроводили присланнаго къ нимъ легата съ тѣмъ, чтобы имѣть возможность безконтрольно распоряжаться по своему. Всѣ эти обстоятельства вмѣстѣ взятыя такъ сильно говорили противъ нихъ, что увѣренность въ ихъ измѣнѣ святому дѣлу распространилась не только на Востокъ, гдѣ были сильно раздражены противъ нихъ, но и на Западъ Европы. Balduinus Constantinopolitanus, Baudouin d'Avesnes на сѣверѣ, Ricobaldo Ferragese на югѣ въ томъ-же дурномъ смыслѣ, какъ и восточныя хроники, отзываются о поведеніи Венеціан-

цевъ ¹⁾. И въ новѣйшей литературѣ вопросъ о томъ, заключили-ли Венеціанцы договоръ съ Египетскимъ султаномъ или нѣтъ, вызвалъ оживленную полемику и горячіе споры.

До шестидесятихъ годовъ этого столѣтія никакого спора по этому вопросу не поднималось. Руководясь, главнымъ образомъ, показаніями Villehardouin и Gunther'a, всѣ историки IV крестоваго похода стояли на той точкѣ зрѣнія, которую со своей нѣсколько старомодной, но ясной манерой высказалъ Медовиковъ: «Дальновидные спекулянты приняли участіе въ крестовомъ походѣ, и войско крестоносцевъ послужило имъ орудіемъ для ихъ честолюбивыхъ замысловъ — для завоеванія враждебной имъ Цары». Но договоръ между Венеціанцами и Малекъ-Аделемъ, упомянутый у «Продолжателя Вильгельма Тирскаго» и приведенный у Мишо, является «извѣстіемъ сомнительнымъ и невѣроятнымъ». Съ этой точки зрѣнія всѣ событія IV крестоваго похода объясняются «теоріей случайностей», какъ назвалъ ее Riant. По этой теоріи все произошло просто и случайно, какъ и описываетъ все дѣло Villehardouin, главный и лучший источникъ по исторіи этого похода: крестоносцы собрались въ путь, наняли корабли въ Венеціи, но у нихъ не хватило денегъ, и поэтому они были принуждены согласиться на предложеніе Венеціанцевъ пойти на Задръ; преднамѣренной же измѣны со стороны Венеціанцевъ, сложной политической интриги тутъ нѣтъ и въ поминѣ.

Но съ 1861 г. съ появленіемъ на свѣтъ крупнаго историческаго труда «Histoire de l'île de Chypre», принадлежавшаго перу извѣстнаго французскаго ученаго Mas-Latrie, постановка вопроса совершенно измѣняется. Mas-Latrie уже не считаетъ «невѣроятнымъ и сомнительнымъ» извѣстіе о договорѣ Венеціанцевъ съ Малекъ-Аделемъ, а открыто стоитъ за вѣроятность и правдивость этого извѣстія. Свое обвиненіе Mas-Latrie основываетъ на характерѣ и поведеніи вообще Венеціанцевъ, которые свои торговые интересы ставили выше религіозныхъ. Измѣна-же ихъ во время IV крестоваго похода объясняется вполне понятно: имъ надо было для своей торговли поддерживать мирныя сношенія съ Сарацеными. Обвиненіе опирается на показаніи вос-

1) Я вмѣстѣ съ графомъ Ріаномъ стою за то, что западныя хроника вообще не были рабскою копіею или отголоскомъ восточной, ихъ отзывы объясняются, по моему, совокупностью тѣхъ условій, которыя я только что изложилъ. Riant вполне правильно указываетъ на то, что Balduinus CPolitanus напр. не могъ быть копіей съ Cont. de Guill. de Тур, такъ какъ послѣдняя хроника закончена въ 1231, а первая — ранѣе 1214 г.

точного лѣтописца «Продолжателя Вильгельма Тирскаго» Ernoul'a, который лучше и ближе, нежели официальный рассказчикъ этого похода Villehardouin, могъ проникнуть замыслы Венеціи. Къ свидѣтельству Ernoul'a присоединяется и «косвенное» доказательство, почерпнутое изъ разсмотрѣнія договоровъ, заключенныхъ между султаномъ и республикой. Договоры эти Mas-Latrie относитъ къ 1205—1217 гг. Торговья большія льготы, которыя даются Венеціанцамъ по этимъ договорамъ, были наградой за ихъ измѣнническое поведеніе въ 1202 г. Mas-Latrie не входитъ въ ближайшее разсмотрѣніе ни времени заключенія договора, ни самыхъ документовъ, на которыхъ онъ опирался въ своихъ обвиненіяхъ, такъ какъ это не входило въ его задачу. Но чтó здѣсь важно, это то, что мѣсто «теоріи случайностей» занимаетъ здѣсь «теорія преднамѣренности», по которой походъ подъ Задръ былъ вызванъ не случайно, а былъ «задолго задуманнымъ и хорошо обдуманнѣмъ планомъ со стороны Венеціанцевъ».

Еще рѣшительнѣе высказался за «теорію преднамѣренности» извѣстный византиянистъ Норф, подтвердившій своимъ высокимъ, тогда неоспоримымъ авторитетомъ обвиненіе Mas-Latrie противъ Венеціанцевъ. Увѣреннымъ и не терпящимъ сомнѣнія тономъ Норф категорически заявляетъ, что онъ «наконецъ въ состояніи выяснитъ этотъ темный пунктъ». Венеціанцы 13 мая 1202 г. черезъ пословъ своихъ Доменико Микіэли и Марино Дандоло заключили въ Каирѣ съ Малекъ-Аделемъ договоръ, по которому они обязывались отвлечь крестоносцевъ отъ похода на Египетъ, а имъ за то предоставлялись важныя торговья привилегіи. Для ратификаціи договора былъ посланъ въ Венецію эмиръ Сеадъ-Эддинъ и египетская торговля погубила святое дѣло крестоносцевъ. Никакихъ доказательствъ, взятыхъ изъ текстовъ, для подтвержденія своего мнѣнія Норф не приводитъ. Онъ даже не упоминаетъ объ обвиненіяхъ враждебныхъ Венеціанцамъ хроникъ: договоръ, заключенный въ такихъ ясныхъ выраженіяхъ, въ такое подходящее время рѣшаетъ все. Но дѣло въ томъ, что Норф не приводитъ текста этого договора, не упоминаетъ, гдѣ отыскалъ его, ничѣмъ не оправдываетъ своей датировки. Приходилось думать, что Норф во время своихъ 13-лѣтнихъ изысканій по разнымъ архивамъ открылъ новый договоръ. Не смотря на всю свою бездоказательность, мнѣніе Норфа, благодаря его огромному ученому авторитету, сразу почти поставило «теорію преднамѣренности» на степень научной истины.

Слабую попытку защитить старую точку зрѣнія сдѣлалъ N. de Wailly, извѣстный издатель Villehardouin. Противъ договоровъ Венеціанцевъ съ султаномъ онъ, конечно, ничего не могъ сказать по недостатку матеріаловъ, и всѣ его усилія направлены къ тому, чтобы доказать преимущество Villehardouin, котораго онъ считаетъ лучшимъ и главнымъ источникомъ по исторіи IV-го крестоваго похода, надъ восточнымъ хроникеромъ Ernoul'емъ. По его мнѣнію Шампанскій повѣствователь, принимавшій дѣятельное участіе во всѣхъ тогдашнихъ событіяхъ, постоянно бывшій на мѣстѣ дѣйствій, близко стоявшій къ главнымъ предводителямъ ополченія, посвященный во всѣ тайны ихъ политики, является болѣе знающимъ и правдивымъ свидѣтелемъ, нежели восточный хроникеръ, писавшій лишь по слухамъ, раздраженный отклоненіемъ похода и потому крайне партійный. Но какъ ни была блестяща и хороша защита «перваго творца французской прозы», а громкое имя и рѣшающій авторитетъ Норґа стояли за упомянутымъ имъ договоромъ и въ общемъ во мнѣніи ученаго міра Венеціанцы измѣнили христіанству въ 1202 г.

Выразителемъ этого общаго мнѣнія явился графъ Riant, который всею силою своей эрудиціи и блестящаго литературнаго таланта поддержалъ и распространилъ нѣсколько затерянное въ обширной энциклопедіи мнѣніе Норґа. Riant обратилъ вниманіе не только на договоръ Венеціанцевъ съ Малекъ-Аделемъ, но и на показаніе извѣстныхъ уже раньше источниковъ — на показаніе восточныхъ и западныхъ хроникъ. Въ отвѣтъ на защиту Villehardouin, сдѣланную N. de Wailly, Riant замѣчаетъ, что маршалу Шампанскому вовсе нельзя вѣрить такъ безусловно, не потому, чтобы онъ плохо зналъ дѣло, а потому, что онъ является какъ-бы официальнымъ рассказчикомъ, представителемъ высшихъ классовъ ополченія, вошедшихъ въ соглашеніе съ Венеціанцами и поддерживавшихъ ихъ виды. И противъ Villehardouin сообщеніе Ernoul'а вовсе не стоитъ одиноко: бельгійскія хроники и итальянская лѣтопись Ricob. Ferrarese прямо говорятъ объ измѣнѣ Венеціанцевъ, а Иннокентій III и Guntherus крайне недоброжелательно относятся къ нимъ. Тѣмъ не менѣе самъ Riant признаетъ, что соединенныхъ доказательствъ всѣхъ этихъ хроникъ не достаточно: «Вопросу объ измѣнѣ Венеціанцевъ суждено-бы оставаться въ закодированномъ кругу и онъ, пожалуй, разрѣшился-бы скорѣе въ пользу Villehardouin, если-бы не было найдено въ архивахъ документальнаго доказательства, которое подтвердило-бы обвиненіе Ernoul'я». Этотъ

долго жданный, рѣшающій дѣло документъ наконецъ нашелся — это тотъ самый договоръ отъ 13 мая 1202 г., о которомъ говоритъ Норф. Текстъ договора, правда, не изданъ, «но неоспоримый авторитетъ Норфа замѣняетъ для меня всякую гарантію», не колеблясь сознается французскій ученый, «такъ какъ авторъ столькихъ добросовѣстныхъ трудовъ стоитъ выше какихъ-бы то ни было подозрѣній». Впрочемъ, и самъ Riant допускалъ мысль, что Норф, быть можетъ, не находилъ никакого новаго документа, но посредствомъ нѣкоторыхъ конъектуръ открылъ точную датировку венеціанскаго договора, уже напечатаннаго у Tafel и Thomas въ «Fontes Regum Austriacarum» (XIII). Riant самъ пытается указать тотъ путь, по которому могъ пойти Норф. Именно: въ напечатанномъ документѣ года не дается, а дается лишь число мѣсяца по христіанскому и арабскому счисленію — 19 Schaban Mensis Martii. 19 Schaban не приходится въ мартъ въ 1202 г., но если допустить часто встрѣчающееся разночтеніе Mensis Madji вмѣсто Martij, то 19 Schaban приходится какъ разъ на 14 мая 1202 г., разница всего на одинъ день. «Теорія преднамѣренности» нашла себѣ въ лицѣ Riant крестнаго отца, горячаго защитника и талантливаго распространителя; бездоказательное обвиненіе Норфа было принято на вѣру безъ колебаній и только впоследствии пришлось французскому ученому каяться въ своемъ слишкомъ большомъ довѣрїи и преклоненїи передъ авторитетомъ Норфа.

Этотъ авторитетъ былъ нѣсколько поколебленъ тѣмъ самымъ ученымъ Thomas, который вмѣстѣ съ Tafel'емъ издалъ въ Fontes Regum Austriacarum договоръ Венеціанцевъ съ Малекъ-Аделемъ. Не то, чтобы Thomas отрицалъ измѣну Венеціи; совсѣмъ напротивъ: онъ считаетъ, что «ея существованіе и будущность зависели отъ того, удастся-ли ей отклонить крестоносцевъ отъ Египта или нѣтъ, и геній ея дожа исполнилъ это съ удивительною ловкостью». Точно также, какъ и для Норфа главнымъ доказательствомъ своего мнѣнія Thomas выставляетъ «тѣ шесть привилегій», которыя сдѣлались извѣстны по его собственному изданію, и «эти привилегїи могли быть даны только за выходящія изъ ряду вонъ услуги» — этой услугой и была измѣна 1202 г. Но надо замѣтить, что Thomas вовсе не стоитъ за датировку Норфа, который не могъ привести никакихъ доказательствъ въ пользу своего мнѣнія. По мнѣнію же Thomas, тоже ничѣмъ собственно не доказанному, «привилегїи эти были даны тотчасъ-же или непосредственно послѣ великой Константинопольской катастрофы», другими

словами эти привилегіи не были включены въ какой-либо договоръ до похода, а были наградой Венеціанцамъ «за ихъ необыкновенныя услуги». Показаніями-же хроникъ, враждебныхъ Венеціанцамъ, Thomas не пренебрегаетъ, подобно Норф'у; они только имѣютъ для него второстепенное значеніе, служатъ какъ-бы подтвержденіемъ того, что высказано въ договорѣ, и ни въ коемъ случаѣ не являются «простыми слухами и извѣстіями».

Все ту-же защиту «теоріи предумышленности» ведетъ и нѣмецкій историкъ Streit, но несмотря на то, что точка зрѣнія Норф'а торжествуетъ, его авторитетъ падаетъ все ниже. Дѣло въ томъ, что Streit сдѣлался счастливымъ обладателемъ бумагъ покойнаго Норф'а, и онъ могъ во-очію убѣдиться, что никакого новаго договора знаменитый византинистъ не открывалъ, что онъ пользовался лишь напечатанными у Tafel'я документами, съ тѣмъ только прибавленіемъ, что самовольно поставилъ ихъ подъ точную дату и измѣнилъ имена венеціанскаго уполномоченнаго Петра Микіэли въ Доменико и египетскаго эмира Faid-Eddin'a въ Said-Eddin'a. Но если Норф и не правъ въ датировкѣ документа, то его точка зрѣнія все-таки остается правильной. Договоръ не былъ заключенъ 13 мая 1202 г., но во всякомъ случаѣ до похода на Константинополь. Венеціанскіе послы Петръ Микіэли и Марино Даволо отправились въ Каиръ и сообщили султану о поведеніи Венеціанцевъ, отклонившихъ такую грозу отъ Египта. Въ награду за это Малекъ-Адель и далъ имъ большія торговыя привилегіи. Когда-же именно былъ заключенъ договоръ—этого съ точностью сказать нельзя. Streit его относитъ все-таки къ 1203 году, хотя не приводитъ никакихъ основательныхъ причинъ для такой датировки. Все, что онъ можетъ сказать—это слѣдующее: въ 1203 г. кончался срокъ 5-лѣтняго перемирія между восточными христіанами и султаномъ; торговыя сношенія Венеціанцевъ могли-бы прекратиться, когда на помощь восточнымъ христіанамъ пришло-бы могучее крестоносное ополченіе, способное надолго затянуть войну; было самое время предупредить султана, страна котораго тогда сильнѣе всего страдала отъ голода и который вслѣдствіе своего стѣсненнаго положенія съ радостью далъ громадныя льготы услужившимъ ему Венеціанцамъ. Во-вторыхъ, по тексту договора можно видѣть, что взятіе Задра и отклоненіе туда похода (*quae nobis significastis* т. е. султану) побудило султана дать Венеціанцамъ торговыя привилегіи, но что походъ еще не былъ направленъ на Константинополь, такъ какъ дожъ взялся оказать еще

услугу султану (*de vestris agendis*), т. е. окончательно отклонить походъ въ сторону, только послѣ того, какъ султанъ далъ уже привилегіи. Доказательства, какъ мы видимъ, весьма шаткія и слабыя и врядъли на неопредѣленныхъ выраженіяхъ текста можно строить такую точную, смѣлую гипотезу: тѣмъ болѣе, что датировка документа 19 *Schaban Mensis Martii* остается, а это число *Schaban* въ мартѣ 1203 г. не приходится. *Hanotaux* въ послѣдствіи имѣлъ полное право удивляться, откуда взялъ *Streit* свою датировку.

Выходъ на свѣтъ статьи *Hanotaux* былъ поворотнымъ пунктомъ въ разсмотрѣніи занимающаго насъ вопроса; «теорія предумышленности» была стерта въ прахъ, авторитету Норґа нанесенъ смертельный ударъ и вновь восторжествовала «теорія случайностей». Первымъ дѣломъ, *Hanotaux* старается совершенно уронить значеніе *Egnoull*'я, но, въ сущности, его доказательства являются не болѣе, какъ повтореніемъ того, что раньше сказалъ *N. de Wailly*. И *Hanotaux* находитъ, что свидѣтельство, данное подъ вліяніемъ досады и гнѣва, уже по тому самому подозрительно; къ тому-же надо сказать, прибавляетъ *Hanotaux*, что восточный лѣтописецъ слышалъ о происшествіяхъ въ Венеціи и подъ Задромъ отъ отдѣлившихся отъ главной арміи вождей, вродѣ графа Монфорскаго, аббата *de Vaux-de-Cerpaux* и другихъ, т. е. отъ людей, крайне враждебно относившихся къ Венеціанцамъ и къ самому отклоненію похода. Помимо-же *Egnoull*'я только два источника говорятъ объ измѣнѣ Венеціанцевъ — это *Baudouin d'Avesnes* (авторъ *Chron. gall. ined.*) и *Chron. Comitum Flandrensiū*. Но первый изъ нихъ не болѣе какъ отчасти списокъ, отчасти компиляція съ *Egnoull*'я и *Villehardouin*'а и въ вопросѣ объ измѣненіи въ направленіи онъ держится версіи *Egnoull*'я. Что-же касается второго источника, то «составленный вдали отъ происходившихъ событій, переполненный ошибками и легендами, онъ не заслуживаетъ ни малѣйшаго довѣрія». А въ противоположность этимъ тремъ «не заслуживающимъ довѣрія» источникамъ, остальные хроники рассказываютъ совершенно другое. Не только очевидцы похода, какъ *Villehardouin* и *R. de Clari*, но даже и противники Венеціи, какъ папа, Гунтеръ, Альберихъ, аббатъ *de Vaux-de-Cerpaux*, ничего не говорятъ объ измѣнѣ Венеціанцевъ, а эти сторонники оппозиціи не преминули-бы обличить ненавистную имъ республику въ этомъ постыдномъ поступкѣ, если-бы таковой былъ совершенъ. Съ другой стороны арабскіе историки, которымъ нечего было-бы скры-

вать существованіе договора между Малекъ-Аделемъ и Венеціанцами не обмолвились ни единымъ словомъ объ этомъ договорѣ.

Слѣдовательно остается одно доказательство противъ Венеціанцевъ—это знаменитый договоръ, заключенный Петромъ Микіали и Марино Дандоло и надѣлавшій столько шуму въ новѣйшей историографіи: его-то разборъ и составляетъ главную часть статьи Napotaux, и разборъ этотъ, надо сказать, составленъ крайне тщательно и умѣло. Договоръ носитъ чисто торговый характеръ и заключаетъ въ себѣ 4 части. Въ первой изъ нихъ перечисляются договаривающіяся стороны—дожъ и султанъ, со всѣми пышными титулами восточной лести и дипломатіи, упоминаются знакомыя намъ имена пословъ Петра Микіали и Марино Дандоло, даются по договору льготы на нѣкоторыя ввозныя пошлины и на основаніе фундука (нѣчто вродѣ факторіи) и наконецъ приводится дата: die decima nona Saben Mensis Martii. Остальные три части служатъ какъ-бы дополненіемъ первой: египетскому флоту дается приказъ охранять Венеціанскихъ купцовъ, дается право торговать безъ стѣсненій по всей землѣ Египетской и, наконецъ, приводятся нѣкоторыя подробности объ устройствѣ фундука. Къ какому-же времени относится договоръ? Въ текстѣ годъ не приведенъ. Норфъ утверждаетъ, что заключенъ онъ былъ 13 мая 1202 г., хотя при этомъ онъ не можетъ привести никакихъ доказательствъ. Новаго документа Норфъ не находилъ, какъ это выяснилъ компетентный въ этомъ случаѣ Streit; да и врядъ-ли подобный документъ существуетъ, иначе и Mas-Latrie и Tafel, усердно рывшіеся въ венеціанскихъ архивахъ, отыскали-бы его; вѣдь найдены-же подобные договоры отъ 1215, 1225 и 1252 гг. Къ тому-же Норфъ, относя заключеніе договора къ 13 мая 1202 г. въ Каирѣ и его утвержденіе эмиромъ Сеадъ-Эддиномъ въ Венеціи къ іюлю 1202 г.¹⁾, дѣлаетъ совершенно невозможныя предположенія. Заключеніе договора не могло послѣдовать 13 мая въ Каирѣ, по той простой причинѣ, что, по свидѣтельству арабскаго историка Абуль-Феды, у котораго хронологическій распорядокъ разсказа безупреченъ, Малекъ-Адель въ то время былъ не въ Египтѣ, а въ Сиріи. Не менѣе невѣроятно предположеніе о поѣздкѣ Сеадъ-Эддина (правильно Faïd-Eddin, какъ показалъ это Streit) въ Венецію. Вѣдь въ такомъ случаѣ эмиръ высадился-бы въ городѣ въ то время, когда тамъ собрались кресто-

1) Май—іюль какъ разъ то время, которое потребовалось-бы Сеадъ-Эддину для переправы изъ Египта въ Венецію.

носцы; неужели послѣдніе потерпѣли-бы это и неужели враждебные Венеціанцамъ писатели не упомянули-бы о такомъ явномъ предательствѣ Венеціанцевъ, да и неужели послѣдніе такъ неосторожно обставили-бы все дѣло?

Такимъ образомъ Napotaux, подкрѣпивъ вѣскими соображеніями сомнѣнія Thomas и показанія Streit'a, доказалъ, что Норфъ воспользовался извѣстнымъ уже документомъ, напечатаннымъ у Tafel и Thomas, и совершенно произвольно и, что главное, невѣрно отнесъ договоръ къ 13 мая 1202 г. Ложность этой даты подтверждается еще свидѣтельствомъ того-же арабскаго историка Абульфеда, который утверждаетъ, что Малекъ-Адель началъ наименовать себя «царемъ царей» и «другомъ главы правовѣрныхъ» только съ 1207 г., а именно этими громкими титулами и изукрашенъ извѣстный намъ договоръ. Установивъ ложность датировки Норф'a, Napotaux пытается установить настоящее время заключенія договора. Данныя для этого слѣдующія. Договоръ не могъ быть заключенъ позже 1218 г., такъ какъ въ этомъ именно году умеръ заключавшій его султанъ Малекъ-Адель. Подходя еще ближе, мы найдемъ, что 19 Schaban, число мѣсяца приведенное подъ документомъ, падаетъ въ царствованіе Малекъ-Аделя на мартъ мѣсяцъ (мѣсяцъ, когда былъ заключенъ договоръ) только три раза — это 31 марта 1206 г., 21-го марта 1207 г. и 9-го марта 1208 г., а такъ какъ султанъ принялъ вышеупомянутый титулъ только въ августѣ 1207 г., то скорѣе всего можно отнести договоръ къ 9-му марту 1208 г. Къ этой-же датѣ приводятъ насъ и имена Венеціанскихъ пословъ, которые въ то время занимали важные посты въ восточныхъ венеціанскихъ владѣніяхъ и скорѣе и удобнѣе всѣхъ могли сноситься съ султаномъ. Правда, можно возразить, что если договоръ и заключенъ въ 1208 г., привилегія, тамъ упомянутыя, могли быть даны за услуги, оказанныя въ 1202 г. Такъ думалъ напр. Maz-Latrie. На зачѣмъ, спрашивается, было Венеціанцамъ дожидаться цѣлыхъ 6 лѣтъ своей награды? Да и въ самомъ договорѣ сказано «*vestris agendis*», т. е. привилегія даются Венеціанцамъ за ихъ будущія услуги или за обѣщанія, а не за прошедшее.

Теперь, разъ ни восточные, ни западные источники не имѣютъ большой цѣны, разъ договора за 1202 г. не существуетъ — гдѣ-же доказательства измѣны Венеціанцевъ, что дѣлается съ «теоріей предумышленности»? Она, какъ полагаетъ Napotaux, должна исчезнуть и уступить мѣсто старой «теоріи случайностей».

Защитникамъ первой теоріи оставалось сложить оружіе и, по возможности, ослабить свое поражение. Это и постарался сдѣлать Riant въ своей статьѣ отъ 1878 г. Послѣ вѣскихъ доказательствъ Napotaux, датировка Норґа оказалась совершенно несостоятельной и главное доказательство измѣны Венеціанцевъ — ихъ договоръ съ Малекъ-Аделемъ не имѣетъ подъ собою реальной почвы. Riant вполне сознаетъ это и безжалостно относится къ своему бывшему союзнику, оказавшемуся такъ сильно побитымъ: онъ не задумывается обвинять покойнаго нѣмецкаго ученаго въ намѣренномъ обманѣ и передѣлкѣ именъ. Но совсѣмъ сдаться Riant не захотѣлъ и совершилъ свое отступленіе такъ искусно, что послѣднее слово осталось за нимъ. Прежде всего онъ однимъ ударомъ уничтожаетъ датировку самого Napotaux: договоръ не могъ быть заключенъ 9 марта 1208 г., такъ какъ Марино Дандоло, одинъ изъ венеціанскихъ уполномоченныхъ, былъ въ Венеціи въ февралѣ этого года. Даты-же 1206 г. и 1207 г. по признанію самого Napotaux невѣрны, такъ какъ въ это время султанъ еще не носилъ титула «Rex regum». Такимъ образомъ время заключенія договора остается совершенно неизвѣстнымъ и, пока что, узнать ее невозможно. Съ другой стороны, показанія восточныхъ и западныхъ хроникеровъ, враждебныхъ Венеціанцамъ, вовсе не такъ лишены значенія, какъ это думаетъ Napotaux. Ernoul, въ сущности, остается однимъ изъ главныхъ источниковъ по исторіи IV-го крестоваго похода и показанія его ни въ коемъ случаѣ нельзя отрицать. А показаніе Ernoul'я является далеко не одинокимъ. Napotaux сводитъ остальные источники, поддерживающіе обвиненіе Ernoul'я, къ двумъ—Baudouin d'Avesnes и Balduinus Constantinopolitanus, и оба они являются лишь списками съ восточнаго хроникера. Но во-первыхъ, какъ справедливо замѣчаетъ Riant, есть еще двѣ итальянскія хроники—Pirripino и Ricobaldo Ferrarese, и если Baudouin d'Avesnes и является, быть можетъ, спискомъ съ Ernoul'я, то этого ни въ коемъ случаѣ нельзя сказать про Balduinus Constantinopolitanus. Во многихъ частностяхъ рассказъ одной хроники совершенно разнится отъ рассказа другой, и къ тому-же, какъ мы сказали выше, хроника Ernoul'я была закончена лишь въ 1231 г., тогда какъ Balduinus былъ составленъ раньше 1214 г. А что касается до достовѣрности сообщенія послѣдняго, то оно вовсе не такъ мало, какъ хочетъ доказать это Napotaux. Старые издатели Dom Martin и Bethmann ставили его очень высоко, считая его хорошимъ историческимъ источникомъ.

Въ какомъ-же видѣ представляется теперь весь вопросъ? Знаменитый договоръ, относящійся неизвѣстно къ какому времени, никакого значенія не имѣетъ; остаются лицомъ къ лицу лишь противорѣчивыя показанія различныхъ хроникъ того времени, большинство которыхъ, правда, стоятъ на сторонѣ Венеціанцевъ. Но какъ-бы то ни было, вопросъ снова замыкается «въ заколдованный кругъ, изъ котораго пѣтъ исхода», и Riant откровенно заявляетъ, что до открытія новыхъ документовъ въ этомъ кругу онъ «больше вертѣться не станетъ».

Казалось-бы съ благоразумнымъ совѣтомъ Riant весь этотъ вопросъ о преимуществѣ одной «теоріи» надъ другой, объ измѣнѣ или правотѣ Венеціанцевъ, окончательно зарытъ и погребенъ до новыхъ архивныхъ изысканій. Но оказалось не то: ученые разныхъ національностей продолжали спорить надъ злополучнымъ вопросомъ. Защитникомъ «теоріи случайностей» первый выступилъ Heud. Новаго послѣ Napotaux и Riant онъ ничего не сказалъ и ничего не прибавилъ къ разъясненію спорнаго пункта. Доводы его все также вертятся около показаній враждебныхъ Венеціи хроникъ, которымъ онъ не придаетъ большой цѣны и считаетъ «только собраніемъ слуховъ, циркулировавшихъ тогда на Востокѣ», и около знаменитаго договора, который лишенъ даты и на основаніи котораго ни въ коемъ случаѣ нельзя обвинять Дандоло. Наиболее вѣроятной датой заключенія договора Heud считаетъ 1218 г.

Точно также и французскому ученому Tessier, выступившему въ своемъ обширномъ трудѣ защитникомъ «теоріи случайностей», не удалось сказать ничего новаго по этому поводу. Онъ и самъ сознаетъ это и потому постарался ввести въ споръ новый элементъ: онъ стремится доказать, что Венеціанцы и не могли измѣнить святому дѣлу, такъ какъ они до самаго похода были въ отличныхъ отношеніяхъ съ папой. Мы уже видѣли, что доказательства Tessier по поводу полного мира и согласія, царившаго между куріей и республикой, далеко не неопровержимы; но если даже допустить, что такое совершенное согласіе и существовало, то это не доказываетъ еще невозможности измѣны со стороны Венеціанцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь не изъ благочестія или благоговѣнія передъ папой слушались-бы они его, не изъ желанія помочь Св. Землѣ отправились они въ походъ. Самъ Tessier признаетъ, что въ этомъ случаѣ они дѣйствовали изъ-за практическихъ цѣлей, что это имъ было выгодно; противное было-бы совершенно не согласно съ тѣмъ, что извѣстно вообще о поведеніи Венеці-

анцевъ и объ ихъ поступкахъ во время крестовыхъ походовъ въ частности. Положимъ, имъ могло быть выгодно до 1202 г. поддерживать хорошія отношенія съ папой, но имъ могло быть еще выгоднѣе нарушить эти отношенія въ 1202 г. (что они и сдѣлали, взявъ Задръ) и извлечь большую пользу отъ мусульманъ. Приходится сознаться, что и послѣ доводовъ Tessier положеніе вопроса объ измѣнѣ Венеціанцевъ остается все тѣмъ-же, какимъ оставилъ его Riant.

Послѣднимъ, запоздалымъ и, надо сказать, самымъ неудачнымъ защитникомъ «теоріи предумышленности» выступилъ въ 1885 г. Pears. Въ своихъ доказательствахъ онъ очень мало обращаетъ вниманія на извѣстіе современныхъ источниковъ: онъ упоминаетъ о нихъ только между прочимъ, не входя даже въ разсмотрѣніе вопроса объ ихъ происхожденіи или степени достовѣрности. Центръ тяжести доказательства лежитъ у него въ договорѣ, заключенномъ между султаномъ и Венеціанцами 13 мая 1202 г.; это — договоръ, найденный Норфомъ, положенный имъ въ основаніе разсужденія въ Энциклопедии Ersch и Gruber, но потомъ, къ несчастію, затерянный. Pears словно игнорируетъ всю литературу по этому вопросу, не обращаетъ никакого вниманія на статьи Streit'a, Hanotaux, Riant, Heyd'a и Tessier; Норфъ продолжаетъ служить для него незыблемымъ авторитетомъ, о который сокрушаются всѣ направленные противъ него доказательства. По этому у Pears фигурируетъ и датировка 13 мая 1202 г. и нигдѣ не упоминаемый Sead-Eddin и венеціанскій посоль «Доменико» Микіэли, о которомъ не имѣется ровно никакихъ извѣстій. «Привилегіи Пизанцевъ и Генуэзцевъ въ Константинополѣ должны были быть уравновѣшены привилегіями Венеціанцевъ въ Египтѣ, и цѣною измѣны христіанству было куплено ихъ торжество». Единственное возраженіе, которымъ Pears удостоиваетъ защитниковъ противной теоріи, а именно Hanotaux, относится къ невозможному приѣзду Sead-Eddin'a въ іюль 1202 г. въ Венецію. Крестоносцы, замѣчаетъ Pears, могли и не замѣтить эмпра среди множества иностранцевъ толпившихся въ Венеціи, или сами Венеціанцы могли его скрыть. Pears забываетъ, что то былъ не простой путешественникъ, а полномочный посоль султана, и надо предполагать какую-то необыкновенную слѣпоту и безпечность въ крестоносцахъ, чтобы думать, что они не видѣли или не слышали о такомъ важномъ происшествіи. Надо сознаться, что Riant былъ тысячу разъ правъ, когда совѣтовалъ до открытія новыхъ документовъ, изъясняющихъ дѣло, не «входить въ безвыходный заколдованный кругъ», въ

которомъ дѣйствительно и пришлось «вертѣться» всѣмъ позднѣйшимъ изслѣдователямъ этого темнаго вопроса.

1 Октября 1202 г. ¹⁾ венеціанскій флотъ вмѣстѣ съ посаженными на корабли крестоносцами отплылъ изъ Венеціи. Забравъ по пути нѣсколько городовъ, союзники только 10 ноября прибыли подъ Задръ ²⁾ и тотчасъ-же стали готовиться къ осадѣ. Несмотря на сильный гарнизонъ и возведенныя недавно укрѣпленія жители не осмѣлились противопоставить силу силѣ, а рѣшились дѣйствовать путемъ переговоровъ. Они чувствовали себя въ своемъ правѣ, хорошо зная, что венгерскій король, принявшій также крестъ, находился подъ особымъ покровительствомъ папы; у нихъ, кромѣ того, были письма отъ Иннокентія, въ которыхъ онъ запрещалъ крестоносцамъ чинить обиды христіанамъ и имъ въ частности. Папѣ еще до прибытія крестоносцевъ подъ Задръ было, конечно, извѣстно намѣреніе Венеціанцевъ; восточныя хроники даже говорятъ о томъ, что папа, для подтвержденія своего запрещенія, отправилъ къ союзникамъ своего легата; *Gesta* даютъ намъ имя этого посланнаго, это былъ аббатъ de Locedio. Съ этими-то письмами и явилась въ лагерь депутація изъ Задра и дала ихъ прочесть «всѣмъ крестоносцамъ». Такой оборотъ дѣла вызвалъ цѣлое возмущеніе въ лагерь. Дандоло дерзко заявилъ, что «изъ-за отлученія, которымъ грозитъ папа, онъ не станетъ отказываться отъ своей мести»; большинство бароновъ, еще въ Венеціи посвященные въ планы и виды Венеціанцевъ и «заклучившіе съ ними договоръ», вторили старому дожу. Но часть духовенства и нисшіе слои ополченія, которые мало и знали о цѣли похода, и которымъ бароны не нашли нужнымъ сообщить объ этомъ, при чтеніи писемъ папы заволновались и стали громко роптать. Во главѣ оппозиціи стояли правотѣрный защитникъ и сторонникъ куріи графъ Симонъ Монфорскій и аббатъ de Vaux-de-Segny. Послѣдній громко и открыто протестовалъ противъ безбожнаго и нечестиваго замысла Венеціанцевъ и Симонъ едва спасъ его изъ рукъ раздраженныхъ моряковъ. Самъ графъ въ присутствіи главныхъ лицъ ополченія въ сильныхъ выраженіяхъ выразилъ свое неодобреніе и отказался участвовать во взятіи города. Но сильная партія бароновъ и Венеціанцевъ взяла все-таки верхъ и Задръ почти безъ боя сдался на капитуляцію, былъ разграбленъ, добыча подѣ-

1) An. Halberst.

2) Id., Dev., Cp. R. de Clari, Baudouin d'Avesnes.

лена по условію и побѣдоносное ополченіе поселилось въ завоеванномъ городѣ¹⁾.

Задръ былъ взятъ, но эта побѣда грозила крестоносцамъ и особенно Венеціанцамъ весьма непріятными послѣдствіями. Иннокентій III, услышавъ о завоеваніи Задра и выслушавъ жалобы венгерскаго короля на противузаконный поступокъ союзниковъ, предалъ послѣднихъ отлученію. Въ самомъ дѣлѣ было за что.

Прежде всего, поведеніе крестоносцевъ показывало совершенное ихъ пренебреженіе къ папѣ и его приказаніямъ. Несмотря на его категорическое, ясно высказанное запрещеніе нападать на христіанскія земли, а въ особенности на Задръ, крестоносцы не послушались его. Такое непокорство роняло папскій авторитетъ въ глазахъ всѣхъ: его приказанія считались за ни что. Оскорбивъ венгерскаго короля, крестоносцы тѣмъ самымъ въ корень подрывали довѣріе къ обѣщаніямъ папы, разрушали его завѣтное, любимое дѣло и на будущее время могли помѣшать успѣху проповѣди крестовыхъ походовъ: вѣдь папа торжественно обѣщаль всѣмъ принявшимъ крестъ и венгерскому королю въ частности оберегать его владѣнія отъ нападенія чужихъ людей; обидчикамъ грозило отлученіе. А въ данномъ случаѣ папское приказаніе нарушали сами крестоносцы, т. е. войско, собранное стараніями папы. Крестоносцы, въ самомъ дѣлѣ, совершили тяжкое преступленіе и они понесли вполне заслуженное наказаніе. На ихъ проступокъ Иннокентій смотрѣлъ какъ на святотатство и раздраженный и оскорбленный первосвященникъ въ своемъ письмѣ къ нимъ²⁾ въ рѣзкихъ выраженіяхъ выставлялъ имъ на видъ всю дерзость и грѣховность ихъ поступка. Въ заключеніе папа кратко и жестко объявлялъ имъ, что предастъ ихъ отлученію и что онъ лишаетъ ихъ той мило-

1) Такъ произошло это дѣло, какъ рассказываютъ его очень подробно R. de Clari и Petrus Mon. Trium Fontium. Villehardouin въ этомъ случаѣ слишкомъ довѣрять нельзя. Онъ является представителемъ и апологетомъ тѣхъ высшихъ слоевъ ополченія, которые были заодно съ Венеціей и одни были посвящены въ цѣль похода подъ Задръ. Поэтому, онъ, желая выставить все дѣло въ наиболѣе благопріятномъ для своей партіи свѣтѣ, умалчиваетъ напр. о письмахъ Иннокентія, выставляетъ въ неблаговидномъ свѣтѣ тѣхъ, «кто хотѣлъ, во что-бы то ни стало, разстроить походъ», тогда какъ цѣлью послѣднихъ было какъ разъ завоеваніе Іерусалима; маршалъ Шампанскій преднамѣренно выставляетъ на видъ, что Ядертинцы уже готовы были сдать, но что тайныя козни несимпатичной ему партіи, т. е. сторонниковъ похода на Іерусалимъ, разстроили настроившееся было дѣло и злостныя интриги части крестоносцевъ отвратили Ядертинцевъ отъ принятаго ими сначала благого намѣренія.

2) Ep. Inn. V, 161.

сти, которую оказалъ, отпустивъ имъ передъ началомъ похода ихъ грѣхи.

Письмо произвело сильное впечатлѣніе на «Франковъ», не утратившихъ еще безграничнаго уваженія къ папской куріи и религіознаго страха передъ церковнымъ проклятіемъ. По этому, считая для себя невозможнымъ оставаться долѣе подъ опалой и сознавая къ тому-же, что они своимъ непокорствомъ возстаноятъ противъ себя общественное мнѣніе, они рѣшили испросить прощеніе у разгнѣваннаго и оскорбленнаго Иннокентія. Съ этою цѣлью они выбрали изъ своей среды посольство и отправили его въ Римъ для личнаго объясненія съ папой. Они, конечно, старались по возможности умалить свое преступленіе и сложить съ себя отвѣтственность за совершенный ими проступокъ, извиняясь тѣмъ, что къ злополучному походу подъ Задръ они были вынуждены необходимостью¹⁾, указывали на бѣдность, которую имъ приходилось терпѣть; они сваливали всю вину на обманувшихъ ихъ, не пришедшихъ на мѣсто сбора товарищей²⁾ и на Венеціанцевъ³⁾, т. е. въ сущности говорили правду. Папа, гнѣвъ котораго еще не остылъ и который не желалъ показаться слишкомъ уступчивымъ, опасаясь, какъ-бы излишняя мягкость не послужила поощреніемъ крестоносцамъ совершать и впредь такіа-же преступленія, принялъ посольство далеко не ласково. Два года спустя, онъ, въ письмѣ своемъ къ епископу Суассонскому, одному изъ делегатовъ, все еще напоминалъ послѣдному о томъ, какъ онъ былъ пораженъ и огорченъ непослушаніемъ крестоносцевъ и какъ сурово принялъ онъ посланныхъ къ нему съ просьбою о прощеніи⁴⁾. Но кончилось все-таки тѣмъ, что папа простилъ и снялъ отлученіе съ виновныхъ. Дѣло въ томъ, что, какъ навивно-увѣреннымъ тономъ замѣчаетъ Villehardouin, «папа зналъ, что безъ крестоноснаго ополченія погибло-бы все Божье дѣло», т. е. помимо крестоносцевъ некому было-бы осуществить желаніе папы освободить Св. Землю. Очень вѣроятно, какъ объясняетъ это Guntherus, что папа принялъ во вниманіе раскаяніе и покорность крестоносцевъ, ихъ дѣйствительно бѣдственное положеніе въ Венеціи⁵⁾, заставившее ихъ нарушить его приказанія, что онъ принялъ во вниманіе униженныя просьбы и усиленное ходатайство посланныхъ — уважаемыхъ лицъ въ

1) Ep. Inn. VI, 211.

2) Villehardouin.

3) An. Halberstadt.

4) Ep. VI, 212.

5) Это подтверждаетъ и самъ папа. Ep. V, 162.

арміи. Несомнѣнно, что папа желалъ хоть чѣмъ-нибудь поправить сдѣланное уже зло: онъ приказывалъ крестоносцамъ возвратитъ венгерскому королю захваченный городъ и награбленную добычу¹⁾. Очень можетъ быть, что, даруя прощеніе Франкамъ, онъ хотѣлъ показать этимъ, что церковь милостиво и снисходительно относится къ раскаявшимся, но остается непреклонной къ упорнымъ грѣшникамъ. Дѣло въ томъ, что Венеціанцы, хотя и были, собственно, главными виновниками похода подъ Задръ, не сочли даже нужнымъ испросить у папы прощенія. И прежде, какъ мы видѣли, Иннокентій съ полнымъ къ тому основаніемъ не любилъ корыстолюбивыхъ «торгашей». Лѣтомъ этого года, послѣдніе жестоко оскорбили его въ лицѣ кардинала Петра Капуано, а теперь, когда они больше всѣхъ нуждались въ прощеніи, они и не подумали просить объ этомъ папу. И такъ, онъ послалъ крестоносцамъ Франкамъ милостивое письмо, въ которомъ изъявлялъ имъ свое отпущеніе. Условіями послѣдняго онъ ставилъ возвращеніе всей добычи, сохраненіе въ цѣлости Задра, который могли разрушить и, дѣйствительно, срыли до основанія ненавидѣвшіе городъ Венеціанцы; крестоносцы подъ присягой обязывались никогда впредь не повторять подобныхъ нападеній, должны были поклясться въ безусловномъ повиновеніи приказаніямъ папы. Въ концѣ своего отпустительнаго письма Иннокентій отечески совѣтовалъ имъ попросить прощенія у венгерскаго короля²⁾. Венеціанцы-же были оставлены подъ отлученіемъ; крестоносцамъ позволялось имѣть съ ними общеніе только до тѣхъ поръ, пока нельзя будетъ безъ нихъ обойтись, т. е. пока ополченіе не будетъ перевезено въ Египеть: «необходимость извиняетъ многое во многихъ случаяхъ» и папа различными догматическими софизмами старается оправдать неумолимую «raison d'état», которая заставила его дать такое противузаконное позволеніе³⁾.

Изъявить волю папы было поручено тому-же Петру Капуано; но вожди крестоносцевъ, стоявшіе на сторонѣ Венеціанцевъ и тѣсно связанные съ ними, скрыли то письмо папы, въ которомъ Венеціанцы объявлялись отлученными отъ церкви; какъ вполне основательно замѣтили самому папѣ бароны и маркизъ Бонифацій, обнародованіе буллы было равносильно расторженію союза съ Венеціанцами; и безъ

1) Ер. V, 161, 162.

2) Ер. V. 162.

3) Ер. VI. 48; ib. 102.

того не любившая ихъ масса крестоносцевъ непремѣнно отдѣлилась-бы отъ нихъ¹⁾).

Дѣйствительно, между союзниками не было согласія и мира. Послѣ завоеванія Задра городъ и забранная въ немъ добыча должны были быть, по условію, раздѣлены поровну; но при раздѣлѣ Венеціанцы, болѣе ловкіе и практическіе, захватили себѣ львиную долю; между союзниками возникли недоразумѣнія и ссоры, нерѣдко переходившія въ вооруженныя столкновенія. Войску, по причинѣ дурной погоды, приходилось зимовать въ Задрѣ и крестоносцамъ, обнищавшимъ еще въ Венеціи, приходилось плохо, несмотря на добычу, взятую въ городѣ. У вождей, которые, конечно, получили больше, и у богатыхъ Венеціанцевъ были, понятно, средства, но обездоленные рядовые горько жаловались на свою судьбу. Слѣдствіемъ такого положенія вещей было дезертирство: до 1000 человекъ разбѣжалось. Но во время тяжелой зимовки предложеніе византійскаго царевича Алексѣя Исааквича спасло крестоносцевъ изъ ихъ бѣдственнаго положенія и вмѣстѣ съ тѣмъ дало походу совершенно иное направленіе, нежели это предполагалось раньше.

II.

Какъ извѣстно, императоръ Константинопольскій Исаакъ Ангелъ былъ свергнутъ съ престола, заключенъ въ тюрьму и ослѣпленъ братомъ своимъ, который и занялъ престолъ подъ именемъ Алексѣя III. Вмѣстѣ съ Исаакомъ былъ задержанъ и сынъ его, молодой Алексѣй. Но въ 1202 г. ему удалось бѣжать изъ подъ стражи. Точное означеніе года бѣгства Алексѣя весьма важно для пониманія и объясненія всѣхъ послѣдующихъ событій и потому я позволю себѣ разсмотрѣть этотъ вопросъ нѣсколько ближе. Всѣ ученые, занимавшіеся исторіей IV крестоваго похода — Норф, Winkelmann, Riant, Klimke, Streit, а впоследствии и Реарз за годъ бѣгства Алексѣя считали 1201. Впервые противъ такой датировки выступилъ въ своей статьѣ проф. Васильевскій и онъ ясно доказалъ, что Алексѣй бѣжалъ только въ 1202 г. Датировку свою русскій ученый основываетъ на слѣдующихъ доказательствахъ, почерпнутыхъ изъ показаній какъ восточныхъ, такъ и западныхъ хроникеровъ: Никита Хониатъ говоритъ, что Алексѣй бѣ-

1) Ер. VI, 99; ib. 100.

жалъ въ годъ бунта Камицы и войны со Стрѣзомъ, а война эта велась въ 1202 г. Слѣд. въ этомъ-же году бѣжалъ и царевичъ Алексѣй. Изъ переписки Иннокентія III можно вывести ту-же дату. Папа, въ письмѣ своемъ отъ 16 ноября 1202 г.¹⁾, пишетъ императору Алексѣю III слѣдующее: «Alexius juvenis *olim* ad praesentiam nostram accedens, asserens quod... ei justitiam facere tenebamur». Папа отказалъ ему въ просьбѣ и тогда «Alexius ad Philippum *concitus properavit*», а Филиппъ «*nuntios suos ad principes exercitus christiani sine qualibet dilatione transmisit*». Но «*principes*», въ свою очередь, по поводу сдѣланныхъ имъ предложеній, «*induxerunt Petrum cardinalem, qui cum eis transfretare deberet, ut ad praesentiam nostram rediret*». Слово «*olim*», правда, можетъ быть отнесено къ 1201 г. и, если угодно, даже къ болѣе раннему времени; но такъ какъ папа прибавляетъ, что Алексѣй «*concitus properavit ad Philippum*» и что сношенія съ ополченіемъ стоявшимъ въ Венеціи (это видно изъ того, что Петръ Капуано еще не уѣхалъ оттуда до начало сношеній) начались «*sine qualibet dilatione*», то изъ этого мы можемъ заключить, что свиданіе Алексѣя съ папой «представляетъ первое звено въ ряду событій, совершившихся съ быстрою послѣдовательностью (*concitus, sine ql. dilatione*) лѣтомъ 1202 г., «значить и само свиданіе относилось самое раннее къ веснѣ 1202 г., т. е. въ Европѣ онъ былъ именно въ это время, и былъ на первыхъ порахъ бѣгства, какъ это можно заключить изъ письма папы. Далѣе изъ разсказа Villehardouin²⁾ видно, что царевичъ Алексѣй, тотчасъ-же послѣ своего бѣгства, на пути къ зятю своему Филиппу и еще не свидѣвшись съ нимъ, велъ переговоры съ крестоносцами въ Веронѣ. Крестоносцы-же были въ сѣверной Италіи лѣтомъ 1202 г., а разъ Алексѣй видѣлся съ ними тотчасъ послѣ высадки своей въ Италіи, то, значить, и побѣгъ его относится къ 1202 г. Все ту-же дату даютъ намъ и «*Annales Col. Max.*». Въ этой хроникѣ говорится о бѣгствѣ Алексѣя и оно отнесено къ 1201 г. Но все дѣло въ томъ, что контекстъ хроники прямо противорѣчитъ этой датѣ: въ ней уже «впередѣ извѣстія о прибытіи царевича Алексѣя указано на событія, относящіяся къ марту 1202 г., а позади его разсказаны факты IV крестоваго похода до взятія Задра, т. е. почти до конца 1202 г.». Вотъ какова именно послѣдовательность событій этой хроники: «*Sifridus Ro-*

1) Ер. V, 122.

2) Ср. также Robert. Altiss. и Matth. Amalphil., о которыхъ не упоминаетъ проф. Васильевскій.

nam progressus ab Innocentio papa accepto pallio confirmatur. Per idem tempus Alexius fugiens venit in Allemaniam ad Philippum regem». А извѣстно, что епископъ Зигфридъ получилъ палліумъ въ мартѣ 1202 г. Изъ этого ясно слѣдуетъ, что свидѣтельство Кельнской хроники скорѣе подтверждаетъ дату 1202 г., нежели говоритъ противъ нея. Противъ нея говорятъ только два источника — *Gesta* и *R. de Clari*. Вотъ что мы находимъ въ первомъ изъ нихъ: «Bonifacius de Francia per Allemaniam transitum fecit (путешествіе относится къ 1201 г.), ubi cum Philippo. . dicebatur habuisse tractatum, ut Alexium ad se de captivitate ergastulo fugientem reduci faceret ad Constantinopolim ab exercitu christiano». Но надо, во-первыхъ, замѣтить, что это извѣстіе высказано лишь въ формѣ предположенія (*dicebatur*), а вторыхъ, что авторъ «*Gesta*» противорѣчитъ самъ себѣ, относя въ другомъ мѣстѣ¹⁾ прибытіе Алексѣя въ Италію къ 1202 г. Что-же касается *R. de Clari*, то онъ тоже относитъ пребываніе Алексѣя при дворѣ Филиппа къ Рождеству 1201 г. Но въ этомъ случаѣ *R. de Clari* далеко не авторитетъ; какъ мы уже раньше видѣли, хронологическая послѣдовательность событій у этого простого рыцаря, писавшаго о политическихъ комбинаціяхъ лишь по слухамъ, соблюдена чрезвычайно плохо.

Таковы вѣскіе, неопровержимые доводы проф. Васильевского въ пользу даты 1202 г. Эту-же дату защищаютъ и французскій ученый Tessier, и доказательства его необыкновенно схожи съ указаніями проф. Васильевского, хотя врядъ-ли можно предположить, что онъ былъ знакомъ съ статьей русскаго ученаго (по крайней мѣрѣ, онъ нигдѣ объ ней не упоминаетъ). Всѣ доводы, высказанные проф. Васильевскимъ, исключая свидѣтельства Никиты, находимъ мы и у Tessier; и онъ такъ-же подробно и удачно разбираетъ *Ann. Col. Max.*, и онъ не вѣритъ свидѣтельству *R. de Clari*. Изученіе однихъ и тѣхъ-же источниковъ привело обоихъ ученыхъ къ одному и тому-же выводу²⁾. Повторяю, я не остановился бы такъ подробно на разсмотрѣніи этого сравнительно узкаго вопроса, если-бы онъ, помимо своего спеціальнаго интереса, не имѣлъ-бы интереса болѣе общаго и, какъ мы увидимъ ниже, не помогаль-бы въ сильной степени разрѣшенію одного

1) *Gesta*, с. 130.

2) Со своей стороны я могу лишь присоединить сюда текстъ изъ хроники *Rob. Altiss.* «egressus est Alexius de finibus Graeciae eo tempore, quo peregrini nostri votivum iter aggressi sunt», т. е. поздней весной 1202 г.

изъ труднѣйшихъ и запутаннѣйшихъ вопросовъ въ исторіи IV кресто-
ваго похода ¹⁾. Трудно сказать навѣрное, куда сперва бѣжалъ царе-
вичъ Алексѣй. Никита Хониатъ говоритъ о Сициліи, Villehardouin объ
Авконѣ, Егпouл — о венгерскомъ королѣ, большинство-же источни-
ковъ, и между ними такіе важные какъ R. de Clari и Guntherus, напра-
вляють Алексѣя прямо въ Германію. Но врядь-ли возможно предпо-
ложить, что Алексѣй бѣжалъ прямо къ Филиппу. Въ самомъ дѣлѣ,
Алексѣй бѣжалъ моремъ — объ этомъ упоминають всѣ почти источ-
ники, да иначе врядь-ли можно было и уѣхать; но тогда трудно себѣ
представить, на какомъ пунктѣ побережья могъ онъ высадиться,
чтобы очутиться въ Германіи. Скорѣе всего можно думать, что пизан-
скій корабль высадилъ его по дорогѣ въ Сициліи или въ одномъ изъ
итальянскихъ портовъ, откуда онъ пробрался въ Римъ. Замѣтимъ, что
папскіе источники, упоминающіе о прямомъ пріѣздѣ Алексѣя въ этотъ
городъ, и не думаютъ отрицать пребыванія его у Филиппа Шваб-
скаго: они только отодвигаютъ его пріѣздъ къ Швабскому двору по-
слѣ его свиданія съ Иннокентіемъ III. Источники-же, говорящіе о пря-
момъ пріѣздѣ Алексѣя въ Германію, просто не обратили вниманія на
его пріѣздъ въ Римъ, незамѣтный потому, что не вызвалъ никакихъ
ощутительныхъ результатовъ, а переносятъ его прямо изъ Византіи
въ Германію, откуда на глазахъ у всѣхъ начались переговоры съ кре-
стоносцами. Пребываніе же Алексѣя въ Римѣ вскорѣ-же послѣ его
бѣгства можно считать почти за несомнѣнный фактъ: объ этомъ гово-
рятъ съ большими подробностями и Gesta (с. 82) и Epistulae (IV, 122),
источники, отличающіеся вообще большою достовѣрностью и имѣю-
щіе цѣну современныхъ событіямъ документовъ. Да и самымъ есте-
ственнымъ въ положеніи Алексѣя было обратиться съ просьбою о по-
мощи и отомщеніи къ могущественнѣйшему и вліятельнѣйшему лицу
на Западѣ, къ представителю Божеской справедливости на землѣ —
къ папѣ Иннокентію III. Но свиданіе это не имѣло желанныхъ для
Алексѣя результатовъ. О переговорахъ этихъ двухъ лицъ намъ из-
вѣстно лишь изъ письма папы къ Алексѣю III, въ которомъ, къ сожа-
лѣнію, не говорится о томъ, на какія условія готовъ былъ пойти Алек-
сѣй, лишь-бы возвратить престолъ себѣ и своему отцу. Надо полагать,
что онъ обѣщалъ подчинить греческую церковь римской и помочь
освобожденію Св. Земли. Но папа отклонилъ его предложенія; по ка-

1) См. ниже по вопросу о нѣмецкомъ вмѣшательствѣ.

кой причинѣ — намъ тоже остается неизвѣстнымъ. Въ вышеупомянутомъ письмѣ къ Алексѣю III папа успокаиваетъ императора, встревоженнаго бѣгствомъ племянника и начинавшими разглашаться намѣреніями крестоносцевъ: «мы рѣшили дѣло въ такомъ смыслѣ, что отвѣтъ нашъ тебѣ несомнѣнно будетъ очень пріятенъ», т. е. онъ отказалъ бѣглецу въ защитѣ и помощи. Трудно сказать, какія именно причины побудили папу къ такому отказу. Вѣроятно тутъ дѣйствовали слѣдующіе мотивы: онъ не могъ питать большого довѣрія къ обѣщаніямъ греческаго изгнанника: во-первыхъ, они были трудно исполнимы, такъ какъ, при всемъ своемъ малодушіи передъ другими опасностями, Византійцы непоколебимо были преданы своему обряду, изъ-за котораго у нихъ шла съ Римомъ многолѣтняя борьба; во-вторыхъ — какъ могъ самъ папа помочь Алексѣю? Не употребить же ему было въ самомъ дѣлѣ на это силы крестоноснаго ополченія! Прежде всего это вовсе не входило въ виды папы, да онъ и не могъ знать о намѣреніяхъ союзниковъ во время свиданія съ Алексѣемъ: онъ самъ сознается, что узналъ объ этомъ гораздо позднѣе, долгое время спустя послѣ пріѣзда Алексѣя къ Филиппу. Иннокентій предпочиталъ мирныя, во многихъ отношеніяхъ выгодныя, сношенія съ царствовавшимъ императоромъ, который, къ тому же напуганный крестоносцами, могъ наконецъ согласиться помочь Св. Землѣ, нежели рисковать порвать эти сношенія бесполезнымъ заступничествомъ за безпомощнаго бѣглеца. Надо прибавить, что Греки далеко не славились своею честностью: можно было предвидѣть (что дѣйствительно и случилось впоследствии), что, достигнувъ своей цѣли, возвращенный Алексѣй забудетъ о своихъ обѣщаніяхъ, данныхъ въ минуту нужды. Самая личность Алексѣя не могла быть симпатичной папѣ: царевичъ былъ братомъ Ирины, т. е. зятемъ Филиппа Швабскаго, наслѣдника Гогенштауфенской политики, и союзъ двухъ могущественныхъ державъ — Германіи и Византіи — грозилъ-бы впоследствии серьезными опасностями для политики папской курии.

Это-то свиданіе Алексѣя съ Иннокентіемъ какъ-бы прямо приводитъ насъ къ разсмотрѣнію вопроса о томъ, какую роль игралъ папа въ перемѣнѣ направленія IV крестоваго похода, былъ-ли онъ за или противъ похода на Византію. Источники даютъ намъ на этотъ вопросъ самые противорѣчивые отвѣты. Папскіе источники рѣшительно отрицаютъ всякое участіе папы въ этомъ дѣлѣ; наоборотъ, изъ нихъ

можно вывести заключеніе, что Иннокентій былъ рѣшительно противъ похода на Константинополь. Это можно было-бы уже аргюи вывести изъ того, какъ усердно старался онъ о томъ, чтобы собралось ополченіе для освобожденія Св. Земли, причемъ онъ никогда не думалъ о другой цѣли похода, а, напротивъ, призывалъ именно къ ней. Одной изъ причинъ гнѣва папы на крестоносцевъ за взятіе Задра было то, что послѣдніе тѣмъ самымъ компрометировали успѣхъ похода на Египетъ; какъ мы видѣли, онъ снялъ съ нихъ отлученіе только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы они впредь ни въ коемъ случаѣ не позволяли себѣ подобныхъ отклоненій. И когда маркизъ Бонифацій заговорилъ было съ нимъ о томъ, что надо-бы помочь Алексѣю, папа далъ понять своему умному собесѣднику, что подобное его ходатайство неумѣстно и бесполезно¹⁾. Мы видѣли, какъ успокаивалъ Иннокентій встревоженнаго императора Алексѣя, передавая послѣднему свой отказъ на просьбы его племянника. И когда до Иннокентія дошло извѣстіе, что между крестоносцами и Алексѣемъ IV заключенъ договоръ, онъ въ своемъ письмѣ рѣшительно высказывается противъ похода на Константинополь: «Да не льститъ себя никто изъ васъ дерзкою надеждою, писалъ первосвятитель, будто вамъ разрѣшено занять или грабить владѣнія Грековъ; правда Восточная церковь непокорна намѣстникамъ апостола и самъ императоръ занялъ престолъ благодаря насилію, лишивъ власти и ослѣпивъ своего брата; но какія-бы преступленія ни совершили императоръ и его приближенные, не ваше дѣло судить объ ихъ грѣхахъ; вы приняли крестъ для того, чтобы мстить не за изгнаннаго Алексѣя, а за оскорбленія и позоръ, нанесенные Св. Кресту, службѣ которому вы себя теперь посвятили²⁾. И впоследствии папа, уже послѣ взятія Константинополя, когда пришлось ему помириться съ совершившимся фактомъ, напоминаетъ архіепископамъ участникамъ похода о своемъ формальномъ запрещеніи нападать на владѣнія византійскаго императора³⁾. Папа былъ «такъ озабоченъ» освобожденіемъ Св. Земли, что даже присоединеніе Восточной церкви не выкупало въ его глазахъ потери того дѣла, для успѣшнаго окончанія котораго онъ напрягалъ всѣ свои силы⁴⁾. Сами крестоносцы хорошо сознавали, что папа недоволенъ походомъ на Кон-

1) *Gesta*, c. 83.

2) *Ep.* VI, 232.

3) *Ep.* VI, 232.

4) *ib.* 230; *ib.* 130.

стантинополь и въ своемъ коллективномъ письмѣ «*Litterae bagonum stucesignatorum*», носящемъ явно-апологетическій характеръ, они приводятъ всевозможныя оправданія и смягчающія обстоятельства для извиненія своего поступка. Они указывали на то, что пошли на Константинополь не своею охотою, а были принуждены къ тому нуждою; они старались смягчить папу тѣмъ соображеніемъ, что толпа голодныхъ и нищихъ паломниковъ была-бы скорѣе въ тягость, нежели въ помощь Восточнымъ христіанамъ, тогда какъ Алексѣй IV обѣщаль доставить имъ всѣ средства для борьбы съ мусульманами. Къ походу на Константинополь, оправдывались они, побуждало ихъ и чувство справедливости: изгнанный императоръ былъ тираномъ и братоубійцей; вся Греція только и ждала возвращенія молодаго Алексѣя. Насильственный захватъ Константинополя они оправдывали тѣмъ, что тиранъ счумѣлъ возстановить народъ противъ Алексѣя и крестоносцевъ, указывая на то, что послѣдніе намѣрены поработить Грецію и подчинить восточную церковь Римской. Бароны хвалились тою сдержанностью, которую они проявили, несмотря на буйныя выходки и оскорбленія городской черни, которая и не хотѣла слушать ихъ объясненій. Только вслѣдствіе крайней необходимости, только по внушенію свыше, рѣшились они на насиліе. Въ заключеніе они указывали на всѣ выгоды, которыя принесетъ святому дѣлу ихъ неожиданное вмѣшательство въ дѣла Византіи. Тѣ-же старанія оправдаться слышатся и въ письмѣ Алексѣя IV; и онъ указываетъ на обиды, причиненныя ему тираномъ дядею, и онъ старается смягчить папу обѣщаніями подчинить греческую церковь Римской¹⁾. Словомъ, ни въ одномъ письмѣ папы или къ папѣ не видно, чтобы онъ остался доволенъ взятіемъ Константинополя; напротивъ, кромѣ гнѣва, упрековъ и просьбъ о прощеніи мы въ перепискѣ ничего не находимъ; въ рѣзкихъ выраженіяхъ приравниваетъ Иннокентій взятіе Константинополя взятію Задра, примѣняя библейское уподобленіе дважды провинившагося въ томъ-же грѣхѣ къ «собакѣ, которая возвращается къ собственной рвотѣ»²⁾.

Согласно съ письмами папы говоритъ еще одинъ, и очень основательный источникъ — Guntherus³⁾. Какъ онъ передаетъ дѣло, Иннокентій былъ-бы не прочь подчинить себѣ византійскую церковь, но такъ какъ подобное предпріятіе казалось весьма опаснымъ и

1) Ep. VI, 210.

2) Ep. VI, 101.

3) Gunth., c. VIII.

рискованнымъ дѣломъ и не входило въ маршрутъ похода на Египеть, то онъ приказывалъ крестоносцамъ плыть прямо въ Александрію ¹⁾). Три изъ наиболѣе важныхъ источниковъ — Villehardouin, R. de Clari и Continuateur de Guillaume de Туг ничего не говорятъ о томъ, какъ отнесся папа къ походу на Константинополь и въ связи съ этимъ умалчиваютъ о тѣхъ условіяхъ, подъ которыми было дано прощеніе за походъ подъ Задръ, т. е. умалчиваютъ о запрещеніи папы нападать на христіанъ и на Грековъ въ частности. Но за то остальные источники, Никита Хониатъ, Новгородская лѣтопись, Chronique de Morée, Венеціанская хроника Martino da Canale и монашескія хроники Alberici, Ann. Colon. Max., An. Laudunensis, открыто свидѣтельствуютъ, что папа съ радостью далъ свое согласіе на этотъ походъ, что этою именно цѣною — цѣною подчиненія греческой церкви римской и было куплено крестоносцами прощеніе за свой проступокъ подъ Задромъ. Спрашивается теперь, чьему свидѣтельству больше довѣрять? Вопросъ этотъ въ новѣйшей литературѣ былъ рѣшенъ почти единогласно въ пользу невинности папы. Только одинъ Streit вскользь и очень неувѣренно выразился, что папа «если не приказалъ, то во всякомъ случаѣ одобрялъ взятіе Константинополя» ²⁾), основывая свое мнѣніе на показаніи вышеупомянутыхъ источниковъ. Но невинность папы нашла себѣ блестящаго защитника въ лицѣ графа Riant, причемъ онъ главнымъ образомъ обращаетъ вниманіе на то важное значеніе, которое имѣетъ для рѣшенія этого вопроса переписка папы. Вѣдь его письма были написаны для того, чтобы ихъ читали крестоносцы: какъ-же могъ онъ въ нихъ отрицать и запрещать то, что ему было желательно и что онъ самъ съ охотою разрѣшилъ-бы? А завѣдомо искажать свои намѣренія Иннокентію не было равно никакого расчета. Ему даже незачѣмъ было бы защищать себя отъ обвиненія въ томъ, что Константинополь палъ именно благодаря его внушеніямъ: не обвиненія, а поздравленія и благословенія падали-бы на его голову, такъ какъ взятіе Константинополя, гнѣзда схизматиковъ, было торжествомъ для католическаго Запада. Показанія папы подтверждаются и свидѣтельствомъ Guntheri, который отличается добросовѣстностью и проницательностью и отлично освѣ-

1) Сюда надо присоединить и Новгор. лѣтопись: «А пакости не явите Греческой землѣ» велитъ папа оподченію.

2) Streit, стр. 2. № 8. Еще раньше Норф находилъ поведеніе папы въ этомъ дѣлѣ «двусмысленнымъ».

домленъ. Таковы въ существенныхъ своихъ чертахъ доказательства Riant, но мнѣ хотѣлось-бы разсмотрѣть поближе вопросъ о томъ, насколько достовѣрны въ этомъ случаѣ показанія источниковъ, ничего не говорящихъ или говорящихъ въ смыслѣ участія папы въ походѣ на Константинополь. Насколько мнѣ кажется, свидѣтельства эти могутъ быть заподозрѣны. Villehardouin не упоминаетъ о запрещеніи папы грабить Грецію и нападать на Константинополь, и онъ имѣетъ на это свои причины. Дѣло въ томъ, что онъ является какъ-бы представителемъ и апологетомъ высшихъ классовъ ополченія, къ которымъ принадлежитъ онъ самъ. Эта-то партія и желала похода на Константинополь, но папское письмо запрещало подобное отклоненіе отъ пути и можно почти навѣрное сказать, что это мѣсто письма не было прочитано передъ всѣмъ войскомъ, чтобы не дать точки опоры тѣмъ, кто не желалъ похода на Византію. Конечно, и впоследствии, когда онъ писалъ свою исторію, Villehardouin не захотѣлъ выставить себя и свою партію ослушниками и обнаруживать обманъ. А что обманъ такого именно рода практиковался во время IV крестоваго похода вождями ополченія, доказывается тѣмъ, что послѣдніе, какъ мы видѣли, не постѣснились скрыть отъ войска папскую буллу, въ которой Венеціанцы предавались отлученію. Подобной-то утайкой и объясняется, что R. de Clari, принадлежавшій къ мелкому люду, и другіе авторы не знаютъ ничего о запрещеніи папы идти на Константинополь. Мнѣніе-же, что завоеваніе Византіи было дѣломъ приятнымъ для папы, могло легко возникнуть въ головахъ тогдашнихъ людей, особенно у монаховъ, которые исключительно почти были авторами хроникъ. Въ тотъ вѣкъ, когда религіозные интересы господствовали въ жизни безраздѣльно и папская курія управляла всѣми умами, непокорство византійской церкви представлялось возмутительнымъ явленіемъ для правовѣрныхъ католиковъ. Сами папы, Иннокентій III въ томъ числѣ, требовали подчиненія восточной церкви западной и таково-же было желаніе и всего католическаго міра, особенно духовенства. Крестоносцы, завоевавъ Константинополь, осуществили это всеобщее желаніе и вполнѣ естественно, что общественное мнѣніе приписало папѣ инициативу въ такомъ дѣлѣ, которое было для него такъ выгодно, для католической церкви такъ славно, къ исполненію котораго стремился онъ самъ и всѣ его предшественники. Составившееся мнѣніе было далеко не въ укоръ папѣ; напротивъ, по понятіямъ того вѣка, возвратить въ лоно истинной

церкви погрязшихъ въ заблужденіяхъ Грековъ было дѣломъ благочестивымъ, богоугоднымъ и вотъ почему мнѣніе это такъ открыто высказывается авторами хроникъ. Да и самъ Иннокентій какъ-бы соглашался съ нимъ и своимъ поведеніемъ давалъ ему пищу, мирился съ совершившимся фактомъ и не упустивъ случая признать себя главою вновь присоединенной церкви; онъ старался хоть что-нибудь извлечь изъ непріятнаго ему оборота дѣла, тотчасъ-же потребовавъ покорности отъ Константинопольскаго патріарха. Что же касается восточнаго православнаго источника — Никиты Хониата, то и онъ хорошо зналъ, какъ неодобрительно относились папы къ самостоятельности греческой церкви и ему казалось понятнымъ и вполне естественнымъ, что Иннокентій воспользовался удобнымъ случаемъ и при помощи крестоносцевъ постарался окончить въ свою пользу многолѣтнюю распрю.

Какъ-бы то ни было, свиданіе съ папой окончилось неудачей для Алексѣя. Единственнымъ мѣстомъ, гдѣ онъ могъ найти себѣ защиту и помощь, было у зятя своего Филиппа Швабскаго, который очень дружно жилъ съ женой своей, а его сестрой — Ириной. Изъ Рима Алексѣй «быстро», какъ пишетъ папа, «поспѣшилъ» въ Германію, гдѣ былъ принятъ Филиппомъ очень тепло и родственно. Самъ Филиппъ не могъ дать ему никакой матеріальной поддержки: ему много было дѣла и у себя дома: борьба съ Оттономъ Брауншвейгскимъ и вражда съ папой доставляли ему не мало хлопотъ. Единственное, чѣмъ онъ могъ помочь своему родственнику, то это было своимъ совѣтомъ и рекомендаціей.

Степень участія Филиппа при возвращеніи Алексѣя составляетъ въ новѣйшей исторіографіи предметъ жаркихъ споровъ. Что Филиппъ дѣйствительно принималъ участіе въ этомъ дѣлѣ, не подлежитъ никакому сомнѣнію: всѣ источники безъ исключенія свидѣтельствуютъ объ этомъ¹⁾. Но существуетъ теорія, по которой Филиппъ Швабскій,

1) Исключеніе составляетъ *Epistula baronum cruceignatorum*, въ немъ ничего не говорится объ участіи Филиппа и это вполне понятно: оправдываясь передъ папой, баронамъ вовсе не хотѣлось раздражать еще болѣе Иннокентія III, упоминая о томъ, что они послушались совѣта и уступили просьбамъ заклятаго врага папской курии. Умалчиваетъ о Филиппѣ и венеціанская хроника *Martino da Canale*, но эта послѣдняя почти и въ счетъ не идетъ — до того она полна всякими несообразностями, неточностями и предвзятыми идеями. Въ ней Алексѣй изображенъ какъ маленькій мальчикъ, не способный еще дѣйствовать самостоятельно и за котораго хлопочатъ передъ папой какіе-то неизвѣстные родственники.

не ограничиваясь нравственнымъ участіемъ, еще съ 1201 г. при помощи Бонифація Монферратскаго велъ долгую, искусную и запутанную политическую интригу, цѣлью которой было заставить крестоносцевъ перемѣнить направленіе похода и идти на Константинополь. Впервые, довольно дерзительно высказалъ эту мысль Норф, хотя, по его мнѣнію, участіе Филиппа было въ этомъ случаѣ не слишкомъ велико. По расчету Норфа Алексѣй бѣжалъ изъ Византіи въ 1201 г. и уже на Рождествѣ этого года былъ въ Германіи, въ Нагенау, при дворѣ Филиппа, гдѣ и встрѣтился съ пріѣхавшимъ туда-же Бонифаціемъ. Здѣсь, по настояніямъ сестры своей Ирины, онъ заключилъ съ маркизомъ договоръ, по которому крестоносное ополченіе должно было помочь ему возвратиться въ Константинополь. Норф, по обыкновецію, не приводитъ никакихъ доказательствъ въ подтвержденіе своего мнѣнія и къ тому-же считаетъ, что дѣятельность Венеціанцевъ во время похода подъ Константинополь была гораздо важнѣе заступничества Филиппа; но мысль о предварительномъ договорѣ была все-таки высказана и ее подхватилъ Winkelmann, который уже ясно и твердо формулируетъ свой взглядъ на этотъ вопросъ.

По мнѣнію Winkelmann, «впервые при дворѣ Филиппа Швабскаго возникла мысль воспользоваться предстоявшимъ крестовымъ походомъ въ пользу династіи Ангеловъ и вскорѣ былъ найденъ и нужный для этой цѣли посредникъ. Это былъ Бонифацій Монферратскій, связанный узами родства какъ съ Филиппомъ, такъ и съ домомъ Ангеловъ». Принимая 1201 г. за время бѣгства Алексѣя, Winkelmann обосновываетъ свою теорію на вышеприведенномъ текстѣ изъ «Gesta», въ которомъ говорится, что «Бонифацій, пріѣхавъ къ Филиппу, заключилъ, какъ говорятъ, съ нимъ договоръ, по которому онъ обязывался вернуть въ Константинополь бѣжавшаго Алексѣя при помощи крестоноснаго ополченія». Другое мѣсто изъ того-же источника заставляетъ, по мнѣнію Winkelmann'a, придти къ тому-же выводу¹⁾. Подтверждается онъ свидѣтельствомъ двухъ хроникъ — Burhardus Urspergensis²⁾ и Chron. Mont. Sereni³⁾. Несмотря на небольшой размѣръ своей статьи, служащей лишь примѣчаніемъ къ его

1) Philippus, sicut convenerat cum marchione, misit Alexium... et eodem marchione sagaciter mediante, tractatum est inter ipsum et exercitum Christianum.

2) legatione accepta a sorore et rege Philippo.

3) ordinatione Philippi regis.

большому труду, Winkelmann успѣлъ поставить вопросъ такъ основательно, что съ нимъ пришлось считаться всѣмъ занимавшимся исторіей IV крестоваго похода. Дѣйствительно, до тѣхъ поръ, согласно разсказу Villehardouin, полагали (хотя-бы тотъ-же Мишо), что походъ на Константинополь былъ чистою случайностью, вызванною случайнымъ-же бѣгствомъ Алексѣя. Крестоносцы-же согласились на предложенія царевича изъ любви къ грабежу и приключеніямъ, побуждаемые чувствомъ справедливости, однимъ словомъ, всѣми тѣми причинами, о которыхъ такъ подробно говорятъ «*Litterae wagonum spicesignatorum*». Но теперь вмѣстѣ съ Winkelmann'омъ на мѣсто этой «теоріи случайностей» выступаетъ на сцену «теорія предумышленности», подобно тому, какъ она выступила по поводу возникновенія вопроса о причинахъ похода подъ Задръ. И какъ здѣсь мысль, высказанная Норфомъ, была подхвачена и развита Riant, такъ и тутъ тотъ-же французскій ученый развилъ далѣе и дополнилъ мнѣніе Winkelmann'a.

Прежде всего Riant доказываетъ, что у Филиппа были свои, и очень основательныя причины желать этого похода. Возвращеніе въ Константинополь царевича Алексѣя при помощи крестоносцевъ было для него чрезвычайно выгоднымъ дѣломъ: императоръ обширной и богатой страны сталъ-бы его союзникомъ и, достигнувъ этого безъ труда и издержекъ со своей стороны, онъ могъ тогда надѣяться съ успѣхомъ бороться противъ папы и Оттона Брауншвейгскаго. Направляя силы крестоносцевъ на Константинополь, онъ какъ-бы заставлялъ ихъ служить себѣ и, напротивъ, ослаблялъ тѣмъ самымъ папу, унижалъ его авторитетъ, заставляя имъ-же собранное войско совершать неудобное ему дѣло. Вмѣшиваясь въ дѣло Византіи, онъ прямо слѣдовалъ политикѣ Гогенштауфеновъ, наиболѣе яркимъ выразителемъ которой былъ Генрихъ VI, и наследникомъ которой онъ себя признавалъ. Въ своемъ вмѣшательствѣ онъ могъ опираться на глубокую и сильную антипатію, раздѣлявшую Нѣмцевъ съ Греками, антипатію, основанную на различіи происхожденія, религіи, обычаевъ и языка и еще болѣе увеличивавшуюся отъ постоянныхъ столкновеній во время крестовыхъ походовъ, притязаній византійскихъ императоровъ на Италію и нѣмецкихъ императоровъ на Сицилію и на самую Византію. Унизивъ Грецію, поставивъ въ зависимость отъ себя ея императора, Филиппъ явился какъ-бы національнымъ героемъ. Затѣмъ, надо всетаки принять въ расчетъ

и личныя чувства Филиппа: какъ мужъ нѣжно-любимой имъ Ирины, онъ былъ не прочь подать ничего не стоившую ему въ матеріальномъ отношеніи помощь изгнанному зятю.

Такимъ образомъ положеніе Филиппа не только не мѣшало ему, но прямо побуждало и даже заставляло приложить всѣ усилія къ тому, чтобы направить крестоносцевъ на Константинополь и отклонить ихъ отъ похода на Египеть. Какимъ-же образомъ достигнуть Филиппъ своей цѣли? Если обратить вниманіе на то, что бѣгство Алексѣя и выборъ маркиза Бонифація Монферратскаго въ вожди ополченія находятся между собой не только въ хронологической, но и въ органической, прагматической связи, то всѣ перипетіи германской интриги станутъ для всѣхъ ясными. Въ самомъ дѣлѣ Бонифацій былъ выбранъ 1 апрѣля 1201 г. и выбранъ былъ по настояніямъ французскаго короля, которому онъ былъ рекомендованъ Филиппомъ Швабскимъ: иначе нельзя объяснить, какъ это «гордые графы согласились видѣть во главѣ у себя иностранца, потомка Генриха IV, сына стараго Гиббеллина и который, къ тому-же, былъ до сихъ поръ болѣе извѣстенъ, какъ ловкій дипломатъ, нежели какъ славный воинъ». Такимъ образомъ выборъ Бонифація является дѣломъ Германской политики. И вотъ оказывается, что въ другомъ концѣ Европы весною 1201 г. бѣжалъ царевичъ Алексѣй и, никуда не заѣзжая, прибылъ ко двору Филиппа. Весь ходъ германской интриги становится теперь яснымъ. Еще въ 1200 году, когда Бонифацій, по порученію Иннокентія, былъ въ Германіи и видѣлся здѣсь съ Филиппомъ, у обоихъ ихъ явилось намѣреніе переимѣнить направленіе крестоноснаго ополченія, тогда уже собиравшагося, и направить его на Константинополь. У Бонифація тоже были свои причины содѣйствовать Филиппу въ этомъ дѣлѣ. Онъ хотѣлъ отомстить за брата своего Конрада, съ которымъ такъ предательски и вѣроломно поступили въ Византіи; онъ надѣялся захватить наслѣдство другого своего брата—Рейнальда— а именно королевство Θεσσαλονикійское, въ которомъ ему отказывалъ греческій дворъ; съ давнихъ поръ, къ тому-же, маркизы Монферратскіе были родственниками, друзьями и союзниками Гогенштауфенскаго дома. Заручившись помощью и содѣйствіемъ Бонифація, Филиппъ помогъ своему зятю бѣжать съ родины. Смерть Теобальда Шампанскаго содѣйствовала успѣху его плана, такъ какъ на его мѣсто былъ выбранъ Бонифацій, который, такимъ образомъ, приобрѣлъ большую власть надъ ополченіемъ и большую возможность провести планъ Филиппа. Зимой 1201 г. Бо-

нифацій опять поѣхалъ въ Германію, чтобы сообщить Филиппу о своемъ успѣхѣ и посовѣтоваться о дальнѣйшемъ ходѣ дѣлъ, и этотъ ходъ дѣлъ вполне соотвѣтствуетъ «теоріи предумышленности». Бонифацій только въ концѣ января уѣхалъ изъ Германіи. Что-же могло удержать такъ долго вождя крестоноснаго ополченія при дворѣ отлученнаго отъ церкви монарха? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даютъ намъ *Gesta* ¹⁾: Бонифацій и Филиппъ, въ присутствіи Алексѣя, бывшаго тогда тоже въ Германіи, заключили договоръ, въ силу котораго маркизь долженъ былъ такъ или иначе заставить крестоносцевъ вернуть Алексѣя на родину. Бѣдность крестоносцевъ, соучастіе Венеціанцевъ — все это служило лишними шансами къ успѣху предпріятія. Главные вожди еще лѣтомъ 1202 г. примкнули къ плану Филиппа и несмотря на оппозицію бѣльшей части войска успѣли привести въ исполненіе свое намѣреніе.

На какихъ-же данныхъ зиждется вся «теорія предумышленности», за которую такъ стоитъ Riant? Это — многочисленность причинъ, побудившихъ Филиппа принять участіе въ греческихъ дѣлахъ: совпаденіе времени бѣгства Алексѣя съ выборомъ Бонифація, одновременное пребываніе маркиза и царевича въ Германіи, засвидѣтельствованное *R. de Clari* ²⁾, заключеніе договора, засвидѣтельствованное «*Gesta* ³⁾» и наконецъ единогласное показаніе всѣхъ почти источниковъ объ участіи, которое принялъ Филиппъ въ судьбѣ изгнанника-зятя. Особенно настаиваетъ Riant на свидѣтельствѣ «*Promissorum Philippi* ⁴⁾», Никиты Хоніата ⁵⁾, хартіи, гдѣ Филиппъ требуетъ части добычи, взятой при Константинополѣ ⁶⁾, «*Gesta Trevigorum* ⁷⁾», «*Ann. Stad.*» ⁸⁾, «*An. Cajetani* ⁹⁾», и наконецъ Новгородской лѣтописи ¹⁰⁾, въ которыхъ онъ усматриваетъ полное признаніе господствующей роли Филиппа при походѣ на Константинополь.

1) *Gesta*, с. 83.

2) *R. de Clari* p. 42.

3) *Gesta*, с. 83.

4) *Si omnipotens Deus regnum Graecorum mihi vel leuico meo subdidit, ecclesiam Constantinopolitanam Romanae ecclesiae... faciam fore subjectam.*

5) καὶ τὸν δυσπραγῆ ἐν βασιλεῦσιν τῷ τῶν Ἀλαμανῶν ἐξέπεμψεν ἄρχοντι (p. 819).

6) Этой хартіи не существуетъ пока, есть только *Epitome*, по которой можно лишь догадываться о ея содержаніи.

7) *Ejus diebus civitas Constantinopolitana a Teutonicis capta est.*

8) *Teutonicis, capta urbe.*

9) *Unde factum est stolum maximum apud Venetias, in quo idem Alexius perrexit de ducis Philippi auxilio.*

10) Фрязи-же приступиса, просяче у Мюрчюфля: дай намъ Исаковица, отъ поведемъ къ Нѣмецкому царю Филиппови, отнелѣ семи послани (Новгор. лѣтоп.).

Талантливо написанная статья Riant, напечатанная въ одномъ изъ лучшихъ французскихъ журналовъ, обратила на себя большое вниманіе. Winkelmann въ небольшой рецензіи ¹⁾ успѣшилъ выразить свое полное согласіе съ тѣми взглядами и выводами, которые высказалъ Riant. Въ томъ-же духѣ, но нѣсколько сдержаннѣе, высказался другой рецензентъ ²⁾. Онъ согласенъ съ постановкой вопроса у Riant, но замѣчаетъ, что «въ своихъ стараніяхъ выдвинуть на первый планъ нѣмецкую интригу, французскій ученый въ нѣкоторыхъ случаяхъ заходитъ слишкомъ далеко», хотя, по краткости рецензіи, и не указываетъ—въ чемъ именно.

Гипотеза Riant о германской интригѣ оставалась неизбежной до тѣхъ поръ, пока ей не былъ нанесенъ сильный ударъ статьей проф. Васильевскаго. Какъ мы видѣли, главными опорными пунктами «теоріи предумышленности» служатъ совпаденіе — не случайное, а прагматическое — времени выбора Бонифація и Алексѣя, текстъ «Gesta» и свидѣтельство R. de Clari, и всѣ эти три основанія были разрушены статьей русскаго ученаго, доказавшаго, что Алексѣй бѣжалъ не въ 1201, а въ 1202 г., что текстъ «Gesta» передаетъ договоръ только въ формѣ слуха, а не факта, и что свидѣтельство R. de Clari въ этомъ случаѣ по меньшей мѣрѣ сомнительно. Изъ всего этого слѣдуетъ, что «если царевичъ Алексѣй, подавшій своею личностью поводъ ко всѣмъ нѣмецкимъ замысламъ, прибылъ въ Западную Европу только въ 1202 г., то не останется, пожалуй, мѣста и времени для сложной, издалека задуманной интриги», и что если исключить свидѣтельство «Gesta», то нѣтъ ни одного источника, который-бы прямо говорилъ объ этой интригѣ.

Зданіе, возведенное съ такимъ искусствомъ и трудомъ французскимъ ученымъ, было подкопано въ основаніи, съ появленіемъ-же добросовѣстнаго изслѣдованія Tessier оно совершенно рухнуло. Помимо тѣхъ-же доказательствъ, которыя высказаны проф. Васильевскимъ, Tessier, съ текстами въ рукахъ, приводитъ еще новыя данныя и соображенія для выясненія спорнаго вопроса. Прежде всего Tessier старается устранить возможное возраженіе относительно того, зачѣмъ ѣздилъ Бонифацій въ Германію, какъ не для свиданія съ Филиппомъ? На это можно дать очень простой отвѣтъ: маркизь,

1) Jenaer Litt.-Zeit. 1876 № 1.

2) Litt. Centralblatt. 1876. № 14.

какъ вождь ополченія, поѣхалъ въ Германію, чтобы лично убѣдиться, насколько успѣшно идутъ приготовленія къ походу, и ему необходимо было свидѣться съ Филиппомъ, чтобы упросить и убѣдить послѣдняго не мѣшать этимъ приготовленіямъ. Извѣстіе, переданное Gesta въ видѣ слуха, не болѣе какъ предположеніе, возникшее подъ вліяніемъ послѣдовавшихъ событій, въ которыхъ Филиппъ, дѣйствительно, принималъ такое открытое участіе. Да и самое заключеніе предполагаемаго договора, въ то время и между такими лицами, представляется почти невозможною вещью. Вѣдь большинство ополченія даже въ Корфу, когда трудно уже было отступать назадъ, лишь съ трудомъ согласилось на походъ на Константинополь. Развѣ могъ Бонифацій быть увѣреннымъ за два года, что ему удастся по своему желанію направить эту буйную, недисциплинированную толпу? Развѣ можно было при тогдашнемъ политическомъ развитіи, при тогдашнихъ трудностяхъ сообщенія вести издалека сложную, трудную политическую игру, въ которую была замѣшана чуть-ли не вся Европа? Надо прямо сказать, что проведеніе такой интриги было тогда физически почти невозможно. Tessier идетъ еще дальше. Если даже допустить, что Алексѣй бѣжалъ не въ 1202, а въ 1201 г., что онъ уже видѣлся съ Филиппомъ и Бонифаціемъ въ этомъ году, то какъ вяжется тогда мысль о заключеніи договора 1201 г. съ характеромъ того свиданія, которое имѣлъ Алексѣй съ Иннокентіемъ III? Вѣдь если-бы договоръ былъ заключенъ до этого свиданія, то Алексѣй несомнѣнно старался-бы склонить папу на сторону германскаго проекта, не упоминая, конечно, объ имени Филиппа: этотъ проектъ былъ единственнымъ практически-вѣрнымъ путемъ, посредствомъ котораго Алексѣй могъ-бы достигнуть своей цѣли, а именно вернуть себѣ власть на родинѣ. Между тѣмъ мы видимъ, что ни слова о крестоносцахъ не было вымолвлено при свиданіи папы съ царевичемъ, свиданія, рассказанномъ самимъ Иннокентіемъ императору Алексѣю III; съ другой стороны и самъ Алексѣй подтверждаетъ это въ своемъ письмѣ къ папѣ¹⁾: послѣдній узналъ о помощи, которую дали крестоносцы Алексѣю, не черезъ него самого, не во время ихъ свиданія, а послѣ черезъ другихъ. Если-бы Алексѣй въ самомъ дѣлѣ въ то время задумалъ просить помощи «блаженнаго общества»²⁾, т. е. крестоносцевъ, то ему нечего было стѣсняться открыть объ этомъ папѣ: онъ могъ выставить удобный предлогъ, соединеніе церквей и пользу

1) Ep. Inn. VI, 210. 2) Beata societas.

для святаго дѣла; къ тому-же, какъ мы видѣли, общественное мнѣніе и на Востокѣ, и на Западѣ считало, что папа скорѣе за, чѣмъ противъ похода на Константинополь. Изъ всего сказаннаго ясно слѣдуетъ, что даже весной 1202 г. (время свиданія царевича и папы) у Алексѣя еще не было и мысли просить помощи у крестоносцевъ. Какъ согласовать также съ «теоріей предумышленности» то упорное молчаніе, которое хранить по этому дѣлу An. Halberstadtensis? Самъ Riant первый-же утверждаетъ и признаетъ¹⁾, что эта хроника была написана, вѣроятно, подъ диктовку епископа Конрада, одного изъ вѣрнѣйшихъ сторонниковъ Филиппа. Почему послѣдній не открылъ своему приверженцу своихъ плановъ и не попросилъ у него заранее той помощи, которую онъ не постѣснился спросить позднѣе, въ январѣ 1203 года? Ужъ во всякомъ случаѣ помощь эта была нужнѣе въ 1202 г., когда у Филиппа такъ мало было помощниковъ, нежели въ 1203 г., когда всѣ главные вожди и Венеціанцы уже были на его сторонѣ.

Что-же остается теперь отъ той «теоріи предумышленности», которую съ такимъ искусствомъ и такимъ умѣніемъ хотѣлъ защищать Riant? Ничего, кромѣ нѣсколькихъ текстовъ, которые доказываютъ дѣятельное участіе Филиппа при измѣненіи въ направленіи IV крестоваго похода и его большія притязанія на Восточную имперію. Этого участія и этихъ притязаній никто не думаетъ отрицать; всѣ признаютъ ихъ, но дѣло въ томъ, что отсюда еще далеко до составленія хитро-здуманнаго плана, который Riant приписываетъ Филиппу. Казалось бы, трудно было послѣ изслѣдованій Васильевскаго и Tessier браться за защиту теоріи, которую не могъ отстоять самъ ея составитель, но такой защитникъ явился и это былъ именно Reags, тотъ самый англійскій ученый, который такъ неудачно и поздно взялся защищать положеніе Норфа объ измѣнѣ Венеціанцевъ. Надо сознаться, что и во второмъ случаѣ Reags'у не болѣе посчастливилось, чѣмъ въ первомъ. Мы были-бы въ правѣ ожидать, что послѣ книги Tessier, несомнѣнно извѣстной англійскому ученому, послѣдній выступитъ либо съ новыми документами на защиту своего тезиса, либо приведетъ, по крайней мѣрѣ, какія-либо новыя соображенія или опроверженія на основаніи данныхъ извѣстныхъ уже источниковъ. Но ничуть не бывало, Reags только шагъ за шагомъ, чтобы не сказать рабски, слѣдуетъ Riant, какъ въ его доказательствахъ, такъ и въ его выводахъ.

1) *Exuviae Sacrae Constantinopolitanae*, t. I, p. 12.

Бѣгство Алексѣя онъ относитъ къ 1201 г., сомнительное извѣстіе Gestorum онъ принимаетъ за непреложное свидѣтельство; R. de Clagi служитъ ему источникомъ для хронологіи. Ровно ничего новаго не находимъ мы въ длинной главѣ, посвященной этому вопросу, и надо прямо сказать, что побѣда осталась за защитниками «теоріи случайности», меньше конъектирующихъ и предполагающихъ, и больше держащихся текстовъ документовъ и ихъ прямого смысла.

Если помощь, поданная крестоносцами Алексѣю, не была плодомъ задолго задуманной нѣмецкой интриги, то спрашивается, когда-же вступилъ съ ними въ сношеніе Алексѣй? И Villehardouin и папа относятъ начало переговоровъ ко времени пребыванія крестоносцевъ въ Венеціи¹⁾. Но надо замѣтить, что между этими обоими извѣстіями существуетъ существенное различіе. По разсказу Villehardouin царевичъ, высадившись въ Анконѣ, на пути въ Германію, заѣхалъ въ Верону и встрѣтилъ тамъ шедшихъ въ Венецію крестоносцевъ. Здѣсь, по совѣту Пизанцевъ, онъ рѣшился попытаться, не удастся-ли ему склонить на свою сторону крестоносцевъ, и съ этою цѣлью отправилъ въ Венецію своихъ пословъ. Бароны прекрасно поняли всѣ выгоды предложенія, но, не очень-то надѣясь на слова бѣглеца, рѣшили посоветоваться объ этомъ дѣлѣ съ Филиппомъ Швабскимъ. Для этого они отправили своихъ пословъ, которые вмѣстѣ съ изгнанникомъ прибыли къ германскому двору. Совершенно иначе разсказываетъ дѣло папа: Алексѣй, ничего у него не добившись при свиданіи, «поспѣшилъ» въ Германію, къ Филиппу, который вошелъ въ его положеніе и «сейчасъ-же» отправилъ своихъ пословъ къ вождямъ крестоносцевъ. Но послѣдніе, не желая рѣшать такого важнаго дѣла безъ папскаго разрѣшенія, въ свою очередь отправили къ нему своихъ пословъ посоветоваться объ этомъ обстоятельстве.

Разница въ извѣстіяхъ, какъ мы видимъ, очень важная. Если вѣрить Villehardouin, то лѣтомъ 1202 г. еще существовали только планы и Филиппъ еще не вмѣшивался въ это дѣло. Судя-же по разсказу папы, сношенія приняли чрезвычайно серьезный характеръ, зашли уже очень далеко и Филиппъ выступаетъ уже на первый планъ. Кто-же изъ нихъ правъ—римскій-ли первосвященникъ или маршалъ графа Шампанскаго?

Новѣйшая историографія рѣшила вопросъ въ пользу послѣдняго.

1) VIII. 70—72. Ер. V, 122.

И Winkelmann и Tessier, сторонники двухъ различныхъ теорій, стоятъ за правдивость разсказа Villehardouin. Дѣло въ томъ, что версія папы не подтверждается ни однимъ другимъ источникомъ, тогда какъ всѣ источники, безъ исключенія, въ той или другой версії указываютъ на то, что переговоры съ Филиппомъ начались только послѣ взятія Задра. Мало того, самое свидѣтельство папы, какъ пристрастное, должно быть подвергнуто сомнѣнью. Отношенія между папою и византійскимъ дворомъ, который только-что отказался отъ предложенія соединить обѣ церкви и помочь Св. Землѣ, были чрезвычайно натянутыми. Вполнѣ естественно, что Алексѣй III, послѣ бѣгства своего племянника и свиданія его съ папой, желалъ предотвратить надвигавшуюся на него грозу и въ предупрежденіе отправилъ письмо къ папѣ. Послѣдній же чувствуя хорошо, что императоръ напуганъ бѣгствомъ племянника и грандіозными сборами на Западѣ, приложилъ всѣ свои усилія, чтобы еще больше напугать императора, дать ему почувствовать всю свою силу и тѣмъ самымъ заставить его согласиться на свои требованія. Поэтому, Иннокентій и не думаетъ разувѣрять императора: напротивъ, опасность, которая грозитъ ему, больше, чѣмъ когда-бы то ни было, такъ какъ за его племянника уже вступился Филиппъ Швабскій, крестonosцамъ уже сдѣланы формальныя предложенія. Но такъ какъ только отъ могущественнаго папы зависитъ, разрѣшить или нѣтъ разгромъ Константинополя, то вожди крестonosцевъ послали къ нему за совѣтомъ; пока онъ отказалъ имъ въ разрѣшеніи, но пусть императоръ подчинится папской волѣ, такъ какъ Дамокловъ мечъ виситъ надъ его царствомъ. Ясно, что желаніе папы показать свою силу и напугать императора, заставили его преувеличить опасность, которая грозила послѣднему, и выдавать за совершившійся фактъ то, что только еще предполагалось и начиналось.

Между тѣмъ свидѣтельство Villehardouin свободно отъ такого обвиненія въ пристрастіи. Если-бы Алексѣй находился въ Веронѣ¹⁾ не проѣздомъ, а съ послами Филиппа и долго здѣсь велъ переговоры, то какъ объяснить то, что ни одинъ изъ лѣтописцевъ, а между ними были такіе, которые были близки къ Веронѣ (аббатъ Мартинъ, вдохновитель Guintheri, прожилъ тамъ 2 мѣсяца), не указываетъ на пребываніе Алексѣя въ этомъ городѣ? Очевидно, что онъ былъ тутъ только проѣздомъ, жилъ

1) А онъ тамъ, несомнѣнно, былъ. «Вѣдь не сочиняетъ-же Villehardouin ради удовольствія сочинять! справедливо замѣчаетъ Tessier.

какъ бѣглець, а не какъ зять Филиппа. Villehardouin могъ отлично знать о пребываніи тамъ царевича, такъ какъ онъ былъ одинъ изъ тѣхъ, къ кому было направлено посольство отъ бѣглеца. Изъ всего вышесказаннаго можно заключить, что Villehardouin можно больше вѣрить нежели папѣ, что въ Веронѣ договора заключено не было, а шли только переговоры и что Филиппъ пока оставался въ сторонѣ. Когда-же, на самомъ дѣлѣ, выступаетъ на сцену нѣмецкое вліяніе, когда начинаетъ Филиппъ принимать дѣятельное участіе въ ходѣ событій? Объ этомъ вполнѣ точно и опредѣленно отвѣчаютъ два источника, и надо замѣтить, изъ лучшихъ источниковъ — An. Halberstadtensis и Guntherus: «Во время пребыванія крестоносцевъ подъ Задромъ», читаемъ мы въ первомъ изъ нихъ, «свѣтлѣйшій король Филиппъ замѣтилъ, что они бѣдствуютъ, и рассчиталъ очень умно, что Св. Землѣ легче будетъ помочь, если его зять Алексѣй вернетъ себѣ при ихъ помощи свое царство». Конечно, Филиппъ не очень-то думалъ о помощи Св. Землѣ и здѣсь ясно проглядываетъ желаніе нѣмецкаго хроникера примирить свою преданность къ Филиппу съ подчиненіемъ папской куріи, но важны тутъ не обозначеніе мотивовъ, руководившихъ Филиппомъ, а времени, когда онъ принялъ участіе въ дѣлахъ своего племянника: въ этомъ отношеніи Конраду de Krosigk не было никакихъ поводовъ исказать истину. «Филиппъ», пишетъ съ другой стороны Guntherus, «услышавъ о томъ, что послѣ завоеванія Задра наше войско находится вблизи предѣловъ Греціи, отправилъ Алексѣя вмѣстѣ со своими послами и рекомендательными письмами къ вождямъ крестоносцевъ». Изъ свидѣтельства этихъ двухъ источниковъ ¹⁾ ясно слѣдуетъ, что сношенія Филиппа съ крестоносцами начались не ранѣе поздней осени 1202 г., когда бѣдственное положеніе опредѣлилось яснѣе и было больше шансовъ склонить ихъ къ соглашенію. Только 1 января 1203 г. ²⁾ прибыли въ Задръ послы отъ Филиппа ³⁾.

1) Сюда надо присоединить и Chron. de Morée.

2) Devastatio CPolitana.

3) О посольствѣ упоминаютъ лучшие источники: Villehardouin, Devastatio, An. Halberst., Rob. Altissiod., Chron. Guillaume de Nangis. Другіе источники Cont. de Guill. de Tyr, Chron. Comit. Ghisn., Chron. Andr. Daud. и Manuti Torselli, Pippino и An. Suesa. о посольствѣ не упоминаютъ, а только кратко говорятъ о позднѣйшемъ прибытіи Алексѣя подъ Задръ. Gunth. соединяетъ въ одно эти два событія: «Philippus juvenem cum nunciis et litteris apud principes direxit». Chron. Alberici говорятъ только о письмахъ, посланныхъ Алексѣемъ въ Задръ. По разсказу R. de Clari слѣдуетъ, что никакихъ пословъ къ крестоносцамъ отправлено не было, а они сами, по почину Бонифація, предложили помощь Алексѣю. По Chronique de Morée Филиппъ отправилъ

Условія, которыя Алексѣй предлагалъ крестоносцамъ въ награду за ихъ помощь, были чрезвычайно для нихъ выгодны. Они получали 200,000 серебряныхъ марокъ деньгами; содержаніе ополченія въ продолженіи года царевичъ бралъ на себя; по восшествіи на престолъ Алексѣй долженъ былъ идти съ крестоносцами въ походъ противъ невѣрныхъ; для защиты Св. Земли онъ оставлялъ въ Палестинѣ 500 человекъ конницы до конца своихъ дней; наконецъ, что самое главное, по крайней мѣрѣ для большинства ополченія, Алексѣй обязывался признать главенство папы надъ греческою церковью¹⁾. Предложенія эти поступили на обсужденіе вождей крестоносцевъ. Надо замѣтить, что посольство Алексѣя и Филиппа было, какъ мы видѣли, направлено не ко всему войску, а лишь къ вождямъ и болѣе значительнымъ лицамъ ополченія (ad principes). Какъ удачно подмѣтилъ N. de Wailly, вопросы, касавшіеся судьбы похода, первоначально рассматривались болѣе важными, вліятельными и компетентными лицами и только впоследствии, послѣ ихъ предварительнаго обсужденія, объявлялись во всеуслышаніе всему ополченію. Такъ велось дѣло, какъ мы видѣли, и во время похода подъ Задръ; Дандоло обратился со своимъ предложеніемъ къ вождямъ, а «смелкій людъ ничего не зналъ»; только подъ самымъ Задромъ открыли рядовымъ цѣль похода. Такъ дѣйствовали и теперь, при обсужденіи предложеній Алексѣя.

Въ совѣтѣ, созванномъ по этому поводу, произошелъ расколъ: одни стояли за, другіе противъ похода на Константинополь. По источникамъ можно прослѣдить, каковъ былъ составъ каждой изъ враждебныхъ партій. Подробнѣе всѣхъ рассказываетъ объ этомъ совѣщаніи Villehardouin, самъ принимавшій въ немъ участіе. По его разсказу, за походъ на Константинополь рѣшительно высказались Венеціанцы, съ дожемъ Дандоло во главѣ, затѣмъ маркизь Бонифацій вождь ополченія и три наиболѣе могущественныхъ графа — Балдуинъ

сперва пословъ къ папѣ и, заручившись согласіемъ послѣдняго, послалъ въ Задръ самого Алексѣя, который прибылъ туда одновременно съ папскимъ легатомъ. Litt. Vaqon. C. 100. кратко отмѣчаютъ «praeo Jadergae confirmitate».

1) Во всѣхъ почти источникахъ довольно подробно говорится объ обѣщаніяхъ Алексѣя и свидѣтельства ихъ довольно согласны между собою. Только относительно суммы денегъ, которую обѣщали выдать Алексѣю, существуетъ между ними нѣкоторое разногласіе: Guntherus и Pippino показываютъ 800,000 марокъ, Andreas Dandolo, Guillaume de Nangis, Robert. Altissiod. меньшую сумму 35,000 марокъ, т. е. ровно столько, сколько оставались должны крестоносцы Венеціанцамъ по заключенному весной 1201 г. контракту. Нѣкоторые изъ источниковъ — Ernoul, Chron. Anglicanum, Litt. Hugonis comitis St.-Pauli опредѣляютъ, кому сколько было обѣщано.

Фландрскій, Людовикъ de Blois и Hugues de St. Paul, за ними подъ договоромъ подписались 12 изъ самыхъ важныхъ лицъ въ ополченіи; къ нимъ примкнула и большая часть духовенства съ аббатомъ de Loos во главѣ. Разказу Villehardouin можно повѣрить, такъ какъ каждый изъ сторонниковъ этой партіи имѣлъ свои причины стоять за заключеніе договора съ Алексѣемъ. Дандоло и Венеціанцы надѣялись извлечь большія выгоды изъ похода на Константинополь. Деньги, обѣщанныя Алексѣемъ крестоносцамъ, обеспечивали имъ уплату долга, который не былъ имъ выплаченъ даже послѣ грабежа Задра; они могли быть покойны цѣлый годъ, такъ какъ Алексѣй бралъ на свой счетъ содержаніе всего ополченія, въ томъ числѣ и провозъ. Но и помимо этого Венеціанцы могли имѣть еще и дальнѣйшіе виды, помогая Алексѣю. Несмотря на все свое богатство и торговое могущество, они имѣли сильныхъ соперниковъ и конкурентовъ въ лицѣ Генуэзцевъ и Пизанцевъ ¹⁾. Послѣ-же воцаренія Алексѣя они могли рассчитывать выговорить себѣ столь желаемую монополію. Никита и самъ Дандоло въ письмѣ своемъ къ папѣ ²⁾ подробно разказываютъ о томъ, какія непріятности и притѣсненія приходилось терпѣть Венеціанцамъ отъ византійскаго правительства и особенно отъ Алексѣя III. Никита даже прямо высказываетъ свое убѣжденіе въ томъ, что виновниками похода на Константинополь были главнымъ образомъ Венеціанцы, желавшіе отомстить за свои обиды. И въ новѣйшей историографіи это мнѣніе имѣло очень много послѣдователей. Всѣ писатели, кромѣ Riant, стоявшіе за измѣну Венеціанцевъ и за договоръ, заключенный между ними и египетскимъ султаномъ, и въ походѣ на Константинополь видѣли результатъ Венеціанскихъ замысловъ. Уже Медовиковъ полагалъ, что на градъ Св. Марка падаетъ вся отвѣтственность Константинопольскаго похода: «Никита Хониатъ справедливо думаетъ, что престарѣлый дожъ заблаговременно составилъ планъ употребить рыцарей для выполненія своихъ властолюбивыхъ замысловъ. . . . Венеціанцы убѣдили рыцарей принять участіе въ предпріятіи противъ Константинополя».

Еще рѣшительнѣе высказался въ томъ-же смыслѣ Mas-Latrie: «Венеціанцевъ надо считать единственными виновниками похода на Константинополь; такое отклоненіе похода имъ было выгодно, такъ какъ они рассчитывали при помощи сильнаго крестоноснаго ополченія

1) Guntherus, c. XI. 2) Ep. Inn. VI, 202.

возвратить себѣ монополию въ торговлѣ съ Византіей. Помимо того, походъ этотъ окончательно отвлекалъ силы крестоносцевъ отъ Египта, что давало Венеціанцамъ возможность до конца выполнить свои обязательства относительно Малекъ-Аделя. Поэтому они заставили задолжавшихъ имъ крестоносцевъ, въ томъ числѣ и Бонифація Монферратскаго, идти въ походъ на Византію». Точно также и Норф полагаетъ, что «Дандоло въ 1203 г. приступилъ лишь къ исполненію задолго-обдуманнаго плана, который онъ много лѣтъ лелѣялъ въ своей душѣ; онъ хотѣлъ разрушенія византійскаго царства, завоеванія города, богатаго города Цезарей», хотѣлъ онъ этого и по политическимъ причинамъ, указаннымъ выше, и по чувству личной вражды къ Византіянамъ.

Только Winkelmann и Riant впервые на мѣсто венеціанскаго замысла поставили нѣмецкую интригу и Riant строго раздѣлилъ вопросъ о венеціанской измѣнѣ съ вопросомъ о походѣ на Константинополь, которые были смѣшаны у Mas-Latrie. Тѣмъ не менѣе мнѣніе о венеціанскихъ замыслахъ продолжало существовать и съ этой точки зрѣнія были даже сдѣланы возраженія на теорію Riant. Thomas первый назвалъ ее «неудачной перестановкой историческаго центра тяжести», основываясь на томъ, что «въ рукахъ у Дандоло была вся власть, и что онъ, въ сущности, одинъ и достигъ цѣли». «Договоръ же, заключенный между Филиппомъ и Бонифаціемъ, выходитъ за рамки тогдашнихъ политическихъ комбинацій». Дандоло является несомнѣнно протагонистомъ во всѣхъ событіяхъ IV крестоваго похода. Уже настоящей, торжественный панегирикъ престарѣлому дожу находимъ мы въ трудѣ Streit'a. Streitъ чрезвычайно подробно и съ большимъ знаніемъ предмета развертываетъ передъ читателемъ всю исторію отношеній между Венеціей и Византіей. Долгая вражда между республикой и Византіей, вражда, усиливавшаяся отъ постоянныхъ правонарушеній съ обѣихъ сторонъ, могла только увеличиться со вступленіемъ на престолъ Алексѣя III, и старый дожъ, лично ненавидѣвшій Грековъ, рѣшилъ однимъ ударомъ покончить съ «гнилымъ государствомъ». Моментъ выбранный для этого былъ самый благопріятный. Всѣ главныя европейскія державы были иммобилизированы вслѣдствіе международныхъ войнъ, а сама Византія раздиралась междоусобицами и терпѣла страшные удары со стороны Болгаръ. «Генрихъ Дандоло былъ полнымъ господиномъ положенія, а сильное крестоносное ополченіе, связанное контрактомъ, служило орудіемъ венеціанскимъ цѣлямъ». Уже

въ Веронѣ, во время пребыванія тамъ Алексѣя, Венеціанцы рѣшили похоть на Константинополь. «Для чести и выгоды своего отечества» задумалъ Дандоло грандіозный планъ измѣнить политическую карту Востока, какъ единственный, энергическій «астог геритъ» принялся онъ за его выполнение и какъ «защитникъ и иститель за Венецію» выполнилъ онъ его. Противъ такой исключительной роли, приписываемой Дандоло Streit'омъ, выступилъ Riant, который однимъ ударомъ разрушилъ всю его теорію, замѣтивъ, что Streit не можетъ привести ни одного текста ¹⁾ въ защиту того, что дожъ уже заранѣе задумалъ похоть на Византію. Да такой хитрый и осторожный политикъ какъ дожъ не могъ и мечтать заранѣе о завоеваніи Восточной имперіи: мы знаемъ, что даже въ союзѣ съ крестоносцами Венеція впоследствии не могла удержать вновь завоеванныхъ владѣній: она оставила себѣ только острова и надежды ея на монополію не исполнились. Что-же было-бы, если-бъ ей пришлось взять одной на себя всю тяжесть управления и охраненія огромнаго государства? Старикъ Дандоло, пожалуй, дѣйствовалъ не «за честь и выгоду своего отечества», а противъ этой выгоды и чести. Благодаря статьѣ Riant, послѣдній защитникъ исключительнаго венеціанскаго вліянія — Heud внесъ уже значительную поправку въ свой взглядъ. Подъ вліяніемъ выводовъ французскаго ученаго, Heud вполне признаетъ заключеніе договора 1201 г. между Филиппомъ Швабскимъ и Бонифаціемъ Монферратскимъ и отказывается отъ той мысли, что планъ завоеванія Византіи зародился именно у дожа. Но за то приведеніе въ исполненіе всего этого плана онъ прямо приписываетъ Дандоло. Дѣло въ томъ, что ни у Филиппа, ни у Бонифація не было достаточно силы и вліянія, «чтобы убѣдить или заставить рыцарей согласиться на радикальное измѣненіе предпріятія, издавна задуманнаго и съ общаго согласія приведеннаго въ исполненіе, и измѣнить его ради другого предпріятія, которому большинство ополченія не симпатизировало». Проектъ Филиппа несомнѣнно провалился-бы, «но тогда престарѣлый дожъ взялъ дѣло въ свои руки и благодаря денежнымъ обязательствамъ крестоносцевъ заставилъ послѣднихъ совершить то, чего не могъ добиться отъ нихъ король Филиппъ путемъ обѣщаній и убѣжденій. Въ хлопотахъ своихъ Дандоло руководился, конечно, не желаніемъ угодить Филиппу или помочь

1) Кромѣ разсказа Никиты, но и у того нѣтъ ничего о заранѣе обдуманномъ намереніи.

Алексѣю, а желаніемъ охранить коммерческіе интересы своей родины».

Неуд уже менѣе односторонне смотритъ на дѣло, нежели его предшественники, «теорія предумышленности» со стороны Венеціанцевъ не нашла въ немъ себѣ защитника; но спрашивается, правильно-ли видѣть въ Венеціанцахъ, другими словами, въ талантливомъ, мудромъ ихъ вождѣ Дандоло — единственнаго «astog regum» всей этой грандіозной исторической эпопей? Нѣтъ; иначе причемъ-же останутся другіе побудительные мотивы остальныхъ участниковъ похода — политическіе расчеты Филиппа Швабскаго, притязанія Бонифація на Востокъ, благочестивое стремленіе бѣльшей части духовенства видѣть греческую церковь воссоединенной съ западной, наконецъ жадность крестоносцевъ къ деньгамъ, ихъ любовь къ грабежу и приключеніямъ? Всѣ эти мотивы существовали несомнѣнно и также несомнѣнно имѣютъ свое мѣсто на ряду съ политическими расчетами Венеціанцевъ и враждою Дандоло. Въ самомъ дѣлѣ, мы видѣли, что Филиппъ имѣлъ очень основательныя причины вмѣшиваться въ дѣло IV-го крестоваго похода, что не менѣе основательныя поводы были и у Бонифація, которому Алексѣй, къ тому-же, обѣщаль 100,000 серебряныхъ марокъ, что остальные вожди ополченія помимо обѣщанныхъ денегъ и любви къ приключеніямъ, по многоразличнымъ побужденіямъ, такъ хорошо описаннымъ въ «Litteris baronum cruce signatorum», съ охотою должны были идти подъ стѣны Константинополя. Что-же касается духовенства, то большинство епископовъ и аббатовъ, бывшихъ при ополченіи, съ радостью ухватились за удобный случай соединить наконецъ обѣ церкви подъ властью папы ¹⁾ и бароны прямо дѣйствовали съ ихъ разрѣшенія и благословенія ²⁾. Какъ мы видѣли изъ показаній авторовъ хроникъ, они думали совершить дѣло, угодное Богу и пріятное Иннокентію. То, что для свѣтскихъ лицъ было лишь «предлогомъ», по выраженію папы, для духовенства было «причиною» согласія на походъ. Поэтому въ виду тѣхъ насущныхъ, сильныхъ интересовъ, которые затрогивались у всѣхъ этихъ лицъ по поводу похода на Константинополь, нельзя не согласиться съ Napotaux, который формулируетъ дѣло слѣдующимъ образомъ: «Измѣненіе въ направленіи IV-го крестоваго похода нельзя приписывать одному, исключительному вліянію, дѣйствовавшему отдѣльно, а

1) Villeh. № 225. Ep. Inn. VI. 210; ib. 202; ib. 280; VII, 13; ib. 102.

2) Ep. VIII, 133; R. de Clari.

цѣлой совокупности многихъ силъ, которыя являлись выразительницами интересовъ, существовавшихъ у различныхъ лицъ во время событій 1202—1203 г.»¹⁾ Поэтому, также, нельзя не признать, что Villehardouin совершенно правдиво и правильно обозначилъ составъ партіи, стоявшей за походъ на Константинополь, такъ какъ эта партія состояла изъ лицъ, заинтересованныхъ въ возвращеніи Алексѣя.

Составъ этой партіи былъ чисто аристократическій, что, помимо свидѣтельства Villehardouin, подтверждается и другими источниками²⁾. Каковъ-же былъ составъ другой, враждебной баронамъ партіи и какіе мотивы руководили ими при ихъ оппозиціи? Состояла она изъ нѣкоторой части духовенства, во главѣ которой стоялъ аббатъ de Vaux-de-Segna, ярый противникъ похода подъ Задръ. Изъ свѣтскихъ лицъ къ ней принадлежалъ могущественный Симонъ графъ Монфорскій, всегда покорный папской куріи, Renaud de Montmirail, послѣ смерти Теобальда Шампанскаго ставшій во главѣ рыцарей этой страны, не любившихъ Бонифація, наконецъ, весь средній классъ ополченія, которому былъ извѣстенъ замыселъ вождей и предложенія Алексѣя, классъ, состоявшій изъ людей, боявшихся открыто высказаться противъ похода при могущественныхъ баронахъ, и только впоследствии, въ Корфу, противопоставившихъ плану бароновъ энергичскую оппозицію. Къ этой партіи, однимъ словомъ принадлежали тѣ, которые, по выраженію Guntheri, «заботились о пользѣ креста», а по выраженію Villehardouin «ceux qui voulaient l'ost depecier». Эти люди стояли на той точкѣ зрѣнія, что походъ предпринять противъ невѣрныхъ, а никакъ не противъ христіанъ³⁾, т. е. это была та самая точка зрѣнія, на которой стоялъ и Иннокентій; нѣтъ сомнѣнія, что эта партія, настроенная религіозно, боялась осужденія со стороны папы, запрещеніе котораго ей было извѣстно. Были, вѣроятно, особенно у свѣтскихъ людей, соображенія болѣе практическаго характера, о которыхъ подробно рассказываетъ Guntherus: «только воору-

1) Revue critique, t. I, 1877.

2) «Marchio cum omnibus baronibus Alexio juravit» (Devast. CPolitana). «Dux, baronum consilio communicato» (Andreas Dandolo). «Les grands et les nobles s'accordèrent à faire le commandement du pape (Chronique de Morée), т. е. они исполнили приказаніе папы идти на Константинополь, какъ ошибочно предполагаетъ авторъ хроники. Папа (Ер. VI, 48) обвиняетъ главнымъ образомъ ненавистныхъ ему Венеціанцевъ, но указываетъ и на участіе бароновъ. «Principes precibus permoti» (Guntherus, c. VIII). «Les barons s'accordèrent» (R. de Clari c. 39).

3) Villehardouin.

женнымъ вмѣшательствомъ, которое должно было стоять много крови, можно было надѣяться вернуть Алексѣя; глупо и нечестно было затѣвать такое предпріятіе, которое грозило гибелью и опасностью небольшой кучкѣ паломниковъ, не имѣвшихъ прочнаго операціоннаго базиса; глупо было погибать за чужое дѣло и объявлять войну могущественной державѣ, осаждать такой большой и укрѣпленный городъ, какъ Константинополь. Особенно смущало крестоносцевъ то, что они не умѣли сражаться на морѣ, а Византія считалась въ то время могущественною морскою державою». Дѣло было для этой партіи, въ самомъ дѣлѣ, чужое; имъ не было обѣщано ни денегъ, ни земель въ награду за ихъ помощь; выгодами предпріятія могли воспользоваться только Венеціанцы, да главные вожди. Понятно, ни та, ни другая партія не убѣдила другъ друга; могущественные бароны просто разрубили Гордіевъ узелъ и, собравшись въ числѣ 15 человекъ, вмѣстѣ съ дожемъ подписали договоръ съ Алексѣемъ. Къ Швабскому двору было отправлено посольство съ тѣмъ, чтобы свидѣться съ Алексѣемъ и поторопить его пріѣздомъ въ лагерь крестоносцевъ. Но понятно, что противная партія не могла остаться довольной такимъ исходомъ дѣла. Не желая долѣе оставаться съ людьми, которые не исполняли своего обѣта и подвергали себя и другихъ опасности подпасть подъ церковное отлученіе, сторонники оппозиціи, не чувствуя себя въ силахъ бороться противъ сильной противной партіи, начали уходить толпами. Удалились наиболѣе энергическіе и видные ея представители: Симонъ Монфорскій, аббатъ de Vaux-de-Cernay, Renaud de Montmirail, уходили кучами и рядовые ополченія ¹⁾. Villehardouin съ горечью вспоминаетъ о томъ, какъ «во всю зиму люди въ сердцахъ своихъ не имѣли мира» ²⁾ и какъ «таяли съ каждымъ днемъ силы нашего войска» ³⁾.

Но бароны все-таки остались господами положенія; они съ нетерпѣніемъ ожидали 20 апрѣля — срока, когда долженъ былъ прибыть въ Задръ Алексѣй. Чтобы успокоить ополченіе, которое съ нетерпѣніемъ ждало выступленія и томилось въ ожиданіи похода въ злополучномъ городѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы подальше увести солдатъ отъ родины, куда они могли дезертировать, Бонифацій и Дандоло рѣшили отправить впередъ весь флотъ на островъ Корфу, посадивъ

1) Villeh. № 110; Chr. Alberici; Devast. CPolitana; Chron. Monachi Trium Font.; Gunth. 2) Vill. 100. 3) ib. 101.

на корабли все ополченіе ¹⁾. Сами они остались съ двумя галерами въ Задрѣ и стали ждать Алексѣя, который прибылъ туда только 25-го числа апрѣля ²⁾. 1-го мая Алексѣй вмѣстѣ съ Бонифаціемъ прибыли на Корфу, гдѣ торжественно были приняты собравшимися вождями ополченія ³⁾.

Оставалось теперь одно, но за то почти самое важное дѣло: надо было добиться согласія на походъ подѣ Константинополь отъ высшихъ слоевъ ополченія, еще не посвященныхъ оффициально въ это дѣло. Казалось, послѣ дезертирства массы недовольныхъ, послѣ удаленія наиболѣе видныхъ вождей противной партіи, послѣ всего этого можно было надѣяться, что все уладится мирно и скоро; но оказалось, что предложеніе идти на помощь Алексѣю вызвало цѣлую бурю: «Всѣ кричали, что надо ѣхать въ Акру ⁴⁾. Несмотря на старанія Бонифація, несмотря на увѣщанія духовенства ⁵⁾, «большая половина арміи» ⁶⁾ удалась изъ лагеря и составила свой совѣтъ. Сторонниками оппозиціи были не только простые рядовые, но и многіе бароны средней руки, которые въ собраніи болѣе значительныхъ лицъ въ Задрѣ чувствовали себя не въ силахъ настаивать на своемъ и боялись могущественныхъ вождей ополченія. Теперь-же они чувствовали за собой поддержку большинства и осмѣлились открыто высказать свое мнѣніе. Диссиденты хотѣли отправить пословъ къ Gauthier de Brienne, который недавно завоевалъ южную Италію, и стать подѣ его знамена для похода въ Св. Землю. Дѣло, которое сулило столько благъ и выгодъ его участникамъ, казалось, готово было рухнуть вслѣдствіе оппозиціи большинства; но ловкость и терпѣніе вождей одержали все-таки верхъ. Трудно сказать навѣрное, какія именно причины заставили оппозицію пойти на уступки. Villehardouin, бывший свидѣтелемъ и участникомъ всѣхъ этихъ переговоровъ, по своему обыкновенію, помѣщаетъ тутъ очень красивую и трогательную сцену. По его разсказу Бонифаціи, три графа, духовенство—всѣ главные сторонники похода на Константинополь отправились къ отдѣлившейся части ополченія и стоя на колѣняхъ, со слезами на глазахъ «просили помиловать ихъ». Вѣрные вассалы, видя униженіе своихъ сюзереновъ, пожалѣли послѣднихъ, сами заплакали и уступили, наконецъ, ихъ настоятельнымъ прось-

1) Devast. CPolitana; Chron. Halberstadt.; Ernoul.

2) An. Halberst.; R. de Clari.

3) Villehardouin; Litt. Hugon. St-Pauli.

4) Litt. Hugon. St.-Pauli. 5) Villeh. № 114. 6) ib.

бамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что чувство вассальной зависимости и преданности играло тутъ видную роль, но врядъ-ли состоявшееся соглашеніе было вызвано единственно только этимъ чувствомъ. Изъ другихъ источниковъ можно догадываться, что сторонники похода на Константинополь пустили въ ходъ всевозможныя средства, чтобы добиться своего. Они не постѣснились даже пойти на ложь и обманъ: по разсказу R. de Slati можно видѣть, что они совершенно исказили отношеніе папы къ предстоявшему походу. Какъ извѣстно, Иннокентій всѣми силами возставалъ противъ такого уклоненія отъ прямого пути; между тѣмъ сторонники похода объявляли, что папа считаетъ это дѣло богоугоднымъ. Между легковѣрными и суевѣрными ополченцами стали распространять слухи, что нѣкто Бурхардъ de Hallermunde, пустыльникъ, жившій въ Рагузѣ, предсказалъ епископу Конраду de Krosigk, одному изъ сторонниковъ похода на Константинополь, будто гордая Византія смирится и склонится передъ оружіемъ крестоносцевъ ¹⁾. Очень можетъ быть, что главари оппозиціи, не видѣвшіе до сихъ поръ никакой выгоды идти въ походъ, были теперь подкуплены такими-же обѣщаніями, какія были даны маркизу и графамъ. Графъ Riant остроумно указываетъ на ту разницу, которая замѣчается у Continuateur de Guillaume de Туг и у Pippino сравнительно съ остальными источниками, когда рѣчь идетъ о суммѣ денегъ, обѣщанной Алексѣемъ вождямъ крестоносцевъ. Эта-та разница и пошла, быть можетъ, на подкупъ наиболѣе вліятельныхъ вождей оппозиціи.

Какъ-бы то ни было, обѣ стороны пошли на соглашеніе. Диссиденты поставили непремѣннымъ условіемъ своего участія въ походѣ, чтобы пребываніе ихъ подъ Константинополемъ продолжалось не долѣе мѣсяца, и съ Михайлова дня они могли-бы по своему усмотрѣнію потребовать корабли для переѣзда въ Египетъ. 23-го мая 1203 г. весь флотъ, при попутномъ вѣтрѣ, понесся къ Константинополю, чтобы силою меча разрушить старое, тысячелѣтнее царство и на его обломкахъ создать новую, недолговѣчную феодальную монархію.

П. Митрофановъ.

1) An. Halberstadt.

Замѣтки по древностямъ Константино- поля.

4¹⁾.

О нѣкоторыхъ пунктахъ, упоминаемыхъ историками по по-
воду мятежа «Ника».

Когда до Юстиніана дошла вѣсть, что мятежники выбрали уже
новаго императора, то онъ изъ своей ложи въ циркѣ (Каензмы)²⁾ по-
спѣшно «удалился во дворецъ и... скрылся въ такъ называемыя Пуль-
питы, находившіяся позади ристалищнаго сѣдалища, (и) въ столовую
съ мѣдными дверями»³⁾. Такъ какъ за сѣдалищемъ былъ и дворецъ
Сѣдалища, или Каензмы, а у этого дворца былъ Иліакъ (балконъ), то,
кажется, я не ошибусь, предположивъ, что императоръ ретировался въ
данномъ случаѣ прежде всего въ этотъ небольшой дворецъ, а затѣмъ
на его Иліакъ, съ которымъ тождественны эти Пульпиты (площадки)⁴⁾.

1) См. Виз. Врем. III, 337 сл.

2) Гр. Толстой (Русс. древ. вып. IV, стр. 150—157) далъ на основаніи кіево-софій-
скихъ фресокъ такія свѣдѣнія объ этомъ сѣдалищѣ, какія и не снились Лабарту;
однако Лабартъ бохѣ правъ, помѣщая ложу *посреди, на оси ипподрома*. Прекрасное
общее описаніе Каензмы мы находимъ у Никиты Хоніата (т. I, стр. 150 и 151 русс
перев.): «Одинъ изъ потомковъ Агари... вызвался перелетѣть съ находящейся въ
циркѣ *башни* все пространство ристалища. Поднявшись на эту *башню, подъ которой
снизу параллельными арками устроены отверстія, откуда пускаются лошади съ бѣга, и
надъ которою вверху стоятъ четыре мѣдные, вызолоченные коня съ выгнутыми шеями,
головами обращенные другъ къ другу и готовые пуститься въ бѣгъ, онъ сталъ на
ней*. Кони эти (которыхъ не надо смѣшивать съ *деумя* Диппеона) теперь въ Венеціи,
откуда временно были взяты Наполеономъ (А. Н. Муравьевъ, Путеш. ко Св. мѣстамъ,
т. I, стр. 41 (1840).

3) «εἰσῆλθεν ἐν τῇ παλατίῳ καὶ ἀνῆλθεν ἐπὶ τὰ λεγόμενα Πούλιτα ὀπισθεν τοῦ κη-
δίσματος τοῦ ἱπποδρομίου εἰς τὸν τρίκλινον, τὸν ἔχοντα τὰς χαλκὰς θύρας» (Theoph.
6024, p. 185 Voog).

4) Бѣляевъ, Byzantina, вып. I, стр. 61. Далѣе онъ могъ идти: Переходами Господа
или Колоннадой Магнавры въ Магнавру, въ Триконъ и т. д.

Если такъ, то надо передѣлать планъ Лабарта въ томъ смыслѣ, что дворецъ Каоизмы былъ между ложей и Илиакомъ, а не отдѣлялся Илиакомъ отъ ложи. Это подтверждаетъ и избитое мѣсто Конст. Багр., откуда ясно, что Теофилъ сначала вѣхалъ въ открытый Ипподромъ, а потомъ подѣхалъ подъ Каоизму¹⁾. Но гдѣ же искать «триклинъ съ мѣдными дверями»? Конечно не въ Ипподромѣ, такъ какъ тамъ оставаться было нельзя²⁾; нельзя искать его и гдѣ либо въ частяхъ Дафны, такъ какъ этотъ дворецъ тогда почти весь сгорѣлъ. Слѣдовательно, его надо искать гдѣ-либо въ числѣ тѣхъ зданій, которыя впоследствии были близко соединены съ Хризотриклиномъ³⁾. Но дѣло въ томъ, что (не говоря даже о постройкахъ Македонской эпохи) зданія, при-мыкавшія къ Хризотриклину, и онъ самъ были по большей части сооружены уже послѣ Юстиніана⁴⁾. Поэтому, принявъ во вниманіе всѣ условія, поневолѣ приходишь къ заключенію, что «триклинъ съ мѣдными дверями», упоминаемый Теофаномъ, тождественъ съ «триклиномъ Лавзіакомъ» Конст. Багр.⁵⁾. Дѣйствительно несомнѣнно извѣстно, что 1) это зданіе называлось «триклиномъ», 2) тамъ были бронзовыя (или мѣдныя) двери, 3) оно существовало до Юстиніана и 4) отсюда шла лѣстница Кохлія⁶⁾, о которой будемъ говорить ниже. Итакъ здѣсь въ Лавзіакѣ или въ Вуколеонтѣ былъ собранъ совѣтъ, на которомъ въ концѣ концовъ было рѣшено бороться до конца. Поэтому, когда мятежники, повѣривъ пущенному изъ дворца слуху, что Императоръ уже бѣжалъ, предались полнѣйшей безпечности, Велиза-

1) Бѣляевъ, стр. 77 и слѣд. Догадка Бѣяева объ «открытомъ Ипподромѣ» весьма основательна уже потому, что, *кажется, этотъ же «открытый Ипподромъ» далѣе является у Конст. Багр. подъ названіемъ «Стамы», зданія въ видѣ буквы П, быть можетъ, неудачно прилѣпленнаго Лабартомъ къ Каоизмѣ спереди.*

2) Поэтому даже Бооръ (въ указателѣ) помѣстилъ его *во дворцѣ*.

3) Хотѣлось бы сказать: «зданій Большаго дворца», такъ какъ самъ Бѣляевъ (стр. 1) поясняетъ, что *К. В. подъ «Большимъ дворцомъ» разумѣетъ именно эти зданія (а не всѣ)*. Не значить-ли, что другія зданія были за Ипподромомъ (крошъ Магавры, которая является чѣмъ-то особымъ)?

4) Были несомнѣнно: Лавзіакъ и спальныя покои. Лавзіакъ существовалъ до Юстина I (Бѣляевъ, стр. 50, прим.). Что царскіе покои были только заново перестроены Василіемъ Макед, и ранѣе (со времени Θεодосія II?) существовали тамъ-же, къ югу отъ Хризотриклина, это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію послѣ обстоятельнаго разбора свидѣтельствъ о дворцовыхъ переворотахъ второй половины VII и начала VIII вѣковъ, произведеннаго мною въ 1-й части (введеніи) приготовленнаго къ печати новаго труда объ императорахъ-иконоборцахъ.

5) Какое значеніе этого названія? Миѣ оно напомнило филологію Конст. Багр. о Рагузѣ (De adm. imp., гл. 29).

6) Бѣляевъ, стр. 49 и 50.

рлю и Мунду было поручено ударить на Ипподромъ. Какъ въ видахъ человеколюбія, такъ и изъ соображеній чисто стратегическихъ надо было прежде всего овладѣть царскимъ сѣдалищемъ, почему оба полководца направились къ этой одной точкѣ, но разными путями. «Мундъ», говоритъ Прокопій, «выступилъ изъ палатин воротами, гдѣ находится Кохлія (улитка), такъ называемая по фигурѣ своей, совершенно кругообразной»¹). Я полагаю несомнѣннымъ, что Мундъ двинулся именно извѣстной изъ «Церемоній» Конст. Багр. лѣстницей, примыкавшей къ Лавзіаку съ запада, со стороны Ипподрома, и выходявшей на Өермастру или, точнѣе, ту мѣстность, гдѣ Өермастра была потомъ устроена. Эти «ворота» (очевидно *наружная дверь*) вѣроятно упоминаются и въ «Церемоніяхъ» подъ названіемъ двери, ведущей изъ Өермастры въ Лавзіакъ (*πίλης εισαγωγῆς ἀπὸ τῆς Өερμάστρας εἰς τὸν Λαυσιακόν*), а «слоновая» дверь была *дверь внутренняя*. До Юстиніана II это было, очевидно, главное крыльцо двора. Это та *Кохлія дворца* (называемая такъ въ отличіе отъ *Кохліи Ипподрома*), которая упоминается у Теофана въ двухъ мѣстахъ: 1) Армагій «былъ убитъ въ *Кохліи дворца*, когда шелъ къ Ипподрому; 2) «Празины, собравшись у *Кохліи* (ἐπὶ τὸν Κοχλίαν) ругали Константина»²). Извѣстно, что кратчайшій путь въ Ипподромъ изъ Лавзіака велъ впоследствии черезъ Триклингъ Юстиніана и Скилы и выходилъ по всѣмъ даннымъ приблизительно немного лѣвѣе ристалищнаго столпа³). Но при Юстиніанѣ Вел. этихъ пристроекъ не было, да и цѣлью нападенія была Каезима. Слѣдовательно надо было идти ближайшимъ къ послѣдней входомъ. Въ источникахъ упоминается такой входъ подъ названіемъ «полукруга» (*σφενδονή*)⁴). Такъ какъ подъ «σφενδονή» здѣсь никакъ нельзя подразумѣвать извѣстнаго вообще подъ этимъ названіемъ полукружія (въ юго-зап. части Ипподрома К.—ля), которое въ данномъ случаѣ здѣсь слиш-

1) Procop. Pers. I, 24, стр. 326 и 327 (= 127 Вопп.): «διὰ πύλας ἐξῆει, ἔνθεν δὲ ὁ κοχλίαις ἀπὸ τῆς ἰδαίας καθόλου κυχлотεροῦς οὐσῆς ὠνόμασταί.»

2) Theoph. p. 127 и 293 Воог.

3) Здѣсь Лабартъ правъ. Этотъ упоминаемый сѣверный столпъ былъ столпомъ Голубыхъ. Что же касается Триклина Юстиніана, то кстати замѣчу о немъ, что не слѣдуетъ совсѣмъ забрасывать догадку Паспати о томъ, что это зданіе занимало улицу Ἀρίστα σαχάγυ. Вмѣсто споровъ не лучше-ли повѣрить. Такъ какъ Триклингъ Юстиніана примыкалъ подъ прямымъ угломъ къ Ипподрому и, очевидно, немного лѣвѣе сѣвернаго столпа, то надо только знать, приходится-ли и эта улица перпендикулярно оси Ипподрома, и можетъ-ли ея продолженіе выйти на точку меты, отстоящую отъ обелиска Θεοδοσία къ с. в. вдвое, чѣмъ отъ послѣдняго отстоятъ на ю.-в. пирамида Конст. Багр.

4) Эти указанія источниковъ собраны ниже.

комъ далеко¹⁾, то по неволѣ приходишь къ важному выводу о тождественности «траици» (σφενδονή) Θεοφана съ Ансидой Конст. Багр. Этимъ проходомъ, какъ ближайшимъ, и хотѣлъ, очевидно, ворваться Мундъ, но почему-то ему не удавалось, и онъ до поры бездѣйствовалъ. Велизарій же «восходилъ сперва прямо къ Ипатію и царскому сѣдалищу», т. е., очевидно, двинулся на это сѣдалище приблизительно той-же дорогой, которой ранѣе ретировался Императоръ. Но «достигнувъ ближайшаго дома, гдѣ искони стоитъ стража», т. е., очевидно, ближайшаго къ дворцу Каэизмы, такъ сказать его караулки²⁾, онъ убѣдился къ своему ужасу, что эти солдаты (только что прикрывавшіе отступление Императора) измѣнили или, правильнѣе, держали нейтралитетъ. Онъ вернулся и сказалъ Императору, что «все для него кончено, когда противъ него даже тѣ воины, которымъ поручена охрана палатинъ» (т. е. палатин Каэизмы). Но Юстиніанъ, воодушевленный «Богомъ дарованной супругой», приказалъ полководцу сдѣлать послѣднюю попытку: «идти къ Халкѣ»³⁾. Очутившись послѣ этого несравненнаго движенія съ правой стороны отъ Каэизмы, Велизарій «сперва хотѣлъ устремиться на самаго Ипатія; но такъ какъ тутъ есть *маляя врата* (βραχέιας δὲ οὖσης ἐνταῦθα πύλιδος), которыя тогда были заперты и охраняемы снутри воинами Ипатія», то онъ ударилъ на толпу, наполнявшую Ипподромъ. Мундъ, услыхавъ, что солдаты Велизарія ворвались уже въ Ипподромъ и, очевидно, сообразивъ, откуда и какъ они дѣйствуютъ, бросилъ свое прежнее намѣреніе двигаться къ «полу кругу» и ударилъ на Ипподромъ черезъ «Ворота Мертвыхъ»⁴⁾. Получивъ извѣстіе, что полководцы одолеваютъ, Юстиніанъ немедленно подкрѣпилъ ихъ всѣми тѣми войсками, какія только онъ могъ двинуть отъ своего убѣжища. Здѣсь мы должны оставить Прокопія и опять обратиться къ Θεοфану. Отряды, посланные для подкрѣпленія, были отданы подъ начальство Нарзеса, сына Мунда и нѣкоторыхъ другихъ

1) Нельзя предположить и «прохода столпа» противъ столпа Голубыхъ, какъ это будто-бы хочетъ сдѣлать русскій переводчикъ Θεοφана: столпъ этотъ назывался не σφενδονή, а χαλκτός.

2) Не одно-ли изъ зданій, соединявшихъ храмъ Господа съ Магнаврой (Сак елла Оатъ?).

3) Думаю, что никто не станетъ оспаривать тождества «Прописеевъ Халки» (Прокопія) съ «портникомъ Ахилла» (Конст. Багр.), такъ какъ у Прокопія «Большіе портники» (Халки и Милія) упоминаются особо.

4) «Ворота Мертвыхъ» удачно опредѣлены Лабартомъ. Движеніе Мунда было рассчитано превосходно: онъ нападалъ съ диаметрально-противоположной стороны и затруднялъ въ то же время выходъ мятежникамъ въ сравнительно близкія къ «Воротамъ Мертвыхъ» другія ворота: ворота со стороны города (отъ св. Анастасіи).

лицъ. «Нарзесъ вошелъ въ ворота, сынъ Мунда—черезъ «полукругъ», другіе тропинкой (или дверцей?) Каэизмы на край и принялись поражать народъ мечами и стрѣлами»¹⁾. Это мѣсто показываетъ, что послѣ удачнаго общаго нападенія Велизарія и Мунда многіе тѣ пункты, на которые они не могли напасть, сдѣлалось возможнымъ атаковать. Такъ какъ опять таки главныя усилія были обращены на Каэизму, то сынъ Мунда ударилъ ближайшимъ проходомъ «полукруга»²⁾, а другіе войны стрѣлки, очевидно, бросились къ «*μονοπάτω*» (т. е. тропинкѣ, одиночной дорогѣ), которымъ шелъ путь къ Каэизмѣ. Намъ достоверно извѣстно, что одинокій путь Царя въ Каэизму еще со времени Константина Великаго шелъ черезъ такъ называемую «Кохлію» (витую лѣстницу) изъ храма Стефана въ Дафнѣ³⁾. Но войны почему-то не думали попасть прямо въ Каэизму и схватить Ипатія, а, напротивъ, воспользовались площадкой, прилегавшей къ Каэизмѣ, какъ командующей высотой⁴⁾. Въ такомъ случаѣ приходится предположить, что Кохлія изъ Дафны вела не въ самую Каэизму, а только къ дверямъ ея, двери же были заперты. Но если мы вспомнили здѣсь о Кохліи Ипподрома, то тѣмъ болѣе приходится вспомнить и о той дверцѣ, куда не могъ пройти Велизарій, и которая, очевидно, вела къ той же Каэизмѣ. Такое сближеніе заставляетъ какъ бы предполагать связь Кохліи изъ Стефана въ Дафнѣ съ дверцей, находившейся въ южной стѣнѣ зданія Каэизмы, хотя на это пока рѣшиться опасно. Что же касается воротъ, которыми ворвался Нарзесъ, то, имѣя въ виду отдаленность воротъ со стороны города (отъ св. Анастасіи) и вообще стремленіе войскъ къ Каэизмѣ, кажется, вѣрнѣе всего будетъ предположить, что ворота эти вели отъ Средней улицы и Портика Ахилла, т. е. тождественны съ тѣми, которыми (въ классическомъ мѣстѣ Конст. Багр.) Теофилъ изъ Халки пріѣхалъ въ Ипподромъ.

А разъ войска захватили главные пункты, дѣло мятежа было проиграно, и Ипатій даже не могъ уйти.

1) Theoph. *ibid.* «ὁ μὲν Ναρσῆς διὰ τῶν θυρῶν, ὁ δὲ υἱὸς Μούνδου διὰ τῆς σφενδονῆς, ἄλλοι δὲ διὰ τοῦ μονοπάτου τοῦ καθίσματος εἰς τὸ πέλμα». Вмѣсто «μονοπάτου» есть чтение: «μονοπόρτου».

2) Этими же проходомъ (и ранѣе черезъ Кохлію) вытаскили въ Ипподромъ и Юстиніана II (Theoph. p. 369 Boog); имъ-же, вѣрно, таскили и Филиппика.

3) Въ отличіе отъ дворцовой (см. выше) это была Кохлія τοῦ ἱππικοῦ (Theoph. p. 127 Boog).

4) Вѣрно эта площадка, среди которой стояла самая Каэизма, называется у Прокпія «царскимъ мѣстомъ», на которомъ «царское сѣдалище (Каэизма)».

5.

Кое-что о «Новой базиликѣ».

Проф. Кондаковъ въ числѣ разныхъ ошибокъ сдѣланныхъ Лабартомъ отмѣтилъ, между прочимъ, и то обстоятельство, что на его планѣ не у мѣста приурочена «Новая базилика». Дѣйствительно у Лабарта этотъ храмъ стоитъ слишкомъ далеко къ востоку совершенно уединенно, въ то время какъ изъ свидѣтельства Фотія ясно, что базилика эта находилась «*en mésois avtois anaktórois*»¹⁾. Но почтенный нашъ ученый упустилъ изъ виду, что даже у того Конст. Багр. есть мѣсто, ясно указывающее, что «Новая базилика» была гораздо ближе къ Ипподрому, чѣмъ это выходитъ у французскаго ученаго; въ «Церемоніяхъ» ясно сказано, что восточныя окна Триклина Юстиніана были обращены въ сторону сада Месокипія²⁾. Такой садъ, какъ извѣстно, былъ расположенъ къ востоку отъ «Новой базилики», между портиками, служившими продолженіемъ галлерей, окаймлявшихъ церковь съ сѣверной стороны³⁾ и тянувшихся до самаго Циканистерія. Кромѣ того, и самый нартексъ какъ бы былъ продолженіемъ сада. По замѣчанію проф. Кондакова, «очевидно, это былъ первый типъ позднѣйшихъ монастырскихъ дворовъ Южной Италіи, съ ихъ колоннадами изъ витыхъ, убранныхъ мозаикой колоннокъ»⁴⁾. Въ обширномъ смыслѣ, быть можетъ, понятіе «Месокипій» обнимало и его, и его скорѣе имѣлъ въ виду Конст. Багр., говоря о Триклинѣ Юстиніана.

Теперь я позволяю себѣ затронуть другой вопросъ. Изъ описаній Константина Багр. и Фотія мы имѣемъ весьма ясное представленіе о «Новой базиликѣ». Главное, что бросается въ глаза въ описаніяхъ, это то, что въ конхѣ алтаря этой церкви была Богоматерь, подобная нашей «Нерушимой», а въ большомъ куполѣ—Спаситель. Еще незабвенный А. Н. Муравьевъ высказалъ мнѣніе, что образцомъ нашей

1) Кондаковъ, стр. 59.

2) Labarte, p. 200 (тамъ цитата изъ К. Б.).

3) Очевидно, мы имѣемъ тутъ нѣчто въ родѣ нартекса съ трехъ сторонъ, какъ это было въ нѣкоторыхъ базиликахъ Херсонеса (Толстой и Кондаковъ, Русскія древности, вып. IV, стр. 16).

4) Кондаковъ, стр. 60.

кіевской Св. Софіи послужилъ какой-либо цареградскій храмъ ¹⁾. Но, сколько мы знаемъ, изъ храмовъ Константинополя на Св. Софію Кіева похожъ лишь одинъ Пантократоръ ²⁾, несомнѣнно позднѣйшее сооруженіе. Принимая во вниманіе эти обстоятельства, а также и то, что «Новая базилика» была, по выраженію Байе, «Святой Софіей Василя Макед.» ³⁾, я осмѣливаюсь высказаться рѣшительно, что *Кіево-Софійскій соборъ есть копія «Новой базилики»* ⁴⁾.

Не пригодится-ли тогда описаніе Фотія для нашей Св. Софіи?

6.

Форумъ Θεодосія, Ексокіоній и Троадскіе портики.

Проф. Бѣляевъ въ своей статьѣ: «Новый списокъ древняго устава конст. церквей» ⁵⁾, между прочимъ, приводитъ текстъ типика:... «Упали и стѣны города и значительная часть домовъ, особенно же *отъ Троадисіевыхъ портиковъ до Бронзоваго Тетрапила*» (стр. 455). Всякому сколько-нибудь знакомому съ топографіей К — ля бросается въ глаза чрезвычайно важное значеніе этого текста ⁶⁾. Принято думать (см. наприм. Кондакова, конецъ 3-й главы), что Золотые, или Троадскіе, портики тянулись отъ Золотыхъ воротъ до площади Θεодосія *или Тавра*; между тѣмъ здѣсь восточный конецъ этихъ портиковъ оказывается гораздо западнѣе Бронзоваго Тетрапила, бывшаго, какъ извѣстно, на Мѣстѣ (Via triumph.), близъ церкви 40 мучениковъ (нынѣ мечеть Лалели) ⁷⁾. Проф. Бѣляевъ не замѣтилъ этого и держится тождества фор. Θεодосія съ фор. Тавра (стр. 453).

1) Путешествіе по святымъ мѣстамъ русскимъ, т. I, стр. 659.

2) Толстой и Кондаковъ, Русскія древности, вып. IV, стр. 114.

3) Bayet, Art byzantin, p. 137.

4) Что касается расположенія Лабартомъ второстепенныхъ зданій Большого дворца, то, по моему, переходы Маркіана, Пентакувуклій и Порфирная Палата обозначены у него хорошо. Положеніе же остальныхъ можетъ быть выяснено только раскопками.

5) Виз. Вр. т. III, вып. 3 и 4. Вопросъ о времени перенесенія мощей св. Григорія Бог. разрѣшится благополучно, если проф. Бѣляевъ обратится къ сочиненію Конст. Багр. «О емаяхъ».

6) Сходный текстъ есть, впрочемъ, и у Муралята.

7) Виз. Вр. т. III, вып. 2, стр. 389.

Между тѣмъ у Кодина (стр. 70) сказано ясно: «*Ἐν δὲ τῷ Ἐπιρολόφῳ... Ἰσχυατὸν δὲ ἐκλήθη Θεοδοσιακὸς φόρος*». Итакъ, *форумъ Θεοδοσία тождественъ съ Ксиролофомъ* (иначе *фор. Аркадія*, нынѣ Авретъ-базаръ), а не съ Тавромъ (нынѣ Эски-Сераль). На Таврѣ была дѣйствительно статуя Θεοδοσία Великаго, но на Ксиролофѣ была статуя *Θεοδοσία Μладшаго* (Codin., p. 30), болѣе чтимаго въ К—лѣ, какъ строителя стѣнъ. Про тождество *фор. Θεοδοσία* съ *фор. Аркадія* вскользь есть даже у Мордтмана - сына, книгу котораго проф. Вѣляевъ удостоилъ рецензій. Да и въ самомъ дѣлѣ: какъ могли Троядскіе портики тянуться на востокъ до Тавра, если мы достовѣрно знаемъ, что вдоль всей Триумфальной улицы тянулись два портика Эвбула: Халки и Милія вплоть до самаго Ексокіонія (Codin., p. 22)? Ексокіоній Кодинъ опредѣляетъ такъ: «*Τὸ Ἐξακίονιον χειρσαῖον ἦν τεῖχος παρὰ τοῦ μεγάλου Κωνσταντίνου κτισθέν, διήρκεσε δὲ χρόνους λβ', μέχρι βασιλείας Θεοδοσίου τοῦ μικροῦ. ἔξωθεν δὲ ἴστατο κίων, ἔχων στήλην μεγάλου Κωνσταντίνου, καὶ τούτου χάριν λέγεται Ἐξακίονιον*» (Codin., p. 46). Если мы примемъ во вниманіе, что въ другомъ мѣстѣ (p. 126) Кодинъ поясняетъ, что ц. Св. Троицы въ Ексокіоніи есть не что иное, какъ только особенное названіе церкви Свв. Апостоловъ, то, думаю, не будетъ ошибочно опредѣлить Ексокіоній: полоса земли, заключавшаяся между древней стѣной Константина Великаго и новой стѣной Θεοδοσία Μладшаго до р. Лика или немного сѣвернѣе¹⁾. Триумфальная улица (несомнѣнно, въ своей западной части вполнѣ совпадавшая съ нынѣшней главной) соприкасалась съ этой полосой земли близъ Мраморнаго моря, и тамъ были «Древнія ворота св. Іоанна Предтечи»²⁾, впоследствии получившія еще названіе «Золотыхъ воротъ Константина Великаго»³⁾, въ отличіе отъ настоящихъ «Золотыхъ воротъ» (гдѣ Семибашенный замокъ). Но когда были построены новыя Золотыя ворота Θεοδοсіемъ Μладшимъ, то портики Эвбула до нихъ не хватали (ибо кончались у линіи старой стѣны). Пришлось, такъ сказать, надточать ихъ на прибавленномъ пространствѣ (*ἐπι στήλη*⁴⁾ К. В.), и получились новыя: «Золотые, или Троядскіе портики».

1) Какъ переводить и даже какъ писать Ексокіоній (Ἐξακίονιον или Ἐξακίονιον) еще вопросъ.

2) Codin., стр. 25, 97 и 125.

3) Въ этомъ смыслѣ опять правъ Мордтманъ - сынъ, отождествляя Ексокіоній 22 стр. Кодина съ «Золотыми воротами К. В.».

4) По моему, отсюда и идетъ происхожденіе слова «Ексокіоній».

Теперь, если мы примемъ во вниманіе, что восточный конецъ этихъ портиковъ (Золотыя ворота К. В.) приходился къ сѣверо-востоку отъ Студійскаго монастыря (нынѣ мечеть Имбрахоръ), т. е. былъ не очень далеко отъ западнаго конца форума Аркадія (нынѣ Авреть-базаръ), то найдемъ, что Троядскіе портики тянулись дѣйствительно «отъ Золотыхъ воротъ до форума Θεοδοσία» (но не Тавра).

Гавріилъ Ласкинъ.

ОТДѢЛЪ II.

I. КРИТИКА.

В. Истринъ, *Александрия русскихъ хронографовъ. Изслѣдованіе и текстъ*. Москва. 1893.

Dario Carraroli, *La leggenda di Alessandro Magno*. Torino. 1892.

E. A. Wallis Budge, *The life and Exploits of Alexander the Great, being a series of aethiopic texts edited from manuscripts in the British Museum and the Bibliothèque nationale, Paris*. London, 1896, 2 vv.

M. Gaster, *An old hebrew romance of Alexander, translated from hebrew Mss. of the twelfth century* (въ Journal of the Royal Asiatic Society, July, 1897).

H. Christensen, *Die Vorlagen des byzantinischen Alexandergedichtes* (оттискъ изъ Sitzungsberichte der philos.-philol. und der hist. Classe der k. bayer. Ak. d. Wiss. 1897, Hft. I, 1897).

В. Истринъ, *Сказаніе объ Индійскомъ царствѣ*. Москва. 1893 (изъ 1-го выпуска «Трудовъ славянской комиссіи» при Императорскомъ Археологическомъ Обществѣ).

I.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ г. Истринъ издалъ русскій или славяно-русскій переводъ Псевдокаллистонова романа въ четырехъ извѣстныхъ ему редакціяхъ и прослѣдилъ внутреннюю и внѣшнюю исторію его текста, исторію накопленій, подъ вліяніемъ новыхъ источниковъ, сознательныхъ или бессознательныхъ обработокъ и сокращеній. Обстоятельное введеніе въ изданные имъ памятники, являясь въ хронологическомъ смыслѣ какъ бы надстройкой къ моей работѣ объ источникахъ Сербской Александрии¹⁾, указываетъ не только на начитанность автора, особенно въ рукописной литературѣ, но и на критицизмъ, идущій на встрѣчу всѣмъ

1) Изъ исторіи романа и повѣсти, вып. I, стр. 131 слѣд.

запутаннымъ вопросамъ и часто находящій имъ разрѣшеніе. Можетъ быть, первую главу введенія (стр. 1—68) о судьбахъ Псевдокаллистоена на востокѣ и западѣ, которымъ посвященъ и бѣглый очеркъ Каррароли, слѣдовало поставить нѣсколько иначе: она даетъ и много и мало. Я понимаю, что авторъ лишь мимоходомъ коснулся позднихъ восточныхъ версій Александрии (стр. 68), но на древній сирійскій и эіопскій пересказы (по сколько послѣдній былъ ему извѣстенъ изъ Budge-Nöldeke) слѣдовало обратить большее вниманіе. Наоборотъ, перечисленіе западныхъ обработокъ заняло, по моему, слишкомъ много мѣста, тогда какъ на русскую Александрію онѣ не вліяли. Одна, впрочемъ, изъ нихъ, именно поэма Ульриха фонъ Эшенбахъ, вызвала сравненіе ея автора съ составителемъ второй редакціи нашей Александрии, къ выгодѣ будто-бы послѣдняго: и тотъ и другой развивали содержаніе Псевдокаллистоена матерьяломъ, взятымъ со стороны. Ульрихъ черпалъ изъ рыцарской, нашъ редакторъ изъ знакомой ему полуперковой, полусвѣтской литературы, но онъ то и оказался на высотѣ призванія: хотя у него были подъ руками христіанскіе памятники, онъ такъ искусно приспособилъ ихъ къ Александру, что не получилось смѣшенія языческаго съ библейско-христіанскимъ, поражающее у Ульриха—и, добавлю, въ Сербской Александрии и ея источникѣ. Но въ средніе вѣка такое смѣшеніе было единственнымъ средствомъ усвоенія, между прочимъ, поэтическаго: герою античнаго эпоса усваивались въ формахъ христіанскаго либо христіанско-феодальнаго героизма, потому что для объективнаго пониманія не было критерія. Иное дѣло компиляторъ: связанный готовымъ текстомъ, который затѣялъ развить, онъ не выходилъ за предѣлы его міросозерцанія, держался его при выборѣ новыхъ подробностей, назначенныхъ освѣжить старый разсказъ. Я различаю между цѣльностью усвоенія и цѣльностью сохраненія; о послѣдней только и можетъ идти рѣчь и, мнѣ кажется, г. Истринъ приписалъ своему второму редактору слишкомъ много сознательности, стилистическаго умѣнья — попасть въ тонъ оригинала и провести его послѣдовательно (см. напр. стр. 175, 188, 189, 234, 239—40 и *passim*). Сербская Александрія согрѣшила тѣмъ же, чѣмъ Ульрихъ, и попала, если не въ тонъ оригинала, то въ тонъ общества; ее больше и читали.

Нѣсколько замѣтокъ къ западнымъ пересказамъ, анализированнымъ въ введеніи: Клеопатра *née de Pincernie* (*Pinceneis* = печенѣги); *Lutis* = Лютичи (стр. 55); *Argus* = Геркулесъ (стр. 57); рки. Лампрехта изъ *Vogau* и Базеля, не Форовская и Баслеровская (стр. 61 и *passim*); не валійское нарѣчіе, а *welsch*, т. е. французское или романское (стр. 62). Вообще было бы къ выгодѣ читателя, если бы введеніе долѣе остановилось на анализѣ тѣхъ источниковъ Александровой саги и тѣхъ ея подробностей, которыя повліяли на обработку нашего текста; это облегчило бы потомъ разборъ частныхъ. Такъ въ пересказахъ Псевдокаллистоена В, С не упомянуть эпизодъ о Гогѣ и Магогѣ (стр. 11 слѣд.), онъ является въ

отчетъ о содержаніи французскаго романа (стр. 55), и лишь позже (стр. 93 слѣд.) поднимается вопросъ объ источникѣ этого отдѣла у Псевдокаллисеена В, С и во второй редакціи нашей Александрии (стр. 189—191). Такъ и *Iter ad Paradisum* надлежало разобрать особо, а не упомянуть только по поводу источниковъ Ульриха фонъ Эшенбахъ (стр. 64); о Тайная Тайныхъ говорится, если не ошибаюсь, впервые, въ связи съ 5-й редакціей Александрии (стр. 303).

Тогда какъ Сербская повѣсть объ Александрѣ широко распространялась въ отдѣльныхъ спискахъ, какъ романъ, переводъ Псевдокаллисееновскаго текста привязанъ къ хронографу и историческому сборнику, на него смотрѣли, стало быть, какъ на историческій рассказъ, да и послѣдующіе компиляторы вносили въ него фантастическія подробности не въ романическихъ помыслахъ. Впрочемъ, отдѣльные списки Псевдокаллисееновской Александрии, извлечения изъ хронографовъ, встрѣчаются чаще, чѣмъ можно было бы заключить по введенію автора (см. стр. III, 123, 250, 312). Г Истрингъ подвергъ ихъ тщательному разбору, изучилъ ихъ отношеніе къ редакціямъ Псевдокаллисеена, установленнымъ Миллеромъ, не миновавъ и синодальнаго списка, изъ котораго проф. Васильевскій издалъ Совѣты византійскаго боярина XI вѣка, янѣсколько *Λόγος Ἀλεξάνδρου*; коснулся и вопроса объ источникахъ византійской поэмы XIII—XIV вѣка, озаглавленной Вагнеромъ: *Βίος Ἀλεξάνδρου* (въ ркп. *Ἀλέξανδρος ὁ βασιλεύς*)¹⁾. Оказывается, что наша Александрия переведена была съ какой нибудь разновидности греческой редакціи В (стр. 69; сл. 86, 87: совпаденіе съ L; 90, 91: съ С, L; 92: съ А, С, L; 95; 97 слѣд.). Но гдѣ сдѣланъ переводъ? Нѣтъ основанія называть нашу Александрию русской или болгарской, говорить авторъ (стр. III); какихъ-либо особенностей, указывающихъ на югославянскій переводъ, нѣтъ, повторяетъ онъ въ другомъ мѣстѣ; быть можетъ, въ русскихъ спискахъ сгладились всѣ особенности югославянскаго письма (стр. 138; сл. стр. 136). Вопросъ остался не рѣшеннымъ. Въ этотъ то переводъ конца XII или начала XIII вѣка внесенъ былъ изъ *готоваю* уже перевода Амартола (не изъ Иосифа Флавія, какъ полагалъ я, сл. стр. 119 прим. 7) эпизодъ о посѣщеніи Александромъ Иерусалима; въ этомъ видѣ нашъ текстъ слился въ XIII вѣкѣ съ хроникою Маламы (см. стр. 135—136, 250) и получилъ мѣсто въ томъ историческомъ сборникѣ 1262 г. (авторъ называетъ его Иудейскимъ хронографомъ), составленномъ въ западной Руси, на Литвѣ (стр. 358, 360), который послужилъ оригиналомъ Архивскаго = Вилен-

1) Сл. стр. 23 слѣд. Вопросъ этотъ было основательно пересмотрѣнъ Christensen'омъ въ статьѣ (*Die Vorlagen des byz. Alexandergedichtes*. München, 1897), любезно доставленной мнѣ авторомъ уже при послѣдней корректурѣ предлагаемаго разбора. Общіе выводы собраны на стр. 108—4, 112—113, 118; авторъ высказываетъ предположеніе, что въ чертѣ младшей рецензій Псевдокаллисеена (В') ркп. L, *Βίος*, оригиналъ славянскаго перевода, отчасти и С, представляютъ особую группу, византійскій источникъ которой ближе стоялъ къ А', чѣмъ другія передѣлки вульгаты (В').

скаго списковъ (см. гл. VII, стр. 317 слѣд.). Если переводъ лѣтописи Малалы, попавшій въ оригиналь Архивскаго списка, сдѣланъ былъ пресвитеромъ Григоріемъ для болгарскаго царя Симеона (стр. 357), то гдѣ же вставленъ былъ въ него переводъ Александрии съ эпизодомъ изъ Амартола, тоже въ готовомъ славянскомъ переводѣ? Вѣроятность склоняется въ пользу южнославянскаго происхожденія русской Александрии древнѣйшей Псевдокаллистоеновой редакціи. Иначе вопроса я рѣшить не умѣю.

Изъ этого текста путемъ переходныхъ обработокъ (см. стр. 243 слѣд.; 247) выработалась не позже начала XV вѣка (стр. 24) такъ называемая 2-я редакція Александрии, внесенная во вторую редакцію Еллинскаго и Римскаго лѣтописца, но составленная до этого включенія (стр. 140 слѣд.). Ея авторъ, литературное умѣнье котораго г. Истринь, какъ мы видѣли, ставитъ очень высоко, распространилъ готовую повѣсть вставками изъ различныхъ источниковъ (см. ихъ перечень на стр. 239), между прочимъ, изъ откровеній Меодія, изъ Епифанія Кипрскаго, изъ сказанія объ Индѣйскомъ царствѣ, изъ Физиолога, откуда взятъ эпизодъ о Горгоніи уже въ связи съ Александромъ (см. стр. 230 слѣд.; Карпѣевъ, Физиологъ, стр. 385—6, прим. 2), что дало мнѣ поводъ предположить существованіе этого эпизода въ какомъ нибудь южно-славянскомъ, стало быть и греческомъ текстѣ Александрии. Осторожнѣе было бы выразиться: въ какомъ нибудь преданіи объ Александрѣ. Г. Истринь (стр. 212, 221) допускаетъ, что такія устные преданія могли заходить на Русь; когда при другомъ случаѣ, по поводу изображенія на Дмитровскомъ соборѣ Александра, несущагося на грифахъ, мнѣ пришлось выразиться, что уже въ XII вѣкѣ Александрія была популярна на Руси, я имѣлъ въ виду не тотъ или другой текстъ романа объ Александрѣ, а комплексъ заходящихъ о немъ преданій (см. стр. 214, прим. 3).

Сербская Александрія явилась на Руси приблизительно въ XIV—XV вѣкахъ (стр. 251), ею воспользовался нѣкто, сократившій текстъ разсмотрѣнной нами 2-й редакціи и очень немного къ ней добавившій. Къ этой посредствующей версіи = X, не сохранившейся въ записяхъ, г. Истринь возводитъ, путемъ сравнительнаго изученія подробностей, третью (стр. 252 слѣд.) и четвертую редакціи Александрии, помѣщенные въ хронографахъ 1-й редакціи, нераздѣленномъ на главы и раздѣленномъ; и эти хронографы и включенная въ нихъ Александрія восходятъ къ оригиналу того же состава: хронографъ — X, XV-го вѣка, и то и другое южнославянскаго происхожденія (стр. 286). Если такъ, то гдѣ же составлена 2-я редакція Александрии, переработкой которой является текстъ X? На Руси или на славянскомъ югѣ, на который, мы видѣли, указываетъ и генеалогія 1-й редакціи?

Дальнѣйшая исторія Александрии въ русской письменности (стр. 289—316) представляетъ рядъ отрывочныхъ явленій, не возбуждающихъ особаго интереса. Намѣчается пятая редакція начала XVII вѣка и нѣсколько

отдѣльныхъ текстовъ съ заимствованіями изъ Мартина Бѣльскаго, *Historia de Preliis* и др.

II.

Почему Сербская Александрія пользовалась большею популярностію у русскихъ читателей, чѣмъ Александрія Псевдокаллисеновскаго типа, хотя бы во второй редакціи, распространенной новыми романтическими подробностями? Авторъ (стр. 250—1) видитъ тому причину въ большей романтичности Сербскаго романа, въ обилии сентиментальныхъ рѣчей, произносимыхъ дѣйствующими лицами, и афоризмовъ, напоминавшихъ любимыя Пчелы; наконецъ въ томъ, что Александръ являлся полухристіанскимъ героемъ. Именно этой метаморфозой, шедшей на встрѣчу народному пониманію, авторъ объясняетъ себѣ и большую популярность разсказа. Усвоеніе героическихъ типовъ въ средѣ народностей, не создавшихъ ихъ, зависитъ отъ интенсивности общечеловѣческаго содержанія этихъ типовъ: въ Александрѣ маняла тайна высшего человѣческаго могущества и величія, безсильныхъ передъ смертію, въ Соломонѣ божественная, всепроникающая мудрость, уловляемая мелкой хитростію. Не даромъ тотъ и другой стали героями всесвѣтнаго эпоса; романъ объ Александрѣ проникъ даже къ Малайцамъ и Сіамцамъ; но каждый народъ усвоивалъ ихъ въ мѣру своего пониманія, своихъ общественныхъ и религіозныхъ порядковъ и воззрѣній. Тогда какъ на западѣ Александръ отвѣтилъ идеалу рыцаря, у персіянъ онъ сталъ персіянцемъ, сыномъ персидскаго царя, Аристотель — его визирь; арабы сдѣлали Александра служителемъ Аллаха, сербская Александрія — проповѣдникомъ библейскаго Бога, готовымъ сосудомъ христіанства; такъ и въ ея греческомъ оригиналѣ, переведенномъ около 1670 года на арабскій языкъ священникомъ Іоасафомъ, по прозвищу *Abū Suwaidāt*; его переводъ былъ популяренъ среди сирійскихъ христіанъ ¹⁾.

Еще дальше пошло христіанизированіе въ сирійскихъ и эіопскихъ Александріяхъ. Въ Сирійской литературѣ существуетъ переводъ Псевдокаллисена (типа А), сдѣланный въ VII—VIII вѣкѣ съ утраченнаго пеглевійскаго оригинала (VII в.) ²⁾, но уже въ 514—515 годахъ составлена была

1) Почерпая послѣднюю подробность у Nöldeke, *Beiträge z. Gesch. des Alexanderromans* (Wien 1890), стр. 54. Автору извѣстно была лишь работа Каппа о греческой Александріи Вѣнской рукописи, не мое изданіе текста. На сербскую Александрію онъ не обратилъ вниманія. Въ Аламанахъ греческой (и сербской) повѣсти онъ видитъ нѣмцевъ (?); Сакулаты = Сколоты, сл. ib. стр. 55 и прим. 2; Изъ исторіи стр. 167—8; (А. Веселовскій, Гастеръ и Гаркави) Новыя данныя для исторіи романа объ Александрѣ стр. 26. — О грузинскомъ переводѣ Александріи, сдѣланномъ съ сербскаго текста позже XIV вѣка, можетъ быть, въ XVI-мъ, сл. сообщеніе г. Хаханова въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1893, сентябрь, стр. 241 слѣд.: Грузинская повѣсть объ Александрѣ Македонскомъ и сербская Александрія.

2) Хронологія и опредѣленіе источника по Nöldeke, съ которымъ согласенъ теперь и Budge. О другихъ мнѣніяхъ см. Sarragoli стр. 97 слѣд.

сирійская легенда объ Александрѣ¹⁾, въ которой метаморфоза совершилась и Александръ не только является вѣрующимъ во единого Бога, но и надѣется дожить до явленія Спасителя. — Части сирійскаго Псевдокаллисеена, съ включеніемъ въ него сирійской же легенды, перешли, черезъ посредство утраченнаго арабскаго перевода, въ эіопскую письменность. Недавно явившееся роскошное издание Бѣджа знакомитъ насъ съ цѣлымъ рядомъ эіопскихъ памятниковъ, касающихся легендарной исторіи Александра. Мы займемся двумя изъ нихъ: собственно переводомъ Псевдокаллисеена и такъ называемымъ «христіанскимъ романомъ» объ Александрѣ²⁾, останавливаясь на ихъ общемъ содержаніи и тѣхъ сказочныхъ подробностяхъ, которыя не находятъ себѣ параллелей въ другихъ Александріяхъ; нѣкоторые изъ эпизодовъ, повторяющихся въ разныхъ версіяхъ романа, будутъ рассмотрѣны особо.

Текстъ эіопскаго Псевдокаллисеена списанъ былъ иждивеніемъ нѣкоего Авраама, въ надеждѣ, что молитвами царя Александра и всѣхъ святыхъ и мучениковъ онъ удостоится спасенія, избѣгнетъ ада и при второмъ пришествіи Спасителя сядетъ одесную Его съ двѣнадцатью апостолами³⁾. «Молитвы Александра» даютъ мѣру той идеализаціи, которой повѣствовательный матеріалъ Псевдокаллисеена подвергся въ эіопской передѣлкѣ. Многія изъ ея опущеній, сравнительно съ оригиналомъ, находились вѣроятно уже въ арабской посредствующей версіи: арабовъ, да и эіоповъ не интересовали событія, имѣвшія въ глазахъ грековъ особый смыслъ, какъ-то: побѣда Александра на играхъ въ Пизѣ, завоеваніе имъ Єивъ, гегемонія надъ Аѳинами и т. п.⁴⁾ Христіанская переиллюстрація, приготовленная авторомъ сирійской легенды, распространена на все содержаніе эіопскаго Псевдокаллисеена: Александръ явился типомъ христіанскаго царя-завоевателя, Аристотель — христіанскимъ мудрецомъ.

Исторія Нектанеба до его бѣгства въ Македонію и его чаръ съ Олимпіадой разсказана сходно съ Псевдокаллисееномъ; мать Александра названа Клеопатрой, какъ въ еврейской Александріи особаго типа, пересказанной Гаркави и недавно переведенной Гастеромъ⁵⁾. Новую подробность приносятъ эпизодъ о Букефалѣ⁶⁾: когда Нектанебъ, соединясь съ Олимпіадой, омылся въ источникѣ, что былъ по сосѣдству съ идоль-

1) О ней см. Nöldeke l. c. стр. 27 и слѣд.

2) Budge l. c. II стр. 1—353, 437—533.

3) Budge I Introd. стр. II.

4) ib. стр. XLIV.

5) Новые данныя § 1; Gaster, An old hebrew romance of Alexander (оттискъ изъ Journal of the Royal Asiatic society, July 1897, доставленіемъ котораго я обязанъ автору). Въ противорѣчій съ Гаркави, Гастеръ считаетъ текстъ значительно древнѣе XII вѣка и появленія ислама и отрицаетъ его арабскій оригиналъ, стр. 490—1; Гаркави указываетъ на форму Galliopatra въ одной ркп. Historia de Prellis и на эпизодъ сербской Александріи, гдѣ Александръ вѣзжаетъ въ Римъ съ вѣнцомъ Клеопатры египетской на головѣ; очевидно Клеопатры-Олимпіады.

6) Budge II, стр. 18—19, 35, 121; I Introd. стр. XXXVI—VII и прим. 1.

скимъ храмомъ, одна изъ царскихъ кобылицъ напилась этой воды и зачала въ одно время съ царицей.—Это напоминаетъ сходный мотивъ народныхъ легендъ и сказокъ, въ которыхъ герой и его конь зачаты одновременно отъ плода, цвѣтка и т. п.¹⁾ Фирдуси отмѣчаетъ одновременность рожденія Александра и Букефала.—Позже въ битвѣ съ Поромъ Букефалъ сбросилъ съ себя Александра, потому что Поръ велѣлъ своимъ магамъ обратить чары на противника, а конь рожденъ былъ отъ волхвованія въ одно время съ Александромъ. Бѣджъ напоминаетъ по этому поводу эпизодъ повѣсти о Гейкарѣ, нашемъ Акирѣ: Нектанебъ посылаетъ сказать вавилонскому царю Ликеру и его визирю Эзопу, что у него есть кобылы, зачинающія, лишь только услышатъ ржаніе жеребцовъ въ Вавилонѣ. Это сближеніе говоритъ, быть можетъ, въ пользу того, что эпизодъ о зачатіи Букефала принадлежалъ арабскому оригиналу; въ сирійскомъ текстѣ его нѣтъ.—Внѣшній видъ чудеснаго коня не описанъ: по греческому тексту у него было на правомъ бедрѣ пятно съ изображеніемъ бычачьей головы (по Арріану оно было на лбу), на головѣ рогъ (Pseudo-Call. ed. Müller, I 13, 15); то-же въ Hist. de prel., только вмѣсто одного рога явилось два (quaedam mine corniculorum, Hist. ed. Zingerle стр. 140), какъ и по Солину у Букефала была на лбу два роговидныхъ нароста. Славянскій переводъ Псевдокаллистеена понялъ это такъ, что самъ конь былъ «волоуа глава»; такъ могло быть и въ его подлинникѣ: не даромъ авторъ Βίον Ἀλεξάνδρου поправляетъ кого-то: у Букефала было тавро на бедрѣ, οὐ μὴν βοός ἐκέχτητο κεφάλιον καὶ χέραι²⁾. Въ сирійскомъ текстѣ³⁾ у коня на боку родимое пятно: волкъ, несущій въ пасти быка. Дучипаль сербской Александрии не стоитъ-ли вмѣсто Вучипаль? Эта гипотеза, подсказавшаяся мнѣ издавна, видимо устраняется показаніемъ сѣверной саги о Gǫngu-Hrólfr, о которой рѣчь далѣе. И такъ признаки Букефала: бычачья голова и рога. Напомню восточный эпитетъ Александра: Двурогій, что стоитъ въ связи съ происхожденіемъ героя отъ Аммона; его конь того же рода, онъ также двурогій.

Слѣдующія подробности снова вводятъ насъ въ Псевдокаллистеена. Когда Филиппъ представилъ къ сыну Аристотеля, дабы онъ обучилъ его греческой мудрости, о его «христіанствѣ» ничего не говорится⁴⁾, христіанскіе мотивы являются послѣ разсказа о томъ, какъ Александръ отвѣтилъ на высокоумное посольство Дарія и усмирилъ Букефала. Царство будетъ твоимъ по праву, говоритъ сыну отецъ, недаромъ мудрые мужи сказали, что ты станешь властелиномъ всей земли. Первымъ дѣломъ Александра была осада и взятіе Александрии (очевидно, не той, которую онъ осно-

1) По болгарской легендѣ Сивилла-Марія зачата гусыней, отвѣдавшей отъ травы, на которой осталось сѣмя Давида. Сл. Опыты по исторіи развитія христіанской легенды II, I, стр. 251—2.

2) Christensen, I. с. стр. 116.

3) Budge II, стр. 37, прям. 1.

4) Budge I. с. стр. 32.

валъ въ послѣдствіи). «И онъ поклонился Господу, Великому, положилъ на него свою вѣру, исповѣдая, что нѣтъ другихъ боговъ кромѣ Него, что Онъ создатель міра и всего сущаго; и онъ отдался ему во всѣхъ своихъ дѣлахъ. Совершилось все это по волѣ Всемогущаго Бога, да будетъ Онъ похваленъ и поклоняемъ» ¹⁾. Отнынѣ Аристотель является христіанскимъ философомъ, совѣтникомъ и другомъ Александра,—и въ романъ вторгается учительный, библейско-христіанскій элементъ, выражающійся въ цѣломъ рядѣ поученій, увѣщаній и молитвъ.—Филиппъ не убитъ, какъ у Псевдокаллистоена и въ его отраженіяхъ, а умираетъ естественной смертью, какъ въ еврейской Александріи у Гаркави-Гастера. Воцарившись по смерти отца, Александръ держитъ рѣчь къ своей челяди, двѣ рѣчи—послѣ вѣнчанія; шлетъ посланія къ чинамъ своего царства, причемъ впервые является его прозвище: «Двурогій» ²⁾; къ войску, царямъ и правителямъ, возвѣщая о своемъ обращеніи отъ дѣла грѣха и плоти къ Единому Богу, требуя уничтоженія идолопоклонства; Господь открылъ его умственные очи, далъ ему побѣду; его миссія отъ Бога ³⁾.

Между тѣмъ Дарій, услышавъ отвѣдъ Александра его посламъ, пишетъ «Тиберію Цезарю, греку» (непонято у Псевдокаллистоена: τοῦ Ταύρου στρατηγός), чтобъ онъ доставилъ ему разбойника Александра. Слѣдуетъ новое посольство Дарія и переписка его съ Александромъ, который упрекаетъ своего врага въ высокомеріи, тогда какъ самъ онъ подписываетъ свои посланія такъ: «Отъ служителя Всемогущаго Бога, Александра» ⁴⁾.

Первый его походъ не противъ Дарія, а въ Египетъ, гдѣ онъ основываетъ Александрію, при чемъ отсутствуютъ чудесныя подробности постройки, хорошо знакомыя изъ Псевдокаллистоена и другихъ его отраженій. Египетъ, Нубія, Эіопія подчиняются ему, многія области запада приносятъ ему дары, Азія и Сирія для него открыты. Въ Іерусалимѣ его встрѣчаетъ первосвященникъ, ему читаютъ пророчества Даніила, и Александръ склоняется передъ книгой закона и молится во Святая Святыихъ ⁵⁾. Къ этому примыкаетъ рассказъ о войнѣ Александра съ Даріемъ до смерти послѣдняго и женитьбы Александра на Роксанѣ; идолы персовъ сожжены ⁶⁾; въ слѣдующей за тѣмъ войнѣ съ Поромъ, наслѣдникомъ Дарія, Поръ пугаетъ Александра судьбой арабскаго царя Deuâgbs'a, котораго онъ изгналъ изъ его страны, какъ песь гоняетъ овецъ; Deuâ-

1) I. с. стр. 38—39.

2) Сл. Budge II, 46 прим. 1. О прозвищѣ сл. Knust, Mittheilungen aus dem Esku-gial, стр. 86, прим. а; Carragoli, I. с., стр. 160 слѣд. Связь эпитета «двурогій» съ культомъ Аммона представляется мнѣ наиболѣе вѣроятной, Изъ исторіи I, стр. 451. Иначе смотритъ на это Gaster, An old hebrew romance, стр. 488 прим. 1: изъ евр. Maqdon (македонянинъ)—Maqdon: рогатый.

3) I. с. стр. 40—59.

4) I. с. стр. 59—71.

5) I. с. стр. 71—8.

6) I. с. стр. 77—107.

гѣмъ стоитъ вмѣсто Діониса Псевдокаллисеена, котораго выгнали отъ себя индійцы ¹⁾).

Послѣ того Александръ пожелалъ увидѣть житіе брахмановъ, тѣхъ святыхъ, о которыхъ говоритъ пустынный Зосима. — Бѣджъ ссылается по этому поводу ²⁾ на Rosweyde, Vitae Patrum стр. 382, и на палестинскаго подвижника Зосиму, неизвѣстнаго времени. Разумѣется житіе Зосимы, изданное по славянскимъ и греческимъ рукописямъ ³⁾, которое я давно уже привлекъ къ эпизоду брахмановъ Псевдокаллисеена ⁴⁾; въ соответствующемъ эіопскомъ текстѣ, вмѣсто Зосимы названъ Герасимъ ⁵⁾. И въ хожденіи Зосимы, и въ хожденіи Герасима происхожденіе блаженныхъ объясняется различно; въ эіопскомъ Псевдокаллисеенѣ, какъ и въ сербской Александріи они — потомки Сива, которыхъ Господь укрылъ, во время потопа, въ тайникѣ своихъ сокровищъ ⁶⁾.

Къ эпизоду о брахманахъ примыкаетъ письмо Александра къ Аристотелю о своихъ приключеніяхъ и видѣнныхъ имъ чудесахъ ⁷⁾. Описаніе храма на горѣ ⁸⁾ отвѣчаетъ Псевдокаллисеену III, 28, но съ библейско-христіанскими подробностями: Александру представляется, что онъ достигъ рая, ибо рай находится на вершинахъ горъ; въ храмѣ покоится на ложѣ закутанная фигура мужа; греческій текстъ разумѣетъ Діониса, въ эіопскомъ это Энохъ; Александру слышится голосъ: твои проводники не знаютъ здѣсь путей, они не поведутъ тебя превыше воздуха, на вершины, гдѣ рай и страна блаженныхъ и обитель святыхъ, Эноха и Ильи, Авраама, Исаака и Іакова и всѣхъ, кто уподобился имъ. Они сіяютъ на горахъ, но лишь немного изъ всего этого открылъ тебѣ Господь.

Слѣдующій эпизодъ посланія встрѣчается лишь въ сирійскомъ и эіопскомъ текстахъ: Александръ приходитъ въ страну, гдѣ жители поклонялись громадному, демоническому змѣю, пожиравшему все кругомъ; ему каждый день приводили къ рѣкѣ, у которой онъ жилъ, двухъ быковъ, чтобы предотвратить его опустошенія. Александръ велитъ наполнить двѣ бычачьи шкуры соломой, сѣрой, ядомъ и желѣзными крюками; змѣй пожралъ все это и околѣлъ. — Это напоминаетъ библейскій рассказъ о змѣѣ Данила и змѣѣ царя Сапора въ Іерусалимскомъ Талмудѣ: онъ

1) Л. с. стр. 107—26.

2) Л. с. стр. 126, прим. 1. Сл. далѣе стр. 126—141.

3) Vassiliev, Anecdota graeco-byzantina, pars prior № 11; Apocrypha anecdota by Montague Rhodes James № 3.

4) Изъ исторіи романа и повѣсти I, стр. 281 слѣд.

5) Budge II, стр. 555 слѣд.

6) См. о нихъ: Изъ исторіи и т. д. I, стр. 267—76 и 285. Budge II, стр. 129, прим. 2 и 3, ссылается по этому поводу на апокрифъ объ Адамѣ и Евѣ: потомки Сива лишились своей святости, смѣшавшись съ дочерьми Каина, почему не могли ни вернуться къ пещерѣ сокровищъ, ни войти въ ковчегъ, и погибли отъ потопа.

7) II, стр. 141—187.

8) II, стр. 155 слѣд.

пожиралъ верблюдовъ и быковъ, и также погибаетъ, проглотивъ верблюжью шкуру, набитую соломой и горящими угольями ¹⁾).

Въ разсказѣ о посѣщеніи Александромъ китайскаго царства, все въ томъ же посланіи, разработанъ лишній разъ мотивъ переодѣванія, встрѣчающійся въ Псевдокаллистенѣ, гдѣ Александръ ходитъ такимъ образомъ къ Пору и Кандакѣ. Китай, это, очевидно, царство Серовъ, оттуда Соломонъ бралъ золото на построеніе храма; властитель Китая полонъ житейской мудрости и назидательнаго велерѣчія. Когда Александръ, явившись къ нему подъ видомъ своего-же посла, говоритъ ему о своихъ побѣдахъ, требуя покорности, онъ совѣтуетъ ему не кичиться и не величаться: Не ты побѣдилъ, а Всемогущій Господь, пославшій тебя покорять людей за ихъ прегрѣшенія. А на счастье не надѣйся: оно можетъ отвернуться отъ тебя, какъ отвернулось отъ другихъ. — И онъ даетъ Александру-послу богатые дары и свой собственный вѣнецъ: они готовы платить дань, но никому никогда не подчинялись и не бывали побѣждены ²⁾).

Интересенъ эпизодъ о Кандакѣ, слѣдующій за посланіемъ ³⁾. Тогда какъ въ Псевдокаллистенѣ она — мать двухъ взрослыхъ сыновей и питаетъ къ Александру материнскія чувства, нѣкоторые пересказы романа измѣнили эти отношенія въ любовную связь. Такъ у Орозія, у Малалы (I, 248), Лампрехта 342, слѣдовавшаго здѣсь, вѣроятно, своему французскому источнику ⁴⁾; такъ и въ сирійско-эіопской Александріи. Кандака признала въ мнимомъ послѣ Александра, назвавшагося Антиохомъ, его самого; ея старшій сынъ Канігъ (у Фирдуси: Tinûsh, у Псевдокаллистена L: Θάαα, у Юлія Валерія Chaagos, такъ, вѣроятно, и въ греческомъ оригиналѣ армянскаго перевода ⁵⁾); у Горіониды Berberon, въ Hist. de prel. Saator, сербск. то-же, въ еврейскомъ переводѣ Historia: Практоръ ⁶⁾), женатый на дочери Пора, хочетъ убить посла, но, предупрежденный Кандакой, Александръ избѣгаетъ опасности: онъ обѣщаетъ Каниру предать ему самого Александра и такимъ образомъ можетъ свободно удалиться. У Псевдокаллистена онъ удаляется одинъ, въ сербскомъ текстѣ въ сопровожденіи обоихъ сыновей Кандаки; дойдя до поджидавшей Александра стражи, они догадываются, съ кѣмъ были въ товарищахъ, и страшатся, но Александръ отпускаетъ ихъ милостиво. Въ эіопскомъ пересказѣ Александръ отправляется къ своему войску вдвоемъ съ Каніг'омъ, при которомъ была тысяча всадниковъ, велитъ ему подождать

1) Nöldeke I. c. стр. 22.

2) См. эпизодъ о посѣщеніи китайскаго царства у Фирдуси.

3) Budge II, стр. 187—212.

4) Изъ исторіи стр. 899; Nöldeke I. c. стр. 22.

5) См. 'Ιστορία 'Αλεξάνδρου, Die armenische Uebersetzung der sagenhaften Alexander-Biographie (Pseudocallisthenes) auf ihre mutmassliche Grundlage zurückgeführt von R. Raabe (Lpz. 1896), стр. 90.

6) Новыя данныя, стр. 50.

его въ гѣсу, куда самъ онъ приходитъ съ нѣсколькими друзьями: Ты хотѣлъ убить Александра, говоритъ онъ ему, вотъ онъ въ твоихъ рукахъ; подними на меня руку, коли рѣшишься! Онъ отпускаетъ испуганнаго Канира, и былъ потомъ между ними миръ и любовь до конца дней.

Вся эта сцена напоминаетъ восточные источники Боккачьевской новеллы о Митриданѣ ¹⁾.

За небольшимъ эпизодомъ объ Амазонкахъ ²⁾ слѣдуетъ въ эіопскомъ Псевдокаллистенѣ вставка изъ сирійско-христіанской легенды объ Александрѣ, совсѣмъ не мотивированная предыдущимъ ходомъ дѣйствія ³⁾. На седьмомъ году своего царствованія Александръ собираетъ своихъ вождей и царей и держитъ имъ рѣчь: Господь удостоилъ его своихъ откровеній, а теперь у него явилось желаніе узнать, какова широта земли, сколько въ ней есть и было царей, чѣмъ держатся небеса, не на огненныхъ ли столпахъ, исходящихъ изъ нѣдръ земли; и что ее окружаетъ. Александръ велитъ своимъ изготавиться къ пути. Многіе желали узнать то-же, что и ты, и не могли, отвѣчаютъ ему его люди; а слышали мы, что небеса устроены, какъ жертвенникъ, и на краяхъ его есть отверстіе, откуда исходятъ воды, изливающіяся въ море, что окружаетъ землю. А за этими водами одиннадцать морей, поглощающихъ мореплавателей, а за ними одиннадцать земель и еще одна, длиною въ одиннадцать стадій. А далѣе великое море, по которому не ходятъ корабли, потому что когда вѣтры вырываются изъ своихъ тайниковъ, на морѣ встаютъ волны, поднимающіяся до неба и спускающіяся до ада (шеола). Ни одна птица не пролетитъ черезъ море по причинѣ великаго смрада, ибо въ тѣхъ волнахъ похоронены тѣла людей, которыхъ Господь покаралъ потопомъ; деревья тамъ стоятъ безъ листьевъ, кто зайдетъ туда, погибаетъ.

Отправаясь въ путь, Александръ молится; въ сирійскомъ текстѣ есть одна подробность молитвы, которой нѣтъ въ эіопскомъ: Если Мессія, Сынъ Божій, явится въ мои дни, я и мои войска поклонимся ему; если же Онъ не явится, я, покоривъ царей и ихъ страны, поставлю въ Іерусалимѣ мой серебрянный престолъ, дабы, когда Мессія сойдетъ съ небесъ, Онъ возсѣлъ на немъ, ибо Его царство во вѣки; и семьсотъ фунтовъ золота будутъ Ему даромъ отъ меня. Гдѣ бы я ни умеръ, здѣсь, въ Александріи, или другой странѣ, такой вѣнецъ будетъ повѣшенъ на престолѣ, уготаванномъ мною для Мессіи, а также вѣнецъ всякаго царя, кто умретъ въ Александріи ⁴⁾. — Александрія—это, очевидно, монархія Александра; вѣнецъ, повѣшенный на престолѣ, напоминаетъ вѣнецъ послѣдняго христіанскаго властителя, который онъ возложить, по извѣстному эсхатологическому повѣрью, на древо распятія.

1) Сл. Боккаччо, его среда и сверстники I, стр. 476.

2) Budge II, стр. 212—216.

3) Л. с. стр. 216—241.

4) Budge II, стр. 222 прим. 1.

Запасшись въ Египтѣ искусными ковачами, Александръ отправляется на розыскъ великаго моря, на западъ солнца, ставитъ тамъ башню съ надписью въ предупрежденіе мореходамъ, что онъ то море заперъ и ключъ въ его рукахъ. Испуганный участію нѣсколькихъ воиновъ, поглощенныхъ волнами, Александръ вернулся обратно къ Евфрату и Тигру и горамъ Gáwezâ, съ которыхъ наблюдаетъ теченіе свѣтилъ, повторяя исчисления, сдѣланныя Немвродомъ; все это онъ разумѣлъ и записалъ и наставилъ тому своихъ друзей. Затѣмъ его путь идетъ на сѣверъ; отъ жителей страны, подвластныхъ персидскому царю, онъ узнаетъ о страшныхъ народахъ, Гогѣ и Магогѣ, живущихъ далѣе, а за ними, надъ вершинами горъ, между небомъ и землей, райскія селенія, пзъ которыхъ вытекають крестообразно четыре райскихъ рѣки. Александръ запираетъ стѣною нечистые народы, они выйдутъ оттуда по Божію произволенію на кару грѣшнымъ людямъ. Такъ гласитъ поставленная Александромъ надпись; кто не вѣритъ, тотъ повѣритъ пророчеству Іереміи.

На этомъ обрывается сирійская легенда, внесенная въ эіопскій рассказъ, но пересказчикъ не входитъ непосредственно за тѣмъ въ содержаніе Псевдокаллистеена, а вводитъ своеобразный эпизодъ, привязывающійся къ мотиву хожденія Александра въ область мрака ¹⁾). Александръ отправляется туда одинъ, оставивъ войско; ѣдетъ двѣнадцать дней и двѣнадцать ночей, видитъ издали ангела, державшаго въ рукѣ гору, оплотъ земли, отца всѣхъ горъ, и все не можетъ до него добраться. Онъ славословитъ Творца; образъ ангела грандіозенъ: его видъ что молнія, гимны подобны грому, когда онъ бесѣдуетъ съ Александромъ, его рѣчь тиха, но слова выпадають изъ устъ, какъ раскаленные уголья. Онъ говоритъ Александру о міросозданіи, о могуществѣ Творца, умираетъ его сомнѣнія, назидаетъ его и не велитъ превозноситься. Много апокрифическихъ подробностей: область тьмы, куда явился Александръ— это мѣсто рая, откуда былъ изгнанъ Адамъ. Александру казалось, что онъ шелъ по сушѣ, а путь лежалъ по водѣ, а далѣе великое море; на самой горѣ нѣтъ ничего созданнаго, кромѣ тьмы и воды жизни, истекающей изъ подъ Божьяго престола. Отмѣтимъ еще новое пониманіе Александріи: это уже не монархія Александра, а что-то другое; изгнанный изъ рая Адамъ поселился въ странѣ, которая звалась Александріей. Когда Александръ спрашиваетъ, что это за гора, которая осталась позади, ангелъ отвѣчаетъ: она меньше той, которая отдѣляетъ тебя отъ Гога и Магога, но Всемогущій Господь поставилъ ее, какъ стѣну, раньше чѣмъ ты соорудилъ свою, соорудилъ не по своей власти, а по Божью произволенію. Онъ велитъ ему обратиться вспять, и когда Александръ, ничего не ѣвшій въ теченіи двѣнадцати дней, проситъ его подать ему, послѣ духовной, и тѣлесной пищи, ангелъ подаетъ ему

1) L. c. II, стр. 242—262.

гроздь винограда, никогда не умаляющуюся; пусть напитаетъ имъ и свое голодающее войско. — Этой подробностью, встрѣчающейся и въ одномъ арабскомъ жизнеописаніи Александра ¹⁾, компиляторъ эіопскаго Псевдокаллисеена воспользуется, какъ увидимъ, и далѣе. — Александръ плачетъ; что съ тобой? спрашиваетъ ангель, а тотъ отвѣчаетъ, что у него есть просьба къ Богу, съ какой никто никогда еще не обращался. Ангель, очевидно, провидитъ ее, потому что говорить объ источникѣ жизни, находящемся въ странѣ мрака: кто напьется изъ него, достигнетъ божественной мудрости, будетъ летать, какъ ангелы, и не умретъ, пока самъ не испроситъ себѣ смерти отъ Господа. Гдѣ находится тотъ источникъ, ангель не знаетъ, укажутъ Александру его мудрецы.

Такимъ образомъ компиляторъ снова вводитъ насъ въ теченіе Псевдокаллисеена, въ эпизодъ о посѣщеніи Александромъ страны мрака ²⁾, соединяя рассказъ объ источникѣ жизни или безсмертіи ³⁾ и драгоцѣнныхъ камняхъ, найденныхъ воинами въ пустынѣ ⁴⁾, съ прелестной еврейской легендой о чудесномъ камнѣ (шарѣ, яблокѣ) — ненасытномъ человѣческомъ глазѣ, не вошедшей въ составъ греческаго Псевдокаллисеена, но знакомой изъ другихъ Александрій ⁵⁾. Въ Псевдокаллисеенѣ источникъ является въ одно и тоже время живящимъ и дающимъ безсмертіе, въ сербскомъ онъ живитъ и молодитъ; эіопскій присоединяетъ ко всему этому дарованіе божественной мудрости. — Замѣтимъ, что талмудическая легенда представляетъ то-же сосѣдство мотивовъ: источника и камня, какъ и эіопскій Псевдокаллисеенъ ⁶⁾.

Вернувшись къ войску и напитавъ его виноградомъ, полученнымъ отъ ангела, Александръ допрашиваетъ своихъ мудрецовъ объ источникѣ жизни. Знаетъ о немъ лишь Mâtân=El-khidr, богобоязненный и вѣщщій, молитвы котораго доходны до Бога, какъ сладкій еиміамъ; онъ вычиталъ объ источникѣ жизни изъ книгъ. — Вступленіе въ страну мрака описано крайне сбивчиво: очевидно, въ какомъ-нибудь источникѣ сирійско-эіопскаго текста находился извѣстный изъ Псевдокаллисеена эпизодъ объ ослицахъ и ихъ жеребятахъ, которыми Александръ руководился въ темнотѣ ⁷⁾; въ эіопскомъ текстѣ отъ этого остался непонятный отрывокъ: дойдя съ войскомъ до границъ тьмы, до какой-то загадочной статуи, съ одной рукой, поднятой къ небу, другой, опущенной къ

1) Budge I. с. стр. 259, прим. 1.

2) L. с. стр. 262—77.

3) См. о ней: Изъ исторіи I, стр. 221, 229 — 231, 290, 324; Истринъ I. с. стр. 197, 199, 212; Noldeke стр. 25, 26; Budge II, стр. 263, прим. 3, стр. 268, прим. 2; Hertz, Aristoteles in den Alexanderdichtungen des Mittelalters (1891), стр. 32—35.

4) Изъ исторіи стр. 222, 228; Истринъ, стр. 199 слѣд.

5) Изъ исторіи, стр. 230, 277—9, 290, 320—1; Budge II, стр. 271, прим. 1. Hertz, I, с., стр. 51 слѣд.; Sarragoli стр. 125 слѣд.

6) См. еврейскую Александрію въ Новыя данныя, Гаркави § 16=Gaster §§ 36—38.

7) Изъ исторіи I, стр. 221, 228; сл. стр. 289, 316, и прим. 2; Истринъ, стр. 196—7, прим. 1.

землѣ (статуя Сезонхоза? См. Pseudocall. С III, 31), Александръ почему то спрашиваетъ: Какое животное сильнѣе? Какое быстрѣе? Ему отвѣчаютъ, что молодая лошадь и верблюдица. Далѣе на поиски источника идутъ Матунъ и Александръ, который даетъ Матуну камень, вынесенный Адамомъ изъ рая: стоитъ бросить его, и путь освѣтится. Матунъ находитъ источникъ жизни, сухая рыба, опущенная въ него, оживаетъ самъ Матунъ, искупавшись въ немъ, молодѣетъ, и его помыслы отвлекаются отъ всего земного; о безсмертіи нѣтъ рѣчи. — Матунъ возвращается назадъ съ камнемъ, но никому не говоритъ объ источникѣ жизни; между тѣмъ Александръ сбился на пути къ нему, поднялъ камень, точно съ двумя глазами, испускавшими лучи. Что можетъ быть тяжелѣе его? спрашиваетъ онъ своихъ мудрецовъ; камень все перевѣшивалъ, пока Александръ не посыпалъ его перстью. Это — ненасытное человѣческое око, знаменіе наказанія, которое готовитъ тебѣ Господь, толкуютъ мудрецы: еслибы тебѣ дали золотую и серебряную горы, ты пошелъ бы искать третьей. — Испуганный Александръ рѣшается отказаться отъ поисковъ; обратный путь идетъ въ полусвѣтѣ; слѣдуетъ бесѣда съ птицей въ какомъ-то роскошномъ дворцѣ; это мотивъ Псевдокаллисоеена, но разработанный своеобразно: птица задаетъ вопросы: много-ли на землѣ зла и обмана и несправедливости? Много, говоритъ Александръ и въ свою очередь ставитъ вопросъ: есть-ли на землѣ люди, излюбленные Богомъ? — Есть, и пришествіе Господне близко. — Птица даетъ Александру гроздь винограда, которымъ онъ питаетъ впослѣдствіи свое войско.

Слѣдующій эпизодъ помѣщенъ греческимъ Псевдокаллисоеномъ еще въ области тьмы: воины слышатъ, какъ звенитъ земля подъ копытами лошадей. Кто подниметъ что-либо съ земли, раскается, говоритъ имъ Александръ, кто ничего не возьметъ, раскается еще болѣе. Раскаялись тѣ, кто взялъ слишкомъ мало, потому что взятое оказалось драгоценными камнями; печалился тотъ, кто не захватилъ ничего. Оборотъ Александровой рѣчи встрѣчается въ такомъ именно видѣ у Фирдуси — и во второй редакціи нашей Александрии ¹⁾.

Всѣ страны и народы исходилъ Александръ, продолжаетъ эіопскій текстъ ²⁾, позналъ земли и моря, поднялся въ воздухъ на орлѣ ³⁾ и видѣлъ небо. — Между испытаніемъ неба и моря, легендами, извѣстными по Псевдокаллисоену С, его отраженіямъ и восточнымъ повѣстямъ ⁴⁾, помѣщенъ во второй разъ рассказъ о нечистыхъ народахъ, заключенныхъ Александромъ. — Свои испытанія небесной высоты и морской глубины онъ записалъ самъ.

1) Истринъ, стр. 199—200.

2) Сл. Budge, II, стр. 277—286.

3) Орлы играютъ роль и въ испытаніи моря, лежащаго за небомъ и землей, см. Budge II, стр. 281.

4) См. Истринъ I. с. стр. 218 слѣд.; Nöldeke стр. 26; Изъ исторіи стр. 424, прим. 1; Новыя данныя, стр. 52 (Гастеръ въ еврейскомъ переводѣ Historia de Preliis), 124 (Гаркави § 17=Gaster § 39—40).

Непосредственно послѣ того онъ отправляется въ Вавилонъ, и развязка романа задерживается лишь преобладающимъ въ его концѣ назидательнымъ элементомъ. Въ Вавилонѣ ¹⁾ Александръ видитъ восемь диковинокъ, устроенныхъ Соломономъ, которыя велитъ разрушить, несмотря на отговоры Аристотеля. Шестая отвѣчаетъ талмудической легендѣ о Давидѣ, но болѣе всего псковскому преданію о горѣ Судомъ ²⁾: въ іерусалимскомъ храмѣ была цѣпь, отличавшая праваго отъ неправаго. Случилось, что нѣкто отдалъ на сохраненіе деньги одному еврею, и когда потребовалъ ихъ назадъ, тотъ отрекся. Тогда истецъ позвалъ еврея въ храмъ — взяться за цѣпь; еврей расплавилъ вѣренное ему золото, наполнилъ имъ пустую палку и, явившись въ храмъ, далъ ее поддержать истцу, пока самъ клялся, схватившись за цѣпь; когда-же онъ снова взялъ палку и вернулся къ цѣпи, она поднялась такъ, чтобъ клятвопреступникъ не могъ до нея дотронуться ³⁾.

Второе чудо напоминаетъ стеклянный полъ, подобіе воды, извѣстный изъ легенды о Соломонѣ и царицѣ Савской ⁴⁾: было у подножія престола вмѣстилище, полное воды, и былъ на этомъ водоемѣ полъ и коверъ и сидѣнье для царя. Сюда Соломонъ призывалъ судившихся, и они препирались въ его присутствіи, послѣ чего онъ приказывалъ подойти къ нему: правый проходилъ, неправо поклявшійся погружался въ воду.

Вскорѣ послѣ того Александръ заболѣлъ въ El-Igāk'ѣ, (въ *Месопотаміи*); въ сербской Александріи и ея греческомъ источникѣ: «въ земли нарицаеме Герсемѣ, въ странѣ халдѣйской, близоу Египта, въ земли *Мыюртции сирсции* (греч. εἰς τὸ ποτάμι τῆς Συρίας), на рѣцѣ Нилѣ» и т. д. ⁵⁾. Отъ этой болѣзни онъ и умеръ; онъ велитъ писцу Rahâmân'u написать письмо къ Олимпиадѣ, полное утѣшеній, а самого его отвезти въ Александрію. Письмо начиналось такъ: Во имя Господа Милостиваго.—Я уже объяснилъ значеніе Герсема-Гесема для локализациі греко-сербскаго романа: это область Египта между Себенинскимъ рукавомъ Нила и пустыней, гдѣ поселился Іаковъ съ своимъ родомъ; но и Александрія, гдѣ похороненъ Александръ, оказывается палестинской: его тѣло перенесли εἰς τὴν Παλαιστίνην καὶ εἰς τὸ χῆστρον τὴν Ἀλεξανδρίαν. Это воззрѣніе поддерживается и еврейскимъ романомъ у Гаркави-Гастера: де-

1) Budge II, стр. 286—91.

2) См. Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ, стр. 71—3.

3) Текстъ не ясенъ, и я понялъ его лишь въ связи съ сходными версиями легенды. Точный переводъ будетъ таковъ: когда еврей явился въ храмъ, «палка вырвалась у него и перешла въ руки хозяина золота, а еврей, въ своей злобности, пошелъ схватиться за цѣпь, и снова вернулся за палкой, цѣпь тотчасъ же поднялась и т. д.

4) Слав. сказанія о Соломонѣ стр. 344 — 5 и прим. 2 на стр. 345; 347; Опыты по исторіи развитія христ. легенды II, I, стр. 245—6; Южнорусскія былины II, стр. 162; Потанинъ, Этнограф. Обзорѣніе XVIII, стр. 28.

5) Изъ исторіи, I. с., стр. 433.

ревья пророчать Александру, что онъ умретъ въ чужой странѣ, похороненъ будетъ въ израильской землѣ¹⁾.

Разсказъ о смерти Александра составленъ крайне неумѣло по двумъ источникамъ, которые компиляторъ не согласилъ между собою. Въ центрѣ перваго²⁾ стоитъ писецъ Raḥāmān, мудрый, ближе всѣхъ стоявшій къ Александру, участвовавшій во всѣхъ его дѣлахъ. Почувствовавъ приближеніе смерти, царь призываетъ его къ себѣ, чтобы повѣдать ему все, что будетъ съ нимъ и другими людьми. Рѣчь Александра полна нравственно-аскетической назидательности, какъ и письмо къ Олимпіадѣ, написанное Raḥāmān'омъ (раньше сообщены были только его начальныя слова). — Когда Аристотель узналъ о смерти Александра, онъ написалъ письмо къ Олимпіадѣ: пусть позоветъ на пиръ царей и вельможъ и друзей; поставить передъ ними яства, и пусть дотронется до нихъ лишь тотъ, кто никогда не испытывалъ горя. Олимпіада такъ и устроила, но никто не дотронулся до яствъ³⁾; Олимпіада держитъ имъ рѣчь. — Слѣдуетъ, безъ непосредственной связи съ предыдущимъ, поученіе *умирающаго* Александра къ ученикамъ, съ библейскими примѣрами — отъ Адама до Соломона (причемъ сыны Каина, оказывается, изгнаны были въ «Александрію») и откровеніями будущаго. Твои слова намъ пророческія, говорятъ ученики, и мы будемъ блюсти твои наставленія изъ страха Божія и страха твоего гнѣва.

За этимъ отдѣломъ идетъ другой разсказъ о смерти Александра, ближе къ Псевдокаллистену. Спай произошегъ въ эпизодѣ письма Александра къ Олимпіадѣ⁴⁾, вызвавъ воспоминаніе о его посланіи къ матери у Псевдокаллистена III, 27—9; его содержаніе — видѣнныя Александромъ чудеса, послѣ чего говорится объ его отравленіи Иолломъ, близко къ греческому тексту. Тѣло Александра перенесено въ египетскій Вавилонъ, оттуда въ Александрію; гробница сдѣлана, по желанію умершаго, Хроносомъ, мастеромъ надъ всѣми ковачами.

1) Новыя данныя, Гаркави § 9=Gaster § 24 (съ вариантомъ: египетской). Въ §§ 27—8 Гаркави=§§ 56—7 Gaster тѣло Александра перенесено въ Египетъ, въ Мокдонію (Македонію), что въ Египтѣ.

2) Budge II, 293—333.

3) Эту анекдотическую черту знаютъ Pseudocall. L, Низами и Масуди; она встрѣчается у Honein ben Ishak = Johannicius († 875) въ его Изреченіяхъ философовъ — и ихъ испанскомъ переводѣ (El libro de los buenos proverbios у Knust'a, Mittheilungen aus den Eskurial, стр. 41); у Ibn-Fatik'a (XII в. = Vocados de oro l. c. стр. 301), Al-Makin'a (Budge II, стр. 375) и въ испанской Александріи. Въ письмѣ императора Юліана къ Америкю № 36 Демокритъ обѣщаетъ Дарію, неутѣшному по смерти своей супруги, оживить ее, если онъ доставитъ ему все для того нужное. Дарій велитъ ему не щадить расходовъ, но Демокриту не достаетъ лишь одного, что можетъ доставить ему развѣ Дарій: именъ трехъ людей, никогда не испытывшихъ горя; если написать ихъ на гробницѣ усопшей, онъ возстанетъ. — Роде стоитъ за греческое, Thielen и R. Koehler за буддійское происхожденіе подобнаго рода разсказовъ.

4) Budge II, стр. 333—53.

Таково содержание (сирийско-) эиопскаго Псевдокаллисэена. Если я остановился на немъ подробнѣе, то потому, что освѣщеніе, въ которомъ являются въ немъ факты романической біографіи Александра, сходно съ настроеніемъ сербской Александрии и ея греческаго источника. Вмѣстѣ съ тѣмъ получается косвенное подтвержденіе моей гипотезы о египетско-христіанскомъ характерѣ послѣдняго. Мое предположеніе основывалось на анализѣ текстовъ, ихъ географіи и сознательно-развитой легендѣ пророка Іереміи ¹⁾. Сирийско-эиопскій текстъ даетъ къ тому знаменательную параллель; еще болѣе — христіанскій романъ объ Александрѣ, который я разбираю далѣе. Но изъ эиопскаго Псевдокаллисэена можно извлечь и другія указанія, не лишенныя интереса по отношенію къ восточнымъ источникамъ западныхъ Александрій: писецъ Рагаманъ, ближній Александра, съ которымъ онъ бесѣдуетъ передъ смертью, которому вѣщаетъ о томъ, что будетъ съ нимъ и другими людьми, напоминаетъ нотарія Симона пространной редакціи *Historia de preliis*, которому Александръ диктуетъ свое завѣщаніе, которому оставляетъ Каппадокію и Пафлагонію. Въ еврейской Александрии, переведенной Ибнъ Тиббонемъ съ арабскаго перевода *Historia*, Александръ также диктуетъ писцу Симеону завѣщаніе: по повелѣнію царя, онъ отмѣчалъ все, что съ нимъ случалось; съ его то подлинника и списана была царемъ Птоломеемъ еврейская Александрія ²⁾. Этого-же писца Симона—Симеона мы встрѣчаемъ и во французскомъ романѣ объ Александрѣ, по венеціанскому списку: говорится, что рассказъ о немъ найденъ былъ на кораблѣ, привезли его изъ *Еипта*, написалъ его клерикъ Симонъ, на поученіе рыцарей и бароновъ ³⁾. Еврейская Александрія, изданная г. Гаркави, упоминаетъ царскаго писца еврея Менахема; г. Гаркави видитъ въ этомъ имени искаженіе *Εὐμένης*, какъ дѣйствительно назывался секретарь Александра; къ Евмену приводитъ, по мнѣнію Ландграфа, и Симонъ Нотарій ⁴⁾.

III.

Высшей степени христіанской идеализаціи достигъ образъ Александра въ эиопскомъ романѣ, который Бѣджъ отличилъ названіемъ христіанскаго, считая его произведеніемъ новаго времени и притомъ не переводнымъ ⁵⁾. Содержание Псевдокаллисэена въ немъ окончательно раз-

1) Сл. Изъ исторіи и т. д. стр. 331 слѣд., 451.

2) Другое преданіе, восходящее къ V-му вѣку, приписывало романъ объ Александрѣ Аристотелю (Сл. Hertz, I. с. стр. 28 слѣд.; Саггалі, стр. 73—4), текстъ Юлія Валерія называетъ своимъ авторомъ Эзопа, тогда какъ по старо-французской поэмѣ и одному списку *Iter ad Paradisum* исторію Александра написалъ Соломонъ. Сл. Р. Meyer, *Alexandre le Grand* I, стр. 119. v. 110; сл. II, стр. 246—7, 298.

3) Новыя данныя для исторіи романа объ Александрѣ, стр. 12—14.

4) L. с. стр. 77, 79 слѣд.; 118—119, 145 слѣд.

5) Budge I, Introduction стр. XLX слѣд.; II, стр. 437—553.

ложилось, узнаваема лишь общая канва, да нѣсколько эпизодовъ болѣе сохранныхъ, чѣмъ въ эіопскомъ Псевдокаллисеенѣ, напр. эпизодъ объ источникѣ жизни. Введены новыя повѣствовательныя подробности, неизвѣстнаго пока происхожденія, мистическій элементъ усиленъ: не только Александръ, но и его отецъ Филиппъ оказываются христіанами до явленія Спасителя; въ написаніи изданнаго Бѣджемъ текста писецъ или компиляторъ заявляетъ, что станетъ разсказывать о подвигахъ царя Александра, любимаго Господомъ; «да будутъ его молитвы и благословіе съ тѣмъ, что его любитъ. Аминь».

Съ самаго начала разсказа Александръ является дѣвственникомъ, аскетомъ, постникомъ и молитвенникомъ, подававшимъ милостыню, преслѣдовавшимъ зло и идолопоклонство. Онъ творилъ волю Божію, и Господь далъ ему власть надъ тысячею царствъ. Особенно восхваляется его дѣвственность, вызывающая сравненіе съ пророкомъ Іліею, Іоанномъ Крестителемъ и императоромъ Гоноріемъ и — обращеніе автора къ мужамъ и женамъ съ проповѣдью цѣломудрія ¹⁾. Плутархъ (*Vita Alex.*) говоритъ, что Александръ долгое время соблюдалъ чистоту нравовъ и въ войскѣ преслѣдовалъ распутство, блж. Іеронимъ сообщаетъ, какъ онъ не далъ увлечь себя прелестями Каликсены. Такія черты и были обобщены.

Отцемъ Александра является не Нектанебъ, какъ у Псевдокаллисеена и въ зависимой отъ него традиціи, а Филиппъ, какъ у Aubry de Besançon и Лампрехта. Филиппъ, большой астрологъ, узналъ по положенію солнца, что его сынъ будетъ царемъ надъ царями и цѣломудреннымъ; онъ задерживаетъ его рожденіе до наступленія благополучнаго часа, какъ то дѣлаетъ у Псевдокаллисеена Нектанебъ.

О юности Александра ничего не говорится; онъ воцаряется по смерти отца ²⁾.

Въ похожденияхъ Александра героическій элементъ исчезъ, нѣтъ рѣчи ни о Даріи, ни о Порѣ, какъ нѣтъ ихъ напр. въ еврейской Александріи особаго состава у Гаркави-Гастера; осталось чудесное, смѣшанное съ христіанскимъ, завоеванія сопровождаются уничтоженіемъ идоловъ и ихъ служителей. Загадочно и, вѣроятно, искажено одно извѣстіе, которымъ начинается разсказъ о подвигахъ: на какого-то языческаго царя *Халкедона* (*Kêlkêdôn*) Господь насладъ бѣса, почему онъ убилъ жену и дѣтей; Александръ, сынъ Филиппа, будетъ моимъ сыномъ, говоритъ онъ, умирая ³⁾. Сербская Александрія и ея греческій источникъ лишь отчасти бросаютъ свѣтъ на значенія этого эпизода. Въ Псевдокаллисеенѣ С Анаксархъ, царь Солунскій, убиваетъ Филиппа; у него сынъ Поликратъ, внукъ Харимедъ; въ греко-сербскомъ текстѣ Анаксархъ — царь Пелагонскій; *Кархидонъ*, греч. *Ἀρχιδούσης*, царь Солунскій, не стоитъ съ нимъ въ связи; у послѣдняго сынъ Поликратъ. На Кархидона направленъ первый

1) Budge II, стр. 437—445.

2) L. c. стр. 445—7.

3) Budge I. c. стр. 447.

походъ Александра, но тотъ шлетъ ему дары и сына съ пзъявленіемъ покорности. Я предположилъ въ этомъ Кархидонъ—Халкедонъ¹⁾; эеіопскій христіанскій романъ и греко-сербская Александрія восходятъ къ одному забытому преданію.

Александръ отправляется къ народамъ, незнавшимъ Бога и предававшимъ себѣ чревоугодію (Мидяне и народы Amalek), которые по его молитвѣ поглощены Чернымъ моремъ; основываетъ на границахъ измаильтянъ Александрію, истребляетъ сѣмя Яфетово, осквернявшее свое тѣло и пожирившее нечистыхъ животныхъ, запираетъ *змѣиных* племена Гога и Магога за стѣной, откуда они выйдутъ лишь во времена Антихриста. Александръ молится, чтобы ему, грѣшнику, дана была сила освободить сыновей Адама, да будетъ имя Господне прославлено во вѣки. Тогда Духъ Господень сошелъ на него, онъ былъ какъ бы въ иступленіи, и ему открыто было, что ему суждено идти еще въ теченіи трехъ дней²⁾.

Приключенія въ вымершемъ городѣ³⁾ принадлежатъ къ новымъ сказочнымъ мотивамъ, внесеннымъ въ схему Псевдокаллистоена. Александръ идетъ по направленію къ Ρακάνυσε, вправо отъ востока и отъ Ρέγμῆλῆνῶν; видитъ крѣпкій городъ, построенный изъ адамаита и металла, крыши золотыя, лѣжа и двери и утварь драгоцѣнно украшены, вокругъ города огонь и вода, цѣпи и пропасти. Тамъ жили когда-то люди, неумѣренно предававшіеся сладострастію и пляскѣ; они придумали разные музыкальные инструменты, плясали день и ночь, и когда уставали, вмѣсто нихъ плясали механическія фигуры мужчинъ и женщинъ, устроенныя имъ. Зато Господь наказалъ ихъ, и въ одну ночь всѣ они умерли на своихъ лѣжахъ. Войско Александра стало подъ городомъ, слышна въ немъ музыка, пѣніе пѣтуховъ, но никто не является, кто-бы открылъ ворота. Тогда Александръ велитъ нѣкоторымъ изъ своихъ воиновъ взобраться на стѣны и посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Какъ увидѣли они пляшущія фигуры и услышали звуки музыки, воскликнули: Какъ это хорошо! и бросились внизъ, въ городъ; такъ случилось и со вторыми; впоследствии ни тѣ, ни другіе не въ состояніи были ни о чемъ рассказать, только что они упали. Наконецъ идетъ самъ Александръ, видитъ пляшущихъ, но Господь открылъ ему глаза, и онъ позналъ, что это — механическія фигуры; открывъ спускъ въ городъ неподалеку отъ того мѣста, гдѣ онъ взошелъ, онъ возвращается къ своимъ и снова посылаетъ трехъ избранныхъ мужей, наказавъ имъ не смотрѣть и не слушать, а спуститься со стѣны въ городъ, добраться до воротъ и отворить ихъ. Надпись, найденная имъ, говоритъ о судьбѣ жителей, навлекшихъ на себѣ гнѣвъ Божій; пришествіе Александра было предвозвѣщено; ему принадлежатъ драгоцѣнности, которыя онъ найдетъ, другіе-же пусть не уносятъ ничего, иначе они погибнутъ. Александръ объявляетъ о томъ по войску, но мно-

1) Изъ исторіи романа I, стр. 165, 175—9.

2) Budge l. c. стр. 448—457.

3) l. c. стр. 457—71.

гіе не послушались его; онъ дивится чудесному устройству механическихъ фигуръ, а для того, чтобы никто ихъ не разрушилъ, устроилъ *знаменіе* и велѣлъ своимъ людямъ соорудить образы змѣй и поставить на границахъ и площадяхъ, дабы пугать проходящихъ.

Разсказъ, по видимому, конченъ, но еще продолжается, смѣшиваясь съ мотивами заключенія стѣною Гога и Магога: Александръ велитъ сойтись двумъ горамъ, помѣщаетъ между ними музыкальныя диковинки, вынесенныя изъ заколдованнаго города, между прочимъ фигуру, игравшую денно и ночью. Отъ этихъ звуковъ змѣи разбѣжались во всѣ концы земли, и когда собирались снова, чтобы прогрызть тѣ горы, и слышали звуки трубы, воображали, что то явился Александръ, и обращались въ бѣгство.

Разумѣются, быть можетъ, «змѣинныя народы» — Гогъ и Магогъ, о которыхъ рѣчь шла выше; можетъ быть, повліяло какое нибудь преданіе, вродѣ вошедшаго въ сербскій романъ, гдѣ Александръ велитъ отнести въ Александрію кости пророка Іеремія, дабы избавить городъ отъ змѣй. По Альберту Великому, ссылающемуся на утраченный трактатъ Аристотеля «о природѣ змѣй», у Александра былъ камень, дававшій побѣду; онъ носилъ его на поясѣ, который сложилъ на берегу, купаясь, а змѣя выкусила камень и уронила въ Евфратъ. Въ одномъ латинскомъ заговорѣ XII вѣка, приписанномъ Александру, онъ наставляетъ, какъ орудовать съ змѣей: камень ею извергнутый, исцѣляетъ отъ водяной¹⁾. Въ преданіяхъ объ Александрѣ мы еще встрѣтимся съ разсказомъ о дѣвушкѣ, вскормленной змѣинымъ ядомъ.

Вернусь къ легендѣ о мертвомъ городѣ. Она представляется намъ особымъ пересказомъ нашей повѣсти о Вавилонѣ, запустѣвшемъ городѣ, обитаемомъ лишь змѣями; какъ Навуходоносоръ велѣлъ сдѣлать змѣиное знаменіе на утвари и платьѣ и скотѣ, такъ здѣсь нѣчто подобное говорится о знаменіяхъ, положенныхъ Александромъ, и о механическихъ (?) змѣяхъ на улицахъ и площадяхъ. Городъ эіопскаго сказанія окруженъ пламенемъ, водою, пропастями; вокругъ Вавилона лежитъ гигантскій змѣй; связь между пустыннымъ Вавилономъ нашей повѣсти и сагой объ Александрѣ указана французскимъ романомъ: Александръ возметъ Вавилонъ, убьетъ змѣя неусыпающаго, подойдетъ къ дракону, окружающему гору²⁾. Можетъ быть, и механическія фигуры, денно и ночью издававшія звуки среди сомкнувшихся горъ, только перенесены въ эпизодъ, напоминающій заключеніе Гога и Магога, и принадлежали по существу къ Вавилонской повѣсти: Навуходоносоръ устроилъ во вратахъ градныхъ главу змѣю, и когда послы вѣждали въ городъ, наполнялись великаго ужаса, потому что триста кузнецовъ постоянно дули въ мѣхи, и огонь и поломя опали вѣзжавшихъ.

Интересно и слѣдующее совпаденіе: въ поэму Генриха Нейштад-

1) Изъ исторіи и т. д. I, стр. 387, 389 — 40, 352 слѣд., 375. Сл. Hertz. I. с. стр. 69—70, прим. 4.

2) Изъ исторіи I. с. стр. 405, прим. 1.

скаго включенъ эпизодъ, отвѣчающій нашему сказанію о запусѣломъ Вавилонѣ, и въ ней-же есть разсказъ, тождественный съ разсказомъ епископа Новгородскаго Василія о раѣ. Я имѣю въ виду ту подробность, что люди, взошедшіе на райскую гору, посмотрѣть, что тамъ дѣлается, рукоплескали при видѣ ея чудесъ и тамъ и оставались, не принеся вѣсти тѣмъ, кто ихъ послалъ¹⁾.

Въ эіопскомъ текстѣ дѣло идетъ не о горѣ, а о городѣ, какъ у Генриха Нейштадскаго, съ тою разницею, что въ первомъ это городъ грѣшнѣй, покаранный за грѣхи и полный чаръ, тогда какъ у второго вопросъ остается нерѣшеннымъ: это, должно быть, рай, говорятъ спутники Аполлонія; но непосредственно за тѣмъ буря приноситъ ихъ корабль къ скалѣ, точно вылитой изъ серебра, на ней замокъ и вертоградъ; Илья и Энохъ бесѣдуютъ съ путниками, даютъ райскихъ яблоковъ; здѣсь рай, говорятъ они имъ²⁾. — Представленіе рая, окруженнаго неприступной, мѣдной, огненной стѣною, рая-города, свойственно цѣлому ряду Александрій: его знаетъ сербскій текстъ, *Iter ad Paradisum* и соотвѣтствующіе эпизоды въ европейскихъ пересказахъ Александра романа³⁾; обитатели рая—Илья и Энохъ: такъ въ Александріи Ульриха фонъ Эшенбахъ, въ разсказѣ о хожденіи Александра, включенномъ въ *Faits des Romains*, и, внѣ Александріи, въ *Baudouin de Sebourg* и *Ugo d'Alvernia*⁴⁾. Яблоко могло явиться замѣной камня—глаза; или разумѣется райское яблоко христіанскихъ легендъ: оно отвѣтило-бы той кисти винограда, которую въ эіопскомъ Псевдокаллисоенѣ подаетъ Александру ангелъ⁵⁾.

Рай-городъ, Эноха и Илью мы встрѣтимъ и въ эіопской христіанской легендѣ. Пока въ ея разсказѣ слѣдуетъ вѣщаніе Господа Александру о своемъ грядущимъ воплощеніи и второмъ пришествіи; за цѣлому-дріе и по молитвамъ Александра Господь поставилъ его своимъ пророкомъ и уготовить ему вѣчное упокоеніе.

Далѣе⁶⁾ Александръ идетъ въ египетскій Вавилонъ, основываетъ Александрію (о чемъ уже была рѣчь выше) и снаряжается въ походъ въ страну мрака къ источнику жизни. Мракъ лежитъ надъ моремъ, какъ baldachnъ, высящійся до неба; солнце выходитъ изъ него, какъ женихъ изъ подъ своего полога, и совершивъ дневной путь, снова входитъ въ него. Александръ хочетъ взять съ собою лишь людей возмужалыхъ, борода-тыхъ, ибо они не знаютъ страха, но когда двое юношей изранили себѣ лицо, чтобы вытянуть волосы, на подобіе бороды, онъ, пораженный ихъ храбростію и доводами, беретъ съ собой всѣхъ, у кого не трепещетъ отъ испуга

1) См. мои Отрывки византійскаго эпоса въ русскомъ. Повѣсть о Вавилонскомъ царствѣ, и Разысканія № XIX.

2) Strobl, Heinrich von Neustadt, Apollonius, v. 14866—15052.

3) Изъ исторіи стр. 277—8; см. Hertz I. с. стр. 54, 55, 60, 73, 76, 80; Новыя данныя стр. 119.

4) Hertz I. с. стр. 56, 76; Изъ исторіи I, стр. 320, 323.

5) Изъ исторіи стр. 321, прим. 1; см. выше.

6) Budge, I. с., стр. 471—83.

сердце ¹⁾. Область мрака лежитъ на водахъ, что отвѣчаетъ представленію эіопскаго Псевдокаллисѳена); дабы проникнуть туда Александръ пользуется средствомъ, которое служить ему у Псевдокаллисѳена и въ его отраженіяхъ для восхожденія на небо: въ странѣ мрака онъ нашелъ громадныя птицъ, которыхъ приручилъ; куски мяса, которые онъ давалъ имъ, онъ уносили въ область живыхъ и снова возвращались за кормомъ. Развѣдчики Александра летятъ на нихъ, навѣсивъ передъ ними куски мяса на крючьяхъ, и возвращаются съ вѣстями о пути. Самъ Александръ ѣдетъ на корабляхъ, къ носу которыхъ прикрѣплены бычачьи туши; за ними летѣли птицы и суда двигались при помощи ихъ крыльевъ. За областію мрака открывается градъ блаженныхъ, описанный въ чертахъ обычныхъ такого рода представленіямъ, но самъ Александръ проникаетъ и далѣе: Духъ переноситъ его на конѣ къ престолу Эноха, «писца господнихъ рѣшеній», и Ильи. Они привѣтствуютъ его и бесѣдуютъ съ нимъ; ихъ пища — духъ жизни, питье — рѣка жизни, падающая изъ рая; вода источника жизни бѣлая, какъ солнце («яко млеко» въ Хожденіи грехъ иноковъ къ Макарію) ²⁾, рыба въ немъ тоже бѣлая, не знающая смерти; здѣсь градъ жизни, гдѣ никто не умираетъ, деревья носятъ райскіе плоды и на траву спускается небесная манна.

Энохъ и Илья поднимаются ввысь на огненныхъ колесницахъ, а Александра его конь приноситъ къ войску.

По представленію легенды вода жизни истекаетъ отъ блаженныхъ, какъ и въ эіопскомъ Псевдокаллисѳенѣ она истекаетъ изъ-подъ Божія престола ³⁾; но тамъ и здѣсь ея источникъ находится въ области мрака. Легенда рассказываетъ по этому поводу слѣдующее: какой-то рыбакъ набрелъ на родникъ, съ водою, бѣлой, какъ молоко, выудилъ нѣсколько рыбъ, бросилъ ихъ наземь, но онѣ не околѣвали; взрѣзалъ ихъ, билъ палкой и камнями, но повторилось то же; тогда онъ самъ искупался въ источникѣ. Въ присутствіи Александра совершается то-же чудо съ рыбами, и рыбакъ рассказываетъ объ источникѣ. Александръ велитъ повести себя къ нему, но рыбакъ сбился съ пути, пускается бѣжать; его приводятъ къ царю и подвергаютъ наказанію; тогда онъ произноситъ хулы на Александра и Бога. Не пристало мнѣ повиноваться тебѣ! говоритъ онъ. Ему отрубаютъ голову, мучаютъ, но убить не могутъ; тогда Александръ велитъ сковать его желѣзными цѣпями и бросить въ область тьмы, а самъ возвращается домой.

Мнѣ еще придется говорить объ источникѣ безсмертія; христіанскій

1) У Лампрехта (не въ его-ли источникѣ?), наоборотъ, неразумные юноши (die tumben jungelinge) увлекаютъ Александра къ походу, презрѣвъ совѣты людей мудрыхъ.

2) См. выше.

3) Изъ исторіи, стр. 810, 823—4.

4) Въ румынской Александріи вода юности въ области блаженныхъ, у престола Эванта, сл. Изъ исторіи стр. 271.

романъ ближе здѣсь къ обычному Псевдокаллистоеновскому преданію, чѣмъ соотвѣтствующій эпизодъ эіопскаго Псевдокаллистоена ¹⁾. Замѣчу только, что во французской Александріи источникъ безсмертія найденъ какимъ-то македоняниномъ Енос'омъ, который и искупался въ немъ; Александръ велитъ замуравать его въ столбъ, гдѣ ему приходится до конца дней оплакивать свое безсмертіе ²⁾. Вспомнимъ, что въ нашей легендѣ объ источникѣ жизни говоритъ Александру Энохъ.

Молитвы Александра и его бесѣды съ Святымъ Духомъ прерываютъ снова развитіе легенды ³⁾. Помяни меня твоей милостью, хотя мой родъ и не изъ твоего израильскаго племени, молится Александръ, а Св. Духъ пространно поучаетъ его о семи чувствахъ, какъ семи вратахъ сердца. При этомъ забыта хронологическая точка зрѣнія: ранѣе Господь вѣщалъ о своемъ будущемъ воплощеніи, теперь встрѣчаются выраженія: они Меня распяли! Всего характернѣе эпизодическое воспоминаніе о Филиппѣ: онъ былъ большой звѣздочетъ, говоритъ Александръ, прочелъ въ звѣздахъ о грядущемъ воплощеніи и распятіи Спасителя, и опечалился, и плакалъ, и рвалъ на себѣ волосы, и отъ великой скорби бросился въ море, гдѣ и погибъ. — Онъ причтенъ къ лику мучениковъ, какъ Ананія, Азарія и Мисаилъ, слышится голосъ, ибо онъ умеръ ради Меня. И на вопросъ Александра о знаменіяхъ его смерти, отвѣтъ такой: Ты умрешь, когда небо надъ тобой будетъ мѣдное, а звѣзды на немъ покажутся тебѣ изъ золота и серебра.

Вернувшись къ себѣ, Александръ раздаетъ все свое имѣніе нищимъ, проводитъ жизнь въ молитвахъ и постѣ, пишетъ назидательныя наставленія потомству, женамъ и дѣтямъ, родителямъ и царямъ. Вставленъ, съ объясненіями автора, отрывокъ изъ житія александрійскаго архіепископа Филона, найденный на мѣдной доскѣ въ казнохранилищѣ египетскихъ царей. Святой Духъ часто является Александру, вѣщая, что его кончина близка; когда онъ заболѣлъ, понялъ, что его часъ насталъ, ибо его положили въ темномъ покоѣ, обвѣшанномъ (мѣдными?) копьями и золотыми и серебрянными щитами. Онъ пишетъ увѣщательное письмо матери: онъ побѣдилъ тѣло и приобрѣлъ покой; пусть устроитъ пиръ, чтобы ему поѣсть и попить вина, да достанетъ воды въ домъ, гдѣ еще никто не умираетъ; ему умереть не хочется. Поиски за водой напрасны, Олимпиада сѣтуетъ, и легенда кончается предсмертной бесѣдой Александра съ его другомъ и ученикомъ Кѣмсаѣ'омъ, главное содержаніе которой составляетъ вопросъ о воскресеніи. Когда Александръ скончался, послышался гласъ, точно громъ: «Приди съ миромъ въ царствіе небесное»; появилась духовная рука, сіявшая какъ солнце, и душа Александра вознеслась къ вѣчной славѣ. «Здѣсь конецъ повѣсти о царѣ Александрѣ.

1) См. выше стр. 544 слѣд.

2) Изъ исторіи I, стр. 229.

3) Budge II, стр. 483—503.

Да будетъ его молитва и благословеніе на тѣхъ, кого онъ возлюбилъ, во вѣки вѣковъ Аминь».

Какъ и по какимъ побужденіямъ произошло это крайнее религіозное вырожденіе героическаго типа, которому отвѣтилъ такой-же процессъ въ области еврейской и мусульманской легенды? Касаясь этого вопроса¹⁾, я не остановился на преданіи, несомнѣнно указавшемъ путь къ такому развитію: на преданіи объ Александрѣ, какъ сынѣ Аммона; оно знакомо и Плутарху; подъ видомъ Аммона приближается къ Олимпіадѣ и Нектанебъ Псевдокаллистоена. Нектанебъ былъ послѣдній египетскій царь, побѣжденный персами и бѣжавшій въ Эіопію въ 350 г. до Р. Х.; спасая народную гордость, египетско-александрійская легенда сдѣлала Александра, побѣдителя персовъ, сыномъ Нектанеба-Аммона; Александръ — это возвратившійся, юный Нектанебъ (Pseudocall. I, 3); еврейская Александрія (у Гаркави-Гастера) дѣлаетъ и Филиппа царемъ Египта. Эта политическо-религіозная легенда продолжала жить и измѣняться въ условіяхъ воспитавшей ее среды; когда застигло ее христіанство, христіанская идеализація Александра, сына Аммона, которому Аммонъ повѣдалъ свои таинства (Плутархъ), совершилась тѣмъ-же путемъ, какимъ въ источникѣ греко-сербской Александріи Гермесъ претворился въ пророка Іеремію.

Для писателей, не стоявшихъ въ непосредственной связи съ мѣстными превращеніями египетской легенды, явились и другіе источники идеализаціи. Я указалъ въ другомъ мѣстѣ на значеніе талмудическихъ и христіанскихъ толкованій Даниловыхъ пророчествъ, въ которыхъ Александру отводилась рѣшающая роль; Іосифъ Флавій ведетъ Александра въ Іерусалимъ, гдѣ ему читаютъ пророчества Данила и онъ поклоняется единому Богу. Этой библейской окраской отличается и Псевдокаллистоенъ С, а дагѣ открывался путь къ Александріямъ библейско-христіанскаго или христіанскаго освѣщенія: сирійской и эіопской, греко-сербской и др.; въ Roman d'Alexandre душу Александра принимаютъ святые и возносятъ къ Богу (ed. Michelant, 524, 28).

Къ общимъ мотивамъ его христіанской идеализаціи принадлежитъ и слѣдующій: впечатлѣніе его личной судьбы поддержано было впечатлѣніемъ историко-политическаго характера. То и другое сливалось, и въ пониманіи типа и событій выступали яснѣ идеи трагическаго противорѣчія, надъ которыми невольно задумывались, которыхъ поэтизировали: противорѣчія юной мощи, расширившей предѣлы исторіи, и безвременной смерти, положившей предѣлъ жизни; противорѣчія монархіи, обоедшей видимый міръ и распавшейся, когда не стало одного человѣка. Юная мощь не знаетъ конца своимъ захватамъ, и вотъ на Александра перенесена была старая восточная легенда о героѣ, добравшемся до неба; съ другой стороны темнѣе вырисовывались на свѣтломъ фонѣ грозные си-

1) Изъ исторіи, гл. VII и X; I. с. стр. 422 слѣд., 451.

луэты судьбы, непрекаемости, конечнаго; въ христіанской средѣ все это должно было получить особое, аскетическое освѣщеніе. Если въ такой средѣ Александръ продолжалъ жить въ народномъ или народно-литературномъ преданіи, и не было, или изсякло пониманіе героическаго, она спасетъ своего любимаго героя, заставивъ его побѣдить самое смерть святостью жизни и помысловъ. Характеръ его дѣятельности измѣнится, чудесный элементъ хожденій получить новое освѣщеніе: исканія чего-то лучшаго, надземнаго, недостижимаго, переходящаго границы человѣческаго ума, безсмертія. Попросите у меня, чего хотите, говорятъ ему брахманы у Псевдокаллистоена; они просятъ — безсмертія, которое онъ не въ состояніи имъ дать. Онъ и самъ стремится къ его источнику, но не находитъ, либо отказывается отъ него, потому что онъ сулитъ ему вѣчную юность — на землѣ.

Еврейско-мусульманское преданіе развило сходный типъ Александра въ томъ-же направленіи и по тѣмъ-же психическимъ побужденіямъ, сдѣлало его поклонникомъ единаго Бога, мудрецомъ-гномикомъ, собрало вокругъ его гроба цвѣтъ философовъ. У Низами онъ потомокъ Авраама по матери, покинувшей его, плодъ несчастной любви, въ пустынѣ, гдѣ его находитъ Филиппъ; свѣтлый ангелъ (серошъ) приноситъ ему даръ мудрости и пророчества, побуждаетъ его обойти міръ, чтобы повѣдать людямъ истину спасенія; онъ окруженъ мудрецами, строитъ себѣ тихое убѣжище, куда онъ могъ бы по временамъ удаляться, чтобы посвятить себя молитвѣ и размышленію. О его сынѣ, воспитаникѣ Аристотеля рассказывали, что онъ отказался отъ власти, дабы отдаться служенію Богу, а Ибнъ-Гаукаль говоритъ, что въ главномъ соборѣ Палермо, обращенномъ въ мечеть, висѣла рака съ тѣломъ Аристотеля и ему молились, испрашивая милостей ¹⁾.

Такъ могло сложиться постепенно и представленіе о «святомъ» Александрѣ. Популярная у насъ сербская Александрія уже шла по этому пути, но не изъ нея, очевидно, объясняется заговоръ донскихъ казаковъ, найденный въ рукописи XVII-го вѣка ²⁾: «не дадутъ меня (святые), раба Божія (имя рекъ), иноплеменникомъ и лихимъ людямъ стрѣляти, копіемъ, саблей и ножемъ колоти и сѣтчи сикерою, ни деревянною ударити, служеника своего, раба Божія (имя рекъ) святаго *Александра Македонскаго*». Заговоръ восходитъ, быть можетъ, къ какой-нибудь формѣ, гдѣ, какъ въ «Повѣсти о житіи и храбрости Александра Невскаго» ³⁾, онъ сравнивался съ Александромъ Македонскимъ, подобникомъ Ахиллеса; въ одномъ позднемъ старообрядческомъ стихѣ именно къ благовѣрному князю Александру Невскому обращаются съ мольбою: Отгоняй отъ насъ враговъ пагубныхъ ⁴⁾.

1) Hertz, l. c. стр. 10, 32, 90 слѣд.; Carraoli стр. 195 слѣд., 220.

2) Живая старина I, вып. 3, стр. 136.

3) Сл. П. С. Р. Л. V, стр. 2—6.

4) Безсоновъ, Казяки I, № 153, стр. 671.

Святого Александра, на этотъ разъ Македонскаго, мы встрѣчаемъ и въ слѣдующемъ сказаніи изъ области Вероны: о Гордіевомъ узлѣ. Сдѣлавъ его мудрый Соломонъ и никто не былъ въ силахъ развязать его; когда Соломонъ отдался идолопоклонству, подарилъ тотъ узелъ какому-то языческому царю, и тотъ сталъ непобѣдимъ; не могъ побѣдить его и славный воинъ, святой Александръ. Однажды ночью, когда онъ стоялъ подъ непріятельскимъ городомъ, языческой царь, выйдя на рекогносцировку, потерялъ тотъ узелъ; нашелъ его воинъ Александра, принесъ ему, и Александру слышится голосъ, что это узелъ Соломона. Тогда святой Александръ начерталъ мечемъ на землѣ знаменіе креста (первое, сотворенное на землѣ въ цѣляхъ благочестія), воткнулъ мечъ въ узелъ, и онъ распался какъ-бы волшебствомъ. Языческой царь побѣжденъ и повѣшенъ вмѣстѣ съ сыновьями на веревкѣ, развитой изъ узла¹).

Условія христіанизированія героическихъ типовъ является неизученнымъ пока вопросомъ народно-эпического развитія. Мы знаемъ St. Charlemagne, чудеса Ренѣ, святость Ожье, Илью Муромца въ кievскихъ пещерахъ. Что подъ конецъ дней герои уходятъ въ монастырь, въ этомъ можно видѣть выраженіе дѣйствительнаго, бытового мотива, усвоеннаго литературой; въ другихъ случаяхъ, которые я имѣю въ виду, необходимо различать между церковной и народной канонизаціей, и въ церковной — между общимъ и мѣстнымъ признаніемъ, наивнымъ, или вызваннымъ расчетомъ на приливъ вѣрующихъ къ новой святынѣ. Но когда совершились народныя канонизація, можно сказать съ увѣренностью, что героическая пора эпоса уже «за шеломяемъ».

IV.

Какъ на Александра перенесены были старыя восточныя преданія, такъ впоследствии, когда уже сложилась его легенда, она прирапалась новыми сказочными чертами и части ея переходили съ его именемъ въ народъ, отлагаясь въ мѣстныхъ преданіяхъ, суевѣрныхъ формулахъ, сказкахъ. Давидъ Эфесскій видѣлъ подземный прокопъ, начатый Александромъ, чтобы соединить Черное море съ Сѣвернымъ; Арсеній Сухановъ говоритъ о его гробницѣ въ Александріи съ изсѣченными на нихъ мудрыми знаками; Гагара о желѣзныхъ вратахъ въ грузинской землѣ, о щеляхъ земныхъ, куда загнаны «дивні звѣри Гогъ и Магохъ», Паисій Агіополитъ о громадномъ колодцѣ, вырытомъ по повелѣнію великаго между царями Александра. Въ одномъ сирійскомъ алхимическомъ трактатѣ два металла, входящіе въ составъ электрона, уподобляются Слову Божію и Духу Святому; изъ этого металла Александръ чеканилъ монеты, которыя разсѣялъ по землѣ; это талисманы, устроенные Ари-

1) Lumbroso, Il nodo di Solomone, въ Archivio per lo studio delle trad. popolari, VII, стр. 571; Sagaroli l. c., стр. 326—7.

стотелемъ ¹⁾. Суевѣрные люди временъ Златоуста привязывали къ головѣ и ногамъ мѣдныя монеты съ изображеніемъ Александра Македонскаго, приписывая имъ, очевидно, какую то цѣлебную силу ²⁾. Эти народныя преданія искажались, переносились порой на другія имена, напр. Соломона, въ Грузіи — на Тамару и т. п.; въ сказкахъ онѣ терялись иногда до неузнаваемости ³⁾, соединяясь съ другими сказочными мотивами, испытывая новыя примѣненія. Такъ въ слѣдующей русской, заимствованной изъ какого-то книжнаго источника ⁴⁾:

Когда Александръ Македонскій покоришь весь свѣтъ, то захотѣлъ пойти въ рай, а чтобы найти его, изнашелъ въ своемъ царствѣ Библию, не эту, которая теперь, а старую, отъ Адама, и въ ней былъ указанъ весь путь, какъ пройти въ рай. Взялъ онъ все свое войско и пошелъ въ рай по Библии, и сталъ уже приближаться. А ангелъ, что стережетъ рай, бѣжитъ къ Богу и говоритъ: «Господи! Александръ Македонскій въ рай идетъ!» Тогда Богъ на дорогѣ ему пускаетъ рѣки великія, а Македонскій суда строить, мосты моститъ, войско переводитъ и опять идетъ. Ангелъ опять къ Богу: «Господи! Македонскій идетъ!» Богъ ставитъ ему на пути гѣса дремучіе, а въ нихъ всякіе звѣри великіе, лютые. Македонскій звѣрей ловитъ, войско кормитъ, гѣсъ рубитъ и все идетъ. Опять ангелъ къ Богу: «Идетъ Македонскій!» Тогда Богъ поднимаетъ передъ нимъ горы непереходимыя, а Македонскій беретъ ломы, кирки да лопаты, ломитъ гору, просѣкаетъ, чтобы насквозь пройти. Не видать никого, только слышно, какъ внутри земли стукъ-громъ идетъ. — Сообщаетъ ангелъ о томъ Богу, и тутъ только Богъ догадался, что Македонскому Библия помогаетъ, и повелѣваетъ ангелу отнять ее у него. — Македонскій легъ заснуть, а Библию изъ рукъ не выпускаетъ, держитъ за одинъ краешекъ. Ангелъ прилетаетъ и цапъ за книгу; а Македонскій, пробудившись, сжалъ ее, какъ можно крѣпче, пальцами; но ангелъ потянулъ также сильно и вырвалъ книгу, только уголки отъ нея остались между пальцами у Македонскаго. — Не унываетъ однако онъ: по оставшимся уголкамъ далъ сдѣлать новую Библию. И вышла Библия, да ужъ не та: водить она туда-сюда, колеситъ, а впередъ ни на шагъ. Тогда Македонскій, увидѣвъ, что въ рай попасть не можетъ, говоритъ своему войску: «Что намъ тотъ рай, когда можемъ завести свой? И сталъ садить деревья, а за нимъ всѣ; съ того времени и фруктовые сады завелись.

1) Le Moyen Âge 1894, № 11, стр. 242.

2) Сл. Изъ исторіи I, стр. 376, 492. О талисманахъ, изготовленныхъ Аристотелемъ для Александра, говоритъ Al-Makin (у Budge'a II, стр. 359); между прочимъ, онъ устроилъ магическія фигуры съ трубами и барабанами, отъ звуковъ которыхъ непріатели терялись и городъ ихъ сдавался. О талисманахъ Александра сл. еще ib. стр. 389 слѣд. (Abu Shaker); Hertz l. c. стр. 14, 36, 69—70, прим. 7.

3) Сл. напр. бретонскую сказку у Luzel'я, Mélusine III, стр. 487, слѣд.

4) Слышано П. А. Ровинскимъ отъ старика садовника (въ слободѣ Гусевкѣ Камышинскаго уѣзда Саратовской губерніи) и сообщено имъ А. Н. Пыпину, предоставившему пересказъ въ мое распоряженіе.

Если въ народныхъ пересказахъ легенда объ Александрѣ испытывала обычныя метаморфозы, то и въ чертѣ уже сложившихся литературныхъ романовъ объ Александрѣ сказочный элементъ подвергался измѣненіямъ, которыя помогаютъ намъ порой разобраться во взаимныхъ соотношеніяхъ текстовъ. Разумѣется, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ можетъ подняться вопросъ, произошло-ли измѣненіе подѣ влияніемъ писаннаго преданія, какой-нибудь изъ извѣстныхъ версій романа, или объясняется устнымъ рассказомъ, одной изъ бродячихъ легендъ объ Александрѣ.

Г. Истрину подобный вопросъ представлялся не разъ. Его первая редакція — переводъ Псевдокаллисеена типа В, вторая — передѣлка первой, представляющая нѣкоторый излишекъ рассказовъ, который авторъ склоненъ объяснить устнымъ преданіемъ. Это возможно; но гдѣ свидѣтельства, что такія устныя преданія существовали еще въ пору составленія второй редакціи? И гдѣ? У насъ, или на славянскомъ югѣ? Это зависитъ отъ рѣшенія вопроса: гдѣ составленъ нашъ текстъ. Современные сказки, записанныя тамъ или здѣсь, потому являются плохимъ критеріемъ, что сами онѣ могли быть пересказомъ того или другого эпизода романа и не отвѣчаютъ за его источники.

Въ подобныхъ случаяхъ вѣрнѣе, кажется мнѣ, предположить, что для лишнихъ рассказовъ у составителя второй редакціи были въ рукахъ письменные источники. При помощи ихъ онъ распространилъ напр. намекъ первой редакціи (=В) на то, какъ Александръ проникъ въ область тьмы при помощи ослицъ съ ихъ жеребятами (=С) ¹⁾; сдѣлалъ оживляющій источникъ своего оригинала (В) вмѣстѣ съ тѣмъ и источникомъ безсмертія (=С) ²⁾. Когда Александръ вступилъ въ область тьмы, его воины находили въ пустынѣ небольшіе камни и стали ихъ брать, одни много, другіе мало, и спрашивали Александра, что изъ этого будетъ. Онъ отвѣчалъ, что они будутъ каяться всѣ, кто много взялъ и кто мало. На дальнѣйшемъ пути, вслѣдствіе тяжести камней, воины ихъ покидали, одни всѣ, другіе—нѣсколько оставивъ у себя; когда-же вышли на свѣтъ, то оказалось, что то были драгоценныя каменья, и стали «оба каятиса» (сл. 199—200). Всего этого нѣтъ въ первой редакціи (=В), нѣтъ загадочной отвѣди Александра и въ С, но есть, мы видѣли, въ эіопскомъ текстѣ и у Фирдуси ³⁾.

Г. Истринъ остановился подробно на сказаніяхъ, введенныхъ въ составъ второй редакціи. На нѣкоторыхъ изъ нихъ остановлюсь и я.

Антифонтъ предсказываетъ, что Александръ умретъ подѣ костянымъ небомъ и на желѣзной землѣ. Это предсказаніе неоднократно тревожитъ Александра. Когда во время своего хожденія въ восточныя страны онъ пришелъ въ мѣдную землю и услышалъ подѣ ней голоса, вспомнилъ предсказаніе, и велѣлъ воинамъ испытать землю, но они нашли «мѣдь безъ желѣза». Позже, идя въ пустынѣ, онъ снова посылаетъ людей раз-

1) Истринъ, стр. 196.

2) Стр. 198, 202.

3) См. выше, стр. 546.

вѣдать, не найдутъ-ли гдѣ костяное небо и желѣзную землю. Возвращаясь въ Вавилонъ, онъ ложится отдохнуть на своихъ броняхъ и покрывается бронями; въ 3-й редакціи, вышедшей изъ 2-й черезъ посредство X ¹⁾, вѣрнѣе: воины ставятъ надъ Александромъ щитъ изъ слоныхъ костей. Такимъ образомъ Александръ лежитъ на броняхъ (желѣзѣ), покрытъ костянымъ небомъ; если пророчество Антифонта не исполнилось теперь, то потому, что вѣщія дерева въ Индіи напророчили Александру смерть въ Вавилонѣ ²⁾.

Г. Истринъ недоумѣваетъ, откуда взять этотъ разсказъ составителемъ второй редакціи; можетъ быть, онъ перенесенъ на Александра съ какого нибудь другого героя, если только не зашелъ къ намъ съ востока, гдѣ могъ примѣняться и къ Александру (стр. 149—50). Подобное преданіе дѣйствительно разсказывалось объ одномъ царѣ Іемена, но уже у Евтихія, соединившаго мусульманскія преданія объ Александрѣ съ египетско-христіанскими, онъ перенесенъ на него самого: согласно бывшему о немъ пророчеству, онъ умираетъ на своей бронѣ, подъ золотымъ щитомъ; въ эіопско-христіанскомъ романѣ онъ скончался подъ мѣднымъ небомъ съ золотыми и серебряными звѣздами: въ комнатѣ обвѣшанной (мѣдными?) копьями и золотыми и серебряными щитами ³⁾; такъ вѣщалъ ему Святой Духъ. У Ибнъ-Фатика астрологи предсказали, что Александръ умретъ на желѣзной землѣ подъ золотымъ небомъ; однажды у него пошла кровь носомъ, онъ слѣзъ съ коня, его положили на бронѣ и защитили отъ солнца золотою тканью; онъ позналъ часъ смерти и, призвавъ своего писца, диктуетъ ему письмо къ Олимпіадѣ ⁴⁾. Въ грузинской легендѣ этотъ эпизодъ поставленъ въ связь съ другимъ, отвѣчающимъ эіопскому разсказу о вымершемъ городѣ и Повѣсти о Вавилонѣ. Всѣ на свѣтѣ покорились мнѣ, говоритъ Соломону Александръ, а тотъ разсказываетъ ему о проклятомъ мѣдномъ городѣ: онъ окруженъ лѣсами и горами, къ нему не подойти; стѣны и крыши мѣдныя; жители его благоденствовали, но Господь покаралъ ихъ за грѣхи, и они окаменѣли. Александръ съ Соломономъ идетъ на розыски; у воротъ города мѣдная, механически устроенная лошадь (сл. въ сказаніи о Вавилонѣ главу зміеву во вратахъ), ея они и входятъ въ мертвый городъ по указанію надписи, прочтенной Соломономъ. Воины грабятъ, а Александръ и Соломонъ видятъ во дворцѣ возсѣдающихъ на престолахъ окаменѣлыхъ царя и царицу; послѣдняя держитъ рукописаніе: просьбу— не лишать ихъ вѣнцовъ, дарованныхъ Богомъ (параллель: вѣнцы и грамота въ повѣсти о Вавилонѣ). Попытка Александра снять съ царя вѣнецъ наказана ударомъ одного изъ двухъ окаменѣлыхъ татаръ, стоявшихъ на стражѣ.

1) См. выше, стр. 536.

2) Истринъ, стр. 148—9.

3) См. выше, стр. 555.

4) См. Nöldeke l. c. стр. 47, прим. 2; Hertz, стр. 84 и прим. 1; Knust l. c. стр. 299—300; Carraroli стр. 166 (сл. у него-же народный разсказъ того-же содержанія изъ Malcolm'a Hist. of Persia I).

Къ этому и примыкаетъ разсказъ о томъ, какъ Александръ задумалъ подчинить себѣ море и его обитателей: онъ велитъ закидать его сѣномъ, наполнить нефтью и поджечь. Море обратилось въ костеръ, и прибрежные жители явились къ царю съ просьбой пощадить ихъ. Онъ потребовалъ дани, и какой-то морской человѣчекъ положилъ передъ нимъ три зерна: одно даетъ юность, другое мудрость, отвѣдать третье—знать часъ своей смерти и лѣкарство отъ всѣхъ болѣзней. Либо дань приносить море, три зерна: одно молодить, второе дѣлаетъ способнымъ понимать говоръ травъ, какая отъ какой болѣзни, отъ третьяго мудрость и предвидѣніе дня кончины.—Царь принялъ дань, но вспомнилъ о ней лишь много лѣтъ спустя; желая испытать силу тѣхъ зеренъ, онъ велѣлъ хлѣбопеку испечь изъ нихъ три маленькихъ хлѣба; съѣлъ ихъ, но не ощутилъ юности, не добылъ мудрости и не извѣдалъ часа кончины. Тогда онъ велѣлъ позвать хлѣбопека, и тотъ повинился: выпекъ хлѣбы изъ тѣхъ зеренъ, но они вывалялись въ золѣ, онъ и отдалъ ихъ нищему, а вмѣсто нихъ спекъ хлѣбы изъ другой муки. Опечалился Александръ, велитъ созвать нищихъ со всѣхъ концовъ земли, и сталъ искать хлѣбопекъ, кто между ними счастливецъ, но не нашелъ. Всѣ-ли вы здѣсь? спрашиваетъ царь.—Нѣтъ между нами одного старика, чуднаго между всѣми смертными: изъ нищаго онъ сталъ богачемъ, былъ старъ и хворъ, сталъ молодъ и силенъ, былъ глупъ,—сталъ мудрѣе мудраго и лѣчитъ отъ всякихъ болѣзней.—Царь послалъ за нимъ, сдѣлалъ его своимъ врачомъ; и спросилъ онъ его однажды: Скажи мнѣ, когда день кончины, часъ смерти моей? Отвѣчалъ ему врачъ: Когда небо мѣднымъ будетъ сводомъ надъ землею мѣдной. Прошло много лѣтъ; Александръ захворалъ, лежитъ въ своихъ палатахъ мѣдныхъ, надъ нимъ мѣдный потолокъ, мѣдный и полъ; и понялъ онъ, что пророчество врача сбывается; и не стало вождя надъ вождами ¹⁾.

Я не знаю, гдѣ составилаь эта поэтическая версія легенды, соединившая загадочное пророчество о смерти съ исканіемъ безсмертія. Символь, которымъ выражено послѣднее (зерно), выходитъ изъ обычной символики Александровой легенды, говорящей о водѣ жизни. У Фирдуси и Низами Александру не суждено найти источникъ безсмертія, тогда какъ Хисръ, погрузившись въ него, становится вѣчною юнымъ; по другому восточному сказанію Хисръ подалъ Александру чашу съ водой изъ источника, тотъ схватился за нее такъ стремительно, что вода пролилась, и Александръ не былъ въ состояніи выбраться изъ области мрака. По третьей версіи, принадлежащей, вѣроятно, какой нибудь поздней редакціи Шахнамэ, Хисръ также подаетъ царю ку-

1) Хахановъ, Очерки по исторіи грузинской словесности, вып. I, стр. 292 и слѣд. Сл. тамъ-же стр. 289 и слѣд.: «Тамара и Каспій» и мою замѣтку въ газетѣ «Кавказъ» 1896, № 2: Двѣ грузинскія легенды объ Александрѣ Македонскомъ и Соломонѣ и ихъ родичи. Сл. Сборн. матерьяловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, X, стр. 37; Истривъ, стр. 150—1 и выше стр. 551 слѣд.

бокъ съ живою водою, но какой-то голосъ предупреждаетъ Александра о бѣдствіяхъ старости, когда жизнь ему опостылитъ и самъ онъ пожелаетъ смерти, а она не придетъ; и онъ выливаетъ кубокъ на землю.

Эта-же легенда объ источникѣ безсмертія является въ соединеніи съ мотивомъ пророчества о смерти въ одномъ персидскомъ романѣ, пересказанномъ Шардонномъ; это — параллель къ грузинскому сказанію. Александръ покорилъ весь знаемый міръ и посылаетъ своихъ людей развѣдать о незнаемыхъ странахъ. Цѣлый годъ блуждаютъ они по морю, пока не встрѣтили корабль необычнаго вида и корабельщиковъ, языка которыхъ никто не понималъ. Нѣкоторыхъ изъ нихъ люди Александра взяли съ собою, и когда тѣ научились по гречески, рассказали, что и они посланы развѣдчиками, а послалъ ихъ такой-же могучій завоеватель, и имя ему также Александръ. Изумился Александръ, хочетъ разыскать своего двойника и не успокоится, пока не побѣдитъ его; но Аристотель напоминаетъ ему, что онъ смертенъ, что все великое и малое — игрушка въ рукахъ Божіихъ; чарами онъ вызываетъ пророка Илью и показываетъ въ волшебномъ зеркалѣ знаменитыхъ завоевателей прошедшаго и будущаго, которые повѣствуютъ Александру о своей судьбѣ и брѣвности мірской славы. Но Александръ выводитъ изъ всего этого лишь одно заключеніе, что желающій совершить великое долженъ отвѣчаться отъ смертности. И вотъ онъ ѣдетъ въ страну мрака искать источникъ безсмертія, но сбивается съ пути. Вѣщія деревья велятъ ему возвратиться; по дорогѣ его схватила сильная лихорадка и воины понесли его на носилкахъ, устроенныхъ изъ желѣзныхъ щитовъ, а его золотой щитъ осѣнялъ его. Тутъ онъ вспомнилъ о бывшемъ ему пророчествѣ, что онъ умретъ подъ золотымъ небомъ, на желѣзной землѣ. Въ Александрію его привезли уже трупомъ; между тѣмъ Аристотель нашелъ источникъ жизни и захватилъ съ собою воды, но онъ могъ окропить лишь тѣло Александра, окропилъ и себя: оттого ихъ имена славны во вѣки; самъ онъ могъ-бы отвѣдать воды и стать безсмертнымъ, но онъ зналъ, что безсмертіе на землѣ — одно безконечное горе, и не пожелалъ его ¹⁾.

Можетъ быть, такое-же забытое соединеніе мотива пророчества съ источникомъ безсмертія слѣдуетъ видѣть въ эпизодѣ еврейской Александріи, пересказанной г. Гаркави: Александръ приходитъ въ землю Еуфратъ (или 'Ofrat), не землю при рѣкѣ Евфратѣ, замѣчаетъ г. Гаркави, ибо Евфратъ называется по еврейски Перать, а въ *Свинцовую* землю, хотя о свинцѣ далѣе нѣтъ рѣчи и рассказчикъ, заимствовавъ это названіе изъ другихъ источниковъ, очевидно, не понималъ его значенія. Войско нашло тамъ великую рѣку, но боялось пить изъ нея воду, почему Александръ и приказалъ *вырыть по берегамъ колодези*, изъ которыхъ всѣ и напились.—Я сравниваю эту неясную подробность съ эпизодомъ второй редакціи русской Александріи: Александръ явился въ *тѣдную землю*, вспомнилъ про-

1) Hertz l. c., стр. 32—5.

рочество Антифонта, и велѣлъ *испытать* землю. *Свинцовая земля* еврейской Александріи, вѣроятно, отвѣчаетъ *мѣдной*. Далѣе разсказъ въ ней продолжается такимъ образомъ: войско остановилось у рѣки, одинъ изъ царскихъ охотниковъ словилъ птицъ, задушилъ ихъ, но когда положилъ ихъ въ рѣчную воду, чтобы ихъ омыть, онѣ ожили и улетѣли. Слуга напился изъ рѣки и пошелъ доложить царю. Навѣрно это вода изъ рая, дающая безсмертіе, говоритъ Александръ, и велитъ слугѣ принести ему отъ той воды. Но охотникъ не нашелъ рѣки (вариантъ: источника), Богъ скрылъ ее отъ меня, объясняетъ онъ; разгнѣванный Александръ снесъ съ него голову, но тотъ убѣжалъ безъ головы и ушелъ въ Великое море. Сказалъ Менахемъ писецъ: Еще разсказываютъ, что въ морѣ находятся безголовые люди, которые стараются перевернуть корабли, но тотчасъ-же удаляются, когда имъ кричатъ: Бѣги, бѣги, твой господинъ Александръ идетъ! — Далѣе, переправившись черезъ рѣку, Александръ доходитъ до вратъ Эдема, гдѣ ему подають, вмѣсто дани, ящикъ, который онъ не въ силахъ поднять; въ немъ нѣчто подобное глазу ¹⁾.

Какъ неровно распредѣлилось наслѣдіе Александровой легенды между литературной и народной памятью, тому доказательствомъ именно эпизодъ о водѣ жизни или источникѣ безсмертія. Въ Псевдокаллисеевѣ С поваръ Александра, Андрей, отвѣдалъ воды, въ которой ожила сушеная рыба, далъ попить и побочной дочери Александра, Кагѣ; оба становятся безсмертными; завидуетъ имъ царь, велитъ ихъ бросить въ море: Андрей становится морскимъ демономъ, Кага nereидой. Писанное преданіе не забыло мужскаго образа, видоизмѣняя его въ различныхъ версияхъ (Хисръ, Илья, Аристотель, рыбакъ эеіопскаго Псевдокаллисеена, Енос, птицеловъ еврейской Александріи съ замѣной рыбе птицями); женскій удержался внѣ романа. Въ болгарской народной повѣсти Калу замѣнила безыменная сестра Александра: она обернулась дельфиномъ; какъ только дельфинъ услышитъ имя Александра, прячется въ воду; въ румынскомъ повѣрѣ нарѣчницы, судицы, рожаницы — это служители Александра, выпившіе тайкомъ живую воду и ставшіе безсмертными; на Закинеѣ разсказываютъ, что властительница nereидъ была сестрой Александра; на Черномъ морѣ и до сихъ поръ является чудовищная полурыба, полу-женщина, останавливающая корабли, вопрошая: Живъ-ли царь Александръ? Если отвѣтять, что живъ, она радуется, оборачивается красавицей, затягиваетъ подъ звуки лиры сладкозвучную пѣснь и унимаетъ море; если отвѣтять, что умеръ, приходитъ въ страшный гнѣвъ и высоко швыряетъ корабль, такъ что всѣ погибають. Слезы горгонъ произ-

1) Новыя данныя, Гаркави § 16 = Gaster §§ 37, 38. Можетъ быть, въ связи съ разобраннымъ пророчествомъ Александріи стоитъ слѣдующій русскій заговоръ отъ крови: «Доселева были при Агарянѣ царѣ неба мѣдна, земля злѣзна, и не дали плоду отъ себе. Какъ утихнулись и ужаснулись рѣки и ручьи, малыи источники, такъ бы утихнулись у раба Божія (имрекъ) щипата и ламата». Сл. Добровольскій, Смоленскій этнографическій сборникъ I, стр. 201, № 3.

водить бурю, отъ которой нѣтъ спасенія; въ одной сказкѣ изъ Пароса Горгона клянется матерью — моремъ и отцомъ Александромъ ¹⁾. Напоминъ безголовыхъ людей еврейской Александрии, «Фараоновыхъ людей» въ Хожденіи купца Познякава, фараоновъ, фалароновъ въ повѣрѣхъ тобольскихъ цыганъ, смоленскомъ и малорусскомъ: фараоны — полу-люди, полу-рыбы, складываютъ пѣсни, ихъ женщины убаюкиваютъ ими неопытныхъ моряковъ, и тогда морскіе люди опрокидываютъ корабль; либо фараоны спрашиваютъ: «Ти скоро будить приставленія свѣта, фараонѣ, фараонѣ?» ²⁾

Греческая сказка о горгонахъ, вздымающихъ бурю, извѣстна была въ средніе вѣка въ приуроченіи къ проливу Satalia между Родосомъ и Кипромъ ³⁾. Правда, лишь у одного Гервасія Тильберійскаго встрѣчается имя Горгоны, но сравненіе съ греческимъ повѣрьемъ съ одной стороны, съ статьей Физиолога съ другой, доказываетъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ ученымъ подновленіемъ. Tradunt.. Gorgonem meretricem fuisse, quae sua pulchritudine homines mentis impotes reddebat, говоритъ Гервасій; ея-то голову Персей бросилъ въ море. Туземцы (indigenae) рассказываютъ, что рыцарь, плывшій при жизни къ какой-то королевѣ, достигъ своихъ желаній лишь по ея смерти, соединившись съ ней въ гробницѣ. Голова Горгоны была плодомъ этой связи; кто видѣлъ ее, погибалъ, и этимъ пользовался рыцарь; однажды онъ былъ въ морѣ и заснулъ, а его любовница полюбостествовала узнать, что онъ прячетъ въ ларцѣ; взглянула на голову и умерла, погибли отъ того-же и рыцарь и корабль. Hinc tradunt in capite septennii caput faciem ad superiora vertere, et hoc periculum in mare navigantibus generare. — Тотъ-же рассказъ повторенъ у Walter'a Maris, Рожера de Hoveden, Мандевилля, въ процессѣ Храмовниковъ, съ варьянтами, безъ имени Горгоны, но съ той-же сказкой о происхожденіи головы и тѣмъ-же географическимъ приуроченіемъ. Въ Livre Artus являются новыя подробности: ко двору Артура прибыла дѣвушка, посланная властительницей Лѣса Приключеній, съ просьбой — дать ей рыцаря, который освободилъ бы королевство Ливію (гдѣ, кстати, древніе помѣщали горгонейскія поляны) отъ чудовища Laide Semblance. Родилось оно отъ такой-же неестественной связи, какъ и въ предыдущихъ варьянтахъ; похоже на трехлѣтняго ребенка, съ большой головой, громадными черными глазами, приносящими гибель всякому, кто на нихъ взглянетъ, и большой красной косою. Однажды какая-то женщина вынула чудовище

1) Изъ исторіи I, стр. 222, 230, 271, 377—8.

2) См. мою замѣтку по поводу изданія X. М. Лопарева въ Журн. Мин. Нар. Просв. ч. ССLV, отд. 2, стр. 507—8; Добровольскій, Смоленскій этнографическій сборникъ, ч. I, стр. 147, № 82; Ивановъ, Нар. рассказы о домовыхъ, лѣшнихъ, водяныхъ и русалкахъ, въ Сборникѣ Харьковскаго Ист. фило. Общ., т. 5, Труды педагогич. отд. вып. I.

3) См. Славянскія сказанія о Соломонѣ, стр. 196—7; Freymond, Beiträge zur Kenntniss der altfranz. Artusromane in Prosa, въ Zs. f. franz. Sprache u. Litteratur, B. XVII, Heft 1—3, der Abhandlungen 1 u. 2 Heft, стр. 7—9 и 69 слѣд.

изъ сундука, гдѣ держалъ его ея мужъ, и погибло 60 тысячъ человѣкъ, осаждавшихъ городъ на Кипрѣ. Юда Маккавей положилъ конецъ этой пагубѣ, бросивъ Laide Semblance въ рѣку, но теченіе принесло ее въ Ливію, и она по прежнему опасна; кто избавить отъ нея? Нѣсколько рыцарей отвѣчаютъ на призывъ, но безуспѣшно; удается подвигъ лишь одному Греу: мудрая властительница Лѣса Приключеній научаетъ его заговору, наставляетъ, какъ держаться, даетъ волшебной мази, повязку на глаза коня, бочку, въ которую слѣдуетъ спрятать Laide Semblance. Греу схватываетъ ее, прижавъ ея спину къ своей груди, быстро набрасываетъ на ея голову и станъ покрывало, не обращая вниманія на бушующія волны, грохотъ и страшные голоса. Опустивъ чудовище въ бочку съ волшебнымъ зельемъ, головой внизъ, онъ спѣшитъ назадъ среди внезапно расходившейся бури. Бочку положили въ желѣзный, окованный желѣзными же обручами ковчегъ и опустили въ подземелье, но непогода будетъ длиться, пока Laide Semblance не бросятъ въ море, окружающее свѣтъ. Дѣлаетъ это Мерлинъ; чудовище брошено въ проливъ de Sathelie, тамъ оно останется на вѣки, но въ «исторіяхъ» сказано, что когда оно выходитъ на поверхность, гибнутъ корабли.

Рыцарь, овладѣвшій Laide Semblance, зовется Греу, Grex li mescheanz, онъ сынъ короля Aleine, племянникъ властительницы de la forêt sans toit. Въ романахъ Артура цикла его имя *никогда болѣе не встрѣчается*; Фреймондъ пытается отождествить его съ Greit'омъ, сыномъ Egi въ Мабиногіяхъ; но именно одиночность имени побуждаетъ меня спросить: не пришло ли оно? Греу, Grex значитъ: грекъ, что идетъ къ легендѣ о Горгоніи, локализованной въ греческомъ морѣ.

Это приготовило насъ къ разсказу Физиолога о Горгоніи и Александрѣ; какъ у Гервасія, Горгонія—красивая *блудница*, съ змѣями вмѣсто волосъ, живетъ она въ горахъ западныхъ, полна похоти и всѣхъ привлекаетъ своимъ зовомъ, но кто явится, цѣлнветъ, увидивъ ее. Умѣетъ съ ней справиться лишь волхвъ: убѣдивъ ее спрятать въ яму свою голову, онъ отсѣкаетъ ее. «И Александръ бо имаше ю и одолаше юзыкомъ всѣмъ» (*καθάπερ καὶ Ἀλέξανδρος ὁ βασιλεὺς κατέχευ αὐτὴν καὶ ἐχουρίευσεν πάντα τὰ ἔθνη*). Связь: «имаше ю» и «одолаше юзыкомъ» была-бы странной, если бы у насъ не было основанія объяснить ее: у Александра была съ собою голова Горгоніи, ею онъ и одолавалъ, какъ въ группѣ разобранныхъ выше западныхъ легендъ отъ взгляда головы гибнутъ люди и рушатся города. Именно о головѣ Горгоніи говоритъ 2-я редакція нашей Александріи: Горгонія такъ же похотлива и такъ же зоветъ къ себѣ и человѣка, и звѣря; кто узритъ ея образъ, издохнетъ. Александръ слышитъ ея голосъ, но посылаетъ вмѣсто себя своего волхва. Я Александръ, говоритъ волхвъ Горгоніи, коли хочешь быть со мною, сокрой голову. Голова отрублена, и Александръ велитъ ее спрятать въ «сосоудѣ темнѣ», дабы никто не увидалъ ее¹⁾.

1) Истрия I. с. стр. 280—1 текста.

Очевидно, источникъ Физіолога зналъ нѣчто большее о томъ, какъ Александръ одолевалъ ею народы, а составитель 2-й редакціи нашей Александрин не изъ Физіолога почерпнулъ подробность о волхвѣ, замѣститель Алаксандра. Всего менѣе могъ онъ ее придумать: она слишкомъ въ духѣ того цикла легендъ, гдѣ у Александра помощный волхвѣ—Аристотель. Такъ въ слѣдующемъ разсказѣ, извѣстномъ въ Персіи съ IX—X вѣка, попавшемъ въ *Secreta Secretorum* (XII в.), если не тождественномъ, то сродномъ съ сказаніемъ о Горгоніи: какая то индійская царица (либо царь) коварно послала Александру, въ числѣ другихъ даровъ, дѣвушку красавицу, вскормленную змѣйнымъ ядомъ; Аристотель прозрѣлъ ея природу и такъ говорить Александру: *ideoque audacter, horribiliter et insensanter et inverecunde suum flegebat visum* (т. е. дѣвушка) *in facies hominum, perpensi siquidem, quod interficeret solo morsu, quod experimento postea didicisti et probasti, et nisi hoc certissime ostendissem, mors tua fuisset in ardore coitus consequuta*¹⁾.

Легенды о Горгоніи, до появленія новыхъ данныхъ, распадаются на три группы: 1) сказаніе о *Горгоніи—блудницѣ*, умерщлявшей однимъ взглядомъ; Александръ добываетъ ея голову при помощи волхва (Аристотеля?), онъ одолеваетъ (съ ея помощью?) народы. — 2) Легенды о головѣ *Горгоны—meretricis*, причинившей смерть и разрушеніе (Гервасій); о *Laide Semblance* съ такимъ-же гибельнымъ взглядомъ, которой овладѣваетъ рыцарь (*livre Artus*). И голова и *Laide Semblance* брошены въ море, въ проливъ Саталиі, и *причиняютъ бурю и крушеніе*. — 3) Въ греческихъ сказкахъ *Горгоны причиняютъ бурю*; Горгона названа дочерью Александра по памяти о Кагѣ-нередѣ, его побочной дочери у Псевдокаллистоена.

Мы видѣли²⁾, что болгарская легенда обратила эту дочь въ сестру. Но смѣшеніе на этомъ не остановилось; мы входимъ въ кругъ любопытныхъ сказочныхъ перенесеній.

Въ одной болгарской же легендѣ³⁾ дочь или сестру Александра замѣнила сестра Соломона. Когда онъ спустился въ море, чтобы испытать его глубину, сестра его убоялась, какъ бы онъ не погибъ, и молитъ Бога: пусть обратитъ ее въ рыбку, чтобы ей спасти брата, а съ нею поступитъ, какъ будетъ Его воля, хотя бы ей на вѣкъ остаться рыбкой. Съ тѣхъ поръ она показывается въ морѣ полурыбой, полуженщиной. «Ты ищешь Соломона», кричатъ, завидѣвъ ее, рыбаки, «онъ съ нами, погѣзай къ намъ, увидишь его». И она долго плыветъ за судномъ, пока не выбьется изъ силъ.

Это сколокъ съ легенды о сестрѣ Александра; и испытаніе моря, какъ и испытаніе неба встрѣчаются въ сказаніяхъ о Соломонѣ⁴⁾; его ковар-

1) Hertz, Die Sage vom Giftmädchen, Abhandl. der k. bayr. Ak. d. W., I Cl., XX B., 1 Abth., стр. 6—7. Сл. Biadene, Varietà letterarie e linguistiche, стр. 1—2.

2) Сл. выше, стр. 564.

3) Сборникъ за народни умотворенія VII, отд. III, стр. 170.

4) Караджичъ № 48; Драгомановъ, Малор. Нар. преданія, стр. 105—108.

ной матери отвѣчаетъ такой-же образъ въ еврейской Александріи у Гаркави-Гастера: мать посылаетъ Александра на бранные подвиги съ тайной мыслью, что онъ погибнетъ и престолъ достанется ея старшему сыну отъ Филиппа¹⁾. И у Александра явилась невѣрная жена, вѣроятно, подъ вліяніемъ рассказовъ о невѣрной женѣ Соломона²⁾.

По сербской сказкѣ мать проклѣяла Соломона: ему не умереть, пока онъ не испытаетъ небесной высоты и морской глубины. Соломонъ составилъ, наскучило ему жить, и вотъ онъ въ морѣ, въ ковчегѣ, цѣпь отъ котораго держитъ его жена. Проходитъ мимо какой-то обманщикъ, говоритъ, что Соломона поглотили рыбы, и жена выпускаетъ изъ рукъ конецъ цѣпи. Въ это время заспорили черти, какъ подѣлится между собою найденныя имъ клюку, шляпу и одежду св. Ивана. Они-то и вытащили изъ моря Соломона, чтобы онъ ихъ рассудилъ; онъ беретъ клюку и кладетъ крестное знаменіе, отчего черти разбѣжались, либо онъ исчезаетъ, надѣвъ шапку невидимку³⁾.—Сходно въ особой версіи рассказа объ испы-

1) Разысканія гл. V, стр. 124 слѣд.; Новыя данныя, Гаркави § 6 = Gaster, § 11. Въ смоленской сказкѣ у Добровольскаго (Смоленскій сборникъ I, стр. 258 слѣд.) мать Соломона играетъ роль невѣрной жены въ легендѣ объ увозѣ.

2) Къ легендамъ о невѣрной женѣ Соломона относится небольшая группа сказокъ, которую можно озаглавить: ожившія (или провѣщившія) рыбы. Сюда принадлежитъ сказаніе о Викрамадितѣѣ, армянская сказка, безъ имени дѣйствующаго лица, и грузинская съ именемъ Соломона (сл. газету Кавказъ 1896, № 2 1. с.). Въ грузинской дѣйствующими лицами является Соломонъ, его жена и визирь; остановившись на берегу рѣки, они поймали три рыбы, изрубили ихъ и стали варить. Меня называютъ ошороу мудрости, началъ Соломонъ, но я недоумѣваю, когда вспомню бывший мнѣ сонъ: чудилось мнѣ, что на моемъ ложѣ спитъ какой-то человекъ, въ головкахъ у него яблова, въ ногахъ другая, болѣе первой обремененная яблоками. Если это правда, пусть оживетъ одна изъ рыбокъ. — И рыбка ожила и юркнула въ рѣку. — Я объяснилъ значеніе этого сна изъ русской повѣсти о дѣтствѣ Соломона: обличая любовную связь Вирсавіи, онъ иносказательно говоритъ отцу своему Давиду о любимомъ деревѣ въ его саду, которое принесло ему червленое яблоко (т. е. его, Соломона), и въ этотъ-то садъ вторгся козелъ, а дерево осквернилъ и погрызъ. — Затѣмъ выступаетъ визирь; ему чудится, что Соломону грозитъ опасность и смерть — и вторая рыбка оживаетъ, подтверждая его опасенія. При этомъ съ царицей дѣлается дурио — и она кается, что вотъ уже двѣнадцать лѣтъ, какъ она измѣнила своему мужу. См. легенду Alkavini у Nascher, Rosenbl I, стр. 174 слѣд.: Соломонъ, его визирь Асафъ и царица Балькисъ сидятъ за столомъ. Нѣтъ-ли возможности оживить эту рыбу? спрашиваетъ Балькисъ. Правда и справедливость могутъ оживить и мертвеца, отвѣчаетъ Асафъ; пусть каждый скажетъ правду — и онъ говоритъ о себѣ: Я вращаю всѣми дѣлами въ государствѣ — и все-же желаю бы скорѣе быть Соломономъ, чѣмъ Асафомъ. Рыба шевельнулась. — Ни у одной царицы нѣтъ такого мужа, какъ Соломонъ, начала Балькисъ, я дѣлю съ нимъ власть и наслажденіе, и тѣмъ не менѣе, увидя человека болѣе молодого, тайно желаю, чтобы Соломонъ на столько-же помолодѣлъ. — Снова шевельнулась рыба. — Все мнѣ подвластно, люди, и звѣри, и демоны, говоритъ Соломонъ, какъ Божій посланникъ хожу я по сушѣ и водамъ, летаю на крыльяхъ востока — и тѣмъ не менѣе долженъ признаться, что изъ двухъ людей, являющихся ко мнѣ, мнѣ милѣе тотъ, кто пришелъ съ посуломъ. Рыба ожила.

3) Караджичъ 43; сл. болгарскую сказку: Соломонъ и майка му, въ Сборникъ за народни умотворенія XII, отд. III, стр. 163—4. Въ сартской сказкѣ у Остроумова

таніи Александромъ моря у Лампрехта, по базельской рукописи: спустясь въ глубину, Александръ даетъ держать цѣпь отъ ковчега, въ которомъ находился, своей возлюбленной; она обѣщала быть ему вѣрной, но послѣ трехъ дней и трехъ ночей бросаетъ цѣпь, потому что кто-то посватался за нее. Легенда эта встрѣчается и въ хроникѣ Эненкеля и въ Александріи Ульриха фонъ Эшенбахъ ¹⁾.

Такимъ путемъ могъ пройти въ легенду о Соломонѣ и мотивъ «сестры». Знаетъ ее и словинская легенда, на этотъ разъ въ связи съ таинственнымъ источникомъ, но не безсмертія, а вѣщаго знанія: будто-бы Господь велѣлъ Соломону напиться и умыться въ извѣстномъ источникѣ, онъ станетъ мудрѣйшимъ, а сестра его Шембилія (= Сивилла) подслушала этотъ наказъ, предвосхитила брата и стала мудрѣе его ²⁾. Въ неаполитанской и сицилианской сказкѣ она также является мудрѣйшей, и Соломонъ отсылаетъ вопрошающихъ къ ея рѣшеніямъ; ея имя: Scibilia (= Сивилла) или Sapienza = премудрость ³⁾. Можетъ быть, это образное отвлеченіе «Премудрости Соломоновой», но источникъ отсылаетъ насъ къ легендѣ объ Александрѣ съ его водой жизни, источникомъ не только безсмертія, но и божественнаго знанія, какъ въ эіопскомъ романѣ ⁴⁾.

Смѣшеніе Александровой и Соломоновой сагъ обращаетъ на себя вниманіе. При Александрѣ источникъ безсмертія, при Соломонѣ источникъ вѣщаго знанія и вода жизни: въ турецкой обработкѣ Тути-намэ архангелъ Гавриилъ подаетъ отъ нея Соломону, но онъ отказывается пить, не желая пережить своихъ ближнихъ ⁵⁾; «безсмертную гору» куда направляется Соломонъ, желая избѣжать смерти, знаетъ малорусская

(Сарты, Этнографическіе матеріалы, вып. 2-ой: Народныя сказки Сартовъ) черти спрятать изъ-за вещей, оставшихся послѣ Соломона (ховеръ-самолетъ и т. д.); человекъ пускаетъ стрѣлу, черти бѣгутъ за нею взапуски, а онъ улетаетъ, забравъ вещи, «по могуществу Божию и по повелѣнію пророка Соломона».

1) Сл. Истрингъ I. с. стр. 219—20 и указанную тамъ литературу. У Эненкеля Александръ беретъ съ собою въ ковчегъ пѣтуха, у Ульриха пѣтуха и кошку; когда царица выпустила цѣпь (у Эненкеля по вѣроломству, у Ульриха потому, что не въ силахъ была сдержать цѣпь), Александръ задушилъ кошку (Эненкель) или пѣтуха (Ульрихъ), и море выбросило ковчегъ на берегъ, ибо онъ не терпитъ мертваго тѣла. Такъ и въ еврейской Александріи у Гаркави § 17—Гастера § 80 въ эпизодѣ объ испытаніи моря, но безъ соединенія съ мотивомъ о вѣроломной женѣ; задушенъ пѣтухъ, изъ него выступила кровь, и Александръ выброшенъ на сушу, потому что море не терпитъ никакой крови. Gaster (I. с. стр. 495) не знаетъ параллелей къ этому повѣрью, но ихъ довольно много: см. мою статью: Былина о Садкѣ, Журн. Мин. Нар. Просв. ч. ССXLVIII, отд. 2, стр. 270 и прим. Укажу и на Jourdain de Blavies v. 258 слѣд.: дабы не погибнуть въ морѣ Il (= Jourdain) s'arensa d'une voidie grant, ... Il s'est naugez el bras de maintenant, ... Par ce le fist, se vos di et creant, *Mors ne puet sanc souffrir ne tant ne quant* Сл. v. 2055 слѣд.

2) Изъ исторіи I, 290.

3) Mélusine IV, № 12: Wesselofsky, La soeur de Salomon.

4) Сл. выше, стр. 545.

5) Hertz, Aristotelea, I. с. стр. 85 и прим. 6.

сказка и ея, вѣроятно, талмудическій источник¹⁾.— Тамъ и здѣсь чудо съ оживленіемъ рыбъ, но въ иной мотивировкѣ. И Соломону (и Александру) приписывалось восхождение на небо на орлахъ или грифахъ и испытаніе моря²⁾; къ Соломону и Александру одинаково примѣнялась легенда о царѣ Кассіи³⁾; къ обоимъ рассказъ о Гордіевомъ узлѣ⁴⁾; въ Вавилонѣ Александръ находитъ чудесныя устройства Соломона⁵⁾; Соломонъ рассказываетъ Александру о мѣдномъ городѣ⁶⁾ и т. д.

Смѣшеніе могло быть случайное, вызванное мѣстными условіями⁷⁾; способствовало ему и то библейско-христіанское одухотвореніе Александра типа, примѣры котораго мы видѣли выше. Не даромъ Aubry de Besançon (= Лампрехтъ) или его источникъ начинаетъ свою поэму горькимъ размышленіемъ Соломона: *Est vanitatum vanitas*; нервному блужданію Александра по всѣмъ концамъ свѣта противопоставляется тихое, близкое къ небу житіе «блаженныхъ», брахмановъ-оксидраковъ Псевдокаллисеена.

Эпизоду о брахманахъ особенно посчастливилось въ отраженіяхъ Александровой легенды, и въ немъ произошла та же смѣна міросозерцаній и приуроченій, какую мы наблюдали въ другихъ частяхъ романа У Псевдокаллисеена брахманы-оксидраки живутъ на островѣ, окруженномъ молочной рѣкой (*ὄδωρ διαφαλὲς καὶ λευκὸν ὡς γάλα* III, 5); въ статьѣ Палладія, внесенной уже въ древнюю версію Псевдокаллисеена А', они помѣщены по эту сторону Ганга, раздѣляющаго ихъ отъ женъ, что отвѣчаетъ представленію Псевдокаллисеена объ Амазонкахъ (сл. *Pseudocall. ed. Müller III, 9, 25*); талмудическія легенды представляютъ параллель къ тѣмъ и другимъ въ рассказѣ о посѣщеніи Александромъ мудраго царя Кассіи, за горами мрака, и Кароагена, населеннаго жен-

1) Разысканія гл. V, стр. 131 прим.

2) Сл. выше, стр. 546 прим. 4; стр. 567, прим. 4.

3) Изъ исторіи I. с. стр. 287—8.

4) Сл. выше, стр. 558.

5) Сл. выше, стр. 547.

6) Сл. выше, стр. 561.

7) Какъ напр. въ Эіопіи, гдѣ Соломонъ и Александръ одинаково приурочились къ народной религіозно-политической легендѣ. Сл. мои Сказанія о Вавилонѣ, скиніи и св. Градѣ, § III. Къ библиографіи вопроса укажу на работу Degamey, *La reine de Saba* въ *Rev. de l'histoire des religions* XV ann. t. XXIX, № 3, Mai-Juin. Авторъ разбираетъ абиссинскую книгу *Kebrä-Nagasht* (Слава царей), которую Преторіусъ относитъ къ VII—VIII вв.; эпизодъ, составленный позже, утверждаетъ, что книга эта переведена съ арабскаго текста, въ свою очередь переведеннаго съ коптскаго, найденнаго въ Александріи въ гробницѣ св. Марка. Соломонъ соединяется съ царицей Савской, Македой (сл. Славянскія сказанія о Соломонѣ и т. д., стр. 345 слѣд.); въ ту же ночь ему видѣтся сонъ: солнце вышло изъ Іудеи и перешло въ Эіопію, гдѣ и осталось навсегда (разумѣется перенесеніе сыномъ Соломона и Македы Іерусалимскихъ святыхъ въ Эіопію); затѣмъ поднялось новое солнце (Христосъ), возбудившее въ Израилѣ гнѣвъ и презрѣніе, тогда какъ Римъ и Эіопія признали его. Оттого они и раздѣляютъ между собою міровое царство, а Израиль будетъ обдѣленъ. — Это точка зрѣнія Мессодіевскихъ откровеній.

щинами ¹⁾. — Но уже въ Pseudocall. В и С рядомъ съ брахманами является страна блаженныхъ, Божія, въ области мрака или рядомъ съ нею, а передъ тѣмъ рассказывается, какъ Александръ пришелъ по пустынѣ, среди полной тьмы, къ берегу моря, слышитъ на островѣ голоса людей, говорящихъ по эллински, но перебраться туда не можетъ (сл. Pseudocall. ed. Müller II, гл. 38—40 и слѣд.). Представленіе области блаженныхъ въ соединеніи съ образами окружающей ее мглы, мрака и воды стало типичнымъ; укажу на эіопскаго Псевдокаллисена, гдѣ путь идетъ во мракѣ по морю, которое кажется сушью ²⁾; такъ и въ интерполяціи Roman d'Alexandre: четыре дня въ горѣ, затѣмъ по рѣкѣ, вытекающей изъ нея; у Якова von Maerlant: по морю, среди тьмы; въ другихъ пересказахъ удержалось лишь представленіе о путешествіи по водѣ ³⁾.

Къ этому представленію привязался родъ библейскихъ приуроченій. О брахманахъ-мудрецахъ, какъ потомкахъ Сіеа, говорятъ эіопскій Псевдокаллисень ⁴⁾ и сербская Александрія; первый, съ ссылкой на Зосиму; но въ Хожденіи послѣдняго, насколько оно извѣстно по славянскимъ и греческимъ текстамъ, генеалогія блаженныхъ другая. По сербской повѣсти Александръ проникаетъ къ нимъ, посѣтивъ сыновъ Сіеа; они живутъ на островѣ, за ними страна тьмы. Это даетъ мнѣ поводъ присоединить нѣсколько новыхъ подробностей къ легендѣ о Рехавитахъ, уже рассмотрѣнной мною при другомъ случаѣ ⁵⁾.

Въ IX вѣкѣ Eldad ben Mahli помѣстилъ въ Эіопію и южной Аравіи четыре изъ израильскихъ колѣнъ (колѣна Дана, Нафтали, Гадъ и Ашеръ); колѣно Дана, будто бы, выселилось въ Эіопію до раздѣла царства при Ровоамѣ и Иеровоамѣ; впоследствии къ нему присоединились и три другія. На ихъ границѣ, по ту сторону рѣки Самбатіона или Самбатіона, живутъ сыновья Моисея: потомки тѣхъ левитовъ, которые повѣсили свои гусли на ивахъ Евфрата и не захотѣли пѣть сіонскія пѣсни на неосвященной землѣ. Когда халдеи принуждали ихъ къ тому, они откусили себѣ пальцы; тогда облако подняло ихъ на высоту и перенесло въ страну Chavila. Рѣка окружила селеніе любимцевъ Божіихъ, въ защиту отъ враговъ, но въ ней не текла вода, а съ страшной быстротой и силой катился песокъ и камни. Это и есть Самбатіонъ, текущій въ продолженіи шести дней, въ субботу-же покоющійся и окутанный густымъ туманомъ; никто не можетъ переправиться черезъ рѣку, почему остальные колѣна сносятся съ сыновьями Моисея лишь издали, не имѣя

1) Изъ исторіи стр. 287 слѣд., 289—90.

2) Сл. выше, стр. 544.

3) Сл. Hertz, l. c. стр. 52, 55, 60, 70, 71, 73, 75, 78, 80; сл. Новыя данныя: Гаркави § 9 = Gaster § 24.

4) Сл. выше, стр. 541.

5) Изъ исторіи, стр. 291 слѣд.; сл. Gaster, An old hebrew romance, стр. 487—8, 497.

возможности вступить въ ихъ страну, въ которой водятся лишь чистыя животныя ¹⁾).

У Ibn-Faḡīh (ок. 900 г.) Александръ перебирается къ рахманамъ черезъ песочную рѣку, встрѣчающуюся и у Псевдокаллистоена, но въ другомъ приуроченіи (С, II, 30); другое ей названіе: субботняя, Саббатіонъ, потому что по субботамъ она не текла ²⁾).

У Иосиппона «сынамъ Моисея» отвѣчаютъ потомки Рехавы, которыхъ Александръ находитъ за горами мрака и — посѣтилъ пустынный Зосима. Сорокъ дней идетъ онъ по пустынѣ, затѣмъ принимаетъ его на себя верблюдъ, дагѣ вѣтеръ несетъ его къ рѣкѣ Эвмплу и облачной стѣнѣ, простирившейся до небесъ. Ни черезъ ту, ни черезъ другую не пройти; тогда два дерева вырастаютъ по обѣ стороны рѣки, наклоняются другъ къ другу и даютъ Зосимѣ возможность перебраться въ страну блаженныхъ. Они говорятъ ему о себѣ: когда пророкъ Іеремія провидѣлъ нашествіе иноплеменниковъ, сталъ увѣщать людей, чтобъ они отвратились отъ дѣлъ беззаконія; услышалъ это Рехавъ, сынъ Амнадава, и держитъ ту же проповѣдь своему роду: пусть воздержатся отъ хлѣба, вина и елея (слав.: и общенія съ женами) и совлекутъ одежды свои, пока Господь не услышитъ ихъ молитвы. Они послушались, и гнѣвъ Господень отвратился отъ Іерусалима. Затѣмъ воцарился тамъ другой царь, передъ которымъ обвинили потомковъ Рехавы: есть между нами люди, сторонящіеся насъ (слав.: не смѣшивающіеся съ своими женами). Ихъ ввергаютъ въ темницу, но ангелы являются ночью и приносятъ ихъ къ рѣкѣ; они идутъ по ней (слав.: по ея теченію), руководимые ангеломъ, пришли въ эту страну; тогда «погибе вода рѣки сея и разсѣдся мѣсто то, взиде вода отъ бездны и огради землю сию; и прииде облако и ста отъ воды до небеси. И такъ [не] разсѣя ны (οὐκ ἔσπειρεν ἡμᾶς) Господь по всей землѣ сей и предалъ ны есть жизнь мѣста сего». — Блаженные даютъ Зосимѣ свое «житіе», начертанное на каменныхъ доскахъ (слав. доски опочанья), которое, вернувшись, онъ возлагаетъ на алтарь своей пещеры. На обратномъ пути передъ нимъ снова склоняются деревья и его несетъ верблюдъ (въ первомъ текстѣ у Тихонравова: левъ).

Сличеніе древняго текста славянскаго хожденія (по рук. XIV вѣка) съ вариантами греческаго въ изданіи г. Васильева бросаетъ свѣтъ на характеръ перевода и отличія его оригинала. Что Рехавитамъ рекомендуется воздержаться отъ общенія съ женами — это, быть можетъ, принадлежитъ переводчику, такъ появившему приказъ царя: общаться съ другими людьми (*καταμίχθητε*); дагѣ оказывается, что нѣкоторые изъ блаженныхъ емлютъ себѣ женъ и живутъ съ ними, пока не будетъ у нихъ двухъ чадъ, послѣ чего они пребываютъ въ чистотѣ, одно изъ

1) См. Изъ исторіи стр. 228, §§ 5—8; стр. 265—7, и слѣд.

2) Nöldeke l. c. стр. 48. Я не понимаю его замѣчанія, что первоначально рѣка наполнялась водою лишь въ субботу (какъ у Иосифа Флавія De bello Jud. 7, 5, 1), но что это представленіе уступило обратному, въ связи съ ученіемъ о субботнемъ покоѣ.

чадь назначается для брака, другое соблюдаетъ дѣвство. — Въ греческомъ текстѣ Рехавиты идутъ по водѣ (не по теченію ея), что напоминаетъ хожденіе Александра въ область тьмы по эіопскому Псевдокаллисеену: Александру казалось, что онъ идетъ по сушѣ, тогда какъ онъ шествовалъ по великому морю. Подробнѣе, что вода въ рѣкѣ изсякла, а другая поднялась изъ бездны, встрѣчается только въ греческомъ текстѣ XVI вѣка (синод. ркп. 290), въ которомъ одномъ находимъ и отождествленіе блаженныхъ Зосимы съ брахманами Александра: «Διήγησις Ζωσίμου μοναχοῦ περὶ τῶν πητέρων ἤτοι τῶν Βρα[χ]μάνων οὓς εὗρεν Ἀλέξανδρος καὶ Φίλιππος (?) καὶ διελέχθη πρὸς αὐτοὺς γυμνοὺς ὡς ὄφειε ὄντας». Текстъ съ подобнымъ заглавіемъ могъ имѣть въ виду составитель 2-й редакціи славянской Александріи, но воспользовался имъ очень неумѣло: Александръ бесѣдуетъ у него съ Рахманами на Гангѣ, по Палладію, а далѣе они — Рехавиты, живущіе за рѣкой Евмеліей, и сообщается вкратцѣ содержаніе хожденія къ нимъ Зосимы ¹⁾.

Этого Зосиму я сблизжалъ съ Зосимой житія св. Маріи египетской, написанной патриархомъ Софроніемъ († 644), съ чѣмъ согласенъ и г. Васильевъ ²⁾; брахманы эіопскаго Псевдокаллисеена, о которыхъ говоритъ пустынный Зосима, привели Бѣджа къ предположенію, что разумѣется сомнительный палестинскій подвижникъ неизвѣстнаго времени ³⁾. Но въ хожденіи Зосимы блаженные названы потомками Рехавы, въ эіопскомъ Псевдокаллисеенѣ — сыновьями Сива. Можетъ быть, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ недосмотромъ или вольностью составителя сирійско-эіопскаго Псевдокаллисеена; или существовалъ-текстъ хожденія съ такимъ именно отличіемъ? Эіопское хожденіе Герасима, изданное Бѣджомъ ⁴⁾, ставитъ и другой вопросъ, не затронутый издателемъ, потому что отъ него ускользнула параллель съ хожденіемъ Зосимы. Въ сущности, это одна и та-же легенда, съ небольшими отличіями въ подробностяхъ и тѣмъ-же внѣшнимъ приуроченіемъ къ Александру, какъ въ синодальномъ спискѣ 290; въ эіопскомъ текстѣ блаженные не названы Рехавитами, но рассказывается о нихъ то же, а введеніе къ повѣсти представляетъ пересказъ апокрифа о плѣненіи Іерусалима ⁵⁾. Заглавіе эіопскаго сказанія такое: Исторія блаженныхъ людей, жившихъ во время пророка Іереміи; дѣйствующее лицо авва Герасимъ, въ которомъ Бѣджъ усматриваетъ Герасима Лидійскаго († ок. 475 г.), основавшаго монастырь близъ Іордана. О себѣ онъ говоритъ въ сказаніи, что онъ родомъ изъ Греціи, пришелъ въ Іерусалимъ, крестился въ Іорданѣ, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ крещень былъ Спаситель, и жилъ въ пещерѣ за Іорданомъ, затѣмъ въ обители,

1) Истрия I. с. стр. 223 слѣд.; сл. текстъ ib. стр. 198 слѣд., 219—220.

2) Vassiliev, Anecdota I. с. стр. XXXVIII—XL.

3) Сл. выше, стр. 541.

4) I. с. II, стр. 535 слѣд.

5) Сл. Изъ исторіи I, стр. 831 слѣд.; 342 слѣд.; Vassiliev I. с. № 15 и стр. LIX слѣд.

предисловія.

называемой «домомъ св. Іоанна», гдѣ засталъ 59 иноковъ; вернувшись отъ блаженныхъ, онъ написалъ свое хожденіе и положилъ его въ церкви св. Іоанна ¹⁾).

Всѣ эти мѣстности легко опредѣлить: пещеру за Іорданомъ можно искать гдѣ-нибудь по близости пещеры Предтечи, о которой говорятъ старые паломники; по сю сторону рѣки лежалъ монастырь Іоанна Крестителя съ большой церковью Іоанновой или Троицкой; другая малая церковь во имя Предтечи стояла на мѣстѣ крещенія Спасителя. Герасимъ эеіопской легенды жилъ въ какой-то обители, и здѣсь его синкеллъ познакомилъ его съ «книгой царя Александра»; подъ церковью св. Іоанна, куда положенъ былъ рассказъ о хожденіи, слѣдуетъ разумѣть большую церковь Іоаннова монастыря; въ сосѣдствѣ находились монастыри св. Герасима и преподобнаго Зосимы ²⁾. «На Іерданѣ жъ есть монастырь великъ зѣло Іоанна Предтечи, говоритъ Игнатій, ... тамо Марья Египетская преходила Іерданъ ко Изосимѣ, яко по суху... Оттуда недалеко, съ пять поприщъ близъ Содомскаго моря, есть монастырь святаго Герасима, у него жъ звѣрь левъ жилъ; есть и гробъ святаго Герасима, за олтаремъ есть, а звѣрь той левъ, что ему работалъ, въ ногахъ у него погребень лежитъ» ³⁾. Архим. Агревскій помѣщаетъ въ трехъ верстахъ отъ святаго Продрома обитель св. Герасима, «еμούж левъ послужилъ» ⁴⁾; «внидохъ въ гробницу, идѣже кладусь святни отци изъ предтечева монастыря, рассказываетъ Зосима, и ту бихомъ челомъ и целовахъ мощи святыхъ старцевъ и святаго старца Зосиму, пжъ Марию египтяныню причащала. И оттоль идохъ въ Герасимовъ монастырь, ему жъ левъ поработа, пжъ при Ердане поприще едино» ⁵⁾.

Чередованіе именъ Зосимы и Герасима въ хожденіи къ «блаженнымъ» объясняется изъ географическаго сосѣдства памятѣй о святыхъ, равно какъ настроеніемъ ихъ житій. Зосима киликіецъ жилъ въ одномъ изъ палестинскихъ монастырей и отличался такой святостью, что Господь удостоивалъ его своими откровеніями. Но у него явилось самоиѣніе: есть ли на свѣтѣ инокъ, который могъ бы наставить его въ дѣлѣ иноческаго подвига чему-нибудь, чего бы онъ самъ не зналъ, чего-бы не творилъ? Тогда нѣкто предсталъ ему, велитъ идти за Іорданъ, въ обитель, лежавшую такъ уединенно, что многіе изъ сосѣдства совсѣмъ не знали о ея существованіи. Описывается идеалъ иноческаго житія, посвященнаго молихвѣ и псалмопѣнію, далекаго отъ всѣхъ мірскихъ помысловъ. Здѣсь остался Зосима, найдя себѣ сотрудниковъ *καλῶς τὸν θεῶν νεοφυῶντας*

1) Budge I. с. стр. 562 прим. 1; 564—5, 583.

2) Повѣсть Епифанія о Іерусалимѣ, изд. В. Г. Васильевскимъ, стр. 28, 30 и прим. 73, 88—90; Даниилъ Ефесскій, Рассказъ и Путешествіе по св. мѣстамъ, изд. Г. Дестунисомъ, стр. 58 прим. 3, 4.

3) Хожденіе Игнатія Смоляннина, изд. С. В. Арсеньева, стр. 22.

4) Хожденіе Архим. Агревскія, изд. Архим. Леонидомъ, стр. 17.

5) Хожденіе инока Зосимы, изд. Х. М. Лопаревымъ, стр. 19.

παράδεισον. Великій постъ передъ Воскресеньемъ Христовымъ эти отшельники справляя такъ, что, перебравшись по ту сторону Иордана, расходились по одиночкѣ, проводя время въ славословіи и молитвѣ, питаются нерѣдко однимъ злаками. вмѣстѣ съ другими отправился и Зосима, все далѣе и далѣе углубляясь въ пустыню. Онъ жаждетъ встрѣчи съ какимъ-нибудь мужемъ, который просвѣтилъ бы его, и встрѣчается съ Маріей Египетской¹⁾).

Св. Герасимъ, изъ Ликии, родился въ христіанской семьѣ, съ малыхъ лѣтъ воспитывался въ монастырѣ, посѣтилъ святыни Иерусалима, велъ отшельническую жизнь въ окрестностяхъ Мертваго моря. Въ одной милѣ отъ Иордана, въ долину Иерихона, онъ основалъ обитель, киновію для послушниковъ, тогда какъ старцы жили каждый въ своей кельѣ, питаются хлѣбомъ, водой и финиками, 'обходясь безъ огня, занимаясь плетеніемъ вервей и корзинъ; лишь по субботамъ и воскресеньямъ они сходились въ киновію къ причастію, вкушали варева и немного вина и, сдавъ работу, уносили каждый свою долю пищи на недѣлю. Самъ Герасимъ постился еще строже. Рассказывается о томъ, какъ ему чудеснымъ образомъ возвѣщена была кончина св. Евеміа и какъ однажды, гуляя по берегу Иордана, онъ встрѣтилъ льва, который подалъ ему лапу, наболѣвшую отъ занозы; святой вынулъ ее, и съ тѣхъ поръ левъ сталъ послушнымъ ему животнымъ: его называли Иорданомъ, по приказанію святого онъ возить воду съ рѣки на потребу инокамъ и издыхаетъ съ горя на могилѣ св. Герасима († 475), котораго похоронили въ полумилѣ отъ церкви²⁾.—Мотивъ анекдота объ Андроклѣ, примѣнившійся къ стилю житія.

Вернемся къ легендѣ о Рехавитахъ. Зосима киликіецъ стремится къ высшему идеалу святости и приходитъ въ загадочную обитель, гдѣ иноки видутъ близкое къ райскому житію; Герасимъ изъ Ликии водворяетъ нѣчто подобное въ своей киновіи на Иорданѣ; у него помощный левъ; левъ копаютъ могилу для Маріи Египетской въ житіи Зосимы. Это не левъ-ли эіопской легенды о блаженныхъ?

Вотъ ея содержаніе: пророкъ Іеремія обличаетъ царя пдолослужителя Седекію, явившись къ нему, по повелѣнію Божію, съ своими учениками Варухомъ и Гормиздой. Царь велитъ бросить пророка въ смрадную яму, гдѣ Авимелехъ его питаетъ, а Іеремія вѣщаетъ ему, что онъ не увидитъ кары, уготованной Господомъ царю и народу Израиля. По прошествіи трехъ дней и трехъ ночей ангелъ восхитилъ Іеремію и поставилъ его передъ лицомъ Господа, который велитъ ему пойти въ Иерусалимъ, взять изъ сіонскаго храма святыни ковчега и спрятать ихъ въ пещерѣ на Оливной горѣ; вывести изъ города всѣхъ, живущихъ въ страхъ Божіемъ, и весь родъ Іеремія съ женами и дѣтьми. Пророкъ молится, чтобы Господь сподобилъ этотъ народъ — не лицезрѣть разрушенія Иерусалима,

1) Сл. Изъ исторіи романа I. с. стр. 302—3.

2) Сл. житіе св. Герасима, изд. по Патмосской ркп. Пападопуло-Керамевсомъ, 'Αναλέκτα Ἱεροσολυμιτικῆς σταυρολογίας, т. 4, стр. 175 слѣд.

и молитва услышана: ангелы ведутъ ихъ на морской островъ, тамъ гора гдѣ нѣтъ ни труда, ни печали, ни голода, ни жажды, ни жара, ни холода, ни грабежа, ни угнетія, ни лжи, ни прелюбодѣянія, а миръ и любовь. Здѣсь и поселились блаженные, денно и ночью славословя Творца.

Между тѣмъ Дарій отослалъ Иудеевъ въ Иерусалимъ послѣ семидесятилѣтняго вавилонскаго плѣненія, а Александръ вступаетъ въ городъ и казнить священниковъ, отказавшихся выдать ему порфиру. Священники убили пророка Захарію на порогѣ храма, разсѣвшемся и поглотившемъ его тѣло; съ тѣхъ поръ изъ порога сочилась кровь — до явленія Александра. Онъ облачается въ порфиру, но тотчасъ-же снимаетъ ее, смиряясь передъ волей Всевышняго.

Далѣе онъ направляется къ странѣ блаженныхъ, съ которыми бесѣдуетъ: они изъ колѣнъ Леви и Иуды, родичи Иереміи ¹⁾.

Христова вѣра распространилась по всей землѣ, всюду стали Божьи церкви, умножалось монашество; и вотъ нѣкій инокъ Герасимъ, жившій въ пещерѣ за Иорданомъ, вычиталъ въ «книгѣ царя Александра» о блаженныхъ, къ которымъ онъ ходилъ, и у него самого явилось страстное желаніе лицезрѣть ихъ. — Слѣдующій далѣе рассказъ совпадаетъ въ основныхъ чертахъ и планѣ съ хожденіемъ Зосимы: Герасима несетъ не верблюду, а левъ; вмѣсто рѣки Евмила и облака — море, но ничего не говорится, что оно непереходимо. Дерево склоняется передъ путникомъ, принимаетъ его на свою вершину, склоняется и другое, стоявшее въ морѣ, и нагнувшись въ другую сторону, ставитъ его на островъ блаженныхъ. Герасимъ говоритъ имъ о себѣ, о распространеніи христіанства, блаженные о своемъ происхожденіи, родѣ жизни и библейскихъ пророчествахъ о Христѣ, которыя Герасимъ подтверждаетъ пересказомъ евангельскихъ событій. Библейско-христіанскія воспоминанія съ любовью развиты; въ хожденіи Зосимы ихъ нѣтъ. Интересно и еще одно отношеніе: когда подходит время великаго поста, деревья перестаютъ приносить плоды, взамѣнъ ихъ падаетъ съ неба манна, которой и питаются блаженные, а къ пасхѣ деревья снова даютъ плодъ ²⁾. Въ хожденіи Герасима къ этому присоединяется и та еще черта, что на время поста вода въ рѣкѣ (= морѣ) высыхаетъ и снова наполняется съ наступленіемъ Воскресенья Христова. Это — знакомый намъ образъ Саббатіона.

Остановлюсь еще на одной подробности. Въ хожденіи Зосимы Рехавиты внемлютъ вѣщаніямъ Иереміи и молятся и постятся, надѣясь отвратить гнѣвъ Божій, грозившій обрушиться на Иерусалимъ. Это указываетъ на царствованіе Седекіи и взятіе Навуходоносоромаъ Иерусалима; но ни о Седекіи, ни о взятіи города нѣтъ рѣчи, сказано только, что гнѣвъ Божій былъ отвращенъ. Если составитель 2-й редакціи русской Александрии упомянулъ по этому поводу имя Седекіи, то онъ могъ руководиться

1) Сл. Vassiliew I. с. стр. 174.

2) Изъ исторіи, I. с. стр. 299.

при этомъ своимъ библейскимъ воспоминаемъ ¹⁾. — Затѣмъ начинается какъ-бы новый разсказъ: возсталъ иной, безыменный царь, онъ-то и заточилъ Рехавитовъ, которыхъ ангелъ переселилъ въ страну блаженныхъ.

Иной распорядокъ представляетъ хожденіе Герасима: говорится согласно съ библейскимъ преданіемъ, о заключеніи Іереміи Седекіей; подразумевается послѣдовавшее за тѣмъ раззореніе Іерусалима: на это указываютъ имена Варуха и Авимелеха; Авимелеху, согласно съ апокрифомъ о «плѣненіи», Іеремія пророчитъ, что онъ не увидитъ разрушенія города: онъ пережилъ во снѣ семидесятилѣтнее вавилонское плѣненіе. Затѣмъ Іеремія освобожденъ изъ темницы по волѣ Божьей (по исторіи — Навуходоносоромъ) и выводитъ блаженныхъ изъ Іерусалима; объ ихъ заточеніи нѣтъ и рѣчи.

Можно предположить, что основной текстъ хожденія — Зосимы или Герасима — отвѣчалъ распорядку и намекамъ эіопскаго текста: заключеніе Іереміи Седекіей, взятіе Іерусалима Навуходоносоромъ, чудесный выходъ блаженныхъ. Если такъ, то хожденіе Зосимы представляетъ уже вторую, измѣненную редакцію, съ безыменнымъ царемъ и заточеніемъ рехавитовъ. Съ этимъ именно типомъ легенды роднится «мученіе пророка Даніила и трехъ отроковъ», пзвѣстное по двумъ редакціямъ нашего пролога, по стихному прологу, сказанію, приписанному Кириллу Александрійскому, и Макарьевскимъ Минеямъ ²⁾. Въ нестишномъ прологѣ три отрока, сыновья или внуки царя Езекиа, уведены были въ Вавилонъ по плѣненіи Іерусалима Навуходоносоромъ, который поставилъ ихъ властелями, а затѣмъ ввергъ въ печь огненную, когда они не захотѣли поклониться «тѣлоу золотому». Ангелъ сохранилъ ихъ здоровыми, и Навуходоносоръ исповѣда Богу небу и земли». Затѣмъ явился другой царь, Атикъ, отъ котораго они и были усѣчены вмѣстѣ съ Даніиломъ. Стишной прологъ добавляетъ, что ангелъ отнесъ тѣла отроковъ на гору гевальскую (Γεβαλ), въ Словѣ, приписанномъ Кириллу Александрійскому, ихъ погребли тамъ ихъ единоплеменники; перевесенные за тѣмъ въ Вавилонъ, они лежали тамъ до пришествія Христова; въ числѣ мужей, воскресшихъ во время смерти Спасителя, былъ и Езекиа съ тремя сыновьями, и Господь послалъ ихъ въ рай. — Связь съ легендой о рехавитахъ, и именно съ редакціей Эльдада, устанавливается подробностью, повторенной и въ статьѣ Макарьевскихъ Миней, представляющей другой переводъ того-же Слова: что когда евреевъ вели въ Вавилонъ, ихъ принуждали пѣть пѣсни, какія они пѣли въ своей землѣ; святые отроки отказались, подвержены были мученію, но ангелъ исцѣлилъ ихъ раны. Отметимъ двѣ подробности Кирилловской легенды въ двухъ ея славянскихъ отраженіяхъ ³⁾: святые отроки, слѣдуя наставнику своему Даніилу, сокрушили змія великаго;

1) Истринъ I. с. стр. 225.

2) Истринъ I. с. стр. 178 слѣд.; Приложение стр. 347 слѣд.

3) Ея вѣроятный греческій источникъ (сл. Fabricii Bibliotheca graeca v. IX, стр. 70) указанъ Истринымъ стр. 186 прим. 1.

Навуходоносоръ пришелъ въ разумъ и увѣровалъ въ Бога, а писаніе о Даніилѣ и отрокахъ найдено было Кирилломъ, послѣднимъ епископомъ александрійской церкви, и списано съ «завѣта Даніилова», съ «потайныхъ» книгъ Даніиловыхъ; въ текстѣ Четвѣхъ Миней: обрѣтопаса на хрустальныхъ дщицахъ написана¹⁾. Гдѣ обрѣтенъ былъ этотъ завѣтъ, книги, хрустальные дщицы? Тѣла Даніила и святыхъ трехъ отроковъ лежали въ Вавилонѣ (Кириллъ Александрійскій, Елифаній Кипрскій, Епистолиа пресвитера Іоанна, Сказаніе о Вавилонскомъ царствѣ и русская Александрія второй редакціи), гдѣ обрѣтена была и грамота Даніилова (Сказаніе о Вавилонскомъ царствѣ), либо въ Ктезифонѣ (Хожденіе трехъ иноковъ къ Макарію)²⁾; по Епистолии Пресвитера онъ посѣщаетъ мощи пророка Даніила именно въ пустынномъ Вавилонѣ; еврейскій переводъ Посланія замѣнилъ ихъ—іудейскимъ царемъ Даніиломъ, гдѣ-то въ Африкѣ³⁾.

Кончу разборомъ соотвѣтствующаго эпизода еврейской Александріи, пересказанной г. Гаркави и переведенной Гастеромъ. При своемъ комплятивномъ характерѣ, она не разъ возвращается къ мотивамъ, характернымъ при изображеніи страны блаженныхъ, но дѣлаетъ это въ разбродѣ, очевидно руководясь различными преданіями, либо смѣшывая ихъ. На первый разъ Александръ съ войскомъ поднимается вверхъ по рѣкѣ, чтобы добраться до источника сладкой воды, но вѣтеръ забросилъ ихъ въ пещеру, гдѣ они не видятъ ни солнца, ни луны; черезъ 29 дней они выходятъ къ двумъ вѣщимъ деревьямъ, которыя пророчатъ Александру. — Путь по пещерѣ отвѣчаетъ такому-же въ Roman d'Alexandre. — Непосредственно за тѣмъ Александръ проникаетъ по ту сторону тьмы и присутствуетъ при мудромъ судѣ туземнаго царя⁴⁾. — Эпизоду брахмановъ—оксидраковъ Псевдокаллисена (ed. Müller III 5—6) отвѣчаетъ у Гаркави глава 14-ая (= Gaster § 32), далѣе идетъ сообщенный выше рассказъ о свинцовой землѣ, источникѣ безсмертія (не въ странѣ мрака) и хожденіи Александра къ вратамъ Эдема⁵⁾. Отдѣльно стоитъ эпизодъ о библейскихъ блаженныхъ⁶⁾: буря застѣгла Александра на морѣ и перебросила его въ землю Купъ (Эіопію), которая близка къ десяти колѣнамъ израильскимъ. Ихъ окружаетъ рѣка, вращающая камни въ продолженіи всей недѣли до кануна субботы. Вступивъ въ рѣку, когда прекратилось вращеніе камней, Александръ посылаетъ провѣдать, что тамъ за народъ. Они отвѣчаютъ, что они Израильтяне, переселившіеся изъ святой земли въ дни Сенахерима, царя Ассиріи. Александръ посылаетъ къ нимъ своего псаца, еврея Менахема,

1) Истрия I. с. Приложение стр. 355, 351.

2) I. с. стр. 185—7 и прим.

3) Oppert, Der Presbyter Johannes, стр. 40, прим. 1.

4) Новые данныя, Гаркави §§ 9—10 стр. 90 слѣд. = Gaster §§ 24—5 Сл. Изъ исторіи стр. 287. слѣд.

5) Гаркави I. с. § 16 = Gaster §§ 37—8. Сл. выше, стр. 560 — 1, 563 — 4.

6) Гаркави I. с. §§ 25,—6 = Gaster § 50—4.

съ просьбой дозволить ему пройти съ войскомъ черезъ ихъ землю; но Менахема упрекають за то, что онъ пустился въ путь съ дѣловымъ порученіемъ, презрѣвъ святость субботняго дня. Когда Александръ отправилъ къ нимъ другое посольство, ему объявили, что могутъ сноситься лишь съ обрѣзанными. Идетъ къ нимъ самъ Александръ, ибо этотъ обрядъ былъ надъ нимъ совершенъ, и какой-то старецъ говоритъ ему о жизни и бытѣ десяти колѣнъ: они живутъ войною съ сосѣдними язычниками, противъ которыхъ пять колѣнъ отправляются въ походъ на десять лѣтъ, послѣ чего смѣняются другими пятью. Денно и ноцно всѣ изучаютъ Тору, а по субботамъ до полудня наслаждаются всевозможными яствами. Не получивъ дозволенія провести войско по ихъ странѣ, Александръ возвращается, переправившись черезъ рѣку, когда въ субботу онъ снова стала спокойна. — Въ непосредственно слѣдующей главѣ говорится о землѣ Цидуніи, гдѣ горы покрыты чѣмъ-то приторно сладкимъ, похожимъ на манну. Это не манна-ли, которой питаются блаженные Зосимы? Хожденіе его и Герасима — христіанская перелицовка легенды Эльдада, пересказанной еврейской Александріей,

V.

Чѣмъ дальше мы проникаемъ въ чашу сказаній, питавшихъ средне-вѣковую фантазію, тѣмъ серьезнѣе поднимается вопросъ о культурныхъ и повѣствовательныхъ скрепчиваніяхъ, тѣмъ рѣзче обозначается вліяніе классическаго и специально византійскаго начала. Александрія играетъ здѣсь не послѣднюю роль. Я уже имѣлъ случай поставить вопросъ получающій значеніе не въ границахъ только ея вліянія: въ сербскомъ романѣ, въ передачѣ собственныхъ именъ греческаго подлинника, *φ* нерѣдко замѣняетъ и: Фригія—Придія, Фаринжъ—Паринжъ, Вучифалъ—Дучипалъ; Поръ—Форъ и Поръ. Форъ является-ли обычной въ сербскомъ текстѣ перегласовкой Пора, или отзвукомъ восточнаго *Fūr*? Именно эта форма имени указываетъ на пеглевійскій источникъ сирійско-эіопскаго Псевдокаллисена. Отмѣчу въ повѣсти объ увозѣ Соломоновой жены тѣ-же имена съ той-же перегласовкой: Поръ, нѣм. Pharo ¹⁾.

Интереснѣе, быть можетъ, слѣдующій фактъ, если только дѣло идетъ не о случайномъ совпаденіи именъ и образовъ.

Сага о *Göngu-Hrólfi* ²⁾, XIV вѣка, принадлежитъ къ числу такъ называемыхъ романтическихъ или вымышленныхъ, только внѣшнимъ образомъ приуроченныхъ къ именамъ и отношеніямъ старыхъ сагъ, но съ содержаніемъ сказочнымъ, съ двергами и чарами и спльно-развитымъ элементомъ чисто-сѣвернаго чудеснаго. Сказочное содержаніе приходило нерѣдко извнѣ, изъ захожихъ повѣстей, переводныхъ или перенятыхъ устно; такъ въ эпизодѣ нашей саги о *Hrólfi* и *Vilhjálm*'и при дворѣ въ

1) Изъ исторіи, I. с. стр. 361—2; Nöldeke I. с., стр. 38.

2) Fornaldar Sögur Norðlanda III стр. 237 слѣд.

Garðaríki отразились, быть можетъ, сходныя отношенія Конрада и Роберта въ сагѣ о первомъ: мотивъ предателя, заставившаго своего друга сказаться слугою, тогда какъ самъ онъ является въ роли хозяина ¹⁾.

Дѣйствіе саги обнимаетъ Швецію, Норвегію, Данію, Англію, Tattara-ríki; центръ Garðaríki = Русь, съ Гольмгардомъ = Новгородомъ ²⁾, Erm-land'омъ, Aldeigjuborg'омъ (=Ладогой?) и Коенугард'омъ (Кіевомъ), лежащимъ у горъ, отдѣляющихъ Jötunheimъ отъ Holmgarðaríki ³⁾.—У русскаго конунга Hreggvið'a дочь красавица, Ингигерда; на него идетъ войною конунгъ Eirekr изъ Gestrekaland, и Hreggviðr падъ въ битвѣ. Его дочь соглашается выйти за побѣдителя лишь подъ условіемъ, что ей будетъ данъ трехгодичный срокъ и ея судьба рѣшится поединкомъ между витяземъ Эйрека и тѣмъ, кого она поставитъ отъ себя. Hreggviðr торжественно похороненъ въ холмѣ, но онъ продолжаетъ жить въ немъ призрачною жизнью, порой показывается и таинственно вліяетъ на ходъ событий. Онъ ищетъ мстителя за себя и дочь. Когда однажды Þorgnúg, король Ютланда и Даніи, сидѣлъ на могилѣ своей жены, чайка (это былъ Hreggviðr) уронила ему на колѣни прекрасный, длинный золотой волосъ. Это волосъ Ингигерды, говоритъ совѣтникъ короля, и Торгнирь обращается къ своимъ людямъ: кто поѣдетъ въ Garðaríki и принесетъ ему вѣсти о дѣвущкѣ, тотъ получитъ руку его дочери и треть его царства. Всѣ молчатъ, никто не отвѣчаетъ, вызывается Hrólfr — и сага развѣивается далѣе, рассказывая о томъ, какъ онъ добылъ царевну, которая въ послѣдствіи и становится его женою.

Обращусь къ тѣмъ подробностямъ саги, которыя и побудили меня пересказать вкратцѣ ея содержаніе. Когда король Hreggviðr былъ молодъ, ходилъ на Двину (um ána Dvunu), что протекаетъ по Гардарики, а оттуда въ Austrríki, гдѣ бился съ разными народами. Двина — третья или четвертая по длинѣ рѣка въ свѣтѣ; ея источникъ искалъ Ингваръ Далекоѣзжій, какъ говорится въ сагѣ о немъ ⁴⁾. Изъ похода Hreggviðr явился съ богатой добычей, «взялъ и коня, понимавшаго человѣческую рѣчь, звали его Dúlsifal; онъ былъ быстръ, какъ птица, ловокъ, какъ бѣлка, ростомъ съ верблюда (úlfaldi); онъ не давался въ руки человѣку побѣжденному или кому не суждена побѣда, а кому она суждена, тотъ былъ его хозяиномъ. Былъ онъ изъ рода дромедаровъ» (af kyni drómedaríðgum) ⁵⁾. Наканунѣ пораженія Hreggvið'a его не могли взять, загнали въ ограду, но когда король подошелъ къ нему, онъ перескочилъ черезъ

1) См. мои Сказанія о Вавилонѣ, скинии и Св. Гралѣ, стр. 2 слѣд. отдѣльнаго оттиска.

2) Стр. 237—8: Holmgarðaríki er sumir menn kalla Garðaríki. См. стр. 285.

3) I. с. стр. 362.

4) Ingvars saga Viðförla. Двина вытекаетъ изъ источника Lindibelti (липовый поясъ).

5) Fornaldar sögur III, стр. 239, 240.

двери и помчался въ лѣсъ; всѣ увидѣли въ этомъ недоброе знаменіе ¹⁾. Когда является на сцѣну Hgðlf, мститель за Hreggvið'a, Ингигерда передаетъ ему вооруженіе отца и его коня. Dúlcifal запертъ былъ съ другими лошадьми за крѣпкой рѣшеткой, бился и кусался и побивалъ коней, но когда явился Hgðlf и ударилъ въ щитъ копьемъ (stǫnginni), Dúlcifal подошелъ къ нему, а конь и щитъ звенѣли всѣмъ на диво; осѣдлавъ коня, Hgðlf вскочилъ на него во всеоружіи, а Dúlcifal перелетѣлъ съ нимъ черезъ ограду, не задѣвъ ея. Въ битвѣ Hgðlf'a съ Eirek'омъ, Dúlcifal бьется самъ: носится птицей, стоитъ какъ вкопанный (sem hann vaegi grofinn piðr), когда Hgðlf сбросилъ своего противника въ лужу, встаетъ на дыбы и топчетъ враговъ, его глаза налились кровью, изо рта и ноздрей точно пламя пышетъ ²⁾. — Hgðlf увозитъ на немъ Ингигерду; на пути предатель Vilhjálmr вколотъ въ него снотворное терніе, и онъ заснулъ, какъ убитый; Vilhjálmr убилъ бы его, еслибы не защита коня; когда предатель удался съ царевной, Dúlcifal вынимаетъ копытомъ терніе и Hgðlf пускается въ погоню за похитителемъ ³⁾.

Въ этомъ образѣ эпическаго коня много всѣмъ знакомыхъ сказочныхъ чертъ, приуроченныхъ къ міросозерпанію сѣвернаго человѣка, но онѣ объединились вокругъ одного центрального образа: Букефала Александріи. Оба — чудесные кони: Букефалъ съ воловьимъ или волчьимъ клеймомъ, «вологлавый», Dúlcifal изъ породы дромедаровъ; тотъ и другой даются только герою. Dúlcifal не сѣверное прозвище; оно всего ближе къ Доучипалу сербской Александріи; въ послѣдней уже отмѣчена была, въ передачѣ собственныхъ именъ, замѣна *ѣ* черезъ *и*: Доучипалъ отвѣчаетъ, стало быть, первоначальной формѣ: Дучифалъ. Это приводитъ насъ къ сѣверному Dúlcifal'у и вопросу: откуда явилось это имя въ сербской Александріи, въ доступныхъ намъ греческихъ текстахъ которой царствуетъ старая форма: Букефалъ? Я предположилъ что редакторъ того текста, съ котораго сдѣланъ былъ сербскій переводъ, знакомъ былъ съ литературой западной романтики, съ какой-нибудь утраченной версіи *Historia de preliis*. Къ этому предположенію вели и романизмы и латинскій обликъ собственныхъ именъ ⁴⁾; сюда относится и романское по облику Dulcifal. Подлинникъ сербской Александріи я отнесъ къ XIII — XIV в.; сагу о Gǫngu-Hgrolf'ѣ относятъ къ XIV-му. Какимъ путемъ и изъ какого источника прошелъ въ нее эпизодъ о Dúlcifal'ѣ?

VI.

Александрія не только проникала въ средневѣковыя литературы, преданія и сказки, но, какъ мы видѣли, и сама осложнялась по пути встрѣч-

1) ib. 242.

2) стр. 281, 294—6.

3) Сл. стр. 296, 303, 304, 306—7.

4) Изъ исторіи стр. 444 слѣд.

ными повѣствовательными элементами. Миръ чудесъ, видѣнныхъ Александромъ, вызывалъ такого рода приращенія, и онѣ являлись: подобныя же чудеса рассказывались о баснословномъ царствѣ пресвитера Іоанна; его Посланіе проникалось въ своихъ позднихъ версіяхъ элементами Александрій, а 2-ая редакція русской Александрій въ свою очередь заимствовала многое изъ Эпистоліи, извѣстной въ нашей письменности подъ заглавіемъ: Сказаніе объ индѣйскомъ царствѣ. Изслѣдованіе г. Истрина о послѣднемъ явилось естественнымъ дополненіемъ къ его работѣ, посвященной судьбѣ Псевдокаллистоеновой Александрій на Русь.

Матерьялами изслѣдованія послужили: 1) классическая работа Царнке надъ латинскимъ текстомъ посланія пресвитера Іоанна въ его различныхъ версіяхъ; 2) восемь списковъ славяно-русскаго сказанія, не считая утраченнаго, извѣстнаго лишь по отрывкамъ, приведеннымъ Карамзинымъ (прим. 272 къ III т. Ист. Государства Россійскаго); 3) эпизоды «Сказанія», внесенные во вторую редакцію Славянорусской Александрій; 4) наконецъ особый изводъ текста, сообщенный автору М. Н. Сперанскимъ изъ рукописи Бѣлградской Народной Библіотеки. Установить взаимныя отношенія славяно-русскихъ текстовъ, опредѣлить оригиналъ древняго перевода и заглянуть, на сколько возможно, въ его первоисточники: вотъ на какіе вопросы предстояло отвѣтить изслѣдователю. Въ порядкѣ отвѣтовъ, предложу нѣсколько замѣчаній.

Латинское посланіе пресвитера Іоанна къ византійскому императору Мануилу встрѣчается въ рукописяхъ начиная съ XII вѣка. Составилось ли оно на латинскомъ западѣ, или переведено съ утраченнаго греческаго оригинала? Царнке считаетъ существованіе послѣдняго не невѣроятнымъ, основываясь на грецизмахъ вродѣ *Romeon*, *ierarcham*, *protorapaten* и т. п.; но вѣдь такія грецизмы могли непосредственно явиться и въ латинскомъ текстѣ. Г. Истринъ (стр. 6 слѣд.) высказываетъ по этому поводу предположеніе, на которомъ строитъ цѣлый рядъ другихъ. Въ латинскомъ посланіи онъ отличаетъ двѣ части: собственно посланіе пресвитера Іоанна къ императору Мануилу, и сказочную часть. Первое носитъ религіозно-христіанскій характеръ: пресвитеръ Іоаннъ — христіанскій царь, смиренный служитель Христа, атрибуты его власти церковнаго характера, онъ — защитникъ Гроба Господня (стр. 7). Его обстановка вся христіанская; въ описаніи именно христіанской обстановки и встрѣчаются выше приведенныя грецизмы (стр. 8—9). Если такъ, то кажется мало вѣроятнымъ, что на пресвитера Іоанна и на Мануила перенесены были типы Дарія и Александра, какъ они представляются у Псевдокаллистоена. «Идея противоположности между гордостью и высокоуміемъ Дарія, съ одной стороны, и смиреніемъ и вѣстѣмъ могуществомъ Александра, съ другой, отразилась вполне къ сопоставленію Іоанна пресвитера и императора Мануила», говоритъ г. Истринъ; «если мало заимствованій изъ Псевдокаллистоена, то это объясняется тѣмъ, что при сходствѣ въ идеяхъ пресвитеръ Іоаннъ рѣзко отличался отъ Дарія (и Алек-

сандра) во виѣшней обстановкѣ» (стр. 6), т. е. христіанской. Если я вѣрно понялъ автора, то въ этомъ сопоставленіи пресвитеръ Іоаннъ сближается съ Даріемъ, христіанство пресвитера соединялось съ самосознаніемъ величія, гордынею? Допустимъ такое пониманіе и мы станемъ лицомъ къ лицу съ вопросомъ: что вызвало такое именно освѣщеніе типа? Литературное вліяніе Псевдокаллисеена могло его оформить, но не создать.

Эта религіозно-христіанская часть посланія могла сложиться въ Византіи и не дошла до насъ въ оригиналѣ (стр. 9); отраженіе этого оригинала сохранилось въ нашей былинѣ о Дюкѣ; «Былина о Дюкѣ явилась въ Византіи; содержаніе ея было тождественно въ подробностяхъ съ религіозно-христіанской частью Епистола пресвитера» (стр. 11). Это византійское посланіе было переведено на латинскій языкъ, но на западѣ его идеи не интересовали, интересовала описательная сторона, диковинки въ царствѣ пресвитера; въ Посланіе вставлены были различныя чудеса (стр. 9): это его сказочная часть. Сравнивъ этотъ отдѣлъ въ древнѣйшей до насъ дошедшей редакціи Епистоли (А) съ Псевдокаллисееномъ, авторъ пришелъ къ заключенію, что элементъ чудеснаго попалъ въ первую не изъ Псевдокаллисеена, а изъ другихъ источниковъ, приблизительно до X—XI вѣка, когда распространилась въ Европѣ обработка Александріи архипресвитеромъ Львомъ, потому что послѣ этого времени редакторъ сказочной части Посланія естественно обратился бы къ Александріи, съ ея обиліемъ всякихъ фантастическихъ подробностей. На основаніи тѣхъ же соображеній авторъ отрицаетъ, чтобы сказочная часть Посланія могла сложиться въ Византіи: здѣсь Псевдокаллисеенъ былъ распространенъ, не могъ не оказать вліянія на чудеса Посланія; если этого вліянія не обнаруживается, то, слѣдовательно, и соответствующій отдѣлъ Епистоли не принадлежитъ византійскому компилятору (стр. 7—8). Я не отрицаю значенія Александріи, какъ арсенала всякихъ диковинокъ, ни ея вліянія на средневѣковую фантастику, но выѣстъ съ тѣмъ не раздѣляю аргументаціи автора: если на западѣ можно было, выѣ воздѣйствія Псевдокаллисеена, создать сказочный міръ пресвитера Іоанна, то почему-бы и не въ Византіи, гдѣ могли существовать такіе-же элементы чудеснаго? Нельзя же представить себѣ, чтобы помимо Псевдокаллисеена ихъ не знали, и я не думаю, чтобы г. Истринъ рѣшился усилить свои аргументы указаніемъ напр. на внутреннее несоответствіе религіозной идеи первоначальнаго (византійскаго) посланія — и диковинокъ ея сказочной стороны. Вѣдь въ царствѣ пресвитера есть и мотивы религіозно-чудесной, христіанско-библейской фантастики, существенныя — для идеи. Укажу хотя бы на десять колѣнъ іудейскихъ, живущихъ во владѣніи Іоанна *ultra fluvium lapidum*. Авторъ касается ихъ въ связи съ вопросомъ о вліяніи на Епистолю разсказа еврейскаго путешественника конца IX в., Эльдада — о выселившихся въ Эѳіопію и южную Аравію четырехъ израильскихъ колѣнахъ и о сосѣднихъ съ ними «сынахъ Моисея». На Эльдада смотрѣли, какъ «на одного изъ предше-

ственниковъ Посланія пресвитера» (стр. 9); «упоминаніе о десяти племенахъ стоитъ прямо за пользованіе Эльдадомъ; другіе случаи соприкосновенія могутъ, конечно, объясниться и иначе: и у Эльдада и у редактора Посланія могъ быть одинъ источникъ. Не имѣя возможности рѣшить этотъ вопросъ, я ничего не могу имѣть противъ мнѣнія о пользованіи Эльдадомъ» — продолжаетъ авторъ. «Было-ли это пользованіе непосредственно изъ Эльдада или чрезъ посредство чего-нибудь другого — безразлично. Если пользованіе и было непосредственно изъ Эльдада, то едва-ли прямо изъ подлинника, навѣрное черезъ посредство перевода; но какимъ могъ быть такой переводъ — греческимъ или латинскимъ? Не имѣя возможности рѣшить этотъ вопросъ положительно и отвергнуть существованіе греческаго перевода, а priori возможнаго, больше вѣроятности, однако, предполагать существованіе перевода латинскаго: латинскій языкъ былъ общелитературнымъ (?) языкомъ среднихъ вѣковъ» (стр. 10—11). Это предположеніе даетъ поводъ автору еще разъ высказать свой взглядъ на составъ Посланія: «въ томъ видѣ, въ какомъ оно дошло до насъ, оно не было переводомъ съ греческаго, а явилось на латинскомъ языкѣ, при чемъ сказочная сторона вставлена въ ранѣе сдѣланную quasi-историческую рамку» (стр. 11). Положеніе о переводѣ выражено не совсѣмъ ясно, если сравнить его съ тѣмъ, что сказано ранѣе (стр. 9): что сложившаяся въ Византіи христіанская часть посланія была переведена на латинскій языкъ, а далѣе осложнилась сказочными мотивами. См. еще стр. 11: «разсматривая быины о Дюкѣ и Посланіе Пресвитера мы видимъ, что сходство между ними находится только въ той части Посланія, которую я считаю переводомъ съ греческаго».

Въ чемъ-же состояла эта *христіанская* часть? О чемъ могъ писать Мануилу пресвитеръ Іоаннъ? Намъ указываетъ на христіанскую обстановку Пресвитера, на траву *assidios*, надѣленную свойствомъ религіознаго характера (стр. 9); описаніе дворца Пресвитера и царства Индѣйскаго также имѣло мѣсто въ византійской редакціи; вообще за вставочную, западную часть Посланія авторъ считаетъ §§ 14—46 по изданію Царнке, хотя разграничить старое отъ новаго можно лишь приблизительно (стр. 11). Можетъ быть, и эпизодъ о десяти колѣнахъ израильскихъ, изъ Эльдада или нѣтъ, принадлежалъ старому составу, въ уровень съ его религіозной окраской.

До сихъ поръ мнѣ приходилось ставить вопросы на отвѣты или положенія, выставленныя г. Истринымъ. И это естественно, когда дѣло идетъ о началахъ и первоисточникахъ какого-нибудь литературнаго памятника, всегда окутанныхъ мглою. Далѣе горизонтъ разъясняется, и авторъ ведетъ насъ по пути, проторенному имъ самимъ. Латинская эпистолія развивалась на западѣ, явились редакціи интерполированныя, за первымъ, извѣстнымъ намъ текстомъ А слѣдовалъ В, уже осложненный; съ какой-то разновидности этого текста на славянскомъ югѣ и былъ сдѣланъ переводъ въ XIII—XIV вѣкѣ (сл. стр. 59 слѣд., § VIII). «Серб-

скую Александрію Ягичъ, а за нимъ А. И. Веселовскій отнесли къ Босніи и сѣверной Далмаціи. Туда же относитъ А. И. Веселовскій и сербскій подлинникъ бѣлорусскихъ Тристана и Бовы. Туда же слѣдуетъ отнести и наше сказаніе» (стр. 61). Я присоединилъ недавно къ той-же группѣ и Повѣсть о Вавилонѣ¹⁾. Южно-славянскій переводъ Сказанія, сохранившій кое-гдѣ латинизмы подлинника, переложенъ былъ по русски въ XIV вѣкѣ; отдѣльно онъ существовалъ въ спискѣ Карамзинскомъ, онъ же включенъ въ русскую Александрію второй редакціи (XV вѣка). Этотъ видъ Посланія подвергся въ послѣдствіи въ XIV—XV в. новой передѣлкѣ, устранившей латинизмы и существующей въ двухъ группахъ пересказовъ.

Тщательная, проникающая въ мелочи, работа автора надъ рукописнымъ преданіемъ сдѣлала результаты его изслѣдованія болѣе, чѣмъ вѣроятными. Сравнительно, мало, обращено вниманія на бѣлградскій текстъ Посланія, сообщенный автору г. Сперанскимъ. Ничего не сказано о времени, къ которому относится рукопись; «посланіе это представляетъ собою явленіе позднее», говоритъ авторъ (стр. 67) и пытается опредѣлить его отношеніе къ обычному тексту Епистоліи. На мой взглядъ бѣлградская статья, можетъ быть, и поздній памфлетъ, но основанный на болѣе древнихъ данныхъ, косвенно освѣщающій тѣ идеи гордости и смиренія, объясненія которыхъ авторъ искалъ въ типахъ Дарія и Александра у Псевдокаллистоена.

Представленіе латинскаго Посланія такое: пресвитеръ Іоаннъ пишетъ Мануилу о своемъ могуществѣ и своей землѣ. Онъ властвуетъ въ трехъ Индіяхъ; въ одно и то-же время пресвитеръ и царь надъ царями; ему прислуживаютъ сонмы князей, патриархи и епископы находятся въ его окруженіи. Его земля полна всякихъ чудесъ, но центръ тяжести лежитъ на самосознаніи пресвитера и христіанскаго владыки, шествующаго съ преднесеніемъ крестовъ, блюстителя Гроба Господня; въ его областяхъ течетъ рѣка изъ рая, живутъ десять израильскихъ колѣнъ, покоятся тѣла Даниїла и трехъ отроковъ: ветхозавѣтныя воспоминанія. Пусть императоръ Мануилъ явится послужить ему, и онъ будетъ возведенъ.

Подъ Индіей, одной изъ трехъ Индій, разумѣлась Эіопія. Я обратилъ вниманіе²⁾ на библейскій характеръ эіопскаго христіанства, на самосознаніе правовѣрія, выразившееся напр. въ легендѣ о послѣднемъ царѣ отъ эіопскаго рода, легендѣ, нашедшей мѣсто и въ пророчествахъ о судьбахъ Византіи. Эіопскіе цари Соломонова рода, хранители скинии и — призванные блюстители христіанства, но отъ нихъ же пошли и властители Византіи, Рима и Александріи. Соединеніе духовной и свѣтской

1) Сказанія о Вавилонѣ, скинии и св. Градѣ, Извѣстія Отдѣленія русск. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ 1896 г. т. I, кн. 4, стр. 679.

2) Сл. мои Сказанія о Вавилонѣ и т. д. *passim*. Пользуясь случаемъ, чтобы исправить опечатку на стр. 632, строка 12 снизу: вм. Вавилонскаго — Соломонова.

власти могло выразиться символически въ одномъ лицѣ, носителѣ той и другой: таковъ типъ пресвитера Іоанна; то-же соединеніе мы видимъ въ легендахъ о хранителяхъ св. Граля, и я указалъ, что ихъ генеалогическія отношенія также указываютъ на Эоіопію.

Противопоставимъ этому самосознанію политическаго и религіознаго вліянія — другое, православно-византійское, и мы поймемъ, какъ отвѣтитъ императоръ Мануилъ пресвитеру Іоанну. Онъ обрушится на его мірскую гордость, неприличную священнослужителю, и умолчитъ о святыхъ, у него обрѣтающихся; святини честнаго креста, мощи, все это въ областяхъ Мануила, и послѣднимъ правовѣрнымъ царемъ будетъ византійскій. — Таково содержаніе бѣлградской статьи.

Попъ Іоаннъ пишетъ царю Киръ Мануилу: «Ѡ Божіе изволеніе, тако и азъ, грѣшный, плоть есмь землѣ, и житіе мое бессмертно есть; того ради и азъ, грѣшный священникъ Іоаннъ, не вѣдѣхъ, что творѣхъ въ живота моемъ, и не помѣняхъ сѣмрти, нж яко бесѣмртному бити въ вѣки; нж азъ не оумираю яко и всѣкки чловѣкъ». Слѣдуютъ мотивы извѣстной эпистоли: краткое описаніе палаты пресвитера; ему служатъ цари и епископы; есть у него церковь «на воздухѣ сѣтворена и ходи вѣтромъ на всѣ страны» Онъ царствуетъ въ двухъ Индіяхъ; далѣе идетъ описаніе различныхъ диковинокъ и приглашеніе Мануилу: придти и поклониться и принять дары своему царству на потребу.

Мануилъ отвѣчаетъ: «Попе Іѡане, самъ са се (не?) познаваеше, що еси хвалишжсь каменіемъ безцѣннымъ и маргаритимъ бѣлимъ, створишижъ бесѣмртенъ, а бесѣмртенъ есть единъ Богъ, а ты оумреша, яко всѣкп чловѣки». Попамъ слѣдуетъ хвалиться книгами честными и мощами святыми, не золотомъ; я же хвалюсь святыми преподобными, мучениками, мощами. У меня Адамовъ рай «и доставаетъ на всѣко время всѣко овоздѣ, а оу мене есть црски венецъ стема, яже ми есть дана Ѡ Бога царствовати ми на земле; и въ царствѣ моемъ ходи Христось съ аггелы своими и распется и въскресь; оу мене есть крсть, у мене есть копіе, оу мене гвоздїе, оу мене есть трьсть и гжбж, оу мене есть трьновъ вѣнецъ». Служатъ мнѣ двѣнадцать языкъ¹⁾, говоритъ Мануилъ, и снова возвращается къ укору: попу не слѣдъ хвалиться златомъ, а службами святыми; пусть явится къ нему, онъ дастъ ему мощей, сколько подобаетъ его святинѣ. А царства моего вѣнецъ въ послѣдніе дни возметъ архангелъ и отнесетъ на небо и предастъ въ руки Божїи. «Ты еси попъ Іѡнъ, азъ Киръ Мануилъ».

Гордость и смиреніе распредѣляются здѣсь по ровну; дѣло не въ литературныхъ типахъ, а въ двухъ заявленїяхъ правовѣрія.

Загадочно, быть можетъ, по испорченности текста, выраженіе пресвитера, что онъ не умираетъ, какъ всякій чловѣкъ, за что Мануилъ

1) Фръци = Фрази; а къ гѣт носеть мечъ = Угре?; Татаре, Комане, Саси, Чехове, Ру(си), Българе, Власи, Сврбле = Србле, Турци, Старцины = Срацины, Гръци, Бесармене, Армане, Сїриане, Иверя.

упрекаетъ его: створишися безсмертенъ. Можетъ быть, имя Пресвитера вызвало въ памяти извѣстную легенду объ Иоаннѣ евангелистѣ? Я не рѣшаюсь привести въ параллель представленіе древнихъ старцевъ, хранителей Граля, которые не могутъ умереть въ теченіи столѣтій, пока не явятся на смѣну имъ ихъ наслѣдники.

Я считаю вѣроятнымъ, что большая часть фантастическихъ подробностей Епистолии принадлежитъ западной интерполяціи, что идейная ея сторона, если я вѣрно ее понялъ, выразилась въ памятникѣ византійскаго происхожденія, но полагаю, что не однѣ лишь сказочныя подробности привлекли впервые западныхъ читателей къ содержанію Посланія, а и идейное его совпаденіе съ религіозно-политическими задачами европейскаго общества. Однимъ сказочнымъ матерьяломъ не объяснить популярности Епистолии.

Александръ Веселовскій.

А. А. Дмитріевскій, *Описаніе литургическихъ рукописей, хранящихся въ бібліотекахъ православнаго Востока. Т. I Типикъ. ч. I. Памятники патриаршскихъ уставовъ и ктиторскіе монастырскіе Типикона.* Кіевъ. 1895 I—CXLVII—+ 912—+ XXV.

Типикъ (*addenda et corrigenda*). Отд. оттискъ изъ Трудовъ Кіевской Духовной Академіи за 1896 г.

Новая объемистая книга, болѣе, чѣмъ въ 1000 страницъ, изданная нашимъ неутомимымъ изслѣдователемъ византійскихъ литургическихъ древностей А. А. Дмитріевскимъ, представляетъ собою еще только *первую* часть *перваго* тома задуманнаго имъ многотомнаго изданія литургическихъ памятниковъ византійской православной церкви, собранныхъ имъ во время его частыхъ поѣздокъ по Востоку. Безъ сомнѣнія, это изданіе должно составить цѣлую эпоху въ исторіи православной литургической науки и послужить основой для полнаго переустройства многихъ самыхъ важныхъ ея отдѣловъ, къ чему впрочемъ подаетъ поводъ уже и эта изданная пока первая часть. Подъ излишне скромнымъ и несовсѣмъ точнымъ заглавіемъ книга эта даетъ намъ полный текстъ многихъ древнихъ, доселѣ неизвѣстныхъ, но имѣющихъ первостепенную важность памятниковъ византійской литургической литературы, представляющихъ собою хотя трудный, но совершенно новый и весьма благодарный для изслѣдованія матеріалъ, относящійся къ мало разработанной области византійскаго публичнаго культа и быта. Довольно подробныя и точныя, равно какъ и весьма любопытныя, бібліографическія, экзегетическія и иныя свѣдѣнія объ этихъ памятникахъ издатель сообщаетъ намъ въ своемъ обширномъ и ученомъ предисловіи.

Здѣсь, указавъ на скудость извѣстныхъ доселѣ матеріаловъ для исторіи церковнаго типика, съ одной стороны, и на обширность собраннаго имъ новаго, весьма цѣннаго и любопытнаго матеріала, съ другой,

онъ объясняетъ, почему въ первой части перваго тома онъ помѣщаетъ памятники патріаршихъ уставовъ и ктиторскіе монастырскіе типки, а материалы, относящіяся къ исторической судьбѣ типиконовъ іерусалимскаго и святогорскаго-аеонскаго, откладываетъ печатаніемъ до второй части этого тома. Причины выясняются вполне уважительныя. Это, во первыхъ, сравнительное хронологическое старшинство издаваемыхъ памятниковъ предъ другими, во вторыхъ, новизна ихъ содержанія сравнительно съ прежде извѣстными и, въ третьихъ, разносторонность ихъ содержанія, ибо въ нихъ мы находимъ обширный матеріалъ не только литургическій, но и агіологическій, историческій, топографическій и т. п. Всѣхъ памятниковъ издано въ лежащей предъ нами книгѣ цѣликомъ или въ извлеченияхъ около 20. Первое мѣсто отведено, какъ и подобаешь, Типикону великой константинопольской церкви IX в. Онъ напечатанъ здѣсь почти цѣликомъ по рукописи Патмосской библіотеки X в. № 226. Ссылаясь на мою монографію объ этомъ памятникѣ, авторъ уклоняется отъ детальнаго библіографическаго и критическаго изысканія на счетъ времени происхожденія этого устава и особенностей его конструкціи; онъ обращаетъ здѣсь вниманіе только на общій характеръ изложенія—на краткость и по мѣстамъ отрывочность и происходящую отсюда темноту. Имѣя въ виду это неудобное для изслѣдователей обстоятельство, А. А. Дмитріевскій рѣшился взять на себя весьма полезный трудъ восполненія содержанія даннаго памятника. Это и исполнено имъ въ подстрочныхъ и дополнительныхъ примѣчаніяхъ посредствомъ извлеченій изъ разныхъ рукописей, содержащихъ въ себѣ описаніе различныхъ случаевъ византійской литургической практики приблизительно того же или нѣсколько позднѣйшаго времени X и XI вв., а именно изъ Апостоловъ, Евангелій, Профитологовъ и др. Всѣ эти дополнительные извлечения по характеру изложенія и даже по буквѣ оказываются въ прямой зависимости отъ той именно, нѣсколько исправленной и усовершенствованной, редакціи устава, которая содержится въ Патмосской рукописи. Вслѣдствіе этого онъ во многихъ случаяхъ проясняютъ отрывочное изложеніе этой рукописи, а иногда существенно восполняютъ, не привнося однако ничего чуждаго основной редакціи. Нѣкоторыя изъ дополненій оказываются даже какъ бы прямыми выписками изъ этой самой Патмосской рукописи и могутъ служить къ восполненію дефектовъ, происшедшихъ отъ утраты нѣкоторыхъ листовъ. Необыкновенно удачный и любопытный случай такого восполненія мы видимъ въ книгѣ А. А. Дмитріевскаго на 5 стр., гдѣ утраченный листъ съ описаніемъ обряда воздвиженія креста восполненъ выпискою изъ Апостола X—XI в. Лавры св. Аванасія на Аеонѣ № 12. Издатель высказываетъ сожалѣніе, что мысль о дополнительныхъ выдержкахъ изъ параллельныхъ памятниковъ явилась у него не съ самаго начала (VI), но эта ошибка исправлена и опущеніе восполнено. Мы же сожалѣемъ, что ему не пришла мысль издать цѣликомъ одинъ изъ тѣхъ канонарей, которыми онъ пользуется для своихъ дополнительныхъ при-

мѣчаній. Эти канонари, безъ всякаго сомнѣнія, имѣютъ самое ближайшее отношеніе къ Типику Великой церкви по Патмосскому списку, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ буквально повторяютъ его текстъ; но они болѣе поздняго происхожденія и имѣютъ въ виду, хотя эту самую редакцію, но уже пополненную, исправленную и нѣсколько измѣненную подъ вліяніемъ развитія литургической практики. Это весьма важно, такъ какъ даетъ возможность изслѣдователю съ одной стороны провѣрить показанія Патмосскаго списка, а съ другой точно констатировать перемѣны въ литургической практикѣ Великой церкви ближайшаго къ Патмосскому списку періода. Судя по выпискамъ, напечатаннымъ у А. А. Дмитріевскаго, наиболѣе удобнымъ для изданія могъ быть канонарь Апостола русскаго Пантелеймоновскаго монастыря № 252, XII в., а можетъ быть еще лучше Апостола Лавры св. Аенасія X—XI в. № 12; прочіе Канонари могли послужить для подстрочныхъ примѣчаній. Впрочемъ, сожалѣть намъ, можетъ быть, не долго придется, такъ какъ теперь извѣстно, что болѣе поздняя (X в.) исправленная и пополненная редакція Типика Великой церкви сохранилась до настоящаго времени въ Іерусалимской патриаршей библиотекѣ (см. Виз. Врем. 1896 г. № 3—4 статья Д. О. Бѣляева) и есть надежда, что въ скоромъ времени сдѣлается доступною для пользованія ученымъ литургистамъ.

Кромѣ пополненій, относящихся прямо къ тексту Типика В. Ц., годныхъ и весьма полезныхъ для лучшаго его пониманія и истолкованія, А. А. Дмитріевскій даетъ еще два большихъ дополненія, весьма полезныхъ для исторіи византійскаго богослуженія болѣе поздняго періода. Это 1) послѣдованіе царскихъ часовъ въ Великую Пятницу, наканунѣ Рождества и Богоявленія — ἀκολουθία τῶν ὥρων τῆς ἀγίας καὶ μεγάλης παρασκευῆς, ἣτις ψάλλεται ἐν τῇ μεγάλῃ ἐκκλησίᾳ, затѣмъ: αἱ ὥραι τῶν Χριστοῦ γεννηθῶν καὶ αἱ ὥραι τῶν φώτων (стр. 158—163) и 2) чинъ вечера, утрени и литургии по уставу Великой церкви — τὰς ἐν γινόμενῃ ἐπὶ τῷ ἱερατικῷ, τῷ ὄρθρῳ (καὶ) τῇ θείᾳ καὶ ἱερᾷ λειτουργίᾳ. Оба эти документа сравнительно поздняго времени. Первый изъ нихъ взятъ изъ рукописи Аѳинскаго университета № 660 XVI в., а второй изъ рукописи Аѳонскаго Андреевскаго скита (безъ №) XV в. По редакціи послѣдованій они не могутъ быть старѣе XIV в. и потому для обрисовки византійской литургической практики IX в. не пригодны. Практика эта по указаніямъ Патмосскаго списка сравнительно съ практикою XIV в. находилась, такъ сказать, еще въ эмбриональномъ состояніи. Оба документа, по нашему мнѣнію, равноцѣнны, но издатель думаетъ, повидимому, иначе: первый изъ нихъ онъ помѣщаетъ въ примѣчаніяхъ мелкимъ шрифтомъ, не приурочивая впрочемъ ни къ какой опредѣленной страницѣ, а второй ставитъ въ числѣ основныхъ документовъ на второмъ мѣстѣ тотчасъ послѣ Типика Великой церкви подъ литерою В. Намъ кажется, что документъ этотъ не заслуживаетъ даннаго ему мѣста и, кромѣ того, внушаетъ нѣкоторыя подозрѣнія, ибо 1) въ заглавіи надъ статьею нѣтъ упоминанія о Великой церкви: упоми-

наніе это имѣется только въ оглавленіи, писанномъ иною рукою и поставленномъ въ рукописи не на обычномъ мѣстѣ, а 2) дѣйствующимъ лицомъ представляется въ немъ не патриархъ, какъ въ уставѣ Великой церкви, а архіерей. Жаль, что авторъ не даетъ намъ описанія рукописи особенно по ея составу; можетъ быть тогда было бы возможно болѣе определенное сужденіе объ указанномъ документѣ: во всякомъ случаѣ ему причинѣе было бы дать мѣсто въ томъ томѣ изданія, который будетъ посвященъ Евхологіямъ.

На третьемъ листѣ въ первомъ отдѣлѣ подъ литерою С издатель помѣщаетъ Синайскіе канонары, которыми въ свое время такъ заинтересовалъ любителей литургики и исторіи покойный архимандритъ Антонинъ. Въ 1874 г. онъ напечаталъ ихъ въ Трудахъ Киевской Академіи (кн. II, стр. 189—216; 458—495) подъ заглавіемъ «Древній канонарь Синайской бібліотеки», въ сокращенномъ переводѣ съ разными своими сличеніями и примѣчаніями, при чемъ трудно было разобрать, гдѣ переводъ и гдѣ собственныя разсужденія издателя. Авторъ писалъ спустя уже довольно долгое время послѣ своего пребыванія въ Синайскомъ монастырѣ и о нѣкоторыхъ пропускахъ отзывался запаматованіемъ. Все это въ высшей степени раздражало ученую любознательность, а имѣть подъ руками подлинный текстъ канонарей представлялось насущною потребностію. Предлагаю теперь этотъ подлинный текстъ во всеобщее пользованіе, А. А. Дмитріевскій сослужилъ для науки великую службу и получилъ право на глубокую благодарность всѣхъ занимающихся изслѣдованіемъ византійскихъ древностей. Мы лично чувствуемъ такую благодарность не менѣе живо, чѣмъ другіе, а можетъ быть и болѣе, особенно, когда припоминаемъ, какихъ трудовъ издателю стоило приобрѣсть копию съ этого памятника, хранящагося въ отдаленномъ и мало доступномъ Синайскомъ монастырѣ, но тѣмъ не менѣе не можемъ не сдѣлать автору нѣсколькихъ замѣчаній по поводу принятаго имъ способа изданія названнаго памятника и его сужденій о немъ. Намъ кажется, что напрасно онъ не послѣдовалъ примѣру архим. Антонина, который въ основу своего сокращеннаго переводнаго текста положилъ древнѣйшій списокъ А—IX в. и дополнялъ его позднѣйшимъ Б—X в. Древнѣйшему списку всегда должно быть отдаваемо преимущество, хотя бы онъ былъ менѣе полонъ и исправенъ, чѣмъ позднѣйшій, особенно когда дѣло касается литургическихъ памятниковъ, въ которыхъ текстъ въ высшей степени неустойчивъ и въ теченіе столѣтія можетъ воспринять въ себя множество элементовъ, не находившихся въ древнѣйшемъ текстѣ. Какое побужденіе было у нашего издателя отступить отъ этого общепринятаго или по крайней мѣрѣ общеодобряемаго порядка? Авторъ говоритъ: (X) «въ основу мы положили списокъ *позднѣйшій* X—XI в., находящійся при Евангеліи № 150, какъ списокъ *полный и хорошо сохранившійся* въ рукописи. Другой же списокъ этого канонаря той же бібліотеки, но *болѣе древняго* времени IX—X в. мы напечатали всюду въ подстрочныхъ при-

мѣчаніяхъ къ первому, отмѣчая самымъ тщательнымъ образомъ всѣ имѣющіяся разночтенія, чтобы интересующіеся подобнаго рода памятниками могли имѣть вѣрныя и ясныя понятія о содержимомъ въ обоихъ спискахъ». Причина, по нашему мнѣнію, недостаточная. Списокъ, называемый Дмитріевскимъ *болѣ древнимъ*, но менѣе сохраннымъ, дѣйствительно имѣетъ дефектъ въ тріодной части, но дефектъ этотъ сравнительно съ общимъ объемомъ памятника не великъ и во всякомъ случаѣ легко восполняется вторымъ позднѣйшимъ спискомъ; что же касается полноты, то въ этомъ позволительно усумниться: мѣсяцесловная часть въ немъ несомнѣнно полнѣе, чѣмъ совершенно очевидно изъ примѣчаній издателя на стр. 193—220, гдѣ мы видимъ громадное количество дополнительныхъ памятей на каждый мѣсяць; да и въ тріодной части встрѣчается подъ строкой не мало пополненій. Словомъ, списокъ древнѣйшій, цитуемый подъ строкою, оказывается полнѣе списка, поставленнаго въ основу. Впрочемъ, издатель въ данномъ случаѣ можетъ быть и правъ; нужно было только иначе мотивировать выборъ позднѣйшаго списка для основного текста. Не лучше ли было основаться на мнѣніи преосвящ. Сергія, который полагаетъ (Полный Мѣсяцесловъ Востока I. стр. 72—89), что канонарь Синайскій 2-й X в. по внутреннимъ признакамъ *древнѣе* канонаря 1-го IX в., поставленнаго нашимъ издателемъ въ примѣчаніяхъ. Согласно съ этимъ мнѣніемъ здѣсь ему и должно быть. Но А. А. Дмитріевскій, повидимому, не раздѣляетъ мнѣнія преосвящ. Сергія, ибо о немъ и не упоминаетъ, хотя оно ему конечно извѣстно.

На той же страницѣ «Полнаго Мѣсяцеслова» (75), на которой высказано преосв. Сергіемъ указанное сейчасъ мнѣніе, высказано имъ и другое — относительно характера Синайскихъ канонарей, а именно: преосв. Сергій говоритъ, что «на мѣсяцесловахъ обоихъ канонарей видны три вліянія: константинопольское, іерусалимское по обилію патріарховъ обѣихъ церквей и не малое римское по обилію западныхъ святыхъ». А. А. Дмитріевскій, отмѣтивъ только послѣдній пунктъ этой фразы и указавъ на мнѣніе Мансветова (Церковн. Устав. М. 1885, стр. 70), который заявилъ, что «основа обряда въ Синайскомъ канонарѣ тождественна съ записью студійскою, но въ частностяхъ расходится и съ нею, а въ нѣкоторыхъ подробностяхъ службы праздничной указываетъ на иной источникъ, на иные служебные порядки», — говоритъ затѣмъ, что «при близкомъ знакомствѣ съ характеромъ литургическихъ особенностей Синайскаго канонаря и находящихся въ немъ памятей святыхъ, сопоставляя этотъ памятникъ съ Типикономъ Великой церкви, напечатаннымъ по Патмосской рукописи, не остается никакого сомнѣнія въ томъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ памятниками устава *великой церкви Константинопольской*». Въ доказательство авторъ ссылается на то, что особенности въ нѣкоторыхъ службахъ, наприм., «въ службѣ Воздвиженія Креста, въ канунѣ Рождества Христова, въ службахъ великаго поста, страстной седмицы и пасхальной недѣли, за немногими незначительными особен-

ностями, тѣ же самыя, какія мы видимъ въ Типиконѣ Великой церкви, при чемъ по мѣстамъ въ обоихъ памятникахъ замѣчается даже тожество въ изложеніи» (стр. X). Намъ кажется, что это сужденіе почтеннаго изслѣдователя высказано имъ слишкомъ самоувѣренно: оно недостаточно обосновано и кажется намъ неправильнымъ. Намъ кажется, что, если до изданія Типика Великой церкви по Патмосской рукописи возможно было еще, на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ мѣсяцеслова и другихъ, *задательно* приурочивать Синайскіе канонари къ Константинополю, то теперь это уже невозможно. Сходство въ порядкѣ службъ и въ ихъ главнѣйшихъ особенностяхъ по обоимъ памятникамъ конечно должно было имѣть мѣсто, такъ какъ у обоихъ—одна общеправославная основа, опредѣлившаяся и сдѣлавшаяся общепризнанною на Востокѣ еще задолго до IX—X в., но въ данномъ случаѣ имѣютъ значеніе не столько сходства, сколько различія, ибо именно различіями и опредѣляется лучше всего принадлежность памятника той или иной церковной мѣстности, равно какъ и невозможность приурочивать памятникъ къ той мѣстности, гдѣ этихъ различій или особенностей не встрѣчается. Что касается сходствъ, то они несомнѣнно имѣютъ, и иногда рѣшительное, значеніе въ вопросѣ о приуроченіи того или иного памятника къ извѣстной группѣ, но большею частью только тогда, когда они буквальны, и когда буквальность эту ничѣмъ иначе нельзя объяснить, какъ копированіемъ. Необходимо также, чтобы сходства положительно превышали различія. Найдемъ ли мы чтонибудь подобное при сопоставленіи текстовъ Типика Великой церкви съ текстами Синайскаго канонаря? Конечно нѣтъ. Приведемъ примѣръ, наиболѣе выразительный изъ всѣхъ, указанныхъ А. А. Дмитриевскимъ; возьмемъ текстъ, гдѣ встрѣчается строка буквально сходная въ обоихъ памятникахъ.

Типикъ Вел. церкви.

(Типикὰ σ. 118).

Τῆ κυριακῆ τῆς β' ἑβδομάδος τῶν νηστεϊῶν κηρύσσεται οὕτω Μνήμην ἐπιτελοῦμεν τῆς ἀθλήσεως τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Πολυκάρπου ἐπισκόπου γενομένου Σμύρνης. Συναγομεθα δὲ ἐν τῇ ἀγιωτάτῃ μεγάλῃ ἐκκλησίᾳ καὶ εἰς τὸν ν' καὶ εἰς τὴν εἰσοδὸν λέγομεν τροπάριον ἡχος δ'. Καὶ τρόπων μέτοχος, καὶ θρόνων διάδοχος. Προκείμενον ἡχος βαρύς. Εὐφρανθήσεται δίκαιος, στίχος· Εἰσάκουσον ὁ Θεός, τῆς φωνῆς μου. Ὁ ἀπόστολος πρὸς Ἑβραίους· Κατ' ἀρχὰς σὺ, Κύριε, τὴν γῆν ἐθεμελίωσας. Ἀλληλούια ἡχος δ'. Δίκαιος ὡς φοινῖξ ἀνθήσει. Εὐαγγέ-

Синайскій канонарь.

(Типикὰ σ. 187).

Τῆ κυριακῆ τῆς β' ἑβδομάδος, ἡγουν κυριακῆ τοῦ ἀσώτου καὶ τῶν ἐργατῶν. Προκείμενον τῆς λειτουργίας ἡχος δ'. Τὰ διαβήματά μου κατεύθυνον, στίχος· λύτρωσαί με ἀπὸ σηκοφαντείας ἀνθρώπων. Ὁ ἀπόστολος πρὸς Ἑβραίους· Κατ' ἀρχὰς, σὺ, Κύριε τὴν γῆν ἐθεμελίωσας. Τέλος· Εἰς ἡμᾶς ἐβεβαιώθη. Στίχος τοῦ Ἀλληλουία, ἡχος β'. Δεξιὰ Κυρίου ἐποίησε δύναμιν. Τὸ εὐαγγέλιον κατὰ Μάρκον, κεφάλαιον κ'. Τῷ καιρῷ ἐκείνῳ εἰσῆλθεν ὁ Ἰησοῦς εἰς Καπερναοῦμ. Τέλος· Ὅτι οὐδέποτε οὕτως εἶδομεν. Ἄλλο εὐαγγέλιον τῶν ἐργατῶν κατὰ Ματθαῖον κεφάλαιον σ'.

λιον κατὰ Μάρκον κεφάλαιον κ'. Τῷ χαίρῳ ἐκείνῳ εἰσῆλθεν ὁ Ἰησοῦς εἰς Καπερναοὺμ. Δεῖ εἰδέναι, ὅτι ἀπὸ τοῦ Εὐαγγελίου τούτου εὐθὺς ἀναγινώσεται τὸ προσφωνητικὸν τῶν κατηχομένων. Κοινωνικόν. Ἀγαλλιᾶσθε.

Ζήτηι τῶν ἀγίων μ'. καὶ ἕτερον τοῦ ἀσώτου κατὰ Λουκᾶν. κεφάλαιον ρς. Δεῖ εἰδέναι, ὅτι ἀπὸ τοῦ εὐαγγελίου τούτου ἀναγινώσεται τὸ προσφωνητικὸν τῶν κατηχομένων.

Отсюда нельзя не видѣть, что изложеніе канонаря весьма далеко отступаетъ отъ типика Великой церкви и есть изложеніе совсѣмъ иное: названіе недѣли—иное, прокимень иной, аллилуйный стихъ—иной; главные чтенія изъ Апостола и Евангелія тѣ же (это относится къ общей основѣ обоихъ памятниковъ), но къ нимъ присоединены два другія чтенія изъ Евангелія; только послѣднее замѣчаніе буквально почти сходно въ обоихъ памятникахъ. Но это мало говорить въ пользу константинопольскаго происхожденія канонаря. Вѣрнѣе думать, что редакторъ канонаря заимствовалъ это замѣчаніе и въ болѣе вѣрной формѣ (безъ εὐθὺς) изъ другого болѣе древняго источника, откуда взялъ его и редакторъ Типика. Впрочемъ, если мы и допустимъ, что Типикъ въ данномъ случаѣ былъ источникомъ для канонаря, и тогда высказанная А. А. Дмитриевскимъ мысль не приобретаетъ большей твердости. При наличности разностей, указанныхъ нами, фактъ буквального сходства, происшедшаго вслѣдствіе заимствованія изъ Типика, можетъ указывать намъ только на то, что канонарь испытывалъ на себѣ нѣкоторое вліяніе со стороны Типика или вообще практики Великой константинопольской церкви, но не болѣе. Таковое вліяніе необходимо допустить и помимо указанного факта на основаніи нѣкоторыхъ другихъ, наприм., на основаніи имѣющихся здѣсь нѣкоторыхъ мѣстныхъ константинопольскихъ памятней и обрядовъ, каковы: память Θεοδора Студита (12 ноября), веригъ апост. Петра (16 января), положеніе мафорія пресвятой Богородицы во Влахернахъ (2 іюля), поклоненіе св. Копію (пятокъ страстной седмицы) и нѣкоторыя другія. Но отсюда еще очень далеко до утвержденія, что Типикъ и канонарь въ одинаковой степени суть памятники устава Великой константинопольской церкви. Литургическія особенности канонаря сравнительно съ Типикомъ столь значительны, а иногда столь оригинальны и неожиданны, что неизбѣжно должны возбуждать представленія объ иномъ источникѣ и иныхъ служебныхъ порядкахъ. Укажемъ наиболѣе выдающіяся. 1) Выше мы видѣли, что вторая недѣля поста носить здѣсь необычное названіе: Κυριακὴ τοῦ ἀσώτου καὶ τῶν ἐργατῶν; другія недѣли поста тоже имѣютъ здѣсь особыя, нигдѣ болѣе не встрѣчающіяся и вообще необычныя названія: первая недѣля, или собственно воскресенье первой недѣли, надписывается: τῇ κλήσει τῶν κολυμβήθρων, воскресенье третьей недѣли — τῆς Σαμαριτίδος, воскресенье четвертой недѣли — τῆς μέσης ἐβδομάδος, пятой недѣли — μετὰ τὴν μέσην ἐβδομάδα τοῦ πλουσίου καὶ Λαζάρου. 2) Текстъ нѣкоторыхъ гѣсногѣній по мѣстамъ весьма раз-

нится отъ Типика и общепринятыхъ. Такъ, напримъ, по воскресеньямъ четырехдесятницы полагается пѣть особаго рода «киноникъ», въ другихъ памятникахъ не встрѣчающійся: ἤχ. β'. Τῆς ἁγίας σου τραπέζης προκειμένης καὶ τῶν ἀχράντων μυστηρίων μελιζομένων ἐνετείλω τοῖς ἁγίοις μαθηταῖς σου λάβετε, φάγετε κ. т. л. (стр. 187). 3) Встрѣчаются новые, необычныя, гимнологическія термины. Такъ, въ воскресенье четырехдесятницы, начинаемая съ третьяго — τῆς Σαμαριτίδος — на литургіи послѣ киноника положено еще пѣть какой-то хоростάσιμος — стихъ изъ Евангелія на разные гласы, — въ третье воскресенье: Χоростάσιμος ἤχος βαρύς Ἰσοῦ ἀναβαίνομεν εἰς Ἱερουσόλυμα καὶ τελεσθήσονται πάντα τὰ περὶ τοῦ Ἰσοῦ τοῦ ἀνθρώπου λέγει Κύριος, въ четвертое воскресенье — Χоростάσιμος ἤχος πλ. δ' Ἄιδος, ὃν ἀπεδοκίμασαν οἱ οἰκοδομοῦντες, οὗτος ἐγενήθη, — въ пятое воскресенье — Χоростάσιμος ἤχος α'. Δεῦτε οἱ εὐλογημένοι τοῦ Πατρὸς μου, κληρονομήσατε τὴν ἡτοιμασμένην ὑμῖν βασιλείαν, — въ шестое или Вайй — Χоростάσιμος ἤχος α'. Οἱ ὄχλοι οἱ προάγοντες καὶ οἱ ἀκολουθοῦντες. ὡσαννά (стр. 188—190); въ великій четвертокъ рядомъ со входнымъ стихомъ упоминается еще ἐξηγερτικὸν (стр. 191). Словомъ, при сколько нибудь детальномъ сопоставленіи канонаря съ Типикомъ разность ихъ происхожденія обнаруживается съ необыкновенною ясностію. Но это нисколько не понижаетъ цѣнности канонаря, какъ литургическаго памятника, а напротивъ возвышаетъ. Оставаясь памятникомъ до нѣкоторой степени параллельнымъ Типику, канонарь даетъ намъ матеріалъ для обрисовки литургическихъ порядковъ другой части православной церкви, по всей вѣроятности іерусалимской, и такимъ образомъ весьма значительно расширяетъ нашъ историческій кругозоръ. Вообще, изданные А. А. Дмитріевскимъ: Типикъ Великой церкви, Синайскій канонарь и еще изданный имъ же ранѣе Уставъ церкви св. Воскресенія въ Іерусалимѣ даютъ намъ массу совершенно новаго, въ высшей степени любопытнаго и живого, матеріала для исторіи православнаго греческаго богослуженія, именно патріаршаго и мірскаго, за одинъ изъ самыхъ важнѣйшихъ и, такъ сказать, критическихъ періодовъ его развитія и формированія.

Синайскимъ канонаремъ заканчивается первый отдѣлъ первой части изданія А. А. Дмитріевскаго. Оставляя пока въ сторонѣ нѣкоторые еще другіе недочеты, нами здѣсь замѣченныя, кромѣ указанныхъ, мы переходимъ ко второму отдѣлу. Этотъ второй отдѣлъ посвященъ такъ называемымъ «кѣиторскимъ типиконамъ», которые въ періодъ времени съ IX по XIII в. были, можно сказать, почти единственными регуляторами богослуженія и внутренняго строя жизни въ византійскихъ монастыряхъ, построенныхъ въ громадномъ количествѣ императорами, императрицами, патріархами и знатными вельможами. Такъ какъ кѣиторскіе типиконы выработались изъ тѣхъ духовныхъ завѣщаній, какія оставляли монастырямъ создатели или кѣиторы ихъ, то съ этихъ завѣщаній этотъ отдѣлъ и начинается. Первое мѣсто отведено здѣсь древнѣйшему изъ нихъ, оставленному препод. Саввою († 532), основателемъ знаменитой лавры

его имени близъ Иерусалима. Это завѣщаніе—*τόπος καὶ παράδοσις καὶ ὄμιλος*— было письменно изложено самимъ св. Саввою и передано имъ предъ смертію ученику своему и преемнику по игуменству Мелиту. До послѣдняго времени оно считалось утраченнымъ, но А. А. Дмитриевскій во время своего пребыванія въ Синайскомъ монастырѣ въ 1888 г. нашелъ его въ двухъ кодексахъ Синайской библіотеки XII—XIII в. и XV в. и издалъ съ переводомъ и комментаріями въ 1890 г. въ приложеніи къ отчету о своей заграничной командировкѣ (Путешествіе по Востоку и его научные результаты. Кіевъ 1890, стр. 171—193). Въ 1894 г. его перепечаталъ съ нѣкоторыми поправками К. Куртцъ въ *Byzant. Zeitschrift* B. III, S. 167—170. Теперь перепечатанъ снова только греческій текстъ. Текстъ этотъ безспорно долженъ имѣть большую важность для исторіи церковнаго богослуженія и монашескаго быта уже по тому одному, что вышелъ изъ рукъ писателя и дѣятеля VI в., хотя дошелъ до насъ и не безъ интерполяцій.

Далѣе издатель даетъ новые и тоже весьма важные документы для исторіи типика Студійскаго и Аеонскаго въ древній періодъ ихъ существованія. Это—новая редакція *Ἰπποτύπωσις* св. Θεодора Студита и *Διατύπωσις* св. Аванасія Аеонскаго. *Ἰπποτύπωσις* св. Θεодора Студита есть не что иное, какъ краткое изложеніе Студійскихъ порядковъ, литургическихъ и монашескихъ, сдѣланное не самимъ Θεодоромъ, а кѣмъ-то изъ братіи его монастыря по приказанію монастырскихъ властей спустя нѣкоторое время послѣ смерти св. отца, однако не позднѣе начала X вѣка, такъ какъ во второй половинѣ X в. св. Аванасій Аеонскій, составляя *Διατύπωσις*, замѣтно имѣлъ его уже подъ руками, какъ это видно изъ сличеній, сдѣланныхъ А. А. Дмитриевскимъ. Этотъ *Ἰπποτύπωσις*, правда, давно уже извѣстенъ въ наукѣ по изданію кардинала Май (*Nov. Bibl. patr. t. V* 1849), но въ редакціи весьма неисправной. Указавъ многія изъ этихъ неисправностей, нашъ издатель высказываетъ сожалѣніе, къ которому нельзя не присоединиться, что въ бытность свою на Синаѣ онъ не воспользовался превосходною датированною (1086 г.) рукописью № 401, для исправленія или даже для новаго изданія *Ἰπποτύπωσις*-а въ редакціи кардинала Май, а ограничился только отиѣтками изъ нея нѣкоторыхъ важнѣйшихъ и любопытнѣйшихъ вариантовъ. Это упущеніе А. А. Дмитриевскій восполняетъ тѣмъ, что издаетъ *Ἰπποτύπωσις* по новой, вновь открытой имъ редакціи, доселѣ совершенно неизвѣстной, но стоящей нисколько не ниже первой по интересу своихъ текстуальныхъ особенностей. Въ ней мы встрѣчаемъ болѣе систематическое распредѣленіе матерій, входящихъ въ составъ *Ἰπποτύπωσις*-а и болѣе соответствій между заглавіями и содержаніемъ рубрикъ. Въ ней нѣтъ ненужныхъ повтореній, какими обилуетъ первая редакція, но за то есть весьма много существенныхъ дополненій, о которыхъ первая редакція ничего не знаетъ. Эти дополненія имѣютъ нѣкоторую особенную важность по отношенію къ рѣшенію вопроса о времени происхожденія этой второй редакціи *Ἰπποτύπω-*

сис-а, издаваемого Дмитріевскимъ по древней Ватопедской рукописи XIII—XIV в. № 322 (956). Дѣло въ томъ, что дополненія эти до буквальности иногда сходны съ подобными статьями существующаго только въ славянскомъ переводѣ устава патріарха константинопольскаго Алексѣя (1025—1034). Уставъ этотъ былъ имъ составленъ на основѣ Студійскихъ преданій для основаннаго имъ въ Константинополѣ монастыря Богородицы и долженъ считаться почти точно датированнымъ (около 1034 г.). Сходство нѣкоторыхъ частей этого устава со второю редакціею Ὑποτύπωσις-а, издавнаго А. А. Дмитріевскимъ, показываетъ, что патріархъ Алексѣй при составленіи своего устава имѣлъ подъ руками эту именно редакцію, и слѣдовательно она явилась ранѣе Алексѣевского устава—въ самомъ началѣ XI в. или въ концѣ X в. Такимъ образомъ, она позднѣе той редакціи, которая издана кардиналомъ Май, но это не уменьшаетъ ея цѣнности, а, напротивъ, увеличиваетъ, такъ какъ для литургической исторіи весьма важно имѣть одинъ и тотъ же документъ въ разныхъ послѣдовательныхъ редакціяхъ, лишь бы редакціи эти были болѣе или менѣе точно датированы. Что касается Διτὸπῶσις-а св. Аѳанасія Аѳонскаго, то изданіемъ его полнаго греческаго текста несомнѣнно удовлетворяется одна изъ насущныхъ научныхъ потребностей. Всего лучше конечно издавать его нужно было по древнѣйшимъ кодексамъ скевофилакіи Лавры св. Аѳанасія ¹⁾; но, несмотря на всѣ старанія, настоятельныя и покорнѣйшія просьбы, подкрѣпленныя рекомендаціями вселенскаго патріарха и другихъ вліятельныхъ лицъ, нашъ изслѣдователь не могъ добиться отъ эпитроповъ Лавры дозволенія даже видѣть помянутые кодексы ни въ одно изъ своихъ посѣщеній Лавры. Счастливейше былъ нѣмецкій пасторъ Мейеръ, получившій списокъ съ указанныхъ кодексовъ чрезъ одного изъ іеромонаховъ Лавры и своимъ изданіемъ на нѣсколько мѣсяцевъ предупредившій А. А. Дмитріевскаго. Отъ этого, впрочемъ, изданіе Дмитріевскаго не потеряло своего значенія. Оно исполнено по хорошей рукописи XVI в. Иверскаго Аѳонскаго монастыря и снабжено вариантами изъ другой рукописи XVII в. библиотеки Аѳонскаго Пантелеимоновскаго монастыря ²⁾. Что касается тѣхъ пробѣловъ, которые оказались въ его изданіи по сравненіи съ изданіемъ Мейера, то они восполнены въ «поправкахъ и дополненіяхъ».

Отдѣлъ «кѣиторскихъ типиконовъ» въ собственномъ смыслѣ въ изданіи А. А. Дмитріевскаго начинается типикомъ константинопольскаго монастыря Богородицы Еввергетиды. Монастырь этотъ основанъ былъ нѣкимъ инокомъ Павломъ на его собственные средства въ уединенной,

1) Вопросъ о времени написанія св. Аѳанасіемъ Διτὸπῶσις-а обстоятельнѣе, чѣмъ здѣсь, рассмотрѣнъ авторомъ въ его рецензіи на книгу Мейера. Визант. Врем. 1896 г., № 2.

2) Въ предисловіи Дмитріевскій говоритъ еще о вариантахъ, взятыхъ изъ рукописей Каирской патріаршей библиотеки, но въ текстахъ мы не нашли ихъ (XXХІІ 238—256).

почти загородной мѣстности (по свид. Антонія Новгородскаго въ XII регионѣ близъ Золотыхъ воротъ), доставшейся ему по наслѣдству, въ 1048 г. Время составленія устава опредѣляется довольно точно на основаніи указаній, содержащихся въ его текстѣ. Первоначально онъ составленъ былъ вѣроятно послѣ смерти Павла († 1054) первымъ преемникомъ его и ученикомъ игуменомъ Тимофеемъ, о которомъ не извѣстно, сколько времени онъ жилъ, а затѣмъ окончательно редактированъ кѣмъ либо изъ преемниковъ Тимофея въ первой половинѣ XII в. Принимая во вниманіе съ одной стороны то, что въ Евергетидскомъ типиконѣ есть ссылка на типиконъ монастыря Мануила, и что подъ Мануиломъ можно разумѣть императора Мануила Комнина (1143—1179), а съ другой то обстоятельство, что въ типикѣ монастыря св. Маманта, написанномъ въ 1158 г., Евергетидскій типикъ рекомендуется для употребленія, какъ типикъ авторитетный и хорошо извѣстный,—А. А. Дмитріевскій полагаетъ, что и время редактированія Евергетидскаго типикона въ его настоящемъ составѣ падаетъ на годы между 1143 и 1158, т. е. отъ начала царствованія императора Мануила Комнина до написанія типика монастыря св. Маманта (XL). Однакожъ точность эта въ отношеніи первой цифры не можетъ быть оправдана ссылкой на императора Мануила. Вѣрнѣе всего, подъ Мануиломъ слѣдуетъ разумѣть знатнаго византійскаго вельможу Мануила, бывшаго опекуномъ императора Михаила III (855—867) и обратившаго потомъ свой домъ близъ цистерны Аспоры въ монастырь, пользовавшійся впослѣдствіи подъ именемъ монастыря Мануила большою извѣстностію среди другихъ константинопольскихъ монастырей. Эту поправку дѣлаетъ самъ авторъ въ недавно напечатанныхъ имъ въ Трудахъ Кіевской Академіи (1896 г.) *Addenda* и *Corrigenda*. Впрочемъ, болѣе важна послѣдняя цифра—типиконъ Евергетидскій не могъ явиться позднѣе первой половины XII в. Онъ представляетъ собою въ высшей степени важный и любопытный документъ. Отъ другихъ ктиторскихъ типиконовъ онъ отличается тѣмъ, что къ нему приложенъ литургическій уставъ Евергетидской обители—явленіе чрезвычайно рѣдкое: извѣстенъ еще одинъ только подобный типикъ—это типикъ патріарха Алексѣя, существующій въ одномъ только славянскомъ переводѣ. Что касается другихъ ктиторскихъ типиконовъ, то они дошли до насъ безъ литургической части, которой при многихъ изъ нихъ вовсе и не было. Чаще всего бывало такъ, что ктиторъ сочинялъ уложеніе только относительно образа жизни и поведенія монаховъ основаннаго имъ монастыря, а для совершенія богослуженія рекомендовалъ или узаконялъ пользоваться какимъ нибудь изъ извѣстныхъ и наиболѣе уважаемыхъ типиковъ. Такъ составитель устава монастыря св. Маманта рекомендуетъ употреблять Евергетидскій типиконъ, составитель устава монастыря τῶν Ἁγίων Βασιλῶν — Студійскій Синаксарь, составитель типикона Авксентіевскаго монастыря — Іерусалимскій типиконъ и т. п. Но нѣкоторые изъ ктиторовъ и сами составляли литургическіе типиконы, ко-

вечно, не вновь, а на основѣ древнихъ церковныхъ преданій, сохранившихся въ типиконахъ ранѣе составленныхъ, при чемъ принимались въ руководство большею частію нѣсколько типиконовъ и изъ нихъ составлялась компиляція, съ выборкою наиболѣе поправившихся ктиторумъ мѣстъ и съ указаніемъ разнообразной практики на одинъ и тотъ же случай, или же просто полагался въ основу какой либо одинъ, наиболѣе авторитетный и знаменитый уставъ и только принаровлялся къ мѣстнымъ условіямъ. Къ числу послѣдняго рода уставовъ относятся: уставы патріарха Алексѣя и Евергетидскій; въ первомъ изъ нихъ въ основу положенъ Студійскій уставъ, а во второмъ—типикъ Великой церкви. Это послѣднее обстоятельство придаетъ Евергетидскому типуку нѣкоторое особое значеніе. Если признать за положительный фактъ, что Евергетидскій типиконъ составленъ на основѣ патріаршаго константинопольскаго устава Великой церкви, то мы получаемъ такимъ образомъ новый источникъ для знакомства нашего съ богослужебною практикою Великой церкви въ Константинополѣ, того ея фазиса, который падаетъ на конецъ XI и начало XII в. Этимъ же обстоятельствомъ, т. е. тѣмъ, что Евергетидскій типикъ есть въ основѣ своей ни что иное, какъ типикъ Великой церкви, только принаровленный къ монастырскому быту и богослуженію, объясняется и то, что онъ такъ скоро послѣ своего появленія приобрѣлъ популярность и авторитетность, проложившій ему путь въ другіе монастыри, напримѣръ св. Маманта, и даже въ другія страны. Весьма любопытенъ констатируемый А. А. Дмитриевскимъ фактъ, что типикъ славянскаго Хиландарскаго монастыря на Афонѣ находился въ ближайшей зависимости отъ типика Евергетидскаго, и что уставъ св. Саввы Сербскаго, по изданію Даничича, обнаруживаетъ буквальное сходство съ Евергетидскимъ типикономъ даже въ тѣхъ главахъ, которыя содержатъ историческія свѣдѣнія о самомъ монастырѣ и которыя, повидимому, должны бы быть наиболѣе оригинальны и самостоятельны. Евергетидскій типиконъ изданъ А. А. Дмитриевскимъ почти вполне по превосходной и единственной пергаменной рукописи XII в., принадлежащей бібліотекѣ Аѳинскаго университета, и занимаетъ собою чуть не половину всѣхъ напечатанныхъ въ книгѣ текстовъ. Чтеніе литургической его части очень однообразно и скучно, но оно можетъ дать не мало драгоценныхъ указаній насчетъ особенностей монастырскаго богослуженія въ концѣ XI и въ началѣ XII в. Такъ, весьма любопытны, между прочимъ, обильныя указанія на положеніе дидактическаго элемента въ этомъ богослуженіи. На каждый день года здѣсь положено по одному, по два и даже по три чтенія на разныхъ богослуженіяхъ изъ житій святыхъ, актовъ мучениковъ и другихъ сказаній, словъ разныхъ св. отцевъ и учителей церковныхъ, при чемъ часто указываются начальныя слова чтеній, и такимъ образомъ дается признакъ для различенія употреблявшихся въ то время редакцій того или иного церковно-словеснаго произведенія. На основаніи этихъ указаній можно составить

довольно объемистый инвентарь, такъ сказать, нормальной монастырской библиотеки XI—XII в. Подобныя же указанія можно найти въ Алексѣевскомъ типиконѣ, какъ видно изъ Описанія рукописей Синодальной библиотеки (Горскій и Невоструевъ, III, 1, стр. 253—256), но въ меньшемъ размѣрѣ. Весьма не маловажны и любопытны указанія Евергетидскаго типика также и относительно канонѡвъ, употреблявшихся въ то время въ монастырскомъ богослуженіи, свѣдѣнія, касающіяся количества ихъ, и авторовъ, которымъ они въ то время приписывались.

За Евергетидскомъ типикономъ слѣдуютъ типиконы специально ктиторскіе, а именно: 1) типикъ константинопольскаго Пантократорскаго монастыря, 2) типикъ монастыря св. Маманта тоже константинопольскаго, 3) типикъ малоазійскаго Богородичнаго монастыря τῶν Ἱλίου Βορῶν и 4) типикъ Михаило-Архангельскаго монастыря на горѣ пр. Авксентія. Первые три XII в. (1136 г., 1158 г. и 1162 г.), а послѣдній XIII в. (1280 г.). Всѣ они чисто ктиторскіе и литургическаго матеріала содержатъ въ себѣ сравнительно очень мало, но это не значитъ, что въ литургическомъ отношеніи они лишены всякаго значенія; литургическія указанія въ нихъ правда не обильны, но они всегда почти въ высшей степени многозначительны и любопытны, представляя собою вѣскія данныя для констатированія многихъ важныхъ литургическихъ варіацій подъ вліяніемъ особенностей времени и мѣста. Несомнѣнно, однакожъ, что главное значеніе ихъ въ наукѣ — иное. Въ нихъ сообщаются чрезвычайно важныя, обильныя и любопытныя свѣдѣнія о внутреннемъ управленіи и бытѣ византійскихъ монастырей XII—XIII в. и о внѣшнихъ отношеніяхъ ихъ къ учрежденіямъ и лицамъ, отъ нихъ зависящимъ. Свѣдѣнія эти настолько важны и новы, что упомянутые, содержащіе ихъ въ себѣ типиконы должны занять почетное мѣсто въ ряду документовъ для исторіи византійской культуры и привлечь къ себѣ живое вниманіе ученыхъ, занимающихся этимъ отдѣломъ византологіи. Въ этомъ отношеніи особенно выдающійся интересъ возбуждаетъ къ себѣ типиконъ Пантократорскаго монастыря, напечатанный А. А. Дмитриевскимъ по единственно бывшей доступной ему рукописи библиотеки Халкинской богословской школы въ Константинополѣ № 85. Рукопись эта есть копія, сдѣланная въ 1749 г. съ пергаменнаго автографа, хранившагося когда-то въ богатой библиотекѣ князя-воеводы Николая Маврокордата. Въ упомянутыхъ выше Addenda и Corrigenda ¹⁾ издатель сообщаетъ намъ, что недавно, минувшимъ лѣтомъ, въ Парижской Национальной библиотекѣ подъ ложнымъ заглавіемъ: Ioannis Palaeologi imperatoris Constantinopolitani Typicum (Fonds № 389) онъ нашелъ другую копію съ Маврокордатовской рукописи и свѣрилъ ее съ своимъ изданіемъ, при чемъ обнаружилия нѣкоторыя разночтенія, довольно важныя для точ-

1) Желательно, чтобы эти Addenda и Corrigenda были перепечатаны въ слѣдующемъ томѣ Типикѡν.

наго пониманія текста памятника. Разночтенія эти имъ отмѣчены и обнародованы. Въ виду особой важности и интереса этого несравненнаго памятника издатель въ своемъ предисловіи даетъ намъ подробный анализъ его содержанія. Здѣсь прежде всего онъ опредѣляетъ время основанія Пантократорскаго монастыря, личность ктитора (Іоаннь Комнинъ) и мѣстность, гдѣ былъ построенъ монастырь (въ X регионѣ Константинополя, недалеко отъ храма св. Апостоловъ). Далѣе описываются храмы, построенные въ монастырѣ, штатъ монашествующихъ, духовенства и прислуги, средства содержанія клира и прислуги, литургическое теченіе монастырскаго дня, главнѣйшія особенности годичнаго богослуженія, порядокъ устройства внутренней монастырской жизни и управленія какъ главнаго монастыря, такъ и ему подчиненныхъ. Затѣмъ слѣдуетъ описаніе трехъ устроенныхъ императоромъ при монастырѣ благотворительныхъ учреждений: 1) страннопримницы (ξενών) съ больницей, состоявшею изъ пяти отдѣленій, 2) богадѣльни (γυροκομείον) и 3) психиатрической гѣчебницы для страдающихъ душевно братій (τῶν κατεχομένων τῆ ἰεραῖ νόσῳ). Въ описаніи этомъ даются подробныя свѣдѣнія о врачебномъ персоналѣ больницы, о содержаніи его и больныхъ, а также и богадѣленныхъ или получившихъ пріютъ въ богадѣльнѣ и т. п. Наконецъ, говорится о земляхъ и угодьяхъ, которыми надѣлена была обитель Пантократора императоромъ Іоанномъ Комниномъ. Все это въ высшей степени любопытно и важно. Анализъ памятника, сдѣланный издателемъ, очень обстоятеленъ, но насъ все-таки это не удовлетворяетъ. По нашему мнѣнію, памятникъ этотъ настолько важенъ для культурной византійской исторіи, что требуетъ спеціальнаго изданія съ мотивированнымъ переводомъ и всесторонними археологическими примѣчаніями и разъясненіями.

Слѣдующій далѣе типикъ монастыря св. Маманта въ Константинополѣ имѣетъ нѣкоторый особый интересъ для исторіи русско-византійскихъ отношеній, но онъ былъ уже отчасти изслѣдованъ и изданъ проф. Θ. И. Успенскимъ въ статьѣ: «Типикъ монастыря св. Маманта въ Константинополѣ» (Лѣтопись Историко-Филолог. Общества при Новороссійскомъ Университетѣ, т. II), а потому А. А. Дмитріевскій уклоняется отъ сообщенія свѣдѣній о мѣстоположеніи монастыря, времени его основанія и проч., а изъ текста издаетъ только «прологъ и подписи», какъ матеріалъ для исторіи монастыря, съ отмѣткою тѣхъ опущеній, какія онъ замѣтилъ въ брошюрѣ Θ. И. Успенскаго. Въ тѣхъ же видахъ онъ напечаталъ цѣликомъ и 40 главу этого типикона, совершенно опущенную Успенскимъ. Что касается остальныхъ главъ, то онъ совершенно опустилъ ихъ, такъ какъ онѣ оказались совершенно тождественными съ подобными же главами напечатаннаго далѣе съ пергаменной Патмосской рукописи (№ 25) 1162 г. типикона анатолійскаго монастыря Богородицы τῶν Ἁγίων Βαρβάρα, ἦτοι τῶν Ἐλεγκῶν.

Этотъ послѣдній типиконъ былъ составленъ въ царствованіе импе-

ратора Мануила Комнина и́кимъ знатнымъ вельможею Никифоромъ Мистикомъ, который на правахъ ктитора далъ его упомянутому монастырю въ руководство. Самый монастырь этотъ, весьма древній, не былъ имъ построенъ, а только возобновленъ и выведенъ изъ состоянія запустѣнія. Никифоръ поновилъ то, что пришло въ ветхость и разрушеніе, а многое выстроилъ и заново. Чтобы увеличить доходность монастыря и вообще дать ему возможность существовать самостоятельно и безбѣдно, онъ выхлопоталъ у императора Мануила хрисовулъ на независимое самоуправленіе и годовую милостыню въ 100 трикефальныхъ монетъ, привелъ въ хорошее состояніе метохъ монастыря, находившійся въ Константинополѣ, и т. п.; а чтобы установить прочную внутреннюю организацію въ монастырѣ, далъ ему типикъ, заимствовавъ его почти буквально изъ столичнаго монастыря св. Маманта. Это послѣднее обстоятельство весьма любопытно, такъ какъ даетъ намъ еще новый фактъ для опредѣленія путей и способовъ распространенія литургическихъ традицій по многочисленнымъ византійскимъ монастырямъ. Относительно типика св. Маманта А. А. Дмитриевскій въ упомянутыхъ нами *Addenda* и *Corrigenda* также, какъ и о типикѣ Пантократорскомъ, сообщаетъ дополнительныя свѣдѣнія, очень важныя. Въ Парижской Національной библиотекѣ (*Supplément* № 92) хранится самый подлинникъ этого типика въ рукописи (16 д. 97 л.), писанной на пергаменѣ превосходнымъ почеркомъ 1159 г. Нашъ издатель подробно сличилъ свое изданіе съ этимъ подлинникомъ и открылъ въ немъ множество особенностей и различій. Онъ напечаталъ ихъ цѣликомъ, подчеркивая наиболѣе важныя изъ нихъ, въ своихъ *Addenda*, гдѣ онѣ занимаютъ три страницы.

Послѣднее мѣсто въ ряду византійскихъ ктиторскихъ типиконовъ, изданныхъ А. А. Дмитриевскимъ, занимаетъ типиконъ Михаило-Архангельскаго монастыря на горѣ преп. Авксентія, данный императоромъ Михаиломъ VIII Палеологомъ (1259—1282). Гору Авксентія, какъ полагаютъ, нужно искать на островѣ Оксіи близъ Халкидона, напротивъ Константинополя. Монастырь на этой горѣ существовалъ съ давняго времени, но ко времени Михаила пришелъ въ запустѣніе. Императоръ Михаилъ возстановилъ его и далъ ему уставъ. Уставъ этотъ по сужденію самого издателя (стр. III) «не много привноситъ новаго для исторіи византійской вообще и для нашихъ специально литургическихъ цѣлей въ частности, но изданіе его въ свѣтъ въ настоящее время не бесполезно и до нѣкоторой степени даже желательно». Желаніе это теперь удовлетворено даже въ большей степени, чѣмъ желательно; почти одновременно съ нашимъ издателемъ тотъ же уставъ издалъ въ Константинополѣ Мануилъ Гедонъ по Святогробской, болѣе исправной рукописи. Научное значеніе этого типика состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что имъ восполняются другіе типики XIII в., дошедшіе до насъ не въ полномъ видѣ—того же Михаила—монастырю св. Димитрія (изд. И. Е. Троицкимъ) и Андроника, сына Михаила—монастырю св. Димитрія тѣмъ

καλλιγράφου (изд. Мейеромъ). Вслѣдствіе этого «внутренній строй жизни константинопольскихъ монастырей временъ Палеологовъ обрисовывается съ достаточною полнотою и рельефностію». Текстъ изданъ по Халкинской рукописи № 85 1749 г. Онъ не имѣетъ конца, но недостаетъ только одной или двухъ заключительныхъ главъ—не болѣе. Въ типикѣ этомъ говорится: о самостоятельности и независимости монастыря, объ избраніи и посвященіи игумена и его качествахъ, какъ начальника и руководителя иноковъ, о пищѣ для монаховъ, объ образѣ жизни монаховъ въ общежитіи, о количествѣ иноковъ, объ избраніи должностныхъ лицъ въ обители, о церковномъ чинѣ, о расходахъ обителя, объ устройствѣ молчалищъ для молчальниковъ, о приѣмѣ въ монастырь приходящихъ и о недопущеніи въ него женщинъ, о поминовеніи ктиторовъ и братій, о празднованіи храмоваго праздника; въ концѣ имѣется обращеніе къ будущимъ царямъ и патріархамъ съ просьбою покровительствовать обители. Такъ какъ изданіе Гедеона сдѣлано съ другой, болѣе древней и исправной рукописи Святогробскаго подворья въ Константинополѣ (XV в. № 160), то нашъ издатель въ «дополненіяхъ и поправкахъ» въ концѣ книги дѣлаетъ необходимыя поправки къ своему изданію.

За отдѣломъ «ктиторскихъ типиконовъ» нашъ издатель помещаетъ довольно значительныхъ размѣровъ новый отдѣлъ, повидимому не предполагавшійся по первоначальному плану изданія, но чрезвычайно важный для пополненія предыдущаго отдѣла и рѣшенія многихъ первостепенной важности вопросовъ, выдвигаемыхъ нѣкоторыми изъ документовъ, напечатанныхъ въ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ. Въ новомъ дополнителномъ отдѣлѣ А. А. Дмитриевскій даетъ намъ подробное описаніе девяти типиконовъ греческихъ, хранящихся въ разныхъ западныхъ библиотекахъ, а именно: 1) Туринской библиотеки, № 216, XII—XIII в., 2) Барбериновской въ Римѣ, № 69, 1205 г., 3) Валичеллановской въ Римѣ же, № 61, XIII в., 4) Барбериновской, № 102, 1583 г., 5) Ватиканской, № 1877, 1202 г., 6) Вѣнской, № 127 или 326 или 144, XIII в., 7) Барбериновской, № 78, 1552 г., 8) Ватиканской, № 1609, XVI в., 9) Кристоферратской, № 7, 1300 г. О большей части этихъ типиконовъ до настоящаго времени наука имѣла неточныя, неясныя и сбивчивыя свѣдѣнія отъ западныхъ ученыхъ, Льва Алляція, кардинала Питры, Тоскани и др., что не удивительно, такъ какъ для правильнаго сужденія о нихъ нужно спеціальное знакомство съ памятниками этого рода, а такового знакомства у поименованныхъ, хотя и весьма авторитетныхъ, ученыхъ не могло быть. А. А. Дмитриевскій во время своего двукратнаго пребыванія въ Римѣ и другихъ городахъ, имѣющихъ библиотеки греческихъ рукописей, подробно проштудировалъ указанные упомянутыми учеными памятники, присоединивъ къ нимъ и новыя подобныя, имъ самимъ найденныя. Результаты своего изученія онъ и представляетъ въ своемъ предисловіи. По его свидѣтельству, всѣ извѣстные нынѣ списки типикона западныхъ библиотекъ при ближайшемъ его знакомствѣ съ

ними сами собою распались на двѣ группы или редакціи, главные характеристическія особенности которыхъ, и внѣшнія и внутреннія, обозначились весьма рельефно. Исключеніе составила только рукопись Грота-ферратскій библиотеки, содержащая въ себѣ типиконъ греко-униатскій. Въ составъ первой группы входятъ памятники, отмѣченные выше цифрами: 1—4. Главнымъ и характернымъ представителемъ этой группы западныхъ типиковъ служитъ Туринскій кодексъ, писанный въ 1174 г. третьимъ игуменомъ Казулянскаго монастыря (въ Казабріи) монахомъ Николаемъ и содержащій въ себѣ типиконъ по преданію святыхъ и богоносныхъ отецъ тоῦ τε ἁγίου Σάββα καὶ τοῦ Στουδίτου καὶ τὸ πλείστον τοῦ ἁγίου ὄρους, οὐ μὴν, ἀλλὰ καὶ μέρος τι τῆς παραδόσεως τοῦ ὁσιωτάτου πατρὸς ἡμῶν Ἰωσήφ (τοῦ κτήτορος) τῆς μονῆς τοῦ ἁγίου Νικολάου τῶν Κασούλων... Всѣ типики этой редакціи неизмѣнно состоятъ изъ трехъ частей: предварительной или общей, состоящей изъ 28 главъ и содержащей въ себѣ замѣчанія общаго характера касательно суточного и годичнаго богослуженія (это—нѣчто въ родѣ нынѣшнихъ «Марковыхъ главъ»), мѣсяцесловной и тріодной. Къ этимъ тремъ частямъ присоединяется иногда четвертая дополнительная, содержащая въ себѣ разныя замѣчанія относительно подробностей богослуженія и монашескаго поведенія. Между этими дополнительными статьями встрѣчаются очень любопытныя, напримеръ, въ Барбериновскомъ уставѣ № 102 (236) (стр. 834) мы находимъ статью подъ заглавіемъ: *Κεφάλαια τῶν παραλειπομένων τοῦ Τυπικοῦ Ἰωάννου τοῦ Νηστευτοῦ*. Въ ней содержатся замѣчанія о повседневныхъ пригѣвахъ къ стихирамъ на стиховнѣ, о славникахъ для тѣхъ же стихирь, и т. п., но интересна она главнымъ образомъ по заглавію. По уваженію къ ииѣющемуся въ заглавіи имени патріарха Іоанна Постника (VI в.) статью эту слѣдовало бы издать всю цѣликомъ. Въ составъ второй редакціи западныхъ греческихъ типиконовъ входятъ дальнѣйшіе четыре изъ перечисленныхъ нами выше. Самымъ виднымъ и наиболѣе древнимъ представителемъ типиковъ этой редакціи нужно считать рукопись Ватиканской библиотеки, № 1877, 1292 года, содержащую въ себѣ типикъ древнѣйшаго Сицильянскаго монастыря Богородицы τοῦ Μῆλι или Μίλι, основаннаго въ 1089 г. на рѣкѣ Мили въ 8 миляхъ къ югу отъ города Мессины. Составъ типиковъ этой редакціи въ общемъ сходенъ съ составомъ типиковъ первой редакціи, но въ подробностяхъ изложенія замѣчаются многія разности. Всецѣло тяготѣя къ типикамъ восточнымъ византійскимъ и воспроизводя на своихъ страницахъ ихъ богослужебный строй и порядокъ, они не даютъ мѣста ктиторской практикѣ даже и въ той незначительной долѣ, какая дана ей въ западныхъ типиконахъ первой редакціи. Чтобы рельефнѣе представить характеристическія особенности обѣихъ редакцій, А. А. Дмитриевскій входитъ затѣмъ въ разсмотрѣніе важнѣйшихъ отличій въ службахъ ихъ круга годичнаго и повседневнаго. Общій результатъ изслѣдованія типиконовъ обѣихъ редакцій авторъ выражаетъ такимъ образомъ: «относительно восьми

списковъ типикона западнаго итальянскаго происхожденія мы должны сказать, что они не могутъ быть относимы ни къ категоріи полныхъ и чистыхъ списковъ Студійскаго устава, ни даже къ категоріи настоящихъ ктиторскихъ уставовъ, какъ эти послѣдніе представляются намъ въ многочисленныхъ и извѣстныхъ въ наукѣ спискахъ византійскаго происхожденія... Это—типиконы не одного какого нибудь автора или отца церкви, а многихъ или, лучше сказать, всѣхъ извѣстнѣйшихъ въ православной церкви лицъ, заявившихъ себя трудами по церковному уставу; это—типиконы *сводные, компилятивные*» (стр. СХL).

Что касается девятаго списка западно-греческаго типикона, Кристо-ферратскаго, то въ немъ мы имѣемъ несомнѣнно настоящій *ктииторскій* Типиконъ Богородичной Гротта или Кристо-ферратской обители, происхожденіе котораго связывается съ игуменами этой обители Вареоломеемъ Русіанитомъ и Власіемъ II. Кристо-ферратскій монастырь въ Тускуланумѣ близъ Фраскати, недалеко отъ Рима (около 30 верстъ), основанъ монахомъ Ниломъ, происходившимъ изъ знатной и богатой византійской фамиліи Мелена, переселившейся вмѣстѣ съ другими выходцами изъ Византіи въ Калабрійскій городъ Россано въ концѣ X в., и первоначально пользовался какимъ-то типикономъ восточнаго происхожденія. Но третій послѣ Нила игумень Вареоломей около 1025 г. составилъ и ввелъ въ богослужебную практику Кристо-ферратскаго монастыря особый ктииторскій типиконъ, составленный на основаніи древняго типика (*ἐκ τοῦ καλαίου τοπικοῦ*) несомнѣнно восточнаго происхожденія; а въ 1300 г. игумень Власій II обновилъ этотъ типикъ или, лучше, совершенно передрѣлъ его примѣнительно къ латинской богослужебной практикѣ, вслѣдствіе чего и получился «типикъ западный въ узко-спеціальномъ значеніи этого слова, или, вѣрнѣе, греко-уніатскій». Игумень Власій II, именующій себя «вассаломъ» римскаго первосвященника, по словамъ А. А. Дмитріевскаго, «не знаетъ другаго образца и иныхъ преданій, кромѣ римской церкви, и только на основаніи ея практики и обычаевъ старается переустроить и богослужебный порядокъ, и монашескій строй въ управляемой имъ обители. Преданій, коими руководились предшественники Власія II и греческіе монахи другихъ итальянскихъ монастырей, преданій, происхожденіе которыхъ связывалось съ извѣстнѣйшими византійскими уставами—Великой церкви, Студійскимъ, Іерусалимскимъ и др., онъ какъ бы и не подозрѣваетъ, совершенно умалчивая о нихъ въ своемъ типикѣ» (стр. XXXVIII). Словомъ, разсматривать этотъ типикъ параллельно и въ связи съ извѣстными греческими типиконами не только восточными, но и западными, какъ это дѣлалъ Тоскани, нѣтъ никакой возможности.

Таковы результаты розысканій А. А. Дмитріевскаго въ западныхъ библіотекахъ по исторіи Студійскаго типикона. Они очень важны, такъ какъ устраняютъ ложныя представленія и надежды, возбужденныя извѣстіями западныхъ ученыхъ, и даютъ намъ точное и полное понятіе

объ истинномъ характерѣ греческихъ типиконовъ западной фамилии. Но изслѣдователь нашъ весьма недоволенъ этими результатами. Это происходитъ конечно отъ того, что результаты оказались несоотвѣтствующими его ожиданіямъ. Дѣло въ томъ, что всѣ эти розысканія, какъ объясняетъ самъ авторъ, предприняты были имъ съ цѣлю найти «цѣльные» списки Студійскаго типикона, каковыхъ не оказалось въ восточныхъ бібліотекахъ, несмотря на всѣ старанія автора отыскать ихъ. Подъ «цѣльными» списками онъ разумѣетъ конечно такіе списки, о которыхъ можно было бы съ полною достовѣрностію утверждать, что они сдѣланы специально для Студійскаго монастыря, и что въ этомъ монастырѣ они были въ практическомъ употребленіи въ болѣе или менѣе длинные промежутки времени. Безспорно, найти такой списокъ чрезвычайно важно, и было бы весьма хорошо, если бы онъ былъ найденъ; еще лучше было бы, если бы найдено было нѣсколько такихъ списковъ изъ разныхъ вѣковъ, начиная съ IX по XIII в. Тогда не было бы надобности предпринимать сложную и неблагоприятную работу возстановленія цѣльнаго и чистаго Студійскаго типика на основаніи фрагментовъ, сохранившихся въ другихъ типикахъ разныхъ мѣстъ и разнаго времени, и на основаніи разныхъ отрывочныхъ извѣстій; тогда конечно многое разъяснилось бы въ неопредѣленныхъ, темныхъ и иногда противорѣчивыхъ извѣстіяхъ объ этомъ типикѣ, о его составѣ и особенностяхъ; тогда, можетъ быть, узнали бы мы, что для возстановленія цѣльнаго Студійскаго типика мы обладаемъ гораздо большими средствами, чѣмъ какъ намъ теперь кажется, узнали бы, можетъ быть, что наши древніе славянскіе переводы суть точные переводы именно цѣльнаго Студійскаго типика, и что типикъ этотъ уже и въ XI в. содержалъ въ себѣ и посторонніе элементы, былъ до нѣкоторой степени компилятивнымъ, такъ какъ слѣды взаимовліянія типиконовъ церковныхъ мы замѣчаемъ уже въ X в.; наприм., въ Іерусалимскомъ уставѣ богослуженія Страстной седмицы мы находимъ уже ссылку на уставъ Романійскій. Однакожь и при отсутствіи желаемыхъ документовъ положеніе наше по отношенію къ Студійскому типуку едва ли можетъ быть названо безпомощнымъ и едва ли можетъ быть вполне оправданъ тотъ въ высшей степени пессимистическій взглядъ нашего уважаемаго коллеги на вопросъ о томъ, что такое Студійскій синаксарь и каковы его отличительныя особенности, который онъ высказываетъ въ концѣ своего предисловія, констатируя отрицательные результаты своихъ розысканій, загроможденность вопроса невѣрными свѣдѣніями, предвзятыми мнѣніями, поверхностными сужденіями неспеціалистовъ, легко довѣрившихся авторитетамъ, и т. п. и въ то еще время давая жестокій совѣтъ преподавателямъ литургіки въ семинаріяхъ самимъ заняться рѣшеніемъ этого вопроса, на основаніи дѣлаемыхъ имъ довольно специальныхъ указаній (стр. СXLIII).

Свое сравнительно не обширное, но въ высшей степени содержательное предисловіе авторъ заключаетъ извиненіями и объясненіями, изъ

которыхъ видно, что онъ отлично понималъ значеніе особой внимательности, аккуратности при изданіи вновь открытыхъ рукописныхъ памятниковъ и принималъ всѣ мѣры къ тому, чтобы избѣжать ошибокъ, недосмотровъ, опечатокъ; корректуру занимались нѣсколько природныхъ грековъ, студентовъ Кіевской Духовной Академіи; и самъ онъ держалъ по нѣскольку корректуръ каждаго листа; однакожь, къ глубокому его сожалѣнію и нашему, избѣжать опечатокъ ему не удалось. Къ концу книги онъ прилагаетъ перечень опечатокъ, поправокъ и дополненій на 25 страницахъ. На 1000 слишкомъ страницъ это — не много, особенно если принять во вниманіе то обстоятельство, что «въ нѣкоторыхъ и немалочисленныхъ даже случаяхъ это — не «errata», но въ собственномъ смыслѣ слова «addenda et corrigenda», вызванныя разнаго рода обстоятельствами, неизбѣжными при печатаніи обширнаго труда въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ»;—но и не мало, если съ другой стороны принять во вниманіе, что въ своемъ перечнѣ онъ, несмотря на всѣ старанія угодить даже «несчастному» глазу, не выносящему никакихъ корректурныхъ опечатокъ во всякой книгѣ, а въ изданіи памятниковъ особенно, не достигъ полноты; въ примѣчаніи на стр. CXLVII онъ извиняется еще за нѣкоторыя мелкія, но часто повторяющіяся опечатки, усмотрѣныя имъ очевидно послѣ напечатанія перечня при вторичномъ чтеніи. Любопытно, что нѣкоторыя бросающіяся въ глаза корректурныя ошибки такъ и остались неусмотрѣнными, наприм., на стр. VII мы читаемъ: «желая облегчить свой трудъ» и проч. «мы не выписывали начальныхъ словъ изъ апостольскихъ и евангельскихъ чтеній» и проч.; на самомъ же дѣлѣ опущены не *начальная*, а *конечная* слова; на стр. XXXV — «уставъ великаго дворцоваго храма или *Екклесіаста*», а нужно: *Айополита*, какъ и стоитъ въ подлинникѣ на стр. 678 и въ другихъ мѣстахъ. Все это показываетъ, какъ трудно было автору при такой тяжелой и длинной работѣ, какая совершена имъ, сохранять постоянное, напряженное и неослабное вниманіе. Не удивительно, что, дописывая свое предисловіе, онъ невольно вспомнилъ мольбу древняго писателя: «отцы и братія, иже ся гдѣ будетъ описали, или переписали, или не дописали, чтите исправливая Бога для, а не кляните».

Послѣдуя сему благородному призыву, мы уже сдѣлали нѣсколько замѣчаній на одинъ изъ пунктовъ, казавшійся намъ по меньшей мѣрѣ сомнительнымъ, или требующимъ провѣрки и пересмотра. Сдѣлаемъ здѣсь еще два замѣчанія въ томъ же родѣ. Онѣ отложены нами къ концу, чтобы не прерывать анализа ученыхъ розысканій автора, помѣщенныхъ въ его предисловіи, частыми уклоненіями въ сторону.

Первое наше замѣчаніе касается принятаго А. А. Дмитріевскимъ способа изданія нѣкоторыхъ памятниковъ, способа, который можетъ быть буквально охарактеризованъ, какъ «недописаніе». Способъ этотъ примѣненъ имъ къ одному изъ самыхъ важныхъ памятниковъ, помѣщенныхъ въ его изданіи, а именно къ уставу Великой церкви по Патмосской ру-

кописи. Необыкновенную важность этого памятника онъ не можетъ не сознавать и сознаетъ прекрасно, называя его «весьма драгоценнымъ и любопытнымъ», «первенцемъ въ своемъ родѣ», и ставя его во главѣ своего изданія. Въ самомъ дѣлѣ, это — древнѣйшій списокъ полного или цѣльнаго церковно-богослужебнаго устава, практиковавшагося при томъ въ столичной, самой вліятельной церкви Востока, въ церкви Константинопольской. Тотъ видъ, какой онъ имѣетъ въ Патмосскомъ спискѣ, онъ получилъ никакъ не позже половины IX в.; основная же и преобладающая редакція его относится къ еще болѣе раннему времени, по крайней мѣрѣ къ VIII в. Понятно отсюда, какъ велико научное значеніе этого памятника, хотя дошедшаго до насъ и не въ особенно привлекательномъ видѣ. Въ послѣднее время стало извѣстно, что въ Иерусалимѣ имѣется другой экземпляръ этого памятника, болѣе исправно писанный и редактированный (см. Виз. Врем. т. III, стр. 427 и слѣд.). Нѣкоторые готовы думать, что этотъ Иерусалимскій экземпляръ, будучи изданъ, затмитъ собою Патмосскій, но это напрасно: Иерусалимскій списокъ содержитъ въ себѣ хотя тотъ же памятникъ, но въ новой редакціи, позднѣйшей по крайней мѣрѣ на 100 лѣтъ. Онъ является представителемъ новой позднѣйшей ступени въ исторіи развитія византійскаго богослуженія и имѣетъ, слѣдовательно, свое собственное специальное значеніе въ наукѣ. Если бы явились и другія, еще болѣе позднія редакціи того же памятника, и онѣ имѣли бы тоже свое собственное значеніе, и своимъ существованіемъ нисколько не умаляли бы достоинства редакціи Патмосской. Эта послѣдняя всегда будетъ имѣть ничѣмъ незамѣнимое и ни съ чѣмъ несравнимое преимущество *древности* (на отысканіе чего нибудь болѣе древняго въ этомъ родѣ едва ли можно надѣяться). Естественно желать, чтобы такіе рѣдкіе и единственные памятники были издаваемы старательно и бережно безъ пропусковъ и перифразовъ съ устраненіемъ развѣ только очевидныхъ орфографическихъ ошибокъ: въ памятникахъ подобнаго рода жаль опустить не только строку, но и одну букву. Такого изданія мы и ожидали, но надежды наши не вполне оправдались. А. А. Дмитріевскій памятникъ и безъ того дефектный представилъ намъ въ еще болѣе дефектномъ видѣ, допустивъ въ немъ многочисленныя купюры.

Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что, списывая памятникъ для изданія, онъ оставилъ не списанными и слѣдовательно неизданными послѣднія 9 страницъ (л. 237 об.—242 об.), содержащія въ себѣ указатель евангельскихъ и апостольскихъ чтеній на субботы и дни воскресные до 30 недѣли по Пятидесятницѣ включительно. Указатель этотъ въ такомъ родѣ: послѣ послѣднихъ, напечатанныхъ у А. А. Дмитріевского, словъ (стр. 152) въ подлинникѣ слѣдуетъ: Σαββ. δ'. ὁ Ἀπόστολ. πρὸς Ῥωμαίους Ἀδελφοί, οὕτω καὶ ὑμεῖς λογιζέσθε ἑαυτοὺς. Τέλος τύπον διδαχῆς. Εὐαγγ. κατὰ Ματθαῖον, κεφ. ξη' τῷ καιρῷ ἐκεῖνον, ἐλθὼν ὁ Ἰησοῦς εἰς τὴν οἰκίαν Πέτρου. Τέλος ἠκολούθησαν αὐτῷ οἱ μαθηταὶ αὐτοῦ. Κυριακῆ δ'. Ὁ Ἀπόστολ. πρὸς Ῥωμαίους Ἀδελφοί, ἐλευθερωθέντες ἀπὸ τῆς

ἀμαρτίας. Τέλος Ἐν Χριστῷ Ἰησοῦ τῷ Κυρίῳ ἡμῶν. Εὐάγγ. κατὰ Ματθαῖον, κεφ. ξδ'. Τῷ καιρῷ ἐκείνῳ, εἰσελθόντι τῷ Ἰησοῦ εἰς Καπερναοῦμ. Τέλος Ἐν τῇ ὄρᾳ ἐκείνῃ. Итакъ далѣе. Конецъ на об. 242 л. такой: Κυριακῆ λ'. Ὁ Ἀπόστ. πρὸς Κολοσσαίαις: Ἀδελφοί, ἐνδύσασθε οὖν, ὡς ἐκλεκτοὶ τοῦ Θεοῦ. ἄγιοι. Τέλος Ἀδοντες ἐν τῇ καρδίᾳ ἡμῶν τῷ Κυρίῳ. Недостаетъ очевидно очень немногаго. Все это недописанное легко умѣстилось бы въ изданіи на трехъ-четырехъ страницахъ. Спрашивается, почему издатель опустил эти немногія послѣднія страницы рукописи? Определеннаго отвѣта онъ не даетъ на этотъ вопросъ. Очевидно онъ указателю евангельскихъ и апостольскихъ чтеній, положенному въ *основу* древнѣйшаго Константинопольскаго устава, не придалъ никакого важнаго значенія и на опущенные листы посмотрѣлъ, какъ на весьма нелюбопытные и ни къ чему непригодные — и совершенно несправедливо. Если бы система церковно-богослужебныхъ чтеній, практиковавшаяся въ Константинополѣ въ VIII—IX в., не имѣла никакихъ отличій отъ современной системы, и тогда они, эта система, весьма подробно констатируемая указателемъ устава Великой церкви, заслуживала бы опубликованія и серьезнаго изученія, какъ памятникъ глубокой древности, оправдывающій современную практику; но она не вполне тождественна съ современною системою: тѣмъ болѣе поводовъ къ ея изслѣдованію. Впрочемъ важность изученія системы церковныхъ чтеній (Perikopensystem), состоящей изъ болѣе или менѣе стройной комбинаціи чтеній послѣдовательныхъ (lectiones continuae) и чтеній принаровительныхъ (lectiones propariae), едва ли нужно доказывать; оно всегда занимало одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ въ литургикѣ и въ исторіи христіанскаго культа. Нынѣ этимъ изученіемъ охотно, съ усердіемъ и весьма не безплодно занимаются многіе западные ученые. Съ этою цѣлью они отыскиваютъ древніе лекціонаріи и указатели, старательно издають ихъ, комментируютъ, пишутъ цѣлыя книги ¹⁾. А мы?.. Попавшіе намъ въ руки весьма важные памятники этого рода бросаемъ, какъ ненужный хламъ...

Мы сказали, что изъ типика Великой церкви остались недописанными и неизданными всего четыре съ половиной листа или 9 страницъ. Копію съ этихъ страницъ мы имѣемъ у себя, и её можно бы напечатать даже здѣсь, въ рецензіи, если бы этимъ можно было поправить дѣло. Къ сожалѣнію, этимъ исправить дѣла уже нельзя. Отнесясь къ указателю чтеній съ недостаточною внимательностію, издатель и ту часть его, которую нельзя было опустить, какъ весьма тѣсно связанную съ литургическимъ содержаніемъ устава, сдѣлалъ какъ бы несуществующею. Онъ ее урѣзалъ и придалъ ей такой видъ, что научное пользованіе ею сдѣлалось весьма затруднительнымъ и даже иногда невозможнымъ. «Желая облегчить свой трудъ при списываніи» — говоритъ онъ въ предисловіи (стр. VII),

1) Укажемъ здѣсь на трудъ Ranke (Das Kirchl. Perikopensystem. Berlin. 1847), Alt (Das Kirchenjahr Berlin. 1860), Nebe (Die Evangelischen Perikopen. Wiesbaden. 1875).

«мы сокращали тексты св. писанія, хорошо извѣстные нынѣ и стоящіе въ рукописи въ качествѣ прокимновъ или аллилуарныхъ стиховъ, и не выписывали начальныхъ (= конечныхъ) словъ изъ апостольскихъ и евангельскихъ чтеній, а также стиховъ причастныхъ, если чтенія эти и причастны оказывались сходными съ нынѣ указанными въ дѣйствующемъ типиконѣ». Вслѣдствіе этого между текстомъ подлинника и текстомъ изданія образовались по мѣстамъ значительныя разности, напр.

Подлинникъ.

л. 215 об. Εὐαγγέλιον κατὰ Ματθαῖον κεφ. σοδ'. Εἶπεν Κύριος τοῖς ἐαυτοῦ μαθηταῖς· οἴδατε ὅτι μετὰ δύο ἡμέρας. Τέλος· Ποντίῳ Πιλάτῳ τῷ Ἡγεμόνι. Οἱ ψάλλται... κ. τ. λ.

Издание.

стр. 131. Εὐαγγέλιον κατὰ Ματθαῖον. οἴδατε ὅτι μετὰ δύο ἡμέρας. Οἱ ψάλλται κ. τ. λ.

Здѣсь допущенъ пропускъ даже въ началѣ чтенія, но это случай кажется единственный; въ другихъ же весьма многочисленныхъ случаяхъ, когда говорится о чтеніяхъ, опускается только конецъ (τέλος); то же и въ аллилуиныхъ и причастныхъ стихахъ. На послѣднихъ такія опущенія едва ли отразились вреднымъ образомъ, такъ какъ и въ подлинникѣ они написаны большею частію не сполна, но на евангельскихъ и апостольскихъ чтеніяхъ подобныя опущенія при томъ способѣ указанія чтеній, какой принятъ въ памятникѣ, не могли не отразиться самымъ нежелательнымъ образомъ: отнятіе концовъ у чтеній лишаетъ изслѣдователя возможности опредѣлить истинные размѣры ихъ. Дѣло въ томъ, что въ уставѣ Великой церкви указанія чтеній дѣлаются примѣнительно къ древнѣйшему, нынѣ извѣстному только по рѣдкимъ ученымъ изданіямъ, такъ называемому Аммоніе-Евсевіеву дѣленію священнаго писанія новаго завѣта на мелкія главы. Эти Аммоніе-Евсевіевы главы очень не велики: въ Евангеліи Матѳея ихъ считается 385 вмѣсто нынѣшнихъ 28, Марка — 236 вм. 16, Луки — 342 вм. 24 и Іоанна — 232 вм. 21. Вслѣдствіе этого церковныя чтенія состояли всегда изъ нѣсколькихъ такпхъ главъ. Но въ указателяхъ обыкновенно называлась только та глава, съ которой начиналось чтеніе; слѣдующія же, входящія въ составъ чтенія, главы не обозначались, а конецъ чтенія опредѣлялся послѣдними его словами. Словомъ, при указанномъ способѣ обозначенія чтеній по одному ихъ началу нельзя опредѣлить ихъ размѣры, подобно тому какъ это возможно при способѣ обозначенія посредствомъ титлѣ или зачалѣ. Каждое зачалѣ имѣетъ опредѣленные размѣры и опредѣленный конецъ; зная начальныя слова его, можно знать и послѣднія. Въ данномъ же случаѣ это невозможно, ибо за обозначенною въ указателѣ главою обыкновенно слѣдуютъ нѣсколько необозначенныхъ. Вслѣдствіе этого неопытный изслѣдователь, не имѣя указанія конца чтенія и принимая во вниманіе древность памятника, а слѣдовательно и возможность

существованія въ немъ большихъ отличій отъ современной практики, можетъ легко впасть въ заблужденіе, особенно если въ изданіи не найдеть указанія на пропускъ; а такихъ указаній здѣсь и дѣйствительно въ большинствѣ случаевъ не имѣется; издатель только въ началѣ иногда обозначалъ пропуски точками, но затѣмъ вскорѣ совсѣмъ оставилъ этотъ обычай.

Кромѣ сокращеній текста, издатель «для облегченія себѣ труда при списываніи» позволялъ себѣ еще прибѣгать къ перифразамъ на русскомъ языкѣ, вслѣдствіе чего у него вмѣсто греческаго текста появились такія мѣста (стр. 42): *Προκείμενον*, апостолъ, аллилуарій, евангеліе и причастенъ, что нынѣ. Вечеромъ (*εις τὸ λυχνικόν*) прокимень большой: «Богъ нашъ на небеси съ стихами, что нынѣ», или (стр. 44): «прокимень, апостолъ, евангеліе и причастенъ преподобному», «тропарь, евангеліе и апостолъ святителямъ, что выше» и т. д. Мы насчитали до 25 такихъ мѣстъ. Въ смыслѣ опредѣленности обозначенія чтеній, это, пожалуй, лучше, чѣмъ опущеніе концовъ, но мы не понимаемъ, какое облегченіе могъ доставить себѣ авторъ, перифразируя по-русски эти мѣста. Чтобы написать то, что онъ написалъ по-русски, нужно было ему навести справки и сдѣлать тщательное сличеніе, а это дѣло кропотливое и требующее времени болѣе, чѣмъ сколько нужно для написанія нѣсколькихъ греческихъ строкъ. Не лучше ли было ограничиться простымъ копированіемъ? Греческій текстъ лучше бы удовлетворилъ читателя и избавилъ бы его отъ тяжелаго психическаго состоянія нѣкоторой неувѣренности, состоянія, которое неволью возникаетъ, когда имѣешь дѣло не съ подлинникомъ, а съ переводомъ или перифразомъ. Къ счастью для людей недовѣрчивыхъ мы имѣли случай сличить изданіе въ нужныхъ намъ мѣстахъ съ подлинникомъ¹⁾ и можемъ удостовѣрять, что указанные перифразы отвѣчаютъ дѣйствительности. Въ доказательство мы могли бы возстановить подлинный греческій текстъ вездѣ, гдѣ онъ замѣненъ русскимъ, но ограничимся только двумя мѣстами, гдѣ это болѣе необходимо въ виду неясности перифраза. На стр. 33 читаемъ: «*Σαββάτω πρὸ τοῦ Χριστοῦ γεννήσεως*, что нынѣ». Что такое это: «что нынѣ»? Въ подлинникѣ читаемъ: «*Σαββάτω πρὸ τοῦ Χριστοῦ γεννήσεως ὁ Ἀπόστολος πρὸς Γαλάτας, κεφ. ριθ'. Ἀδελφοί, προειδοῦσα ἡ γραφή. τέλος ζήσεται ἐν αὐτοῖς. Εὐαγγ. κατὰ Λουκᾶν, κεφ. ρξζ'. Εἶπεν ὁ Κύριος τὴν παραβολὴν ταύτην ὁμοιωθῆ ἡ βασιλεία τῶν οὐρανῶν ὡς κηρ σινάπεως. τέλος ἐν τῇ βασιλείᾳ τοῦ Θεοῦ*». На стр. 37 читаемъ: «Случай, если

1) Подъ подлинникомъ мы разумѣемъ здѣсь точную и полную копию, сдѣланную митрополитомъ Амфилохіемъ Пилусійскимъ для бібліотеки Аѳонскаго Пантелеимоновскаго монастыря по особому заказу изъ страницы въ страницу, изъ буквы въ букву, съ сохраненіемъ всѣхъ ореографическихъ особенностей и безъ всякихъ пропусковъ. Копію эту мы видѣли минувшимъ лѣтомъ, живя на Аѳонѣ. Судя по этой копіи чтеніе нашего издателя вполнѣ безукоризненно. Мы можемъ указать только на два на или три случая сомнительныхъ, напримѣръ, стр. 2: *καὶ μετὰ ἑτερον στίχων* — въ ркп. *ἑτερον ἕνα στίχων*, стр. 145, 5 стр. снизу: *Ἀνάγνωσμα μ'*, въ ркп. *ἀνάγνωσ. μ;* лучше читать просто: *ἀνάγνωσμα*; цифра здѣсь не имѣетъ смысла.

будутъ два воскресенья между праздникомъ (Рождества Христова) и отданіемъ, положенъ согласно съ нынѣшнимъ типикомъ». Какой случай? Въ подлинникѣ читаемъ: Δει εἶδεναι, ὅτι γίνονται β' Κυριακαὶ ἀναμείσον τῶν φώτων καὶ τοῦ Χριστοῦ γέννων, ἐν μὲν τῇ α' Κυριακῇ ἀναγινώσεται Ἀναχωρησάντων τῶν μάγων, ἐν δὲ τῇ β' Κυριακῇ κατὰ Μάρκον κεφ. α' Ἀρχὴ τοῦ Εὐαγγελίου. τέλος ἐν πνεύματι ἀγίῳ. Ἐν δὲ καὶ τῇ μιᾷ μόνῃ Κυριακῇ τὸ κατὰ Μάρκον ἀναγινώσεται.

Нерасположеніе издателя къ указателямъ церковныхъ чтеній отразилось, хотя и въ меньшей мѣрѣ, и на другомъ весьма важномъ памятникѣ, имъ напечатанномъ, на Синайскомъ канонарѣ. Способъ обозначенія чтеній въ этомъ памятникѣ принять тотъ же самый, какъ и въ типикѣ Великой церкви. Издатель сохранилъ здѣсь указанія чтеній неприкосновенными въ томъ видѣ, какъ они имѣются въ рукописи, безъ опущенія концевъ. Но онъ не потрудился свѣрить и согласовать указанія канонаря съ указаніями типика; вслѣдствіе этого въ канонарѣ мы встрѣчаемъ: κεφ. α' в. 4α' (с. 188), κεφ. α' в. κκ' (187), κεφ. β' в. ρβ' (179), κεφ. σζα' в. σιγ' (177) и т. п. Встрѣчаются впрочемъ и опущенія. Такъ, на стр. 184 послѣ изложенія службы на первое воскресенье по Пятидесятницѣ мы читаемъ: «Далѣе слѣдуетъ указатель апостольскихъ и евангельскихъ чтеній на цѣлый годъ до великаго поста. Евангеліе отъ Маттея читается до 16 недѣли, а Евангеліе отъ Луки начинается отъ Κυριακῇ α'. ἀπὸ τὸ νέον ἔτος, и продолжается до предуготовительныхъ недѣль великаго поста». Отсюда слѣдуетъ, что указатель чтеній опущенъ издателемъ, какъ это сдѣлано и Антониномъ. На стр. 206 въ примѣчаніи первомъ: «въ ркп. IX—X в. указаны и самыя пареміи», стр. 209 примѣчаніе: «указываются и самыя пареміи», на л. 213, примѣч. 7, «указаны самыя пареміи» — указатели слѣдовательно и здѣсь опущены.

Мы не отрицаемъ совершенно возможности и даже надобности сокращеній при изданіи нѣкоторыхъ памятниковъ, но не всякихъ. По отношенію къ типуку Великой церкви и Синайскимъ канонарямъ мы рѣшительно протестуемъ противъ такого способа ихъ изданія. Пусть однако не думаетъ издатель, что, заявляя свой протестъ, мы его направляемъ къ нему лично и дѣлаемъ это ради порицанія его трудовъ. Мы очень хорошо знаемъ, что издатель и самъ сожалѣетъ объ этихъ сокращеніяхъ и хорошо понимаетъ, что лучше бы было, если бы ихъ не было. Если же онъ, несмотря на то, сдѣлалъ эти сокращенія, то конечно единственно потому, что былъ вынужденъ къ тому непреодолимыми обстоятельствами, сопровождавшими его работу. Въ самомъ дѣлѣ, онъ путешествовалъ съ самыми скудными средствами, побуждавшими его беречь время и недозволявшими имѣть помощниковъ; часто нужно было выбирать одно изъ двухъ: или оставить памятникъ не списаннымъ и не извѣстнымъ для науки, или списать его съ нѣкоторыми сокращеніями, предоставляя дѣлать дополненія другимъ болѣе солидно обставленнымъ изслѣдователямъ. Онъ предпочиталъ послѣднее, и мы обязаны ему за то великой

благодарностию, тѣмъ болѣе, что то, что имъ сдѣлано, сдѣлано съ безукоризненною старательностию. Заявляя свой протестъ, мы имѣемъ въ виду только указать людямъ, интересующимся литургическими изслѣдованіями, на необходимость недоконченное исправить, словомъ, имѣемъ въ виду интересы и успѣхъ научнаго изслѣдованія.

Второе наше замѣчаніе касается пониманія слова: Ἀγιοπολίτης, высказаннаго А. А. Дмитриевскимъ въ статьѣ о Пантократорскомъ типиконѣ на стр. LXV его предисловія. Приведши выдержку изъ Пантократорскаго устава (стр. 678): «Οφείλει ψάλλεσθαι ἡ ἀκολουθία τοῦ Ἀγιοπολίτου, κατὰ τὸν τύπον τοῦ ἐν τῷ Παλατίῳ μεγάλου ναοῦ», онъ затѣмъ объясняетъ: «откуда мы получаемъ ясное и отчетливое понятіе о томъ, что такое «Ἀκολουθία τοῦ Ἀγιοπολίτου», или «Ἀκολουθία κατὰ τὴν παράδοσιν (это перифразъ автора) τοῦ Ἀγιοπολίτου, или, наконецъ, просто «Ἀγιοπολίτης», выдержки изъ котораго мы часто встрѣчаемъ въ различныхъ богослужбныхъ книгахъ древней Византіи»... «Теперь *не подлежитъ сомнѣнію, что этимъ именемъ назывался придворный церковный уставъ*, практиковавшійся и въ нѣкоторыхъ императорскихъ монастыряхъ». Съ таковымъ мнѣніемъ мы никакъ не можемъ согласиться: оно произошло тоже отъ «недописанія» или, лучше, отъ «недослѣдованія», т. е. отъ того, что авторъ не потрудился навести надлежащія справки. Мы положительно не понимаемъ, какимъ образомъ изъ выше приведенной греческой фразы можно вывести то заключеніе, которое столь торжественнымъ тономъ заявляетъ А. А. Дмитриевскій, т. е., что «теперь *не подлежитъ сомнѣнію, что именемъ: Ἀγιοπολίτης назывался придворный церковный уставъ*». Намъ кажется, что упомянутая фраза можетъ означать только, что «слѣдуетъ *нѣтъ* послѣдованіе Агіополита, какъ принято (по образцу) въ Великомъ храмѣ; находящемся во дворцѣ». Послѣдованіе Агіополита должно такимъ образомъ остаться ничѣмъ инымъ, какъ только послѣдованіемъ *Агіополита*. Если же подъ «послѣдованіемъ» разумѣть «уставъ», и тогда у насъ останется только уставъ *Агіополита*, а не придворный уставъ, составленный специально для дворца. Но возможно ли подъ «послѣдованіемъ» Агіополита разумѣть «уставъ»? Въ примѣчаніи къ своему положенію на той же страницѣ авторъ косвенно выражаетъ мысль, что иное пониманіе термина: ἀκολουθία Ἀγιοπολίτου не возможно. Онъ говоритъ, что Квиринъ-Венетъ и проф. Мансветовъ «знаютъ о послѣдованіи Агіополита, но истиннаго смысла и значенія этого послѣдованія въ богослуженіи византійской церкви не выясняютъ». Квирина-Венета мы не имѣемъ подъ руками, но мнѣніе Мансветова знаемъ. Въ своемъ сочиненіи: «Церковный уставъ», стр. 130, онъ, ссылаясь на свидѣтельство Вальсамона (Περὶ τῆς διὰ τῶν τριῶν σημειωτικῶν μετακλήσεως. Rhally. IV, с. 521. Migne, t. 138, с. 1074—75), говоритъ, что названіе ἀκολουθία τοῦ Ἀγιοπολίτου, благодаря связи Константинополя съ Іерусалимомъ, утвердилось въ XII в. за послѣднею частію утрени, за тою частію, которая начинается канономъ». Вальсамонъ своимъ свидѣтельствомъ даетъ

достаточный поводъ къ такому утверждению, и Мансветовъ—ученый, въ высшей степени осторожный и проницательный—въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, гораздо ближе къ истинѣ, чѣмъ А. А. Дмитриевскій. Вальсамонъ ясно различаетъ уставы: Студійскій и Иерусалимскій (τὸ Ἱεροσολυμιτικὸν καὶ Στουδιτικὸν τυπικὸν. Migne, *ibid.* с. 1340) и послѣдованіе (ἀκολουθία) Агіополита, которое у него всегда *поется* и есть не что иное, какъ «ψαλτωδήματα Ἀγιοπολιτικά» (*ibid.* 1075). Во всѣхъ другихъ свидѣтельствахъ, упоминающихъ объ Агіополитѣ, неизмѣнно упоминается и о пѣніи. Можно ли игнорировать это обстоятельство? Въ томъ мѣстѣ Пантократорскаго типика, которое приводятъ А. А. Дмитриевскій, говорится: ὀφείλει ψάλλεσθαι ἡ ἀκολουθία Ἀγιοπολίτου; въ другихъ мѣстахъ—то же самое: εἰς δὲ τὸν ἀγιοπολίτην ψάλλονται τὰ στιχῆρά (стр. 58, примѣч.), ὁ ἀγιοπολίτης ψάλλεται τὰ στιχῆρά τοῦ Εὐαγγελισμοῦ (стр. 59, примѣч.). Другія извѣстныя намъ свидѣтельства указываютъ на то же самое, т. е. на тѣсную связь Агіополита съ пѣніемъ. Такъ въ Евхологіонѣ Гоара, въ изложеніи литургіи Преждеосвященныхъ Даровъ, указывается вариантъ по Барбериновскому списку: καὶ ψάλλτης τὸ στιχῆρον τὸ ἀγιοπολιτικὸν καὶ μετὰ τοῦ αὐτοῦ ἤχου Δόξα κ. τ. λ. (Goar. *Eucholog.* Paris. 1647, р. 202). Въ описаніи рукописей Иерусалимской бібліотеки Пападопуло-Керамевса (t. II, р. 277) мы находимъ: ψαλτήριον σὺν θεῷ κατὰ τὸν Ἀγιοπολίτην. Пападопуло-Керамевсъ не даетъ намъ подробнаго описанія, но псалтирь несомнѣнно относится къ пѣвческой сторонѣ богослуженія. Что же означаютъ всѣ эти приведенныя нами свидѣтельства, указывающія на *пѣніе*, какъ на что то неизмѣнно связанное съ Агіополитомъ? Очевидно «Агіополитъ» не есть уставъ, а пѣвческое изложеніе церковныхъ службъ, или система церковнаго пѣнія ¹⁾, изобрѣтенная и употреблявшаяся въ святомъ градѣ или Иерусалимѣ. Система эта была, очевидно, сравнительно съ обычною очень красива, вслѣдствіе чего была усвоена придворнымъ храмомъ въ Константинополѣ. Есть возможность близко ознакомиться съ этою системою даже и въ настоящее время, такъ какъ книга: «Ἀγιοπολίτης» и доселѣ, повидимому, сохранилась въ рукописяхъ. О ней упоминалъ еще Фабрицій (Fabr.-Harl. Bibliotheca graeca, t. III, р. 654) въ такихъ выраженіяхъ: *Nagiopolites sive liber manuscr. de musica recentium graecorum, quem citat Cangius in glossario graeco in ἤχος, φωνή et caet.* Позднѣе А. Vincent въ изданіи: *Notices et extraits des manuscrits de la bibliothèque du Roi*, t. XVI, 2, Paris. 1847, р. 259—281 даетъ подробное ея описаніе и выдержки изъ нея съ французскимъ переводомъ и примѣчаніями. Рукопись эта Парижской королевской бібліотеки XII—XIII в. № 360 начинается такъ: Βιβλίον Ἀγιοπολίτης συγχροτημένον ἐκ τινῶν μουσικῶν μεθόδων.—Ἀγιοπολίτης λέγεται τὸ βιβλίον, ἐπειδὴ περιέχει ἀγίων τινῶν καὶ ἀσκητῶν βίβ διαλαμψάντων (πατέρων ἐν) τῇ ἀγία πόλει τῶν Ἱεροσολύμων συγγράμ-

1) См. Krumbacher, *Geschichte d. Byzant. Litteratur*. Zweite Aufl. 1897. S. 599.

ματα).—Παρά τε (τοῦ ὁσίου Κοσμά) καὶ τοῦ Κυροῦ Ἰωάννου τοῦ Δαμασκηνοῦ τῶν ποιητῶν, ἤχους δὲ (δεδίχται μόνους) ὁκτὼ ψάλλεσθαι· ἔστι δὲ τοῦτο ὑπ- (ὀβλητον καὶ) ψευδές. Итакъ, это что-то въ родѣ пѣвческаго октоиха, составленнаго Дамаскинымъ. Экстракты, сдѣланные Винцентомъ, не даютъ полнаго понятія; но вѣроятно сохранились еще другіе экземпляры этой книги среди многочисленныхъ музыкальныхъ рукописей восточныхъ монастырей.

Въ заключеніе нашего разбора книги А. А. Дмитриевскаго мы не можемъ не высказать сожалѣнія, что издателю приходится, повидимому, бороться или со скудостію средствъ, или съ суровою экономіею. Кажется, что вѣрнѣе послѣднее. Книга издается на средства Святѣйшаго Синода или находящагося при немъ духовно-учебнаго комитета, и мы не думаемъ, чтобы Св. Синодъ сталъ скупиться для такого очевидно полезнѣйшаго дѣла. Очевидно, суровую экономію соблюдаютъ ближайшіе распорядители средствами, ассигнованными Св. Синодомъ. Экономія хорошее дѣло, но въ мѣру; здѣсь же она, по нашему мнѣнію, превышаетъ мѣру. Къ чему, напримѣръ, такая экономія съ бумагой и шрифтами. Обыкновенно принято всякій новый памятникъ начинать съ новой страницы; здѣсь же боятся оставить незаполненной хотя бы треть страницы, и всегда за однимъ непосредственно помѣщается другой памятникъ, даже не отступя. Обыкновенно принято,—и недаромъ,—цифры, обозначающія дни мѣсяца печатать жирнымъ шрифтомъ; здѣсь это сочтено излишнимъ. Все это портитъ изданіе, хотя и не существенно, но все-таки портитъ, равно какъ и отсутствіе ремарокъ на верху страницъ, что совершенно необходимо въ книгахъ, имѣющихъ характеръ Сборника. Но особенный и весьма существенный вредъ по отношенію къ изданной книгѣ принесла экономія тѣмъ, что не дозволила составить указателей. Отсутствіе указателей и подробнаго аналитическаго оглавленія до послѣдней степени затрудняетъ пользованіе книгой, и она въ настоящемъ своемъ видѣ не можетъ приносить наукѣ и половины той пользы, какую могла бы и должна бы принести, ибо при затруднительности пользования даже отъ внимательныхъ изслѣдователей могутъ ускользать многія матеріи, интересныя и требующія изслѣдованія. Издатель и самъ хорошо сознаетъ настоятельную потребность въ указателѣ, но отсутствіе его оправдываетъ *экономическими соображеніями*. Онъ обѣщаетъ, впрочемъ, дать указатель при второй части сразу для двухъ частей, но когда то это будетъ и притомъ навѣрное ли? Издатель говоритъ, что онъ дастъ этотъ указатель въ томъ только случаѣ, *„если позволятъ матеріальная средства“*. Онѣ непремѣнно должны это позволить и это конечно послужитъ къ громадному улучшенію изданія. Но все-таки лучше, если бы былъ особый указатель у первой части: книга достаточно велика, чтобы имѣть свой особый указатель; общимъ указателемъ, составленнымъ для двухъ или нѣсколькихъ книгъ, не такъ удобно пользоваться, какъ частнымъ. Но въ настоящее время нѣтъ никакого; приходится мириться съ

неудобствомъ и ждать. Будемъ надѣяться, что уважаемый ученый поторопится изданіемъ второй части и слѣдующихъ, а духовное начальство поддержитъ его и матеріально и нравственно и дастъ ему возможность довести свой *монументальный* трудъ до конца.

Профессоръ Н. Красносельцевъ.

Одесса.

7 марта 1897 г.

Θεοδωρίτου, ἐπισκόπου Κιρρσίου, *Ὁτῶντι на вопросы, обращенные къ нему нѣкоторыми (sic!) египетскими епископами. По рукописи десятаго столѣтія издалъ А. Пападопуло-Керамевсъ. С.-Петербургъ, 1895. XIII + 172 стр. 8°.*

Θεοδωρήτου, ἐπισκόπου πόλεως Κύρρου, πρὸς τὰς ἐπενευθεΐσας αὐτῷ ἐπερωτήσεις παρὰ τινος τῶν ἐξ Αἰγύπτου ἐπισκόπων ἀποκρίσεις ἐκδ. ὑπὸ Ἀ. Παπαδοπούλου-Κεραμείως.

[Записки историко-филологическаго факультета Императорскаго С.-Петербургскаго университета. Часть 36].

Греческій текстъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, не принадлежитъ къ такъ-называемымъ *anecdota*. Онъ издавна извѣстенъ и не разъ изданъ въ числѣ твореній св. философа и мученика Іустина, которому приписываютъ это сочиненіе извѣстные прежнимъ издателямъ списки, *codex Regius* (C) 1363 г. и *codex Claromontanus* 1541 г., изъ коихъ послѣдній непосредственно списанъ съ перваго. Въ этихъ спискахъ упомянутая статья помѣщена подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Отвѣты святаго Іустина православнымъ на нѣкоторые необходимые вопросы». Не могло, однако, скрыться отъ вниманія специалистовъ, что въ этомъ сочиненіи, приписываемомъ Іустину, писателю второго вѣка († 166), излагаются догматическіе вопросы, возбужденные лишь въ болѣе позднее время, и упоминаются факты и лица, о которыхъ знаменитый апологетъ ничего не могъ знать; такъ, напр., на стран. 88, 8 и 91, 10 говорится объ Оригенѣ, жившемъ въ третьемъ столѣтіи (185—254). Итакъ, по общепринятому мнѣнію, богословы рѣшили въключить это сочиненіе въ разрядъ псевдо-іустиновыхъ и считали его авторомъ неизвѣстнаго писателя пятаго столѣтія; а нѣкоторые прямо указывали на Киррскаго епископа Θεοδωρίτου († ок. 457).

Теперь г. Пападопуло-Керамевсу удалось окончательно рѣшить этотъ вопросъ; въ библиотекѣ святогробцевъ, находящейся въ Константинополѣ въ подворьѣ св. Гроба, посчастливилось ему найти древнюю рукопись (X-го вѣка), въ которой авторомъ нашихъ «Отвѣтовъ» названъ епископъ Θεοδωρίτης. Какимъ образомъ и когда исчезло знаніе о дѣйствительномъ авторѣ, и почему въ болѣе позднихъ спискахъ именно Іустинъ заступалъ его мѣсто, опредѣлить достоверно нельзя, чтó, впрочемъ, имѣетъ и маловажное значеніе, въ виду того, что сомнѣваться въ указаніи іерусалимскаго списка нѣтъ никакой причины.

Но этимъ не ограничивается достоинство новонайденной рукописи. Она, кромѣ того, даетъ намъ сочиненіе Теодорита еще и въ болѣе полномъ видѣ и въ болѣе подлинномъ порядкѣ. Сверхъ 146 главъ, извѣстныхъ изъ прежнихъ изданій, въ древнѣйшей рукописи встрѣчаются еще пятнадцать новыхъ, такъ что теперь число всѣхъ — 161, причемъ разбросанныя въ позднихъ, неполныхъ спискахъ главы въ іерусалимской рукописи представляются въ отчасти новомъ и очевидно первоначальномъ порядкѣ. При такихъ условіяхъ, слѣдуетъ ожидать, что іерусалимскій списокъ представитъ и текстъ болѣе исправный, чѣмъ тѣ списки, которыми пользовались прежніе издатели. Это ожиданіе оправдывается вполне. Во многихъ мѣстахъ новый списокъ дополняетъ болѣе или менѣе значительныя пробѣлы прежняго текста и, вмѣстѣ съ тѣмъ, даетъ и разночтенія, помощью которыхъ доставляется возможность или возстановить искаженныя переписчиками слова автора или удалить вкравшіяся кое-гдѣ въ теченіе времени интерполяціи. При этомъ, чтеніями древнѣйшей рукописи часто подтверждается то, о чемъ ученые издатели уже прежде догадывались, а чаще того — то или другое затрудненіе, не поддававшееся остроумію издателей, устранивается теперь простѣйшимъ образомъ. Поэтому, г. П.-Керамевъ, обнаруживавъ свою находку, оказалъ наукѣ немалую услугу.

Мы не беремся судить о цѣнности и правильности Теодоритовыхъ отвѣтовъ, относящихся къ разнымъ догматическимъ и экзегетическимъ вопросамъ, нерѣдко довольно затѣйливаго характера, и предоставляемъ рѣшеніе объ этой сторонѣ разбираемаго текста болѣе компетентнымъ специалистамъ-богословамъ, тѣмъ болѣе, что эти отвѣты, большею частью, по содержанию, не представляютъ собою новаго вклада въ науку. Наша задача — остановиться, такъ сказать, на одной лишь внѣшней формѣ новаго изданія и рассмотреть критическую разработку, предпринятую издателемъ на основаніи открытаго имъ новаго рукописнаго матеріала.

При подробномъ рассмотрѣніи іерусалимской рукописи оказывается, что, несмотря на нѣкоторые испорченныя мѣста и даже пропуски, текстъ въ ней вообще болѣе подлинный и первоначальный, чѣмъ въ другихъ спискахъ. Особенно важно то обстоятельство, что она не подверглась интерполяціи, посредствомъ которой въ рукописи С какой-то довольно ученый корректоръ, устранивъ искусными измѣненіями или прибавленіями разныя ошибки и недосмотры прежнихъ писцовъ, далъ словамъ обманчивый видъ исправности. Для осторожнаго критика вытекаетъ изъ этого необходимость строго держаться преданія этой древнѣйшей рукописи и отказываться отъ нея чтеній лишь въ томъ случаѣ, если послѣднія никакъ не согласуются съ правилами грамматики или съ послѣдовательностью мыслей.

Относительно этого обязательнаго принципа здоровой критики новый издатель нерѣдко погрѣшалъ, какъ доказываютъ это слѣдующіе примѣры: На стр. 18, 27 слѣдуетъ читать по іерусалимскому списку: τὸ τῆς

αὐτῆς εἶναι οὐσίας ἀμφοτέρω... οὐκ ἀφαιρεῖται τοῦ ἐξ ἀμφοτέρων συγχεμένου τὸ σύνθετον, т. е. «То обстоятельство, что два предмета одного и того же существа, не мѣшаетъ называть вещь, состоящую изъ обоихъ, сложною». Напрасно издатель пренебрегъ обычную конструкцію (ἀφαιροῦμαι τινος τι = отнимаю у кого что), дающею совсѣмъ удовлетворительный смыслъ. Чтеніе прежнихъ изданій, принятое и г. П.-Керамевсомъ (вмѣсто τὸ—τῷ), не заслуживаетъ вниманія. — На стр. 27, 17 читается въ новомъ изданіи: εἰ ὁ προλεχθεὶς νόμος πρὸ τῶν χρόνων τοῦ Δαυὶδ τοῖς Ἰσραηλίταις ἐντέταλται, πῶς ὁ εὐαγγελιστὴς Ματθαῖος... ἐμνημόνευσεν κтл. Но древнѣйшая рукопись даетъ ἐντέταλτο, и найти въ этой формѣ, отвергнутой г. П.-Керамевсомъ, недостатокъ въ грамматическомъ отношеніи — не по силамъ и самому рьяному аттикисту. — На стр. 28, 14 значится по іерусалимскому списку: τὸ γὰρ ἐκ τῆς γυναικὸς τινος χωρὶς πορνείας τιχτόμενον υἱὸς ἐστὶν ἐξ ἀνάγκης τοῦ ἀνδρὸς τῆς γυναικὸς, т. е. «Дитя, рожденное не прелюбодѣйствовавшею женою кого нибудь, непременно сынъ мужа этой женщины». Издатель ошибся въ оцѣнкѣ разночтеній, принявъ изъ позднихъ списковъ интерполированный вариантъ: υἱὸς... τοῦ ἀνδρὸς καὶ τῆς γυναικὸς. — На стр. 43,7 говорится о томъ, почему Богъ, создатель всего міра, Аполлонію, извѣстному языческому чудотворцу въ I-мъ в. по Р. Хр. не мѣшалъ вліять посредствомъ талисмановъ на животныхъ и стихіи: εἴπερ ὁ θεὸς ὡς ἀγαθῷ τῷ γινομένῳ ἠδόμενος ἐκείνῳ (scil. Ἀπολλωνίῳ) συνήρρησε, διὰ τί μὴ διὰ προφητῶν ἢ δι' ἀποστόλων τὰ τοιαῦτα γεγένηται; εἰ δὲ μὴ ἠρέσκετο ὡς φαῦλον, τίνος ἔνεκεν τὸ φαῦλον... οὐκ ἐκώλυσεν; здѣсь все въ порядкѣ и нѣтъ никакой нужды въ корректурѣ издателя, который измѣнилъ ἀγαθῷ τῷ въ ἀγαπητῷ, несмотря на то, что чтеніе древнѣйшаго кодекса поддерживается и соотвѣтственными словами слѣдующаго предложенія (ὡς φαῦλον) и смысломъ («Если Богъ, радуясь совершившемуся чуду какъ дѣлу доброду, помогалъ Аполлонію, почему и т. д»). — На стр. 44,6 напечатано: ἐπαδεύθη Μωϋσῆς ἐν πάσῃ σοφίᾳ Αἰγυπτίων. Хотя въ этомъ предложеніи, взятомъ изъ Дѣяній Апостоловъ (7,22), и текстъ Новаго Завѣта и іерусалимскій списокъ Отвѣтовъ не даютъ предлога ἐν, новѣйшій издатель все-таки не рѣшился выкинуть эту 'совсѣмъ лишнюю прибавку. — На стр. 44,10 читается: τῶν γὰρ Αἰγυπτίων τότε ἡ σοφία τὰ τῆς πλάνης ὑπῆρχε <διδάσκουσα> διδάγματα. Слово διδάσκουσα попадаетъ лишь въ позднихъ спискахъ, а смыслъ предложенія и безъ него вполне ясенъ. «Мудрость египтянъ тогда состояла въ ученіяхъ (языческаго) заблужденія». Поэтому не было никакой причины принять эту интерполяцію (какъ сдѣлано новѣйшимъ издателемъ) въ ущербъ подлинности текста, представляемой и здѣсь іерусалимскимъ спискомъ. — На стр. 46,7 читается въ древнѣйшей рукописи: καὶ τὰ τοιαῦτα πολλὰ εὐρίσκειται ἐν τῇ θεῖᾳ γραφῇ. Мы не знаемъ, въ чемъ собственно можно упрекнуть выраженіе τὰ τοιαῦτα (см. 96,23 τίς οὖν ἡ τῶν τοιούτων ῥημάτων διάνοια;), и почему новѣйшій издатель пренебрегъ имъ и придержался чтенія прежнихъ изданій: τοιαῦτα (безъ члена). — На стр. 48,18 напеча-

тано: οὐ γὰρ οὕτως ἦσαν ἀνόητοι οἱ τὴν ὁροφὴν ἀποστεγούοντες, ὥστε μὴ βοᾶν τοῖς ἐν τῷ οἴκῳ ὑποχωρεῖν, ἵνα μὴ πλήσσωνται. Но въ іерусалимской рукописи читается βοᾶν τοὺς ἐν τῷ οἴκῳ ὑποχωρεῖν и не было основанія измѣнить лучшему списку. Всякій знаетъ, что при глаголахъ παραγγέλλειν, λέγειν, βοᾶν, означающихъ «приказывать», ставится также асс. с. inf. (см. Krüger, Griech. Sprachlehre § 55,3, 13: εἰρηκα ἐγὼ πάντας πείθεσθαι σοι. — Κύρος παρήγγειλεν ἐκ τῆς τάξεως μηδένα κινεῖσθαι и т. д.). Къ этимъ глаголамъ относится также ἐπιτρέπω, и не чему удивляться, что Θεодоритъ при немъ поставилъ то dat. с. inf. (63,20 и 93,24), то асс. с. inf. (53,5 и 120,5). Удивительно то, что новѣйшій издатель въ одномъ изъ послѣднихъ случаевъ (53,5) счелъ нужнымъ возстановить dat. с. inf., между тѣмъ какъ въ другомъ (120,5) асс. с. inf. казался ему конструкціею безупречною. — На стр. 57,18 спрашивается, почему, хотя Христосъ обѣщаль привлечь къ себѣ *всѣхъ*, все-таки не всѣ вѣроваши въ него. Въ отвѣтѣ говорится: ἀπὸ τοῦ οἰκίου τέλους πᾶς λόγος κρίνεται: τέλος δὲ τοῦ πάντας ἔλκει πρὸς ἑαυτόν, ὅταν καταργήσῃ πᾶσαν ἀρχὴν κτλ. (I. Кор. 15,24), т. е. «О всякомъ словѣ должно судить по собственному его предѣлу; предѣлъ же обѣщанія привлечь къ себѣ *всѣхъ* (наступить тогда), когда Христосъ упразднитъ всякое начальство и всякую власть». Напрасно чтеніе іерусалимскаго списка τοῦ... ἔλκει отвергнуто издателемъ, принявшимъ непонятный вариантъ τὸ... ἔλκειν. — На стр. 58,1 издатель подозреваетъ довольно значительное искаженіе текста, но неизмѣненное чтеніе древнѣйшей рукописи представляетъ вполне ясный, безукоризненный смыслъ. Для большей наглядности, сопоставимъ оба текста, такъ-что правый столбецъ содержитъ преданіе іерусалимскаго списка, лѣвый — текстъ, поправленный издателемъ помощью разныхъ неудачныхъ измѣненій и прибавокъ:

ἀδύνατον <τὸν δαίμονα> τοῖς δαιμονίῳσι ποιῆσαι τῇ ἀπουσίᾳ ἅπερ <ποιεῖ> τῇ παρουσίᾳ· οὐ γὰρ μόνον ἐνεργοῦσιν <οἱ δαίμονες>, ἀλλὰ καὶ παρουσίᾳ.	ἀδύνατον τοῖς δαίμοσι ποιῆσαι τῇ ἀπουσίᾳ ἅπερ τῇ παρουσίᾳ· οὐ γὰρ βουλήσει μόνον ἐνεργοῦσιν, ἀλλὰ καὶ παρουσίᾳ.
---	---

Смыслъ сказаннаго авторомъ — слѣдующій: «Демонамъ невозможно дѣлать неприсутствуя то, что они дѣлаютъ присутствуя, потому что одна воля ихъ недостаточна для дѣйствія, а приходится имъ и присутствовать». — На стр. 66,9 говорится о волшебницѣ, у которой Саулъ освѣдомлялся, и о вызванномъ ею Самуилѣ (I. Reg. 28, 12—19): ἡ δὲ ἀλήθεια τῶν ῥημάτων γέγονεν ἐκ τοῦ θεοῦ τοῦ δωκότος τῷ δαίμονι, ἐν σχήματι τοῦ Σαμουὴλ ὀφθέντι τῇ ἐγγαστριμύθῳ, τοῦ μέλλοντος τὴν δῆλωσιν, т. е. «Правда словъ, высказанныхъ въ этомъ случаѣ, произошла отъ Бога, дозволившаго откровеніе будущаго тому демону, который представился волшебницѣ въ видѣ Самуила». Издатель опять-таки принялъ въ свой текстъ интерполированное чтеніе менѣе надежныхъ рукописей: ὀφθῆναι τῇ ἐγγαστριμύθῳ καὶ δεῖξαι τοῦ μέλλοντος τὴν δῆλωσιν. — На стр. 67,9 спрашивается

египетскимъ епископомъ, почему Моисей для благословенія, которымъ передъ смертью благословилъ израильтянъ (Deuter. 32, 1—42), употребилъ форму пѣсни: *διὰ τί μετ' ὀδῆς αὐτὰ ἔλεγε, χαύνωσιν μᾶλλον ἢ περ ὀφθαλμῶν εἰδότην τῶν ἁμαρτῶν τοῖς ἀνθρώποις ἐνεργάζεσθαι*; это значитъ: «Почему Моисей сказалъ эти слова въ видѣ пѣсни, хотя пѣсни возбуждаютъ обыкновенно въ людяхъ извѣженность, вмѣсто того, чтобы принести имъ пользу». Объ извѣстномъ значеніи глагола *οἶδε* (= *solet*) см. 74,12; 122,13 и 144,10. Издатель же придумалъ *εἰδότης* (вм. *εἰδότην*), корректуру намъ непонятную. — На стр. 80,2 собеседникъ Θεодорита возбуждаетъ довольно нелѣпный вопросъ, не слѣдуетъ-ли упрекать Бога въ зависти за то, что онъ не одарилъ всѣхъ людей божественностью. На это отвѣчается: *ἔοικε δὲ αὐτῇ ἡ ἐρώτησις τῇ λέγοντι λόγῳ «καλός ἐστιν ὁ ὀφθαλμὸς καὶ τιμιώτερος τῶν ποδῶν». ἀλλ' εἰ ἀφρονός ἐστιν ὁ θεός, διὰ τί οὐκ ἐποίησε τοὺς πόδας ὀφθαλμούς;* здѣсь предпочтѣе нужно чтеніе іерусалимскаго списка *καλόν*, т. е. «Око прекрасная вещь» (см. Krüger § 43,4,11: *Καλὸν ἡ ἀλήθεια καὶ μόνιμον Plato; αἱ μεταβολαὶ λυπηρόν Eur.*¹⁾). Кромѣ того, *кавычки* должны быть поставлены послѣ *ὀφθαλμούς* (вм. послѣ *ποδῶν*), такъ какъ предложеніе *ἀλλ' εἰ — ὀφθαλμούς* также относится къ чьимъ-то словамъ, которыя авторъ примѣрно приводитъ для доказательства глупости сдѣланнаго запроса. — На стр. 88,27 въ позднихъ спискахъ попадаетъ замѣчательный примѣръ упомянутой уже не разъ интерполяціи. Въ іерусалимскомъ списокѣ значится: *εἰ διπλοῦν τὸ ἐν Ἠλίᾳ χάρισμα αἰτήσας Ἐλισσαῖος ἠκούσθη, πῶς οὔτε ἀπλᾶ τὰ ἔργα Ἠλίου ἐποίησεν, οἷον ὑετῶν ἐποχὴν καὶ λιμοῦ ἐπαγωγὴν κτλ.* Это преданіе представляетъ вполнѣ удовлетворительный смыслъ, если только припомнить, что Θεодоритъ употребляетъ частицу *οὔτε* нерѣдко въ томъ значеніи, которое писатели классическихъ временъ присваивали исключительно формѣ *οὐδέ* = даже не, не—*quidem*; см. 56,2 (*εἰ τὸ Ἰωάννου βάπτισμα μὴ κατὰ νόμον ἦν, ὥσπερ οὔτε ἦν, κτλ.*); 50,23; 144,21 и 145,9. Непониманіе этого вульгаризма Θεодорита привело къ вставкѣ ненужныхъ и даже неумѣстныхъ словъ *οὔτε διπλᾶ* (послѣ *ἀπλᾶ*). Новѣйшій издатель не правъ, соглашаясь съ интерполяторомъ и отвергая подлинное чтеніе іерусалимскаго списка. — На стр. 90,3: *τί τοῖς μετ' ἐκείνους ἐκ τῶν ἐπ' αὐτοῖς γεγονότων τὸ ὄφελος, διδάξον.* Кто принимаетъ во вниманіе подобныя настоящему мѣста нашего автора (напр. 32,6 *τί τὸ κέρδος τοῦ χριστιανοῦ*), тотъ не можетъ согласиться съ принятою издателемъ излишнею вставкою *δίδωσι* (послѣ *ὄφελος*), попадающеюся лишь въ позднѣйшихъ спискахъ. — На стр. 98,3 *μέλλει δίδωσθαι δικαίους τε καὶ ἀδίκους ἢ τῶν πρακτέων ἀμοιβή.* Издатель въ текстѣ оставилъ рукописное чтеніе *πρακτέων* безъ измѣненія, а подѣ текстомъ прибавилъ критическую замѣтку: *lege πραχθέντων.* Онъ упустилъ изъ виду, что выраженіе *τὰ πραχτέα* у Θεодорита обозначаетъ не

1) Подобнымъ образомъ издатель и на стр. 100,27 ошибочно отвергъ чтеніе древнѣйшей рукописи: *ἀναγκαῖόν ἐστιν ὁ τοῦ θεοῦ φόβος*, напечатавъ *ἀναγκαῖος* (по позднѣйшимъ спискамъ).

только то, что нужно дѣлать, но также то, что сдѣлано (см. 95,22 τὰς τῶν πρακτικῶν ἀμοιβάς и 82,5). — На стр. 98,5: τῷ δὲ ἀέρι, εἰ καὶ πρὸς ἀναπνοὴν τότε (т. е. въ загробной жизни) οὐ χρῆζομεν, ἀλλὰ πρὸς τὴν κίνησιν τε καὶ τοπικὴν μετάβασιν ἀναγκαιῶς αὐτῷ χρῶμεθα. Если въ первомъ глаголѣ (χρῆζομεν) настоящее время можетъ быть допускаемо въ смыслѣ будущаго, то, конечно, и при второмъ глаголѣ нѣтъ никакой нужды отвергать чтеніе іерусалимскаго списка (χρῶμεθα) и придерживаться чтенія позднѣйшихъ списковъ: χρῆσόμεθα, какъ это сдѣлалъ издатель. — На стр. 101,7 сл. говорится о томъ, что Богъ въ Ветхомъ Заветѣ повелѣлъ закалатъ въ жертву животныхъ для того, чтобы люди такимъ образомъ оказывали ему надлежащую честь. Слѣдующія за тѣмъ слова мы опять позволяемъ себѣ отпечатать въ двухъ столбцахъ, изъ которыхъ лѣвый даетъ подлинныя слова іерусалимской рукописи, правый же — текстъ разбираемаго изданія:

πῶς διὰ τὸ θύειν ἀνθρώπους Ἕλλη-
νες δείκνυνται ἑαυτῶν ἄσεβεστοι; ὅ-
περ φάσκουσιν ὑπὸ τῶν παλαιῶν γεγο-
νέναι χάριν τῆς (въ рукописи: τοῦ)
πλείονος τιμῆς τῶν παρ' αὐτοῖς νομι-
ζομένων θεῶν, μείζονας αὐτοῦς τῆ τῶν
λογικῶν θυσίᾳ τιμώντων.

πῶς διὰ τὸ θύειν ἀνθρώπους Ἕλλη-
νες δείκνυνται (τοῖς) ἑαυτῶν (θεοῖς) ἄσε-
βεστοι; (ὅπερ φάσκουσιν ὑπὸ τῶν πα-
λαιῶν γεγονέναι χάριν τοῦ πλείονος
τιμῆς τοῦς παρ' αὐτοῖς νομιζομέ-
νους θεοῦς ἀξιοῦσθαι), μείζονας αὐ-
τοῦς τῆ τῶν λογικῶν θυσίᾳ τιμώντες;

По іерусалимскому списку все понятно и перевести не трудно: «Какимъ образомъ греки, принося въ жертву людей, представляются самими безбожными? Говорятъ, что древніе люди дѣлали это для большей чести признанныхъ ими боговъ, полагая больше чествовать ихъ посредствомъ жертвоприношенія разумныхъ тварей». Для употребленія известной фразы ἄσεβεστοι ἑαυτῶν можно сравнить слѣдующіе примѣры: χώρα ἑαυτῆς ἀμείνων Eur.; θαρραλέωτεροί εἰσιν αὐτοὶ ἑαυτῶν Plato. Итакъ, слова автора отнюдь не нуждаются въ разныхъ измѣненіяхъ и вставкахъ, напрасно выдуманныхъ издателемъ. — На стр. 106,19 напечатано: πᾶσι τοῖς ὑπὸ τὸν νόμον ὑπῆρχε δυνατὸν... γενέσθαι ἀμέμπτους. Принимая во вниманіе, что по правиламъ греческаго синтаксиса безразлично сказать ἔξεστί μοι γενέσθαι εὐτυχῆ или ἔξεστί μοι γενέσθαι εὐτυχῇ (см. Krüger § 55,2, 7), мы принуждены, вопреки выбору издателя, признать болѣе подлиннымъ чтеніемъ—чтеніе болѣе древней рукописи, т. е. ἀμέμπτους.—На стр. 134,30: εἰάν δὲ τὸ θέλημα τῶν ἀνθρώπων μὴ ᾗ ἐπόμενον τῷ θελήματι τοῦ θεοῦ, οὐκ ἐξ ἀσθενείας τοῦ θεοῦ οὐ γίνεται τὸ θέλημα τοῦ θεοῦ, ἀλλ' ἐκ τῆς τῶν ἀνθρώπων, т. е. «Богъ хочетъ, чтобы всякій спасся; если же къ этому желанію Бога не присоединится и готовность людей, то желаніе не исполняется не вслѣдствіе какого-то безсилія Божія, а лишь изъ-за слабости людей». Въ этихъ словахъ нѣтъ ничего, что могло бы возбудить какое-нибудь недоумѣніе, и напрасно издатель требуетъ въ своихъ Addenda et Corrigenda устраненія отрипанія οὐ.—На стр. 141,26: οὐ τὴν τυχοῦσαν γυναῖκα ἐπελέξατο ὁ θεὸς γενέσθαι μητέρα τοῦ Χριστοῦ, ἀλλὰ τὴν πᾶσαν

γυναῖκα ταῖς ἀρεταῖς ὑπερκαμένην, т. е. «Богъ избралъ матерью Христа не какую-нибудь первую попавшуюся женщину, а ту, которая превзошла всякую женщину своими добродѣтелями». Чтеніе позднѣйшихъ списковъ: τὴν πᾶσαν τῶν γυναικῶν, хотя и поправилось издателю, не заслуживаетъ никакого уваженія.— На стр. 149,12 чтеніе іерусалимскаго списка ἀνακλωσθῆνα: представляетъ собою единственно правильную форму аориста глагола ἀνακλώθω, и издатель ошибся, принявъ изъ прежнихъ изданій ἀνακλωθῆνα.

Въ другихъ мѣстахъ издатель, наоборотъ, придерживался преданія іерусалимской рукописи, между тѣмъ какъ, по нашему мнѣнію, разночтенія ея, будучи не что иное, какъ ошибки переписчика, должны уступать мѣсто чтеніямъ болѣе позднихъ рукописей, причемъ все равно, основаны ли эти чтенія, рекомендующіяся правильностью языка и послѣдовательностью мыслей, на болѣе тщательномъ сохраненіи подлинныхъ словъ автора, или же, какъ это въ большинствѣ случаевъ кажется вѣроятнѣе, представляютъ собою удачныя поправки и догадки какого-нибудь ученаго читателя или корректора. Такъ, напр., нельзя сомнѣваться въ томъ, что на стр. 26,24 принятое издателемъ изъ іерусалимскаго списка удареніе αἰχμαλώτιδα (вм. правильнаго αἰχμαλωτίδα), не корыстно для критики текста.— На стр. 38,21: διὰ γὰρ τὴν ὑπερβολὴν τῆς αὐτοῦ ἐλίψεως (ἰῶβ) τὰ τῆς κατάρως ἐφδέξατο ῥήματα, ἧς ἀπαλλαγεῖς οὐκ ἔστι δῆλον ὅτι τὴν αὐτὴν... εἶχε γνῶμην. Было бы лучше, если бы издатель не обратилъ вниманія на вариантъ іерусалимскаго списка οὐκέστι и писалъ бы съ прежними изданіями: οὐκέτι δῆλον ὅτι. Смѣшеніе обѣихъ формъ (οὐκέτι и οὐκ ἔστι) является и 44,23.— На стр. 40,28 издатель принялъ въ текстъ разночтеніе іерусалимскаго списка εὐρη (вм. εὐρη), хотя мы здѣсь, несомнѣнно, не имѣемъ дѣла съ какой то особенностью языка автора. Это удареніе — простая ошибка переписчика; на стр. 50,15 правильное удареніе этой формы встрѣчается во всѣхъ рукописяхъ.— На стр. 49,9 напечатано по іерусалимскому списку: ἕως τοῦ καιροῦ τῆς τοῦ κόσμου ἀνακτήσεως. Неумѣстному слову ἀνάκτησις (= вторичное приобрѣтеніе, recuperatio) должно предпочесть чтеніе прежнихъ изданій ἀνάκτησις (= возобновленіе міра при второмъ пришествіи Господа).— На стр. 56,18 говорится: Когда Іоаннъ Предтеча послалъ своихъ учениковъ ко Христу, онъ преслѣдовалъ, по мнѣнію многихъ, ту цѣль, чтобы они удостовѣрились, что Христосъ дѣйствительно тотъ, о комъ говорится въ Ветхомъ Заветѣ. Почему же Іоаннъ не самъ сказалъ имъ это яснымъ показаніемъ (κατὰ ἀπόφασιν), а предложилъ Христу этотъ вопросъ чрезъ посредство учениковъ? διὰ τί μὴ κατὰ ἀπόφασιν εἶπεν αὐτοῖς, ἀλλὰ κατὰ τεύσιν δι' αὐτῶν τῷ Χριστῷ προσήγαγεν; Вариантъ іерусалимскаго списка κατὰ τεύσιν не имѣетъ смысла. Можно предположить, что переписчикъ подъ влияніемъ предыдущаго κατὰ ἀπόφασιν ошибочно повторилъ предлогъ κατὰ (дигтография), но, можетъ быть, слова κατὰ τεύσιν слѣдуетъ соединить въ одно слово κατὰ τεύσιν (= освѣдомленіе, вопросъ). Это сложное слово,

признаться, намъ покуда неизвѣстно, но, въ виду того, что для глагола *καταπονεύνομαι* есть разные примѣры у позднихъ писателей, нѣтъ основанія считать невозможнымъ образование имени существительнаго *κατάπνευσις*.—На стр. 72,13 съ перваго взгляда всякому ясно, что чтеніе іерусалимской рукописи *ἀριθμήτω* (вм. *ἀναριθμήτω*, что встрѣчаемъ въ другихъ рукописяхъ) по смыслу совсѣмъ невозможно. Кромѣ того, издателю слѣдовало бы возстановить правильное удареніе этого слова, *ἀριθμητῶ*.—На стр. 76,18 собесѣдникъ Θεодорита спрашиваетъ: *εἰ μὴ τὸ αἷμα τοῦ ἀνθρώπου ἐστὶν ἡ ψυχὴ, διὰ τί ἐκχυθέντος ἐκείνου τὸ ζῶον ἀπόλλυται καὶ διὰ ποίων ὑποδειγμάτων δείκνυται, ὅτι ἐστὶ ψυχὴ ἐν τῷ σώματι ἢ ἕτερον τι τῆ κτίσει ἀόρατον;* Это значитъ: «Если кровь человѣка не есть душа его, почему, по пролитіи крови, умираетъ животное? Какими же признаками доказывается, что въ тѣлѣ есть душа или что-нибудь другое, невидимое для твари (людей)?» Этотъ, повидимому, вполне подходящий смыслъ получается, если мы придержимся чтенія кодекса С. Издатель же рѣшилъ иначе: онъ напечаталъ *ἐν τῇ κτίσει ἀόρατον* по разночтенію іерусалимскаго списка, что мѣшаетъ пониманію и, кажется, ошибочно повторено подъ вліяніемъ предыдущаго *ἐν τῷ σώματι*. Подтверженіемъ чтенія *τῆ κτίσει ἀόρατον* можетъ служить и однозначущее выраженіе въ отвѣтѣ Θεодорита (77,6): *πρόδηλον ἄρα, ὅτι ἐστὶ τι ἢ ψυχὴ ἀόρατον τοῖς ἀνθρώποις*.—На стр. 82,17 читать слѣдуетъ съ прежними изданіями *ἐκδημοῦντες... καὶ ἐνδημοῦντες*. Чтеніе *ἐκδημοῦντος... καὶ ἐνδημοῦντος*, принятое издателемъ изъ іерусалимскаго списка, не имѣетъ ни конструкціи, ни смысла; родительный п. этихъ причастій относился бы къ предыдущему слову Χριστοῦ, а это—невозможно.—На стр. 106,13 въ новѣйшемъ изданіи напечатано по іерусалимскому списку: *τὸ παντὶ ἀνθρώπῳ ἀδύνατον, τοῦτο καὶ τινὶ ἀνθρώπων ὑπάρχει δυνατόν*. Это значило бы: «Что невозможно всякому человѣку, то и кому-нибудь изъ людей бываетъ возможно?» Этой явной бессмыслицы избѣгъ бы издатель, пиши онъ съ другими списками *ἀδύνατον* (вм. *δυνατόν*).—На стр. 114,10: *ἡ δὲ ἐκκλησίαι... πόθεν... τοσαύτην... ἐπίδοσιν ἐδέξατο, μὴ τῆς θείας τε καὶ ζώσης τοῦ σωτῆρος φωνῆς τοῦ κατὰ πολυπλασιασμόν ὑποσχομένης τὴν ἀνταπόδοσιν ἐνεργησάσης ἐν αὐτῇ*; Изъ этого невразумительнаго мѣста издатель не нашелъ другого выхода, какъ предположить пропускъ. Но легко придти къ поправкѣ, представляемой уже кодексомъ С, который даетъ *τῆς* (вм. *τοῦ*). Теперь получается слѣдующій смыслъ: «Откуда христіанская церковь имѣла такіе успѣхи, если бы не дѣйствовала въ ней божественная и живая рѣчь Спасителя, обѣщавшая многообразное награжденіе?» Авторъ намекаетъ на слова Христа въ Еванг. Луки (18,29 сл.): *οὐδεὶς ἐστὶν ὃς ἀφῆκεν οἰκίαν ἢ γονεῖς ἢ ἀδελφοὺς ἢ γυναῖκα ἢ τέκνα ἐνεκεν τῆς βασιλείας τοῦ Θεοῦ, ὃς οὐ μὴ ἀπολάβῃ πολλαπλασίονα*.—На стр. 126,1 спрашивается, не слѣдуетъ ли видѣть недостатокъ или слабость, христіанства въ томъ обстоятельствѣ, что при немъ всѣ прежде столь цвѣтущіе города грековъ опустѣли: *πᾶσαι αἱ πόλεις... μόλις τὰ λείψανα τῶν πάλαι ὑπὸ τῶν*

Ἑλλήνων γεγενημένων χτισμάτων κατέχουσαι τοῦ ποτε πόλεις γεγενῆσθαι δακνύουσι. Съ родительнымъ п. τοῦ... γεγενῆσθαι никакъ не сладить. Смыслъ можно получить лишь въ томъ случаѣ, если, согласно съ прежними изданиями, будемъ читать τό (вм. τοῦ): «Всѣ эти города, сохраняющіе только остатки сооруженныхъ элинами построекъ, едва ли показываютъ этимъ, что они когда-то существовали и были городами?»

Узнавъ изъ предыдущаго, что новѣйшему издателю часто не удавалось сдѣлать подходящій выборъ изъ встрѣчающихся разночтеній, мы не удивимся, если онъ во многихъ случаяхъ и не замѣчалъ неисправности рукописнаго преданія, хотя ошибка очевидна и исправленіе ея, большею частью, не требуетъ особаго остроумія. Такъ, напримѣръ, на стр. 17,9 слѣдуетъ читать: τοῦ μὲν πατρὸς γεννήσαντος καὶ τοῦ υἱοῦ μὴ γεννήσαντος (вм. γεννηθέντος), καὶ τοῦ υἱοῦ μὲν γεννηθέντος, τοῦ δὲ πατρὸς μὴ γεννηθέντος κтл.—На стр. 21,16 προσάπτωμεν (вм. προσάπτωμεν). Coniunctivus adhortativus здѣсь совсѣмъ не къ мѣсту.—На стр. 21,24 εἰς δὲ τὸν θεὸν (вм. θεοῦ) λόγον καὶ εἰς τὴν οἰκονομίαν οὐδαμῶς ποιῆ τὴν τοιαύτην διαίρεσιν, см. въ 8-й и 17-й строкахъ: τῷ θεῷ λόγῳ.—На стр. 29,1 сл. напечатано: ἐπειδὴ ὁ Ἠσαίας εἰς τὸν δεσπότην Χριστὸν προφητεύων φησὶ «τὴν γενεάν αὐτοῦ τίς διηγῆσεται»; ἐπὶ δυσδιηγήτου ἄρα ἢ ἀδιηγήτου λέγει, καὶ ἐπὶ τῆς θεότητος ἢ ἐπὶ τῆς σαρκὸς ταύτην ἐκληπτέον τὴν δόξαν; Такъ какъ вопросительная частица ἄρα всегда ставится въ началѣ предложенія, здѣсь писать нужно ἄρα (=союзъ заключительный). Кромѣ того, нельзя упустить изъ виду: 1) что въ іерусалимскомъ спискѣ попадаетъ послѣ καὶ частица εἰ, и 2) что выраженіе δόξα, вмѣсто котораго слѣдовало бы ожидать ῥῆσις (см. строку 7), довольно странно. Въ другихъ спискахъ вм. δόξαν имѣется λέξις, но это, очевидно, одна изъ тѣхъ интерполяцій, о которыхъ мы говорили выше. Слова τὴν δόξαν намъ кажутся испорченными изъ διδάξον, формы, неразъ употребленной нашимъ авторомъ въ похожихъ случаяхъ, см. 40,11; 90,3 и 94,21. Итакъ, мы напечатали бы это мѣсто слѣдующимъ образомъ: ἐπὶ δυσδιηγήτου ἄρα ἢ ἀδιηγήτου λέγει; καὶ εἰ (=вопросит. частица) ἐπὶ τῆς θεότητος ἢ ἐπὶ τῆς σαρκὸς ταύτην (scil. τὴν γενεάν) ἐκληπτέον, διδάξον.—На стр. 30,16: οὐδαμῶς ἄρα ὑπολέλειπται πρόφασις ἢ τοῦ διαβάλλειν τὸν θεὸν ἐπὶ πτωχεῖα δυνάμει ἢ τοῦ ἀνωφελεῖ λέγειν τὴν λατρείαν κтл. Словечко ἢ (послѣ πρόφασις) сохранилось лишь въ іерусалимскомъ спискѣ, въ другихъ же опущено, вслѣдствіе вѣрнаго соображенія, что членъ здѣсь неумѣстенъ. Но, съ другой стороны, нельзя уяснить себѣ, какимъ-то путемъ писецъ древнѣйшей рукописи пришелъ къ прибавленію члена. Все же будетъ въ порядкѣ, если поставимъ ἢ вмѣсто ἢ.—На стр. 34,25 читается въ изданіи: τότε γὰρ ἑκάτερον πλείονα δίδωσι θεατέρῳ τὴν αἰσθησιν, ὅτε τῶν ἐναντίων ἢ παράθεσις δείκνυται. Вмѣсто θεατέρῳ требуется смысломъ родительный п. θεατέρου, зависящій отъ слова αἰσθησιν. Авторъ говоритъ, что человѣкъ тогда наилучше ощущаетъ какое-нибудь положеніе (наказаніе или награжденіе), когда оно представляется ему рядомъ съ противоположнымъ

положеніемъ.—На стр. 34,27: *εἰ τῷ μέλλοντι αἰῶνι τὸ ποσὸν τῆς αἰσθήσεως τιμῆς τε καὶ τιμωρίας ἐν τῷ μέτρῳ κείται τιμῆς τε καὶ τιμωρίας, καὶ οὐκ ἐνδέχεται τῇ παραδέσει τῶν ἀντικειμένων δεῖξασθαι τὴν αἰσθησὶν τὴν αὐξήσιν ἢ τὴν μείωσιν* ἄτρεπτα γὰρ τὰ ἐκεῖ πάντα. Условный союзъ *εἰ*, которому недостаетъ послѣдующаго предложія (аподосиса), и дательный п. *τῷ αἰῶνι* безъ предлога—весьма сомнительны. Оба затрудненія легко устраняются, если вмѣсто *εἰ* будемъ читать *ἐν*. Смѣшеніе обонхъ словъ является и на стр. 73,19.—На стр. 45,23: *καὶ εἰ ἦν τις ἄλογος περὶ τούτων αἰτία, ταύτην μὲν νομὶ μάθωμεν*. Египетскій епископъ освѣдомляется, конечно, о разумной (а не о безумной) причинѣ какого-то поступка Моисея. Поэтому должно замѣнить *ἄλογος* словомъ *εὐλογος*. Равнымъ образомъ на стр. 72,1 въ рукописяхъ смѣшаны между собою *εὐχρηστος* и *ἄχρηστος*.—На стр. 46,15: *ἔταξεν ὁ προφήτης τοὺς ἐκ διαδοχῆς βαστάζοντας τοῦ Ἰωσήφ τὰ ὀστέα καὶ κατὰ καιροὺς διὰ τῆς ἐν τῷ καθαρῷ ὕδατι κατὰ τὸν νόμον ἀποπλύσεως τούτους τοῦ μιάσματος καθαρῶσθαι*. Необходимость измѣнить тούτους въ родительный п. тούτου сама собою, думаемъ, ясна.—На стр. 54,17 сл.: *πῶς διὰ τῶν αὐτῶν ῥημάτων οὐ δείκνυται πάντα μὲν ἀπαγορεύσας τὰ ἄλογα ὡς ἀκάθαρτα, μεμφομένους δὲ τῷ τὴν βρῶσιν αὐτῷ τὴν ἐξ αὐτῶν ἐπιτρέψαντι* κтл., т. е. «Какъ не показывается, что апостолъ Петръ тѣми же словами (Дѣян. Апост. 10,14: я никогда не ѣлъ ничего сквернаго или нечистаго) отказывается отъ всѣхъ животныхъ какъ нечистыхъ, и упрекаетъ того, кто повелѣлъ ему ѣсть ихъ». Чтобы получить этотъ смыслъ, мы измѣнили только два чтенія рукописи, а именно: *τὸν* въ *τῷ* и *αὐτῶν* въ *αὐτῷ*. Издатель же и здѣсь прибѣгаетъ къ предположенію пробѣловъ и въ двухъ мѣстахъ (послѣ *τὸν* и послѣ *αὐτῶν*) ставитъ надлежащій знакъ, а подъ текстомъ предлагаетъ невозможныя дополненія.—На стр. 55,1: *τὸ οὖν σκεῦος, ἐν ᾧ ἦν «πάντα τὰ πετεινὰ καὶ τὰ τετράποδα τῆς γῆς», κατὰ παράληψιν εἴρηται τοῦ ἀκαθάρτου*. Никому не удастся понять это мѣсто, оставленное издателемъ нетронутымъ, въ томъ видѣ, въ какомъ оно есть. Если же напишемъ *παράληψιν* (вм. *παράληψιν*) и *ἀκάθαρτα* (вм. *ἀκαθάρτου*, см. 55,7 ἢ τοῦ πάντα φωνῇ) и поставимъ кавычки немножко иначе (передъ словомъ *σκεῦος*, вм. передъ *πάντα*), то тутъ нѣтъ ничего затруднительнаго. Авторъ говоритъ: «Предложеніе: *σκεῦος—γῆς*, встрѣчающееся въ Дѣянїяхъ Апост., сказано съ пропущеніемъ слова *ἀκάθαρτα*».—На стр. 70,22 значится въ іерусалимскомъ спискѣ: *διὰ τὸ καθ' Ἑλλήνας σφαῖραν ὄντα καὶ κινεῖσθαι τὸν οὐρανόν* κтл. Издатель не счелъ нужнымъ поправить эту невозможную конструкцію. Другіе списки, какъ обыкновенно, и здѣсь подверглись интерполяции (вм. *ὄντα—εἶναι*), а въ указателѣ всѣхъ главъ, помѣщенномъ въ іерусалимскомъ спискѣ передъ текстомъ, частица *καὶ* просто пропущена. Но такъ нельзя справляться съ рукописнымъ преданіемъ. Словечко *καὶ*, находящееся въ древнѣйшей рукописи, которая, большею частью, сохранила подлинныя, иногда лишь испорченныя чтенія, надо объяснить какимъ-нибудь образомъ. Мы думаемъ, что *καὶ κινεῖσθαι* прои-

зошло изъ первоначальнаго κενῆσθαι (ср. въ слѣдующихъ строкахъ κεκῆσθαι и ἐκτετάσθαι). О томъ, что perfectum, по правиламъ аттическаго синтаксиса, имѣетъ особое значеніе, не заботились поздніе писатели, къ числу коихъ принадлежитъ уже Θεодоритъ Киррскій; см. 84,8 μεμίσηται и 100,9 κεκῆσθαι.—На стр. 77,25: οὐχ ἡ ἐβδομάς οὖν αἰτία τῆς ἐκπληρώσεως τῶν ἔργων τῆς φύσεως, ἀλλ' ἡ δύναμις τῆς φύσεως αἰτία τῆς ἐβδομάδος, καθ' ἣν συμβῆναι τῇ φύσει τὰ οἰκῆα ἔργα ἐκτελέσαι. Въ неопредѣленномъ наклоненіи συμβῆναι, которое оправдать нельзя, скрывается форма συμβαίνει.—На стр. 82,1: αἱ βάσανοι αὐται, αἰς πάλαι χρησάμενος ὁ ἑλληνισμός καὶ προσδοχήσας ἐν αὐταῖς ἄλυτον φυλάτταν ἑαυτόν, τὸν μὲν ἑλληνισμὸν ἔλυσαν κтл. Издатель не замѣтилъ, что въ относительномъ предложеніи недостаетъ сказуемаго, и что предлогъ ἐν весьма сомнителенъ. Иначе онъ устранилъ бы эти затрудненія, написавъ ἦν (вм. ἐν).—На стр. 82,5: ἐν ποίᾳ ἄρα ταύτῃ ἐξετάζεται καταστάσει μέχρι τῆς ἀναστάσεως; издатель опять-таки (ср. стр. 29,1) не обратилъ вниманія на извѣстную разницу между вопрос. частицею ἄρα и заключ. союзомъ ἄρα. Здѣсь только послѣдняя форма дозволительна.—На стр. 82,8: οὐχ ἦν ἔχουσιν αἱ ψυχαὶ ἐπὶ τοῦ παρόντος κατάστασιν, ταύτην ἔχουσι καὶ μετὰ τὴν τοῦ σώματος ἐξόδον. Здѣсь никакъ нельзя обойтись безъ прибавленія предлога ἐκ (передъ словомъ τοῦ σώματος); см. ниже въ 13-й строкѣ: μετὰ δὲ τὴν ἐκ τοῦ σώματος ἐξόδον.—На стр. 86,14: οὐ χρὴ διαβάλλειν τὸν προφήτην ἐπὶ τῇ ἀποτομίᾳ, εἰρηκότα τὴν μακροθυμίαν μὴ παρέχουσαν τοῖς ἁμαρτάνουσι τῆς ἁμαρτίας τὴν αἰσθησιν. Само собою разумѣется, что слѣдуетъ писать εὐρηκότα (вм. εἰρηκότα). Пророкъ Елисей оказался такимъ строгимъ въ наказаніи оскорбившихъ его мальчиковъ, потому что напелъ (увидѣлъ), что долготерпѣніе его не внушило бы имъ сознанія ихъ поступка.—На стр. 87,26: πρῶτον γὰρ ἔθυσαν οἱ ἄνθρωποι τοῖς δαίμοσι καὶ οὐ θεῷ, ὕστερον εἶπεν ἡ θεία γραφή «ἔθυσαν δαιμονίοις καὶ οὐ θεῷ». Съ этой бессмыслицею нельзя помириться, а поправка довольно проста. Писать нужно ὡσπερ (вм. ὕστερον). Форму εἶπεν (вм. обыкновеннаго φησί, λέγει) встрѣчаемъ и 89,24.—На стр. 94,24: κρίματα μὲν λέγει τοὺς λόγους τοὺς διαστέλλοντας τῶν οὐ πρακτέων τὰ πρακτέα * καὶ τιμὴν μὲν τὴν ἐπὶ τῇ ὑπακοῇ, τιμωρίαν δὲ τὴν ἐπὶ τῇ παρακοῇ ὀρισαμένου. Издатель прибѣгаетъ къ своему любимому средству: «lacunam indicavi». Но удовлетворительный смыслъ можемъ получить, измѣняя ὀρισαμένου въ ὀρισαμένους. «Св. Писаніе подразумѣваетъ подъ выраженіемъ κρίματα тѣ слова, которыя различають дозволительное отъ недозволительнаго и опредѣляютъ награду за послушаніе, а наказаніе за неповиновеніе».—На стр. 97,1 требуется читать: καπνῷ ἐστερωμένῳ (вм. καπνῷ στερωμένῳ).—На стр. 97,22 спрашивается, не лишне-ли послѣ страшнаго суда дальнѣйшее существованіе воздуха и моря, такъ какъ тогда мы не будемъ нуждаться въ удобствахъ, доставляемыхъ намъ этими стихіями въ настоящее время: ἀἷρ καὶ θάλαττα πῶς οὐκ ἄχρηστα, εἰ τότε μένοιν ἄφθαρτα, οὔτε εἰς πνοὰς οὔτε ἐμπορίας οὔτε ἰχθυοφαγίας ἢ ἐτέρας τινὸς βοθησίας (ἐνεκα) χρηζόντων ἡμῶν ἐξ αὐτῶν διὰ

τὸ ἀνευθεῖς, ὡς ἔφην, τοῦ σώματος; Издатель довольно неловко поступилъ и въ томъ, что измѣнилъ, и въ томъ, что оставилъ безъ измѣненія. Излишне прибавлять предлогъ ἐνεχα, такъ какъ легче и соотвѣтственнѣе поправить τινός въ τινάς и отнести винительный π. ἐτέρας τινάς βοηθείας къ предыдущему εἰς. Далѣе, необходимо читать съ прежними изданіями ἀναπνοάς (дыханіе; вм. πνοάς; см. 98,3 τῷ ἀέρι, εἰ καὶ πρὸς ἀναπνοὴν τότε οὐ χρῆζομεν, ... χρώμεθα) и писать вм. ἐξ—ἐτι.—На стр. 100,9: εἰ βουλευθεῖεν κεχρησθαι τῶν τῆς μετανοίας βοηθημάτων. Мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ издателя, что Θεодоритъ, столь ученый писатель V вѣка, позволилъ себѣ сочетать глаголь χρῆσθαι съ родительнымъ π., и считаемъ поправку τῶ... βοηθήματι выше всякаго сомнѣнія.—На стр. 108,20 спрашивается, почему Св. Писаніе представляетъ Спасителя чаще молящимся, чѣмъ апостолами: διὰ τί παρὰ τῶν ἀποστόλων συχνότερον ὑπὸ (?) τῆς γραφῆς τὸν κύριον μανθάνομεν προσευχόμενον; Въ прежнихъ изданіяхъ предлогъ παρὰ упущенъ и все, кажется, въ порядкѣ. Но іерусалимскій списокъ опять сохранилъ болѣе подлинное чтеніе, хотя и въ поврежденномъ видѣ. Слова παρὰ τῶν ἀποστόλων должны быть исправлены въ παρὰ τοὺς ἀποστόλους. Относительно этой конструкціи предлога παρὰ (=въ сравненіи съ) см. Thuc. 1,23: ἡλίου ἐκλείψεις πυκνότεραι παρὰ τὰ ἐκ τοῦ πρὶν χρόνου μνημονεύμενα ζυνέβησαν и Krüger § 49,2,8.—На стр. 114,2: πατέρας καὶ μητέρας καὶ ἀδελφούς καὶ ἀδελφάς λέγει (ἡ γραφή) τοὺς κατ' οἰκιωτικὴν διάθεσιν * προσλαμβάνόμενον τὸ διὰ Χριστὸν καταλείψαντα τοὺς φύσει πατέρας τε καὶ μητέρας ἀδελφούς τε καὶ ἀδελφάς. Здѣсь въ новѣйшемъ изданіи встрѣчается опять зловѣщая звѣздочка, хотя посредствомъ двухъ легкихъ измѣненій все становится яснымъ. Если будемъ читать προσλαμβάνόμενος τὸν (вм. προσλαμβάνόμενον τὸ), то выходитъ слѣдующій смыслъ: «Св. Писаніе называетъ отцами, матерями, братьями и сестрами тѣхъ, которые съ родственнымъ расположеніемъ принимаютъ къ себѣ того, кто ради Христа оставилъ своихъ дѣйствительныхъ (по природѣ) родителей, братьевъ и сестеръ».—На стр. 116,18 говорится: Самая высшая степень совершенства у того, что не допускаетъ никакой прибавки или увеличенія; πῶς ὁ θεὸς μὲν προὔπαρχων τῆς κτίσεως, ὕστερον δὲ τὴν κτίσιν ποιησάμενος, οὕτω θεὸς τὸ δημιουργὸς ὀνομά τε καὶ πρᾶγμα προσέλαβε καὶ ἐκ τοῦ θεοῦ εἰς τὸ καὶ δημιουργὸς εἶναι τὴν αὐξήσιν τε καὶ τὴν γένεσιν δέδεκται; Это непонятное мѣсто нуждается въ двухъ поправкахъ. Читая же οὐ τῶ (вм. οὕτω) и τελείωσιν (вм. τὴν γένεσιν), всякій уже въ состояніи понять смыслъ и перевести: «Какъ Богъ, создавъ міръ, не присоединилъ себѣ къ имени «Богъ» еще и имени «Создатель» и не испыталъ такимъ образомъ увеличенія и усовершенствованія»?—На стр. 117,20: τὸ κλίνειν γόνυ ἐν ταῖς εὐχαῖς τὸ ἐστῶτας εὐχεσθαι μᾶλλον θεῶ τοὺς εὐχομένους παρίστησι. Вмѣсто τὸ нужно читать τοῦ, т. е. «Обычай преклонять при молитвѣ колѣни болѣе сближаетъ насъ съ Богомъ, чѣмъ обычай молиться стоя».—На стр. 120,2 говорится о томъ, что Христосъ, несмотря на запертыя двери, сталъ посреди учениковъ: τὰ ὑπὲρ φύσιν μὲν

τῆ φύσει γινόμενα κατὰ τὴν θεϊὰν δύναμιν, τούτων ἀδύνατον κατὰ τὸν λόγον τῆς φύσεως ποιήσασθαι τὴν παράστασιν. Слово μὲν испорчено изъ ἐν (та же ворча встрѣчается и 122,17). Авторъ говоритъ: «То, что, вслѣдствіе божественной силы, въ природѣ выше природы, нельзя объяснить соразмѣрно съ природою».—На стр. 120,6: οὐ κατὰ τρόπον τοῦ σώματος εἰς τὸ πνεῦμα ἐποίησε πρὸς αὐτοὺς τὴν εἴσοδον (ὁ Χριστός), ἀλλ' ἐν παχυμερεὶ σώματι. Вмѣсто непонятнаго слова τρόπον слѣдуетъ возстановить форму τροπήν, встрѣчающуюся два раза на предыдущей страницѣ (въ строкахъ 15 и 17: κατὰ τὴν ἐκ τοῦ σώματος εἰς τὸ πνεῦμα τροπήν).—На стр. 120,16: διὰ τί ὡς μόνον ἔργον τε καὶ οἰκητήριον θεῖον τὸ ἀνατολικὸν κλίμα νομίζοντες, ἐν αὐτῷ ἀφορῶντες τοὺς ὕμνους καὶ τὰς προσευχὰς θεῶ ἀναπέμπομεν; Если бы издатель обратилъ вниманіе на попадающуюся ниже (121,5) конструкцію глагола ἀφορῶ: διὰ τοῦτο τῷ ἐνὶ μέρει τῆς κτίσεως ἀφορῶντες ποιούμεν τὴν προσευχήν, а также и на замѣчаніе Стефана въ Thesaurus Graecae Linguae s. v. ἀφορῶ (vol. I, p. 2688: solent Byzantini dativo uti pro eis c. acc.), то онъ, вѣроятно, не преминулъ бы замѣнить чтеніе ἐν αὐτῷ словами ἐνὶ αὐτῷ.—На стр. 123,15: τὰ δὲ τίνος ἕνεκα ὑπάρχοντα ἐλάττων ἐκείνου ἐστί. Вмѣсто δὲ τίνος слѣдуетъ писать δὲ τινος. Такимъ же образомъ и на стр. 139,23: εἰς δῆλωσιν τοῦ τίνος εἶναι τὸν λόγον форма τίνος должна быть измѣнена въ мѣстоименіе неопредѣленное.—На стр. 124,18 форма ἀμοιβόμενος, покуда неизвѣстная, а также и противорѣчащая правиламъ объ образованіи греческихъ словъ, не что иное, какъ ошибка переписчика, которую читатель сколько-нибудь внимательный не замедлитъ поправить въ ἀμειβόμενος (см. 125,19).—На стр. 127,13: ὁ Παῦλος, ἡνίκα ὑπὲρ τοῦ ἀρχιερέως ἐκρίνετο (см. Дѣян. Апост. 23,5). Даже эту бессмыслицу издатель оставилъ нетронутою. Смысловъ требуется ὑπὸ (вм. ὑπέρ).—На стр. 134,21: ἐπειδὴ δύναμιν εἰσπραξίν καὶ ἐξουσίαν εἰς αἴρεσιν καὶ νόμον εἰς διδασκαλίαν...* δέδωκεν ἡμῖν ὁ θεός κтл. Въ непонятномъ выраженіи εἰσπραξίν скрываются два слова: εἰς πρᾶξιν.—На стр. 135,9: τοῦ ὑποδείγματος τῆ οὐσίας καὶ τοῦ σκοποῦ τοῦ θεοῦ ἐναντίου τυγχάνοντος, т. е. «Такъ какъ примѣръ противорѣчить существу и намѣренію Бога». Извѣстно, что при имени прилагательномъ ἐναντίος ставится родительный п. или дательный п.; однако, можно ли допустить, чтобы авторъ, при двухъ такъ тѣсно связанныхъ между собою дополненіяхъ, рѣшился измѣнить конструкцію прилагательнаго? Поправка τῷ σκοπῷ (вм. τοῦ σκοποῦ) не подлежитъ никакому сомнѣнію.—На стр. 135,12 говорится, что нельзя требовать полнаго, относящагося ко всѣмъ свойствамъ, согласія при двухъ предметахъ, сравниваемыхъ между собою. Достаточно уже, если они согласуются въ *одномъ* пунктѣ (въ такъ-называемомъ tertium comparationis). Въ изданіи напечатано: οὐ πάντα ὅσα πρόσεστι τῆ φύσει τοῦ ὑποδείγματος, ταῦτα ἀνάγκη προσεῖναι καὶ τῆ φύσει τοῦ ὑποδεικνυμένου*, ἀλλ' ὄν τι ἀπλοῦν. Но вышеизложенный смыслъ получается лишь по измѣненіи слова ὄν въ ἐν. Издатель опять не нашелъ другого выхода какъ предположить пропускъ.—На стр. 136,27 читаемъ

въ новѣйшемъ изданіи: *παυσαμένης γὰρ αὐτοῦ τῆς ἐνεργείας, δῆλον ὅτι καὶ ἡ ἐνέργεια πέπαυται, ὡς τὸ πῦρ τοῦ καίειν καὶ φλογίζειν παυσαμένου καὶ τοῦ εἶναι παύεται*. Это прекрасная тавтологія: «Разъ окончилась дѣятельность его, то окончена, очевидно, и дѣятельность». Эту бессмыслицу легко можемъ устранить поправкою *παυσαμένου* вм. *παυσαμένης*. Теперь получимъ: «Разъ онъ пересталъ дѣйствовать, то окончена и дѣятельность (энергія)».—На стр. 137,19: *ἐπειδὴ οὖν βουλήσει καὶ οὐ τῷ εἶναι ποιᾷ ὁ θεός, διὰ τοῦτο οὐ παύεται τοῦ εἶναι, παυσαμένης τῆς ἐνεργείας αὐτοῦ ὧν γὰρ τῇ καταπαύσει τῆς ἐνεργείας συμπαύεται καὶ τὸ εἶναι, τούτοις ἐνεργεῖν τὸ εἶναι καὶ οὐ τὸ βούλεσθαι πρόσκειται*. Несомнѣнно приходится писать *τῷ εἶναι* каѣ и *οὐ τῷ βούλεσθαι*, какія выраженія совершенно совпадаютъ съ вышеупотребленными авторомъ фразами *βουλήσει... τῷ εἶναι*. Авторъ говоритъ: «Такъ какъ Богъ дѣйствуетъ съ волею и сознаниемъ, а не лишь посредствомъ простаго существованія (какъ, наприм., огонь), то онъ не перестаетъ существовать, если и окончилась дѣятельность (энергія) его. О предметѣ, у котораго конецъ дѣятельности обуславливаетъ и конецъ его существованія, приходится сказать, что онъ дѣйствуетъ посредствомъ существованія, а не съ собственной волею».—На стр. 141,10 напечатано: *τί ἐμοὶ καὶ σὺ γύναι*; Даже очевидная ошибка *σὺ* (вмѣсто *σοὶ*) скрылась отъ вниманія издателя.—На стр. 149,2: *τὰ παρὰ τῶν Ἑλλήνων παρὰ τοῦ μάκτεως Τερесίου εἰρημένα*. И здѣсь было бы можно ожидать отъ издателя, чтобы онъ замѣтилъ и удалилъ опіску, измѣнивъ *παρὰ* въ *περὶ*.—На стр. 145,26 напечатано: *ὅτε γὰρ (ὁ θεός) ἐνεχείρισε τῷ ἀγγέλῳ τὴν ἐπιστάσιαν τοῦ λαοῦ, ἔφρασε τῷ Μωσῆι περὶ αὐτοῦ*. Здѣсь слѣдуетъ писать *περὶ αὐτοῦ*, т. е. *περὶ τοῦ ἀγγέλου*. Но это, можетъ быть, опечатка.

Новое изданіе Θεодоритовыхъ Отвѣтовъ во многихъ мѣстахъ объяснено іерусалимскому списку большею исправностью и полнотою, но надо и признаться, что эта счастливая находка г. Пападопуло-Керамевса въ рукахъ болѣе внимательнаго издателя могла бы принести гораздо болѣе пользы для возстановленія текста.

Э. Курцъ.

Рига.

21 января 1897 г.

В. М. Грибовскаго, *Приватъ-доцента Императорскаго С.-Петербургскаго Университета. Народъ и власть въ византийскомъ государствѣ. Опытъ историко-догматическаго изслѣдованія*. Спб. 1897. XXII + 411.

Государственное право, какъ и всякая другая область юридическихъ явленій, характеризующихъ культурное развитіе даннаго народа или культурной группы, можетъ быть изучаемо съ двухъ точекъ зрѣнія: либо мы изслѣдуемъ ходъ его историческаго развитія, опредѣляющіе его законы и т. д., за все время народной жизни — тогда мы занимаемся исторіей права, либо мы выхватываемъ тотъ или другой моментъ изъ его исторіи и догматически конструируемъ юридическую природу существующихъ въ опредѣленное время отношеній — тогда наша цѣль догматическая. Совмѣ-

щеніе обѣихъ точекъ зрѣнія въ одномъ трудѣ возможно, но лишь при соблюденіи извѣстныхъ условій. А именно это совмѣщеніе можетъ быть лишь чисто внѣшнее: часть труда посвящена исторіи права, часть догматическому построенію того или иного момента его развитія. Таковъ напр. планъ извѣстнаго труда Градовскаго: Государственное право важнѣйшихъ европейскихъ державъ; здѣсь первый томъ содержитъ исторію государственнаго права, второй (изданный проф. Коркуновымъ въ 1895 г.) догматическое изложеніе современной его формы въ Западной Европѣ. Возможно и другое построеніе хотя бы вродѣ того, какое мы встрѣчаемъ въ Римскомъ Государственномъ правѣ Виллемса, раздѣленномъ на четыре періода, причѣмъ государственное право каждаго изъ нихъ излагается въ догматическомъ видѣ, а переходныя ступени отъ одного періода къ другому отмѣчаются при каждомъ отдѣльномъ институтѣ.

Г. Грибовскій въ своей книгѣ не послѣдовалъ ни тому ни другому примѣру, хотя и назвалъ ее опытомъ *историко-догматическаго* изслѣдованія. Съ внѣшней стороны правда можно было бы подумать, что первая часть его труда, озаглавленная: Общія начала (стр. 1—140), должна содержать исторію взаимныхъ отношеній народа и власти въ Византіи, тогда какъ части вторая: Населеніе (141—280) и третья: Власть (280—411) содержатъ ихъ юридическую конструкцію. На дѣлѣ этого однако нѣтъ. Помимо того, что въ первой части содержится, неизвѣстно для чего, пѣлая глава, посвященная попыткѣ опредѣлить понятіе государства какъ «момента (или системы?) сложнаго подвижнаго равновѣсія многообразныхъ личныхъ и групповыхъ интересовъ на почвѣ исторически сложившагося культурно-бытоваго единства»¹⁾,—глава, конечно ужъ не имѣющая историческаго характера,—вторая и третья часть также полны историческихъ разсужденій, какъ и первая. Построеніе книги г. Гр. доказываетъ такимъ образомъ, что онъ не отдалъ себѣ отчета въ противоположности историческаго и догматическаго изслѣдованія, хотя одинъ фактъ отдѣленія исторіи прошлыхъ судебъ русскаго государственнаго и гражданскаго права отъ догматическаго изложенія современнаго его состоянія, фактъ отдѣленія исторіи отъ догмы римскаго права въ университетскомъ преподаваніи могъ бы ему послужить указаніемъ на то, насколько эти два взгляда на право несомнѣстимы по существу. Мы ужъ и не говоримъ о томъ, что дать догматическую конструкцію государственнаго права Византіи за все время ея тысячелѣтнаго существованія предпріятіе совершенно ненаучное. «Смѣшеніе всѣхъ византійскихъ эпохъ въ одну общую эпоху», замѣчаетъ проф. Бѣляевъ (*Византина* т. II стр. 5), «и относительно обрядовъ приводитъ къ недоразумѣніямъ и путаницѣ, какъ и относительно многихъ другихъ вопросовъ византійской археологін». Если это несомнѣнно даже для такой по существу своему крайне консервативной

1) См. стр. 22 и 85. Останавливаясь на этомъ опредѣленіи мы не считаемъ нужнымъ и предоставляемъ специалистамъ доказать г. Гр. его несостоятельность

стороны жизни, какъ обрядовая, то нечего и говорить объ области явленій юридическихъ и политическихъ ¹⁾).

Неясность и основная неправильность построения всей книги чрезвычайно затрудняетъ ее разборъ, несмотря на то, что чрезъ всѣ 411 страницъ ее красной нитью проходитъ одна — совершенно невѣрная, какъ мы сейчасъ постараемся доказать — мысль. Постоянные, ничѣмъ не мотивированные переходы отъ историческихъ разсужденій къ догматическимъ и наоборотъ до такой степени затемняютъ связь, что слѣдить за ходомъ мыслей г. Гр. очень нелегко. При бѣгломъ чтеніи можно даже поразиться колоссальнымъ количествомъ противорѣчій, испещряющихъ книгу, тогда какъ значительная по крайней мѣрѣ часть ихъ можетъ быть объяснена тѣмъ недоразумѣніемъ автора, на которомъ основывается вся его книга.

Дѣло въ томъ, что г.—а Гр. поразило въ Византіи то самое явленіе, которое отличаетъ еще римскую имперію ²⁾, а именно частыя возстанія и издѣвательства надъ императорами несмотря на ихъ неограниченную власть, беспорядочность и необезпеченность престолонаслѣдія, роль войска, а иногда народа и сената при провозглашеніи или низложеніи императоровъ и т. д. «Монархія», говоритъ онъ на стр. 237, «подчасъ издѣвающаяся надъ своимъ державнымъ вождемъ, республика безъ представительства, безъ народнаго собранія, безъ выборныхъ высшихъ должностныхъ лицъ, какая то невообразимая смѣсь безначалія съ безусловнымъ повиновеніемъ, тиранніи съ народоправствомъ—вотъ тотъ сфинксъ государственнаго строя Византіи, который смотритъ на насъ своимъ загадочнымъ взоромъ сквозь туманъ истекшихъ столѣтій». Эдипомъ этого сфинкса и хотѣлъ явиться г. Гр., но мы боимся, что его надежды не оправдались.

Въ самомъ дѣлѣ, каково предлагаемое г. Грибовскимъ рѣшеніе?

Прежде всего г. Гр. строго различаетъ римскій и византійскій государственный строй (мы къ этому еще вернемся). «Въ жизни», говоритъ онъ (стр. 298), «силою можетъ быть навязана только виѣшность, содержаніе же всегда самобытно, въ особенности въ томъ случаѣ, когда оно духовно. Римъ насильно далъ греко-восточному міру свою форму государственнаго устройства, но не былъ въ состояніи дать идеала. Образованію послѣдняго здѣсь способствовали двѣ силы: унаслѣдованная культура античной древности и излитая на человѣчество мудрость божественнаго Основателя христіанства ³⁾. Къ такому выводу приводятъ соображенія, касающіяся кореннаго различія въ стремленіяхъ и воззрѣніяхъ запада и востока. Въ одномъ господствовалъ человѣкъ, вознесенный до Бога, въ

1) См. также Krumbacher. *Gesch. d. byz. Lit.*, 16 (I изд.).

2) А также многія восточныя деспотіи.

3) Развѣ Западъ такъ таки не унаслѣдовалъ «культуры античной древности», въ которую онъ и самъ вѣдь не мало внесъ, и развѣ христіанство существовало только на Востока?

другомъ Богъ облекшійся въ человѣческое естество»¹⁾. «До перенесенія столицы римской имперіи», читаемъ мы на стр. 300, «съ береговъ Тибра на берега Босфора восточный міръ не имѣлъ яснаго представленія о существѣ западнаго империализма». Познакомившись съ образомъ дѣйствій римскаго правительства (непонятно, почему г. Гр. думаетъ, что онъ его раньше не зналъ), «вольнлюбивый грекъ, восточный міръ естественно долженъ былъ наконецъ ему противопоставить въ своемъ умѣ народный идеалъ монарха начальника о нуждахъ подданныхъ, а не угнетателя ихъ».

Въ чемъ же заключался и откуда взялся этотъ «народный идеалъ»? «Собственныя представленія о царѣ», говоритъ г. Гр. (стр. 302), «въ умѣ Византійца сложились подъ вліяніемъ соглашенія началъ христіанства съ древней философіей. Авторитетъ Платона, признанный церковью, необходимымъ образомъ долженъ былъ оказать особое вліяніе на политическіе взгляды византійскаго населенія, и дѣйствительно, *обобщая содержаніе разнообразныхъ литературныхъ данныхъ*²⁾, (какихъ именно г. Гр. къ сожалѣнію не указываетъ, и мы позволяемъ себѣ думать не потому, что онъ счелъ это излишнимъ, а потому что ихъ нѣтъ), мы можемъ изъ нихъ извлечь въ качествѣ наиболѣе характерныхъ *черты чисто платоновскаго идеала монарха*. Таковыми чертами въ произведеніяхъ различныхъ византійскихъ авторовъ являются: *безстрастіе, самоотверженіе, высшая справедливость, добродѣтель, мудрость*».

Расплывчатость и неопредѣленность этихъ качествъ такъ же очевидны какъ и то, что не нужно было нользоваться уроками Платона для того, чтобы создать такого рода идеалъ. Смѣемъ думать, что среди всѣхъ сколько нибудь культурныхъ, а пожалуй даже и некультурныхъ племенъ и народовъ, мысль человѣческая, разъ она начинала вырабатывать идеалъ правителя, приходила именно къ тѣмъ, повторяемъ, чрезвычайно расплывчатымъ результатамъ, которые Византійцы по мнѣнію г. Гр. непременно должны были почерпнуть изъ Платона³⁾. Раньше чѣмъ признаемъ мысль г. Грибовскаго заслуживающей опроверженія, онъ долженъ намъ доказать, что *только благодаря вліянію Платона* и возможно было создать такой идеалъ въ Византіи и что подобнаго идеала не было хотя бы въ Римѣ. Да и помимо этого, какіе выводы можно сдѣлать изъ существованія этого идеала для государственнаго строя Византіи? Очевидно никакихъ: мало

1) Противоположеніе апофеоза императоровъ ученію о Христѣ какъ характерныхъ особенностей западной и восточной культуры лишено всякаго основанія. «Истинной родиной вѣры въ сверхчеловѣческое существо монарховъ», говоритъ Friedländer, *Darstellungen zur Sittengeschichte Roms* (1890) т. III, стр. 546, «былъ востокъ; изъ грековосточныхъ государствъ онъ виѣстѣ съ монархіей былъ перенесенъ и въ Римъ». Что же касается христіанства см. предвѣдущее прим.

2) Курсивъ здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ мѣстахъ, нашъ.

3) Какъ основательно, кстати сказать, и въ Византіи изъ за Аристотеля забыли Платона, видно изъ того, что потребовалось буквально возрожденіе интереса къ нему «послѣ долгаго сна» (въ XI вѣкѣ). См. Krumbacher, *Gesch. d. byz. Literatur*, I изд. 1891 г. стр. 171, 175 и др.

ли какіе идеалы существуютъ, не приобретаая вліянія на жизнь! Между тѣмъ г. Гр. придаетъ чрезвычайно много значенія своей мысли и кладетъ ее въ основаніе своихъ дальнѣйшихъ разсужденій. Онъ даже удѣляетъ цѣлую главу (VII) изложенію политическихъ теорій Платона и ксати Аристотеля. Къ сожалѣнію только это изложеніе до такой степени одностороннее, что — если вѣрить г. Гр. — можно подумать, что Платонъ былъ убѣжденнымъ монархистомъ. На стр. 293 г. Гр. даже прямо утверждаетъ, что Платона «можно отнести къ приверженцамъ исключительныхъ достоинствъ царской власти». Между тѣмъ объ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Говоря объ управленіи идеальнаго государства, утопическое устройство котораго изложено въ Политіи, Платонъ говоритъ не о единовластіи «мудреца-царя», а объ аристократіи «мудрецовъ», которымъ и должно быть ввѣрено управленіе, хотя допускаетъ и единовластіе, еслибы случилось, что одинъ человекъ рѣзко выдѣлился изъ остальныхъ. Въ Законахъ, гдѣ Платонъ имѣлъ въ виду дать характеристику лучшаго изъ дѣйствительно возможныхъ типовъ государственнаго устройства, онъ какъ извѣстно въ концѣ концовъ также склоняется къ аристократической республикѣ. Да наконецъ вовсе не политическіе, а социальныя вопросы стоятъ у Платона на первомъ планѣ¹⁾.

Итакъ по мнѣнію г. Гр. Византійскій государственный строй покоится на «Платоновскомъ идеалѣ монархіи». Въ какихъ-же формахъ выражалось это практически?

«Говоря новѣйшимъ юридическимъ языкомъ», читаемъ мы на стр. 328, «въ рукахъ византійскаго императора нераздѣльно и совокупно сосредоточивались всѣ функціи верховенства свѣтскаго и духовнаго и всѣ отрасли власти законодательной, исполнительной и судебной. Въ тѣхъ добра царь не связывался законами и по воззрѣніямъ народа и по личному сознанію. *Благожелательная* воля его въ принципѣ должна была пользоваться силой закона. Въ этомъ смыслѣ византійская монархія по существу своему была даже абсолютнѣе римской». На чемъ же однако основывались такія права монарха? «На признаніи его мудрецомъ, проникающимъ въ тайны сокровеннаго, помазанникомъ Божиимъ» и т. д.

Но не дѣлайте изъ этого заключенія, что Византія представляла изъ себя вполне неограниченную монархію. Г. Грибовскій по крайней мѣрѣ приходитъ къ совершенно инымъ результатамъ. «*Византія*», говоритъ онъ, (стр. 242) «представляетъ собой какъ бы типъ *вѣчевой монархіи*».

Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь только «благожелательная воля» монарха, проявлявшаяся «въ дѣланіи добра», пользовалась силой закона, а не его злая воля. Если народъ паче чаянія убѣждался, что императоръ не «мудрецъ», и не упражняется «въ дѣланіи добра», онъ пользовался «*правомъ возстанія, признаваемымъ даже властью*» (стр. 203). Сдѣлавъ совершенно не-

1) См. Pöhlmann, Geschichte des antiken Communismus und Socialismus, т. I, особенно 269—371 (1893).

основательную ссылку на Англию временъ Иоанна Безземельнаго, гдѣ кстати сказать «право возстанія» принадлежало вовсе не народу, а баронамъ¹⁾, г. Гр. на стр. 204 продолжаетъ: «Въ этомъ смыслѣ можно провести нѣкоторую параллель между народомъ англійскимъ и населеніемъ Византіи. Впрочемъ *иорожане имперіи сознавали свое право протеста даже въ большей степени нежемъ англосаксонци* (авторъ вѣроятно хотѣлъ сказать норманны). *Вся масса гражданъ была полноправна въ дѣлѣ обсужденія политическихъ вопросовъ.* Подобно тому какъ въ дни Перикла или Солона аѣннины сбѣгались на городскую площадь, чтобы выбрать архонтовъ съ царемъ (развѣ «царь» республиканскаго періода не принадлежалъ къ архонтамъ?) или разрѣшить распрю богатыхъ съ бѣдными, такъ въ Византіи народъ стекался на гипподромъ или въ св. Софію и тамъ общимъ голосомъ *упорядочивалъ государственныя дѣла*».

Очевидно, византійскій сѣинкъ посрамленъ. Верховная власть «не-раздѣльно и совокупно» въ рукахъ императора, но «вся масса гражданъ полноправна въ дѣлѣ обсужденія политическихъ вопросовъ», власть императоровъ «даже абсолютнѣе римской», но Византія «какъ бы типъ вѣчевой монархіи». Какъ однако ларчикъ просто открывался! Все дѣло лишь въ томъ, «благожелательна» ли или нѣтъ воля императора. Интересно только, какъ ученые до сихъ поръ ничего объ этомъ не знали, и почему ни въ одномъ изъ византійскихъ сводовъ не содержится даже намекъ на это... открытіе? Интересно правда и то, какъ г. Гр. доказываетъ свой своеобразный взглядъ? Тутъ ларчикъ открывается еще проще: *Г. Грибовскій не приводитъ ни одного доказательства для своихъ положеній.* Нельзя же дѣйствительно считать таковыми расположенные въ разныхъ мѣстахъ книги и понадерганые изъ разныхъ эпохъ случаи народныхъ возстаній, насмѣшекъ и свободныхъ разговоровъ, не рассмотрѣнные въ связи съ условіями мѣста и времени, не объясненные и не сопоставленные съ другими прямо противоположными свидѣтельствами. Г. Гр. повидимому не знаетъ, что въ силу требованій научнаго метода каждый изъ приводимыхъ имъ фактовъ прежде всего долженъ быть разобранъ въ отдѣльности, должно быть доказано, что онъ можетъ быть объясненъ не иначе какъ съ точки зрѣнія автора, что онъ не представляетъ исключенія изъ общаго правила, что противоположныя данныя не имѣютъ значенія и что дѣлаемый изъ всего этого выводъ обязателенъ для всѣхъ періодовъ византійской исторіи. Въ томъ видѣ, какъ г. Гр. ихъ сообщаетъ, факты возстаній и т. д. ничего не доказываютъ кромѣ неумѣнія автора обращаться съ научнымъ матеріаломъ. Что же касается тѣхъ двухъ трехъ фразъ изъ эпанагоги, на которыя г. Гр. ссылается на стр. 322 и сл., то вѣдь самъ же г. Гр. на стр. 362 и сл. признаетъ, что въ нихъ видно стремленіе духовенства подчинить императорскую власть своему контролю. Какой ужъ тутъ «Платоновскій идеалъ монарха»! «Право возстанія», ко-

1) См. Градовскій, упом. соч., т. I, стр. 97.

торое г. Гр. выводитъ изъ такихъ данныхъ для Византіи, конечно въ высокой степени удивительно: что бы сказагъ г. Гр., еслибы кто нибудь сталъ доказывать, что возстаніе 1547 г., мятежный духъ смутнаго времени, возстанія 40-хъ годовъ XVII вѣка, мятежъ 1662 г., бунтъ Разина, стрѣльцкія возстанія 1682 и 1689 г. и т. д. и т. д. свидѣтельствуютъ о правѣ русскаго народа на возстаніе, правѣ, «признаваемомъ самой властью» ¹⁾. Чѣмъ отличаются рѣчи, съ которыми Алексѣй Комнинъ обращался къ народу, отъ знаменитой рѣчи Іоанна Грознаго или отъ просьбы Алексѣя Михайловича пощадить Морозова, и т. д.? Неужели изъ такихъ отрывочныхъ данныхъ можно дѣлать выводъ, что Византія или въ нашемъ примѣрѣ Москва представляла «какъ бы типъ вѣчевой монархіи» ²⁾?

Мы должны извиниться предъ всѣми лицами, сколько нибудь знающими исторію вообще и исторію Византіи въ частности, что мы вообще опровергаемъ взгляды г. Гр., противорѣчущіе самымъ элементарнымъ историческимъ фактамъ и юридическимъ понятіямъ. Г. Грибовскаго очевидно поразило, что неограниченная власть не исключала въ Византіи народныхъ возстаній. Но что же въ этомъ удивительнаго? Нѣтъ такой неограниченной власти, которая была бы обезпечена отъ народныхъ или военныхъ мятежей или возстаній: здѣсь какъ и при всякомъ другомъ государственномъ строѣ все зависитъ отъ умѣнія правительства обходиться съ народомъ, отъ того, переполнится ли чаша народнаго терпѣнія или нѣтъ. «Для того, чтобы органъ власти могъ въ своей дѣятельности опереться на сознаніе подчиняющихся ихъ зависимости отъ государства», говоритъ проф. Коркуновъ (Лекціи по общей теоріи права, изд. III, стр. 263), «необходимо, чтобы его дѣйствія находились въ извѣстномъ соотвѣтствіи съ этимъ сознаніемъ подвластныхъ, съ тѣми представленіями, какія они имѣютъ о государствѣ, объ его отношеніи къ праву, къ личной и общественной свободѣ». Это вовсе не исключаетъ полной неограниченности власти. «Нѣтъ правительства, которое бы не

1) Вѣдь обращалась же Софья-правительница сама за поддержкой къ стрѣльцамъ и народу. Это ли не «право возстанія, признаваемое самой властью»?

2) Кстати позволимъ себѣ привести изъ писаній Іосифа Волоцкаго мѣсто, которымъ г. Гр. можетъ воспользоваться, чтобы доказать, что и въ Московскомъ государствѣ существовалъ «Платоновскій идеалъ монарха». «Іосифъ», гов. проф. Дьяконовъ (Власть Моск. гос. стр. 95), «счелъ необходимымъ сдѣлать оговорку относительно царя, который надъ собою «имать царствующи скверныя страсти и грѣхи, сребролюбіе же и гнѣвъ, лукавство и неправду, гордость и ярость, злѣйши же всѣхъ невѣріе и хулу». По Іосифу такой царь «не Божій слуга, но дьяволъ, и не царь, не мучитель». Іосифъ преподаетъ слѣдующее правило отношеній къ такому мучителю: «И ты убо таковаго царя или князя да не послушаеши: на нечестіе и лукавство приводяща тя, аще мучитъ, аще смертію претитъ». Такимъ образомъ поклоненіе и служеніе царю должно быть, по ученію Іосифа, результатомъ критики «общественныхъ и религіозныхъ свойствъ личности царствующаго». Проф. Дьяконовъ объясняетъ этотъ взглядъ конечно не влияніемъ Платона, а отношеніями Іосифа къ Іоанну III.

признавало за собою хотя какихъ либо юридическихъ обязанностей», утверждаетъ тотъ же ученый въ другомъ мѣстѣ (стр. 261). А если то или иное правительство нарушитъ настолько существенные интересы или привычки болѣе или менѣе вліятельнаго или многочисленнаго класса населенія, что послѣдній предпочтетъ возстаніе или словесный протестъ молчаливому повиновенію, то изъ этого еще нельзя выводить, что возставшіе имѣли «признаваемое самой властью» право возстанія. А разъ такимъ образомъ оказывается, что предположеніе права возстанія въ Византіи лишено основанія и тѣмъ самымъ противовѣсь неограниченности императорской власти устраненъ, «Платоновскій идеаль монархіи» оказывается выдумкой и остается просто близкая къ деспотизму неограниченная монархія, т. е. то самое, что находили въ Византіи и юристы (Цахаріэ, Mortrenil) и историки.

Помимо того однако, что взглядъ г. Гр. не выдерживаетъ никакой критики, авторъ даже непослѣдователенъ въ его примѣненіи. *Неограниченность* «благожелательной воли» императора, контролируемая лишь одними народными возстаніями, очевидно несомвѣстима ни съ какими *ограниченіями*. Казалось бы, ясно. Между тѣмъ вотъ что мы читаемъ на стр. 142—3: «Сенатъ входитъ (неизвѣстно когда?) въ силу *классической эпохи*... Отъ него въ значительной мѣрѣ начинается зависѣть избраніе новаго государя, имъ опредѣляется въ широкихъ размѣрахъ государственная дѣятельность послѣдняго. «*Ограниченіе власти растетъ*». Доказательства? Ихъ нѣтъ, да и при всемъ желаніи трудно было бы ихъ подыскать. Вѣдь тутъ все невѣрно. «Сенатъ входитъ въ силу классической эпохи» т. е. нужно думать эпохи высшаго расцвѣта его могущества. А если такъ, то сенатъ рѣшаетъ въ Византіи буквально всѣ дѣла, а императоръ лишь магистратъ и наряду съ другими магистратами докладываетъ сенату. Но когда же это было? Смѣемъ увѣрить г. Гр., что рѣшительно никогда. Вплоть до своего сліянія съ *saeculum consistorium* «Сенатъ наряду съ болѣе тѣснымъ составомъ *consistorii principis* является болѣе многочисленнымъ государственнымъ совѣтомъ, дѣятельность котораго была ничтожна»¹⁾, а послѣ своего соединенія съ *consistorium* сенатъ естественно былъ государственнымъ совѣтомъ и больше ничѣмъ. Впрочемъ и самъ г. Гр. это знаетъ: «Предоставленіе той или другой доли участія въ управленіи народу, отдѣльнымъ лицамъ или учреждениямъ» говоритъ онъ (стр. 337), «конечно вполнѣ зависѣло отъ усмотрѣнія монарха, смотря по тому въ какой степени онъ рассчитывалъ на собственныя силы». А разъ это такъ, то какъ же можно говорить, что «ограниченіе власти растетъ».

Но оставимъ собственно юридическую часть труда, о полной неудовлетворительности которой нечего и говорить,—почти всѣ частные вопросы разрѣшаются такимъ же удивительно легкомысленнымъ образомъ

1) Karlowa, Römische Rechtsgeschichte I, 891.

Византийскій Временникъ.

какъ и основной ¹⁾ и перейдемъ къ исторической. Быть можетъ окажется, что историческія разсужденія автора болѣе состоятельны и изобличаютъ болѣе знаніе дѣла, чѣмъ «догматическія». Къ сожалѣнію однако и этого нельзя сказать.

Мы ужь отмѣтили, что г. Гр. строго отличаетъ римскую имперію отъ византійской, хотя и не опредѣляетъ когда собственно Римъ превратился въ Византію. Но это еще не бѣда: лучше знатоки Византіи несогласны по этому вопросу, а г. Гр., какъ мы видѣли, не принадлежитъ къ таковымъ. Съ другой стороны однако самый фактъ несогласія по этому вопросу указываетъ на то, что противоположеніе римской и византійской имперіи совершенно произвольно. Извѣстно, что Вугу въ своей *History of the later roman empire* (London 1889, 2 т.) даже прямо отвергаетъ возможность опредѣлить, когда Византія замѣнила Римъ. «Каждое столѣтіе жизни римской имперіи», говоритъ онъ (Preface, p. VI), «отличается отъ предъидущаго и отъ послѣдующаго, но развитіе не прерывается; имперія постоянно оставалась римской имперіей, и я не слышалъ, чтобы было принято давать человѣку новое имя, когда онъ вступаетъ въ новое десятилѣтіе своей жизни. Мы называемъ человѣка старымъ или молодымъ, и такъ же точно мы можемъ говорить о болѣе раннихъ и болѣе позднихъ временахъ жизни того или иного царства или имперіи». «Византійская имперія», говоритъ тотъ же ученый въ другомъ мѣстѣ (Preface V) «никогда не начинала существовать, римская имперія не прекращала своего существованія до 1453 г.»

Иначе смотритъ на это дѣло г. Гр. Отдѣливъ Византію отъ Рима, онъ въ точности опредѣляетъ, изъ какихъ элементовъ сложилась византійская культура. Къ сожалѣнію только онъ дѣлаетъ это въ двухъ разныхъ—и противоположныхъ—мѣстахъ своей книги. На стр. II онъ говоритъ, что византійская культура «сложилась изъ трехъ элементовъ: древнегреческаго, халдейскаго (sic!) и христіанскаго», а на стр. 68 мы читаемъ: «изъ столкновенія двухъ указанныхъ противоположныхъ элементовъ, христіанизированнаго восточнаго эллинизма и христіанизиро-

1) См. напр. стр. 252—58 о Сенатѣ. вмѣсто того, чтобы выяснить составъ и компетенцію сената, его юридическое и фактическое положеніе въ разные періоды византійской исторіи, г. Гр. довольствуется *нравственною* оцѣнкой его роли и избранныхъ имъ императоровъ, причемъ конечно не мало говорится о тѣхъ партіяхъ «западниковъ» и «народниковъ», которыя г. Гр. открылъ въ Византіи, и кстати объявляются «сенатскими ставленниками» Юстиніанъ I и Никифоръ Фока (255), которые, какъ извѣстно, обязаны своимъ воцареніемъ совсѣмъ другимъ факторамъ. Говоря на 140 страницахъ о «населеніи», г. Гр. едва касается вопроса о происхожденіи, исторіи, юридическомъ положеніи и политическомъ значеніи византійскихъ крѣпостныхъ, общины, патроната династовъ, о роли знати вообще въ государственной жизни. Всѣ эти вопросы имѣютъ огромное значеніе для юриста, какъ и для историка: между тѣмъ г. Гр. считаетъ возможнымъ говорить о нихъ à vol d'oiseau, да и то, что онъ говоритъ, дѣлкомъ, заимствовано у проф. Васильевскаго, Успенскаго, у Цахарія, Мотренил'а и т. д. за исключеніемъ конечно фантазій о западникахъ и т. д., всецѣло принадлежащихъ самому г. Грибовскому.

ваннаго романизма возникла новая цивилизація, которая носитъ названіе византизма». Если бы не фантастическая теорія автора о борьбѣ романской и эллинской *parties* въ Византіи, мы бы не знали, какое изъ этихъ мѣстъ его книги заслуживаетъ предпочтенія для выясненія его взглядовъ. Указанная теорія заставляетъ насъ отдать предпочтеніе второму. Переходимъ къ его разсмотрѣнію.

И такъ романизмъ и эллинизмъ, ихъ взаимодѣйствіе и борьба—вотъ центръ византійской исторіи, совершенно такъ же какъ «Платоновскій идеалъ монарха»—центральный пунктъ византійскаго государственнаго устройства. Роль двухъ началъ при этомъ діаметрально-противоположная. Романизмъ оказывается «запечатлѣннымъ коварствомъ, бездушіемъ, формализмомъ, сухостью и насліемъ» (68); онъ играетъ роль «части зараженной крови Запада, впущенной въ жилы обновленнаго, полнаго жизни и силъ востока» (ib.), тогда какъ «лучшіе умы восточной имперіи всегда стояли на сторонѣ освободительнаго движенія» (70) и были «эллинофилами», «народниками», «отчизнолюбцами»; въ противоположность имъ г. Гр. называетъ приверженцевъ романизма «западниками».

Откуда однако взялъ г. Гр. во-первыхъ характеристику романизма и эллинизма и во вторыхъ представленіе о ихъ борьбѣ въ лицѣ мнимыхъ партій «народниковъ» и «западниковъ»?

I. Обратимся прежде всего къ первому вопросу: откуда взялъ г. Гр. характеристику романизма и эллинизма?

Этому предмету у него посвященъ первый параграфъ II главы, такъ и озаглавленный: романизмъ и эллинизмъ (стр. 35—41), причемъ главными источниками автора, судя по его же ссылкамъ и замѣчаніямъ, были «Всеобщая исторія литературы» Шерра (1), «le romanisme» вѣскога г. Питципиоса (sic!) и популяризирующая тенденціозная книга Папарригопуло «Histoire de la civilisation hellénique» ¹⁾. Для того, чтобы уяснить себѣ ходъ развитія греческой мысли, авторъ кромѣ того пользовался совершенно устарѣвшей исторіей греческой литературы Nicolai и популярными книжками Дрепера, Льюиса, Фулье и Поля Жане (sic!). На стр. 39 г. Гр. правда ссылается еще и на Дройзена, но дѣлаетъ при этомъ замѣчаніе, что «эллинизмъ имѣетъ своихъ *deux* даровитыхъ и глубоко-знающихъ историковъ: Папарригопуло и Дройзена». Г. Гр. очевидно говоритъ въ данномъ случаѣ объ эллинизмѣ въ узкомъ смыслѣ, хотя и не дѣлаетъ необходимой оговорки, но и въ такомъ случаѣ спрашивается, на какомъ основаніи авторъ отказывается въ даровитости и званіяхъ Mahaffy (Greek life and thought), Holm'y (Griechische Geschichte т. IV и сл.), Niese и т. д.? Отвѣтить на этотъ вопросъ нетрудно: авторъ не знаетъ о ихъ существованіи. Но это еще не все: въ книгѣ, гдѣ говорится о самыхъ сложныхъ вопросахъ античной исторіи, гдѣ цитируются

1) Пятитомная «исторія греческаго народа» того же автора (на греч. яз. 2 изд. Аѳины 1886/7) осталась повидимому неизвѣстной г. Грибовскому.

какъ коронные свидѣтели Питципіосъ и Поль Жане, нѣтъ ни одной ссылки на труды Грота, Дункера, Курціуса, Мейера, Белоха, Бернгарди, Шёмана и др. для Греціи ¹⁾, труды Моммзена, Марквардта, Ине, Шиллера, Фридендера, Карловы, Дюрюи и др. для Рима. Объяснить это случайностью нельзя и мы позволяемъ себѣ думать, что г. Гр. ихъ никогда и въ глаза не видалъ, иначе онъ не могъ бы написать такихъ вещей, какія содержатся въ его второй главѣ.

Выборъ источниковъ, ужъ самъ по себѣ изобличающій полное незнакомство автора съ предметомъ его суждений, естественно долженъ былъ опредѣлить и характеръ послѣднихъ. Трудно представить себѣ нѣчто болѣе поверхностное и легкомысленное, чѣмъ характеристика греческаго и римскаго «народнаго духа» на указ. стр. книги г. Гривовскаго.

Слѣпо вѣря своимъ «авторитетамъ», г. Гр. сурово осуждаетъ Римлянъ, видя въ нихъ лишь одно «преобладаніе тѣла надъ духомъ», но за то чрезвычайно хвалитъ Грековъ. За Римлянами онъ признаетъ лишь одну заслугу, выработку «самостоятельнаго склада общественно-политическаго устройства», да и то «вооруженнаго безчеловѣчьемъ и жестокостью отечественнаго генія власти» (стр. 36). «Территоріальныя увеличенія» по его мнѣнію «были задачею римлянъ, стремившихся во что бы то ни стало *осуществить идею* міроваго господства». Этимъ по мнѣнію автора объясняется ихъ презрѣніе къ торговлѣ, промышленности, земледѣлію (?), наукѣ, искусству, этимъ же и «примѣры вольнаго и невольнаго принесенія личности или слабой группы въ жертву односторонне понятому общему интересу». (ib.) Неужели г. Гр. не знаетъ, что причиной презрѣнія къ нѣкоторымъ отраслямъ труда у Римлянъ, какъ отчасти и у Грековъ (особенно въ болѣе позднее время) было рабство, и что среди греческихъ республикъ личныя права и интересы были нисколько не болѣе обезпечены отъ государственнаго всевластія, чѣмъ въ Римѣ? Пускай онъ раскроетъ хоть «Государственное право важнѣйшихъ европ. держ.» Градовскаго т. II, стр. 2, гдѣ именно аѳинская демократія противопоставляется современной французской республикѣ и какъ разъ въ виду неограниченности верховныхъ правъ аѳинскаго демоса надъ гражданами. Мы не будемъ останавливаться на дальнѣйшихъ недоразумѣніяхъ автора на стр. 37 и 38, иначе намъ пришлось бы доказывать невѣрность буквально каждой его мысли. Характеръ его разсуждений и безъ того достаточно ясенъ: авторъ очевидно не подозреваетъ, что современная наука перестала заниматься произвольной конструкціей «духа» того или другого народа какъ средства для объясненія его исторіи. Любопытно впрочемъ, что авторъ, аттестующій Римлянъ «жестокими», «мстительными» и т. д., на стр. 298 объявляетъ апостола Павла «римляниномъ по духу и воспитанію». Мы не говоримъ ужъ о томъ, что это замѣчаніе

1) На Целлера есть всего одна случайная ссылка (стр. 290).

фактически невѣрно,—ап. Павелъ былъ эллинизированный еврей и его право римскаго гражданства не имѣетъ ничего общаго съ римскимъ воспитаніемъ или «духомъ»—странно то опредѣленіе этого самого «духа», которое совмѣщаетъ и жестокость и проповѣдь любви ¹⁾).

Характеристика эллинизма, будучи построена на томъ же архаическомъ приѣмѣ, не менѣе произвольна, неопредѣленна и фантастична, чѣмъ характеристика романизма ²⁾). Едва ли въ настоящее время найдется серьезный ученый, который бы согласился признать, что «стремленіе греческаго духа къ прекрасному опредѣлилъ собою весь ходъ эллинской цивилизаціи въ ея многообразныхъ проявленіяхъ» (38), или что «у Гомера встрѣчаются самыя высокія понятія объ отношеніяхъ Бога и человѣка» (39) ³⁾), или что предъ общей опасностью забывались мелкіе счеты, дразги, узкій индивидуализмъ и греческая народность являлась могучимъ цѣлымъ» (40). Именно войны съ Персами, на которыя г. Гр. ссылается по этому поводу, лучше всего доказали, какъ мало общая опасность вліяла на прекращеніе домашнихъ счетовъ. Приводитъ факты, опровергающіе взглядъ г. Гр., не стоитъ: ихъ можно найти въ любомъ учебникѣ для среднихъ учебныхъ заведеній. Здѣсь же г. Гр. можетъ убѣдиться, что вопреки его мнѣнію (41) гегемонія въ Греціи вовсе не перешла «въ концѣ концовъ» къ Аѳинамъ.

Опредѣливъ по своему сущность эллинизма, какъ онъ развился на родинѣ эллиновъ, г. Гр. переходитъ къ эллинизации Востока (стр. 41—54), по поводу которой говоритъ такъ же много страннаго и такъ же мало яснаго. Такъ на стр. 42 г. Гр. приводитъ «остроумное» замѣчаніе Дройзена, что «востокъ *почему то* всегда особенно прельщалъ и поражалъ воображеніе Грековъ». Еслибъ г. Гр. былъ знакомъ съ тѣмъ, что за послѣднее время сдѣлано въ области исторіи Востока и Греціи, онъ бы могъ быть нашелъ бы объясненіе этому явленію, которое его видимо удивляетъ ⁴⁾). «Средоточіемъ греко-восточной образованности *четвертаго*

1) Впрочемъ если ап. Павелъ попалъ въ число римлянъ, то бл. Августинъ на стр. 85 оказывается «вполнѣ романизованнымъ грекомъ!» Участь бл. Августина раздѣлилъ и Тертуліанъ (71)!

2) Замѣчательно, что къ числу свойствъ греческаго духа принадлежитъ и *мореплаваніе*; см. стр. 45: «все свойства греческаго духа получили возможность широкаго развитія въ новомъ восточномъ отечествѣ; между прочимъ сильно пошло впередъ мореплаваніе, а. вмѣстѣ съ послѣднимъ и торговля». На стр. 299 кромѣ того оказывается, что «греки не обладали особой склонностью къ политикѣ». Это Аѳинскій то народъ напр. «не обладалъ склонностью къ политикѣ».

3) Ксенофанъ (Фр. 1) другого мнѣнія: «все что у людей считается позорнымъ и достойнымъ порицанія», говоритъ онъ, «Гомеръ и Гезіодъ приписали богамъ, воровство, прелюбодѣяніе и взаимный обманъ».

4) Быть можетъ г. Гр. отвѣтитъ намъ, что онъ по профессіи юристъ, а не историкъ. Тогда не слѣдовало братья за историческіе вопросы—или нужно было основательно познакомиться съ исторіей. Объясненіе онъ нашелъ бы впрочемъ и въ гимназическихъ учебникахъ древней исторіи, напр. у проф. Виноградова, стр. 82 (изд. П.).

вѣка сдѣлалась Александрія»¹⁾, сказано далѣе на стр. 42. Но вѣдь Александрія основана только въ 330 г., а знаменитый музей лишь въ царствованіе Птолемея II Филадельфа (285—247; см. Susemihl, *Gesch. d. alex. Lit.* I, 7). Но это лишь мелкіе промахи, характеризующіе поразительную неряшливость автора. Важнѣе тѣмѣста, гдѣ г. Гр. доказываетъ свое полное незнакомство съ философіей вообще, съ греческой въ частности. Такъ на стр. 49 г. Гр. упоминаетъ объ Аристотелѣ «съ его умолимымъ *позитивизмомъ*». Эта аттестація настолько ни съ чѣмъ несообразна, что мы сначала подумали, что авторъ просто неловко выразился. Но вотъ на стр. 291 прямо противопологаются «номиналистъ» Аристотель и «реалистъ» Платонъ какъ «позитивистъ-ученикъ» и «метафизикъ-учитель». Послѣ этого уже не удивляешься, когда на стр. 52 читаешь, что Платонъ явился прямымъ проповѣдникомъ *магизма*. *Его ученіе о душѣ и тѣлѣ, о добротѣ и злѣ есть непосредственное отраженіе идеи борьбы Ормузда и Аримана*. Эта замѣчательная мысль впрочемъ заимствована г. Грибовскимъ у одного изъ его авторитетовъ—Поля Жана, писателя извѣстнаго своимъ легкомысліемъ и поверхностностью. Все изложеніе развитія греческой философій эллинистическаго и римскаго періода (стр. 46—54) вообще отличается поразительной сбивчивостью, неясностью и невѣрностью. Отмѣтимъ лишь нѣсколько курьезовъ. Такъ мы читаемъ на стр. 46: «Въ эладѣ греческая мысль была сжата тѣсною территоріею и шла постоянно въ глубь», и только послѣ походовъ Александра В. и путешествія Каллисена на Востокъ (!) она «раздалась въ ширь». Между тѣмъ на стр. 47 оказывается, что «въ первоначальномъ творествѣ греческаго генія отразилась нѣкоторая разсудочно-близорукая поверхностность быстро охватывающаго и быстро обобщающаго взгляда», и что только столкновеніе «съ болѣе слабой, но за то болѣе древней вдумчивой мистической цивилизаціей востока» (46) сообщило Грекамъ большую глубину мысли, а на стр. 61 говорится о «врожденной склонности грековъ къ мистической философій», тогда какъ на стр. 46 тотъ же г. Гр. говоритъ, что «греки упражняли тѣло, востокъ стремился постигнуть духъ». Замѣчательно и то, что ученіе софистовъ: человекъ—мѣрило вещей, было «древней греческой мыслью» (стр. 48) дософистическаго періода.

Въ деспотическихъ государствахъ эллинизованнаго востока авторъ наконецъ находитъ первое воплощеніе «платоновскаго идеала монархіи». «Птолеми и Селевкиды», говоритъ онъ (стр. 50) «въ значительной мѣрѣ могутъ быть названы платоновскими философами на тронѣ». Эта мысль настолько понравилась автору, что онъ ее повторяетъ на стр. 51: «Птолеми и Селевкиды *точно съ умысломъ старались осуществить въ себѣ идеалъ платоновскаго правителя, и отсюда повидимому ведутъ происхо-*

1) Кромѣ «чаши мудрости въ Александрію» г. Гр. приписываетъ еще большое значеніе «кубку любви Сузы» (стр. 54). Что это такое?

женіе ихъ прозвища: Эвергетъ, Сотеръ, Филадельфъ¹⁾. Разъ это такъ естественно, что «греки понемногу привыкли смотрѣть на своихъ повелителей, какъ на благодѣтелей, поставленныхъ для заботъ о своемъ народѣ» (51). Къ сожалѣнію однако все это одна фантазія, лишній разъ доказывающая полное незнакомство автора съ исторіей эллинизма. Среди каждой династіи можно найти двухъ—трехъ болѣе или менѣе выдающихся государей, въ томъ числѣ и среди Селевкидовъ и особенно Птолемеевъ, но предполагать, что эти семейства сплошь состояли изъ мудрецовъ, можетъ лишь человѣкъ, не имѣющій понятія о той чудовищной массѣ жестокости, распущенности и насилія, которая отличаетъ какъ Птолемеевъ, такъ и Селевкидовъ.

Подвергнувъ Римлянъ суровому осужденію, похваливъ Грековъ, г. Гр. переходитъ къ періоду римскаго владычества въ Элладѣ и на Востокѣ (стр. 54—65). Само собою ясно, что авторъ и здѣсь остается вѣренъ своимъ симпатіямъ. Что Римъ ничего не могъ дать Греціи въ области духовной культуры, въ этомъ г. Гр. конечно правъ. Напрасно только онъ думаетъ, что именно «римское завоеваніе разорило Грецію» (стр. 58); еще задолго до «свирѣпаго, невѣжественнаго Муммія», до походовъ «мстительныхъ, безжалостныхъ Римлянъ» (56) сами Греки сознавали упадокъ Элады, и безпристрастный Поливій, хорошо знавшій и Римлянъ, объяснялъ этотъ упадокъ не внѣшними, а внутренними причинами²⁾. Если бы г. Гр. просмотрѣлъ римскую исторію Моммзена, онъ бы зналъ, что Моммзенъ даже обвиняетъ римское общество и правительство въ чрезмѣрномъ пристрастіи къ грекамъ, въ томъ самомъ филэллинствѣ, которое чрезъ посредство Палларригопуло приникло и въ книгу г. Грибовскаго.

На стр. 56 авторъ далѣе увѣряетъ, что «эллинизованный востокъ избѣгъ печальной участи Элады: Помпей, Юлій Цезарь, Антоній и даже (почему даже?) Октавій вовсе не походили на Муммія». Утвержденіе, будто Римляне отнеслись къ Востоку мягче чѣмъ къ самой Эладѣ, довольно удивительно. Какъ напр. думаетъ г. Гр., почему по сигналу Мирадата малоазіатскіе народы въ нѣсколько дней перебили до 150.000 Италиковъ? Едва ли изъ благодарности за болѣе мягкое обращеніе. Правленіе Суллы также не можетъ быть названо болѣе мягкимъ, чѣмъ поступокъ Муммія въ Коринѣ.

Но послушаемъ, что г. Гр. говоритъ далѣе. Оказывается, что «изъ политическихъ соображеній римское правительство оставляло незатрону-

1) Птолемей I названъ Сотеромъ Родосцами за поддержку въ борьбѣ съ Димитріемъ, сыномъ Антигона; Птолемей II—Филадельфомъ за бракъ съ сестрой, Арсиной; Птолемей III — Эвергетомъ за возвращеніе священныхъ предметовъ Египтянъ изъ Персіи. Какое все это имѣетъ отношеніе къ «платоновскому идеалу монарха»?

2) Очевидно Поливій лучше понималъ исторію чѣмъ г. Гр., который все еще думаетъ, что «выродившійся Римъ палъ отъ недостатковъ своего государственнаго устройства» (82).

тымъ весь складъ общественной жизни ¹⁾); отъ злоупотребленій его корыстной администраціи богатое греческое населеніе откупалось и *тѣмъ сохраняло не только призрачную, но дѣйствительную фактическую независимость и самостоятельность!!* (58). Ту же удивительную мысль г. Гр. излагаетъ на стр. 65: «Фактически», говоритъ онъ здѣсь, «въ лицѣ восточныхъ провинцій Римской имперіи существовало *особое полунезависимое государство*, которому недоставало политическаго центра, чтобы предъ-явить права на *полную суверенность* ²⁾). Между тѣмъ восточныя провинціи имперіи управлялись на совершенно такихъ же началахъ, какъ и западныя; одна изъ нихъ, Египеть, даже находилась въ болѣе тѣсной зависимости отъ императора, чѣмъ какая бы то ни была иная провинція имперіи. Противопоставленіе восточныхъ провинцій западнымъ съ точки зрѣнія ихъ административнаго устройства въ виду этого не имѣетъ *никакого смысла*. Выше мы уже имѣли случай убѣдиться, что г. Гр. не историкъ, и не философъ; его разсужденія о государственномъ строѣ Византіи доказали намъ, что онъ не умѣетъ обходиться съ самыми элементарными юридическими понятіями. Изъ только что приведеннаго мѣста мы видимъ, что онъ не знаетъ и исторіи права.

Это подтверждается и многими другими мѣстами его книги. Такъ напр. на стр. 58 мы читаемъ слѣдующую замѣчательную вещь: «*Единовременный взносъ определенной суммы предоставлялъ возможность богатымъ людямъ превращаться въ свободныхъ отъ налоговъ и сильныхъ многими преимуществами римскихъ граждан!!*». Предлагаемъ г. Гр. указать хоть одинъ источникъ или хоть одного сколько нибудь знающаго писателя, гдѣ говорится подобная абсолютно ни съ чѣмъ несообразная вещь.

Установивъ новый взглядъ на характеръ римской администраціи и пріобрѣтеніе права римскаго гражданства, г. Гр. переходитъ къ христіанству, «одухотворившему греческій міръ и окончательно слившему разноплеменное населеніе восточныхъ провинцій въ *культурно-понимаемую (?) народность*» (стр. 59—60). Между тѣмъ извѣстно, что въ первое время христіанство представляло изъ себя скорѣе новый элементъ разъединенія и религіозной борьбы, да и позже многочисленныя толки, образовавшіеся на его почвѣ, находились въ самыхъ враждебныхъ отношеніяхъ между собой; наконецъ именно со временемъ усиленія христіанства связано возрожденіе туземной письменности какъ въ Сиріи, такъ и въ Египтѣ. Говорить въ виду этихъ фактовъ объ объединяющемъ значеніи христіанства (по крайней мѣрѣ до VII в., времени завоеванія Сиріи и Египта арабами) едва ли возможно.

1) Отмѣчая невѣрность этого положенія, мы должны замѣтить, что слѣдить за всѣми промахами книги г. Гр. мы не въ состояніи, иначе наша рецензія разрослась бы въ дѣлую книгу.

2) Всякаго основанія лишено и утвержденіе г. Гр. (65), будто со временъ Константина «востокъ очутился только въ номинальной зависимости отъ Запада».

Невѣрно далѣе и то, будто въ отличіе отъ Запада «на Востокѣ къ христіанскому ученію *первыми* примкнули представители высшей интеллигенціи, искавшіе духовной пищи не только сердцу, но и уму» (61). Это прямо опровергается хотя бы посланіями апостола Павла. Невѣрно также, будто христіанство, «найдя въ греческомъ обществѣ зачатки гражданскаго равноправія (?)... объявило войну рабству» (64) ¹⁾. Невѣрно наконецъ, что власть епископовъ «оперлась на монархическія убѣжденія восточныхъ грековъ» (ib.; см. E. Hatch, d. Gesellschaftsverfassung der christlichen Kirchen im Alterthum, перев. съ англ. Harnack'a. 1883, стр. 17 и сл., особ. 32).

Такова та характеристика романизма и эллинизма, которую предлагаетъ г. Грибовскій. Не говоря о ея совершенной неправильности и ненаучности, нужно замѣтить еще и то, что она, хотя г. Гр. и не падитъ эпитетовъ, не отличается даже ясностью и опредѣленностью, а вслѣдствіе этого, какъ мы еще увидимъ, остаются неясными и идеалы и цѣли его «народниковъ» и «западниковъ», т. е. защитниковъ эллинизма и романизма.

II. Раньше, чѣмъ перейти къ ихъ «борьбѣ», составляющей будто бы суть византійской исторіи, необходимо однако выяснить, въ чемъ заключаются тѣ данныя, на которыхъ г. Гр. основываетъ свое мнѣніе. Отвѣтъ очень простъ: 1. *Грибовскій это выдумалъ; нѣтъ ни одного источника, ни одного ученаго, на показанія которыхъ онъ бы ссылался или былъ въ состояніи сослаться.* Дѣло въ томъ, что г. Гр. зналъ, что Папарригопуло (его главный источникъ) говоритъ о постепенномъ вытѣсненіи латинскаго языка въ законахъ и администраціи, о возрастающемъ значеніи эллинскихъ и эллинизованныхъ народностей имперіи и т. д., и *ему показалось*, что этотъ фактъ долженъ имѣть коренное значеніе для исторіи византійскаго государственнаго строя, а также что подобный процессъ не могъ произойти иначе, какъ вслѣдствіе сознательной борьбы партій, изъ которыхъ каждая дѣйствуетъ во имя опредѣленныхъ идеаловъ. Но вмѣсто того, чтобы подвергнуть свою догадку серьезной провѣркѣ фактами, — что конечно предполагаетъ знакомство съ источниками и литературой, — г. Грибовскій просто объявилъ ее фактомъ и сталъ перекраивать всю византійскую исторію по своему образцу.

Отсутствія какихъ либо доказательствъ въ пользу совершенно новой гипотезы, собственно говоря, достаточно для характеристики ненаучности метода автора и несерьезнаго отношенія его къ своей задаче. Гипотеза, если она выведена изъ большаго числа фактовъ, можетъ имѣть огромное значеніе; если же она высказывается голословно какъ несомнѣнная истина и *противорѣчитъ самымъ извѣстнымъ фактамъ*, она бесплодна для науки и вредна для ея автора.

Въ самомъ дѣлѣ, къ чему сводится вся историческая часть книги

1) См. посланіе ап. Павла къ Тимошею, гл. VI, 1 и сл., а также Грибовскій стр. 85.

г. Грибовскаго, какъ не къ тому, что онъ создаетъ себѣ фантастическое представленіе о романизмѣ и эллинизмѣ, ставить ихъ въ фантастическія отношенія другъ къ другу и излагаетъ фантастическую исторію Византіи? Вся третья глава первой части книги г. Гр., содержащая обзоръ византійской исторіи съ точки зрѣнія автора, представляетъ изъ себя сплошное извращеніе извѣстныхъ намъ фактовъ и кромѣ того благодаря поразительной неряшливости автора пересыпана цѣлымъ рядомъ недоразумѣній. Разбирать эту главу подробнѣе мы не считаемъ нужнымъ: по существу она состоитъ изъ безконечныхъ варіацій на его основную мысль о борьбѣ коварныхъ западниковъ съ просвѣщенными народниками. Укажемъ лишь нѣсколько наиболѣе крупныхъ промаховъ.

Прежде всего г. Гр. не выясняетъ, кто стоялъ на сторонѣ «романизма», кто на сторонѣ «эллинизма». Борьба партій всегда и повсюду, будь это борьба патриціевъ съ плебеями, оптиматовъ съ популярями въ Римѣ, или борьба аристократовъ съ демократами въ Аѳинахъ, или наконецъ борьба торіевъ съ вигами, борьба партій всегда и повсюду связана съ опредѣленными матеріальными интересами, съ стремленіемъ того или иного класса сохранить свое положеніе или улучшить его. Какой же классъ населенія находилъ интересъ въ поддержкѣ романизма, какой наоборотъ склонялся къ эллинизму? Вотъ что говоритъ по этому поводу г. Гр.: «Борьба романизма и эллинизма въ Византіи вызвала возникновеніе политическихъ партій, изъ которыхъ первая можетъ быть названа западнической, вторая эллинофильской. Западники были консерваторами, тянули сторону иноземцевъ (1), эллинофилы представлялись прогрессистами, народолюбцами. *Лучшіе умы* восточной имперіи всегда стояли на сторонѣ освободительнаго движенія, *въ то время какъ все духовно убогое, нравственно безпринципное крѣпко держалось за охраненіе римскихъ преданій формы и духа*» (70). И такъ это оставалось въ теченіе всей византійской исторіи. Западники правда превратились въ «новозападниковъ»¹⁾ и ихъ цѣлью сдѣлалось уже не «непосредственное подчиненіе западу», а «прежде всего идеалъ папства въ перенесеніи его на византійскую почву» (118), но борьба не прекращалась вплоть до 1204 г., когда «съ наступленіемъ романскаго владычества поступательное движеніе византизма кончилось, уступивъ мѣсто воспоминаніямъ прошлаго» (80)²⁾.

Нечего и говорить, что разсужденія автора ничего не выясняютъ. Вопросъ, кто были византійскіе «западники» и «народники», не разрѣшается произвольной нравственной оцѣнкой ихъ дѣятельности: представьте себѣ, что бы мы сказали объ историкѣ или юристѣ, который, излагая борьбу партій, приведшую къ выработкѣ англійской конституціи, говорилъ бы только о торіяхъ и виггахъ и заявилъ бы, что «лучшіе умы»

1) Тогда-то ихъ «главной опорой» сдѣлалось монашество (183). Доказательствъ нѣтъ и не можетъ быть.

2) Иного мнѣнія, напр. Krumbacher, *Gesch. d. byz. Lit.*, 8 (изд. I) и въ друг. мѣст.

всегда были вигами, а на сторонѣ торіевъ стояло только «все духовно убогое и нравственно безпринципное»? Помимо того, что мы бы не получили никакого представленія о дѣйствительномъ ходѣ дѣлъ, едва ли было бы справедливо отнести напр. Каннинга или Пиля къ числу представителей «всего духовно убогаго и нравственно безпринципнаго» въ англійскомъ народѣ.

Это во первыхъ. Затѣмъ, несмотря на всѣ громкіе эпитеты, и *цѣли* партій остаются не выясненными. Западники, защищающіе неограниченную власть императоровъ, централизацію и т. д., они же стремящіеся «прежде всего» къ водворенію папизма въ Византіи, западники наконецъ, которые, «приспосабливаясь къ обстоятельствамъ, сьумѣли во время преобразовать свою программу и заручиться расположеніемъ народа при помощи провозглашенія однимъ изъ своихъ принциповъ *начала народности*» (138)—это нѣчто до такой степени странное, что какъ будто даже противорѣчитъ основнымъ законамъ логики. Еще неопредѣленнѣе цѣли народниковъ, хотя г. Гр. очевидно и приписываетъ имъ дѣло водворенія «платоновскаго идеала монархіи».

Но оставимъ этихъ мнимыхъ западниковъ и народниковъ—какъ уже сказано, они выдуманы г. Грибовскимъ—и перейдемъ къ характеристикѣ 4-хъ періодовъ его византійской исторіи.

Особенно строгъ г. Гр. къ періоду отъ Константина В. до Льва III (стр. 80—87). За это время по его мнѣнію «благородный образъ платоновской монархіи, нѣкогда осуществляемой Птоломеями и Селевкидами, замѣнился низкой подозрительной деспотіей, не останавливавшейся ни предъ какимъ бы то ни было тайнымъ и явнымъ преступленіемъ въ цѣляхъ охраненія своего жалкаго спокойствія» (82). Не будемъ повторять, что мы выше говорили о неплатоновскомъ характерѣ восточно-эллиническихъ монархій, и замѣтимъ лишь, что огульное осужденіе періода въ цѣлыхъ 400 лѣтъ лишній разъ доказываетъ низкій уровень историческаго развитія автора. Какъ ни какъ, это время отмѣчено блестящимъ расцвѣтомъ искусствъ и созданіемъ того классическаго свода законовъ, который сохранилъ значеніе до нашего времени и съ которымъ по признанію компетентныхъ юристовъ не можетъ сравниться ни одинъ изъ послѣдующихъ византійскихъ законодательныхъ памятниковъ. Что же касается до внѣшней и внутренней политики императоровъ этого періода, то она въ существенныхъ чертахъ ничѣмъ не отличается отъ политики послѣдующихъ временъ. Новыя задачи разумѣется заставляли императоровъ прибѣгать къ новымъ мѣрамъ, существеннаго измѣненія въ ихъ взглядахъ и привычкахъ мы не замѣчаемъ. Династическій и личный эгоизмъ играетъ такую же роль въ эпоху Юстиніана и Ираклія, какъ въ эпоху Льва III, Македонянъ, Комниновъ и Палеологовъ: отдѣльныя личности во всѣ времена руководились и болѣе идейными побужденіями; противопологать одинъ періодъ другому съ этой точки зрѣнія совершенно произвольно.

Впрочемъ и въ этомъ періодѣ г. Гр. усматриваетъ нѣсколько отрадныхъ явленій и объясняетъ ихъ возрастающимъ вліяніемъ эллинизма. Такъ онъ упоминаетъ на стр. 84 о законахъ, упраздняющихъ *ius pecis* господина относительно раба, раздѣленіе семьи раба при продажѣ, разграниченіе *ingenii* и *liberti* и т. д.¹⁾ Приписывать эти законы особому вліянію восточно-эллинскаго элемента нѣтъ однако никакого основанія: мѣры въ пользу облегченія участи рабовъ восходятъ къ первымъ временамъ имперіи и не прерываются вплоть до Юстиніана (см. Willems, 398 сл.).

Гораздо благосклоннѣе однако г. Гр. относится къ періоду отъ Льва III до Василія I, и конечно въ этомъ есть значительная доля правды, хотя ничего новаго въ этомъ видѣть нельзя. Напрасно только г. Гр. впадаетъ въ такія явныя преувеличенія, которыя только портятъ впечатлѣніе. Такъ онъ чрезвычайно много говоритъ о вѣротерпимости Исаврійской династіи, какъ и Эллиновъ вообще, причемъ конечно опять достается его западникамъ. Чтобы отстоять эту мнимую вѣротерпимость, онъ между прочимъ находитъ, что редакція 52 статьи XVII титула эклоги: *οἱ μὲν-χάοι καὶ οἱ μούτῶναι ζήφει τῶν αἰσθησῶσιν* (манихейне и монтанисты наказуются мечемъ) «очень глуха и неопредѣленна» (стр. 105). Намъ кажется, что бѣльшей ясности желать нельзя. Съ той же цѣлью онъ говоритъ на стр. 88: «можно предположить, что если бы (!) восточно-эллинскому міру удалось объединить и превратиться въ признанное государство подъ главенствомъ вполне національнаго правительства²⁾, способного представить если не интересы всѣхъ, то по крайней мѣрѣ большинства, дробленіе христіанъ на секты никогда бы не достигло того напряженія, какимъ отмѣчены долгій періодъ царствованія императоровъ романскаго образа мыслей». Смѣемъ увѣрить г. Гр., что этого никакъ нельзя предположить. По его мнѣнію «религіозный протекціонизмъ» содѣйствовалъ развитію сектъ, тогда какъ въ дѣйствительности онъ былъ лишь прискорбнымъ показателемъ этого развитія, совершающагося по своимъ законамъ, независимымъ отъ правительственныхъ мѣропріятій. Но свѣдѣнія г. Гр. и въ области исторіи церкви болѣе чѣмъ странны; такъ онъ утверждаетъ на стр. 88, что «главнымъ образомъ *епископія провинціи* породили множество сектъ вродѣ донатистовъ, монтанистовъ, максиміанистовъ, маркіо-

1) Ссылается г. Гр. при этомъ на Willems'a, *le droit public romain*. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, но г. Гр. знаетъ такой трудъ Willems'a, о которомъ другіе ученые пока не слышали. Онъ ссылается на томъ II, 746, 754, 760; между тѣмъ книга Willems'a вышла всего въ одномъ томѣ (VI изд. 1888) и содержитъ лишь 626 стр. Вѣроятно г. Гр. пользовался русскимъ переводомъ, вышедшимъ въ одномъ ученномъ журналѣ; тогда нужно было оговориться. Не менѣе странна ссылка на Byzantina проф. Бѣляева: этотъ трудъ почему то названъ τὰ Βυζαντίνα (sic), см. стр. 205.

2) Къ какой же національности принадлежало бы это «вполнѣ національное правительство»: къ Грекамъ, сирійскимъ Семитамъ, Колтамъ, Исаврійцамъ или къ романизованнымъ Иллирійцамъ? Вѣдь всѣ эти народы входили въ составъ восточныхъ областей римской имперіи.

нитовъ, рогаціанъ, савелліанъ, новаціанъ». Между тѣмъ донатизмъ и максиміанизмъ (одинъ изъ толковъ донатизма) возникли въ провинціи Африкѣ, монтианизмъ во Фригіи, маркіонизмъ въ Сиріи, Савеллій былъ родомъ изъ Пентаполя, новаціанизмъ наконецъ римско-африканскаго происхожденія. Не менѣе удивительно примѣчаніе къ 101 стр., гдѣ г. Гр. обогащаетъ списокъ халифовъ VIII в. нѣкимъ *Чередомъ* (sic!) До сихъ поръ мы знали изъ современныхъ Льву III халифовъ лишь Омара II (717—720), Язида II (—724) и Хишама (до 743). Халифъ, къ которому относится замѣчаніе автора, и былъ Язидъ II (Вугу указ. соч. т. II, стр. 430, прим. 2).

Независть къ западникамъ и сочувствіе «народническимъ» идеаламъ Исаврійской династіи наконецъ приводитъ автора къ утвержденію, будто иконоборческіе эдикты, да и вся законодательная дѣятельность Льва III и его преемниковъ вооружила противъ себя именно его «западниковъ». «Обоютвореніе иконъ», говоритъ оно на стр. 99, какъ порожденіе иноземнаго вліянія, въ корнѣ противорѣчивше е философско-отвлеченному пониманію религии востокомъ, не могло не остановить на себѣ вниманія націоналистовъ». Ну, а западники его конечно отстаивали. Еслибы г. Гр. хоть въ данномъ случаѣ отнесся болѣе внимательно къ своему главному источнику, Папарригодуло, который несмотря на свою тенденціозность всетаки знаетъ исторію Византіи, онъ бы убѣдился, что этотъ ученый отыскиваетъ корни обоготворенія иконъ на востокѣ же (стр. 161—168) и на стр. 162—3 говоритъ, что $\frac{9}{10}$ всего византійскаго населенія, вся масса невѣжественнаго народа съ монахами во главѣ, выступили противъ Льва III. Дѣло, значитъ, не въ принадлежности къ «западникамъ» или «народникамъ», а въ степени развитія и образованности.

Не меньше странностей въ слѣдующемъ параграфѣ, посвященномъ Македонской династіи (стр. 109—120). Чтобы имѣть право отнести Василія Македонянина къ ненавистнымъ «западникамъ» (а это г. Гр. нужно, чтобы по своему объяснить абсолютистическій характеръ законодательства этого времени) авторъ объявляетъ его на стр. 112 „романизованнѣмъ Славяниномъ по происхожденію“. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о славянскомъ происхожденіи Василія, нельзя не замѣтить, что о романизации его не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ въ Византіи IX в. для этого не было абсолютно никакихъ данныхъ. На стр. 116 г. Гр. говоритъ, что «достоинными своего великаго предка (Василія I) были только сынъ Василія Левъ VI и Константинъ Порфирородный» за ихъ «умѣренность въ политикѣ». До сихъ поръ историки привыкли относиться нѣсколько иначе къ Льву VI и Константину VII¹⁾; помимо этого Македонская династія обязана значительной долей своей славы Никифору Фокѣ, Іоанну Цимисхію и Василію II Болгаробойцѣ, о которыхъ авторъ вовсе не упо-

1) См. напр. Hertzberg, *Gesch. d. Byzant. u. Osm.* 1888 стр. 156 о Львѣ VI «ein rücksichtsloser und verschwenderischer Despot und ein Sklave der Sinnlichkeit» стр. 157 о Константинѣ VII: «Schwach und gutmüthig... dem ersten römischen Claudius nicht unähnlich»; см. Rambaud, *l'empire grec, passim.*

минаетъ въ своей книгѣ. Между тѣмъ ихъ имена въ соединеніи съ Василіемъ I окружены не меньшей славой, чѣмъ имена лучшихъ государей Исаврійской династіи, и если ихъ внутренняя политика отличается отъ политики ихъ предшественниковъ, то это слѣдуетъ объяснить измѣнившимися условіями и взглядами, а не принадлежностью къ «западникамъ» или «народникамъ». Но для этого нужно знать исторію Византіи по источникамъ, а г. Гр. вѣдь незнакомъ и съ литературой вопроса ¹⁾. Вотъ почему онъ и говоритъ на стр. 118: «исторія свидѣтельствуеетъ, что государей безразличныхъ къ истиннымъ нуждамъ имперіи *третій періодъ* (867—1081) далъ гораздо больше нежели монарховъ дѣятельныхъ, проникнутыхъ сознаніемъ долга и любовью къ подданнымъ». Причина конечно мнимое «западничество» государей этого періода. Къ сожалѣнію однако не одинъ третій, а всѣ вообще періоды византійской (да и одной ли византійской?) исторіи отличаются тѣмъ же преобладаніемъ нерадивыхъ государей.

Еще курьезнѣе заявленіе г. Гр. на стр. 119, что провозглашеніе Исаака Комнина императоромъ представляло «рѣзкій взрывъ націонализма». Проф. Скабалановичъ ²⁾, на котораго г. Гр. ссылается для исторіи XI в., ничего не знаетъ о подобномъ характерѣ этого событія, да и самъ г. Гр. противорѣчитъ себѣ на тойже страницѣ, утверждая, что Михаилъ Пселлъ, одинъ изъ главныхъ руководителей интриги, приведшей къ отреченію и быть можетъ къ смерти Исаака ³⁾, «самъ придерживался *освободительнаго* образа мыслей. Михаилъ Пселлъ, этотъ «типичный представитель самыхъ отвратительныхъ сторонъ византизма» ⁴⁾, относительно котораго Krumbacher (указ. соч. стр. 176, изд. I) говоритъ, что «не подлежитъ сомнѣнію, что пресмыкающійся сервиллизмъ и неразборчивость въ средствахъ, ненасытное честолюбіе и безграничное тщеславіе составляютъ самыя яркія черты его характера», Михаилъ Пселлъ какъ представитель *освободительнаго* образа мыслей—это одинъ изъ лучшихъ перловъ книги г. Гр.

1) Особенно большимъ довѣріемъ г. Гр. пользуются Lebeau, Histoire du Bas Empire (изд. не указ.); Burigny, Hist. des revolutions de l'empire de Constantinople (также Keri, Imperatores orientis compendio exhibiti e compluribus Graecis scriptoribus a Constantino M. ad Constant. Ultimum, также Maimbourg, Hist. des iconoclastes 1686 г. — все сочиненія XVIII и даже XVII вѣка. На I томѣ Финлея нѣсколько случайныхъ ссылокъ. Гиббонъ и Рамбо поверхностны (стр. 74, 221). Иностранныхъ писателей XIX в. г. Гр. очевидно не признаетъ вообще кромѣ Krause, d. Byzantiner d. Mittelalters (стр. 155), о книгѣ котораго Krumbacher совершенно вѣрно говоритъ, что это «ein kindisches Machwerk» (ук. с. 29), Драпейрона, Гаске да еще Цахаріэ, Мортрейля и Пальяръ. Знакомство съ трудами русскихъ византинистовъ однако также не отразилось на книгѣ г. Гр.

2) Какъ извѣстно, проф. Скабалановичъ видитъ въ воцареніи Комнина дѣло «стратиговъ, людей военнаго сословія, выступившихъ при Стратигикѣ съ намѣреніемъ отвоевать первенствующее политическое мѣсто, съ котораго они были удалены людьми мирныхъ занятій, евнухами и царскими прислужниками, учеными, лицами духовными». Византійское государство и церковь, стр. 73.

3) см. Скабалановичъ, ук. соч., 86.

4) см. Krumbacher, ук. соч. 176, Hertzberg, 248; Скабалановичъ, стр. 86—92, 102.

Если Македонская династія подверглась строгому осужденію, то Комнины наоборотъ заслужили похвалу автора. И за что же? За то, что «съ перваго дня занятія престола Алексѣй сталъ къ западникамъ и націоналистамъ оффиціально въ нейтральное положеніе. Онъ не объявлялъ никакой программы дѣйствій, не передавался ни на одну сторону» (121) и тѣ изъ его преемниковъ, которые удостоились похвалы г. Гр., поступали также. Но вѣдь такой образъ дѣйствій называется оппортунизмомъ; такъ зачѣмъ же г. Гр. нападаетъ на стр. 120 на Македонянъ «оппортунистовъ и ретроградовъ всевозможныхъ оттѣнковъ». Мы уже не говоримъ о томъ, что византійскіе императоры вообще вовсе не считали нужнымъ, объявлять свою «программу дѣйствій». Если у того или иного и была таковая, то подданные (а за ними и мы) могли ее усмотрѣть только изъ характера его дѣятельности.

Особенно доволенъ г. Гр. Алексѣемъ Комниномъ: «Собственная жена Алексѣя Комнина оскорбила этого государя именемъ лицемѣра; о двуличіи его много говорилось послѣдующими историками» (129), но г. Гр. лучше знаетъ Алексѣя. Такъ онъ знаетъ, что Алексѣй заточилъ Льва въ Сизополь не иначе какъ «съ душевнымъ сокрушеніемъ» (130), знаетъ и то, что «Комнинъ не копался въ душѣ человѣческой» (131). Источниковъ онъ правда не указываетъ, но г. Гр. этого вообще не любитъ и предпочитаетъ фантазировать. Къ области фантазій слѣдуетъ отнести и утвержденіе, что богомилство было «чистославянской сектой» (132), тогда какъ на дѣлѣ оно чрезъ павликіанство по всему вѣроятію связано съ манихействомъ. Совершенно невѣрно наконецъ, будто «въ его (Алексѣя I) 37 лѣтнее царствованіе государственное равновѣсіе Византіи достигло высшей степени устойчивости». (134) Стоитъ только вспомнить, что это было время перваго крестоваго похода, войны съ Норманнами, чтобы убѣдиться въ противномъ.

Не лучше изложены и послѣдующія событія. Почему напр. г. Гр. думаетъ, что торжественныя религіозныя процессіи, устранившіяся Иоанномъ К., были не въ византійскомъ, а «въ римскомъ вкусѣ». (134). Вѣдь г. Гр. ссылается на трудъ проф. Бѣляева, а слѣдовательно долженъ знать, какое мѣсто въ придворной жизни Византіи во всѣ времена занимали разнаго рода торжественныя процессіи. Мануила Комнина г. Гр. порицаетъ за то, что онъ «позволилъ себя увлечь рационалистамъ и два раза самъ внадалѣ въ грубѣйшую ересь» (135). Но вѣдь и Левъ III съ его преемниками также впади въ ересь, а г. Гр. ихъ хвалитъ. Но удивительны ли подобныя промахи, если источниками г. Гр. были Lebeau, Vignu и Keri, тогда какъ Финлей, Герцбергъ, греческое изданіе Папарригопуло и т. д. остались ему неизвѣстны. Г. Гр. впрочемъ ссылается и на первоисточники, но такъ какъ онъ *два раза* (на стр. 129 прим. ¹ и 219 прим.) въ числѣ ихъ упоминаетъ извѣстныя *Annales ecclesiastici* кардинала Баронія, писавшаго въ XVII в., то мы позволяемъ себѣ сомнѣваться, пользовался ли онъ ими дѣйствительно, тѣмъ болѣе что въ текстѣ зна-

комство съ источниками отразилось такъ же мало, какъ и знакомство съ литературой по исторіи Византіи вообще и Комниновъ въ частности. Да и вообще единственные средневѣковые авторы, изъ которыхъ г. Гр. приводитъ отрывки въ своей книгѣ, это переведенные на русскій языкъ Никита Хоніатъ и Іоаннъ Киннамъ; всѣ остальные ссылки явно заимствованы изъ тѣхъ ученыхъ трудовъ, которыми г. Гр. пользовался, причемъ онъ даже не потрудился указать, какое изданіе имѣлъ въ виду данный ученый (см. напр. 222, 234, 192 и т. д.)

На этомъ можно было бы покончить и съ исторической частью «ислѣдованія» г. Гр., но нѣсколько замѣчаній его такъ любопытны, что нельзя не обратить на нихъ вниманія. Такъ на стр. II г. Гр. увѣряетъ, что кѣмъ-то было «дознано», что Византія не только выработала «своеобразную культуру», что конечно вѣрно, но и *сообщила ее Европѣ*. Интересно было бы узнать, кѣмъ собственно «дознана» эта нелѣпость? А на стр. 246 оказывается, что Алексѣй Ангелъ «купилъ миръ у Аллеманновъ»!

Такихъ курьезовъ можно было бы привести еще многое множество¹⁾, но мы и безъ того боимся, что фантазіи и промахи г. Гр. уже успѣли страшно надоѣсть читателю, а потому спѣшимъ къ концу.

Какой же выводъ можно сдѣлать для оцѣнки книги г. Грибовскаго изъ приведенныхъ въ нашей рецензіи фактовъ? Намъ кажется, что мы можемъ формулировать этотъ выводъ такимъ образомъ: книга г. Грибовскаго доказываетъ не только незнакомство ея автора съ источниками, литературой и даже съ чисто фактической стороной исторіи культуры и государственнаго строя Византіи (а также Греціи и Рима), не только неумѣніе обходиться съ простѣйшими понятіями и терминами науки государственнаго права, но и полное непониманіе научныхъ методовъ. Книга г. Грибовскаго не «ислѣдованіе», а компиляція, да и въ качествѣ компиляціи не имѣетъ никакой цѣны, такъ какъ авторъ сплошь и рядомъ не довольствуется добросовѣстнымъ сопоставленіемъ добытыхъ другими данныхъ, а извращаетъ ихъ своими беспочвенными фантазіями. Такъ работать нельзя: это не научный трудъ, а собраніе «домысловъ досу-жаго книжника».

Нѣкоторое объясненіе страннаго характера этой толстой книги даютъ замѣчанія автора на стр. XXII. Изъ нихъ оказывается, что г. Грибовскій счелъ возможнымъ покончить съ той группой сложнѣйшихъ вопросовъ, которые затрагиваются въ его книгѣ, «работая надъ ними такъ сказать попутно», «будучи въ состояніи удѣлить изученію одной изъ областей грекоримскаго міра только нѣсколько лѣтъ». Г. Грибовскій ду-

1) См. напр. стр. IV (подчиненіе Арабовъ еврейской культурѣ), V (опредѣленіе культуры), 35 («официальное распаденіе имперіи въ 395 г.») 55 (презрѣніе Римлянъ къ Грекамъ «какъ варварамъ») 56 (характеръ римскаго вліянія на завоеванныя области) 60 (о неспособности «грубаго ума» Римлянъ оцѣнить христіанство) 75 (о циркѣ какъ «представительномъ собраніи») 97 (о причинахъ, вызвавшихъ отсутствіе уголовной санкціи идолопоклонства въ эллогѣ) и т. д.

маеть, что обезпечить себѣ этимъ заявленіемъ снисхожденіе со стороны ученаго міра. «На этотъ короткій промежутокъ посвященнаго Византіи времени я заранѣе ссылаюсь какъ на одно изъ оправданій тѣхъ недочетовъ, которые должны встрѣтиться въ предлагаемой книгѣ» (тамъ же). Разобравъ его произведеніе, мы позволяемъ себѣ думать, что г. Грибовскій ошибся въ своемъ разсчетѣ, и что каждый знающій человѣкъ, а особенно Византинисты, трудное дѣло которыхъ только можетъ быть дискредитировано такими книгами, признають, что человѣкъ, который такъ легкомысленно относится ко своему дѣлу, какъ г. Грибовскій, не заслуживаетъ никакого снисхожденія.

Казань.

Э. ГРИММЪ.

Ἀγγέλου Βλάχου. Λεξικὸν Ἑλληνογαλλικόν. Ἐν Ἀθήναις. 1897.
Τύπος Π. Δ. Σακελλαρίου βιβλιοπωλ. Ἀνέστη Κωνσταντινίδου. 1000 σ. 8^ο.

Οἱ εἰς τὴν σπουδὴν τῆν νέας Ἑλληνικῆς γλώσσης ἐπιδιδόμενοι ξένοι ἐστεροῦντο μέχρι τοῦδε τοῦ σπουδαιότητος πρὸς τοῦτο ὄργανου, δηλ. καταλλήλου νεοελληνικοῦ λεξικοῦ. Τὴν ἔλλειψιν ταύτην καὶ ἡμεῖς ἀπὸ πολλοῦ συναισθανόμενοι, μόλις κατὰ τὸ παρελθὸν θέρος ἀπεφασίσαμεν νὰ προβῶμεν ἀπὸ κοινοῦ μετὰ τοῦ καθηγητοῦ κ. Α. Деревницкiй εἰς ἐκδοσιν ῥωσσοελληνικοῦ καὶ ἑλληνορωσσικοῦ λεξικοῦ. Ἡ μεγαλειτέρα ὁμως δυσκολία, κατὰ τῆς ὁποίας εὐθύς ἐξ ἀρχῆς προσεκρούσαμεν κυρίως διὰ τὸ ἑλληνορωσσικὸν μέρος ἦτο ὅτι δὲν ὑπῆρχε τὸ ὑλικὸν ἑτοιμον. Οὐδὲν τῶν μέχρι τοῦδε ἐκδοθέντων λεξικῶν τῆς νεοελληνικῆς περικλείει ἐν ἑαυτῷ πλήρη τὸν θησαυρὸν τῆς γραφομένης καὶ λαλουμένης ἑλληνικῆς οὐδὲ διακρίνεται ἐπὶ ἀκριβεῖα καὶ τελειότητι· ἐκτὸς δὲ τούτου τὰ περισσότερα τούτων εἶναι ἤδη παλαιά, κατ' ἀκολουθίαν ἀφ' ἑνὸς μὲν δὲν δύνανται νὰ ἀνταποκριθῶσιν εἰς τὰς σημερινὰς ἀνάγκας, ἀφ' ἑτέρου δὲ περιέχουσι καὶ ἀρκετὸν ἀριθμὸν λέξεων, αἵτινες δὲν ἀποτελοῦσι πλέον συστατικὸν μέρος τῆς γλώσσης. Εἰς τὴν κατηγορίαν ταύτην ὑπάγομεν τὰ ἐν χερσίν ἡμῶν εὐρισκόμενα λεξικά, τοῦ Γερασίμου Βλάχου (Θησαυρὸς τετράγλωσσος. Βενετ. 1784), τοῦ К. Weigel (Neugr.-deutsch-italien. Leipzig, 1796), τοῦ Γ. Βεντότη (Λεξικὸν τρίγλωσσον. Βιενν. 1790), τοῦ Δοσιθέου Κομαῖ (Λεξικὸν ἑλληνο-ῥωσσικο-γαλλικόν· ἐν Μόσχῃ 1811), τοῦ Th. Kind (Handwörterbuch der neugriech. und deutschen Sprache. Leipzig. 1870). Ἀξιώσεις τελειότητος δὲν δύναται ἐπίσης νὰ ἔχη σήμερον καὶ τὸ λεξικὸν τὸ ὑπὸ Σκαρλάτου Βυζαντίου ἐν ἔτει 1835 κατὰ πρῶτον ἐκδοθὲν καὶ κατόπιν μὲ ἐλαχίστας προσθήκας ἀνατυπούμενον (Λεξικὸν τῆς καθ' ἡμᾶς ἑλληνικῆς διαλέκτου μεθρημνευμένης εἰς τὸ ἀρχαῖον ἑλληνικὸν καὶ τὸ γαλλικόν. Ἐκδοσις τρίτη, ἐπηξητημένη καὶ διωρθωμένη, 1874). Τὸ σχετικῶς πληρέστερον λόγῳ ἀφθονίας ὑλικοῦ ἦτο τὸ πρόχειρον λεξικὸν τοῦ Emile Legrand (Nouveau dictionnaire grec moderne-français, Paris, 1882), ἀλλὰ καὶ τοῦτο δὲν εἶναι ἀπληλαγμένον ἀτελειῶν τινῶν· μεγάλη παρατηρεῖται ἀνακρίβεια περὶ τὴν ἀλφαθητικὴν τάξιν τῶν λέξεων, ἐνίοτε δὲ καὶ ἀνακρίβεια περὶ τὴν ἐρμηνείαν, ἐκτὸς δὲ τούτου προσλαμβάνει ὁ κ. Legrand καὶ ἰκανὸν ἀριθμὸν λέξεων, αἵτινες δὲν ἀνήκουσιν εἰς τὴν νέαν ἑλληνικὴν, ἀλλὰ θὰ ἤρμοζον μάλλον εἰς

Glossarium mediae et infimae Graecitatis. Τούτων οὕτως ἐχόντων ἐδέησε νὰ προβῶμεν πρῶτον εἰς συλλογὴν καὶ διαλογὴν τοῦ ὑλικοῦ καὶ ὁ κλῆρος οὗτος ἔλαχεν ἐφ' ἡμᾶς. Εἰς τὸ ἄχαρι δὲ τοῦτο ἔργον εἶχομεν ἤδη ἀρκετὰ προχωρήσει, ὅτε ἐλάβομεν μὲν τὸ μόνον ἐκδοθὲν λεξικὸν τοῦ κ. Ἀ. Βλάχου, βλέπομεν δὲ ἀγγελλομένην τὴν ὁσονούπω ἐκδοσιν προχείρου ἑλληνογερμανικοῦ λεξικοῦ (Taschenwörterbuch der neugriechischen und deutschen Sprache von K. Petraris, in 2 Theilen, I neugriech-deutsch, II, deutsch-neugriechisch. Verlagsbuchhandlung von Otto Holtzes Nachfolger).

Τὴν ἐκδοσιν τοῦ λεξικοῦ τοῦ κ. Βλάχου ἐλπίζομεν ὅτι μετ' εὐχαριστήσεως θὰ χαιρετίσωσι πάντες οἱ περὶ τὴν νέαν ἑλληνικὴν ἀσχολούμενοι τὸσφ μᾶλλον, καθ' ὅσον ὁ κ. Β. ἐπὶ πολλὰ ἔτη (ἐπὶ εἰκοσαετίαν ὄλην, πρβλ. Πρόλ. σελ. ε') ἀσχολούμενος κατάρθρωσε νὰ ἀποταμιεύσῃ χιλιάδας ὄλας λέξεων, παλαιότερων ἢ νέων, αἵτινες δὲν εἶχον ἔτι καταχωρισθῆ εἰς νεοελληνικὸν λεξικόν. Σιγκρίνων δὲ τὸ νέον τοῦ ἔργου πρὸς τὸ ἐν ἔτει 1871 ἐκδοθὲν ἐπίτομον αὐτοῦ ἑλληνογαλλικὸν λεξικὸν εὐρίσκει (σελ. ζ') ὅτι εἰς δεκαπέντε περίπου χιλιάδας ἀνέρχεται ὁ ἀριθμὸς τῶν προστεθεισῶν λέξεων. Καὶ κατ' ἀρχὰς μὲν ἐφάνη ἡμῖν ἄπορον, διατὶ ὁ κ. Β. οὐδεμίαν μνεῖαν ποιεῖται τοῦ λεξικοῦ Legrand, ὅπερ μὲ ὅσας καὶ ἂν παρουσιάξῃ ἑλλείψεις, δύναται πάντοτε νὰ χρησιμεύσῃ ὡς πηγὴ εἰς τοὺς ἀσχολουμένους περὶ τὴν σύνταξιν νεοελληνικοῦ λεξικοῦ, καθ' ὅσον ἐν αὐτῷ ὑπάρχει ἀρκετὸν ὑλικὸν συνθηροισμένον, οὐδὲ εἶναι δίκαιον νὰ λέγηται καὶ περὶ Legrand ὅ,τι γενικῶς λέγει ὁ κ. Β. περὶ τῶν προκατόχων του (σελ. ε'), «ἀλλ' ἡ ἐργασία δυστυχῶς πάντων τῶν συναταξάντων ἔκτοτε λεξικά τῆς νέας ἑλληνικῆς γλώσσης ὑπῆρξεν ἀντιγραφικὴ μᾶλλον ἢ συγγραφικὴ». μικρὰ ὅμως ἀντιπαραβολὴ μᾶς ἐπεισεν, ὅτι ὁ Β. οὐδόπως εἶχεν ὑπ' ὄψιν τὸ λεξικὸν Legrand, διότι βεβαίως δὲν θὰ παρέλειπε λέξεις χρησίμους ἀπαντῶσας παρ' αὐτῷ. ὥστε ἂν πρὸς τὸ λεξικὸν τοῦ Legrand συγκρίνωμεν τὸ τοῦ Βλάχου, βλέπομεν ὅτι ὁ ἀριθμὸς τῶν ὑπ' αὐτοῦ προστεθειμένων νέων λέξεων θὰ ἐλαττωθῆ κατὰ πολλὰς χιλιάδας, καθ' ὅσον τὸ δικαίωμα προτεραιότητος ἔχει ὁ Legrand.

Ὅσον δ' ἀφορᾷ τὴν γνώμην (σελ. ζ') περὶ τῆς ἐκλογῆς τοῦ ἀναγκαίου ὑλικοῦ, εἴμεθα ἐντελῶς σύμφωνοι: «εἶναι ἀδύνατον νὰ θεωρήσῃ τις κτῆμα τῆς γλώσσης πᾶν ὅ,τι λέγει τις ἢ γράφει, ἂν μὴ τοῦτο φέρῃ τὴν σφραγίδα νομίμου πολιτογραφήσεως». Ἐπίσης ὀρθὰ καὶ τὰ λεγόμενα (σελ. θ') περὶ τῶν ξένων λέξεων καὶ τὰ περὶ μεγεθυντικῶν καὶ ὑποχοριστικῶν (σελ. ι'). Περιέργα μόνον μᾶς φαίνονται τὰ (σελ. ια') περὶ ὀρθογραφίας λεγόμενα «μὴ συνειθίσει (ὁ γράφων) ἐκ παιδῶν νὰ γονυπετῆ τυφλῶς πρὸ τοῦ αὐτοῦ ἔφα, δὲν ἐνόμισεν ὅτι ὄφειλε νὰ πράξῃ τοῦτο σήμερον πρὸ τῆς καινῆς διδασκαλίας (ἐνν. τὴν γλωσσολογίαν), ἥτις ἄλλως δὲν ἀπέκτησεν ἔτι ὀπαδοὺς ἢ ἀραιοὺς τινὰς ἐκ τῶν συνήθων προσκυνητῶν παντὸς νεωτερισμοῦ! Θὰ ἐκέρδιζε πολὺ ὁ κ. Βλάχος ἂν παρέλειπε νὰ ἐκφράσῃ τὴν γνώμην του περὶ τοῦ ζητήματος, μηδενὸς προκαλοῦντος. Μὲ ὄλην τὴν πρὸς τὴν γλωσσολογίαν δυσπιστίαν τοῦ κ. Βλάχου, αὕτη ἐδέχθη ἀπὸ πολλοῦ ἤδη τὸ ἀπαιτούμενον ἐπιστημονικὸν κύρος καὶ οὐδεὶς θὰ ἐπεχείρει νὰ ἀμφισβητήσῃ σήμερον ἀλήθειαν παραδεδεγμένην. Τὸ μόνον τὸ ὁποῖον ἠδύνατο νὰ φέρῃ πρὸς ὑποστήριξιν τῆς συντηρητικότητος του ἀναφορικῶς τῆς ὀρθογραφίας εἶναι, ὅτι ὁ λεξικογράφος εἶναι ἐν μέρει ἠναγκασμένος νὰ παρουσιάξῃ τὰς λέξεις ὑπὸ τὴν μορφήν, ὑφ' ἣν ὁ ἀνα-

γνώστης πρόκειται νὰ εὐρῆ αὐτὰς εἰς τὰ κείμενα· τὰ δὲ ἑλληνικὰ κείμενα καὶ τὰ νῦν ἀκόμη ἐκδιδόμενα πολὺ ἀπέχουσι τοῦ νὰ παρουσιάσωσι τάσιν πρὸς παραδοχὴν τῶν ἀποτελεσμάτων τῆς νέας ἐπιστήμης, ὡς καλεῖ οὗτος τὴν γλωσσολογίαν. Καὶ ὅμως ὁ συντηρητικὸς Β. ἀποφασίζει νὰ προβῆ εἰς ἓνα νεωτερισμὸν ἀποσκορακίζει δηλ. τὴν ὑπογεγραμμένην ἐκ τῆς ρίζης τῶν λέξεων καὶ περιορίζει αὐτὴν μόνον εἰς τὰς καταλήξεις.

Ταῦτα κρίναντες ἀνάγκαστον νὰ εἴπωμεν ἀναφορικῶς τῶν ἐν τῷ προλόγῳ ἐκφερομένων γνώμων, καθῆκον νομιζομεν νὰ προσθέσωμεν ἐν τέλει, ὅτι καὶ ἡμεῖς φρονοῦμεν, ὅτι τὸ λεξικὸν τοῦ κ. Βλάχου πληροῖ ἐπαισθητὸν μέχρι τοῦδε κενὸν ἐν τῇ ἑλληνικῇ λεξικογραφίᾳ καὶ κατέχει ὁμολογουμένως τὴν πρώτην θέσιν μεταξὺ τῶν λεξικῶν τῆς νέας ἑλληνικῆς· ἡ τύπωσις ἔγινε μετ' ἀρκετῆς καλλιαισθησίας καὶ ἐπιμελείας· πολλὰ τῶν ἄρθρων κατέλαβον ἀρκετὴν ἔκτασιν πλουτισθέντα διὰ πολλῶν φρασεολογικῶν παραδειγμάτων καὶ (σπανιώτερον) διὰ τῶν σχετικῶν παροιμιῶν ὥστε θαρραλέως δύναται τις νὰ συστήσῃ τὸ ἔργον εἰς τοὺς περὶ τὴν νέαν ἑλληνικὴν ἀσχολουμένους.

Ἐν Ὁδησσῷ, Μάρτιος 1897.

Συνόδης Παπαδημητρίου.

С. Д. Пападимитриу. *Стефанъ Сахликисъ и ею стихотворение «Αφήγησις παράξενος».* Измѣдованіе съ приложениемъ греко-русскаго моссарія, двухъ фотографическихъ таблицъ и критическихъ páрерγá. *Odessa. 1896.*

Обстоятельный обзоръ содержанія книги С. Д. Пападимитриу уже былъ данъ въ Виз. Врем. (III 680—685), а большія достоинства этой работы вообще уже признаны Крумбахеромъ какъ въ краткой рецензій въ *Byz. Zeitschr.* (V 620—621), такъ и во 2-мъ изданіи *Byz. Litteraturgesch.* (815—816). Это позволяетъ мнѣ приступить сряду къ разбору отдѣльныхъ сторонъ изслѣдованія г. Пападимитриу.

Центральной частью книги служитъ сводное стихотвореніе Сахликиса «Странный рассказъ» (р. 15—52), изданное по codex N(eapolitanus) и представляющее въ большей его половинѣ (1—387 и 761—857 или по счету Пападимитриу 1—410 и 812—908) вполнѣ новый текстъ, а въ меньшей (388—760)—новую «версію» стиховъ, уже изданныхъ прежде (Wagner *Carm. gr. med. aevi*, стр. 79—105, ст. 202—712) по P(arisinus) и M(ontepessulanus). Къ этому стихотворенію ближе всего относится «введеніе» съ изложеніемъ прежняго положенія вопроса о Сахликисѣ, описаніемъ рукописи N и указаніемъ принятыхъ издателемъ принциповъ восстановленія текста и орѳографіи (стр. 1—14), изъ него же преимущественно черпаются новыя историко-литературныя данныя «изслѣдованія» (53—128); къ нему же относится и главная масса критико-эзегетическихъ «примѣчаній» (129—192), а также и «глоссарій». Издавая текстъ на половину впервые, г. П-у даетъ его сразу въ такомъ видѣ, въ какомъ рѣдко появлялись первыя изданія средневѣковыхъ вульгарныхъ греческихъ писателей, да и по отношенію къ частямъ, совпадающимъ съ

изданными прежде, предлагаетъ множество большею частію несомнѣнныхъ поправокъ текста, такъ что, если бы мы вздумали пересчитать здѣсь отдѣльно всѣ частности этой стороны труда, намъ пришлось бы перепечатать почти все стихотвореніе С—а. Постоянно слѣдя и за правильностью размѣра, и за смысломъ отдѣльныхъ мѣстъ, и за послѣдовательностью содержанія, издатель большею частью уже самъ доходитъ до надлежащаго возстановленія текста, гораздо рѣже указываетъ возможное предположительно или только отмѣчаетъ сомнительные пункты для будущаго изслѣдователя. Болѣе или менѣе существенныя исправленія рукописнаго текста даются имъ болѣе, чѣмъ для 100 стиховъ, нѣтъ почти ни одного стиха, котораго бы онъ не коснулся въ орфографическомъ отношеніи. Такимъ образомъ его изданіе становится книгой настольной, безусловно необходимой для всякаго, кто когда-либо займется Сахликисомъ. Мы отмѣтимъ здѣсь только общій характеръ его приемовъ возстановленія текста.

Особенно много поправокъ въ стихахъ риёмованныхъ. Г. П—у замѣчательно удачно подбираетъ риему посредствомъ измѣненія формы конечнаго слова или перестановки словъ въ стихѣ или замѣны конечнаго слова другимъ, синонимическимъ или даже болѣе подходящимъ по смыслу. Можно впрочемъ думать, что въ стремленіи вездѣ возстановить надлежащую риему онъ заходитъ даже нѣсколько далеко. Не находя возможнымъ легко возстановить риему, онъ почти всегда готовъ допустить рукописный пропускъ, — отсюда въ его изданіи такое большое число бланковъ, которые онъ однако считаетъ въ общемъ числѣ стиховъ своего изданія по N; въ другихъ случаяхъ онъ отмѣчаетъ пропуски только многоточіемъ въ концѣ стиха, а иногда возможность пропуска указываетъ лишь въ «примѣчаніяхъ»; сравнительно рѣдко примѣняется очень рѣшительная мѣра: стихъ безъ соответствующей риемы заподозривается и выбрасывается, какъ неподлинный (напр. ст. 15, — по примѣчанію выходитъ, что это болѣе слабая мѣра, чѣмъ перестановка стиха или измѣненіе конца его, — ср. прим. къ ст. 162). Увѣренность издателя въ необходимости риемы у С—а доходитъ до того, что бланки иногда ставятся въ текстъ безъ всякихъ объяснительныхъ оговорокъ (напр. 40, 68, 74, 100, 169, 175, 215, 223, 227, 231 и мн. др.). Параллельныя «версіи» Р и М, конечно привлекаются всюду, при малѣйшей возможности восполнить ими риёмическіе пробѣлы N, — отсюда, сверхъ бланковъ, является еще новое увеличеніе числа стиховъ въ изданіи. Вообще можно было бы и не возражать противъ стремленія издателя провести риему послѣдовательно и противъ даже рѣшительныхъ мѣръ для этой цѣли, но, разумѣется, лишь тамъ, гдѣ, помимо риемы, и нарушеніе контекста свидѣтельствуетъ о лакунѣ. Въ частности же къ Сахликису риёмическія требованія, по крайней мѣрѣ, пока едва ли примѣнимы во всей строгости. Кораи видѣлъ у Сахликиса непоследовательность риемы, а Легранъ, признавая богатство риемы, все же допускалъ рѣдкія исключенія, да и

самъ П—у допускаетъ, что вина въ этихъ исключеніяхъ, которыхъ въ дѣйствительности не такъ уже мало, падаетъ «большею частью» на переписчика (стр. 103), слѣд. меньшею частію всетаки на автора, или говорить только объ «относительно полной и правильной» риемѣ (стр. 111), признаетъ иногда «неосторожность или недосмотръ» самого поэта (стр. 143 къ ст. 145—148), говоритъ объ умѣнни «вообще» находить богатая риемы (къ ст. 21—24). Уже изъ его сравнительной таблицы четверостишій по N, P и M (стр. 100 сл.) видно, что во всѣхъ кодексахъ среди 4-стишій есть достаточное число 3-стишій и даже 2-стишій и куплетовъ съ «хромающей» риемой. Едва ли тутъ всюду виноваты одни переписчики. Можно допустить и неаккуратность самого Сахликиса, и пока мы судимъ здѣсь о немъ скорѣе по общему впечатлѣнію, чѣмъ на основаніи точныхъ наблюдений, пока путемъ полнаго изслѣдованія рукописей и осторожнаго исправленія текста не будетъ предварительно опредѣлена норма риемы С—а, до тѣхъ поръ стремленіе къ очень послѣдовательному возстановленію ея у этого версификатора, кажется, преждевременно, потому что оно можетъ повести издателя къ созданію своего собственнаго С—а, гораздо болѣе закономѣрнаго, чѣмъ тотъ Сахликисъ, который, по собственному признанію, съ 14 лѣтъ бросилъ школу, немногому тамъ научился, да и то скоро забылъ (ст. 37—59). Понятно поэтому, что и г. П—у до установленія такой нормы не могъ быть абсолютно послѣдователемъ въ проведеніи своихъ возстановленій риемы и въ 2—3 случаяхъ оставилъ стихи, не имѣющіе для себя соотвѣтствія, и безъ бланковъ, и безъ многоточія, и безъ оговорокъ въ примѣчаніяхъ (см. ст. 170—171, 324, 603—607).

Во всѣхъ вообще стихахъ, риемованныхъ и бѣлыхъ, исправленіе текста вызывается обыкновенно неправильностью размѣра, и устраняется она посредствомъ или опущенія лишнихъ словъ,—чаще всего члена или энклитикъ (то съ оговоркой въ «примѣчаніяхъ», то безъ оговорки, ср. 187, 206, 303, 304 и др.),—или вставокъ (также, ср. 208, 224, 305), или измѣненія формъ или замѣны одного слова другимъ и т. п. И здѣсь, какъ и о риемическихъ исправленіяхъ, можно, пожалуй, замѣтить, что и самого Сахликиса еще нельзя считать застрахованнымъ отъ ошибокъ метрическихъ. Сравнительно меньше поправокъ вызывается одною неясностью текста, безъ отношенія къ риемѣ или размѣру (напр. 46, 88, 214—217, 362, 866 и др.). Въ видѣ исключенія только попадаютъ поправки на основаніи «неправильности» безъ всякихъ поясненій (66) или измѣненія въ стихахъ съ надлежащимъ размѣромъ и риемой (20). Вообще же въ заслугу автора нужно поставить то, что онъ почти всегда старается мотивировать свои измѣненія чтеній N, дѣлая это иногда даже слишкомъ многословно, — послѣднее зависитъ отъ плана изданія (см. ниже). Произвольныхъ поправокъ мы почти не видимъ, нѣкоторыя только преждевременны.

Если я правильно смотрю на текстъ *Ἀφῆγησις παράξενος* по N, какъ на центральную часть работы г. П—у, то предстоявшая ему задача, ду-

мается, состояла въ слѣдующемъ: во 1-хъ, въ полнотѣ исчерпать матеріалъ рукописи N и возстановить его по возможности *per se*, во 2-хъ, попытаться опредѣлить точное отношеніе N къ P и M и сообразоваться съ этимъ опредѣленіемъ въ дальнѣйшемъ возстановленіи текста и въ орѳографіи, въ 3-хъ, строго разграничить при этомъ цѣли изданія, въ 4-хъ, истолковать этотъ текстъ со стороны языка и содержанія и, наконецъ, воспользоваться его матеріаломъ въ отношеніи къ литературной дѣятельности Сахликиса и критскому языку его времени. Г. П-у несомнѣнно имѣлъ въ виду всѣ эти стороны изслѣдованія.

Въ книгѣ его подѣ текстомъ стихотворенія мы имѣемъ списокъ чтеній положеннаго въ основу изданія кодекса N во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ издатель въ текстѣ уклоняется отъ N. Эти чтенія приводятся въ такомъ числѣ и съ такой, повидимому, аккуратностью, что мы признали бы здѣсь, пожалуй, даже излишество, если бы полнота не была цѣлью издателя. Здѣсь, напр., постоянно отмѣчается орѳографія N въ окончаніи *-αις*, хотя уже въ «введеніи» заявлено разъ на всегда, что она въ текстѣ замѣнена чрезъ *-ες*, указываются разночтенія *δίπνον* (*δείπνον*), *μείρα* (*μοίρα*), *πράγμα* (*πράγμα*) и т. п. Это, разумѣется, избытокъ, а не недостатокъ, и я указываю на него только потому, что, преслѣдуя такую полноту критическаго аппарата, издатель, можетъ быть, не нашелъ достаточно времени провѣрить по N точность своей копій, отданной въ печать. Приложенныя имъ фотографіи двухъ страницъ N (1=ст. 1—23, 6а=ст. 302—328) позволяютъ намъ отчасти контролировать эту сторону его работы. Къ *στρέψαι* ст. 7 отмѣчено N *σρέψαι*, но и на фотографіи видно скорѣе *στρέψαι*; наоборотъ, къ *πίνουσιν* 307 и *ὡς σάν* 312 нѣтъ никакой оговорки, а въ N тамъ несомнѣнно *πίνουσι* (безъ *ν*) и *ὡς σάν* (въ другихъ случаяхъ подобныя различія отмѣчаются у г. П-у); въ 327 на снимкѣ видно, кажется, скорѣе *ταξιδάρης*, чѣмъ данное въ текстѣ безъ оговорокъ *ταξιδιάρης*. Отсюда и въ другихъ случаяхъ иногда невольно возникаетъ сомнѣніе въ точности копіи. Напр., къ ст. 270 *ὑποδέκτηκα* указано N *ὑποδέκτικα*, а «глоссарій» для того же стиха даетъ *ὑποδέχτηκα*; къ *ὄλη ἢ ὑπόθεσις* 401—N *ὄλην ὑπόθεσις*; къ 807 *πέρπερα*—N *πέρπια*, а въ глосс. читаемъ: *πέρπια* (*ὑπέρπια*), *τά*, деньги, I 147, 807 (*πέρπερα*); къ *θάψατέ την* 908—N *θάψατέ την* и т. п. Въ 908 совсѣмъ непонятно указаніе чтенія N, совершенно сходнаго съ текстомъ (опечатка?). Въ 807, кажется, нельзя было въ словарѣ специально отмѣчать *πέρπερα* этого стиха, если только подѣ текстомъ точно дано чтеніе «N *πέρπια*», которое гораздо ближе къ *πέρπια*, чѣмъ возстановленное въ текстѣ *πέρπερα*, такъ что спрашивается, что же именно стоитъ въ N. Тотъ же вопросъ относится и къ 270, а въ 401, можетъ быть, и въ N имѣется тоже, что и въ текстѣ. Отдѣльные, пожалуй, даже неважные недосмотры, конечно, неизбѣжны при первомъ изданіи, но они показываютъ, что новое сличеніе изданія г. П-у съ N будетъ всетаки неизлишне, хотя трудъ сличателя навѣрно окажется большею частью весьма благодарнымъ.

Объ отношеніи N къ P и M г. П-у говоритъ не разъ, но всё его замѣтки носятъ характеръ отдѣльныхъ и разнорѣчивыхъ наблюдений, общій же итогъ этимъ наблюдениямъ не подводится. Наиболѣе обширный матеріалъ для сравненія давали римованныя четверостишія (т. е., по П-у, 6-е стихотвореніе С-а: «Собраніе гетеръ», II 378—712, III 602—812) и сохранившіеся также во всѣхъ трехъ кодексахъ стихи «о тюремщикахъ» (4-е стих, II 267—340, 484—564). На первыя дѣйствительно обращено большее вниманіе, кропотливо составлена даже сравнительная таблица числа, порядка и состава этихъ четверостишіи по разнымъ кодексамъ. Но въ результатѣ получается въ сущности только подсчетъ сходныхъ и несходныхъ куплетовъ и указаніе на большую путаницу «версій» особенно во второй (большей) половинѣ этого отдѣла. Въ объясненіе этого указывается на давній и продолжающійся доселѣ критскій обычай *certare sagminibus*, на популярность стиховъ С-а на Критѣ, на внесеніе массы интерполяцій, откуда и возникаетъ трудность возстановить дѣйствительную послѣдовательность разсказа. Указаніе на критскій обычай весьма заманчиво, но еще не убѣдительно, и при теперешнемъ положеніи дѣла трудно сказать, правъ ли здѣсь П-у, предполагающій интерполяціи, или Крумбахеръ, допускающій и разныя изданія самого поэта. А, что важнѣе всего, отношеніе «версій» по существу вовсе не опредѣляется: какую «версію» П-у считаетъ болѣе древней, объ этомъ онъ умалчиваетъ. Правда, во главу таблицы онъ ставитъ N, гдѣ какъ разъ наименьшее число куплетовъ, и это подходитъ къ теоріи интерполяцій, но, на второмъ мѣстѣ здѣсь помѣщена P съ наибольшимъ числомъ куплетовъ, на послѣднемъ — M съ среднимъ, такъ что очевидно при случайномъ размѣщеніи предпочтеніе отдано N только потому, что къ ней примыкаетъ главное изслѣдованіе. Если бы П-у дѣйствительно считалъ «версію» N болѣе древней, то онъ относился бы, конечно, осмотрительнѣе къ внесенію въ изданіе ея стиховъ изъ P и M или замѣнилъ ея стиховъ стихами послѣднихъ, а такихъ въ этомъ отдѣлѣ у него не меньше тринадцати. Въ отдѣльныхъ примѣчаніяхъ къ этимъ куплетамъ даны только отрывочныя наблюденія: P правильнѣе, чѣмъ N къ 603 сл., или чѣмъ N M къ 794, наоборотъ N M правильнѣе, чѣмъ P къ 731, или M лучше, чѣмъ P N къ 758, или только указаніе различія, см. къ 608 сл. и къ 704 сл., безъ попытки остановиться на опредѣленномъ рѣшеніи. — Въ примѣчаніяхъ къ другимъ совпадающимъ въ кодексахъ частямъ «Страннаго разсказа» чаще отдается предпочтеніе N предъ P M (420, 430, 431, 439 [479], 503, 526, 530, 586), но не разъ и чтенія P M называются «несомнѣнно» или «вѣроятно» болѣе правильными, хотя въ текстѣ сохраняются чтенія N (447, 481, 499, 555, 579); рядомъ указывается преимущество N M предъ P (428, 489) или M предъ N P (448, 517); иногда отмѣчается большая близость M къ N, чѣмъ къ P (424, ср. 455, 549—564), въ прочихъ случаяхъ — только сходство или различіе ихъ (M P : N 475, 519, 535, M N : P 525, M : P : N 484 сл.). Указаніями примѣчаній матеріалъ для сужденія

объ отношеніи кодексовъ впрочемъ не исчерпывается: указаны тамъ только болѣе бросающіяся въ глаза различія, о другихъ умалчивается (напр. объ отношеніи N 509 и M къ P 292—293, или N 523—524 къ P 308 и M и др.). Изъ того, что тремъ стихамъ N 424—426 въ M соотвѣтствуютъ четыре, а въ P даже пять, дѣлается попытка даже воссоздать цѣлыхъ восемь подлинныхъ стиховъ, правда, только въ примѣчаніи, но при менѣе крупномъ разногласіи и въ самый текстъ N вносятся поправки и восполненія по P M (см. 517, 580—583), такъ что пользованіе другими кодексами отчасти носитъ характеръ произвола. Послѣдовательности здѣсь нѣтъ, да и не могло быть, разъ не установлено нормальное отношеніе кодексовъ или «версій». Какъ самъ издатель смотритъ на эти различія, опять остается неяснымъ. На стр. 9 онъ говоритъ о «небольшихъ» отступленіяхъ трехъ «версій» (N, P, M), а на стр. 100—104 (о четверостишіяхъ) о трехъ «версіяхъ, мало похожихъ» одна на другую, на стр. 61 сл. о такомъ различіи между тремя версіями, что «многія мѣста стихотвореній имѣютъ въ каждой изъ нихъ совершенно иной видъ» (примѣръ P 378—381, M, N 603—607); на стр. 87 допускаются двѣ совершенно различныя «версії» самого Сахликиса (ср. стр. 111), а на слѣдующей не отрицается правдоподобность мнѣнія, что второе изданіе принадлежитъ «позднѣйшимъ собирателямъ поэмъ», а на стр. 123 дошедшія до насъ «версії» (сколько?) объясняются популярностью С-а; на стр. 114: въ рукописномъ преданіи всѣ стихи С-а, какъ народнаго поэта, подверглись порчѣ и интерполяціи въ зависимости отъ произвола переписчиковъ и импровизаторовъ; на стр. 121 допускается порча народнаго языка С-а, внесенная рукой ученаго справщика, а на стр. 152 къ ст. 278 приписывается прямо переписчику желаніе сообщить архаическій синтаксисъ слову δὲχῶς. Сколько же именно «версій» имѣется и какой болѣе вѣроятный способъ и порядокъ ихъ возникновенія, объ этомъ опредѣленно пока нигдѣ не сказано: можетъ быть, г. П-у сдѣлалъ это даже съ намѣреніемъ, чтобы не предрѣшать вопроса для будущаго изданія всѣхъ стиховъ С-а, для котораго нужно сначала переизслѣдовать рукописи P и M. До той поры вопросъ остается нерѣшеннымъ, и всѣ отдѣльныя наблюденія имѣютъ весьма цѣнное значеніе только въ качествѣ подготовительнаго матеріала для рѣшенія вопроса.

Въ связи съ этой неопредѣленностью находится и недостаточное опредѣленіе или разграниченіе цѣлей изданія. По отношенію къ такимъ произведеніямъ вульгарной греческой словесности, какъ стихи С-а, появившіеся очень скоро (въ данномъ случаѣ въ нѣсколько десятилѣтій) въ разныхъ версіяхъ, или, можетъ быть, и выходившіе въ разныхъ изданіяхъ самого автора, цѣль критической работы издателя можетъ быть различна: можно стремиться или возстановить оригиналъ писателя, или установить ту редакцію или ту версію, въ которой произведеніе дается трактуемымъ кодексомъ или группой кодексовъ, или просто представить памятникъ письменности данной эпохи въ удобочитаемомъ видѣ, или

дать языковой материалъ по самой рукописи и т. д. Г. П-у, кажется, преслѣдуетъ сразу всѣ указанныя цѣли, безъ строгаго разграниченія ихъ. Изъ того, что довольно часто онъ не вводитъ въ свой текстъ «несомнѣнно» лучшихъ чтеній Р или М, можно заключать, что ему желательно только возстановить «версію» N. Но если бы это было дѣйствительно такъ, то едва ли было нужно вводить въ изданіе большое число стиховъ изъ Р и М, или замѣнять и исправлять послѣдними стихи N, какъ это часто у него дѣлается. Вводя эти дополненія и присчитывая еще бланки, онъ только затрудняетъ и запутываетъ представленіе о дѣйствительномъ содержаніи N и для другихъ и для себя ¹⁾. Это отношеніе къ тексту скорѣе говоритъ о намѣреніи дать удобочитаемый текстъ или же на основаніи всѣхъ кодексовъ приблизиться къ оригиналу. Въ пользу послѣдняго говоритъ и то, что при случаѣ, сваливая всю вину только на переписчиковъ, онъ прямо ищетъ того, что вышло изъ подъ пера автора (ср. къ 431, 503 и др.). Этому однако опять противорѣчитъ желаніе издателя сохранить въ самомъ текстѣ языковыя и орфографическія особенности рукописи N, принадлежащія именно переписчику или его времени. Въ виду характера произведеній С-а, какъ писателя народнаго (см. стр. 115—117), пожалуй, дѣйствительно важнѣе всего изслѣдовать рукописи ихъ со стороны языка, лексикальныхъ, флексивныхъ и фонетическихъ особенностей, но не слѣдовало бы смѣшивать этой цѣли съ указанными прежде.

Одновременное преслѣдованіе разныхъ цѣлей особенно рѣзко отразилось на орфографіи изданія. Отношеніе издателя къ ней опредѣлено на стр. 11—14: допуская значительныя измѣненія противъ N въ видѣ вставокъ опущеній, перестановокъ, поправокъ, онъ однако слѣдуетъ «системѣ» N въ орфографіи, т. е. не даетъ вездѣ 15-сложнаго стиха, а обозначаетъ красисъ, элизію, афезу, синизисъ только тамъ, гдѣ это дано въ N; исправляя варварское правописаніе словъ N, удерживаетъ изъ него важнѣйшее въ фонетическомъ отношеніи; не прибѣгая къ радикальнымъ нововведеніямъ, уклоняется отъ традиціоннаго письма при противорѣчіи послѣдняго научнымъ выводамъ (—ες=αις, ἡ ἑλίψη, καὶ πρόκοπτα) и т. п. Отсюда чрезъ все изданіе проходитъ неустойчивость орфографіи, колебаніе между орфографіей, установленной хотя бы чрезъ простой *uzus*, орфографіей малограмотнаго переписчика и орфографіей самого едва ли очень грамотнаго писателя. А послѣдовательность въ текстѣ здѣсь была вполнѣ возможна, потому что желающему изслѣдовать фонетическія особенности все равно и теперь обязательно по поводу каждаго слова и формы обращаться къ нижнему этажу изданія и

1) Напр. на стр. 97 онъ говоритъ, что «рассказъ о тюремникахъ (II 267—340 [т. е. въ Р], III [т. е. N] 484—564) сохранился во всѣхъ трехъ кодексахъ и написанъ бѣлыми стихами въ числѣ 78 (80 по код. N)». Число 73, слѣд., указано по Р М, но въ Р тутъ 74 стихи, въ М 81, въ N 79, а съ вставленными у П-у всего 81; о частностяхъ сравненія я уже не говорю.

примѣчаніямъ, автографъ же писателя возстановить, кажется, невозможно, да едва ли и нужно. Лучше было бы, при условной, но однообразной, орфографіи текста, важнѣйшія для языка особенности рукописи объединить въ особыхъ экскурсахъ или только отмѣтить въ критическомъ аппаратѣ, напр., особымъ приѣтомъ. Можно было бы впрочемъ примириться съ указанными непослѣдовательностями, вызванными желаніемъ достигъ разныхъ цѣлей и зависящими отъ рукописи N (онѣ встрѣчаются на каждомъ шагѣ), если бы при этомъ было всетаки послѣдовательное отношеніе къ N, т. е. если бы извѣстное письмо N всюду или сохранялось, или замѣнялось однимъ опредѣленнымъ способомъ, а оказывается, что и здѣсь есть нѣкоторый произволъ. Я укажу нѣсколько случаевъ главнымъ образомъ такого отношенія къ N ¹⁾.

εις—'ς — σ: εις ὅσα 617, εις τὸν ἄδην 667, εις τὴν κρίσιν 713 и т. д.; 'ς τῆς 706 (N εις τῆς), 'ς τὴν 299 (N εις τὴν), εἰν 'ς τὴν χώραν 756 (N εις), 'ς ὅσα 616, 'ς τῆς Ἀγγελίνας τῆς πτωχῆς σιμὰ εις τὸ τζαγγαρεῖον 706 и т. д.; στ' ἀπτι 597 (N σταπτή), στὴ χώρα 752 (N στηχώρα) и т. д. Отсюда въ текстѣ 511 ὀγὼ σέ μένα (N?), а на стр. 165 въ примѣчаніи ὀγὼ σ' ἐμένα и ibid. въ цитатѣ изъ Пикатороса ὀγὼ σ' ἐμέν.

ὡσάν—'σάν—σάν: 312 || ὡσάν ξένον (N?); 314 || ὡσάν κλέπτες (N?); 714 || 'σάν νᾶτον (N ὡσανάτον); 149 || σάν ἀπομουδιασμένος (N ὡσάν) и др.

τότε—τότες: καὶ τότε πάλι 670 (N τότες), τότε γυρεύουν 655 (N τότες); 788 καὶ τότες ἐμισσέψαν (N?), то же 786.

пάλι—пάλε—пάλιν: 623, 627, 670 пάλι (N пάλιν), то же 889 (N пάλαι), но 512, 522, 563, 708 пάλε согласно съ N (пάλαι), а 513, 887 пάλιν (N?).

εις μιάν—εις μίον: 806, 807 εις μιάν (N?), 805 εις μόν (N?) а 719 εις μιάν, хотя N εις μίον.

ὅταν: на стр. 102 сказано: «ὅταν, ὄντε, ὄντεν, ὄνταν, ἄντα (только разъ въ ст. 121)», однако въ текстѣ 121 дано чтеніе ὄντα τυχαίνη (N ἀντατυχένη). Ср. 864 съ 885.

διά—γιά: 95 ἐξειδάγερνα (N ἐξεγιάγερνα), а 548 ξαναγιάγερνα (N?), 781 γ'αυτόν (N?) и др. Ср. также 783 ἐγγαστρώνουν (N ἐγκα—), 665 συσφίγγεται (N—γκ) и 449 ἀγκάδια (N ἀγγάδια) и др.

ιє—є: 116 πελελιές σου |, 115 δουλειές σου |, 111 μαυλίστριες | и 256 τέс λακτές ||, 697 βουκεντρέс ||, 818 ἀνδραγαθές τους |, правда вездѣ по N но на стр. 89 дается изъ 111 μαυλίστρέс (глосс. μαυλίστρία), на стр. 98 изъ 818 ἀνδραγαθίες, въ глосс. βουκεντρία, λακτιά. Ср. 857 ἐπιδεξιεύτηκα, а 887 ἐπιδεξιεύτηκα (= N).

ευσ—εψ: въ концѣ четырехъ стиховъ при трехъ одинаковыхъ глаголахъ 612—615 дано εύση, а 648—651—έψη, ср. еще 7—8 и 305—306 и 906 и др.

1) Дальше у меня N? обозначаетъ, что чтеніе N не указано, но очевидно тождественно съ текстомъ; N — чтеніе N тождественно по прямому указанію; | обозначаетъ начало или конецъ стиха; || обозначаетъ цезуру.

τσ—τζ: ср. κάτζα въ 28, 757 и 186; въ одномъ и томъ же имени Подотσουστουιά четыре письма: —ατσ—813 (N ατζ), —οτσ—824, 826, 829, 852, 835 (N ατζ) и 848 (N ατζ), —ατζ—865, 868, 882, 895 и 905, —στζ—897, и это на пространствѣ всего 80 стиховъ.

О непослѣдовательностяхъ въ родѣ ἥστακκ, στέκω, ιστέκω, ἔστακκ, στακκ, ἐμπουκώσουν, ἀμπουκώσουν, μπουκώσουν, μοιρολόγι, μυρολόγι (28 и глосс.) и массѣ подобныхъ можно и не говорить.

На неустойчивость ореографіи повліяло еще увлеченіе возстановленіемъ размѣра и рѣзмы. Хотя вообще издатель и не считаетъ нужнымъ выражать стихъ въ видѣ 15 слоговъ (см. выше) и ореографія изданія уже предполагаетъ у читателя знакомство съ дѣйствительнымъ новогреческимъ произношеніемъ, дѣлающимъ иногда какоχράχης изъ κακὸν χρόνον καὶ ἔχης, тѣмъ не менѣе въ текстѣ при случаѣ ради размѣра ставится, напр., φλακάτοραυ 568 (N φυλακάτοραυ), ἀκλουθήσασι 785 (N ἀκολουθήσασι), а рядомъ однако одно изъ наиболѣе употребительныхъ словъ Σα (πολιτικῆ) всегда пишется въ видѣ 4-сложнаго, хотя часто въ стихѣ считается за три слога ¹⁾.

Не было также нужды отбрасывать иногда вопреки рукописи конечное υ ради рѣзмы только, напр. 170 χρῆσι (N χρῆσιν) для рѣзмы съ συντύχη (рѣзма всетаки не блестящая, хотя безъ оговорки), если въ 712—715 оставлено χρῆσιν—κρίσιν—βρύσιν—ἀποχωρίση, или 198—199 τραγυδοῦσιν—κηλαδοῦσι, ср. еще 303—304 μεγάλη (N—λην) —προβάλλει, а 318—319 πρὸς ἐμέναν—ἐμπιστεμμένα, или 5—6 θάρρει—λιθάρι (N—ριν), 200—201 μεδοῦκλι—κούκλη (N—κλην), а 291—292 σακκοῦλιν—πούλιε (?); совсѣмъ непонятно 95 τάξι(ν) съ дополненнымъ ν въ рѣзмѣ съ ὑποτάξιη ²⁾.

Закончимъ нашъ и безъ того длинный перечень непослѣдовательностей слѣдующими недостаточно обоснованными измѣненіями рукописнаго текста: 129 || δὲν ἤμου (N οὐδέν), а 300 || οὐδέν ἤμου, ср. 344 и 358; 558 ἐκείνοι (N ἀκόμη), ср. 602; 108 ἀκόμη, (N ἀκομή, Крумбахеръ въ *Kuhn Zeitschr.* XXVII p. 516 сообщаетъ со словъ Леграна, что на Критѣ и теперь произносятъ ἀκομή; *ibid* о значеніи слова). Извиненіемъ для издателя служить, конечно, то, что ореографія вообще слабое мѣсто всѣхъ новогреческихъ изданій, и потому я говорю о необходимости только относительной послѣдовательности. Установленіе общихъ правилъ въ этомъ отношеніи находится пока въ области желаній.

Вмѣстѣ съ исправленіемъ текста несомнѣнно важнѣйшую часть труда

1) Издатель по этимологіи отъ πῶλις всюду пишетъ λι, но спрашивается, такъ ли этимологизировалъ переписчикъ и имѣемъ ли мы право игнорировать для него это λι, когда въ N, напр., въ ст. 603—908 въ этомъ слогѣ 21 разъ пишется λυ и только дважды λι (871, 868) и разъ λη (850).

2) См. упреки Fou въ *Weissenberger's* *Beiträge* XIV p. 84 по поводу опущенія конечнаго υ въ изданіи византійскихъ пословицъ Крумбахера, и о значеніи конечнаго υ именъ средняго рода въ статьѣ Θ. Е. Корша Мысли о происхожд. новогреч. яз. въ «Лѣтописи ист.-ф. общ. при Новор. Ун.» VI p. 293.

г. П-у составляютъ «примѣчанія» какъ къ «Аф. παράξ», такъ и къ прежде изданнымъ стихамъ С-а ¹⁾).

Здѣсь именно онъ вводитъ насъ въ свою критическую работу, интерпретируетъ контекстъ и отдѣльныя слова съ формальной и реальной стороны и попутно изслѣдуетъ нѣкоторые грамматическіе вопросы. Лучше было бы дать большую часть критическихъ и объяснительныхъ замѣтокъ *подъ* текстомъ, параллельно съ *varia lectio*, а не отдѣльно, послѣ текста. Вынесение ихъ въ особую главу обуславливалось вѣроятно обширностью нѣкоторыхъ изъ нихъ, но такихъ въ дѣйствительности немного (не больше 20-ти ²⁾), и частыхъ была бы умѣстна въ историко-литературномъ «изслѣдованіи» или въ лексикально-грамматическихъ обобщеніяхъ той же главы, а часть составила бы нѣсколько экскурсовъ, въ которыхъ работа автора выдѣлялась бы еще рельефнѣе. Для большинства же примѣчаній, приблизительно для $\frac{2}{3}$ (круглымъ числомъ сто), наиболѣе подходящее мѣсто *подъ* текстомъ и для остальной трети (напр. къ 3, 4, 5, 19, 42, 43, 49, 50 и т. д.)—въ словарь. При этомъ условіи многія изъ нихъ можно было бы изложить безъ ущерба для ясности гораздо короче. Напр. примѣчаніе въ *восемь* строкъ къ ст. 210 на стр. 149 *подъ* текстомъ, гдѣ на лицо и чтеніе N и восстановленный текстъ, было бы ясно, даже яснѣе выражено словами: «[ὁ] и [ὅτι] ради размѣра, χωράφι; вмѣсто οὐτάρι ради риомы»; ср. еще прим. къ 173, 145 сл., 251, 311, 528 и др. Вообще почти всякое примѣчаніе при иномъ планѣ можно было бы сократить и сократить значительно. Устраненіе подробности объясненій не уменьшило бы цѣнности примѣчаній, а читатель, имѣя краткія замѣтки рядомъ съ текстомъ, только поблагодарилъ бы за такое облегченіе труда, да и работа автора была бы облегчена, и вообще естественнѣе было послѣдовать наиболѣе удобнымъ внѣшнимъ приемамъ критическихъ изданій. У Вагнера въ *Sam. gr. med. aevi* нѣтъ почти ни одного примѣчанія, кромѣ рукописныхъ вариантовъ, а для внимательнаго читателя всегда ясно, къ чему и почему имъ введены тѣ или другія измѣненія текста. Черезчуръ большія разъясненія въ сущности даже излишни,—книга предназначается во всякомъ случаѣ не для легкаго чтенія.—Сказанное о критическихъ примѣчаніяхъ примѣнимо, хотя и въ меньшей степени, и къ лексикальнымъ, при помѣщеніи ихъ въ глоссарій. Кромѣ того при иномъ планѣ изданія авторъ безъ сомнѣнія и обошелся бы безъ лишнихъ повтореній (ср. сказанное на стр. 37 къ ст. 580—583 и на стр. 170 въ примѣч., или примѣч. стр. 134 и стр. 55 объ ξώτορτων; или стр. 107 и 132 о двустипи-

1) Половина примѣчаній къ послѣднимъ была уже напечатана въ «Виз. Вр. I 649—656», но другая половина ихъ и притомъ наиболѣе обстоятельная является здѣсь впервые.

2) Къ ст. 8 Δερπιούση, 11 и 117 μητά, 23—80 о риомѣ, 92 о евреяхъ на Критѣ, 95 διαγέρνω, 99 μοναστήριον, 130 μητάτων, 155 ἐντριτά, 186 κουρτσοβάδι 292 κανίσκι, 424 о порчѣ традиціи, 511 ὄνω, 578 ταμπάχοι, 598 ἀπτί, 627 γαβεντίζω (ср. 889), 660 κουράζω и нѣсколько другихъ.

яхъ и т. п.), и не опустилъ бы излишнихъ поясненій и оговорокъ: напр. 676—679 комбинированы по М, Р и N и по изданію Вагнера, а въ примѣч. (стр. 186) это не оговорено; ср. ἀμμή ἢ (N ἀκόμη) въ 684, φοροῦν καὶ χαμαρῶμενοι (N—χαμαρῶνους) въ 189 и др. также безъ оговорокъ; появленіе ἢ Φουρνάρα вмѣсто N ἢ συβρόνα уясняется только изъ второй серіи примѣчаній (стр. 226 къ Wagп. II 689) и т. п., хотя вообще оговорки дѣлаются и при менѣ важныхъ перемѣнахъ рукописнаго текста. — Все это касается впрочемъ лишь внѣшней стороны, по содержанію же примѣчанія болѣею частію таковы, что именно здѣсь всякій можетъ много поучиться во всѣхъ отношеніяхъ. Сомнительны нѣкоторыя частности. Такъ, сомнительна этимологія ἐξεχαρβαλωμένα отъ арабскаго haḡab (къ ст. 188 сл.); теорія фонетическихъ явленій σχοινί—σχοινί, σχολή—σκολή, χαίνου; представляется по крайней мѣрѣ искусственной (къ ст. 292); мнѣніе, что въ ἀπραδέκτος α не negativum, а «просто приставка», во всякомъ случаѣ недостаточно обставлено (къ 278); *исправляя* καρσίους N въ καὶ σύρτους, едва ли можно было отмѣчать metathesis liquidae (къ 226). Подробнѣйшее объясненіе, предлагаемое авторомъ для словъ въ родѣ ἀπτί, ἀβγό (стр. 171—176 къ 598), во всѣхъ существенныхъ чертахъ было дано уже въ 1887 г. у Foy (Bezzenberger Beiträge XII p 39 ss.), который сочинилъ даже особый терминъ для такихъ словъ (Artikelnomencompositum), такъ что С. Д. Пападимитріу, приводя о всѣхъ прежнихъ объясненіяхъ голословный рѣзкій отзывъ Хаджидаки (Einleitung in die neugr. Gramm. p. 114: taugt nichts), неожиданно для себя признаетъ силу этого приговора и для своего объясненія, которое считаетъ новымъ; разумѣется, съ Хаджидаки здѣсь скорѣе можно не соглашаться: объясненіе, въ которомъ независимо другъ отъ друга совпали два изслѣдователя, всетаки болѣе вѣроятно. Недосмотръ вкрался въ примѣч. къ Wagner II 127 на стр. 216: «καὶ κείνοι ὁποῦ τὴν διάταξιν παραχαλοῦσιν πάλιν. Чтеніе рукописи намъ кажется болѣе вѣрнымъ: κ'ἐκεῖνοι τοῦ τους διάταξαν»: у Вагнера подчеркнутое стоитъ въ текстѣ, а подъ текстомъ «τὸς διάταξαν» сi. Bursianus», слѣд. г. II—у принявъ за чтеніе рукописи предположеніе Бурзіана. Подобный же недосмотръ въ прим. къ II 495—497, гдѣ говорится о недостающемъ *четвертомъ* стихѣ, хотя въ текстѣ Вагнера стоятъ всѣ четыре стиха (494—497, въ P. 496 in margine scriptus).

Желательно было бы болѣе обобщенія относительно языкового матеріала. Примѣчанія, глоссарій и критическій аппаратъ даютъ множество цѣнныхъ данныхъ, но они остаются въ разбросанномъ видѣ, въ видѣ несистематическаго сбора матеріаловъ. Въ связаномъ изложеніи о С-ѣ (въ отдѣлѣ о языкѣ) сдѣланъ сводъ только о союзахъ, а между тѣмъ подведеніе итоговъ по фонетикѣ, флексіи, словарю, синтаксису, метрикѣ и пр. помимо собственной цѣнности, дало бы также возможность избѣжать въ примѣчаніяхъ лишнихъ повтореній и многословія. Не подводя итоговъ, авторъ и тамъ, гдѣ высказываетъ общій выводъ, не даетъ читателю полной статистики явленій. Напр., на стр. 130 замѣчено, что во время «перетис-

чика» уже начался переходъ неударяемаго *e* въ *i* (ср. стр. 137 къ ст. 117) и въ доказательство приводятся по N *μητά* 11, *μή* 57, *ἐκ τῆς ἐξοδης* 117 (въ текстѣ однако, хотя это и важно для фонетики, вездѣ дано обычное правописание — *μετά*, *μέ*, *τέ*, какъ и слѣдовало); но статистика здѣсь только случайная: *μή* = *μέ* еще въ 338, 343; сюда же можетъ относиться *κηλαδοῦσι* 199, *κελαδοῦσι* 258, *πέρπερα* и *πέρπιρα* (см. выше), *μητᾶτον*¹⁾ и нѣкоторые другіе факты.

При недостаточности однихъ и недоступности другихъ словарей *mediae et infimae graecitatis* нельзя не поблагодарить автора за приложенный глоссарій, значительно облегчающій пользование не только текстами С-а, но и разбросанными изслѣдованіями всей книги. Предназначенный въ дополненіе къ ходячимъ ново- и древне-греческимъ словарямъ, глоссарій всѣхъ неограеса, конечно, не заключаетъ, а даетъ лишь выборъ изъ нихъ и даже съ избыткомъ, такъ какъ могъ бы и не содержать такихъ словъ, которые имѣются въ обычныхъ словаряхъ и извѣстны всякому немного знающему новогреческій языкъ (*ἀνήφορον*, *ἀφεντιά*, *βασιλικός*, *γλίγορα*, *γυρεύω*, *διάγω*, *διατάσσω*, *ἐγείρομαι*, *ἐμποδίζω*, *ἠγουμένη*, *μνήμα*, *μοῖρα*, *πατάσσω*, *χοιτρός* и мн. др.). По поводу предлагаемыхъ этимологій можно выразить сомнѣніе еще относительно *ἐπέσωσα* отъ *σώζω* (ср. Hatzidakis въ *Bezzenb. Beitr.* VI p. 328), *κουρνοκέφαλος* = *κυνοκέφαλος* (ср. *κουρνός schwarz und weiss gestreift (von Ziegen)*, *Jeannarakaki Kretas Volkslieder*, въ словарѣ) и др. Алфавитъ глоссарія мѣстахъ въ десяти не вполне соблюденъ (см. *βάνω*, *καταμυτώνω*, *ματζουχα*, *μαυλίζω*, *μπουρέλλιν*, *ξεγδικαίνομαι*, *παιδόπουλα*, *πομπεύω*, *σφουγγᾶτο*, *χαροκοπία*). Непостоянство орѳографіи отразилось и на размѣщеніи словъ глоссарія: слова съ одинаковымъ началомъ приходится искать то здѣсь, то тамъ, или они повторяются въ разныхъ формахъ и здѣсь и тамъ. Составленіе полнаго *index graecitatis* С-а принесло бы пользу и для окончательнаго установленія текста стихотвореній.

Намъ остается сказать еще объ «изслѣдованіи», составляющемъ уже выводъ изъ всей детальной работы автора надъ прежними и новыми стихами С-а. О значеніи вновь изданнаго произведенія С-а и основаннаго преимущественно на немъ изслѣдованія г. П-у можно судить по тому, что сказано было о С-ѣ въ первомъ изданіи *Byzant. Litt.* Крумбахера (стр. 410) и что стоитъ тамъ теперь во-второмъ (стр. 815—816). Не малое число фактовъ изъ жизни поэта и его стихотворной дѣятельности теперь отчасти прочно установлено, отчасти обставлено съ нѣкоторой долей вѣроятности. Можно считать доказаннымъ, что родиной его или, по крайней мѣрѣ, болѣе постояннымъ мѣстомъ жительства былъ критскій городъ *Χάνδαξ* (*Candia*, у С-а *Κάστρον*) и что время его дѣятельности относится не къ XVI в., какъ думали раньше, а къ 2-й половинѣ XV. Чтобы показать на одномъ примѣрѣ, какъ г. П-у обслѣдуетъ историко-

1) Прим. на стр. 139: *μητᾶτον*, болѣе правильное чтеніе, хотя встрѣчается *μητᾶτον*, *μητᾶτον*, *μετᾶτον*, отъ лат. *metatum*: почему же болѣе правильное?

литературные вопросы, приведу перечень его соображений о времени жизни С-а. Отказываясь слѣдовать статистическому методу Психари, основанному на численном соотношеніи нѣкоторыхъ формъ члена, и справедливо указывая на примѣнимость его къ опредѣленію времени кодекса или данной версіи, а не жизни автора, онъ прежде всего ищетъ фактическихъ указаній въ стихахъ самого С-а. Μανδᾶτον ἑλιβερόν ἀπὸ τῆν Ῥωμανίαν (I 327) онъ, на основаніи параллелей, принимаетъ за вѣсть о взятіи Константинополя турками и полагаетъ, что Сахликисъ могъ говорить здѣсь такъ только какъ современникъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событія. Далѣе указывается взглядъ С-а на современныя ему отношенія Крита къ Турціи въ словахъ: εἰς Τοῦρκους νὰ περάσῃ, οὐχὶ νὰ πᾶ πρᾶγματεῦτῆς, πρᾶγματα ν'ἀγοράσῃ, ἀμμὲ ἔς τὲς μαύρες φυλακὲς ἀπέσω νὰ γηράσῃ (II 426 сл.), и послѣ экскурса о турецко-венеціанскихъ отношеніяхъ конца XV в. дѣлается выводъ, что рассказы объ ужасахъ турецкой тюрьмы при мысли о возможности торговыхъ сношеній съ Турціей примѣнимы только къ мирнымъ промежуткамъ 1454—1462 и 1479—1499, скорѣе къ первому. Въ видѣ argumentum ex silentio приводится молчаніе С-а о картахъ, хотя онъ обстоятельно говоритъ объ азартныхъ играхъ его времени и какъ разъ въ произведеніяхъ послѣднихъ лѣтъ своей жизни (Совѣты Франциску, I 118—239); это молчаніе сопоставляется съ упоминаніемъ о картахъ уже въ 1498 у Георгия (Θανατικὸν τῆς Ῥόδου 312). Слѣдующій аргументъ—изъ исторіи «политическаго» стиха: стихи С-а, то съ риемой, то безъ нея, могутъ относиться къ періоду соотвѣтственнаго перехода въ этой исторіи. Наконецъ, отождествляются нѣкоторыя личности, упоминаемыя у С-а, съ названными въ завѣщаніи 1486 (у Сааы Μεσαιων. βιβλ. VI 654 сл.). Все сводится къ тому, что С-ъ родился не позже половины XV в. Можно возражать противъ каждаго соображенія въ отдѣльности, такъ, ἑλιβερόν μανδᾶτον могло стать чѣмъ-то въ родѣ пословицы, намекъ на мирное время въ οὐχὶ νὰ πᾶ πρᾶγματεῦτῆς—отчасти насильственная интерпретація, молчаніе еще не доказательство, исторія риемы также не обязательный аргументъ, отождествленіе личностей основывается только на именахъ. П-у и самъ это видитъ и выражается осторожно («повидимому» стр. 64, «если можно опираться» 73, «довольно смѣло» 74). Но совокупность всѣхъ соображеній дѣлаетъ хронологическій выводъ прочнымъ. Въ доказательство того, что стихи С-а нельзя относить даже къ началу XVI в., П-у могъ еще прямо сослаться на самый кодексъ N, который, по Пападопуло-Керамевсу, относится къ XV в. и уже даетъ С-а въ испорченномъ и интерполированномъ видѣ, но этотъ аргументъ опущенъ вѣроятно намѣренно, въ виду разнорѣчиваго мнѣнія о кодексѣ John Schmitt'a, видѣвшаго самую рукопись и относящаго ее къ XVI в. (П.-Керамевсъ судилъ только по фотографіи). Я не буду далѣе передавать тщательнаго свода и интереснаго освѣщенія дальнѣйшихъ біографическихъ подробностей, уясняющаго намъ характеръ самого поэта и его стихотвореній.—эти подробности обстоя-

тельно были уже изложены въ прошломъ году на страницахъ «Виз. Врем.». Отмѣчу только, что П-у, слѣдую первой части «Αφίη. παράξ.»; на которую онъ естественно смотритъ какъ на автобіографію С-а, разиѣщаетъ факты его жизни, по моему мнѣнію, правильнѣе, чѣмъ это сдѣлано теперь у Крумбахера въ новомъ изданіи Вуз. L.-G., гдѣ заключеніе С-а въ тюрьму поставлено *послѣ* періода сельской жизни и адвокатуры поэта (мотивы къ тому не указаны и не ясны).

Переходя къ рукописному наслѣдію С-а, П-у много труда и мѣста посвящаетъ раздѣленію его на отдѣльныя стихотворенія и опредѣленію ихъ хронологическаго порядка (съ точностью иногда до годовъ, см. выше), основываясь при этомъ на данныхъ автобіографіи, на заглавіяхъ въ рукописяхъ, на составѣ сборниковъ въ разныхъ рукописяхъ, на содержаніи ихъ и на стихотворной формѣ (употребленіе рѣимы). Перечень полученныхъ такимъ путемъ *десяти* произведеній былъ уже указанъ здѣсь въ прошломъ году¹⁾. Распредѣленіе по времени у П-у строго выдержано, можетъ быть, даже черезчуръ строго, особенно на основаніи рѣимы, но тутъ, пожалуй, есть нѣкоторый *circulus* (ср. стр. 126 сл.). И дѣленіе и распредѣленіе еще пока недостаточно убѣдительно (пока еще не окончательно изслѣдована традиція текстовъ), но они очень полезны для обозрѣнія литературной дѣятельности С-а. Подробное изложеніе содержанія каждаго стихотворенія, близкое иногда къ переводу, можетъ познакомить съ С-мъ даже незнакомаго съ новогреческимъ языкомъ (въ книгѣ можно было бы, пожалуй, и обойтись безъ этого изложенія). — Далѣе Сахликисъ прекрасно характеризуется какъ народный поэтъ, на которомъ не отразилось вліянія ни древней, ни византійской литературы, опредѣляются нѣкоторыя общія черты языка его (см. выше) и вліяніе на послѣдующихъ поэтовъ (Склаво, Бергадиса, Пикатороса, Дефаранаса, — отношеніе послѣдняго къ С-у, какъ заимствователя, здѣсь окончательно установлено); отсутствіе нѣкоторыхъ изданій не позволило автору, обстоятельно разобрать вопросъ о западномъ вліяніи на С-а: подъ *λατινικά* II 358 онъ разумѣетъ народныя латинскія пѣсни и именно ихъ вліяніе и по формѣ и содержанію старается доказать, но вопросъ этотъ пока слѣдуетъ считать только затронутымъ (Крумбахеръ остается при прежнемъ взглядѣ на эти *λατινικά*, какъ на итальянскія пѣсни).

О приложенныхъ, критическихъ *πάρεργα*, относящихся къ текстамъ Еврипида и схолій къ нему, говорить здѣсь не приходится.

Въ книгѣ С. Д. Пападимитріу, помимо отчасти новаго памятника, изданнаго въ исправленномъ видѣ, имѣется много новаго разработаннаго матеріала, множество разнообразныхъ, весьма цѣнныхъ и остроумныхъ отдѣльныхъ замѣчаній и содержательныхъ и поучительныхъ наблюденій, изслѣдованій и общихъ заключеній, но въ общемъ не достаеетъ надлежа-

1) П-у готовъ дѣлить даже больше, чѣмъ на 10 частей: шестое, по его счету, стихотвореніе («Собраніе гетеръ», — четверостишія) вѣроятно состоятъ изъ двухъ отдѣльныхъ (стр. 103).

щей послѣдовательности и окончательной обработки. Послѣднее объясняется отчасти тѣмъ, что самъ авторъ видитъ въ своей работѣ только предварительный трудъ, подготовляющій окончательное изданіе С-а, которое онъ же самъ и намѣренъ предпринять послѣ личнаго изслѣдованія всѣхъ трехъ кодексовъ С-а (см. прим. на стр. 10 и 104); отчасти отразилась на работѣ и спѣшность ея, которая была совершенно понятна въ виду того, что новый матеріалъ находился уже и въ другихъ рукахъ (John Schmitt). Если и при этихъ условіяхъ недостатки ея почти скрываются за достоинствами, то понятно, чего мы должны ожидать отъ окончательной обработки С-а почтеннымъ изслѣдователемъ. Отчасти именно въ виду этой будущей работы я здѣсь и касался болѣе обстоятельно только desiderata,—потребовалось бы очень много мѣста, чтобы детально указать положительныя качества настоящей книги, и моя замѣтка предполагаетъ обязательное знакомство съ самой книгой. Лично мнѣ жаль, что прекрасная работа г. П-у уже и теперь не была закончена съ надлежащей акривіей, потому что, приближаясь уже въ настоящемъ видѣ къ изданіямъ классиковъ, она тогда могла бы быть выставлена въ видѣ блестящаго образца для изданія средне-и новогреческихъ рукописныхъ текстовъ, предпринимаемаго у насъ въ послѣднее время довольно часто и даже не ближайшими специалистами. Во всякомъ случаѣ она должна обратить на себя серьезное вниманіе всѣхъ занимающихся новогреческой письменностью и языкомъ и во многихъ отношеніяхъ стать неизбѣжной для нихъ; кромѣ того ею съ нѣкоторымъ ограниченіемъ можно было бы воспользоваться и въ качествѣ весьма полезнаго пособия при университетскомъ преподаваніи новогреческаго языка.

А. Никитскій.

Галустъ Тэръ-Мкртчьянъ (Міабанъ) *Գալստեղեղոսի աղբիւրներէջ Յիշատակ գատակերաց Գորիս և Շմոնի վկայից որ վկայեցին յՄուհամմադէ*. (Изъ источниковъ Алавангела. Записки (ὁπομνήματα) о мученичествѣ Горія и Шмона, замученныхъ въ Едессѣ. Вагаршапатъ 1896. 91 стр. ¹).

Рѣдкій памятникъ армянской переводной литературы посчастливилось найти въ Эчмиадзинской монастырской библиотекѣ хорошо извѣстному арменистамъ о. Галусту Тэръ-Мкртчьяну (Міабану). Это древняя редакція описанія мученичества Гурія и Самона ¹). Отецъ Галустъ, вполне справедливо удѣляющій самое строгое вниманіе орографическимъ и палеографическимъ явленіямъ армянскихъ рукописей, а равно ихъ судьбѣ ²),

1) Первоначально эта работа появилась на страницахъ Эчмиадзинскаго журнала Араратъ 1896, стр. 385—392 (текстъ) и стр. 425—440 (изслѣдованіе).

2) Въ этомъ смыслѣ брошюра Г. Тэръ-Мкртчьяна даетъ весьма поучительный для специалистовъ матеріалъ, котораго однако въ настоящей замѣткѣ мы не коснемся. Мы сожалѣемъ только, что эчмиадзинскій изслѣдователь не отмѣчалъ раз-

въ изданномъ имъ памятникѣ признаетъ одинъ изъ источниковъ *Исторіи обращенія армянъ въ христіанство*, приписываемой Агаангелу. Если дѣйствительно найденъ настоящій источникъ *Исторіи* Агаангела, то вопросъ о ней нуждается въ новой постановкѣ, и на этотъ разъ на новой болѣе твердой почвѣ. Такъ и смотритъ о. Галустъ на значеніе обнаруживаемаго имъ памятника, судя по слѣдующимъ его словамъ (*op. c.*, стр. 5): «Исслѣдованія Гутшмида, Лагарда, Саргсяна, Дашяна и другихъ, посвященныя Агаангелу, привели насъ къ опредѣленнымъ положительнымъ результатамъ. Греческій Агаангелъ безусловно переведенъ съ армянскаго; предполагаемое существованіе сирійскаго подлинника, откуда бы перевели армянскій текстъ, чрезвычайно сомнительно, неосновательно, по крайней мѣрѣ не доказано. Слѣдовательно, остается принять единственно вѣроятное положеніе—*Исторію* Агаангела считать произведеніемъ пятого вѣка, съ какого времени единственно и была возможность писать по армянски. Это и принято многими учеными, съ предположеніемъ, что отдѣльныя части Агаангела могли существовать раньше, въ качествѣ самостоятельныхъ произведеній, переводныхъ или оригинальныхъ, и изъ нихъ-то и была составлена извѣстная редакція *Исторіи* Агаангела. Но нѣкоторые, устойчиво держась стараго мнѣнія, считаютъ *Исторію* Агаангела произведеніемъ IV вѣка, слѣдовательно, первоначально составленнымъ на чужомъ языкѣ и затѣмъ въ V вѣкѣ переведеннымъ на армянскій языкъ. Печатаемое ниже *Мученичество [Горія и Шмона]*, по нашему мнѣнію, положительно разрѣшаетъ этотъ вопросъ».

Однако въ какомъ смыслѣ? Въ работѣ о. Галуста мы не находимъ ясно сформулированнаго отвѣта на этотъ, возбужденный имъ же, вопросъ. Но общій тонъ разсужденій издателя, очевидно, обнаруживаетъ увѣренность его въ томъ, что въ армянскомъ переводѣ *Мученичества Горія и Шмона* найденъ такой источникъ *Исторіи* Агаангела, безъ котораго и представить себѣ нельзя существованіе этой *Исторіи*, признаетъ, слѣдовательно, одинъ изъ основныхъ ея источниковъ, а такъ какъ *Мученичество Горія и Шмона*, по мнѣнію издателя (*op. c.*, стр. 29—30), «переведено на армянскій языкъ во второй половинѣ V вѣка, въ крайнемъ случаѣ въ третьей четверти», то читателю остается принять, что а) *Исторія* Агаангела написана послѣ первой половины V вѣка и б) написана прямо на армянскомъ языкѣ, такъ какъ авторъ пользовался указаннымъ «источникомъ» въ армянскомъ переводѣ.

Но въ чемъ выражается зависимость *Исторіи* Агаангела отъ

ночтеній съ *л* (*op. c.*, стр. 33) при изданіи текста; достаточно было бы, пожалуй, дать отдѣльно списокъ словъ съ ореографіею безъ *л*. Кстати, Г. Тэръ-М. какъ будто различаетъ два явленія указываемой имъ ореографіи: а) опущеніе *л* и б) *л* вм. *т*, но послѣднее есть лишь специальное примѣненіе перваго явленія, т. е. опущеніе *л* въ *т*, такъ какъ *т* въ древнеармянскомъ письмѣ есть ничто иное, какъ условное начертаніе вм. *л*.

Мученичества? Въ заимствованіи ли основы сказанія? Нѣтъ. Въ заимствованіи ли ряда отдѣльныхъ эпизодовъ? Нѣтъ. Въ заимствованіи ли плана *Исторіи*? Нѣтъ. Все дѣло въ томъ, что въ описаніи мученій, которымъ подвергались съ одной стороны Горій и Шмонъ, а съ другой— Григорій Просвѣтитель, замѣчаются совпаденія. Совпаденія эти самъ издатель, сгруппировавшій ихъ на страницахъ 6—15, подраздѣляетъ на двѣ категоріи. Вторую категорію (стр. 10—15), и въ глазахъ издателя не имѣющую самостоятельнаго значенія, мы можемъ оставить въ покоѣ. Въ самомъ дѣлѣ, въ какомъ мученичествѣ судья не выражаетъ удивленія мужамъ, терпѣливо полагающимъ жизнь за Спасителя, въ какомъ не напоминаетъ языческой властитель Христову воину, что не время поучать на судѣ новой вѣрѣ, а время слушаться, или не заходитъ рѣчь о свѣтильникахъ съ неугасимымъ огнемъ, или святые въ послѣднюю минуту, передъ самой казнью, не просятъ Бога пріобщить ихъ къ сонму праведниковъ?! А этими и подобными вещами и исчерпываются всѣ точки соприкосновенія второй категоріи.

Но обратимся къ совпаденіямъ, имѣющимъ, по мнѣнію о. Галуста, безусловное значеніе (стр. 6), и допустимъ сначала безъ всякихъ оговорокъ, что авторъ *Обращенія Арменіи въ христіанство* по указываемымъ общимъ чертамъ (ор. с., стр. 6—8), дѣйствительно, пользовался *Мученичествомъ Горія и Шмона*. Устраняетъ ли этотъ «фактъ» самъ по себѣ возможность существованія сирійскаго подлинника *Исторіи обращенія Арменіи* или возможность существованія этой *Исторіи* до V-го вѣка? Очевидно, нѣтъ, разъ мы не видимъ обстоятельствъ, исключяющихъ возможность использованія этого «источника» авторомъ *Исторіи обращенія* въ сирійскомъ же подлинникѣ, существовавшемъ уже въ IV-мъ вѣкѣ (см. у насъ ниже).

Допустимъ далѣе, что авторъ *Исторіи обращенія Арменіи* пользовался *Мученичествомъ Горія и Шмона* въ армянскомъ переводѣ, вытекаетъ ли еще изъ этого, что *Исторія обращенія Арменіи* могла быть впервые написана только послѣ появленія этого армянскаго перевода, такъ точно приурочиваемаго о. Галустомъ почему то «ко второй половинѣ, въ крайнемъ случаѣ третьей четверти V-го вѣка»? Чтобы утверждать это, заимствованія изъ *Мученичества* въ *Исторіи обращенія Арменіи* должны-бы были быть болѣе существенными, чѣмъ тѣ сходства, которыя констатируетъ о. Галустъ.

Сходства эти ограничиваются тѣмъ, что, —

- а) надъ Григоріемъ Просвѣтителемъ было учинено то-же истязаніе— повѣшеніе за одну ногу, головою внизъ—какое надъ Шмономъ,
- б) во все время этого истязанія Григорій Просвѣтитель молился и просилъ у Господа силъ для претерпѣнія, какъ св. Шмонъ,
- с) писцы записываютъ слова христовыхъ воиновъ, пока эти воины висятъ, и это какъ въ *Исторіи* Агаангела, такъ въ *Мученичествѣ*, а затѣмъ, по повелѣнію распорядителей, снимаютъ истязуемыхъ съ висѣлицы,

d) истязаніе съ повѣшеніемъ повторяется.

Спѣшимъ оговориться, что въ пунктахъ а, с и d сходства касаются не только основныхъ фактовъ, но и нѣкоторыхъ, сопровождающихъ ихъ, подробностей. Но напомнимъ и то, что въ *Исторіи* Агаѳангела указанныя обстоятельства составляютъ детали, украшающія *Исторію*, въ частности мученической періодъ жизни Григорія, а не основные моменты самой *Исторіи* или даже жизни Григорія. Детали эти притомъ взяты изъ такой области, въ какой болѣе всего рисковано искать опоры при установленіи исключительно литературной связи памятниковъ: пытки, примѣнявшіяся противъ христіанъ въ первые вѣка, были приблизительно всюду одинаковыя, а въ такихъ сосѣднихъ странахъ, какъ Сирія и Армения, гдѣ какъ господствующія политическія и административныя традиціи, такъ духъ зарождавшагося христіанства были по существу тождественнаго характера, процессуальная сторона суда надъ прозелитами новой вѣры, включительно съ казнями, должна была быть сходною въ самой дѣйствительности.

Указываемыя о. Галустомъ совпаденія устанавливаются, пожалуй, мы можемъ не отрицать этого, литературную зависимость *Исторіи* Агаѳангела отъ *Мученичества Горія и Шмона*, но въ томъ лишь смыслѣ, что Агаѳангелъ, описывая извѣстныя муки св. Григорія, въ одномъ случаѣ, *быть можетъ*, воспользовался нѣкоторыми выраженіями изъ описанія однородныхъ мукъ въ *Мученичествѣ Горія и Шмона*. Допустимъ даже, что весь эпизодъ съ повѣшеніемъ (пункты а и d) и съ писцами (пунктъ с) Агаѳангелъ заимствовалъ изъ *Мученичества*. И тогда источникомъ въ точномъ смыслѣ слова памятникъ, влиявшій на стиль автора или даже давшій ему одну, двѣ подробности для украшения *Исторіи*, нельзя признать. Условно такой памятникъ источникомъ можно будетъ назвать, но тогда *Мученичество Горія и Шмона* не есть источникъ *Исторіи обращенія Арменіи*, а источникъ той редакціи, въ которой эта *Исторія* предлежитъ, и то въ томъ случаѣ, если указываемыя о. Галустомъ схожія фразы не представляютъ общихъ мѣстъ агіографическихъ памятниковъ той эпохи.

Такимъ образомъ въ лучшемъ для мнѣнія о. Галуста случаѣ оказывается, что при редакціи *Исторіи обращенія Арменіи* въ V вѣкѣ [быть можетъ, и позже] въ нѣкоторыхъ подробностяхъ памятника использовано *Мученичество Горія и Шмона*. Фактъ, конечно, интересный, но онъ, касаясь лишь формы, скользитъ по поверхности памятника, и не задѣваетъ не только ядра, но и вообще содержанія *Исторіи* Агаѳангела, и вопросъ о ней по существу пока и послѣ любопытныхъ наблюдений о. Галуста остается въ томъ положеніи, въ какомъ онъ находился послѣ послѣдней работы объ Агаѳангелѣ — о. Дашиана ¹⁾.

1) Во избѣжаніе недоразумѣнія мы считаемъ нужнымъ заявить, что, оспаривая въ своихъ критическихъ замѣткахъ состоятельность аргументовъ, мы тѣмъ самымъ еще не думаемъ оспаривать справедливость мнѣнія, для котораго эти аргументы по-

этого вѣка (Assemani, Acta SS. Martyrum, I, стр. 226). Въ IV же вѣкѣ Ефремъ Сиринъ воспѣвалъ ихъ въ своихъ пѣснопѣніяхъ (Assemani, B. O., I, стр. 50). Имъ же посвятилъ простое, но прочувствованное слово Іаковъ Саругскій (V—VI вв.), какъ объ этомъ сообщалъ еще Assemani, B. O., I, стр. 329—330; оно издано Cureton'омъ въ *Ancient Syriac Documents etc.*, стр. 10—13, съ англійскимъ переводомъ, стр. 96—106. (Сирійскій текстъ переизданъ Bedjan'омъ въ Acta Martyrum et Sanctorum, Parisiis 1890, I, стр. 131—143). Слово это—рядъ лирическихъ изліяній восторженнаго поклонника подвиговъ Горія и Шмона, съ весьма слабыми намеками на самые подвиги; къ фактической сторонѣ дѣла оно ничего не прибавляетъ. Но значительно раньше мученическіе подвиги названныхъ святыхъ были описаны современникомъ ихъ, нѣкимъ новообращеннымъ Теофиломъ, какъ можно видѣть изъ слѣдующаго послѣсловія въ сирійскомъ *Житіи св. Азива* (Cureton, op. c., стр. 106 (англ. пер. 84) = Bedjan, Acta M. et S., I, стр. 159): «Я—Теофилъ, отрекшійся отъ злого наслѣдія моихъ отцовъ и исповѣдавшій Христа, удосуужился и написалъ текстъ этихъ воспоминаній (ἱστορικῶς = ὑπομνήματα) объ Авивѣ, какъ раньше написалъ я (воспоминанія) о мученикахъ Горіи и Шмонѣ, товарищахъ его,—о томъ (Авивѣ), который завидовалъ [буквально *ἔβριση τὴν ψυχὴν ἐμαχάρῃ*] смерти ихъ отъ меча и уподобился самъ имъ вѣнчаніемъ въ пламени огня. И я написалъ годъ, мѣсяцъ и день вѣнчанія этихъ мучениковъ не для тѣхъ, которые, подобно мнѣ, видѣли (все это) на дѣлѣ, но для того, чтобы узнали (о семъ) грядущіе послѣ насъ».

Но само сирійское *Мученичество* нашихъ святыхъ, насколько намъ извѣстно, до сихъ поръ не попадалось никому въ руки и во всякомъ случаѣ въ печати неизвѣстно. Галустъ Тэръ-Мкртчянъ и открылъ древнеармянскій переводъ этого *Мученичества*. Въ армянскомъ переводѣ имя автора не сохранилось ¹⁾, но въ немъ находимъ явныя доказательства того, что памятникъ переведенъ съ сирійскаго языка, а въ сирійской литературѣ имѣются свѣдѣнія лишь объ одномъ *Мученичествѣ Горія и Шмона*, именно о томъ, которое было написано Теофиломъ. *Мученичество* это, судя по цитованному мѣсту изъ произведенія того же автора, было озаглавлено, по всей вѣроятности, ἱστορικῶς = ὑπομνήματα.

Это ὑπομνήματα ²⁾ и передано, очевидно, въ армянскомъ переводѣ словомъ *խրատիկ* ³⁾.

1) Можетъ быть, со временемъ найдутся списки съ именемъ автора.

2) Присутствіе подобныхъ греческихъ словъ-терминовъ само по себѣ едва ли даетъ основаніе, чтобы говорить о греческомъ происхожденіи памятника; ввиду такихъ-то эллинизмовъ въ сирійскомъ текстѣ *Житія Шарбела* Cureton утверждалъ, что оно первоначально было написано на греческомъ языкѣ (*Ancient Syriac Documents*, въ Notes, стр. 178).

3) Полностью армянское заглавіе гласитъ: «*Записки (буквально: воспоминаніе խրատիկ) о судн надъ мучениками Горіемъ и Шмономъ, замученными въ Едессѣ*».

Изъ сиріазмовъ новооткрытаго переводнаго памятника бросилось намъ въ глаза выраженіе *Կանխեցի ասացի* (243) въ значеніи *раньше сказаъ*, что представляетъ буквальную передачу сирійскаго оборота *ܟܢܦ ܣܘܦܐ* съ *perf.*

На сирійское происхожденіе армянскаго текста указываетъ и форма имени мученика Шмонъ (*Մ Մոնա* = *ܡܘܢܐ*, въ греческомъ: *Σαμόνας*).

Очевидно, изъ сирійскаго оригинала удержаны въ армянскомъ текстѣ сирійскія слова, притомъ такія, которыя не гражданственны въ армянской литературѣ:

1. *փոփոխ* (142 и 154) *фидка* = *ܦܘܟܐ*,
2. *բեթիկա* (143) *бездика* = *ܒܝܬܐ ܕܝܟܐ*,
3. *Մորիշա* (622) *мдгіша* = *ܡܘܪܝܫܐ* *имнъ, пльня*.

Послѣднее слово о. Галустъ читаетъ *Մորիշա* *mdrila*, но это зависитъ отъ того, что *լ* и *շ* въ армянскомъ письмѣ легко смѣшиваются, и такое ошибочное чтеніе, по всей вѣроятности, стоитъ въ самихъ рукописяхъ.

О времени армянскаго перевода можно говорить лишь приблизительно. Что онъ относится къ сирійскому періоду, значить къ первымъ вѣкамъ армянской литературы, это весьма вѣроятно. Весьма возможно также, что переводъ восходитъ именно къ пятому вѣку, но главнымъ доводомъ пока служить лишь чистота слога, понятія же о чистотѣ и правильности древнеармянскаго языка въ нашей молодой наукѣ въ значительной степени условны, и приурочивать памятникъ на основаніи исключительно этого признака въ частности тому или другому вѣку, а тѣмъ болѣе той или другой четверти вѣка, равносильно гаданію.

Въ самомъ памятникѣ есть еще одна сторона дѣла, которая могла бы быть использована для датированія перевода. Въ памятникѣ встрѣчаемъ съ рядомъ цитатъ изъ *св. Писанія*, и цитаты эти не всегда совпадаютъ со чтеніями дошедшей до насъ армянской *Библии*, какъ извѣстно исправленной позже, на основаніи греческаго текста LXX.

Такъ въ строкахъ 44—47 *Мученичества* *Ելանէ հոգի նոցա և դառնանի հոգի Իւրեանց և յայնմ առուր կորիցեն խորհուրդք նոցա* (Пс. 145,4) отступаетъ отъ чтенія того же стиха въ армянской *Вульгатѣ* а) настоящимъ временемъ сказуемыхъ (*Ելանէ, դառնանի*) вм. буд. (*Ելցէ, դարձցին*) и б) словами *ի հոգի Իւրեանց* вм. *անդրէն Ի հոգի*, и какъ разъ въ этихъ отступленіяхъ *Мученичество* воспроизводитъ сирійскій текстъ *Псалтири* (Пешитто) — а) *ܟܢܦ, ܟܢܦܐ* и б) *ܟܢܦܐ* (*ի հոգի Իւր*: въ сир. рѣчь о душѣ *ego*, а не *uxor*).

Затѣмъ *Мат.* 5,37 постановкою мѣстоименія послѣ опредѣляемаго слова *բան ձեր* (въ *Мученичестве*, 270—271: *բանն ձեր*) вм. *ձեր բան* примыкаетъ къ сирійскому чтенію того же стиха.

Быть можетъ, такое тяготѣніе библейскихъ цитатъ нашего памятника къ *Пешиitto* и вмѣстѣ съ тѣмъ, надо полагать, къ первому армянскому переводу *Библии*, было бы замѣтнѣе, если бы онъ принадлежалъ въ болѣе древней рукописи; но въ рукахъ о. Галуста были два списка нашего памятника, и по изысканіямъ издателя (*op. c.*, стр. 42—59), это—рукописи сравнительно позднія приблизительно одной и той же эпохи, именно XII-го вѣка.

Вообще рукописи эти едва ли воспроизводятъ армянскій текстъ въ первоначальномъ видѣ; особенно искаженными кажутся намъ собственные имена ¹⁾. Но и въ такомъ видѣ открытый о. Галустомъ переводъ представляетъ интересъ для исторіи текста нашего памятника.

Большихъ разногласій между сирійскимъ оригиналомъ, какъ онъ представленъ въ армянскомъ переводѣ, и греческою редакціею Метафраста не оказывается; но разногласія все же есть. Отмѣтимъ въ общихъ чертахъ главнѣйшія изъ нихъ:

а) армянскій текстъ пространнѣе, въ строкахъ 87—98, 179—192, 423—435, 459, 366, 569—601,

б) въ армянскомъ передается иначе о заключеніи мучениковъ въ яму (строки 305—310) и о молитвѣ святыхъ, когда ихъ повѣсили (строки 348—379),

с) въ греческомъ текстѣ совсѣмъ опущены строки 255—271, 565—568 и 602—638.

Въ двухъ, трехъ мѣстахъ (строки 115, 490 и 564) въ греческомъ больше нѣсколькими словами или даже цѣлою фразою. Наблюдаются отступленія и въ мелочахъ, такъ въ соответствіи армянскому «*Ի ՍԺՐԻԻՆ ԵՅ ՆԻԶԻԲԻՆԻՆ*» (строки 67) въ греческомъ читаемъ *ἐν τοῖς τῆς Μαρτυροπόλεως μεδορίοις*.

Понятно, что будущій изслѣдователь *Мученичества Горія и Шмона* значительное вниманіе обязанъ будетъ удѣлить древнеармянскому, открытому и изданному о. Галустомъ переводу.

Н. Марръ.

2. БИБЛИОГРАФІЯ.

РОССІЯ.

А. Алмазовъ. *Тайная исповѣдь въ православной восточной церкви. Опытъ вѣтхней исторіи. Изслѣдованіе преимущественно по рукописямъ. Томъ I. Общій уставъ совершенія исповѣди. Томъ II. Специальные уставы, отдѣльная молитвословія и церковно-гражданскія постановленія, относящіяся къ исповѣди. Томъ III. Приложенія. Одесса. 1894. Стр. XVI + 596 + 454 + 296 + 89 + XVII.* — Громадный трудъ профессора Новороссійскаго универси-

1) Изданъ текстъ со свойственной о. Галусту тщательностью; дѣло не обошлось, конечно, безъ опечатокъ: *զիմարուքի* (156) вм. *զիմարուքի*, *իւղւոճ* (376) вм. рукописнаго *իւղւոճ*, судя по цитатѣ самого о. Галуста на стр. 14.

тета А. И. Алмазова посвященъ исторіи тайной исповѣди и притомъ только внѣшней ея сторонѣ и представляет историческое обзорѣніе устава совершенія исповѣди и связанныхъ съ исповѣдью церковно-гражданскихъ постановленій; такимъ образомъ, настоящій трудъ есть собственно обрядово-каноническое изслѣдованіе. Соединеніе здѣсь двухъ точекъ зрѣнія на предметъ мотивируется какъ полнымъ представленіемъ внѣшней стороны исповѣди, такъ и особенностью источниковъ для изученія ея исторіи, потому что каноническіе и литургическіе памятники для исповѣди въ православной церкви, какъ извѣстно, всегда находились въ неразрывной, генетической связи. Поставивъ задачей своего изслѣдованія обзорѣніе внѣшней исторіи исповѣди, профессоръ Алмазовъ занимается этимъ предметомъ главнымъ образомъ на основаніи рукописныхъ источниковъ. Это въ одинаковой мѣрѣ приложимо какъ къ обрядовому, такъ и къ каноническому элементу въ его изслѣдованіи. Сообразно съ рукописнымъ характеромъ источниковъ, разсматриваемый трудъ обнимаетъ собою въ исторіи исповѣди періодъ собственно съ X-го и по XVI вѣкъ. Но имѣя въ виду болѣе ясное представленіе своего предмета и генетическую связь намѣченнаго періода въ исторіи исповѣди съ ея судьбою въ предыдущее время, профессоръ Алмазовъ нашелъ необходимымъ коснуться исторіи исповѣди и въ періодъ до X вѣка и предпосылаетъ своему изслѣдованію, въ смыслѣ вводнаго, краткій очеркъ исторической судьбы исповѣди до X-го вѣка; равнымъ образомъ, и въ частныхъ вопросахъ касательно исповѣди, обсуждаемыхъ въ изслѣдованіи, онъ считаетъ нужнымъ сослаться съ свѣдѣніями, сохранившимися отъ древняго періода въ исторіи исповѣди. Съ другой стороны, имѣя въ виду тотъ неоспоримый фактъ, что рукописные источники въ дѣлѣ исповѣдной практики, на всемъ православномъ Востокѣ, не теряли своего значенія и съ выходомъ печатныхъ церковно-практическихъ изданій по предмету исповѣди и притомъ до самаго позднѣйшаго времени, авторъ представилъ въ своемъ изслѣдованіи и свѣдѣнія, доставляемые означенными изданіями, начиная съ первоначальныхъ изъ нихъ и кончая современными. Отсюда, въ трудѣ г. Алмазова предлагается опытъ исторіи тайной исповѣди за все время ея существованія, причемъ главное предпочтеніе отдается рукописнымъ свѣдѣніямъ. Изслѣдованіе и обрядовой, и канонической стороны предмета предпринято авторомъ въ самомъ широкомъ объемѣ. Сверхъ исторіи устава совершенія собственно исповѣди, онъ нашелъ обязательнымъ представить историческіе очерки и всѣхъ тѣхъ уставовъ и обрядовыхъ элементовъ, которые или только находятся въ тѣсной связи съ исповѣдью, или обязаны ей происхожденіемъ; съ другой стороны, авторомъ затронуто изобильное количество и каноническихъ вопросовъ, соприкасающихся съ исповѣдью. Вслѣдствіе столь обширнаго плана, изслѣдованіе г. Алмазова составило три тома, первый изъ которыхъ посвященъ обзорѣнію общаго устава совершенія исповѣди, второй знакомитъ съ спеціальными уставами и отдѣльными молитвенными элементами, относящимися къ исповѣди, и

съ церковно-гражданскими постановленіями, касательно объекта и субъекта исповѣди, а третій занять рукописными матеріалами, легшими въ основу научныхъ воззрѣній русскаго ученаго. Для лучшаго ознакомленія съ замѣчательнымъ трудомъ профессора Алмазова, представимъ по возможности краткое обзорѣніе его содержанія.

Первый томъ изслѣдованія г. Алмазова начинается *предисловіемъ* (стр. I — XVI), въ которомъ опредѣляются задача и планъ всего сочиненія и перечисляются рукописные документы, служившіе источниками для его труда. Одно перечисленіе рукописныхъ матеріаловъ, бывшихъ въ распоряженіи профессора Алмазова, указываетъ на колоссальный трудъ, предпринятый имъ для осуществленія намѣченной задачи. Онъ изучалъ рукописи греческія, юго-славянскія и русскія въ важнѣйшихъ русскіхъ бібліотекахъ (въ 24-хъ), въ трехъ западно-европейскихъ (Парижской Национальной бібліотекѣ, Ватиканской и бібліотекѣ Barbérini) и въ трехъ на востокѣ Европы (Аѳонскаго Пантелеимонова монастыря, въ Святогробской бібліотекѣ въ Константинополѣ и въ бібліотекѣ Аѳинскаго университета); такимъ образомъ, тридцать бібліотекъ служили русскому ученому для его цѣлей.

Въ *первой* главѣ перваго тома (стр. 1 — 78) предлагается краткій очеркъ внѣшней исторической судьбы исповѣди въ древней восточной церкви (I — IX в.). Здѣсь авторъ говоритъ о естественной необходимости въ сакраментальномъ актѣ разрѣшенія отъ грѣховъ, доказываетъ божественное установленіе таинства покаянія и въ частности его существеннаго внѣшняго элемента—исповѣди (Іоан., XX, 22 — 23), раскрываетъ психологическую основу исповѣди, а послѣ этого изслѣдуетъ главный вопросъ этой главы — о способѣ совершенія исповѣди въ древней церкви, представляя свидѣтельства объ этомъ изъ Священнаго Писанія, твореній мужей апостольскихъ и послѣдующей святоотеческой литературы до IX вѣка включительно. На основаніи различныхъ данныхъ, авторъ прочно устанавливаетъ здѣсь два положенія: 1) по ученію древней церкви, покаяніе, какъ благодатное средство, очищающее отъ грѣховъ, стоитъ параллельно съ крещеніемъ и имѣетъ сакраментальный характеръ, поэтому совершеніе его принадлежитъ церковной іерархіи, а не мірянамъ; 2) покаяніе издревле совершалось въ двоякой формѣ — публичной и тайной исповѣди.

На переходѣ отъ первой главы ко второй авторъ ведетъ рѣчь объ епитимійномъ номоканонѣ Іоанна Постника, который представляетъ первый письменный опытъ устава совершенія исповѣди, доказываетъ подлинность этого номоканона, именно древнѣйшей его редакціи (Ἀπολογία καὶ τάξις ἐπὶ ἐξομολογουμένων συνταχθεῖσα ἀπὸ τοῦ ὁσίου πατρὸς Ἰωάννου τοῦ Νηστευτοῦ), и анализируетъ его данныя въ отношеніи къ вопросу объ исповѣди.

Во *второй* главѣ перваго тома (стр. 79—201) изслѣдуется уставъ совершенія исповѣди въ греческой церкви съ X вѣка до настоящаго вре-

мени. Всѣ чинопослѣдованія исповѣди, которыя авторъ встрѣтилъ въ греческихъ рукописяхъ, раздѣляются у него на четыре группы, каждая изъ которыхъ въ свою очередь заключаетъ нѣсколько редакцій. Къ первой группѣ относятся чинопослѣдованія съ именемъ Іоанна Постника. Изъ нихъ прежде всего анализируется пространный исповѣднѣй уставъ Іоанна Постника, послужившій первоосновой для послѣдующихъ исповѣднѣй чиновъ, но однако мало употреблявшійся на практикѣ вслѣдствіе своей сложности. Гораздо больше употреблялись на практикѣ сокращенныя редакціи Постникова исповѣднѣй устава; авторъ дѣлитъ эти редакціи на семь категорій, указываетъ ихъ отличіе отъ основной редакціи и одной отъ другой, рассматриваетъ ихъ составъ и опредѣляетъ время ихъ практическаго употребленія (до XV вѣка).—Ко второй группѣ относятся тѣ чины исповѣди, которые были составлены на основаніи исповѣднѣй устава Іоанна Постника греческими духовниками въ XV вѣкѣ и далѣе. Чинопослѣдованій «восточно-греческаго извода» у автора указывается десять. При обзорѣ редакцій этихъ чиновъ проф. Алмазовъ излагаетъ ихъ содержаніе, указываетъ отличительныя особенности и происхожденіе различныхъ составныхъ частей чина, опредѣляетъ ихъ значеніе и практическое употребленіе. Съ особою подробностью въ книгѣ разсматриваются чинъ восьмой и десятый. Чинъ VIII-й, съ заглавіемъ Ἀρχὴ τῆς ἐξομολογήσεως, былъ почти въ исключительномъ употребленіи въ церкви греко-восточной съ половины XV и до конца XVIII вѣка и составляетъ оригиналъ того самаго чинопослѣдованія исповѣди, которое принято съ XVII вѣка въ нашемъ славянскомъ требникѣ, а чинъ X-й издается въ печатномъ греческомъ евхологіи съ 1692 года до настоящаго времени. Авторъ излагаетъ содержаніе этихъ чиновъ и указываетъ ихъ значеніе.—Третью группу чинопослѣдованій исповѣди составляютъ чины, составленные на Западѣ, у грековъ, жившихъ въ сосѣдствѣ съ католическимъ міромъ, и испытавшіе на себѣ вліяніе католической богослужебно-канонической практики. Чинъ западно-греческаго извода указывается авторомъ три категоріи, которыя и опредѣляются со стороны своихъ отличительныхъ особенностей.—Наконецъ, въ составъ четвертой группы греческихъ исповѣднѣй чиновъ входятъ чинопослѣдованія съ такъ называемыми поновленіями, заключающими въ себѣ перечень грѣховъ отъ лица исповѣдника; авторъ сообщаетъ о происхожденіи и практическомъ употребленіи этихъ чиновъ.—Представивъ подробное описаніе рукописныхъ греческихъ чиновъ исповѣди по группамъ, профессоръ Алмазовъ дѣлаетъ далѣе краткую характеристику этихъ группъ и «сводный обзоръ» всѣхъ литургическихъ элементовъ, входившихъ въ составъ всѣхъ указанныхъ редакцій чинопослѣдованій исповѣди, подробно рассматриваетъ тѣ составныя элементы чиновъ исповѣди, которые относятся къ канонической сторонѣ (руководственныя статьи по испытанію кающагося, предъ исповѣдныя увѣщанія, поисповѣдныя наставленія, епитимійныя помоканоны), и въ заключеніи излагаетъ нѣкоторыя частныя обрядовыя дѣйствія при со-

вершеніи исповѣди въ практикѣ греческой церкви, основываясь на различныхъ печатныхъ греческихъ руководствахъ для духовниковъ (эксомологитаріяхъ), въ частности 'Εξομολογητάριον'ъ іеромонаха Никодима (1796 года). — Итакъ, въ первыхъ двухъ главахъ перваго тома со всей подробностью и научностью представлено историческое развитіе исповѣднаго чина въ практикѣ греческой церкви отъ первыхъ вѣковъ христіанства и до настоящаго времени.

Въ *третьей* главѣ (стр. 202—233) на основаніи рукописнаго и печатнаго матеріала обзрѣвается историческая судьба исповѣднаго чина въ практикѣ юго-славянской церкви. Въ юго-славянской церкви, по изслѣдованію автора, на первыхъ порахъ употреблялся исповѣдной уставъ Іоанна Постника, но сравнительно недолго. Больше употреблялся «чинъ надъ исповѣдывающимся», находящійся въ глаголическомъ евхологіи XI вѣка, открытомъ и изданномъ Загребскимъ профессоромъ Гейтлеромъ. Авторъ подробно и останавливается на этомъ чинослѣдованіи, говоритъ о составѣ его, представляетъ внутренній анализъ чина и опредѣляетъ происхожденіе его вообще и составныхъ его элементовъ въ частности. Это чинослѣдованіе послужило прототипомъ другихъ исповѣдныхъ чиновъ, употреблявшихся въ юго-славянской церкви въ XIV—XVI вѣкахъ; авторъ говоритъ о происхожденіи, составѣ и особенностяхъ и этихъ чиновъ, а въ заключеніи главы ведетъ рѣчь о печатныхъ исповѣдныхъ чинослѣдованіяхъ по изданіямъ юго-славянскимъ XVI вѣка и западно-славянскимъ XVII—XVIII вѣковъ, ничѣмъ въ сущности не отличающихся отъ рукописныхъ чиновъ, и высказываетъ общій взглядъ на отношеніе исповѣднаго чинослѣдованія юго-славянской церкви къ греческому чинослѣдованію.

Главы четвертая, пятая и шестая посвящены исторіи исповѣди въ русской церкви. Въ частности глава *четвертая* (стр. 234—317) излагаетъ слѣдованіе исповѣди въ русской церкви по рукописнымъ памятникамъ. Здѣсь разнообразныя рукописныя чинослѣдованія исповѣди подводятся подъ извѣстныя редакціи, указываются ихъ особенности, происхожденіе, отношеніе къ греческимъ и юго-славянскимъ источникамъ и степень употребленія ихъ на практикѣ; въ концѣ главы представленъ общій сводный очеркъ литургическихъ элементовъ чина исповѣди съ обозначеніемъ того, въ какомъ видѣ выразился тотъ или другой элементъ въ различныхъ редакціяхъ рукописныхъ чинослѣдованій, а также въ различныхъ изводахъ этихъ редакцій.

Предметомъ *пятой* главы (стр. 318—490) служитъ методъ самой исповѣди и дополнительныя статьи къ исповѣдному уставу по русскимъ рукописнымъ памятникамъ. Методъ исповѣди опредѣлялся вопросными статьями, которыя помѣщались въ русскихъ рукописныхъ чинослѣдованіяхъ исповѣди, и такъ называемыми поновленіями, т. е. перечисленіями грѣховъ отъ лица кающагося. Разсмотрѣвъ подробно тѣ и другія статьи и указавъ ихъ относительное значеніе для метода совершенія исповѣди,

авторъ тщательно обозрѣваетъ дополнительныя къ исповѣдному уставу статьи, именно предъисповѣдныя увѣщанія со стороны духовника кающагося, поисповѣдныя поученія его же о доброй жизни, наставленія самому духовнику о совершеніи исповѣди и эпитимійныя намоканоны.

Наконецъ, въ *шестой* главѣ перваго тома (стр. 491—596) излагается исторія устава исповѣди въ русской церкви со времени появленія его въ печати. Здѣсь разсматриваются самыя изданія исповѣднаго чина на Руси, изложено содержаніе чина въ каждомъ изданіи, указаны отличительныя особенности всякаго изданія сравнительно съ другими изданіями того же устава, объяснено ихъ происхождение со стороны мотивовъ и источниковъ и отмѣчена дальнѣйшая исторія каждаго изданія. Въ заключеніи главы дѣлается сравненіе русскаго печатнаго исповѣднаго устава съ греческимъ, обозрѣваются важнѣйшія *рукописныя* редакціи исповѣдныхъ чиновъ XVII и XVIII вѣковъ, существовавшія на ряду съ печатными изданіями, и спеціальныя практическія—печатныя и рукописныя—руководства для совершенія исповѣди и дѣлаются нѣкоторыя замѣчанія касательно современно исповѣдной практики въ русской церкви.

Второй томъ изслѣдованія профессора Алмазова состоитъ изъ четырехъ главъ и имѣетъ своимъ предметомъ, какъ выше упомянуто, спеціальныя уставы, отдѣльныя молитвословія и церковно-гражданскія постановленія, относящіяся къ исповѣди. Въ частности, въ *первой* главѣ второго тома (стр. 1—102) разсматриваются уставы совершенія исповѣди при особыхъ случаяхъ, именно: при поставленіи въ іерархическія степени, по исполненіи эпитимій иноками, при возвращеніи въ церковь лицъ, отпадшихъ отъ нея, при приобщеніи глухонѣмыхъ и тяжкобольныхъ. Всѣ эти чины разсмотрѣны на основаніи рукописныхъ и печатныхъ литургическихъ памятниковъ греческой и русской церкви. Съ особою подробностью авторъ говоритъ объ уставѣ причащенія больныхъ, разсматриваетъ его редакціи съ различными варіаціями, анализируетъ ихъ составъ, выясняетъ происхождение, особенности и практическое употребленіе,

Не ограничившись исторією чина исповѣди въ случаяхъ обыкновенныхъ и исключительныхъ, проф. Алмазовъ въ слѣдующихъ главахъ второго тома сообщаетъ свѣдѣнія о предметахъ, соприкасающихся съ исповѣдью. Именно, во *второй* главѣ (стр. 103—172) онъ говоритъ о спеціальныхъ уставахъ, соприкасающихся съ исповѣдью, которую онъ здѣсь понимаетъ не въ смыслѣ сакраментальнаго акта, совершаемаго чрезъ священника, а въ смыслѣ субъективнаго сокрушенія о грѣхахъ, выражаемаго въ покаянной молитвѣ, обращенной къ самому Богу непосредственно. Къ такимъ чинамъ самоисповѣди проф. Алмазовымъ относятся: «скитское покаяніе» и чинъ самопричащенія, «молитва отъ оскверненія мирскимъ человѣкомъ кромѣ причастія», уставъ священнической самоисповѣди, «послѣдованіе о священницѣ, во снѣ искусившемся», «послѣдованіе о причащеніи св. воды великаго освященія на Богоявленіе», «канонъ на эпитимію», «канонъ молебный къ пресвятѣй Богородицѣ во исповѣданіе

грѣшника», «служба за отпущеніе грѣховъ» и уставъ поставленія духовника. Всѣ эти чины разсматриваются въ книгѣ довольно подробно со стороны ихъ историческаго происхожденія, состава, назначенія и употребленія въ православной церкви греческой и славянской.

Въ *третьей* главѣ (стр. 173—320) содержится историко-критическій обзоръ отдѣльныхъ молитвъ, которыя или непосредственно относятся къ исповѣди, какъ элементы исповѣднаго чина, или только отчасти сопрягаются съ нею. Молитвы раздѣляются у автора на слѣдующія девять группъ: молитвы о кающихся, молитвы о исповѣдающихся, молитвы разрѣшительныя отъ епитиміи, клятвы и всякаго грѣха, молитвы разрѣшительныя отъ внѣшняго оскверненія, постныя молитвы, общія и спеціальныя молитвы—разрѣшительныя по смерти вообще, грамоты разрѣшительныя по смерти, молитвы разрѣшительныя для умершихъ подѣ отлученіемъ и покаянныя молитвъ субъективнаго характера. И въ этой главѣ авторъ держится обычнаго плана,—говоритъ о происхожденіи и назначеніи каждой группы молитвъ, указываетъ ихъ употребленіе въ церкви греческой, юго-славянской и русской на основаніи матеріаловъ рукописныхъ и отчасти печатныхъ; въ заключеніи главы представленъ общій итогъ касательно всѣхъ молитвъ, относящихся къ исповѣди.

Въ *четвертой* и послѣдней главѣ (стр. 321—453) рѣчь идетъ объ исповѣдникахъ, какъ объектѣ исповѣди, т. е. разсматривается одинъ изъ каноническихъ вопросовъ касательно исповѣди. Здѣсь авторъ говоритъ прежде всего объ обязанности каждаго члена церкви ежегодно исповѣдываться и причащаться св. таинъ и разсматриваетъ исторически постановленія православной церкви по предмету обязательности исповѣди для всѣхъ. Далѣе рѣчь идетъ о начальномъ возрастѣ, съ котораго исповѣдь считается, по ученію церкви, обязательною для мірянъ, а послѣ—объ исповѣди, какъ способѣ присоединенія къ православной церкви инославныхъ христіанъ, объ исповѣди предѣ вступленіемъ въ бракъ, предѣ принятіемъ хиротоніи и постриженія въ монашество, при принятіи елеосвященія, объ исповѣди въ отношеніи къ праву члена церкви на христіанское погребеніе и въ отношеніи къ причащенію св. таинъ. Въ заключеніи главы указываются тѣ условія, которыя должны соблюдаться кающимся предѣ исповѣдью (постъ, самоиспытаніе въ отношеніи грѣховности и примиреніе со врагами), а также—условія дѣйствительности самой исповѣди со стороны исповѣдника (твердое исповѣданіе грѣховъ, рѣшеніе воздерживаться впредь отъ нихъ и пр.), рѣшается вопросъ объ исповѣди при неспособности исполнить ее словомъ и опредѣляются обязанности исповѣдника въ отношеніи къ духовнику.

Въ третьемъ томѣ сочиненія профессора Алмазова помѣщены приложенія къ изслѣдованію—тѣ греческіе, юго-славянскіе и русскіе памятники, которые легли въ основу разсмотрѣнной имъ внѣшней исторіи таинной исповѣди. Здѣсь представлены не только рукописные матеріалы, какъ выдающіеся по своей древности, исключительности и малодоступ-

ности, но и нѣкоторыя извлеченія изъ печатныхъ изданій, въ виду ихъ рѣдкости, и важнаго научнаго значенія. Всѣхъ памятниковъ издано болѣе 300. Эта сумма составила не изъ всѣхъ документовъ, бывшихъ у автора подъ руками при написаніи сочиненія, а только изъ важнѣйшихъ памятниковъ, въ которыхъ отражаются всѣ характерные моменты и стороны внѣшней исторической судьбы исповѣди. Эти памятники изданы въ систематическомъ порядкѣ, соотвѣтствующемъ порядку изслѣдуемыхъ вопросовъ въ самомъ сочиненіи, съ указаніемъ при каждомъ памятникѣ мѣста сочиненія, къ которому онъ относится. Въ частности, для перваго тома изслѣдованія профессора Алмазова здѣсь (стр. 1—296) изданы шесть отдѣловъ приложеній слѣдующаго содержанія: греческіе уставы исповѣди, юго-славянскіе уставы, русскіе уставы исповѣди, вопросныя статьи въ русскихъ уставахъ исповѣди (для мірскихъ лицъ, для монашествующихъ и священнослужителей), поновленія въ русскихъ уставахъ исповѣди и дополнительныя статьи къ русскимъ исповѣднымъ уставамъ. Ко второму тому относятся слѣдующія приложенія: памятники (греческіе и славянскіе) исторіи исповѣдныхъ уставовъ по особымъ случаямъ, спеціальныя уставы, соприкасающіеся съ исповѣдью, и отдѣльныя молитвы, относящіяся къ исповѣди (стр. 1—89). Въ концѣ третьяго тома помѣщенъ указатель рукописей, изъ которыхъ изданы памятники, дабы читатель могъ составить представленіе о всемъ циклѣ этихъ рукописей.

Изслѣдованіе профессора Алмазова представляетъ замѣчательный трудъ въ области литургическо-канонической русской литературы. Главное его достоинство состоитъ въ томъ, что оно составлено преимущественно по рукописямъ, извлеченнымъ нашимъ авторомъ изъ различныхъ книгохранилищъ Востока и Запада. Матеріалы, легшіе въ основу его научныхъ изысканій, большею частью были неизвѣстны богословской наукѣ, и профессору Алмазову принадлежитъ честь впервые открыть ихъ и утилизировать съ научною цѣлью. Отсюда его трудъ имѣетъ всѣ достоинства труда новаго, оригинальнаго, привносящаго въ науку такія знанія, которыхъ никто и никогда не высказывалъ до появленія въ свѣтъ разсматриваемаго изслѣдованія. Профессоръ Алмазовъ не только самъ воспользовался въ своей работѣ богатѣйшимъ и весьма цѣннымъ матеріаломъ, открытымъ имъ, но и опубликовалъ его для всеобщаго употребленія. И въ этомъ заключается безспорная и вполне понятная заслуга русскаго ученаго, такъ какъ онъ далъ возможность и другимъ разрабатывать этотъ матеріалъ съ той или иной стороны и въ тоже время критически относиться и къ его собственному труду. Собравши богатѣйшій и разнообразнѣйшій матеріалъ изъ многочисленныхъ рукописей и отчасти печатныхъ изданій, профессоръ Алмазовъ прекрасно сумѣлъ расположить его въ стройномъ, систематическомъ порядкѣ и представилъ изслѣдованіе весьма обширное по объему и чрезвычайно богатое по содержанію, но вполне удовлетворяющее требованіямъ научной конценціи и

производящее на читателя благопріятное впечатлѣніе своей логичностью и расположеніемъ матеріала въ системѣ. Найдутся, конечно, и недостатки въ колоссальномъ трудѣ профессора Алмазова, касающіеся полноты памятниковъ, на основаніи коихъ онъ представилъ исторію чина исповѣди въ православной восточной церкви отъ ея начала до настоящаго времени, основательности и опредѣленности его воззрѣній относительно нѣкоторыхъ вопросовъ, затронутыхъ въ книгѣ, излишней подробности содержанія и т. п., но они почти неизбѣжны во всякомъ изслѣдованіи, подобномъ разсматриваемому, и нисколько не умаляютъ высокой научной цѣнности сочиненія профессора Алмазова. Не безъ основанія Казанская Духовная Академія удостоила автора обзорѣваемаго сочиненія ученой докторской степени (Протоколы засѣданій Совѣта К. Д. А. за 1895 годъ, стр. 51 и далѣе).

А. Пападопуло-Керамевсъ. *Сборникъ источниковъ по исторіи Трапезунтской имперіи (Fontes historiae imperii Trapezuntini). I. С.-Петербургъ. 1897. Стр. XV + 176.* — Извѣстный греческій ученый А. И. Пападопуло-Керамевсъ задаясь хорошою цѣлью—составить возможно полный сборникъ источниковъ по исторіи трапезунтской имперіи, которая отъ XIII вѣка до 1462 года была, какъ извѣстно, сильнѣйшимъ оплотомъ православія и греческой народности противъ успѣховъ мусульманства и постепеннаго распространенія Турецкаго владычества на православномъ Востокѣ. Собравши изъ рукописей различныхъ, преимущественно восточныхъ, библіотекъ довольно много текстовъ и документовъ прямо или косвенно относящихся къ объясненію недостаточно извѣстной исторіи, этнографіи, топографіи и языка населенія трапезунтской имперіи, г. Пападопуло-Керамевсъ и издалъ теперь первый томикъ «трапезунтскаго собранія». Въ этомъ томикѣ помѣщены документы, касающіеся трапезунтскаго святого мученика Евгенія, изображеніе котораго служило девизомъ и гербомъ на монетахъ трапезунтскихъ императоровъ изъ дома Великихъ Комниновъ, питавшихъ особенно благоговѣйное чувство къ памяти этого святого. Документы заимствованы изъ единственнаго кодекса, принадлежащаго аеонскому монастырю св. Діонисія, написаннаго между 1370 и 1390 годами и значащагося по каталогу С. Лампроса подъ № 154. Этотъ кодексъ былъ въ рукахъ ученаго Fallmerayer'a, который списалъ изъ него лишь нѣсколько отрывковъ и помѣстилъ съ переводомъ и примѣчаніями въ первой части своихъ Original Fragmente. Напѣ же издатель полностью извлекъ изъ кодекса всѣ пять статей и опубликовалъ въ разсматриваемомъ томикѣ. На первомъ мѣстѣ томика (стр. 1—32) находится греческій текстъ похвальнаго слова трапезунтскимъ мученикамъ Евгенію, Канидію, Валеріану и Акилѣ, написаннаго Константиномъ Лукитомъ изъ Византіи, протонотаріемъ и протовестіаріемъ трапезунтскаго императорскаго двора при Алексѣѣ II и послѣ него. Въ свое время Лукитъ пользовался большою славою по своему придворному положенію и по образованію и имѣлъ переписку со многими видными историческими

дѣятелями эпохи, какъ г. Пападопуло-Керамевсъ показываетъ въ предисловіи къ своему изданію. Второй текстъ въ настоящемъ собраніи (стр. 33—51) содержитъ описаніе замѣчательныхъ чудесъ св. мученика Евгенія, составленное трапезунтцемъ Іоанномъ Ксифилиномъ, патриархомъ Константинопольскимъ (1064—1075), а на третьемъ мѣстѣ (стр. 52—77) поставлено слово Іосифа Лазаропула, митрополита трапезунтскаго (съ 1364 года), о праздникѣ рождества св. Евгенія. Продолженіемъ этого слова служитъ четвертый текстъ изданія (стр. 78—136), содержащій сокращенное описаніе чудесъ св. Евгенія, составленное тѣмъ же Іосифомъ Лазаропуломъ (иначе скевофилаксомъ Іоанномъ), а не Лазаремъ агіографомъ, какъ несправедливо и по собственному измышленію думалъ Фальмерайеръ, а за нимъ и болландисты, помѣстившіе въ числѣ древнихъ греческихъ агіографовъ никогда не существовавшаго Лазаря, автора чудесъ св. Евгенія (*Bibliotheca hagiographica graeca. Bruxellis. 1895, p. 41*). Пятое мѣсто въ собраніи трапезунтскихъ текстовъ (стр. 137—149) занимаетъ анонимное продолженіе о восьми чудесахъ св. мученика Евгенія, составленное, вѣроятно, самимъ переписчикомъ текста, человѣкомъ ученымъ и опытнымъ въ каллиграфическомъ искусствѣ. Въ качествѣ приложения къ книгѣ, помѣщенъ еще шестой текстъ (стр. 150—165), написанный новогреческими стихами и подробно описывающій захватъ турками въ 1665 году одной православной церкви и обращеніе ея въ турецкую мечеть. Авторъ этого описанія неизвѣстенъ, но онъ составилъ его въ 1665 году и говоритъ, что захваченный храмъ раньше былъ каедральнымъ соборомъ трапезунтскаго митрополита, упоминаетъ и о другихъ прежнихъ храмахъ и монастыряхъ Трапезунта, не исключая монастыря св. Евгенія.

Изданные г. Пападопуло-Керамевсомъ греческіе тексты важны во многихъ отношеніяхъ, такъ какъ даютъ немало новыхъ данныхъ касательно исторіи, этнографіи и географіи трапезунтской имперіи. Ихъ изданіе почтенный ученый предварилъ предисловіемъ (стр. I—XV), а въ концѣ книги (стр. 167—176) помѣстилъ указатель собственныхъ именъ, облегчающій пользованіе сборникомъ.

Памятники древне-русской церковно-учительной литературы. *Выпускъ третій. Изданіе журнала «Странникъ», подъ редакціей профессора А. И. Пономарева. С.-Петербургъ. 1897. Стр. XVIII+326.* — Настоящій выпускъ предпринятаго профессоромъ Пономаревымъ изданія памятниковъ древне-русской церковно-учительной литературы содержитъ три отдѣла слѣдующаго содержанія: 1) поученія о разныхъ истинахъ вѣры, жизни и благочестія, 2) слова на св. Четырдесятницу и 3) поученія противъ язычества и народныхъ суевѣрій. Каждый отдѣлъ церковно-учительныхъ памятниковъ предваряется вступительною статьею, въ которой даются общія свѣдѣнія о древне-русскихъ литературныхъ произведеніяхъ того или иного характера, выясняется ихъ происхождение и значеніе для русскаго народа. По поводу поученій о разныхъ истинахъ вѣры,

жизни и благочестія вступительная статья написана редакторомъ изданія, проф. Пономаревымъ. Въ ней (стр. IX—XVIII) рѣчь идетъ о разныхъ церковно-учительныхъ сборникахъ, обращавшихся въ древней Руси, отъ XI—XII до XVII вѣка, и имѣвшихъ назначеніемъ удовлетворять запросамъ церковнаго и внѣ-церковнаго чтенія, поученія и назиданія русскихъ православныхъ людей. Здѣсь обзрѣваются: «Златая Цѣпь», «Паисьевскій Сборникъ» (конца XIV или начала XV вѣковъ, принадлежитъ Кирилло-Бѣлозерской библіотекѣ при Спб. духовной академіи), «Измарагдъ» и др. Изъ этихъ сборниковъ проф. Пономаревъ и извлекъ 69 поученій касательно вѣры и жизни, которыя и помѣстилъ въ своемъ изданіи (стр. 1—149). Въ числѣ поученій находятся—«Стословець», приписываемый патріарху Геннадію, наставленія «отеческія», поученіе Владиміра Мономаха и посланіе къ сыну Сильвестра. Текстъ этихъ памятниковъ поясняется краткими историко-литературными комментаріями (стр. 251—315). Ко второму отдѣлу, заключающему въ себѣ поученія на св. Четырдесятницу, объяснительная статья (стр. 153—167) написана профессоромъ Пѣтуховымъ. Въ ней говорится о сборникѣ «Златоустъ», откуда (№ 9 Троице-Сергіевой Лавры) извлечены опубликованныя въ изданіи девять поученій (стр. 168—192). Наконецъ, третій отдѣлъ, содержащій поученія противъ древне-русскаго язычества и народныхъ суевѣрій, предваряется статьей профессора Владимірова касательно этихъ явленій въ жизни древне-русской (стр. 195—223). Самыя поученія, числомъ восемь, извлечены изъ Паисьевскаго Сборника (стр. 224—250). И къ нимъ, какъ и ко второму отдѣлу, сдѣланы примѣчанія (стр. 315—322).

Х. Лопаревъ. *Опытъ толкованія нѣкоторыхъ мѣстъ въ памятникахъ древне-русской письменности* (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1897, июнь, стр. 405—420). Статья состоитъ изъ трехъ небольшихъ главъ слѣдующаго содержанія:

1. *О такъ называемомъ русскомъ паломникѣ Леонтіи* (стр. 405—411). См. Византійскій Временникъ, т. IV, вып. 1 и 2, стр. 309.

2. *Св. Григорій, русскій «учитель» XII вѣка* (стр. 412—415). Рѣчь идетъ о монахѣ Григоріѣ, «учителѣ» смоленскаго пресвитера Ѳомы, знавшемъ греческую грамоту,—о которомъ извѣстно изъ посланія митрополита Климента (1147—1155 г.). По догадкамъ г. Лопарева, «учитель» Григорій не былъ по роду грекомъ, какъ предполагалъ г. Лавровскій, преподавалъ правила благочестія и морали только Ѳомѣ, а Климентъ не состоялъ его слушателемъ, хотя и высоко ставилъ его авторитетъ какъ толкователя Св. Писанія, и наконецъ, Григорій учительствовалъ не въ Смоленскѣ, а вѣроятно въ Кіево-Печерской Лаврѣ, въ числѣ памятней которой одна упоминаетъ объ аскетѣ Григоріи XII-го вѣка.

3. *Алексѣй Комнинъ на Руси и въ Сициліи* (стр. 415—420). Сопоставляются русскія и византійскія извѣстія о пребываніи въ 1183—1184 году въ Россіи Алексѣя Иоанновича Комнина, отправившагося затѣмъ въ Си-

цѣлю. Это событіе произошло въ царствованіе Андроника Комнина (1183—1186 г.), который, считая внука императора Мануила—Алексѣя Комнина, состоявшаго при дворѣ виночерпѣемъ, своимъ врагомъ, отправилъ его въ изгнаніе въ Скию (Россію). Алексѣй, будучи представителемъ Мануиловскихъ традицій, въ 1184 году явился въ Новгородъ, гдѣ онъ рассчитывалъ найти средства для борьбы съ императоромъ Андроникомъ, такъ какъ Новгородъ былъ въ это время дружественнымъ Мануилу и вѣрнымъ сыномъ вселенскаго патріарха. Но надежда Алексѣя не оправдалась, онъ быстро оставилъ сѣверную Русь и въ 1185 году явился въ Сицилію къ королю Вильгельму II, который давно имѣлъ завоевательные планы по отношенію къ Византіи и желалъ самъ занять византійскій престолъ. Съ большимъ войскомъ и флотомъ Вильгельмъ двинулся въ Византію, взялъ Солунь и Мосинополь, но, по смерти Андроника, былъ разбитъ и изгнанъ изъ имперіи полководцемъ Исаака Ангела Алексѣемъ Враною. Алексѣй Комнинъ, поднявшій иезомцевъ противъ отечества, былъ ослѣпленъ въ 1186 году.

М. Соловьевъ, *Проповѣди Никифора Θεотоки* (Окончаніе. Труды Кіевской Духовной Академіи, 1897, мартъ, стр. 357—398). — Заканчивая свою рѣчь о Никифорѣ Θεотоки, авторъ подвергаетъ анализу гомилетическія произведенія этого проповѣдника и довольно подробно изслѣдуетъ знаменитый его Киріакодроміонъ со стороны содержанія, общаго характера и источниковъ проповѣди, гомилетическихъ приемовъ, внутренняго построенія и частныхъ особенностей заключающихся здѣсь бесѣдъ и внѣшней формы ихъ изложенія. Въ заключеніи опредѣляется значеніе Никифора Θεотоки въ исторіи преобразованія новогреческаго разговорнаго языка, выразившееся, по мнѣнію нашего автора, въ томъ, что Никифоръ былъ ближайшимъ предшественникомъ лингвиста А. Корай (1748—1833), отца новогреческаго языка, и предупредилъ послѣдняго если не теоретическими изслѣдованіями въ области ного-греческаго языка, то практическимъ осуществленіемъ того, что впоследствии сказалъ Корай, безъ сомнѣнія знавшій Киріакодроміонъ Никифора.

В. Колокольцовъ, *Румынская церковь*. (Православный Собесѣдникъ, 1897). — Подъ такимъ заглавіемъ г. Колокольцовъ помѣстилъ нѣсколько очерковъ, посвященныхъ исторіи румынской церкви отъ ея возникновенія до настоящаго времени. Въ первомъ очеркѣ изслѣдуется начало румынской церкви и ея зависимость отъ константинопольскаго патріарха со второй половины IX столѣтія до 1864 года (— февраль, стр. 253—264). Здѣсь предварительно дается краткій очеркъ исторіи румынскаго княжества, а затѣмъ кратко излагается исторія румынской церкви. По воззрѣнію автора, румыны съ VII-го до XIII вѣка находились подъ властью болгаръ и лишь въ половинѣ XIII столѣтія освободились отъ болгарской зависимости, когда воевода Раду Черный основалъ румынское воеводство Валахію, а вскорѣ возникло другое румынское княжество Молдавія. Но при одномъ изъ преемниковъ Раду Чернаго Валахія и

Молдавія подпала подъ власть турокъ, отъ которой освободились только въ текущемъ столѣтіи. Турецкое иго было для румынъ въ высшей степени тяжелымъ. И въ церковномъ отношеніи Румынія долго не имѣла самостоятельности. Христіанство румыны приняли отъ болгаръ, не позднѣе конца IX вѣка, и первоначально въ церковномъ отношеніи были подчинены, вѣроятно, болгарской духовной власти. Но когда возникло самостоятельное румынское государство, угро-валашскій воевода Александръ испросилъ епископа для румынской церкви у константинопольскаго патріарха и съ 1359 года румыны подчинились константинопольской церкви. Однако между 1389—1394 годами мы находимъ румынскую или угро-валахійскую митрополию подъ властью архіепископа ахридскаго; съ 1396 года митрополія опять была въ зависимости отъ патріарха константинопольскаго, а въ 1456 году снова стала подвластной ахридскому архіепископу. Въ XVI вѣкѣ и первой половинѣ XVII-го угро-валахійская митрополія была, вѣроятно, автокефальной, но во второй половинѣ XVII вѣка снова подчинилась константинопольскому патріарху. И Молдавія въ своей церковной жизни подчинилась то константинопольскому патріарху, то ахридскому архіепископу и только въ половинѣ XVII вѣка окончательно перешла подъ власть вселенскаго патріарха. Въ церковномъ управленіи Румыніи примѣнялись законы константинопольской церкви. Такимъ образомъ румынская церковь находилась въ постоянномъ общеніи съ константинопольскимъ патріархатомъ. Попытки къ освобожденію румынской церкви отъ власти константинопольскаго патріарха начались только въ текущемъ столѣтіи (съ 1864 года) при участіи князя Кузы и закончились въ 1885 году признаніемъ ея автокефальности, о чемъ ведется обстоятельная рѣчь во *второмъ* очеркѣ г. Колокольцова. (— мартъ, стр. 446—490, апрѣль, стр. 561—581). Въ *третьемъ* очеркѣ (— май, стр. 667—704) рѣчь идетъ о главнѣйшихъ церковно-гражданскихъ постановленіяхъ въ румынской автокефальной церкви, ея священномъ синодѣ и епархіальномъ въ ней управленіи.

А. Голубцовъ, Происхожденіе, назначеніе и устройство римскихъ катакомбъ (Богословскій Вѣстникъ, 1897, апрѣль, стр. 68—91). Статья представляетъ краткій синтезъ взглядовъ по вопросу о катакомбахъ, высказанныхъ въ русской и отчасти иностранной литературѣ.

В. Щепнинъ, Фигура пастыря-старца на иконѣ Рождества Христова (Археологическія Извѣстія и Замѣтки, 1897, № 1, стр. 1—9). Объясняется характерная подробность иконы Рождества Христова—фигура согбеннаго, опирающагося на клюку старца въ одеждѣ изъ козихъ шкуръ, то слушающаго благовѣстіе ангеловъ, то бесѣдующаго съ Іосифомъ, рѣже—только что оставившаго послѣдняго и оглядывающагося съ откоса горы, или стоящаго у купели, въ которой оmyвается младенецъ Христосъ. Въ этомъ видѣ, по мнѣнію автора статьи, изображался, какъ можно заключать изъ нѣкоторыхъ иконописныхъ подлинниковъ, старецъ—пастухъ, фигура котораго оказалась вблизи Іосифа только вслѣдствіе механиче-

скаго переноса, при сокращеніи композиціи. Такому объясненію не противорѣчитъ и надпись «Іаковъ» надъ фигурой старца въ иконномъ памятникѣ середины XVII вѣка, представляющемъ въ видѣ складня полный лицевой мѣсяцесловъ и хранящемся въ Историческомъ Музеѣ въ Москвѣ: надпись представляетъ попытку лишить фигуру пастыря—старца ея таинственности, наименовавъ его Іоаковомъ (т. е. сыномъ Іосифа отъ перваго брака), и низвести ее на степень второстепенной, аксессуарной фигуры.

Юліанъ Нулановскій, *Гдѣ былъ построенъ императоромъ Юстиніаномъ храмъ для Авазговъ* (Археологическія Извѣстія и Забѣтки, 1897, № 2, стр. 33—37)? — По мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ (Дюбуа-де-Монперэ, Брунъ, Кондаковъ, графиня Уварова) византійскій императоръ Юстиніанъ, когда Авазги, т. е. Абхазцы, приняли христіанство, построилъ для нихъ храмъ въ крѣпости Пицундѣ или Питиунтѣ (Πιτιούτις), къ сѣверу отъ устьевъ рѣки Фазиса или Ріона. Въ противоположность этимъ ученымъ, профессоръ Кулаковскій, на основаніи сочиненій Прокопія (Bell. Goth., IV, с. 3, 4; De aedif., III, с. 7) и другихъ данныхъ, утверждаетъ, что первый храмъ для Абхазцевъ былъ построенъ Юстиніаномъ въ Севастополѣ (Σεβαστόπολις), т. е. нынѣшнемъ Сухумѣ, и посвященъ Пресвятой Богородицѣ, а храмъ въ Пицундѣ, основанный во имя святой Софіи Премудрости Божіей, возникъ много позднѣе эпохи Юстиніана.

В. Щепнинъ, *Два лицеваго сборника Историческаго Музея* (тамъ же, № 4, стр. 97—128). Описываются два замѣчательныхъ сборника, приобретенныхъ Историческимъ Музеемъ въ Москвѣ, одинъ изъ коихъ относится къ XVIII вѣку и имѣетъ значительный историческій интересъ, такъ какъ содержитъ толковый Апокалипсисъ и два сказанія о концѣ міра съ текстомъ и иллюстраціями раскольническаго отгѣвка, въ коихъ ясно отразилось отрицательное отношеніе старообрядцевъ къ царю Петру Великому и его реформѣ, а другой сборникъ написанъ въ XVI вѣкѣ и чрезвычайно важенъ въ художественномъ отношеніи, потому что заключаетъ замѣчательныя миниатюры на текстъ нѣкоторыхъ библейскихъ книгъ и на исторію о Траянской войнѣ.

П. Карбеловъ, *Алавердское пергаментное четвероевангеліе XI вѣка* (Духовный Вѣстникъ Грузинскаго Экзархата, 1897, № 9—10, стр. 15—22).— Описывается замѣчательное грузинское четвероевангеліе, хранящееся въ ризницѣ Алавердскаго собора. Оно написано на Черной Горѣ, близъ Антиохіи, въ грузинскомъ монастырѣ Пресвятой Богородицы—Калипосѣ, около лавры св. Симеона Столпника, въ 1050—1054 годахъ. Написали его члены знаменитой фамиліи Двали—священникъ Симеонъ (1040—1066 г.) и сынъ его Георгій, замѣчательные каллиграфы, живописцы и знатоки Св. Писанія и святоотеческой литературы. Оригиналномъ для Алавердскаго четвероевангелія послужилъ грузинскій переводъ Св. Писанія, сдѣланный съ греческаго языка св. Евѣмиемъ (964—1028 г.). Кромѣ грузинскаго текста евангелій съ изображеніями евангелистовъ, Алаверд-

ская рукопись содержитъ посланіе Евсевія къ Карпіану объ употребленіи десяти канонѡвъ въ столбцахъ, апокрифическое посланіе Эдесскаго царя Авгаря къ Спасителю и отвѣтъ Его (съ миниатюрами), а также библиографическія и историческія приписки. Описавъ составъ рукописи, ея происхожденіе и исторію, авторъ приводитъ въ статьѣ и нѣкоторыя приписки, находящіяся въ четвероевангеліи.

А. Натроевъ, *Новый вариантъ грузинской библіи* (тамъ же, № 8, стр. 11—17). — Кратко описывается открытая авторомъ въ церковномъ музеѣ при Тифлисскомъ Сіонскомъ кафедральномъ соборѣ очень важная рукопись грузинской библіи, поступившая сюда изъ Мцхетскаго католикосскаго собора. Рукопись состоитъ изъ большого тома въ 852 страницы, но содержитъ только нѣкоторыя книги Св. Писанія и при томъ съ большими пробѣлами; къ рукописи приложены: лѣтописный указатель и руководитель параллельныхъ мѣстъ къ книгамъ ветхаго и новаго завѣта и переводъ на грузинскій языкъ еврейскихъ и сиро-халдейскихъ словъ и именъ въ алфавитномъ порядкѣ. Кѣмъ переписанъ этотъ кодексъ и по какому оригинальному списку, неизвѣстно; можно лишь сказать, что онъ представляетъ переводъ съ еврейскаго или сиро-халдейскаго языковъ и имѣетъ многія особенности, любопытныя для исторіи грузинской письменности.

И. Андреевъ, *Св. Германъ, патріархъ константинопольскій (715—730 г.)*. [Богословскій Вѣстникъ, 1897. май, стр. 167—186]. — Указавъ въ началѣ статьи на незначительность и разьединенность историческихъ извѣстій о Германѣ, авторъ излагаетъ затѣмъ его жизнь и дѣятельность. Германъ былъ сынъ патриція Юстиніана, занимавшаго высшія государственныя должности, родился въ половинѣ тридцатыхъ годовъ VII столѣтія и учился въ одной изъ высшихъ юридическихъ школъ того времени. По смерти отца, казненнаго Константиномъ Погонатомъ за участіе въ заговорѣ противъ императора Констанція II, Германъ былъ сдѣланъ евнухомъ и причисленъ къ клиру великой Софійской церкви. Въ званіи клирика Германъ усердно занялся изученіемъ Св. Писанія и святоотеческой литературы, а также проповѣдничествомъ и, какъ человекъ образованный, получилъ вліяніе на дѣла церковныя и политическія. Онъ вмѣстѣ съ патріархомъ Георгіемъ былъ главнымъ инициаторомъ въ дѣлѣ созванія шестого вселенскаго собора и, вѣроятно, не безъ его участія состоялось созваніе и пято-шестого собора. Заслуги Германа привели его на Кизическую митрополичью кафедру, которую онъ занялъ по окончаніи Трулльскаго собора или немного спустя. Но Кизическая паства отвергла новаго митрополита за то, что онъ вслѣдствіе обычной своей мягкости и уступчивости и подъ вліяніемъ насилія сочувственно отнесся къ эдикту императора Филиппика, изъ-за государственныхъ интересовъ отмѣнившаго въ 712 году опредѣленіе шестого вселенскаго собора противъ моноелитовъ. Однако 1 августа 715 года Германъ вступилъ въ константинопольскую кафедру, при содѣйствіи императора Анастасія, къ религіозной политикѣ котораго онъ относился снисходительно. При императорѣ Тео-

досѣ въ 716 году Германъ созвалъ соборъ, на которомъ было возобновлено опредѣленіе VI-го вселенскаго собора о двухъ воляхъ во Христѣ. Съ воцареніемъ Льва Исавра въ дѣятельности Германа почти на десять лѣтъ наступило затишье, во время котораго онъ написалъ большинство своихъ сочиненій и принялъ мѣры къ устраненію религіознаго разномыслия армянъ съ православною церковью. Памятникомъ послѣдняго рода дѣятельности Германа служить его письмо къ армянской церкви, въ которомъ спокойно разясняются недоразумѣнія, возникшія въ этой церкви, и опредѣленно излагаются истины православной догматики, какъ онѣ сформулированы четвертымъ, пятымъ и шестымъ вселенскими соборами.— Продолженіе статьи будетъ.

Н. Каптеревъ, *Господство грековъ въ іерусалимскомъ патриархатѣ съ первой половины XVI до половины XVIII вѣка* (тамъ же, стр. 198—215). Настоящій очеркъ составленъ исключительно по сочиненію іерусалимскаго патриарха Досифея — «Исторія патриарховъ іерусалимскихъ» (книги XI и XII), которое, въ рукописномъ русскомъ переводѣ, находится въ библиотекѣ Московской духовной академіи. Въ очеркѣ разсказывается, что до 1517 года, когда египетскіе султаны лишились Палестины, господствующее и преобладающее положеніе въ Іерусалимѣ принадлежало туземнымъ православнымъ сиро-арабамъ, которымъ султаны покровительствовали изъ политическихъ видовъ больше другихъ православныхъ національностей и которымъ предоставляли право избирать исключительно изъ своей среды патриарховъ, архіереевъ и членовъ святогробскаго братства. Благоклонно султаны относились къ грузинамъ и сербамъ, а что касается грековъ, то они, послѣ паденія Константинополя, были въ Іерусалимѣ въ презрѣніи, по свидѣтельству патриарха Досифея. Съ первой половины XVI вѣка положеніе православныхъ народностей въ Палестинѣ совершенно измѣнилось. Въ 1517 году турки отняли у сарацинъ Палестину, и съ этого времени первенствующее положеніе заняли греки, которымъ турки оказывали преимущественное покровительство и поддержку. Греки умѣло и удачно воспользовались этимъ, чтобы сдѣлаться единственными хозяевами и распорядителями всѣхъ святыхъ мѣстъ въ Палестинѣ, находившихся доселѣ въ рукахъ разныхъ православныхъ и иновѣрныхъ народностей. Съ этою цѣлью они прежде всего постарались захватить и навсегда за собою удержать патриаршую власть въ Іерусалимѣ, что имъ вполне и удалось. Съ 1534 года, когда патриаршій престолъ въ Іерусалимѣ занялъ грекъ Германъ, палестинское патриаршее достоинство сдѣлалось исключительнымъ достояніемъ грековъ и притомъ не туземныхъ іерусалимскихъ, а пришлыхъ. Чтобы удержать власть въ рукахъ пришлыхъ грековъ, іерусалимскіе патриархи еще при жизни своей избирали себѣ преемниковъ и предпринимали мѣры къ тому, чтобы патриаршій престолъ доставался намѣченному ими лицу. Выборы и поставленіе іерусалимскихъ патриарховъ стали, вслѣдствіе этого, происходить въ Константинополѣ, а иногда въ Молдавіи при участіи константинопольскаго

патріарха и синода, молдовлахійскихъ воеводъ, греческихъ архіереевъ и знатныхъ константинопольскихъ гражданъ. Туземное православное духовенство, монашество и населеніе не принимали больше никакого участія въ избраніи и поставленіи своихъ патріарховъ; вслѣдъ за сиро-арабами потеряли всякое значеніе грузины и сербы, такъ что съ половины XVI вѣка греки сдѣлались въ Іерусалимѣ первою и господствующею православною націею, единственными представителями и поборниками православія, полными хозяевами, хранителями и защитниками всѣхъ святыхъ мѣстъ. Къ чести грековъ нужно сказать, что они усердно выполняли добровольно и сознательно взятую ими на себя высокую и отвѣтственную обязанность предъ православнымъ міромъ. Въ очеркѣ повѣствуется, что каждый патріархъ изъ грековъ по мѣрѣ своихъ силъ и средствъ старался поддерживать и возобновлять въ св. землѣ все, что пришло въ ветхость и готово было разрушиться, хотя это стоило большихъ трудовъ и непріятностей, а главнымъ образомъ денегъ, которыя требовались не столько на возведеніе построекъ, сколько на подкупъ турецкихъ властей. Въ статьѣ приводятся примѣры строительной дѣятельности нѣкоторыхъ іерусалимскихъ патріарховъ изъ грековъ. — Статья не окончена.

Г. Мурносъ, *Путешествіе антиохійскаго патріарха Микарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка, описанное его сыномъ, архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ. Переводъ съ арабскаго по рукописи Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ* (Продолженіе. Русское Обозрѣніе, 1897, мартъ, стр. 275 — 307, апрѣль, стр. 689 — 714, май, стр. 181 — 205, іюнь, стр. 621—643). Помѣщены пятая и шестая книги замѣчательнаго арабскаго литературнаго памятника, въ которыхъ описывается путь патріарха Макарія отъ Кіева до Коломны и рассказывается о пребываніи его въ послѣднемъ городѣ.

Рецензін появились на слѣдующія книги:

Е. К. Рѣдинъ, Мозаика равеннскихъ церквей. С.-Петербургъ. 1896. Рецензія г. Д. Айналова въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1897, іюнь, стр. 445 — 464.

Geschichte der Slavenapostel Konstantinus (Kyrillus) und Methodius, quellenmässig untersucht und dargestellt von Lic. Leopold Karl Goetz, altkatholisch. Pfarrer in Passau. Gotha. 1897. Рецензія г. А. Б — ва въ статьѣ: «Къ исторіи просвѣщенія славянъ свѣтомъ христіанства», помѣщенной въ Трудяхъ кіевской духовной академіи, 1897, іюнь, стр. 296 — 306.

Эме Пюшъ, Св. Іоаннъ Златоустъ и нравы его времени. Сочиненіе удостоено преміи французской академіей нравственныхъ и политическихъ наукъ. Переводъ съ французскаго А. А. Измайлова. Спб. 1897. Рецензія: въ Христіанскомъ Читеніи, 1897, мартъ, стр. 500 — 503, въ Странникѣ, 1897, апрѣль, стр. 704 — 708 и въ Богословскомъ Библиографическомъ Листкѣ, 1897, май, стр. 105 — 106.

Das Christentum und die Geschichte. Ein Vortrag von Dr. Adolf Harnack. Leipzig. 1896. Рецензія г. А. Лопухина въ Христіанскомъ Читеніи, 1897, мартъ, стр. 504 — 505.

Всеобщая исторія съ IV столѣтія до нашего времени. Составлена подъ руководствомъ Эрнеста Лависса и Альфреда Рамбо. Томъ первый: Зачатки средневѣковаго строя (395 — 1095). Переводъ В. Невѣдомскаго. 1897. Рецензія въ Русскомъ Вѣстникѣ, 1897, мартъ, стр. 319 — 321.

Чтенія по патрологіи. Выпускъ первый: введеніе въ патрологію и вѣкъ мужей апостольскихъ. Посмертное изданіе «чтеній» Дмитрія Гусева, экстраординарнаго профессора Казанской духовной академіи. Казань. 1896. Рецензія протоіереея І. Я. Образцова въ Церковныхъ Вѣдомостяхъ, 1897, № 12, прибавленія, стр. 457 — 462.

Тихомировъ, Галицкая митрополія. Церковно-историческое изслѣдованіе. С.-Петербургъ. 1896. Рецензія г. Н. Х. въ Историческомъ Вѣстникѣ. 1896, декабрь, стр. 1052 — 1055.

Книга бытія моего. Дневники и автобіографическія записки Порфирія Успенскаго. Часть III. Годы 1846, 1847, 1848, 1849 и часть 1850-го. Изданіе Императорской Академіи Наукъ на иждивеніи Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества подъ редакціей П. А. Сырку. Спб. 1896. Рецензія въ Трудахъ Кіевской духовной академіи, 1897, мартъ, стр. 399 — 428 въ статьѣ: «Къ исторіи православнаго востока». — Часть IV. Годы 1850, 1851, 1852 и часть 1853-го. Спб. 1896. Рецензія г. В. Б. въ Историческомъ Вѣстникѣ, 1897, май, стр. 621 — 622.

Бернгардъ Куглеръ, Исторія крестовыхъ походовъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Съ рисунками, планами и картами. Спб. 1895. Рецензія г. П. П. въ Богословскомъ Библиографическомъ Листкѣ, 1897, № 3, стр. 54 — 55.

А. П. Лебедевъ, заслуженный профессоръ Московскаго университета. Эпоха гоненій на христіанъ и утвержденіе христіанства въ греко-римскомъ мірѣ при Константинѣ Великомъ. Изданіе второе. Москва. 1897. Рецензія г. С. въ Историческомъ Вѣстникѣ, 1897, апрѣль, стр. 278 — 281 и въ Русскомъ Вѣстникѣ, 1897, апрѣль, стр. 318 — 319.

Святѣйшаго патріарха Фотія, архіепископа константинопольскаго, XLV неизданныхъ писемъ. По аеонскимъ рукописямъ издалъ А. Пападопуло-Керамевсъ. Спб. 1896. Рецензія г. С. тамъ же, стр. 283 — 284.

Г. Ф. Герцбергъ, Исторія Византіи. Переводъ, примѣчанія и приложенія П. В. Безобразова. Москва. 1893. Рецензія въ Русскомъ Вѣстникѣ, 1897, апрѣль, стр. 319 — 321.

Гастонъ Додю, Исторія монархическихъ учрежденій въ латиноіерусалимскомъ королевствѣ (1099 — 1291 г.). Переводъ съ французскаго. Спб. 1897. Рецензія: тамъ же, стр. 321 — 323, и г. С. въ Историческомъ Вѣстникѣ, 1897, июнь, стр. 946 — 948.

The Barlaam and Josaphat Legend in the ancient Georgian and Armenian Literatures by F. C. Conybeare (Folk-Lore. London. 1896. VII).

Рецензія г. Марра въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1897, апрѣль, стр. 483 — 490.

А. Алмазовъ, Тайная исповѣдь въ православной восточной церкви. Опытъ внѣшней исторіи. Изслѣдованіе преимущественно по рукописямъ Томы I, II и III. Одесса. 1894. Рецензіи профессора И. С. Бердникова и доцента В. Нарбекова въ Православномъ Собесѣдникѣ, 1897, апрѣль, приложенія, стр. 51 — 103.

Путешествіе антиохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка. Переводъ съ арабскаго Г. А. Муркоса по рукописи Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Выпускъ I. Москва. 1896. Рецензіи: въ Русскомъ Обозрѣніи, 1897, апрѣль, стр. 915 — 918 и г. З. въ Историческомъ Вѣстникѣ, 1897, май, стр. 616 — 917.

Cesaumeni Strategicon et incerti scriptoris de officiis regis libellus. Ediderunt B. Wassiliewsky et V. Jernstedt. Accedit exemplum codicis phototypicum. Petropoli. MDCCCLXXXVI. Рецензія И. Соколова въ Историческомъ Вѣстникѣ, 1897, май, стр. 608 — 611.

O mluvě Jana exarcha bulharského. Příspěvek k dějinám církevní slovanštiny. Napsal D-r Václ. Vondrák. V. Prase. 1896. Рецензія г. А. Соболевскаго въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1897, май, стр. 219 — 221.

Грибовскій, Народъ и власть въ византійскомъ государствѣ. Опытъ историко-догматическаго изслѣдованія. С.-Петербургъ. 1897. Рецензія г. И. Гофштеттера въ Историческомъ Вѣстникѣ, 1897, май, стр. 593 — 599, въ статьѣ: «Идеализація Византіи».

И. Соколовъ.

ГЕРМАНІЯ.

«Byzantinische Zeitschrift» herausgegeben von K. Krumbacher. Band VI, Heft 2; Band VI, Heft 3—4.

Въ первомъ отдѣлѣ второго выпуска (Heft 2, стр. 219—393) помѣщены слѣдующія изслѣдованія и замѣтки:

И. В. Вугу. *Johannes Malalas: the text of the codex Baroccianus* (стр. 219—230).—Авторъ сличилъ Бароцціанусъ 182, основную рукопись для Малаалы, съ изданіемъ Ноду и въ настоящей статьѣ, на 20 столбцахъ, указываетъ разности текстовъ; страницы цитуемыхъ мѣстъ даны по боннскому изданію, воспроизводящему текстъ Ноду, только съ внесеніемъ нѣкоторыхъ конъектуральныхъ исправленій. Указанныя ошибки оправдываютъ отзывъ, что изданіе Ноду было «scandalously bad»; поэтому статья Вугу необходима отнынѣ для всякаго, желающаго заняться текстомъ Малаалы и связанными съ нимъ историко-литературными вопросами.

К. Прахтер. *Zu Nikephoros' Chronographikὸν σύντομον* (стр. 231—232).—Сообщаются данныя о 2-хъ текстахъ σύντομον Никифора — распространенномъ и извлеченномъ изъ первоначальнаго, находящихся въ Vindob.

supplem. graec. 91, fol. 156^r—163^r и 231^v. Первый текст ближе всего стоитъ къ Jепensis, второй къ Охон. Laud. 39. Интересъ замѣтки лишь очень специальный.

C. de Boor, *Die Chronik des Logotheten* (стр. 233—284). — Авторъ задался цѣлью подробнымъ анализомъ хроникъ продолженнаго Георгія Амартола, въ редакціяхъ, отличныхъ отъ рукописей Московской и Парижской 1708, провѣрить и исправить тезисъ Гирша, что всѣ существующія изложенія событій за года съ 813-го по 944-й, такъ или иначе воспроизводятъ утраченную хронику логогета. Онъ нашелъ, что дополненія, представляемая рукописью Vatic. 153 сравнительно съ Коаленовыми рукописями Георгія, въ отдѣлѣ до 842 г. представляютъ распространение соотвѣтствующихъ текстовъ Льва Грамматика, съ которымъ почти покрывается, въ свою очередь, Θεοδοσίη Μελιτινική, въ другихъ мѣстахъ — Θεοφάνης, а также Кедринъ; отсюда ясно, что редакція Льва древнѣе Vatic. 153. Такъ какъ составитель Vatic. 153 почти не коснулся текста Георгія, то надо думать, что и дополнительные тексты онъ имѣлъ уже передъ собою въ томъ или почти въ томъ видѣ, въ какомъ онъ ихъ даетъ. Другая редакція, представляемая рукописью Laurentianus plut. LXX, 11, въ отдѣлѣ до Константина В. только сильно сокращаетъ богословскіе экскурсы Коаленовыхъ рукописей; а начиная съ этого отдѣла уклоненія въ изложеніи событій постепенно увеличиваются и учащаются, и появляются пассажи, взятые изъ другого источника, хотя Георгій остается канвой для текста Laur. до конца. Отдѣлы этой второй части Laur. (съ Константина В.), близко подходящіе къ Льву Грамматику и къ Vatic. 153, опускаютъ все, что опущено Θεοδοσίη Μελιτινική; и наоборотъ, всѣ дополненія къ Георгію, стоящія въ Laur., находятся и у Θεοδοσίη. Значитъ Vatic. и Laur. независимо распространяютъ текстъ Георгія при помощи 2-хъ разныхъ, хотя родственныхъ хроникъ, и притомъ Laur. имѣетъ именно только одинъ такой дополнительный источникъ, очень близко подходившій къ Θεοδοσίη Μελιτινική.

Рукописи Георгія, такъ или иначе связанные съ хроникой логогета, несмотря на все свое разнообразіе, всѣ сводятся, по de Boor'у, къ одному архетипу, и потому могутъ быть разсматриваемы какъ одно цѣлое. Три изъ нихъ (Paris. 1706, Ambros. C. 184 и Palat. Vatic. 394) оканчиваются тамъ, гдѣ кончалась хроника Георгія. Другія три (Страсбургская Cod. L. Graeca 8 унив. библиотеки, Monac. graec. 139 и Цейцская Ciz. 65) продолжаютъ хронику до Романа I. Всѣ шесть имѣютъ одинаковые пропуски въ предисловіи и началѣ хроники, одинаковыя подписи: ἕως ὧδε τὰ χρονικά Γεωργίου καὶ τοῦ λογοθέτου въ концѣ первоначальнаго текста и заглавіе: τοῦ σοφωτάτου λογοθέτου при продолженіи (гдѣ оно есть). Логогетъ упоминается и въ другихъ мѣстахъ рукописей, въ разной формѣ и писцами разныхъ временъ. Двѣ послѣднія рукописи имѣютъ то общее, что сохранили въ заглавіи смѣшеніе Георгія монаха съ Георгіемъ синкелломъ, стоявшее въ архетипѣ. Изданный Муральтомъ московскій текстъ

продолженнаго Георгія сильно отличается отъ разсмотрѣнныхъ: кое-гдѣ онъ короче, кое-гдѣ гораздо пространнѣе; прибавки начинаются на стр. 177. строка 22—25 изданія Муральта и идутъ до отдѣла о имп. Михаилѣ II-мъ. Но такъ какъ въ его оригиналѣ была таже, нарушающая смыслъ, перестановка листовъ (Mur. стр. 796—803 и 811), что и въ другихъ рукописяхъ только что разсмотрѣнной группы, то и для него надо принять тотъ-же архетипъ. Mosq. и Paris. 1708 сходятся въ томъ, что не упоминаютъ объ участіи авторства логогета вплоть до конца Георгіевой хроники. Участіе это однако несомнѣнно, такъ какъ Mosq., какъ и Монас. и Paris., имѣетъ на поляхъ 80-й страницы отмѣтку τοῦ λογοθέτου; слѣдовательно логогетъ не былъ только продолжателемъ Георгія. Отъ Vatic. 153 рукописи, упоминающія логогета, независимы; ихъ прибавленія не имѣютъ ничего общаго съ Львомъ Грамматикомъ; очень сходны съ Vatic. 153 прибавленія, стоящія только въ Mosq., хотя эта послѣдняя рукопись остается самой пространной обработкой. Независимы онѣ и отъ Laug.

Словомъ, хроника Георгія монаха дошла до насъ въ 3-хъ независимыхъ редакціяхъ, изъ которыхъ лишь одна сама говоритъ о себѣ, что она составлена при непосредственномъ пособіи хроники логогета; остальные этого о себѣ не говорятъ, и предполагать это нѣтъ основаній, такъ какъ ихъ добавленія ведутъ не къ логогету, а къ Льву Грамматику и къ оригиналу Θεодосія Мелитинскаго. Задаваясь, затѣмъ, задачей возстановить хронику логогета путемъ выдѣленія принадлежащихъ ему отрывковъ изъ Mosq. и 2-й группы (Lo по его обозначенію), Де-Бооръ замѣчаетъ, что это крайне трудно, такъ какъ не всѣ добавленія взяты изъ логогета, и притомъ отмѣтки о нихъ на поляхъ нашихъ ркп. отчасти разногласятъ между собою, и вообще составлены неполно и небрежно. Кромѣ того, разные пассажи въ разныхъ рукописяхъ обозначаются какъ συβόλια, что значитъ, что въ архетипѣ они стояли на поляхъ — это слово стоитъ иногда даже при фразахъ, принадлежащихъ хроникѣ самого Георгія, такъ что эта отмѣтка легко можетъ стоять и при отрывкахъ изъ логогета. Такимъ образомъ приходится ограничиться возстановленіемъ лишь общаго облика, хронки логогета, пользуясь завѣдомо ей принадлежащими пассажами и тѣми «схоліями», которыя происходятъ изъ тѣхъ же источниковъ, какъ эти пассажи. Де-Бооръ даетъ списокъ всѣхъ мѣстъ ркп. группы Lo, гдѣ текстъ Георгія распространенъ или замѣненъ другимъ; о текстѣ же этихъ рукописей въ отдѣлѣ, слѣдующемъ за хроникой Георгія, замѣчаетъ, что онъ по содержанию вполне равенъ Θεодосію Мелитинскому. Оказывается, что хроника логогета, сколько мы можемъ судить, давало немного больше Θεодосія Мелитинскаго, а добавленія свои брала изъ источниковъ, или очень плохихъ (напр. изъ Александра монаха εἰς τὴν εὐρησιν τοῦ σταυροῦ), или для насъ малоинтересныхъ, напр. библейскихъ, Евсевія, кое-какихъ агіографовъ; и вообще—это была слабая компизація, важная только по той роли, которая выпала на ея долю въ византийской хронографіи.

Что касается въ частности продолженія хроники Георгія, то тутъ текстъ логогета чище всего сохраненъ въ Vatic. 153, съ которымъ совпадаютъ Laug., Левъ Грамм. и Θεодосій Мелитинскій вездѣ, гдѣ они расходятся съ Mosq.; слѣдовательно Mosq. пользовался Θεодосіемъ, а не Левъ и Θεодосій—московскимъ Георгіемъ; Гиршъ ошибался, видя во всѣхъ существующихъ продолженіяхъ Георгія такъ или иначе передѣланнаго логогета: на дѣлѣ эти продолженія составлены въ разныхъ рукописяхъ независимо, лишь одна изъ нихъ (Lo) даетъ логогета, и нѣтъ нужды думать, что даетъ она его сокращеннаго. Въ отдѣлѣ хроники до 842 г. вліяніе логогета на Льва Грамматика и Θεодосія предположить мѣшаетъ то, что они тамъ вовсе почти не пользуются мнихомъ Александромъ, которымъ широко пользовался логогетъ; слѣдовательно скорѣе логогетъ добавилъ изъ Александра тѣ отдѣлы, гдѣ Левъ Грамматикъ и Θεодосій представляли лишь скудныя данныя изъ Eritome (предполагаемаго оригинала «Leosippe»). Онъ не оригинальное, какъ думалъ Гиршъ, произведение, лежащее въ основаніи всѣхъ нашихъ хроникъ за 813—925 г., и поэтому данныя продолженія Георгія о его авторѣ не даютъ ничего для біографіи логогета; о личности послѣдняго мы знаемъ еще меньше, чѣмъ думали до сей поры.

Въ добавленіи (стр. 273—284) Де-Бооръ опредѣляетъ отношеніе своей работы къ результатамъ изслѣдованія акад. В. В. Васильевскаго: Хроника Логогета, Виз. Врем. II, стр. 78—151, извѣстнаго ему лишь по реферату въ Byz. Zeitschr. V, 203 и слѣд. Де-Бооръ разсмотрѣлъ непосредственно вѣнскія рукописи съ именемъ Симеона логогета: Cod. Hist. graec. 37 (= Collar Supplem. Cod. 126) и Supplem. graec. 91 (Collar Suppl. № 127), на тексты которыхъ ак. Васильевскій указывалъ, какъ на родственные славянскому логогету. Относительно первой Де-Бооръ нашелъ, что ея текстъ—извлеченіе изъ Льва Грамматика и Θεодосія съ добавленіями изъ Георгія, и, значитъ, или она не тождественна со славянскимъ Логогетомъ (чего ак. Васильевскій и не утверждалъ такъ рѣшительно, какъ рефератъ Byz. Zeitschr.), или же славянскій текстъ по существу равенъ Льву и Θεодосію и тогда онъ отличенъ отъ вѣнской рукописи. Текстъ второй вѣнской рукописи (первые 58 листовъ) распадается на три части, съ особымъ счетомъ главъ и заглавіями, изъ которыхъ только вторая, совпадающая съ Львомъ и Θεодосіемъ, можетъ быть приписана логогету, какъ слѣдуетъ по заглавію; первая равна Θεодосію Мелитинскому, третья есть какъ бы особая редакція Георгія; все вмѣстѣ принадлежитъ вѣроятно особому автору, имя котораго стояло, можетъ быть, въ утраченномъ общемъ заглавіи. Затѣмъ сообщаются еще свѣдѣнія о Мессинской рукописи имени Симеона логогета. Въ результатѣ К. Де-Бооръ находитъ, что почти всякая греческая рукопись съ именемъ логогета Симеона представляетъ новую хронику, такъ что окончательнаго рѣшенія дѣла можно ожидать не отъ греческихъ текстовъ, а лишь отъ изданія полнаго славянскаго текста, на мелкія отличія котораго отъ греческаго логогета ак. Васильевскій, по его

мнѣнію, за общимъ сходствомъ, не обратилъ достаточно вниманія: только тогда можно будетъ рѣшить, точно ли славянскій текстъ сдѣланъ съ подлиннаго, цѣльнаго логогета.

G. Wartenberg, *Leon Diakonos u. die Chronisten* (стр. 285—317).—Разборъ состава лѣтописныхъ извѣстій Скилицы-Кедрина, Зонары и Глики за время отъ 959—976 г. Результаты излагаются авторомъ такъ: Левъ Діаконъ и группа хронистовъ во главѣ съ Скѣлицей-Кедриномъ представляютъ два совершенно независимыя другъ отъ друга изложенія; весьма вѣроятно, какъ думалъ и Гиршь, что у Скилицы былъ подъ руками современный событіямъ источникъ, содержащій много частныхъ, особенно біографическихъ, которыхъ не было у Льва Діакона; авторъ этого источника смотрѣлъ на событія богѣе съ церковной и этической точки зрѣнія, и потому цѣнилъ Никифора Фоку ниже, чѣмъ Левъ. Кедринъ и прочія хроники не исчерпали этого источника: изъ него вѣроятно взяты самостоятельныя извѣстія объ этой эпохѣ, находящіяся у Михаила Атталиаты, послѣдняго продолжателя Теофана, Юлія Полидевка и пр. Общаго приговора, какой источникъ изъ 2-хъ заслуживаетъ предпочтенія, постановить нельзя—вопросъ надо рѣшать для каждаго извѣстія особо; но важно то, что такихъ самостоятельныхъ источниковъ мы имѣемъ всего два, а не болѣе.

J. Laurent, *Syklitzès et Nicéphore Phocas* (стр. 318—321).—См. ниже.

E. Patzig, *Über einige Quellen des Zonaras*. II (стр. 322—356. См. Виз. Врем. т. 3, стр. 188—9).—По мнѣнію Патцига, съ отдѣла о Діоклетіанѣ Зонара пользуется кромѣ «Leoquelle», Теофана и Σύνοψις Сааы еще однимъ источникомъ, важнымъ не менѣе, чѣмъ сама «Leoquelle». Настоящая статья имѣетъ цѣлью доказать существованіе этого источника и опредѣлить его объемъ и содержаніе. Указываются примѣры двойныхъ извѣстій у Зонары, одно изъ которыхъ не находится ни у Теофана, ни въ Σύνοψις, ни у Льва Грамматика, напр. о смертяхъ Константа и Іовіана; второй рядъ извѣстій находитъ объясненіе въ Амміанѣ Марцеллинѣ, Евтропіи и Викторѣ, а особенно въ Филосторгіи; изъ Амміана вошло въ Зонару больше извѣстій черезъ Leoquelle, чѣмъ черезъ этотъ четвертый источникъ. Послѣднимъ пользовался, кромѣ Зонары, также и Кедринъ, вѣроятно оба — непосредственно и независимо; это даетъ возможность точнѣе судить о его составѣ и содержаніи. Онъ взятъ былъ изъ древнѣйшихъ свѣтскихъ и церковныхъ, по большей части хорошихъ источниковъ; нѣкоторыя извѣстія ведутъ начало отъ Іоанна Антиохійскаго. По его родству съ Leoquelle Патцигъ условливается называть его Zwillingsquelle. Въ этой Zwillingsquelle находилось извѣстіе о заживо погребенномъ импер. Зенонѣ, что показываетъ ея сравнительно позднее происхожденіе, такъ какъ этотъ рассказъ является лишь съ начала X вѣка, а къ Зенону прилагается лишь у Манасси и въ Σύνοψις (конецъ XI в.); общее содержаніе ея было анекдотическое, вродѣ Манасси и Σύνοψις, только богаче. Объемъ ея, доступный изслѣдованію, идетъ отъ

Константина В. до Никифора Фоки; врядъ ли она начиналась раньше, — если да, то она совпадала съ одной изъ источниковъ извѣстной рукописи Paris. 1712; но очень возможно, что она кончалась послѣ этого періода.

J. Bidez et L. Parmentier, *La tradition manuscrite de la vie de Saint Théodose par Théodore, d'après le Patmiacus 273* (стр. 357—374).—См. ниже.

Ἰ. Α. Παπαδόπουλος Κεραμεύς, Ἀθωνικὰ κονδακαρίων ἀντίγραφα (стр. 375—386).—Прежде всего описывается Ватопедскій кондакарій X/IX вѣка. Первая его часть содержитъ контакіи Минологія, вторая — Тріоди постной и цвѣтной (Тріодія и Пентикостарія). Сообщается списокъ полностью сохранившихся контакіевъ, съ указаніемъ ихъ акростиховъ и изданій, гдѣ они напечатаны, и отмѣтками, какіе не напечатаны: къ послѣднимъ относятся контакіи Романа Сладкопѣвца и др. авторовъ: на соборъ Пресв. Богородицы (листы 89—93), на пророка Ілію, великомученика Пантелеимона, въ недѣлю о немилосердномъ займодавцѣ, въ первую недѣлю великаго поста, въ крестопоклонную недѣлю, въ великій вторникъ и др. Затѣмъ, отмѣтивъ, что кондакарій 26 Лавры св. Аванасія обѣщала описать лавріотъ Александръ, авторъ переходитъ къ № 27, указываетъ порядокъ листовъ, даетъ перечень его 35-ти отрывковъ и 14-ти полныхъ контакіевъ, и цѣликомъ перепечатываетъ текстъ контакіа св. Романа на влкч. Пантелеимона.

A. Semenov, *Eine Inschrift mit dem Namen Kaiser Justinians von der Halbinsel Taman* (стр. 387—391).—Рефератъ и нѣсколько замѣчаній о работахъ гг. Латышева, Ю. Кулаковского и В. Болотова, касающихся восстановления текста и объясненія извѣстной таманской надписи (см. Виз. Врем. т. I, стр. 657—662 и т. II, стр. 189—198, а также В. Латышевъ, Сборникъ греческихъ надписей христіанскихъ временъ изъ южной Россіи, СПб. 1896, стр. 98—105). Г. Семеновъ сходится съ ак. Латышевымъ въ томъ, что точное приуроченіе таманской надписи къ году посольства готовъ-тетракситовъ къ Юстиніану (547—8 г.), предложенное г. Кулаковскимъ, — не болѣе какъ смѣлая догадка.

G. H. Matzidakis, *Ein verkanntes Sprichwort* (стр. 392—393).—Восстанавливаетъ истинное чтеніе эпиграммы въ Byz. Ztschr. V, 482:

Εἰ δὲ βίβλους Ἐλικῶνος ἀκαρδίῳ ἀνδρὶ κενοίης,
 Τὸν δ' ὕλαν (вм. τὸν ὕλλαν) κράζεις (вм. κράζεις) ἢ παρὰ θίνα λαλεῖς.
 «Τὸν ὕλαν κράζειν» значить хлопотать понапрасну; ὕλας — аргонавтъ, похищенный нимфами, котораго напрасно звалъ и искалъ Ираклъ.

Въ отдѣлѣ 1-мъ выпуска 3—4 (стр. 475—586) помѣщены слѣдующія статьи:

E. Rohde, Φιλόπατρις (стр. 475—482). Повторяетъ и развиваетъ прежніе аргументы въ пользу отнесенія «Филопатрида» къ эпохѣ Никифора Фоки, въ виду послѣдней статьи Крампе по этому вопросу (см. Виз. Врем., т. IV, стр. 271).

J. Dräseke, *Michael Psellos im «Timarion»* (стр. 483—490).—Въ «Тимарионѣ» герой въ преисподней видитъ между прочимъ, въ палаткѣ, у ослѣпленнаго и отравленнаго императора Романа Діогена, старика, тщетно старающагося его утѣшить. Этотъ старикъ, по мнѣнію автора—Пселлъ. Затаенной вражды Пселла къ Діогену Тимарионъ легко могъ не знать, такъ какъ на показъ и въ своихъ сочиненіяхъ Пселлъ былъ другъ императора, и содержаніе письма Пселла къ ослѣпленному, умпрающему Роману Діогену какъ нельзя лучше объясняетъ приписанную ему въ «Тимарионѣ» роль.

H. Hubert, *Observations sur la chronologie de Théophane et de quelques lettres des papes* (726—774) (стр. 491—505).—См. ниже.

Sp. P. Lambros, *Zu Symeon Magister* (506—508).—Указывается, что тексты разсказа о постройкѣ конюшенъ Михаиломъ III Пьяницей у Льва Грамматика, Георгія монаха (Муральтова) и Симеона Магистра тождественны (т. е. взяты изъ Льва) и взаимно исправляютъ другъ друга. Самое важное исправленіе касается прозвища Петра у Симеона: слѣдуетъ Πτωχομάχιστρος вмѣсто Πτωχομάχης.

J. B. Vury, *Zu einer Stelle der Chronik der Theophanes* (стр. 508).—Vury предлагаетъ читать у Теофана (de Boog стр. 184, 3) καὶ εὐθὺς συνέβη γενέσθαι ὑπὸ τινῶν μακιστόρων πρόβασιν δημοτικῆς ταραχῆς вмѣсто μακιστόρων—ἀλαστόρων; это чтеніе даетъ и источникъ Теофана—сокращенный Малала (Bagoss., см. ed. Bonn. 473, 5).

H. Prächter, *Eine unbeachtete Quelle in den Anfangskapiteln des Zonaras* (стр. 509—525).—Указывается, что первыя главы Зонары содержатъ слѣды пользованія тѣмъ же источникомъ какъ и Симеонъ Логоетъ, Левъ Грамм. и пр., т. е. по Прехтеру и Патцигу—Епитоме. Два извѣстія Зонары въ этомъ отдѣлѣ, со ссылками на книгу юбилеевъ (λεπτή γενέσις), показываютъ, что онъ имѣлъ самую Епитоме, и пользовался ею въ рецензій Leosippe, а не псевдо-Полидевка.

J. B. Vury, *Inedita Nicephori Blemmydae* (стр. 526—537).—См. ниже.

Π. Ν. Παπαγεωργίου: Περὶ χειρογράφου εὐαγγελίου Θεσσαλονίκης (стр. 538—546).—Описывается Евангеліе большой церкви Б. Матери въ Θεσσαλονίκѣ, интересное по замѣткамъ, находящимся въ немъ. Рукопись писана въ 1185 г. по приказанію игумена и ктитора монастыря Пресв. Богородицы Иларіона; послѣ записи объ окончаніи книги стоитъ сильно поврежденный и сокращенно написанный списокъ вкладовъ ктитора монастырю, и на 1-мъ листѣ—запись о вещахъ, переданная настоятелю великой церкви св. Николая въ К-лѣ, Михаилу Главѣ; запись сдѣлана въ 1310 году.

C. Ferrini, *I commentarii di Gaio e l'indice greco delle Istituzioni* (стр. 547—565).—Въ виду работъ Brokate и Крюгера пересматривается вопросъ о греческой (такъ называемой ееофиловой) парафразѣ институцій Гая. По заключеніямъ автора греческой парафразѣ предшествовала и въ основу ея легла особая редакція латинскаго текста институцій.

Sp. P. Lambros, Φύλλαες, *ein missverstandener paläographischer Terminus* (стр. 566—568).— Φύλλαες, по Ламбросу, не тетради и не листы, а особыя, приклеенныя къ извѣстнымъ страницамъ книги закладки, пергаментныя или бумажныя, которыя служили для скорѣйшаго розысканія извѣстныхъ статей или отдѣловъ книги. Слово это, въ этомъ самомъ смыслѣ, еще употребляется и теперь у греческихъ школьничковъ и въ средѣ греческаго духовенства.

Paul Kretschmer, *Der Esel Nikos* (стр. 569—570).— Указывается, что Νίκων или Νίχος какъ называется оселъ въ концѣ стихотворенія о волкѣ, лисѣ и ослѣ, есть обычная греческая кличка осла, которому она присвоена просто какъ самое обыкновенное собственное имя человѣка самому обыкновенному домашнему животному; затѣмъ приводится рядъ аналогій такому употребленію человѣческихъ собственныхъ именъ изъ нѣмецкаго языка.

C. de Boor, *Ein angebliches byzantinisches Mysterienspiel* (стр. 571).— Указывается, что Θεανδρῖχὸν μυστήριον или Θεανδρική Πανδαισία у Θεοφιλάкта Симокатты, которую К. Крумбахеръ (Gesch. d. byz. Litteratur, стр. 645) принялъ за особую мистическую пантомиму, обозначаетъ просто таинство причащенія.

F. C. Conybeare, *Ananias of Shirak* (A. D. 600—650 c.). (стр. 572—584).—См. ниже.

Josef Strzygowski, *Zur Datierung des Goldfundes von Nagy-Szent-Miklós* (стр. 585—586).— Указываетъ въ двухъ древне-болгарскихъ надписяхъ (Archäol. epigraph. Mitteilungen aus Österreich-Ungarn XIX (1896) стр. 237 и слѣд.) слова, сходныя съ надписью на чашѣ такъ называемаго клада Аттилы; болгарскія надписи завѣдомо относятся къ IX вѣку, и такимъ образомъ косвенно подкрѣпляютъ мнѣніе проф. Кондакова, что «кладъ Аттилы» относится къ этому времени.

Второй отдѣлъ 2-го выпуска (стр. 394—440) состоитъ изъ рецензій на слѣдующія книги:

Nicephori Blemmydae curriculum vitae et carmina nunc primum edidit Aug. Heisenberg. Praecedit dissertatio de vita et scriptis Nicephori Blemmydae. Leipzig, Teubner 1896. Рец. *Ed. Kurtz* (стр. 394—410).

E. Martini, *Catalogo di manoscritti greci esistenti nelle biblioteche italiane*. Opera premiata dalla R. Accademia di archeologia di Napoli. Vol. I. Parte 1, Milano 1893. Parte 2, Milano 1896. Рец. *A. Ehrhard* (стр. 410—417).

V. Ermoni, C. M., *De Leontio Byzantino et de ejus doctrina christologica*. Paris 1895. Рец. *Fr. Loofs* (стр. 417—419).

Τρύφων Ε. Εὐαγγελίδης, Γεννάδιος β' ὁ Σχολάριος, πρῶτος μετὰ τὴν ἄλωσιν οἰκουμένικὸς Πατριάρχης. Ἀθῆναι 1896. Рец. *Johannes Dräseke* (стр. 419—421).

Alfred Ostermann, *Karl der Grosse u. das byzantinische Reich*. Lukau 1895 (Gymnasialprogramm). Рец. *H. Moritz* (стр. 421—422).

J. J. Tikkanen, *Die Psalterillustration im Mittelalter*. Band I, Heft 1

Byzantinische Psalterillustration. Mönchisch-theologische Redaction. Helsingfors 1895. Рец. *J. Strzygowski* (стр. 422—426). — См. также рец. *E. Dobbert'a* въ *Repertorium für Kunstwissenschaft* 19 (1896), стр. 472—479.

Γεώργιος Λαμπάκης, Χριστιανική ἀγιογραφία τῶν ἐννέα πρώτων αἰώνων (1—842). Ἐν Ἀθήναις 1896. Рец. *J. Strzygowski* (стр. 426).

A. Carrière, *La légende d'Abgar dans l'histoire d'Arménie de Moïse de Khoren*. Centenaire de l'École des langues orientales vivantes, стр. 357—414. Paris 1895. Рец. *Aug. Burckhardt* (стр. 426—435).

Г. Халатьянцъ, *Армянскій эпосъ въ исторіи Арменіи Моисея Хоренскаго*. 2 тома. Москва 1896. Рец. *R. v. Stackelberg* (стр. 435—439).

Ägyptische Urkunden aus den königlichen Museen zu Berlin, herausgeg. v. d. Generalverwaltung. Arabische Urkunden. Band I, Heft. 1. Berlin 1896. Рец. *A. Wiedemann* (стр. 439—440).

Второй отдѣлъ 3—4 выпуска (стр. 587—594) состоитъ изъ рецензій на книги:

R. Vári, *Sancti Gregorii Nazianzeni codicis Mediceo-Laurentiani celeberrimi collatio*. Pars prima. Въ *Egyetemes Philologiai Közlöny* 1896—1897.

Онъ-же, *Jelentés Leo Sapiens taktikus munkájának kéziratáról*. Akadémiai Értesítő, 1894 Октябрь.

Онъ-же, *Urbicius (= Mauricius) taktiko-strategikus munkájának firenzei kódexe*. *Egyetemes Philologiai Közlöny* 1895, Декабрь.

Онъ-же, *Jelentés Constantinus Porphyrogennitus de administrando imperio című munkájának kéziratáról*. Akadémiai Értesítő 1895, Декабрь.

R. Vári и Oskar Barczay, *Bölcs Leo taktikája*. Hadtörténelmi Közlemények 1896, Февраль.

R. Vári, *Bölcs Leo császárnak «A hadi taktikáról szóló munkája»*. Budapest 1895. (Programm des Obergymnasiums).

Рец. *W. Pecz'a* на всѣ эти статьи стр. 587, 588 — 591. Кроме того *W. Pecz* реферировать тамъ же, на стр. 587 — 588, свою работу по родословію Арпада на основаніи 40-ой главы *De administrando imperio* Константина Багрянороднаго.

Mitteilungen des deutschen Exkursionenklubs in Konstantinopel. K-pel 1895. Рец. *J. Strzygowski* (стр. 591).

Iabalahaе III catholici nestoriani vita ex Stivae Mossulani libro, qui inscribitur «Turris», desumpta. Ed. R. Hilgenfeld. Lipsiae, Otto Harrassowitz 1896. Рец. *K. Vollers* (стр. 592—593).

Въ отдѣлѣ III (вып. 2, стр. 441 — 474; вып. 3 — 4, стр. 594 — 648) обращаемъ вниманіе читателей на слѣдующія, указанные редакціей, статьи и книги по византиновѣдѣнію въ германской литературѣ:

По литературѣ, библиологіи, исторіи науки и фольклору:

Wilh. Weinberger, *Studien zu Tryphiodor u. Kolluth*. Wiener Studien 18 (1896) 161—179. — О стихосложеніи названныхъ поэтовъ. См. Виз. Врем. т. IV, вып. 1—2, стр. 273.

V. Ryssel, *Die syrische Übersetzung der Sextussentenzen*. Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie 40 (1897) 131—148, окончание. См. Виз. Врем. т. III, стр. 192. — Дается обратный переводъ съ сирскаго на нѣмецкій и подробно разбираются отдѣльные изреченія.

J. Haury, *Zur Beurteilung des Geschichtschreibers Procopios v. Cäsarea*. München 1896. — Обѣщана особая рецензія.

Bernhardus Bursy, *De Aristotelis Πολιτείας Ἀθηναίων partis alterius fonte et auctoritate*. Jurjewi. 1897. — Для византиниста не безынтересны отдѣлы, гдѣ для комментарія текста Аристотеля привлечены византийскіе схоласти: Фотій, Свида, Григорій Коринѣскій и т. д. Между прочимъ доказывается, что послѣдній для схолій къ Гермогену пользовался Пселомъ *Περὶ τῶν ὀνομάτων τῶν διῶν*.

Stjepan Srkulj, *Die Entstehung der ältesten sogenannten Nestorchronik mit besonderer Rücksicht auf Svatoslavs Zug nach der Balkanhalbinsel*. Požega 1896. — Говорится между прочимъ о византийскихъ источникахъ Нестора: Георгіѣ Мнихѣ, псевдо-Меодіѣ Патарскомъ, и пр.

R. Stapper, *Die Summulae logicales des Petrus Hispanus und ihr Verhältniss zu Michael Psellos*. (Festschrift zum 1100-jährigen Jubiläum des deutschen Campo Santo in Rom, стр. 130—138). — Доказывается, что *summulae* Петра Испанскаго, считавшіяся Прантлемъ, Ибервегомъ, Кристомъ, проф. Успенскимъ и др. переводомъ изъ Псела (на основаніи издавнаго Ebinger'омъ по одной мюнхенской рукописи греческаго текста), взяты изъ греческой литературы при посредствѣ арабской, а существующій греческій текстъ переведенъ съ латинскаго. Всѣ рукописи, кромѣ мюнхенской, называютъ авторомъ Петра, а переводчикомъ «Схолярія»; вѣроятно это извѣстный Георгій (патріархъ Геннадій) Схолярій, хотя Кристь и Бандини относятъ двѣ рукописи этого перевода къ XIV вѣку.

Gregor Chalathiantz, *Fragmente iranischer Sagen bei Grigor Magistros*. Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes 1896, 217—224. — Даются въ нѣмецкомъ переводѣ отрывки писемъ армянскаго писателя Григорія Магистра († 1058), не безынтересныя для византиниста, такъ какъ этотъ писатель былъ подъ сильнымъ византийскимъ вліяніемъ.

Franz Kampers, *Mittelalterliche Sagen vom Paradiese u. vom Holze des Kreuzes Christi*. Köln, Bachem 1897. (Erste Vereinsschrift der Göttesgesellschaft für 1897). — Указывается, что эіопская принцесса Хузетъ, легендарная мать Александра Великаго, которая, по византийскимъ Александріямъ, по смерти Филиппа вышла замужъ за Византа, мнѣческаго основателя Византіи — тоже, что царица Савская.

Hermann Peter, *Die geschichtliche Litteratur über die römische Kaiserzeit bis Theodosios I u. ihre Quellen*. 2 тома. Leipzig, Teubner 1897. — Изъ этого основательнаго, прекраснаго труда сына извѣстнаго Карла Петера для византиниста особенно интересны, конечно, послѣдніе отдѣлы — о литературѣ отъ Константина Великаго до Θεодосія Великаго. — Ред. J. Jung въ Deutsche Litteraturzeitung, 1897, № 29, стр. 1133—1135.

Ludwig Jeep, *Beiträge zur Quellenkunde des Orients im Altertum*. Rhein. Museum 52 (1897) 213—236. — Разборъ извѣстій Филосторгія и Косьмы Индикоплова о Гомеритахъ и Авксумитахъ.

Vilh. Lundström, *Studien zu spätgriechischen u. byzantinischen Chronisten*. Eranos 1 (1897) 150—168. — Указывается, что 2 эскуриальскія рукописи мнимой хроники Марцеллина и Ипполита, считавшіяся утраченными, находятся: одна въ Стокгольмѣ, въ королевской библиотекѣ, другая въ uppsальскомъ университетѣ; самая хроника оказывается, какъ и думалъ уже Моммзенъ, пасхальной хроникой; мнимые ея авторы—Ипполитъ, Марцеллинъ и Петръ александрійскій — изобрѣтены писцомъ стокгольмской рукописи, Андреемъ Дармаріемъ.

A. Elter, *De Gnomologiorum graecorum historia atque origine*. Bonn 1897. — Объявлена особая рецензія.

K. Kalbfleisch, *Über Galens Einleitung in die Logik*. Jahrbücher für klassische Philologie 23 Supplementband (1897), 681 — 708. — Интересно указаніе на трактатъ о логикѣ (cod. Paris. suppl. gr. 645 s. XVIII; также Моск. синод. библ. 457 по каталогу Архив. Владимира); самый поздній изъ цитуемыхъ авторовъ — Симплицій.

R. Reitzenstein, *Geschichte der griechischen Etymologica*. Ein Beitrag zur Geschichte der Philologie in Alexandria u. Byzanz. Leipzig, Teubner, 1897. — Главные выводы, въ изложеніи проф. Крумбахера, таковы: зачатки этимологическихъ изысканій лежатъ еще въ IV вѣкѣ до Р. X. («Кратилъ» Платона); особенно часты они у грамматиковъ времени имперіи; но большія etymologica въ алфавитномъ порядкѣ являются не раньше Фотія, который, вѣроятно, вызвалъ къ жизни уцѣлѣвшее etymologicum magnum, и (ок. 882 г.) утраченное большое сочиненіе этого рода, сохранившееся лишь въ извлеченіяхъ codd. Vatic. gr. 1818 и Laur. S. Marco 304. Etymologicum Gudianum моложе и хуже; всѣ его рукописи сводятся къ одному архетипу, именно Varber. I. 70 Perg., конца XI вѣка. Въ этой рукописи видно пользованіе работами Фотія, на что намекаетъ и анаграмма, которой обозначены заимствованія. Изъ обоихъ этихъ сочиненій, Фотіева и Gudianum, плюсъ Евлогія Схоластикъ, Стефанъ Византійскій и пр., возникло въ XII в. наше etymologicum magnum. Отъ Фотія же ведетъ начало и etym. Симеона Грамматика, возникшее тоже въ XII в. Etymol. Magnum и Симеоновъ — прямые предшественники Евстація, Цецеса и проч.

Экскурсъ первый доказываетъ, что грамматикъ Оръ, открытый Ричлемъ и отнесенный имъ къ II-му вѣку, относится къ V-му вѣку, и что такъ называемый Lexicon Messanense (изд. Рабе) взятъ изъ его сочиненія περί ὀρθογραφίας; второй говоритъ о малоизвѣстныхъ грамматикахъ: Евлогіѣ Схоластикѣ (V вѣкѣ) и Георгіѣ Хировоскѣ; третій — объ аттицизмѣ Геродіана.

Cassii Dionis *historiarum Romanarum quae supersunt*. Ed. Ursulus Philippus Boissevain. Vol. I. Berolini, Wiedmann 1895. — Важны данныя о рукописяхъ

эксцерптовъ Константина Порфиророднаго, florilegium'a Максима Исповѣдника, Цецеса и о эксцерптахъ Плануды.

Otto Schröder, *Pindarica*. Philologus 56 (1897) 78—96. — Исторія рукописей Пиндара, между прочимъ и въ византийское время (изданіе Цецеса).

E. Freymond, *Altfranzösisches Kunstepos und Romane*. Krit. Jahresbericht über die Fortschritte der Romanischen Philologie, herausgeg. v. K. Vollmöller, 3, (1897) 140—194. — Статья важна для насъ по тѣсной связи литературы повѣстей на Востокъ, въ Византіи и въ Зап. Европѣ.

Hermann Lingg, *Byzantinische Novellen*. Reclams Universalbibliothek № 3600 (1897).

Cléon Rangabé, *Harald, Fürst der Waräger, byzantinische Erzählung*. Aus dem Neugriechischen übersetzt von August Wagner. Reclams Universalbibliothek № 3602—3603 (1897).

Guil. Winberger, Adnotationes ad graecos Italiae codices spectantes. Jahresbericht des k. k. Staatsgymnasiums im XIX Bezirke von Wien. Wien 1897.—Сообщаетъ свѣдѣнія о занятіяхъ во время двухъ путешествій по Италіи: о рукописяхъ Педіасима, Спаней и пр.

M. Fr. Mann, *Physiologus*. Krit. Jahresbericht über die Fortschritte der Romanischen Philologie herausgeg. von K. Vollmöller, 3 (1897) 108—112.—Сводъ результатовъ работъ послѣдняго времени о «Физиологѣ»: Аренса, Гольдштауба, Карнѣва и Поливки.

Georg Wartenberg, *Das mittelgriechische Heldenlied von Basileios Digenis Akritas*. Wissensch. Beilage zum Jahresbericht des Lessing-Gymnasiums zu Berlin. Berlin, R. Gaertner 1897.—Объяснена особая рецензія.

Hermann Lübke, *Über die rhodischen Liebeslieder in ihren Beziehungen zur neugriechischen Volksdichtung*. Festschrift zum 25-jährigen Bestehen des philol. Vereins zu Breslau. Breslau 1896, стр. 69—88.—Указывается, что изданная Вагнеромъ «Азбука любви» основана на чисто-народныхъ греческихъ пѣсняхъ.

Verzeichniss der griechischen Handschriften der königlichen Bibliothek zu Berlin. I. Von W. Studemund u. L. Cohn. II. Von C. de Boor. Berlin, 1890 и 1897.

J. L. Heiberg, *Bibliotheksnotizen*. Philologus 1896, стр. 732—748.—Рядъ сообщений о разныхъ интересныхъ рукописяхъ, напр. о великолѣпномъ Евангеліи Императорской домовою церкви (находящемся теперь въ Сіенѣ); о 68 оксфордскихъ codices Savilianii (математическаго содержанія); объ инвентарѣ архива di s. Pietro и пр.

Vil. Lundström, *De codicibus graecis olim Escorialensibus, qui nunc Upsaliae adseruantur*. Оттискъ изъ Eranos 2 (1897).—Рукописей этихъ 5; важнѣе всего № 6, хроника Георгія Акрополита.

По богословію:

Otto Zückler, *Askese und Mönchtum*. Zweite, gänzlich umgearbeitete und stark vermehrte Auflage der «Kritischen Geschichte der Askese». I Band.

Frankfurt am Main 1897. — О византійской исторіи говорятъ стр. 188—192 (житіе Антонія Великаго, приписываемое св. Аѳанасію) и 192—322 (исторія восточнаго монашества).

Adolf Harnack, *Geschichte der altchristlichen Litteratur bis Eusebius*. II Teil: Die Chronologie. I Band. Die Chronologie der Litteratur bis Irenäus nebst einleitenden Untersuchungen. Leipzig, Hinrichs 1897. — Для византиниста важны стр. 1—63, гдѣ рѣчь идетъ о происхожденіи, достовѣрности и способѣ расположенія хронологическихъ данныхъ у Евсевія Кесарійскаго (Церк. Исторія, книги 2—7, и Хроника). Вообще говоря, данныя Евсевія достовѣрны, хотя въ Хроникѣ большая ихъ часть добыта Евсевіемъ путемъ изслѣдованія, а не непосредственно найдена имъ въ источникахъ. Хроника располагаетъ событія по возможности по отдѣльнымъ годамъ правленій императоровъ, а Исторія — только по цѣлымъ правленіямъ.

August Hahn, *Bibliothek der Symbole u. Glaubensregeln der alten Kirche*. 3-te Auflage von G. Ludwig Hahn, mit einem Anhang von Adolf Harnack. Breslau 1897. — Отдѣлъ II даетъ крещальные символы древней церкви и Востока: Палестинскіе, сирскіе, малоазійскіе, египетскіе; отдѣлъ III — вселенскіе символы (отъ 1-го до 6-го вселенскаго собора и аѳанасіанскаго символа); IV-й и VI-й отдѣлы содержатъ символы помѣстныхъ соборовъ и частныя. — См. рец. *J. Kunze* Theol. Litteraturblatt 1897, № 28, стр. 329—331; *Loofs* Deutsche Litteraturzeitung 1897, № 26, ст. 1001—1005.

Kauffmann, *Ein neues Denkmal der gothischen Litteratur* Beilage zur Allgem. Zeitung 1897, № 44, стр. 4—6. — Авторъ полагаетъ, что такъ называемое *Opus imperfectum in Matthaicum* псевдо-Златоуста есть арианское произведеніе, и принадлежитъ если не самому Ульфилѣ, то какому либо другому готскому арианскому епископу. Авторъ обѣщаетъ дать новое изданіе этого сочиненія.

A. Sauer, *Des Macarius Magnes Homiliae in Genesim (Eine Ergänzung der Fragmente)*. Festschrift zum 1100-jährigen Jubiläum des deutschen Campo Santo in Rom. Freiburg i. B., Herder 1897, стр. 291—295. — Исправленія и дополненія къ Duchesne, *De Macario Magnete et scriptis ejus* сдѣланы на основаніи новой коляціи Vatic. gr. 2022 и Кедрина, дающаго нѣсколько цитатъ изъ этихъ гомилиій безъ имени автора или съ ошибочнымъ его обозначеніемъ.

Rob. von Nostitz-Rieneck, S. J., *Die Briefe Papst Leos I im Codex Monacensis 14540*. Historisches Buch der Görresgesellschaft 18 (1897) 117—133. — Указывается, что всѣ 72 письма этого собранія имѣютъ въ виду Евтихіанъ, и 70 изъ нихъ адресованы на Востокъ.

Ludwig Eisenhofer, *Procopius von Gaza*. Eine litterarhistorische Studie. Gekrönte Preisschrift. Freiburg i. B. 1897. — Авторъ положилъ много труда на разысканіе источниковъ катенъ Прокопія: кромѣ Филона и Оригена, указанныхъ Вендландомъ и Клостерманномъ, онъ указываетъ 1) для комментарія на Бытіе: Василія Вел., Θεодорита, Григорія Нисскаго, Ки-

рилла александрийскаго и пр.; 2) на Исходъ — кромѣ перечисленныхъ особенно Григорія Назіанзина; 3) на Левитъ — кромѣ нихъ Аполлинарія Лаодикийскаго; 4) на Числѣ — Кирилла александрийскаго, Аполлинарія, Григорія Нисскаго; 5) на Второзаконіе, Исуса Навина, Судей — Кирилла александрийскаго; 6) на книги Царствъ и Паралипоменонъ — Θεодорита; 7) на Исаію — Кирилла александрийскаго, Евсевія Кесарійскаго, Θεодора Ираклійскаго. — См. рецензію Bonwetsch'a въ *Theol. Litteraturblatt*, 1897, стр. 470/1; J. Stiglmayr'a въ *Stimmen aus Maria Laach* 53 (1897) 79—82.

Johannes Dräseke, *Dionysische Bedenken*. Theologische Studien u. Kritiken 1897, 381—409. — Новая защита Дрэзеке своего, извѣстнаго читателямъ Виз. Временника, мнѣнія о возникновеніи псевдо-Діонисія въ IV в. Противъ него референтъ *Byz. Zeitschrift C. Weyman*, проф. *Gelzer* (*Wochenschrift f. klassische Philologie* 1896, 1147) и *Leimbach*, *Zur Dionysiusfrage* (*Philos. Jahrbuch der Görresgesellschaft*. 1897, 90—97)¹⁾.

Franz Diekamp, *Das Zeitalter des Erzbischofs Andreas von Cäsarea*. *Hist. Jahrbuch der Görresgesellschaft* 18 (1897), 1—36. — Cod. Athous 129 (S. Pauli 2) помѣщаетъ Андрея Кесарійскаго въ эпоху правленія Юстина Фракіянина и Юстиніана Великаго; замѣтка и житіе, изъ котораго она взята, писаны только въ XVIII в., но древняя часть рукописи восходитъ къ 800-му году, и весьма вѣроятно, что и писецъ XVIII вѣка имѣлъ оригиналъ подобной же древности. Къ той же датѣ приводитъ и комментарий Андрея на Апокалипсисъ, который написанъ, кажется, подъ впечатлѣніемъ вторженія Гунновъ въ Каппадокію, т. е. вскорѣ послѣ 515 года.

Leopold Carl Goetz, *Geschichte der Slavenapostel Konstantinus u. Methodius*. Quellenmässig untersucht und dargestellt. Gotha, F. A. Perthes 1897. — Въ *Byz. Ztschr.* обѣщана особая рецензія. За исходную точку авторъ взялъ письмо Анастасія бібліотекаря къ еп. Гавдеріку; при изложеніи біографіи св. Меодія онъ пользуется папскими письмами *collectionis Britannicae*. Изъ русскихъ работъ по данному вопросу авторъ знакомъ въ подлинникъ лишь съ таковыми проф. Голубинскаго (въ «Исторіи русской церкви»); съ остальными, не исключая и Воронова, лишь по рецензіямъ Ягича въ *Archiv für slavische Philologie*. Главы 1—9 итальянской легенды онъ считаетъ прямо выдержкой изъ *Translatio* Гавдеріка, итальянскую легенду полагаетъ ранѣе 925 г. и считаетъ ее источникомъ паннонскаго житія Кирилла; авторомъ послѣдняго онъ считаетъ не автора паннон-

1) См. Joh. Dräseke, *Zu Dionysios*. *Zeitschr. f. wissenschaftliche Theologie*, 1897, Heft 4, стр. 608—617. Тутъ защищается мысль, что Фотій сомнѣвался въ подлинности Діонисія Ареопагита, и указывается на вліяніе Діонисія на Геннадія (*Dialogus Christiani cum Judaeo*, 1464 г.), который рядомъ съ Діонисіемъ называетъ еще, какъ писателя и ареопагита, его учителя Герооса, и на Виссаріона, указывающаго въ своихъ *Ἐλεγχοὶ τῶν κατὰ Πλάτωνος βλασφημιῶν* на вліяніе «Симпосіона» Платона на Діонисія. Въ послѣднемъ фактѣ — отрицать его трудно — Дрэзеке (стр. 616/7), кажется, видитъ подтвержденіе своей мысли, что псевдо-Діонисій предшествовалъ Проклу и вліялъ на него.

скаго житія Меоодія, а другое лицо. Паннонское житіе Меоодія онъ цѣнитъ, какъ источникъ, довольно высоко, видя въ немъ произведеніе значительно болѣе древнее, чѣмъ житіе Кирилла, и самостоятельное. Письма Адриана II (въ 8-й главѣ житія Меоодія) и Иоанна VIII отъ 880 г. онъ считаетъ подложными, и такимъ образомъ отрицаетъ, что Иоаннъ VIII дозволилъ славянскую литургію. — См. рец. Bonwetsch'a въ Theol. Litteraturblatt 1897, № 40, стр. 478/9.

K. Krumbacher, *Ein Dithyrambus auf den Chronisten Theophanes*. München 1897. Sitzungsberichte der philos.-histor. Klasse der bayersch. Akad. d. Wiss. 1896, Heft. IV, стр. 583—625. Съ факсимиле. — К. Крумбахеръ напечаталъ, послѣ введенія о разныхъ житіяхъ хронографа Теофана, изданныхъ и неизданныхъ¹⁾, текстъ похвального слова Теофану протасикрита Теодора, написаннаго мѣрной прозой, между 920 и 959 гг., по рукописи Монас. 3, X/XI вѣка. Въ текстѣ, слѣдующемъ, хотя и не строго, закону Мейера о ритмическомъ окончаніи фразы, этотъ законъ оригинально подтверждается тѣмъ, что писецъ постоянно указываетъ посредствомъ точекъ—крупныхъ, посредствомъ запятыхъ—менѣе значительныя смысловыя остановки. Въ заключеніе дается текстъ еще 2-хъ не напечатанныхъ доселѣ гимновъ на преп. Теофана (изъ Patm. 212), и рядъ замѣчаній по критикѣ текста изданныхъ де-Бооромъ его біографій: анонимной и скевофилака Никифора.

Eusebii Caesariensis *de martyribus Palaestinae longioris libelli fragmenta*. Analecta Bollandiana 16 (1897), 113—139. — Даются полные тексты мученичествъ: св. Апфіана и Эдесія по минологіямъ: Venet. S. Marci 359, Vatic. gr. 1660 (916 г.); св. Теодосія—по Vatic. 1660, Монас. gr. 366 и synaxarium Sirmondianum; св. Памфила—по Vindob. hist. gr. XI, Ottob. 92, Paris. gr. 1452.

J. K. Asmus, *Ein Bindeglied zwischen der pseudojustinischen Cohortatio ad Graecos und Julians Polemik gegen die Galiläer (Dionis Chrysostomi oratio XII)*. Ztschr. f. wissenschaft. Theologie 40 (1897) 218—284. — 12-я рѣчь Діона Хризостома оказывается источникомъ и Юліана, и его противника; въ ней есть скрытая полемика противъ христіанской вѣры въ сверхъестественное откровеніе и христіанскаго отвращенія отъ поклоненія изображеніямъ боговъ.

Wilhelm Vollert, *Die Lehre Gregors von Nyssa vom Guten u. Bösen und von der schliesslichen Überwindung des Bösen*. Leipzig, Deichert 1897. — Содержаніе брошюръ видно изъ заглавія. Разборъ идей св. Григорія Нисскаго приводитъ автора къ заключенію, что, несмотря на все неоспоримое вліяніе на него разныхъ философскихъ ученій, въ нихъ остается немало своеобразнаго.

1) Древнѣйшее изъ нихъ къ сожалѣнію дефектное, принадлежащее патриарху Меоодію (842—847 г.), находится въ ркп. нашей Моск. Синод. Библ. № 359, кат. архим. Владимира.

N. Bonwetsch, *Die apokryphen Fragen des Bartholomaeus*. Nachrichten der K. Gesellsch. d. Wissensch. zu Göttingen 1897, вып. 1, стр. 1—42.— Дается греческій (Васильевъ, *Anecdota graeco-byzantina*, по Vindob. graec. hist. 67) и славянскій (изданный проф. Тихонравовымъ и Пыпинымъ по ркп. Александрo-Невской Лавры) тексты, и разборъ «вопросовъ» сравнительно съ актами ап. Иоанна псевдо-Левкія, Евангелиемъ Никодима и т. д.

P. Idephons Veith O. S. B., *Die Martyrologien der Griechen*. 3 Abschnitt: Die Textüberlieferung. Studien u. Mitteilungen aus dem Benedictiner- und dem Cistercienserorden 18 (1897), 15—23.—О минологіи Василія Македонянина.

Anonymus, *Vita Sanctae Olympiadis et narratio Sergiae de ejusdem translatione*. Analecta Bollandiana 15 (1896) 400—423; 16 (1897) 44—51.— Житіе, составленное неизвѣстнымъ лицомъ между 408 и 532 г., напечатано здѣсь по ркп. Paris. 1453 и Flor. bibl. nation. Conventi soppressi B 1 Camaldoli 1214; повѣсть о перенесенія мощей, составленная игуменьей монастыря св. Олимпиады въ К-гѣ, Сергіей, сохранилась только въ Paris. 1453.

Anonymus, *S. Macarii, monasterii Pelecetes hegumeni acta graeca*. Anal. Boll. 16 (1897) 140—163.—Текстъ напечатанъ впервые по Paris. 548. Макарій былъ игуменомъ монастыря τῆς Πελεκητῆς въ Вѣнніи въ концѣ VIII и въ первой половинѣ IX вѣка; житіе составлено его преемникомъ Саввою.

По исторіи, этно- гео- и топографіи:

Paul Allard, *Le christianisme et l'empire romain de Néron a Théodose*.— Paris, Lecoffre 1897.—Это второе изданіе труда извѣстнаго историка гоненій на христіанъ отмѣчается здѣсь ради 4-хъ послѣднихъ главъ, трактующихъ о политикѣ относительно христіанства императоровъ отъ Константина до Θεодосіа Великаго.

Gerhard Rauschen, *Jahrbücher der christlichen Kirche unter dem Kaiser Theodosius dem Grossen. Versuch einer Erneuerung der annales ecclesiastici des Baronius für die Jahre 378—395*. Freiburg i. B., Herder 1897.—Референтъ *Byz. Ztschr.*, С. W(еуман), очень рекомендуетъ это сочиненіе, какъ глубокоосновательный, многосторонній трудъ. Оно состоитъ изъ обзоренія источниковъ, изложенія событій взятаго періода въ анналистической формѣ и 26-ти отдѣльныхъ изслѣдованій по разнымъ спеціальнымъ вопросамъ, преимущественно церковно-историческаго характера, связаннымъ съ этимъ временемъ. См. рец. Max Ihm въ *Deutsche Litteraturzeitung*, 1895, № 15, ст. 574—576.

Robert von Nostitz-Rieneck, S. J., *Die päpstlichen Urkunden für Thessalonike und deren Kritik durch Prof. Friedrich*. Zeitschr. f. kath. Theol. 21 (1897) 1—50.—Защищаетъ противъ проф. Фридриха подлинность писемъ collectio Thessalonicensis.

Kraitschek, *Der Sturz des Kaisers Maurikios*. Bericht über das VI.

Vereinsjahr des Academ. Vereins deutscher Historiker in Wien. Wien 1896, стр. 81—137.— Общана особая рецензія.

Franz Rühl, *Chronologie des Mittelalters und der Neuzeit*. Berlin, Reuther u. Reichard 1897.— Прекрасно изложенное, точное, ясное, доступное и не специалисту руководство по хронологіи. Для византиниста важны отдѣлы о праздничномъ кругѣ греческой церкви, о паскаліи, счетѣ по индиктамъ; также о хронологіи коптской, абиссинской, армянской и пр.

Otto Seeck, *Das deutsche Gefolgswesen auf römischem Boden*. Ztschr. der Savigny-Stiftung für Rechtsgelehrte 17, стр. 97—119.— Отмѣчается здѣсь ради тѣсной связи темы автора съ военнымъ дѣломъ ранняго періода византийской имперіи.

Comes Géza Kuun, *Relationum Hungarorum cum oriente gentibusque orientalis originis historia antiquissima*. Claudiopoli (Joh. Stein) 1893 и 1895. 2 тома.— Авторъ касается многихъ вопросовъ по византийской этнографіи и пользуется византийскими источниками. К. К(румбахеръ), референтъ Byz. Ztschr., указываетъ особенно на отдѣлы о крѣпости Саркель, о печенѣгахъ, аланахъ, о хазарской торговлѣ и т. д.

F. Hirsch, *Byzantinisches Reich*. Berliner Jahresberichte der Geschichtswissenschaft 1895, III, 258—268.— Библиографія трудовъ по византийской исторіи и ея источникамъ за 1895 годъ.

Waldemar Nissen, *Die Regelung des Klosterwesens im Rhomäerreich bis zum Ende des 9-ten Jahrhunderts*. (Programm des Johanneums). Hamburg 1897.— Общана особая рецензія. См. также рец. Meyer'a въ Deutsche Litteraturzeitung 1897, № 23, ст. 883—885.

E. Oberhammer, рядъ заново обработанныхъ статей по византийской географіи въ Realencyclopädie Pauly, подъ словами: Athos, Athyras, Augustaion, Beroia, Blachernai etc.

Joseph Partsch, *Die Berbern in der Dichtung des Corippus*. Satura Viadrina, Festschrift zum 25-jährigen Bestehen des philologischen Vereins zu Breslau. Breslau, Schottlaender 1896, стр. 20—38.— Пересматриваются и анализируются извѣстія поэмы Кориппа о «Ливійскихъ войнахъ» Юстиніана касательно мавританскихъ народностей Сѣв. Африки, ихъ домашнего и общественнаго быта, религіи, военнаго дѣла и т. д.

По исторіи искусства, нумизматикѣ и эпиграфикѣ:

Joh. Graus, *Ein byzantinisches Marienbild zu Rein*. Der Kirchenschmuck 26 (1896), 119—121 и 132—137.— Описывается икона Б. Матери, находящаяся въ монастырѣ Rein у Граца. Авторъ находитъ большое сходство съ типомъ Кіевской и (?) Владимірской Б. Матери, и видитъ во всѣхъ трехъ копіи съ какой то византийской чудотворной иконы.

Julius von Schlosser, *Die ältesten Medaillen u. die Antike*. Jahrbuch der kunsthistorischen Sammlungen des Allerhöchsten Kaiserhauses 18 (1897), 64—108, Wien. Авторъ доказываетъ на основаніи данныхъ инвентаря коллекціи герцога Беррійскаго, что золотыя медали, считавшіяся Guiffrey

(Revue numismatique 1890) за византійскія, на дѣлѣ суть нидерландскія поддѣлки XIV—XV в., и относятся къ серіи поддѣльныхъ медалей времени имперіи отъ Августа до Константина В., на которыхъ якобы отразились событія изъ исторіи І. Христа и христіанства.

Hans Graeven, *Antike Vorlagen byzantinischer Elfenbeinreliefs*. Jahrbuch der kgl. preuss. Kunstsammlungen 18, Heft 1 и отдѣльно.—Авторъ стоитъ за византійское происхождение рельефовъ изъ слоновой кости, которые Шнейдеръ сопоставилъ съ венеціанскими (Byz. Ztschr. VI, 211), именно съ найденными въ Torcello.

Otto Seeck, *Sesterz und Follis*. Wiener numismatische Zeitschrift 28 (1896), 171—184.—Follis (мѣшокъ), обозначеніе денежной единицы, нерѣдкое въ Византіи, имѣетъ, какъ разъясняетъ Seeck, двойное значеніе: 1) приблизительно = 114 герм. марокъ: мѣшокъ, содержащій опредѣленное количество мѣдныхъ монетъ одного достоинства; 2) каждая изъ этихъ монетъ въ отдѣльности тоже зовется follis.

По исторіи права:

Wilhelm Köhler, *Die katholischen Kirchen des Morgenlandes. Beiträge zum Verfassungsrecht der sogenannten «uniert-orientalischen» Kirchen*. Darmstadt, Waitz 1896.—Разбираются разные вопросы церковно-правового характера относительно униатскихъ церквей Востока и ихъ отношенія къ западному католическому и къ восточно-православному праву.

Maria Albert Stiegler, *Dispensation u. Dispensationswesen in ihrer geschichtlichen Entwicklung bis zum 9-ten Jahrhundert*. Archiv für katholisches Kirchenrecht 77 (1897), 3—42.—Говорится, между прочимъ, объ ученіи преп. Θεодора Студита объ οἰκονομία въ сравненіи съ ученіемъ о томъ же св. Кирилла александрійскаго.

Далѣе, на стр. 472—474 находимъ некрологъ Димитрія Θιριανоса, стр. 648—Louis de Mas Latrie; оба принадлежатъ проф. К. К(румбахеру).

Рецензіи появились на книги:

Hieronymus, liber de viris illustribus etc., ed. Oskar v. Gebhard. Рец. С. Weyman, Berliner Philologische Wochenschrift, 1897, № 5—6.

М. Соколовъ, *Новые матеріалы для объясненія амулетовъ, называемыхъ змеевиками*. Рец. В. Ягича въ Archiv für slav. Philologie 1896, 316 и сл.

Commentaria in Aristotelem graeca edita consilio etc. academiae regiae Borussiae. Vol. XXI. Pars II. *Anonymi et Stephani in artem rhetoricam commentaria*. Ed. Hugo Rabe. Berlin 1896. Рец. Fr. Susemihl въ Berliner Philol. Wochenschrift 17 (1897) 681—683.

R. Raabe, *Ἱστορία Ἀλεξάνδρου. Die armenische Übersetzung der sagenhaften Alexanderbiographie auf ihre mutmassliche Grundlage zurückgeführt*. Leipzig 1896. Рец. В. Kübler, Berl. Philol. Wochenschrift 1896, № 28, стр. 868—871.

K. Krumbacher, *Geschichte der byzantinischen Litteratur*, 2-te Auflage, München 1896. Рец. С. Weyman въ Hist. Jahrbuch 1897, 155—159; Th. Preger, Blätter für das bayerische Gymnasialwesen 1897, 291—295; Joh. Dräseke, Theol. Litteraturzeitung 1897, № 7, и Zeitschr. f. wissenschaft. Theologie 1897, 309—313; G. Orterer, Literarischer Handweiser 1897 № 663; H. Gelzer, Berliner Philol. Wochenschrift 1897, №№ 26 и 27, стр. 802—871, 838—846; C. Neumann, Deutsche Litteraturzeitung 1897, № 28, стр. 1091—1099.

A. Ehrhard, *Die Legendensammlung des Symeon Metaphrastes* 1897 и Онъ-ме: *Forschungen zur Hagiographie der griechischen Kirche* 1897. Рец. Joh. Dräseke въ Ztschr. f. wissenschaftliche Theologie 1897, стр. 637—640.

Narses, *Syrische Wechsellieder*. Herausgeg., übersetzt u. bearbeitet von Dr. Franz Feldmann. Leipzig 1896. Рец. Th. Nöldeke, Litterarisches Centralblatt vom 23 Jan. 1897. Рецензія разбираетъ и отвергаетъ теорію Губерта Гримма о сирскомъ стихосложеніи.

A. Thumb, *Handbuch der neugriechischen Volkssprache*. Рец. W. Meyer-Lübke, Archiv für das Studium der neueren Sprachen u. Litteraturen, Band 97, 429—431.

Gust. Körting, *Neugriechisch u. Romanisch*. Рец. W. Meyer-Lübke, Archiv für das Studium der neueren Sprachen, Band 98, 174—182; H. Lübke, Deutsche Litteraturzeitung 1897 № 37; A. Thumb, Litter. Centralblatt 1897, № 1; G. Meyer, Indogermanische Forschungen 8 (1897), Anzeiger 65—72.

Albrecht Dieterich, *Die Grabschrift des Aberkios*. Теорія Дитериха продолжаетъ быть предметомъ оживленнаго обсужденія. Въ германской литературѣ настаиваютъ на христіанскомъ характерѣ надгробія Аверкія С. М. Kaufmann, Katholik 77 (1897. I), 226—247 и рецензентъ Analecta Bollandiana 16 (1897) 74—77 (въ прочихъ литературахъ Duchesne, Cumont, Ramsay); Wehofer (Röm. Quartalschrift, 1896, 351—378) и Hilgenfeld (Berl. philol. Wochenschrift 1897, 391—394) считаютъ надпись не христіанской, но отклоняютъ или модифицируютъ возрѣніе Дитериха; Victor Schultze (Theolog. Litteraturblatt 1897, 94—96), не соглашаясь съ Дитерихомъ безусловно, считаетъ его теорію первой серьезной попыткой доказать, что Аверкій — не христіанинъ.

Zückler, *Askese u. Mönchtum*. I Band. Рец. L. Schulze, Theol. Litteraturblatt 1897. № 41, ст. 493—494.

Fr. X. Kraus, *Geschichte der altchristlichen Kunst* и др. работы, касающіяся византийскаго искусства, разбираетъ, между прочимъ, A. Hasenklever въ статьѣ: Kirchliche Kunst (Theol. Jahresbericht von Holtzmann u. Krüger 1896, 596—607); также Ficker, Götting. gelehrte Anzeigen 1897, № 3, 177—187.

Apollonius' von Kitium illustrierter Kommentar zu der hippokratischen Schrift περί ἄρθρων, herausgeg. v. Herm. Schöne. Рец. E. Dobbert, Repertorium für. Kunstwissenschaft 1897, 56—67.

Б. Мелопанскій.

ФРАНЦІЯ.

D. C. Hesseling, *Les cinq livres de la loi (le Pentateuque)*. Traduction en néo-grec publiée en caractères hébraïques à Constantinople en 1547, transcrite et accompagnée d'une introduction, d'un glossaire et d'un fac-simile par D. C. H. Leide, S. C. van Doesburgh. Leipzig, O. Harrassowitz 1897. LXIV, 443 стр.—Ученые, особенно тѣ изъ нихъ, которые занимались средне-вѣковой и новогреческою филологіей, давно уже интересовались переводами нѣкоторыхъ священныхъ книгъ (Пятикнижія, Іова, Іоны), написанныхъ народнымъ греческимъ языкомъ, но еврейскими буквами; такіе переводы употреблялись евреями, которые, живя на Востокѣ, говорили по-гречески. Нѣсколько времени тому назадъ Bellel имѣлъ намѣреніе издать весь текстъ такого пятикнижія въ греческой транскрипціи, но, повидимому, не могъ справиться съ внѣшними трудностями предпріятія. Новый трудъ Гесселинга содержитъ въ себѣ полную греческую транскрипцію напечатаннаго въ 1547 году въ Константинополѣ пятикнижія, книги въ высшей степени рѣдкой, такъ какъ она извѣстна только въ немногихъ экземплярахъ. Важность этого текста заключается въ томъ, что въ немъ еще особенно не замѣтны различныя ученія вліянія. Неизвѣстный авторъ книги, владѣя прекрасно разговорнымъ греческимъ языкомъ, допускаетъ въ синтаксисѣ безчисленные гебраизмы, затрудняющіе иногда даже пониманіе текста. Въ своемъ введеніи Гесселингъ подробно говоритъ объ изданіи перевода, о своей системѣ транскрипціи и о грамматическихъ особенностяхъ перевода; послѣднее имѣетъ большое значеніе для изученія новогреческаго языка. Къ книгѣ приложенъ Глоссарій, значительно облегчающій пользованіе ею.—См. *Byzantinische Zeitschrift*. V. VI (1897), N. 2, S. 451—452.

Paul Allard. *Le christianisme et l'empire Romain de Néron à Théodose* Paris, Lecoffre 1897. XII, 307 стр. Bibliothèque de l'enseignement de l'Histoire ecclésiastique.—Изъ восьми главъ этой, написанной съ основательнымъ знаніемъ источниковъ и литературы, книги наиболѣе для насъ интересны четыре послѣднія, въ которыхъ рисуется религіозная политика Константина и его сыновей,—языческая реакція при Юліанѣ, переходное время при императорахъ Валентиніанѣ, Валентѣ и Граціанѣ и окончательное торжество христіанства при Θεодосіѣ Великомъ.—См. *Byz. Zeitschr.*. V. VI (1897), N. 2, S. 462.

Ch. Diehl *Les mosaïques byzantines du monastère de Saint-Luc*. Напечатано въ *Gazette des beaux-arts*, 3 pér., tome 17 (1897) 37—52.—Диль, какъ бы дополняя свою монографію объ этомъ монастырѣ, появившуюся еще въ 1889 году, указываетъ въ концѣ своей новой работы на большую близость мозаикъ св. Луки съ извѣстнымъ менологіемъ Ватикана, который относится почти къ тому же времени, т. е. къ началу XI вѣка. Диль приложилъ къ своей статьѣ фотографическіе снимки, сдѣланные по

негативамъ Millet, обѣихъ церквей и мозаикъ. — См. *Byz. Zeitschrift*, V. VI (1897), Н. 2, S. 466.

Lucien Magne. *Mistra*. Напечатано въ *Gazette des beaux arts*, 3 pér., tome 17 (1897) 135—148.—Magne, занимавшійся въ 1895 году фотографированіемъ въ Мистрѣ, сообщаетъ въ своей статьѣ о предпріятіи Millet, который при помощи архитектора Eustache и художника Yergmann'a задался цѣлью дать монографію о Мистрѣ, описываетъ отдѣльныя церкви и говоритъ о возникающемъ тамъ французскомъ вліяніи. — См. *Byz. Zeitsch.* V. VI (1897), Н. 2, S. 467.

Franz Cumont. *L'astrologue Palchos*. Напечатано въ *Revue de l'instruction publique en Belgique* 40 (1897) 1—12.—Въ этой небольшой статьѣ дѣлаются интересныя сообщенія изъ римскаго cod. Angel. 29 (С 4, 8), написаннаго въ Митилинѣ въ 1388 году и заключающаго въ себѣ *ἀποτέλεσματικὴ βίβλος* египетскаго астролога Палха, который жилъ въ V вѣкѣ по Р. X. Изъ этого сочиненія можно почерпнуть свѣдѣнія о богѣ древнихъ астрологическихъ трудахъ, узнать подробности объ императорскомъ египетскомъ префектѣ Теодорѣ, который явился въ Александрію въ мартѣ 487 года, и объ узурпаторѣ Леонтѣ, который въ царствованіе императора Зенона участвовалъ въ извѣстномъ возстаніи Илла (объ этомъ см. *W. Barth. Kaiser Zeno*. Basel, 1894, стр. 85 sq).—См. *Byz. Zeitschrift*. V. VI (1897), Н. 2, S. 469.

N. Jorga. *Notes et extraits pour servir à l'histoire des croisades au XV siècle*. Напечатано въ *Revue de l'Orient Latin* 4 (1896) 25—118.—Jorga издаетъ здѣсь рядъ документовъ изъ государственнаго генуезскаго архива, которые содержатъ нѣкоторыя интересныя подробности, касающіяся византийской исторіи XIV и XV вѣка, а именно написанныя на латинскомъ языкѣ перечисленія генуезскихъ колоній въ Каффѣ (въ Крыму), Перѣ и Фамагустѣ. Приложенный къ статьѣ ученый комментарий облегчаетъ пониманіе трудныхъ выраженій текста и даетъ много полезныхъ свѣдѣній по культурѣ, географіи и этнографіи латинскаго Востока.—См. *Byz. Zeitsch.* V. VI (1897), Н. 2, S. 464.

Fr. Didon. *Constantinople, le Mont Athos, la Grèce. La dix-neuvième savane des Dominicains d'Arcueil*. 1894. Paris. Mersch éditeur. VIII + 298 стр.—Изящно изданная съ прекрасными рисунками книга Дидонъ, не имѣя научнаго значенія, представляетъ изъ себя рядъ замѣтокъ и воспоминаній по поводу его путешествія изъ Парижа въ Константинополь, на Аѳонъ, гдѣ онъ посѣтилъ русскіе монастыри, Салоники, Аѳины, Пелопоннись и Корфу.

F. Nau. *Les auteurs des chroniques attribuées à Denys de Tellmahré et à Josué le Stylite*. Напечатано въ *Bulletin critique* 25 января 1897 г. стр. 54—58.—Основываясь на своей прежней работѣ, появившейся въ *Bulletin critique* отъ 15 іюня 1896 г. № 17 стр. 321—327 и отъ 25 августа № 24 стр. 464—479 и на основаніи статьи Польдеке, помѣщенной въ *Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes* за 1896 годъ, Нау прихо-

дять къ тому результату, что приписываемая Діонисію Тельмахрійскому хроника на самомъ дѣлѣ принадлежитъ Іисусу Столпнику, писавшему въ началѣ VI вѣка.—См. *Byz. Zeitsch.* B. VI (1897), N. 2, S. 447.

L. Duchesne. *Les premiers temps de l'état pontifical. V. La maison de Theophylacte.* Напечатано въ *Revue d'histoire et de littérature religieuses* I (1896) стр. 489—514. — Дюшенъ въ этой части своей работы говоритъ о печальномъ времени для римской церкви, начиная со вступленія на папскій престолъ Бенедикта IV въ 900 г. до отреченія Бенедикта V въ 964 г., когда сенаторъ Теофилакть и его родственники пользовались своимъ столь гибельнымъ для страны вліяніемъ. На страницѣ 502-й Дюшенъ говоритъ объ отношеніяхъ Альбериха, сына Марозіи, къ византійскому императору Роману Лекапину.—См. *Byz. Zeitschrift.* B. VI (1897), N. 2, S. 463.

J. Laurent. *Skylitzès et Nicéphore Phocas.* Напечатано въ *Byzantinische Zeitschrift.* B. VI (1897), S. 318—321.— Вопреки мнѣнію Вартенберга (см. *Byz. Zeitsch.* 1895 т. IV стр. 478 sq.), который утверждалъ, что хронистъ Скилицій никогда не обвинялъ Никифора Фоку въ томъ, что онъ, воспользовавшись голодомъ, удвоилъ цѣны на хлѣбъ и извлекъ изъ этого для себя большіе доходы (такое неправильное чтеніе текста, по мнѣнію Вартенберга, происходитъ будто-бы отъ ошибочнаго перевода Скилиція Габіемъ),—Лоранъ на основаніи сопоставленія извѣстій Лютпранда, Льва Діакона, Кедрина и Зонары приходитъ къ такимъ результатамъ: 1) переводъ Габія не измѣнилъ смысла греческаго текста Скилиція; 2) нужно признать, что во время голода Никифоръ Фока дѣйствительно поднялъ цѣну на хлѣбъ для пополненія своей казны, что не соотвѣтствовало, конечно, ни императорскимъ обязанностямъ, ни императорскому достоинству.

I. Bidez et L. Parmentier, *La tradition manuscrite de la vie de Saint Théodose par Théodore, d'après le Patmiacus 273.* Напечатано въ *Byzantinische Zeitschrift.* B. VI (1897) S. 357—374. — Какъ извѣстно, четыре манускрипта библиотеки Патмоскаго монастыря—245, 246, 273 и 514 (по Саккеліону)—содержать въ себѣ жизнеописаніе св. Θεодосія. По мнѣнію авторовъ этой статьи три рукописи—245, 246 и 514—принадлежатъ Метастрасту, тогда какъ Крумбахеръ въ своемъ изслѣдованіи «*Studien zu den Legenden des H. Theodosios*» предполагаетъ, что кодексъ 245 представляетъ изъ себя редакцію, написанную Θεодоромъ. Авторы статьи относятъ къ Θεодору только кодексъ 273, который ими описывается, разбирается и признается однимъ изъ лучшихъ сохранившихся списковъ.

P. Casanova. *Numismatique des Danichmendites.* Paris. 1896. 90 стр. съ приложеніемъ медальныхъ таблицъ. (Extrait de la *Revue numismatique*, années 1894, 1895 et 1896).—Династія Давишмендитовъ играла довольно важную роль въ эпоху первыхъ крестовыхъ походовъ. Находясь въ числѣ союзниковъ то крестоносцевъ, то Сельджуковъ и поддерживая сношенія какъ съ Константинопольскими императорами, такъ и съ атабе-

ками Мосула, Данишмендиты въ эту эпоху борьбы Востока съ Западомъ являлись посредствующимъ звеномъ между христіанской и мусульманской цивилизаціей. Естественно, что и нумизматика ихъ отражаетъ на себѣ это любопытное смѣшеніе внѣшнихъ вліяній. Въ нумизматикѣ Данишмендитовъ встрѣчаются монеты чисто византійскія и монеты чисто арабскія, часто съ надписями на обоихъ языкахъ, часто византійскія по типу съ арабскими надписями. Г. Казанова, въ виду того, что историческія свидѣтельства объ этихъ князьяхъ неясны и часто противорѣчивы, придаетъ большую цѣну монетамъ. Прежде всего онъ описываетъ монеты неизданныя или досихъ поръ еще не вполне описанныя, которыя представляютъ изъ себя первоначальный историческій элементъ, неоспоримое основаніе для критики источниковъ. Затѣмъ съ помощью этого матеріала авторъ приступаетъ къ изученію источниковъ, старается ихъ показанія примирить съ показаніями монетъ и излагаетъ вкратцѣ исторію Данишмендитовъ. Наконецъ, авторомъ приводится перечень всѣхъ монетъ Данишмендитовъ.

Самымъ достовѣрнымъ источникомъ г. Казанова считаетъ показанія Эзарфенна (Hezarfenn), который анализировалъ Мордтманнъ въ своей работѣ о Данишмендитахъ¹⁾. Трудъ Эзарфенна «Tenkih Tewarikhi mulouk», написанный на турецкомъ языкѣ, превосходно согласуется съ показаніями монетъ. Второе мѣсто авторъ даетъ источникамъ армянскимъ, византійскимъ и сирійскимъ, которые были изучены Dulaurier въ его Introduction aux historiens arméniens des Croisades. Армянскіе источники, Матвѣй Эдесскій, Григорій Священникъ, продолжатель Матвѣя, и Михаилъ Сиріецъ, даютъ очень цѣнныя подробности о нѣкоторыхъ изъ Данишмендитовъ, но, къ сожалѣнію, говорятъ очень мало о началѣ и концѣ этой династіи. Византійскіе историки, Анна Комнина и Никита Хониатъ, даютъ гораздо болѣе бѣдныя, хотя и правдоподобныя свѣдѣнія. Сирійская хроника Абуль-Фараджа (Баръ-Эбрея) даетъ драгоценныя указанія на исторію послѣднихъ Данишмендитовъ, когда авторъ является современникомъ описываемыхъ имъ событій. Третье мѣсто занимаютъ историки арабскіе, Ибн-ал-Атиръ, Абуль-Феда и др.; ихъ показанія очень сбивчивы, неопредѣленны и поэтому большой цѣны имѣть не могутъ. Западные историки, Вильгельмъ Тирскій и Альбертъ Ахенскій, только подтверждаютъ иногда сообщенія вышеупомянутыхъ источниковъ и новаго ничего не даютъ; при изложеніи событій ихъ данными можно совсѣмъ не пользоваться.

Въ первой главѣ своей работы (стр. 4—17) г. Казанова описываетъ монеты и на основаніи сопоставленія легендъ на монетахъ съ показаніями источниковъ устанавливаетъ генеалогію Данишмендитовъ, которая служитъ ему основаніемъ для изложенія ихъ исторіи, чѣмъ занимается авторъ во второй главѣ своего труда.

1) См. Zeitschrift der deutschen Morgenländischen Gesellschaft. B. XXX, 1876.

Не задаваясь цѣлью написать исторію Данишмендитовъ ex professo, а имѣя въ виду только установить данныя, необходимыя для толкованія, объясненія и классификаціи монетъ, г. Казанова посвящаетъ часть второй главы источникамъ исторіи и приводитъ въ переводѣ два разсказа Эзарфенна, — одинъ, указывающій на отношенія Данишмендитовъ къ Сельджукамъ, второй, представляющій изъ себя цѣлую весьма важную монографію о Данишмендитахъ; далѣе авторомъ излагается краткая исторія главной вѣтви Данишмендитовъ, затѣмъ Мелитинской и другихъ. Въ третьей главѣ своего труда авторъ даетъ очень тщательное описаніе монетъ и печатей Данишмендитовъ (с. 60—89) съ весьма обстоятельной библиографіей; такимъ образомъ въ этомъ отношеніи г. Казанова дѣйствительно облегчилъ трудъ для тѣхъ, которые снова захотятъ приняться за изученіе этой любопытной нумизматики (см. с. 79).

Изученіе монетъ Данишмендитовъ приводитъ автора къ слѣд. заключенію: вопреки обычаю мусульманскихъ князей писать на монетахъ имя Эмира правовѣрныхъ, своего сюзерена, Данишмендиты не дѣлаютъ этого, и такое систематическое, не исключительное уклоненіе отъ общаго правила объясняется г. Казанова совершенно особыми отношеніями Данишмендитовъ къ византійскимъ императорамъ (с. 89). Вообще ихъ монеты и печати имѣютъ византійскій и даже христіанскій характеръ (с. 59). Добросовѣстная работа г. Казанова послужитъ хорошимъ подспорьемъ для лицъ, занимающихся Востокомъ въ XI и XII вѣкахъ.

Ch. de la Roncière. *Charlemagne et la civilisation maritime au IX siècle*. Напечатано въ Moyen Age. Juillet-Août. 1896 p. 201—223).—Авторъ этой статьи, говоря о морскихъ нападеніяхъ на Галлію скандинавскихъ пиратовъ, на Италію и острова средиземнаго моря мусульманъ въ царствованіе Карла Великаго, разсказываетъ о мѣрахъ, принятыхъ этимъ императоромъ къ усиленію флота, къ укрѣпленію границъ и къ устройству на югѣ Франціи своего рода телеграфа, который бы посредствомъ извѣстныхъ знаковъ сообщалъ о появленіи подозрительныхъ кораблей. Коснувшись византійско-франкскихъ отношеній въ это время, авторъ дѣлаетъ экскурсъ въ область византійской морской администраціи и, пользуясь данными Константина Багрянороднаго и Тактики Льва Мудраго, даетъ описаніе византійскихъ судовъ, ихъ военныхъ дѣйствій и приводитъ перечень многочисленнаго штата византійскихъ морскихъ начальниковъ. Морское дѣло Византіи оказало свое вліяніе и на Францію, которая приняла въ свой словарь нѣкоторые новогреческіе морскіе термины. По мнѣнію автора, Франція восприняла нѣкоторыя слова византійской стратегии немного подѣтски, не вникая въ ихъ смыслъ. Но въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ и различными путями другіе ученики тѣхъ-же самыхъ учителей раскрыли смыслъ: это были Норманны, а потомъ Генуэзцы.

I. Bidez et L. Parmentier. *De la place de Nicéphore Callistos Xanthopoulos dans la tradition manuscrite d'Evagrius*. (Отдѣльный оттискъ изъ Revue de l'instruction publique en Belgique. T. 40 (1897). 3-e livraison. 16 стр.)—

Эта работа двухъ молодыхъ бельгійскихъ ученыхъ доказываетъ, что Cod. Вавосс. 142 церковной исторіи Евагрія есть тотъ, изъ котораго черпалъ свои свѣдѣнія при составленіи собственной церковной исторіи Никифоръ Каллистъ Ксанеопулъ, такъ что всѣ попытки извлечь изъ Ксанеопула что-нибудь полезное для текста Евагрія должны считаться тщетными. Далѣе ученые говорятъ о происхожденіи перечня главъ въ рукописяхъ Евагрія и особенно въ Вавосс. 142. Здѣсь можно найти сопоставленіе и оцѣнку рукописей Евагрія.—См. *Byz. Zeitschrift*. В. VI. Н. 3—4 (1897). S. 602.

F. Macler. *Les apocalypses apocryphes de Daniel*. Thèse. Paris, Imprimerie de Charles Noblet 1895. 113 стр.—Заслуга этой работы заключается въ томъ, что она даетъ переводы и тѣмъ дѣлаетъ доступными для всеобщаго пользованія всѣ до сихъ поръ извѣстные апокалипсисы Даніила: одинъ персидскій, одинъ коптскій, одинъ армянскій и шесть греческихъ. Историческая интерпретація текстовъ оставляетъ желать лучшаго.—См. *Byz. Zeitsch.* В. VI. Н. 3—4 (1897), S. 603.

F. Nau. *Étude sur les parties inédites de la chronique ecclésiastique attribuée à Denys de Tellmahré* (+ 875). (Напечатано въ *Revue de l'Orient chrétien* 2 (1897) p. 41—68).—Нау, рассматривая третью часть этой хроники, какъ вторую книгу Церковной Исторіи Іоанна Эфесскаго, думаетъ, что одну изъ составныхъ частей послѣдней образуетъ хроника, приписываемая Ассемани Иисусу Столпнику. Нау анализируетъ также вторую часть хроники Діонисія, которая заимствована изъ Сократа.—См. *Byz. Zeitschr.* В. VI, Н. 3—4 (1897). S. 607.

F. Nau. *Note sur l'époque à laquelle écrivait l'historien Zacharie de Mitylène*. (Напечатано въ *Journal Asiatique*. Neuvième série. Т. IX Mai—Juin 1897. p. 527—531).—Нау, на основаніи неизданныхъ еще текстовъ такъ называемаго Діонисія Телльмахрійскаго, вопреки Ланду, который утверждаетъ, что Захарія Митилинскій писалъ до 519 года (*Land. Anecdota Syriaca*. III p. XII), полагаетъ, что послѣдній не только не остановился на 518 годѣ, но и продолжалъ свою исторію далѣе 544 года.

Hubert Pernot. *Grammaire grecque moderne*. Avec une introduction et des index. Paris, Garnier frères (1897). XXXI, 262 стр. 8°.—Составитель этой новогреческой грамматики, положившій въ основаніе своей работы недавно появившюся въ Германіи новогреческую грамматику Тумба (Thumb), принесетъ очевидно большую пользу изученію новогреческаго языка во Франціи. Какъ и Тумбъ, Перно обращаетъ свое вниманіе только на собственно народный языкъ.—См. отзывъ Карла Крумбахера въ *Byz. Zeitsch.* В. VI, Н. 3—4 (1897), S. 616—617.

Mgr. De Groutars. *Les Italo-Grecs. Leur langue et leur origine*. (Напечатано въ *Le Musée Belge* I, 1897, p. 1—18, продолженіе слѣдуетъ).—Авторъ этого труда даетъ въ формѣ введенія обзоръ работъ, касающихся исторіи и языка живущихъ еще теперь въ Италіи Грековъ, выводитъ на основаніи изданныхъ учеными Zampelios и Trinchea греко-италійскихъ

документовъ нѣкоторыя историческія заключенія, даетъ образцы этихъ документовъ и современныхъ итапо-греческихъ діалектовъ, дѣлаетъ сообщенія о греческихъ текстахъ, которые написаны и напечатаны латинскими буквами, говоритъ наконецъ на основаніи работъ Пападопуло и Власта о греческой колоніи на Корсикѣ и воспроизводитъ изданную Пеллегрини корсико-греческую народную пѣсню съ транскрипціей греческими буквами и съ приложеніемъ французскаго перевода. Насколько эта работа является интересною по своему замыслу, настолько она оставляетъ желать лучшаго по своему выполненію. Авторъ не далъ себѣ труда даже приблизительно ознакомиться съ новой литературой по интересовавшему его вопросу, хотя послѣдняя указана въ такой извѣстной теперь книгѣ, какъ *Исторія Византійской Литературы* Крумбахера; поэтому и вся работа при ея появленіи является уже устарѣвшей по крайней мѣрѣ глѣтъ на двадцать. Надо надѣяться, что авторъ этого труда въ случаѣ продолженія своихъ занятій въ этой области, измѣнитъ свое отношеніе къ новой литературѣ и съ нею ознакомится.—См. отзывъ Карла Крумбахера въ *Byz. Zeitschr.* V. VI, N. 3—4 (1897), S. 617—618.

Léon Clugnet. *Dictionnaire grec-français des noms liturgiques en usage dans l'église grecque.* Paris. A. Picard 1895. 186 стр. XII.—Литургическія книги греческой церкви очень мало извѣстны въ Западной Европѣ. По мнѣнію автора этого небольшого словаря, очевидно ревностнаго католика, теперь существуетъ много причинъ западнымъ христіанамъ и въ частности французамъ, обратить свои взоры на Востокъ. Здѣсь авторъ имѣетъ въ виду то явное или тайное стремленіе «грековъ-схизматиковъ» приблизиться къ латинской церкви, которое, по мнѣнію автора, замѣчается теперь среди Грековъ и къ чему такъ стремится папа Левъ XIII, желая возвратить заблудшихся овецъ въ лоно настоящей церкви (Préface, p. V—VI). Имѣя въ виду облегчить пониманіе греческихъ литургическихъ текстовъ, изобилующихъ многочисленными, на западѣ мало извѣстными терминами, авторъ и задался цѣлью составить краткій объяснительный словарь такихъ терминовъ. Надо замѣтить, что послѣдній долженъ служить особеннымъ подспорьемъ для предпринятаго l'imprimerie romaine de la Propagande изданія греческихъ церковныхъ текстовъ, которое будетъ для греко-эллиновъ-католиковъ editio typica (Préf. p. VII). Самый словарь безусловно является полезной справочной книгой для Запада. Почти въ каждомъ словѣ авторомъ указано его значеніе въ классическомъ языкѣ.

Pierre Batiffol. *Anciennes littératures chrétiennes. La littérature grecque.* Paris, Lecoffre 1897, XVI 347 стр. Bibliothèque de l'enseignement de l'Histoire ecclésiastique.—Эта книга представляетъ изъ себя краткій, но самостоятельный очеркъ исторіи христіанско-греческой литературы отъ ея возникновенія до Юстиніана, т. е. до обычнаго начала византійской литературы. Книга состоитъ изъ трехъ главныхъ отдѣловъ: 1) начала; 2) отъ Ипполита Римскаго до Лукіана Антіохійскаго; 3) отъ Аванасія до

Юстиніана. Для византийской исторіи имѣетъ значеніе третій отдѣлъ, въ которомъ разбираются: 1) соборы, апостольскія постановленія и т. д.; 2) церковно-историческая, 3) литургическая, гомилитическая, аскетическая и поэтическая и 4) догматическая и экзегетическая литература. — См. *Byz. Zeitsch.* V. VI, Н. 3—4 (1897), S. 618—619.

P. L. de G., S. J. *Un monument de la foi du second siècle. L'építaphe d'Abercius.* Etudes publiées par des pères de la compagnie de Jésus. 71 (1897), p. 433—461. — Анонимный авторъ этой работы, вопреки мнѣніямъ Гарнака и Дитериха, защищаетъ христіанскій характеръ надписи Аверкія. — См. *Byz. Zeitsch.* V. VI, Н. 3—4 (1897), p. 619. Ср. *Виз. Врем.* III, (1896), 317 сл.

Hipp. Delehaye S. J. *La vie d'Athanase patriarche de Constantinople* (1289—1293 г. и 1304—1310). Напечатано въ *Mélanges d'archéologie et d'histoire* 17 (1897) p. 39—75. — Біографія патріарха Аванасія, находящаяся въ Codex VII 22 бібліотеки Барберини, въ сборникѣ житій Святыхъ и гомилій, которымъ пользовались уже нѣкоторые прежніе ученые, написана современникомъ; послѣдній, сообщая интересныя свѣдѣнія о жизни Аванасія до его патріаршества, страдаетъ такимъ многословіемъ, что издатель въ нѣкоторыхъ мѣстахъ позволилъ себѣ сокращенія. Языкъ біографа указываетъ на хорошее знакомство съ твореніями Григорія Назіанзіна и на желаніе блеснуть классическимъ образованіемъ. — См. *Byz. Zeitsch.* V. VI, Н. 3—4 (1897). S. 625.

Franz Cumont. *Les Actes de S. Dasius.* Напечатано въ *Analecta Bollandiana* 16 (1897) p. 1—16. — Хотя заключающіеся въ греческомъ парижскомъ кодексѣ XI вѣка № 1539 акты св. Дасія оказываются довольно плохимъ переводомъ латинскаго оригинала, тѣмъ не менѣе они въ соединеніи съ двумя сообщеніями изъ *Martyrologium Hieronymianum* позволяютъ считать историческимъ фактомъ то обстоятельство, что римскій солдатъ Дасій, отказавшись исполнять выпавшую по жребію на его долю роль «царя» въ праздникѣ Сатурналій, былъ осужденъ какъ христіанинъ и 20 ноября 303 года обезглавленъ въ Аксіополѣ въ Мезіи. Кюмонъ кромѣ парижскаго текста издалъ два короткихъ сообщенія о Дасіи изъ Синаксаріевъ: 1) *Menol. Basil. Synax. Sirm.*, 2) *cod. Ambros. D. 74 Sup. S. XI.* — См. *Byz. Zeitsch.* V. VI, Н. 3—4 (1897), S. 626.

Le Comte Couret. *La prise de Jérusalem par les Perses en 624.* Trois documents nouveaux. Orléans, H. Herluison, 1896, 46 стр. Также напечатано въ *Revue de l'Orient chrétien.* 2 (1897) p. 125—164. — Издатель трехъ (собственно двухъ) новыхъ документовъ для исторіи взятія Іерусалима Персами извѣстенъ уже давно своимъ сочиненіемъ «*La Palestine sous les empereurs grecs*» (Grenoble 1869). Теперь онъ издалъ: 1) на основаніи *Cod. Paris. lat. 3282* анакреонтическую оду патріарха Софронія съ небольшимъ прибавленіемъ, которое Курэ считаетъ вторымъ документомъ, тогда какъ другой издатель этой оды на основаніи того же кодекса и съ тѣмъ же прибавленіемъ сливаетъ послѣднее съ одой, видя въ немъ лишь простой припѣвъ; см. *Leo Ehrhard u. W. Studemund. Programm*

des katholischen Gymnasiums zu Strassburg, 1887; 2) находящийся въ Cod. Paris. Arab. 262 арабскій рассказъ объ этомъ событіи, представляющій изъ себя переводъ греческаго текста, издатель приводитъ въ оригиналѣ (последній напечатанъ только въ Revue de l'Orient chrétien) и сообщаетъ обработанный ориенталистомъ Jacques Broydѣ французскій переводъ арабской версии. Греческій текстъ «contracté et défiguré par les abréviations» разобралъ извѣстный парижскій палеографъ Н. Lebègue, а объяснить его взялъ на себя трудъ первый знатокъ греческаго языка въ Орлеанѣ Н. Anatole Bailly. Отсюда видно, что для самого издателя работы оставалось не особенно много. — См. Byz. Zeitsch. B. VI, N. 3—4 (1897), S. 629—630.

E. Rey, *Résumé chronologique de l'histoire des princes d'Antioche*. Напечатано въ Revue de l'Orient Latin 4 (1896) p. 321—407. — Извѣстно, что Греки владѣли Антиохіей съ 969 по 1084 годъ, такъ что, когда 3 іюня 1098 года крестоносцы овладѣли этимъ городомъ, въ немъ три четверти населенія было греческимъ. Рей даетъ основательно составленный очеркъ исторіи Антиохійскаго княжества, въ которомъ выясняются отношенія къ византійскому государству и къ греческому населенію Антиохіи. — См. Byz. Zeitsch. B. VI, N. 3—4 (1897), S. 632.

E. Blochet, *L'Histoire d'Alep de Kamal-ad-Din. Version française d'après le texte Arabe*. Напечатано въ Revue de l'Orient Latin, 4 (1896) p. 145—225. — Объ этомъ переводѣ, продолженіе котораго еще будетъ слѣдовать, можно упомянуть, потому что содержаніе историческаго сочиненія Кемаледдина имѣетъ также нѣкоторое отношеніе и къ византійской исторіи. — См. Byz. Zeitsch. B. VI, N. 3—4 (1897), S. 632.

N. Iorga, *Philippe de Mézières, 1327—1405, et la croisade au XIV siècle*. Paris, E. Bouillon. 1896. XXXIV—555 ст. — Рецензія появилась въ Revue de l'Orient Latin 4 (1896), p. 421—423.

N. Iorga, *Notes et extraits pour servir à l'histoire des croisades au XV siècle*. Напечатано въ Revue de l'Orient Latin. 4 (1896) p. 226—320. — Въ этомъ продолженіи своихъ научныхъ изслѣдованій (см. Byz. Zeitsch. VI S. 464) авторъ даетъ богатые извлеченія изъ документовъ венеціанскаго, генуэзскаго и другихъ архивовъ, которые бросаютъ новый свѣтъ на отношенія итальянскихъ республикъ къ магометанскимъ государствамъ, а также и на нѣкоторые факты византійской исторіи, напр. на путешествіе по Западу императора Мануила Палеолога, и на географію и этнографію прежнихъ византійскихъ странъ. — См. Byz. Zeitsch. B. VI, N. 3—4 (1897), S. 633.

L. de Mas Latrie, *Documents concernant divers pays de l'Orient Latin 1382—1413*. Напечатано въ Bibliothèque de l'École des chartes. 58 (1897) p. 78—125. — Публикація недавно умершаго Mas-Latrie заключаетъ въ себѣ семь списанныхъ покойнымъ Michel Perret документовъ изъ Венеціанскихъ архивовъ (№ 3 и 7 на итальянскомъ, прочіе на латинскомъ языкѣ), касающихся отношеній Венеціи съ одной стороны, — Морей, Кипра

и Аѳинъ съ другой. Эти публикаціи служатъ прекраснымъ дополненіемъ къ изданіямъ Шафарика (*Acta archivii Veneti, Belgrad 1860*) и Саэы (*Documents inédits, Paris 1880—1883*. — См. *Byz. Zeitsch.* В. VI, Н. 3—4 (1897) S. 633.

A. D. Xéropol. *Histoire des Romains de la Dacie Trajane depuis les origines jusqu' à l'union des principautés en 1859.* Съ предисловіемъ Альфреда Рамбо. Paris. E. Leroux 1896. 2 тома.—Рецензія написана I. B. Bury въ *The English Historical Review* 12 (1897) p. 330—333.

Carra de Vaux. *Les souvenirs du concile de Florence.* Напечатано въ *Revue de l'Orient chrétien* 2 (1897) p. 69—93. — Пребываніе автора во Флоренціи навело его на мысль дать описаніе собора 1439 года; къ статьѣ приложено два рисунка, именно 1) могила умершаго во время Флорентійскаго собора константинопольскаго патріарха и 2) картина поклоненія волхвовъ въ часовнѣ Palazzo Piccardi.—См. *Byz. Zeitsch.* В. VI, Н. 3—4 (1897), S. 635.

A. d'Avril. *Bulgarie chrétienne. Première partie. Eglises Bulgares.* Напечатано въ *Revue de l'Orient chrétien* 2 (1897) p. 5—40.—Авторъ этой работы рассказываетъ судьбу болгарской церкви начиная съ приписываемаго Дамасу I основанія папскаго викаріата въ Фессалоникѣ до отмѣны болгарскаго патріархата Охриды (1767) и Тернова. — См. *Byz. Zeitsch.* В. VI, Н. 3—4 (1897), S. 635.

André Ferradou. *Des Biens des monastères à Byzance.* Bordeaux. 1896. 254 стр.—Книга Ферраду, имѣющая своимъ содержаніемъ интересный вопросъ о монастырскихъ имѣніяхъ въ Византіи, распадается на двѣ части. Первая часть (с. 11—69), озаглавленная *Histoire des biens des monastères*, излагаетъ вкратцѣ исторію развитія монастырской жизни въ Византіи, начиная съ возникновенія монастырей и кончая завоеваніемъ Константинополя Турками. Вторая часть (с. 71—248) «*Du régime des biens des monastères*» занимается вопросами объ основаніи монастырей, о различныхъ ихъ видахъ; авторъ различаетъ монастыри самостоятельные (*autodespotes*), императорскіе, патріаршіе, метрополичьи, епископальныя, монастыри, находящіеся въ зависимости отъ другого богоугоднаго учрежденія, и, наконецъ, монастыри, которые были собственностью частнаго лица. Далѣе авторъ книги касается вопросовъ о монастырскомъ патронатѣ, объ источникахъ монастырскихъ имѣній, объ ихъ администраціи, отчужденіи, привилегіяхъ и т. д. Очень было-бы желательно, чтобы это сочиненіе подверглось критикѣ специалиста, который бы выставилъ какъ достоинства, такъ и недостатки этого труда; послѣднихъ, вѣроятно, найдется не мало.

Lucien Magne. *Mistra.* Напечатано въ *Gazette des beaux-arts* 478, livraison (1 avril 1897) p. 301—313 съ семью изображеніями въ текстѣ и однимъ цвѣтнымъ рисункомъ.—Въ этой статьѣ, гдѣ Magne довольно подробно останавливается на фрескахъ, которыя сохранились въ отдѣльныхъ церквахъ Мистры, онъ кончаетъ свою работу, о началѣ которой

было сдѣлано упоминаніе нами выше.—См. *Byz. Zeitsch.* В. VI, Н. 3—4 (1897), S. 641.

G. Botti. *Fouilles à la colonne Théodosienne* (1896). Mémoire présenté à la Société archéologique d'Alexandrie. 1897. 142 стр. съ иллюстраціями въ текстѣ.—Ботти, дѣятельный консерваторъ греко-римскаго музея въ Александріи, съ помощью александрійскаго археологическаго общества, принялъ раскопки у подножія такъ называемой колонны Помпея. Послѣднее имя было дано этой колоннѣ на основаніи неясной надписи фундамента. Ботти увѣренъ, на что указываетъ заглавіе его работы, что колонна есть произведеніе династіи Θεодосія.—См. *Byz. Zeitsch.* В. VI, Н. 3—4 (1897), S. 639.

Charles Diehl. *Mosaïques byzantines de Saint Luc.* Напечатано въ *Monuments et Mémoires publiés par l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, deuxième fascicule du Tome III (fondation Eugène Piot) 1896.* р. 1—18.—Эта работа Дияля представляетъ изъ себя комментарий къ фотографіямъ Millet; изъ послѣднихъ въ нее вошли Воскресеніе (таб. XXIV), Христосъ, св. Лука и неизвѣстный святой (XXV): въ текстѣ помѣщены св. Димитрій и общій видъ мозаичныхъ украшеній главнаго апсида. Дияль разсуждаетъ о типѣ Воскресенія и объ измѣненіи иконъ подѣ влияніемъ монашескаго направленія въ XI вѣкѣ и выводитъ отсюда новыя данныя для своего датированія мозаикъ св. Луки, которыя онъ относитъ къ первымъ годамъ XI вѣка.—См. *Byz. Zeitsch.* В. VI, Н. 3—4 (1897), S. 640.

H. Hubert. *Observations sur la chronologie de Théophane et de quelques lettres des papes (726—774).* Напечатано въ *Byzantinische Zeitschrift.* В. VI, Н. 3—4 (1897), S. 491—505.—Имѣя въ виду уже давно замѣченныя ошибки въ хронографіи Θεοφана за время Льва III и Константина V Копронима, гдѣ годы Θεοφана не согласуются съ его индикціонами, авторъ статьи, обращая вниманіе на то, что при Львѣ III въ 726 году индикціонъ былъ императорскимъ декретомъ удвоенъ, и пользуясь хронологическими указаніями, почерпаемыми изъ писемъ современныхъ папъ, старается исправить хронологию Θεοφана.

H. Castonnet-Des-Fosses. *L'Abyssinie et les Italiens.* Paris. 1897. 394 стр.—Въ этой не претендующей на ученое значеніе книгѣ можно найти главы, касающіяся введенія христіанства въ Абиссиніи и ея отношеній къ Византіи въ царствованіе императоровъ Юстина I и Юстиніана Великаго, т. е. въ VI вѣкѣ.

Подробныя рецензіи появились на книги:

Charles Diehl. *L'Afrique byzantine, histoire de la domination byzantine en Afrique (538—709).* Paris 1896. Рец. **Gabriel Millet** въ *Revue historique* LXIV, 1897.

Gustave Schlumberger. *L'épopée byzantine a la fin du X siècle.* Paris 1896. Рец. **Gabriel Millet** въ *Revue historique* LIII, 1897.

А. Васильевъ.

ИТАЛІЯ.

Solone Ambrosoli. *Vocabolario dei Numismatici.* Milano, Ulrico Hoepli 1897. VII—134 стр. — Амброзоли въ своей небольшой книжкѣ даетъ возможность начинающему заниматься нумизматикой ориентироваться въ нумизматической терминологіи. Авторъ принимаетъ въ расчетъ семь языковъ: итальянскій, нѣмецкій, французскій, англійскій, испанскій, латинскій и новогреческій. — См. Byz. Zeitsch. B. VI (1897), N. 2, S. 468.

Orazio Marucelli. *Le recenti scoperte nel duomodi Parenzo.* Напечатано въ Nuovo Bulletin di Archeologia Cristiana II, № 1—3, стр. 1—31 отдѣльнаго оттиска, съ таблицами. — См. Byz. Zeitsch. B. VI (1897), N. 2, S. 467.

Bessarione. *Pubblicazione periodica di studi orientali.* Roma-Siena, Tipografia S. Bernardino in Siena 1896—1897. Anno I (1896—1897) № 7—12. — Характеръ публикацій Bessarione остался такимъ-же, какъ и въ первыхъ своихъ шести номерахъ, т. е. этотъ журналъ обращаетъ главное вниманіе на современный вопросъ о церковной униіи и на настоящее положеніе различныхъ восточныхъ церквей. Иногда впрочемъ встрѣчаются въ этомъ журналѣ статьи, ничего общаго не имѣющія съ его программой; такъ напр. Исслѣдованіе о Гомерѣ (с. 382 sq.), которое помѣщено здѣсь съ цѣлью «d'infiorare le gravi pagine del Bessarione di qualche amenità letteraria». Къ статьямъ, имѣющимъ отношеніе къ Византии, можно отнести слѣдующія: I sette dormienti (la leggenda greca и т. д.); I Pontefici Romani nella liturgia greca; La fête de l'Épodo; dans l' Eglise grecque; Il funerale greco; Alcune ricerche sulla vita del Bessarione; Bizanzio ed Alessandria nella storia del Giacobitismo; Mesrob e l'alfabeto Armeno; Le 28-e canon de Chalcedoin; L'elezione del Patriarca greco-ortodosso di Costantinopoli; Del luogo del martirio e del sepolcro dei Maccabei; La polemica religiosa in Oriente. — См. Byz. Zeitschrift. B. VI, N. 3—4 (1897), S. 605—606.

N. Festa. *Indice de' codici greci di Luca e di Pistoia.* Напечатано въ Studi italiani di filologia classica. 5 (1897) p. 221—228. — Греческія рукописи городовъ Лукки и Пистойи, каталогъ которыхъ изданъ Феста, не имѣютъ научнаго значенія. Можно отмѣтить только Codex изъ Лукки № 7, который заключаетъ въ себѣ шесть tavole nautiche XVI столѣтія съ греческой легендой. — См. Byz. Zeitsch. B. VI. N. 3—4 (1897), S. 613—614.

C. Castellani. *Il prestito dei codici manoscritti della biblioteca di S. Marco in Venezia ne' suoi primi tempi e le conseguenti perdite dei codici stessi.* Напечатано въ Atti del Reale Istituto Veneto di scienze, lettere ed arti, tomo 8, serie VII 1896—1897, p. 311—377. — Извѣстно, что кардиналъ Виссаріонъ подарилъ свою богатую библіотеку Венеціанской республикѣ съ тѣмъ условіемъ, чтобы его рукописи выдавались только по внесеніи извѣстнаго залога и никогда не выдавались за границу. Каstellани из-

далѣ и объяснигь два регистра XVI вѣка, которые даютъ понятіе о практиковавшейся на самомъ дѣлѣ системѣ выдачи рукописей и доказываютъ, что распоряженіе Виссаріона не привело къ желаннымъ результатамъ; послѣднее мы видимъ изъ приведеннаго у Кастеллани интереснаго перечня утерянныхъ бібліотекою св. Марка рукописей и указанія ихъ настоящаго мѣстонахожденія. — См. *Byz. Zeitsch.* B. VI, H. 3—4 (1897), S. 614.

⟨Н. Grisar⟩. *Una imitazione dell' Apostoleion di Costantinopoli a Roma nel VI secolo.* Il primitivo altare nella basilica romana dei SS. XII Apostoli. La scoperta delle reliquie dei SS. Apostoli Filippo e Giacomo nel 1873. Le Tre Fontane, luogo della decapitazione di San Paolo, e i monaci greci introdotti nel VI secolo. Напечатано въ *La Civiltà Cattolica*, Anno 48, Serie XVI, Vol. X, Quaderno 1126 (1897) p. 467—479. — Въ первой замѣткѣ идетъ рѣчь о построенной въ Римѣ папами Пелагіемъ I (556—561) и Іоанномъ III (561—574) церкви во имя апостоловъ Филиппа и Іакова, которая послужила образцомъ для церкви Апостоловъ въ Константинополѣ. Содержаніе послѣдующихъ замѣтокъ достаточно ясно изъ подробнаго заглавія. — См. *Byz. Zeitsch.* B. VI, H. 3—4 (1897), S. 639—640.

⟨Н. Grisar⟩. *L'omoforio o pallio Sacro di Grottaferrata.* Напечатано въ *La Civiltà Cattolica*, Anno 48, Serie XVI, Vol. X, Quaderno 1118 (1897) p. 220—226. — Описаніе съ изображеніями. — См. *Byz. Zeitsch.* B. VI, H. 3—4 (1897), S. 641.

G. Mercati. *Il Palimpsesto Ambrosiano dei Basilici.* Rendiconti del Reale Istituto Lombardo di scienze e lettere, Serie II, Vol. 30 (1897), 21 стр. — Codex Ambros. F. 106. Sup., заключающій въ себѣ между прочимъ изложеніе тридцати трехъ гомилій императора Льва Мудраго, представляетъ изъ себя сплошной палимпсестъ. Въ первоначальномъ текстѣ находятся остатки церковнаго гимна, житія неизвѣстнаго Святого, разсказа о чудѣ св. Димитрія и синаксаря; но большая часть листовъ палимпсеста содержитъ въ себѣ текстъ Базиликѣ въ элегантномъ минускульномъ письмѣ X вѣка, который является древнѣйшимъ до сихъ поръ намъ извѣстнымъ кодексомъ Базиликѣ. Меркати, разобравъ весь столь трудный для чтенія палимпсестъ, даетъ точное описаніе этой части рукописи. — См. *Byz. Zeitsch.* B. VI, H. 3—4 (1897), S. 644.

C. Ferrini. *I commentarii di Gaio e l'indice greco delle Istituzioni.* Напечатано въ *Byzantinische Zeitschrift.* B. VI, H. 3—4 (1897), S. 547—565. См. выше.

А. Васильевъ.

АНГЛІЯ.

Samuel Krauss. *Marinus a Jewish philosopher of antiquity.* Напечатано въ *The Jewish Quaterly Review* 9 (1897) стр. 518—519. — Авторъ этой замѣтки хочетъ видѣть въ Маринѣ, извѣстномъ биографѣ Прокла, еврея. — См. *Byz. Zeitschrift.* B. VI, H. 3—4 (1897) S. 595.

Alfred Gudeman. *Conjectural restoration of the so-called Carmen Gothicum.* Напечатано въ *Americana Germanica*. Vol. I (1897), p. 45—53.—Авторъ статьи, не будучи знакомымъ съ новой основательной работой Крауза (*Carl Kraus*. *Das Gotische Weihnachtsspiel*. 1895. См. *Byz. Zeitsch.* V. VI, H. 1, S. 201), конечно, не могъ быть на высотѣ своей задачи; онъ въ основаніе своей работы полагаетъ сочиненія К. Мюллера въ *Zeitschrift für deutsche Philologie* (V. XIV. 1882) и Руд. Кегеля (Kögel) *Geschichte der deutschen Litteratur I* (Strassburg, 1894, стр. 34—39), которыя послѣ работы Крауза, напечатанной въ *Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Litteratur* (V. XX, 1895, S. 224—257), уже не имѣютъ своего прежняго значенія. Поэтому оказывается, что нѣкоторыя изъ догадокъ г. Гудемана еще ранѣ появленія ихъ въ печати были уже предвосхищены и опровергнуты Краузомъ. Но то, къ чему г. Гудеманъ приходитъ, основываясь на выше упомянутыхъ двухъ своихъ предшественникахъ, заслуживаетъ одобренія.—См. *Byz. Zeitsch.* V. VI, H. 3—4 (1897) S. 600.

Benj. Ide Wheeler. *The question of language-standart in Modern Greek.* Напечатано въ *The American Journal of Philology* 18 (1897) p. 19—25.—Эта небольшая статья заключаетъ въ себѣ замѣчанія къ вопросу о новогреческомъ языкѣ и нѣкоторыхъ пособіяхъ для изученія послѣдняго.—См. *Byz. Zeitsch.* V. VI, H. 3—4 (1897), S. 618.

Allan Menzies. *Ante-Nicene Christian Library.* Additional volume, containing early christian works discovered since the completion of the series, and selections from the commentaries of Origen. Edinburgh, Clark, 1897. VII+533 стр.—Въ этотъ дополнительный томъ къ двадцати четыремъ томамъ англійскаго перевода доникейскихъ христіанскихъ писателей вошли также нѣкоторыя произведенія, которыхъ доникейское происхожденіе является нѣсколько сомнительнымъ, какъ напр. Завѣщаніе Авраама.—См. *Byz. Zeitschr.* V. VI, H. 3—4 (1897), S. 619.

W. M. Ramsay. *The cities and bishoprics of Phrygia*, being an essay of the local history of Phrygia from the earliest times to the Turkish conquest. Vol. I. Part II. West and West-Central Phrygia. Oxford, at the Clarendon-Press. 1897. XVI, 353—792 стр.—Этотъ новый капитальный трудъ извѣстнаго англійскаго ученаго, представляя изъ себя вторую часть перваго тома, появленіе первой части котораго было отмѣчено уже на страницахъ Византійскаго Временника (см. т. III стр. 199—200), даетъ исторію Фригіи отъ древнѣйшихъ временъ до турецкаго завоеванія. Главная часть книги посвящена христіанскому времени Фригіи, которое такъ важно для византійскихъ изслѣдованій; пользуясь надписями и литературными источниками Рамзай рисуетъ живую картину исторіи Фригіи. Интересна очень глава о надписи Аверкія, которую Рамзай считаетъ вопреки Дитериху христіанской. Эта часть заключаетъ въ себѣ исторію области источниковъ Меандра, центральную Фригію, особенно города Eumeneia и Kelainai-Arameia и орошаемое правыми притоками

Меандра плоскогоріе, такъ что для второго тома остается еще больше, чѣмъ половина территоріи Фригіи. Къ книгѣ приложены три карты, двѣ монетныхъ таблицы и много рисунковъ въ текстѣ. — См. *Byz. Zeitsch.* V. VI, N. 3—4 (1897), S. 635.

J. V. Burg. *Iveron and our Lady of the Gate.* *Hermathena* 10 (1897) p. 71—99. — Англискій ученый Burg въ своей новой небольшой работѣ разбираетъ три источника, касающіеся основанія Иверскаго монастыря на Аеонѣ и хранящейся тамъ извѣстной иконы Божьей Матери Портантисса, которая находится надъ входными воротами въ монастырь, именно: 1) грузинское житіе св. Евеимія, рукопись котораго хранится въ С.-Петербургскомъ Азіатскомъ Музеѣ; этимъ житіемъ пользовался еще Броссе въ своей «*Histoire de la Géorgie*», но, къ сожалѣнію, не перевелъ его цѣлкомъ, а въ новѣйшее время Шлумбергеръ въ своей недавно выпедшей «*L'Épopée byzantine*». 2) Греческій рассказъ (Διήγησις), еще не изданный, въ Московской синодальной библиотекѣ (Cod. Mosq. Syn. 436; № 404 по каталогу арх. Владимира), ошибочно названный Броссе, а за нимъ и Шлумбергеромъ *Vita S. Euthymii*. 3) Родственный московскому тексту греческій рассказъ (Υπόμνημα) въ Cod. 10 въ Lincoln College Оксфорда. Безъ всякаго сомнѣнія, оба греческихъ текста имѣютъ между собою очень близкое сходство; но былъ-ли διήγησις основаніемъ для ὑπόμνημα, или, что вѣроятнѣе, оба рассказа исходятъ изъ одного общаго источника, и былъ-ли, наконецъ, этимъ общимъ источникомъ грузинскій оригиналъ или его греческій переводъ, — на всѣ эти вопросы Burg не рѣшается отвѣтить до изданія московскаго текста и надѣется, что «проф. Помяловскій или кто-нибудь другой изъ многочисленнѣхъ русскихъ византинистовъ найдутъ время для его изданія» (p. 77). Оксфордскій текстъ, который въ греческомъ подлинникѣ изданъ Burg въ концѣ его статьи (p. 86—99), можетъ быть раздѣленъ на шесть слѣдующихъ частей:

1) Въ началѣ говорится о торжествѣ христіанства при Константинѣ Великомъ и о томъ, что уже съ этого времени монахи начали селиться и строить храмы на горѣ Аеонѣ (§ 1).

2) Рассказъ о св. Петрѣ, которому явившаяся во снѣ Богоматерь съ Сыномъ велитъ итти и поселиться на горѣ Аеонѣ (§ 2).

3) О построеніи Лавры св. Аеанасіемъ, о приходѣ на Аеонъ иверійца Іоанна и его сына Евеимія, котораго отецъ привелъ туда изъ Константинополя (§ 3).

4) О томъ, какъ Торникій явился на Аеонъ, какъ онъ, по требованію императрицы Теофано, отправился въ Иверію и съ помощью иверійскихъ войскъ одержалъ блестящую побѣду надъ Склиромъ, слѣдствіемъ которой было основаніе иверійскаго монастыря (§§ 4—5).

5) Исторія иконы Богородицы въ Никеѣ и ея чудеснаго появленія въ Иверійскомъ монастырѣ (§§ 6—10).

6) Чудеса, приписываемыя иконѣ Божьей Матери (§§ 6—10).

Въ разказѣ объ одномъ изъ чудесъ упоминается о мусульманскомъ нападѣнн, которое было связано съ экспедиціей на Константинополь. Вугу видить здѣсь завоеваніе его турками въ 1453 году и поэтому говоритъ, что изъ этого можно было бы заключить, что *ὑπόμνημα* составлено не раньше конца XV вѣка.

J. В. Вугу. *Inedita Nicephori Blemmydae*. Напечатано въ *Byzantinische Zeitschrift*. В. VI, Н. 3—4 (1897), S. 526—537. — Недавно появившееся изданіе Гейзенберга (Heisenberg) автобіографіи Никифора Влеммиды и его поэтическихъ произведеній побудило Вугу опубликовать два до сихъ поръ еще неизданныхъ его текста изъ *Codex Vaticanus 131*. Первый текстъ представляетъ изъ себя письмо Никифора къ Михаилу II, эпирскому деспоту, съ которымъ онъ познакомился въ бытность свою въ Македоніи и Фессаліи въ 1238/9 году; второй же—гимнъ съ акростихомъ въ честь Григорія Чудотворца, находящійся въ томъ же кодексѣ f. 360. Въ концѣ своей публикаціи Вугу исправляетъ одно мѣсто въ каталогѣ Кокса (Coxe) *Catalogi codicum manuscriptorum bibliothecae Bodlejanae. Pars prima, recensioem codicum graecorum continens*. Oxonii 1853; надо читать такъ: 8) *Blemmydae Epitome physica*, fol. 64—111 v и 112 v. 9) *Notitia brevis de S. Paulo Apostolo*, fol. 112 r (позднѣйшая, не имѣющая никакого значенія вставка). 10) *Petri Damasceni tractatus quattuor*, fol. 113 r.

Fred. C. Conybeare. *Ananias of Shirak (A. D. 600—650)*. Напечатано въ *Byzantinische Zeitschrift*. В. VI, Н. 3—4 (1897), S. 572—584. — Conybeare даетъ два произведенія армянскаго ученаго первой половины VII вѣка Анаанія въ англійскомъ переводѣ. Первое произведеніе представляетъ изъ себя очень интересную автобіографію ученаго, который въ поискахъ за истиннымъ знаніемъ и наукой изъ Арменіи пришегъ въ Константинополь, откуда его отправили въ Трапезунтъ къ извѣстному «учителю Византіи, исполненному мудрости и знающему армянскую литературу» Тихику (Tuchicus). Послѣдній, рассказывая Анаанію свою прошлую жизнь, сообщаетъ о своемъ посѣщеніи Антиохіи, Іерусалима, Александріи, Рима, Константинополя и Аѳинъ. Второе произведеніе имѣетъ своимъ содержаніемъ трактатъ на праздникъ Пасхи.

А. Васильевъ.

ГРЕЦІЯ и ТУРЦІЯ.

Φωτίου πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως ἐγκώμιον εἰς τὴν ἁγίαν πρωτομάρτυρα Θεόκλην ἐκδ. ὑπὸ Σ. Ἀριστάρχου [Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια XVI, 1896, стр. 21—29].—Г. Аристархи, великій логоветъ вселенскаго патриархата, напечаталъ здѣсь новый неизданный трудъ патриарха Фотія, именно похвальное слово св. Θεоклѣ. Изданіе это сдѣлано по рукописи Московской Синодальной (бывшей Патриаршей) бібліотеки 1022 года № 162 (Влад. № 380) и по другой рукописи XVII вѣка, хранящейся въ Иверскомъ

монастырѣ на Аѳонѣ. Въ предисловіи издатель выражаетъ мнѣніе, что это похвальное слово патріархъ Фотій произнесъ 24-го сентября 865 года, когда Фекла, сестра Василя Македонянина, вышла замужъ за императора Михаила III.

Александръ Е. Лавріотъ (Ἀλέξανδρος Ἐ. Λαυριώτης), Συλλογὴ τῶν διαφορῶν ἐκκλησιαστικῶν ἀκολουθιῶν [Ἐκκλ. Ἀλήθεια 1895, стр. 164—166].—Подъ этимъ заглавіемъ Лаврскій монахъ на Аѳонѣ Александръ напечаталъ по рукописи Аѳонской Лавры № А. 165 текстъ одного послѣдованія вечерни въ большіе праздники въ стихахъ. О времени написанія рукописи издатель ничего не сообщаетъ. Объ этой вечернѣ много говоритъ Симеонъ Солунскій, сообщеніе котораго и перепечаталъ о. Александръ въ Ἐκκλ.σ. Ἀλήθεια, т. XVI, 1896 г. стр. 37—39.

Александръ Е. Лавріотъ (Ἀλέξανδρος Ἐ. Λαυριώτης), Ἀκολουθία ψαλλομένη τῇ Κυριακῇ τῶν Ἀγίων Πατέρων πρὸ τῆς τοῦ Χριστοῦ γεννήσεως, ἧτοι τῆς καμίνου [Ἐκκλ.σ. Ἀλήθεια, 1895, стр. 345—346].—Здѣсь напечатанъ по рукописи Аѳонской Лавры № А. 165 текстъ чина печнаго дѣйствія (τῆς καμίνου), совершившагося въ позднѣйшія византійскія времена въ воскресный день предъ Рождествомъ Христовымъ. Въ этотъ день совершался праздникъ отроковъ въ печи, причемъ отроки облеченные въ бѣлое платье дѣйствительно вступали въ нарочно зажженную печь. А. Дмитріевскому, который въ статьѣ своей «чинъ печнаго дѣйствія: историко-археологическій этюдъ», помѣщенной въ первомъ томѣ (1894 г.) Византійскаго Временника, разъяснялъ византійское происхождение этого обряда, употреблявшагося въ древне-русской церкви, рукопись Аѳонской лавры оставалась неизвѣстною.

Іоакимъ Форопулъ (Ἰωακείμ Φορόπουλος). Ἀκριβὴς καθορισμὸς τοῦ χρόνου τῆς ἐν τῷ οἰκουμένῳ θρόνῳ τοποτηρηθείας τοῦ πατριάρχου Ἀλεξανδρείας Μελετίου τοῦ Πηγᾶ [Ἐκκλ.σ. Ἀλήθεια, XVI, 1896, стр. 14—15].—Іоакимъ Форопулъ, архимандритъ и архивофилаксъ Константинопольскаго патріархата, приводитъ здѣсь убѣдительное свидѣтельство о томъ, что Мелетій Пигасъ былъ мѣстоблюстителемъ Константинопольскаго патріарха не до 1599 года, какъ сказано въ Πατριαρχικὸὶ Πίνακες г. Гедеона (стр. 540), но до марта мѣсяца 1598 года, и что съ апрѣля мѣсяца патріархомъ сдѣлался Матѳей II во второй разъ.

Александръ Е. Лавріотъ (Ἀλέξανδρος Ἐ. Λαυριώτης), Ἱστορικὰ ἐκ τοῦ ὑπ' ἀριθμὸν 185 τεύχους τῆς ἱερᾶς μονῆς Μ. Λαύρας [Ἐκκλ.σ. Ἀλήθεια, т. XVI, 1896, стр. 118—119].—Здѣсь приведенъ небольшой текстъ изъ рукописи № 135 Лавры, заглавіе котораго слѣдующее: «Περὶ τῶν Φράγγων. πῶς ἐσχίσθη ἡ ἐκκλησία τῆς Ῥώμης ἀπὸ τῶν τεσσάρων πατριαρχῶν, τῆς Κωνσταντινουπόλεως καὶ τῶν λοιπῶν». О. Александръ не говоритъ здѣсь ни о времени написанія рукописи, ни о томъ, какая это рукопись. Однако этотъ текстъ уже изданъ въ 1869 г. Hergenröther'омъ [Monumenta graeca ad Photium ejusque historiam pertinentia p. 154—163], и за тѣмъ по рукописи Московской Синодальной библіотеки проф. А. С. Павловымъ въ

его «Критическихъ опытахъ по исторіи древнѣйшей греко-русской полемики противъ латинянъ» (С.-Петербургъ, 1878), см. приложение II (стр. 132—134). Лаврская рукопись только увеличиваетъ число извѣстныхъ уже разностей текста до 10-й главы.

Іоаннѣмъ Форопуль, архимандритъ (Ἰωακείμ Φορόπουλος ἀρχιμανδρίτης), 'H πατριαρχεία Θεολήπτου β' τοῦ ἀπὸ Φιλίππουπόλεως (1585—86) κατὰ δύο ἔτη ἐπεκτεινομένη [Ἐκκλησ. Ἀλήθεια, XVI, 1896, стр. 156—158].—Въ этой статейкѣ архимандритъ Іоакимъ опровергаетъ Мануила Гедеона, который патріаршество вселенскаго патріарха Θεολίπτα II ограничиваетъ однимъ только годомъ (1585—1586). О. Іоакимъ приводитъ свидѣтельство одного сигиллія въ доказательство того, что Θεολίπтъ продолжалъ патріаршествовать до 1588 года. Вопросъ возбужденный здѣсь архимандритомъ Іоакимомъ имѣетъ связь съ такими событіями, которыя вызвали большую переменъ лицъ въ управленіи патріархата между 1585 и 1592 годами. Однако, ни Гедеонъ, ни архим. Іоакимъ не обратили на это вниманія. Мы надѣемся въ близкомъ будущемъ заняться этимъ вопросомъ въ особомъ изслѣдованіи.

Іоаннѣмъ Форопуль (Ἰωακείμ Φορόπουλος), 'H πατριαρχεία Θεολήπτου β' τοῦ ἀπὸ Φιλίππουπόλεως (1585—15) [Ἐκκλησ. Ἀλήθεια, XVI 1896, стр. 195—196].—Этo дополнительные замѣчанія къ вышеприведенной статейкѣ о патріархѣ Θεολίптѣ II. Здѣсь архимандритъ Іоакимъ приводитъ отрывокъ одного сигиллія патріарха Аноѣма IV, изъ котораго видно, что Θεολίптъ II патріаршествовалъ и въ 1591-мъ году. Архимандритъ Іоакимъ не знаетъ, что это было намъ извѣстно давно изъ одного письма Кіевскаго епископа Максима Маргунія къ Θεολίπτу. Это письмо написано въ августѣ 1591 года и издано Саею въ Βιογραφικὸν σχεδίασμα περὶ τοῦ πατριάρχου Ἰερεμίου β'. Ἐν Ἀθήναις 1870, стр. 134—135. Приведенное архимандритомъ Іоакимомъ новое свидѣтельство просто подтверждаетъ хронологію упомянутаго письма. Изъ одного неизданнаго письма Александрійскаго патріарха Мелетія Пигаса мы знаемъ, что Θεολίптъ былъ патріархомъ въ Константинополѣ также и въ 1592 году. Дѣло заключается въ томъ, что Θεολίптъ какъ тогда, такъ и раньше былъ не каноническимъ патріархомъ Константинопольскимъ, а просто мѣстоблюстителемъ отсутствующаго каноническаго патріарха Іеремія II, а этого не поняли ни архимандритъ Іоакимъ, ни Гедеонъ.

Христосъ Папаіоанну (Χρῖστος Παπαιωάννου), 'Ο γνήσιος Γενναδίου τοῦ Σχολαρίου λόγος «περὶ τῆς μόνης ὁδοῦ πρὸς τὴν σωτηρίαν τῶν ἀνθρώπων» [Ἐκκλησ. Ἀλήθεια, XVI, 1896, стр. 194—195, 203—206, 210—212, 219—222, 227—229].—Извѣстно, что первый турецкій султанъ въ Константинополѣ Магометъ II, въ обезпеченіе свободы исповѣданія православной восточной церкви въ своемъ государствѣ послѣ прекращенія власти Палеологовъ, пожелалъ по примѣру своихъ предшественниковъ—христіанскихъ императоровъ, чтобы избранъ былъ патріархъ православный и что для этого поста онъ предпочелъ Геннадія Схολарія. Панегиристъ султана исто-

рикъ Кривоульъ рассказываетъ, что Магометъ такъ уважалъ Геннадія, что часто посѣщалъ его съ учеными мусульманскими богословами и позволялъ ему производить свободно пренія о христіанской вѣрѣ [Müller, *Fragm. histor. graec. t. V²*, стр. 106—107]. Въ *Historica politica Constantinopoleos* [Crusii, Turcograecia. Tubingae 1584, стр. 16] приведено содержаніе одного слова, которое Геннадій произнесъ въ присутствіи султана: о вѣрѣ и христіанскихъ догматахъ. Въ *Historia ecclesiastica* [ibidem, стр. 109—119] констатируется, что бесѣда Геннадія раздѣлялась на 27 главъ, которыя и приведены тамъ же на греческомъ и турецкомъ языкахъ подъ заглавіемъ: «Τοῦ σοφωτάτου καὶ λογιωτάτου κυροῦ Γενναδίου τοῦ Σχολαρίου καὶ πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως, Νέας Ῥώμης, ὁμιλία ῥηθεῖσα περὶ τῆς ὀρθῆς καὶ ἀμωμήτου πίστεως τῶν χριστιανῶν». Съ XVI вѣка этотъ текстъ всегда считался подлиннымъ исповѣданіемъ вѣры патриарха Геннадія, многократно издавался и сдѣлался знаменитымъ въ богословской наукѣ. Однако нѣмецкій ученый Otto въ *Niedner's Zeitschrift für historische Theologie* 1850, напедъ его недостовѣрнымъ, высказался противъ подлинности текста и въ особенности восьми послѣднихъ главъ. Въ такомъ положеніи оставался вопросъ до 1893 года, когда Albert Jahn въ своихъ *Anecdota graeca Theologica* помѣстилъ Геннадіевъ *Dialogus Christiani cum Iudaeo*. Въ этомъ діалогѣ на стр. 33 Геннадій говорить, что онъ дѣйствительно написалъ сочиненіе «περὶ τῆς μόνης πρὸς τὴν σωτηρίαν τῶν ἀνθρώπων ὁδοῦ», и приводитъ даже и краткое содержаніе его. Г-нъ X. Папаіоанну, пересмотрѣвъ извѣстную уже подъ именемъ Геннадія «ὁμιλία περὶ τῆς ὀρθῆς καὶ ἀμωμήτου πίστεως τῶν χριστιανῶν» и убѣдившись, какъ и Otto, въ томъ, что этотъ текстъ въ такомъ видѣ не достоинъ имени Геннадія, рассмотрѣлъ сочиненія Геннадія, находящіяся въ рукописяхъ въ библиотекѣ Святогробскаго подворья, въ Константинополѣ. Ему посчастливилось въ рукописи за № 35 найти подлинный текстъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Γενναδίου μοναχοῦ καὶ πατριάρχου τῶν τοῦ Χριστοῦ πενήτων περὶ τῆς μόνης ὁδοῦ πρὸς τὴν σωτηρίαν τῶν ἀνθρώπων· ἐξεδόθη δὲ τῷ σουλτάνῳ, αἰτήσαντι μετὰ τὰς ἐνώπιον αὐτοῦ διαλέξεις ἐν τῷ Πατριαρχείῳ τότε γεγενημένας, καὶ μετὰ τοῦτο ἄλλο συντομώτερον ἐξεδόθη ἡρμηνεύθη δὲ ἀμφοτέρω ἀραβικῶς καὶ οὕτως ἐδόθησαν». Изъ этого заглавія видно, что извѣстный уже текстъ со старымъ турецкимъ переводомъ составляетъ только конспектъ обширнаго слова Геннадія къ султану, и что текстъ подлиннаго слова, по мнѣнію г. Папаіоанну, извѣстенъ только изъ этой рукописи. Турецкаго перевода въ этой рукописи нѣтъ, а есть только греческій текстъ, который въ цѣломъ своемъ составѣ носитъ вполне характеръ стиля Геннадіева языка. Г. Папаіоанну теперь издалъ изъ названной рукописи весь этотъ текстъ, такъ что всякій можетъ имѣть изъ него полное понятіе о тѣхъ богословскихъ предметахъ, которыхъ Геннадій касался при преніи предъ султаномъ.

Алекс. Е. Лавріотъ (Αλεξ. Ἐ. Λαυριώτης), Ἀναγραφή τεύχους τῆς ἐν Ἀθῶν βιβλιοθήκης τῆς ἱερᾶς μονῆς Μεγίστης Λαύρας ὑπ' ἀριθ. 171 Θεσ. Β'. [Ἐκκληθ.

Ἀλήθεια, XVI, 1896 г. стр. 222—223, 230—231, 247—248].— Подъ этимъ заглавіемъ о. Александръ даетъ здѣсь описаніе одной рукописи Лавры XII вѣка, а также изданіе одного находящагося въ немъ текста. По этой рукописи Г. Беглери и E. Legrand издали также стихотвореніе Константина Родія: «Ἐκφρασις δι' ἰάμβων στίχων τοῦ ναοῦ τῶν ἁγίων ἀποστόλων καὶ μερικὴ τις διήγησις τῶν τῆς Πόλεως ἀγαλμάτων καὶ τῶν ὑψηλῶν καὶ μεγίστων κιδόνων». Та-же самая рукопись содержитъ еще слѣдующіе византійскіе стихотворные тексты, большею частію безыменные: 1) Канонъ ямбическій на второй гласъ святому Василию великому, произнесенный поэтомъ предъ кесаремъ Иоанномъ; 2) другой ямбическій канонъ св. Иоанну Златоустому на тотъ же гласъ; 3) другой ямбическій канонъ на первый гласъ св. Иоанну Златоустому, составленный нѣкимъ пѣснопѣвцемъ Меркуріемъ; 4) другой ямбическій канонъ на второй гласъ великомученику Θεόδору Тирону, произнесенный патрикію Иоанну Вестѣ; 5) «Μαρτύριον τοῦ ἁγίου μεγαλομάρτυρος Θεοδώρου τοῦ Τήρωνος διὰ στίχων ἰάμβων»; 6) другое «Μαρτύριον τοῦ ἁγίου μεγαλομάρτυρος Θεοδώρου τοῦ Τήρωνος, μεταφρασθὲν διὰ στίχων ἰαμβικῶν παρὰ Μερκουρίου γραμματικοῦ», и 7) «Τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Ἰωάννου τοῦ Χρυσοστόμου λόγος εἰς τὸν εὐαγγελισμὸν τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου, μεταφρασθεὶς διὰ στίχων ἰάμβων». Такимъ образомъ, въ этой рукописи содержится много матеріала въ стихахъ достойнаго печати, въ особенности же пять каноновъ, для сравненія ихъ съ подобными канонами св. Иоанна Дамаскина. О. Александръ изъ всѣхъ вышеназванныхъ текстовъ сообщилъ только текстъ слова св. Иоанна Златоуста на Благовѣщеніе пресвятой Богородицы, переложенный на ямбическіе стихи. Въ этомъ стихотвореніи, по изданію о. Александра, заключается 241 стихъ. Кому принадлежитъ это произведеніе, Меркурію-ли Грамматику или же другому, намъ не извѣстно.

Маргаритъ Е. Цумбалидисъ (Μαργαρίτης Ἐ. Τζουμπαλίδης), Σημείωμα περὶ τῆς ἱερᾶς μητροπόλεως Σισανίου [Ἐκκλησ. Ἀλήθεια, XVI, 1896, стр. 331—332].— Въ этой статейкѣ г. Цумбалидисъ, житель города Сіатиста въ Македоніи, изслѣдуетъ вопросъ о началѣ епархіи Сисанійской и затѣмъ касается списка Сисанійскихъ митрополитовъ, составленнаго митрополитомъ Амасійскимъ Анѳимомъ Алексудисомъ. Этотъ списокъ авторъ находитъ не полнымъ и не точнымъ. На основаніи надписей, диптиховъ и Registre Сисанійской митрополии, г. Цумбалидисъ сообщаетъ полный списокъ митрополитовъ въ числѣ 16-ти, изъ которыхъ древнѣйшій былъ Парѳеній (1639).

Александръ Е. Лавріотъ (Ἀλέξανδρος Ἐ. Λαυριώτης), Βιογραφικαὶ σημεῖωσις περὶ τοῦ ἁγίου Βασιλείου ἀρχιεπισκόπου Θεσσαλονίκης τοῦ ἐξ Ἀθηνῶν. [Ἐκκλησ. Ἀλήθεια, XVI, 1896, стр. 373—375].— Въ этой замѣткѣ монахъ о. Александръ сообщаетъ свѣдѣнія о св. Василиѣ, архіепископѣ Солунскомъ, родомъ изъ Аѳинъ, память котораго празднуется 1-го февраля. Св. Василий— авторъ житія преподобнаго Евѳимія Солунскаго, которое намѣревается издать профессоръ И. В. Помяловскій. Самъ

о. Александръ не говоритъ почти ничего о св. Василиѣ, но ограничивается сообщеніемъ изъ рукописи Аѳонской Лавры двухъ отрывковъ изъ житія преподобнаго Евѳимія, въ которыхъ св. Василиѣ даетъ и о себѣ нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія. О. Александръ держится того мнѣнія, что этотъ именно Василиѣ былъ преемникомъ Меодія въ Солунской архіепископіи въ 995 году.

Матѳей Параника (Ματθαῖος Παρανίκας), Αἱ σχολαὶ τῶν Ἀγράφων κατὰ τὴν ἰζ'—ιη' ἑκατονταετηρίδα καὶ οἱ διδάσκαλοι αὐτῶν Εὐγένιος Ἰωαννουλίος, Ἀναστάσιος Γόρδιος καὶ Θεοφάνης [Ἑλληνικὸς Φιλολογικὸς Σύλλογος ἐν Κωνσταντινουπόλει, 1896, т. XXVI, стр. 3—7].—Аграфы—название горныхъ сель въ Греціи, въ Этоло-Акарнанійскомъ округѣ. Въ XVI вѣкѣ они были виднымъ центромъ образованія. Но въ XVII вѣкѣ Аграфы сдѣлались болѣе извѣстными основаніемъ въ тамошнемъ монастырѣ св. Параскевы школы, начальникомъ которой былъ діаконъ Евгеніѣ Иоаннуліѣ, одинъ изъ образованнѣйшихъ греческихъ богослововъ того времени. Среди учениковъ его было много греческихъ монаховъ и свѣтскихъ, очень извѣстныхъ въ новѣйшей исторіи. На основаніи неизданныхъ писемъ того времени Г. Параника сообщилъ новыя біографическія свѣдѣнія о Евгеніѣ Иоаннуліѣ, объ ученикѣ и біографѣ его Анастасіѣ Гордіѣ, авторѣ извѣстной у грековъ книги противъ магометанской вѣры и, наконецъ, объ іеромонахѣ Теофанѣ изъ Фурна въ Аграфахъ, преподававшимъ въ названной школѣ до 1774 г. Сообщаемыя г. Параникою извѣстія служатъ дополненіемъ къ свѣдѣніямъ Сааы, изложеннымъ въ его «Новогреческой Литературѣ».

Матѳей Параника (Ματθαῖος Παρανίκας), Ἡ ἐν Θεσσαλίᾳ Τρίκκη κατὰ τὸν ἰζ' αἰῶνα [Ἑλλ. Φιλολογ. Σύλλογος, т. XXVI, стр. 7—9].—Своею замѣткою подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ г. Параника дополняетъ составленный преосв. Анѳимомъ Алексудисомъ списокъ епископовъ города Трикки въ Θεσσαλίи. Въ этомъ списокѣ было непонятное пустое мѣсто между 1654—1702 гг. Это именно пустое мѣсто и дополнилъ г. Параника на основаніи греческихъ неизданныхъ писемъ и доказалъ, что Триккская епископія упразднена и присоединена къ Ларисской митрополіи почти съ 1654 года.

Д. А. Панагіотидис (Δ. Ἄ. Παναγιωτίδης), Ἡ Φωτικὴ ἐν Παραμυθίᾳ [Ἑλλ. Φιλολογ. Σύλλογος, XXVI, 1896, стр. 26—38].—Г. Панагіотидисъ и раньше уже писалъ о древнемъ городѣ Фотикѣ въ Эпирѣ и здѣсь даетъ монографію объ этомъ городѣ, раздѣленную на пять главъ. Въ первой и во второй главахъ авторъ подробно говоритъ о топографіи того мѣста гдѣ находился городъ Фотикѣ. Въ третьей главѣ онъ сообщаетъ свѣдѣнія о развалинахъ его, а также списокъ извѣстныхъ его епископовъ (съ 451 до 521 гг.), изъ которыхъ одинъ былъ Діадохъ. Въ четвертой главѣ авторъ приводитъ восемь надписей, въ томъ числѣ семь латинскихъ, найденныхъ въ развалинахъ Фотики, а также и въ окрестностяхъ этого города, сообщая и всѣ извѣстныя ему свѣдѣнія о нихъ. Наконецъ,

въ пятой и послѣдней главѣ г. Панагіотидисъ даетъ описаніе 43-хъ древнихъ монетъ, найденныхъ имъ въ развалинахъ Фотики, изъ которыхъ нѣкоторыя относятся къ византійскому времени.

А. Пападопуло-Нерамевсъ (Α. Παπαδόπουλος Κεραμεύς, Νικήτας ἐπίσκοπος Χαλκηδόνος [Ἑλλην. Φιλολογ. Σύλλογος, XXVI, 1896, стр. 38—42].—О преподобномъ Никитѣ, епископѣ Халкидонскомъ, память котораго празднуется 28-го мая, мы не имѣли никакихъ свѣдѣній, ни о времени его, ни объ акаѳистѣ ему. Въ одной минеѣ XII вѣка, хранящейся въ Иерусалимской Патріаршей библіотекѣ, въ собраніи Лавры преподобнаго Саввы (№ 184), мы нашли цѣлый акаѳистъ (ἀκολουθία) преподобному Никитѣ, котораго нѣтъ въ печатныхъ греческихъ минеяхъ. Составителемъ этого акаѳиста былъ Іосифъ пѣснописецъ. Изъ этого акаѳиста мы узнаемъ, что Халкидонскій епископъ Никита жилъ во времена иконоборцевъ. Въ канонѣ же ему упоминаются и другіе преподобные, наур. Игнатій, Фавстинъ и Никита, изъ которыхъ первые два были «родственники по плоти» (κατὰ σάρκα συγγενεῖς) преподобнаго епископа Халкидонскаго Никиты, а относительно послѣдняго опредѣленно говорится, что онъ былъ дядею. Акаѳистъ преподобному Никитѣ, какъ неизвѣстное твореніе Іосифа пѣснописца и какъ историческій текстъ, мы сообщили съ необходимыми примѣчаніями Греческому Филологическому Обществу въ Константинополѣ (Ὁ ἐν Κωνσταντινουπόλει Ἑλληνικὸς Φιλολογικὸς Σύλλογος), которое и напечатало его въ своемъ журналѣ подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ.

Трифонъ Евангелидисъ (Τρύφων Εὐαγγελίδης, Κύριος, κυρία ἱστορία δύο λέξεων [Ἀττικὸν ἡμερολόγιον τοῦ δισέχτου ἔτους 1896. Ἐν Ἀθήναις 1895. стр. 188—199].—Въ этой статьѣ, написанной для читателей календаря, г. Евангелидисъ даетъ историческій обзоръ, какъ древнее слово κύριος, κυρία, бывшее первоначально именемъ прилагательнымъ, сдѣлалось потомъ существительнымъ именемъ, означающимъ *Господинъ, Госпожа*. Достойны вниманія тѣ свѣдѣтельства о значеніи этого слова, которыя авторъ приводитъ изъ византійскаго времени. Хотя эти свѣдѣтельства не полны и не изложены систематично, тѣмъ не менѣе они могутъ послужить поводомъ для спеціальнаго изслѣдованія объ употребляемыхъ у византійцевъ словахъ κύριος, κυρία, κυρός, изъ которыхъ каждое имѣло особое значеніе.

Николай Цигара (Νικόλαος Τσιγαράς, Ἡπειρωτικὰ δύο πατριαρχικὰ σιγίλλια [Ἀττικὸν ἡμερολόγιον τοῦ δισέχτου ἔτους 1896 стр. 304—327].—Г. Цигара напечаталъ здѣсь два сигілля, изъ которыхъ одинъ изданъ Константинопольскимъ патріархомъ Матеѣемъ въ 1598 г. для Благовѣщенскаго монастыря Σωσίνου, находящагося въ Погдоріанѣ въ Эпирѣ, а другой изданъ патріархомъ Кирилломъ VI въ 1818 г. для города Мецова (Μέτσοβον) на горѣ Пиндѣ. Г. Цигара не ограничился однимъ изданіемъ этихъ документовъ, а объяснилъ подробно предметъ cadaго изъ нихъ. Такимъ образомъ, онъ говоритъ о мѣстоположеніи и исторіи села Ποῦδοριανή, а

также и монастыря *Σωσίου*. Этот послѣдній существовалъ еще раньше того времени, когда Эпиръ въ первый разъ былъ завоеванъ турками. Съ 1517 г. въ этомъ монастырѣ была школа, существовавшая въ продолженіи 126 лѣтъ. Въ этой школѣ преподавались, между прочимъ, и классическая литература и богословіе. Въ монастырѣ доселѣ сохранилась одна изъ старыхъ ея программъ, относящаяся къ 1672 году, когда школою управлялъ Даниилъ, митрополитъ Сидскій (*Σίδης*), а впоследствии Томоровскій и Преславскій. Теперь эта школа, которую прежде, какъ съ энтузіазмомъ говоритъ г. Цигара, можно было сравнить съ гимназіею, сдѣлалась простою образцовой школою съ 50 учениками. Что касается до города Мецова, то и о немъ авторъ сообщаетъ достаточно историческихъ свѣдѣній, относящихся ко времени отъ 1480—1818 г.г. По мнѣнію г. Цигары, этотъ городъ основанъ былъ въ X вѣкѣ валашскими пастухами.

Θ. де-Гельдрейхъ (*Th. de Heldreich*), *Χλωρίς ὀμηρικὴ* [*Ἀττικὸν ἡμερολόγιον τοῦ δισέκτου ἔτους 1896*, стр. 505—522].—Извѣстный ботаникъ Г. Гельдрейхъ въ Афинахъ говоритъ здѣсь о растеніяхъ, упоминаемыхъ въ сочиненіяхъ Гомера, и отождествляетъ ихъ съ извѣстными нынѣ въ ботанической наукѣ названіями. Для нашего журнала изслѣдованіе г. Гельдрейха имѣетъ то значеніе, что авторъ приводитъ и народныя новогреческія названія этихъ травъ. Изъ этого выясняется, что въ современномъ греческомъ народѣ сохранились почти всѣ названія, какія мы встрѣчали у Гомера. Такъ напр. слово *φοῖνιξ* (II. VI, 162) въ настоящее время называется *φοῖνικιά*, а также и *χουρμαδιά*; слово *μελίη* (II. XVI, 143) и теперь называется *μελίος*, но и *φράξος*; слово *σπάρτον* (II. II, 135) остается также *σπάρτον* и теперь; слово *φυλίη* (*Odyss. V, 477*) соотвѣтствуетъ нынѣшнему *φυλίи*; слово *λωτός* (*Odyss. X, 93*) и теперь извѣстно въ *Θεσσαλίῳ* подъ именемъ *λουτόν*; слово *πτελέξ* (II. XXI 242) по простонародному называется *φτελίξ*; слово *κλήθηρ* (*Odyss. V 64*) и теперь называется *κλήθρα* во всей сѣверной Греціи; слово *ἐλάτη* (*Odyss. V, 239*) называется *ἐλατος*; Гомеровское слово *ἄσφοδεός* (*Odyss. XII, 539*) измѣнилось въ слово *ἄσφερδοῦκλι* или *фердоῦκλα*; слово *ἄρωστις* (*Odyss. II, 90*) извѣстно подъ названіями: *ἀρωάδα*, *ἄρωστος*, *ἄωστρος*; слово *θρύον* (*Odyss. X, 7*) называется и теперь въ Атикѣ *θρύον*, но въ другихъ мѣстахъ Греціи называется *βούτομον* или *μαχαίριδα*.

Эмм. Манолакаки (*Ἐμμ. Μανολακάκης*), *Καρπαθιακά, περιέχοντα τὴν τοπογραφίαν, ἱστορίαν, περιγραφὴν, ἀρχαιολογίαν, φυσικὴν κατάστασιν, στατιστικὴν, τοπωνυμίαν τῆς νήσου, ἡθῆ καὶ ἔθιμα, ἰδιώματα τῆς γλώσσης, λεξιλόγιον, δημοτικὰ ἄσματα καὶ δημῶδεις παροιμίας τῶν κατοίκων αὐτῆς. Ἐν Ἀθήναις, ἐκ τοῦ τυπογραφείου Ἀ. Καλαράκη. 1896. in 8^ο стр. ε'—307.*—Подъ этимъ длиннымъ заглавіемъ г. Манолакаки напечаталъ полную монографію о своей родинѣ, объ островѣ Карпаѳѣ, одномъ изъ южнѣйшихъ Спорадскихъ острововъ подчиненномъ Турціи. Г. Манолакаки и въ 1878 году далъ намъ хорошій трудъ объ этомъ островѣ [*Δωρικὸν ψήφισμα Καρπάθου ὑπὸ*

С. Wescher, μεταφρασθέν ἐκ τῆς γαλλικῆς μετὰ γενικῆς περιγραφῆς τῆς νήσου Ἀθήνησιν], но нынѣшнее его сочинение является настоящею монографіею. Оно раздѣляется на 13 частей. Въ 1-й части говорится о топографіи острова, т. е. о географическомъ его положеніи, о мысахъ, горахъ, портахъ и объ окружающихъ его маленькихъ островкахъ, изъ которыхъ одинъ, называемый въ древности Σάρος, теперь называется Σαρίς. 2-я часть посвящена исторіи острова и городовъ его съ древнѣйшихъ временъ до настоящаго времени. 3-я часть содержитъ подробное описаніе острова. Здѣсь же подробно сообщаются названія мѣстностей его. Въ 4-й части приведены всѣ древнія надписи, до сихъ поръ извѣстныя на островѣ; онѣ всѣ греческія и составлены на дорическомъ нарѣчій. Авторъ приводитъ текстъ надписей двоякимъ образомъ, т. е. и съ большими и съ маленькими буквами, и довольно тщательно сообщаетъ всѣ относящіяся къ нимъ свѣдѣнія, напр. о мѣстѣ нахождения ихъ, о величинѣ мраморовъ или камней (простыхъ или анаглифовъ), на которыхъ онѣ находятся. Всѣхъ надписей 64, изъ нихъ 61 надпись уже извѣстна въ Европѣ, и къ нимъ авторъ прибавилъ еще три другія, найденныя въ послѣднее время (стр. 89—90). Кромѣ того, г. Манолакаки привелъ также и 20 надписей съ о. Родоса, въ которыхъ упоминается о Карпаѣ. Въ 5-й части говорится о природѣ острова, о земледѣліи его, о животныхъ, находящихся на немъ, о рыбахъ, живущихъ въ окружающихъ его моряхъ и проч. При этомъ авторъ сообщаетъ о нихъ современныя карпаескія названія. Въ 6-й части говорится о просвѣщеніи жителей острова, а въ 7-й о нравахъ, обычаяхъ и суевѣріяхъ ихъ. Здѣсь можно найти богатый новый матеріалъ для сравненія съ народными повѣрьями и суевѣріями другихъ странъ. 8-я часть посвящена всякаго рода статистическимъ свѣдѣніямъ объ островѣ, населеніе котораго составляетъ 7515 душъ. 9-я часть содержитъ подробный списокъ названій мѣстностей острова съ исторіею происхожденія ихъ. Въ 10-й части говорится о нарѣчій языка жителей о. Карпаѣа. Здѣсь авторъ замѣчаетъ, что это нарѣчіе очень тѣсно связано съ нынѣшнимъ нарѣчіемъ Спорадскихъ острововъ. 11-я часть содержитъ богатый глоссарій карпаэскаго нарѣчія, занимающій 50 страницъ. Въ 12-й части изложены 95 народныхъ пѣсенъ разнообразнаго содержанія. Эти пѣсни авторъ старался напечатать по возможности согласно съ выговоромъ карпаэскаго нарѣчія, не смотря на то, что греческая азбука недостаточна для такого рода текстовъ. Въ 13-й и послѣдней главѣ приведена 341 народная карпаэская пословица съ примѣчаніями объ употребленіи ихъ и съ нѣкоторыми сравненіями съ древними греческими пословицами. Въ книгѣ г. Манолакаки приложена и литографированная карта о. Карпаѣа.

Общество «Эленизмъ» (Ἐταιρεία ὁ Ἑλληνισμός), Ἐθνικά ἔθματα τῆς Ἑλλάδος 1453—1821. Ἐν Ἀθήναις, 1896, in 12° стр. 160.—Эта книга издана Аѳинскимъ обществомъ «Эленизмъ». Это обширный сборникъ избранныхъ народныхъ пѣсенъ, общеизвѣстныхъ у грековъ, въ особенности такихъ,

главнымъ мотивомъ которыхъ служитъ любовь къ отечеству и ненависть къ мусульманамъ владычествующимъ надъ греками въ Турціи. Эти пѣсни носятъ и опредѣленную хронологію. Напр. №№ 12 и 3 относятся къ уничтоженію византійской имперіи и ко взятію Константинополя Турками въ 1453 году. Другая пѣсня (стр. 3) относится къ 1361 году, когда Адрианополь былъ взятъ Турками. Третья пѣсня (стр. 3—4) относится ко взятію Трапезунта въ 1461 г. Наконецъ, есть пѣсня объ арматоу Маламѣ, относящаяся къ 1585 году. Послѣ этихъ пѣсенъ слѣдуетъ очень много другихъ историческаго содержания отъ 1672—1821 гг. У кого нѣтъ сборника Passow и другихъ многочисленныхъ сборниковъ новогреческихъ народныхъ пѣсень, тотъ найдетъ въ настоящей книгѣ полезный и очень дешевый сборникъ главныхъ такихъ пѣсенъ.

А. И. Пападопуло-Керамевъ.

СЛАВЯНСКІЯ ЗЕМЛИ.

Сборникъ за народни умотворенія, наука и книжнина. *Книга XIII. Софія, 1896.* Тринадцатый томъ превосходнаго изданія болгарскаго министерства народнаго просвѣщенія отличается какъ и предшествующіе богатствомъ и разнообразіемъ содержанія.

Изъ работъ, которыя имѣютъ ближайшее отношеніе къ Византійскому Временнику, прежде всего слѣдуетъ указать на слѣдующія.

В. Н. Златарски. *Писмата на византійския императоръ Романа Лакапина до болгарския царь Симеона.* В. Н. Златарскій, въ предшествующихъ томахъ Сборника давшій переводъ писемъ къ царю болгарскому Симеону патріарха Николая Мистика, въ настоящемъ томѣ помѣстилъ въ болг. переводъ письма императора Романа Лакапина къ тому же болгарскому государю. Письма эти были составлены главнымъ секретаремъ византійскаго двора Θεодоромъ Дафнопатомъ. Руководство болгарскими дѣлами перешло къ нему, по соображеніямъ Златарскаго, еще до смерти патріарха Николая Мистика († 15 мая 925 г.), потому что нисмо, писанное Симеону во второй половинѣ 924 г., патріархъ называетъ послѣднимъ.

Письма эти не были предметомъ особаго изслѣдованія, исключая статью Дестуниса въ Ж. Мин. Народ. Просв., въ которой они приурочиваются ко времени между 9 сент. 924 г. и 27 мая 927 г. Они были переведены на болг. яз. въ журналѣ Трудъ, но очень небрежно и не вполне.

Г-нъ Златарскій вслѣдъ за тщательнымъ переводомъ, сопровождаемымъ по мѣстамъ примѣчаніями, даетъ подробный коментарій къ письмамъ.

Прежде всего онъ точно устанавливаетъ хронологію писемъ. Въ 1-мъ письмѣ Романъ упрекаетъ Симеона за то, что напрасно, разоривъ цѣлый западъ, онъ считаетъ себя вправѣ провозглашать себя царемъ Ромеевъ;

такъ какъ этого упрека нѣтъ еще въ послѣднемъ письмѣ Николая Мистика, то первое письмо Романа, бывши, какъ можно предполагать, отвѣтомъ на письмо Симеона къ Роману, въ которомъ Симеонъ извѣщалъ о принятіи имъ новаго титула, всего скорѣе слѣдуетъ отнести къ началу 925 г. Второе письмо, какъ видно изъ указанія на предстоящее празднованіе Пасхи, писано было въ великій постъ, слѣдовательно въ мартѣ или апрѣлѣ мѣсяцѣ того же года. Послѣднее въ 926 г.

Отношенія Византіи къ Болгаріи въ началѣ 925 г. существенно измѣнились. Романъ Лакапинъ положилъ конецъ придворнымъ интригамъ, при помощи патріарха Николая успѣлъ возстановить церковный миръ, благодаря уступчивости къ сосѣдямъ высоко поднялъ оборонительныя силы имперіи для защиты отъ внѣшнихъ враговъ. Оттого въ первомъ письмѣ къ Симеону Романъ говоритъ безъ всякаго страха, смѣло и настойчиво. Прежде онъ просилъ мира, а теперь выставляетъ на видъ болгарскому царю, что Византія не нуждается особенно въ мирѣ; раньше онъ готовъ былъ дать не только золото и драгоценныя одежды, но и часть территоріи, теперь онъ прямо заявляетъ, что Симеону нечего и ждать земельной уступки. Романъ чувствовалъ себя въ силахъ оказать сопротивленіе Симеону тѣмъ болѣе, что рѣшенія перваго Сплетскаго собора, устанавливая союзъ между Византіей и Хорватіей, обезпечивали имперію отъ нападеній Симеона. Опираясь на это, Романъ рѣшался вызвать Симеона на войну, чтобы навсегда избавить имперію отъ опаснаго врага и заставить его заключить миръ. Изъ второго письма видно, какъ отнесся къ такому обороту дѣла Симеонъ. Ожидая со стороны Симеона войны, Романъ сталъ укрѣплять приморскіе города, снабжать ихъ провіантомъ и войскомъ. Не зная навѣрное, что означаютъ эти приготовленія, т. е. ожидаютъ ли Византіяцы военныхъ дѣйствій съ его стороны, или сами готовятся напасть на него, Симеонъ въ своемъ отвѣтѣ еще болѣе настаивалъ на мирѣ. Это его письмо произвело въ Царьградѣ сильное впечатлѣніе. Романъ отвѣчаетъ на него уже инымъ мягкимъ и уступчивымъ тономъ. Онъ даетъ понять Симеону, что если онъ возвратитъ занятыя греческія земли, то въ Византіи готовы заключить миръ и пойти на уступки; что касается императорскаго титула, то, находя невозможнымъ двумъ лицамъ носить титулъ императора Ромеевъ, Романъ выражаетъ готовность признать за Симеономъ царскій титулъ вообще, если только онъ откажется отъ притязанія на титулъ царя Ромеевъ. Въ заключеніе Романъ надѣется, что въ случаѣ заключенія мира пріязненные отношенія прострутся и на ихъ потомство; если же такой исходъ не будетъ угоденъ Богу, то онъ полагается на помощь Божію. Такимъ образомъ Романъ, увѣренный въ безвыходномъ положеніи Симеона, не подозревалъ съ его стороны какой либо хитрости и думалъ, что возстановленіе дружественныхъ отношеній упрочитъ миръ съ Болгаріей.

Иные были расчеты Симеона. Изъ такихъ отношеній Византіи къ Болгаріи, которыя устраняли Грекамъ поводъ къ войнѣ, Симеонъ хотѣлъ.

извлечь выгоды: обезпеченный на юговостокѣ, онъ спѣшилъ дѣйствовать на западѣ и тотчасъ же началъ войну съ хорватами. Въ этой войнѣ цѣль Симеона была не расширить западныя границы болгарскаго царства, а лишь развязать себѣ руки для рѣшительныхъ дѣйствій противъ Византіи въ будущемъ. Неожиданное пораженіе войскъ Симеона хорватами въ союзѣ съ сербами поставило болгарскаго царя въ крайне затруднительное положеніе, еслибы ему не помогли новыя обстоятельства. Хорваты, одержавъ побѣду надъ болгарскимъ войскомъ, не смотря на союзъ съ сербами, не могли рассчитывать, что гордый болгарскій царь оставитъ безъ отмщенія нанесенное ему пораженіе. Можно было бы ожидать, что они обратятся за помощью къ Византіи, а между тѣмъ въ это время происходитъ сближеніе ихъ съ Римомъ. Между болгарами и хорватами выступаетъ въ качествѣ посредника папа. Г-нъ Златарскій предполагаетъ въ этомъ случаѣ инициативу Рима. Римскій престолъ спѣшилъ воспользоваться даннымъ моментомъ, чтобы закрѣпить за собой Хорватію и отторгнуть хорватскаго короля отъ Византіи, являясь какъ бы защитникомъ хорватскихъ интересовъ. Папскіе послы отправились въ Болгарію, откуда вернулись, уладивъ дѣло между болгарами и хорватами. Г-нъ Златарскій предполагаетъ, что Симеонъ соглашался на миръ съ хорватами подъ условіемъ признанія за нимъ со стороны папы царскаго титула и автокефальности болгарской церкви. Въ Византіи радость, вызванная неудачами Симеона въ Хорватіи, смѣнилась серьезными опасеніями послѣ вмѣшательства въ дѣла болгарскія и хорватскія папскаго престола. Приготовленія Симеона на южной границѣ, усиленіе гарнизоновъ въ крѣпостяхъ и посылка отрядовъ на югъ, возстаніе славянъ македонскихъ (нападеніе ихъ на Солунъ) внушали византійцамъ опасенія новой войны. Третье письмо Романа относится къ этому моменту. Императоръ по прежнему умоляетъ Симеона о мирѣ. Нанести Византіи послѣдній ударъ помѣшала Симеону скоропостижная его кончина 27 мая 927 г. Не успѣлъ Симеонъ возложить на свою главу и обѣщанную папой царскую корону. Второй Сплетскій соборъ затянулся, а римскій престолъ могъ исполнить свои обязательства только по окончаніи этого собора. Произошло ли это послѣ при преемникѣ Симеона, о томъ нѣтъ извѣстій. Г-нъ Златарскій допускаетъ возможность этого: условія, на которыхъ былъ заключенъ миръ съ Византіей, признаніе царскаго титула за Петромъ и автокефальность болгарской церкви — то, что Симеонъ желалъ получить отъ Рима — византійское правительство едва ли бы признало, еслибы болгарамъ не открывалась возможность получить то же отъ Рима. Замедленіе исполненія этихъ условій Римомъ быть можетъ и вызвало скоропостижную смерть престарѣлаго Симеона.

Вмѣстѣ съ переводомъ писемъ Николая Мистика переводъ настоящихъ писемъ, а также обширный комментарий къ тѣмъ и другимъ представляютъ лучший обзоръ отношеній Византіи къ Болгаріи въ эпоху болгарскаго царя Симеона. Нельзя не пожалѣть, что до насъ не дошли

письма самого Симеона, о которыхъ мы можемъ судить лишь отчасти по письмамъ къ нему.

Новой болгарской исторіи посвящены въ XIII т. статьи:

Юрданъ Неновъ. *Автобиографія.*

Е. Спространовъ. *По възраждане то на градъ Охридъ.*

Въ министерскомъ сборникѣ почти постоянно помѣщаются интересные матеріалы для исторіи болгарскаго возрожденія. Въ двухъ первыхъ книгахъ были напечатаны два письма Венелина къ Априлову и Отзывъ въ Болгаріи на письма Венелина (статья М. Балабанова). Начиная съ третьей книги, подъ рубрикой «Матеріяли за исторіята на българското възраждане», редакция сборника открыла особый отдѣлъ для печатанія переписки важнѣйшихъ дѣятелей зарождавшейся новой болгарской литературы между собой и съ ихъ современниками и учениками. Сожалѣя, что многіе выдающіеся изъ старѣйшихъ дѣятелей возрожденія не оставили послѣ себя почти ничего, редакция сборника призвала собирать по крайней мѣрѣ все то, что уплѣгло отъ забвенія. «Если у насъ нѣтъ дневниковъ и мемуаровъ—говорится во вступительной статьѣ въ III томѣ—то существуетъ переписка многихъ нашихъ дѣятелей, заключающая важныя свѣдѣнія. Съ ея обнародованіемъ навѣрно пролетѣтъ свѣтъ на жизнь и дѣятельность многихъ лицъ, которыя остаются для насъ еще въ полумракѣ какъ бы въ туманѣ; объяснятся и многія явленія въ нашей жизни, причины которыхъ намъ остаются и понынѣ темны и непоятны. Читатели убѣдятся въ этомъ, когда прочтутъ интересную корреспонденцію Неофита Рыльского, печатаніемъ которой мы открываемъ отдѣлъ и за уступку которой сердечно благодаримъ братію Рыльского монастыря. Пусть и другія общества и лица, которыя обладаютъ документами народныхъ тружениковъ, особенно отвѣтами Неофита на печатаемыя здѣсь письма, съ готовностію отзовутся на нашъ призывъ, и мы увѣрены, что въ короткое время наберется столько матеріала, что можно будетъ съ успѣхомъ приступить къ разработкѣ новой политической и литературной исторіи. Новые документы прежде всего дадутъ возможность написать монографіи о всѣхъ важныхъ лицахъ и явленіяхъ, характеризующихъ эпоху нашего духовнаго и политическаго возрожденія. А это очень важно. Когда въ достаточномъ количествѣ наберется подобныхъ монографій, легко будетъ ихъ систематизировать и соединить въ одно цѣлое. Всякій болѣе или менѣе даровитый компиляторъ будетъ въ состояніи написать исторію нашей литературы, когда о каждомъ отдѣльномъ лицѣ и о каждой болѣе или менѣе важной литературной эпохѣ существуютъ особыя изслѣдованія, основывающіяся на значительномъ числѣ вѣрныхъ и критически разсмотрѣнныхъ и обслѣдованныхъ матеріаловъ. Нынѣ это трудно, потому что нѣтъ монографій, а ихъ нѣтъ, потому что нѣтъ матеріаловъ, безъ которыхъ можно писать только фразы и общія мѣста, какъ это мы и видимъ въ большинствѣ нашихъ самостоятельныхъ литературно-историческихъ опытовъ, но несерьезную исторію». III т. стр. 397.

Съ этого времени вплоть до самаго XIII т. помѣщались письма къ Неофиту, его собственныя письма, письма къ Цвѣтку Самарджіеву и др., въ которыхъ дѣйствительно заключается обильный матеріалъ для характеристики эпохи, ожидающій изслѣдователя. На ряду съ письмами стали появляться и отдѣльныя монографіи, каковы напр. Докторъ Христо Даскаловъ Шишкова, VIII т., Воспоминанія объ униі 18 дек. 1860 г. Черновѣжда, Пърличевъ. Автобиографія, Константинъ Г. Фотиновъ, его жизнь и дѣятельность Шишманова — богатая матеріаломъ и обстоятельная оцѣнка отца болгарской журналистики, Отецъ Неофитъ Хиландарецъ или Бозвели П. Славейкова, послѣдняя статья извѣстнаго болгарскаго поэта и писателя, послѣ которой онъ заболѣлъ и болѣе уже не оправился. Къ этого рода матеріаламъ относятся упомянутыя выше статьи въ XIII т. сборника. Ю. Неновъ извѣстенъ въ болгарской литературѣ какъ составитель и переводчикъ нѣсколькихъ книжекъ, писанныхъ довольно чистымъ болгарскимъ яз.: Черноносяща Госпожа (Цариградъ 1857 г.), Катихизисъ, который почти совсѣмъ не сохранился, и самъ издатель не могъ найти ни одного экземпляра (XIII 371), село Златарица (Вѣна 1870 г.) и авторъ интересной брошюры: «За възражданъето на българщината въ Т. Пазарджикъ» (Софія 1890). Онъ былъ родомъ изъ Еленской околии Велико-Тырновскаго округа и провелъ всю свою жизнь въ дѣятельности учителя въ разныхъ мѣстахъ Болгаріи: въ Буйновцахъ, Еленѣ, Татаръ Пазарджикѣ, Панагюрищѣ и Сопотѣ, Чирпанѣ, Хасковѣ въ то же время отстаивая народное дѣло. Его учениками были пользующіяся извѣстностію въ наукѣ и литературѣ лица, Нешо Бончовъ (теперь покойный), М. С. Дриновъ, К. Величковъ, Ив. Вазовъ и др., и всѣ они свидѣтельствуютъ, что онъ умѣлъ привлечь къ себѣ ихъ сердца и направить ихъ усилія или на самообразование, или на продолженіе образованія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Настоящая автобиографія является дополненіемъ къ разсказу о возрожденіи болгарской народности въ Татаръ Пазарджикѣ. Неновъ росъ у родителей, которые научили его слав. грамотѣ, затѣмъ онъ учился въ школѣ у учителя, который былъ ученикомъ извѣстнаго Христаки Павловича въ Свищовѣ, благодаря чему Елена сдѣлалась разсадникомъ просвѣщенія. Неновъ зналъ грамматику Мразовича, ариметику Христаки, пасхальную таблицу, понималъ по славянски, переводилъ на болгар. яз. и былъ искуснымъ чтецомъ въ церкви. Вскорѣ онъ и самъ на 14 г. по волѣ отца нанялся учителемъ въ Буйновцы.

Изъ предковъ Ненова, о которыхъ онъ упоминаетъ въ своей автобиографіи, пользовался извѣстностію еще его прадѣдъ попъ Ненчо. Ненчо былъ родомъ изъ села Тичи Котленской околии, читать научился у одного священника, а 15 л. жажда къ ученію привела его въ монастырь св. Пророка Ильи между Еленой и Тырновомъ. Здѣсь онъ научился церковнымъ порядкамъ, пѣнью по обиходу (исалтикія, т. е. нотная книга), понималъ священное писаніе и могъ его объяснять и переводить на новоболг. яз. Еленскіе граждане, посѣщавшіе монастырь, выпросили кроткаго харак-

теромъ и скромнаго юпошу себѣ въ учителя. Такимъ образомъ съ 1740 г. Ненчо сталъ первымъ учителемъ въ Еленѣ. Позднѣе онъ сталъ здѣсь священникомъ.

Въ еленскихъ колибахъ до 1836 г. не было церкви помимо города Елены. Жители богѣе отдаленныхъ изъ нихъ, не имѣя возможности ходить въ Елену, съ давнихъ поръ имѣли урочища, на которыя собирались по праздникамъ. Это происходило такъ: въ такое мѣсто приходилъ приходскій священникъ изъ Елены, освящалъ воду, кропилъ всѣхъ присутствовавшихъ и говорилъ какое нибудь поученіе изъ дамаскина¹⁾. Получивъ шкуру съ заколотою овцы, барана или коровы, смотря по числу собравшихся, и часть мяса, священникъ уходилъ назадъ, а собравшіеся разсаживались угощаться. Молодые шли въ хороводъ, старшіе стрѣляли изъ ружей, въ пѣль или на призъ.

Попъ Ненчо въ такіе праздники всегда говорилъ поученія, пользуясь выше упомянутымъ собраніемъ. Другіе священники, не умѣя переводить съ слав. языка, обращались за помощью къ попу Ненчу, или же просто списывали готовый переводъ.

Попъ Ненчо, въ молодые годы и самъ стрѣлявшій изъ ружья, совѣтовалъ юношамъ учиться стрѣльбѣ, напоминая, что быть можетъ настанетъ день, когда это умѣнье владѣть ружьемъ пригодится. Въ это время свирѣпствовали кырджалии, причинявшіе много зла духовенству. Оттого священники носили одежду мірянъ, брили волосы на головѣ, оставляя только чубъ, а по бородѣ ихъ отличить было нельзя, потому что и міряне носили бороду. Только свѣшававшійся изъ за пояса платокъ отличалъ священника, что впрочемъ знали только христіане. Кырджалии сожгли и Еленскую церковь, въ которой было много рукописей, даже и пергаментныхъ. Ненчо скончался въ 1815 г. въ глубокой старости, оставивъ самыя лучшія воспоминанія въ населеніи города и колий.

Чрезвычайно интересенъ рассказъ одного изъ еленскихъ чорбаджій, что кромѣ попа Ненча и его учениковъ никто не умѣлъ пѣть херувимскую пѣснь и, если случайно его не было въ церкви, литургія прекращалась, пока онъ не приходилъ.

Недолго пробывъ учителемъ въ Буйновцахъ, Неновъ былъ приглашенъ въ Елену однимъ изъ монаховъ хиландарскаго монастыря Іоси-

1) Слова Дамаскина Студита въ переводѣ на слав. яз. дали имя весьма распространеннымъ въ болг. литературѣ сборникамъ, на ряду съ поученіями Дамаскина заключающимъ и др. статьи, но извѣстнымъ подъ именемъ дамаскинъ, которое стало такимъ образомъ нарицательнымъ. Воспоминанія Ненова даютъ намъ интересное указаніе, какъ эти сборники, первоначально переведенные на литературный языкъ своего времени болгарско-слав. или сербско-слав. (рукописи, извѣстныя намъ, дошли въ серб. правописаніи, но въ нѣкоторыхъ изъ нихъ есть и средне-болгар. особенности, хотя списка средне-болгар. пока намъ найти еще не удалось) распространялись въ ново-болг. переводѣ. Мы имѣемъ въ виду съ очевидными болгаризмами два списка: одинъ, принадлежащій Нѣжинскому преподавателю Михайловскому и другой Бѣлградской бібліотекѣ.

фомъ Хиландарцемъ, который въ молодые годы былъ архидіакономъ при Кюстендильскомъ митрополитѣ и находился при немъ и въ Царьградѣ, когда онъ былъ избранъ вселенскимъ патріархомъ. Неновъ учился въ Еленѣ греч. яз. у новаго учителя, научившагося по гречески въ Смирнѣ, у него же онъ видѣлъ въ первый разъ греческую географическую карту ¹⁾.

Въ 3—4 года онъ прочелъ здѣсь библію и новый завѣтъ, 12 мѣсяцевъ четьихъ миней, 12 прологовъ, книги славянорусскія: Дмитрія Ростовскаго, Камень Вѣры, Петра Могила, Илію Минята, Розыскъ о брынской вѣрѣ, исторію славянъ Раича, басни Досноея Обрадовича. Всѣ эти книги находились въ Еленской библіотекѣ, которая была хранима особымъ лицомъ. Попалась ему и одна греческая книга, называвшаяся хронографомъ, въ которой онъ прочелъ рассказъ о побѣдѣ Крума надъ Никифоромъ.

У Іосифа Хиландарца Неновъ имѣлъ случай видѣть извѣстныхъ впоследствии своими заслугами болгарскихъ владыкъ — Неофита Бозвели и Иларіона Макаріопольскаго. Позднѣе Неновъ переписывалъ воззваніе Неофита Бозвели, и изъ Елены копии его были разосланы и по другимъ главнымъ общинамъ Тырновской епархіи. Въ немъ говорилось, что турецкое правительство согласно дать болгарамъ своихъ владыкъ, нужно только, чтобы болгаре сами попросили его объ этомъ. Дѣло было подготовлено ранѣе, Князь Богориди, самъ родомъ изъ Котла, рекомендовалъ Неофита въ тырновскіе митрополиты. По этому дѣлу были отправлены представители отъ главнѣйшихъ общинъ, но греческій патріархъ подкупилъ ихъ и вмѣсто Неофита Бозвели былъ посланъ въ Тырново фанариотъ Неофитъ съ грамматикомъ Костаки, извѣстный преслѣдованіемъ болгаръ.

Изъ Елены Неновъ отправился къ извѣстному тогда греческимъ образованіемъ учителю Райну Поповичу въ Карлово, но здѣсь убѣдился въ томъ, что изъ этихъ занятій мало можно извлечь пользы, такъ какъ школьное обученіе на греч. яз. доживало послѣдніе дни.

Изъ Карлова черезъ Троянъ онъ проѣхалъ въ Свищовъ, имѣя намѣреніе попасть въ Валахію, а оттуда въ Россію. Въ Свищовѣ Неновъ учился по гречески у Васкидовича и въ то же время познакомился съ методомъ взаимнаго обученія у одного дьякона, руководившаго такой школой. Вернувшись въ Елену, онъ былъ навѣтъ учителемъ въ школу при церкви Рождества Богородицы за 500 грошей. Здѣсь Неновъ первый ввелъ новый методъ обученія, оставивъ чесословъ и псалтырь, и началъ преподаваніе по болгарскимъ учебникамъ Бозвели, Фотинова. Эта перемяна встрѣчена была жалобами духовенства, которое опасалось, что некому будетъ читать въ церкви.

Въ 1843 г. прибылъ изъ Россіи Иванъ Момчиловъ, котораго еленская община наняла учителемъ за три тысячи грошей. Къ нему отовсюду

1) Не этому ли Іосифу, иноку хиландарскому, принадлежитъ посланіе, писанное въ Жеравну? Смотри Описаніе рукописей Григоровича (Рум. муз.) стр. 26.

стекались ученики, вмѣстѣ съ Неновымъ былъ у него и Драганъ Цанковъ, тогда еще слабый въ болгарскомъ языкѣ и просившій Ненова заниматься съ нимъ частнымъ образомъ на дому ¹⁾).

Удовлетворившись преподаваніемъ Момчилова, Неновъ уже забылъ думать объ Россіи и, выражаясь его словами, не жалѣлъ, что не ушелъ въ Россію ѣсть кашу и чахнуть въ сырыхъ семинарскихъ помѣщеніяхъ, которыя многимъ болгарамъ преждевременно подкосили жизнь.

Въ 1845 г. онъ былъ приглашенъ въ Татаръ Пазарджикъ, о дѣятельности въ которомъ и рассказалъ въ книжкѣ «за възражд. на българ. въ Т. П.».

Мы потому остановились съ подробностію на пересказѣ этой главы автобіографіи, что она представляетъ живую картину изъ исторіи болг. возрожденія. Мы видимъ, какъ ученіе на слав. яз. таилось въ священническихъ семьяхъ и въ монастыряхъ. Мы видимъ важную роль св. Горы, выходы изъ которой являлись ревностными защитниками народныхъ интересовъ. Не безъ удовлетворенія мы можемъ засвидѣтельствовать, какъ велика была поддержка, оказанная болгарамъ русской литературой (разумѣемъ составъ еленской библіотеки) и русскими воспитанниками въ родѣ Момчилова. Безъ этой поддержки врядъ ли бы дѣло болгарскаго возрожденія имѣло такой быстрый успѣхъ.

Весьма интересно и дальнѣйшее содержаніе автобіографіи Ненова, напр. рассказъ о его дѣдѣ Юрданѣ, ожидавшемъ избавленія отъ агаряня русскою помощію (ще дойде ли скоро Московецътъ?), о его участіи въ качествѣ волонтера въ войскѣ Дибича, о неудавшемся первомъ возстаніи болгаръ и пр.

Далѣе Неновъ рассказываетъ объ учительствѣ въ Т. Пазарджикѣ, Панагюрищѣ, о борьбѣ съ пловдивскимъ владыкой фанариотомъ Хрисанеомъ. Ужасное впечатлѣніе производитъ рассказъ о неистовствахъ Махмудъ бея Гаваноза въ Пазарджикѣ и о борьбѣ болгаръ съ турецкимъ насиліемъ.

Послѣднія страницы автобіографіи посвящены движенію среди болгаръ, вызванному Герцеговинскимъ возстаніемъ и русской войной за освобожденіе южныхъ славянъ.

Вмѣстѣ съ многими другими Неновъ былъ сосланъ въ Арменію, при чемъ слѣдуетъ отмѣтить гостепріимное отношеніе къ изгнанникамъ армянскаго населенія, и особенно епископа города Хажина (XIII стр. 393) а также арабской общины, представитель которой выражалъ особое сочувствіе болгарамъ, которые своимъ отдѣленіемъ отъ греческой патріархіи дали поводъ и арабамъ помогать, чтобы въ Антиохіи вмѣсто грека былъ

1) Свѣдѣнія эти крайне интересны. Почтенный болгарскій дѣятель (Цанковъ) впоследствии сталъ извѣстенъ прекрасной болгарской грамматикой, которая благодаря главнымъ образомъ латинской транскрипціи не оказала вліянія на изученіе болг. яз. въ Болгаріи самими болгарами, но за то была превосходнымъ пособіемъ для знакомства съ болгар. яз. ученыхъ. Свое научное значеніе она не утратила и до сихъ поръ.

поставленъ патриархомъ арабъ. Вполнѣ понятны взаимныя симпатіи страдающихъ отъ притѣсненія народностей.

Переживаемыя нами событія краснорѣчиво говорятъ, насколько печальные результаты приноситъ разьединеніе и антагонизмъ христіанскихъ народностей балканскаго полуострова. Неудача вызвать какое либо возстаніе въ Македоніи, которую на нашихъ глазахъ потерпѣли греки, станеть вполнѣ понятна для всякаго, кто знакомъ съ тѣмъ нерасположеніемъ къ нимъ, какое внушала болгарамъ борьба испорченнаго фанаріотскаго духовенства противъ славянской народности и усилія нѣкоторыхъ ослѣпленныхъ преобладаніемъ эллинизма представителей греческаго народа поддержать греческое господство тамъ, гдѣ для него нѣтъ почвы.

Успѣхи болгаръ во Фракіи и Македоніи повидимому вполнѣ прочны и усилія первыхъ будителей народности не остались безплодны. Въ свое время вышеомянутый Момчиловъ говорилъ своимъ ученикамъ, отправлявшимся занять скромную должность учителя: «я радъ, что наши братья фракійскіе болгаре, подавленные удушливымъ грецизмомъ, почувствовали нужду въ болгарскихъ учителяхъ. Претензіи грековъ на Фракію и Македонію велики, но безъ нихъ Болгарія не можетъ быть великой и самостоятельной. Вамъ предстоятъ великіе подвиги и труды; но вы принесете отечеству величайшую пользу, какъ первые учителя и апостолы въ этомъ вплоть до Родоповъ огреченномъ углу Фракіи. Въ добрый часъ; помоги Вамъ Богъ!»

Статья Спространова Возрожденіе въ Охридѣ переноситъ насъ въ Македонію, гдѣ гораздо долѣе тяготѣло греческое иго, чѣмъ въ восточной Болгаріи, гдѣ грецизмъ пустилъ глубокіе корни и гдѣ борьба съ нимъ началась позднѣе и шла медленнѣе. Авторъ знакомитъ насъ съ возникновеніемъ училищъ, съ преподаваніемъ на болгарскомъ языкѣ братьевъ Мустревыхъ, Нелчинова въ Кошишчахъ,¹⁾ съ борьбой, какую принуждены были вести охридчане съ митрополитомъ Охридскимъ Мелетіемъ, прославившимся своей безнравственностію. Главными руководителями болгарскимъ движеніемъ являются Миладиновъ и Пырличевъ. Очень поучительна сцена, происшедшая въ патриархіи, гдѣ нѣкоторые изъ членовъ фанаріотскаго духовенства защищали недостойнаго Мелетія (XIII т. стр. 646—647) и своей защитой вызвали окончательное отторженіе охридчанъ отъ патриархіи. Въ школьномъ дѣлѣ главнымъ виновникомъ вытѣсненія греческомъ языкѣ изъ преподаванія былъ Пырличевъ, произносившій пламенныя рѣчи за преимущества роднаго языкѣ. Помимо рѣчей онъ дѣйствовалъ и стихотвореніями, изъ которыхъ особенную извѣстность приобрѣли: «До кога, братья мила българи, До кога гърцитѣ ще ни тѣпчѣтъ Чрѣзъ своето фенерско духовенство, милото наше отечество» ? и «Чуйте чеда, македонци». Послѣ отпаденія отъ патриархіи Охридъ получилъ болгарскаго митрополита Наананла, принятаго населеніемъ съ восторгомъ;

1) Въ трудный моментъ эта школа встрѣтила поддержку русскаго консула Хитрово, который выхлопоталъ для нея ежегодную субсидію въ 300 р.

но оставался и Мелетій съ отдѣлившимися отъ болгарской общины греками. Не смотря на уступчивость Паванаила, они интриговали противъ него, и въ 1877 г. онъ былъ отозванъ въ Царьградъ, согласно волѣ султана.

Сюда же относятся документы, касающіеся исторіи болгарскихъ возстаній, сообщенные Генчевымъ.

Вопросамъ археологическимъ посвящена статья:

В. Добруски. *Материалы по археологіи на Българія.* Г-нъ Добрускій въ этой статьѣ продолжаетъ изслѣдованіе находимыхъ при раскопкахъ плитъ съ изображеніями и надписями. Въ первой главѣ онъ описываетъ изображенія и надписи, относящіяся къ культу нимфъ, который былъ распространенъ въ древнихъ областяхъ нынѣшней Болгаріи, Мизіи и Фракіи. Извѣстный ранѣе матеріалъ дополняется открытымъ около села Саладинова Татаръ-Пазарджикской околіи святилищемъ нимфъ — *Nymphaeum*. Судя по раскопкамъ, оно представляло обыкновенный сельскій храмъ, огражденный стѣнами и покрытый черепицами. Въ немъ найдено большое количество votивныхъ (обѣтныхъ) плитокъ (95) изъ бѣлаго мрамора, представляющихъ въ рельефѣ изображеніе трехъ нимфъ, большею частію простой работы. Изъ рельефовъ особенно важны тѣ, которые имѣютъ надписи съ фракійскими именами, географическими и личными, между которыми есть нѣсколько новыхъ, доселѣ неизвѣстныхъ. Таковы напр. *Μηφάζουλα*, *Ῥομησοίς*, *Μουχάμενδος*, *Βουρδάπα*—название мѣста, гдѣ находилось святилище, откуда и эпитетъ нимфъ *Βουρδαπηναί* и др. Во 2-й главѣ описаны плиты, представляющія рельефы фракійскихъ всадниковъ также съ надписями. Въ третьей главѣ «разные памятники и надписи» важна одна надпись, въ которой встрѣтились новыя географическія имена: *Ἐτρίζα*, *Ἐπρίζα* (быть можетъ оба названія обозначаютъ одно имя, высѣченное неодинаково по ошибкѣ), *Γεζάγρα*, *Βυδεχύρα*. Раскопки фракійскихъ могилъ, дающихъ важный матеріалъ для рѣшенія вопроса о происхожденіи Фракійцевъ и началѣ ихъ культуры, заслуживаютъ полнаго вниманія. При раскопкѣ одной насыпи между зданіями Народнаго Собранія и Державной Печатницы были открыты основанія двухъ церквей съ полукруглыми абсидами и около нихъ и внутри ихъ цѣлый рядъ гробницъ. Въ гробницахъ оказались костяки съ лицомъ, обращеннымъ къ востоку. Самой цѣнной находкой были три древнехристіанскія надписи: одна латинская: *hic requiescit Florentia virgo* и двѣ греческихъ: *Ἐνθά κτάχτε Μαρία πάρενος* и *Ἐνθα κτάχτε Ἀρμουκίς ἀπό Σεληνοῦντος*. Надписи отличаются чертами древности, изъ которыхъ самая важная это лаконическая краткость. На основаніи палеографическомъ авторъ статьи приходитъ къ заключенію, что открытыя гробницы относятся приблизительно къ IV—VI стол. послѣ Р. Х., и вмѣстѣ съ тѣмъ высказываетъ надежду, что дальнѣйшія раскопки какъ около такъ и внутри церкви св. Софіи, предстоящія по случаю предполагаемаго построенія на ея мѣстѣ храма въ честь св. Александра Невскаго, могутъ дать матеріалъ для бо-

лѣе положительнаго рѣшенія вопроса не только о гробницахъ, но и о самой церкви св. Софіи, время построенія которой неизвѣстно.

Статья оканчивается изданіемъ слав. надписи Батошевскаго монастыря въ Севліевскомъ округѣ. Изъ нея видно, что монастырь этотъ былъ основанъ болгарскимъ патріархомъ въ царствованіе Михаила Асѣня (1246—1257).

Три главы изъ статьи * * Пжтуванье по долинитѣ на Струма Места и Брѣгаиница, по недосмотру не попавшія въ XII т. сборника, представляютъ большой интересъ для знакомства съ географіей Македоніи. Но помимо географическихъ данныхъ авторъ статьи даетъ самыя разнообразныя свѣдѣнія характера этнографическаго, описывая обычаи, костюмы, танцы мѣстнаго населенія (напр. у Мѣрваковъ стр. 351), и археологическаго, упоминая о церквахъ, живописи въ нихъ, рукописяхъ или книгахъ, уцѣлѣвшихъ по мѣстамъ, о развалинахъ церквей, укрѣпленій, башенъ и пр.; знакомить съ новѣйшей исторіей этихъ мѣстъ, съ судьбой въ нихъ школьнаго дѣла, съ борьбой, которую выдающіеся представители изъ болгаръ вели съ греками въ интересахъ народнаго дѣла.

В. Кжичевъ. *Новонайдени охридски старини.*

Е. Карановъ. *Памятници отъ Кратово.*

Въ наиболѣе слабой обработкѣ являются въ сборникѣ замѣтки, посвящаемыя древнимъ памятникамъ болгарской литературы. Авторы ихъ нерѣдко бываютъ очень мало подготовлены къ изданію рукописныхъ текстовъ, почти совершенно незнакомы съ литературой предмета, при описаніи рукописей даетъ себя знать незнакомство съ многочисленными и обстоятельными трудами въ этой области русскихъ ученыхъ. Оттого подобныя статьи всего чаще даютъ матеріалъ въ сыромъ, необработанномъ видѣ. Въ XIII т. таковы указанныя выше двѣ статьи. Авторъ первой изъ нихъ сообщаетъ свѣдѣнія о рукописяхъ, найденныхъ въ Охридѣ при осмотрѣ мѣстныхъ церквей. Нѣкоторыя изъ нихъ принесены изъ Слѣпченскаго монастыря, который, судя по всему, имѣлъ довольно хорошую бібліотеку: по крайней мѣрѣ у Григоровича есть цѣльныя рукописи изъ этого монастыря. Между найденными рукописями заслуживаетъ вниманія пергаментная триодъ. На одномъ изъ ея листовъ есть написанное глаголицей слово: было необходимо указать, какимъ глаголическимъ письмомъ (всего вѣроятнѣе кругловатой глаголицей) и въ какомъ мѣстѣ рукописи, т. е. въ строку ли, или напр. съ боку. Глаголическое слово представляетъ повтореніе стоящаго въ строкѣ кирилловскаго *на уробъ*. Въ приведенномъ отрывкѣ есть не мало дурно прочитанныхъ мѣстъ. На евангеліи изъ Слѣпченскаго монастыря цѣлый рядъ интересныхъ записей. Въ Номоканонѣ Слѣпченскаго монастыря въ главѣ объ автокефальныхъ церквахъ считается такою и Охридская. Требникъ между прочимъ заключаетъ живыя молитвы. Писанный греческими буквами памятникъ въ церкви св. Климента заключаетъ 20 именъ архіереевъ. — Изъ кратовскихъ рукописей сборникъ попа Славка изъ Велеса имѣетъ статьи

апокрифическаго характера, а именно разныя молитвы, перечисленіе дней въ году, въ которые нельзя работать, колядникъ, громникъ, въ которомъ мѣсяцы начинаются съ марта, хожденіе Богородицы по мукамъ, сказаніе о св. Агапіи, Троянская притча, вопросы и отвѣты. Три предпослѣдніе тексты напечатаны. Не смотря на то, что въ отличіе отъ сербовъ болгаре сохраняютъ при печатаніи рукописныхъ текстовъ титла и значки, надстрочныя буквы и пр., что нельзя не одобритъ, нерѣдко случается, что издатель не умѣетъ правильно отдѣлать слова. Сказаніе объ Агапіи могло бы, вѣроятно, быть напечатано лучше, еслибы Г-нъ Карановъ имѣлъ подъ руками книгу Чтеній Общ. Ист. и Древн. Росс. за 1879 I, гдѣ оно издано по списку XII в. (ср. поздній текстъ, напр. въ Описаніи рукописей Троице-Сергіевой лавры). Сравнивая оба текста, можно убѣдиться, что въ кратовской рукописи сохранился старый переводъ съ незначительными подновленіями въ словахъ и съ измѣненіями, а по мѣстамъ сокращеніями или добавленіями въ зависимости отъ поздняго происхожденія списка. Такъ напр. въ старшемъ текстѣ вѣртоградъ, въ позднемъ хлѣбницѣ, кладазь — студеньць, ниже однако клѣнць; иногда отличіе заключается лишь въ подновленной формѣ напр. вмѣсто гръздо-визкъмъ=гроѣпѣ; стужицѣ вмѣсто стъжицю объясняется очевидно формой стъжица, въ которой вмѣсто глухого стоялъ ж. Вообще вся рукопись дошла до насъ въ сербскомъ правописаніи, но слѣды болгарскаго оригинала замѣтны. На стр. 272 стр. 5 дурное чтеніе: не знаю пу(т) на река объясняется изъ старшаго текста, въ которомъ: не вѣмъ мѣста ни нарока.

Изъ сборника молитвъ апокрифическаго характера напечатана поздняя статья, заключающая сказаніе о паденіи безцѣннаго камня въ Внолеемѣ. Здѣсь интересна одна подробность: за несоблюденіе воскреснаго дня Богъ посылаетъ иновѣрцевъ турокъ, плѣняющихъ и разоряющихъ христіанскую землю. Какъ и въ народныхъ пѣсняхъ иновѣрецъ обозначается выраженіемъ друга вера.

Далѣе слѣдуютъ рукописи апостола, евангелій и др. Одинъ апостолъ писанъ въ 1515 г. въ селѣ Трохало Кратовскаго округа безъ юсовъ, другой болгар. правописанія, житіе св. Саввы сербскаго, писанное монахомъ Акакіемъ для церкви св. Прохора Пшинскаго монастыря, и одно печатное евангеліе болг. правописанія безъ обозначенія мѣста и года. Статья оканчивается краткой замѣткой объ апокрифическомъ сборникѣ, въ которомъ помѣщены слово Меодія Патарскаго, камень адамандъ, вопросы и отвѣты и апокрифъ объ іерействѣ Иисуса Христа, напечатанный цѣликомъ.

Вопросамъ по исторіи литературы посвящены статьи:

Д-ръ Ив. Д. Шишмановъ. *Пѣсенята за мъртвия братъ въ поезията на балканскитѣ народи.*

Д-ръ Ив. Франко. *Притчата за еднорога и нейниятѣ български вариантѣ.*

Статья Шишманова распадается на двѣ главы обзорнія литературы

предмета: изслѣдованія Вольнера, Психари, Политиса и критика ихъ у Веселовскаго, Дестуниса, Жирара, Крумбахера, Майера и Либрехта, труды Созоновича и его критиковъ Андрича и Вольнера, оцѣнка сказаній о мертвомъ братѣ и женихѣ Махала и Шайняну и библиографія, въ которой указаны варианты албанскіе, болгарскіе, греческіе, румынскіе и македонско-румынскіе и наконецъ сербскіе. Г-нъ Франко пришелъ въ своемъ изслѣдованіи къ слѣдующимъ результатамъ: «Притча о богатыхъ возникла на славянской вѣроятно болгарской почвѣ одновременно, а можетъ быть и ранѣе церковно-слав. перевода Варлаама и Иосафата, во всякомъ случаѣ независимо отъ этого перевода. Если и допустить, что сирійско-греческая притча о единорогѣ имѣла вліяніе на образованіе притчи о богатыхъ, то предположеніе, что при составленіи притчи авторъ пользовался греческимъ текстомъ ни на чемъ не основано и всего вѣроятнѣе, что ея источникомъ было устное преданіе. Незавѣстный авторъ соединилъ восточные элементы притчи съ христіанско-еврейскими воззрѣніями, какія мы находимъ въ физиологѣ, и съ славянскими народными преданіями въ такой формѣ, что они образуютъ если не закругленное художественное, то все же эффектное цѣлое, чтобы служить цѣлямъ еретической богомилской пропаганды. Какъ одно изъ немногихъ славянскихъ литературныхъ произведеній, которое не только въ заглавіи, но и въ тенденціи и основныхъ мотивахъ сохранило несомнѣнные слѣды богомилства, притча заслуживаетъ полнаго вниманія. Она расширяетъ наши свѣдѣнія относительно такъ называемыхъ болгарскихъ басенъ и болгарскихъ книгъ, указывая намъ, что кромѣ произведеній попа Іереміи, не заключавшихъ значительныхъ слѣдовъ богомилства, помимо апокрифическихъ книгъ вообще, распространявшихся чрезъ посредство болгаръ и между другими славянами и русскими въ особенности подъ именемъ «болгарскихъ басенъ» или болгарскихъ ложныхъ книгъ, были еще и другія поучительныя литературныя произведенія съ болѣе или менѣе ясными богомилскими тенденціями, которыя относились также точно къ категоріи болгарскихъ книгъ, по преимуществу.—Распространеніе и сохраненіе этихъ произведеній въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ въ юго-восточномъ славянскомъ мірѣ даже и тамъ, гдѣ богомилство никогда не выступало явно и гдѣ ему не удавалось организовать сколько нибудь самостоятельно, напр. въ Россіи свидѣтельствуетъ намъ, какъ широко развѣтвлены и глубоко духовныя вліянія между народами и эпохами и какъ осторожно, тщательно и широко должно вести изслѣдованія въ этой области, если желаемъ получить отъ нихъ прочные результаты».

Наконецъ намъ остается еще сказать о чрезвычайцо важныхъ статьяхъ

Д-ра Л. Милетича: *Нови влахо-български грамоти отъ Брашовъ.*

Его же. Седмидесетъ българки.

О существованіи влахоболгарскихъ грамотъ въ Брашовскомъ архивѣ не было извѣстно, пока архивъ не началъ приводить въ порядокъ нынѣшній архивариусъ г. Стеннеръ. Даже проф. Богданъ самъ родомъ изъ

Брашова ничего не зналъ о нихъ. Только, когда проф. Точилеску посѣтилъ Брашовъ и распрашивалъ, нѣтъ ли въ архивѣ относящихся до исторіи Румыніи латинскихъ документовъ, Стеннеръ указалъ ему эти Кирилловскія грамоты, которымъ онъ не придавалъ особеннаго значенія. Что же касается иностранныхъ ученыхъ, то никто изъ слав. филологовъ ни изъ Австріи, ни изъ другихъ земель не пріѣзжалъ заниматься въ архивѣ. А между тѣмъ здѣсь оказалось болѣе 400 неизданныхъ грамотъ, весьма цѣнныхъ для исторіи болг. яз. Проф. Милетичъ издалъ 121 грамоту и подвергъ изслѣдованію ихъ языкъ, рассмотрѣвъ фонетическія, формальныя и лексикальныя особенности напечатанныхъ имъ текстовъ. Въ другомъ своемъ трудѣ Милетичъ разсматриваетъ вопросъ о языкѣ Седмиградскихъ болгаръ. Софійскому профессору слѣдуетъ поставить въ заслугу, что онъ посѣтилъ мѣста, въ которыхъ живутъ остатки седмиградскихъ болгаръ Чергедъ, Баумгартенъ и Райсдѳрхенъ. Кромѣ того онъ занимался въ Германштадтѣ и въ архивѣ и музеѣ въ Пештѣ. Въ Германштадтѣ Милетичъ открылъ и нѣмецкіе оригиналы Чергедскихъ текстовъ, т. е. тѣ нѣмецкія церковныя пѣсни и молитвы, которыя были переведены на языкъ седмиградскихъ болгаръ. Кромѣ того въ Маломъ Чергедѣ ему удалось найти еще одинъ болгарскій канціональ 1812 г., въ которомъ оказалось 8 новыхъ молитвъ, а также варианты и дополненія къ напечатанному Миклошичемъ. Новый канціональ вмѣстѣ съ нѣмецкими оригиналами, а также и всѣ другіе документы изданы въ статьѣ Г-на Милетича. Каждый N напечатанъ сначала латинскимъ шрифтомъ, какъ въ оригиналѣ, затѣмъ въ Кирилловской транскрипціи чтеніе предлагаемое авторомъ статьи съ нужными поясненіями и наконецъ нѣмецкій оригиналь. Помимо того авторомъ изложены и его личныя впечатлѣнія отъ путешествія въ IV главахъ 1) въ Чергедѣ, 2) въ Баумгартенѣ, 3) въ Райсдѳрхенѣ и 4) дополнительныя данныя изъ исторіи Чергедчанъ. Оба изданія проф. Милетича заслуживаютъ полнаго вниманія своею важностію и несомнѣнными достоинствами.

Къ изслѣдованіямъ по болгарскому языку относится также статья П. Гжбюва, представляющая разборъ Тырновскаго говора.

Въ отдѣлѣ критики заслуживаетъ вниманія статья покойнаго Д. Матова, представляющая разборъ двухъ сборниковъ: 1) Стоилова: Сборникъ отъ български народни умотворенія (двѣ книжки, I, заключающая бытовья пѣсни София 1894 и II, содержащая пѣсни изъ политической жизни) и 2) свящ. Любенова: Самовили и самодиви. Статья даетъ важныя указанія, какъ издатели такихъ сборниковъ должны относиться къ дѣлу, чтобы ихъ изданія приносили возможно большую пользу наукѣ.

За тѣмъ слѣдуетъ тщательный разборъ отдѣльныхъ пѣсенъ съ указаніемъ на варианты къ нимъ и на литературу предмета.

Какъ и всѣ другіе томы изданія XIII т. содержитъ народныя пѣсни, сказки, заговоры, матеріалы для словаря и пр.

Къ XIII тому приложены три изображенія художника Мрквички:

мужской софійскій костюмъ и два сюжета, представляющіе зданія въ Чепеларѣ и Чаушовѣ въ Родопахъ и 8 таблицъ къ статьѣ Добрускаго.

Въ заключеніе прибавимъ, что лѣтомъ текущаго года вышелъ и XIV т. сборника,

П. Лавровъ.

В. Н. Златарски. *Студии по българската история.* Въ *Периодическо Списание* на Българското Книжовно Дружество въ Сръдецъ. Подъ редакціята на В. Д. Стоянова (Очерки изъ болгарской исторіи въ Периодическомъ Изданіи Българскаго Литературнаго Общества въ Софіи. Подъ ред. В. Д. Стоянова). Годъ X, кн. LIV. Сръдецъ. 1896.

Молодой болгарскій историкъ, воспитанникъ с.-петербургскаго университета, В. Н. Златарскій, доцентъ болгарской исторіи въ софійскомъ Высшемъ Училищѣ, уже извѣстенъ въ болгарской исторической литературѣ серьезнымъ трудомъ о письмахъ константинопольскаго патріарха Николая Мистика къ болгарскому царю Симеону. Недавно онъ напечаталъ свою небольшую, но интересную работу подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ. По видимому, онъ предполагаетъ напечатать рядъ очерковъ по болгарской исторіи. На этотъ разъ онъ занимается довольно запутаннымъ вопросомъ о преемникахъ болгарскаго князя Омортага (Приемницѣ на Омортага). Онъ такъ начинаетъ этотъ свой очеркъ: «Съ началомъ IX вѣка начинается новый періодъ въ болгарской исторіи; съ того времени прекращаются тѣ внутреннія династическія междуусобія, та борьба народныхъ партій, которыя разрывали на части молодую Болгарію въ теченіи дѣлныхъ пятидесяти лѣтъ, и начинается быстрый политическій подъемъ и территориальное расширеніе болгарской державы; столкновенія болгаръ съ того времени не ограничиваются одною только Византіею, но направляются и на западный міръ, а ихъ походы и войны предпринимались не съ одною только цѣлью грабежа, но съ цѣлью завоеваній, въ которыхъ ясно отпечатлѣваются завѣтныя стремленія болгарскихъ князей относительно своихъ сосѣдей. Этимъ переворотомъ въ политикѣ Болгарія обязана исключительно новой династіи, которая заняла болгарскій престолъ въ первые годы IX в. Не смотря однако на все то, что эта династія своимъ мудрымъ 150-лѣтнимъ правленіемъ оставила самую лучшую память на страницахъ нашей отечественной исторіи, все-таки генеалогія ея представителей, а также и наследственные переходы престола въ ихъ руки являются очень неясными и запутанными, вслѣдствіе противорѣчивыхъ извѣстій, которыми мы въ настоящее время располагаемъ. Родоначальникомъ этой династіи былъ Крумъ, которому наследовалъ сынъ его Омортагъ, правившій странюю до 831 или до 832 г.» Но является вопросъ, кто были преемники Омортага? Извѣстія объ этомъ мы находимъ у продолжателя Амартола (и Льва Грамматика), Константина Багрянороднаго и у Теофилакта архіепископа болгарскаго; эти извѣстія и разсматриваетъ г. Златарскій «въ совмѣстномъ сопоставленіи, чтобы можно было опредѣ-

лить, насколько они взаимно оправдываются или отрицаются, и такимъ образомъ устранить ихъ видимое разнорѣчіе и установить, какъ нужно смотрѣть на каждое изъ нихъ» (стр. 759).

Разсматривая извѣстіе продолжателя Георгія Амартола, г. Златарскій вмѣстѣ съ професс. Гротомъ находятъ, что имя Владиміра въ разсказѣ стоитъ ошибочно, но, тоже несомнѣнно вопреки Гроту, принимаетъ, что вмѣсто Владиміра нужно читать Маломиръ, причемъ въ данномъ случаѣ ссылается на архіепископа болгарскаго Теофилакта, который «могъ пользоваться мѣстными болгарскими записями, въ которыхъ были отмѣчены болгарскіе князья». При этомъ г. Златарскій ссылается на сочиненія Голубинскаго «Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей болгарской» и проч. и Соколова «Изъ древней исторіи болгаръ», но не указываетъ на сочиненіе Ф. И. Успенскаго «Образованіе втораго болгарскаго царства», гдѣ мысль о туземныхъ источникахъ у Теофилакта развита лучше, чѣмъ у другихъ. Впрочемъ, мнѣніе о туземныхъ источникахъ у Теофилакта давно въ обращеніи въ Кирилло-Меѳодіевской литературѣ; у насъ эта мысль высказана, насколько мнѣ извѣстно, Савельевымъ Ростиславичемъ. Считая правдоподобнымъ мнѣніе г. Златарскаго о замѣнѣ у продолжателя Амартола имени Маломира именемъ Владиміра, я думаю, что главная причина этой замѣны была скорѣе палеографическая, чѣмъ какая-либо другая. Что вмѣсто Владиміра нужно видѣть Маломира, подтвержденіемъ можетъ служить и греческая надпись у фонтана съ именемъ: *Μαλαμῆρ ὁ ἐκ Θεοῦ ἄρχων* (Corpus inscript. graec. t. IV, № 8691), на которую, насколько мнѣ извѣстно, впервые обратилъ вниманіе г. Златарскій. Отождествленіе Маломира съ Владиміромъ не противорѣчитъ и историческимъ обстоятельствамъ. Маломиръ, младшій сынъ Омортага, былъ современникомъ импер. Теофила, какимъ и представляется преемникъ Омортага; это не говоритъ противъ Константина Богрянороднаго, по которому Борисъ называется сыномъ Пресіама. Довольно длинное разсужденіе о возможности употребленія греческаго языка у болгаръ въ первое время ихъ политической жизни, я думаю, излишне; ибо это считается въ настоящее время извѣстнымъ фактомъ, тѣмъ болѣе, что у насъ есть и прямое свидѣтельство черноризца Храбра. Что же касается титула *ὁ ἐκ Θεοῦ ἄρχων*, то онъ, конечно, взятъ былъ отъ грековъ; сами же греки называли болгарскихъ князей и царей *ἄρχων*; а *ἐκ Θεοῦ* явилось по подражанію грекамъ вмѣсто *ἐλέφ τοῦ Θεοῦ*, если только это *ἐκ* не было ошибочно прочитано вмѣсто сокращеннаго *ἐλέφ*. Какъ извѣстно, славяне были падки до титуловъ и болгары въ этомъ отношеніи не составляли исключенія. По соображеніямъ г. Златарскаго, Маломиръ сталъ управлять Болгаріею около 831 или 832 г., а управляя ею до 836 или 837 г. Причину, почему получилъ престолъ младшій сынъ Омортага, онъ видитъ въ интригѣ болгаръ, чтобы парализовать усиленіе славянскаго элемента въ Болгарской державѣ, который при помощи христіанства въ правленіи Крума поднялся высоко, а бояре-болгары, которые составляли сплоченное и сильное сосло-

віе въ Болгаріи, потеряли было свое значеніе; они, по мнѣнію автора, взяли Маломира въ руки и сдѣлали его орудіемъ, а первые два сына слабаго Омортага, Енравота ¹⁾ и Звиница, по проискамъ бояръ, были устранены отцомъ отъ престола за приверженность къ христіанству. Впрочемъ, послѣднее обстоятельство было только поводомъ къ устраненію.

Все сказанное г. Златарскимъ было бы весьма хорошо, если бы оно было доказано. Правда только одно, что христіанство дѣлало большіе успѣхи въ Болгаріи во время преемниковъ Крума; всѣ же другія соображенія г. Златарскаго остаются далеко недоказанными. О правленіи Маломира г. Златарскій не сообщаетъ ничего новаго. Также ничего новаго онъ не сообщаетъ и объ Енравотѣ.

Преемникомъ Омортага, по мнѣнію г. Златарскаго, былъ Пресіамъ. Это свое положеніе онъ основываетъ на хронологическихъ данныхъ, — что Борисъ вступилъ на болгарскій престолъ въ 40-хъ годахъ IX вѣка, не раньше 843—845 г. Слѣдовательно, между Маломиромъ и Борисомъ былъ еще одинъ князь, а какой именно, г. Златарскій опредѣляетъ по Константину Багрянородному, который Пресіама считаетъ отцомъ Бориса. Теофилактъ не отмѣчаетъ Пресіама по тому, что послѣдній неизвѣстенъ своими дѣйствіями противъ христіанъ въ Болгаріи, что очень правдоподобно. Разсуждая далѣе объ отношеніяхъ болгаръ и сербовъ, г. Златарскій предполагаетъ, что была серьезная причина ихъ столкновенія, которая намъ до сего времени остается неизвѣстной.

Ко времени правленія Пресіама г. Златарскій относитъ и сношенія болгаръ съ уграми, поводомъ чему послужили возстанія византійцевъ, переселенныхъ Крумомъ въ качествѣ плѣнниковъ изъ Адрианополя на сѣверъ отъ Дуная. Здѣсь г. Златарскій опять прибѣгаетъ къ предположеніямъ и перестановкѣ именъ. Онъ говоритъ, что плѣнники возстали при Маломирѣ, а возвратились въ отечество при Пресіамѣ. Такимъ образомъ, онъ отрицаетъ походъ Михаила на Солунь, — походъ, о которомъ сообщаетъ продолжателъ Амартола, на томъ основаніи, что мы ничего не знаемъ объ этомъ походѣ. Вѣсто похода Михаила на Солунь онъ предполагаетъ походъ Пресіама на сербовъ, и это вполнѣ соответствовало бы указаніямъ продолжателя Амартола, — что возвращеніе плѣнниковъ изъ-за Дуная окончилось при императорѣ Теофигѣ, при которомъ Михаилъ-Борисъ еще не былъ княземъ Болгаріи. Несомнѣнно, что сообщаемыя продолжателемъ Амартола свѣдѣнія о возмущеніи плѣнниковъ-византійцевъ на сѣверномъ берегу Дуная и возвращеніи ихъ оттуда не совсѣмъ ясны и едва-ли полны; но отсюда еще не слѣдуетъ, что нужно отрицать и сообщаемые тамъ факты. Изъ разсказа продолжателя ясно, что если плѣнники возвращались въ Византію не въ два приема, то, по крайней мѣрѣ, было нѣсколько попытокъ къ возвращенію. Я склоненъ, однако,

1) Въ формѣ Енравота я вижу имя (Аровота) Яровота, какъ Яромиръ, Ярославъ или какъ Янтра и Етеръ; по болгарски было бы: Еравота.

думать, что возвращеніе плѣнниковъ состоялось, по крайней мѣрѣ, въ два приѣма, и впервые оно началось уже въ правленіе Омортага и произошло мирнымъ путемъ, какъ отмѣчаетъ Константинъ Багрянородный. Когда болгары это замѣтили, они должны были принимать мѣры противъ этого; но въ свою очередь и плѣнники прибѣгли къ другимъ приѣмамъ, способствовавшимъ ихъ возвращенію, а именно они отправили посольство въ Константинополь и воспользовались временемъ похода Михаила на Солунь. Г. Златарскій совершенно отрицаетъ, главнымъ образомъ, этотъ походъ на томъ основаніи, что княженіе Михаила началось не раньше 843—845 г. и, слѣдовательно, онъ не былъ современникомъ импер. Θεοφιλα. Но это еще не фактъ, а одно предположеніе, не имѣющее достаточныхъ основаній. Мы еще не знаемъ, когда именно началось княженіе Михаила; оно могло начаться и въ послѣднихъ годахъ царствованія Θεοφιλα, хотя Борисъ былъ тогда еще довольно молодъ. Что же касается похода Михаила на Солунь, то мы не имѣемъ никакого права его отрицать, тѣмъ болѣе, что преемникъ Михаила, Симеонъ, также имѣлъ походъ на Солунь и чуть не въ первые годы своего правленія.

Въ концѣ своей статьи г. Златарскій представляетъ генеалогическую таблицу болгарскихъ князей отъ начала династіи Крума до Бориса: Крумъ (803—814 г.г.), Омортагъ (до 831 или 832 г.), Маломиръ (до 836 или 837 г.), Пресіамъ (до 843—845 г.) и Борисъ (до 884 или 885 г.).

Разбираемые г. Златарскимъ вопросы не новы въ литературѣ. Еще въ 1845 г. извѣстный Савельевъ-Ростиславичъ, разбирая извѣстія о болгаряхъ, находимыя въ житіи тиверіопольскихъ мучениковъ, разсматривалъ этотъ вопросъ ¹⁾. Г. Златарскій повидимому не зналъ работы г. Савельева-Ростиславовича по сему предмету, который представляетъ генеалогическую таблицу болгарскихъ царей IX в. слѣдующимъ образомъ: Крубошъ (809—820), Обритагъ (820—826), Маломиръ (827—830), Борисъ (830—866 и вторично до 870), Владиміръ (Пресіамъ 866—870), Симеонъ (870—927).

Bojarski, Historia Focjusza apostola syzmy (wm. schizmy) moskiewskiej, greckiej i innych wschodnich narodów, oparta na owiadectwach współczesnych pisarzy greckich, czerpana z dzieł francuskich i innych. Wydał własnym nakładem (Боярскій, Исторія Фотія, апостола схизмы московской, греческой и другихъ восточныхъ народовъ, основанная на свидѣтельствахъ современныхъ греческихъ писателей, извлеченная изъ французскихъ и иныхъ сочиненій. Издана собственнымъ иждивеніемъ). Lwów, Gubrupowicz i Schmidt. 1895, 8°, стр. 441—2.

Я уже имѣлъ случай сказать на страницахъ «Византійскаго Временника» нѣсколько словъ о памфлетѣ на знаменитаго патріарха Фотія, составленномъ уніатскимъ священникомъ Вас. Лукачемъ. Довольно объемистая книга польскаго католическаго священника Боярскаго мало чѣмъ отли-

¹⁾ Н. В. Савельева-Ростиславича. Славянскій Сборникъ. Спб. 1845. стр. 37, гл. III: Новый источникъ для болгарской исторіи IX вѣка.

чается отъ книги Лукача; она также составлена почти исключительно по тенденціозной книгѣ Яжера, изданной 50-тъ лѣтъ тому назадъ. О монументальномъ трудѣ Гергенрёттера и другихъ серьезныхъ сочиненіяхъ о Фотіѣ г. Боярскій не имѣетъ повидимому и понятія, хотя о нихъ онъ могъ бы узнать изъ статьи проф. Эргарда (Ehrgard) въ Гердеровскомъ церковномъ словарѣ. Есть, впрочемъ, и отличія отъ книги Лукача; г. Боярскій относится съ фанатическою ненавистію къ личности патріарха Фотія, и вообще тонъ рѣчи автора крайне задорный, что совсѣмъ не идетъ священнику. Отсюда ясно, что къ книгѣ г. Боярскаго нельзя относиться даже съ самою снисходительною критикою, что, впрочемъ, отмѣтила и польская критика (См. *Gazeta Kocelna* 1896, № 4, стр. 38; *Kwartalnik Historyczny* 1897, XI, вып. II, стр. 398). О книгѣ г. Боярскаго можно говорить развѣ въ виду только того, чтобы предостерегать тѣхъ, которые желали бы познакомиться съ ней.

Vojtěch Plotěný, *O apoštolátu sv. Ondřeje v Evropě a jeho smrti*. Časopis katolického duchovenstva. Organ vědeckého odboru Akademie Krěstánské v Praze. Ročn. XXXVIII, 1897, svaz. IV—VII (Войтѣхъ Плотѣнный, Объ апостольствѣ св. Андрея въ Европѣ и объ его смерти. Въ Журналѣ католическаго духовенства. Органъ ученаго отдѣленія Христіанской Академіи въ Прагѣ. Годъ XXXVIII, 1897, вып. IV—VI). V Praze.

Въ интересной статьѣ г. Войтѣха Плотѣннаго разсматривается вопросъ объ апостольствѣ св. Андрея въ предѣлахъ восточной Европы и между прочимъ въ предѣлахъ Россіи. Онъ прежде всего обращается къ апокрифу «Дѣянія Андреевы и Матѣевы въ странѣ людоѣдовъ», затѣмъ къ такъ называемой «Исторіи страданія апостоловъ», въ заглавіи которой стоитъ имя Авдія, епископа Вавилонскаго, и къ происшедшимъ изъ апокрифа — Епифаніевой легендѣ и легендѣ англосаксонской и наконецъ къ *Legenda Aurea* Якова де Ворагине. Далѣе онъ переходитъ къ патристической литературѣ, гдѣ находитъ сообщенія о проповѣди апостола Андрея прежде всего у писателя III вѣка св. Ипполита, а потомъ у Оригена, цитируемаго Евсевіемъ, далѣе у Іоанна Златоустаго и Григорія Назіанзина, блаж. Іеронима, Θεодорита Кирскаго, Павлина Ноланскаго и Петра Хрисолога. Всѣ эти апокрифическія и патристическія указанія относятъ проповѣдь апостола Андрея кромѣ страны людоѣдовъ главнымъ образомъ къ Ахайѣ. Послѣ этого слѣдуетъ рядъ указаній на апостольство св. Андрея въ предѣлахъ русскихъ. Г. Плотѣнный приводитъ сперва извѣстіе Нестора, а затѣмъ указываетъ на проложный рассказъ по сообщеніямъ Кульчинскаго въ его *Specimen Ecclesiae Ruthenicae*, рассказъ, который приводитъ еп. Пелешъ въ своей *Geschichte der Union der ruthenischen Kirche* (I, стр. 35), но который различается отъ издавна мною въ Извѣстіяхъ II Отдѣла Академіи Наукъ (I, 82). При этомъ авторъ говоритъ, что указанный Кульчинскимъ и Пелешомъ рассказъ помѣщенъ въ антологіи, разумѣя подъ этимъ, по всей вѣроятности, нашъ Анеологіонъ или Анеологіей, извѣстный у славянъ подъ названіемъ Избранной

Минеи, хотя вѣрнѣе было бы указать на Прологъ, откуда разсказъ, несомнѣнно, заимствованъ. Наконецъ онъ указываетъ на Степенную книгу (Kniha Stupňova), при чемъ Грузино у него названо Družena (ve vsí Družině). Покончивъ, такъ сказать, съ оригиналами, г. Плотный обращается къ литературѣ вопроса, приводя мнѣнія объ этомъ Миклошича, Крека, Шлѣпера, К. Н. Бестужева-Рюмина, митроп. Макарія, Шафарика, Голубинскаго, еп. Пелеша, и больше всего останавливается на мнѣніи академика Байера, но, видимо, на его сторону не склоняется. Я привожу эти имена въ томъ порядкѣ, въ какомъ они приводятся въ статьѣ. Какъ видно отсюда, г. Плотному неизвѣстны труды В. Г. Васильевскаго, Малышевскаго и Сперанскаго по этому вопросу. Чтобы опровергнуть Байера, онъ обращается къ вопросу о первомъ появленіи христіанства на Руси (o prveotném zavedení křestanství na Rusi), который онъ считаетъ очень важнымъ и заслуживающимъ серьезнаго вниманія. Для рѣшенія его онъ приводитъ извѣстія о св. Андрѣ у патріарха Софронія (+ 637 г.), Никифора Каллиста (XIV в.), въ Менологіи Василія, Синописи Дороея Тирскаго и записи римскаго бревіарія и мартирологія о смерти апостола. Опредѣливъ географическія данныя, встрѣчаемыя у указанныхъ сейчасъ писателей, г. Плотный рѣшаетъ, что указанные ими мѣста находятся частью на Кавказѣ, частью въ нынѣшней южной Россіи, и на этомъ основаніи онъ думаетъ, что св. апостоль Андрей дѣйствительно жилъ нѣкоторое время на сѣверномъ побережьи Чернаго моря и въ области нижняго Днѣпра и сѣлъ тамъ сѣмя Христовой вѣры (na severním pobřeží Černého moře i v krajinách dolního Dněpru nějaký čas meškali tam sime viry Kristovu rozséval).

Затѣмъ авторъ переходитъ къ частнымъ вопросамъ, связаннымъ съ проповѣдью Андрея на Руси, именно онъ указываетъ на анахронизмы въ сказаніяхъ о путешествіи апостола. Прежде всего онъ считаетъ вопреки мнѣнію митрополита Платона, а затѣмъ Карамзина и Штраля (Strahl, Geschichte d. russ. Kirche. I, 37), едва-ли возможнымъ обычаемъ водружать кресты во времена апостоловъ. Что же касается упоминанія «Степенной Книги» о томъ, что св. Андрей водрузилъ въ с. Грузинѣ свой епископскій жезлъ, то его можно считать позднѣйшимъ, на дѣйствительности неоснованнымъ, ибо о святительскихъ инсигніяхъ того времени не можетъ быть и рѣчи. Не меньшею безмыслицею (blud) можно считать и то, что «устья днѣпровскія находятся близъ Корсуня».

Но самымъ большимъ затрудненіемъ является вопросъ, откуда началось апостольское хожденіе св. Андрея (odkud sv. Ondřeji svou apoštolskou pouť podnikl). Легенда Епифанія, говоритъ г. Плотный, а за нею и Несторъ указываютъ на Синопъ, откуда апостоль пришелъ въ Корсунь. Исполнивъ свою миссію, св. Андрей отправился въ Римъ, и отсюда возвратился въ Синопъ. Г. Плотный, слѣдя мнѣнію еп. Пелеша, находитъ несообразнымъ такой кружной путь въ Старый Римъ, — путь, о которомъ ничего, говоритъ онъ, неизвѣстно изъ другихъ источниковъ. По-

этому онъ, повидимому, склоняется къ мнѣнію еп. Пелеша и, можно было бы сказать, и другихъ, что Несторъ здѣсь разумѣетъ не Старый Римъ, а новый—Византію, которая стала гордиться именемъ апостола съ IV в., когда Константиномъ Великимъ этотъ городъ былъ возвышенъ и сдѣланъ императорскою столицею. При всемъ этомъ г. Плотѣному, какъ католику, не совсѣмъ нравится, что имя апостола связывается съ Византіею; ибо иначе пришлось бы признать утверждение епископской кафедры въ Константинополѣ св. Андреемъ, но этого онъ не желаетъ признать. Впрочемъ, этотъ вопросъ онъ трактуетъ несамостоятельно, послѣдуя мнѣніямъ другихъ ученыхъ и неученыхъ. «Съ этимъ извѣстіемъ, говоритъ г. Плотѣный, т. е. съ тѣмъ, что св. Андрей былъ въ Византіи, вполне согласуется и то, что говорится въ старомъ Анеологіонѣ,—что св. Андрей до своего прихода на Русь пребывалъ въ Византіи и тамъ поставилъ епископомъ Стахіа. Это извѣстіе въ одинаковой степени подтверждаютъ и греческія свидѣтельства. Уже въ древнѣйшихъ апостольскихъ установленіяхъ апокрифическихъ (у *prastarych* *apokryfichnich* *Konstitucich* *apostolskych*), въ греческихъ мивеяхъ и въ искаженныхъ писаніяхъ Дорооея, іерея или епископа тирскаго, мы читаемъ, что св. Андрей установилъ церковь въ Византіи и посвятилъ въ тамошніе епископы Стахіа. Эта повѣсть въ средніе вѣка, и главнымъ образомъ во времена патріарха Фотія, была принята какъ дѣйствительный историческій фактъ, и тѣмъ охотнѣе, что, благодаря ей, высокое значеніе царградской епископской столицы могло подняться еще выше. Изъ предшественниковъ Фотіевыхъ касается этой повѣсти патріархъ Никифоръ такими словами: «Апостолъ Андрей былъ первымъ проповѣдникомъ евангелія въ Византіи, въ Аргирополѣ поставилъ храмъ, въ которомъ съ усердными молитвами вѣрующіе обращались къ Богу, и посвятилъ въ епископа Стахіа, о которомъ упоминаетъ апостолъ въ посланіи Римлянамъ». Поляѣ эта повѣсть передается историкомъ Никифоромъ Каллистомъ: «Когда ему (Андрею) были опредѣлены по жребію земли Фракіи, Македоніи и Евксина, онъ проповѣдовалъ Христа въ Византіи. Когда же Зевзиппъ, тамошній самозванецъ, хотѣлъ его предать смерти, онъ (апостолъ) пришелъ тогда въ Аргирополь, гдѣ два года училъ народъ и очень многихъ обратилъ ко Христу. Наконецъ онъ построилъ тамъ храмъ и поставилъ епископомъ Стахіа и потомъ отправился въ Синопъ».

Г. Плотѣный считаетъ не только невѣрнымъ сообщеніе о Зевзиппѣ, но даже «явною ложью», выражаясь словами Баронія. Онъ ссылается затѣмъ на Симеона Логоета «или Метафраста», далѣе на Георгія Кедрипа и Симеона Солунскаго, которые не упоминаютъ о Стахіѣ. Приводя послѣ этого слова объ этомъ Баронія и замѣчанія на нихъ Паджи, которые прямо говорятъ, что списокъ византійскихъ епископовъ у Никифора неполный, онъ высказывается такъ: Насколько правдоподобны догадки Паджи, опредѣлить не можемъ. Но насъ смущаетъ то обстоятельство, что до Фотія почти всѣ старыя свидѣтельства и всѣ писатели или мол-

чать объ епископѣ Стахіѣ, — при этомъ онъ указываетъ на похвальное слово св. Андрею Прокла, патріарха константинопольскаго (446 — 447 г.г.), — или прямо отрицаютъ апостольское происхожденіе цареградскаго епископства, чего на самомъ дѣлѣ не было бы, еслибы объ этомъ было что-либо извѣстно. На Никифоровъ списокъ полагаться нельзя, продолжаетъ г. Плотѣный. Это — мутный источникъ, такъ какъ составленъ, какъ утверждаетъ Лекіентъ, на основаніи подложныхъ писаній Лже-Дорошеевыхъ. За этимъ г. Плотѣный ссылается на мнѣнія папъ Геласія, Агапита и Николая I, которые также или прямо отрицаютъ апостольское происхожденіе цареградской кathedры, или косвенно, утверждая что Византія въ то время входила въ составъ парохій праклейскаго епископства. Наконецъ онъ указываетъ на хронографію Теофана и Пасхальную или Александрійскую хронику, по которымъ первымъ епископомъ цареградскимъ былъ Митрофанъ.

Такова аргументація г. Плотѣнаго по вопросу о пребываніи еп. Андрея въ Византію и объ апостольскомъ происхожденіи этой кathedры. Слѣдуетъ замѣтить вообще, что выводы его нерѣдко противорѣчивы и весь вопросъ выходитъ у него скомканнымъ. При этомъ нужно указать и на то, что онъ не обратилъ должнаго вниманія на показанія хронографіи Теофана (по изданію C. de Boog'a I, 16, 32) о константинопольскихъ епископахъ и Никифорову хронографію *σύντομον* (Nicerphori Opuscula historica, изд. C. de Boog'a, стр. 112, 114). Какъ смотрѣть надо на показанія хронографіи, объ этомъ уже писалъ Де-Бооръ (Theophanis Chronographia, II, 512), и на это г. Плотѣному слѣдовало обратить вниманіе при обсужденіи вопроса. Г. Плотѣный не приводитъ также всѣхъ именъ римскихъ императоровъ, персидскихъ царей и арабскихъ князей, какъ не приводитъ и именъ всѣхъ константинопольскихъ патріарховъ; но отсюда совсѣмъ не слѣдуетъ, что всѣ непоименованныя у него лица не существовали. (Ср. у C. de Boog'a II, стр. 510). Къ тому же изслѣдователь пользуется не новыми изданіями цитуемыхъ имъ сочиненій.

Въ послѣдней части своей студіи г. Плотѣный разсуждаетъ о мѣстѣ и времени смерти ап. Андрея и о способѣ его мученій.

II. Сырку.

3. Новыя книги, поступившія въ Редакцію.

Иванъ Евсѣевъ. Книга Пророка Иліи въ древне-славянскомъ переводѣ. Въ двухъ частяхъ. С.-Петербургъ. 1897. Цѣна 2 р. 50 к.

И. Е. Тимошенко. Литературные первоисточники и прототипы трехсотъ русскихъ пословицъ и поговорокъ. Кіевъ. 1897.

Д. Ѳ. Кобеко. Опытъ исправленія текста бесѣды о святыхъ Царяграда. С.-Петербургъ. 1897. Отд. отт. изъ Извѣстій Отд. русск. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ, т. II (1897), кн. 3.

Д. Θ. Кобеко. Дополнительная замѣтка къ статьѣ: «Опытъ исправленія текста бесѣды о святыхъ Царяграда». С.-Петербургъ. 1897. Отд. отт. изъ Извѣстій Отд. русск. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ, т. II. (1897), кн. 4.

М. Г. Попруженко. Синодикъ царя Бориса I. Текстъ. Одесса. 1897. Отд. отт. изъ Извѣстій Русск. Арх. Инст. въ Конст. II.

Д. Айналовъ. Отчетъ о заграничной командировкѣ на Аеонъ. Казань. 1897.

Α. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Φωτιακά. Ἐν Πετροπόλει. 1897.

Jean Paul Richter. Quellen der byzantinischen Kunstgeschichte. Ausgewählte Texte über die Kirchen, Klöster, Paläste, Staatsgebäude und andere Bauten von Konstantinopel. Wien. Carl Glaeser. 1897.

Karl Krumbacher. Eine neue vita des Theophanes Confessor. München 1897. Отд. отт. изъ Sitzungsber. d. philos.-philol. u. d. hist. Classe d. k. bayer. Akad. d. Wiss. 1897. Heft III.

Karl Krumbacher. Kasia. München 1897. Отд. отт. изъ Sitzungsber. d. philos.-philol. u. d. hist. Classe d. k. bayer. Akad. d. Wiss. Wien. 1897. Heft III.

Heinrich Moritz. Die Zunamen bei den byzantinischen Historikern und Chronisten. Theil I. Landshut 1897. Programm des K. humanist. Gymnasiums.

Gerhard Rauschen. Jahrbücher der christlichen Kirche unter dem Kaiser Theodosius dem Grossen. Versuch einer Erneuerung der Annales ecclesiastici des Baronius für die Jahre 378—395. Freiburg i B., Herder. 1897.

Albert Ehrhard. Forschungen zur Hagiographie der griechischen Kirche vornehmlich auf Grund der hagiographischen Handschriften von Mailand, München und Moskau. Roma 1897. Отд. отт. изъ Röm. Quartalschrift für christl. Alt. und für Kirche. XI.

Richard Reitzenstein. Geschichte der griechischen Etymologika. Ein Beitrag zur Geschichte der Philologie in Alexandria und Byzanz. Leipzig, B. G. Teubner. 1897. 8°. Цѣна 18 марокъ.

Hippolytus. Die griechischen Schriftsteller der ersten drei Jahrhunderte. Band I. Leipzig. 1897.

Herm. Peter. Die geschichtliche Litteratur über die römische Kaiserzeit bis Theodosius I und ihre Quellen. Bd. I—II. Leipzig, Teubner. Цѣна 24 марки.

Georg Wartenberg. Das mittelgriechische Heldenlied von Basileios Digenis Akritas. Berlin H. Gaertner. 1897. Wissensch. Beilage z. Jahrb. d. Lessing-Gymn. zu Berlin.

Verzeichniss der griechischen Handschriften der Königlichen Bibliothek zu Berlin. II. Von C. de Boor. Berlin, A. Ascher. 1897.

P. Joannes Bapt. Baur Ord. Cap. Argumenta contra orientalem ecclesiam eiusque synodicam euangelicam anni 1895. Oenipontae, F. Rauch. 1897.

D. C. Hesselting. Charos. Ein Beitrag zur Kenntniss des neugriechischen Volksglaubens. Leiden, S. C. van Doesburgh. 1897.

Hipp. Delehaye S. J. La vie d'Athanase patriarche de Constantinople (1289—1293, 1304—1310). Rome 1897. Οτδ. οττ. ιζζ Μélanges d'Arch. et d'Hist. publ. par l'École française à Rome. XVII.

Georges N. Hadjidakis. Du caractère hellénique des anciens Macédoniens. Athènes. 1896.

Edwin Hatch, D. D. The influence of Greek ideas and usages, upon the Christian Church. Edited by A. M. Fairbairn, D. D. Edinburgh, Williams and Norgate. 1890. 8°.

J. B. Bury, Iveron and our Lady of the Gate (Сказанія обѣ Иверскоѣ иконѣ Богоматери). Reprinted from Hermathena. Vol. X. № XXIII, 1897.

J. B. Bury, The Nika Riot. Reprinted from the Journal of Hellenic Studies. Vol. XVII, 1897.

Ἄδαμάντιος Ἴ. Ἄδαμάντιος. Τηνιακά. Ἀθήνησιν 1897. Οτδ. οττ. ιζζ Δελτίον τῆς ιστορ. καὶ ἐθνολογ. ἐταιρίας τῆς Ἑλλάδος. V.

N. Γ. Πολίτης, Δημῶδεις παροιμίαι ἐν μεσαιωνικοῖς ἑλληνικοῖς ποιήμασι. Ἐν Ἀθήναις 1896. Οτδ. οττ. ιζζ Ἐπετηρὶς νοῦ Παρνασσού.

Χρυσόστομος Α. Παπαδόπουλος. Περί τοῦ τόπου τῆς Κοιμήσεως τῆς Θεοτόκου (ιστορικὸν σημείωμα). Ἐν Ἱεροσολύμοις 1896.

Κλεόπας Μ. Κοικυλίδης. Ὁ ἐν Μιχθηβᾶ μωσαϊκὸς καὶ γεωγραφικὸς περὶ Συρίας, Παλαιστίνης καὶ Αἰγύπτου χάρτης. Ἐν Ἱεροσολύμοις 1897.

Ἐπαμεινώνδης Θ. Κυριακίδης. Βιογραφία τῶν ἐκ Τραπεζοῦντος καὶ τῆς περὶ αὐτὴν χώρας ἀπὸ τῆς ἀλώσεως μέχρις ἡμῶν ἀκμασάντων λογίων. μετὰ σχεδιάσματος ιστορικοῦ περὶ τοῦ ἑλληνικοῦ φροντιστηρίου τῶν Τραπεζουντιῶν. Ἐν Ἀθήναις 1897.

Ἐταιρεία ὁ «Ἑλληνισμός». Μακεδονία ἦτοι μελέτη οἰκονομική, γεωγραφική, ιστορική καὶ ἐθνολογική τῆς Μακεδονίας. Ἐκδοσις δευτέρα. Ἐν Πειραιεὶ 1896.

Χρυσόστομος, ἀρχιδιάκονος Ἐφέσου. Καπουλη-Παναγιά, ἦτοι ὁ μακρὰν τῶν ἐρειπίων τῆς Ἐφέσου ἀνακαλυφθεὶς ὑπὸ τῶν καθολικῶν οἴκος τῆς Θεομήτορος. Ἐν Ἀθήναις 1896.

Ρήγας Ν. Καμηλάρις. Γρηγορίου Κωνσταντᾶ βιογραφία, λόγοι, ἐπιστολαὶ μετὰ περιγραφῆς τῶν Μηλέων καὶ τῆς σχολῆς αὐτῶν. Ἐν Ἀθήναις 1897.

Βασίλειος, ἀρχιεπίσκοπος Σμύρνης. Ὑπόμνημα περὶ ἐκκλησιαστικοῦ ἀφορισμοῦ κατὰ τοὺς θείους καὶ ἱεροὺς κανόνας καὶ τὴν διδασκαλίαν τῶν θεηγόρων πατέρων τῆς ὀρθοδόξου καθολικῆς τοῦ Χριστοῦ ἐκκλησίας. Ἐν Κ/πόλει 1897.

Ἐταιρεία ὁ «Ἑλληνισμός». Ἐθνικὰ ἄσματα τῆς Ἑλλάδος 1453 — 1821. Ἐν Ἀθήναις 1896. Π. 50 λεπτῆ.

Τρύφων Ἐ. Εὐαγγελίδης. Κοσμάς Αἰτωλός (1714 — 1779). Βίος καὶ ἔργα αὐτοῦ. Ἱστορική καὶ κριτικὴ μελέτη. Ἐν Ἀθήναις 1897.

Βουουεντούρας Γρασίσιος. Ἀγία Σοφία. Ἐν Λιψία 1897.

Μ. Γ. Θεοτόκος. Νομολογία τοῦ οἰκουμενικοῦ πατριαρχείου. Ἐν Κ/πόλει 1897.

Σπ. Π. Λάμπρος. Ἱστορία τῆς Ἑλλάδος. Τεῦχος 76—78.

ОТДѢЛЪ III.

Одиннадцатый интернаціональный конгрессъ ориенталистовъ въ Парижѣ. 5—12 сентября 1897 года. — VI-я секція: Греція-Востокъ.

Одиннадцатый интернаціональный конгрессъ ориенталистовъ собрался въ Парижѣ 5 сентября 1897 года по новому стилю. Засѣданія отдѣльных секцій имѣли мѣсто въ зданіяхъ Collège de France и Новой Сорбонны. Секцій конгресса было семь: 1) языки и археологія арійскихъ странъ (Индіа, Иранъ); 2) языки и археологія Крайняго Востока (Китай и Японія, Индо-Китай); 3) мусульманскіе языки и археологія; 4) семито-ассирологія; 5) Египетъ и африканскіе языки; 6) Греція—Востокъ; 7) этнографія и Folk-Lore.

Послѣ вечерняго reception familière въ Hôtel des Sociétés Savantes въ воскресенье 5 сентября, утромъ на слѣдующій день въ зданіи Lycée Louis-le-Grand происходило торжественное открытіе конгресса подѣ председательствомъ Министра Народнаго Просвѣщенія Альфреда Рамбо. На открытіи пріветственныя рѣчи говорили президентъ настоящаго конгресса Шеферъ, министръ, президентъ муниципальнаго совѣта и представители иностранныхъ правительствъ и ученыхъ обществъ.

Въ нашемъ отчетѣ о конгрессѣ мы будемъ имѣть въ виду почти исключительно одну шестую секцію, т. е. Грецію—Востокъ. Президентомъ этой секціи былъ выбранъ извѣстный грекъ Викелаясъ (Vikélas), вице-президентами профессора Карлъ Крумбахеръ изъ Мюнхена и Иосифъ Стржиговскій изъ Граца, секретарями Францъ Кюмонъ (Simon) изъ Брюсселя и Теодоръ Ренакъ изъ Парижа.

Грековосточная секція имѣла пять засѣданій, во время которыхъ былъ прочитанъ рядъ сообщеній, частью касающихся византійскаго времени, частью захватывающихъ періоды болѣе древніе и даже доисторическіе.

Въ первомъ засѣданіи въ понедѣльникъ 6 сентября проф. К. Крумбахеръ прочелъ Notice Sommaire, составленную имъ по просьбѣ Центральнаго Комитета, объ успѣхахъ византологіи со времени послѣдняго конгресса ориенталистовъ въ Женевѣ въ 1894 году. Въ своемъ подроб-

номъ сообщеніи, изъ котораго дѣйствительно можно было убѣдиться, какими крупными шагами идутъ впередъ занятія и успѣхи византологовъ и какой глубокой интересъ возбуждаетъ теперь среди различныхъ національностей византійская исторія, литература, искусство,—проф. Крумбахеръ удѣлилъ большое мѣсто трудамъ русскихъ ученыхъ, русскимъ журналамъ и изданіямъ, какъ то: «Византійскому Временнику», «Византійскому Отдѣленію» въ Лѣтописи Ист.-Филолог. Общ. при Имп. Новороссійскомъ Университетѣ, «Извѣстіямъ Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ» и нѣк. др.

Во второмъ засѣданіи во вторникъ 7 сентября изъ четырехъ прочитанныхъ рефератовъ два касались византійскаго времени.

Французскій ученый Шарль Диль (Charles Diehl), профессоръ изъ Нанси, сдѣлалъ очень живое, интересное сообщеніе о церемоніалѣ византійскаго двора. Какъ извѣстно, всѣ свѣдѣнія о пышныхъ, сложныхъ византійскихъ церемоніяхъ мы находимъ въ Обрядникѣ Константина Багрянороднаго. Но главныя ихъ черты можно замѣтить и раньше: великолѣпіе, пышность, приемы—все это было извѣстно еще со времени Юстиніана Великаго, т. е. въ VI вѣкѣ. Проф. Диль, на основаніи изученія Панегирика Юстину II Кориппа и нѣкоторыхъ другихъ источниковъ, какъ напр. мозаики св. Виталія, воспроизводитъ картину придворнаго ритуала времени Юстиніана, описываетъ торжественныя приемы, ослѣпительную роскошь дворцовъ, осыпанныя драгоцѣнными каменьями одѣянія и приходитъ къ тому заключенію, что Юстиніанъ, будучи кодификаторомъ права, является въ тоже время кодификаторомъ придворнаго церемоніала.

Второе сообщеніе «*Quelques remarques sur la chronologie du reigne de Théophile d'après les sources byzantines et arabes*» было сдѣлано магистрантомъ петербургскаго университета А. Васильевымъ. Референтъ, на основаніи показаній византійскихъ источниковъ — Георгія Амартола (= Симеона Магистра = Льва Грамматика), Генесія, продолжателя Теофана—и арабскихъ хроникъ Якуби и Табари, пытается установить три хронологическія спорныя даты, важность которыхъ именно въ IX вѣкѣ вытекаетъ изъ того, что, при скудости точныхъ указаній въ источникахъ на время того или другаго событія, всякая вновь установленная дата можетъ повлечь за собою опредѣленіе цѣлаго ряда другихъ. Въ данномъ случаѣ А. Васильевъ говоритъ о трехъ тѣсно между собою связанныхъ фактахъ: о бѣгствѣ извѣстнаго византійскаго полководца времени императора Теофила Мануила къ арабамъ, о посольствѣ ученаго синкелла Іоанна Грамматика къ арабскому Халифу и о посвященіи этого Іоанна Грамматика въ константинопольскіе патріархи. Результатъ реферата таковъ, что, вопреки мнѣнію большинства, бѣгство Мануила должно относиться къ 830 году или къ самому началу 831-го, посольство Іоанна Грамматика къ іюлю мѣсяцу 831 года и посвященіе его въ патріархи къ воскресенью 21 апрѣля 832 года.

Гораздо болѣе отдаленное отношеніе къ византійскому времени имѣлъ рефератъ Франца Кюмонъ (Simon) о распространеніи маздаизма въ Малой Азіи, о продолжительности его существованія въ Каппадокіи, засвидѣтельствованнаго текстами Страбона, св. Василія, Приска, въ Лидіи, Фригіи и Галатіи и о мистеріяхъ Митры. Сообщение Саломона Ренака «Изображенія обнаженныхъ женщинъ въ доисторическомъ средиземномъ искусствѣ» въ данномъ случаѣ насъ интересовать не можетъ.

Нельзя пройти молчаніемъ сообщенія, сдѣланнаго въ этотъ же день въ секціи Ислама будапештскимъ профессоромъ Гольдциеромъ (Goldziher), «Sur le Projet d'une Encyclopédie Musulmane». Всѣмъ извѣстно, въ какихъ близкихъ отношеніяхъ находилась Византія на протяженіи всего времени своего существованія съ Мусульманскимъ Востокомъ; поэтому предпріятіе, подобное изданію Мусульманской Энциклопедіи, должно живо интересовать и византійскихъ ученыхъ. Впервые мысль объ изданіи высказалъ на девятомъ конгрессѣ ориенталистовъ въ Лондонѣ въ 1892 году Robertson Smith. Имѣлось въ виду изданіе по возможности полной Энциклопедіи по Мусульманскому Востоку, удовлетворяющей требованіямъ современнаго знанія, на подобіе того, какъ существуетъ для классической литературы «Realencyclopädie» Паули, а для исторіи теологіи Энциклопедіи Герцога (Herzog) и Лихтенбергера. Послѣдовавшая скорѣ послѣ этого смерть Смита, избраннаго президентомъ комитета по изданію Энциклопедіи, остановила на время исполненіе проекта. Вопросъ снова былъ поднятъ на женевскомъ конгрессѣ, гдѣ дѣло по изданію Энциклопедіи было передано въ руки проф. Гольдциера, который и ознакомилъ членовъ послѣдняго Парижскаго Конгресса съ современнымъ состояніемъ этого далеко еще нерѣшеннаго вопроса. На Парижскомъ конгрессѣ въ засѣданіяхъ 8 и 9 сентября былъ окончательно опредѣленъ составъ комитета по изданію Мусульманской Энциклопедіи. Нельзя не пожелать отъ души этому въ высшей степени полезному, но въ тоже время и трудному предпріятію скорѣйшаго и полнаго успѣха.

Изъ сообщеній, прочитанныхъ въ третьемъ засѣданіи секціи «Гречія-Востокъ», мы отиѣтимъ сообщеніе профессора Московскаго Лазаревскаго Института А. Хаханова «О грузинскомъ переводѣ Физіолога».

Существованіе «Физіолога» на грузинскомъ языкѣ не было извѣстно до настоящаго времени; только лѣтомъ прошлаго года проф. Хаханову удалось его открыть въ Сборникѣ X вѣка, извѣстномъ подъ именемъ Шатбердскаго и переписанномъ большею частью инокомъ Іоанномъ въ Лаврѣ Шатбердіи въ Западной Грузіи. Грузинскій Физіологъ заключаетъ въ себѣ 34 главы, причемъ порядокъ распредѣленія матеріала совпадаетъ съ инвентаремъ греческаго Физіолога изъ Московской Синодальной бібліотеки до 22-й главы, а начиная съ этой главы отмѣченное совпаденіе нарушается. Приближаясь всего болѣе только къ этой греческой редакціи Физіолога, грузинская версія не можетъ быть признана

въ родствѣ ни съ армянской, въ которой встрѣчаются «не физиологическіе» звѣри (напр. пѣтухъ), ни съ сирійской. Однако, буквальный переводъ самого заглавія грузинскаго памятника и присутствіе въ немъ звѣрей безъ перевода въ греческой формѣ (каландросъ-крокодилосъ) даютъ основаніе думать, что грузинскій Физиологъ восходитъ къ неизвѣстному греческому оригиналу.

Въ это же засѣданіе Θεодоръ Ренакъ сдѣлалъ небольшой докладъ о нѣкоторыхъ музыкальных отрывкахъ, находящихся на послѣднихъ листахъ Ватиканской рукописи 192, которая относится къ XIV вѣку.

Четвертое засѣданіе было все посвящено византійскому искусству. Проф. Иос. Стржиговскій сдѣлалъ обстоятельное сообщеніе о современномъ состояніи работъ по византійскому искусству, гдѣ онъ между прочимъ указалъ на большія услуги, оказанныя французскими учеными въ этой области византиновѣдѣнія. При этомъ собраніе единодушно рѣшило, чтобы изданія книгопродавца Леру (Leroux) «Monuments de l'art byzantin» въ виду ихъ глубокаго интереса были «recommandés à la libérale sollicitude du Gouvernement Français». Въ этомъ же засѣданіи нѣмецкій ученый Грэвенъ (Gräven) сдѣлалъ сообщеніе о коллекціи византійскихъ изображеній изъ слоновой кости, которую онъ думаетъ издать въ сотрудничествѣ съ другими учеными. Шмидтъ далъ свѣдѣнія объ изданіи имъ каталоговъ греческихъ и коптскихъ вещей, хранящихся въ Музеѣ Гизе. Шлумбергеръ (Schlumberger) представилъ фотографію еще неизданнаго византійскаго изображенія изъ слоновой кости XI вѣка и византійскаго ларца (coffre) съ надписью, относительно которой были высказаны членами секціи различныя предположенія. Саладинъ (Saladin) сдѣлалъ сообщеніе о мечети Каігоуап; по его мнѣнію, болѣе двухъ третей ея капителей суть византійскаго происхожденія, отчасти, повидимому, изъ Карфагена; каедрa въ мечети по своей орнаментикѣ также носитъ на себѣ слѣды византійскаго вліянія.

Изъ сообщеній послѣдняго засѣданія секціи «Греція - Востокъ» только одно касалось Византіи: это именно работа Карла Шмидта о коптскомъ искусствѣ, которое онъ не считаетъ происходящимъ изъ древне-египетскаго искусства, а видитъ въ немъ лишь одинъ изъ видовъ искусства византійскаго. Остальные рефераты этого засѣданія отношенія къ византійскому времени не имѣли.

Секція рѣшила болѣе не собираться и, выразивъ свою искреннюю благодарность ея президенту г. Викелясу, разошлась, сохранивъ добрую память о томъ единеніи, которое царило во все время продолженія ея засѣданій.

Въ субботу 11 сентября въ зданіи Lycée Louis-le-Grand происходило офиціальное закрытіе конгресса.

Слѣдующій конгрессъ ориенталистовъ предполагается въ октябрѣ 1899 года въ Римѣ.

А. Васильевъ.

Недавно открытая палестинская мозаика. — Въ декабрѣ мѣсяцѣ прошлаго года греческій патріаршій бібліотекаръ въ Іерусалимѣ Клеофа открылъ въ Мадебѣ, древнемъ моавитскомъ городѣ, расположенномъ по другую сторону Мертваго моря между Hesbân и Dhîbân (древнія мѣстности Hesbon и Dibon) интереснѣйшую географическую мозаику, которая изображаетъ Палестину и часть Нижняго Египта, — такъ сказать, страны, гдѣ происходили событія, рассказываемыя въ бібліи. Горы, рѣки, города указаны и обозначены греческими буквами. Нѣкоторые живописныя подробности, какъ напр.: разнообразныя деревья, плавающія въ Іорданѣ и Нилѣ рыбы, лодки на Мертвомъ морѣ и проч. добавлены мозаистомъ. Города представлены въ видѣ маленькихъ зданій; причѣмъ каждый городъ имѣетъ свою особенность, напр. обелиски въ Аскалонѣ, большая улица въ Газѣ, ведущая къ базиликѣ, видъ Іерусалима, Η ΑΓΙΑ ΠΟΛΙΣ ΙΕΡΟΥΣΑΛΗμ, изображенный съ бѣльшими подробностями, чѣмъ другіе виды; церкви также можно различить. Надписи мозаики отличаются правильностью. Кромѣ географическихъ именъ на мозаикѣ помѣщены большими буквами мѣстоположенія племенъ, напр.: ΙΟΥΔΑ, ΚΛΗΡΟΣ ΔΑΝ, ΚΛΗΡΟΣ ΣΥΜΕΩ и др., т. е. удѣлы Іуды, Дана, Симеона. Нѣкоторые довольно подробныя замѣтки относятся къ важнымъ событіямъ Ветхаго и Новаго Завѣта, напр.: ΕΦΡΩΝ Η ΕΦΡΑΤΑ ΕΝΘΑ ΗΛΘΕΝ Ο ΚΥΡΟΣ, Ефронъ или Ефрата, гдѣ пришелъ Господь; ΑΙΛΑΜΩΝ ΕΝΘΑ ΕΣΤΗ Η ΣΕΛΗΝΗ ΕΠΙ ΤΟΥ ΝΑΥη, Эламонъ, гдѣ при (Иисусѣ) Навияѣ остановилась луна; ΕΡΗΜΟΣ ΣΙΝ ΟΠΟΥ ΚΑΤΕΠΕΜΦΘΗ ΤΟ ΜΑΝΝΑ ΚΑΙ Η ΟΡΤΥΓΟΜΗΤΡΑ, пустыня Синъ, гдѣ были ниспосланы манна и перепела и др. Эта мозаика была открыта при постройкѣ греческой церкви въ Мадебѣ на фундаментѣ древней базилики. Не далеко отъ этой церкви Клеофа открылъ также надпись, въ которой упоминается о починкѣ водоема (цистерны) въ царствованіе Юстиніана Великаго; можетъ быть, найденная мозаика также относится къ этому времени. Въ письмѣ, доставленномъ французской Академіи г. Clermont-Ganneau, который получилъ его отъ іерусалимскаго францисканца Paul de Saint-Aignan, мозаика почему то относится къ V вѣку. Вообще же надо замѣтить, что въ византійское время городъ Мадеба былъ крупнымъ христіанскимъ центромъ, служилъ мѣстопребываніемъ одного изъ епископовъ Аравіи. Тамъ уже открыты остатки многихъ интересныхъ церквей, базиликъ, христіанскихъ надписей и мозаикъ. — См. Comptes rendus de l'Académie des inscriptions et belles-lettres. Quatrième série. T. XXV. Bulletin de Mars-Avril 1897, p. 140—145 съ приложеніемъ рисунка мозаики.

А. Васильевъ.

Къ стр. 320. По поводу допущеннаго мною перевода по смыслу на смѣшки надъ имп. Алексѣемъ Комниномъ, сохраненной въ описаніи его похода на Дунай (Anna Comp. p. 250 В.), считаю своимъ долгомъ указать

на статью г. Пападимитріу: «Двѣ народныя пѣсни у Анны Комниной», Лѣтопись Ист.-Фил. Общ. при И. Новоросс. Унив. II. Византійское отдѣленіе. I. Одесса. 1892, стр. 281 и сл.—Почтенный авторъ подвергъ подробному разсмотрѣнію текстъ этой насмѣшки — ἀπὸ τῆν Δρίστραν εἰς Γολόην χαλὸν ἄπληκτον, Κομνηνέ, и призналъ въ немъ ямбическое двустипіе, основанное на удареніи. Войдя въ подробное изысканіе о значеніи слова ἄπληκτον (вариантъ ἀπλῆκτον), г. Пападимитріу предлагаетъ читатѣ ἀπλίκτων и даетъ такой переводъ: «отъ Дристры до Голон прекрасный лагерь Комнинъ! (прекрасный роздыхъ)».

Ю. К.

† **Димитрій Матовъ.** Во второй половинѣ прошлаго года болгарская ученая литература понесла большую, почти незамѣнимую утрату: 15 сентября 1896 г. скончался въ Дрезденѣ бывший доцентъ Высшаго Училища въ Софіи Д. Матовъ. Онъ родился въ 1864 г. въ македонскомъ городѣ Велесѣ (Кюпрюли), гдѣ онъ и получилъ свое первоначальное образованіе въ тамошнемъ трехклассномъ училищѣ. Будучи всегда отличнымъ ученикомъ, онъ, по совѣту учителей въ своемъ родномъ селѣ, былъ отправленъ своими родителями въ Россію въ началѣ 1878 — 9 учебнаго года для полученія дальнѣйшаго образованія. Въ Россіи Матовъ поступилъ въ классическую гимназію въ Николаевѣ, откуда въ 1881 г., по окончаніи 4-хъ классовъ, переѣхалъ въ Харьковъ, и въ слѣдующемъ году поступилъ въ VII классъ 1-й харьковской гимназіи, а въ 1884 г. записался въ число студентовъ харьковскаго университета, по историко-филологическому факультету, гдѣ слушалъ по преимуществу лекціи профессоровъ Потемни и Дринова. Будучи еще студентомъ, онъ въ 1886 г. записался въ студенческой легіонъ, чтобы участвовать въ войнѣ противъ сербовъ, но ему не удалось быть въ бою.

По окончаніи университетскаго курса Матовъ возвратился на родину въ Македонію, и въ 1888 г. онъ былъ назначенъ учителемъ болгарскаго языка въ болгарской гимназіи свв. Кирилла и Меѳодія въ Солунѣ; здѣсь, однако, онъ пробылъ недолго. Еще въ Харьковѣ у него зародилась мысль поѣхать для пополненія своего спеціальнаго образованія въ Вѣну и Лейпцигъ, чтобы послушать лекціи у профессоровъ Ягича и Лескина; онъ могъ выполнить свою мысль такъ поздно только по недостатку средствъ. Въ 1892 г. онъ возвратился въ Софію, и тамъ получилъ мѣсто учителя болгарскаго языка въ софійской мужской гимназіи, а затѣмъ сдѣлался доцентомъ Софійскаго Высшаго Училища по кафедрѣ славянской этнографіи. Кромѣ того въ 1892 г. онъ былъ прикомандированъ къ редакціи болгарскаго министерскаго «Сборника за народни умотворенія, наука и книжнина», въ которомъ онъ помѣщалъ не мало своихъ трудовъ, между которыми и самыя крупныя. Не долго спустя послѣ этого, онъ сдѣлался членомъ редакціоннаго комитета журнала «Български Прѣгледъ», и былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ членовъ его. Помимо этого Матовъ

былъ членомъ ореографической комиссіи, имѣвшей цѣлью установить фонетическое правописаніе для болгарскаго языка.

Какъ македонецъ, онъ сдѣлался членомъ Верховнаго македонскаго комитета и былъ горячимъ защитникомъ той мысли, что Македонія принадлежитъ болгарамъ, а не сербамъ. Защита его, однако, ограничивалась главнымъ образомъ работами въ области литературы и науки; но эта защита была сильная и основательная. Едва ли кто-нибудь изъ болгаръ до настоящаго времени могъ представить что-нибудь болѣе вѣское по македонскому вопросу въ пользу болгаръ, не вдаваясь въ политическую сторону, но держась на чисто научной почвѣ.

Усиленные занятія и многія непріятности въ жизни стали довольно сильно подтачивать здоровье Матова, который почти никогда не падалъ себя. Только въ послѣднее время онъ обратилъ серьезное вниманіе на свое здоровье и сталъ болѣе или менѣе серьезно лѣчиться сначала въ Вѣнѣ, а потомъ въ Дрезденѣ. Въ послѣднее время ему какъ будто стало лучше; но на седьмой день послѣ сдѣланной ему операціи, состояніе его болѣзни круто повернулось къ худшему и черезъ нѣсколько часовъ Матова не стало между живыми. Всегда скромный, врагъ всякой показной стороны, онъ такимъ же остался до самой послѣдней минуты жизни; даже его знакомые, которые находились недалеко отъ мѣста его послѣднихъ дней жизни, не знали объ его смерти. Проф. А. Лескинъ въ Лейпцигѣ говорилъ мнѣ, что онъ узналъ о смерти Матова только изъ газетъ или изъ *Archiv'a f. slavische Philologie* Ягича.

Д. Матовъ былъ однимъ изъ самыхъ серьезныхъ ученыхъ современной Болгаріи. Ходъ и направленіе его работъ опредѣлились еще въ то время, когда онъ былъ студентомъ въ Харьковѣ и ученикомъ профессоровъ Потемни и Дринова; его занятія и работы сосредоточивались въ области славянской филологіи; главнымъ образомъ, онъ изучалъ и писалъ по исторіи болгарскаго языка, литературѣ, фольклору и народной словесности. Первой научной его работой, доставившей ему извѣстность, былъ полный болгарскій переводъ съ греческаго языка извѣстнаго пространнаго житія св. Климента, ученика свв. Кирилла и Мееодія, сдѣланный при помощи проф. М. С. Дринова и изданный Болгарскимъ Литературнымъ Обществомъ въ 1885 г. Это житіе еще раньше было извѣстно въ болгарскомъ переводѣ еп. Пареенія Зографскаго, напечатанномъ въ 1859 г. въ константинопольскомъ журналѣ: *Български Книжици*; но этотъ переводъ былъ сдѣланъ на дебрскомъ нарѣчій (въ Македоніи) и не полонъ. Переводъ Матова былъ сдѣланъ съ греческаго оригинала при помощи русскаго перевода проф. Менщикова, но во многихъ мѣстахъ точнѣе русскаго и полнѣе. Въ 1895 г. Матовъ переиздалъ свой переводъ, но въ сокращенномъ видѣ и съ примѣчаніями для учениковъ, училищъ и для народа.

Первый изъ его трудовъ по болгарскому языку былъ: «За историята на новобългарската граматика», помѣщенный въ восьмомъ годовомъ от-

четѣ солунской болгарской гимназіи за 1888—9 учебный годъ. Въ этомъ своемъ трудѣ онъ разсматриваетъ вопросъ о томъ, что представляетъ нынѣшній болгарскій языкъ въ сравненіи съ языкомъ старославянскимъ и другими славянскими языками; работа была такъ хорошо сдѣлана, что онъ получилъ за нее степень кандидата. Этотъ трудъ послужилъ началомъ цѣлаго ряда работъ по болгарскому языку, помѣщенныхъ въ болгарскихъ солунскихъ «Книжици за прочитѣ» (Книжки для чтенія), въ «Сборникѣ за народни умотворения, наука и книжнина» и др. Къ разряду этихъ работъ г. Матова принадлежатъ его «Гръцко-български студии» (Сборникъ за нар. умотвор., кн. IX), одинъ изъ самыхъ интересныхъ и для византолога капитальныхъ трудовъ, обличающій въ авторѣ основательное знаніе греческаго языка. Главною цѣлью здѣсь г. Матова указать славянскія слова въ новогреческомъ языкѣ. Этотъ трудъ раздѣляется на три части. Въ первой онъ разсуждаетъ о значеніи *греко-славянскихъ изсмѣдованій* и пречисляетъ глаголы, перешедшіе въ болгарскій языкъ изъ греческаго въ аористной формѣ на —сх, какъ аргасвамъ, аргосвамъ (ἀργάζω, ἀργάζω), аресвамъ (ἀρέσχω), залисвамъ (ζαλίζω) и т. п., затѣмъ болгарскіе глаголы, образовавшіеся съ темой на са, по аналогіи съ греческими, и греческія слова, перешедшія въ болгарскій языкъ, и рядъ данныхъ по семасіологіи нѣкоторыхъ болгарскихъ словъ, развившейся подъ вліяніемъ греческихъ понятій. Быть можетъ не всегда можно соглашаться относительно разныхъ сторонъ этой части Гръцко-българскихъ студій; но заслуга г. Матова заключается въ томъ, что онъ первый обратилъ вниманіе на эти вопросы въ болгарскомъ языкѣ и многое рѣшилъ окончателно. Во второй части г. Матовъ подвергъ новому разсмотрѣнію *Вопросъ-тъ за словънестъ въ Гърция* (Вопросъ о славянахъ въ Греціи) и старался указать на славянскіе слѣды въ культурной и социальной жизни средневѣковыхъ грековъ. Наконецъ въ третьей онъ разсматриваетъ *Словънски думи въ новогръцки езикъ*, т. е. славянскія слова въ новогреческомъ языкѣ. Это—самая важная часть его работы. Д. Матовъ поставилъ себѣ цѣлью собрать всѣ до сего времени извѣстныя славянскія слова въ греческомъ языкѣ, представивъ для нѣкоторыхъ изъ нихъ новыя объясненія, и вмѣстѣ съ тѣмъ самому собрать новыя, на которыя его предшественниками не было обращено вниманія. Для этого ему пришлось перечитать не мало греческихъ текстовъ и внимательно и тщательно пересмотрѣть греческіе словари. Такимъ образомъ ему удалось найти 30 новыхъ словъ и собрать другія 30 изъ изсмѣдованій разныхъ ученыхъ, и все это вмѣстѣ съ собранными Миклошичемъ онъ напечаталъ въ своемъ трудѣ, который представляетъ полный сводъ того, что можно было сказать по этому вопросу въ наше время.

Довольно обширно число трудовъ г. Матова по славянскому фольклору вообще и болгарскому въ частности, въ которыхъ онъ указалъ на цѣлый рядъ новыхъ, весьма важныхъ данныхъ. Таковы «Нави» (Книжици за прочитѣ) и «Верзнуловотоколо и навита» (Български Прѣгледъ, II, кн. IV—X);

о послѣднемъ трудѣ я уже имѣлъ случай сказать нѣсколько словъ на страницахъ Византійскаго Временника (II, 707).

Наконецъ г. Матовъ оставилъ рядъ трудовъ по этнографіи Македоніи, написанныхъ главнымъ образомъ по поводу вопросовъ, возбуждаемыхъ болгарско-сербской полемикой. Изъ такихъ трудовъ можно указать: *Кратка разправа по этнографията на Македония* (Краткое объясненіе по этнографіи Македоніи.—Периодическ. Списание, кн. XXXIV—XXXV) и *Србско-българската этнографска прѣспирня прѣдъ науката* (Сербско-болгарскій этнографическій споръ предъ судомъ науки. — Югозападна България 1893 г.). Къ этому еще слѣдуетъ прибавить и посмертный трудъ его: *Книгопись по этнографията на Македония*, напечатанный въ послѣдней (V—VI. Августъ — Сентябрь) книжкѣ Българскаго Прѣгледа (год. IV); онъ извлеченъ изъ бумагъ покойнаго. Несмотря на то, что въ этой библиографіи Македоніи кое-что недостаетъ, все-таки она самая полная изъ существующихъ до сего времени. Въ этихъ трехъ своихъ работахъ Матовъ обнаружилъ обширныя познанія въ области исторической географіи и этнографіи Балканскаго полуострова. Впрочемъ, это видно и изъ многочисленныхъ критическихъ статей и рецензій, напечатанныхъ въ разныхъ періодическихъ болгарскихъ и неболгарскихъ изданіяхъ. Полный списокъ работъ Д. Матова напечатанъ въ Българскомъ Прѣгледѣ, годъ III, кн. XI, професс. Софійск. Высшаго Училища д-ромъ Л. Милетичемъ вмѣстѣ съ статьею объ его трудахъ. Товарищи и друзья Д. Матова рѣшили издать подробную біографію съ критическою оцѣнкою cadaго выдающагося труда его (Български Прѣгледъ, г. III, кн. IX—X, стр. 296). Мнѣ кажется, что было бы весьма плѣсообразно собрать и издать и сочиненія г. Матова, которыя несомнѣнно имѣютъ большую научную цѣнность и вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ прекраснымъ указателемъ успѣховъ и состоянія науки въ молодой Болгаріи.

II. Сырку.

† Германъ Афтонидъ (Германός Αφρονίδης). Архимандритъ Германъ Афтонидъ умеръ на 72-мъ году своей жизни на о. Халки. Въ некрологѣ его, помѣщенномъ въ *Еккл. 'Αλγεία* 1895, стр. 75, сообщаются краткія біографическія свѣдѣнія о покойномъ и описываются похороны его. Однако, о сочиненіяхъ архимандрита Германа составитель некролога ничего не говоритъ. Укажемъ на принадлежащее ему изданіе полезной хроники, напечатанной имъ по одной Синайской рукописи и известной подъ заглавіемъ: «Αθανασίου Κομνηνοῦ Ὑψηλάντου ἐκκλησιαστικῶν καὶ πολιτικῶν τῶν εἰς δώδεκα βιβλίον η', θ' καὶ ι', ἤτοι Τὰ μετὰ τὴν Ἀλωσιν (1453—1789). ἐκ χειρογράφου ἀνεχδότου τῆς ἱερᾶς μονῆς τοῦ Σινᾶ ἐκδιδόντος ἀρχιμ. Γερμανοῦ Ἀφρονίδου Σιναιτοῦ. Ἐν Κωνσταντινουπόλει, τυπογρ. Ἰ. Α. Βρετοῦ. 1870. 8^ο стр. λα'—837.

† Евстаѳій Вулизма (Εὐστάθιος Βουλισμᾶς). Архіепископъ Керкирскій Евстаѳій Вулизма умеръ 14-го мая 1896 года на 70-мъ году своей жизни.

Онъ родился на о. Иовакѣ въ 1819 г., учился въ бывшей на о. Корфу (Керкирѣ) т. н. Ионійской академіи, былъ учителемъ въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, а въ 1869—1870 г. былъ ректоромъ коммерческаго училища (при которомъ есть и полная классическая гимназія) на о. Халки. Послѣ этого, архимандритъ Евстаѳій сдѣлался настоятелемъ греческой церкви въ г. Одессѣ и наконецъ архіепископомъ Керкирскимъ. Архіепископъ Евстаѳій обладалъ широкимъ образованіемъ и въ особенности былъ глубокимъ знатокомъ греческой средневѣковой исторіи. Кромѣ того, у него была обширная бібліотека изъ спеціальныхъ книгъ и много греческихъ рукописей, которыя онъ охотно давалъ въ распоряженіе своихъ друзей на разсмотрѣніе ихъ. Ему принадлежатъ выдающіеся труды, изъ которыхъ здѣсь приводимъ слѣдующіе четыре, какъ относящіеся къ византологическимъ занятіямъ и находящіеся у насъ подъ рукою въ нашей бібліотекѣ: 1) Βυζαντιακὰ Ἀνέκδοτα [Ἀττικὸν Ἡμερολόγιον τοῦ ἔτους 1882: Ἀθήνησιν 1881, стр. 353—368]. Здѣсь архіеп. Евстаѳій описываетъ одну рукопись изъ своей бібліотеки, содержащую между прочимъ нѣкоторыя неизданныя письма Іосифа Вриеннія, а также и народныя византійскія пословицы подъ заглавіемъ: Ἐπιρρήματα τῶν ἀνθρώπων διηρμηνευμένα παρὰ κυρίου Μιχαήλ Ψελλοῦ. Эти пословицы Евстаѳій Вулизма издалъ съ примѣчаніями профессора Н. Г. Политиса 2) Νικόλαος ὁ Γραμματικὸς, πατριάρχης Κωνσταντινουπόλεως καὶ οἱ ἀντιπάπαι Οὐρβανὸς καὶ Κλήμης, ἧ τρεῖς ἐπιστολαὶ τῆς ια' ἑκατονταετηρίδος [Ἀττικὸν Ἡμερολόγιον τοῦ ἔτους 1877. Ἐν Ἀθήναις 1876. стр. 323—336]. Здѣсь содержится, по вышеназванной рукописи архіеп. Евстаѳія, одно письмо Константинопольскаго патріарха Николая Грамматика къ антипапѣ Урбану (1089), одно письмо антипапы Климента къ Василию, митрополиту Калабрійскому и, наконецъ, одно письмо этого послѣдняго къ патріарху Николаю. 3) Κωνσταντῖνος ὁ Βουλγαρίας καὶ Κωνσταντῖνος ὁ τοῦ Νικαίας, μητροπολίται Κερκύρας κατὰ τὴν ιβ' ἑκατονταετηρίδα. Ἐν Κερκύρα 1888. 8^ο стр. 16. 4) Περὶ ἐκκλησιαστικῶν μελωδῶν въ Ἐκκλῆς. Ἀθήναις, 1893. стр. 358—361. — Некрологъ Евстаѳія Вулизмы см. въ Ἐκκλ. Ἀθήναις 1895, стр. 108—110.

А. П.-Кораневъ

Отчетъ о дѣятельности Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ въ 1896 году.

Ф. Успенскаго.

Закончивъ работы по первоначальному устройству и приведенію въ порядокъ библіотеки, въ минувшемъ году Институтъ сосредоточилъ свое вниманіе на научныхъ задачахъ, указанныхъ въ §§ 2 и 3 Устава, и посредствомъ экскурсій по различнымъ областямъ, входившимъ въ составъ прежней Византійской имперіи, пытался выяснитъ способы и средства, какими съ наибольшимъ успѣхомъ могли-бы быть осуществляемы задачи Археологическаго Института. Намѣтивъ мало-изученныя мѣстности и ознакомившись съ громаднымъ количествомъ памятниковъ, Институтъ имѣлъ возможность собрать обширный матеріалъ, нуждающійся въ изученіи, обработкѣ и опубликованіи. Въ виду мѣстныхъ условій, въ высшей степени серьезныя затрудненія представлялъ вопросъ объ изданіи. Хотя Институтъ выпустилъ въ отчетномъ году первый томъ своихъ «Извѣстій», напечатавъ его въ Одессѣ, но этимъ далеко не достигаются задачи, которыя должны имъ преслѣдоваться. Въ виду важности и свѣжести находящагося въ распоряженіи Института археологическаго матеріала необходимо пускать его въ научный оборотъ въ изданіи, выходящемъ черезъ извѣстные небольшіе сроки, хотя-бы черезъ четыре мѣсяца. Институтъ предполагаетъ осуществить эту мысль въ текущемъ году. Дѣятельность Института можетъ быть представлена въ нижеслѣдующихъ отдѣлахъ.

I.

Засѣданія Института, бесѣды и сообщенія.

Въ отчетномъ году было шесть засѣданій, изъ коихъ одно торжественное, 26 февраля — въ годовщину открытія Института. Въ этомъ засѣданіи вслѣдъ за рѣчами, произнесенными г. Почетнымъ предсѣдателемъ Инсти-

тута и Директоромъ, былъ прочитанъ Ученымъ Секретаремъ отчетъ о дѣятельности Института въ 1895 г. Г. Почетный предсѣдатель сказалъ слѣдующее: «Милостивые Государи и Государыни! Исполнился годъ съ тѣхъ поръ, какъ въ Вашемъ просвѣщенномъ присутствіи я имѣлъ честь объявить объ основаніи въ Константинополѣ Русскаго Археологическаго Института и вмѣстѣ съ Вами привѣтствовать его, выражая ему горячія пожеланія успѣха и процвѣтанія. Въ жизни ученаго учрежденія, призваннаго, какъ мы надѣемся, служить многія лѣта, а быть можетъ и вѣка, источникомъ свѣта науки и разсадникомъ знаній на славу Русскаго имени, годъ — срокъ столь короткій, что нескромно было-бы съ нашей стороны ожидать, чтобы вновь основанный Институтъ могъ въ такое ничтожное время принести осязательные плоды. Начинаніе, на которое 26 февраля 1895 года призвано было здѣсь благословеніе Божіе, было такъ ново само по себѣ, оно поставлено было въ столь исключительныя условія, какъ первое иностранное ученое учрежденіе въ Турціи и первое въ Европѣ посвященное изученію древностей Византійскихъ, что среди твердой вѣры въ будущее и надеждъ на успѣхъ невольно прокрадывалось и нѣкоторое безпокойство на счетъ того, какъ пойдетъ дѣло, какъ оно себя покажетъ. И вотъ въ срокъ, едва достаточный для очередныхъ распоряженій объ устройствѣ внѣшней, дѣловой стороны учрежденія, оно оказывается, благодаря умѣлому и любовно-преданному попеченію о немъ его достойнаго Директора, при ревностномъ содѣйствіи Ученаго Секретаря и другихъ сотрудниковъ, уже твердо стоящимъ на собственныхъ ногахъ, живущимъ собственной жизнью, заявившимъ себя не только полезнымъ, но почти необходимымъ членомъ семьи ученыхъ учреждений, посвященныхъ изученію жизни, исторіи и искусства временъ прошедшихъ. Русскій Археологическій Институтъ въ Константинополѣ восполнилъ пробѣлъ, который существовалъ въ послѣдовательномъ порядкѣ эпохъ, коими занимались эти учрежденія. Пренебрегая Византіей, ея исторіей и преданіями, столь различными отъ господствующихъ на западѣ взглядовъ, современная наука намѣренно избѣгала ознакомленія съ христіанскимъ прошедшимъ Востока, а потому и не посвящала его изученію никакихъ учреждений. Только въ самые послѣдніе годы мнѣнія о значеніи Византіи въ исторіи мірового просвѣщенія измѣнились; ей начинаютъ отводить подобающее ей мѣсто, и нашъ Археологическій Институтъ является первымъ алтаремъ для принесенія ей искупительныхъ за вѣковую несправедливость жертвъ. Ему открывается со всѣхъ сторонъ работа, его содѣйствія ищутъ старшіе его собратья, къ нему обращаются съ запросами и предложеніями, такъ что мы, его члены и участники, можемъ уже съ гордостью сказать словами извѣстнаго марша Петровскихъ временъ, что «объ насъ извѣстенъ міръ». Г-нъ Ученый Секретарь въ отчетѣ, который онъ

прочитаетъ о дѣятельности Института, будетъ имѣть честь изложить Вамъ въ подробности, въ чемъ состояли его занятія, его успѣхи, какіе труды были исполнены, какіе намѣчены. Нельзя думать, чтобы добыты были богатые, окончательные выводы, но во всѣхъ направленіяхъ положены широкія начала, изслѣдованы пути. Предметовъ занятій оказывается бездна, поле дѣятельности еще почти непочатое, жатва обѣщаетъ быть обильною, — намъ остается только желать, чтобы на него послано было побольше трудолюбивыхъ жнецовъ. Въ болѣе скромномъ, но не менѣе полезномъ отношеніи для нашей мѣстной русской Константинопольской жизни Институтъ сталъ умственнымъ средоточіемъ, къ которому братски приурочиваются и соплеменные и единовѣрные намъ народы, сами высокіе представители коихъ удостоиваютъ насъ не только своимъ обществомъ, но и ученымъ сотрудничествомъ. Таковы, Милостивые Государи и Государыни, плоды перваго года существованія Константинопольскаго Археологическаго Института. Съ основанною уже на опытѣ увѣренностью въ успѣшномъ развитіи его богатыхъ задатковъ радостно вступаемъ мы въ дальнѣйшій путь, полные надеждъ, которыя при милости Божіей блестяще осуществляются на пользу всемірной науки, на славу Русскаго имени.

Директоромъ предложена была рѣчь на тему: «Восточная и Западная имперіи въ IV и V вв.» Ораторъ поставилъ вопросъ о внутреннихъ причинахъ раздѣленія Римской имперіи на двѣ половины и о различныхъ судьбахъ, постигшихъ Восточную и Западную имперіи. Главныя положенія его состояли въ слѣдующемъ. Къ мысли о раздѣленіи имперіи Римляне пришли вслѣдствіе громаднхъ затрудненій, встрѣченнхъ при управленіи обширнымъ государствомъ изъ одного центра. Будучи раздѣлена при Діоклетіанѣ (285 г.), окончательно имперія распалась на двѣ половины послѣ Θεодосія Великаго (395 г.). Константинъ, избирая столицей имперіи Византию, рѣшилъ вопросъ не только о раздѣленіи имперіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ о *развитчанин* Рима. Перенесеніемъ столицы на Босфоръ достигались двѣ цѣли: 1) раздѣленіе имперіи, 2) обособленіе Востока отъ Запада. Отсюда ведутъ начало два историческіе фактора, управляющіе средней и частью новой исторіей: *византизмъ* и *романизмъ*. Въ наукѣ поставленъ въ настоящее время на очередь вопросъ о томъ, чтобы свести къ определеннымъ и простымъ понятіямъ тѣ особенности, которыя характеризуютъ Западъ и Востокъ. Разрѣшеніе этого вопроса уже потому имѣетъ особенно притягательную силу, что при немъ подразумевается и выясняется другая *всемірно-историческая проблема: о причинахъ, вызвавшихъ паденіе древняго міра*. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ кроются язвы, развѣдавшія древній міръ и приведшія его къ паденію, въ чемъ признать коренную ошибку римскаго правительства, не замѣтившаго болѣзни въ самомъ началѣ, или-же паденіе

древняго міра есть такое неподдающееся человѣческимъ средствамъ бѣдствіе, противъ котораго безсильны всякія правительства? Къ разрѣшенію вопроса подходятъ съ разныхъ сторонъ въ нѣмецкой, англійской и французской литературѣ. Встрѣчаемыя здѣсь трудности объясняются тѣмъ, что приходится имѣть дѣло съ фактами *внутренней жизни*, которые не легко поддаются наблюденію: вѣрованія, обычаи, формы общественной жизни, умственное движеніе — вотъ изъ чего слагается прогрессъ или упадокъ націи. Прежде всего бросается въ глаза ясный и для всѣхъ понятный фактъ: древній міръ *не могъ выдержать напора варваровъ*. Въ варварахъ, напавшихъ съ сѣвера и востока, императорскій Римъ дѣйствительно имѣлъ непобѣдиимаго врага. На мѣсто побѣжденныхъ народностей являлись новыя. Указано, между прочимъ, что не было реформъ въ военномъ дѣлѣ примѣнительно къ варварскимъ военнымъ обычаямъ, что вообще древній міръ характеризуется недостаткомъ энергіи и почина: въ сельскомъ хозяйствѣ, въ литературѣ, вообще въ духовной производительности. Отчего-же въ древнемъ мірѣ наступило духовное банкротство: *ни мысли плодотворной, ни гениемъ начатаго труда?* Отвѣтомъ на это служатъ дѣйствительно поразительные факты уничтоженія знатныхъ родовъ. Истребленіе болѣе опасныхъ соперниковъ, мѣшающихъ политической карьерѣ честолюбца, было обычнымъ пріемомъ какъ въ древнихъ монархіяхъ, такъ и въ аристократическихъ и димократическихъ республикахъ, и притомъ какъ въ Греціи, такъ и въ Римѣ. Вслѣдствіе этого въ древнемъ мірѣ подвергались уничтоженію болѣе выдающіеся и энергичные люди и оставалась посредственность. Убыль въ рядахъ аристократіи мало возмѣщалась приливами изъ среднихъ и низшихъ классовъ. При тяжестихъ военной повинности, всецѣло лежавшей на земледѣльческомъ и землевладѣльческомъ классѣ, наступило экономическое банкротство, вслѣдствіе котораго появилась убыль въ населеніи. Обнаружено, что самымъ страшнымъ бичемъ древняго міра были не мечъ, не войны, а весьма простой фактъ — недостатокъ народждаемости. Люди не хотѣли жениться, а если и женились, то принимали мѣры, чтобы не имѣть дѣтей. вмѣстѣ съ экономическимъ кризисомъ наступилъ переходъ земельныхъ участковъ изъ рукъ мелкихъ владѣльцевъ къ богатымъ и переходъ прежнихъ свободныхъ людей въ состояніе батраковъ. Всѣ эти обстоятельства обусловливали обветшаніе и вырожденіе древняго міра. На самомъ дѣлѣ, однако онъ *перерождался*. Перерожденіе древняго міра совершалось подъ вліяніемъ двухъ началъ: *христіанства* и *новыхъ народовъ*. Христіанство не способствовало паденію древняго міра, а напротивъ, обновило его, какъ высокое одухотворяющее начало. Новые народы также едва-ли вызвали паденіе древняго міра. Новыми народами собственно пополнялась указанная выше убыль въ населеніи. На Дунайской

и Рейнской границѣ Римъ хотя и терпѣлъ пораженія, но также и одерживалъ побѣды, вслѣдствіе которыхъ громадныя массы военноплѣнныхъ переходили къ римскимъ генераламъ. Изъ этихъ варварскихъ плѣнниковъ приобрѣтались по дешевой цѣнѣ рабы, которые распредѣлялись по усадьбамъ богачей. Изъ варваровъ-же организована была *колонизація* пусто-порожныхъ земель, изъ нихъ-же составлялись военныя поселенія. Варварскіе народы восполнили запустѣлыя мѣста въ имперіи. На востокъ и западъ одинаково отмѣчаются два теченія по отношенію къ вопросу о варварахъ: одни усвояютъ культуру древняго міра, романизуются; другіе — поселенцы на окраинахъ въ особенности — тяготеютъ къ свободнымъ племенникамъ. Переходя далѣе къ выясненію причинъ паденія Западной имперіи и сохраненія Восточной, ораторъ указалъ на слѣдующія обстоятельства. Перенесеніе столицы имперіи въ Константинополь обозначало политическое и этнографическое обособленіе Восточной имперіи. Нужно различать романское начало на Западѣ, еллинское на Востокѣ. Константинъ Великій принялъ подъ свою защиту мѣстные интересы Востока, видя въ нихъ устой своей имперіи. Новый свѣтъ на этотъ вопросъ брошенъ со стороны изученія права на Востокѣ. Оказывается, что теорія идеальнаго единства римскаго права въ имперіи есть фикція, ибо рядомъ съ римскимъ правомъ продолжали жить народныя права, или обычное право. Въ Сиріи, Египтѣ, Греціи романизмъ нашелъ противодѣйствіе въ еллизмѣ. Уже въ законахъ Константина допущены были нововведенія, заимствованныя изъ обычнаго права восточныхъ народовъ и изъ христіанской этики. Премники Константина дѣлали широкія заимствованія изъ того-же источника. Христіанство явилось обновляющимъ и созидющимъ началомъ въ Восточной имперіи. Миланскій эдиктъ есть неизбѣжная политическая мѣра. За нимъ послѣдовалъ рядъ другихъ мѣръ, уравнивавшихъ христіанъ въ политическихъ правахъ съ приверженцами старой религіи. Христіанство возбуждаетъ угасшую въ древнемъ мірѣ творческую силу (христологическіе споры); законодательство проникается христіанскимъ характеромъ. При Θεодосіи II и Пульхеріи императорскій дворъ носитъ полумонашескій отпечатокъ. Въ 425-мъ году основанъ въ Константинополѣ университетъ. Новая творческая струя сказывается въ литературѣ, въ искусствѣ, въ архитектурѣ. Но самый капитальный вопросъ для Восточной имперіи былъ тотъ-же, что и для Западной: отношенія къ варварамъ. Рѣшительнымъ моментомъ была эпоха Θεодосія Великаго, который отказался настаивать долѣе на противоположностяхъ варварскаго и римскаго элемента и далъ германцамъ въ имперіи обширныя политическія права. Дворъ и администрація кишатъ нѣмецкими именами (Рихомеръ, Стилихонъ, Арбогастъ, Гаина, Фравита, Аларихъ).

Федераты — *вольныя дружины* на службѣ въ имперіи. Противъ опасныхъ элементовъ, вторгающихся съ Запада, у имперіи были реагирующія средства: а) посылка федератовъ для службы на Востокъ; б) привлеченіе на службу такихъ варваровъ, которые не стояли въ политическомъ союзѣ съ германцами; в) покровительство мѣстнымъ элементамъ, защита мелкой земельной собственности (сохранилась въ Сиріи, Палестинѣ и Малой Азіи). Вслѣдствіе этого императорамъ Восточной имперіи удалось предотвратить грозу заблаговременно: такъ безъ труда сломлено могущество варваровъ *Аспара* и *Ардавурия* (471), такъ направленъ *Θеодорихъ* на Италію. Въ самый годъ паденія Западной имперіи на Востокъ появляется *Терапольское зеркало* или *Сирійскій законникъ* — памятникъ, не только свидѣтельствующій о живыхъ силахъ въ имперіи, но и предопредѣляющій ея будущность. Въ 6 и 7 вв. организуется въ Византіи *національное* войско. Значеніе славянскаго элемента, какъ созидающей силы для Византіи. Вотъ въ краткихъ словахъ тѣ устои, на которыхъ удержалась Восточная имперія.

Въ заключеніе Ученымъ Секретаремъ прочитанъ отчетъ за 1895-й годъ (изданъ въ I т. Извѣстій Института). Въ обыкновенныхъ засѣданіяхъ сообщены были слѣдующіе рефераты: Проф. М. Параника: *Περὶ τοῦ ἀχαδίστου ὄμνου*. П. Д. Погодинъ: 1) « французскихъ раскопкахъ въ Дельфахъ»; 2) « 2 древнихъ христіанскихъ саркофагахъ». Сербскій посланникъ Владанъ Георгіевичъ — « школахъ въ Греціи и Сербіи подъ турецкимъ владычествомъ». Профессоръ Милонасъ: *Συμβολὴ τῆς ἐπιδράσεως τῆς τέχνης τῆς Μικρασίας ἐπὶ τὴν τέχνην τῶν νήσων τοῦ Αἰγαίου καὶ τῆς ἠπειρωτικῆς Ἑλλάδος*. О. архимандритъ Борисъ: « благотворительныхъ учрежденій при Греческомъ Пандократоровомъ монастырѣ по типу XII вѣка». Θ. И. Успенскій: 1) о древнѣйшемъ рукописномъ Евангеліи; 2) научные результаты экскурсій, предпринятыхъ лѣтомъ 1896-го года.

Содержаніе рефератовъ вкратцѣ заключается въ слѣдующемъ: проф. Параника сообщилъ, что происхожденіе акаеяста въ честь Богородицы относится ко времени осады Константинополя Аварами и Персами въ царствованіе императора Ираклія. Объ осадѣ этой, происходившей въ 626 г., сохранилось свидѣтельство двухъ писателей, современниковъ и очевидцевъ событія: автора Пасхальной хроники и Георгія Писиды. Авторъ Пасхальной хроники описываетъ, подобно Георгію Писидѣ, осаду во всѣхъ подробностяхъ и оба объясняютъ неудачу непріятеля какъ дѣятельностью патріарха Сергія и магистра Бона, такъ, въ особенности, помощью и заступничествомъ Божіей Матери. Въ концѣ своего описанія пораженія враговъ Георгій Писида обращается къ населенію Константинополя съ такими словами:

Αἶσθημεν οὖν τὸν ὕμνον οὐχ ἐν τυμπάνοις
 ἄρρυθμα βομβήσαντες, ἀλλ' ἐν ὀργάνοις
 τῶν ἐνδον ἡμῶν μυστικῶς ἡρμωσμένων (ст. 502—504).

Изъ этихъ двухъ писателей почерпали свои свѣдѣнiя и такъ называемые синаксаристы. Кромѣ того, въ самомъ акаѳистѣ встрѣчаются намеки на вызвавшiя его событiя. Въ кондакѣ «взбранной воеводѣ» и въ особенноти въ икосѣ I ясно упоминается огненная печь перса, гибель Фоки тиранна и самое имя персовъ, встрѣчающеся въ древнѣйшихъ рукописяхъ, несомнѣнно заставляетъ отнести время написанiя акаѳиста къ осадѣ Константинополя, случившейся въ царствованiе императора Ираклiя. Относительно автора акаѳиста слѣдуетъ замѣтить, что Вареоломей Кутлумышскiй, справщикъ церковныхъ книгъ, видѣлъ въ библиотекѣ св. Марка въ Венецiи рукопись, содержащую предъ началомъ акаѳиста замѣтку: «творенiе Сергiя, патрiарха Константинопольскаго». Въ самомъ акаѳистѣ однако встрѣчаются выраженiя и фразы, находящiяся также у Писиды въ «Арабской войнѣ» и «Ираклиадѣ», что подало поводъ издателю нашего акаѳиста въ Патрологiи Миня (т. 92, р. 1336) приписать его Писидѣ, хотя указанное сейчасъ наблюденiе Вареоломея могло-бы давать основанiе къ тому, чтобы приписывать авторство акаѳиста патрiарху Сергiю.

П. Д. Погодинъ въ первомъ рефератѣ, изложивъ вкратцѣ исторiю раскопокъ, производившихся въ Дельфахъ со времени графа Каподистрiи до начала французскихъ работъ, остановился на описанiи препятствiй, мѣшавшихъ успѣху предшественниковъ г. Омоля. Слѣдовало предварительно выселить цѣлую деревню, нужно было устроить пути сообщенiя и побѣдить множество топографическихъ затрудненiй. Результаты раскопокъ французской школы блестящiе. Слѣдуя Павсанiю, авторитетъ котораго, временно поколебленный, такъ блестяще былъ возстановленъ французскими раскопками въ Дельфахъ, референтъ указалъ на картѣ положенiе всѣхъ главнѣйшихъ Дельфiйскихъ святиль и приношенiй, замѣчательныхъ по своему художественному или историческому значенiю. Ознакомивъ съ главнѣйшими скульптурными находками, референтъ болѣе подробно описалъ скульптуры Сифнiйской и Аѳинской сокровищницы, при чемъ на основанiи отчетовъ самого г. Омоля и статей Фуртвенглера и вообще текущей литературы объяснилъ значенiе новыхъ открытiй для исторiи архаическаго перiода греческой скульптуры, значенiе тѣмъ болѣе важное, что находки могутъ быть датированы съ довольно большою точностью. Перечисливъ затѣмъ другiя скульптурныя находки, сдѣланныя французами въ Дельфахъ, референтъ закончилъ общей характеристикой тѣхъ новыхъ данныхъ, которыя внесены въ науку неисчерпаемымъ эпиграфическимъ матеріаломъ, открытымъ на пространствѣ священнаго города.

Второй рефератъ П. Д. Погодина былъ посвященъ разсмотрѣнію двухъ христіанскихъ саркофаговъ, одного съ барельефнымъ изображеніемъ Иисуса Христа, стоящаго между двухъ апостоловъ, другого съ изображеніемъ корабля. Послѣ краткой характеристики той мѣстности, въ которой была произведена новая находка, и исторической справки о зданіяхъ, тамъ находившихся въ Византійское время, референтъ перешелъ къ художественному анализу фигуры Христа, поставивъ ее въ связь съ типами Христа, существовавшими въ первые вѣка христіанства. Изъ подробнаго анализа стили какъ самыхъ фигуръ, такъ и орнамента, карнизовъ и капителей колоннъ, для чего были привлечены къ сравненію какъ наиболѣе извѣстные изъ подобныхъ образцовъ на Западѣ, такъ и неизданная доселѣ, находящаяся въ городской стѣнѣ города Никеи доска отъ саркофага съ изображеніемъ женской фигуры (церковь?) посреди двухъ апостоловъ, были извлечены данныя для хронологическаго опредѣленія этого замѣчательнаго памятника. Тщательность обработки, держащейся лучшихъ традицій высокаго рельефа, свободный поворотъ головъ, легкая постановка тѣла, мягкость оваловъ, глубоковырубленное ухо, правильно и изящно моделированныя ступни у Христа, владѣніе легкимъ ракурсомъ, говорятъ за греческія традиціи искусства, перешедшія на Западъ. Нимбъ, которымъ окружена голова Христа, нѣкоторая грубость еще правильныхъ, впрочемъ, складокъ въ одеждахъ, орнаментъ карнизовъ и проч. заставляютъ отнести саркофагъ къ концу V или началу VI вѣка. Затѣмъ сообщено о другомъ саркофагѣ, находящемся близъ Измида, въ турецкой деревнѣ Текели-кіой. Саркофагъ сохранился цѣликомъ, кромѣ крышки, но сильно пострадалъ отъ времени, дѣйствующаго разрушительно на мѣстный сѣрый камень, изъ котораго онъ сдѣланъ. На боковой его доскѣ въ глубокомъ графитѣ изображенъ корабль, окруженный греческой надписью, въ которой можно прочесть только нѣсколько буквъ. Корабль этотъ принадлежитъ къ циклу тѣхъ изображеній, которыя въ христіанской иконографіи встрѣчаются отъ второго до пятаго столѣтія и примѣровъ которыхъ на Западѣ много. Тѣмъ болѣе любопытно его находеніе на Востокѣ, притомъ вдали отъ второстепеннаго даже центра древней жизни.

Сообщеніе Владана Георгіевича было посвящено состоянію сербскихъ и греческихъ школъ подъ владычествомъ турокъ. Основная мысль реферата заключается въ томъ, что турецкое правительство не ставило преградъ для развитія образованія у подвластныхъ народовъ (грековъ и сербовъ). Подобно тому, какъ оставлено наукою отрицательное представленіе о Византійской имперіи въ пользу иного, болѣе вѣрнаго взгляда, точно такъ же, по мнѣнію г. Георгіевича, долженъ разсѣяться предразсудокъ, будто турки вводили въ сознательный принципъ уничтоженіе образо-

ванности среди покоренныхъ ими народовъ. Оказывается, наоборотъ, что турки дорожили просвѣщеніемъ подвластныхъ имъ народовъ и сохранили почти неприкосновеннымъ то, что у нихъ нашли. Община получила даже болѣе широкое значеніе и вліяніе въ Греціи и въ Сербіи, чѣмъ было во время ихъ самостоятельности. Къ государственнымъ должностямъ былъ открытъ доступъ и христіанамъ. Принциповъ этихъ турки держались послѣдовательно во всю эпоху своихъ завоеваній. Магометъ II расширилъ права греческаго патріархата и создалъ для представителей духовной власти привилегированное положеніе. Вина въ томъ, что турецкое правительство вмѣшивалось въ внутреннюю жизнь церкви, лежитъ отчасти на самой послѣдней. При выборѣ преемника патріарху Іоасафу одинъ изъ кандидатовъ поднесъ султану 1000 золотыхъ. Султанъ деньги взялъ, но тѣмъ не менѣе отдалъ приказъ, чтобы выборы происходили свободно. Во всякомъ случаѣ представители греческой духовной власти не встрѣчали препятствій со стороны турокъ. Рядомъ съ центральной патріаршей школой въ различныхъ мѣстностяхъ Оттоманской имперіи заботами патріархата при помощи содѣйствія и поддержки соотвѣтствующихъ общинъ отчасти поддерживались школы, существовавшія раньше, отчасти учреждались вновь. Школы эти имѣли, конечно, различныя программы и дѣйствовали не непрерывно во все время турецкаго господства. Во всякомъ случаѣ съ точки зрѣнія исторіи просвѣщенія важенъ самый фактъ ихъ существованія. Къ тому-же надо прибавить, что рядомъ со школами, дѣйствовавшими постоянно, были еще странствующие учителя, переѣзжавшіе изъ одной мѣстности въ другую. Сравнительно съ многочисленностью греческихъ школъ подъ турецкимъ владычествомъ, число сербскихъ школъ, дѣйствовавшихъ въ ту эпоху, можетъ показаться ограниченнымъ. По описанію турецкаго географа Хаджи-Калфа, онѣ сосредоточивались на пространствѣ между Солунью и Скапіею; въ самой Сербіи и въ Моравской долині ихъ не было. Отсутствие ихъ въ этихъ мѣстахъ объясняется отнюдь не нетерпимостью турокъ, а тѣмъ, что эти мѣста были полемъ битвъ христіанскихъ державъ съ турками. Тѣмъ не менѣе и среди грома оружія не угасалъ раньше зажженный свѣточъ просвѣщенія. Въ самой Сербіи народъ не выкалъ отъ школы. Сербы, переселившіеся въ Австрію, обращаются въ 1706 г. съ ходатайствомъ, чтобы имъ было разрѣшено открыть «обичне» школы. Просьба эта осталась безъ послѣдствій, равно какъ ничего не было сдѣлано Австріей для народнаго просвѣщенія во время ея обладанія Сербіей въ 1718—1739 гг. Школы, существовавшія раньше въ Бѣлградѣ и другихъ городахъ, поддерживались на средства епископій, равно какъ на тѣ-же средства была устроена митрополитомъ Моисеемъ Петровичемъ великая славянская школа въ Бѣлградѣ, куда приглашены были учителя

изъ Россіи. Въ этомъ-же направленіи дѣйствовали преемники Моисея Петровича на митрополичьей кафедрѣ въ Бѣлградѣ. Подъ турецкою властью въ Новосадѣ была основана Виссаріономъ Павловичемъ духовная академія. Затѣмъ была восстановлена Карловицкая школа. Приведенные факты, по мнѣнію референта, достаточно доказываютъ, что помѣхи и препятствія въ дѣлѣ сербскаго образованія шли отнюдь не отъ турокъ.

Въ рефератѣ о архимандрита Бориса сообщены были свѣдѣнія о благотворительныхъ учрежденіяхъ при Константинопольскомъ монастырѣ Пантократора, извлеченныя изъ типика, даннаго этому монастырю въ 1136 году ктиторомъ его, императоромъ Іоанномъ Комнинымъ (1118—1143 г.). Типикъ этотъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими литургическими рукописными памятниками изданъ былъ въ концѣ 1895 г. доцентомъ Кіевской духовной академіи А. А. Дмитріевскимъ въ его «Описаніи литургическихъ рукописей, хранящихся въ библіотекахъ православнаго Востока». (Томъ I *Тупикъ*. Часть первая. Памятники патріаршихъ уставовъ и ктиторскіе монастырскіе типиконы. Кіевъ 1895 г.). Типикъ 1136 г. Константинопольскаго Пантократорскаго монастыря изданъ по рукописи 1747 года, принадлежащей библіотекѣ Халкинской богословской школы. Въ этомъ типикѣ содержатся, между прочимъ, очень интересныя свѣдѣнія о существовавшихъ при означенномъ монастырѣ благотворительныхъ учрежденіяхъ: больницѣ (ξενών), богадѣльнѣ (γρηγοριέον) и психіатрической лѣчебницѣ. Особенно подробно изображена въ типикѣ организація больницы, ея штатъ и средства содержанія. Извлеченныя изъ типика и изложенныя въ рефератѣ свѣдѣнія объ устройствѣ этой больницы позволяютъ видѣть, на какой высотѣ стояло въ Византіи въ половинѣ XII вѣка дѣло попеченія о больныхъ и призрѣнія престарѣлыхъ и увѣчныхъ. Этими свѣдѣніями въ значительной мѣрѣ опровергаются предвзятые взгляды на Византію, долгое время господствовавшіе въ западной ученой литературѣ и оттуда принятые безъ провѣрки нѣкоторыми нашими писателями и учеными. Въ качествѣ характернаго образчика такихъ предвзятыхъ взглядовъ въ концѣ реферата приведены были главные положенія изъ статьи В. С. Соловьева «Византинизмъ и Россія» («Вѣстникъ Европы», январь 1896 г.). По обсужденіи этихъ положеній при свѣтѣ документальныхъ данныхъ по исторіи византійской культуры, референтъ заключилъ свою рѣчь слѣдующими словами: «Не все такъ дурно было въ Византіи, какъ думаютъ В. С. Соловьевъ и тѣ западные ученые, чьи мнѣнія онъ раздѣляетъ. Нужно только быть безпристрастнымъ и добросовѣстно потрудиться и поискать, чтобы и тамъ найти отрадныя явленія общественной жизни въ истинно-христіанскомъ духѣ. Кто работаетъ съ свѣтлымъ духомъ и чуткимъ сердцемъ, тотъ, по справедливому замѣчанію Krumbacher'a (Gesch. der byzant. Litte-

gatur. S. 14), и изъ Византіи найдеть дорогу къ истинному и прекрасному».

Г. Милонасъ предъявилъ принадлежащую Оттоманскому Музею бронзовую статуетку, найденную въ Фракійскомъ Херсонесѣ. Она изображаетъ стоящую женщину въ полной одеждѣ въ извѣстномъ архаическомъ типѣ, главными представителями котораго являются открытыя въ Аѣинахъ на акрополѣ статуи такъ называемыхъ Коръ. Отправляясь отъ близкаго къ Малой Азіи мѣста нахождения этого предмета, равно какъ отъ характера платья, длиннаго іонійскаго хитона, и указывая въ немъ нѣкоторыя особенности, референтъ доказывалъ, что означенный типъ собственно и принадлежитъ Іоніи и только оттуда былъ перенесенъ въ Аттику. Приведеніемъ нѣкоторыхъ аналогій подобнаго воспріятія типовъ изъ области вазной живописи онъ старался сдѣлать обобщеніе въ томъ смыслѣ, что основою аттического искусства должно считаться именно *древне-іонійское*.

Въ отчетномъ году Институтомъ былъ устроенъ рядъ *общедоступныхъ бесѣдъ* на археологическія и историческія темы. Эти бесѣды велись въ теченіе великаго поста на канонерской лодкѣ «Донецъ» специально для нижнихъ чиновъ какъ означеннаго судна, такъ и стаціонера «Колхида». Всего было предложено девять бесѣдъ на слѣдующія темы: 1) Политическое и церковное значеніе Цареграда. Основаніе города, его исторія и значеніе для Россіи; 2) Походы русскихъ на Цареградъ. Св. Ольга и крещеніе Владиміра; 3) Юстиніанъ Великій и храмъ Св. Софіи; 4) Патріархъ Фотій. Просвѣтительная дѣятельность Кирилла и Меодія; 5) Крестовые походы. Завоеваніе Цареграда латинянами; 6) Осада и взятіе Цареграда турками; 7) Отношеніе Россіи къ грекамъ подъ турецкимъ владычествомъ. Бракъ царя Ивана III съ Софьей Палеологъ; 8) Казацкіе походы. Войны Россіи съ Турціей. Чесма, Наваринъ, Синопъ; 9) Вещественные остатки былого величія Цареграда. Стѣны, башни, колонны, церкви. — Институтъ тѣмъ съ большей готовностью шелъ на встрѣчу желанію, выраженному командиромъ лодки «Донецъ», ознакомить офицеровъ и нижнихъ чиновъ съ древнимъ значеніемъ Константинополя, что онъ видѣлъ въ этомъ свою задачу. Въ этомъ дѣлѣ для Института не менѣе важно умноженіе научныхъ свѣдѣній о Византіи, какъ и распространеніе ихъ въ особенности въ той средѣ, которая своимъ служебнымъ положеніемъ и пребываніемъ въ Константинополѣ призывается къ болѣе сознательному отношенію къ исторіи и древностямъ Цареграда.

Институтъ воспользовался состоявшимся въ августѣ русскимъ *археологическимъ съездомъ въ Ригѣ*, чтобы ознакомить русскихъ ученыхъ съ своей дѣятельностью. Это находилъ онъ тѣмъ болѣе необходимымъ, что до тѣхъ поръ не имѣлъ случая сообщать въ печати никакихъ о себѣ извѣстій. На

Рижскомъ сѣздѣ сообщено девять рефератовъ отъ имени Института. Директоромъ сдѣланы слѣдующія сообщенія: 1) О дѣятельности Института за два года его существованія; 2) о вновь открытомъ пурпуровомъ кодексѣ евангелія; 3) о древностяхъ Никеи; 4) о задачахъ археологическаго изученія Болгаріи. Членомъ Института О. Э. Вульфомъ сдѣланы сообщенія: 1) о храмѣ свв. апостоловъ въ Константинополѣ; 2) о древностяхъ Никомидіи. Кромѣ того, на основаніи матеріаловъ, доставленныхъ сѣзду Институтомъ, сдѣланы были сообщенія: 1) о древностяхъ сѣверной Болгаріи (на основаніи доклада П. Д. Погодина); о древне-христіанскомъ саркофагѣ (на основаніи доклада Д. В. Айналова); 3) о фрагментахъ классической скульптуры. Рижскій археологическій сѣздъ, находя дѣятельность Института достаточно опредѣлившеюся и въ то-же время принимая въ соображеніе скудныя средства, отпускаемыя на содержаніе его и недостаточность наличнаго состава, опредѣлилъ ходатайствовать передъ правительствомъ объ увеличеніи его матеріальныхъ средствъ.

II.

Археологическія экскурсіи.

Чѣмъ больше Институтъ можетъ расширять область своего непосредственнаго знакомства съ провинціями Оттоманской имперіи, тѣмъ обильнѣе будутъ у него средства для достиженія его научныхъ задачъ. Высшая цѣль, къ какой въ этомъ отношеніи слѣдуетъ стремиться — это завязать личныя сношенія съ коллекціонерами и любителями археологіи въ наиболѣе важныхъ пунктахъ и при ихъ помощи достигнуть хотя нѣкоторыхъ знаній о состояніи памятниковъ и мѣстонахожденіи археологическаго матеріала. Посему Институтъ не могъ не удѣлить очень значительнаго вниманія этой сторонѣ дѣла и въ минувшемъ году предпринималъ нѣсколько большихъ экскурсій, изъ коихъ двѣ продолжались по полтора мѣсяца.

1. Экскурсіи по Малой Азіи.

Весной и осенью минувшаго года предприняты были *два поѣздки по Малой Азіи*. Предметомъ первой служила старая область Визонія съ знаменитымъ въ исторіи христіанской церкви Олимпомъ, съ городами Никомидіей, Никеей и Бруссой, игравшими въ разное время роль столицъ римскихъ и византійскихъ императоровъ и турецкихъ султановъ. Осенняя экскурсія имѣла цѣлью изученіе мѣстности на сѣверъ и западъ отъ Измида до береговъ Чернаго моря и Иконія, древней столицы турковъ-сельджуковъ. Наиболѣе интересные результаты упомянутыхъ экскурсій заключаются въ слѣдующемъ.

Въ *Бруссъ*, гдѣ памятники мусульманскаго искусства вообще имѣютъ преимущество надъ греко-византійскими, обращено было вниманіе на нѣкоторые предметы, относящіеся къ до-мусульманской эпохѣ. Таковы византійскія бани, сохранившіяся почти въ цѣлости, съ мозаичнымъ поломъ въ бассейнѣ и надписью, съ колоннами и остатками мозаикъ. Болѣе важными остатками древностей отличается цитадель. Именно, близъ турецкихъ казармъ были возводимы постройки и при закладкѣ фундамента обнаружены фрагменты декоративной рельефной скульптуры, которые и хранятся теперь близъ казармъ. Между ними особенно обращаютъ на себя вниманіе: фигура старца, стоящаго на колѣняхъ передъ сидящимъ мужемъ и лобызающаго его руку; колесница съ мужскимъ тѣломъ, влекомымъ по землѣ; пара лошадей, запряженныхъ въ колесницу. Сюжетъ изображеній не можетъ представлять трудностей для объясненія. Это конечно эпизодъ изъ Троянскаго цикла: Приамъ, выпрашивающій у Ахилла тѣло Гектора, и Гекторъ, привязанный къ колесницѣ. Что касается назначенія этихъ скульптурныхъ фрагментовъ, то на этотъ счетъ трудно придти къ опредѣленному заключенію. Всего вѣроятнѣе, однако, что они служили фризомъ въ храмѣ, остатки котораго находятся тамъ-же, на площади цитадели. Хотя мѣстность выровнена, но на ней отчетливо выступаютъ линіи стѣнъ, составлявшихъ древнее зданіе. Къ тому же предположенію приводитъ и фрагментъ антаблемента съ надписью АΥΤΟΚΡΑΤΩΡ, найденный вмѣстѣ съ занимающими насъ рельефами, а также скульптурные остатки, вдѣланные въ стѣны цитадели. Можно думать, что на мѣстѣ нынѣшней цитадели былъ религиозный центръ древней Бруссы, какъ объ этомъ позволяетъ судить и декретъ въ честь жреца и гимнасіарха Офеліона вмѣстѣ съ рельефнымъ изображеніемъ самаго Офеліона въ жреческомъ облаченіи. Изъ другихъ находокъ въ Бруссѣ особенно можно отмѣтить стилу съ изображеніемъ Серапида и Изиды.

Въ нынѣшнемъ бѣдномъ и малонаселенномъ Исникѣ трудно признать *знаменитую Никею*, бывшую въ 13 и 14 вѣкахъ столицей Византійской имперіи. Только городскія стѣны, доселѣ хорошо сохранившіяся, да кое-гдѣ торчащія изъ земли остатки колоннъ и другихъ сооружений свидѣтельствуютъ о быломъ величіи города. Никея представляетъ много интересныхъ памятниковъ римской и византійской эпохи. Прежде всего заслуживаютъ вниманія городскія стѣны съ четырьмя воротами. На воротахъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сохранились еще римскія надписи и рельефныя изображенія. Кое-гдѣ валяются обломки скульптурныхъ памятниковъ. Въ стѣнѣ около воротъ попадаются рельефы, содержаніемъ которыхъ служатъ военныя и охотничьи сцены, викторіи и др. Внимательное разсмотрѣніе разбросанныхъ около стѣнъ огромныхъ камней

обнаружило, что на нѣкоторыхъ изъ нихъ находятся надписи, содержащія или почетные декреты въ честь императоровъ, или надгробія; есть надписи неизданныя. Эти надписи свидѣтельствуютъ о важномъ значеніи Никеи въ римскій періодъ. На одномъ камнѣ, лежащемъ подъ воротами Левке, читается: Ἡ λαμπροτάτη μεγίστη φίλη καὶ σύμμαχος πιστὴ καὶ ἐκ προγόνων οἰκεία τῶ οἴκῳ τῶν αὐτοκρατόρων Ἀὐρηλιανῆ Ἀντωνιανῆ εὐσεβεστάτη Νικαίῳ πόλις. Византійская эпоха также хорошо представлена какъ кладкой стѣнъ, такъ и эпиграфическомъ матеріаломъ. Въ этомъ отношеніи особенно интересна надпись на стѣнѣ между Стамбуль и Гем-капуси. Надпись весьма большихъ размѣровъ: въ длину 2 м. 35 с., въ высоту 65 с. и занимаетъ пять строкъ. Она была издана у Texier въ его Description de l'Asie Mineure, но издана въ неправильномъ чтеніи, а потому осталась необъясненной. Не входя въ подробности, которыя будутъ умѣстны при изданіи ея, подготовляемомъ Институтомъ, здѣсь достаточно замѣтить, что Тексье не прочелъ въ послѣдней строкѣ имя Артавазда патрикія и куропалата, которое могло дать ключъ къ пониманію всей надписи. Случай, увѣковѣченный надписью, имѣлъ мѣсто при Львѣ Исаврѣ, а Тексье отнесъ ее къ X вѣку. Между памятниками христіанской эпохи обращаетъ на себя вниманіе церковь Успенія, знаменитая своими мозаиками. Несмотря на выдающіяся достоинства своего художественнаго выполненія и важное значеніе для исторіи Византійскаго искусства, мозаики эти, упоминаемая еще Texier (Description de l'Asie Mineure), до сихъ поръ не были изучены такъ, какъ того заслуживаютъ. Диль, описывавшій ихъ (Byz. Z. I.), находился въ Никеѣ слишкомъ короткое время для того, чтобы дать всестороннее ихъ изслѣдованіе, оттого многія подробности, важныя для разъясненія дѣла, въ его статьѣ выпущены совершенно. Затѣмъ, при опредѣленіи времени мозаикъ, онъ исходилъ изъ ложной точки зрѣнія, приписывая въ этомъ вопросѣ рѣшающее значеніе архитектурному типу самаго храма, относимому имъ къ XI вѣку. Между тѣмъ, какъ говоритъ надпись, вдѣланная въ стѣну въ галлерей вѣшняго нартекса, церковь подвергалась капитальной перестройкѣ въ 1867 году при митрополитѣ Даніилѣ. Изъ разсказовъ старожиловъ явствуетъ, что именно тотъ куполь съ барабаномъ, которому Диль придаетъ столь большую важность для опредѣленія времени храма, былъ воздвигнутъ вновь; какова-же была форма стараго, остается неизвѣстнымъ. Затѣмъ Диль предполагаетъ, что всѣ мозаики современны построению храма. Между тѣмъ, какъ показываетъ исторія Византійскихъ церквей, наиболѣе извѣстныхъ по своимъ мозаикамъ, мозаичные образа, въ виду времени и затратъ, съ которыми было сопряжено ихъ изготовленіе, относятся болшею частію къ разнымъ эпохамъ, составляя приношенія радѣтелей церковнаго благолѣпія (Св. Софія). Точно также и въ церкви Успенія. Въ

наиболѣе древней архитектурной части храма, въ главной абсидѣ, техника мозаикъ совершенно отлична отъ техники нартекса. Въ первомъ случаѣ кубики несравненно крупнѣе, чѣмъ во второмъ. Разницѣ техники соответствуетъ и разница стиля. Ангелы въ триумфальной аркѣ, какъ это, впрочемъ, смутно чувствовалъ самъ Диль, носятъ на себѣ печать несравненно болѣе свѣжаго искусства, обладавшаго пониманіемъ пропорцій человѣческаго тѣла и хранившаго античныя традиціи. Такимъ образомъ и самая техника, и стиль, и, наконецъ, надпись между архангелами справа, говорящая о поставленіи св. иконъ Навкратіемъ, все это вмѣстѣ взятое заставляетъ считать мозаики арки болѣе древними, чѣмъ это представляется г. Диллю, а мозаичное изображеніе Богородицы въ нартексѣ, несмотря на красоту и художественность типа, признать болѣе позднимъ. Въ виду того, что помимо Дилиа мозаиками этими только отчасти воспользовался Стржиговскій, издавшій образъ Божіей Матери въ нартексѣ, во время экскурсіи были сняты фотографіи со всѣхъ мозаикъ, насколько позволяли условія мѣста. Помимо этихъ мозаикъ въ церкви весьма много мелкихъ христіанскихъ древностей, весьма любопытныхъ. Въ особенности интересна каменная плита, раньше служившая, вѣроятно, алтарной преградой, а теперь обращенная въ крышку престола. Доска эта покрыта плетеніемъ, рѣзаннымъ на камнѣ, съ семью монограммами, заключенными въ окружности. Повидимому, монограммы эти заключали молитвенное обращеніе жертвователя къ Приснодѣвѣ. Далѣе былъ снятъ планъ съ развалинъ церкви св. Софіи, обращенной послѣ турецкаго завоеванія въ мечеть, что однако не предохранило ее отъ разрушенія. Хотя, несомнѣнно, церковь эта передѣлывалась не одинъ разъ, и нѣкоторыя ея части, напр. боковыя части (діаконикъ, ризница) на восточной сторонѣ, относятся явно къ позднѣйшему времени (Никейская имперія), основной корпусъ ея въ главномъ составѣ восходитъ къ болѣе древнему времени. Сближаясь съ базиличнымъ типомъ, храмъ этотъ могъ быть построенъ раньше того времени, когда выработанъ былъ и вошелъ въ употребленіе центральный типъ для церквей такого размѣра. Какое обиліе въ Никее болѣе мелкихъ остатковъ древностей, разбѣянныхъ по частнымъ домамъ и легко поддающихся собранію, объ этомъ свидѣтельствуетъ коллекція мѣстнаго доктора Фавіани, богатая какъ римскими, такъ и христіанскими скульптурами, надписями, фрагментами архитектурныхъ частей. Въ особенности хороша одна римская портретная голова очень тонкой работы, отличающаяся большимъ искусствомъ въ передачѣ лица, утратившаго уже юношескую свѣжесть, но еще не попорченнаго старческою дряхлостью.

Древности *Никомидіи* раньше были извѣстны изъ описаній Покока (Description of the East. vol. III), Тексье (Description de l'Asie Mi-

neure I), Perrot et Delbet (Exploration archéologique de la Galatie. Для надписей С. I. gr. 3786 и слѣд., С. I. lat. 324 и слѣд.). Въ виду немногочисленности археологическихъ памятниковъ Никомидія является весьма удобнымъ пунктомъ для начала той инвентаризаціи памятниковъ Востока, которую Археологическій Институтъ преслѣдуетъ какъ одну изъ своихъ главныхъ цѣлей. Такимъ образомъ тщательно разсмотрѣны почти всѣ упомянутыя Тексье и др. памятники и встрѣченъ, кромѣ того, свѣжій матеріалъ въ особенности изъ мелкихъ остатковъ древности, каковой повсюду въ Малой Азіи встрѣчается въ обилии. Что почва Никомидіи скрываетъ еще значительные слѣды древняго города, это явствуетъ изъ сравненія его обширной территоріи съ рѣдкимъ населеніемъ настоящаго времени. Какъ показываетъ исторія, мы должны считаться съ двукратнымъ разрушеніемъ Никомидіи въ IV и XIV столѣтіяхъ по Р. Хр. Первое постигло ее въ 385 г. отъ землетрясенія (ср. драматичный разсказъ Амміана Марц. XVII, § 4 сл.), второе въ 1331 г. вслѣдствіе турецкаго завоеванія. Римскіе императоры щедро украшали ее, особенно Траянъ (ср. письма Плинія Младшаго) и Северъ, а при Діоклетіанѣ и даже еще въ началѣ царствованія Константина Великаго она играла роль столицы восточной половины имперіи. Поднявшись вновь отъ своего паденія уже во время Юстиніана, она сдѣлалась одной изъ твердынь Византійскаго государства въ Азіи. Современный Измидъ расположенъ болѣе или менѣе отдѣльными кварталами, во первыхъ, по узкой береговой полосѣ, по которой проходитъ желѣзная дорога, отчасти-же на четырехъ холмахъ одного и того-же горнаго кряжа. Между этими холмами наиболѣе выступаетъ второй съ з., именно холмъ древней цитадели. Здѣсь обратили на себя вниманіе и были обследованы развалины древнѣйшей части городской стѣны. Въ послѣдней различается двоякая постройка. Прѣжняя, изъ огромныхъ блоковъ (opus quadratum) сѣраго известняка, сохранилась въ наиболѣе цѣльномъ видѣ на сѣверной сторонѣ означеннаго холма. Особенно на сѣверо-западномъ углу еще видна первоначальная кладка до семи рядовъ изъ отдѣльныхъ камней, не связанныхъ между собою цементомъ. Сначала эта стѣна была еще выше, но немного дальше къ в. отъ нея остались только однѣ нижнія части, надъ которыми возведены Византійскія постройки съ крѣпкими башнями. Въ нижнемъ слоѣ стѣнныхъ построекъ можно, однако, прослѣдить тѣ-же самые большіе блоки по всей окружности цитадели. Кромѣ того, ими усѣянъ юговосточный склонъ къ городу, гдѣ находятся замѣчательные своды совершенно одинаковой техники, составленные изъ огромныхъ обтесанныхъ клинообразныхъ камней безъ цемента. Вся эта прекрасная древнѣйшая постройка, несомнѣнно, восходитъ къ возобновленію Никомидійскихъ стѣнъ Діоклетіаномъ (Aur. Vict. XXXIII, 45: novis cultisque moenibus et ceterae urbes

ornatae, Carthago, Mediolanum, Nicomedia). Повидимому, такимъ способомъ была укрѣплена одна только цитадель, такъ какъ другая линія стѣнъ на з. и в., идущихъ къ морскому берегу, носить чисто византійскій характеръ и не мало походить на Константинопольскія стѣны. Эти вторыя стѣны имѣютъ свой особенный интересъ въ стратегическомъ, равно какъ въ техническомъ отношеніи. Употребленіе въ нихъ для основъ большихъ блоковъ, судя по всѣмъ признакамъ (какъ по примѣненію цемента), доказываетъ только то, что строители воспользовались матеріаломъ обвалившейся античной стѣны. Такой фактъ подтверждается неоднократнымъ находженіемъ на западномъ флангѣ вдѣланныхъ фрагментовъ древней архитектуры и даже надписей II—III в. по Р. Хр. Последняя открылась на одномъ надгробномъ памятникѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ византійская стѣна примыкаетъ къ укрѣпленію цитадели посредствомъ перемычки, защищающей находящіяся здѣсь цистерны. Вторымъ предметомъ, надъ которымъ должны были сосредоточиться наблюденія экспедиціи, явились остатки различныхъ сооружений, снабжавшихъ древній городъ водою. Такіе существуютъ въ двухъ мѣстахъ на противоположныхъ концахъ Измида. Поднимающаяся на в. за византійскою стѣною плоская и невысокая гора Бачъ сохранила открытую и разрушенную уже въ бытность Покока, по еще теперь ясно узнаваемую въ планѣ цистерну. Высказанные о ней взгляды расходятся: Тексье считаетъ её поздневизантійскою, новѣйшій изслѣдователь византійскихъ водопроводовъ проф. Стржиговскій (впрочемъ не выдавъ её) усматриваетъ въ ней римскую постройку. Въ самомъ дѣлѣ, чисто-византійскія цистерны (напр., ц. Бимбирдирекъ или ц. Ере-Батанъ эпохи Юстиніана въ Константинополѣ) при сходномъ планѣ отличаются инымъ складомъ сводовъ и употребленіемъ колоннъ, а тутъ вмѣсто таковыхъ встрѣчаются еще четверугольные столбы (удѣлѣли семь изъ тридцати шести) и своды образованы согласно римскому обычаю въ видѣ куполовъ надъ парусами. Но, съ другой стороны, техническіе приемы, какъ кладка кирпичей промежъ толстыхъ слоевъ цемента, равно какъ составъ обводной стѣны, которая снаружи представляетъ каменную облицовку съ прокладкой одного или двухъ рядовъ кирпича, внутри же отличную штукатурку, а въ серединѣ состоитъ изъ смѣси цемента съ обломками камня и кирпича, — эти приемы указываютъ начало новой строительной системы. Каналы для притока и истока не открыты въ самыхъ развалинахъ, но выходную точку ихъ удалось опредѣлить въ незамѣченныхъ до сихъ поръ слѣдахъ древняго зданія у подошвы горы Бачъ. На этомъ мѣстѣ сохранились основанія задней стѣны и простѣнка двухъ комнатъ. Въ одной изъ нихъ нашлись остатки мраморной облицовки и кусокъ мозаики пола, показывающій въ орнаментѣ каймы вѣтку плюща, мотивъ античнаго происхожденія, встрѣчаемый однако и въ древне-визан-

тійскомъ искусствѣ. Такъ какъ надъ этими остатками въ разныхъ мѣстахъ найдены кирпичныя трубы, проведенныя совсѣмъ не глубоко, то несомнѣнно мы здѣсь имѣемъ дѣло съ древнимъ фонтаномъ, питавшимся цистерною. Вопросъ о томъ, откуда вода приходила къ послѣдней, выяснился объѣздомъ горы Бачъ и прилегающихъ къ ней съ С. холмовъ. Неоднократно встрѣчались проведенныя по горнымъ склонамъ трубы (иныя изъ сплава цемента), въ которыхъ отчасти до сихъ поръ струится вода. Въ одной впадинѣ попался даже небольшой водопроводъ довольно неправильной и поэтому видимо турецкой постройки, но, вѣроятно, лишь передѣланный изъ античнаго, о чемъ свидѣлствуютъ огромные обтесанные блоки, изъ которыхъ онъ большею частью сооруженъ. Второй, монументальный водопроводъ лежитъ еще дальше къ С., но входитъ уже въ другую систему, ведущую прямо къ центру города, а именно къ холму цитадели. Несомнѣннаго признака древней конструкціи тутъ нѣтъ, архитектура — турецкая. Если же матеріалъ отчасти античный, то онъ кажется скорѣе взятымъ изъ другого мѣста. Такъ, наприм., въ субструкціяхъ вдѣланъ надгробный алтарь съ надписью II—III в. по Р. Хр. Несмотря на то, можно предполагать, что и этотъ водопроводъ въ сущности слѣдуетъ направленію болѣе древняго. Извѣстно по историческому преданію (ср. Плинія), что Никомидія уже въ римскія времена снабжалась водою съ сѣверныхъ горъ. Въ самомъ городѣ находится еще одинъ замѣчательный памятникъ искуснаго устройства этого дѣла. На западномъ концѣ Измида, противъ станціи желѣзной дороги тянется на сто метровъ слишкомъ крѣпкая стѣна, сооруженная изъ кирпича, высотой 7—8 метровъ. Передъ ней разведены огороды, а наверху стоятъ дома. Она, кажется, будто-бы служитъ опорой для послѣдняго болѣе ровнаго и широкаго уступа холма цитадели. Но истинное ея назначеніе совсѣмъ другое, она заключаетъ въ себѣ цѣлую систему каналовъ. Описаніе Тексье недостаточно и въ данномъ случаѣ; оно даетъ довольно произвольную реконструкцію, хотя полезно тѣмъ, что содержитъ свѣдѣнія, какой видъ имѣлъ памятникъ въ состояніи большей сохранности. Къ стѣнѣ сначала были приставлены сильныя каменные контрфорсы, вмѣсто которыхъ за исключеніемъ одного остались однѣ четверугольныя ниши. Внизу однако лежатъ еще, отчасти въ этихъ самыхъ нишахъ, отчасти же въ новомъ положеніи, большіе известковые блоки. Вся стѣна снизу весьма повреждена, что позволяетъ думать, что имѣющіяся между нишами три или четыре небольшія отверстія (точно сосчитать ихъ мѣшало временное загражденіе), неравныя между собою и необдѣланныя, которыя Тексье представляетъ въ видѣ узкихъ входовъ съ арками, были проломаны только въ позднѣйшія времена. Въ настоящую пору они даютъ доступъ въ четверугольныя колдцы, сверху закрытые, въ которые съ противоположной стороны впа-

даютъ горизонтальные каналы, имѣющіе впереди скатъ. Вышина послѣднихъ убавляется съ отдаленіемъ, такъ что сначала можно идти въ нихъ сгорбившись, а потомъ слѣдуетъ подвигаться ползкомъ. Одинъ изъ этихъ каналовъ оказался заложенымъ въ глубинѣ 17-ти метровъ, другой послѣ 30-ти метровъ вступаетъ въ расходящійся въ обѣ стороны поперечный каналъ. Между собою оба они сообщаются каналами меньшихъ размѣровъ, устья которыхъ замѣчаются по сторонамъ послѣ каждыхъ 3—4 метровъ. Вся эта постройка, въ высшей степени способствующая правильному теченію воды, врядъ-ли относится, какъ предполагали до сихъ поръ, къ римской эпохѣ. Что она должна быть позднѣе, между прочимъ, доказываетъ письмо нѣкоторыхъ буквъ, открытыхъ на одномъ еще вдѣланномъ на мѣстѣ контрфорса блоку и принадлежавшихъ къ какой-то надписи III-го вѣка по Р. Хр. Ими опредѣляется *terminus post quem*, а техническіе признаки — какъ рѣдкая кладка кирпича и составъ цемента — едва-ли оставляютъ сомнѣнія въ византійскомъ происхожденіи памятника, хотя и очень раннемъ. Вблизи найдено нѣсколько остатковъ соответствующей эпохи, а именно подалеже къ В. тамъ, гдѣ еще теперь спускается тропинка, три плиты, происходящія, вѣроятно, отъ мраморной лѣстницы, затѣмъ откопанные въ саду фрагменты гладкихъ бѣлыхъ колоннъ и т. п. Наибольшаго вниманія однако заслуживаетъ тотъ фактъ, что на террасѣ, господствующей надъ этимъ мѣстомъ, мимо турецкаго кладбища съ цитадели стекаетъ вода по направленію къ заложенымъ каналамъ стѣны. Справа на ровной и не застроенной площади торчатъ изъ земли шесть гранитныхъ византійскихъ колоннъ. Все это свидѣтельствуетъ о важности окрестной мѣстности, которая по своему удобству для движенія и сообщенія не могла не имѣть значенія уже въ античныя времена. Наконецъ, еще другія замѣчательныя развалины византійской архитектуры не выяснившася пока значенія встрѣчаются уже на З. отъ самаго города между армянскимъ кладбищемъ и берегомъ въ низменной территоріи, которая въ настоящее время занята одними полями и огородами. Погруженное тутъ въ землю или, вѣроятно, засыпанное вѣковымъ наносомъ земли кирпичное зданіе довольно сложнаго плана представляетъ собой загадку, которую нельзя разрѣшить безъ раскопокъ. Во всякомъ случаѣ это не церковь, какъ увѣряетъ мѣстное преданіе. Изъ предлагаемаго обзора выдающихся памятниковъ Никомидіи (арсеналъ остался на сей разъ недоступнымъ для изученія) возникаетъ вопросъ: какая эпоха византійской исторіи оставила здѣсь столь замѣчательныя, хотя и немногочисленные слѣды? Ясно одно, что та оживленная строительная дѣятельность, о которой можно заключить изъ нихъ, восходитъ къ древнѣйшему періоду. Время опредѣляется однако еще точнѣе помощью разбросанныхъ повсюду мелкихъ остатковъ, на которые до сихъ поръ не обра-

шалось достаточнаго вниманія. Слѣдя за ними, встрѣчаемъ сравнительно немного античныхъ: двѣ-три коринскія капители (на цитадели), чаще фрагменты фризозъ съ меандромъ, съ яйцеобразнымъ или лесвійскимъ багетомъ — обычныхъ въ римскую эпоху. Но гораздо обильнѣе встрѣчаются капители, карнизы, колонны и т. п., характеризующіяся признаками византійской эпохи. Въ особенности повторяется одинъ преобладающій типъ, который ведетъ свое происхожденіе еще изъ античнаго искусства. Примѣненіе канелюръ къ самой капители и даже къ карнизу составляетъ его отличительный мотивъ. Впервые появляясь въ римскихъ постройкахъ Ликіи и Каріи, онъ потомъ распространился по Малой Азіи (напр., до Коніи) и употреблялся въ Константинополѣ въ теченіе всего V-го столѣтія (надъ колонною Аркадія). Послѣдній примѣръ — это карнизъ въ церкви св. Сергія и Ваха, первыхъ временъ Юстиніана. Никомидійскія капители и другіе остатки орнаментальной архитектуры свидѣтельствуютъ ясно о строительной дѣятельности означеннаго столѣтія. Очевидно, Юстиніанъ возстановленіемъ Антониновыхъ термъ и другими постройками (ср. Прокопія de aed. V. 3) закончилъ только обновленіе разрушеннаго въ IV в. города. Что другія монументальныя зданія были сооружены раньше, подтверждается слѣдующею цѣнною находкою. Во дворѣ маленькой мечети Иметъ-Зоаде-Текесси одного изъ восточныхъ кварталовъ найдены, во первыхъ, коринская капитель христіанской эпохи, во вторыхъ, капитель четверугольная отъ пилястра, наиболѣе сходная и по формѣ и по характеру своего остроконечнаго аканеа съ типомъ, встрѣчаемымъ въ базиликѣ Іоанна Студійскаго въ Константинополѣ (ок. 460 г.); обѣ самой чистой пластичной работы V-го в. по Р. Хр. Любопытно, что и между вновь найденными надписями одна какъ разъ относится къ той-же самой эпохѣ новаго разцвѣта Никомидіи. Она содержитъ имя одной, неизвѣстной до сихъ поръ, фялы (φυλή Διάς) и вмѣстѣ съ тѣмъ заключаетъ въ себѣ форму христіанскаго обращенія къ святымъ. Изъ остальныхъ надписей заслуживаютъ особеннаго вниманія открытая, какъ выше сказано, въ субструкціяхъ византійской стѣны надгробная надпись и нѣсколько надписей на саркофагахъ въ окрестностяхъ города. Разысканіями, произведенными экспедиціей Института, такимъ образомъ гораздо яснѣе чѣмъ прежде освѣщается особенно византійская эпоха Никомидіи, не разслѣдованная доселѣ надлежащимъ образомъ. Добытый матеріалъ, снабженный фотографическими снимками и эстампажами, подлежитъ разработкѣ для опубликованія въ слѣдующемъ выпускѣ извѣстій Института.

Въ осеннюю экскурсію изучены были нѣкоторыя мѣстности Малой Азіи, лежащія за линіей городовъ Никомидіи и Никеи. Это была собственно попытка предпринять научное путешествіе внутрь страны, гдѣ нѣтъ эки-

пажныхъ путей сообщенія и гдѣ можно передвигаться съ мѣста на мѣсто исключительно верхомъ. Эту попытку исполнилъ Ученый Секретарь Института. Прежде всего онъ обратилъ вниманіе на окрестности Измида. Мѣстность на сѣверъ и на западъ отъ Никомидіи до береговъ Чернаго моря отличается удивительнымъ богатствомъ остатковъ старины. Нѣтъ ни одной турецкой деревни, ни одного кладбища, гдѣ-бы не оказалось одной-двухъ надписей и фрагментовъ скульптуры. Причина этому понятна: расположенная въ древнее время между двумя большими центрами, мѣстность эта естественно должна была богатѣть отъ близкаго сосѣдства съ Константинополемъ и Никомидією, выгодными рынками для сбыта мѣстныхъ продуктовъ. Развалины зданій, обширныя и богатые кладбища, надписи и скульптура ясно свидѣтельствуютъ о быломъ процвѣтаніи этого теперь почти пустынного и заброшеннаго уголка Малой Азіи; тѣмъ сильнѣе выступаютъ слѣды древней жизни, чѣмъ слабѣе бѣется новая. Въ турецкой деревнѣ Гюймелеръ находится древне-христіанская скульптура съ изображеніемъ креста, оленя, пьющаго воду, вазы съ цвѣтами и птицы. Въ двухъ часахъ ѣзды оттуда въ турецкой деревнѣ Теккели-кіой, расположенной въ 1½ дняхъ пути отъ Никомидіи на сѣверо-западъ, повидимому, находился одинъ изъ центровъ древней жизни. Турецкое кладбище обильно греческими надписями римскихъ временъ. Въ окрестностяхъ находятся громадныя саркофаги, поражающіе не только своимъ величественнымъ видомъ, но и рѣдкою степенью сохранности, которой они обязаны въ значительной степени тому обстоятельству, что, несмотря на свои размѣры (древне-христіанскій саркофагъ съ изображеніемъ креста, заключеннаго въ окружность, находящійся между Теккели-Кіой и Буидей, имѣетъ три метра длины), сдѣланы изъ монолитовъ. Въ самой деревнѣ Теккели-кіой удивительное богатство скульптурныхъ и архитектурныхъ остатковъ, алтари, колонны, карнизы и пр. Есть барельефъ съ изображеніемъ двухъ виноградныхъ кистей. Есть саркофагъ изъ цѣльнаго сѣраго камня съ вырѣзаннымъ на немъ изображеніемъ корабля. Корабль принадлежитъ къ циклу тѣхъ изображеній, которыя въ христіанской иконографіи мы встрѣчаемъ только лишь въ эпоху отъ второго до начала пятаго вѣка. Нѣсколько разъ изображеніе корабля было найдено въ римскихъ катакомбахъ Неаполя. И тамъ, и здѣсь корабль обыкновенно изображается на передней мраморной доскѣ, закрывающей могилу. На саркофагѣ же Теккели-кіой корабль изображенъ на боковой, продольной сторонѣ и такъ-же точно обставленъ надписью, изъ которой, къ сожалѣнію, можетъ быть прочитано только нѣсколько словъ, изъ коихъ слѣдуетъ, однако, что въ могилѣ погребена была Клавдія Марція, дочь Зоила. Изъ того, что саркофагъ находится не въ катакомбахъ, а на поверхности земли подобно саркофагамъ Декелидашъ и Буидей, можно

сказать, что изготовленіе саркофага и изображеніе корабля относится къ IV—V вѣку. Правильная и красивая греческая надпись только подтверждаетъ такое предположеніе, а самое изображеніе корабля, хотя и является болѣе сложнымъ, однако же не отступаетъ отъ обычной формы корабля на древне-христіанскихъ памятникахъ. Здѣсь мы видимъ ту-же удлиненную рею, укрѣпленную на короткой сравнительно мачтѣ, тотъ-же большой парусъ, тотъ-же руль въ видѣ весла, укрѣпленный у праваго борта, около кормы, тотъ-же флагъ, та-же сзади привязанная лодочка, между тѣмъ какъ перила на бортѣ кормы и выдающійся загнутый съ раструбомъ носъ напоминаютъ корабли на античныхъ фрескахъ Помпей и рукописей Энеиды и Илиады. Парусъ надутъ и корабль направляется вправо. Море не изображено. Какъ и на другихъ античныхъ graffiti, рисунокъ схематиченъ. Онъ передаетъ лишь главныя черты предмета въ профиль. Такимъ образомъ въ этомъ изображеніи корабля мы находимъ одно изъ первыхъ доселѣ на востокѣ изображеній корабля, въ то время какъ на западѣ они давно уже извѣстны. Сказаннаго достаточно для характеристики археологическаго богатства этой мѣстности.

Въ Туркменъ-кюй (3 часа ѣзды отъ Кандере) найдена римская крѣпость съ алтаремъ, содержащимъ надпись и барельефы. Кюй Ташъ Амбаръ, гора Аладачъ въ двухъ часахъ разстоянія отъ Чернаго моря на западъ отъ Кандере, громадное кладбище, состоящее изъ 21 саркофага большихъ размѣровъ. Саркофаги отличаются относительно сохранностью и пострадали болѣе отъ времени, разрушительно дѣйствующаго на тотъ мѣстный сѣрый камень, изъ котораго они сдѣланы, чѣмъ отъ людей, ихъ ограбившихъ. Грабители довольствовались сравнительно небольшимъ проломомъ. Можно однако думать, что ограблены только саркофаги, стоящіе на поверхности земли; ушедшіе же въ землю, — а есть и такіе, — вѣроятно, остались нетронутыми. Внизу горы другое такое-же кладбище, но несравненно худшей сохранности. По типу саркофаги того и другого относятся къ III—IV вѣку послѣ Р. Хр. На необитаемомъ островкѣ близъ деревни Борганлы въ 1 часѣ ѣзды на лодкѣ на западъ, въ расщелинахъ скалы открыта весьма интересная византійская постройка, состоящая изъ пяти комнатъ, изъ коихъ три расположены въ самой расщелинѣ одна надъ другой ярусами, отъ 40 метровъ надъ уровнемъ моря до 10. Мѣстность эта носитъ названіе Майкая. На востокъ отъ этого острова на одинъ день пути, тоже на берегу Чернаго моря, на высотѣ Кандере находится крѣпость, защищавшая былую гавань Кандере. Крѣпость несомнѣнно носитъ слѣды турецкой перестройки, но нѣкоторыя ея части, судя по цементу и по кирпичу, восходятъ къ болѣе древнему времени. Самый городъ Кандере, какъ свидѣтельствуеть объ этомъ богатый эпиграфическій матеріалъ, въ немъ найден-

ный, и остатки архитектурные, относящіеся большею частію къ позднимъ римскимъ временамъ, былъ центромъ несравненно болѣе значительнымъ, чѣмъ въ настоящее время, когда въ немъ насчитывается едва триста бѣдныхъ домовъ. Объ этомъ ясно говорятъ какъ крѣпости, защищавшія его съ разныхъ сторонъ, такъ и древнія дороги, соединявшія его съ сосѣдними городами.

Въ *Фундуклии* осмотрѣна была вновь открытая агіазма и собранъ эпиграфическій матеріалъ. Въ *Ада-Базаръ* былъ сфотографированъ какъ малый, такъ и большой Юстиніановъ мосты во всѣхъ подробностяхъ. Наиболѣе интересною находкою въ *Иконии* представляются скульптурные фрагменты, недавно откопанные при постройкѣ одного общественнаго зданія. Первые четыре изъ нихъ принадлежатъ мраморному саркофагу и отличаются удивительною тонкостью работы. Рельефъ до такой степени высокій, что нѣкоторыя фигуры, очевидно, были изваяны отдѣльно и потомъ уже прикрѣплены на желѣзныхъ скрѣпахъ къ стѣнкамъ саркофага, какъ это ясно видно въ одномъ мѣстѣ, гдѣ часть фигуры отвалилась, и изъ доски саркофага торчитъ тотъ шкворень, на которомъ она была укрѣплена. Мягкая моделировка конечностей, правильныя и изящныя пропорціи чело-вѣческаго тѣла, вѣрное изображеніе мускулатуры, свободная и разнообразная постановка тѣла, владѣніе легкимъ ракурсомъ, изящество и правильность складокъ на одеждахъ свидѣтельствуютъ о высокомъ состояніи школы и о личномъ художественномъ искусствѣ мастера, работавшаго этотъ саркофагъ. Фигуры размѣщены между витыми колонками, витки коихъ расположены въ симметріи. Въ капителяхъ колоннъ поставлены кѣмпферы съ обыкновеннымъ рисункомъ, встрѣчающимся на капителяхъ римскихъ саркофаговъ (Оттоманскій музей, саркофаги). Плечи и половина лицъ фигуръ находится на фонѣ раковиднаго щита (*figura clupeata*), находящагося на высотѣ кѣмпферовъ. Послѣдніе соединены между собою карнизами, образующими низкій фронтонъ. Узоръ карнизовъ совершенно тождественъ съ узоромъ какъ на кѣмпферахъ, такъ и на капителяхъ. И здѣсь, и тамъ онъ отличается ажурностью, рѣзкой смѣной свѣта и тѣни, достигавшейся усиленнымъ пользованіемъ сверломъ. Если саркофагъ этотъ отличается высокими достоинствами художественнаго исполненія, то нельзя сказать, чтобы композиція соотвѣтствовала послѣднему по всей оригинальности. Продольной сторонѣ, судя по аналогіямъ саркофаговъ, украшенныхъ подобными изображеніями, въ особенности римскаго саркофага въ Оттоманскомъ музеѣ, весьма сходнаго съ Копійскимъ по сюжету и по приѣмамъ работы, уступающей, впрочемъ, далеко въ качественномъ отношеніи, — принадлежалъ фрагментъ юноши, почти обнаженнаго, только съ легкимъ накинутымъ на грудь плащомъ, сидящаго на скамьѣ и обращеннаго лицомъ

не къ зрителю, а къ женщинѣ въ длинномъ одѣяніи съ легкими складками, подносящей ему шлемъ. Лѣвая рука его, согнутая въ локтѣ и окутанная плащомъ, лежитъ свободно на колѣнахъ, а правая поднята къ лицу. Справа отъ женщины стоитъ юноша, облеченный въ римскій боевой костюмъ съ fasces и держащій копье въ правой рукѣ, отведенной отъ туловища и согнутой въ локтѣ. Второй фрагментъ съ изображеніемъ двухъ юношей въ охотничьихъ костюмахъ принадлежалъ, вѣроятно, поперечной стѣнѣ саркофага. Второй продольной сторонѣ саркофага должны принадлежать два остальныхъ фрагмента, весьма сходныхъ по содержащимся на нихъ изображеніямъ. И здѣсь, и тамъ по юношѣ, почти обнаженному, если не считать наброшеннаго на плечи легкаго плаща; и здѣсь, и тамъ по женской фигурѣ въ длинныхъ одеждахъ и въ симметричныхъ позахъ. У одной опущена правая, у другой лѣвая рука, поворотъ головы другъ къ другу. Оба юноши держатъ по взвизывающейся на дыбы лошади, одинъ правой, другой лѣвой рукой. Судя по аналогичнымъ примѣрамъ подобныхъ композицій, лошади должны были приходиться по угламъ саркофага, и слѣдовательно между двумя разбираемыми фрагментами долженъ былъ находиться еще одинъ съ изображеніемъ, соответствующимъ сидящей фигурѣ на раньше разобраннымъ фрагментѣ. Юноши, держащіе подъ уздцы лошадей, изображены съ большимъ искусствомъ; мускулатура ихъ тѣла, откинувшись назадъ и въ сторону, чтобы создать естественный противовѣсъ взвившимся на дыбы лошадямъ, обработана правильно и изящно, хотя не безъ излишняго щегольства. Щеголеватость и манерность въ особенности ясно замѣтны на драпировкахъ женскихъ фигуръ, стоящихъ рядомъ съ юношами. На основаніи всѣхъ этихъ соображеній можно думать, что саркофагъ относится къ IV—V в. послѣ Р. Хр. и сверхъ 9 сохранившихся былъ украшенъ еще шестью фигурами, считая по три на поперечныя и по пяти на продольныя стороны саркофага. Вмѣстѣ съ этими фрагментами были найдены и другіе, несравненно худшаго достоинства съ точки зрѣнія художественности исполненія, но неизмѣримо выше ихъ стоящіе по своей оригинальности и по своему значенію для исторіи искусства. Фрагменты эти, изображающіе двуглаваго орла, поединокъ и женщину въ коронѣ, должны быть поставлены въ связь съ барельефомъ, найденнымъ на греческомъ кладбищѣ и представляющимъ мужчину съ бороδοю въ длинной одеждѣ восточнаго характера. Онъ сидитъ на складномъ стулѣ, на правой согнутой въ локтѣ рукѣ помышляется на особомъ нарукавникѣ соколъ, а лѣвой онъ дружественно третлетъ по подбородку другого мужчину, изображеннаго вдвое меньшимъ и одѣтымъ бѣднѣе. На его халатѣ нѣтъ пелерины. Кушакъ его проще. Оба однако одѣты въ сапоги. Маленькій человекъ одной рукой держитъ сидящую фигуру за кушакъ, а другую заложилъ за свой собственный.

Рукава широкіе, сверху въ складкахъ, къ концамъ суживающіеся. Рельефъ плоскій, какъ-бы перенесенная на камень чеканка мѣдныхъ блюдеъ, украшаемыхъ на востокъ изображеніями человѣческихъ фигуръ. Фрагменты эти весьма любопытны, ибо по всѣмъ признакамъ представляютъ одинъ изъ рѣдкихъ остатковъ сельджукидскаго искусства.

Изъ приобрѣтеній въ области восточнаго искусства вообще слѣдуетъ отмѣтить фотографіи священнаго таза, составляющаго предметъ особаго уваженія всѣхъ вертящихся дервишей и хранящагося въ главной усыпальницѣ сельджукидовъ въ Коньѣ. Помимо Иконіи подвергались обслѣдованію и сосѣднія съ нею мѣстности; чтобы не перечислять всѣхъ подробностей, остановлюсь на двухъ турецкихъ деревняхъ, какъ на примѣрѣ того, какая богатая добыча ждетъ археологовъ въ безвѣстныхъ и на видъ мало обѣщающихъ уголкахъ Малой Азіи. Сисма и Билиджикъ лежатъ въ 1 днѣ пути отъ Коньи на разстояніи 3 часовъ ѣзды другъ отъ друга, на высотѣ 1500 метровъ надъ уровнемъ моря. Въ Билиджикѣ оказались пещерныя жилища весьма любопытнаго устройства. Черезъ длинный подземельный лабиринтъ въ страшной духотѣ ползкомъ приходится пробираться по грязи минутъ семь, раньше чѣмъ доползти до самыхъ комнатъ, немногимъ высотой превышающихъ человѣческій ростъ. Въ нихъ лежатъ кости и черепки отъ посуды. Затѣмъ нашелся одинъ идолъ, грубо и первобытно изображающій женщину съ рѣдко-намѣченными грудями, какъ на кувшинахъ, и съ совершенно неправильнымъ строеніемъ тѣла. Громадная голова съ длиннымъ, какъ-бы прорѣзаннымъ ртомъ и торчащими ушами посажена на маленькое туловище, обличающее въ работавшемъ его полное неумѣніе овладѣть изображаемымъ предметомъ, что не остановило его однако отъ попытки поднять у статуи одну руку вверхъ, а другую прижать къ груди. Въ этомъ же родѣ барельефъ нашелся въ Сисмѣ; онъ уже представляетъ, однако, высшую ступень сравнительно съ Билиджикскимъ. Фигура одѣта, пропорціи лучше, въ видѣ символа изображается луна, какъ въ финикійскомъ искусствѣ. За этимъ варварскимъ наслоеніемъ въ древностяхъ Сисмы слѣдуетъ римское. Кусокъ капители, отъ которой сохранился одинъ завитокъ, свидѣтельствуетъ, что мѣстный храмъ былъ построенъ въ іоническомъ стилѣ. Громадные блоки, разбросанные тамъ и сямъ, свидѣтельствуютъ своимъ характеромъ (*opus quadratum*), что храмъ былъ именно римскаго, а не греческаго происхожденія. Храмъ былъ окруженъ рядомъ статуй, постаменты которыхъ сохранились и теперь. Тутъ же помѣщались, вѣроятно, фигуры сидящихъ львовъ, столь часто попадающіяся въ этой деревнѣ. Храмъ, вѣроятно, былъ воздвигнутъ въ честь одного изъ римскихъ императоровъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ обломокъ надписи, вдѣланный въ мечеть и по размѣрамъ буквъ не могшій

украшать иное что, кромѣ большой древней постройки. Излюбленнымъ мотивомъ надгробныхъ памятниковъ является фигура массивной женщины, сидящей въ креслахъ, ручками которыхъ служатъ столь обычные на востокѣ фигуры львовъ. Византійской эпохѣ принадлежатъ куски алтарной преграды, карнизы, багеты, колонны цвѣтного мрамора и пр. Если прибавить къ этому довольно значительное количество надписей, содержащихъ весьма любопытныя имена варварскаго характера, то получится весьма цѣнный и любопытный матеріалъ для исторіи небольшой деревни на длинномъ протяженіи вѣковъ.

2. Экскурсіи по Болгаріи.

Институтъ считалъ своей обязанностью ознакомиться съ болгарскими древностями уже и потому, что важность изученія Болгаріи на столько признается настоятельно, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ составлена была программа для подобнаго изученія и предположено было организовать большую русскую экспедицію для этой цѣли. Хотя проектъ этой экспедиціи вслѣдствіе извѣстныхъ политическихъ обстоятельствъ былъ забытъ, но можно надѣяться, что объ немъ снова вспомнятъ, такъ какъ значеніе болгарскихъ древностей сохраняетъ всю силу въ наукѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что на почвѣ научныхъ интересовъ русскихъ можетъ ожидать въ Болгаріи большой успѣхъ. Здѣсь, во первыхъ, мы не имѣемъ пока конкуренціи ни со стороны европейскихъ ученыхъ, ни мѣстныхъ. Болгарія, можно сказать, мало тронута въ археологическомъ отношеніи; небольшой кружокъ ученыхъ, группирующійся въ Высшей школѣ, весьма недостаточенъ для того, чтобы взять въ свои руки разработку древней исторіи, изученіе монументальныхъ и письменныхъ памятниковъ, изслѣдованіе народной литературы, языка и обычаевъ. Научныя потребности оказываются несравненно шире, чѣмъ число подготовленныхъ людей; между тѣмъ и въ правительствѣ, и среди преподавателей Высшей школы ощущается потребность систематической и методической постановки археологическихъ изслѣдованій, для удовлетворенія же этой потребности нѣтъ людей, да нѣтъ и школы, которая-бы образовала подобныхъ людей.

Ознакомленіе съ Болгаріей въ археологическомъ отношеніи предпринято было одновременно съ двухъ сторонъ: Директоръ занимался библіотеками и памятниками западной, Ученый Секретарь сдѣлалъ путешествіе по сѣверовосточной Болгаріи. Попытаемся бросить взглядъ на памятники Болгаріи по главнымъ родамъ ихъ.

1) *Рукописные памятники.* Мнѣніе о большомъ количествѣ находящихся въ Болгаріи рукописей на славянскомъ языкѣ могло имѣть

своимъ основаніемъ отзывы путешественниковъ, посѣщавшихъ Болгарію въ половинѣ нынѣшняго столѣтія. Въ настоящее время нужно признать преувеличеннымъ такое мнѣніе. Правда и то, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде были значительныя собранія, напр., въ Баянѣ близъ Софіи, нынѣ или ничего не сохранилось, или весьма мало; правда также, что за послѣднее время составились частныя собранія, напр., у г. Герова въ Филиппополѣ. Но при всемъ томъ, судя по тому, что есть теперь, слѣдуетъ думать, что рукописи или ушли за границу, или ихъ никогда не было такъ много, какъ это казалось. Наибольшее собраніе рукописей находится въ Софіи въ національной бібліотекѣ. Но все собраніе не превышаетъ 300 рукописей, даже и съ тѣми, которыя недавно приобрѣтены и еще не внесены въ каталогъ. Можно, конечно, очень пожалѣть, что ни одно болгарское собраніе рукописей не имѣетъ научнаго описанія; за это дѣло слѣдовало-бы взятыя и потому, что рукописи въ большинствѣ очень пострадали отъ времени и отъ сырости, такъ что порча ихъ со временемъ увеличивается. Можно догадываться, что Софійское собраніе пополняется и по настоящее время, такъ № 166 попалъ сюда изъ бібліотеки Бачкова монастыря. Софійское собраніе рукописей заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя цѣнныя вещи. Наиболѣе интереса представляетъ № 55—очень попорченная рукопись 14-го вѣка, съ потерянными листками въ началѣ и въ серединѣ, но, несмотря на то, заслуживающая вниманія по многимъ причинамъ. Это есть Синодикъ царя Бориса, о которомъ въ свое время сообщено было въ «Временникѣ» 1855 года Палаузовымъ, но который до сихъ поръ не подвергался изученію. Институтъ озаботился снятіемъ фотографіи съ этого памятника, для чего просилъ содѣйствія военнаго министра, по распоряженію котораго болгарскій картографическій институтъ любезно приготовилъ факсимиле 83-хъ страницъ изъ этого памятника фототипическимъ способомъ. Въ настоящее время Синодикъ готовится къ изданію въ «Извѣстіяхъ». Изъ другихъ рукописей можно отмѣтить № 68 — сборникъ псень различнаго содержанія. На л. 91 начинаются очень любопытныя статьи: на свѣте суть три цари, якоже святая Троица на небесюхъ; на л. 166 — отрывокъ сербской лѣтописи № 152, по нѣкоторымъ даннымъ важный для исторіи; № 182 на л. 269: сіа словеса въ кратцѣ избранна отъ книги Коньстантина философа Костенчьскаго; № 166, л. 62 и № 60, л. 56 представляютъ рассказы изъ Византійской исторіи 5-го вѣка; № 166, л. 253 представляетъ нѣкоторый интересъ для исторіи происхожденія акаѳиста въ честь Богородицы; л. 295 о храмѣ св. Георгія въ Константинополѣ *ис то дестеронъ*. Съ точки зрѣнія исторіи искусства слѣдуетъ отмѣтить еще нѣсколько №№ съ миниатюрами: 6, 7—8, 181 и др.

Второе мѣсто принадлежит *Рыльскому монастырю*. Въ немъ, однако, никакъ не больше сотни рукописей. Правда, здѣсь нѣтъ такой рукописи, какъ Синодикъ Софійской библіотеки, на зато въ Рыльскомъ монастырѣ есть хорошіе матеріалы для болгарской исторіи, здѣсь же больше матеріаловъ для исторіи искусства (въ видѣ миниатюръ, заставныхъ буквъ въ рукописяхъ). Отдѣлъ житій славянскихъ святыхъ здѣсь представленъ весьма обильно и можетъ быть матеріаломъ интересныхъ изслѣдованій. Таковъ № 28 (Патерикъ). Особенно важны № 61 съ чудесами Дмитрія Солунскаго, съ житіями святыхъ и съ твореніями Евѳимія Тырновскаго. На л. 729 слѣдующая запись: «Исписасе сіа божественая книга рекомый панагирикъ послѣднимъ въ діакѣхъ Владиславомъ грамматикомъ въ всечестнѣмъ монастыри пресвятыя Владычицы нашея Богородицы иже въ подкрыліи Чръныя горы въ предѣлѣ Жеглиговсцѣмъ въ дни великаго и самодержавнаго царя мусроманскаго Мегмета бега въ гѣто 6987 мѣсяца апрѣля 9». № 62 съ трудами Евѳимія Тырновскаго и Цамблака и съ слѣдующей записью на л. 573: «Исписасе сіа божественая книга глаголемыи Панегирикъ въ обители преподобнаго отца нашего и пустынножителя І. Рыльскаго потружданіемъ и настояніемъ игумена честнѣйшаго тоезде обители кырѣ Феофана и прочаго братства, подвигшу ихъ на се и предубѣдившу Святому Духу. Исписасе отъ сзданія міру 6991. Круга солнцу 20, лунѣ 9, Фемене 21 индикта 1 мѣца августа доврвпшисе 18 днь». № 78, въ коемъ въ самомъ концѣ рукописи есть весьма интересная статья: «а се книги лъжныхъ съписанія сіа суть ихже недостойтъ дръжати» (слѣдуетъ на четырехъ страницахъ перечисленіе отреченныхъ книгъ). Изъ актовъ въ Рыльскомъ монастырѣ наибольшій интересъ представляетъ хрисовулъ І. Шишмана (1378), его бы слѣдовало издать фототипически; далѣе любопытенъ актъ 6974 (1466 г.), коимъ свидѣтельствуется, что Рыльскій монастырь и Пантелеймоновскій на Аѳонѣ въ древнее время находились подъ однимъ управленіемъ: «по времени же видѣхомъ въ святѣй горѣ въ монастыри святаго великомученика Христова и цѣлебника Пантелеймона хрисовули прежнихъ святыхъ ктиторъ како суть были оба монастыри едино, тѣмъ-же и мы свѣщавшесе по прѣставленія брата нашего кырѣ Іоасафа сътворихомъ да суть пакы оба монастыра едино якоже суть и прежде были».

Третье мѣсто по значенію принадлежит коллекціи г. Герова. Въ этой коллекціи не больше 30 рукописей, но между ними есть весьма важныя. Такова тріодъ, написанная на пергаменѣ въ 8 д. листа съ записью: «писа робъ боже Яковъ діакъ». Эта рукопись представляетъ собой палимпсестъ. Нынѣшній текстъ писанъ діакомъ Іаковомъ по болѣе древнему тексту; этотъ послѣдній въ первой половинѣ есть греческій, во второй же — славянскій большой уставъ. Интересно также евангеліе безъ

начала, 16-го вѣка, по записи на концѣ, принадлежащей извѣстному уже своими большими приписками на составленныхъ имъ рукописяхъ Радулу Грамматику; такова-же Миней, начинающаяся съ февраля и заключающая, между прочимъ, службу Кириллу Философу. Обиліе приписокъ въ концѣ рукописей какъ Рыльского монастыря, такъ и собранія г. Герова, можетъ дать матеріалъ для нѣсколькихъ страницъ по литературной исторіи Болгаріи.

Въ Филиппопольской библіотекѣ находится до 75 рукописей евангелій, прологовъ, богослужебныхъ книгъ и сборниковъ. № 45 интересенъ по изложенію богомилской теоріи мірозданія «8 то време бисше ангель 8 бога наизобрани кои бы названъ сатанаиль».

Въ небольшой библіотекѣ *Болгарскаго Ученаго Дружества* есть нѣсколько любопытныхъ вещей. Такова псалтырь прекраснаго письма и сохранности (XIV в.) съ записью: *пандази лѣѣть пѣтир красѣ починаѣ*. На л. 185 виньетка съ изображеніемъ Господа Вседержителя и Іоанна Александра царя Болгаромъ, при чемъ на полѣ запись: «си рѣчь сие сътворено бысть въ помощь и утврѣженіе Іоанну Александру царю блъгаромъ паче-же и гръкомъ и буди въсегда. Аминь». Приписка, думаемъ, относится не къ виньеткѣ, а ко всей книгѣ, которая представляетъ собой очень рѣзкое обличеніе нравовъ и вѣрованій евреевъ. Обличеніе приспособлено въ качествѣ толкованій къ псалмамъ Давида и принадлежитъ архіепископу Аванасію. Хотя объ этой рукописи было сообщено въ «Періодическомъ Списаніи» кн. XIX и XX, но далеко не исчерпанъ матеріалъ для исторіи культуры 14-го вѣка. Изъ другихъ рукописей отмѣтимъ отрывокъ греческой рукописи, написанной въ X вѣкѣ и не лишенной важнаго значенія. Это есть отрывокъ свода схолій на риторическое сочиненіе Гермогена *περί εὐρέσεως* съ экскерптами изъ сочиненія Элія Аристида, писанными на поляхъ. Объ этой рукописи въ приготавлиемомъ къ изданію 2 выпускѣ «Извѣстій» Института будетъ помѣщена статья, составленная академикомъ В. К. Ернштедтомъ.

Библіотека *Бачкова монастыря*, весьма значительная прежде, нынѣ не имѣетъ славянскихъ рукописей; въ ней сохранилось около сотни греческихъ рукописей большею частію церковнаго содержанія.

Наконецъ, можно упомянуть еще о 3 рукописяхъ въ селѣ *Бюльчинѣ* въ разстояніи 2 часовъ отъ Самокова (тріодъ и двѣ миней), да о двухъ-трехъ кодексахъ въ ближайшихъ къ Софій монастыряхъ, какъ Кремиковскій, и въ Софійскомъ музеѣ (интересенъ Синодикъ на складнѣ). Говорятъ, что есть еще нѣсколько рукописей въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Всѣ упомянутыя рукописи разбросаны по разнымъ мѣстамъ, не обезпечены отъ порчи и не описаны. Для пользы дѣла было

бы весьма важно, чтобы правительство озаботилось собрать ихъ и сдѣлать опись.

2. *Памятники архитектурные.* Наибольше значительнымъ въ этомъ отношеніи памятникомъ слѣдуетъ признать святую Софію въ столицѣ княжества. Церковь св. Софіи находится въ развалинахъ, сводъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обвалился отъ землетрясенія, абсида разрушена и забрана стѣной въ турецкую уже эпоху. Вышній нартексъ упалъ и остался отъ него лишь фундаментъ; базилика въ три корабля, высокая и величественная, съ обвалившимися сводами, угрожаетъ разрушеніемъ. Этотъ памятникъ занимаетъ въ Софіи первое мѣсто по своей импозантности. Близъ него распланировано мѣсто для собора во имя св. Алексѣя Невскаго, обширнаго и дорогого предпріятія, задуманнаго для увѣковѣченія памяти освобожденія Болгаріи, но до сихъ поръ остающагося въ области проекта. Былъ вопросъ — онъ и теперь еще остается вопросомъ — приспособить основанія стараго храма св. Софіи для новаго собора, но страхъ передъ громадными затрудненіями и недостатокъ хорошихъ архитекторовъ и археологовъ, которые бы изучили развалины и опредѣлили возможность или невозможность воспользоваться ими для новой постройки, оставляютъ этотъ вопросъ и до сихъ поръ нерѣшеннымъ. Св. Софія и мѣстности, вблизи нея расположенныя, занимали, вѣроятно, центральное положеніе въ старой Сердикѣ, средневѣковомъ Средцѣ; здѣсь открыты наиболѣе интересныя древности. При раскопкахъ на мѣстѣ алтаря открыта усыпальница, гдѣ найдены два скелета и между ними серебряный ящичекъ квадратной формы выс. 7 с., шир. 8, дл. 8 съ монограммой , какъ можно судить, VI в. Подъ слоемъ земли въ 2 аршина въ томъ-же алтарѣ св. Софіи открыта мозаика, относящаяся къ еще болѣе раннему времени. Эта мозаика обращена не къ серединѣ алтаря, а нѣсколько вкось, изъ чего можно заключить, что она находилась на этомъ мѣстѣ раньше устройства алтаря и строители церкви не рѣшились измѣнить ея положеніе изъ боязни повредить её. По этимъ находкамъ можно судить, что въ церкви св. Софіи сохранился весьма древній и интересный памятникъ, части котораго могутъ относиться къ первымъ вѣкамъ христіанства. Это подтверждаютъ открытыя близъ Софіи христіанскія усыпальницы, относящіяся къ V—VI вв. Другой интересный и древній храмъ въ Софіи въ настоящее время недоступенъ для изученія. Это тотъ храмъ, въ которомъ въ настоящее время покоятся останки перваго князя освобожденной Болгаріи.

Въ ближайшихъ окрестностяхъ Софіи находится много монастырей, въ которыхъ сохраняются еще слѣды древностей. Первое мѣсто занимаетъ между ними по своему значенію *Баяна*. Баяна играла значительную роль

въ славянскую эпоху болгарской исторіи; здѣсь были укрѣпленія, слѣды которыхъ сохранились еще и понынѣ; по всей вѣроятности здѣсь были фамильныя владѣнія царей Асеной; подъ Баяной происходили нѣсколько разъ сраженія; въ срединѣ нынѣшняго столѣтія въ Баянѣ видѣлъ весьма важныя рукописи профессоръ Григоровичъ. Въ настоящее время здѣсь всѣ древности сосредоточиваются въ древней церкви Николая Чудотворца и мученика Пантелеймона, да еще въ остаткахъ укрѣпленія на ближайшей скалѣ. Внѣшній нартексъ церкви — новой постройки, изъ него двумя ступенями ниже входъ въ храмъ базиличной формы, весь покрытый фресковой живописью; главный сюжетъ росписи храма — чудеса Николая чудотворца. По бокамъ отъ входа въ храмъ изображенія царя и царицы, надъ входными дверьми надпись слѣдующаго содержания: «взъдвигесея отъ зема и създаса прѣчисты храмъ святого іерарха Христова Николы и святого и великаго славнаго мѣченика Христова Пантелеимона теченіемъ и трудомъ и любовіаа многаахъ Калоѣнѣ севастократора брату чада царева внуку святаго Стефана кралѣ сръбскаго, написажесе при царство болгарское при благовѣрнѣмъ и благочестивѣмъ и христіюбивѣмъ цари Костандиѣ Асѣни едикто з' въ лѣто 6767» (всего въ надписи 10 строкъ). Изображенія слѣдуютъ съ правой и съ лѣвой стороны отъ входныхъ дверей, ихъ всего четыре: 1) Костантинъ Асен въ Христа Бога вѣренъ царь и самодръжець всѣмъ болгаромъ; 2) Ерина благочестива царица всѣмъ българьмъ; 3) Деислава севастократорица и ктиторица; 4) Калоѣнъ севастократоръ и ктиторъ. Надпись и изображенія взаимно подкрѣпляютъ другъ друга и свидѣтельствуютъ о построеніи церкви и росписи въ 13 в. (см. Гласникъ VII. 189). Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь мы имѣемъ очень важный памятникъ старины; въ облаченіи царя и царицы и въ головномъ уборѣ ихъ можно бы усматривать живую бытовую картину 13-го вѣка. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, что лѣтъ десять тому назадъ эти изображенія воспроизведены были мѣстнымъ художникомъ, который достаточно вѣрно передалъ одежды и украшенія и только немного оживилъ краски фигуръ. Но, къ сожалѣнію, для оцѣнки археологическаго матеріала какъ по отношенію къ этимъ изображеніямъ; такъ и къ архитектурѣ храма ничего не было сдѣлано. Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить то обстоятельство, что фрески и надписи сами по себѣ уже даютъ достаточно основаній для разрѣшенія хронологическихъ затрудненій. Нынѣшній слой фресокъ лежитъ надъ болѣе древнимъ, который въ нѣкоторыхъ мѣстахъ легко можно замѣтить, надписи точно также подновлены. Можно думать, что подновленіе произведено въ 16—17 столѣтіи; самымъ лучшимъ образцомъ работы мастера нужно признать изображеніе Господа Вседержителя въ куполѣ. Теперь, что касается отношенія новой росписи къ старой, которую первая

прикрываетъ, то не можетъ быть сомнѣнія, что по сюжету новая воспроизводитъ старую, при чемъ мастеръ 16—17 вѣка не отбиваетъ старой фрески, только подъ фигурами царя и строителей не оказалось присутствія нижняго слоя фресокъ. Если нижнія фрески современны строенію храма и относятся къ 13-му вѣку, то, конечно, не лишень значенія вопросъ объ открытіи ихъ. Но предварительно потребовалось-бы тщательное изученіе нынѣшняго сюжета росписи даже и въ томъ случаѣ, если-бы не подлежало никакому сомнѣнію, что онъ воспроизводитъ старую роспись. Въ особенности интересны детали надъ фигурами царя и царицы, — большой платъ съ медальонами, покрытыми звѣринымъ орнаментомъ. Въ общемъ не можетъ подлежать сомнѣнію интересъ, представляемый Баяной съ точки зрѣнія архитектуры храма и росписи. Благодаря любезному вниманію г. военнаго министра Петрова, для Института сдѣланъ былъ планъ Баянской церкви военнымъ инженеромъ капитаномъ Атанасовымъ. При участіи того-же г. Атанасова было осмотрѣно Баянское укрѣпленіе. Оно находилось на высокой и трудно доступной скалѣ и состояло изъ кирпичной кладки. Къ сожалѣнію, всѣ укрѣпленія уничтожены и остались только едва замѣтные слѣды, по которымъ въ настоящее время трудно дѣлать какія-нибудь заключенія. Мѣстное названіе крѣпости — Батыль, турецкое имя — Кыстепе.

Очень измѣненъ новыми пристройками храмъ въ деревнѣ *Драгалевцы*. Постройка его относится къ 15 в. Фресковая живопись также лежитъ двумя рядами. Сохранились изображенія строителей; это были кирь Родославъ Маверъ и супруга его Вида и дѣти ихъ Никола грамматикъ и Стахій (въ 6984 г.). Не говоря о другихъ монастыряхъ, находящихся въ Софійской долинѣ, слѣдуетъ отмѣтить деревню *Панчерезо*, вблизи которой находится интересная древность. Крестьяне панчеревскіе на собственный счетъ предприняли раскопку мѣстности, чтобы открыть путь горячаго источника, который стекаетъ здѣсь въ рѣку Искоръ. Раскопки открыли обширное сооруженіе бавъ римской эпохи. Такъ какъ раскопки велись безъ всякаго научнаго плана, то трудно было бы и ожидать хорошихъ результатовъ. Говорятъ, что найденъ камень съ надписью и нѣсколько монетъ.

Въ *Рыльскомъ монастырѣ* изъ славянской эпохи сохранился очень важный памятникъ — это башня кесаря Хреля, который и умеръ въ этомъ монастырѣ въ 1343 году подъ монашескимъ именемъ Харитона. Весьма нужно пожалѣть, что монастырь не сохранилъ другой памятникъ — плиту надъ могилой Хреля, отъ которой въ настоящее время уцѣлѣло четыре куска. Вслѣдствіе утраты нѣкоторыхъ частей плиты надпись на ней не можетъ быть восстановлена. Объ упомянутомъ Хрелѣ въ рукописи № 61 Рыльского монастыря (л. 520) читается: «сихъ-же посредѣ вещей сръбскаяа цвѣтѣти мнѣхусе и по врѣмени отъ кралевства на царство словимыи онъ

прѣпоясуетсе Стефанъ, иже и многыя подѣ собою учинивъ страны, сана кесарствомъ единого отъ своихъ любопочте велмоужь Хреля мужу име. Съ убо кесарь Хреля богоноснаго отца Иоанна изреднаа услышавъ чудеса и житіе разумѣвъ, храмъ тому въ рылсцѣи горѣ отъ основанія въздвигну». Башня Хреля представляетъ собой весьма хорошо сохранившееся зданіе; оно находится нынѣ въ центрѣ монастыря, близъ собора новой постройки. На высотѣ 11 метровъ отъ основанія сохранилась надпись слѣдующаго содержанія: «при дрѣжавѣ господина превысокаго степана душана краля съзыда сїи пиргъ господинъ прѣтосевасть Хрель съ трудомъ великомъ и ексадомъ святому отцу Іоанну Рыльскому и матеріи Божіи нарицаемѣи ѡсѣновица въ лѣто 6843 инд. 5». Буквы выложены изъ краснаго кирпича, высота буквы 18 с., ширина 15—17 с., высота вѣсей надписи 2 м. 10 с., ширина 2 м. 75 с.

Что касается другихъ памятниковъ славянской эпохи, то въ той части Болгаріи, гдѣ болгаре живутъ смѣшанно съ греками, эти памятники старательно уничтожаются. Доказательство видимъ въ исторіи библиотеки Бачковскаго монастыря, откуда утратились славянскіе памятники, но всего лучше характеризуется это положеніе дѣла слѣдующимъ. Въ разстояніи 1 часа пути отъ Стенимака по дорогѣ къ Бачкову монастырю есть остатки крѣпости, построенной на скалѣ. Это былъ памятникъ славянской эпохи, о чемъ свидѣтельствовала надпись (изд. у Шафарика, *Pamatky*, 2 vyd. str. 94), видѣнная еще профессоромъ Качановскимъ въ 1884 году, но уже въ 1887 году уничтоженная (Иречекъ, *Cesty po Bulharsku*, p. 307). Въ настоящее время на мѣстѣ бывшей надписи голое мѣсто, вырубленное топоромъ или долотомъ. Рядомъ съ упомянутой крѣпостью сохранился любопытный памятникъ, это храмъ хорошей византійской работы съ провалившимися частію сводами (*Παναγία τοῦ Καλέ*); церковь украшена фресками и надписями. Обращаетъ на себя вниманіе надпись о возобновленіи храма *Θεοτόκου Πετροκωνίτισσης* и изображеніе магистра *Ἀπάσιος*. Эти данныя имѣютъ интересъ по связи съ Бачковымъ монастыремъ, гдѣ также встрѣчаются эти имена.

3. *Археологическіе предметы съ музеевъ*. О значеніи археологическаго матеріала, разсѣяннаго по Болгаріи, достаточное представленіе даетъ книга Иречка *Cesty po Bulharsku*. Кому удалось видѣть музеи софійскій и филиппопольскій, тотъ признаетъ, что находимые въ нихъ фрагменты: капители, колонны, камни съ надписями, рельефы и статуи служатъ весьма краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ значительныхъ богатствъ архитектурныхъ и скульптурныхъ памятниковъ. Если прибавить, что въ большинствѣ случаевъ эти фрагменты найдены на поверхности земли, то есть не были результатомъ систематическихъ раскопокъ, то можно догадываться, какой

неисчерпаемый родник древностей находится подъ землей. Собранные въ музеяхъ памятники имѣютъ большой интересъ для разъясненія древней исторіи Болгаріи. Чрезвычайно богаты отдѣлы еракійскихъ памятниковъ съ надписями на греческомъ языкѣ и съ богатымъ новымъ матеріаломъ для ономастики. Весьма богато собраніе бронзовыхъ и терракоттовыхъ античныхъ статуетокъ преимущественно римской эпохи, хотя и воспроизводящихъ болѣе древніе греческіе типы. Мѣстное ихъ происхожденіе, почти всегда точно опредѣленное, придаетъ имъ особенное значеніе съ точки зрѣнія культа. Нѣкоторыя изъ нихъ заслуживаютъ вниманія и по своему художественному выполненію. Въ частности можно указать на слѣдующіе предметы: статуетки Зевса, метавющаго молніи, попадаются часто, но это довольно грубая работа. Серебряный рельефный медальонъ съ изображеніемъ Зевса, наоборотъ, какъ по технику, такъ и по стилю наполняетъ лучшіе образцы античныхъ издѣлій въ этомъ родѣ и не уступаетъ найденнымъ въ Гильдесгеймѣ и въ Боскореале, близъ Помпей. Изъ другихъ божествъ особенно распространеннымъ оказывается изображеніе Меркурія въ римскомъ типѣ съ кошелькомъ въ правой рукѣ, лучшая фигурка изъ бронзы найдена близъ села Врацы. Далѣе обычны фигуры Аполлона, имѣющаго, кромѣ лука, чашу въ правой рукѣ. Обыкновенно Аполлонъ изображается спокойно стоящимъ, но попадаетъ часто особенно распространенный въ древней Эракіи типъ этого божества — въ моментъ движенія. Изъ женскихъ божествъ чаще встрѣчается Афродита. Большинство статуетокъ грубой формы, но есть одна серебряная изящной работы. Часто находимъ обыкновенный поздній типъ Фортуны съ рогомъ изобилія и съ рулемъ въ рукахъ. Едва-ли не этому же божеству слѣдуетъ приписать терракоттовый бюстъ крылатой женщины, держащей кадудей и чашу, съ пышнымъ вѣнкомъ на головѣ. Греческой работой можно бы считать одну весьма тонкую бронзовую фигурку танцующей менады эллинистическаго стиля. Къ мифологіи героевъ относятся двѣ статуетки Иракла, одна Атланта и одна фигура колѣнопреклоненнаго юноши, въ которой можно усматривать Ніобида. Кромѣ того, есть цѣлая серія разныхъ фигуръ: воиновъ съ еракійскимъ шлемомъ, женщинъ, жреца, совершающаго жертвоприношеніе, и др. На ряду съ мелкими предметами искусства въ обиліи получаютъ въ музеи остатки монументальныхъ памятниковъ: колонны, фризъ, капители надгробные памятники съ надписями и безъ надписей. Съ болѣе значительныхъ памятниковъ сдѣланы фотографіи, и о нихъ сообщено будетъ въ «Извѣстіяхъ» Института.

Сѣверная Болгарія. Обзоръ памятниковъ сѣверной Болгаріи имѣетъ войти въ хронику «Извѣстій» Института. Здѣсь предлагается лишь часть изъ этого обзора, касающаяся Тырнова. На площади передъ полицейскимъ

управленіемъ собранъ цѣлый рядъ памятниковъ, предназначенныхъ къ отправки въ Софійскій музей. Большинство изъ нихъ цѣнно, какъ эпиграфическій матеріалъ. Добыты они большею частью изъ теперешняго Никюба, древняго Никополя на Дунаѣ, отстоящаго въ трехъ часахъ ѣзды на сѣверъ отъ Тырнова. Мѣстность эта и теперь весьма богата остатками различной старины, римской въ особенности. Остатки стѣнъ сохраняются до такой степени хорошо, что по нимъ болѣе или менѣе ясно можно возстановить планъ древняго римскаго укрѣпленія, назначавшагося для обороны одного изъ Балканскихъ проходовъ, совершенно такъ-же, какъ укрѣпленіе передъ Ловчей обороняло соотвѣтствующій проходъ въ Балканахъ. Изъ цѣлаго ряда надписей наиболѣе интереса представляетъ найденная въ Никополѣ и относящаяся къ 197 году. Въ этой надписи упомянуто имя проконсула Овинія Тертулла, хорошо извѣстнаго въ русской наукѣ по надписи изъ села Коротнаго, которая нѣсколько разъ разбиралась въ «Запискахъ Одесскаго Общества исторіи и древностей». Древности не только въ изобиліи разбросаны въ самомъ Никюбѣ, гдѣ почти нѣтъ ни одного крестьянскаго дома, не содержащаго того или другого остатка римской старины, но ими насыщена вся почва кругомъ.

Въ сосѣднихъ деревняхъ (Поликратица и др.) попадаются также надписи, части антаблемента, алтари и капители изъ мѣстнаго свѣтло-сѣраго камня, очень мало поддающагося дѣйствию времени. Эпиграфическая добыча въ этой мѣстности была очень значительна, и это обиліе древностей въ связи съ цѣлымъ рядомъ кургановъ, разбросанныхъ какъ на мѣстѣ самаго римскаго укрѣпленія, такъ и вокругъ его, намѣчаютъ особенно эту мѣстность для археологическихъ изслѣдованій и раскопокъ. Въ самомъ Тырновѣ цѣлый рядъ церквей, уже привлекавшихъ вниманіе изслѣдователей (Иречекъ, бр. Шкорпилы и др.), но и онѣ могутъ дать нѣчто новое, какъ показала сдѣланная г. Кузнецовымъ въ церкви Сорока Мучениковъ находка надписи, относящейся ко времени Асѣней и доселѣ неизвѣстной. Изъ остальныхъ церквей, также весьма любопытныхъ, особенное вниманіе привлекаетъ церковь св. Димитрія, не столько своею предпочтительною древностью, сколько тѣмъ состояніемъ, въ которомъ она находится и которое грозитъ скорымъ и близкимъ разрушеніемъ. Въ русское время полуразрушившуюся церковь покрыли наскоро деревянной крышей, которая все-таки же плохо защищаетъ её отъ непогоды и отъ дѣйствія времени. Фрески сильно портятся. Снять планъ самой церкви и списаны всѣ надписи, которыя еще можно разобрать. Въ митрополичьей церкви Петра и Павла, судя по плану (куполъ покоящійся прямо на четырехъ колоннахъ), относящейся къ XII—XIII вѣку, среди многихъ любопытныхъ предметовъ обращаетъ въ особенности на себя вниманіе икона надъ входной дверью во внѣшнемъ

нартексѣ. На ней изображенъ строитель храма въ длинномъ золотомъ епископскомъ облаченіи съ епитрахилью вокругъ шеи. Въ рукахъ у него церковь, представляющая изъ себя видъ церкви Петра и Павла до построекъ, вызванныхъ турецкими гоненіями, съ незадѣланными окнами круговой галлерей. Церковь эту строитель подноситъ Божіей Матери, сидящей на престолѣ, около котораго съ одной стороны стоитъ апостолъ Петръ, а съ другой апостолъ Павелъ.

Курганы. Болгарію прямо можно назвать страной кургановъ, въ такомъ обиліи они покрываютъ ея поверхность. Но есть мѣстности особливо ими богатая. Таковъ Никополь, съ этой стороны отмѣченный раньше. Такова вся долина Казанлыка и окрестности Старой Загоры, такова особенно колесная дорога отъ Старой Загоры до Филиппополя черезъ Чирпанъ. Отъ Старой Загоры они идутъ до Арабъ-Магалъ, попадаютъ въ особенномъ изобиліи на берегахъ рѣчки Чаплы, потомъ становятся на югъ отъ Чирпана нѣсколько рѣже, хотя все-же число ихъ остается весьма значительнымъ. Они стоятъ то отдѣльно, то попарно, то цѣлыми семьями. Размѣры ихъ и формы очень разнообразны, направленіе также, хотя направленіе съ юга на сѣверъ производитъ впечатлѣніе наиболѣе распространеннаго. Такими-же курганами обилуетъ долина Софіи. Съ нѣкоторыми изъ нихъ въ народной памяти связанъ цѣлый рядъ преданій. Вотъ, напримеръ, одно, которое записано въ Филиппополѣ со словъ г. Найдена Герова про два парныхъ кургана около Филиппополя: Жило было два брата. Одинъ владѣлъ Гиссаромъ, другой Филиппополемъ. Они никакъ не могли подѣлить своихъ владѣній. Въ концѣ концовъ условились такъ. Оба встанутъ вмѣстѣ съ солнцемъ и пойдутъ другъ другу на встрѣчу, одинъ съ Гиссара, другой съ Филиппополя. Мѣсто ихъ встрѣчи опредѣлитъ границу между ихъ владѣніями. Одинъ братъ исполнилъ условіе честно, другой же — владѣтель Гиссара — всталъ раньше. Оттого братья встрѣтились не на серединѣ пути, а ближе къ Филиппополю. Обманутый братъ тутъ же вступилъ въ поединокъ съ обманувшимъ, оба пали въ бою и были похоронены рядомъ. Надъ ихъ могилами были насыпаны курганы, потомъ срослись.

3. Экскурсія въ Палестину.

Хотя Палестиновѣдѣніе имѣетъ въ Россіи могущественнаго представителя въ лицѣ Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества и хотя археологическія задачи въ Палестинѣ достаточно выражены въ изданіяхъ этого Общества, но Институтъ не можетъ не считать близкими и себѣ эти задачи въ силу того значенія, какое Палестина имѣетъ для христіанскихъ древностей и для русскаго народнаго самосознанія. Въ виду

этихъ соображеній, а равно и съ цѣлью ознакомленія на мѣстѣ съ новыми топографическими вопросами, выдвинутыми вслѣдствіе послѣднихъ раскопокъ въ Иерусалимѣ, Институтомъ исполнена была экскурсія въ Палестину въ октябрѣ и ноябрѣ 1896 года, при чемъ попутно завязывались сношенія съ мѣстными археологами на островѣ Кипрѣ и въ Сиріи.

Ознакомленіе съ Иерусалимомъ и его окрестностями во многихъ отношеніяхъ оказалось весьма полезно. Прежде всего въ настоящее время здѣсь образовался боевой пунктъ, на которомъ ревностно занимаются археологіей французы, англичане, американцы и греки. Археологія стала здѣсь средствомъ для оправданія политическихъ и религіозныхъ тенденцій. Вслѣдствіе конкуренціи и оживленной погони за памятниками древностей въ Иерусалимѣ начаты и ведутся раскопки во многихъ мѣстахъ, и эти раскопки часто сопровождаются весьма немаловажными результатами. Кромѣ того, въ Иерусалимѣ есть прекрасная патріаршая бібліотека, въ которой находится множество важныхъ греческихъ рукописей, а въ ризницѣ Гроба Господня скрываются безцѣнные сокровища въ видѣ священныхъ одеждъ, церковной утвари, книгъ и разныхъ предметовъ. Наконецъ, Институту удалось ознакомиться съ бібліотекой и музеемъ о. архимандрита Антонина, гдѣ собраны весьма рѣдкіе и цѣнные предметы. Такимъ образомъ экскурсія въ Палестину не могла не дать въ результатѣ очень значительныхъ пріобрѣтеній.

Говоря о новѣйшихъ раскопкахъ въ Иерусалимѣ, нельзя не остановиться вниманіемъ на произведенныхъ русскими раскопкахъ близъ Гроба Господня. Если бы даже оказались не совсѣмъ точными первоначально сдѣланные на основаніи этихъ раскопокъ выводы, все же въ памятникахъ и остаткахъ сооружений, открытых на Русскомъ мѣстѣ, имѣются ясные и реальныя факты, которые не могутъ не содѣйствовать къ разрѣшенію кардинальнаго вопроса о топографіи святыхъ мѣстъ. Прежде всего, при внимательномъ разсмотрѣніи сохранившихся на Русскомъ мѣстѣ сооружений обнаруживается, что они относятся къ различнымъ эпохамъ. Тутъ есть и римская кладка, и византійскія капители, и позднѣйшія постройки, грубо и поспѣшно сдѣланныя для поддержанія или замѣны старыхъ. Затѣмъ, рѣшающее значеніе для вопроса о первоначальномъ назначеніи древнихъ стѣнъ должна служить, во-первыхъ, самая толщина стѣнъ, во-вторыхъ, слѣды облицовки, сохранившіеся въ выбоинахъ, просверленіяхъ, бороздахъ и граняхъ. То и другое должно вести къ предположенію, что здѣсь сохранилась стѣна внутренняя, составлявшая часть обширнаго зданія, а не внѣшняя. Что касается римской надписи *Imp. Part.*, вдѣланной въ стѣну, она не относится къ той же археологической эпохѣ, что и другіе предметы и даже сооруженія, которыя характеризуются матеріаломъ темнаго цвѣта (колонны 1 м. 70—80 с. въ окружности). Остатковъ мраморной облицовки

весьма мало, зато есть слѣды позднѣйшихъ грубыхъ эпохъ (остатки армянской надписи на камнѣ). Какое зданіе могло быть на мѣстѣ нынѣшней русской постройки, остается не совсѣмъ еще яснымъ. Но при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ важно принять во вниманіе, что по направленію къ Дамаскимъ воротамъ, на нынѣшнемъ базарѣ есть нѣсколько архитектурныхъ и эпиграфическихъ фрагментовъ, свидѣтельствующихъ о принадлежности этой мѣстности къ округу или кварталу св. Анны, такъ какъ нѣсколько разъ на порталахъ лавокъ встрѣчается надпись *ANNA*. Институтъ предполагаетъ посвятить этому вопросу отдѣльную статью въ своихъ «Извѣстіяхъ».

Замѣчательныя раскопки г. Блисса хорошо извѣстны Палестиновѣдамъ по тщательнымъ описаніямъ его, помѣщеннымъ въ *Palestine Exploration Fund*. О французскихъ раскопкахъ даетъ понятіе книга патера Лагранжа *S. Etienne et Son Sanctuaire à Jérusalem*. Paris. 1894. Кромѣ этихъ раскопокъ, въ Иерусалимѣ во многихъ мѣстахъ ведутся раскопки негласно или подъ предлогомъ возводимыхъ построекъ. Объ этихъ послѣднихъ было бы неумѣстно говорить здѣсь, тѣмъ болѣе, что Институту сообщено было о нихъ по довѣрію. Но нельзя не отмѣтить того обстоятельства, что въ настоящее время въ Иерусалимѣ представители всѣхъ національностей стремятся дѣлать раскопки и приобрѣтать земельные участки. Наиболѣе значительныя земельныя приобрѣтенія сдѣланы были въ послѣднее время французами. Въ смыслѣ результатовъ, даваемыхъ раскопками, преимущественное вниманіе обращаютъ на себя мозаики и большое количество эпиграфическаго матеріала (надгробныя надписи). Обиліе этого матеріала обнаружилось еще при настоятелѣ русской духовной миссіи въ Иерусалимѣ, архимандритѣ Антонинѣ, когда онъ возводилъ постройки на приобрѣтенныхъ имъ мѣстахъ. Часть мозаикъ, открытыхъ имъ, была имъ сфотографирована, часть камней съ надписями приобрѣтена имъ и хранится въ благонадежномъ мѣстѣ.

Главнѣйшій интересъ въ Иерусалимѣ еще долго, однако, будетъ имѣть патриаршая библіотека и ризница Гроба Господня. Это потому, что въ томъ и другомъ собраніи находятся предметы глубокой древности и важности; это потому, далѣе, что какъ въ библіотекѣ, такъ и въ ризницѣ собраны наиболѣе цѣнныя вещи изъ всѣхъ монастырей Палестины. Какъ извѣстно, библіотека патриархія описана ученымъ грекомъ А. И. Пападопуло-Керамевсомъ. Его каталогъ Иерусалимской библіотеки и Аналекты, изданные Православнымъ Палестинскимъ Обществомъ, составляютъ прекрасное и безусловно необходимое пособіе для всякаго, кто пожелаетъ заняться въ патриаршей библіотекѣ. Можно пожалѣть развѣ объ одномъ, что почти на весь болѣе или менѣе интересный матеріалъ, хранящійся въ этой библіотекѣ, г. Керамевсъ наложилъ veto посредствомъ заявленія, сдѣланнаго

въ каталогѣ, что имъ готовится къ печати и изслѣдуется обширный кругъ матеріала, заимствованнаго изъ этой бібліотеки. Само собою разумѣется, это отнюдь не должно смущать того, кто будетъ имѣть случай заниматься въ патріаршей бібліотекѣ, потому что сокровища ея долго еще не будутъ исчерпаны. Институтомъ обращено было вниманіе на рукописи съ миниатюрами, съ коихъ снято нѣсколько фотографій. По части историческаго матеріала приобрѣтены новыя данныя для исторіи Трапезунда.

Ризница Гроба Господня, вообще недоступная для публики, богата цѣнными археологическими предметами. Благодаря любезному вниманію архимандрита Фотія и епитропа Гроба Господня архимандрита Евемія, Институту предоставлена была возможность ознакомиться съ нѣкоторыми древностями ризницы и снять съ нихъ фотографіи. Наиболѣе любопытные предметы слѣдующіе:

1. Евангеліе Бориса Годунова въ серебряномъ окладѣ и съ надписью на греческомъ и русскомъ языкѣ на внѣшней доскѣ оклада: «Положилъ въ святую церковь пресвятого и тридневнаго воскресенія великаго Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа на святой престолъ надъ божественнымъ Его Гробомъ, иже есть во Святомъ градѣ, многогрѣшнымъ Борисомъ сынъ Ѳеодоръ». Окладъ представляетъ собой по угламъ четырехъ евангелистовъ, а въ серединѣ Животворящій Крестъ и сошествіе въ адъ. Надписи надъ изображеніями на русскомъ языкѣ. Въ концѣ двѣ записи на греческомъ языкѣ.

Μέδων μέγιστος πάσης χθονός Ῥωσίας
 τεύχε τὸ παρὸν χρυσήλατον πυκτίον,
 ὥπασεν δ' αὐτὸ ἐν τῷ σεπτῷ ἡρίῳ
 Χριστοῦ ἀνακτος καὶ γῆς ἀνάκτων πάσης.
 παρούσιος κέκληται ὁ τε καλός.
 ἡκιστος αὐτός ἀπάντων ἀρητήρων
 Θεοφάνης εἴληφα κείνου χειρῶν τε,
 οἶακας δὲ ἴδυνε αἰλλας τῆμος
 Θεοῦ Σωφρόνιος τῆς ἐκκλησίας.
 πέμπτος δ' ἔνος ἐπλετο θεογονίας
 χιλιοστός δὲ καὶ ἐξ ἑκατοντάδες,
 ἐν τῷδε ἡνίκα ἠνέχθη τῷ τόπῳ.

То-есть: величайшій правитель всей россійской земли изготовилъ сію златокованную книгу и пожертвовалъ еѣ Святому Гробу Христа Царя царей всей земли; Борисъ имя этому царю. Нижайшій всѣхъ іереевъ Теофанъ принялъ изъ рукъ его, а бразды правленія божественной Іерусалимской церкви держалъ въ то время Софроній. Исполнился отъ Рождества Христова тысяча шестьсотъ пятый годъ, когда принесена была въ сіѣ

мѣсто. — Теофанъ іеромонахъ принесшій сіе Евангеліе изъ рукъ царя Бориса къ Святому Гробу. Управлялъ церковью, какъ свидѣтельствуя и выше приведенные стихи, Софроній патріархъ въ то время, когда пришло къ Святому Гробу Господа. Въ лѣто 7113.

Упоминаемый здѣсь іеромонахъ Теофанъ былъ преемникомъ Софронія на патріаршей Іерусалимской кафедрѣ и въ 1603 году дѣйствительно былъ посылаемъ въ Москву. Свѣдѣнія о пребываніи его въ Россіи, равно какъ упоминаніе объ Евангеліи, подаренномъ Борисомъ на престолъ Гроба Господня, находятся и въ русскихъ памятникахъ. Вотъ относящееся сюда мѣсто изъ книги профессора Каптерева «Сношенія Іерусалимскихъ патріарховъ съ Русскимъ правительствомъ» (Православный Палестинскій Сборникъ, т. XV); стр. 20: «4 марта (1604 года) Теофанъ вмѣстѣ съ саввинскимъ келаремъ Дамаскинымъ были у государя на отъѣздѣ. И какъ архимандритъ и келарь пришли къ государю и государь ихъ пожаловалъ спросилъ о здоровьѣ: во спасеніе-ли пребываютъ — архимандритъ Теофанъ! и мы нынѣ васъ отпускаемъ къ патріарху Софронію, а съ вами посылаемъ къ живоносному Гробу Господа нашего Іисуса Христа и Святаго Его Воскресенія Евангеліе греческое письмо на престолъ въ церковь Воскресенія Господа нашего Іисуса Христа...»

2. Драгоценная икона Спасителя (*ὁ βασιλεὺς τῆς δόξης*) въ окладѣ. Эта икона представляетъ собой одинъ изъ лучшихъ памятниковъ византійской эмали и заслуживаетъ внимательнаго изученія. Она состоитъ изъ разныхъ частей, различающихся по происхожденію и по технике. Самый образъ Спасителя есть работа позднѣйшей эпохи. Въ окладѣ рѣзко отличается центральная, украшенная эмалевыми узорами и рисункомъ часть отъ боковыхъ частей съ вытиснутымъ растительнымъ орнаментомъ, гдѣ эмали лишь вставлены. Имѣющаяся на нижней полосѣ оклада подъ самымъ образомъ надпись, по всей вѣроятности на грузинскомъ языкѣ, свидѣтельствуеетъ о прибавленіи означенныхъ частей вслѣдствіе передѣлки. Такимъ образомъ и объясняется неправильное и нѣсколько случайное распредѣленіе эмалей по краямъ. Но тѣмъ не менѣе въ происхожденіи ихъ отъ одного памятника не оставляетъ сомнѣнія не только стиль, но и содержаніе изображеній, которое вмѣстѣ съ крещатымъ нимбомъ (выполненнымъ эмалью) выдаетъ, какъ основной сюжетъ, образъ Спасителя въ Распятіи. Это же подтверждается и надписью *ὁ βασιλεὺς τῆς δόξης*, которая свойственна Христу, какъ Судіи (въ изображеніяхъ Страшнаго Суда) и какъ Искупителю (на Распятіи). Болѣе подробный разборъ композицій будетъ умѣстенъ при изданіи памятника, теперь же можно ограничиться указаніемъ, что эмали отличаются прекраснымъ выполненіемъ и техникой и могутъ быть относимы къ концу X-го или началу XI вѣка.

3. Шпага византійскаго происхожденія. На рукояткѣ крестъ, подъ нимъ изображеніе Богородицы, еще ниже два ангела. На самомъ клинкѣ греческая надпись *συ βασιλευ αηττητε λογε Θεου πανταναξ*. Насколько можно догадываться по надписи, этотъ памятникъ не позже 12-го вѣка. Эта шпага носилась черезъ плечо (см. Льва тактика с. 6: *εχειν δε σπαδια αποχρεμαμενα των ωμων αυτων*).

4. Роскошное молдавское Евангеліе отъ 1550 года писано золотомъ на пергаментѣ съ записью на славянскомъ: «сѣи тетрѳевгель сѣтвори и окова Елена деспотовна гѣжа покорною ю Петр воеводы господарь земли Молдовской».

Между утварью церковной можно отмѣтить митру патріарха Паисія (1657 года), передѣланную изъ болѣе древней; такъ называемый Иракліевъ крестъ, имѣющій окладъ позднѣйшаго времени; плащаницу Мазепы; дагѣ шпагу Петра Великаго, на которой икона Николая Чудотворца и изображеніе Петра съ надписью: *Vivat Peter Alex. czar Moscoviae*.

Въ окрестностяхъ Іерусалима находятся древніе монастыри, въ которыхъ можно встрѣчать иногда интересные остатки древности. Въ монастырѣ св. Саввы обращаетъ на себя вниманіе пиргъ постройки Юстиніана; въ монастырѣ Θεодосія возводятся постройки, обнаружившія основанія древней церкви съ остатками колоннъ и съ мозаиками; подъ церковью находилась усыпальница, гдѣ открыты саркофаги, относящіеся, какъ можно судить по слѣдамъ орнамента, къ VI—VII вв. Въ монастырѣ св. Креста, принадлежавшемъ прежде грузинамъ, сохранилась на полу древняя мозаика и нѣсколько грузинскихъ иконъ хорошаго письма. Въ небольшомъ музеѣ есть собраніе археологическихъ предметовъ, между прочимъ бронзовая доска съ изображеніемъ *Δικαιοσύνη* на одной сторонѣ и съ надписью на другой. Этотъ предметъ заслуживаетъ внимательнаго изученія и изданія. Въ монастырѣ Іоанна Предтечи на Іорданѣ производятся постройки, поведшія также къ открытіямъ. Цѣль развѣдокъ на противоположной сторонѣ Іордана состоитъ въ томъ, чтобы точнѣе опредѣлить мѣсто крещенія Спасителя, эти развѣдки уже дали нѣкоторые результаты, такъ какъ за Іорданомъ, противъ монастыря Предтечи, найдены слѣды древнихъ сооружений, указываемыхъ въ проскинтаріяхъ. Въ Іерихонѣ, на Русскомъ мѣстѣ, постоянно открываются новые предметы вслѣдствіе расчистки почвы для огородныхъ насажденій. Въ настоящее время всѣ эти предметы — нѣмые свидѣтели, но при правильныхъ раскопкахъ изъ нихъ можно будетъ извлечь опредѣленные отвѣты. Очень интересны во многихъ отношеніяхъ пещеры, находящіяся въ близости монастыря Іоанна Хозевита. Но проникнуть въ нихъ не оказалось возможнымъ, такъ какъ доступъ къ пещерамъ соединенъ съ невѣроятными затрудненіями.

Въ Яффѣ заслуживаетъ вниманія частная археологическая коллекція барона Устинова. Г. Устинову удалось собрать нѣсколько хорошихъ образцовъ классической скульптуры, б. ч. греческой — эпохи діадочовъ, хотя бы въ римскихъ копіяхъ. Между ними, какъ наиболѣе замѣчательный предметъ, слѣдуетъ отмѣтить портретный бюстъ еллинистическаго стиля съ надписью *Ολυμπόδωρος*, который отличается художественнымъ выполнениемъ и выразительностью переданнаго съ тонкою индивидуализаціей лица. Крімъ того, имѣются два женскіе и одинъ мужской торсы типа той же самой эпохи и нѣсколько надгробныхъ и декоративныхъ рельефовъ.

III.

Обработка матеріаловъ и научныя предпріятія.

Наиболѣе цѣнный научный матеріалъ, пріобрѣтенный въ отчетномъ году, несомнѣнно есть пурпуровый кодексъ евангелія, найденный въ деревнѣ Сармисахлы. Институтъ полагаетъ своимъ долгомъ заняться этимъ кодексомъ и выяснитъ его значеніе между другими рукописями евангельскаго текста. Такъ какъ обнаружилось, что нѣкоторыя части пурпуроваго кодекса находятся въ разныхъ европейскихъ библіотекахъ и, между прочимъ, на островѣ Патмосѣ, то явилась потребность командировать на Патмосъ члена Института А. Д. Фаддеева, которому поручено было описать патмосскіе листки пурпуроваго кодекса. Вмѣстѣ съ тѣмъ поѣздкой г. Фаддеева Институтъ воспользовался для того, чтобы исполнить порученіе Археографической Коммиссіи Министерства Народнаго Просвѣщенія по отношенію къ свѣркѣ копіи принадлежащей означенной Коммиссіи части Большаго Катехизиса Феодора Студита съ оригиналомъ, хранящимся въ Патмосской библіотекѣ. Г. Фаддеевъ исполнилъ съ успѣхомъ возложенное на него порученіе. Свѣренная имъ съ оригиналомъ копія части Большаго Катехизиса Ф. Студита возвращена въ Археографическую Коммиссію, а описаніе листовъ пурпуроваго кодекса подтвердило вѣрность предположеній Института какъ о принадлежности этихъ листовъ къ кодексу, найденному въ Сармисахлы, такъ и о мѣстѣ, какое они должны были занимать въ кодексѣ.

Въ области древне-христіанской скульптуры въ числѣ находокъ Института первое мѣсто принадлежитъ константинопольскому саркофагу съ рельефнымъ изображеніемъ Христа между двумя апостолами. Этотъ памятникъ возбуждаетъ научное любопытство тѣмъ, что представляетъ собой пока единственный примѣръ того направленія христіанскаго искусства, которое до сихъ поръ считалось свойственнымъ лишь Риму и чуждымъ

Византіи. Объ этомъ памятникѣ сообщалось въ засѣданіяхъ Института и предложенъ былъ докладъ Рижскому Археологическому съѣзду.

Изъ рукописнаго матеріала въ распоряженіи Института находится значительное число копій и извлеченій изъ рукописей. Въ настоящее время обрабатывается и готовится къ изданію: 1) Дѣлопроизводство по обвиненію Іоанна Шпала въ ереси, 2) Синодикъ царя Бориса. Весьма обильный матеріалъ представляютъ надписи, число коихъ доходитъ до 300. Изъ нихъ большинство или сфотографировано или снято въ эстампажахъ. Хотя громадное количество надписей относится къ надгробнымъ, но есть между ними и такія, которыя представляютъ особый интересъ или въ историческомъ, или, наконецъ, въ культурномъ отношеніи. Надписи постепенно изучаются и готовятся къ печати.

Въ виду ограниченности силъ и матеріальныхъ средствъ Институту нельзя задаваться обширными научными задачами и такими предпріятіями, которыя для своего выполненія могли бы потребовать экстренныхъ средствъ. Тѣмъ не менѣе уже самый фактъ существованія Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ невольно влечетъ его въ область большихъ научныхъ предпріятій.

I. По инициативѣ Французской школы въ Аѳинахъ возникла мысль о систематическомъ и методологическомъ изученіи аѳонскихъ памятниковъ. Институту сдѣлано было предложеніе со стороны Французской академіи наукъ и Аѳинской школы войти въ соглашеніе для совмѣстной работы на Аѳонѣ и для изданія аѳонскихъ памятниковъ. Такъ какъ изученіе наслѣдія, завѣщаннаго православіемъ и сохраненнаго на Аѳонѣ, Институту представляется первой и священной обязанностью перваго русскаго ученаго учрежденія на Востокѣ, и такъ какъ участіе Института въ обработкѣ и изданіи аѳонскихъ памятниковъ могло бы служить нѣкоторымъ удовлетвореніемъ тѣхъ нравственныхъ обязательствъ, какія лежатъ на русской наукѣ по отношенію къ Аѳону, то Институтъ не могъ колебаться въ выраженіи своего сочувствія означенному предложенію. Выработавъ планъ совмѣстныхъ съ французами работъ и составивъ приблизительную смѣту расходовъ, Институтъ представилъ проектъ изученія памятниковъ Аѳона на благоусмотрѣніе Министерства Народнаго Просвѣщенія и Императорской Академіи наукъ, при чемъ ходатайствовалъ объ оказаніи содѣйствія и матеріальной поддержки проекту.

II. Вслѣдствіе сношеній съ константинопольскимъ патріархатомъ родилась мысль о собираніи матеріаловъ для исторіи древнихъ монастырей и церквей патріархата. Вселенскій патріархъ, признавъ важность и удобоисполнимость этой мысли, обратился съ окружнымъ посланіемъ ко всѣмъ епископамъ и настоятелямъ монастырей патріархата, предлагая имъ дать

свѣдѣнія на слѣдующіе вопросы: 1) какіе монастыри существуютъ въ епархіи; 2) какіе нынѣ закрыты или находятся въ развалинахъ и нѣтъ-ли о нихъ или устныхъ преданій, или актовъ и другихъ архивныхъ памятниковъ. Въ настоящее время начинаютъ поступать отвѣты изъ епархій, снабженные иногда или указаніемъ на архивные матеріалы, или приведеніемъ оныхъ въ копіи. Независимо отъ сего, въ Институтъ начинаютъ приходиться предложенія отъ частныхъ лицъ, живущихъ въ провинціяхъ, принять участіе въ составленіи исторіи монастырей патріархата. Трудно, конечно, заранѣе предрѣшать вопросъ о томъ, будетъ-ли въ состояніи Институтъ довести до конца это предпріятіе, требующее значительныхъ средствъ, какими онъ не располагаетъ. Но несомнѣнно то, что такимъ путемъ получится новый матеріалъ, который никогда бы не былъ обнаруженъ безъ окружного посланія патріарха.

IV.

Библиотека и кабинетъ древностей.

При пополненіи библиотеки въ отчетномъ году Институтъ слѣдовалъ тому плану, который былъ выработанъ при ея основаніи. Планъ этотъ, рассчитанный на четыре года, въ настоящее время почти приведенъ въ исполненіе; если и не во всѣхъ своихъ подробностяхъ, то по крайней мѣрѣ въ главныхъ отдѣлахъ библиотека Института снабжена основными изданіями какъ по археологіи, такъ и по исторіи странъ, входившихъ въ составъ Византійской имперіи. Изъ отдѣльныхъ приобрѣтеній истекшаго года особенно цѣнными представляются: *Le Quien, Oriens Christianus*; *Tischendorf, Bibliogum Codex Sinaiticus*; *Δοσιθεου, Περί τῶν ἐν Ἱεροσολύμοις πατριαρχουσάντων*; Бантышъ-Каменскій, Словарь достопамятныхъ людей; *Pott, heist, Bibliotheca historica medii aevi*; *Miklosich und Müller, Acta et diplomata graeca*; *Choisy, L'art de bâtir chez les Byzantins*; *Ongania, La Basilica di S. Marco*; *Schlumberger, Sigillographie de l'empire Byzantin*; *Texier, Description de l'Asie Mineure*; *De Vogué, Les églises de la Terre Sainte*.

Приобрѣтая, такимъ образомъ, основныя изданія по предметамъ своей специальности, Институтъ также обращалъ вниманіе на лучшую постановку отдѣла *Periodica*, пробѣлы котораго по мѣрѣ окончанія организационныхъ работъ и вступленія научной жизни Института въ болѣе правильное русло стали особенно ощутительны. Во-первыхъ, въ значительной степени увеличена подписка на текущія изданія, число коихъ доведено до 21 иностранныхъ и 28 русскихъ. Во-вторыхъ, надболѣе важныя журналы приобрѣтались серіями за истекшіе года. Такъ были куплены: *Jahrbuch des K. Deut-*

schen Archäologischen Instituts; *Mittheilungen* des K. D. A. archäol. Inst. aus Athen; *Mittheilungen* des K. D. A. Inst. aus Rom; *Revue de l'art chrétien*; *Bulletin de correspondance hellénique*.

Всего въ отчетномъ году было приобретено: названій 178, томовъ 363, на сумму 322 л. 22¹/₂ п. или 2750 руб. кр. (изъ нихъ около 500 р. покрыто изъ специальныхъ средствъ Института). Продолжалось, кромѣ того, пополненіе библіотеки пожертвованіями. Помимо тѣхъ ученыхъ учреждений и обществъ, которыя и прежде присылали свои періодическія изданія, въ отчетномъ году оказали вниманіе Институту пожертвованіемъ своихъ изданій: Иерусалимская патріархія, Редакція Церковныхъ Вѣдомостей, издаваемыхъ при Святѣйшемъ Синодѣ, Ватиканская библіотека, Болгарское Министерство Народнаго Просвѣщенія, Картографическій Институтъ въ Софіи, Императорское С.-Петербургское Общество Архитекторовъ. Кромѣ того, Институтъ считаетъ долгомъ высказать благодарность слѣдующимъ лицамъ за пожертвованіе книгъ и за содѣйствіе, оказанное ему въ его дѣятельности: Его Блаженству патріарху Никодиму, митрополиту Амасійскому Анеиму, г. Найдену Герову, А. Н. Деревицкому, Э. Р. Штерну, Императорскому Россійскому вице-консулу въ Ризѣ А. И. Гиппіусу, Императорскому вице-консулу въ Битоли А. А. Ростковскому, Н. В. Чарыкову, В. С. Иконникову, В. К. Еришtedту, князю Барятинскому, В. В. Болотову, В. Добрускому, М. Гедеону, Л. Милетичу, Д. В. Айналову, Е. К. Рѣдину, Я. И. Смирнову и др.

Общій итогъ поступленій въ библіотеку Института опредѣляется въ слѣдующихъ цифрахъ: названій 382, томовъ 762, а съ прежними — названій 3221, томовъ 6961. Всѣ поступившія книги и изданія занесены какъ въ карточный, такъ и въ систематическій каталоги.

Изъ предметовъ, поступившихъ за истекшій годъ въ археологическій кабинетъ, слѣдующіе заслуживаютъ вниманія.

Д. А. Левитскій пожертвовалъ надгробный рельефъ, изображающій умершую женщину съ полнымъ туалетнымъ аксессуаромъ. Приобрѣтена покупкой происходящая изъ древнихъ Сузъ алебастровая статуетка, представляющая собою женскій идолъ стіля елгинистической эпохи. Одинаковаго съ нею происхожденія другая глиняная статуетка стоящей женщины финикійскаго стіля. Послѣдняя вмѣстѣ съ головкою бога Пана (даръ М. О. Плескова) пополнила серію терракоттъ, а головка Аеины и фигурка юнаго Пріапа вошли въ коллекцію бронзовыхъ вещей. Изъ рѣзныхъ камней въ этомъ году поступило два, одинъ съ бюстомъ Аполлона, другой — Артемиды. Въ отдѣлѣ христіанской эпохи, какъ болѣе крупныя предметы, вошли фрагменты древне-византійской орнаментальной архитектуры, найденные въ Стамбулѣ. Опредѣленность мѣста ихъ находженія увеличиваетъ зна-

ченіе этихъ остатковъ, изъ которыхъ одинъ представлялъ уголь коринтской капители, другой львиную голову. Значительно обогатилась серія византійскихъ кирпичей съ клеймами (въ особенности благодаря пожертвованіямъ г. фонъ-Кюльмана). Между мелкими христіанскими древностями первое мѣсто занимаетъ одно мѣдное кадило (даръ А. И. Нелидова). Судя по древнимъ типамъ композиціи, равно какъ по стилю, оно должно быть признано византійскимъ издѣліемъ, восходящимъ къ первому тысячелѣтію христіанской эпохи. Приобрѣтенъ еще второй экземпляръ такой же формы, но безъ изображеній. Поступившій вновь старинный мѣдный складной крестъ отличается отъ имѣвшихся уже раньше въ коллекціи Института преимуществомъ большей сохранности (въ немъ цѣлы обѣ половинки).

Въ отдѣлѣ христіанской эпитафички вошла одна интересная надпись V в., происходящая изъ Никомидіи.

Наконецъ, набралось еще небольшое количество предметовъ мусульманскаго искусства, между которыми наибольшее достоинство имѣетъ изразецъ фаянсовой облицовки XIII—XIV вв., происходящій изъ сельджукійской мечети въ Коніи (пожертвованіе Д. А. Левитскаго). Дальше заслуживаетъ упоминанія штукатурный рельефъ съ изображеніемъ соколиной охоты и маленькое гравированное блюдо поздней работы, происходящія оттуда-же.

Всего въ теченіе 1896 года поступило въ коллекціи Института предметовъ и фрагментовъ:

Античнаго искусства.

	Пожертвов.	Куплено.
Остатковъ скульптуры	4	1
Терракоттовыхъ вещей	1	1
Лампочекъ	1	—
Вазъ	2	1
Бронзовыхъ, свинцовыхъ и др. мелкихъ предметовъ	8	4
Рѣзныхъ камней	—	2
Печатей или клеймъ	5	1
Надписей	2	—
Всего	23	10

Христіанскаго искусства.

	По жертв.	Куплено.
Архитектурныхъ фрагментовъ	—	3
Кирпичей съ клеймами	21	19
Терракотты и сосудовъ	—	1
Лампочекъ	1	—
Бронзовыхъ и свинцовыхъ предметовъ .	3	4
Образковъ, рѣзныхъ вещей и разныхъ др. предметовъ	9	4
Рѣзныхъ камней	1	—
Надписей	—	1
Всего . . .	36	31

Мусульманскаго искусства.

Остатковъ фаянсовой облицовки	6	—
Глиняныхъ сосудовъ или фрагментовъ .	5	—
Металлическихъ издѣлій	2	—
Всего . . .	13	—
Итого всѣхъ предметовъ . . .	72	41
	113	

По примѣру перваго года Институтъ особенно заботился объ умноженіи монетъ и византійскихъ печатей.

Приобрѣтено въ 1896 г.:

	По жертв.	Куплено.
Свинцовыхъ печатей	2	45
Всего	47	
Монетъ серебряныхъ	5	49
» мѣдныхъ	23	98
Всего . . .	28	147
	175	

Институтъ считаетъ долгомъ привести здѣсь имена жертвователей отчетнаго года: А. И. Нелидовъ, Д. А. Левитскій, Н. Н. Пѣшковъ, Г. П. Беглери, О. Клеона, М. О. Плесковъ, г. фонъ-Кюльманъ, г. Кантемиръ, г. Чайанцъ, Я. И. Смирновъ.

Изъ средствъ Института на приобретение древностей вообще было употреблено 13 лиръ тур. 86 піастр., т. е. около 115 руб. кред. Собраніе фотографій увеличилось приобретениемъ во время экспедиціи въ Іеру-

салимъ снимковъ съ мѣстныхъ древностей и въ особенности видовъ русскихъ раскопокъ. Софійскій музей принесъ въ даръ серію фотографій съ мелкихъ памятниковъ, какъ напр. бронзовыхъ и терракотовыхъ статуетокъ и т. п., находящихся въ его коллекціяхъ. Но главнымъ образомъ, благодаря принятымъ въ этомъ отношеніи мѣрамъ, Институтъ уже могъ дѣйствовать собственнымъ фотографическимъ аппаратомъ, что въ особенности помогло ему во время экскурсій. Такъ собранъ обширный матеріалъ фотографическихъ снимковъ съ памятниковъ, найденныхъ или обследованныхъ, а именно: въ Константинополѣ и его окрестностяхъ 19, въ Болгаріи 31, въ Бруссѣ и Никсѣ 28, въ Измидѣ 20, въ Адабазарѣ, Кандарѣ и др. мѣстахъ 31, въ Коніи 15, въ Іерусалимѣ 58 и др. Всего 203.

ΠΕΡΙΕΧΟΜΕΝΑ ΤΟΥ ΤΡΙΤΟΥ ΚΑΙ ΤΕΤΑΡΤΟΥ ΤΕΥΧΟΥΣ.

ΜΕΡΟΣ Α΄.

ΜΕΛΕΤΑΙ ΚΑΙ ΥΛΑΙ.

σελ.

Περί τῶν ὁρίων τῆς ἐκκλησιαστικῆς ἐπαρχίας Βιτζίνης, τῆς ὑποκειμένης ποτὲ τῷ πατριάρχῳ Κ/πόλεως, ὑπὸ Ἱ. Κουλακόφσκη	315
Περί τινων βίων ἁγίων ἑλληνοστί γεγραμμένων ὑπὸ Χρ. Λοπαρεβ.	397
Περί τῶν Ἀνεκδότων τοῦ Προκοπίου ὑπὸ Μ. Πάντζεγκο (τέλος).	402
Νοτιοσλαβικὴ παράφρασις τῶν παραλιπομένων τοῦ Ζωναρά ὑπὸ Π. Λαβρόφ.	452
Περί τῆς μεταβολῆς τοῦ ἀρχικοῦ σχεδίου τῆς τετάρτης σταυροφορίας ὑπὸ Π. Μητροφάνωφ.	461
Σημειώσεις περὶ τινων ἀρχαιοτήτων τῆς Κ/πόλεως ὑπὸ Γ. Λάσκιν.	524

ΜΕΡΟΣ Β΄.

ΒΙΒΛΙΩΝ ΕΠΙΚΡΙΣΕΙΣ.

B. Ἰστριν. Ἡ Ἀλεξανδριὰς τῶν ῥώσων χρονογράφων. Κρίσις Ἀ. Βεσελόφσκη.	533
Dario Carraroli. La leggenda di Alessandro. Κρίσις Ἀ. Βεσελόφσκη.	533
E. A. Wallis Budge. The life and exploits of Alexander the Great. Κρίσις Ἀ. Βεσελόφσκη.	538
M. Gaster. An old hebrew romance of Alexander. Κρίσις Ἀ. Βεσελόφσκη.	533
H. Christensen. Die Vorlagen des byzantinischen Alexandergedichtes. Κρίσις Ἀ. Βεσελόφσκη.	538
B. Ἰστριν. Μῦθοι περὶ τοῦ Ἰνδικοῦ βασιλείου. Κρίσις Ἀ. Βεσελόφσκη.	538
Ἀ. Ἀ. Δημητριάφσκη. Περιγραφή λειτουργικῶν χειρογράφων εὑρισκομένων ἐν ταῖς βιβλιοθηκαῖς τῆς Ὀρθοδόξου Ἀνατολῆς: τόμ. Α΄. Τυπικά. Κρίσις Ν. Κρασνοσέλτζεφ.	587
Ἀ. Ἀ. Δημητριάφσκη. Τυπικά (addenda et corrigenda). Κρίσις Ν. Κρασνοσέλτζεφ.	587
Θεοδωρήτου ἐπισκόπου πόλεως Κύπρου ἀποκρίσεις ἐκδ. ὑπὸ Ἀ. Π.-Κεραμέως. Κρίσις Ε. Kurtz.	615
B. M. Γοιμπόφσκη. Ὁ λαὸς καὶ ἡ κυβέρνησις ἐπὶ τῆς βυζαντινῆς αὐτοκρατορίας. Κρίσις Ἐ. Γρίμμ.	628
Ἀγγέλου Βλάχου. Λεξικὸν Ἑλληνο-γαλλικόν. Κρίσις Σ. Παπαδημητρίου.	651
Σ. Α. Παπαδημητρίου. Στέφανος Σαχλίκις καὶ τὸ ποίημα αὐτοῦ ἀφήγησις παράξενος. Κρίσις Ἀ. Νικίτσκη.	653
Galust-Ter-Mkrčan. Περί τῶν πηγῶν τοῦ Ἀγαθαγγέλου. Κρίσις Ν. Μάρρ.	667

ΒΙΒΛΙΟΓΡΑΦΙΑ.

Ῥωσία. Περιλήψεις Ἱ. Σοκολώφ	674
Γερμανία. Περιλήψεις Μπ. Μελιοράνσκη.	692
Γαλλία. Περιλήψεις Ἀ. Βασίλειφ.	711
Ἰταλία. Περιλήψεις Ἀ. Βασίλειφ.	722
Ἀγγλία. Περιλήψεις Ἀ. Βασίλειφ.	728
Ἑλλάς καὶ Τουρκία. Περιλήψεις Ἀ. Παπαδοπούλου-Κεραμέως.	726
Σλαβικαὶ χῶραι. Περιλήψεις Π. Λαβρόφ καὶ Π. Σύρκου.	735
Νέα βιβλία σταλέντα πρὸς τὴν διεύθυνσιν	756

ΜΕΡΟΣ Γ΄.

ΜΙΚΡΑΙ ΑΝΑΚΟΙΝΩΣΕΙΣ.

Τὸ ἐν Παρίσιος ἐνδέκατον διεθνὲς συνέδριον τῶν ἀσιανολόγων ὑπὸ Ἀ. Βασίλειφ.	759
Ψηφιδωτὸν εὑρεθὲν νεωστὶ ἐν Παλαιστίνῃ ὑπὸ Ἀ. Βασίλειφ.	763
Προσθήκη εἰς τὴν σ. 320 ὑπὸ Ἱ. Κ.	768
† Δημήτριος Μάτωφ ὑπὸ Π. Σύρκου.	764
† Γερμανὸς Ἀφδονίδης ὑπὸ Ἀ. Π.-Κεραμέως.	767
† Εὐστάθιος Βουλισμάς ὑπὸ Ἀ. Π.-Κεραμέως.	767

Τὰ Βυζαντινὰ Χρονικὰ ἐκδίδονται μερίμνη τῆς ἐν Πετρούπολει
Αὐτοκρατορικῆς τῶν ἐπιστημῶν Ἀκαδημείας, ὑπὸ τὴν διεύθυνσιν τῶν
κκ. Β. Βασιλιέφσκη καὶ Β. Ῥέγκελ.

Κατ' ἔτος ἐκτυποῦνται τέσσαρα τεύχη, ὧν ἕκαστον συνίσταται ἐκ
10 ἢ 12 τυπογραφικῶν φύλλων· τέσσαρα δὲ τεύχη συναποτελοῦσι τόμον
ὀλόκληρον. Ἡ ἑτησία συνδρομὴ ρούβλια 5 διὰ τὴν Ῥωσίαν καὶ φράγκα
16 ἢ μάρκα γερμανικὰ 12½ διὰ τὸ ἐξωτερικόν, συμπεριλαμβανομένης
καὶ τῆς ταχυδρομικῆς δαπάνης.

Αἱ περὶ ἐκδόσεως αἰτήσεις, αἱ ἐπιστολαί, τὰ χειρόγραφα καὶ τὰ
νεωστὶ τυπούμενα βιβλία ἢ περιοδικὰ συγγράμματα πρέπει νὰ διευθύνων
ταὶ πρὸς τὸν Mr. Regel, Vassili-Ostrov, 10 ligne, 15, St. Pétersbourg.

Πράκτωρ διὰ τὰς ἐγγραφὰς συνδρομητῶν καὶ διὰ τὰς ἀποστολάς τῶν
Βυζαντινῶν Χρονικῶν:

**K. L. Ricker: Nevsky 14, St.-Pétersbourg.
Königsstrasse 20, Leipzig.**

Ἐν τῇ Ἀνατολῇ συνδρομηταὶ ἐγγράφονται παρὰ τοῖς ἐξῆς βιβλιοπώλαις·

Κωνσταντινούπολις: Keil, librairie internationale, Péra.

Ἄ. Δεπάστας, βιβλιοπώλης - ἐκδότης, Γαλατᾶς.

Ἀθήναι: Charles Beck, librairie internationale.

Σμύρνη: Δ. Βρετόπουλος, βιβλιοπώλης - ἐκδότης.

Ἀλεξάνδρεια: Γριτζάνης, βιβλιοπώλης.

Τὰ περιεχόμενα βλέπε ἐν τῇ προσθίᾳ σελίδι.

Prix d'abonnement: 5 roubles = 12½ R.-Mark = 16 francs.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Декабрь 1897 г. Непремѣнный секретарь, Академикъ Н. Дубровинъ.

Типографія Императорской Академіи Наукъ (Вас. Остр., 9 лин., № 12).

